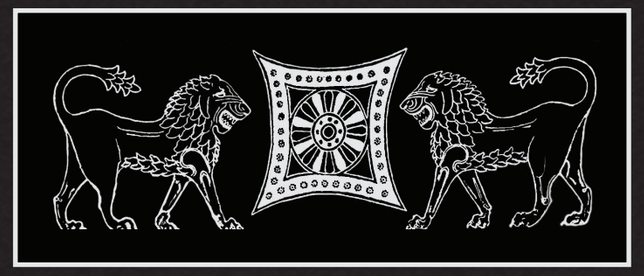

ИСТОРИЯ НАХОВ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ, КАВКАЗА И ЧЕЧНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XV ВЕКА

Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов

Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба,
Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов

ИСТОРИЯ НАХОВ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ, КАВКАЗА И ЧЕЧНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XV ВЕКА

Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба,
Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов

ИСТОРИЯ НАХОВ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ, КАВКАЗА И ЧЕЧНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XV ВЕКА

Москва-2019

УДК 94(3;4; 35; 358;395); 39 (=35)
ББК 63.3 (0)313; 63.521 (=60; 603.1); 63.529(53)
И90

История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни / Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов ; отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Москва : Литера, 2019. – 686 с., карты

В книге представлена загадочная история одного из древнейших этносов мира – нахов (нахаматеанов/нахчематианов, нахчой/нахче), чьи корни ведут к сино-кавказской языковой макросемье, сформировавшейся около 15 тыс. лет назад в Передней Азии и распространившейся от Атлантики до Тибета. Собственно нахский этномассив сложился в центральных районах Передней Азии (Месопотамия, Сирия-Палестина) и Кавказа, примерно в VII/VI–V тыс. до н.э., когда прасеверокавказская языковая семья распалась на три ветви. На сегодня реликтовый нахский язык представлен в мире только у чеченцев, ингушей и тушин-бацбийцев.

Авторы рассмотрели ранние культуры эпохи камня, меди и бронзы Месопотамии и Кавказа, этнополитические и государственные образования родственных нахам народов Передней Азии (Шумер, Митанни, Урарту), изучили массив материалов по проблеме идентификации этнонимов, племенных названий нахов Кавказа в ранних источниках от I тыс. до н.э. и до конца XV в. н.э.

Исследовано раннегосударственное образование кавказских нахов в I тыс. до н.э. («Нахаматия»). Прослежена история нахов-цанар и влиятельного Кахо-Эретского (нахо-цанарского) государства в период раннего средневековья в Закавказье.

По-новому проанализированы данные о скифах, сарматах, гуннах, аланах, хазарах и кипчаках в их взаимосвязях с нахами-горцами Северного Кавказа. Отдельные главы посвящены истории арабских, хазарских, монгольских нашествий и походов завоевателя Тимура на Кавказ и Чечню в VIII–XIV вв. Поставлены вопросы о таких образованиях, как Алания и Симсим (Чечня) в позднем средневековье.

Охарактеризован процесс складывания чеченского этноса как народа на значительном протяжении северных склонов Кавказского хребта до конца XV в.

Книга представит интерес для специалистов и широкого круга читателей. Полезным станет ее использование в качестве учебного пособия в школах и вузах кавказских стран и российского Северного Кавказа.

Издание снабжено тематическими историческими картами.

ISBN 978-5-9906575-5-7

Автор идеи и руководитель проекта
д-р техн. наук, профессор **Джамалдин Сурхоевич Курумов**

Ответственный редактор
д-р ист. наук, профессор, академик АН Чеченской Республики
Явус Зайндиевич Ахмадов

Составитель исторических карт к данному изданию – д-р техн. наук, профессор **Джамалдин Сурхоевич Курумов**

Финансовое обеспечение проекта: Саламбек Наибович Хаджиев; Мавлит Юсупович Бажаев; Джамалдин Сурхоевич Курумов; Хасан Мухадиевич Хаджимурадов; Руслан Сайдумович Магомедхаджиев.

Проект является благотворительным, и в этой связи продажа данной книги запрещена

© Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д.,
Курумов Д.С.,
Хасмагомадов Э.Х., 2019

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора идеи и руководителя проекта 8
Предисловие 11

Глава I. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ – ПРАРОДИНА ЯЗЫКОВ И НАРОДОВ

§1. Физико-географические и природно-климатические условия территории зарождения первых праязыков 24
§2. Антропогенез и складывание сино-кавказской макросемьи языков и прасеверокавказской языковой семьи (миграционные процессы и ареал распространения) 30
§3. Кавказ в послеледниковую эпоху. Прасеверокавказская семья языков и раннее население Передней Азии и Кавказа 51
§4. Мезолит, неолит и энеолит на Ближнем Востоке и Кавказе. Чохская культура Северо-Восточного Кавказа 60

Глава II. ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ НАХОВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И АНТРОПОЛОГИИ

§1. Заселение Кавказа человеком. Складывание прасеверокавказской языковой общности 76
§2. Генетический и лингвистический материалы о становлении автохтонных народов Кавказа и нахов 83
§3. Вопросы антропологии народов Кавказа и нахов 98
§4. Версия антропогенеза в священных книгах и в народных преданиях 103

Глава III. КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАВКАЗА И ЧЕЧНИ (IV тыс. – начало II тыс. до н.э.)

§1. Куро-аракская культура Ближнего Востока и Кавказа. Роль нахских племен 109
§2. Майкопская культура 122
§3. Племена ямной и катакомбной культур Восточной Европы. Продвижение кавказской бронзы на север 132
§4. Древнейшие цивилизации Передней Азии и Средиземноморья прасеверокавказского языкового наследия 139
§5. Эпоха ранней бронзы в Закавказье (Южный Кавказ) 147

Глава IV. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В МЕСОПОТАМИИ И НА КАВКАЗЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ (II – начало I тыс. до н.э.)

§1. Развитие племен исконно кавказского языкового круга Верхней Месопотамии (Митанни и др.) и вопросы их общественно-государственного устройства 152

§2. Миграция предков иранцев, армян и грузин в Месопотамию и на Кавказ 167
§3. Культуры средней бронзы Закавказья (центрально-кавкавказская, колхидская, триалетская, дольменная и др.) 173
§4. Северокавказская, каякентско-харачоевская, зандакская, гатын-калинская земледельческие культуры и формирование оригинального культурного этнотипа населения Чечни 183
§5. Этнополитические процессы в Передней Азии и Закавказье во II–I тыс. до н.э. Государство Урарту, армяне, нахи и курды 194

Глава V. НАХСКИЕ ПЛЕМЕНА В I тыс. до н. э.

§1. Древние общенахские этнонимы 214
§2. Урартско-кавказские параллели 229
§3. Вопросы миграции южнонахских и хуррито-урартских племен на Кавказ. 232

Глава VI. КОБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАХСКИХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА (XIV/XIII вв. до н.э. – III в. н.э.)

§1. Основные археологические аспекты кобанской культуры 241
§2. Вопросы развития нахских племен Центрального Кавказа 252
§3. Антропология нахо-кобанских племен 263

Глава VII. НАХИ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. до н.э.

§1. Предпосылки формирования нахского государственного объединения 268
§2. Взаимоотношения нахского государственного объединения с Мидией и Ахеменидской Персией 295
§3. Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э. 304

Глава VIII. НАХСКИЕ ПЛЕМЕНА КАВКАЗА В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА I тыс. до н.э. – IV в. н.э.

§1. Место нахов на Кавказе. Состав и расселение нахских племен на рубеже тысячелетий 330
§2. Гугарк (Гогарена) – этнополитическое образование нахов Закавказья 337
§3. Нахские этнополитические образования Южного Кавказа в позднеантичный период 344

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАХОВ НА РУБЕЖЕ СТАРОЙ И НОВОЙ ЭРЫ

§1. Нахи Закавказья, Армения и Кавказская Албания 356

§2. Нахи Северного Кавказа и кочевые народы Азово-Каспийского междуморья 364

Глава IX. НАХОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ КАВКАЗА В ИСТОЧНИКАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ (конец IV–VI вв.)

§1. Кавказские темы в позднеантичных источниках 378

§2. «Великое переселение народов». Появление и расселение гуннов и алан на Северном Кавказе 393

§3. Кавказские государства, нахи-кавкасиане и северокавказские гунны в политике Сасанидского Ирана в IV и начале V вв. 398

§4. Распространение христианства в Картли и среди горцев-нахов. Цилканская епархия 405

§5. Военно-политические события на Северном Кавказе и в Закавказье в V в. Нахи-кавкасиане и Вахтанг Горгасал 408

§6. Иран и Византия на Кавказе. Строительство крепостных сооружений в кавказских ущельях в VI в. 418

Глава X. ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ, ХАЗАРИЯ, АЛАНИЯ И АВТОХТОННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

§1. Политические изменения на Северном Кавказе в связи с движением новых волн кочевников. Тюркский каганат и начало Хазарии 427

§2. Нахи и вопросы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в период утверждения господства Хазарии 431

§3. Переписка хазарского царя Иосифа как важный источник сведений о нахских народах северокавказского региона 438

§4. Нахские районы Северного Кавказа и аланы 449

Глава XI. НАХИ-ЦАНАРЫ И ЦАНАРЕТИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ (VII – сер. VIII вв.)

§1. К основным проблемам историографии нахов-цанар 464

§2. Нахский этномассив Закавказья (в современных границах Грузии) в раннем средневековье. Локализация цанаров 470

§3. Цилканское епископство (хорепископство) Закавказья как этап в формировании цанарского государства. Начало арабского нашествия на Кавказ и цанары 480

§4. Место стратегического Дарьяльского пути и цанар в арабо-хазарских войнах 490

§5. Закавказье, Цанаретия и Северный Кавказ в период нашествия и правления Марвана Кру Омейяда (ок.732/3-743/4 гг.) 499

Глава XII. ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ЦАНАРОВ (ОТ ХОРЕПИСКОПСТВА ДО ЦАРСТВА) В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАКАВКАЗЬЯ (сер.VIII – XI вв.)

§1. Кавказ и Цанарское хорепископство в политике Аббасидского (Багдадского) халифата (сер. VIII – до сер. IX вв.) 507

§2. Борьба нахов Закавказья (Кахетинское мтаварство) с очередным нашествием Халифата. Разгром армии полководца Буга Старшего 514

§3. Становление Кахо-Эретского царства цанаров. Квирике III Великий (X–XI вв.) 516

§4. Закат Кахо-Эретского нахского царства 531

Глава XIII. НАХИ КАВКАЗА В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (с конца XI – по начало XIII вв.)

§1. Изменения в состоянии нахского этномассива южных склонов Главного Кавказского хребта 536

§2. Судьбы северокавказских нахов, Алании и Кипчакии в домонгольское время 543

Глава XIV. МОНГОЛЬСКАЯ ЭПОХА И НАХСКИЕ НАРОДЫ КАВКАЗА (XIII-XIV вв.)

§1. Монгольские завоевания на Кавказе в XIII в. Поражение Грузии, Алании и их горских союзников 558

§2. Нахи Северного Кавказа и Симсим (Чечня) в эпоху господства великой державы – Улуса Джучи (Золотая Орда) 572

Глава XV. НАШЕСТВИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЯ ТИМУРА. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАХОВ КАВКАЗА И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЧНИ (конец XIV–XV вв.)

§1. Походы Тимура на Грузию и в горы. Разгром Золотой Орды и карательные удары по народам Северного Кавказа 587

§2. Изменения этнополитической карты Северного Кавказа и Закавказья в XV в. Чечня как крупнейшая нахская область на Кавказе 599

Заключение 618

Библиография 638

От автора идеи и руководителя проекта

Уважаемые читатели!

Когда мы с нашим небольшим авторским коллективом готовили и издавали в начале нового века двухтомную историю чеченского народа (1. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001; 2. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005), на нашей родине продолжался вооруженный конфликт и стоял вопрос о физическом выживании народа. Поэтому книги готовились в сжатые сроки и при этом преследовалась одна цель – дать целостную картину истории одного из самых древних народов на Земле, насчитывающей на Кавказе не менее 10 тыс. лет. И судьба этого народа могла бы быть трагически прервана на изломе XX–XXI веков. К великому счастью, сегодня чеченский народ, преодолев очередной кризисный момент, вышел на верную дорогу и успешно развивается, залечивая раны войны, в составе Российской Федерации – многонационального и поликонфессионального государства.

За прошедшие с того времени 20 лет историческая наука автономных республик Северного Кавказа претерпела значительные изменения. Если раньше, в советское время, поиски горских историков ограничивались только той территорией, на которой находилась их автономия, то сейчас это «табу» снято и появилась возможность изучать историю народов в гораздо более широких масштабах. И это сразу дало свои результаты. Появились новые работы по истории древних предков нахчой/нахче или нахов (по принятой в научном мире терминологии) Передней Азии и Большого Кавказа, которые показали глубокую связь предков нынешних чеченцев, ингушей и бацбийцев со всем древнейшим ареалом обитания кавказских народов, с «кавказской цивилизацией» древности. В первую очередь это такие работы, как:

1. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. I – Т. IV. М., 1997–2004.

2. Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса в 2-х томах. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016; Т. II. По данным археологии. М., 2016.

3. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016 (второе издание: Москва, 2017).

4. История Чечни с древнейших времен до наших дней / Академия наук Чеченской Республики Т. I. Грозный, 2006; Т. II. Грозный, 2008.

Эти книги, сложные и академические, написаны профессиональными историками и лингвистами и рассчитаны, прежде всего, на подготовленных читателей – таких же специалистов.

Вместе с тем, в чеченском обществе существует высокий массовый запрос на извечную тему: «кто мы и откуда мы?». В интернете на различных «форумах» идет активная, а порой даже ожесточенная дискуссия по вопросам происхождения чеченцев. Поэтому возникла объективная необходимость в написании научной монографии, которая будучи исторически объективной: а) содержала в себе все последние достижения исторической науки по данной проблематике; б) была бы доступной для любого, пусть неподготовленного, но любознательного читателя; в) охватывала значительный временной период – с зарождения трех основных языковых систем человечества около 15–12 тыс. лет назад, включая этапы выделения протонахских племен, и исторически долгого процесса складывания чеченского народа – до конца XV века нашей эры. Вот такую «скромную» задачу мы постарались решить в настоящей книге. Насколько это нам удалось – судить Вам, дорогие читатели!

В заключение я, прежде всего, хочу поблагодарить наших авторов: д-ра ист. наук, профессора Явуса Зайндиевича Ахмадова, канд. ист. наук Гурама Джотовича Гумба, канд. ист. наук Эдильбека Хамидовича Хасмагомадова за огромную работу по написанию данной книги.

Я выражаю искреннюю признательность и благодарность моим товарищам – Бажаеву Мавлиту Юсуповичу, Хаджимурадову Хасану Мухадиевичу и Магомедхаджиеву Руслану Сайдумовичу за финансовую поддержку этого проекта. Совершенно особые слова благодарности – недавно ушедшему из жизни д-ру хим. наук, профессору, действительному члену Российской Академии наук Хаджиеву Саламбеку Наибовичу, который сразу же поддержал мой проект и дал свой «наказ»: «Эта книга должна быть написана так, чтобы у нашей молодежи не появилось ложное чувство своей исключительности и надменности, в противном случае мы никогда не выйдем из «порочного круга» войны». Напутственные слова этого человека, который всегда был для меня «маяком» в жизни, сопровождали весь процесс написания данной монографии.

Также хочу выразить глубокую признательность нашим московским коллегам: д-ру ист. наук, профессору, академику Российской Академии наук Тишкову Валерию Александровичу, д-ру филол. наук, профессору, ведущему научному сотруднику Института языкознания РАН Мудраку Олегу Алексеевичу, канд. филол. наук, докторанту Института языкознания РАН Сигаури Илессу Мутусовичу за проявленный интерес к нашей книге и полезные советы. Паскачева Асламбека Боклуевича – д-ра экон. наук, профессора благодарю за оказанную помощь при издании данной книги и особенно за организаторскую роль при переиздании прекрасной монографии Г.Д. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.)», являвшейся одной из основополагающих книг, на которые опирался наш авторский коллектив.

Искренне благодарю своих коллег: д-ра ист. наук, профессора, президента Академии наук Чеченской Республики Гапурова Шахруддина Айдиевича, вице-президентов Академии наук Чеченской Республики – д-ра физ.-мат. наук, профессора Дадашева Райкома Хасимхановича, д-ра физ.-мат. наук, профессора Керимова Ибрагима Ахметовича, канд. ист. наук, профессора Бугаева Абдуллу Махмудовича, д-ра ист. наук, профессора Ибрагимова Мусу Муслиевича, канд. филол. наук, доцента Мунаева Исмаила Булачевича, канд. ист. наук Умарова Джамбулата Вахидовича за постоянный интерес к написанию книги и добрые советы.

Моя отдельная благодарность собирателю чеченских народных сказаний и преданий – Магомаеву Шудди-Хаджи Абуховичу, который поделился с нами своей информацией, полученной от родственников и авторитетных сказителей. Весьма признателен за профессиональное содействие в оформлении тематических карт к книге Бадаеву Салавди Вахажиевичу, научному сотруднику Академии наук Чеченской Республики.

Когда книга была уже практически написана, состоялся первый Международный нахский научный конгресс «Этногенез и этническая история народов Кавказа» (г. Грозный, 11–12 сентября 2018 г.). На открытии этого конгресса Глава Чеченской Республики, Герой России, Рамзан Ахматович Кадыров в своем выступлении отметил главную для меня мысль (с которой я живу не менее 30 лет) – история нужна чеченскому народу для того, чтобы зная ее, не позволять в будущем втягивать себя в бесконечные вооруженные конфликты и использовать нас разным внешним силам в своих интересах.

Хочется надеяться, что данная книга поможет нашему народу и, прежде всего, молодежи с уверенностью встречать новые вызовы времени и строить свое будущее в добрососедстве с другими народами Кавказа, России и всего мира.

С уважением и благодарностью к читателям –
д-р техн. наук, профессор Джамалдин Сурхоевич Курумов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторский коллектив настоящей работы в ходе создания обобщающего труда по проблемам древней и средневековой истории нахских народов Передней Азии, Кавказа и Чечни (горцы которой генетически связаны с народами как Северного, так и Южного Кавказа) руководствовался давно назревшей необходимостью дать широкому читателю систематизированное изложение истории древних корней нахских народов, в первую очередь, крупнейшего из них – чеченского (нахчой/нахче/нохчи).

Следует отметить, что наша коллективная работа строилась на научно-методологической основе, сводящейся, прежде всего, к системности (учет одновременного взаимодействия в историческом процессе огромного количества многообразных факторов), комплексности (использование всей совокупности существующих источников для установления причинно-следственных связей), историзму (изучение многофакторных исторических явлений и событий, протекающих в пространстве и времени с использованием сравнительно исторического метода).

Безусловно, написание такой книги было бы невозможно без огромной источниковой базы знаний по истории Древнего Востока и Кавказа, накопленных учеными разных стран мира за последние 200 лет, по истории Древнего Востока и Кавказа, без расшифровки ныне «мертвых» языков народов Передней Азии, осуществленной трудами не одного поколения археологов и языковедов мира.

Сегодня мы пользуемся также переводами значительного числа античных и раннесредневековых греческих, римских, арабских, персидских, армянских, грузинских, сирийских, византийских и западноевропейских авторов[1].

Идея родства восточнокавказских (включая нахские и дагестанские) и западнокавказских (абхазо-адыгских) языков была заложена еще в начале XX в. русским лингвистом Н.С. Трубецким. Гениальные догадки о языковом единстве в прошлом населения территории Верхней Месопотамии и Кавказа в целом с использованием данных чеченского языка были высказаны К.М. Тумановым. Исследования в этом направлении фактически продолжили академик Н.Я. Марр и выдающийся грузинский ученый Г.А. Меликишвили. Более основательную платформу к гипотезе родства современных нахских и восточнокавказских языков с праязыками человечества и мертвыми хурритскими и

[1] См., к примеру: Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1. Вып. 1–3. СПб., 1890–1900; Т. 2. Вып. 1–2. СПб., 1904–1906; Вестник древней истории. № 1–4, 1947; № 1–4, 1948; № 1–4, 1949; Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов н/Д, 1991; Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках М., 2003; и мн. др.

урартскими языками подвели исследования авторитетных языковедов И.М. Дьяконова и С.А. Старостина. Видный ученый в области нахских языков Ю.Д. Дешериев полагал, что современные нахские языки – есть продолжение хурритo-урартской «традиции». Нахские языки обнаружили также взаимодействие в глубокой древности и с индоевропейским праязыком[2].

Значительна заслуга нашего соотечественника и современника И.М. Сигаури, который от догадок и отдельных значимых положений поистине выдающихся ученых-языковедов XX в. совершил переход к научно выверенной системной концепции, обрисовал серьезную историко-лингвистическую базу зарождения нахских языков и их широких родственных связей. И сделано это с использованием многократно им дополненного словаря прасеверокавказского и пранахского языков[3]. Кропотливая многолетняя работа по выявлению, систематизации и тщательному анализу всех наличных данных по истории нахов Передней Азии и Кавказа, начиная с II тыс. до н.э. по конец IV в. н.э., проделана абхазским ученым Г.Д. Гумба. Его монография дала поистине прорывные открытия, которые стали значительным шагом вперед не только в истории нахов, но и всего Кавказа[4].

В целом тема, поднятая в данной книге, в научном плане представляется весьма актуальной. Так, в резолюции первого в истории исторической науки Международного научного нахского конгресса российских и зарубежных ученых «Этногенез и этническая история народов Кавказа», проведенного силами Академии наук ЧР и Чеченского госуниверситета 11–12 сентября 2018 г. в г. Грозном (Чеченская Республика), были отмечены следующие важнейшие проблемы современного кавказоведения и наховедения:

«Остаются объективно неясными и непонятными многие судьбоносные вопросы исторического прошлого народов Кавказа. На сегодня представляется необходимым исследовать в первую очередь следующие вопросы:

– история происхождения шумеров, хурритов и других народов Передней Азии;

[2] См.: Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья (Из материалов по истории и языкознанию Кавказа). Тифлис, 1913; Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1–5, М.-Л., 1933–37; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; Его же. Урартский язык /Языки народов Азии и Африки М., 1964; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963 (Есть московское переиздание 2006 г.); Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967; Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М.: Наука, 1984. С. 19–38; Дьяконов И.М., Старостин Н.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки //Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 164–207; Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Вып. 1. Грозный, 1999. С. 4–13; Чирикба В.А. Вклад Н.С. Трубецкого в северокавказскую филологию // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Москва, 2018. С. 1–33; и мн. др.

[3] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В II-х томах. Т. 1. По данным лингвистики; Т. 2. По данным археологии. М., 2016.

[4] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н. э.). Сухум, 2016.

– этническая составляющая и языки населения таких переднеазиатских государств древности, как Митания, Урарту, Диаухи (Таохи), Мидия; судьба племен, населявших территорию указанных государств после их распада и гибели;

– роль нахчаматьян (нахов) второй половины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в истории таких государственных образований Кавказа, как Картлия (Иверия), Армения и Албания (Кавказская), а также их взаимодействие с Иранской державой, Византией и Арабским халифатом;

– нет ясной картины с племенами и государственными объединениями Малого Кавказа и по обе стороны Главного Кавказского хребта: алародии, матиены, бунтурки, хоны, соаны, нахчаматьяне, дзурдзуки, гаргары, кавкасиане, цанары (Кахо-Эретинское царство), Гугарк, Гардабани, Симсим;

– проблемой остается вопрос взаимодействия северокавказских оседлых племен с объединениями кочевых племен (скифы, сарматы, гунны, булгары, хазары, аланы, кипчаки, монголы);

– отсутствует ясность с этническим составом Гуннского царства, северокавказской и причерноморской Булгарии (VI–IX вв.) и Алании в X–XIII вв.;

– необходимо полное и всестороннее исследование цанарского государственного образования Закавказья и части Северного Кавказа, проделавшего путь от церковной единицы – «хорепископства» до Кахо-Эретского царства»[5].

Можно отметить, что написание настоящей работы объективно явилось и своеобразным ответом на большой научный и общественный запрос, существующий как в мировой и российской науке, так и в общественно-политическом сознании собственно чеченского народа. Необходимо еще раз резюмировать, что последние археологические, лингвистические, антропологические, этнографические, документальные и иные данные позволяют реально утверждать о наличии в глубокой древности человечества некоего единого этнокультурного и языкового субстрата с ядром на Кавказе и Месопотамии, диффузно широко распространившегося на просторах планеты. На его основе или с его участием на протяжении тысячелетий формировались различные языки, культуры и народы Азии, Африки и Европы.

Временные рамки настоящего исследования также довольно широки: от зарождения первых языковых семей в эпоху позднего камня до исторических стадий бронзы, железа, раннего и позднего средневековья в истории затронутых нами регионов, когда формируется конфигурация обширного нахского этномассива, а дальнейший его этногенез идет либо с растворением целых групп нахов в среде более крупных народов, либо с формированием отдельных нахских народов, например, чеченцев.

Народы Кавказа на протяжении своей истории в разной степени были объективно включены в периферию древневосточных и античных цивилизаций, а затем в сферу взаимодействия иранской, римско-византийской, грузинской, армянской, албанской и исламской государственности. Иными словами, с момента перехода к цивилизации Кавказ выступает в качестве контактной зоны несколь-

[5] Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) // Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный, 2018. С.1053.

ких региональных цивилизаций, а затем и сам в лице той же Армении, Албании, Грузии и этносов «горской цивилизации» оказывает влияние на прилегающие народы и страны. Кавказскую «горскую цивилизацию[6]», может быть, и не столь престижную, безусловно, надо рассматривать не только как объект, но и как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия в регионе.

Как известно, на сегодня общность людей на планете насчитывает не менее 7,6 млрд. человек, количество языков колеблется от 3 до 6 тыс. – в зависимости от критериев – что считать языком или диалектом. В зависимости от методики подходов также определяется и число народов Земли на сегодня – от 2-х до 5-6 тыс. Однако число родственных языковых семей в мире исчисляется в пределах всего 13–20; все они являются ответвлениями 3-х языковых макросемей, сложившихся 15–12 тыс. лет назад в пределах Передней Азии. Напомним, что ученые относят зарождение первого человеческого праязыка (разделившегося позже на три макросемьи) к эпохе около 50 тыс. лет назад.

Крупнейшей языковой семьей мира является индоевропейская (часть древнейшей ностратической макросемьи) – 150 языков и более 2,2 млрд. носителей, затем сино-тибетская (соответственно произошла от сино-кавказской макросемьи), насчитывающая 300 языков и 1,2 млрд. носителей. Для сравнения: собственно чеченцев 2 млн. (их далекие предки относились к прасеверокавказской языковой семье, выделившейся из той же сино-кавказской макросемьи); также на языках, совершенно близких к чеченскому, говорит около 400 тыс. ингушей и несколько тысяч бацбийцев (туш-бацой) горной части Грузии. Но вместе с представителями родственных восточнокавказских и западнокавказских автохтонных народов численность носителей современной северокавказской языковой семьи в мире может составлять около 7–8 млн. человек.

Несмотря на то, что современные языки чеченцев, ингушей и бацбийцев реликтовые и весьма архаичные (в хорошем смысле этого слова), следует учитывать, что наши далекие прямые и опосредованные предки на территории Передней Азии и Кавказа говорили на т.н. «прасеверокавказском» языке (включая и нахский тип), разительно отличавшемся от современного.

Наш творческий процесс по заявленной проблеме начался с создания широкой панорамы далекого прошлого древних народов Передней Азии и Кавказа, которые принадлежали к т.н. нахской (шумеро-хуррито-урарто-нахской) ветви, производной от прасеверокавказской языковой семьи, являющейся, в свою очередь, производной от еще более древней сино-кавказской макросемьи.

В ходе пристального знакомства с источниками и литературой всплыла огромная «нахская Атлантида»: оказалось, что еще задолго до нас было установлено, что на древнейших пранахских языках (начиная, по крайне мере, с 15 тыс. лет

[6] Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. № 6. 1975. С. 40–56; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. № 2. 1978. С. 15–24; Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // Dediediem: Памяти А.П.Пронштейна 1919–1998. Ростов н/Д, 2004. С. 306–328; и др.

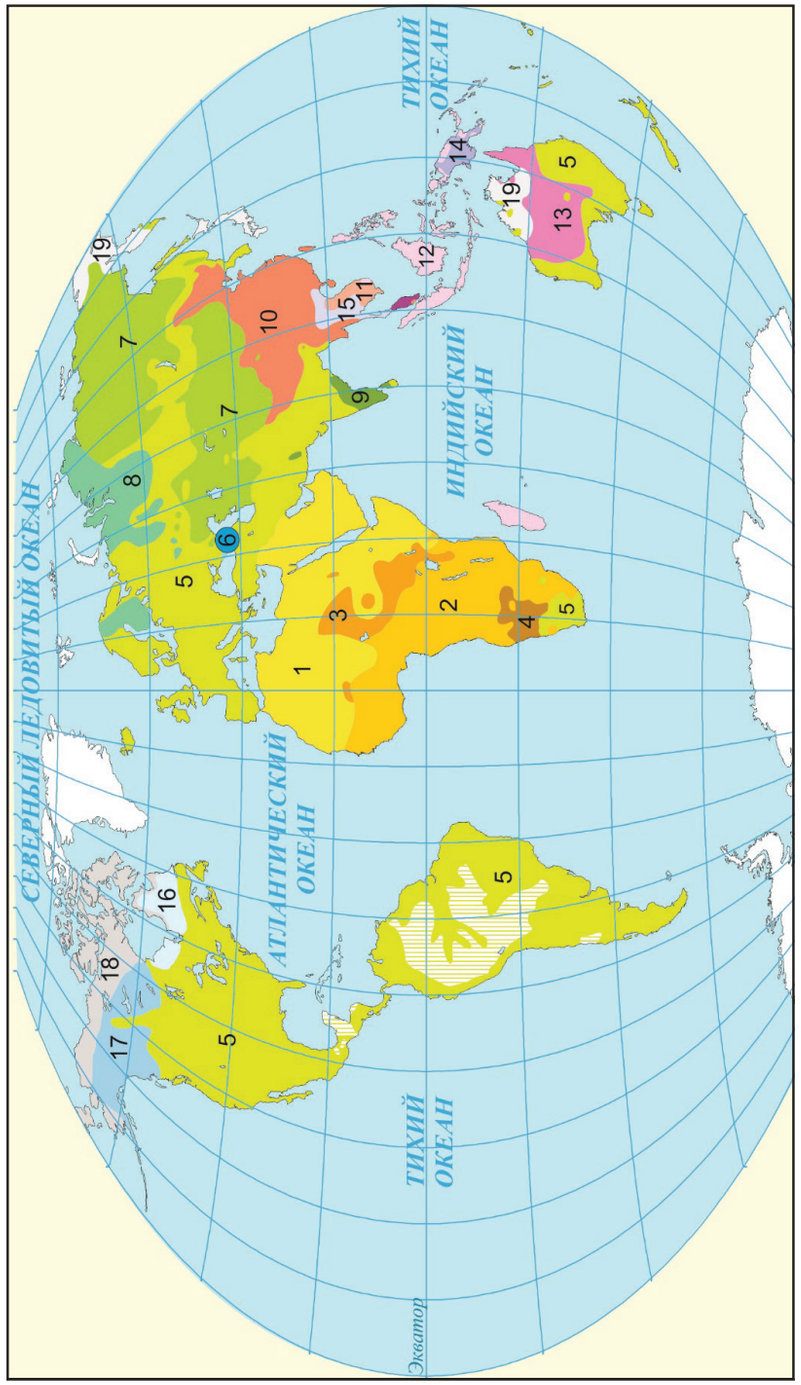

Рис. 1. Распределение современных языковых семей на карте мира

Условные обозначения:

1 – Афроазиатская; 2 – Нигеро-кордофанская; 3 – Нило-сахарская; 4 – Койсанская; 5 – Индо-европейская; 6 – Северокавказские языки; 7 – Алтайская; 8 – Уральская; 9 – Дравидийская; 10 – Сино-тибетская; 11 – Австроазиатская; 12 – Австронезийская;13 – Австралийская; 14 – Папуасы (несколько семей); 15 – Парататайская;16 – Американские индейцы (несколько семей); 17 – На-дене;18 – Эскимоско-алеутская; 19 – Изолированные языки

назад), предшествовавших в той или иной мере и современному чеченскому, говорила на нескольких континентах значительная часть тогдашнего человечества. Была она, правда, на то время на удивление небольшой: около 50 тыс. лет назад, по весьма приблизительным данным, несколько десятков тысяч человек, а 10–7 тыс. лет назад человечество выросло до 2 млн.

Со временем «нахская Атлантида» ушла в толщу тысячелетий и в течение буквально последних десятилетий, благодаря трудам ученых-первопроходцев прошлого и настоящего века – европейским, русским, армянским, грузинским, азербайджанским, абхазским, северокавказским и чеченским – всплывает из небытия.

Исторический расцвет древних нахских племен и их закат в регионе Передней Азии и Кавказа (в остальных районах Земли сино-кавказские и прасеверокавказские языки довольно рано сменились на иные языки, за исключением отдельных анклавов) пришелся на эпоху начала раннего металла (V–IV тыс. до н.э.) и продолжился до начала эпохи железа (рубеж II–I тыс. до н.э.), а затем и средневековья.

Как мы уже отмечали, корни нахоязычных племен и народов Кавказа и Передней Азии ведут к древнейшей языковой макросемье семье человечества – сино-кавказской (ок. 15–12 тыс. лет назад). Она в конечном счете и породила прасеверокавказскую языковую общность (12/10–7 тыс. лет), из которой к VII/VI–V тыс. до н.э. стали выделяться локальные языки, состоявшие примерно из трех ветвей, чьи представители освоили Восточное Средиземноморье (Палестину-Сирию), Месопотамию, Восточную Анатолию (Малая Азия), Западный Иран, Кавказ (Черноморско-Каспийское междуморье) и юг Восточной Европы. Географически средняя языковая ветвь (собственно шумеро-хуррито-урарто-нахская) охватывала на Кавказе Армянское нагорье, центральную часть Закавказья и Северный Кавказ с примыкающими районами Восточной Европы (расположившись между родственными кутийско-дагестанскими (восточнокавказскими) языковыми группами справа и хатто-абхазо-адыгской ветвью, соответственно, слева). Все эти родственные языки Кавказа получили сегодня в науке общее название – северокавказские (пользуются также и термином северокавказская семья языков).

Для обозначения «средней» или центральной ветви, некогда объединявшейся ученым с дагестанскими (восточнокавказскими) языками в единую нахо-дагестанскую группу, и был предложен в науке условный термин «нахские языки» и «нахские племена/народы». Так, в 3-х современных нахских языках (чеченском, ингушском и бацбийском) у тех же бацбийцев имеются в языке такие формы, которых нет в ингушском или чеченском (и наоборот), хотя представители трех языков ближе, к примеру, чем русские, украинцы и белорусы. Более того, бацбийский язык долгое время позиционировался как один из диалектов чеченского языка, и это мнение продержалось вплоть до выхода исследования выдающегося российского языковеда Ю.Д. Дешериева в 1953 г.[7]

Весьма важным в дискурсе рассматриваемой проблемы и понимании особенностей древней и средневековой истории исконно кавказоязычных народов является определение «нах» и производные от него. Согласно И.М. Сигаури, оказалось, что в мертвых и живых нахских языках, начиная с шумерского, термин «нах/

[7] Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М.-Л., 1953.

нак» означает принадлежность к авторитетной, указывающей, руководящей группе населения. Следовательно, это одно из коренных понятий, что надежно связывает шумеро-хуррито-урарто-нахские языки, по крайней мере, с IV–III тыс. до н.э. по сегодняшний день[8].

Возможно, в одном случае «нах» значительно позже стал и топонимом, хотя к нему и неприменимы суффиксы, означающие профессию и иные формы. Речь идет о землях восточной части современной Чечни – это территория, называемая Нахч-мохк (земля/страна нахов/нахчой, где нахчой/нахчуо и нахче/нохчи выступает и как этноним (самоназвание). Согласно историческим материалам в XV/XVI–XVIII/XIX вв., данный этноним – «нахчой/нахче/нохчий» распространяется практически на весь чеченский народ, расселенный на Северном Кавказе от верхнего бассейна рр. Сунжи–Ассы на западе, до бассейна рр. Аксай–Акташ на востоке, от Бокового хребта (ответвление Главного Кавказского хребта) на юге до среднего течения Терека на севере. Именно в этот период и в этих территориальных пределах и формируется чеченская нация, что сопровождалось принятием общего самоназвания.

Отметим, что превращение понятий человек/люди/народ в этнонимическое – давно известное в науке заурядное явление, характерное для целого ряда этносов населенной части планеты[9].

Весьма закономерно, что именно термин «нах/нахчой» лег в основу самоназвания самого крупного нахского народа Кавказа, с многообразным кругом диалектов и говоров, обеспечивающих развитие и богатство общечеченского языка, в то время когда несколько небольших изолированных нахских групп имели к концу средневековья лишь аульно-ущельное языковое однообразие.

Исследователь Х. Бакаев попытался обратить наше внимание на то обстоятельство (на что указывали до него К.М. Туманов, С.Т. Еремян, Г.Д. Гумба, и др.), что этноним «нахче» в форме «Нахчеван/Нахчуван» и названий других городов и провинций в зоне расселения нахо-урартийских племен, существовал на Кавказе и Ближнем Востоке за 1,5–2 тыс. лет до армянской «Ашхарацуйц» VII в. н.э., где приводился данный термин[10]. Но при ближайшем рассмотрении вопроса выясняется, что азербайджанский г. Нахичевань носил в древности название Нахиджеван/Нахджаван (на армянском), Нашава на арабском[11], а топонимы Ближнего

[8] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. 1. По данным лингвистики. С. 224.

[9] Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 5–33

[10] Бакаев Хасан. О древности этнонима Нахче: // [Электронный ресурс]. URL: http://www yandex.ru/clck/jsredir?bu=nzp&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text – (дата обращения 14.10.2018).

[11] См.: «Нахичева́нь (ж.) – центр Нахичеванской АССР; город Нахичева́н-на-Дону́, в настоящее время – часть города Ростова-на-Дону. Арм. поселение на Дону было основано в 1780 г. и получило название по кавк. Нахичеван – др.-арм. Naχčuan, Naχčavan, греч. Ναξουάνα (Птолем. 5, 13, 12), араб. Našavā от арм. собств. Naχič, Naxuč и арм. avan «местечко», др.-перс. āvahana– «местечко, деревня»; см. Хюбшман, IF 16, 346, 380, 455. Сомнительна этимология из чеченск. у Дирра (Namen 207 и сл.) – Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс / М. Р. Фасмер1964–1973 (Электронный словарь); Карагезян Армен. Некоторые вопросы истории Нахчавана и Гохтна // Պատմա-

Востока с корневым «Нах-…» (вплоть до названий целых областей и стран) Нахарина, Нихириани, Наири/Нахриа/Нихани, Нахчери и другие оказались связаны, как правило, с реками и междуречьями (возможно, имеют семитское происхождение)[12].

Этноним «нахчи/нахче» (в армянской «Ашхарацуйца» в форме нахчематеанк/нахаматеанк размещается предположительно в Предкавказье) как имеющий конкретное отношения к Чечне – фиксируется в грузинских источниках начала XIV в.[13], а внешнее название (экзоним) «чечен/чеченцы» («чачан, сасан, цацан, шашан») появляется, вероятно, в арабских и северокавказских языках, не считая русского языка (где наблюдается уже в документах XVII–XVIII вв.). Известно также, что в XIX в. все «подразделения» чеченцев (включая равнинных ингушей) называют себя как «ущельно-аульным» именем, так и общим этнонимом «нахчой/нахче»[14].

Историк Г.Д. Гумба в своей крупной монографии, посвященной истории древних нахов, предложил, опираясь на написание в армянском географическом трактате «Ашхарацуйц» (насчитывающем десятки рукописных вариантов) этнонимов или топонимов «Нахчематеанк/Нахаматеанк», именовать территорию на Кавказе, населенную в I тыс. до н.э. – первые века новой эры представителями нахской языковой группы – «Нахаматией»[15]. Указанный, отнюдь не принципиальный терминологический момент, привлек внимание отдельных исследователей.

Так, профессор А.М. Халидов в своей рецензии, посвященной работе Г.Д. Гумба, написал: «…смею предположить, что основной целью Г. Гумба было именно превращение «нахчи/нахчо» в «нах(и)...». Высказался и молодой лингвист И.М. Булатбиев, утверждая: «…что обнаруженная Гумбой форма ***нахча-матеан*** из некоторых списков «Ашхарацуйца» является ошибкой переписчика, а не параллельной формой этнонима ***нахча-матеан***…»[16].

բանասիրականհանդես, № 3. 2012. pp. 227–242; и др.

[12] См.: Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья… С.26–27; Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 6–7; Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 248, 253; и мн. др.

[13] В начале XIV в. грузинский католикос Евфимий указывал на наличие христианских храмов в Цахуре, Хунзахе (Дагестан) и далее в стране «народа Нахче». См., Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукетии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикети // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 50.

[14] См.: Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца в XVIII века. М., 2001. С. 3–4; Вагапов Арби. Чеченец – значит красивый: [Электронный ресурс]. URL: http://zhaina.com/language/page,6,116-sbornik-statejj-arbi-vagapova.html (дата обращения 14.10.2018); Бакаев Хасан. О древности этнонима Нахче: // [Электронный ресурс]. URL: http://www.yandex.ru/clck/jsredir?bu=nzp&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text – (дата обращения 14.10.2018).

[15] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 11–28, и др.

[16] См.: Халидов А.И. Лингвистическая составляющая монографии Г.Гумба «Нахи: во-

Подобные умозаключения отмел известный чеченский языковед, профессор К.З. Чокаев: «...элемент **ча**, наличествующий в варианте Нахчаматеанк, изначально выступал как **са** – земля, страна (ча< са) и [Г.Д. Гумба] внес новое значение в первоначальный, древнейший вариант Нахаматия... мы не видим причин, чтобы подозревать Г.Д. Гумба в том, что он выдумал термин Нахаматия»[17].

Остается также отметить, что в армянской историко-географической литературе термин «нахаматеан» (вместо «нахчаматеан») был введен в научный оборот задолго до Г.Д. Гумба, в частности, такими известными специалистами по «Ашхарацуйцу», как А. Абраамян и А.Ж. Арутюнян[18].

Определенный итог необъявленной дискуссии подвела продуманная резолюция I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) «Признать, что этноним «нахчи» (с топонообразующими составляющими van и mat), обозначенный в виде этноопределяющей идентификации страны, места и города, зафиксирован в древнейших исторических источниках, начиная с VI в. до н.э., и являлся обобщающим названием современных чеченцев, ингушей и байбийцев. Термолексема «нахи» («нахский») введена в современный научный оборот Николаем Феофановичем Яковлевым в 1929 г. как обобщенное название чеченцев, ингушей и байбийцев.

Исходя из вышесказанного, Конгресс считает возможным, наряду с использованием этнонима «нахчаматьяне», обозначающего древнюю этнокультурную общность, применение современных терминолексем «нахи» и «нахский» как аналогических терминов, имеющих синонимическое значение»[19].

В нашей коллективной работе термин «нах», как и производные понятия: нахи, нахские языки, нахские племена – представляет для авторов научно-терминологическое определение всех носителей центральной языковой нахской группы, которые были расположены от Месопотамии на юге до Предкавказья на севере на протяжении длительного исторического периода.

Следует подчеркнуть, что в ходе изучения истории древних нахов возникают немалые затруднения, к примеру: как терминологически правильно классифицировать языки десятков «царств», «стран», племенных групп и союзов обществ с оседлым населением (которые, в свою очередь, дробятся на еще более мелкие подразделения по ущельям, плоскогорьям, долинам рек и речушек) на сравнительно огромной горно-пересеченной территории будущего государства Урарту

просы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 1 (34), 2017. С. 69. Булатбиев И.М. К вопросу о семантике этнонима «нахчи» // Вестник Академии наук ЧР, № 2, 2018. Грозный. С. 117, 122.

[17] Чокаев К.З. Некоторые вопросы нахской истории в монографии Г.Д. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)». (Рукопись статьи находится в печати).

[18] См.: Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци (на арм. языке). Ереван, 1944. С. 58; Арутюнян А.Ж. Северный Кавказ и сопредельные территории согласно данным древнеармянской географии (или «Ашхарацуйца») // Гуманитарные и юридические исследования. Вып. 2. Ставрополь, 2017. С. 27

[19] Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов… С.1052

в последние века II тыс. до н.э. Ассирийские источники указывают здесь сотни «городов» (по крайней мере, это укрепленные поселения) в 23 «странах», то 40, то 60 «царей» и, видимо, соответственно «царств», захваченных царями Ассирии в ходе грабительских походов от областей верхнего бассейна Тигра и Евфрата до кавказского Причерноморья[20]. Естественно, мы имеем здесь не один язык, а десятки, хотя на лингвистическом уровне они родственные, как мы сегодня говорим – нахо-хуррито-урартские или урарто-нахские. Как мы знаем этот вопрос поднимал однажды И.М. Дьяконов предлагая термин алародийские языки. Надо ли спорить и по поводу того, что «урартский» письменный язык, сложившийся позже в условиях единого государства Урарту (VIII–VI вв.), основывался скорее всего на одном из племенных языков или наречий огромной на то время нахской общности Верхней Месопотамии и Южного Кавказа. Здесь, безусловно, нужны объединенные усилия историков и языковедов. Отметим одну из попыток в указанном направлении (не говоря уже о классических трудах И.М. Сигаури), предпринятую тем же И.М. Булатбиевым[21].

Последние археологические, лингвистические, антропологические, этнографические и иные данные уверенно подтверждают наличие в древности некоего единого этнокультурного и языкового массива родственных (нахских) языков и этносов от областей Передней Азии (в частности Месопотамия, Палестина и Сирия) до склонов (как южных, так и северных) Большого Кавказского хребта и пространства Азово-Каспийского междуморья, включая юг Восточной Европы. На протяжении тысячелетий в указанных частях планеты формировались в дальнейшем самые различные языки, культуры и народы, как пришлые, так и автохтонные, в т.ч. при известном вкладе нахского субстрата. Все это требует дальнейших исследований самым широким фронтом.

Как мы помним, до выхода уже упомянутых исследований И.М. Сигаури и Г.Д. Гумба существовало устойчивое мнение, что научное кавказоведение «заклинило» на одних и тех же текстах источников и авторитетных соображений, и представлялось, что научная мысль относительно древней и раннесредневековой истории горских народов движется по некоему замкнутому кругу. И вот обнаружилось, что мы все в целом еще и не начинали собственно настоящей работы!

Очень возможно, что кавказоведам предстоит теперь стать участниками того явления, что в научном мире Западной Европы XX в. получило название «ревизионизм». Отметим, что лично для нас ревизионист в науке – это исследователь, который пытается по-новому осмыслить проблемы на основе более глубокого прочтения исторических документов и свидетельств, подвергая при этом ревизии (пересмотру) устоявшиеся или господствующие взгляды. И это не самоцель, а назревшая научная необходимость.

[20] См.: Арутюнян. Бийанили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 14–44.

[21] См.: Дьяконов И.М. Алародии (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии: этногенетические исследования. Сб. статей. Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. С. 5-19; Булатбиев И.М. Урарто-нахский словарь. Нальчик, 2017.

Наиболее читаемая литература по истории тех же народов Кавказа в древности и средневековье переполнена на сегодня нарративами-описаниями. Опасный во всех отношениях крен идет не только в национально-фантазийных «историях-хотелках» маленьких народов, располагавших до недавнего времени парой богом и людьми забытых ущелий с 3–4 периодически вымирающими аулами, но и порой в академических трудах представителей крупных, выдающихся народов, действительно занимавших немалое место в истории целых регионов и даже внесших определенный вклад в мировую культуру[22].

Вместе с позитивным изложением исторических проблем авторы пытались выявить лакуны, показывая в качестве примера и неверное прочтение источников, что порой приводило к искаженному освещению целых этапов истории ряда народов Кавказа, включая тех же чеченцев. Авторы представляют читателям в данной книге и несколько десятков тематических карт, иллюстрирующих содержание книги.

Безусловно, и настоящая книга, где мы пытаемся с научной точки зрения доступно рассказать об истории древнейшего народа земли от зарождения человеческого языка до формирования нахского этномассива, а позже и собственно чеченского народа, не может являться истиной в последней инстанции. Не пройдет много лет, как и приведенные нами положения также могут быть пересмотрены или значительно углублены. В этом и заключается диалектика познания.

Для полновесного решения всех поднятых в нашей книге проблем нужна, конечно, организованная работа комплексной группы из специалистов разных исторических и смежных дисциплин (например, археологов, лингвистов, этнологов, и т.п.), финансируемая государством. Естественно, как представляется авторам, пора приложить усилия, чтобы в современной истории сложилось и устоялось новое научное направление – наховедение.

Данной книгой, написанной для широкого круга читателей, мы рассчитываем также привлечь внимание молодых историков и других специалистов к неисчерпанному информативному потенциалу ранних источников по Кавказу и конкретно по нахским народам и Чечне. В этом плане в современной историографии в данных вопросах рано поставлена точка, в то время как более уместно многоточие…

* * *

Древнейший период истории нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни (гл. I–IV и «Дополнительные материалы по истории нахов на рубеже старой и новой эры») в настоящей работе обзорно освещен Э.Х. Хасмагомадовым и Д.С. Курумовым (с привлечением положений трудов И.М. Сигаури), раздел истории нахов конца II – I тыс. до н.э. (главы V–VIII) подготовил Г.Д. Гумба (главы даются в авторской редакции); главы IX–XV, посвященные этнополитической истории средневековых нахов Кавказа и Чечни в IV–XV вв., написаны Я.З. Ахмадовым (ему же принадлежит авторство «Предисловия» и «Заключения», в которых консолидированы мнения и суждения всех составителей книги).

[22] См.: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Его же: Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004, № 5 (37); Его же: Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006; Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Ред Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М., 2009; и мн. др.

«Библиография» составлена Э.Х. Хасмагомадовым.

Просим заинтересованных читателей направлять свои суждения, наблюдения и замечания по электронной почте: **done13@mail.ru** для использования в дальнейшей работе.

Глава I.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ – ПРАРОДИНА ЯЗЫКОВ И НАРОДОВ

§1. Физико-географические и природно-климатические условия территории зарождения первых праязыков

Географические границы Передней (Западной) Азии, если рассматривать детально, охватывают три полуострова – Малую Азию, Аравийский и Синайский, а также примыкающие к ним территории Кавказа (Закавказье), Анатолийского, Армянского и Иранского нагорий, Месопотамской низменности и Азиатского Средиземноморья. Общая площадь Передней Азии с Закавказьем составляет около 7,5 млн. кв. км. В настоящее время на этой обширной территории расположены следующие государства: Грузия, Азербайджан, Армения, малоазиатская часть Турции, Ирак, Иран, Иордания, Палестина, Израиль, Ливан, Сирия, Кипр, Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Йемен, азиатская часть Египта (Синайский полуостров)[1]. Есть и другие варианты, расширительно или, наоборот, уменьшительно характеризующие указанную часть земной суши.

Довольно часто Аравийский полуостров и Месопотамия объединяются под названием Юго-Западная Азия как природный регион Евразийского континента, омываемый Красным и Аравийским морями, принадлежащими к Индийскому океану.

Самое широкое распространение получил также географический термин Ближний Восток, который может употребляться в двух значениях: т.н. «Большой» Ближний Восток – традиционно охватывает Переднюю Азию и Северную Африку и, «Малый» Ближний Восток – включает территории между Турцией и Аравийским полуостровом, а также северо-западную часть Африки (Египет).

Следует также отметить, что всё пространство к востоку от Месопотамии – Иран, Афганистан, Пакистан зачастую именуют Средним Востоком.

Природно-климатические условия и особенности. Переднеазиатский регион и Кавказ с глубокой древности характеризовались значительным разнообразием природных условий, что связано не только с географическим положением в различных природно-климатических зонах, но и сложным рельефом местности.

Современный ландшафт и климатические особенности Передней Азии сформировались (по геологическим меркам) сравнительно недавно. Переживаемый ныне этап истории Земли, согласно геологической классификации, носит название четвертичного периода или антропоген. По разным оценкам начало четвер-

[1] Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. VI (1). М., 2009. С. 409.

Рис. 2. Ареал Передней Азии (современная карта)

тичного периода колеблется в пределах от 1,3 до 3,5 млн. лет назад. В настоящее время широко принятая датировка начала четвертичного периода – 2,588 млн. лет назад[2].

Четвертичный период в свою очередь делится на два этапа: плейстоцен и голоцен. Согласно различным оценкам, завершение плейстоцена и начало голоцена датируется в диапазоне XII/XI–VIII/VII тыс. лет до н.э. Плейстоцен характеризуется как эпоха великих оледенений, а его завершение в исторической периодизации близко к окончанию верхнего (позднего) палеолита (древнекаменного века), обычно датируемого в пределах 45/40–12/10 тыс. лет назад.

Пик последнего оледенения в истории Земли имел место примерно 19/16 тыс. лет назад, когда континентальные ледники покрыли значительную часть Евразии и Северной Америки. Одновременно увеличились в размерах и горные ледники. Например, на Кавказе в это время предельная линия распространения постоянного снежного покрова была на 800–850 м (местами – на 600 м) ниже, чем сегодня. Временами площадь оледенения на северных склонах Кавказа достигала в отдельных районах предгорий, но все же не выходила далеко на прилегающие равнины[3].

В период распространения человеческой популяции климат в Передней Азии в целом был более прохладным, чем сегодня, вместо пустынь простирались степи, а животный и растительный мир отличались большим разнообразием и богатством.

В эпоху мезолита (средний каменный век – в разных регионах мира датируется в пределах IX/VIII–V/IV тыс. лет до н.э.) произошло значительное потепление климата, вследствие таяния континентальных ледников. Климат в северном полушарии стал более влажным, а сухие северные ветры, дувшие во время ледникового периода из степей Евразии, перестали быть господствующими[4]. В период неолита (новый каменный век IX/VIII–V/IV тыс. лет до н.э.) характеристики климата Передней Азии от Аравийского моря до Кавказа приблизились к современным.

В целом природно-климатические условия Передней Азии характеризуются близким расположением различных природных ландшафтов. Например, достаточно увлажненные горы Загроса (Иран) соседствуют с засушливыми равнинами Месопотамии; области с субтропическим климатом на юге Аравийского полуострова лежат буквально на границе одной из самых засушливых пустынь мира Руб-эль-Хали; многочисленные горные хребты со снежными вершинами в центре и на севере региона, испытывающие серьезные сезонные колебания температуры, перемежаются глубокими межгорными долинами с относительно мягким климатом.

Природно-климатические, а также ландшафтные условия Передней Азии и Кавказа оказали существенное влияние на ее заселение людьми, начиная с палеолита – древнего каменного века (делится по разным данным на ранний – 3

---

[2] Яншин А. XIV конгресс Международного союза по изучению четвертичного периода // Вестник Российской Академии наук. 1996. Т. 66. № 2. С. 175–182.

[3] См.: Берни Ч., Лэнг Д.М. Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Пер. с англ. М., 2017. С. 10; Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998. С. 12.

[4] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 10.

млн. – 800/200 тыс. лет назад, средний – 200–50/45 тыс. лет назад, поздний – 50/45 – 12/10 тыс. лет назад). Например, пустыни долгое время оставались незаселенными и служили непреодолимым препятствием для миграции первобытных людей вплоть до времени одомашнивания верблюдов. На направление древних миграций серьезное влияние оказывали также горные хребты и водоразделы. Например, вершины Главного Кавказского хребта определяли направление сухопутных магистралей не только между Северным Кавказом и Закавказьем, но также между Восточной Европой и Передней Азией в целом.

Южнее Кавказа лежали большей своей частью Армянское и смыкающиеся с ним на западе и востоке Анатолийское и Иранское нагорья, где многие горные хребты вытянулись в широтном направлении. К востоку от Северного Евфрата (Карасу) общая высота горных хребтов увеличивается с запада на восток, а сами хребты сближаются, так что передвижение в направлении запад – восток и обратно было намного легче, чем с севера на юг. Есть только два естественных маршрута через Восточную Анатолию, но с другой стороны – из Закавказья относительно легко можно добраться до бассейна озера Урмия[5], позже одного из районов формирования нахских языков древности.

Что касается рек, то, по наблюдениям археологов, долгое время основные миграции древних охотников и собирателей происходили именно вдоль рек и по водораздельным возвышениям.

Ученые давно отмечают связь между разнообразием естественно-географических и климатических особенностей Передней Азии и ее позднейшим этнолингвистическим разнообразием. С одной стороны, непреодолимые пустыни и горные хребты зачастую выступали в роли естественных этнических и политических границ, а наличие (или отсутствие) естественных путей сообщения существенно влияло на направление миграционных потоков, позднее и на процессы политической и этнической консолидации. Так, в горах, особенно на Кавказе, хорошо прослеживается вертикальная и ущельная зональность распространения двуязычия и многоязычия[6], а на равнине в долинах больших рек куда быстрее протекали процессы этногенеза и политогенеза.

Начиная с глубокой древности природно-климатические условия Передней Азии существенно влияли на плотность заселения ее отдельных регионов. Например, в эпоху палеолита и мезолита география расселения древних собирателей и охотников определялась наличием в достаточном количестве животных, которые могли служить объектом охоты, а также наличием дикорастущих растений, пригодных для употребления в пищу. С зарождением в эпоху неолита производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, география расселения определялась, в первую очередь, наличием территорий, пригодных для высева зерна и содержания домашнего скота. А с появлением и развитием систем ирригации доступными для проживания стали ранее малообитаемые местности – как заболоченные, так и с засушливым климатом.

[5] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 16-17.

[6] Лавров Л.И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Т. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989. С. 5, 6.

Еще раз о Кавказе. Географически регион Кавказа, заключенный между Черным и Каспийским морями, представляется продолжением Передней Азии, но этот перешеек между морями, протяженностью с запада на восток по Главному Кавказскому хребту почти 1000 км, являлся также своеобразным мостом между двумя частями света – Европой и Азией.

С севера Кавказский перешеек плавно переходит в степи Восточной Европы, соединяющиеся с лесистой Восточно-Европейской равниной, а с юга Закавказье смыкается с Ближним Востоком (в частности, с Малой Азией и Верхней Месопотамией) и Ираном через горную систему Малого Кавказа (с ответвлением хребта Карадаг в Иране) и Армянское нагорье (соседствующее, в свою очередь, с Анатолийским и Иранским нагорьями).

Как известно, кавказский регион делится Главным Кавказским хребтом на две крупные составляющие – Закавказье и Северный Кавказ. Северокавказский регион, занимающий большое место в нашем исследовании, включает пространство с севера от Кумо-Манычской впадины до вершин Главного Кавказского хребта на юге, от побережья Черного и Азовского морей на западе до бассейна Каспийского моря на востоке.

В природном и историческом плане северокавказский регион с древности делился на причерноморско-азовское побережье (со средней и нижней Кубанью) до устья Дона на севере, западно-каспийское (дагестанское) побережье от Дербента на юге до Кизлярского залива на севере и расположенную между ними центрально-северокавказскую область. Южная часть Северного Кавказа включает северные склоны Большого Кавказского хребта (или его ответвлений, к примеру, Боковой хребет), предгорные равнины (например, Прикубанская, Кабардинская, Осетинская/Владикавказская, Чеченская, Качкалыковская, Кумыкская, и др.), севернее бассейнов рек Терека и Кубани расположены Ставропольская возвышенность, Кубано-Приазовская и Прикаспийская низменности с районами (напр. Терско-Кумская низменность, Ногайская степь и др.)[7]

Существующее на сегодня географическое деление региона включает три крупных кластера: Северо-Западный Кавказ (от Чёрного моря [Тамань-Анапа] до подножия Эльбруса), Центральный Кавказ (от Эльбруса [включительно] до Казбека) и Северо-Восточный Кавказ (от Казбека [верхнего течения Терека] до Каспийского моря) с прилегающими плоскостными районами.

В последние десятилетия все чаще используется и термин Предкавказье (вариант «степное Предкавказье»). Одни подразумевают под ним пространство между подошвой гор северного склона Кавказского хребта и Кумо-Манычской впадиной, добавляя иногда и низовья Дона. Другие (в т.ч. и авторы настоящего издания) выделяют степное Предкавказье как территорию, расположенную примерно между равнинным течением Кубани и Терека на юге и Кумо-Манычской впадиной (включая и Ставропольскую возвышенность) на севере.

В настоящее время на Северном Кавказе расположены следующие субъекты Российской Федерации: Краснодарский край, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Ка-

[7] Перевалов С.М. Древние первопроходцы Северного Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 6. Ч. 1. Владикавказ, 2006. С. 2–3; и др.

бардино-Балкария, Ставропольский край, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня и Дагестан[8].

Природно-климатические особенности Северного Кавказа определяются его расположением в зоне климата умеренных широт с возрастанием континентальности от запада к востоку, с относительно короткой зимой, теплым летом и возрастающей влажностью от района степей к вершинам Главного Кавказского хребта, за которым начинается зона субтропического климата.

§2. Антропогенез и складывание сино-кавказской макросемьи языков и прасеверокавказской языковой семьи (миграционные процессы и ареал распространения)

Вопросы антропогенеза на территории Восточной Африки и Передней Азии. С точки зрения любой религии – начиная от самых примитивных религиозных представлений древности до современных монотеистических мировых религий – человек, безусловно, является божественным творением.

Научная точка зрения, впервые развернуто сформулированная в середине XIX в. великим английским ученым Ч. Дарвиным, связывала появление человека с эволюцией человекообразных обезьян. С момента открытия в 1924 г. останков т.н. австралопитека (буквально «южная обезьяна») в научных кругах господствовало представление о том, что истоки современного человечества лежат в Африке.

Со временем выяснилось, что в одной только Африке сосуществовало несколько подвидов австралопитека, и одновременно множились сомнения в том, что именно этот вид положил начало антропогенезу. Тем не менее, наиболее рьяные сторонники теории Ч. Дарвина поспешили объединить людей и больших человекообразных обезьян в одно семейство – гоминиды (Hominidae). Но сегодня большинство антропологов к гоминидам относят только людей и их некоторых вымерших предков боковых линий, самым ранним из которых в настоящее время считается ардипитек (Ardipithecus ramidus), живший примерно 4,4 млн. лет назад. Предполагается, что некоторые особенности строения скелета ардипитека свидетельствует о невысоком уровне агрессии, слабой межсамцовой конкуренции в стае, что через миллионы лет вылилось в способность современного человека согласовывать свои действия с другими членами группы, жить исключительно в социуме и обучаться в процессе трудовой деятельности[9].

Первым гоминидам (но не человекообразным обезьянам) приписывается умение создавать орудия труда путем примитивной обработки речной гальки, что легло в основу археологической периодизации древнего каменного века (палеолита) в истории человечества. Наиболее ранние каменные орудия, известные

[8] Ямсков А.Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 66–76.

[9] См.: Данилова В.Ю. История первобытного общества: учебное пособие. Владимир, 2014. С. 14; Ардипитекрамидус: [Электронный ресурс] URL:http: antropogenez.ru/zveno-single/57 (дата обращения 14.10.2018).

ученым на сегодня, имеют возраст 2,7–3 млн. лет, и это, видимо, не предел. Соответственно, начальный этап истории человечества или его предполагаемых предков носит название нижний, или ранний палеолит. Возможно, что уже в это время Передняя Азия включается в территорию, где происходило формирование непосредственных предков человека.

Уже продолжительное время ученые спорят о том, покидали ли те же австралопитеки территорию Африки. С одной стороны, их останки до сих не обнаружены за пределами Черного континента. Но с другой стороны, возраст древнейших каменных орудий, обнаруженных на территории Палестины в районе поселения Еврон, составляет 1,5–2,4 млн. лет, палеолитическая стоянка Дманиси на Кавказе датируется 1,7–1,9 млн. лет, стоянки в границах современной Якутии определены в пределах 1,8–3,2 млн. лет, а находки из местечка Сан-Вале (Франция) в Европе насчитывают 2,–2,5 млн. лет[10].

Эти артефакты ставят под сомнение традиционное научное положение о том, что древние предки людей впервые покинули Африку не ранее 1,8 млн. лет назад.

Архантропы/эректусы (прямоходящие). Питекантропы и неандертальцы. В качестве следующих звеньев на пути к «Человеку разумному» ученые рассматривают питекантропов (Homo erectus) и неандертальцев (Homo neanderthalensis). При этом, однако, так и не удалось убедительно связать происхождение питекантропа с австралопитеками, а неандертальца с питекантропом. В частности, предположение, что предком питекантропа мог быть один из подвидов австралопитеков, а именно Homo habilis – «Человек умелый» – не получило всеобщего признания. Тем более, что каждый из перечисленных видов древних людей (т.н. архантропы) включал в себя несколько подвидов. Например, в настоящее время ранних архантропов достаточно условно делят на три группы: 1) ранняя африканская (Homo ergaster – «Человек работающий»); 2) более поздняя афро-азиатская (классический Homo erectus – «Человек прямоходящий» или «Человек выпрямленный»); 3) сравнительно поздняя афро-европейская (Homo heidelbergensis – «Человек гейдельбергский»). При этом некоторое количество находок не вписывается в это условное деление, сами группы, в свою очередь, достаточно обширны географически и хронологически, а их более дробное деление является очень спорным[11].

Предполагается, что все три основных вида ранних архантропов сформировались в Африке и лишь затем мигрировали за ее пределы примерно 2–1,8 млн. лет назад. Альтернативная точка зрения исходит из того, что одна или несколько волн мигрантов уже за пределами Африки эволюционировали со временем в новые виды, известные как Homo erectus (питекантроп) и Homo neanderthalensis (неандерталец). Homo erectus обосновались на востоке Азии вплоть до Китая. Неандертальцы же заняли Европу и время от времени пытались освоить Ближний Восток[12].

[10] См.: Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. М.-Минск, 1999. С. 21; История Европы: В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 50.

[11] Зубов А.А. Архантропы // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 2. М., 2005. С. 310; Архантропы: [Электронный ресурс]. URL: http://www.antropogenez.ru/zveno-single/60 (дата обращения 14.10.2018).

[12] Уэйд Н. На заре человечества: Неизвестная история наших предков / Пер. с англ.

В целом происхождение неандертальского человека остается неясным, хотя большинство исследователей склоняется к тому, что его предком мог быть один из подвидов питекантропов – Homo heidelbergensis «Человек гейдельбергский». Во всяком случае, неандертальцев принято относить не к архантропам, а палеоантропам – более позднему виду людей. Иногда к палеоантропам относят и «гейдельбергского человека».

Отмечается также существование нескольких подвидов неандертальцев, например, европейский, африканский, переднеазиатский и так называемая группа Схул (Палестина)[13].

Кавказские стоянки древнейших архантропов. Долгое время господствовавшее в научной среде представление о сравнительно позднем (не ранее 500 тыс. лет назад) заселении Кавказа, а также о том, что в эпоху оледенений Кавказ становился непроходимым для миграций древних людей, в настоящее время решительно пересматривается благодаря целому ряду открытий, сделанных в последние десятилетия.

Еще в советское время на Кавказе были выявлены отдельные стоянки и местонахождения архаичных каменных изделий – Архызская/Азыхская пещера в Нагорном Карабахе, пещеры Кударо I, Кударо III и Цона в Южной Осетии, местонахождение Сатани-Дар (Армения), позволяющие предположить появление здесь древних людей в раннеашельский период (ашельская культура раннего палеолита в настоящее время датируется 800–300 тыс. лет назад). При этом обнаруженные в Архызской/Азыхской пещере гальки со следами искусственной оббивки напоминали архаичные олдувайские орудия (олдувайская культура – наиболее примитивная культура обработки камня Восточной Африки датируется примерно 2,7–1 млн. лет назад). Тогда же был сделан вывод, что заселение каспийско-черноморских степей в эпоху раннего палеолита шло через Кавказ[14].

Находки у с. Герасимовка в Приазовье и у ст. Саратовской на Псекупсе (Прикубанье) позволили прийти к выводу, что заселение собственно Северного Кавказа гоминидами произошло не позднее 800 тыс. лет назад[15].

Буквально в последние годы на Северном Кавказе был открыт еще ряд местонахождений раннего палеолита, например, Чумусиница, Усиша, Дарвагчай, Айникаб и другие на территории Дагестана. Некоторые из вновь открытых северокавказских памятников имеют исключительную древность. Например, материалы палеолитической стоянки близ хутора Жуковский в Ставропольском крае имеют возраст не менее 1 млн. лет. Одной из древнейших на Кавказе считается и индустрия обработки камня, которая, возможно, предшествовала появлению

М., 2006. С. 15.

[13] Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978. С. 86.

[14] См.: Палеолит СССР. Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. Т. 5. М., 1984. С. 27, 43, 54; Энеолит СССР: Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. Т. 3. М., 1982. С. 94.

[15] Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 34.

здесь классических ашельских индустрий[16], т.е. может быть отнесена к олдувайской культуре.

Пересматривается в сторону удревнения и датировка некоторых открытых ранее палеолитических стоянок. Например, для стоянки Богатыри/Синяя балка (Таманский полуостров) предложены датировки 1,2–0,8, 1,–1,2 и 1,6 млн. лет назад. Соответственно, заселение Приазовья и Западного Предкавказья произошло примерно 1,6–1,4 млн. лет назад[17].

Не исключено, что более тщательное археологическое исследование Северного Кавказа позволит существенно удревнить и эту дату.

Древнейшая на сегодня палеолитическая стоянка на Кавказе – Дманиси, как указывалось выше, имеет возраст 1,9–1,7 млн. лет. При этом его галечная индустрия обнаруживает сходство с индустриями Восточной Африки, датируемыми периодом 2,55–1,8 млн. лет, а подобный Дманиси комплекс Ирон на Ближнем Востоке имеет возраст около 2,4 млн. лет. Все это позволяет говорить о том, что заселение Кавказа произошло представителями первой волны древнейших архантропов, вышедших из Африки[18].

Вместе с тем, на территории Армении в последние годы на местонахождениях Мурадово и Куртан выявлены новые пласты архаичных культур, предшествующих ашелю. Не исключается их отдаленное генетическое родство с индустрией Дмании[19].

Предполагается также, что стоянки Дманиси, Амиранис-гора (Грузия) и Богатыри отражают хронологически разрозненные эпизоды миграций ранних архантропов на Кавказ[20].

[16] См.: Любин В.П., Беляева Е.В. Работы Центральнокавказской палеолитической экспедиции // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 274–275; Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Востока Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 97; Деревянко А.П., Зенин В.Н. Местонахождение Дарвагчай I в Дагестане // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 82.

[17] См.: Любин В.П., Беляева Е.В. Кавказ в ранней предыстории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 73; Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С. и др. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 15, 17, 20; Саблин М.В. Наиболее вероятный возраст стоянки Богатыри // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 63.

[18] См.: Любин В.П., Беляева Е.В. Кавказ в ранней предыстории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 72; Ниорадзе М., Ниорадзе Г. Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 89.

[19] Любин В.П., Беляева Е.В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 115.

[20] Любин В.П., Беляева Е.В. Кавказ в ранней предыстории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 73.

Появление людей современного облика (неоантропов) в настоящее время датируется в пределах 300–200 тыс. лет (тогда как ранее эта дата колебалась в пределах 50–40 тыс. лет назад), причем наиболее древние местонахождения выявлены в Африке и на Ближнем Востоке. Примерно 50–40 тыс. лет назад люди современного облика были уже широко расселены по Африке, Европе, Азии и Австралии – заселение Америки произошло позднее[21].

Первых неоантропов принято называть кроманьонцами, хотя в строго научном смысле это лишь одна из внутривидовых форм Homo sapiens sapiens («Человек разумный разумный»), к тому же распадающаяся на отдельные локальные формы или подвиды.

В этот период отмечено также наличие останков неоантропов, сочетающих архаичные и сапиентные черты, причем в некоторых случаях (например, Схул в Палестине) антропологи посчитали это результатом смешения с неандертальцами. Позднее генетические исследования показали, что неафриканские популяции современных людей имеют всего 1–4% неандертальских генов[22].

Последнее обстоятельство легло в основу утверждения, что «Человек разумный» появился первоначально в Африке и лишь затем начал широко расселяться за ее пределами, возможно, кое-где смешиваясь с неандертальцами. Но, как показывают археологические материалы, появление людей современного физического облика первоначально никак не отразилось на их образе жизни и не привело к серьезным изменениям в материальной культуре (т.н. мустьерская), которая остается единой как для неандертальцев, так и кроманьонцев.

До недавнего времени эволюцию от гоминид к неоантропам, которая ранее всего дала результаты именно в Передней Азии, пытались объяснить влиянием самых различных факторов, в первую очередь природно-климатических. Отдельно следует упомянуть марксистскую теорию, согласно которой эволюция древних людей происходила вследствие постепенного усложнения трудовой деятельности – достаточно вспомнить широко популяризируемое в Советском Союзе изречение «Труд создал человека».

К настоящему времени получила известность теория, связывающая эволюцию древних людей с революционными генетическими изменениями (мутации, в т.ч. и под воздействием природного радиоактивного излучения), первое из которых привело к появлению примерно 4,4 млн. лет назад такого важного свойства, как прямохождение. Около 2,5 млн. лет назад совокупность генетических изменений способствовала появлению Homo habilis («Человек умелый») с большим мозгом и умением изготовлять орудия. Третье крупное генетическое преображение 1,7 млн. лет назад сформировало из «Человека работающего» более совершенного «Человека прямоходящего» и обусловило переход от стадных иерархий полов к партнерству в парах и даже моногамии. Наконец, четвертая генетическая рево-

[21] Данилова Указ. соч. С. 17; Неоантропы (время верхнего палеолита). Возникновение Homo sapiens sapiens: [Электронный ресурс]. URL: http://antropogenez.ru/zveno-single/67.

[22] Низовский А.Ю. Загадки антропологии. М.: Вече, 2004. С. 33; Куда исчезли неандертальцы? [Электронный ресурс]. URL: http://www antropogenez.ru/zveno-single/65 (дата обращения 14.10.2018).

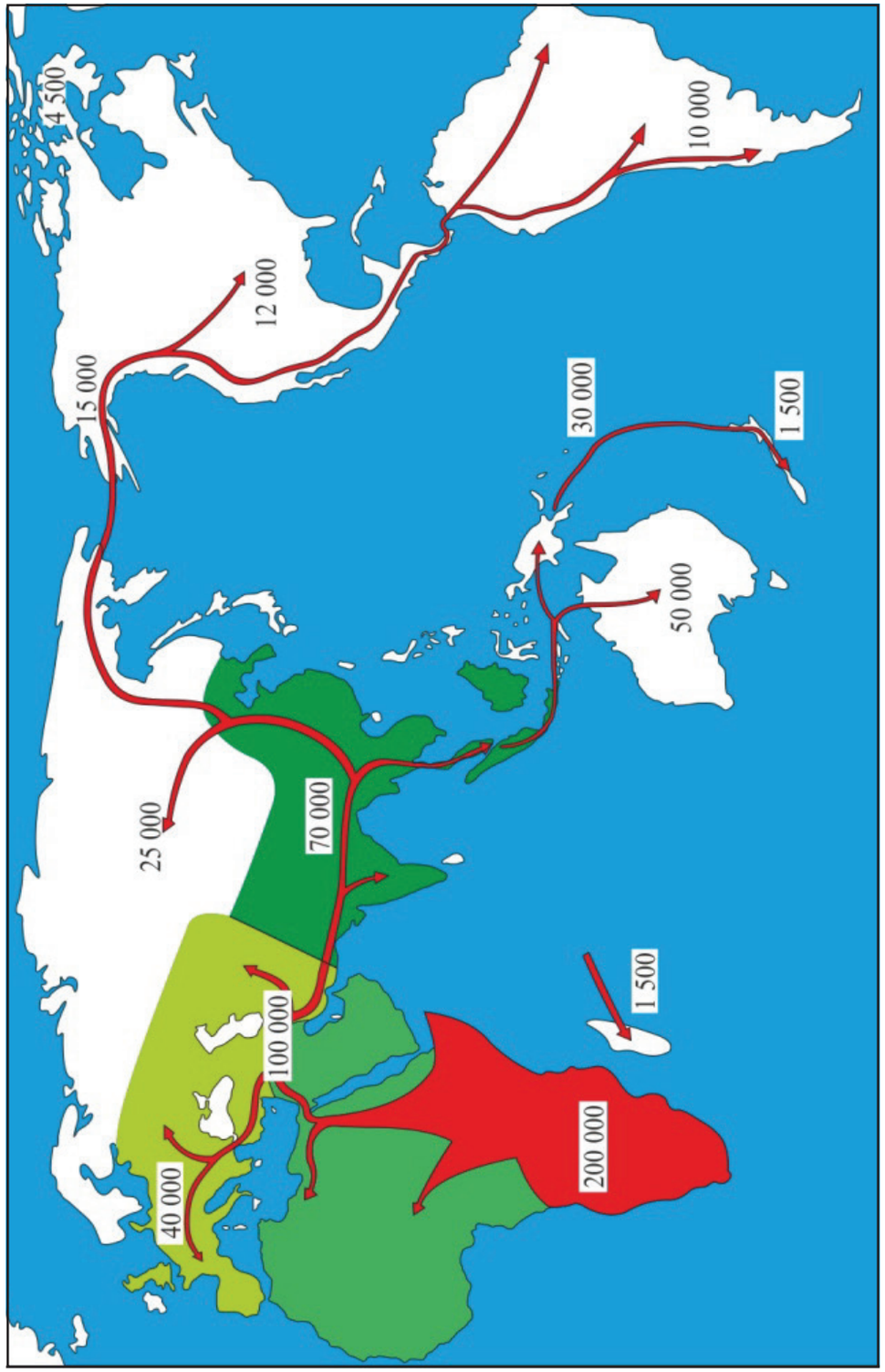

Рис. 3. Предположительная схема заселения Земли человеком современного типа из Восточной Африки

люция около 50 тыс. лет назад привела, видимо, к появлению человека с современной поведенческой моделью[23].

Роль Передней Азии и Кавказа в утверждении человека современного физического типа. Последние археологические, лингвистические, антропологические, этнографические и иные данные позволяют говорить о первоначальном формировании древнейшего человека современного физического типа (Homo sapiens – «Человек разумный») на пространстве от Восточной Африки и Ближнего Востока (Месопотамия, Иран, Анатолия и в целом Восточное Средиземноморье) до склонов (как южных, так и северных) Большого Кавказского хребта (и далее в Европу).

Говоря о «Человеке разумном», сложившемся по разным и спорным данным не позже 300–200 тыс. лет назад, отметим, что речь идет об одном из отрядов приматов, которых от прочих человекообразных отличали особенность скелета, большой объем мозга, способность к абстрактному мышлению и развитая речь. Также человек демонстрировал относительно высокую культуру в деле изготовления орудий труда из камня, кости и дерева и редкую приспособляемость к проживанию в самых различных природно-климатических зонах Земли.

Переднеазиатский регион с прилегающим Кавказом не случайно стал прародиной человечества в современном понимании этого слова, с его первыми языками. По причинам, не до конца изученным, именно здесь, благодаря редкому сочетанию богатств животного и растительного мира, на фоне распространенного здесь горно-ущельного рельефа, защищавшего первых людей и дававшего благоприятную возможность пропитания вследствие вертикальной зональности распределения полезных растений и богатого животного мира – сложился первый центр человечества, давший импульс сапиентации на огромных просторах Евразии.

Как бы то ни было, «Человек разумный» уже существует в эпоху среднего палеолита, начало которого датируется 200 тыс. лет назад, а революционные изменения в образе жизни и материальной культуре археологи наблюдают примерно с 50/45–40 тыс. лет назад, что ознаменовало начало новой археологической эпохи – позднего или верхнего палеолита. И, как сегодня полагает большинство ученых, эти революционные изменения стали возможными благодаря развитию важнейшего средства коммуникации – звукового языка.

Формирование языка и складывание человека современного типа. С точки зрения лингвистики «язык» – это естественно возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, обладающая свойством социальной предназначенности. Будучи системой передачи смыслов материальными знаками (звуками речи или письмом), язык одновременно выступает как необходимое средство осуществления специфического человеческого мышления, без которого оно не могло возникнуть, поскольку мышление есть продукт социального развития, условием которого является постоянное общение членов человеческого общества, осуществляемого, прежде всего, посредством языка. Благодаря этому язык выступает как необходимое условие возникновения и существования человеческой цивилизации[24].

---

[23] Уэйд Н. Указ. соч. С. 31–32.

[24] См.: Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.,

Значение языка в формировании современного человечества наиболее емко и кратко выразил выдающийся советский исследователь Б.Ф. Поршнев: «…проблема возникновения Homo sapiens – это проблема возникновения второй сигнальной системы, т.е. речи»[25].

Относительно времени появления человеческой речи (языка) существуют различные точки зрения. Тот факт, что люди современного физического облика появились не позже 200 тыс. лет назад, а заметные изменения в материальной культуре, связанные с появлением языка, произошли только 45–40 тыс. лет назад – означает, что коммуникативной системе первобытного человека (первоначально подобной сигнальным системам, существовавшим в животном мире), понадобился значительный временной период, чтобы развиться в человеческую речь с характерными ей свойствами. Как говорят специалисты: «Если мы понимаем язык как систему фонетических, словарных и грамматических норм, то, надо полагать, ее появлению предшествовал период количественного накопления фонетического и лексического материала. Предположительно, различия в фонетической окраске речевого потока, словотворчество, образование простейших иерархических систем языка, т.е. его примитивной структуры – формировались на протяжении многих поколений по способу проб и ошибок. Иными словами, коммуникативной системе первобытного человека потребовалось какое-то время, чтобы «дорасти» до состояния настоящего языка со строго определенными грамматическими и иными нормами»[26].

Различные гипотезы происхождения языка. У исследователей нет единого мнения ни о причинах, приведших к появлению речи, ни о том, на основе каких свойств неоантропов она развилась. Например, в первой половине XX в. в отечественном языкознании довольно широкое распространение получило представление о том, что появлению языковой речи предшествовал период существования языка жестов, т.н. «кинетического языка» – языка «зримых линейных символов, а не слышимых звуковых символов»[27].

И в настоящее время у этой теории есть сторонники, полагающие, что человеческий протоязык, несомненно, включал в себя жестовые знаки и даже мог начаться именно как жестовый, включающий в себя движения тела, в особенности рук и мышц лица, т.е. мимики. Звуковая речь возникла позже, поскольку для формирования необходимых мышц языка и других тонких деталей речевого аппарата нужны были серьезные эволюционные изменения[28].

Имеются, однако, определенные основания сомневаться в том, что «кинетическая» речь лежала у истоков речи звуковой, так как жестовая система знаков человека не удовлетворяет признакам человеческого языка: в ней нет уровневой

2001. С. 175; Уэйд Н. Указ. соч. С. 36; Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 46; и др.

[25] Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М., 2006. С. 103.

[26] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. II. По данным археологии. М., 2016. С. 78–79.

[27] Марр Н.Я. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории // Избранные работы. М.-Л., 1934. С. 72.

[28] Уэйд Н. Указ. соч. С. 40.

иерархии, один знак в ней равен сообщению, знаки жестовой системы коммуникации не членятся на меньшие компоненты, как это имеет место в звуковом языке, и не имеют достаточно четко очерченной семантики, похожей на семантику языковых знаков[29].

Обнаружение постепенных стадий перехода от обезьяньей морфологии к человеческой предполагает и постепенность возникновения зрелого речевого аппарата у гоминида, а следовательно, и постепенность появления элементов речевой способности (управление голосовым сигналом, способность к звукоподражанию, способность комбинировать звуки, способность к устойчивой и точной артикуляции, использование этих способностей для построения означающих языковых единиц и т. д.)[30].

В настоящее время большинство исследователей отвергают саму возможность эволюции звуковых сигнальных систем животных в человеческий язык и ищет причины, приведшие к возникновению речи, в особенностях взаимоотношений между древними людьми. Именно так полагал, например, советский лингвист В.И. Абаев. По его мнению, сам процесс очеловечивания начался с осознания, что человек живет в обществе, а то, что было первым объектом осознания – неизбежно должно было стать и первым объектом наречения. Поэтому первые слова «…могли быть только названиями социально-производственных групп»[31].

Большинство ученых не сомневается, что между развитием языка и материальной культуры неоантропов существует прямая связь, в частности, появление составных орудий в эпоху верхнего палеолита напрямую связывается с появлением членораздельной речи[32]. Однако отдельные исследователи считают необоснованным предположение о необходимой связи между усовершенствованием орудий труда и возникновением языка[33].

Кроме того, далеко зашедшее разделение труда, также как имущественное и социальное расслоение общества, с которыми тот же В.И. Абаев связывает появление языка – произошли гораздо позднее появления языка.

Другие исследователи в качестве движущей силы эволюции языка рассматривают половой отбор – красноречие и членораздельная речь, характеризующие качество мышления индивида, высоко ценились в половом партнере и мужчинами, и женщинами[34].

Ряд исследователей пытались связать появление языка с зарождением искусства в виде рисунков, оставленных первобытными людьми на стенах некоторых пещер, что не подтвердилось[35].

[29] Барулин А.Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М., 2008. С. 51.

[30] Барулин А.Н. Указ. соч. С. 50.

[31] Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Избранные труды. В 4-х т. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. С. 10.

[32] Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 57.

[33] Барулин А.Н. Указ. соч. С. 44.

[34] Уэйд Н. Указ. соч. С. 41.

[35] Бурлак С.А. Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического

Имеет своих сторонников и гипотеза, связывающая появление речи с очередной генетической мутацией, в результате которой у неоантропов появилась новая модификация гена FOXP2, подарившая им способность к беглой членораздельной речи. Причем, эта модификация произошла в последние 200 тыс. лет. Предполагается также, что, появившись первоначально у одной группы древних людей (возможно, численностью не более 5 тыс. особей), эта модификация постепенно распространилась на всю человеческую популяцию[36].

Теория «бутылочного горлышка». В последние годы данные генетики действительно засвидетельствовали факт прохождения человечества через своеобразное «бутылочное горлышко», т.е. резкое сокращение численности. Несколько групп генетиков независимо пришли к выводу, что во времена «митохондриальной Евы»[37] на земле было всего от 10 до 30 тыс. человек населения. Представляется вероятным, что либо эта популяция с самого начала обладала единой языковой речью, либо один из изначально существовавших языков в ходе эволюции вытеснил все остальные подобно тому, как мтДНК «митохондриальной Евы» вытеснила все остальные варианты существовавшей тогда мтДНК[38].

Упомянутое обстоятельство стало еще одним доводом в пользу утверждения, что порядка 200 тысяч лет назад самые первые Homo sapiens обладали членораздельной звучащей речью и, скорее всего, их язык не имел принципиальных отличий по «выстраиванию смыслов» от ныне существующих и письменно зафиксированных древних языков. Также устанавливают, что все языки мира имеют единое происхождение, но момент этого происхождения отстоит от нашего времени примерно на 200 тысяч лет[39].

Особенности звуковой речи человека разумного. Ряд исследователей в качестве первого шага на пути перехода от звуковой сигнальной системы высших приматов к человеческой речи рассматривают появление нового способа звукопроизводства. Сравнение голосового аппарата человека и шимпанзе показало, что кардинальным отличием звукопроизводства у этих двух видов является использование висцеральных (внутренних) мышц приматами и скелетных мышц людьми. Звукопроизводство у приматов контролируется лимбическими системами, осуществляется в «автоматическом» режиме и не позволяет корректировать сигнал. Человеческий способ звукопроизводства характеризуется полным контролем со стороны автора сигнала, допускает коррекцию и согласование подачи сигнала с целевой программой поведения, в том числе и в целях обучения подаче сигнала. Предполагается, что переход от первого способа звукопроизводства ко второму был первым и главным шагом на пути к развитию языка. Указанная трансформация способа звукопроизводства происходила на фоне перехода от лесного к саванному образу жизни, т.е. на фоне смены экологической ниши, потребовавшей смены диеты на мясную, что изменило способы добычи пищевых ресурсов, а вместе с тем и систему поведенческих паттернов (схема-образ). Новые стратегии добычи еды заставили снизить уровень внутривидовой агрессии, перейти к кооперации в жизнеобеспечении, начать активное производство и использование инструментов, а также перейти к стратегии обратной адаптации[40].

Это далеко не полный перечень гипотез, пытающихся объяснить появление у неоантропов способности к членораздельной речи. Наверное, справедливо будет предположить, что возникновение речи связано не с какой-то одной, а с целым комплексом причин, которые в той или иной мере отражены в приведенных выше научных гипотезах. Очевидно также, что существует внутренняя связь между обретением речи, с одной стороны, и резким ускорением развития человеческого сообщества.

Один очаг праязыка или несколько? По существу, открытым остается и вопрос о месте появления первого человеческого языка. До сих пор имеет своих сторонников гипотеза о существовании в прошлом параллельно нескольких очагов, в которых независимо друг от друга возникла и сложилась речь. Большинство исследователей все же склоняется к версии возникновения единого для всего человечества праязыка на территории Африки, скорее всего в области так называемого Африканского рога – в северо-восточной части этого континента, близко прилегающей к Аравийскому полуострову. Однако каких-либо неопровержимых доказательств в пользу этого утверждения не приводится.

Если люди современного физического облика действительно появились в Африке – это вовсе не означает, что и первая членораздельная речь должна была прозвучать там же. Учитывая значительный временной промежуток между расселением «Человека разумного» по всему Старому Свету и появлением языка в полном смысле этого слова, это важнейшее событие могло произойти и в любой другой части человеческой ойкумены. Например, лингвист И.М. Сигаури, разделяя точку зрения, что качественный переход от предъязыкового состояния к настоящему языку мог состояться в одном месте, таковым считает исключительно регион Ближнего Востока, откуда праязык человечества начал свое распространение по миру[41].

В пользу предположения И.М. Сигаури говорит то обстоятельство, что на Ближнем Востоке активно протекали процессы антропогенеза, но главное, регион Передней Азии, возможно, стал местом, откуда началось распространение культуры верхнего (позднего) палеолита, само появление которой связывается с возникновением человеческой речи.

Верхний (поздний) палеолит Передней Азии. Верхний (поздний) палеолит, начавшийся примерно 45 тыс. лет назад, характеризуется дальнейшим развитием техники обработки камня и кости, а также резко возросшей эффективностью использования каменного сырья. По подсчетам французского исследователя А. Леруа-Гурана, если в нижнем (раннем) палеолите из 1 кг необработанного камня

языкознания: [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/burlak-12.htm (дата обращения 14.10.2018).

[36] Уэйд Н. Указ. соч. С. 13, 45–46.

[37] Женщина, жившая в Африке около 200 тыс. лет назад, от которой современное человечество унаследовало митохондриальную ДНК, наследуемую только по женской линии; ДНК или дезоксирибонуклеиновая кислота – макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов.

[38] Бурлак С.А. Указ. соч.

[39] Бурлак С.А. Там же.

[40] Барулин А.Н. Первый шаг в восхождении к языку: [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/2.pdf. (дата обращения 14.10.2018).

[41] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. М., 2016. С. 79.

(главным образом кремня) создавалось в среднем 20 см острия, то в верхнем (позднем) палеолите – уже 5 м острия или 25 каменных пластин[42].

На протяжении всей эпохи верхнего палеолита во многих регионах мира имело место сосуществование людей современного физического облика и неандертальцев. При этом археологические материалы не позволяют провести четкую грань между ними. Тем не менее, считается, что культура позднего палеолита – продукт исключительно современного человека, который за несколько тысяч лет просто вытеснил неандертальцев[43].

Кавказ в эпоху позднего палеолита. Сосуществование неандертальцев и людей современного типа, без сомнения, имело место и на Кавказе, территория которого, по мнению археологов, была прочно освоена людьми современного антропологического типа в позднем (верхнем) палеолите (45/40–12/10 тыс. лет назад) – археологические памятники этой эпохи обнаружены во всех ландшафтных зонах Кавказа.

Можно, однако, предполагать, что в верхнем палеолите кавказский ареал расселения людей мог время от времени менять свои очертания под влиянием периодов значительного оледенения. При этом в Закавказье наблюдалось преимущественное влияние местного горного оледенения, а на Северном Кавказе имело место сильное воздействие последнего равнинного оледенения на Восточно-Европейской равнине (оно продолжалось с заметными отступлениями 110 тыс. лет), последний максимум которого пришелся на 19/16 тыс. лет назад, а отступления ледников – на период 12–10 тыс. лет назад.

Тем не менее, на протяжении всего верхнего палеолита Северный Кавказ представлял собой территорию более или менее стабильного сосуществования разных археологических культур, носители которых владели примерно одинаковыми техническими навыками и находились на одном уровне социального развития, но различались техникой обработки и формой орудий. Несмотря на существующие различия, северокавказские памятники объединяются друг с другом по ряду признаков более общего характера. К таким показателям относятся: промежуточное положение рассматриваемых памятников на протяжении всего верхнего палеолита; отсутствие традиций двусторонней обработки изделий; долгое переживание более ранних мустьерских черт (признаков более ранней мустьерской культуры камня); ранняя геометризация и микролитизация индустрий (переход к изготовлению мелких каменных изделий); сравнительная типологическая бедность изделий из кости и некоторые другие. Поскольку такая же картина присуща и для ближневосточных памятников, то есть основание говорить о Кавказе и Передней Азии, как о единой территории (зоне) сходного развития верхнепалеолитических культур[44].

Для нашего исследования то обстоятельство, что Кавказ в эпоху верхнего палеолита являлся частью более широкой культурной провинции, охватывающей всю Переднюю Азию, имеет принципиальное значение.

[42] Цит. по: Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 605.

[43] Уэйд Н. Указ. соч. С. 31.

[44] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 32–33.

Зарождение этничности. Распространение ближневосточного культурного комплекса. В эпоху верхнего палеолита охотники на крупную дичь переднеазиатского региона вели уже сравнительно оседлый образ жизни, когда перемещения носили сезонный характер и были связаны с наступлением времени охоты. Кстати, приручение собаки произошло как раз в верхнем палеолите.

В это же время прослеживается культурно-хозяйственная специфика в охоте и собирательстве. Так, в областях, прилегающих к Средиземному морю, охота сочеталась с рыболовством; в лесостепных районах преобладало собирательство; в Малой Азии, Средней и Верхней Месопотамии и на Иранском нагорье охота сочеталась со сбором диких злаков. Здесь же появляются первые жатвенные ножи[45].

Считается, что в позднем (верхнем) палеолите состоялся переход от разных стадий праобщины, характерных для нижнего и среднего палеолита, к ранней родовой общине охотников на мегафауну (дикие животные с весом выше 40-50 кг)[46].

По мнению ряда ученых, например С.А. Арутюнова, в верхнем палеолите появилась этничность как таковая, но это было лишь начало этничности[47].

Зарождение этничности следует связать, с одной стороны, с ускорением языкового развития, а с другой – с формированием сравнительно обособленных человеческих сообществ, связанных не только общностью происхождения, но и общей хозяйственной деятельностью и определенными культурными трудовыми традициями.

Интересно отметить, что черты, присущие переднеазиатской культурной провинции, обнаруживаются и за пределами собственно Передней Азии и Кавказа. Большинство исследователей считает это следствием не только миграций, но и естественных заимствований отдельных черт материальной культуры.

Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой в эпоху верхнего палеолита на территории Передней Азии сформировалась культурная общность, включавшая также все Средиземноморье, Кавказ, а на востоке – северо-западную часть Индии. Ее формирование напрямую связывается с распространением вида Homo sapiens sapiens из ближневосточного региона. Одновременном на этом пространстве сложилась «языковая непрерывность» в виде огромного количества диалектов, смежных между собой, взаимопонимаемость между которыми была минимальной на разных концах общего ареала. Наличие этой культурно-лингвистической общности подтверждается и данными антропологии[48].

Вопросы расообразования. По мнению большинства антропологов, в эпоху верхнего палеолита активно шел также и процесс образования основных рас, из которых состоит современное человечество. В различных географических регионах земли человеческие популяции многие тысячелетия воспроизводились в довольно строгой изоляции друг от друга и обзавелись отличительными особен-

[45] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. Пособие для изучающих историю родного края. М., 2001. С. 19.

[46] Кореневский С.Н. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 225. М., 2011. С. 179.

[47] Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 64.

[48] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 185.

ностями, генетическим своеобразием, которое и есть основа нынешней палитры рас. Однако эти разные эволюционные маршруты оказались во многом параллельны: людям на разных континентах приходилось приспосабливаться к похожим условиям и ситуациям[49].

В частности, предполагается, что современная европеоидная (или европейско-азиатская, кавказоидная, «белая») раса сформировалась в результате последовательного процесса депигментации изначально темнопигментированного населения, вышедшего из Африки. Довольно широко распространено мнение, что европеоидная раса сформировалась в результате генетических и адаптационных процессов в приледниковой зоне Западной Европы[50].

Возможность формирования европеоидной расы на территории Западной Европы кажется сомнительной ввиду того, что сама большая европеоидная раса делится на две малые расы: южную или индо-средиземноморскую и северную или атланто-балтийскую. Общепризнано, что южные европеоиды стоят к исходному типу ближе, нежели северные, а между северными и южными европеоидами лежит значительное количество переходных антропологических типов. Добавим к этому, что в ближневосточном регионе установлен факт смешения людей современного типа с неандертальцами. Последние, в результате длительной адаптации к проживанию в приледниковой зоне, вполне могли иметь более светлую пигментацию кожи. В этом случае начало процессу формирования европеоидной расы могло положить именно смешение выходцев из Африки с неандертальцами.

Праязык человечества и состояние изученности проблемы формирования языков. На теоретическом уровне современная лингвистическая наука допускает существование в далеком прошлом некоего праязыка, лежащего в основе языкового разнообразия современного мира, включающего порядка шестьсемь тысяч языков, не считая множества диалектов, а также неизвестного числа вымерших языков[51]. Это гипотеза так называемого моногенеза, в пользу которой ее сторонники приводят разнообразные доводы, в том числе указывают на схожесть структуры всех известных языков.

Однако гипотеза моногенеза имеет среди лингвистов и противников. В частности, А.Н. Барулин отмечает, что если моментом смены зоосемиотического (зоосемиотика – фиксированная, врожденная система сигналов животных) «генотипа» на человеческий считать переход от односложных и однословных сообщений к многосложным и многословным, то в случае моногенеза механизм такого перехода должен был быть единственным и сохраняться неизменным при переходе от языка-предка к языку-потомку. Но это не так: например, в Юго-Восточной Азии совпадение начинается с уровня слогов и морфем, на северо-востоке Сибири только с уровня предложений, а «…родиной более сложного сплетения метрических и сигнификативных (раскрывающих значение предмета и явления. – Авт.) единиц является неопределенный ареал, тяготеющий к Ближнему Востоку. Это наблюдение никак не соотносится с генеалогической классификацией языков». По его мнению, «…племена, владевшие только фонетической системой и небольшим лексическим запасом, но не владевшие механизмом сопряжения, заимствовали его у тех, кто его изобрел. Поскольку таких механизмов несколько, можно сделать вывод о том, что языки человечества появились в нескольких разных местах независимо друг от друга»[52].

[49] Уэйд Н. Указ. соч. С. 13.

[50] Европеоидная раса и ее происхождение: [Электронный ресурс]. URL: http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/races/europeoid/index.html (дата обращения 14.10.2018).

[51] Старостин Г.М. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е.Я. Сатановским. М., 2016. С. 15.

В ответ сторонники гипотезы моногенеза указывают, что отмеченные А.Н. Барулиным характеристики языка могут заимствоваться из языка в язык при интенсивных (доходящих до стадии билингвизма) языковых контактах. Доказано наличие контактов людей современного вида с представителями других видов семейства Homo, например, с неандертальцами и т.н. «денисовцами», останки которых найдены в Денисовой пещере на Алтае и которые были несколько ближе к неандертальцам, чем к Homo sapiens sapiens. Теоретически не исключено, что коммуникативная система, использовавшаяся азиатскими архантропами, основывалась на слогах. Пришедшие на восток Азии «денисовцы» частично смешались с местными жителями и переняли у них эту черту коммуникативной системы, а впоследствии передали её смешавшимся с ними сапиенсам[53].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что даже если когда-нибудь удастся свести все известные языки к одному языку-основе, это не исключает возможности возникновения человеческой речи не в одном, а в нескольких очагах, причем в разное время и не один раз – просто эти языки могли исчезнуть, не оставив языков-потомков, а потому остались неизвестными науке.

Таким образом, спор сторонников моногенеза и их противников в настоящее время не получил разрешения.

В лингвистическом научном сообществе нет полного единства мнений и по вопросу об основных характеристиках предполагаемого праязыка человечества. Понятно, что этот язык должен был адекватно отражать все сколько-нибудь устойчивые явления жизни древних людей периода перехода от среднего к верхнему палеолиту. В то же время общность и достаточно примитивный характер материальной культуры того периода вкупе с неразвитостью социальных отношений в небольших по численности группах охотников и собирателей естественным образом ограничивали его словарный запас. Например, ставится под сомнение наличие в нем слов для обозначения непредметных явлений и абстрактных обобщений[54].

Большинство современных лингвистов полагает также, что первые языки состояли почти целиком из лексики, а синтаксис появился позже[55].

Хотя на теоретическом уровне признается возможность реконструкции праязыка до момента разделения его на различные диалекты – на практике дости-

[52] Барулин А.Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М., 2008. С. 56.

[53] Бурлак С.А. Указ. соч.

[54] Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М., 2007. С. 19–20.

[55] Уэйд Н. Указ. соч. С. 39.

жение этой задачи, по меньшей мере, чрезвычайно затруднено. Действительно, в соответствии с формулой, выведенной известным венгерским лингвистом М. Сводешом, при расхождении порядка 16 тыс. лет языки должны утратить всякое сходство между собой, а потому доказать общность их происхождения глубже этого временного предела не представляется возможным.

Одновременно возникает еще целый ряд сопутствующих задач: например, определить место и время появления праязыка; описать материальную и духовную культуру общества, в котором он возник; выявить пути его дальнейшего распространения и т.д. Между тем, лингвистам далеко не всегда удается надежно установить генетическое родство даже между отдельными существующими ныне языками, поскольку во многих случаях сходные черты могут появляться у них в результате длительного взаимодействия (т.н. «языковый союз»).

Современное сравнительно-историческое языкознание выделяет различные уровни генетического родства языков и оперирует такими понятиями, как языковые семьи (группа родственных языков, имеющих первопредка), макросемьи (макро – большой) и гиперсемьи (гипер – сверхбольшой). Макросемьи объединяют в своем составе несколько родственных семей языков, а гиперсемьи, соответственно, несколько макросемей. Однако правомочность объединения тех или иных языковых семей (а их насчитывается около двухсот) в составе отдельных макросемей зачастую становится предметом научной дискуссии. При этом так и остались невыясненными генетические связи значительного числа так называемых «языков-изолянтов».

Предпринимаются попытки выстроить гипотетическую, так называемую борейскую или бореальную («северную») языковую гиперсемью, охватывающую большую часть известных языков. Согласно версии, предложенной Г. Флемингом, борейская гиперсемья включает афразийскую, ностратическую и сино-кавказскую макросемьи, а также америндские языки. По версии С.А. Старостина, к числу борейских относились также аустрические языки. Предполагается, что бореальное языковое единство имеет глубину примерно 20 тыс. лет[56].

На фоне попыток обосновать гипотетическую борейскую гиперсемью некоторые исследователи рассматривают языковые семьи, не вошедшие в нее, в качестве наследия языков, предшествовавших праборейскому языку или, по крайней мере, современных ему. А поскольку широко распространено мнение, что членораздельная речь впервые появилась на территории Африки, то, соответственно, на этом континенте пытаются найти языки, являющиеся прямыми потомками первого праязыка.

Чаще всего в качестве претендентов на эту роль выступают так называемые койсанские языки, отличительная особенность которых состоит в наличии щелкающих звуков, произносимых на вдохе. Именно эту фонетическую особенность койсанских языков некоторые исследователи считают признаком их исключительной древности, с чем не согласна большая часть ученых-лингвистов. При наличии определенной фонетической уникальности эти языки подвержены фонетической эволюции в не меньшей степени, чем любые другие языки. Возраст пракойсанской фонетики определяется примерно в 10 тыс. лет, а в пределах

[56] Бурлак С.А. Указ. соч.

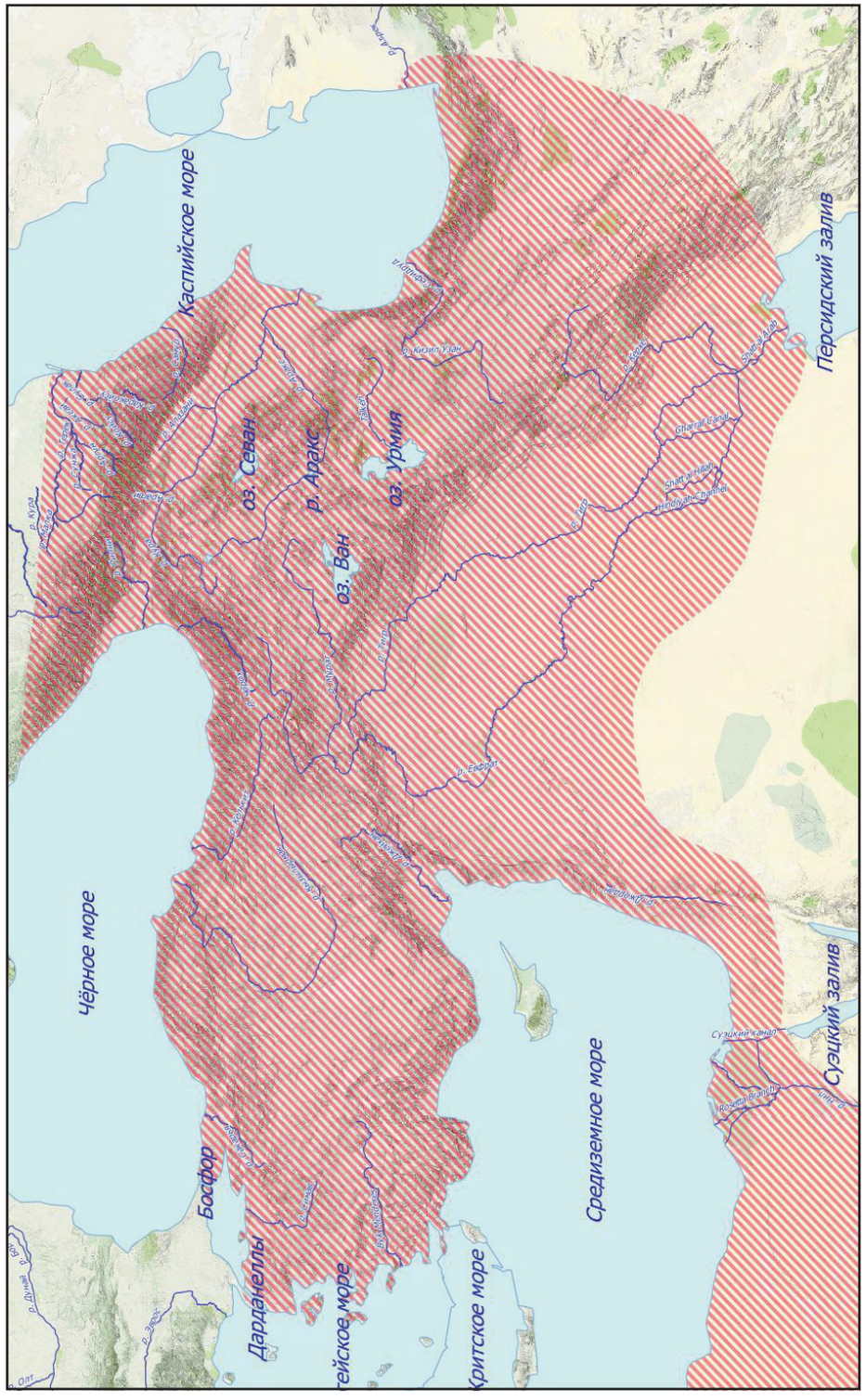

Рис. 4. Вероятный ареал зарождения трех древнейших языковых макросемей не позже XV–XII тыс. лет до н.э.: сино-кавказской, ностратической и афразийской

100-словного списка Сводеша койсанские языки показывают от трех до (в исключительных случаях) пяти-шести процентов совпадений, что ставит под сомнение само существование «общекойсанского» языка[57].

Переднеазиатские языковые макросемьи. Прасино-кавказский язык. Большинство ведущих лингвистов допускает, что в Передней Азии располагался первоначальный ареал формирования трех крупнейших и, возможно, самых древнейших языковых макросемей: сино-кавказской, ностратической и афразийской. Уже одно это позволяет предположить, что указанные макросемьи произошли от одного языка-предка. Предпринимались даже попытки реконструировать его базисную лексику[58].

Впрочем, немало и авторов, полагающих, что имеющиеся схождения между сино-кавказскими, ностратическими и афразийскими языками стали результатом длительного взаимного влияния, т.е. являются следствием не генетического родства, а существовавшего в древности «языкового союза».

Наконец, как уже отмечалось выше, общность происхождения сино-кавказской, ностратической и афразийской макросемей не может быть доказана в силу исключительной давности существования предполагаемого их общего праязыка, восходящего к эпохе верхнего палеолита. В этих условиях лингвист И.М. Сигаури попытался прибегнуть к данным других наук, в первую очередь, археологии и антропологии. Согласно его выводам, распространение человека современного типа шло из региона Ближнего Востока, благодаря чему кавкасионский расовый тип и производные от него расовые типы получили распространение на пространстве от Атлантического океана до Центральной Азии. Указанному расовому типу соответствовало определенное языковое состояние, которое он определил, как некий кавказский праязык, на основе которого со временем развилось все языковое разнообразие мира. Он также обращает внимание, что распространение кавкасионского и производных от него расовых типов связано с определенным набором археологических культур, имеющих общее происхождение. На рубеже позднего палеолита и мезолита (среднего каменного века) в связи с усложнением экономической жизни и ускорением развития культуры происходит формирование ностратического и афразийского праязыков, с выделением которых обособляется и сино-кавказская языковая общность[59].

Небесспорные данные генетики говорят, что мужские линии афразийской, ностратической и сино-кавказской макросемей восходят к гаплогруппе CRM(168), но при этом представители ностратической и афразийской макросемей являются выходцами из «средневосточного кавказского» кластера[60].

---

[57] Старостин Г.М. Некоторые аспекты исторического развития кликсов в койсанских языках // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М., 2005. С. 282.

[58] Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А. К проблеме локализации этнолингвистических общностей Передней Азии на рубеже плейстоцена-голоцена и в раннем голоцене // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С. 103.

[59] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 83.

[60] Чокаев Х.К. Случайность или историческая реальность? (популяционная генетика о

В целом концепция И.М. Сигаури рассматривает прасино-кавказский язык как прямого потомка языка-первопредка, который он называет пракавказским, в то время как праностратический и праафразийский являются отделившимися от него ветвями.

Необходимо упомянуть и о гипотезе, согласно которой афразийские языки когда-то выделились из ностратической макросемьи, распад которой датируется чаще всего XI–X тыс. до н.э. В числе оспаривающих это предположение известный лингвист А.Ю. Милитарев, который датировал существование ностратического и афразийского праязыков XI–X тыс. до н.э., а сино-кавказского X–IX тыс. до н.э. Соответственно, их язык-предок (который он рассматривал как «афроевразийское» генетическое единство) восходил к XV тыс. до н.э. По его мнению, сино-кавказский, ностратический и афразийский праязыки были распространены в одном широком ареале от Восточного Средиземноморья до Центральной Азии. При этом шумерский язык А.Ю. Милитарев рассматривал в качестве самостоятельной ветви праязыка, наряду с сино-кавказским, ностратическим и афразийским. Кроме того, самостоятельными ответвлениями считались им нило-сахарские и австрические языки, отделение которых он предположительно датировал XIV–XIII тыс. до н.э.[61]

Отметим, что предположение А.Ю. Милитарева об исключительной древности праафразийского языка не получило полной поддержки со стороны языковедов.

Другими исследователями зарождение ностратической и сино-кавказской языковых макросемей датируется временем порядка 14 тысяч лет назад[62].

Сино-кавказская макросемья. Ареал и состав. Больше всего споров в науке по составу сино-кавказской макросемьи, в которую обычно включают северокавказские (вместе с хаттским и хуррито-урартскими) языки, распространенные в Передней Азии, на Кавказе и в Средиземноморье, сино-тибетские, енисейские и на-дене языки Северной Америки. Часто ставится под сомнение правомочность включения в ее состав двух изолированных языков – баскского на Пиренейском полуострове и бурушаски в Пакистане, а также таких языков, как: баскиберские (южнолузитанский, сиканский, лигурийский, шардский, пиктский, аквитанский), вакашские, иберский, каскский (сближается с хаттским), кусунда, кутийский, нахали, нивхский, салишские, тирренские (лемносский, ретийский, этрусский), хайда, шумерский.

Большинство перечисленных языков вымерли, а ареалы распространения оставшихся значительно сократились. Например, ареал распространения языка бурушаски в настоящее время охватывает местности Хунза (Канджут), Нагар и Ясин – на севере Индостана в отрогах Каракорума. Однако в прошлом он занимал значительно большую территорию, включавшую, как полагают, исторический Дардистан и, вероятно, часть Памира. Отсюда, видимо, идут следы более ранних контактов в виде субстратных черт в иранских, дардских (и в отдельных других индоарийских, например, в догри) и отчасти в нуристанских языках[63].

происхождении народов Кавказа и их роли в мировой истории). М., 2010. С. 84.

[61] Милитарев А.Ю. Какими юными мы были двенадцать тысяч лет назад // Знание – сила. 1989. № 3. С. 47, 49.

[62] Бурлак С.А. Указ соч.

[63] Климов Г.А., Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на примере языка бурушаски) // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 28.

Прародину сино-кавказского языка обычно локализуют на Ближнем Востоке, в Верхней Месопотамии с Закавказьем, на территории Палестины, Леванта и Анатолии. В последнее время, пока на уровне журналистских сообщений идет информация, что древнейшее и древнее население Египта было европеоидным – переднеазитско-кавказского типа, данный расовый тип Средиземноморья, Ближнего Востока и Кавказа связывается с т.н. «кавказскими» древнейшими языками.

И.М. Сигаури подчеркивает вместе с тем, что в рамках концепции сино-кавказской языковой макросемьи можно говорить лишь о генетическом родстве входящих в нее языков, но никак не носителей самих языков. Носители современных и всех известных реликтовых языков Передней Азии принадлежат к европеоидной расе, в то время как носители всех других языков этой макросемьи (сино-тибетские и др.) относятся к различным ветвям монголоидной расы[64].

По его мнению, языковое родство европеоидов и монголоидов в рамках сино-кавказской макросемьи скорее всего стало результатом каких-то ранних, возможно неоднократных, широких прасеверокавказских языковых вливаний[65].

Распад сино-кавказской макросемьи обычно датируют условно X/IX–VIII тыс. до н.э. и связывают с началом миграции на восток, которая в конечном счете привела к образованию сино-тибетской и енисейской языковых семей. Согласно другой версии, началом распада сино-кавказской семьи стала миграция предков басков на запад, а миграция на восток – в Гималаи, Тибет и Китай началась позднее.

Таким образом, не случайным представляется тот факт, что регион Передней Азии считается местом зарождения трех крупнейших языковых макросемей. Объяснение этому факту может быть только одно – в указанном регионе активно протекали процессы глоттогенеза (формирования человеческой речи), что подтверждается тем фактом, что именно здесь происходил переход от односложных и однословных сообщений к многосложным[66], а, следовательно, и к полноценной человеческой речи.

§3. Кавказ в послеледниковую эпоху. Прасеверокавказская семья языков и раннее население Передней Азии и Кавказа

Формирование прасеверокавказской семьи языков. Еще сравнительно недавно существующие северокавказские и картвельские языки объединялись в составе т.н. иберийско-кавказской языковой семьи. Однако в 80-х годах прошлого века выдающийся лингвист С.А. Старостин обосновал существование самостоятельной языковой семьи как предковой современных северокавказских языков. В настоящее время подавляющее большинство лингвистов рассматривают те же

[64] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 212–213.

[65] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016. С. 1.

[66] Барулин А.Н. Указ. соч. С. 56.

иберийские (картвельские) языки в качестве небольшой самостоятельной семьи в составе ностратической макросемьи и сближают ее с индоевропейской языковой семьей. Наличие общих черт между картвельскими и северокавказскими языками объясняется длительным контактом в рамках кавказского региона.

Однако предметом дискуссии остается вопрос о времени и месте выделения прасеверокавказского языкового единства из сино-кавказской макросемьи. Например, В.П. Алексеев допускал образование общекавказского языкового единства в эпоху мезолита, а то и верхнего палеолита[67], хотя и не мог привести бесспорных доказательств в пользу этого утверждения.

Уже упоминавшийся С.А. Старостин, опираясь на глоттохронологические расчеты, датировал распад прасеверокавказского языка периодом VII/VI– началом V тыс. до н.э. (как мы говорили выше, начало его возникновения можно отнести к периоду не позднее X–IX тыс. до н.э.). При этом к моменту распада прасеверокавказского языка в нем присутствовали термины, позволяющие констатировать наличие скотоводства (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, лошади), земледелия с возделыванием проса, ячменя, пшеницы, а также начальной стадии металлургии. В прасеверокавказском языке выявлены также корни, связанные с домостроением, обозначением плодовых растений, и полная система числительных от 1 до 100. Это и привело С.А. Старостина к мысли, что начало распада прасеверокавказского языка следует датировать концом неолита или началом эпохи бронзы[68].

Из вывода, сделанного С.А. Старостиным, логически вытекает, что самое образование прасеверокавказского языка было связано с наступлением эпохи неолита и появлением производящего хозяйства, что кардинальным образом изменило не только материальную культуру, но и образ жизни людей. Соответственно, прасеверокавказский язык отразил эти изменения, обогатив свой словарный фонд новыми терминами. Таким образом, обособление прасеверокавказского языка должно было происходить на начальной стадии неолита, наступление которого в Передней Азии иногда относят к X–IX тыс. до н.э., самое позднее – к VIII тыс. до н.э.

Последнюю дату и можно рассматривать как наиболее вероятное время складывания прасеверокавказского языка.

Прародина прасеверокавказского языка и его окружение. Что касается первоначального ареала прасеверокавказского языка, то уже упоминавшийся С.А. Старостин с учетом вхождения в северокавказскую языковую семью хаттского и хуррито-урартских языков говорил о южнокавказской или переднеазиатской прародине современных северокавказских языков. Он допускал также, что разделение на западно-кавказские (абхазо-адыгские) и восточно-кавказские (нахо-дагестанские) языки произошло еще на юге и на Северный Кавказ эти языки проникли позднее и двумя различными путями[69].

[67] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974. С. 196.

[68] Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 289, 310.

[69] Старостин С.А. Указ. соч. С. 311.

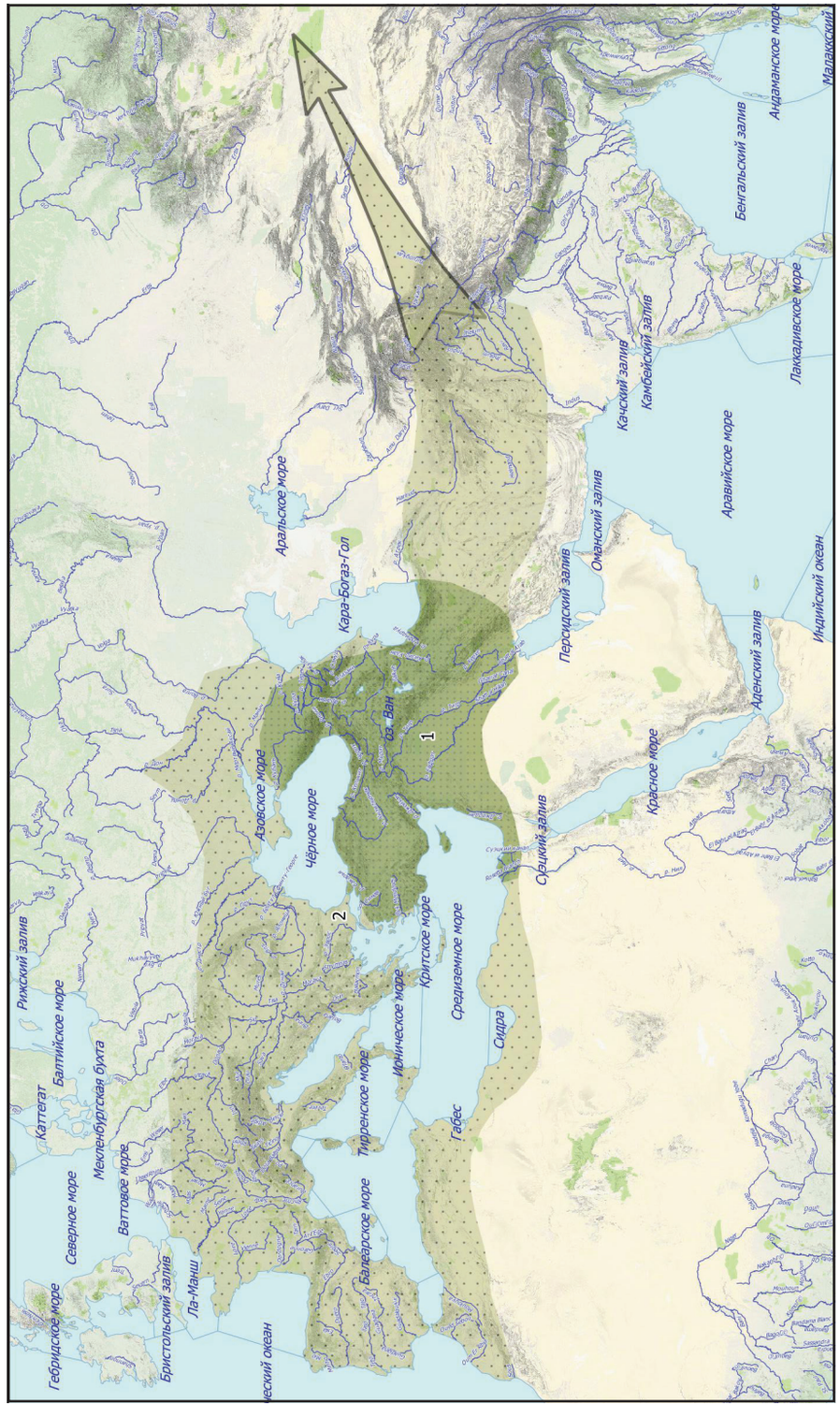

Рис. 5. Примерное расселение представителей сино-кавказской языковой макросемьи в XV–XII/X тыс. до н.э.
Условные обозначения: 1 – Ареал зарождения трех крупнейших макроязыков древности: сино-кавказской, ностратической, афразийской; 2 – Ареал распространения пракавказцев

Прародину условно говоря «иберийско-кавказских» языков помещал в южных районах Кавказа и известный чеченский языковед Ю.Д. Дешериев. Он же, кстати, говорил, что разделение на собственно нахские и восточнокавказские (дагестанские) языки произошло исторически рано.[70]

В принципе, большинство лингвистов, занимающихся сравнительно-историческим языкознанием, согласны с тем, что очаг формирования прасеверокавказского языка находился в Передней Азии. В этой связи И.М. Сигаури отмечает, что предположения о месторасположении первичного ареала прасеверокавказского языка указывают на Плодородный полумесяц, что позволяет связать с ним первые раннеземледельческие культуры. Он допускает также, во-первых, существование помимо прасеверокавказского языка в Плодородном полумесяце других генетически родственных ему языков, развившихся на основе пракавказского (сино-кавказского) языка эпохи верхнего палеолита – мезолита; во-вторых, возможность существования в прошлом других языков, развившихся из прасеверокавказского помимо празападно-кавказского и правосточно-кавказского[71].

Отметим, что предположение И.М. Сигаури не исключает возможности того, что среди носителей ранних земледельческих культур Плодородного полумесяца и прилегающих территорий могли быть представители ностратических (например, картвельских) и афразийских (семито-хамитских) языков.

Напомним, что территория Плодородного полумесяца простирается с запада на восток от Палестины-Сирии и Малой Азии до гор Загроса и с юга на север от Месопотамии до Кавказа. Переход к производящему хозяйству происходил здесь в период X–VIII тыс. до н.э. Как известно, фактический основатель ностратической теории В.М. Иллич-Свитыч локализовал первичный очаг семито-хамитских языков на стыке Азии и Африки, картвельских – на Южном Кавказе, индоевропейского – на Балканском полуострове и западной части Малой Азии, уральских – на Южном Урале, дравидских – в юго-восточной части Ирана и Пакистане, алтайских – в южной части Западной Сибири и северо-восточной части Средней Азии[72].

Мнение В.М. Иллич-Свитыча о локализации первоначальных ареалов ностратических языков основательно подвергается сомнению многими лингвистами и до сих пор является предметом научной дискуссии.

Что касается первоначальной локализации носителей афразийских языков, то попытки А.Ю. Милитарева и С.А. Старостина поместить носителей, например, кушитской речи в Северной Сирии, а семитской в Верхней Месопотамии примерно в V–IV тыс. до н.э., не получили широкого признания. Так же, как и гипотеза о локализации прародины семитов в палестино-финикийской области[73].

---

[70] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. М., 2006. С. 34.

[71] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 218–219.

[72] Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамисткий, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b – Ḳ). М., 1971. С. 45.

[73] Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийская и северокавказская культур-

В последнее время приобретает популярность гипотеза американского исследователя латышского происхождения Юриса Заринса (Зариньша), согласно которой семитские языки возникли на территории пастушеского комплекса Аравии в конце докерамического неолита на Ближнем Востоке (примерно 6200 лет до н.э.)[74].

Российско-израильский ученый В. Орел привел доводы в пользу локализации прародины афразийцев в Африке, допустив, что результаты отдельных исследований позволяют предполагать, что переднеазиатские семиты (предки евреев и арабов) изначально говорили на «восточносеверокавказском» языке, близком к предковым современных нахских и дагестанских, и только позже перешли на афразийский язык[75].

В целом достаточно убедительным представляется вывод, что на протяжении эпохи неолита семиты локализовались на территории Ближнего Востока к югу от прасеверокавказского этноязыкового массива, а их продвижение на север началось в самом конце неолита[76].

Распад прасеверокавказского языкового единства. Тот же С.А. Старостин первоначально датировал это событие серединой IV тыс. до н.э.[77] Этой датировки придерживался и О.А. Мудрак[78].

В дальнейшем С.А. Старостин пересмотрел свою точку зрения и отнес распад прасеверокавказского языка к рубежу VI–V тыс. до н.э. Близка к ней и другая датировка, предлагаемая отдельными исследователями – период между серединой и второй половиной VI тыс. до н.э. Но И.М. Сигаури с учетом результатов собственных лингвистических исследований допускает, что и эту датировку распада прасеверокавказского языка придется еще более удревнить[79].

С.А. Старостин был в числе первых, кто выдвинул версию о распаде прасеверокавказской языковой общности на западно-кавказскую и восточно-кавказскую. При этом система вокализма, свойственная прасеверокавказскому языку, сохранилась в восточно-кавказских языках, но почти полностью разрушилась в празападно-кавказском языке, в котором она свелась к двум гласным (*а и *ə).

ная лексика // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 256–264; Коган Л.Е. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М., 2009. С. 19.

[74] Заринс, Юрис: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заринс_Юрис (дата обращения 14.10.2018)

[75] Байтасов Р.Р. Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Научно-методический журнал. 2014. № 1 (19). С. 24–32: [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/7628723/Корреляция_языковых_семей_и_Y-гаплогрупп (дата обращения 14.10.2018).

[76] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 231.

[77] Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 546.

[78] Кулланда С.В. Лошадь в праиндоевропейском // Аспекты компаративистики. Вып. 3. М., 2008. С. 675.

[79] См.: Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 258; Кулланда Указ. соч. С. 675; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 214.

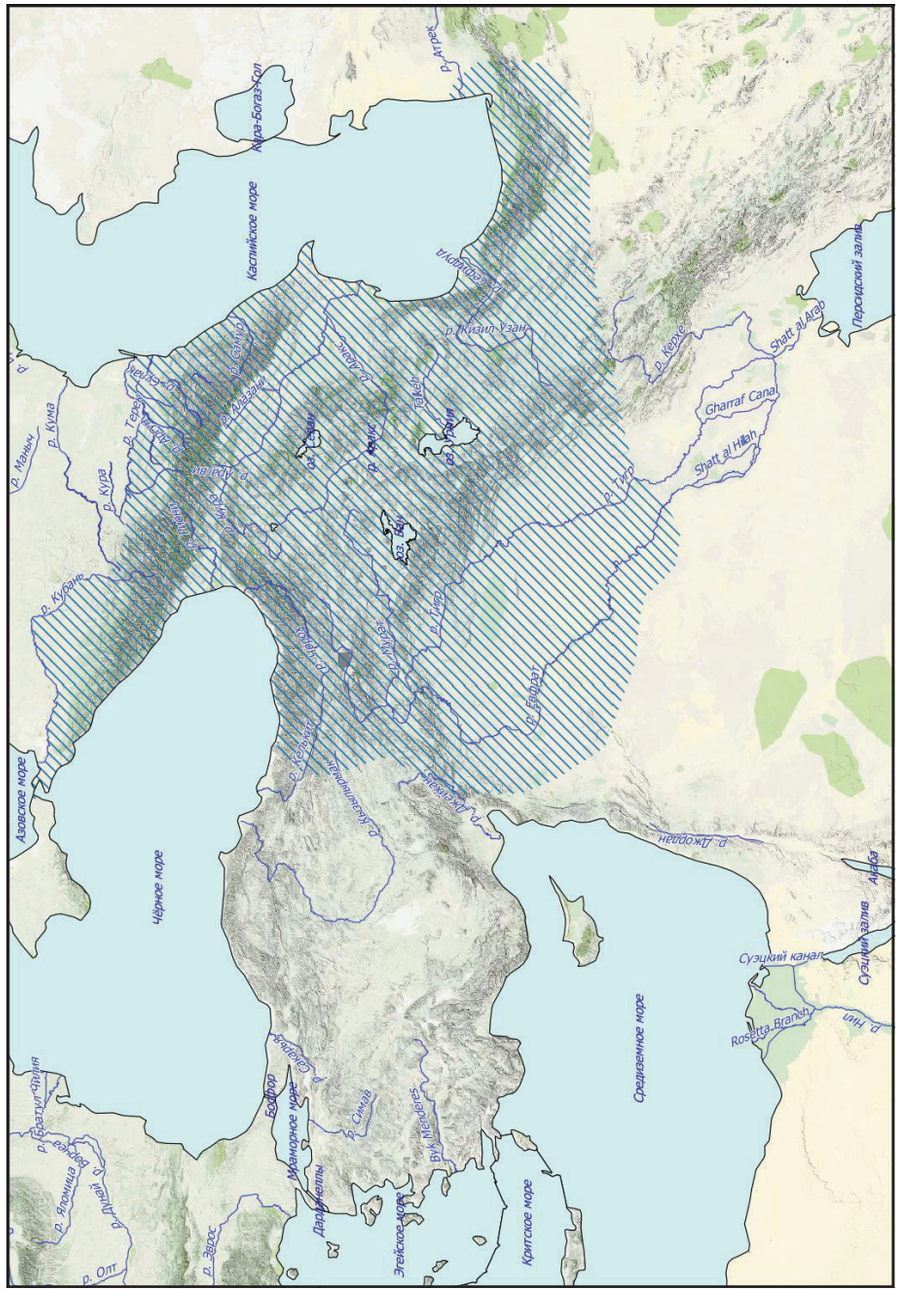

Рис. 6. Примерный ареал формирования прасеверокавказского языка в VII–V тыс. лет до н. э. (по данным монографии И.М. Сигаури: К истокам и ареалам нахского этноса. В II-х томах. Т. I. По данным лингвистики. Т. II. По данным археологии. М., 2016)

Произошло это за счет переноса тембровых оппозиций гласных на соседние согласные, в результате чего возникла чрезвычайно сложная система согласных. Одновременно в празападно-кавказском языке произошло резкое сокращение количества корней за счет развития корнесложения, так что многие исконные корни оказались утраченными[80].

В то время, когда С.А. Старостин придерживался мнения, что распад прасеверокавказского языка начался в середине IV тыс. до н.э., ориентировочное время распада правосточно-кавказского языкового единства он датировал серединой III тыс. до н.э., а празападно-кавказского – на рубеже II-го и I-го тыс. до н.э.[81]

Получается, что распад правосточно-кавказского языка начался спустя тысячу лет после его обособления, а празападно-кавказского – через две с половиной тысячи лет после его образования. Однако, если считать датой распада прасеверокавказского языка рубеж VI–V тыс. до н.э., то период самостоятельного существования правосточно-кавказского и празападно-кавказского языков увеличится еще на полторы тысячи лет. В этом случае период существования правосточно-кавказского языка составляет 2,5 тыс. лет, а празападно-кавказского – целых 4 тыс. лет. Столь значительная разница в скорости развития двух языков, образовавшихся на основе прасеверокавказского языка, в среде лингвистов пока еще не получила объяснения.

О выделении трех языковых групп в прасеверокавказской языковой общности. Свое видение распада прасеверокавказского языка имеет И.М. Сигаури, который обосновал гипотезу о выделении из прасеверокавказской общности не двух, а трех языковых групп: западной (хатто-абхазо-адыгской), центральной (шумеро-хуррито-урарто-нахской) и восточной (кутийско-дагестанской или восточнокавказской). Одновременно он допускает существование в прошлом и других языков, выросших из прасеверокавказского, возможно, составлявших неизвестные нам самостоятельные ветви, но исчезнувшие еще в глубокой древности[82].

Данное обстоятельство, научно обоснованное И.М. Сигаури, представляется нам одним из важнейших итогов многолетнего изучения северокавказских языков. Действительно, шумеро-хуррито-урарто-нахский культурно-языковый ареал от Месопотамии до северных склонов Кавказского хребта занимал как бы центральное вытянутое положение с юга на север, между носителями празападно-кавказских и правосточно-кавказских языковых групп. Указанный центральный массив при всей его разнесенности в меридиональном направлении более чем на тысячу км в условиях сложного, преимущественно горного рельефа местности, долгое время демонстрировал черты культурно-этнической и языковой близости.

Отсюда и проистекает интерес мировой науки к древнейшим корням современных нахских народов и их языков как своеобразных реликтов, дошедших до наших дней.

---

[80] Старостин С.А. Указ. соч. С. 316, 253.

[81] Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 546.

[82] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 219.

§4. Мезолит, неолит и энеолит на Ближнем Востоке и Кавказе. Чохская культура Северо-Восточного Кавказа

В эпоху мезолита (средний каменный век, в пределах XII–VIII/VII тыс. до н.э.) в ближневосточном регионе и на Кавказе происходит общее потепление и увлажнение климата, сопровождавшееся таянием континентальных ледников. Изменение растительного покрова на обширных территориях привело к вымиранию большого числа видов крупных травоядных (мамонты, шерстистые носороги, большерогие олени и др.), а также связанных с ними пищевой цепочкой хищников (пещерные львы, короткомордые медведи, т.н. «ужасные» волки и др.). Исчезновение стад крупных травоядных повлияло на скорость увеличения популяции людей и привело к изменению охотничьей специализации. Одновременно возрастает роль рыболовства и собирательства. В целом для мезолитических охотников и собирателей характерно освоение различных экологических ниш и наличие кратковременных поселений для разных сезонов, что говорит о широком распространении полукочевого образа жизни.

В мезолите широкое распространение получили микролиты (небольшие кремневые лезвия), использовавшиеся как наконечники стрел, в том числе и как вкладыши для деревянных или костяных орудий. Ряд археологов настаивает, что изобретение составных орудий произошло не в позднем палеолите, а именно в мезолите. Во всяком случае, общепризнано, что лук и стрелы появились в эпоху мезолита. Тогда же были изобретены лодка, сеть, рыболовный крючок.

Длительность эпохи мезолита значительно колеблется в различных регионах мира. Общая тенденция состоит в том, что наиболее раннее наступление мезолита произошло в регионе Ближнего Востока (примерно в XII тыс. до н.э.) и там же он имел наиболее короткий период. При этом ранняя стадия мезолита характеризуется преобладанием традиций позднего палеолита, что порой затрудняет проведение четкой границы между этими эпохами.

Мезолит часто рассматривают как переходный период от присваивающего к производящему типу хозяйствования. Например, кремневые серпы и зернотерки, которые считаются признаком широкого применения в пищу злаков, в Передней Азии появляются уже в IX тыс. до н.э. Не вызывает сомнения, что носители т.н. натуфийской культуры (территория Палестины) уже в IX–VIII тыс. до н.э. широко употребляли в пищу дикорастущие злаки[83].

Не позднее VIII тыс. до н.э. в Передней Азии начали приручать коз, овец и крупный рогатый скот, причем ранее всего этот процесс наблюдался в горных районах Малой Азии, Верхней Месопотамии и Южного Кавказа, для чего здесь, как и для примитивного земледелия, были благоприятные природные условия.

Однако широкое распространение деревянных или костяных серпов с каменными вкладышами еще не означает наличие посевного земледелия – эти орудия труда появляются еще на стадии активного или сложного собирательства. Даже умение выращивать злаки и другие, употребляемые в пищу дикорастущие растения, еще не означает появления земледелия как такового. Настоящее земледелие начинается с осознанной культивации отобранных видов растений. Так и у полностью одомашненного скота появляются особенности в строении скелета, отличающие его от диких видов.

[83] История Древнего Востока. М., 2007. С. 218.

Таким образом, применительно к эпохе мезолита можно говорить лишь о зачатках земледелия и скотоводства.

Что касается причин, вызвавших революционный переход от присваивающего к производящему хозяйству, то в настоящее время наибольшее признание получила гипотеза, связывающая его с ограниченностью источников пищи для мезолитических охотников и собирателей.

Отмечаемое археологами усложнение хозяйственно-культурной деятельности (в частности, появление признаков магических обрядов и религиозных культов) в эпоху мезолита должно было идти параллельно с развитием языка и появлением в нем не только земледельческих и животноводческих терминов, но и терминов для абстрактных понятий.

Ряд исследователей говорят также о постепенном накоплении у людей среднекаменного века прогрессивных поведенческих схем, которые в итоге и сложились в современную модель поведения[84].

С эпохой мезолита часто связывают появление отцовского рода и поздней родовой общины охотников на среднюю и мелкую дичь[85].

На территории Передней Азии в эпоху мезолита формируется несколько культурно-хозяйственных провинций (Юго-Восточный Прикаспий, горный и предгорный Загрос, область Средиземноморья, Восточная и Южная Анатолия, Верхняя Месопотамия и Южный Кавказ), в которых обнаруживаются элементы производящей экономики. Для указанных провинций можно говорить о начальной стадии доместикации животных и дикорастущих злаков. В целом археологические материалы Передней Азии позволяют проследить постепенное вытеснение охоты скотоводством и введением в хозяйственный оборот некоторых видов злаковых культур[86].

Мезолит на Кавказе. В эпоху мезолита шло значительное потепление климата и смещение климатических поясов, что увеличивало площадь пригодной к заселению горной части Кавказа, в том числе северокавказского региона. С послеледниковой эпохой ряд исследователей связывает и окончательное (т.е. более не прерывавшееся впоследствии) заселение территории современного Дагестана и Чечни[87].

Долгое время господствовавшее в исторической науке представление о более медленном развитии культур каменного века на Кавказе по сравнению с Передней Азией в последнее время решительно пересматривается. В частности, отмечается, что мезолит на Кавказе развивается преемственно и настолько связан с верхним палеолитом, что критерии разделения нечетки, нижняя граница мезолита условна и ориентировочно может быть проведена на уровне 15 тыс. лет назад

[84] Уэйд Н. Указ. соч. С. 32.

[85] Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 60; Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 179.

[86] Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993. С. 10.

[87] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 27.

(примерно XII тыс. лет до н.э.)[88], т.е. практически в одно время с ближневосточным регионом.

Непрерывность, автохтонность и преемственность исторического процесса в эпоху мезолита отмечается и на Северном Кавказе[89].

Целый ряд археологических находок эпохи мезолита на Кавказе, например, жатвенный нож из грота Сосруко (Кабардино-Балкария) и мотыгообразное орудие из оленьего рога для вскапывания земли (Западное Закавказье), говорят о наличии сложного собирательства по обе стороны Большого Кавказского хребта[90].

Известный осетинский исследователь Б.А. Калоев считал, что зарождение скотоводства в Закавказье произошло в эпоху мезолита, а на Северном Кавказе – в эпоху неолита[91].

О близости мезолитических культур Кавказа с синхронными им культурами Передней Азии говорят практически все исследователи. Под археологической культурой ученые подразумевают совокупность материальных памятников, имеющих общие черты и распространенных на одной территории в одну эпоху В то же время ряд мезолитических культур Кавказа не могут быть связаны с предшествовавшими им культурами, что объясняется как ландшафтно-климатическими условиями, так и миграциями с территории Северного Ирана, Ирака и других регионов Ближнего Востока. Например, мезолитическая стоянка у с. Чох в Дагестане не имеет преемственности с какими-либо местными верхнепалеолитическими культурами. Зато по целому ряду признаков чохская мезолитическая культура объединяется с мезолитом Передней Азии, а конкретнее – с памятниками юго-восточного и южного Прикаспия, где, по всей видимости, и сформировались истоки чохской культуры. Причиной миграции людей из Южного Прикаспия в Дагестан стали, прежде всего, природные условия, возможно, аридизация прикаспийских областей[92].

В целом материалы Чохской стоянки относятся к периоду перехода от развитого собирательства и охоты к производящему хозяйству.

Отмеченная выше непрерывность и преемственность целого ряда археологических культур Кавказа от позднего палеолита к мезолиту некоторыми исследователями истолковывается как признак начавшегося формирования отдельных этнических сообществ. Другие считают, что применительно к эпохе мезолита можно говорить лишь о зарождении ареалов, в которых со временем сформируются отдельные этнические группы[93].

Этноязыковая ситуации в Передней Азии эпохи мезолита. В эпоху мезолита не вызывает сомнения присутствие в переднеазиатском регионе представителей трех языковых макросемей: афразийской, ностратической и сино-кавказской. Предполагается, что основной массив афразийцев еще не успел в эпоху мезолита

[88] Балановский О.П. Генофонд Европы. М., 2015. С. 231.

[89] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 34.

[90] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 130.

[91] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. С древнейших времен до начала XX века. М., 1993. С. 9.

[92] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 26, 27.

[93] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 132.

выйти за пределы Северо-Восточной Африки и части Аравийского полуострова, хотя отдельные группы степных и пустынных охотников и собирателей вполне могли это сделать.

Более сложной представляется картина расселения носителей ностратических языков. В настоящее время подавляющее большинство исследователей помещают прародину индоевропейских языков за пределами Передней Азии, что позволяет исключить присутствие праиндоевропейцев в западной части Малой Азии, как это предполагал В.М. Иллич-Свитыч[94]. В то же время вполне достоверным представляется расселение носителей дравидийских языков в юго-восточной части Ирана, а также среднем и нижнем течении р. Инд.

Допустимо также присутствие праалтайцев в северо-восточной части Средней Азии.

Что касается пракартвельской языковой общности, которую В.М. Иллич-Свитыч локализовал на Южном Кавказе или в непосредственной близости от него, то, например, И.М. Сигаури, на основании установленных пракартвело-семитских языковых схождений считает необходимым поместить ее южнее территории Плодородного полумесяца, так как прародина семитов локализуется чаще всего на Аравийском полуострове и в Северо-Восточной Африке[95].

Таким образом, представляется, что большая часть собственно территории Передней Азии эпохи мезолита, в особенности Ближний Восток и Кавказ, может быть уверенно отнесена на то время к ареалу расселения носителей прасеверокавказской семьи языков.

Неолит и возникновение производящего хозяйства. Среднекаменный век – мезолит, примерно к IX–VIII тыс. до н.э. сменил в Передней Азии новокаменный век – неолит. Это была эпоха шлифованных каменных орудий, широкого распространения микролитов и составных орудий, появления керамики и первых тканей на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Именно во время неолита получила распространение техника шлифовки и полировки каменных орудий, пиления и сверления камня. Получает дальнейшее развитие и специализация орудий труда, например, земледельческих.

Потребность в емкостях для хранения запасов и приготовления пищи привела к появлению керамической посуды. Для этого пришлось изобретать технологию обжига посуды в специально построенных печах, что одновременно подготовило почву для последующего освоения металлов. Несмотря на то, что появление керамики считается одной из важнейших черт неолита, археологами выявлено немало неолитических культур, вместо керамики широко использовавших посуду из камня и дерева. В археологии даже используется термин «докерамический неолит», например, для обозначения некоторых ранних неолитических культур Ближнего Востока, локализовавшихся в пределах Плодородного полумесяца, предшественником которых являлась мезолитическая натуфийская культура.

Но, с другой стороны, наличие керамики само по себе еще не означает свершившийся переход к неолиту и наличие производящего хозяйства.

[94] Иллич-Свитыч В.М. Указ. соч. С. 45.

[95] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 185–186.

Одним из важных новшеств неолита стало возникновение прядения, а затем и ткачества.

Среди важных перемен в образе жизни людей эпохи неолита – переход от обитания преимущественно в пещерах и под скальными укрытиями к жизни на открытых площадках. Эта стадия в Загросе (Западный Иран) датируется примерно X–IX тыс. до н.э.[96]

Самым важным для развития человечества достижением неолита стало возникновение производящего хозяйства. В отличие от присваивающего хозяйства, когда древние охотники и собиратели пользовались плодами дикой природы, так сказать, в «готовом виде», с появлением производящего хозяйства начинается производство пищевых ресурсов собственными силами через доместикацию (одомашнивание) растений и животных.

Появление производящего хозяйства часто напрямую связывается с возникновением земледелия и скотоводства, что далеко не всегда оправдано. Археологи знают немало примеров длительного сосуществования земледелия и скотоводства с охотой, рыболовством и собирательством. По мнению большинства историков, окончательный переход к производящему хозяйству произошел лишь с появлением поливного земледелия и отгонно-пастбищного скотоводства.

Поэтому датировка эпохи неолита опирается, в первую очередь, на достаточно легко фиксируемые изменения в технике обработки камня, в то время как переход от развитого собирательства и охоты к примитивному земледелию и скотоводству на археологических материалах обнаруживается с некоторым опозданием.

Отмечается также, что в связи с усилением неравномерности развития первобытных племен переход к неолиту в различных регионах мира происходил разновременно. Наиболее раннее наступление неолита зафиксировано в ближневосточном регионе Передней Азии – не позднее VIII тыс. до н.э. (некоторые исследователи настаивают и на более ранних датировках).

Этим же временем – VIII тыс. до н.э. – датируются и первые раннеземледельческие культуры Передней Азии, в которых выращивание злаков и бобовых совмещалось со скотоводством. Вообще, начало земледелия обычно датируется находками зерна, имеющего признаки культивации. Зерно лучше сохраняется в археологических слоях, чем другие растения и плоды. Поэтому не исключено, что начало земледелию было положено посадкой клубневых растений, а не посевами злаков[97].

Стоит отметить, что древнейшими одомашненными животными в исследуемом регионе стали, прежде всего, собака и овца – еще в IX–VIII тыс. до н.э.; свиньи в Передней Азии были одомашнены в VII–VI тыс. до н.э., позже произошло одомашнивание коров в VI–IV тыс. до н.э. Одомашненные ослы в Передней Азии известны с IV–III тыс. до н.э. (лошадь, как известно, была приручена в евразийских степях около IV тыс. до н.э.). Массовым домашним животным в Египте и Месопотамии с развитием зернового земледелия стала и кошка (IV–III тыс. до н.э.).

[96] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 30.

[97] Общая характеристика неолита. Неолит в Европе: [Электронный ресурс]. URL: http://www.celtica.ru/content/view/26/160/1/1/ (дата обращения 14.10.2018).

Плодородный полумесяц. Следует отметить, что далеко не на всей территории Передней Азии имелись подходящие условия для раннего перехода к производящему хозяйству. Первичные очаги земледелия сформировались на территории т.н. Плодородного полумесяца (Палестина, Сирия, Восточная Анатолия, Месопотамия, земли до Малого Кавказа и гор Загроса), где постепенно сложился целый комплекс культурных растений, послуживших основой для перехода к земледельческому образу жизни. Эти очаги оказывали влияние на окружающие районы, создавая стимулы для распространения земледелия вширь. Формирование указанных очагов происходило в результате взаимодействия нескольких первичных микроочагов, где происходила первичная доместикация отдельных видов растений и животных. В качестве первичных очагов рассматривались: восточно-средиземноморский (Палестина и Юго-Западная Сирия), северо-сирийский, юго-восточно-анатолийский, южно-анатолийский, загросский и закавказский[98].

Известны и другие границы выделения центров формирования первых раннеземледельческих культур, которые также лежат в пределах Плодородного полумесяца. Исследователи отмечают очевидную легкость перемещения населения Плодородного полумесяца. Это подтверждает существование контактов между Анатолийским плато, горами Загрос и районом Урмии на востоке, через Киликийскую долину, север Сирии и Верхнюю Месопотамию[99].

Именно наличие устойчивых связей позволяет рассматривать раннеземледельческие культуры Плодородного полумесяца в рамках некоего культурного единства.

На Земле имелись и другие регионы, в которых наличествовали условия для возникновения производящего хозяйства, например, предгорья Гималаев, Великая Китайская равнина, Северо-Восточная Африка. Существуют различные мнения по поводу причин, обусловивших наиболее ранний переход к производящему хозяйству именно на территории Плодородного полумесяца. Например, относительная перенаселенность, вызвавшая нехватку имевшихся в природе пищевых ресурсов или экологический кризис, связанный с постепенной аридизацией (усыханием) внутренних пространств Передней Азии. Однако нужно иметь в виду, что земледелие первоначально возникло в районах с достаточным увлажнением для стабильного произрастания диких злаков и других съедобных растений. Поэтому представляется, что переход к земледелию стал логически завершающим этапом в развитии сложного собирательства.

По мере удаления в степь от районов обеспеченного дождевого или ручьевого орошения все большую роль в хозяйстве играл выпас скота, а земледелию отводилась подсобная роль. Одомашнивание лошади и верблюда еще не произошло, и поэтому скотоводы неолита не могли совершать далеких сезонных перекочевок, необходимых для восстановления травяного покрова на пастбищах. Как и не могли слишком далеко отходить от воды. По мере истощения степных пастбищ или вследствие долгой засухи скотоводы массами переселялись в другие места[100].

[98] Шнирельман В.А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // Вестник древней истории. 1989. № 1 (188). С. 100–101.

[99] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 41.

[100] История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М., 2002. С. 28–29.

Кавказ – как один из первичных очагов производящего хозяйства. В исторической науке сложилось устойчивое мнение, что Кавказ являлся одним из первичных очагов формирования земледельческо-скотоводческого хозяйства. Производящее хозяйство имело здесь глубокие местные корни, а Северный Кавказ является частью древнего кавказского очага земледелия[101].

Что касается времени появления на Кавказе производящего хозяйства, то теперь для Закавказья, например, для области т.н. Гобустана (территория на юго-восточном окончании Большого Кавказского хребта, расположенная в 55 км от Баку) – оно датируется VII–VI тыс. до н.э.[102]

В том же VII тыс. до н.э. произошло утверждение неолитических культур и на Северном Кавказе – с некоторым отставанием от Передней Азии, но с опережением Восточной Европы. Более медленные темпы развития неолита на Северном Кавказе по сравнению с Передней Азией объясняются, прежде всего, тем, что население северокавказского региона не достигло демографического оптимума, а богатая природа еще позволяла существовать за счет охоты и собирательства[103].

Земледельческие поселения. Как и эпоха мезолита, неолит Передней Азии характеризуется наличием большого количества, хотя и самостоятельных, но все же близких археологических культур. Ряд исследователей в этой связи выделяет отдельные культурные провинции или ареалы. Для переднеазиатского региона наиболее характерны небольшие селения, но появляется несколько крупных и для своего времени хорошо укрепленных поселений, таких как Иерихон, Чатал-Хююк, Рас-Шамра, Угарит.

В этих поселениях некоторые исследователи видят прообраз будущих городов, но главным занятием их жителей являлось сельское хозяйство. Например, население Чатал-Хююка выращивало 14 видов съедобных растений, некоторые из которых использовались для приготовления масла. Обнаружены также многочисленные жернова, точильные камни, пестики и ступки – типичные знаки существования сельского хозяйства, которым занимались преимущественно женщины, а мужчины, видимо, занимались охотой. При этом строения Чатал-Хююка демонстрируют определенное единообразие в планировке, используемых материалах и методах строительства. Не централизованная власть, а традиции и сила привычки, вероятно, были главными факторами, определившими архитектурную однородность. Здесь же обнаружены самые древние, из известных в настоящее время, фрагменты тканей, сделанные из крученой пряжи двух сложений[104].

Распространение культурно-хозяйственных традиций населения праеверокавказской языковой семьи Передней Азии. Данные генетики. Появление в Передней Азии производящего хозяйства оказало сильное влияние на развитие неолитических культур Средиземноморья и Европы, тем более что средиземноморский ареал, содержащий сравнительно небольшое количество автохтонных растительных культур, в своей восточной части смыкается с древнейшими земледельческими очагами Анатолии и Палестины. В частности, имело место заимствование важнейших культурных растений и некоторых видов домашних животных. Переднеазиатское влияние не было одновременным актом, а состояло из целого ряда волн и импульсов, относящихся к различным культурным и временным горизонтам. Это не означает, что неолитические культуры были принесены в Европу в готовом виде[105]. Но легкость, с которой они перенимались, безусловно, объяснялась некоторым культурно-языковым родством населения обширного региона, состоявшего из носителей праеверокавказских языков.

[101] Кушнарева К.Х. Указ. соч. С. 175; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 6.

[102] История Азербайджана с древнейших времен до начала XX века. Баку, 1995. С. 29.

[103] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 29, 32.

[104] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ соч. С. 32, 37.

Первым европейским регионом, в котором возникло производящее хозяйство, стал Балканский полуостров, непосредственно граничащий с Малой Азией. Наиболее ранние свидетельства возникновения производящего хозяйства датируются здесь рубежом VII–VI тыс. до н.э., а во второй половине VI тыс. до н.э. оно охватывает не только Балканы, но и Нижнее Подунавье, проникает в Среднее Подунавье и Трансильванию[106].

То, что производящее хозяйство было занесено в Европу мигрантами-«фермерами» из ближневосточного региона, не вызывает сомнения, но дальнейшее его распространение стало в наибольшей степени результатом «культурной эстафеты». Что подтверждается и генетическими исследованиями, свидетельствующими, что по мере удаления от Ближнего Востока и Балкан доля мигрировавшего населения в Европе убывала[107].

Генетические исследования позволяют также пролить дополнительный свет на этнический состав населения, ставшего пионером в создании и распространении производящего хозяйства. Вполне очевидное соотношение между лингвистической и генетической эволюцией объясняется тем, что первая основывается на подсчете различий, накопившихся в результате разделения языков, а вторая – на подсчете мутаций, накопившихся в разделившихся сообществах. Несмотря на то, что скорость дифференциации генов и языков может быть различной, методологическое сходство лингвистических и генетических датировок позволяет напрямую сравнить генетические и языковые даты[108].

В определенной степени коррелируются с генетическими данными и результаты антропологических исследований. Возникновение европейского неолита связывается с т.н. «неолитическими брахицефалами» (букв. «короткоголовость», соотношение длины и ширины головы, при которой ширина составляет более 0,81 длины), пришедшими из Азии, в то время как мезолитическое и протонеолитическое население Европы относилось к долихоцефальному (букв. «длинноголовость», соотношение длины и ширины головы, при которой ширина составляет 75,9 длины и ниже) кроманьонскому антропологическому типу[109].

[105] Общая характеристика неолита. Неолит в Европе: [Электронный ресурс]. URL: http://wwwceltica.ru/content/view/26/160/1/1/ (дата обращения 14.10.2018).

[106] История Европы. В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 71.

[107] Балановский О.П. Указ. соч. С. 284–285.

[108] Балановский О.П. Указ. соч. С. 235.

[109] История Европы. В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 72.

Попутно отметим, что брахицефалический элемент хорошо представлен в Чатал-Хююке[110].

Генетические исследования также подтверждают, что генофонд первых неолитических земледельцев Европы резко отличался и от предшествующего, и от современного населения Европы, но постепенно растворился в окружающем населении и почти не дошел до нашего времени. При этом наибольшее сходство с генофондом популяций Ближнего Востока обнаружил генофонд одной из первых в Европе неолитических популяций – культуры линейно-ленточной керамики[111].

Данные генетики позволяют несколько по-другому взглянуть и на историю раннего этногенеза испанских басков, в которых часто видят реликт древнейшего населения Европы. Лингвистами разных стран давно уже отмечено сходство баскского языка с исконно кавказскими, а недавние исследования И.М. Сигаури выявили близость баскского языка к собственно нахским, в т.ч. к древним – шумерскому и хуррито-урартским языкам[112]. Что послужило основой для предположения о кавказском происхождении басков, чьи предки, якобы, еще в глубокой древности переселились на атлантическое побережье Европы с Кавказа.

Но генетические исследования показали, что в генофонде басков и населения Сардинии отсутствуют два предковых компонента: один маркирует современные популяции Кавказа/Центральной Азии; второй – современные популяции Северной Африки. У всех других популяций Иберийского полуострова эти два компонента присутствуют. К тому же баски генетически оказались ближе всего к людям из пещеры Эль Порталон в Атапуэрке. О.П. Балановский из этого факта делает вывод, что баски и жители Сардинии в наиболее полном виде сохранили генетическое наследие ранних европейских земледельцев и охотников-собирателей и их не коснулись миграции времен Римской империи и более поздних вторжений мусульман из Северной Африки[113].

Таким образом, с одной стороны обнаруживается несомненная близость баскского языка к исконно кавказским, с другой – генетические данные свидетельствуют, что современные баски не могут быть потомками неолитических переселенцев из Передней Азии. Единственное логическое объяснение этого противоречия – предки басков, жившие достаточно изолированно в горной части Пиренейского полуострова, в свое время заимствовали язык и культурные достижения выходцев с Ближнего Востока, осевших на равнинах современной Испании и Португалии. Механизм языковой ассимиляции в направлении от равнин в горы исторически достаточно хорошо прослеживается на Кавказе.

В последнее время отдельными специалистами предпринимались попытки доказать довольно позднее переселение басков в горные районы Пиренейского полуострова из Передней Азии и Кавказа в IV–III тыс. до н.э. Сохранение языка и своеобразного быта басков объясняют изолированностью от прочих европейцев занимаемых ими горных районов.

[110] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 43.
[111] Балановский О.П. Указ. соч. С. 285, 289.
[112] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. I. С. 539–639.
[113] Балановский О.П. Указ. соч. С. 296.

Этнолингвистическая ситуация в Передней Азии эпохи неолита. Что касается самой Передней Азии, то возникновение и развитие производящего хозяйства сопровождалось здесь активизацией миграционных потоков, хотя наибольшую роль в его распространении, бесспорно, играл механизм заимствования. Это позволяет предположить, что на протяжении большей части эпохи неолита в переднеазиатском регионе в целом сохранялась этноязыковая ситуация, сложившаяся еще в мезолите.

Можно с достаточной долей уверенности предполагать, что в начале эпохи неолита Передняя Азия продолжает оставаться регионом преимущественного распространения сино-кавказских языков, носители которых, скорее всего, объективно и были создателями производящего хозяйства. С учетом того, что праеверокавказский язык сформировался в эпоху неолита, а его культурная лексика соответствует производящему хозяйству – имеются серьезные основания утверждать, что формирование праеверокавказского языка происходило в границах Плодородного полумесяца[114].

Древние индоевропейцы, прародина которых локализовалась, скорее всего, где-то в восточной части Европы, еще не пришли в движение. Праземито-хамитские племена в своем движении на север и восток из восточной части Африки лишь на поздней стадии неолита значительными массами появятся на севере Аравийского полуострова и прилегающих к нему областях, заселенных далекими предками арабов и евреев. Не вызывает сомнения и постепенное продвижение дравидов на запад по южным областям Ирана и частично на север в направлении Средней Азии. Основной вектор миграции древних алтайцев, локализовавшихся на крайнем северо-востоке Средней Азии, направлен на восток, и лишь много позднее массы тюркских кочевников двинутся на запад. Вряд ли большие изменения произошли и в ареале расселения пракартвельских племен Ближнего Востока. Их продвижение на север в сторону Южного Кавказа, судя по картвело-семитским языковым схождениям, должно было начаться не ранее завершающей стадии неолита.

Относительная стабильность этнолингвистической ситуации в Передней Азии эпохи неолита подтверждается и сохраняющейся преемственностью местных археологических культур. Причем эта стабильность отмечается и на северо-западной периферии переднеазиатского региона, каковым объективно являлся Северный Кавказ. Для всех его регионов – от Западного до Восточного – характерна преемственность культуры (и, следовательно, населения) на всех этапах мезолита и неолита[115].

Ближневосточный энеолит (или **халколит**, VI – начало IV тыс. до н.э.) – первая стадия эпохи раннего металла, последующими стадиями которой являются ранний, средний и поздний бронзовые века. Само название (в переводе означающее «медно-каменный») показывает, что именно в это время неолитические земледельцы и скотоводы освоили технику обработки металла. Впервые переход к энеолиту археологическими материалами зафиксирован в ближневосточном ре-

[114] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 186.
[115] Балановский О.П. Указ. соч. С. 231.

гионе. Еще одна характерная черта раннего энеолита на Ближнем Востоке – появление и развитие окрашенной керамики.

Самые ранние следы кузнечной обработки самородной меди обнаружены археологами в обширном ареале от Анатолии и Восточного Средиземноморья до области Хузестан/Хузистан на юго-западе современного Ирана. Это позволило предположить, что освоение самородной меди началось почти одновременно в разных, достаточно удаленных друг от друга областях в условиях постоянных связей и контактов[116].

Начало освоения самородного металла на Ближнем Востоке пришлось на то время, когда развитие технологий обжига глины позволило достигать температуры, достаточной для выплавки металла из медной руды.

Находки первых медных изделий эпохи раннего энеолита очень редки в силу ряда причин. Дело не только в том, что самородная медь встречается нечасто, да и рудные месторождения имеются далеко не повсеместно. К тому же, если испорченное каменное орудие просто выбрасывали, то медное – шло на переплавку. Не стоит сбрасывать со счетов и такой значимый фактор – медные орудия одновременно являлись элементом престижа. Поэтому среди первых находок медных изделий – относительно много украшений.

Археологами появление в обиходе медных орудий часто обнаруживается по целому ряду косвенных признаков: резкое сокращение набора каменных орудий, определенная их деградация, сокращение или исчезновение ряда категорий каменных орудий, например, геометрических микролитов.

Энеолит Кавказа в свою очередь датируется, как правило, V–IV тыс. до н.э., но высказано мнение о необходимости несколько удревнить его. Например, в Закавказье первые изделия из металла появляются в VI–V тыс. до н.э. Их изготовление первоначально велось методом холодной ковки, а затем и литьем. На Северном Кавказе начало эпохи металлов подтверждается материалами V–IV тыс. до н.э. Чохского и Гинчинского поселений в Дагестане[117].

У исследователей не вызывает сомнения, что появление ранней металлургии на Кавказе связано с импульсом, исходившем из Передней Азии. Это тем более очевидно, что энеолитические культуры Кавказа обнаруживают близость с синхронными культурами Передней Азии. Например, центрально-кавказская или шулавери-шомутепинская культура Закавказья имеет аналогии с хассунской и халафской культурами Северной Месопотамии и Сирии VI–V тыс. до н.э., а керамика Техутского энеолитического поселения (Армения) обнаруживает сходство с керамикой Северного Убейда той же Месопотамии. Косвенно на переднеазиатское влияние указывает и то обстоятельство, что первые кавказские самостоятельные очаги металлургии располагались в центральной части Южного Кавказа[118].

[116] Рындина Н.В., Яхонтова Л.К. Медное шило из телль Магзалии (Итоги химико-технологического исследования) // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 310–311.

[117] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 31, 35.

[118] Сигаури И.М. Указ. соч. Т.II. С. 284; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 36.

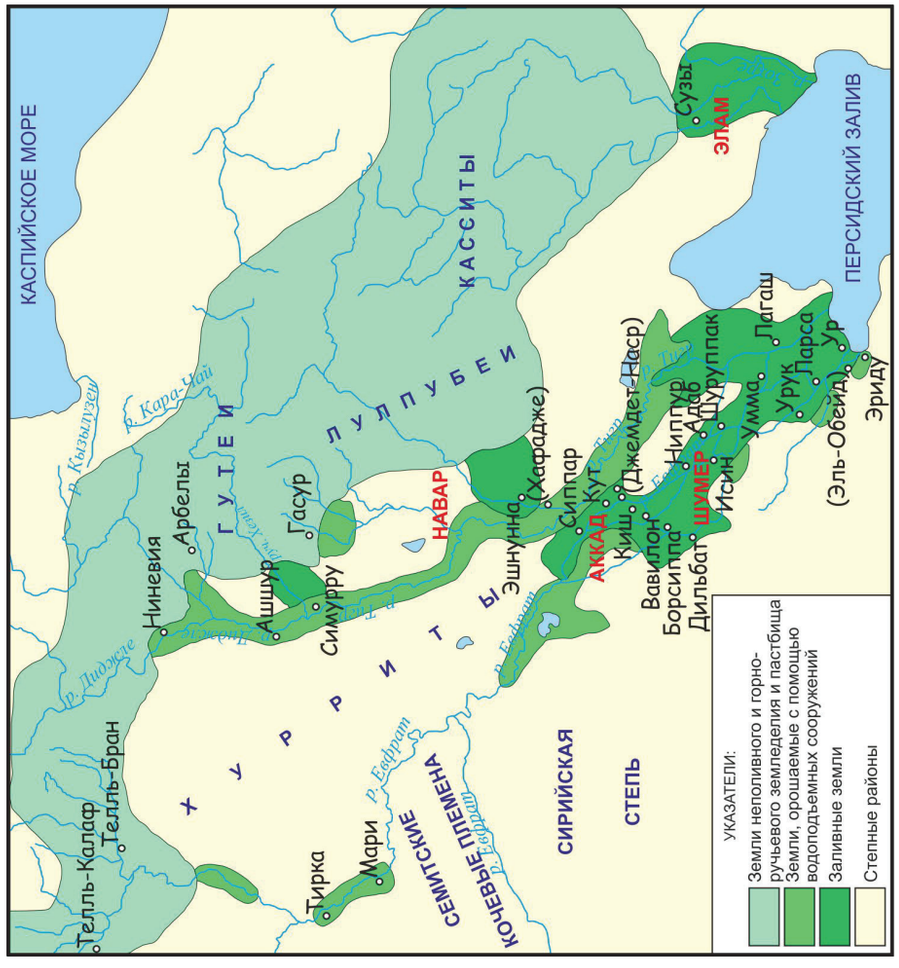

Рис. 7. Двуречье (Месопотамия) в IV–III тыс. до н.э. В районах распространения земледелия и некочевого скотоводства указаны шумеры, хурриты (языки нахского круга) и луллубеи, гутеи/кутии (круг восточнокавказских языков); в степной и пустынной зоне помещаются кочевые семитские племена

Определенная полемика существует по вопросу о том, какую роль в развитии энеолита на Кавказе сыграли миграции населения из переднеазиатского региона. Некоторые исследователи переход к энеолиту на Кавказе прямо связывают с проникновением из Передней Азии носителей энеолитической культуры, которые принесли навыки земледелия, скотоводства, керамики и плавки меди. Под их влиянием местный неолит Закавказья очень быстро перешел в стадию энеолита (раннего металла)[119].

Альтернативная точка зрения исходит из того, что развитие энеолита на Кавказе стало, в первую очередь, следствием последовательного развития местных неолитических культур. Действительно, энеолитические культуры Кавказа сохраняют преемственность с местными культурами неолита, что означает преемственность и населения. Несмотря на то, что археологические материалы допускают усиление миграционных процессов, это не повлияло на стабильность местных культур. Сохраняются и издревле сложившиеся связи с Передней Азией, что объясняет близость энеолитических культур Кавказа с одновременными им культурами Передней Азии [120].

Влияние металлургии на развитие общества. Быстрое распространение технологии выплавки металла привело к формированию в эпоху энеолита единой зоны металлургического производства, простиравшейся от Западного Ирана через Месопотамию, Малую Азию и Кавказ до Балкано-Карпатского региона. Однако внутри этой зоны уже в энеолите обозначились существенные различия. В частности, вокруг Черного моря начинает обосабливаться т.н. циркумпонтийская «металлургическая провинция», охватывавшая Балкано-Карпатский регион, Северное Причерноморье, Кавказ и Малую Азию[121].

Одновременно металлургия начинает играть все возрастающую роль в производящем хозяйстве. В частности, получает дополнительный импульс процесс выделения ремесел в качестве отдельных отраслей производства, т.е. растет специализация труда. Возникновение ремесла как особой сферы экономики рассматривается как показатель начавшейся социальной стратификации общества. Прогресс металлургического производства стал мощным стимулом экономического и социального развития общества и важным фактором перехода от эгалитарного к иерархическому обществу уже в эпоху позднего энеолита[122].

Ремесла и разделение труда. Специализированное ремесленное производство изначально ориентировано на потребности рынка, в том числе внешнего. Уже на самой ранней стадии металлургического производства самородная медь, как и обсидиан, находились в сфере активного торгового обмена, разрушающего замкнутость неолитических коллективов Ближнего Востока[123].

---

[119] Балановский О.П. Указ. соч. С. 231.

[120] Сигаури И.М. Указ. соч. Т.II. С. 283.

[121] Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 39.

[122] Авилова Л.И., Антонова Е.В. Древняя Евразия: интерпретация свидетельств культурных перемен // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 9.

[123] Рындина Н.В., Яхонтова Л.К. Указ. соч. С. 310–311.

А дальнейшее развитие металлургии привело к первому региональному разделению труда и возникновению устойчивых взаимосвязей между земледельческими цивилизациями равнин, являвшихся производителями сельскохозяйственной продукции, и населением предгорных и горных районов, специализировавшихся на добыче минеральных ресурсов[124].

Со своей стороны усиление межрегиональных связей создает условия для сближения и синтеза территориально близких археологических культур, в том числе и этнически разнородных.

Перечисленные выше изменения, произошедшие в эпоху энеолита, все вместе указывают на возникновение условий для появления городской цивилизации и ранних форм государственности. Не случайно, неолит и тесно связанный с ним энеолит характеризуются как начало производящей экономики, военизации, связанной с появлением специального оружия, фиксируемого археологически. В это же время происходит переход от поздней родовой общины к предгосударственному периоду[125].

Выводы. Подводя итоги, можно отметить, что во все древнейшие эпохи Кавказ в культурно-историческом плане остается частью древней культурно-языковой зоны Передней Азии, с которой, по мнению некоторых исследователей, он был связан также и этнической общностью населения[126]. Сегодня не вызывает сомнения, что заселение Кавказа древнейшими гоминидами и людьми современного физического типа происходило из региона Передней Азии. Отмечается также несомненная близость археологических культур каменного века Передней Азии и Кавказа, что позволяет говорить не только о сходном развитии палеолитических культур, но и формировании широкой культурной общности, в рамках которой на всех этапах каменного века имели место довольно активные миграционные процессы, что подтверждается археологическими и генетическими данными. Примером может служить крупная миграция в эпоху мезолита из Южного или Юго-Восточного Прикаспия на территорию современного Дагестана, давшая импульс развитию оригинальной чохской археологической культуры.

В целом, как видно из материалов главы, корни предков современных северокавказских народов, в том числе и нахов, непосредственно ведут в регион Передней Азии и Восточной Африки, в пределах которого сложился «Человек разумный» современного физического типа. Впоследствии, в эпоху верхнего палеолита, в Передней Азии сформировались первые языковые макросемьи, одной из которых была сино-кавказская макросемья. В эпоху мезолита на ее базе возникает прасеверокавказская семья языков, после распада которой три ее ветви (западная, центральная и восточная) довольно скоро освоили южные и северные склоны Большого Кавказского хребта. Еще позже на основе некоего единого этноязыкового поля происходит распространение хозяйственных и культурных навыков, характерных для эпохи неолита. Позже на обширном пространстве

[124] Авилова Л.И., Антонова Е.В. Указ. соч. С. 10.
[125] Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 180.
[126] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 285.

Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа складываются энеолитические культуры (с освоением металла – медь) с реальными чертами глубокого сходства.

Согласно современным подходам, собственно нахская общность того времени (шумеро-хуррито-урарто-нахская) уверенно заняла, по крайней мере с VI/V – по начало III тыс. до н.э., практически всю Месопотамию и Центральный Кавказ.

Таким образом, предки нахов вышли из той же прародины человечества, что и большинство народов мира, долгое время оставаясь при этом в зоне влияния и воздействия этнокультурного поля Ближнего Востока, в котором видное место занимала Месопотамия.

Глава II.

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ НАХОВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И АНТРОПОЛОГИИ

§1. Заселение Кавказа человеком. Складывание прасеверокавказской языковой общности

Если в первой главе мы рассматривали древнейшую историю Кавказа и нахов как сегмент огромного «круга» Передней Азии, то ниже мы постараемся рассмотреть проблему в рамках конкретно кавказского региона.

Первые представители человекообразных приматов на Кавказе. На самом раннем этапе древнекаменного века (нижний или ранний палеолит) Кавказ оказался в зоне обитания гоминидов – возможных предков людей современного типа. Обнаруженные в Дманиси (Грузия) останки гоминида большинство палеонтологов рассматривают как локальную разновидность Homo erectus – «Человек прямоходящий» (питекантроп) или как переходную форму между Homo habilis («Человек умелый») и Homo ergaster («Человек работающий»), т.е. от австралопитековых к питекантропам. Указанные останки имеют возраст 1,9–1,7 млн. лет[1], а заселение Кавказа происходило из региона Передней Азии либо через Левантийский коридор, либо через Восточную Анатолию[2].

Вполне сопоставимый с Дманиси возраст имеют и самые древние палеолитические материалы Северного Кавказа. Например, возраст стоянки Богатыри на Таманском полуострове некоторыми исследователями теперь определяется в 1,4–1,2 млн. лет, а то и 1,6 млн. лет назад. Кроме того, на восточном конце региона в Дагестане, в Левашинском и Гунибском районах, недавно были обнаружены древнейшие на территории Российской Федерации следы пребывания первобытного человека возрастом не менее 2–1,4 млн. лет (Айникаб-1 и 2, Мухкай-1 и 2, Гегалашур-1, 2, 3)[3].

[1] Любин В.П., Беляева Е.В. Кавказ в ранней предыстории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 72.

[2] См.: Ниорадзе М., Ниорадзе Г. Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 89; Любин В.П., Беляева Е.В. Указ. соч. С. 87.

[3] См.: Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. II. По данным археологии. М., 2016. С. 14; Кокин А.В., Кокин А.А. Врата Кавказа. К проблеме предков, населявших Кавказ и ойкумену // Истоки Кавказской Цивилизации. Ростов н/Д, 2016. [Электронная версия]. URL: http://www.avkokin.ru/mirovozzrenie/2016/05/01/istoki-kavkazskoj-civilizacii.html. С. 78. (дата обращения 14.10.2018).

Кавказский палеолит. Средний палеолит или т.н. эпоха культуры мустье, создателями и носителями которой считаются неандертальцы, для разных регионов мира датируется по-разному, но в целом остается в пределах 200/150–50/45 тыс. лет назад. Для указанного времени археологическими материалами отмечено систематическое проникновение на Кавказ групп охотничьих племен из Ближнего и Среднего Востока. Эти проникновения происходили в течение наиболее благоприятных климатических периодов – межледниковий[4].

Для эпохи среднего палеолита обычно выделяют два этапа заселения Кавказа, не связанных между собой ни хронологически, ни культурно-генетически. Первый этап коррелируется с раннепалеолитическими индустриями Леванта, второй – с культурами населения гор Загроса в Иране. Не исключается и возможность встречных (обратных) миграций. Так, на Кавказе имеются памятники со следами местной древнейшей палеолитической (ашельской) культурной традиции, например, Ильская стоянка в Прикубанье[5].

Поэтому заслуживает внимания предположение А.П. Деревянко о том, что археологические и антропологические материалы Леванта (Восточное Средиземноморье), относящиеся ко времени 800–40 тыс. лет назад, свидетельствуют о формировании на базе вида Homo Heidelbergensis («Человек гейдельбергский») двух сестринских таксонов (группа с общими свойствами и признаками): людей современного физического типа (стоянки Схул и Кафзех в Израиле) и палестинских неандертальцев (стоянки Табун, Амуд и Кебара) с сохранением близости материальной культуры. При этом по многим морфологическим показателям палестинские неандертальцы Леванта отличались от европейских[6].

В этом случае систематические миграции на Кавказ в среднем палеолите из региона Ближнего Востока могут означать, что наряду с европейскими и палестинскими неандертальцами на Кавказе уже тогда появились люди современного физического облика.

Как бы то ни было, в верхнем (позднем) палеолите (45/40–12/10 тыс. лет назад) Кавказ и Передняя Азия представляли собой территорию сходного развития верхнепалеолитических культур[7].

Отмеченное сходство путей развития во многом обеспечивалось, в т.ч., миграциями и культурной диффузией, благодаря чему в эпоху позднего (верхнего) палеолита сложилась широкая культурная общность, охватывавшая внеледниковую южную часть Европы, Кавказ, Переднюю и Среднюю Азию, отчасти Индию и северную часть Африки.

[4] Долуханов П.М. Палеография и первобытное население Кавказа и Средней Азии в плейстоцене и голоцене. – С. 83 // [Электронная версия]. URL: http://www.hpj.asj-oa.am/3142/1/1979-2(62).pdf (дата обращения 14.10.2018).

[5] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 27, 28.

[6] Деревянко А.П. Олдованская или галечно-отщепная культура? Левантийское мустье или средний палеолит Леванта? // Археологи, этнография и антропология Евразии. Т. 44. 2016. № 2. С. 12.

[7] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 33.

Мезолит (среднекаменный век) в Закавказье и на Северном Кавказе. Для мезолита (в разных регионах мира датируется в пределах от XV/XII–IX/VIII тыс. лет до н.э.), также как и для позднего палеолита, типичны миграции первобытных людей охотников-собирателей на большие расстояния. В этом отношении обращает на себя внимание миграция из Южного Прикаспия на территорию современного Дагестана пришельцев эпохи мезолита, что дало импульс развитию оригинальной чохской археологической культуры, которую исследователи включают в ареал т.н. кругокаспийской области, охватывавшей степи Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия[8].

Исходная область, откуда вышли будущие носители чохской культуры, лежит либо в пределах Плодородного полумесяца на Ближнем Востоке, либо непосредственно рядом с ним, а сама миграция произошла на рубеже переднеазиатского мезолита и неолита. Это период, когда климатические условия Передней Азии приблизились к современным, причем сравнительно небольшие изменения средней температуры и влажности оказали непропорционально большое влияние на климат региона в целом. Так, на Анатолийском плато в ранний послеледниковый период имелись крупные озера, впоследствии радикально уменьшившиеся или исчезнувшие совсем – небольшого уменьшения количества осадков и подъема средней температуры оказалось достаточно, чтобы осушить их. Сильно уменьшилась и площадь лесов, покрывавших ту же Анатолию[9].

Одновременно произошло значительное снижение уровня Каспийского моря, что привело к образованию в Прикаспии обширных пустынных и полупустынных ландшафтов.

Указанные климатические изменения, несомненно, стимулировали переход к производящему хозяйству на территории Плодородного Полумесяца, но одновременно они же активизировали миграционные процессы из областей, пострадавших от аридизации климата, в регионы с достаточным уровнем влажности. В том числе повысилась привлекательность горных районов Кавказа с разнообразием близко расположенных ландшафтных зон. В этих условиях для какой-то части мезолитических охотников и собирателей, пострадавших от засухи, сравнительно малозаселенная горная часть Большого Кавказа оказалась привлекательней, чем более близкие, но более плотно заселенные горы Загроса и другие территории Плодородного полумесяца.

Постепенное распространение представителей чохской археологической культуры в пределах Дагестана хорошо просматривается на археологических материалах, но ее трудно «рассмотреть» по антропологическим и генетическим данным. По времени с ней заманчиво было бы связать носителей гаплогруппы J1, появившихся на Кавказе около 10 тыс. лет назад.

[8] Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Востока Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 97.

[9] Берни Ч., Лэнг Д.М. Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Пер. с англ. М., 2017. С. 9–12.

Популяция гаплогруппы J1 и чохская культура. Гаплогруппа J1 типична для населения Среднего и Ближнего Востока, Дагестана, Северного Кавказа и семито-язычных народов Северной и Восточной Африки. Однако ее частота резко падает на границах арабоговорящих стран с другими странами, такими как Иран и Турция. Отмечается также, что дагестанские ветви J1 отличаются от арабских ветвей J1. Однако археологические материалы, как уже отмечалось, уверенно связывают происхождение создателей чохской археологической культуры с территорией Южного Прикаспия, а J1 считается ближневосточной гаплогруппой, зародившейся то ли в Юго-Восточной Анатолии, близ озера Ван в центре Курдистана, то ли в Месопотамии около 19000 лет назад[10].

Распространение гаплогруппы J1 по Передней Азии (включая Кавказ) и за ее пределами оказывается увязанным с распространением производящего хозяйства, что на первый взгляд плохо вяжется с мезолитическими охотниками и собирателями, создавшими чохскую культуру. Но учитывая, что их миграция началась из региона, как минимум тесно примыкавшего к Плодородному полумесяцу, можно видеть в них носителей сино-кавказской или даже прасеверокавказской языковой общности, сыгравших определенную роль на самой ранней стадии этногенеза народов Северо-Восточного Кавказа.

Также нужно иметь в виду, что это была далеко не единственная миграция групп охотников и собирателей на Кавказ в эпоху мезолита.

Появление производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) в неолите кардинально изменило не только образ жизни людей, но и оказало сильное воздействие на характер миграционных процессов. В выборе места переселения большую роль начинает играть наличие ландшафтно-климатических и экологических условий, сходных со старым местом поселения, что, несомненно, связано со стремлением сохранить привычный тип хозяйствования. Иначе говоря, замена собирательства земледелием, а охоты скотоводством предъявляли более жесткие требования к направлению колонизации.

Уже в неолите (в разных регионах мира датируется в пределах 10–4/3 тыс. лет назад) в выборе новых мест переселения значение имело не только наличие высококачественного сырья для производства каменных орудий, но и интересы развивающегося ремесленного производства. Например, для производства керамики требовалось наличие залежей определенных видов глины, а также воды и лесных топливных ресурсов.

Крупные миграции на дальние расстояния земледельческих сообществ были редки и при ближайшем рассмотрении часто представляли собой длительные по времени перемещения, в том числе «маятниковые». Такие перемещения могли сочетаться с контактами в ходе обмена, восприятием новаций в технологической сфере и т.п.[11]

[10] Клёсов А.А. Что говорит ДНК-генеалогия о кавказцах – 3. URL: http:|//pereformat.ru/2013/10/east-kavkaz-dna/; Популяция J1-M267 [условный род Авраама] [Электронная версия]. URL: http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/populations/haplogroups/y-dna/j-y-hg/j1-adam-clade.html (дата обращения 14.10.2018).

[11] Авилова Л.И., Антонова Е.В. Древняя Евразия: интерпретация свидетельств куль-

Неолитическое аграрное расселение осуществлялось в двух основных формах. Это был либо перенос поселков на новые места, сопровождавшийся полным переходом в них всей массы населения, либо часть населения оставалась на старых поселениях, а переселялись в новые поселки семьи по выбору и/или определенные контингенты молодежи. Чаще всего имело место отселение на новое место части населения. При этом отделившиеся коллективы с течением времени либо превращались в самостоятельные этносоциальные единицы, либо, сохранив связь с материнской общиной, создавали объединения более крупного плана[12].

Миграции эпохи производящего хозяйства, даже если они носили характер постепенного «растекания», как правило, приводили к чересполосному расселению старого и нового населения. Ситуация в этнокультурном плане еще больше осложнялась, если имела место встреча сразу двух или даже большего числа миграционных потоков. Исследователи выделяют целый ряд факторов, влиявших на взаимоотношения мигрантов между собой и с аборигенным населением: численное соотношение между ними, их языковая и культурная принадлежность, разница в уровне социального развития, характер самой миграции (разовой или постоянной, долговременной или краткой, массовой или в виде инфильтрации). Соотношением указанных факторов определялось направление заимствований, в том числе языковых[13].

В то же время формы расселения, связанные с частичным отселением, приводили к созданию стойких иерархических отношений между населением дочерних и основных, исходных поселений. Наряду с усложнением внутренней социальной иерархии в коллективах это вело к формированию сословных различий. Происходит и определенное структурирование больших евразийских культурно-исторических общностей эпохи неолита в виде прерывистых ареалов[14].

Таким образом, в эпоху неолита миграции, наряду с культурными заимствованиями, становятся одним из важных факторов этнического и социального развития. Этому же способствовало резкое оживление торговли и обмена. Известно, например, о существовании в эпоху неолита своеобразного торгового пути, соединявшего Переднюю Азию с Западной и Центральной Азией[15].

Распространение неолитических земледельческих культур Ближнего Востока и Кавказа. Встречные миграции. Нами отмечалось, что эпоха неолита связана с сильными разнонаправленными культурно-миграционными потоками, исходившими изначально из Плодородного полумесяца. Причем, в самой Передней Азии распространение земледельческих поселений отмечено уже в VIII тыс. до н.э.

турных перемен // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 4.

[12] См.: Кожин П.М. Расселения, переселения, миграции в культурологическом освещении // Аспекты компаративистики. Вып. 2. М., 2006. С. 34; Саликов Е.А. Типы древних миграций (этносоциальный аспект): Автореферат дисс… . канд. ист. наук. М., 1992. С. 7.

[13] Чвырь Л.А. Этнографические заметки о проблеме миграции // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 245–246.

[14] Кожин П.М. Указ. соч. С. 34–35.

[15] История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 64.

В VII тыс. до н.э. Малая Азия стала местом нескольких волн миграции земледельческих культур на Балканы и, возможно, на острова Восточного Средиземноморья, включая Крит. Несмотря на постепенный характер продвижения раннеземледельческих культур в течение столетий, в конечном итоге они подчас преодолевали огромные расстояния. Например, носители неолитической культуры линейно-ленточной керамики мигрировали в Европу из различных частей региона, охватывавшего Северную Месопотамию, Закавказье и Восточную Анатолию[16].

То же самое происходило и в восточном направлении. Так, хорошо известно, что неолитическое население прикопетдагских равнин Южной Туркмении в той или иной степени родственно населению Ближнего Востока, что отмечается антропологами и хорошо прослеживается на археологических материалах[17].

Вместе с тем, значительно оживляются и миграции внутри переднеазиатского региона, в том числе между Кавказом и областями, лежащими южнее. Например, исследователь Х.К. Чокаев связывает появление «средневосточных» или т.н. «кавказских» гаплогрупп на территории древней Палестины и Ливана с миграцией в эпоху неолита[18].

На Кавказе первые внутренние миграции неолита шли из горных очагов земледелия на равнину. Во многом благодаря им в течение VI–IV тыс. до н.э. земледелие распространилось по Квемо-Картлийской и Араратской равнинах, Алазанской долине, Куро-Аракской низменности, Мильской, Карабахской и Муганской степях[19].

В то же время миграционные потоки, идущие в Закавказье с юга и, соответственно, из Закавказья на юг и север, неизбежно имели свои этноязыковые особенности. Некоторые исследователи связывают с ними перемены в этническом составе населения Кавказа, например, И.М. Сигаури склонен видеть здесь набирающий силу процесс распада прасеверокавказского языкового и этнического единства[20].

При этом, как уже упоминалось, направления потоков переселенцев зачастую могли быть встречными. Например, археологи отмечают неоднократные перемещения населения из Месопотамии во все стороны света, но, в то же время, зарождение халафской культуры (5600–4500 гг. до н.э., Северная Месопотамия) связывают с миграциями из Восточной Анатолии, юго-западных районов Армянского нагорья и Закавказья, что привело к складыванию целого ряда кардинальных отличий от предшествующей ближневосточной хассунской культуры (VII–VI тыс. до н.э.). В частности, изменились погребальный обряд, архитектура жилищ и керамическая традиция[21].

[16] Балановский О.П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографи и митохандриальной ДНК и Y-хромосомы: Дисс… докт. биолог.наук. М., 2012. С. 237.

[17] Дубова Н.А. Миграция и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 230.

[18] Чокаев Х.К. Случайность или историческая реальность? (популяционная генетика о происхождении народов Кавказа и их роли в мировой истории). М., 2010. С. 67–68.

[19] Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993. С. 29.

[20] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 221.

[21] Мунчаев Р.М. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V ты-

И.М. Сигаури в рамках своей концепции о распаде прасеверокавказской лингвистической общности на три языковые семьи допускает, что создатели халафской культуры могли быть носителями прашумеро-хуррито-урарто-нахского языка[22].

Прасеверокавказская языковая общность. Помимо зарождения впервые в мире производящего хозяйства на территории Передней Азии и Кавказа, эпоха неолита отмечена здесь также обособлением прасеверокавказской языковой общности (с ее распадом к завершению неолита). Среди исследователей отсутствует единство мнений по поводу первоначального ареала формирования истинно кавказских языков, но при этом он довольно часто выносится за пределы собственно Кавказа. Так, Н.Я. Марр исключал Кавказ из первичного ареала кавказских языков, помещая очаг их формирования в Месопотамии. Ю.Д. Дешериев считал местом их образования Южный Кавказ, а по мнению И.М. Сигаури, пракавказский макроязык зародился еще в эпоху верхнего палеолита на территории Передней Азии и тогда же распространился далеко за ее пределами, а вот прасеверокавказская общность сформировалась уже на территории Плодородного полумесяца[23].

Как бы то ни было, но имеется достаточно много лингвистических доказательств, указывающих, что в глубокой древности Кавказ в языковом отношении входил в обширный культурно-языковой ареал Передней Азии в качестве северной периферии. Дополнительно можно привести наглядный пример языковой близости древнего населения Закавказья с современными северокавказскими языками. Вот, к примеру, название керамической маслобойки в языке кавказских азербайджанцев – *нехре*, для которого установлены параллели с дагестанскими и нахскими языками. Так, в цахурском и рутульском языках «масло» звучит как *нехре*, в аварском – *нех*, в лакском – *нах*, в удинском – *нак/айран* означает «сыворотка». Кроме того, в цахурском *нек*, а в лакском *нак* – означает «молоко». В языке осетин *нехле* означает «масло», а в чеченском «сыр» звучит как – *нехча* (от себя добавим чеченское и ингушское *налха* в значении «сливочное масло». – Авт.). Указанный тип керамических маслобоек известен на территории Центрального и Восточного Закавказья не позже III тыс. до н.э. по материалам раннего этапа куро-аракской культуры. Поэтому совпадение материального и смыслового состава азербайджанского названия маслобойки со словами «масло», «молоко» и «сыворотка» в дагестанских и нахских языках может быть объяснено только тем, что азербайджанское название сохранилось с тех времен, когда кавказские предки ныне тюркоязычных азербайджанцев и многих народов Кавказа говорили на родственных языках. Но что еще более интересно, слово *нехре* распространено также в Иранском Азербайджане и даже употребляется в персидском языке, но при этом на основе персидского языка (позднего для территории Ирана) не этимологизируется[24].

сячелетия до нашей эры // Российская археология. № 3. 1997. С. 17–18.

[22] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 218.

[23] Там же. С. 199.

[24] Нариманов И.Г. Архаические керамические маслобойки в этимологии азербайджанского слова «нехре» (маслобойка) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 63.

Отмечая роль миграций древности, И.М. Сигаури подчеркивает, что культурная общность Кавказа и Передней Азии поддерживалась не только сходством путей культурно-исторического развития, но также общностью происхождения и постоянной «диффузией» языков и культур в рамках этого ареала[25].

Эпоха энеолита и связанное с ней дальнейшее развитие комплексного производящего хозяйства и, прежде всего, возникновение металлообработки, связанное с поиском перспективных залежей металлических руд, далеко не повсеместно распространенных, резко повысили активность культурных и миграционных процессов в регионе Кавказа[26].

Так, земледелие в Южную Месопотамию было принесено мигрантами из центральной части Загроса и прилегающих горных районов, что привело к формированию не позже V тыс. до н.э. культуры Убейд, которую большинство исследователей уверенно связывают с шумерской этно-лингвистической общностью.

В свою очередь, миграция носителей культуры Урук из Южной Месопотамии в Закавказье привела к формированию энеолитической лейлатепинской культуры, носители которой, в течение веков переместившись на северные склоны Центрального Кавказа, возможно, положили начало майкопской культуре. Следует отметить и роль первых торгово-ремесленных городов в развитии древних народов эпохи энеолита. До настоящего времени считалось, что городская цивилизация вперые зародилась в урукский период в среде древних шумеров на юге Месопотамии. Между тем, все чаще поступают сообщения о раскопках европейских археологов в Сирии (в районе верхнего Ефрата) большого города в местности Хамукар, торговавшего собственными обсидиановыми и медными изделиями начиная с 6,5-6 тыс. лет назад. Причем это зона формирования митаннийского (хурритского) этноса. Принципиально важно, что первые в истории человечества торгово-ремесленные города находились в ареале распространения языков шумеро-хуррито-урарто-нахского круга.

Нельзя не отметить также начавшееся в энеолите продвижение индоевропейцев из своей прародины, расположенной предположительно в Балкано-Дунайской области, в сторону Кавказа и Средней Азии.

§2. Генетический и лингвистический материалы о становлении автохтонных народов Кавказа и нахов

Генетические исследования о формировании этноязыковых общностей Передней Азии и Кавказа. Имеющиеся на сегодня данные генетических исследований показывают, что мужское население Кавказа в значительной мере состоит из десятка разных субкладов гаплогрупп G2a, J2a, J1a3, R1a, R1b, из которых складывается все многообразие этнических групп. Применительно к эпохе энеолита подтверждается предположение историков и археологов о том, что не менее VI тыс. лет до н.э. носители ближневосточной гаплогруппы J2 начали про-

[25] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 131–132.

[26] Кожин П.М. Указ. соч. С. 34.

движение из Месопотамии через Южный на Северный Кавказ, причем путь их лежал через центральную и западную части Кавказа в сторону ареала будущей майкопской и родственных ей культур. На восток Кавказа они прибыли гораздо позже либо с северо-запада, либо вообще другими путями с юга[27].

Это в целом подтверждает заключение археологов о миграции создателей лейлатепинской и майкопской культур из Южной Месопотамии. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в связи с тем, что материалы генетических исследований зачастую не отличаются точностью и поэтому принимать их во внимание следует только при наличии бесспорных совпадений с археологическими и лингвистическими доказательствами.

Кроме того, генетические данные указывают на наличие «кавказских» генов в индоевропейских народах, первоначально привнесенных еще в эпоху неолита. В этой связи следует напомнить, что в свое время С.А. Старостин выявил значительный пласт северокавказских заимствований в праиндоевропейском языке[28].

Исходя из того факта, что в праиндоевропейском языке обнаружены не отдельные сходно звучащие слова с сопоставимым значением, а система звуковых соответствий, некоторые исследователи пришли к выводу, что праиндоевропейский язык на своей прародине наложился на прасеверокавказский субстрат. Т.е. праиндоевропейцы ассимилировали некую группу прасеверокавказцев, переняв у них ряд терминов, относящихся к самым различным сферам жизни[29]. Есть, конечно, и примеры ранних заимствований индоевропейской лексики в прасеверокавказскую.

Археологические данные подтверждают продвижение носителей ближневосточных генов, как минимум, до Восточной и Центральной Европы (культура ленточной керамики). Вместе с тем лингвистические данные свидетельствуют, что миграция носителей кавказских языков достигла самых крайних западных пределов Европы. Еще в середине XX в. известный лингвист Ю. Покорный, реконструируя язык доиндоевропейского населения Ирландии, пошел по пути анализа раритетных особенностей морфологической и синтаксической системы ирландского языка, в которых он выявил субстратные явления из кавказских языков (например, двадцатеричная система счета и др.)[30].

Начало массовых миграций носителей индоевропейских языков обычно связывается с началом распада праиндоевропейской общности в эпоху энеолита – примерно в начале V тыс. до н.э. Но, например, О.А. Мудрак относит распад праиндоевропейского языка к рубежу V–IV тыс. до н.э.[31]

[27] Клёсов А.А. Указ. соч.

[28] Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Старостин С.А. Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 310–358.

[29] Кулланда С.В. Лошадь в праиндоевропейском // Аспекты компаративистики. Вып. 3. М., 2008. С. 672.

[30] Михайлова Т.А. К проблеме реконструкции языка пиктов (предварительные замечания) // Аспекты компаративистики. Вып. 2. М., 2006. С. 55–56.

[31] Кулланда С.В. Указ. соч. С. 675.

Как показывают генетические данные, примерно к IV тыс. до н.э. относится появление на Кавказе носителей гаплогруппы R1b (т.н. эрбины), имевших корни в степных культурах: хвалынской (7–6,6 тыс. лет назад), азово-днепровской (7,2–6,8 тыс. лет назад), самарской и батайской. Гаплогруппа R1b появилась на Ближнем Востоке или в Центральной Азии не позднее 20 тыс. лет назад, но относительно времени ее появления в Европе существуют различные точки зрения. Первоначально приход носителей гаплогруппы R1b в Европу связывали с миграцией охотников и собирателей верхнего палеолита, но в последнее время большую популярность приобрела точка зрения, связывающая эту гаплогруппу с миграцией населения из западной части Азии, которое принесло земледелие в Европу. В настоящее время эта гаплогруппа наибольшее распространение имеет в Западной Европе, а также в Анатолии, по всему Кавказу, в ряде регионов России и в странах Центральной и Южной Азии[32].

Неопределенность с происхождением гаплогруппы R1b не позволяет уверенно связать ее носителей с неолитическими земледельцами Ближнего Востока. В то же время к моменту появления эрбинов на Кавказе они, скорее всего, представляли индоевропейскую языковую общность. Для эпохи энеолита невозможно выделить на Кавказе самостоятельную археологическую культуру, которую можно было бы связать с индоевропейцами.

Уже отмечалось, что распространение гаплогруппы J1 предположительно связано с началом распространения производящего хозяйства из региона Ближнего Востока. С течением времени из нее выделился целый ряд субкладов – J1c3, J1a, J1a3, J1b, J1c1, J1c2 и др. Гаплогруппы G2 и J1, возможно, были основными линиями, которые могли привести домашних животных в Европу. J1 (в том числе субклад J1a3) достигает максимальной частоты на Восточном Кавказе, а в некоторых этнических группах составляет абсолютное большинство (кубачинцы, кайтаки, даргинцы), в то время как другие имеют чрезвычайно высокий уровень G2 (шапсуги, северные осетины). Большинство этнических групп на Северном Кавказе, имеют от 20 до 40% каждой гаплогруппы, которые на сегодняшний день доминируют на Кавказе. На Южном Кавказе (Грузия, Армения, Азербайджан) гаплогруппа J2a является одной из основных, но также высоки частоты J1 и G2a[33].

Генетические различия между народами западной и восточной части Кавказа подтверждаются антропологическими данными и, по всей видимости, сложились еще в глубокой древности. В то время как народы западной части кавказионского ареала представляют собой в антропологическом отношении гомогенное целое, народы восточной части этого ареала, в первую очередь народы Дагестана, были отделены от них мощными генетическими барьерами, начиная

[32] Клёсов А.А. Указ. соч.; Его же. Гаплогруппа R1b (эрбины) и ее субклады : [Электронная версия]. URL: http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/populations/haplogroups/y-dna/r-y-hg/r1b-clade/index.html (дата обращения 14.10.2018).

[33] Клёсов А.А. Указ. соч.; Его же. Популяция J1-M267 [условный род Авраама]: [Электронная версия]. URL: http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/populations/haplogroups/y-dna/j-y-hg/j1-adam-clade.html (дата обращения 14.10.2018).

с самых ранних этапов расообразования, может быть даже с неолитического времени[34].

Распад единого прасеверокавказского языка обычно датируется концом неолита. В эпоху энеолита и ранней бронзы получили продолжение процессы дальнейшего расхождения истинно кавказских языков. Как уже отмечалось в первой главе, в лингвистическом научном сообществе до сих пор нет единства мнений по составу семьи кавказских языков ни сегодня, ни в отдаленном прошлом. Имеет своих сторонников и теория иберийско-кавказского языкового родства, хотя ее приверженцы признают, что установление факта родства какой-либо одной ветви иберийско-кавказских языков с хаттским, шумерским и хуррито-урартскими языками будет одновременно означать отказ от постулирования генетического родства и единства иберийско-кавказских языков[35].

Требует дополнительного освещения вопрос об этапах распада западно-кавказской (абхазо-адыгской) и восточно-кавказской языковых общностей, а также все чаще постулируемой шумеро-хуррито-урарто-нахской (или просто нахской) общности, а также о месте в прасеверокавказской языковой семье ряда древних вымерших языков: шумерского, хуррито-урартских, хаттского, кутийского, этеокипрского и некоторых других.

В свое время два выдающихся отечественных лингвиста И.М. Дьяконов и С.А. Старостин выделили в составе восточно-кавказской семьи следующие группы: 1. Восточная или лезгино-даргинская; 2. Лакская; 3. Центральная или аваро-андо-цезская; 4. Западная или нахская; 5. Хуррито-урартская.

По их предположению, хуррито-урартская группа включала еще несколько языков Малой Азии (как субстрат для лувийского и других языков), а также языков, имевших распространение на островах Кипр, Лемнос и др. Отмечали они и большое сходство хуррито-урартских с этрусским языком. Предположительно еще одним языком восточно-кавказской семьи мог быть кутийский, возможно, близкий к лезгинскому языку[36]. Но, как мы знаем, на сегодня в лингвистике усиливаются позиции тех ученых, которые полагают, что прасеверокавказский распался не на две, а на три кавказские ветви – центральную (шумеро-хуррито-урарто-нахскую), западную (хатто-абхазо-адыгскую) и восточную (кутийско-дагестанскую или восточнокавказскую).

В настоящее время древние вымершие языки Восточного Средиземноморья (этрусский, пеласгский, умбрский, осский, лигурийский, лемносский, ретийский, этеокипрский, южнолузитанский и некоторые другие) часто объединяются в т.н. тирренскую группу. Тирренские языки имеют агглютинативный характер, что в целом сближает их с переднеазиатским языковым ареалом (в первую очередь с хуррито-урартской группой) и добавляет аргумент против теорий родства тирренских языков с распространившимися позднее в Средиземноморье индоевропейскими языками[37].

[34] Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 101.

[35] Халидов А.И. Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008. С. 8.

[36] Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 360–362.

Тем не менее, место тирренских языков в северокавказской языковой семье до недавнего времени оставалось неопределенным. Собственные исследования И.М. Сигаури отдельно по этрусскому языку и догреческим языкам Эгеиды, выявили пранахские соответствия практически для всего известного этрусского лексического материала, в том числе и в базисной лексике. Впервые были обнаружены и хуррито-урартские соответствия. Фонетические и грамматические соответствия в большей или меньшей степени те же, что и при сопоставлении с шумерским и хуррито-урартскими языками. А при исследовании догреческой лексики Эгеиды (острова Эгейского моря) было установлено 196 лексических соответствий с нахскими языками, 55 соответствий с хуррито-урартскими и 10 – с этрусским языком[38].

Хуррито-урартские языки. До сих пор сохраняются разногласия по вопросу о месте хуррито-урартских языков в прасеверокавказской языковой семье. В то время как ряд авторов считает хурритов предками современных вайнахов (чеченцев, ингушей)[39], другие говорят лишь о перспективности кавказо-урартской или кавказо-урарто-хурритской гипотезы, одно из достоинств которой видится в том, что она не ставит под сомнение автохтонность носителей «иберийско-кавказских языков» на Кавказе[40].

Большинство языковедов в настоящее время признают близость хуррито-урартских языков к восточно-кавказским и в особенности к нахским языкам, но вопрос об их месте в этой группе остается открытым.

Особого мнения в данном вопросе придерживается И.М. Сигаури, которому удалось выявить наличие большого количества параллелей между хурритским и урартским языками с одной стороны и нахскими языками с другой (около 860 соответствий), причем с достаточным количеством соответствий в базисной лексике. Выявлены также сочетания согласных, типичные только для согласных внутри северокавказской семьи, и совпадение некоторых грамматических элементов (что с научной точки зрения весьма важно). Это и позволило ему сделать вывод о принадлежности древних нахских и хуррито-урартских языков к одной языковой группе[41].

Шумерский язык. Еще запутаннее ситуация с шумерским языком, который в научных публикациях признавался языком-изолянтом, для которого не удается выявить родственные языки.

Между тем, исследования того же И.М. Сигаури выявили регулярные соответствия в шумерской и нахской лексике (более 2 тыс. сопоставлений, но привлечен-

[37] Яцемирский С.А. Язык надписи лемносской стелы в сравнительном освещении // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М., 2005. С. 332, 335.

[38] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016. С. 482, 535.

[39] Кокин А.В., Кокин А.А. Указ. соч. С. 95.

[40] Халидов А.И. Указ. соч. С. 13.

[41] Сигаури И.М. Указ. соч. Т.I. С. 419.

ного материала значительно больше). Обнаружено также около 330 схождений с хуррито-урартским лексическим материалом, в том числе в базисной лексике выявилось примерно соотносимое количество между шумерским, хуррито-урартским и пранахским языками. Установлены и регулярные фонетические соответствия с нахской реконструкцией и совпадение некоторых грамматических элементов, характерных только для нахских языков. При этом выявленные шумеро-хуррито-урарто-нахские глоссы охватывают практически все уровни языка и позволяют проследить не только языковую, но и культурную общность. А некоторые из выявленных лексических соответствий находят отражение в наиболее архаичных нахских фольклорных материалах[42].

Нахо-дагестанские (восточнокавказские) или нахские и дагестанские языки? Продолжаются заочные дискуссии о времени распада восточно-кавказской, а затем и дагестанской языковых общностей. Как уже отмечалось, первоначально С.А. Старостин датировал распад восточно-кавказского языкового единства серединой III тыс. до н.э. Но впоследствии, когда была установлена близость хуррито-урартских языков к восточно-кавказским, эта дата была отнесена им «по крайней мере» к IV тыс. до н.э.[43]

Консолидированное мнение дагестанских исследователей заключается в том, что хуррито-урартские языки обособились от прасеверокавказского не позже IV тыс. до н.э., а начало распада пранахо-дагестанского языка датируется ими III тыс. до н.э., что по времени соответствует распаду северо-восточно-кавказского культурного единства[44].

Таким образом, дагестанские исследователи солидарны с датировкой распада восточно-кавказского лингвистического единства, предложенной С.А. Старостиным. В то же время предложенная ими датировка распада пранахо-дагестанского языка совпадает с датой существования общедагестанского языка в эпоху энеолита III тыс. лет до н.э., предложенной еще Е.А. Бокаревым путем сопоставления данных лексикостатистики с археологическими материалами[45].

И.М. Сигаури не согласен с названной Е.А. Бокаревым датой обособления общедагестанского языка и указывает на два существенных обстоятельства. Во-первых, археологические исследования последних лет позволили удревнить эпоху кавказского энеолита. Во-вторых, в своих расчетах Е.А. Бокарев исходил из того, что дагестанские языки сформировались на территории Дагестана или близко к нему (Восточный Кавказ в целом) и поэтому не принял во внимание кутийский язык, локализуемый в Северо-Западном Иране, областях, расположенных северо-восточнее Месопотамской низменности. Сам И.М. Сигаури, с учетом высказанного О.П. Балановским предположения о разделении лезгинской и даргинской языковых общностей примерно 4300 лет назад (примерно 2,2 тыс. лет до

[42] Сигаури И.М. Указ. соч. Т.II. С. 287–288, 305–306.

[43] Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 405.

[44] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М., 2004. С. 93–94.

[45] Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Материал к курсу. Махачкала, 1961. С. 17.

н.э.), считает необходимым отнести начало распада общедагестанской языковой общности ближе к IV тыс. до н.э.[46]

В целом же, как уже не раз отмечалось, И.М. Сигаури исходит из наличия не двух (С.А. Старостин), а трех языковых семей-линий, выделившихся из прасеверокавказской языковой общности – западно-кавказской, центрально-кавказской (шумеро-хуррито-урарто-нахской) и восточно-кавказской.

Периодизация хатто-абхазо-адыгской языковой общности. Нет ясности и с периодизацией западно-кавказской (хатто-абхазо-адыгской) языковой общности. Как уже говорилось, С.А. Старостин датировал распад празападно-кавказского языка рубежом II–I тыс. до н.э.[47] Однако хаттский язык, который большинством языковедов признается одним из языков западно-кавказской группы, зафиксирован в письменных источниках Центральной Анатолии II тыс. до н.э., точнее с середины XVII до XII вв. до н.э.[48]

Из этого следует, что С.А. Старостин в своих расчетах распада празападно-кавказского языка не принимал во внимание хаттский язык. Нельзя исключить также, что некогда существовали и другие западно-кавказские языки, которые исчезли еще в глубокой древности и остались неизвестными науке. В частности, высказывалось предположение о том, что язык, на котором сделана надпись на диске из Феста, имел сходство с хаттским языком[49].

Если хаттский язык относился к числу западно-кавказских, то распад западно-кавказского языкового единства можно будет отодвинуть, как минимум, к началу II тыс. до н.э. или даже к рубежу III–II тыс. до н.э., т.е. примерно на тысячу лет раньше, чем полагал С.А. Старостин.

Вопрос дальнейшего дробления западно-кавказских языков не вызывает особой полемики. В частности, разделение абхазо-адыгской языковой общности на праабхазский и праадыгский языки предположительно произошло в XV в. до н.э.[50]

К проблеме этнокультурного единства и расхождения носителей древнейших языков Передней Азии и Кавказа. В вопросе о времени и этапах распада тех же наследников прасеверокавказского культурно-языкового единства известный кавказовед советского времени Е.И. Крупнов указывал на сохранявшееся на рубеже IV–III и в течение III тыс. до н.э. культурное единство Северного Кавказа, Закавказья, восточных и центральных районов Малой Азии. Наличие этого единства позволило ему на уровне науки того времени прийти к выводу о принадлежности населения указанных областей к единой этнической среде носителей кавказского языкового субстрата, находившихся в генетическом родстве с языковой группой древних несемитских и неиндоевропейских народов Малой Азии (хат-

[46] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 303, 308.

[47] Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики / Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 546.

[48] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 299.

[49] Сергеев В.М. Структурный анализ текста и проблема идентификации языка диска из Феста // Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 165–167.

[50] Балановский О.П. Указ. соч. М., 2012. С. 145.

ты, хурриты, урарты и др.). Образование общекавказской общности Е.И. Крупнов относил к периоду энеолита и неолита, а ее распад связывал с начавшимся в III тыс. до н.э. выделением в общекавказской археологической культуре трех локальных вариантов: «куро-аракской» группы; «северо-восточной» в Чечне и Дагестане, «северо-западной» группы майкопской культуры на Северо-Западном Кавказе. Таким образом, по его мнению, на Кавказе вплоть до II тыс. до н.э. бытовала единая в своих основных чертах культура и единая общекавказская этническая среда, очевидно, носительница кавказского языкового субстрата, позднее оформившегося под названием кавказской языковой семьи[51].

Собственного мнения о времени разделения центрально-кавказской (шумеро-хуррито-урарто-нахской) и восточно-кавказской (кутийско-дагестанской) языковых групп придерживается историк и лингвист И.М. Сигаури, опирающийся при этом на данные археологии, согласно которым появление первой земледельческой культуры южной части Месопотамии (убейдская), напрямую ассоциируемой с шумерами, датируется первой половиной VI тыс. до н.э. Таким образом, три постулируемые им языковые группы (западно-кавказская, центрально-кавказская и восточно-кавказская), выделившиеся из прасеверокавказской языковой общности, образовались примерно в одно и то же время[52].

Отдельно следует сказать и о предположительной локализации обособившихся языковых общностей истинно кавказского (северокавказского) круга применительно к эпохе энеолита. И в этом случае мы сталкиваемся с наличием различных, порой противоположных мнений. Например, И.В. Пьянков связывал культуру древнейших в мире культурно-хозяйственных центров Чатал-Хююка и Хаджилара с прасеверокавказской этнической общностью, но носители халафской и куро-аракской культур представлялись ему уже представителями восточно-кавказской (или нахо-дагестанской) языковой общности[53].

Географический ареал формирования абхазо-адыгских языков. Первоначальный ареал празападно-кавказского языка, скорее всего, охватывал древнюю Анатолию, Восточное Причерноморье и Западный Кавказ. Еще до конца эпохи энеолита празападно-кавказский или выделившиеся из него языки распространились до юго-западного побережья Малой Азии. Возможно, вслед за прасеверокавказцами, носителями производящего хозяйства, отдельные группы носителей западно-кавказских языков проникли на Балканы и острова восточной части Средиземного моря[54].

Возможно, на стадии перехода от энеолита к ранней бронзе значительная часть носителей западно-кавказских языков в Малой Азии была захвачена движением

[51] Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. 1964. № 1. С. 39–43.

[52] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 309.

[53] Пьянков И.В. Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ, 1989. С. 112.

[54] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 312.

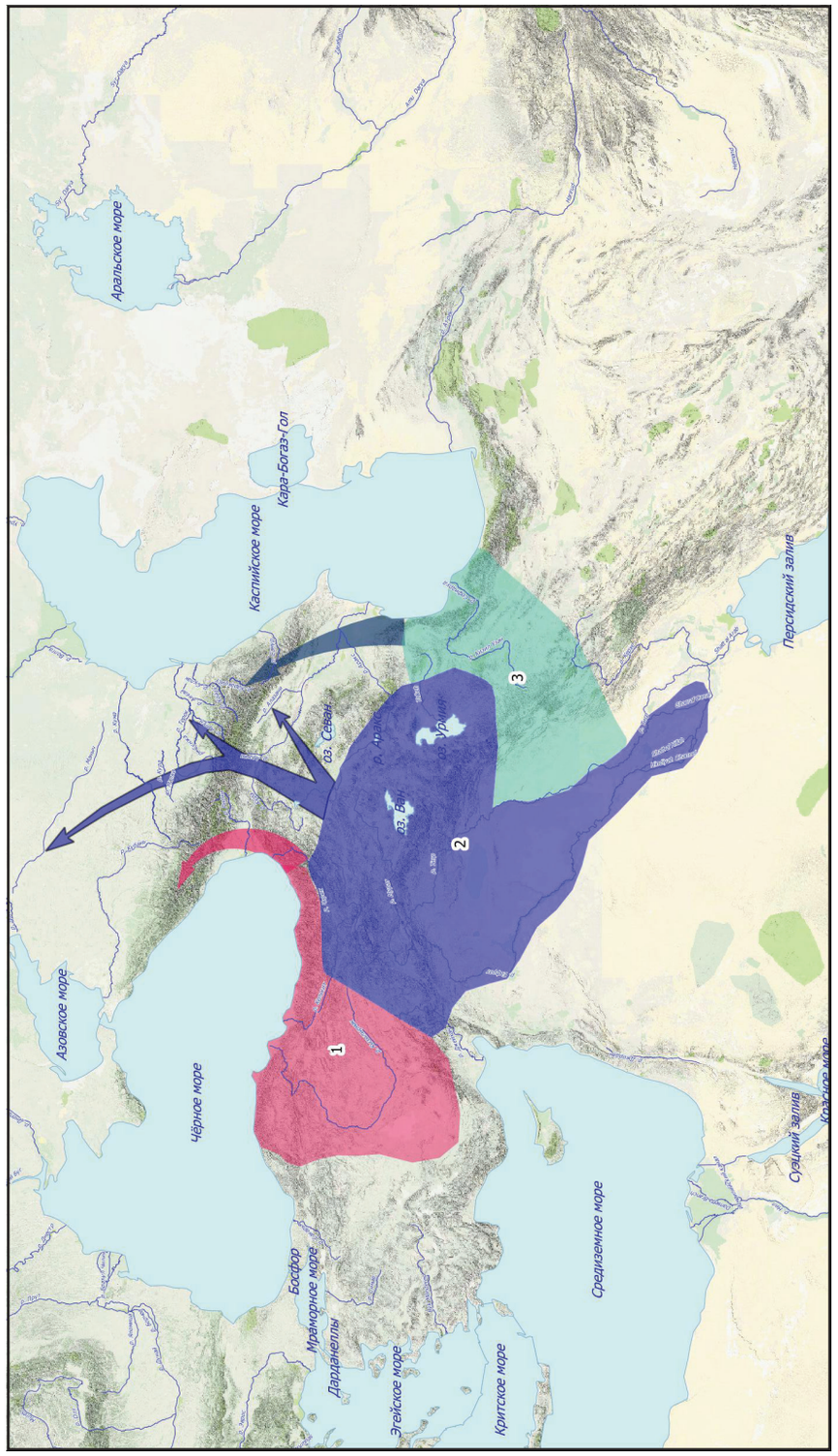

Рис. 8. Миграция ветвей кавказских языков, выделившихся из прасеверокавказского ареала в VI–IV тыс. до н. э. (по данным И.М. Сигаури)

Условные обозначения: 1 – Хатско-абхазо-адыгская (западнокавказская); 2 – Шумеро-хуррито-урарто-нахская (центрально-кавказская); 3 – Кутийско-дагестанская (восточнокавказская)

хурритских племен в общем направлении на современную Палестину. Во всяком случае, письменные свидетельства хаттского языка, а в еще большей степени хаттская культура, носят отпечаток хурритского влияния.

К вопросу об ареале древнейших пранахских языков. Дагестанские исследователи исходят из того, что не позже IV тыс. до н.э. проточеченский, наряду с протоандийским и протолезгинским, локализовались примерно в ареале их современного распространения[55].

Из этого логически вытекает, что к моменту распада признаваемой ими нахо-дагестанской языковой общности, общенахский и общедагестанский языки тесно соседствовали. Следовательно, даже если прародина нахо-дагестанской языковой общности находилась где-то южнее, например, в Закавказье, Месопотамии или даже в Малой Азии – носители этой общности должны были совместно пройти путь до Северо-Восточного Кавказа, где, якобы, и начался распад нахо-дагестанского единства.

Понятно также, что в этом случае хуррито-урартские языки выносятся за рамки нахской языковой группы, чего не могло быть в реальности по объективным показателям.

Гипотеза, предложенная дагестанскими исследователями, игнорирует существование не позже последних веков III тыс. до н.э. кутийского языка, локализуемого на протяжении от границ южной части Восточного Закавказья до Месопотамии. Не исключена возможность, что андийский язык первоначально мог локализоваться намного южнее его нынешнего ареала, на что косвенно указывает ряд топонимов далеко к югу от Большого Кавказа[56].

Еще С.А. Старостин обратил внимание, что высокая численность сохранившихся общих северокавказских корней связывает аваро-андийские и цезский, а также аваро-андийские и лезгинские языки. Первое он объяснял общностью происхождения аваро-андийско-цезских языков, второе – длительными ареальными и культурными контактами. При этом С.А. Старостин допускал центральную локализацию пралезгинского языка внутри общевосточно-кавказского диалектного ареала (после распада правосточно-кавказского). Что касается нахских языков, то они, по-видимому, находились (как и в настоящее время) на периферии общевосточно-кавказского диалектного ареала[57]. Или же, добавим, как известно на сегодня, занимали отдельное – центральное место, между восточно-кавказскими и западно-кавказскими языковыми линиями.

Сказанное выше позволяет допустить, что ареал нахских, хуррито-урартских и шумерского языков изначально лежал западнее ареала прадагестанского языка. Но, как мы знаем, уже в VI тыс. до н.э. шумерский занимал южную часть Месопотамии, хурритский – ее северную часть, а далее к западу господствовал урартский. Следовательно, пранахский язык должен быть локализован дальше к северу

[55] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М., 2004. С. 93–94.

[56] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 304.

[57] Старостин С.А. Распределение изоглосс в севернокавказских языках / Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 498.

и северо-западу. Учитывая, что шумерский язык на востоке граничил с эламским, который, как установлено, относился к дравидской языковой семье, ранняя локализация тех же дагестанских языков возможна севернее или северо-восточнее от Шумера.

Первоначальный ареал истинно дагестанских (восточно-кавказских) языков. Кутии в конце III тыс. до н.э. вторглись в Шумер с гор Загроса, откуда намного раньше на месопотамские равнины вышли предки шумеров. Значит, первоначальный ареал прадагестанского языка, скорее всего, не граничил непосредственно с Месопотамией, а лежал еще севернее или северо-восточнее за хребтами Загроса на Иранском нагорье в направлении к Каспийскому морю. И, таким образом, мы вновь выходим на области, прилегающие к южному побережью Каспия как к возможно первоначальному ареалу формирования кутийско-дагестанской языковой общности[58].

Движение кутийско-дагестанских этнических групп на восток в сторону Средней Азии не прослеживается, что, однако, не может быть основанием для исключения такой возможности. Просто следы этого движения не выявлены. Зато появление кутиев на границе Шумера в последние века III тыс. до н.э. не вызывает сомнения и указывает на южное направление, как минимум, одной значительной по масштабу миграции. Скорее всего, это движение имело форму постепенного расселения, чем и объясняется довольно позднее появление кутиев на границе Южной Месопотамии.

Комментируя отмеченную С.А. Старостиным особенность распределения общих северокавказских корней, И.М. Сигаури отмечает, что наибольшее схождение шумеро-хуррито-урарто-нахских изоглосс приходится на те дагестанские языки, ареал которых непосредственно примыкал к прежнему ареалу хуррито-урартских языков, (в первую очередь это лезгинские языки), или к сегодняшнему ареалу нахских языков (а это аваро-андийско-цезские языки). Причем наибольшее число схождений выпадает на западную часть андийской группы. Поэтому в лезгинские языки хуррито-урарто-нахская лексика могла попасть еще в древнейшее время благодаря непосредственным контактам с шумеро-хуррито-урартским ареалом. Зато аваро-андийско-цезские языки долгое время напрямую контактировали с нахскими языками на Северо-Восточном Кавказе, и отмеченные С.А. Старостиным инклюзивы попали к ним из нахских языков, минуя хуррито-урартские[59].

Ареал распространения языков шумеро-хуррито-урарто-нахской группы в описываемое время простирался от Южной Месопотамии до Северного Кавказа (а диффузное распространение шло еще севернее). При этом основной очаг шумерского языка лежал в Южной Месопотамии, однако следы шумерской миграции вели как на восток – в сторону Средней Азии, так и на северо-запад – в сторону Закавказья (и дальше на Северный Кавказ), где появление шумеров дало, как уже указывалось ранее, импульс зарождению сначала лейлатепинской, а затем и майкопской культур. В этом же ареале хурритские языки распростра-

[58] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 313.

[59] Там же. С. 307–308.

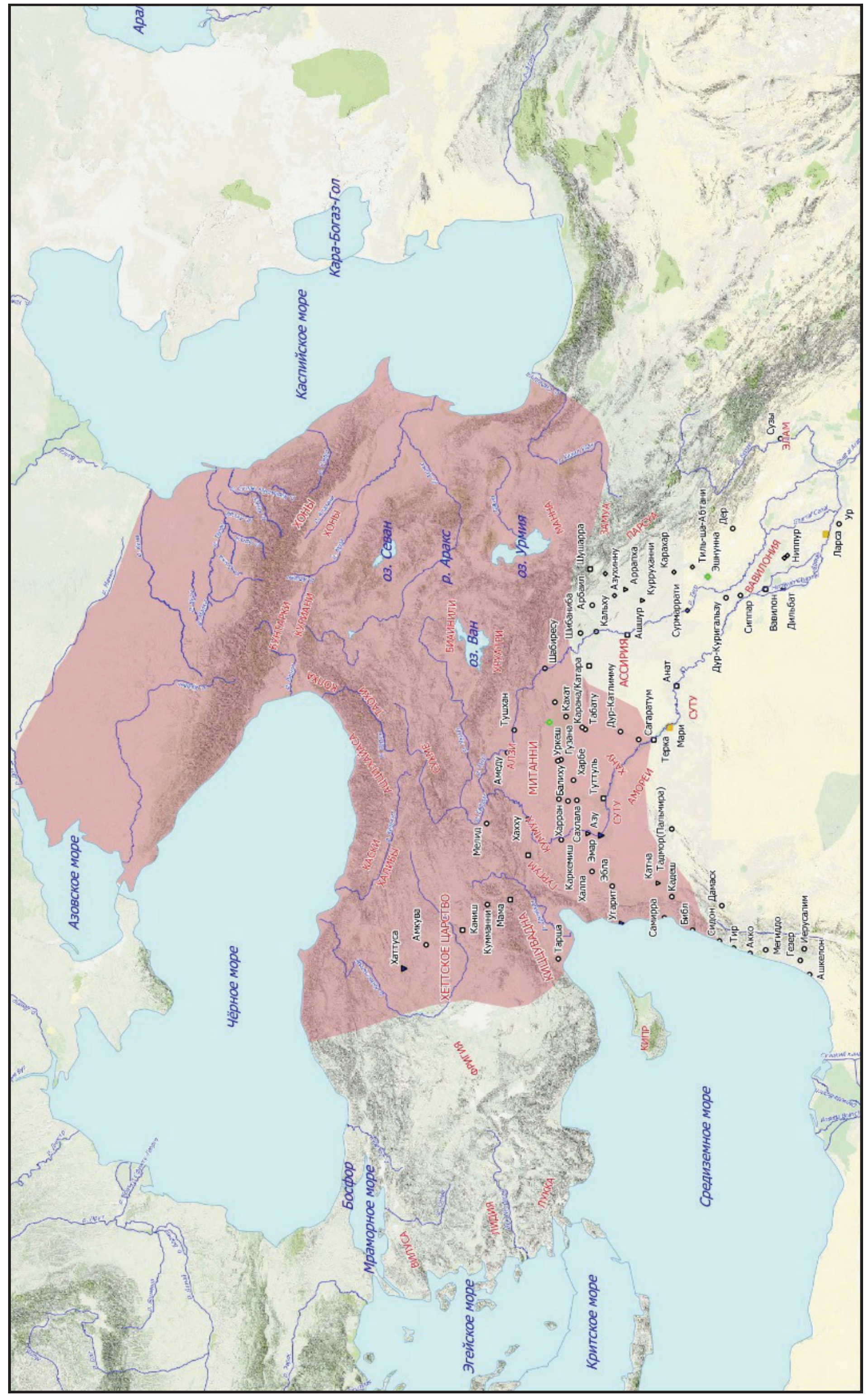

Рис. 9. Зона расселения автохтонных племен западнокавказской, центральнокавказской и восточнокавказской групп языков к III–II тыс. до н. э.

нены от Северной Месопотамии на восток к Западному Ирану и до Малой Азии и Палестины на западе. Выделение урартской языковой общности произойдет в северной части хурритского ареала, в Северной Месопотамии и Армянском нагорье.

Но отдельные группы носителей шумеро-хуррито-урарто-нахской языковой общности продвинулись на запад, как минимум, до средиземноморского и эгейского побережья Малой Азии, где, по свидетельству античных авторов, находилась прародина этрусков.

Естественно, что миграционные передвижения эпохи энеолита – начала ранней бронзы затронули представителей и других этнолингвистических общностей, помимо прасеверокавказских, но это уже не тема нашего исследования.

Таким образом, предположительно в конце неолита распад прасеверокавказской языковой общности привел к формированию, по одной версии, двух языковых семей – западно-кавказской (абхазо-адыгской) и восточно-кавказской (нахо-дагестанской); по другой версии – трех языковых семей: западной (абхазо-адыгской), центральной (шумеро-хуррито-урарто-нахской) и восточной (кутийско-дагестанской). Согласно обеим версиям, нахские языки занимали промежуточной положение между абхазо-адыгскими и дагестанскими языками.

В эпоху энеолита и ранней бронзы ареал сплошного распространения северокавказских (или истинно кавказских) языков, как уже указывалось, вытянулся от Месопотамии до Северного Кавказа и далее диффузно в Азово-Каспийское междуморье, а может, еще севернее. Его восточная граница включала как минимум Северо-Западный Иран, а западная – Малую Азию с выходом к восточному побережью Средиземного моря. При этом абхазо-адыгские языки локализовались в западной части очерченного ареала, дагестанские – в восточной, а между ними протянулся сплошной ареал шумеро-хуррито-урарто-нахских языков, что подтверждается также отсутствием прямых заимствований между абхазо-адыгскими и собственно дагестанскими языками.

В то же время отдельные прасеверокавказские языки, к примеру, баскский, в результате миграционных процессов оказались далеко за пределами Передней Азии.

Из западно-кавказских языков древности, локализуемых в Малой Азии, известен только хаттский язык, несущий на себе отпечаток хурритского влияния. Возможно, здесь же в Малой Азии находился и исходный ареал празападно-кавказского языка. На противоположном восточном конце ареала прасеверокавказских языков в древности известен кутийский язык, предположительно близкий к лезгинской группе языков. Для носителей западной (абхазо-адыгской) и восточной (дагестанской) языковых общностей отмечается постепенное смещение зоны расселения в направлении Северного Кавказа: для первых вдоль восточного побережья Черного моря, для вторых – вдоль западного побережья Каспийского моря.

Что касается шумеро-хуррито-урарто-нахских языков, то дальше других к югу оказался шумерский язык, локализуемый в южной части Месопотамии. Вместе

с тем, установлены факты миграции носителей шумерского языка как в регион Средней Азии, так и на Северный Кавказ.

В центральной части Кавказа по обе стороны Большого Кавказского хребта распространение получили истинно нахские языки, причем южная граница их распространения, как минимум, включала Араратскую равнину и горы Армении. На севере нахские языки в древности доходили, вероятно, до Южной Украины и Среднего Поволжья (по крайней мере, на такое расстояние проникали кавказская медь и бронза того времени).

Собственно, хуррито-урартские языки внутри этого ареала (от Месопотамии до Северного Кавказа) занимали промежуточное положение между нахскими и шумерским языками. Притом что урартский язык обособился в районе озера Ван, а хурритские диалекты получили распространение от Северной Месопотамии до Малой Азии и Палестины.

§3. Вопросы антропологии народов Кавказа и нахов

Антропологические данные являются одним из индикаторов этнических процессов и этногенеза в целом. Но необходимо учитывать, что они несут в себе следы как многочисленных миграционных потоков, растянутых, правда, на века и тысячелетия, так и последствия не прекращавшегося процесса расогенеза. Начиная с верхнего палеолита и вплоть до энеолита включительно, в антропологическом плане население Ближнего Востока, Кавказа и даже Средней Азии имеет значительное сходство и представлено средиземноморским (и его подразделением – восточно-средиземноморским) антропологическим типом, который охватывает популяции, характеризующиеся весьма разнообразным сочетанием признаков. Объясняется это тем, что один и тот же генофонд в разных природно-климатических условиях проявляет себя по-разному, да и развитие антропологических признаков, особенно в изолированных районах, идет, как правило, своеобразным путем. Но при этом сохраняются основные признаки: долихоцефалия, относительно крупные и круглые глазные орбиты, высокое переносье и выступающий нос, высокий подбородок, и т.д.[60]

Необходимо также помнить, что антропологические характеристики населения ничего не говорят о его языковой принадлежности.

Существенное влияние на антропологические параметры могут оказать значительные по массовости и продолжительности метисации с представителями иных расовых типов.

Все сказанное объясняет, почему на сравнительно небольшой территории подчас соседствовали представители разных расовых типов. Например, антропологические материалы, полученные на неолитической стоянке Хаджилар в юго-западной части Турции, выявили присутствие представителей двух долихоцефальных расовых типов, распространенных в ранних поселениях Ближнего Востока – средиземноморского и евро-африканского. В то же время в Хаджиларе

[60] Дубова Н.А. Миграция и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 229.

отсутствовал брахицефальный (кругло– и короткоголовый) элемент, представленный неподалеку – в Чатал-Хююке[61].

На сравнительно небольшом пространстве от Хаджилара до Чатал-Хююка соседствовали несколько антропологических типов. И один из них – евро-африканский – надо полагать, появился в Хаджиларе в результате ранней миграции европеоидного населения из Северной Африки.

Что касается брахицефального элемента из Чатал-Хююка, то его появление могло стать следствием тесных связей с кавказским регионом. Как известно, в энеолите на Кавказе распространены два европеоидных антропологических типа: узколицый и грациальный на окраинах региона, массивный и широколицый (кавкасионский) – в его центральных областях[62].

Кавкасионы. Кавкасионский расовый тип, сформировался, как известно, в горной части Кавказа в особых природных условиях и определенной изоляции. При этом территория распространения кавкасионского расового типа была довольно значительной и на рубеже IV–III тыс. до н.э. охватывала районы Северного Кавказа и Центрального Закавказья. Но при этом население всего Кавказского перешейка оставалось типологически довольно однородным и при наличии отдельных типов представляло одну из ветвей европеоидной расы[63].

Кавкасионский расовый тип считается самым древним на Кавказе и представляет собой не гомогенную единицу расовой классификации, а совокупность, пучок вариантов. Этим еще раз подчеркивается исключительная роль изоляции в формировании антропологических особенностей народов, объединяемых в кавкасионскую группу популяций[64].

Помимо кавкасионского на Кавказе присутствуют сегодня также понтийский, арменоидный (переднеазиатский) и каспийский расовые типы.

Понтийский расовый тип сформировался в эпоху неолита в Восточном Средиземноморье на базе многочисленных локальных типов верхнего палеолита, но в рамках средиземноморской ветви европеоидной расы без примеси северной ветви. В основе его формирования лежал процесс грацилизации массивного протоморфного кавкасионского типа и, следовательно, Кавказ входил в ареал формирования понтийского типа[65].

К понтийскому расовому типу относится большая часть представителей адыгских народов и абхазы (хотя часть абхазов принадлежат к переднеазиатской группе популяций). Тот факт, что современный физический облик этих народов сфор-

[61] Берни Ч., Лэнг Д.М. Древний Кавказ… С. 43.

[62] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974. С. 87.

[63] Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. № 1. 1964. С. 39–40.

[64] Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 100–101.

[65] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа… С. 129, 132, 206-207.

мировался позднее, чем у народов, принадлежащих к кавкасионскому типу, вовсе не означает также более позднее формирование их языка. Как уже отмечалось выше, нет прямой связи между антропологическими характеристиками и языковой принадлежностью. В то же время принадлежность восточных адыгейцев, части черкесов, абазин и кабардинцев к кавкасионскому типу истолковывается в том плане, что они представляют собой потомков автохтонного населения Северного Кавказа и Западного Закавказья[66].

Предки современных абхазо-адыгских народов порой считаются создателями и носителями дольменной культуры, возникшей в конце III тыс. до н.э. на Черноморском побережье Кавказа. Но само ее появление ряд исследователей, в том числе известный археолог-кавказовед В.И. Марковин, связывают с морской миграцией с Пиренейского полуострова[67]. В качестве альтернативы И.М. Сигаури предложил свою версию, согласно которой предки абхазо-адыгов действительно мигрировали на Северо-Западный Кавказ морским путем, но только из Малой Азии[68].

Во втором случае понтийский расовый тип у праабхазо-адыгов мог сформироваться еще на территории Малой Азии, а наличие кавкасионского типа у восточной части современной популяции адыгских народов стало следствием последующей языковой ассимиляции нахского населения в период средневековья.

Следует оговорить, что указанные версии «морской» миграции вовсе не исключают сухопутное расселение предков абхазо-адыгской языковой общности с Малой Азии на Западный Кавказ еще в глубокой древности.

Арменоидная (переднеазиатская) группа популяций Кавказа также сложилась на территории Передней Азии, и наиболее вероятный ареал формирования – территория современных Турции и Ирана. Армения могла входить в него в качестве северной периферии. При этом антропологические материалы указывают на бесспорную преемственность между древним неармянским населением Армении, в основном проживавшим в районе оз. Севан, и современными народами, населяющими центральные предгорья Кавказского хребта, и следовательно, древнее население Армении говорило на одном из кавказских языков. Древность кавкасионской группы популяций по материалам из Армении датируется, как минимум, эпохой энеолита. Помимо этого, носители кавкасионского типа проживали раньше еще и на территории Азербайджана, где их в настоящее время нет[69].

Каспийский антропологический тип сформировался на территории Афганистана и Северной Индии, поэтому в пределах Восточного Закавказья и современного Дагестана он мог появиться только в результате определенных этнических передвижений. Антропологические данные позволяют утверждать, что

[66] Алексеев В.П. Указ. соч. С. 194.

[67] Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. С. 48.

[68] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 302.

[69] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа... С. 207; Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа… С. 100–101.

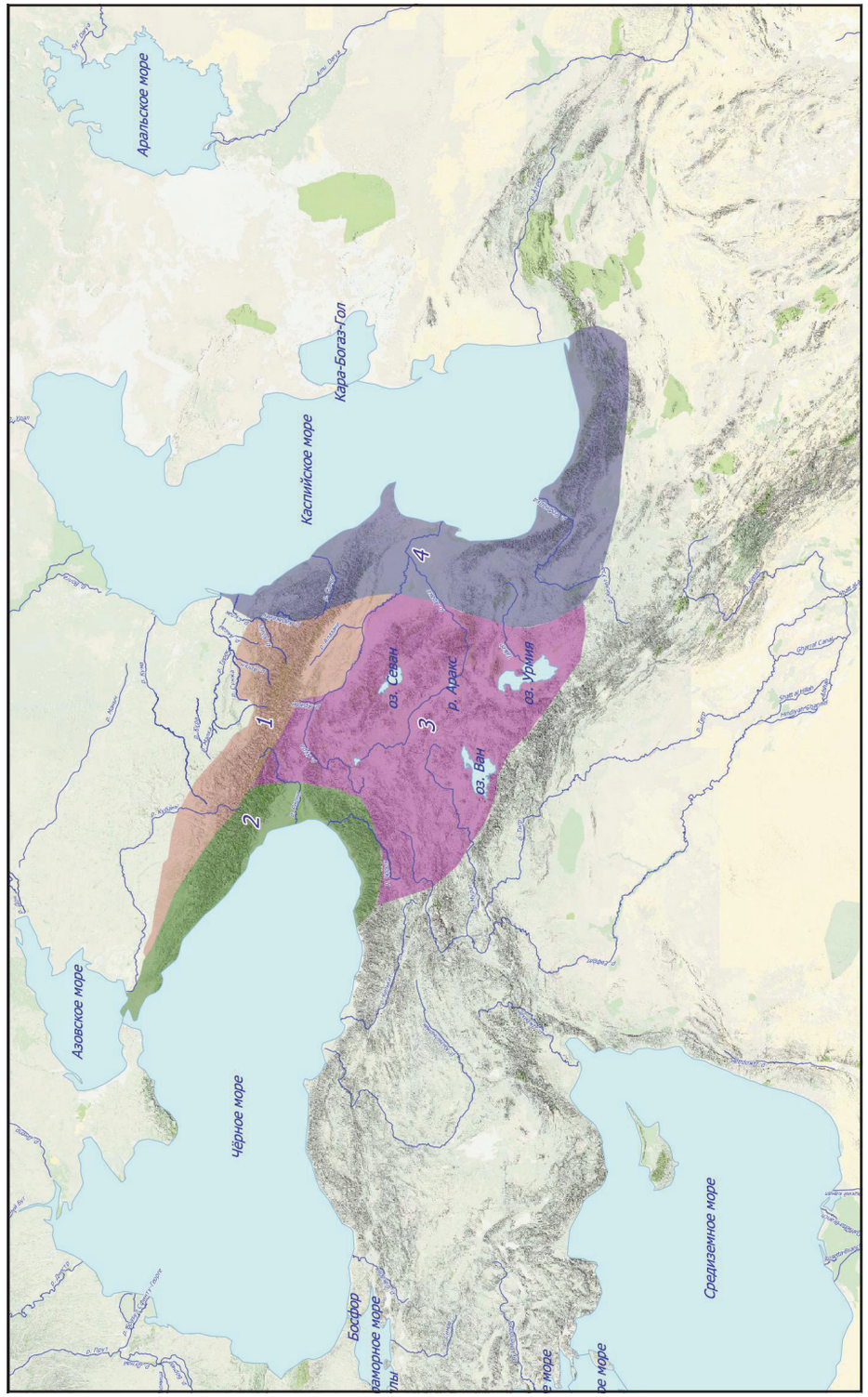

Рис. 10. Основные исконные расовые типы на Кавказе

Условные обозначения: 1 – Кавкасионский; 2 – Понтийский; 3 – Арменоидный (переднеазиатский); 4 – Каспийский

кавкасионские предки аварцев, андо-цунтинских народов, лакцев и собственно даргинцев были древнейшим населением горного Дагестана и, по-видимому, первыми освоили эту область. А распространение каспийской группы популяций в Дагестане приходится на центральные, восточные и южные районы. Эта группа представлена у лезгиноговорящих народов, даргинцев-кайтагов и кумыков. При этом народы Дагестана не могут быть включены в число типичных представителей каспийского типа – здесь он почти всегда проявляется в смешанном виде. Таким образом, происхождение дагестанских народов восходит как к местному автохтонному, так и пришлому с юга населению[70].

Принадлежность значительной части дагестанских народностей (в том числе части даргинцев) к смешанном каспийскому расовому типу допускает возможность, что субстратом для этой части дагестанцев послужили народы не кавкасионского, а индо-памирского (индо-афганского) расового типа, в языковом отношении ассимилировавшиеся на территории Дагестана[71].

Возможно, самые ранние миграции представителей индо-памирского расового типа в восточную часть Кавказа имели место в эпоху энеолита (или, может быть, даже неолита). В Дагестане мигранты постепенно накапливались в равнинной прикаспийской области и оказали серьезное влияние на развитие дагестанских языков и этногенез дагестанских народов.

§4. Версия антропогенеза в священных книгах и в народных преданиях

Древние представления об антропогенезе достаточно разнообразны. На самой ранней стадии развития человечества во времена существования первобытной магии и тотемизма в качестве предков тех или иных племенных групп выступали различные животные. Бытовали даже представления об обезьяньих предках человека, но отмечено и существование прямо противоположных представлений об обезьянах как о бывших людях, наказанных богами за какие-то проступки. Достаточно разнообразны и конкретные способы создания человека демиургом (создатель, творец). Согласно одним религиям, люди появились сами по себе, согласно другим, их создали боги – из глины, из тростника, из собственного тела и мыслью единой[72].

Наиболее ранние письменные свидетельства языческих представлений о цели и способе создания людей отражены в некоторых древних шумерских текстах. В представлении шумеров люди были созданы для того, чтобы служить богам. Дошедшие до нас шумерские мифы описывают тяжелую жизнь богов до создания людей, так как некому было заботиться об их пропитании и преумножении их богатств. Без людей боги «жевали растения, как овцы, И пили воду из канав».

[70] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа... С. 203–204.

[71] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 310.

[72] Дробышевский С.В. Методы познания бытия. Креационизм: [Электронная версия]. URL: http://www. antropogenez.ru/zveno-single/10/

На помощь бедствующим небожителям приходит бог мудрости и морских глубин Энки, который берется сотворить «служителей для богов». Энки и его мать – богиня земли Нинмах – создают людей из глины по образу самих богов. Существовали и другие варианты ранних мифов, также приписывавшие создание человека богам[73].

Шумерское представление об изначальном предназначении людей – служить богам – благополучно перекочевало в другие языческие религии древнего мира и нашло отражение, например, в древнегреческой мифологии. Так, олимпийские боги питались через дым огня, на котором людей сжигали приносимые им жертвы. А создателем людей в греческой мифологии выступил титан Прометей, который по воле Зевса вылепил людей из глины, но сделал их смотрящими в небо по подобию богов[74].

Представление древних нахов о появлении человечества. В настоящее время известно несколько древних языческих преданий у нахских народов, объясняющих появление жизни на земле и сотворение человеческого рода. Так, согласно языческим космогоническим представлениям чеченцев и ингушей, жизнь на бесплодной и безжизненной земле возникла благодаря огромной белой птице, из экскрементов которой возникли вода и семя. Вода, разлившись, образовала моря, озера и реки, а из семени, разнесенного ветром, появились растения. По другим вайнахским мифам, горы, животных и людей создал демиург Дела[75].

Согласно одному сохранившемуся преданию, Бог (Дела) за три года построил этот свет (Дэли-Малхли) и за семь лет – «тот (потусторонний) свет» (Дэли-Илли). Когда Бог создал небо и землю, то сказал: «По небу-то я буду ходить; а кто будет ходить по земле?». После этого он сжал в одной руке землю, и получилась женщина; сжал землю в другой руке – появился мужчина. Мужчина образовался на востоке, женщина – на западе. Когда Бог решил сделать мужчину и женщину мужем и женой, то филин попытался помешать ему и унес женщину на высокую скалу. Но мужчина, отправившись на охоту, увидел на скале девушку. Та посоветовала ему зарезать свою лошадь, вынуть внутренности и самому спрятаться на их месте. Мужчина так и поступил. Когда филин прилетел к девушке, она попросила принести ей для еды конину и филин принес ей лошадь со спрятавшимся внутри мужчиной. Когда филин улетел, девушка выпустила мужчину, и они поженились[76].

Еще одно предание гласит, что земля образовалась прежде Бога. Она имеет вид яйца и стоит на доске, доска – на море, а море – на темноте. Если Бог захочет, он может уложить всю землю в яйцо. Сначала земля была мягкой, и чтобы она обрела твердость через двадцать лет после ее образования, Бог создал горы, которые разделяют землю на две равные части. До образования гор на земле был холод, но Бог велел собраться ему на горах, поэтому на земле тепло, а на горах лежит снег. Бог сотворил человека из земли, а женщину из его ребра. Они некоторое время жили на земле, но умерли без потомства. Когда они умерли, из спинного мозга первого человека появился муравей, а из него со временем сделался новый человек, покрытый шерстью как кошка. Человек был очень большого роста, сильный и питался тем, что находил на земле[77].

[73] Белецкий М. Шумеры. Забытый мир: [Электронная версия]. URL: http://www.royallib.com/book/belitskiy_marian/shumeri_zabitiy_mir.html (дата обращения 14.10.2018).

[74] Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т. 2. М., 1987. С. 338.

[75] Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т. 1. М., С. 604.

[76] Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 176–177.

Как представляется, наиболее архаичным выглядит предание о появлении жизни на земле из экскрементов белой птицы. К тому же оно единственное, в котором полностью отсутствует момент Божественного вмешательства в процесс сотворения мира. В то время как все остальные предания связаны с личностью творца и несут на себе отпечаток монотеистических воззрений, в частности, антропоморфное представление о Боге. Тем не менее, достаточно древним представляется предание, согласно которому Бог создал людей, сжав землю в своих руках.

Примечательно, что в последнем из приведенных выше преданий, содержится прямое заимствование из монотеистических религий – сотворение женщины из ребра мужчины.

Представление о происхождении человека в монотеистических религиях. Принципиально другое отношение к созданию людей отражено в трех монотеистических аврамических религиях (иудаизм, христианство и ислам), в которых создание человека представлено как завершение процесса сотворения мира. В Торе об этом сказано так: «/24/ И сказал Всесильный: «Да произведет земля существа живые по роду их, скот и гадов и зверей земных по роду их»; и стало так. /25/ И создал Всесильный зверей земных по роду их и скот по роду его, и всех гадов земли по роду их, и увидел Всесильный, что это хорошо. /26/ И сказал Всесильный: «Создадим человека по образу нашему, по подобию нашему, и да владычествуют они над рыбою морскою и над птицами небесными и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»[78].

Этот сюжет почти дословно повторяется в христианской Библии: «26. Потом Всевышний сказал: «Создадим человека – Наш образ и Наше подобие, – пусть он царствует над рыбами морскими, и птицами небесными, над скотом, над всей землей и над всеми пресмыкающимися». 27. Так Всевышний создал человека, по образу Своему, по образу Всевышнего сотворил его, создал их как мужчину и женщину»[79].

Ислам о человеке и Боге (Аллах). О том, что мир был сотворен за шесть дней, говорится в некоторых сурах ниспосланного Корана (7, 50). Причем, согласно исламской традиции, первочеловек Адам стал последним живым творением Всевышнего.

Мусульманская религия делает особый акцент на определении статуса человека как «наместника» Аллаха на земле. На человека возложена задача устроения дел в мире в соответствии с Божественной волей и своими нуждами. Для

[77] Далгат Б.К. Указ. соч. С. 178.

[78] Тора (Пятикнижие Моисеево). Иерусалим-Москва, 1993. С. 17.

[79] Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила. Минск, 2014. С. 4.

выполнения этих задач человеку, и только человеку, даётся «знание имён». Ислам не ориентирует человека на сверхъестественное, на то, что онтологически недоступно ему. Основной пафос антропологии и важнейшая установка ислама – в той ответственности, которую человек несёт за возложенное на него Богом. Критерием же выполнения основной задачи является совесть каждого конкретного человека. И именно поэтому человек, как наделенный властью на земле, несёт всю полноту ответственности за свои поступки[80].

Таким образом, в трех мировых монотеистических религиях человек, созданный по образу и подобию Творца, изначально предстает как завершение акта сотворения мира и ему доверено «владычествовать» над миром. И.М. Сигаури в этой связи отмечает: «…согласно религиозным представлениям, роль человека в мире изначально активна – он приходит в мир как его владыка и преобразователь. В противовес этому взгляду теория эволюции отводит ему пассивную роль. Само его появление во многом случайно и вызвано слепой игрой сил природы»[81].

Принципиальное различие религиозного и научного представления о создании человечества и шире – жизни на земле – состоит в том, что религия видит в этом промысел Божий, а наука – только результат сложных «химических» процессов, в результате которых жизнь зародилась из неживой материи, а затем имела место длительная эволюция живых существ.

В то же время большинство священнослужителей исходят из того, что сама по себе теория эволюции не противоречит теологическим убеждениям. Но они видят в ней направленный характер, за которым стоит воля Творца. С их точки зрения, религия в этом вопросе вступает в противоречие не с научными фактами, а только с их материалистической интерпретацией: с верой в то, что эволюция видов происходила сама собой[82].

Что касается современных представлений трех нахских народов (чеченцев, ингушей и бацбийцев) об антропогенезе человечества, то у подавляющего большинства они находятся в рамках ислама и православного христианства (для бацбийцев-христиан). Исповедовавшееся ранее язычество стало предметом научного описания лишь на последней стадии разложения, когда божественный пантеон начал забываться, так же, как и его внутренняя структура и связь между божественными персонажами. Некогда развитое языческое мировоззрение выродилось в набор суеверий и магических обрядов, внутренне уже не связанных между собой. Часть божеств и их функций забылась или основательно перепуталась. Примечательно при этом, что большая часть языческой лексики чеченского, ингушского и бацбийского языков является общенахской и в каких-то чертах связанной с древними цивилизациями Востока, что указывает на ее исключительную древность[83].

[80] Волобуев А.В. Концепт человека в антропологии ислама: Автореферат дисс… канд. философских наук. М., 2012: [Электронная версия]. URL: http://www.cheloveknauka.com/kontsept-cheloveka-v-antropologii-islama#ixzz5DER3umzI (дата обращения 14.10.2018).

[81] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. IV. М., 2004. С. 11.

[82] Цыплаков Д. Может ли православный быть биологом? : [Электронный ресурс]. URL: http://www. pravoslavie.ru/50313.html (дата обращения 14.10.2018).

Выводы. Сегодня не вызывает сомнения, что заселение Кавказа древнейшими человекообразными и людьми современного физического типа происходило из (или через) региона Передней Азии. Отмечается также несомненная близость археологических культур каменного века Передней Азии и Кавказа, что позволяет говорить не только о сходном развитии палеолитических культур, но и формировании широкой культурной общности, в рамках которой на всех этапах каменного века имели место довольно активные миграционные процессы, что подтверждается археологическими и генетическими данными.

Очевидно также, что в рассматриваемую эпоху Кавказ в языковом отношении входил в обширный культурно-языковой ареал Передней Азии в качестве северной периферии, а культурная общность Кавказа и Передней Азии поддерживалась не только сходством путей культурно-исторического развития, но также общностью происхождения и постоянной «диффузией» языков и культур в рамках этого ареала, растянутой на века, тысячелетия.

Можно также допустить, что первоначальное распространение производящего хозяйства из региона Плодородного полумесяца в значительной мере было сопряжено с расселением носителей прасеверокавказской языковой общности. Это расселение сопровождалось языковой дивергенцией, что и привело в конечном итоге к образованию (по разным научным версиям) двух (западно-кавказской (абхазо-адыгской) и восточно-кавказской (нахо-дагестанской)) или трех языковых групп (западной (абхазо-адыгской), центральной (шумеро-хуррито-урарто-нахской) и восточной (кутийско-дагестанской)) в составе т.н. северокавказских языков.

В эпоху энеолита и ранней бронзы ареал сплошного распространения северокавказских (или истинно кавказских) языков вытянулся от Месопотамии до Северного Кавказа. Его восточная граница включала как минимум Северо-Западный Иран, а западная – Малую Азию и выходила к побережью Средиземного моря. При этом абхазо-адыгские языки локализовались в западной части очерченного ареала, дагестанские – в восточной, а между ними протянулся сплошной ареал шумеро-хуррито-урарто-нахских языков, что подтверждается отсутствием прямых заимствований между абхазо-адыгскими и дагестанскими языками.

Необходимо в заключение также отметить, что с верхнего палеолита и вплоть до энеолита включительно, в антропологическом плане население Ближнего Востока, Кавказа и даже Средней Азии имеет значительное сходство и представлено средиземноморским (и его подразделением – восточно-средиземноморским) антропологическим типом, который охватывает популяции, характеризующиеся весьма разнообразным сочетанием признаков. В рамках этой популяции на Кавказе выделяется древний кавкасионский расовый тип, сформировавшийся в горной его части и представляющий собой совокупность в чем-то схожих вариантов. На его основе сформировался ряд новых расовых типов, каковыми на Кавказе являются понтийский, арменоидный (переднеазиатский) и каспийский, которые

[83] Сигаури И.М. К истокам и ареалам... Т. II. С. 566, 568.

можно рассматривать как связывающие кавкасионский расовый тип с остальным населением Передней Азии рассматриваемой эпохи.

При этом территория распространения кавкасионского расового типа была довольно значительной и на рубеже IV–III тыс. до н.э. охватывала Северный Кавказ и Центральное Закавказье.

На былую связь современных нахских народов (чеченцев, ингушей и бацбийцев) с регионом Передней Азии указывают не только археологические, антропологические и генетические данные, но и следы мифолого-религиозных представлений в чеченском, ингушском и бацбийском языках, определенно связанные с духовными воззрениями Древнего Востока.

Глава III.

КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ БРОНЗЫ КАВКАЗА И ЧЕЧНИ (IV тыс. – конец III тыс. до н.э.)

§1. Куро-аракская культура Ближнего Востока и Кавказа. Роль нахских племен

Происхождение, хронологические рамки. Человечество с освоением начал цивилизации совершало свой плавный переход к совершенствованию языка, улучшению орудий охоты и собирательства, освоению начатков земледелия. Достигнув высочайшей культуры обработки камня, древние люди перешли к обработке металла и керамическому производству. Так, именно на территории Кавказа и Передней Азии зародилась одна из первых культур ранней бронзы, названная в отечественной науке куро-аракской (у нее есть и иные названия: восточно-анатолийская, шенгавитская, яниктепинская, транскавказская). Поскольку эта культура распадается на ряд территориально крупных локальных вариантов, ее часто называют «культурной общностью» или «мегакультурой».

Относительно происхождения куро-аракской культуры большинство исследователей изначально указывали на ее генетическую связь с предшествовавшими энеолитическими (меднокаменными) культурами Кавказа и Ближнего Востока. Ранними предшественниками куро-аракской культуры считаются известные энеолитические культуры халаф (на границе современной Турции и Сирии) и хассун (в Северном Ираке), существовавшие в V–начале IV тыс. до н.э. В качестве же непосредственных предшественников куро-аракса (первые памятники которой были исследованы в междуречье рр. Куры и Аракса) рассматриваются шомутепинская и шулаверская (зачастую объединяемые как шулавери-шомутепинская) скотоводческо-земледельческие культуры Закавказья V–IV тыс. до н.э. и чохская культура Северо-Восточного Кавказа (Дагестан)[1]. Некоторые исследователи в качестве предшествующей куро-араксу или переходной от шомутепинской называют также культуру сиони (сиони-цопи-гинчи) Закавказья и Южного Дагестана.

Определенную роль в развитии куро-аракской культуры сыграла также энеолитическая лейла-тепинская культура (V–IV тыс. до н.э.) Восточного Закавка-

[1] См.: Сагона А. Начало раннего бронзового века на Южном Кавказе: новые перспективы изучения культурных взаимодействий внутри и за пределами Кавказа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 108; и др.

зья, происхождение которой напрямую связывают с раннешумерской миграцией. Предполагается, что наиболее интенсивные контакты куро-аракской и лейла-тепинской культур имели место примерно в третьей четверти IV тыс. до н.э.[2]

В формировании куро-аракской культурной общности важную роль сыграло взаимодействие различных культур, включая культурную диффузию и, возможно, миграции в Закавказье из южных областей, прежде всего, Месопотамии, в середине IV тыс. до н.э. Причиной этих миграций мог быть бурный демографический рост и опережающее развитие социальной организации общества на Месопотамской равнине на протяжении IV тыс. до н.э. В частности, в степи и речные долины Восточного Закавказья могла идти земледельческая миграция из Северной Месопотамии. Максимального влияния, с точки зрения географического охвата, этот культурный импульс достиг в последней трети IV тыс. до н.э. И все же культурному единству огромного географического ареала куро-аракской культуры способствовали не столько физические миграции ранних этносов, а сколько инфильтрация культурных, прежде всего, земледельческих навыков, приемов хозяйствования, ритуалов, типов жилищ и т.д. Еще одним фактором, способствовавшим утверждению единых культурных черт, стало наличие единой базы металлургического производства[3].

Общепризнанной периодизации куро-аракской культуры нет, что связано с наличием значительного числа локальных культур в ее составе, для которых можно составить отдельные периодизации. Обычно ее датируют в пределах от второй половины IV тыс. до н.э. до третьей четверти III тыс. до н.э. Но, например, некоторые европейские исследователи датируют куро-аракскую культуру примерно с 3250 по 1750 гг. до н.э.[4] При этом допускается, что зарождение куро-аракской культуры произошло в начале IV тыс. до н.э., а к концу тысячелетия основные признаки этой культуры уже сформировались в границах ее первоначального распространения[5].

Ареал распространения куро-аракской культуры. По мнению большинства исследователей, первичный ареал куро-аракской культуры находился в Закавказье (между реками Кура и Аракс). В этом случае появление локальных вариантов культуры по мере с ее распространения на новые территории отчасти можно связать с миграциями из первоначального очага куро-аракской культуры, но главным образом куро-аракс распространялся в процессе культурной диффузии более передовых для своего времени технологий в земледелии, скотоводстве и некоторых ремесел (например, керамическое производство).

[2] Амиров Ш.М. Месопотамо-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 233. М., 2014. С. 11; и др.

[3] См.: Амиров Ш.М. Месопотамо-кавказские связи... С. 15; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. Пособие для изучающих историю родного края. М., 2001. С. 65.

[4] Берни Ч., Лэнг Д.М. Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Пер. с англ. М., 2017. С. 69.

[5] См.: Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 64; Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993. С. 87.

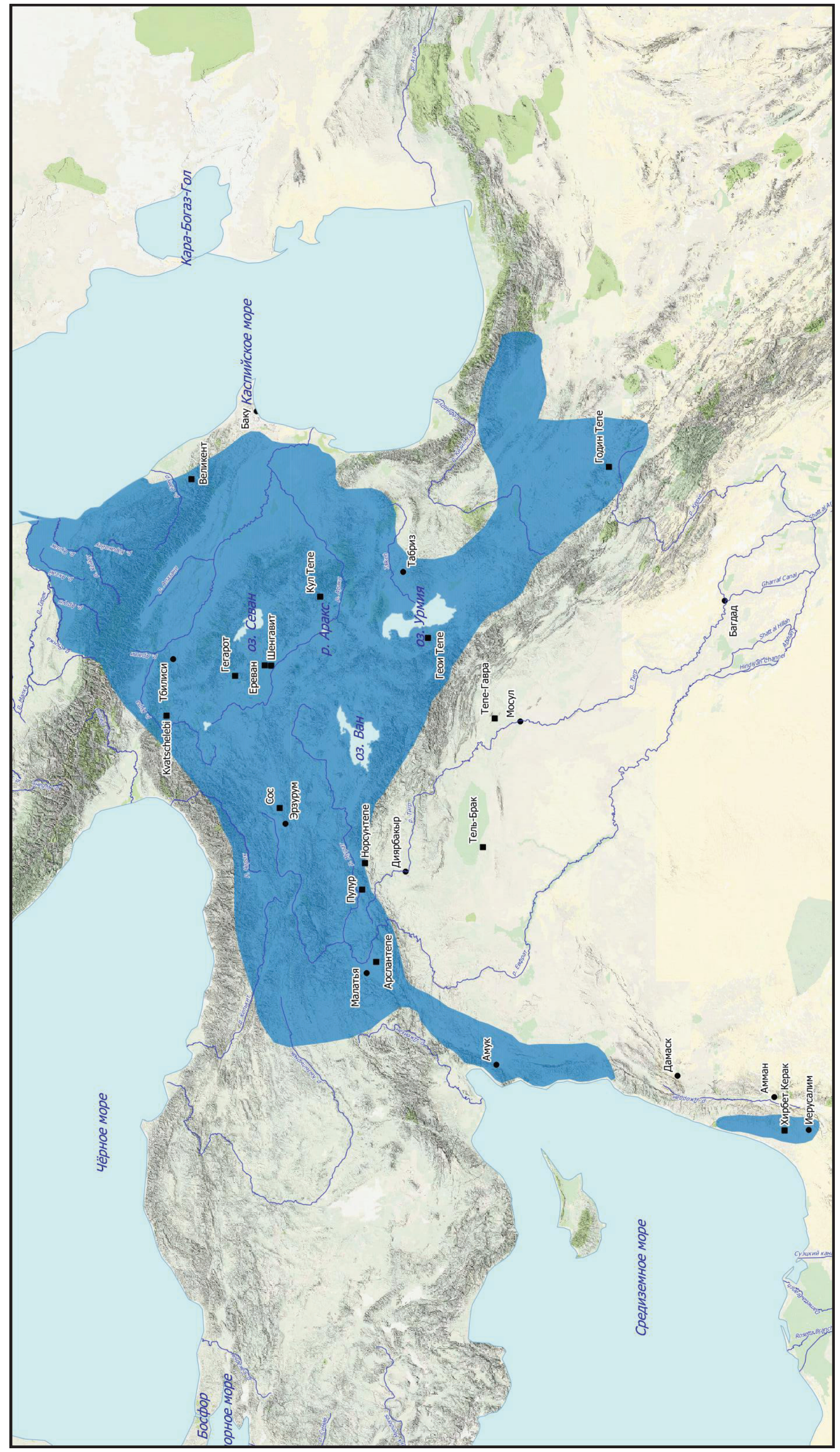

Рис. 11. Районы распространения куро-аракской культуры и центрально-кавказских (шумеро-хуррито-урарто-нахских) и восточно-кавказских (кутийско-дагестанских, восточнокавказских) языков IV–III тыс. до н.э. (по современной немецкой карте)

Условные обозначения: ■ – *Археологические раскопки;* ● – *Современный город*

Существует и иная точка зрения, согласно которой куро-аракская культура сформировалась из нескольких самостоятельных хозяйственно-культурных очагов, подвергшихся некоторой универсализации основных черт. В частности, дагестанские исследователи считают, что северо-восточный локальный вариант куро-аракской культуры сложился на месте, а не был привнесен из Закавказья, а его границы включали восточную часть современной Чечни, весь Дагестан и Северо-Восточный Азербайджан[6].

Но имеющиеся археологические материалы дают основание для включения в состав северо-восточного локального варианта куро-аракской культуры всю территорию Чеченской Республики, а также некоторые районы Ингушетии и Северной Осетии с той оговоркой, что здесь памятники куро-аракса соседствуют с памятниками раннебронзовой майкопской культуры, сложившейся несколько позже. Отмечается также, что памятники горной зоны Северного Кавказа носят смешанный куро-араксо-майкопский характер, либо целиком принадлежат к куро-аракской культуре.

Согласно более или менее консолидированному мнению исследователей, ареал куро-аракской культуры простирался от Северной Палестины до современной Карачаево-Черкессии, равнин Кабарды, Северной Осетии и Чечни.

Образование столь обширного ареала объясняется, прежде всего, особенностями земледелия той поры (использовались главным образом узкие приречные полоски возобновляемых иловых наносов без применения пахоты и удобрения почвы, что через несколько лет приводило к падению урожайности и необходимости поиска новых территорий, пригодных для примитивного земледелия). Это и стало, вероятно, причиной интенсивного расселения носителей куро-аракской культуры из междуречья Куры и Аракса и с территории Армянского нагорья по всем направлениям[7].

Ареал куро-аракской культуры характеризуется плотным заселением всех ландшафтных зон, начиная от приречных долин и заканчивая высокогорьем Кавказа (где соответственно возрастало значение скотоводства, особенно мелкого рогатого скота), что стало возможно благодаря региональным особенностям в хозяйственном комплексе. Высокая приспособляемость к местным природным зонам является характерной чертой именно производящего хозяйства. Рост населения и эффективность хозяйственного комплекса способствовали увеличению числа и площади поселений, хотя преобладали все же небольшие поселки.

Угасание куро-аракской культуры обычно связывают с кризисом неполивного и примитивного пашенного земледелия на Северо-Восточном и Южном Кавказе к середине III тыс. до н.э., что привело к перемещению большей части населения в увлажненные предгорные и горные районы и возрастанию роли горного скотоводства.

Основные черты куро-аракской культуры. Куро-аракская культура развивалась на базе многоотраслевого хозяйства, но в зависимости от условий и природных ресурсов отдельно взятого региона оно приобретало некоторые осо-

[6] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М., 2004. С. 91.
[7] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 65.

бенности. На ее последнем этапе повсеместно наблюдается даже применение тягловых животных для вспашки полей с использованием примитивной сохи и рала древнейшего месопотамского вида[8].

В ареале куро-аракской культуры выявлены признаки селекционной работы, благодаря которым выращивание пшеницы и ячменя стало возможно на высотах до 2500 м над уровнем моря. Правда, и климат в тот период долгое время был весьма благоприятным. Местами широкое распространение получают культурные садовые деревья: абрикос, персик, черешня. В ряде равнинных районов отмечено существование ирригационных систем, а для высокогорных районов – террасное земледелие. Широкое распространение получает яйлажное (отгонное) скотоводство с сезонными перемещениями скота между зимними пастбищами на равнине и летними на альпийских лугах. К концу куро-аракского периода, возможно, под влиянием аридизации климата во многих районах скотоводство получает приоритет над земледелием. Помимо пищевых культур выращивается лен. Широко применялся колесный транспорт с использованием как тягловых животных, так и лошадей – в ареале куро-аракской культуры найдены останки доместицированной лошади. Не исключено также использование лошади для верховой езды[9].

Ремесла, керамика. Производящее хозяйство дает импульс развитию ткачества, кожевенного и косторезного дела, а наличие лесов способствует развитию деревообработки. К концу III тыс. до н.э. практически повсеместно в ареале куро-аракской культуры ремесло начинает отделяться от сельского хозяйства. Наибольшее развитие получают гончарное дело и металлургическое производство. Хотя гончарный круг уже известен и применяется, большая часть куро-аракской керамики – лепная. Изящная и разнообразная черно– и серолощенная керамика ручной лепки, украшенная налепным, выпукло-вогнутым (позднее резным) орнаментом, считается существенным признаком куро-аракской культуры. Реже встречаются схематические изображения птиц и животных. Отличительная особенность керамического производства на Северном Кавказе состоит в преобладании керамики с красной поверхностью[10].

В зоне куро-аракской культуры на Кавказе отмечается также производство керамики с технологическими особенностями, характерными для майкопской культуры. Археологи затрудняются объяснить, стало ли это результатом миграции носителей майкопской культуры или же имело место заимствование определенной технологии.

Куро-аракская бронзовая металлургия отличается относительно высоким уровнем развития, включая выплавку металлов из руды, создание сплавов раз-

[8] Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 56.

[9] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: 1988. С. 46; Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 56.

[10] См.: Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). М., 1963. С. 3; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 66.

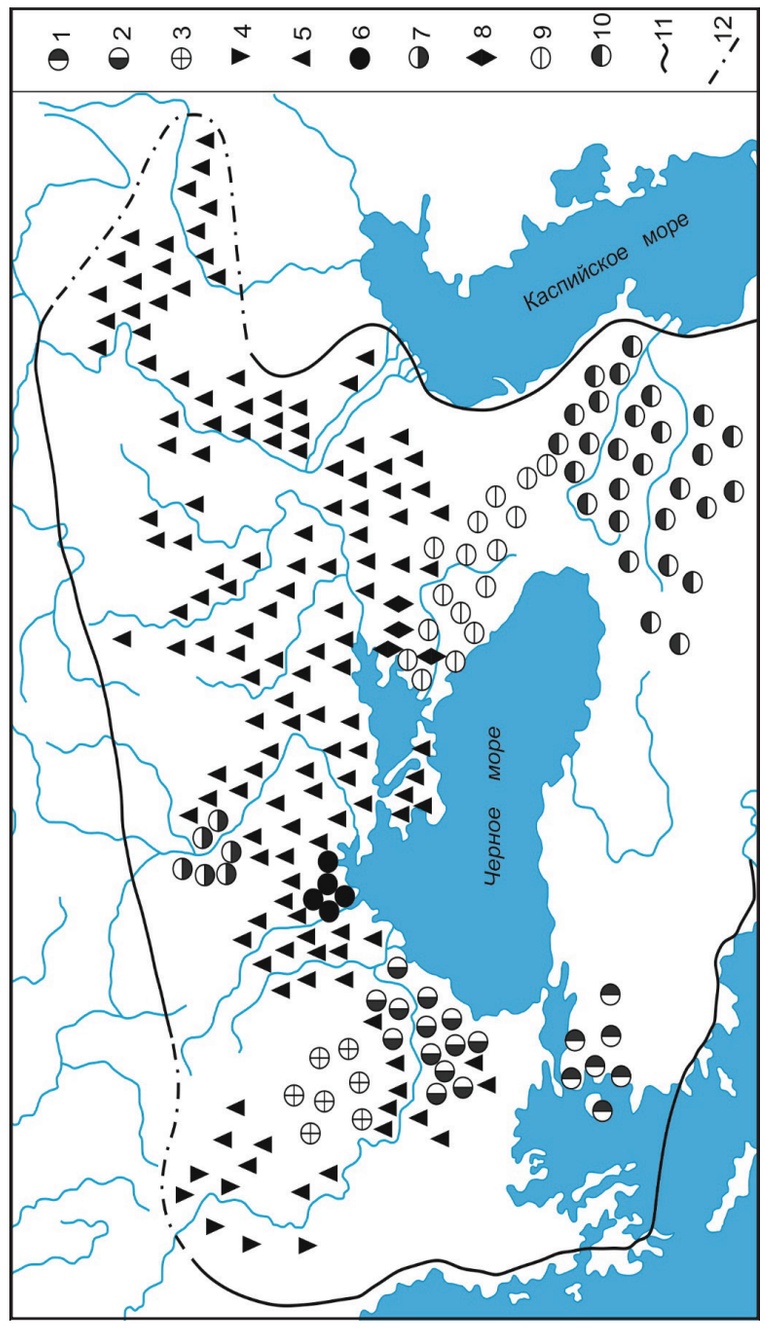

Рис. 12. Северная часть циркумпонтийской металлургической провинции ранней бронзы с очагами взаимосвязанных культур (IV–III тыс. до н.э.)

Условные обозначения: 1 – культура Трои I (очаг металлургии); 2 – культура Эзеро (очаг металлообработки); 3 – трансильванский очаг; 4 – культура Брно-Лишни-Евизовице; 5 – ямная культурная общность (очаг металлургии и очаг металлообработки); 6 – усатовская культура (очаг металлургии); 7 – софиевская культура (очаг металлообработки); 8 – новотиторовская культура; 9 – майкопская культура (очаг металлургии); 10 – куро-аракская культура (очаг металлургии); 11 – границы ЦМП; 12 – предполагаемые границы

ных металлов, отливку изделий в формах, холодную и горячую ковку, кузнечную сварку, освоение техники волочения и отливки изделий по восковой модели. Не вызывает сомнения самостоятельный характер развития куро-аракской металлургии при сохранении и развитии традиций переднеазиатской металлургии. Например, ромбовидный наконечник копья, встречающийся в ареале куро-аракской и майкопской культур, широко представлен в переднеазиатских комплексах, но прототипом для него послужили более ранние шумерские образцы[11].

Прогресс горно-металлургического производства в эпоху ранней бронзы способствовал развитию международного разделения труда в результате специализации отдельных регионов на добыче и выплавке металла, а других – на металлообработке. Вследствие увеличения производства металла стало возможным массовое изготовление разнообразных орудий труда, а появление высокоэффективного бронзового оружия произвело переворот в военном деле. Соответственно, увеличилась протяженность и интенсивность торгово-обменных операций[12].

Домостроение. По сравнению с предшествующей эпохой в зоне куро-аракской культуры происходят значительные новшества в строительстве и архитектуре. Широкое распространение получают жилища круглой или прямоугольной формы на слабой каменной основе, возведенные из полуобожженных глиняных блоков. Внутренний интерьер, как правило, дополняют переносные очаги и глиняные очажные подставки[13].

Помимо домов из глиняных кирпичей встречаются легкие дома со стенами из деревянного каркаса (турлук), обмазанного глиной.

Полы, как правило, глинобитные, иногда с добавлением гальки или щебня. Редко встречаются полы из обожженной глины, окрашенные в красный цвет.

С течением времени в отдельных регионах имела место смена преобладающего типа жилищ. Например, с середины IV тыс. до н.э. в бассейне р. Куры круглоплановые дома вытесняются прямоугольными. В Южном Кавказе появляются многокомнатные дома, включающие и одну круглую постройку.

Поселения, культы и захоронения. В целом для куро-аракской культуры характерны открытые селения на равнине и поселения на холмах в нагорных районах. Местами уже на ранних этапах куро-аракса отмечено появление оборонительных сооружений, прежде всего, вокруг крупных поселений. Например, Шенгавитское поселение Закавказья было окружено рвом и каменной стеной с башнями. Здесь же обнаружены остатки подземного хода[14].

В целом для куро-аракских поселений типична квартальная застройка вокруг площадей, улицы радиально расходятся от центральной площади. На фоне жилых построек выделяются культовые постройки и общие зернохранилища. Кроме того, в крупных поселениях появляются цитадели, что говорит о далеко зашедшем социальном расслоении.

---

[11] Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 42.

[12] Авилова Л.И., Антонова Е.В. Древняя Евразия: интерпретации свидетельств культурных перемен // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 9.

[13] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 3.

[14] Кушнарева К.Х. Указ. соч. С. 73.

Ведущую роль в религиозных представлениях племен куро-аракса играли культы плодородия, солнца и домашнего очага, что отразилось в широком распространении изображений этих божеств в виде глиняных фигурок, а также на характере погребальных обрядов. Особое внимание уделяется отправлению ритуальных действий, и даже само понятие греха связывается именно с нарушением ритуала[15].

Погребальные обряды, хотя и заметно различаются в различных регионах куро-аракской культуры, в целом остаются в пределах переднеазиатской культурной общности. Отмечены случаи кремации, что, возможно, связано с проникновением носителей степных культур Юго-Восточной Европы.

Появление на территории Северного Кавказа уже в куро-аракскую эпоху катакомбных захоронений некоторые исследователи связывают с культурным воздействием степных районов, так же, как и появление в эпоху ранней бронзы подземных склепов из рванного камня. Но существует и противоположная точка зрения, рассматривающая подземные склепы Северного Кавказа в качестве прототипа катакомбных захоронений.

Внешние связи. Определяющими для носителей куро-аракской культуры можно считать связи с Месопотамией. Особенно ярко это проявилось в широком распространении высококачественной керамики со штампованным орнаментом, характерным для урукской культуры (IV–III тыс. до н.э.). Представители этой энеолитической культуры и создали первые в мире города-государства шумеров в нижнем бассейне Тигра и Евфрата.

Важное значение имели и связи, ведущие через Анатолию (Малая Азия) в Эгеиду (прилегающие к Эгейскому морю территории Балканского полуострова, а также острова Эгейского моря до острова Крит) и Европу, которые некоторые исследователи считают изначально приоритетным направлением культурных связей[16].

Северное направление внешних связей куро-аракской культуры приходится на степные районы Предкавказья, и осуществляются они в основном через Северо-Восточный Кавказ. Причем в периодические торговые контакты с восточно-европейскими степями помимо Кавказа вовлечены финикийское побережье Палестины и Месопотамия. Именно Кавказ играет важную посредническую роль в перемещении не только товаров, но и культурных достижений наиболее развитых областей Передней Азии.

Около XXIII в. до н.э. прежняя культурная однородность от Кавказа до верхнего Евфрата по большей части исчезает – ее сменило ускоренное развитие региональных культур, которые сохранили старые традиции, но создали новые формы в керамике и металлообработке. Начавшиеся перемены не были связаны с пришельцами, а скорее представляли собой обогащение старой культуры благодаря внешним контактам, особенно с цивилизацией Месопотамии[17].

[15] См.: Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 67; История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 53.

[16] Андреева М.В. О месте «позднеэнеолитических» памятников Грузии в системе периодизации куро-аракской (транскавказской) культуры // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ, 1989. С. 82.

[17] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 89.

Дискуссии о языковой и этнической принадлежности создателей и носителей куро-аракской культуры. Относительно языковой и этнической принадлежности носителей куро-аракской культуры выдвигалось множество версий. Так, ее создателями называли предков картвелов, современных северокавказских народов, а также хурритов и индоевропейцев. Участие последних в создании куро-аракской культуры по большей части пытались обосновать в рамках гипотезы Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова о локализации прародины индоевропейцев в пределах Малой Азии и Северной Месопотамии. В научных кругах эта гипотеза не получила признания, но отдельные сторонники у нее имеются до сих пор. Например, присутствие индоевропейцев в числе создателей и носителей куро-аракской культуры пытаются обосновать наличием индоевропеизмов в грузинско-занском языке[18].

Однако в исторической науке господствует мнение, что применительно к эпохе ранней бронзы можно говорить только о едва начавшейся миграции индоевропейцев на Кавказ, включая их ограниченное проникновение и в Закавказье.

Большинство исследователей (Б.А. Куфтин, И.М. Дьяконов, Л.С. Клейн и др.) уже давно идентифицируют куро-аракскую культуру с хуррито-урартами и родственным им восточно-кавказским населением. Порой допускалось даже присутствие хурритов на Северном Кавказе[19], что не получило признания со стороны научного сообщества.

По крайней мере, северо-восточный вариант куро-аракской культуры охватывает ареал распространения современных нахских и дагестанских языков. Более того, как будет показано в последующих главах, бассейн Куры в среднем течении вплоть до конца раннего средневековья заселяли большие группы нахских племен. Поэтому исключение предков современных чеченцев, ингушей, бацбийцев (горцев Восточной Грузии в целом) и коренных дагестанских народов из числа создателей и носителей куро-аракской культуры представляется необоснованным.

Одновременно можно сделать вывод, что население Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы в этноязыковом плане не было однородным. Так, дагестанские племена локализовались в основном вдоль побережья Каспийского моря, но при этом могли чересполосно проживать в контактных зонах с хуррито-урартами и нахами, относившимися к центральной подсемье северокавказских языков (шумеры, хурриты, урарты, алародии, таохи, нахи и т.д.). Которые, в

[18] Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 137.

[19] См.: Дьяконов И.М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III–I тыс. до н.э. // Тезисы института истории АН АзССР. Баку, 1966. С. 8; Его же. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 113; Клейн Л.С. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северопонтийских степях // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сборник докладов). Ереван, 1990. С. 163; История Дагестана… С. 93 и др.

свою очередь, могли вклиниваться отдельными анклавами вглубь восточно-кавказского языкового ареала (дагестанские и албанские языки, лулубеи, кутии, и т.д.)[20]. Мало у кого вызывает сомнение и локализация носителей пракартвельского языка в юго-западной части (на границах Малой Азии) распространения куро-аракской культуры. При этом роль пракартвелов в создании куро-аракской культуры является предметом научной дискуссии.

Пролить ясность на вопрос об этнической принадлежности куро-аракского населения не могут и антропологические материалы, показывающие, что население куро-аракской культуры представляло местные варианты южной ветви долихокранных европеоидов. При этом куро-аракские популяции северной части Кавказа, при наличии связей с некоторыми южными, одновременно обнаруживают сходство с популяциями ямной культурной общности Восточной Европы. Поэтому ареал куро-аракской культуры часто рассматривают как промежуточный между севером и югом, населенный группами смешанного происхождения[21].

Роль нахоязычных племен. Особую позицию в вопросе об этноязыковом происхождении создателей куро-аракской культуры занимает И.М. Сигаури. Ее создателями он считает, в первую очередь, предков современных северокавказских народов с тем уточнением, что праабхазо-адыги, возможно, не имели прямого отношения к куро-аракской культуре. Для «кутийско-дагестанских племен» он допускает участие в куро-аракских памятниках Восточного Закавказья, которое рассматривается им как зона этноязыковых контактов между шумеро-хуррито-урарто-нахскими племенами с одной стороны и кутийско-дагестанскими – с другой.

В конечном итоге именно куро-аракская культура оказала доминирующее влияние на весь характер последующего развития дагестанской этнической общности, которую (по его мнению) нельзя понимать как единую восточно-кавказскую общность. На крайнем юге ареала куро-аракской культуры и в зоне хирбет-кераксой культуры (Ближний Восток) обитали семитские племена, но ни они, ни индоевропейцы не были создателями и главными носителями культуры куро-аракса. Не согласен И.М. Сигаури и с предположениями, что создателями колхидской культуры могли быть картвельские племена, или с версией о двойном (картвело-северокавказском) этническом компоненте куро-аракской культуры. Опираясь на собственное сопоставление шумерской, хуррито-урартской и нахской лексики, он пришел к выводу, что шумеро-хуррито-урарто-нахская языковая общность сплошным ареалом занимала центральную часть Кавказа и сохраняла внутреннее единство на протяжении большей части эпохи бронзы[22].

Таким образом, по его мнению, в эпоху ранней бронзы еще не произошло окончательное разделение постулируемой им шумеро-хуррито-урарто-нахской этноязыковой общности.

[20] Представители западно-кавказской подсемьи северокавказской языковой семьи (хатты, адыго-абхазы и др.), занимавшие Кавказское Причерноморье, входили в сферу дольменной и частично майкопской раннебронзовых культур.

[21] Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 57.

[22] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 385, 387.

Итоги развития этно-социальных общностей куро-аракской культуры. Раннебронзовый век в истории человечества признается периодом, когда общественное развитие в отдельных районах Земли достигло предгосударственного уровня, который, в свою очередь, обычно делится на два этапа – развитие эгалитарного и иерархического обществ. Только преодолев эти этапы, общество может вступить в третий этап, связанный с государством как обществом, основанном на принуждении[23].

Распад куро-аракской культурной (и в какой-то мере – этноязыковой) общности на территории от Месопотамии на юге до Терека на севере был связан, прежде всего, с цивилизационными успехами населения Месопотамии и Ближнего Востока, обеспечившими им воспроизводство на длительную перспективу и, в целом, сократившими миграцию населения. Древнее население от Персидского залива на юге до Армянского нагорья на севере исторически «замкнулось» вокруг своих системообразующих центров (медь и другие металлы хорошего качества поступали из южноаравийских, малоазиатских и урартских рудников; пшеница и финики в неограниченных масштабах выращивались в междуречье Тигра и Евфрата; скот и лес в города-государства шел из гористой части Верхней Месопотамии и т.д.).

В это же время население Закавказья и Северного Кавказа разрабатывает собственные очаги металлургии, а общий уровень хозяйства способствует развитию земледельческой цивилизации и сокращению миграций. Все это приводит к ослаблению связей с переднеазиатскими культурными очагами и усилению развития глубоко местных традиций в хозяйстве и культуре, что в конечном итоге привело к зарождению сугубо местных культур на базе достижений все той же куро-аракской мегакультуры.

Возникновение иерархического общества на Ближнем Востоке. Археологические материалы куро-аракской культуры позволяют выявить целый ряд признаков иерархического общества. Например, наличие фортификационных сооружений вокруг некоторых крупных поселений, а также выделение богатых захоронений, содержащих разнообразный инвентарь из бронзовых, серебряных и золотых изделий – являются свидетельством далеко зашедшей материальной и социальной дифференциации общества. Основной хозяйственной единицей куро-аракского общества стала семья, на что указывает наличие кухонных отсеков в домах и хозяйственных помещений вокруг них. Не вызывает сомнения и формирование крупных политических союзов, возникающих, по всей видимости, преимущественно на основе экономических интересов. К концу III тыс. до н.э. в отдельных регионах куро-аракской культуры сформировалась устойчивая тенденция складывания городской цивилизации переднеазиатского типа. По крайне мере, в южной части куро-аракского ареала не вызывает сомнения наличие общинно-гражданского общества, основную часть которого составляют свободные общинники, владеющие землей, а сами общины пользуются правами самоуправ-

[23] Кореневский С.Н. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 225. М., 2011. С. 176.

ления. На основе подобных общин в конечном итоге и возникает город-государство или территориальное государство[24].

Несмотря на то, что развитие общества в ареале куро-аракской культуры определялось, прежде всего, внутренними социально-экономическими факторами, важное значение имело и наличие постоянных контактов с ранними цивилизациями Передней Азии, прежде всего шумерской. Во многом под их влиянием в южной части ареала куро-аракской культуры произойдет становление городской цивилизации и создание целого ряда раннегосударственных образований[25].

Уровень развития общества на Южном и Северном Кавказе. На большей части ареала куро-аракской культуры, в том числе на Северо-Восточном Кавказе и Закавказье, предгосударственный уровень развития общества так и не был преодолен. Среди причин, долгое время не позволявших местным сообществам бронзового века перейти к более высокой стадии социального развития, возможно, свою роль сыграло то обстоятельство, что в природно-климатических условиях Кавказа (особенно Северного) отдельные сельские общины или территориальные объединения нескольких соседствующих общин могли выступать в качестве самодостаточных и почти полностью автономных субъектов экономической деятельности. Здесь не требовалось объединения усилий населения значительной территории для проведения общезначимых работ, например, создание и непрерывное поддержание сложной ирригационной системы как основы всего сельскохозяйственного комплекса.

Что касается вопросов общего характера, например, взаимной торговли, разрешения межобщинных споров, обеспечения коллективной безопасности и др., то они достаточно успешно решались, вероятно, напрямую между заинтересованными общинами через те же народные собрания и третейские суды, известные всем древним обществам.

Как представляется, отсутствие экономических и социальных причин для объединения, наряду с отсутствием в течение веков глобальной внешней угрозы, стали основными причинами того, что процесс политогенеза на территории Кавказа в эпоху раннего бронзового века не пошел дальше предположительно конфедераций территориальных общин, которые можно рассматривать как далекий прообраз широко известных кавказских «вольных обществ» и так называемых «демократических племен» эпохи средневековья и нового времени.

§2. Майкопская культура

Датировка и ареал распространения майкопской культуры. С запада на восток ареал распространения майкопской культуры эпохи ранней бронзы простирается от Таманского полуострова (без Кавказского Причерноморья) до Северного Дагестана; отдельные ее памятники выявлены в районе Дербента[26]. При

[24] История Древнего Востока... С. 53.
[25] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 384.
[26] История Дагестана... С. 352.

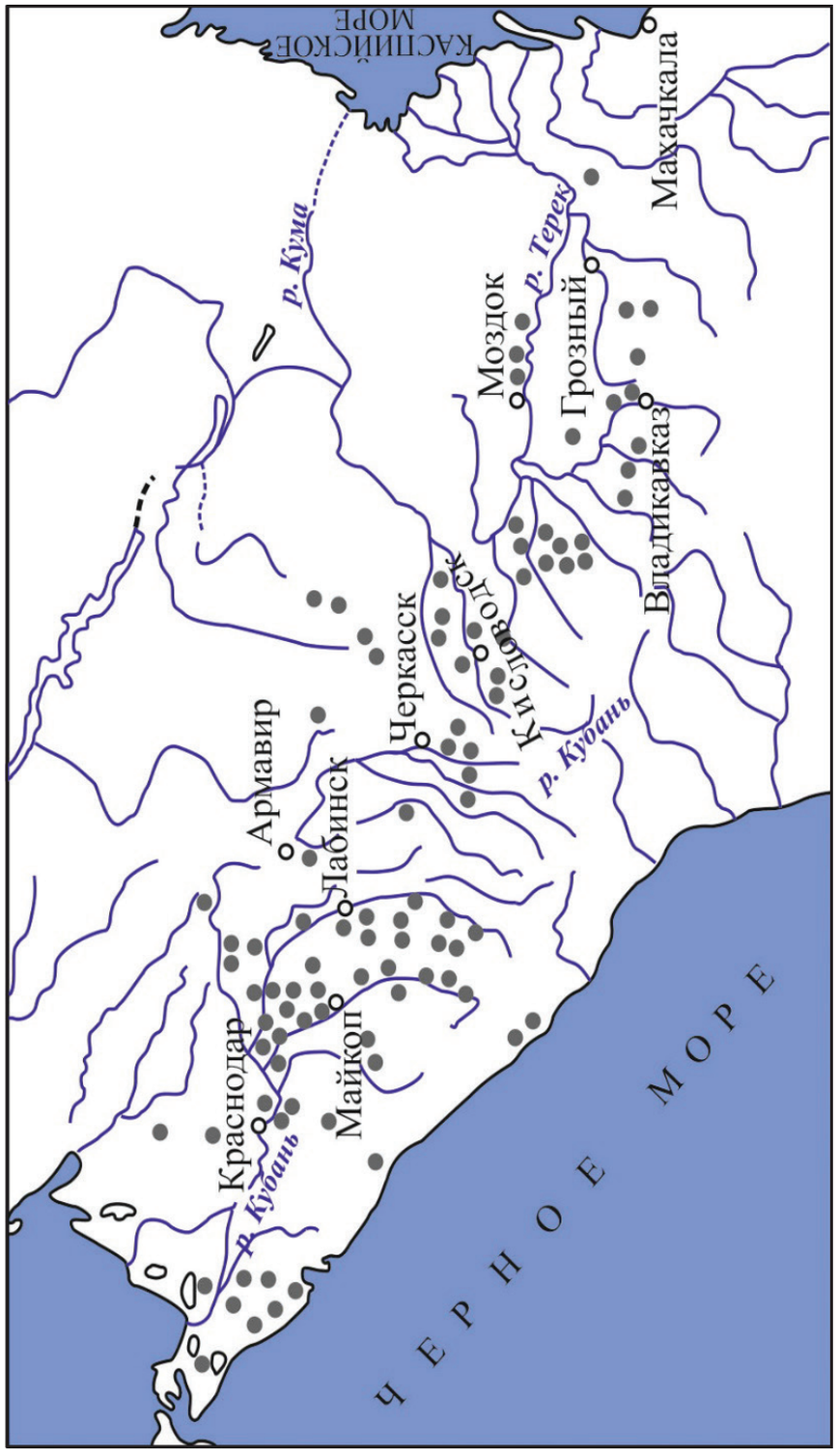

Рис. 13. Археологические памятники майкопской культуры на Северном Кавказе (по Р. М. Мунчаеву)

этом центральная часть Северного Кавказа, включая территорию современной Чеченской Республики, выделяется в особую зону контакта и симбиоза майкопской и куро-аракской археологических культур.

Несмотря на то, что после открытия памятников майкопской культуры российскими археологами прошло уже примерно полтора столетия – общепризнанной датировки столь важного и яркого явления в мировой культуре по настоящее время нет. Если первоначальная датировка не выходила за рамки второй половины III тыс. до н.э., то теперь максимальная датировка находится в пределах от последней трети IV тыс. до н.э. до середины III тыс. до н.э. Возможно, что и эта датировка будет пересмотрена в сторону удревнения, так как наиболее ранние из обнаруженных поселений майкопской культуры датируются началом IV тыс. до н.э., а поздний этап в развитии майкопской культуры датируется в пределах XXIII–XXI вв. до н.э[27]

Большинство археологов считает, что южная граница майкопской культуры проходила по предгорьям Северного Кавказа, хотя она и оказывала определенное влияние на материальную культуру горных районов. Однако отдельные памятники майкопской культуры выявлены и южнее – на территории северокавказского Причерноморья и в Абхазии. Высказывалось также мнение, что энеолитическая культура Западной Грузии, отличающаяся от синхронных культур других областей Кавказа, обнаруживает близость к майкопской культуре эпохи ранней бронзы и составляет с ней единую западнокавказскую культурную общность, в которой западнокавказская и майкопская выступают как локальные культуры[28].

На севере майкопская культура граничила с кубано-манычской культурой, которая многими исследователями рассматривается как культурная провинция майкопской общности.

Долгое время первоначальный очаг зарождения майкопской культуры локализовался на Северо-Западном Кавказе, но в последнее время популярность приобрела версия о возникновении майкопской культуры в равнинной части Центрального Кавказа, откуда она затем распространилась почти по всему Северному Кавказу.

В научной среде не достигнуто единство мнений и по вопросу о локальных вариантах в составе майкопской культурной общности. В последнее время чаще всего выделяются: псекупский в Закубанье, долинский в Центральном Предкавказье, новосвободненский в верховьях рек Белой и Фарс[29]. Отдельно рассматриваются памятники неопределенной типологии в бассейне р. Кубань. Одновременно ряд исследователей настаивают на необходимости рассматривать памятники новосвободненского типа в качестве самостоятельной культуры, отличной от майкопской и т.д.

---

[27] См.: Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы в начале бронзового века Предкавказья // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 110; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 68.

[28] Кушнарева К.Х. Указ. соч. С. 283.

[29] Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 101.

В последние годы появилась тенденция обозначать майкопскую культуру как культурную общность или мегакультуру. Употребляется и термин майкопско-новосвободненская общность.

Для майкопской культуры характерен скотоводческо-земледельческий тип хозяйства с преобладанием крупного рогатого скота в составе домашнего стада. Поселения майкопцев, как правило, концентрируются в долинах рек.

Основными признаками майкопской культурной общности считаются: определенные типы круговой посуды красно-охристых, соломенно-охристых и черных тонов с лощенной или ангобированной (покрытой глиняной суспензией) внешней поверхностью; изготовление керамики из глины без минеральных примесей, но с наличием растительной примеси; подвижно-оседлый образ жизни в предгорьях и на равнинах; строительство легких турлучных сооружений; применение определенных типов глиняных очажных приставок; курганный обряд погребения, редко бескурганные погребения или погребения в сосудах; галечная выкладка могил при скорченном положении костяка с посыпкой охры; использование при погребении предметов из драгоценных металлов, бронзы и изделий из полудрагоценных камней. При этом погребальный инвентарь, некоторые типы керамики, изделий из бронзы и ювелирных украшений имеют прямые аналогии с соответствующими предметами Месопотамии и Сирии[30].

Бронзовая металлургия. В первую очередь майкопская культура интересна высочайшим уровнем развития бронзовой металлургии, отличающейся широким ассортиментом и высоким качеством изделий из бронзы, а также ювелирных изделий. Отличительную особенность имеет и сам металл, в котором приблизительно в равных пропорциях присутствуют сплавы с медью двух типов: мышьяковые и мышьяково-никелевые. Мышьяково-никелевые бронзы почти не представлены в ареале куро-аракской культуры, зато имели широкое распространение на территории Месопотамии, Ирана, Леванта, Анатолии[31].

Многие исследователи полагают, что истоки майкопской металлургии лежат в Шумере, хотя существует и такое мнение, что металлические изделия Майкопа имеют не шумерское, а иранское происхождение[32].

Несомненно, однако, что прямой импорт металлических изделий играл незначительную роль в ареале майкопской культуры, а большая часть металлургической продукции изготавливалась на месте. Тем более что на Кавказе в то время разрабатывались собственные месторождения меди.

В религиозных представлениях майкопцев важное место занимали астральные культы, что отразилось на возведении каменных кольц-кромлехов вокруг могил. Красная охра, которой посыпали покойников, символизировала очистительную силу огня. При этом явственно просматривается влияние культур Закавказья

[30] См.: Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 74–75; История народов Северного Кавказа… С. 48.

[31] Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В. О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 196–197.

[32] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 363.

и Передней Азии. Так, очажные подставки, связанные с культом быка, имели широкое распространение от Средиземноморья до Северо-Восточного Кавказа. Женские статуэтки, символизирующие богиню плодородия, характерны также для Передней и Средней Азии, Средиземноморья и трипольской культуры. Обнаруживается сходство и с культовой керамикой Трои (западная часть Малой Азии)[33].

Происхождение майкопской культуры. Механизм формирования майкопской культуры является предметом незавершенных дискуссий, в основе которых лежит вопрос о роли в этом процессе пришлого и местного населения, а также значении местной энеолитической культуры, предшествовавшей майкопской. Чаще всего в качестве таковой называют культуру накольчатой жемчужной керамики (альтернативные названия: мешоковская, дарквети-мешоковская, домайкопская, предмайкопская, протомайкопская, энеолитическая культура Западного Кавказа), датируемую периодом от середины V – до начала IV тыс. до н.э. В частности, группу укрепленных (в том числе каменными стенами) поселений Центрального и Западного Кавказа рассматривают в рамках культуры жемчужно-накольчатой керамики[34].

Однако и культура жемчужно-накольчатой керамики включает два компонента, более древний из которых имеет не местное, а южное происхождение. Со временем этот компонент окажется почти полностью вытеснен вторым компонентом, имеющим местное происхождение и более архаичным по своему облику. Таким образом, создателей энеолитических укрепленных поселений Закубанья можно считать первой волной мигрантов с юга, а мигранты, принявшие участие в создании майкопской культуры, должны рассматриваться как представители второй волны[35].

Для определения истоков майкопской культуры важное значение имеет идентификация мигрантов, пришедших с юга.

В IV тыс. до н.э. действительно имело место интенсивное переселение ближневосточного населения на Кавказ, что превратило его в периферию ближневосточной цивилизации[36].

Хронологически первая волна южных мигрантов может быть соотнесена с носителями культурного импульса месопотамской культуры убейд. Соответственно, более поздняя миграция носителей культурного импульса, положившего начало майкопской культуре, может быть ассоциирована с урукской культурой (вторая половина IV тыс. до н.э.), имеющей также месопотамское происхождение. В носителях урукской культуры большинство исследователей видит шумеров.

[33] История народов Северного Кавказа... С. 50.

[34] Майкопская культура // Большая Российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: http://www.bigenc.ru/archology/text/2164133 (дата обращения 14.10.2018).

[35] Козинцев А. Г. Опыт обобщенной оценки культурной динамики на многослойных памятниках (по материалам энеолитических крепостей Закубанья) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. 2017. № 1. С. 73.

[36] Мусеибли Н. Ближневосточно-кавказские связи в IV тыс. до н.э. в контексте лейлатепинской и майкопской культур // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 123-124.

Однако то обстоятельство, что импульс к формированию майкопской культуры исходил из Южной Месопотамии, еще не означает, что мигранты целиком состояли из шумеров. На пространстве от Месопотамии до Северного Кавказа локализуется большое количество культур, входящих в переднеазиатскую культурную общность и несущих на себе урукское влияние. Практически все исследователи согласны с тем, что майкопская культура возникла под урукским культурным влиянием, но расходятся в определении исходного пункта этой миграции. Например, Мунчаев Р.М. считает, что она вышла из области, простиравшейся от р. Тигр до Северной Сирии и смежной части Восточной Анатолии[37].

Широкое распространение получило мнение о том, что майкопской культуре предшествовала миграция на Северный Кавказ носителей закавказской лейла-тепинской культуры (датируется в пределах IV тыс. до н.э.)[38].

У археологов не вызывает сомнения, что лейлатепинская и майкопская культуры имеют общие ближневосточные корни, связанные с поздним энеолитом Восточной Анатолии и Северной Месопотамии (Амук F, Арслан-тепе VII, Тепе Гавра, Тель Хазна и др.) и близки в основных элементах материальной культуры и погребального обряда. Некоторые исследователи даже видят в них единое лейлатепе-майкопское культурно-историческое сообщество, являвшееся частью более широкого «ближневосточно-кавказской культурно-исторической общности» или позднеэнеолитического мегасообщества[39].

Противники этой точки зрения указывают, что Лейлатепе и Майкоп – это две оригинальные культуры, различные в своей основе. Если лейлатепинская культура является сугубо земледельческой, то майкопская, напротив, была культурой скотоводческой[40].

В целом, Кавказ эпохи ранней бронзы можно рассматривать как часть еще сохраняющейся переднеазиатской культурной общности, хотя об этноязыковом единстве речь уже не идет даже в пределах собственно Кавказа. Носители северокавказских языков, бесспорно, преобладали на пространстве от Персидского залива до Терека и Кубани, но к V тыс. данная языковая семья уже дробится, по крайней мере, на две или три подсемьи, которые и заселяли в основном Кавказский регион от Черного моря до Каспия.

Вместе с тем, несмотря на сильное ближневосточное влияние, большинство исследователей едино во мнении, что майкопская культура имеет глубоко самостоятельный и оригинальный характер.

[37] Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 219.

[38] Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Лейлатепинская культура и Кавказ // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 131.

[39] Мусеибли Н. Указ. соч. С. 123–124, 126, 127.

[40] Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Лейлатепинская культура и майкоп: [Электронный ресурс]. URL: http://www.Генофонд.рф/?page_id=28768 (дата обращения 14.10.2018).

Дискуссии об этноязыковой принадлежности создателей и носителей майкопской культуры. Помимо коренных северокавказских народов носителей майкопской культуры пытались связать с индоевропейской, семитской и даже тюркской языковой общностями. Например, украшения в виде животных из погребений Майкопа и Алаки (Анатолия) безосновательно пытались истолковать как свидетельство культурного и этнического вторжения индоевропейцев из северных евразийских степей до самой Анатолии, хотя в эпоху ранней бронзы там жили не индоевропейцы хетты, а кавказоязычные хатты[41]. Последних большинство исследователей причисляет к западно-кавказской или абхазо-адыгской языковой общности.

Так, Н.А. Николаева в создателях майкопской культуры видит западно-семитских мигрантов из долины р. Хабур, входившей в состав древнего государства Эбла (северо-западная часть современной Сирии), прибывших сюда в XXIII в. до н.э.[42]

Впрочем, гипотеза, предложенная Н.А. Николаевой, опровергается тем, что майкопская культура возникла задолго до XXIII в. до н.э. Более того – к этому времени начался уже ее закат.

Имеются и другие версии относительно этнической принадлежности создателей и носителей майкопской культуры, однако большинство ученых в числе известных праязыков единственным убедительным лингвистическим кандидатом для носителей майкопской археологической культуры видят северокавказскую языковою семью, для которой реконструируется богатая металлургическая терминология, а географическая дистрибуция не требует каких-либо усложненных миграционных сценариев[43].

В научной литературе высказана также гипотеза о возможной этноязыковой близости носителей урукской культуры Месопотамии с автохтонным населением Кавказа[44].

С первой половины III тыс. до н.э. и до середины II тыс. до н.э. на Западном Кавказе развивается региональная традиция строительства дольменов, а сами горные области превращаются в доминирующий над прикубанской степью культурный центр[45].

Что касается носителей степных культур, то на Северо-Западном Кавказе они продвинулись до Таманского полуострова и правобережья Кубани. В этой зоне

[41] Берни Ч., Лэнг Д.М. Указ. соч. С. 73, 74, 90.

[42] Николаева Н.А. Указ. соч. С. 122.

[43] Касьян А. Майкопская культура, ее происхождение и языковая идентификация: взгляд лингвиста: [Электронный ресурс]. URL: http://www.Генофонд.рф/?page_id=28165. (дата обращения 14.10.2018).

[44] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 357, 358, 372.

[45] Трифонов В.А. Горы и равнины: модель культурного развития Западного Кавказа в V–III тыс. до н.э. // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 118–119.

достаточно много археологических памятников смешанного типа, отражающих протекавшие здесь ассимиляционные процессы[46]. Так, появление значительного массива смешанного кавказо-индоевропейского населения, вероятно, объясняет высокую частоту гаплогруппы R1a среди мужской части современного абхазо-адыгского населения[47].

Генетические исследования останков носителей майкопско-новосвободненской культуры, датируемых второй третью – концом IV тыс. до н.э., показали наличие как «палеолитической» гаплогруппы (U8), так и «неолитических» гаплогрупп: V, T2, N1. Также в одном захоронении из станицы Новосвободная выявлена гаплогруппа M52. Полученные данные могут говорить о возможно генетической общности (на уровне митохондриальной ДНК) носителей майкопской и новосвободненской археологических культур[48].

В антропологическом плане майкопцы относились к грациальным формам средиземноморской расы. На Кавказе подобный антропологический тип известен в V–IV тыс. до н.э. Схожие люди жили в это время в Армении, Грузии, Месопотамии и Иране[49].

Внешние связи майкопской культуры в целом соответствуют направлениям основных миграционных маршрутов того времени. Так, в северном направлении прямое влияние майкопской культуры охватывает Северное Причерноморье, Подонье и Северо-Западный Прикаспий[50]. Однако предметы майкопской культуры и подражания им обнаруживаются во всей степной зоне между Доном и Волгой, а влияние майкопской металлургии в восточном направлении ощущается вплоть до Алтая.

При этом устойчивая ориентированность внешних связей территорий по среднему и нижнему течению Кубани со степной зоной Юго-Восточной Европы сложилась еще в эпоху энеолита[51].

Самым заметным внешним проявлением степного влияния в зоне майкопской культуры считаются курганные погребения, но майкопские курганы отличаются от курганов степных культур своими размерами и сложностью. Во всем остальном влияние степных культур сравнительно невелико.

[46] Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 186.

[47] Чокаев Х.К. Случайность или историческая реальность? (популяционная генетика о происхождении народов Кавказа и их роли в мировой истории). М., 2010. С. 61.

[48] Недолужко А.В. и др. Исследование археологических культур Северного Кавказа современными методами генетики // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 164, 166.

[49] Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы в начале бронзового века Предкавказья // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 113–114.

[50] Мунчаев Р.М. Майкопская культура... С. 166.

[51] Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 90.

В южном направлении культурные связи майкопской культуры охватывают Южный Кавказ, Северную Месопотамию, Восточную Анатолию и Иран[52].

Уровень развития социально-экономических отношений в ареале майкопской культуры. Вожди-цари. Иерархический характер социальной структуры майкопского общества хорошо отражается в иерархичности погребальных сооружений, среди которых резко выделяются погребения глав союзов племен (вожди-цари), такие как Майкопский и Нальчикский курганы. Их высота более 10 м, а диаметр Нальчикского составляет более 100 м. Обилие в погребальном инвентаре импортных предметов из золота и серебра, изделий из полудрагоценных камней говорит о сосредоточении в руках захороненных власти и богатства. К другой социальной ступени относились вожди отдельных племен, чьи погребения более многочисленны, но не столь пышны и богаты[53].

Само возникновение курганного обряда погребения во второй половине IV тыс. до н.э. отчасти стало следствием развития социальной психологии и культов, вероятно, связанных с усилением роли военного фактора и института вождества в жизни майкопского общества. В частности, выделение воинского сословия прослеживается по погребальному инвентарю в захоронениях, которые по степени насыщения предметами охоты и воинского вооружения не имеют равных на Кавказе эпохи ранней бронзы. Не исключено, что социальная верхушка майкопского общества, представленная наследственными вождями, уже начала отходить от трудовой деятельности[54].

О далеко продвинувшейся социальной дифференциации майкопского общества говорит и обилие высокохудожественных ювелирных изделий из бронзы, серебра и золота в «царских» погребениях майкопской культуры, которые в этом отношении выделяются даже на фоне синхронных культур Ближнего Востока. А высокий уровень мастерства металлических изделий свидетельствует о выделении металлообработки в отдельную отрасль ремесленного производства.

Все это позволяет прийти к выводу, что майкопское общество (подобно куро-аракскому) находилось на предгосударственной стадии развития. По всей видимости, схожими оказались и причины, не позволившие им достигнуть стадии государственности. Одна из возможных причин состояла в том, что проблема продовольственного обеспечения на Северном Кавказе решалась на уровне отдельных территориальных общин. Месопотамский тип организации экономической и политической жизни общества, основанный на поливном зерновом хозяйстве с необходимостью учета и распределения зерна, оказался здесь не применим[55].

Угасание майкопской культуры многие исследователи объясняют изменением климата, ставшего причиной аридизации степи, что привело к сокращению зоны комфортного существования майкопской культуры, социально-хозяйственным

[52] Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 113–114.

[53] История Европы. В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 96.

[54] Кореневский С.Н. Указ. соч. С. 87–88.

[55] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 375–376.

потрясениям и межплеменными распрям, а также расширению ареала иного хозяйственного уклада ямной культуры[56].

Серьезное воздействие оказал и процесс дробленииия крупных этнокультурных массивов Северного Кавказа (нахского, восточно-дагестанского и абхазо-адыгского) на менее крупные этнокультурные очаги, имевшие собственные источники металлопроизводства. Такое дробление сопровождалось расхождением прежде единых языков и этнической дивергенцией[57].

Вполне вероятно, что майкопская и куро-аракская культуры исчезли примерно в одно и то же время под воздействием одних и тех же факторов.

§3. Племена ямной и катакомбной культур Восточной Европы. Продвижение кавказской бронзы на север

Ареал ямной культуры и ее истоки. Кавказ в эпоху ранней бронзы также оказался в сложной системе взаимодействия культур степных скотоводов севера (представленных ямниками и катакомбниками) и оседлых земледельцев юга.

Ямная культура, имевшая значение и для кавказских племен, датируется обычно концом IV – началом III тыс. до н.э., предельная датировка XXXVI –XXIII вв. до н.э. Относительно происхождения ямной культуры выдвигались различные версии. Согласно одной, ее выводят из культур Волго-Уральского междуречья при воздействии центров производящего хозяйства, возможно, Восточного Прикаспия. Другая версия связывает ее с дальнейшим развитием трипольской культуры юго-восточной части Европы.

Ареал ямной культуры со временем вобрал пространство от Южного Приуралья до Прутско-Днестровского междуречья. На севере он уходил в лесостепь и достигал широты Самарской луки и Киева, на юге доходил до предгорий Кавказа. Древнейшие памятники открыты на Волге, нижнем Дону и в степях Калмыкии. Культурное единство ямной общности сформировалось уже в начале III тыс. до н.э., но едва ли не с самого начала внутри ее образовалось несколько локальных вариантов. Особое значение имел нижнеднепровский вариант, с которым связано большинство известных поселений ямной культуры. В определенный период фиксируется движение носителей ямной общности на запад и юго-запад, в Нижнее Подунавье, а затем вверх по Дунаю до восточной Венгрии[58].

Основным занятием населения ямной культурно-исторической общности было подвижное скотоводство, возможно отгонное, а в восточных районах и кочевое. О развитии земледелия говорят лишь косвенные свидетельства, но, возможно, оно было пахотным. Археологические материалы свидетельствуют о широком развитии колесного транспорта, а также наличии местной металлургии и

[56] См.: Трифонов В.А. Указ. соч. С. 118–119; Амиров Ш.М. Месопотамо-кавказские связи … С. 15.

[57] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 70–71.

[58] История Европы... С. 88.

металлообработки. Оценки социального устройства носителей ямной общности довольно разноречивы, но все же не вызывает сомнений выделение социальной верхушки, для которой характерны курганные погребения значительных размеров. Согласно подсчетам специалистов, возведение кургана высотой 3,5 м и диаметром около 100 м требовало 40 тыс. человеко-дней работы. Представителям второго привилегированного слоя принадлежали курганные погребения диаметром более 50 м. Под курганами диаметром от 20 до 50 м хоронили рядовых общинников. Инвентарь погребений последнего типа часто состоит из одного только глиняного сосуда[59].

В носителях ямной культурно-исторической общности обычно видят представителей индоевропейских языков.

Катакомбная культура. Данная лесостепная культура Европы сложилась несколько позднее ямной и свое название получила в связи с особенностью погребального обряда, принятого в ней: в одной из стен глубокой подкурганной ямы вырубали особую камеру – катакомбу. Катакомбная культура получила распространение на территории степей от Поволжья до Приднепровья Северного Кавказа; в целом считается культурой среднего бронзового века. Традиционно датируется временем от конца III тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э., однако довольно часто период ее существования определяется второй половиной III тыс. до н.э., предельная датировка укладывается в XXVIII–XXII вв. до н.э.

Большие серии радиоуглеродных датировок материалов ямной и катакомбной культур показывают, что обе эти общности сосуществуют в течение 6-7 столетий[60].

Для катакомбных погребений характерно скорченное на боку положение погребенного, реже в вытянутом положении. Могильный инвентарь помимо керамики включал изделия из бронзы и кости, деревянные повозки. Отмечен обычай прижизненной деформации черепов. Встречаются вторичные погребения и использование погребальных масок.

В составе катакомбной культуры выделяется ряд локальных вариантов, наиболее ранним из которых считается преддонецкий. Отдельными вариантами считаются также: донецкий, восточно и западно-манычские, среднедонской, волго-донской, азово-донской (сохранил часть ямных традиций в керамике и позах погребенных), батуринский. На западной и юго-восточной периферии располагались отличные по погребальному обряду и антропологическим характеристикам ингульская и северокавказская катакомбные культуры.

Формирование катакомбной общности разные авторы связывали с миграциями из Западной и Центральной Европы, Средиземноморья и Закавказья. В настоящее время преобладает точка зрения, что она сформировалась на основе одной из локальных групп ямной культуры на территории Северного и Восточного

[59] История Европы... С. 91, 96-97.

[60] Черных Е.Н. Кавказ в системе взаимодействий культур степных скотоводов севера и оседлых земледельцев юга (эпоха раннего металла) // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 72–73.

Приазовья под воздействием культур Кавказа. Отдельными авторами отмечается и сильное миграционное воздействие племен Предкавказья.

Вероятной считается принадлежность носителей катакомбной культуры к индоевропейцам, возможно, индоиранской ветви.

Особенность распространения носителей ямной и катакомбной культур заключается в том, что их распространение в Европе и на Северном Кавказе не носило характер нашествия и не приводило к вытеснению местных культур и народов. Ямники и катакомбники селились чересполосно и точечно между старыми поселенцами, не создавая сплошных этнических областей[61].

Раннее кавказское присутствие в степях Предкавказья. В исторической науке сложилось мнение, что степные культуры Юго-Восточной Европы эпохи бронзового века изначально принадлежали к индоевропейской общности. Исследователям так и не удалось убедительно определить первоначальный очаг формирования праиндоевропейского языка, но установлено наличие в нем значительного субстратного слоя прасеверокавказской лексики. Из этого факта логически вытекает, что где бы ни находилась индоевропейская прародина (в Балкано-Дунайском регионе, междуречье Днепра и Дона, Волжско-Енисейском регионе, в Центральной Европе или даже в Малой Азии), там изначально присутствовали носители прасеверокавказской речи.

Необходимо также принять во внимание, что общеиндоевропейское языковое единство датируется обычно V–IV тыс. до н.э., а IV тыс. до н.э. (самое позднее рубеж IV–III тыс. до н.э.) считается временем расхождения отдельных индоевропейских языковых и диалектных групп.

Праиндоевропейцы и прасеверокавказцы. С учетом двух названных выше обстоятельств можно достаточно уверенно говорить, что неолитическое население степей Юго-Восточной Европы изначально не могло быть индоевропейским. Поскольку тюркская языковая общность образовалась близко к рубежу новой эры, то единственными претендентами на заселение этих степей в эпоху неолита можно считать угро-финские и прасеверокавказские племена. А если принять во внимание привязанность угро-финской топонимики к лесной и лесостепной зоне, то наиболее вероятным населением южных европейских степей можно признать тех же прасеверокавказцев.

С праиндоевропейцами могут быть связаны культурные комплексы V–IV тыс. до н.э. в Юго-Восточной и Центральной Европе (прежде всего Балкано-Дунайская культурная провинция), обладавшие такими важными признаками ранних

[61] См.: Ямная культура // Большая Российская Энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: http://www.bigenc.ru/archeology/text/4926581. (дата обращения 14.10.2018).; Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006; Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая область. Киев, 1986; Катакомбная культура // Большая Российская Энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: http://www.https://bigenc.ru/archeology/text/2051593 (дата обращения 14.10.2018); Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М., 2014; Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999; и др.

цивилизаций, как земледелие и скотоводство, специализированные металлургия и гончарное дело, концентрация населения в жилых агломерациях, яркое и самобытное искусство, довольно сложная система религиозных верований и даже примитивная система письменности. Однако протоцивилизация Балкано-Карпатского региона, при всем ее своеобразии, в чисто культурологическом плане не так уж и сильно отличалась от неолитических и энеолитических культур Передней Азии, уже приблизившихся или еще только приближавшихся к порогу цивилизации, таких как более ранние анатолийские культуры·Чатал-Хююка и Хаджилара или хронологически близкие к ним месопотамские культуры Халафа и Убейда[62].

Кавказская бронза в Европе. Современные исследования все больше говорят, что культуры Среднедунайско-карпатского региона были не только периферийными образованиями высокоразвитых эгейских и переднеазиатских культур, но также являлись западной периферией евразийских степей. Исходя из этого, культурно-историческое развитие региона находилось и под влиянием процессов, происходивших на Кавказе. Об этом свидетельствуют немало изделий кавказского происхождения, найденных в Средней Европе. В первую очередь можно упомянуть медные проушные топоры, древнейшие образцы которых в Европе ведут свое происхождение с Северного Кавказа (майкопская культура). Благодаря культурным влияниям из северокавказского региона, такие топоры сравнительно рано появляются в ямной культуре Северного Причерноморья и Волго-Уральского региона. Из Северного Причерноморья вдоль Дуная они распространяются дальше на Северные Балканы и Среднюю Европу[63].

Таким образом, в эпоху энеолита и ранней бронзы кавказское влияние явственно ощущается в материальной культуре Центральной и Восточной Европы.

Этнические смешения. Заселение Европы. Что касается степей Юго-восточный Европы, то переход от неолитических культур к энеолитическим в этой зоне происходил ближе к IV тыс. до н.э. и традиционно связывается с начавшимся расселением индоевропейских племен. Вторая половина IV тыс. в указанном регионе прошла под знаком распространения ямной культуры и, соответственно, ассимиляции индоевропейцами населения на большей части пространства от Днестра до Урала. С осторожной оговоркой, что население степного Предкавказья еще довольно долго сохраняло смешанный характер ввиду постоянного притока мигрантов с Кавказа[64].

Это подтверждается недавними исследованиями ДНК останков людей мезолита, неолита и бронзового века из Западной Евразии, свидетельствующими, что

[62] Андреев Ю.В. Между Евразией и Европой. (К вопросу об исторической специфике минойской цивилизации) // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 96, 97.

[63] Батора Й. Кавказ и Среднедунайско-карпатский регион в конце энеолита и раннем бронзовом веке (исследование трансферта технологий и знаний в металлургии) // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 100–101.

[64] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 292.

Кавказ, как представляется, сыграл решающую роль в формировании генетической родословной ямного населения, несущего сильные сигналы родословной восточного охотника-собирателя и древней ближневосточной родословной, отличающейся от той, которая дала начало ранним европейским земледельцам[65].

Возможно, именно носители ямной культуры первыми привнесли на Кавказ гаплогруппу R1b[66]. Между куро-аракскими и ямными популяциями обнаруживается и большое антропологическое сходство[67].

Начиная с III тыс. до н.э. присутствие индоевропейцев в степном Предкавказье никем не оспаривается. Однако далеко не все степные культуры Предкавказья ранней бронзы можно ассоциировать с индоевропейцами. Например, возникновение кумо-манычской культуры связывается с миграцией носителей майкопской культуры. Установлено также, что миграции тех же майкопцев в раннемайкопский период вели в низовья Дона, к Чограю и Манычу[68].

Для эпохи ранней бронзы археологи отмечают смешанный характер целого ряда культур степного Предкавказья, а зона северокавказского влияния простирается до правого берега Днепра. В некоторых случаях всесторонний характер кавказского влияния (Кеми-Обинская культура в степной и предгорной полосе Крыма и др.) позволяет говорить о прямом присутствии в степях групп северокавказского населения и взаимной ассимиляции с ямниками и катакомбниками, что приводило к формированию смешанных культур[69].

Постепенная смена ямной культуры памятниками катакомбной культуры ни в коей мере не ослабила кавказское присутствие в степном Предкавказье. Не исключено также, что сама идея катакомбного захоронения зародилась на Кавказе, на что указывает явное сходство этого типа погребальных сооружений с кавказскими дольменами и склепами. По мнению некоторых исследователей, в ранних катакомбных погребениях реализована идея склепа с проработанными деталями – прямоугольной в плане входной ямой со ступеньками-уступами вдоль боковых стен и лоткообразным спуском к входу в камеру, также прямоугольной или скругленной формы. Притом, что архитектура раннекатакомбных погребений развивалась по линии приспособления к условиям степных грунтов.

В целом раннекатакомбные памятники Северного Кавказа могут быть разделены на две большие группы: западную и восточную, граница между которыми

[65] Хаак В. Роль Кавказа в формировании генетического состава Евразии: идеи и вопросы в связи с изучением древней ДНК // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 166–167.

[66] Клёсов А.А. Как геномный анализ «выявляет личное происхождение»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pereformat.ru/2018/04/genomnyi-analis (дата обращения 14.10.2018).

[67] Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура … С. 57.

[68] Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 76–77.

[69] Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 28–29.

аналогична границе между позднеямными и северокавказкими памятниками и проходит по диагонали от Левобережья Кубани к северо-востоку до верховий Маныча и до Калмыкии. Для восточной группы раннекатакомбных памятников даты укладываются в интервал XXIX–XXV вв. до н.э., для западной группы в интервал XXIX–XXIII вв. до н.э.[70]

Во многих частях Северного Кавказа: в Прикубанье (Усть-Джегутинский и другие могильники), Чечне (Бамутские курганы), Дагестане (возле ст. Манас и г. Дербент) встречаются погребения смешанного типа, сочетающие северокавказские и катакомбные черты[71].

Антропологические материалы конца III – начала II тыс. до н.э. не выявили существенных различий у населения Северного Кавказа на пространстве до р. Маныч. Оно несколько отличалось от населения Закавказья, но не могло считаться потомками населения Восточно-Европейской равнины[72]. По своему физическому типу носители катакомбной культуры не являлись ни потомками предшествовавшей им в степях ямной культуры, ни предками сменивших их племен срубной культуры. Типологически они стояли ближе к племенам Северного Кавказа[73].

Еще раз о катакомбах. В свете сказанного неубедительными представляются попытки некоторых авторов связать появление катакомбных погребений на Северном Кавказе исключительно с индоевропейским этническим элементом, чтобы затем ни много ни мало признать в них основателей ряда синхронных (например, беденской культуры Закавказья) и более поздних (например, кобанской) культур[74].

Вопрос стоит не о присутствии индоевропейцев на территории Кавказа, а о степени их участия в той или иной местной культуре. При этом, согласно имеющимся археологическим материалам, присутствие индоевропейцев и их роль в экономической и культурной жизни региона была достаточно ограниченной, а в культурном обмене они на тот момент выступали, как правило, в качестве заимствующей стороны[75].

Появление в степном Предкавказье значительного этномассива кавказского происхождения на рубеже ранней и средней бронзы И.М. Сигаури связал с оттоком населения вследствие социально-экономических противоречий, возникших на позднем этапе майкопской и куро-аракской культур. Появление в степной зоне значительного массива кавказского населения и изначальная привязанность ка-

[70] Стёганцева В.Я. Истоки и хронология катакомбного обряда на Северном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 133, 135–136.

[71] История народов Северного Кавказа... С. 56.

[72] Федотов В.В. Историческая география Северо-Восточной Евразии в эпоху античных цивилизаций. М., 1996. С. 65.

[73] История народов Северного Кавказа... С. 56.

[74] Николаева Н.А. Указ. соч. С. 124, 136.

[75] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 415.

такомбной культуры к Кавказу позволили предположить, что эта культура первоначально возникла в кавказской этноязыковой среде и лишь затем вобрала в себя индоевропейский этнический элемент[76].

Общекавказское культурное влияние на степные культуры Предкавказья в эпоху ранней бронзы. На протяжении IV–III тыс. до н.э. Кавказу принадлежала роль важного моста, связующего два контрастных мира южных – оседло-земледельческих и северных – пастушеских культур[77].

При этом нельзя представлять дело так, будто Кавказ просто транслировал на степь достижения передовых центров Передней Азии – кавказские археологические культуры, глубоко оригинальные в своей основе, выступали в роли самостоятельных центров культурного влияния. Важную роль при этом имела возможность широкого прямого контакта между носителями кавказских и степных ямной и катакомбной культур. Смешиваясь с кавказским населением на территории Предкавказья, племена ямной культуры одновременно перенимали местную культуру. Их дальнейшее продвижение в Закавказье фиксируется по характерным для них погребениям, но другие признаки ямной культуры на археологических материалах не просматриваются, что говорит об ассимиляции степняков на Кавказе. Но расселяясь по степям дальше на восток Европы в сторону Средней Азии, носители ямной культуры передавали усвоенные ими кавказские культурные традиции. В частности, кавказское влияние, переданное через носителей ямной культуры, отразилось на афанасьевской культуре (III–II тыс. до н.э.) юга Сибири[78].

Усилению кавказского культурного влияния на степные культуры способствовал и постепенный упадок Балкано-Карпатского центра медной металлургии, зато металлургия бронзы получает бурное развитие на Кавказе и в Анатолии (Малая Азия). Именно в это время начинается процесс формирования сложного симбиоза степных скотоводческих и оседлых земледельческих культур, в которых большая часть ремесленных изделий высокого качества, в том числе из металлов, в скотоводческие области поступает из земледельческих районов.

Примерно до середины II тыс. до н.э. Кавказ служил почти единственным источником, откуда племена ямной, катакомбной и других степных культур Восточной Европы получали металл в виде готовой продукции или в виде отдельных слитков. Особое значение южного кавказского импорта видно на материалах катакомбной общности (до 95% всего металла с Северного Кавказа). Значительную роль (до 50%) играют южные импорты мышьяковых бронз для носителей ямной общности, которые в конце IV – начале III тыс. до н.э. приступают к эксплуатации гигантского для своего времени горно-металлургического центра Каргалы на Южном Урале[79]. Вместе с тем нельзя забывать, что речь идет о контактах, растянувшихся на столетия и тысячелетия между слабо заселенными территориями.

[76] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 416, 417.

[77] Черных Е.Н. Указ. соч. С. 70.

[78] Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. М., 2007. С. 214.

[79] Черных Е.Н. Указ. соч. С. 72–73; Мунчаев Р.М. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 9.

Объемы и характер импорта кавказской металлургической продукции в зону степных культур служат своеобразным индикатором уровня социального развития местных обществ. Именно социальная верхушка сосредотачивала в своих руках значительную долю богатства, собирая дорогое оружие, украшения и предметы роскоши (что находило отражение в погребальном обряде, благодаря чему археологи и обнаруживают кавказские изделия в далеких от Кавказа краях).

Наряду с металлом предметом значительного по объему кавказского экспорта была качественная керамика.

Еще одним твердым доказательством связей Кавказа со степными культурами является широкое распространение различных типов бронзовых удил и псалий. Одновременно Кавказ «транслировал» в степные районы ряд переднеазиатских технических достижений, чему ярким примером может служить широкое распространение в степной зоне колесных повозок, впервые изобретенных в Месопотамии. Примечательно, что в Нижнем Подонье колесный транспорт впервые появился в ареале энеолитической константиновской культуры, характеризующейся заметным кавказским влиянием[80].

На территории Ставрополья и Северо-Восточного Кавказа следы кавказского влияния отчетливо просматриваются в погребальном обряде носителей катакомбной культуры. Это влияние исчезнет лишь на поздних этапах катакомбной культуры[81].

Кавказским по происхождению зачастую являлся и инвентарь в катакомбных захоронениях, в частности металлические изделия и украшения с рельефным орнаментом, имитирующим шнуровые узоры[82].

С Кавказом археологически и палеоантропологически связана катакомбная культура низовьев Волги второй половины II тыс. до н.э.[83]

§4. Древнейшие цивилизации Передней Азии и Средиземноморья прасеверокавказского языкового наследия

Рассмотрев культурно-этническую составляющую в северных пределах распространения северокавказоязычного этномассива, необходимо вернуться в южную часть его бытования, чтобы получить цельную картину. Начинать, конечно, придется с шумерской цивилизации эпохи ранней бронзы в Месопотамии.

Становление шумерской цивилизации. Первая на земле городская цивилизация возникла, как известно, в южной части современного Ирака в силу целого ряда благоприятных факторов и природных вызовов. К числу последних относятся природно-климатические особенности южной Месопотамии, представляющей

[80] Ильюков Л.С. Глиняные колесики эпохи раннего металла из Нижнего Подонья // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 11.

[81] Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 272.

[82] История народов Северного Кавказа… С. 55.

[83] Народы европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 35.

собой близкое сочетание сухих безводных степей и болотистой поймы рек Тигр и Евфрат (в эпоху ранней бронзы эти реки еще не сливались в нижней части своего течения). Несмотря на то, что дожди в этой местности сравнительно редки даже зимой, территория Шумера систематически страдала от наводнений, вызываемых ежегодными разливами Тигра и Евфрата. Сельскохозяйственное освоение этих территорий потребовало длительных совместных усилий больших людских коллективов по созданию сложной системы ирригационных каналов и водохранилищ с целью отвода воды из болотистых мест и удержания ее для полива в сухое время года. Зерновое земледелие давало здесь большие по тем временам урожаи и тем самым тот прибавочный продукт, который шел в обмен для приобретения металла, леса, строительного камня и т.д.

Начиная с эпохи неолита на территории Древней Месопотамии имело место последовательное эволюционное развитие местных культур, не связанное с миграцией новых этнических групп, хотя сами миграции имели место. Указанные миграции охватывали население, близкое в этноязыковом и культурном отношении и, по всей видимости, носили характер постепенной инфильтрации, сопровождавшейся освоением местной культуры.

Начиная с V тыс. до н.э., когда возникшая в Южной Месопотамии культура убейд распространилась на север региона, вся Месопотамия становится единой в культурном отношении. С этого времени можно говорить о единой месопотамской культурной общности, что не исключает определенных этноязыковых различий между севером и югом региона.

В конце V тыс. до н.э. культура убейд сменилась урукской культурой, с которой связывается быстрое развитие городской цивилизации в Шумере – первой из великих цивилизаций древности, возникших в долинах рек.

Крупные хозяйственные достижения на территории Шумера. Шумерские области в бассейне Тигра и Евфрата представляли собой территории, объединявшиеся вокруг одного или главного городского центра со своей собственной системой каналов и водохранилищ. Несмотря на то, что в Шумере долгое время отсутствовала единая общегосударственная ирригационная система, отдельными городами-государствами был достигнут высокий уровень сельскохозяйственного производства, ставший основой для быстрого развития специализированных ремесел: гончарного, ткацкого, металлообработки, кораблестроительного и т.д. В конце IV тыс. до н.э. в Шумере на смену домашнему производству керамики приходят специализированные мастерские, работавшие «на рынок».

С другой стороны, появление в избытке сельскохозяйственных продуктов (в основном зерна) и продукции шумерских ремесленников (шерстяные ткани, разнообразная керамика, изделия из металлов, украшения) послужило мощным стимулом для развития региональной и международной торговли. Не случайно, первые шумерские колонии за пределами Месопотамии представляли собой торговые фактории.

Еще одним важным следствием появления развитой для своего времени экономики стало накопление материального богатства в руках социальной верхушки

шумерского общества. Имущественное и социальное расслоение было отмечено уже среди населения культуры убейд. Последовательное развитие имущественной и социальной дифференциации в эпоху ранней бронзы привело к формированию в Шумере иерархического общества с достаточно развитой «лестницей» социальных страт.

Одним из важнейших достижений шумерской цивилизации считается изобретение письменности примерно в XXXII–XXXI вв. до н.э. В процессе длительного развития эта письменность успешно прошла путь от примитивного пиктографического (рисуночного) письма до сложной словесно-слоговой письменности, способной более-менее успешно передавать фонетические особенности языка.

Этническая составляющая. Язык. Вероятнее всего с момента расселения в Междуречье с севера неолитических носителей производящего хозяйства (ареал Плодородного полумесяца) население Месопотамии, включая ее южную часть, составляли этноязыковые сообщества, образовавшиеся на прасеверокавказской основе. Если в болотистой пойме Тигра и Евфрата первоначально еще и оставались немногочисленные группы донеолитического населения, специализировавшиеся на охоте, рыболовстве и собирательстве, они практически бесследно растворились среди гораздо более многочисленных пришельцев, владевших навыками эффективного земледелия.

Исследователи шумерского языка изначально допускали, что в нем сохранились следы двух языков-предшественников, т.н. «протоевфратского» и «прототигридского» или, как его еще называли, «бананового». Однако существование «протоевфратского» языка так и не получило признания в научной лингвистической среде, да и уверенно выделить «дошумерскую» лексику в шумерском языке так и не удалось. Относительно же «прототигридского» языка высказывалось предположение, что это язык либо дошумерского населения Южной Месопотамии, либо язык пришельцев[84].

Шумерский язык долгое время считался языком-изолянтом неизвестного происхождения. Однако последние лингвистические исследования И.М. Сигаури позволили установить регулярные соответствия в шумерской и пранахской лексике, охватывающие практически весь имеющийся шумерский лексический материал (более 2 тысяч сопоставлений) при наличии достаточного количества общих этимологий и совпадений в базисной лексике. Обнаружено также около 330 схождений с хуррито-урартским лексическим материалом (в том числе и в базисной лексике примерно соотносимое количество между шумерским, хуррито-урартским и пранахским). Кроме того, в шумерском языке выявились регулярные фонетические соответствия с нахской реконструкцией, притом что целый ряд соответствий специфичны только для нахских языков. Зафиксированы также совпадения некоторых грамматических элементов, характерных только для нахских языков. Удалось установить также доминирующие соответствия согласных, типичные только для нахских языков внутри северокавказской семьи. В целом

[84] Джаракян Р.В. Этнический состав населения к северу от долины реки Диалы (Ирак) в III тысячелетии до н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 4.

объем выявленных шумеро-нахских языковых соответствий настолько обширен, что полученные данные позволяют И.М. Сигаури трактовать шумерский язык, наряду с хуррито-урартскими языками, как относящийся к пранахской языковой ветви[85].

В то же время не вызывает сомнения, что важную роль в формировании шумерской этноязыковой общности сыграли многочисленные миграции внутри границ Плодородного полумесяца, что подразумевает изначальное членение шумерского языка на ряд диалектов. Правда, особенности шумерской письменности, довольно поздно начавшей приспосабливаться к передаче фонетического звучания речи, затрудняют выявление диалектных различий.

Шумеры и хурриты. В Месопотамии на стадии энеолита – начального этапа ранней бронзы обнаруживаются две численно большие этноязыковые общности. Собственно, шумеры изначально концентрируются на крайнем юге Месопотамии, а в ее северной части (приблизительно от современного Багдада) основное население составляли, по всей видимости, хурриты. Именно здесь находились древнейшие хурритские государственные образования: Мари, Ашшур, Гасур, Кимаш. Но основная часть хурритских государств возникнет к западу от Месопотамии, включая восточную часть Малой Азии и Палестину. Хурриты, скорее всего, и были автохтонным населением Северной Месопотамии, Северной Сирии и Армянского нагорья[86].

Таким образом, изначальный ареал распространения шумерского языка ограничивается южной частью Междуречья. К востоку от него находилась территория расселения эламитов, на западе лежали сухие степи, населенные семитскими скотоводческими племенами.

Шумеры принадлежали к средиземноморской ветви европеоидной расы, и антропологические материалы подтверждают однородность древнего населения Месопотамии вплоть до конца эпохи Джамдет-Наср (примерно середина XXVIII в. до н.э.), когда на этой территории появляются представители нового расового типа, в которых И.М. Сигаури видит семитов[87].

Семитские племена и языки. К северу от Шумера (т.е. в ареале проживания хурритов) семитские племена появились уже в первых веках III тыс. до н.э., а во второй половине того же тысячелетия их присутствие отмечено уже и в самом Шумере. Этническую карту Междуречья этой поры отчасти можно восстановить по изучению имен собственных, известных по имеющимся письменным источникам. Если отбросить значительный процент неидентифицируемых имен, то получается, что в южной части Междуречья шумеры составляли до 80% всего населения, а в северной – 75% семиты, говорившие на аккадском языке. Вместе с тем не исключено, что в древнейший период становления макроязыков семиты входили в круг сино-кавказской макросемьи (а то и позже в состав прасеверокавказской), но в конечном счете под влиянием афразийских племен Восточной Африки (хамито-семитские языки) в пограничных степных районах с Палестиной и Месопотамией перешли на семитские языки [88].

[85] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. I. С. 287–288.

[86] См.: Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 324; Древние цивилизации. М., 1989. С. 91.

[87] ChristianV. Die Herkunft der Summerer. Wien, 1961. S. 48–52; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 328.

На протяжении III тыс. до н.э. семитские племена активно оседали в среднем течении р. Евфрат и в северной части Сирии. Первоначально это были племена, говорившие на восточно-семитском аккадском языке, который на поздней стадии больше известен как ассирийский. Аккадский язык вначале вытеснил из северной Месопотамии хурритский язык, а затем и шумерский, при этом широко восприняв новую для себя лексику. В самом конце III тыс. до н.э. появляется вторая волна семитских аморейских племен, язык которых относился к западно-семитским.

Шумерский язык в качестве разговорного вышел из употребления примерно в XVI–XV вв. до н.э., но еще долго оставался языком религии и науки для стран Ближнего Востока.

Мировое значение шумерской культуры. В настоящее время общепризнано, что шумерское культурное влияние в той или иной мере охватывало не только Переднюю Азию, но и выходило за ее пределы. Так, это влияние стало импульсом к зарождению Харрапской цивилизации в долине р. Инд. Отразилось шумерское влияние и на египетской цивилизации, особенно на ранних этапах ее становления. Довольно широкой популярностью пользуется гипотеза, согласно которой именно пришельцы из Шумера стали создателями египетской государственности, горячим сторонником которой является американский исследователь Д. Рол[89].

Шумерское влияние следует понимать как культурный импульс или некий культурный архетип, который допускал существование множества вариаций в организации экономической и политической жизни общества при сохранении центральной роли царского и храмового общественного институтов, а также в развитии материальной и духовной культуры, включая религиозные представления. Поэтому шумерское влияние, на первоначальном этапе ставшее катализатором социально-экономических процессов, политогенеза и культурогенеза, в последующем, по мере становления и развития местной оригинальной культуры, играло все меньшую роль.

Наглядный пример – распространение шумерского типа государственности, несущим стержнем которого являются храмовый и царский институты, играющие ведущую роль в экономике, социальной, политической и культурной сферах. Этот тип государственности пережил сам Шумер и на протяжении III–II тыс. до н.э. в разной степени оказал влияние на развитие раннерабовладельческих государств в Месопотамии, Передней и Малой Азии, а также в восточной части Средиземноморья (Крит, Балканы и прилегающие острова). В I тыс. до н.э. к этому же типу государственности принадлежали некоторые греческие полисы и более

[88] См.: Джаракян Р.В. Указ. соч. С. 5; Байтасов Р.Р. Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Problemsofmodernscienceanded ucation 2014. № 1(19). С.17; Орел В.Э. Мир семито-хамитов [Электронный ресурс]. URL: http://www.forum.molgen.org›Молекулярная генеалогия›?topic=1677.45 (дата обращения 14.10. 2018).

[89] Рол Д. Генезис цивилизации. Откуда мы произошли… М., 2002.

западные общества, например, Этрурия (область на северо-западе древней Италии)[90].

Прасеверокавказские сообщества ранней бронзы Передней Азии и Кавказа. Как мы видим, уже в эпоху ранней бронзы начался процесс вытеснения и ассимиляции кавказоговорящего населения Месопотамии и прилегающих областей Сирии. Как отмечалось выше, исследования лингвиста И.М. Сигаури дают достаточно оснований видеть в шумерах и хурритах население, в этноязыковом отношении близкородственное древним нахам Передней Азии и Кавказа. Что касается воздействия восточно-кавказской (дагестанской) языковой общности, то ее появление на территории Месопотамии в лице древних кутиев (а также, вероятно, луллубеев) носило, судя по письменным источникам, характер эпизодических военных вторжений. Кутии господствовали над Шумером приблизительно с 2228 по 2104 гг. до н.э., но непосредственно на его территории не расселялись, довольствуясь получением дани. Возможно, причиной тому являлось наличие у них иного типа хозяйствования, не совмещавшегося с ирригационным земледелием. Во всяком случае, археологические культуры раннего бронзового века на территории Курдистана и Иранского Азербайджана (где локализуются древние кутии) ближе к культуре Восточного Закавказья, чем Иранского нагорья и Месопотамии[91].

Можно предположить, что на протяжении эпохи ранней бронзы пространство от Месопотамии и до Северного Кавказа (включая Малую Азию) населяли, почти исключительно, прасеверокавказские сообщества. Однако локализовать отдельные этнические группы нахского, дагестанского и абхазо-адыгского круга из-за недостатка источников удается только в отдельных случаях.

Прсасеверокавказские языки обитателей средиземноморского бассейна. В лингвистической науке уже довольно давно установлено наличие в индоевропейских языках, особенно распространенных вокруг Средиземноморья, субстратных явлений, ведущих к отдельным группам северокавказских языков. В частности, кавказский субстрат прослеживается на юге Балканского полуострова и островах Эгейского моря. Отмечено определенное структурное сходство минойского языка Крита (языка линейного письма А) с западно-кавказскими языками, древнейший представитель которых (хаттский) хронологически сопоставим с минойским. Несколько субстратных слоев прослеживается на Аппенинах, наиболее древний из которых, вероятно, имеет кавказское происхождение. Обнаруживается кавказский субстрат и на о. Сардиния. В Западном Средиземноморье выявлен автохтонный субстрат, для которого также допускаются кавказские параллели. Аналогии, определяемые как прасеверокавказские, предполагаются и в ряде поздненеолитических культур Карпато-Дунайского региона.

Крайний запад Европы до появления там индоевропейцев (приход кельтов, например, в Ирландию датируется второй четвертью I тыс. до н.э.) был заселен народами, по антропологическому типу близкими к средиземноморским[92].

[90] Сигаури И.М. Очерки государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. IV. М., 2004. С. 123.

[91] Языки Древней Передней Азии. Несемитские. М., 1979. С. 38.

[92] История Европы... С. 98.

Наличие определенных лингвистических и грамматических соответствий, например, между нахскими и индоевропейскими языками подвигло ряд авторов, например, А.В. Вагапова, к выводу о родстве этих языков и даже включения нахских языков в индоевропейскую семью. Это мнение не разделяется другими чеченскими лингвистами, считающими подобные утверждения преждевременными[93].

Тем более что еще выдающийся лингвист С.А. Старостин пришел к выводу, что в свое время праиндоевропейский язык позаимствовал из прасеверокавказского значительный пласт культурной лексики. Кроме того, нельзя исключить, что в глубокой древности в состав нахской этноязыковой общности влились группы индоевропейского населения, оставив свой «след» в лексике и фонетике того же чеченского языка. Но эти факты не могут служить обоснованием генетического языкового родства.

Массовое передвижение индоевропейцев в регион Передней Азии началось уже во второй половине III тыс. до н.э. и шло по двум направлениям. Первое с запада – через Балканский полуостров в Малую Азию, второе – из Приуральских степей в Среднюю Азию и далее в Переднюю Азию с востока. При этом массовая миграция индоевропейцев с севера через Кавказ в эпоху ранней бронзы, о возможности которой говорят некоторые авторы, археологическими материалами не подтверждается.

В частности, индоевропейские народы анатолийской группы попали в Малую Азию в последние века III тыс. до н.э. именно через Балканы. О доиндоевропейском населении Балкан практически ничего не известно, помимо того, что с эпохи неолита эту территорию заселяли выходцы из Ближнего Востока. Возможно, потомками этого населения были пеласги, о которых античные авторы сообщают как о древнем населении Балкан.

Согласно записям античных авторов, пеласги составляли часть населения о. Крит, но в древности они обитали не только в Греции, но и по всему Восточному Средиземноморью, создавая собственные города-государства. Они первыми приспособили финикийский алфавит для своего языка, и эта письменность использовалась в догомеровское время[94] (примерно до IX–VIII вв. до н.э.). Пеласгов античные авторы обычно отождествляют и с библейскими филистимлянами Палестины и Сирии.

Крито-минойская культура. Начало бронзового века на Балканах и в бассейне Эгейского моря датируется второй половиной IV тыс. до н.э. Материальная культура этого региона, включая Крит и Кипр, достаточно однородна, хотя в ней и выделяются локальные варианты, обычно элладский (на Балканах), кикладский (мелкие острова Эгейского моря) и минойский (остров Крит). Общее название культуры раннего бронзового века – крито-минойская, ее восточная граница захватывала и прибрежные районы Малой Азии. При этом крито-минойская археологическая культура обнаруживает связи с материковой частью Ближнего Востока, прежде всего, с древнейшей культурой Чатал-Хююка.

[93] Халидов А.И. Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008. С. 11.

[94] Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 24.

Необычность крито-минойской культуры в том, что ее островная часть в своем развитии значительно опережала материковые области. Само становление и развитие крито-минойской цивилизации связано с развитием мореплавания и морской торговли. Согласно сообщениям античных авторов, основой могущества крито-минойской державы стал военный флот, позволявший ее правителям распространить свое влияние по всему Восточному Средиземноморью. Ряд древнегреческих мифов, например, о Персее, подтверждает, что греки платили правителям Крита тяжелую дань, в том числе рабами.

Троя. В северо-восточном углу Средиземноморья известны и другие локальные культуры. Например, среди городских поселений Малой Азии раннего бронзового века – Троя, возникшая примерно в XXX в. до н.э. При этом наиболее ранняя троянская культура близка к синхронной культуре Центральной Анатолии и имеет распространение не только по побережью Малой Азии, но и на другом берегу пролива Дарданеллы, а также островах Лемнос, Лесбос и некоторых других[95].

Хирбет-керакская культура. Появление новых этнических общностей не стало препятствием для продолжения миграций населения прасеверокавказской языковой семьи. Так, в III тыс. до н.э. на Кипре появились носители хирбет-керакской культуры, что отмечается по появлению связанной с ней краснолощеной керамики, а древняя расписная керамика эпохи энеолита оказалась оттесненной на западную оконечность острова. Хирбет-керакская культура является локальным вариантом куро-аракской культуры, а ее носители в этноязыковом плане, скорее всего, принадлежали либо к хурритам, либо к другому кавказоговорящему этносу[96].

На начальной и средней стадии раннего бронзового века новые поселенцы прибывали и на Крит, в том числе носители хирбет-керакской культуры. Все они, скорее всего, говорили на каких-то северокавказских языках, так как индоевропейские народы анатолийской группы (хетто-неситы, лувийцы и палийцы) мигрировали в Малую Азию только в самом конце III тыс. до н.э.

Ряд признаков указывает, что миграционные передвижения бронзового века в Восточном Средиземноморье охватили группы как западно-кавказской, так и восточно-кавказской или центральной групп языков, согласно гипотезе И.М. Сигаури.

Крит и Шумер. У исследователей не вызывает сомнения типологическая схожесть крито-миносской ранней государственности с переднеазиатским типом государственности, зародившемся в Шумере. Так, самая яркая черта крито-минойского государства, сразу же бросившаяся в глаза археологам – существование сложного дворцового хозяйства, типологически соответствующего шумерскому.

Однако непосредственным прототипом для Крита служил не Шумер, а периферийные варианты городов-государств Сирии (Эбла, Библ, Алалах, Угарит), Верхней Месопотамии (Мари, Аррапха) и отчасти, возможно, Центральной Анатолии (царство хеттов, ассирийские колонии). Это сходство может быть объяснено и как результат более или менее однонаправленного развития уже изначально однотипных социальных структур, и как следствие интенсивного обмена информацией между всеми этими областями древней ойкумены[97].

Сближает ранние государства Восточного Средиземноморья с переднеазиатскими и сакральность фигуры царя, на котором, помимо всего прочего, лежала обязанность отправления самых главных государственных ритуалов. При этом царская власть изначально связана со жреческой кастой, входившей в привилегированную часть общества и распоряжавшейся значительными материальными ресурсами, сосредоточенными в храмах.

Да и использовавшиеся в Восточном Средиземноморье самые ранние системы слогового письма явно возникли под влиянием клинописи, зародившейся в Шумере.

[95] Блеген К. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака / Пер. с англ. М., 2002. С. 65–66.

[96] Сигаури И.М. Очерки государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. IV. М., 2004. С. 248–249.

§5. Эпоха ранней бронзы в Закавказье (Южный Кавказ)

Общие сведения. Если говорить в целом о развитии территории Закавказья, то археологические материалы показывают непрерывность социально-экономических процессов здесь вплоть до конца III тыс. до н.э. Так, пашенное земледелие появилось еще в V–IV тыс. до н.э., а в раннем бронзовом веке происходит расширение площади обрабатываемых земель, в том числе и благодаря террасированию горных склонов. Сам факт появления террасного земледелия многими исследователями истолковывается как признак обособления отдельных семей в качестве основной производственной ячейки общества и появления зачатков частной собственности на землю. Коллективное земледелие, являющееся основой общинного уклада жизни, было характерно для горного населения Кавказа в период дотеррасного земледелия[98].

В некоторых областях получает развитие отгонное скотоводство, позволявшее увеличить численность стад домашнего скота при одновременном более рациональном использовании летних горных альпийских и зимних равнинных пастбищ. Кроме того, отгонное скотоводство способствовало установлению прочных экономических, торгово-обменных и культурных связей между отдельными областями, что, в свою очередь, способствовало укреплению языковой общности и формированию широких племенных союзов.

Следует отметить дальнейшее развитие ремесленного производства, прежде всего металлургии. В эпоху ранней бронзы в Закавказье появляется и гончарный круг.

Наконец, в приморских областях получает развитие прибрежное (каботажное) плавание.

Разнообразие культур ранней бронзы. Большая часть Закавказья в эпоху ранней бронзы, как уже указывалось, вошла в ареал куро-аракской культуры, в составе которой выделяется ряд локальных культур. Например, Р.М. Мунчаев

[97] Андреев Ю.В. Между Евразией и Европой. (К вопросу об исторической специфике минойской цивилизации) // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 98.

[98] Кушнарева К.Х. С. 200, 261.

выделял следующие варианты: шида-картлийский (северогрузинский), эчмиадзинский, Амирана-Гора и Караз, памятники Южного Закавказья, Северо-Западного Ирана и Восточной Анатолии, дидубе-кикетский, иоро-алазанский (кахетинский), восточно-кавказский (дагестанский), включающий часть Северного Азербайджана[99].

Западное Закавказье. В западной части региона продолжает существовать западно-кавказская культура, сложившаяся в Причерноморье еще в энеолите, но своими корнями восходящая даже к традициям эпохи неолита. В условиях субтропического климата производящее хозяйство здесь долгое время уживалось с охотой, собирательством и рыболовством. На севере эта культура доходила до современного Сочи и далее до Новороссийска, на юге – до среднего течения р. Риони, а на востоке граничила с куро-аракской культурой по Лихскому хребту (примерно по центральной части Грузии).

Оригинальная культура собственно Западной Грузии и Абхазии, отличающаяся от синхронных культур других областей Кавказа, обнаруживает близость к майкопской культуре, и некоторые исследователи объединяют западно-кавказскую и майкопскую культуры в единую западнокавказскую культурную общность. В конце IV – начале III тыс. до н.э. куро-аракская культура распространяется в Рионо-Квирильском бассейне, что связывается с расселением носителей куро-аракской культуры. В целом в Абхазии и Западной Грузии образуется смешанная археологическая культура, сочетающая черты западно-закавказской, куро-аракской и майкопской культур[100].

Очамчирская культура. Ближе к концу III тыс. до н.э. на территории современной Абхазии формируется очамчирская культура, несущая на себе отпечаток майкопского и куро-аракского влияния. Не исключено, что причиной культурных изменений в южной половине Западного Кавказа стали климатические перемены[101].

Носители очамчирской культуры знали земледелие и скотоводство, но заметную роль в их жизни продолжали играть охота, рыболовство и собирательство. Среди ремесел следует отметить гончарное дело и ткачество, обработку камня и кости. Определенное развитие получила торговля. Поселения обычно располагались на склонах и вершинах холмов. Известны грунтовые захоронения в скорченном положении на боку с обкладкой из булыжников[102].

Среди специфических признаков следует отметить наличие обряда вторичного захоронения.

Абхазские исследователи очамчирскую культуру связывают с хатто-северо-западно-кавказским (хатто-абхазо-адыгским) единством[103]. Однако И.М. Сигаури,

[99] Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975. С. 171–172.

[100] Кушнарева К.Х. Указ. соч. С. 90–91, 283.

[101] Трифонов В.А. Горы и равнины… С. 118–119.

[102] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней: www.apsuara.ru/lib_b/bgzb105.php.

[103] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней: [Электронный ресурс]. URL: http://www.apsuara.ru/lib_b/bgzb105.php (дата обращения 14.10. 2018).

указывая на условность выделения ее в качестве самостоятельной культуры, склонен рассматривать ее в качестве одного из локальных вариантов «Майкопа» или «Куро-Аракса», что может означать принадлежность носителей очамчирской культуры к шумеро-хуррито-нахской этноязыковой общности[104].

Отмечается растущая имущественная и социальная дифференциация общества. Наряду с социальной иерархией возникает и иерархия поселений.

Культуры центральной части Закавказья. В середине – второй половине III тыс. до н.э. в центральной части Южного Кавказа появляются богатые захоронения вождей в больших курганах, среди которых выделяются две группы – марткопская и беденская (Восточная Грузия). Появление курганных захоронений традиционно связывают с активизацией мобильных скотоводов евразийских степей. В III тыс. до н.э. наблюдается проникновение с разной степенью интенсивности северных, степных элементов в южные земледельческие культуры не только Южного Кавказа, но и Средней Азии, и Балкан.

На Южном Кавказе появление новых элементов вызвало определенную трансформацию местных культур, хотя широкомасштабная миграция иных этносов практически не фиксируется. Скорее, этот процесс можно моделировать как проникновение небольших групп, доминирующих в военной и политической сфере, при сохранении традиций местной материальной культуры. Такая картина характерна для марткопского круга памятников. Что касается беденских памятников, то их можно выделить в отдельную археологическую культуру. Однако сложность состоит в том, что на определенном этапе фиксируется сосуществование куро-аракских, марткопских и беденских материалов. Это свидетельствует о значительных инновационных процессах, происходивших на Южном Кавказе в этот период[105].

На территории Восточного Закавказья на протяжении всей эпохи ранней бронзы господствовали близкие варианты куро-аракской культуры, которые уже достаточно нами описаны. Закат этой ранней культуры в восточно-кавказском регионе от Главного Кавказского хребта на севере до хребта Карадаг на юге сопровождался формированием оригинальных культур средней бронзы, наиболее значимыми из которых считаются кармир-бердская (таза-кендская), кизыл-ванкская и севано-узерликская.

Выводы. Эпоха ранней бронзы отмечена на Кавказе и территории северной его части, включая Чечню, двумя яркими и самобытными культурами – куро-аракской и майкопской, имевшими генетическую связь с предшествовавшими энеолитическими культурами Кавказа и Ближнего Востока. Так, куро-аракской культуре предшествовали шомутепинская и шулаверская (скотоводческо-земле-

[104] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. По данным археологии. М., 2016. С. 340.

[105] Махарадзе З. Курганы раннего бронзового века Восточной Грузии // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 109–110.

дельческие культуры Закавказья V–IV тыс. до н.э.) и чохская культура Северо-Восточного Кавказа с одной стороны, а с другой – синхронные им культуры халаф (на границе современной Турции и Сирии) и хассун (в Северном Ираке). Определенную роль в развитии куро-аракской культуры сыграла также энеолитическая лейла-тепинская культура (V–IV тыс. до н.э.) Восточного Закавказья, происхождение которой напрямую связывают с шумерской миграцией. Соответственно и ареал куро-аракской культуры в период ее расцвета простирался от Северной Палестины до Северного Кавказа (от Дагестана до современной Карачаево-Черкессии).

Майкопская культура, ареал которой охватывал главным образом предгорно-равнинную северо-западную и центральную часть Северного Кавказа, (отдельные памятники обнаруживаются и на территории Дагестана), также возникла под влиянием культурного импульса из Южной Месопотамии (культура убейд) и на основе местной энеолитической культуры жемчужно-накольчатой керамики, которая также включала в себя компонент, имеющий южное происхождение.

Что касается оригинальной культуры ранней бронзы Западной Грузии и Абхазии, то она обнаруживает близость к майкопской культуре, а ближе к концу III тыс. до н.э. на территории современной Абхазии формируется очамчирская культура, несущая на себе отпечаток майкопского и куро-аракского влияния.

Для куро-аракской и майкопской культур характерен высокий уровень развития, в том числе бронзовой металлургии, которая в каждой из указанных культур носит самостоятельный и самобытный характер, развившийся на основе традиций переднеазиатской металлургии.

Носителями обеих культур являлось население, близкое в этноязыковом отношении. Для куро-аракской культуры это хуррито-урарты и родственные им нахские и дагестанские племена, для майкопской – нахские и абхазо-адыгские племена плюс мигранты с юга, возможно шумерского происхождения.

Необходимо отметить также, что внешние связи куро-аракской и майкопской культур не ограничивались южным направлением (Малая Азия, Восточное Средиземноморье, Месопотамия, Северо-Западный Иран), а уходили далеко на север. Например, прямое влияние майкопской культуры охватывало Северное Причерноморье, Подонье и Северо-Западный Прикаспий, а влияние майкопской металлургии в восточном направлении ощущалось вплоть до Алтая.

Постепенное угасание куро-аракской и майкопской культур связано, скорее всего, с целым комплексом внутренних и внешних причин: непрерывно идущий процесс языковой и этнической дивергенции, кризис существовавшей системы хозяйствования, обозначившиеся социальные противоречия, растущая инфильтрация носителей менее развитых степных культур – ямной и катакомбной.

Носителями ямной и катакомбной культур, как правило, считаются племена индоевропейского происхождения. Распространение ямной и катакомбной культур эпохи ранней бронзы должно было сопровождаться сближением с населением того же Предкавказья, которое в массе своей имело кавказское происхождение. Данные генетических исследований указывают, что Кавказ сыграл решающую роль в формировании генетической родословной ямного населения.

На юге Передней Азии восточно-семитские (аккадские) племена в первых веках III тыс. до н.э. начинают расселяться в Месопотамии, постепенно ассимилируя в языковом отношении хурритов и шумеров. В самом конце III тыс. до н.э. на территории Месопотамии появляется вторая волна семитских (аморейских) племен, язык которых относился к западно-семитским.

Как показали лингвистические исследования И.М. Сигаури, шумеры в языковом отношении (наряду с хуррито-урартами и нахами) принадлежали к центральной группе прасеверокавказских языков. В целом все носители прасеверокавказских языков в численном отношении долгое время продолжали преобладать в Передней Азии и на Кавказе.

Глава IV.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В МЕСОПОТАМИИ И НА КАВКАЗЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (II – нач. I тыс. до н.э.)

§1. Развитие племен исконно кавказского языкового круга Верхней Месопотамии (Митанни и др.) и вопросы их общественно-государственного устройства

Этноязыковая ситуация. Археологическая периодизация эпохи средней бронзы в Передней Азии обычно охватывает вторую половину, конец III тыс. до н.э. – первые века II тыс. до н.э., однако историки включают в нее, особенно если это касается Южного Кавказа, и, большую часть II тыс. до н.э. В целом для эпохи средней бронзы характерно общее увеличение масштабов металлургического производства, усложнение технологических приемов и значительное общественное развитие, приведшее к расширению ареала государственных образований.

На протяжении всей второй половины III–II тыс. до н.э. (за исключением семитизированного Ашшура) отмечается сравнительная этническая однородность населения на пространстве от Аррапхи (восточнее Ассирии и р. Тигр) и севера Митанни до Армении и Южной Грузии, а возможно, и до Большого Кавказского хребта[1].

Однако этноязыковая ситуация в очерченном ареале представляется более сложной. Хурриты, урарты и хатты составляли лишь часть населения бывшего прасеверокавказского языкового круга, которое задолго до этого времени уже разделилось на неизвестное нам количество самостоятельных языков и диалектов в пределах трех крупных (исконно кавказских) групп: хатто-абхазо-адыгской, шумеро-хуррито-урарто-нахской и кутийско-дагестанской (восточнокавказской). В эпоху средней бронзы они имели распространение на пространстве от Восточного Средиземноморья на западе до Западного Ирана на востоке, от Средней Месопотамии на юге до южной части Восточной Европы на севере, местами соседствуя с народами дравидского, семитского, индоевропейского, и картвельского происхождения.

Нет оснований говорить о существовании в прошлом четких границ между носителями трех групп кавказских языков, но в целом дагестанские языки тяготели к областям, прилегающим к западному побережью Каспийского моря. На Кавказе абхазо-адыгские языки (если их связать с носителями дольменной

[1] История Древнего Востока. Ч. 1. Передняя Азия, Египет. М., 1988. С. 90.

культуры), соответственно, тяготели к побережью Черного моря, а нахские языки занимали промежуточное положение между ними, тяготея к Месопотамии и Центральному Кавказу.

Вместе с тем, на территории Армянского нагорья, Малой Азии и Восточного Средиземноморья, скорее всего, имело место чересполосное расположение языковых ареалов. Из всех известных языков на этом пространстве большинство исследователей к числу исконно западно-кавказских относит хаттский язык. Как уже отмечалось, хаттов, как правило, в конце III – начале II тыс. до н.э. локализуют в северной части центральной Анатолии (совр. Турция, районы севернее излучины реки Галис, совр. Кызылырмак)[2].

К II–I тыс. до н.э. на юго-восточном побережье Черного моря фиксируется присутствие касков/кашков-абешла, которые сопоставляются с абхазо-адыгскими племенами[3].

Как уже отмечалось, И.М. Сигаури на основе собственного лингвистического исследования пришел к выводу о близком родстве хуррито-урартских и нахских языков, окончательное разделение между которыми он относит к эпохе средней бронзы. Тогда же общий ареал хуррито-урартских и нахских языков с севера на юг простирался от Северного Кавказа до Палестины. При этом собственно нахские языки оказались на севере этого ареала, на крайнем юге еще существовал шумерский язык (поглощаемый семитским аккадским), урартский локализовался вокруг озера Ван, а хурритский, представленный несколькими диалектами, занял обширное пространство от Центрального Ирана до восточного побережья Средиземного моря[4].

К вопросу о формировании и расселении хурритов. В период средней бронзы в Передней Азии из этнических групп прасеверокавказского языкового происхождения наиболее заметны хурриты. В качестве первоначального очага обитания хурритов чаще всего называют Армянское нагорье, хотя, например, И.М. Дьяконов, по всей видимости, с учетом установленной близости хурритского и урартского языков к нахским и восточно-кавказским, прародину хурритов помещал в Закавказье, к востоку от современного Тбилиси[5]. Но они рано прослеживаются в Месопотамии и Восточном Средиземноморье.

Как уже отмечалось, многие исследователи ассоциируют предков хурритов с создателями и носителями раннебронзовой куро-аракской культуры (IV–III тыс. до н.э.), но они определенно не были единственными творцами этого этнокультурного феномена – эта роль по праву принадлежит также собственно

[2] Касьян А.С. Хаттский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010. С. 168.

[3] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. II. По данным археологии. М., 2016. С. 441; Меликашвили Г.А. Население северных областей Наири – Урарту и его роль в древневосточной истории. М., 1960. С. 8.

[4] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 440.

[5] Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С. 17.

пранахским и прадагестанским племенам. Однако если принять точку зрения, что куро-аракская культура зародилась в междуречье рек Куры и Аракса, ее предшественником являлась энеолитическая шулавери-шоматепинская культура VI – начала IV тыс. до н.э., то эту территорию можно рассматривать и как древнюю прародину хурритов.

Однако согласно другой точке зрения, куро-аракская культура сформировалась из нескольких самостоятельных первоначальных очагов. В этом случае вероятным представляется связать с хурритами один из южных локальных вариантов куро-аракса.

По мнению И.М. Сигаури, хурриты как народ сформировались на обширном пространстве Передней Азии и существенную роль в их этногенезе сыграли постоянные миграционные потоки кавказского этнического элемента с Армянского нагорья и Закавказья в целом. Общепризнанный ареал расселения хурритов простирался от западных предгорий Загроса (включая Северную Месопотамию) до восточной (возможно, и центральной) части Малой Азии. На юге хурриты определенно продвинулись до Палестины. К северу от Месопотамии локализуются несколько небольших хурритских государств, но насколько они продвинулись вглубь Закавказья, определить трудно. Кроме того, часть населения указанных государств составляли не только собственно хурриты, но и другие кавказские этнические группы, в том числе и пранахи[6].

Существенные разногласия существуют и по вопросу о времени расселения хурритов за пределами Армянского нагорья. Некоторые исследователи датируют это событие второй половиной IV тыс. до н.э., другие – первой половиной III тыс. до н.э.[7]

Расселение хурритов в эпоху средней бронзы привело к бурному росту государственных образований на большей части территории Сирии – Палестины, Верхней Месопотамии, Северного Загроса и юго-восточной части Малой Азии. В течение долгого времени в границах этого пространства развивалась особая цивилизация хурритов, служившая полем синтеза и передачи влияния самых разнообразных культур Ближнего Востока[8].

Первые хурритские государства возникли на севере Месопотамии не позднее второй половины III тыс. до н.э., затем они появляются во всем ареале расселения хурритов. Имеющиеся письменные источники не дают возможности точно определить территориальные границы и хронологические рамки существования всех хурритских государств. Совершенно точно можно сказать только, что отношения между ними были непростыми – их границы практически непрерывно менялись в зависимости от складывавшегося соотношения сил. Имело место и поглощение слабых государств более сильными соседями.

[6] Сигаури И.М. Очерки государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. IV. М., 2004. С. 182.

[7] Гернот В. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 128; Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2008. С. 18.

[8] Древний Восток. М., 2008. С. 371.

В одной из своих работ И.М. Сигаури приводит составленный им примерный список хурритских государств древности[9]:

Алалах (Мукиш) – город-государство в Западной Сирии, известен как один из крупнейших торговых центров Древнего Востока. Долгое время выступал в качестве одного из главных союзников митаннийских царей. Был разрушен войсками хеттского царя Мурсили I около 1600 г. до н.э.

Алзе/Алзи (Алше, Алсе) – небольшое государство к северу от Митанни, но в пределах Северной Месопотамии. Долгое время находилось в зависимости от более сильных соседей, таких как Митанни или Ассирия. После ослабления Митанни в составе коалиции с хурритскими государствами **Амадану** и **Пурулумзи** пыталось противостоять Ассирии. На рубеже XII–XI вв. до н.э. Алзи, Пурулумзи, **Катмухи** и некоторые другие хурритские государства были захвачены народом мушку индоевропейского происхождения.

Ашшур – город-государство на севере Месопотамии. Образовался в середине III тыс. до н.э., скорее всего, вокруг шумерской торговой колонии, возникшей среди хурритского населения. Древнейшие правители Ашшура носят хуррит–ские имена. Семитизация населения Ашшура началась уже во второй половине III тыс. до н.э., но хурритский язык употреблялся наряду с аккадским до конца II тыс. до н.э.

Гасур (в первой половине XVIII в. до н.э. получил новое название – Нуза) – главный город царства **Аррапха** в Северной Месопотамии к востоку от Ашшура, примерно в районе современного города Киркук (Иракский Курдистан). Возможно, царство Аррапха возникло путем слияния нескольких небольших хурритских государств, лежащих к востоку от среднего течения р. Тигр. Одним из этих го–сударств было царство **Субир** или **Симуррум**. Возможно, Гасур также возник вокруг шумерской торговой колонии – в сохранившихся документах середины III тыс. до н.э. часто встречаются шумерские имена. Семитизация населения Гасура началась во второй половине этого же тысячелетия. После ослабления Митанни в конце 1340-х гг. до н.э. Гасур был захвачен вавилонской армией, а вся территория этого царства разделена между Ассирией и Вавилоном.

Гузана – хурритское государство в Северной Месопотамии (современный Тель-Халаф). Время от времени завоевывалось более сильными соседями, например, Митанни. В IX в. до н.э. захвачено Ассирией.

Диауэхи (Диаухи, Дииаэни, Даиани) – небольшое государство в бассейне р. Чорох. Граничило со страной **Забаха**, которую часто ассоциируют с одной из исторических областей Южной Грузии – Джавахети, большую часть населения которой сегодня составляют армяне. Входило в состав антиассирийской коалиции стран области Наири – обширный регион вокруг озера Ван. Согласно ассирий–ским источникам, область или страна Наири включала 60 небольших «царств» и находилась под военно-политическим влиянием Урарту.

Канеш (Каниш) – хурритское государство со смешанным населением близ Кайсери (Турция), возникло в самом начале II тыс. до н.э. и играло важную роль в международной торговле своего времени.

[9] Сигаури И.М. Указ. соч. С. 183–193.

Каркемиш – город-государство к западу от Евфрата, в котором хурритское население преобладало до XVI в. до н.э.

Катна – небольшое государство в Средней Сирии.

Киццуватна (на юго-восточном побережье Турции) – хуррито-лувийское царство, возникшее, скорее всего, в середине II тыс. до н.э.

Мамы – город-государство в Анатолии с преобладанием хурритского населения в XVIII–XIV вв. до н.э., позднее вошло в состав царства Киццуватна.

Манна (Мана, Манейское царство) – хурритское государство к югу от оз. Урмия (Северо-Западный Иран). Возникло в начале II тыс. до н.э. и просуществовало до первой половины I тыс. до н.э. Неоднократно завоевывалось более сильными соседями – Митанни, Ассирией, Урарту.

Мари – самое западное из городов-государств Шумера в Северной Сирии. Возникло на торговом пути в одной из долин среднего течения Евфрата еще в III тыс. до н.э. Какое-то время доминировало в Шумере. Первоначально основную часть населения составляли хурриты – значительное число хурритских имен встречается в текстах Мари еще в XIX–XVIII вв. до н.э. Разрушено вавилонским царем Хаммурапи в 1757 г. до н.э.

Митанни (семитское название Нахрина, Арам Нахараим, известно также под названиями Ханигальбат, Хурри, Нахрайна). Допускается, что среди хурритов была широко распространена концепция хурритского всеединства, и их ведущие государства принимали наименование «Хурри» в знак претензий на практическое осуществление такого единства[10]. Митанни – самое крупное из хурритских государств, возникло к западу от Ашшура (северная часть Месопотамии) в XVII в. до н.э. Первая столица Вашшуккани (Ушшукани, Хошкани, Вассоккан), вторая – Таиде. Обе находились в верховьях р. Хабур.

Туркиш – город-государство на востоке от Месопотамии (нынешний Иран), упоминавшийся в шумерских письменных источниках.

Угарит – город-государство на средиземноморском побережье Северной Сирии. Дата образования неизвестна, разрушен в 1200 г. до н.э. «народами моря». В зависимости от Угарита находились два небольших государства – **Сианну** и **Ушнату**, лежавшие к юго-востоку от него. Вел оживленную торговлю с областями крито-минойской цивилизации, на его территории в XVIII–XVI вв. до н.э. существовала значительная критская колония. Хурритское присутствие устанавливается по письменным источникам. Угарит считается местом возникновения первого алфавита. Высказывалось предположение, что язык древнего населения Угарита мог быть отдельным языком, близким к хуррито-урартскому[11].

Уркеш (Уркиш) – локализовался то к востоку от р. Тигр, то в верховьях р. Хабур. Неизвестны также ни время образования, ни его первоначальное название, но сохранилась надпись на хурритском языке некоего Тишари, царя Уркиша и Навара, датируемая третьей четвертью III тыс. до н.э. Местоположение

[10] Древний Восток. М., 2008. С. 372

[11] Дьяконов И.М. Хурритский и урартский языки // Языки Азии и Африки: Языки Древней Передней Азии: Несемитские. Т. 3. М., 1979. С. 51.

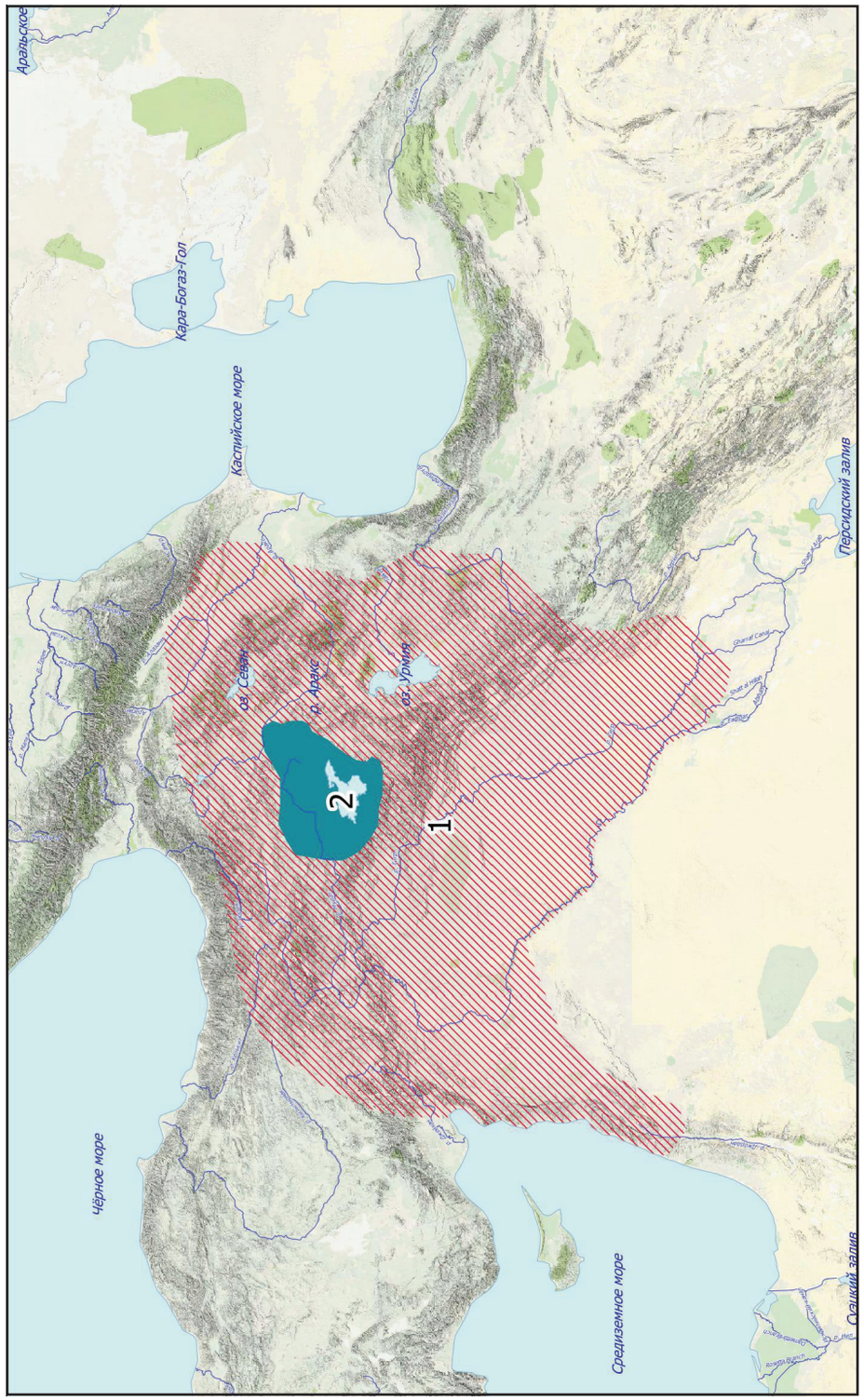

Рис. 14. Примерная зона расселения хурритов-урартов в III–II тыс. до н. э.
Условные обозначения: 1 – Расселение хуррито-урартских племен; 2 – Ареал формирования урартского государства

Уркиша достоверно не локализовано, но Навар – это, бесспорно, позднейший Намар или Намру в долине реки Диялы[12]. Не исключено, что первоначально на этом месте существовало несколько мелких государственных образований. Согласно письменным источникам, цари Уркеша носили хурритские имена – Шатармата, Атальшен (Аришен), Тишаталь. В 1970 г. до н.э. Тишаталь со своей свитой посетил шумерский город Ур.

Уршум – небольшое хурритское государство к западу от Евфрата, упоминается в письменных источниках.

Халаб (Ямхад, Халеб, Алеппо) – точная дата возникновения этого государства неизвестна, но в первой половине XVIII в. до н.э. оно считалось одним из крупнейших для своего времени. Правителю Халаба подчинялось 20 царей, а его гегемония одно время распространялась от Северной Сирии до Северной Месопотамии. Позднее Халаб временами подчинялся хеттам или Митанни. Семитизация Халаба произошла довольно рано, но хурритское присутствие в нем фиксируется на всем протяжении II тыс. до н.э.

Хашшум (Хашшу) – хурритское государство к западу от Евфрата, известно упорным сопротивлением хеттской экспансии.

Хубушкиа – государство в долине р. Бохтансу (к югу от оз. Ван), образовалось еще до возникновения Урарту, а затем долгое время было вынуждено подчиняться то Урарту, то Ассирии.

Эбла – город-государство, возникшее в середине III тыс. до н.э. на территории Сирии, примерно в 50 км к юго-западу от Алеппо. Лежало на торговом пути из Месопотамии в Левант и Малую Азию. Наивысшего расцвета достигло в XX–XIX вв. до н.э. Территория Эблы рано подверглась семитизации, но хурритское присутствие устанавливается достаточно уверенно.

Халиту («страна халдов») – видимо, относилось числу первоначально хурритских государств, находилась в Малой Азии рядом с Хатти и Мушки. Халд – верховное божество урартов, и название Халиту может быть истолковано как «принадлежащая Халду». Возможно, часть населения этой страны составляли западногрузинские, лувийские, хеттские, каскские и др. племена[13].

Хани – царство в среднем течении Евфрата середины XVIII в. до н.э. Управлялось то касситскими, то аморейскими династиями. Допускается, что термин страна Хани в ассирийских источниках мог использоваться как синоним страны Ханигальбад. Кроме того, название Хани ассоциируется с древним названием Палестины – Ханаан. Возможно, обе эти области входили в ареал первоначально го расселения кавказских неолитических племен из Плодородного полумесяца[14].

---

[12] Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. Кн. 1. Баку, 2012. С. 108.

[13] Меликашвили Г.А. Население северных областей Наири – Урарту и его роль в древневосточной истории. М., 1960. С. 8–9; Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. II. По данным археологии. М., 2016. С. 441.

[14] Немировский А.А. Древнееврейский этногенез в свете патриархальной традиции Книги Бытия и политической истории Древнего Ближнего Востока: Дисс… канд. ист. наук. М., 1996. С. 21–22; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 441–442.

Всем хурритским государствам древности был присущ ряд общих черт. Это значительная роль царского (дворцового) хозяйства, фактической частью которого является храмовое хозяйство. Правитель государства одновременно выступает в роли верховного жреца, ответственного за отправление культов, имеющих общегосударственное значение. Наряду с государственным (царским и храмовым землевладением) существует общинное землевладение, а свободные общинники (крестьяне и ремесленники) остаются главной производственной силой в государстве, носящем отчасти и рабовладельческий характер. Еще одна черта хурритских государств – сохранение роли коллегиальных органов власти разного уровня, таких как советы знати в окружении правителя, советы старейшин на местах, а также народное собрание.

Начало истории государства Митанни. Относительно происхождения названия одного из крупнейших государств Древнего Востока – Митанни высказывались различные предположения. Например, его связывали с именем основателя или главы – Маитта или выводили из слога *мат* со значением «земля, страна[15]».

В период наивысшего могущества (примерно середина XV в. до н.э.) Митанни занимало территорию от Средиземного моря на западе до гор Загроса на востоке. На севере и северо-западе Митанни подчинялось большое количество мелких городов-государств: Гурталисса, Араванна, Зазса (Заззиса), Каламасма, Тимиа, Халива, Карна, Турмитта, Алха, Хурма, Тегарама, Ардамана и др., населенных, по большей части, хурритским или близкородственным кавказским населением[16].

Возникновение государства Митанни произошло в непростой ситуации. По крайней мере, с конца III тыс. до н.э. в Сирии, Финикии и Палестине отмечается присутствие различных этнических групп, говоривших на западно-семитских языках и говорах: эблаитских в Северной Сирии и Северо-Западной Месопотамии, аморейских преимущественно для скотоводческого населения, ханаанейских в Палестине и Финикии. Арамейские племена в это время еще не вышли за пределы Аравийского полуострова.

Первоначальное появление амореев на севере Месопотамии, скорее всего, было связано с привлечением их местными правителями в качестве наемных войск. Но уже в начале II тыс. до н. э. аморейские династии появляются в Мари и Ашшуре, что привело к периоду военного соперничества между ними за овладение важнейшими торговыми путями. В XVIII в. до н.э. большая часть северного Междуречья вошла в состав Вавилонского царства во главе с Хаммурапи. Однако при его преемнике Вавилон впервые подвергся нашествию

[15] Вильхельм Т. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М., 1992. С. 55; Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. I. Грозный, 2008. С. 38.

[16] Аветисян Г.М. Северная Месопотамия в период образования арамейских княжеств // Кавказ и цивилизации Древнего Востока // Материалы Всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989. С. 59.

касситов, а в восточной части Малой Азии начинается образование Хеттского царства[17].

Вероятно, эти события, связанные с давлением семитов на ранние хурритские государства с юго-запада, вавилонян с востока, хеттов-индоевропейцев с северо-запада, и общее обострение политической ситуации запустили процессы образования большого хурритского государства Митанни.

Митанни и индоарийская проблема. На протяжении длительного времени предпринимаются попытки связать возникновение Митанни с проникновением в Верхнюю Месопотамию индоарийских племен, язык которых засвидетельствован во второй и третьей четверти II тыс. до н.э. сравнительно малочисленными собственными именами людей и богов (в том числе именами царей хурритского государства Митанни). Ареал подобных имен совпадает с ареалом распространения хурритского языка (от предгорий Ирана до Палестины), а отдельные слова этого языка встречаются в одном из коневодческих трактатов хурритского происхождения того же времени. На этом основании было выдвинуто предположение, что именно носители неизвестного индоарийского языка принесли в Переднюю Азию искусство массового применения боевых колесниц.

Согласно одному из такого рода предположений, ожесточенная борьба одного из крупных хурритских государств Хурри-Ханигальбат с Древнехеттским царством (середина XVII – начало XVI в. до н.э.) истощила силы обеих сторон, и этим воспользовались индоарийские группы «манда», прибывшие с востока. Они пришли к власти в Хурри-Ханигальбате, положив тем самым начало новому государству Митанни (собственно Майттане, ок. 1560 – 1260 гг. до н.э.), сохранившее, впрочем, и старые наименования. В дальнейшем, несмотря на восстановление власти хурритской знати, вплоть до конца своей истории митаннийские цари продолжали принимать тронные индоарийские имена и сохранять в большом хурритском пантеоне индоарийских богов как покровителей династии (Индре, Митре-Варуне и Насатьям[18]).

Еще в советское время И.М. Дьяконов пришел к выводу, что индоарийские термины в письменных памятниках, а также имена индоарийских богов имеют «хурризованный» облик и являются не свидетельствами влияния живого индоиранского языка, а лингвистическими «окаменелостями» в хурритском языке, которые хурритские писцы передавали чисто механически. Некоторые митаннийские цари действительно носили тронные имена с возможной индоиранской этимологией, но личные имена всегда имели хурритские. К тому же имена индоарийских богов занимают скромное (со 105 по 108) место в огромном списке хурритских богов[19].

На этом основании представляется более достоверной точка зрения, согласно которой появление индоариев на территории хурритов было связано с при-

[17] История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М., 2002. С. 129–130.

[18] Древний Восток. М., 2008. С. 372.

[19] Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 39, 41.

влечением их на военную службу. Став опорой неизвестного хурритского правителя, индоарийская военная верхушка слилась с хурритской знатью и быстро ассимилировалась, оставив незначительный след в хурритском языке[20].

Создателями государства Митанни ряд исследователей считают одно из хурритских племен – маиттанне (матианы или матиены позднейших греческих источников), первоначально обитавшее близ оз. Урмия. Ко времени своего вторжения в Верхнюю Месопотамию маиттанне сохранили от индоиранского языка (в сильно искаженном виде) лишь царские имена, несколько имен второстепенных божеств и некоторые коневодческие термины. Следовательно, они уже были серьезно «хурризированы». Таким образом, нет оснований говорить об особой «культуртрегерской» роли индоевропейцев в Передней Азии[21].

Возвышение Митанни и борьба с Египетским царством. При царе Шуттарне (Суттарне) I (конец XVI в. до н.э.) Митанни превратилось в обширное государство, простиравшееся от гор Загроса (в Иране) до Северной Сирии. И хотя власть Митанни к западу от Евфрата вряд ли была прочной, но митаннийское влияние в этих областях было значительным. Существование вплоть до конца XV в. в разных городах Сирии и Палестины индоарийских и хурритских имен династов, скорее всего, объясняется их родством с митаннийскими царями.

На территории Сирии Митанни вступило в длительное военное противостояние с великим Египтом, пытавшимся установить свое господство над Восточным Средиземноморьем. Продолжавшиеся с перерывами три четверти века митаннийско-египетские войны шли с переменным успехом. Так, фараону Тутмосу I удалось на время отодвинуть границы Митанни за Евфрат. Но при царе Парраттарне (ок. 1475 г. до н.э.) Митанни покорило все Восточное Средиземноморье от Киликии до Центральной Палестины. Фараону Тутмосу III вновь удалось оттеснить митаннийцев до берегов Евфрата, но уже к концу его правления (середина XV в. до н.э.) египто-митаннийская граница пролегала в районе Кадеша. Около того же времени митаннийский царь Сауссадаттар разгромил государство Ашшур (север Месопотамии) и превратил его в своего вассала.

Фараон Аменхотеп II возобновил борьбу с Митанни, но оказался отброшен на юг в Палестину и около 1430 г. до н.э. был вынужден заключить невыгодный для себя мир. Его преемник Тутмос IV примерно в 1410 г. до н.э. пошел на компромиссный мир с митаннийским царем Ардатамой I, согласно которому Южная Сирия осталась за Египтом, а Северная Сирия с выходом к Средиземному морю – за Митанни. Мир между Египтом и Митанни был скреплен династическими браками – Тутмос IV и наследовавший ему Аменхотеп III женились на митаннийских царевнах и отправили в Митанни богатые дары золотом[22].

Позднее митаннийский царь Тушратта писал фараону Аменхотепу IV, что, когда Тутмос IV «…написал моему деду Ардатаме и попросил руки его доче-

[20] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997. С. 66.

[21] История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М., 2002. С. 105.

[22] Древний Восток. М., 2008. С. 372–373, 375; История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М., 2002. С. 133, 136.

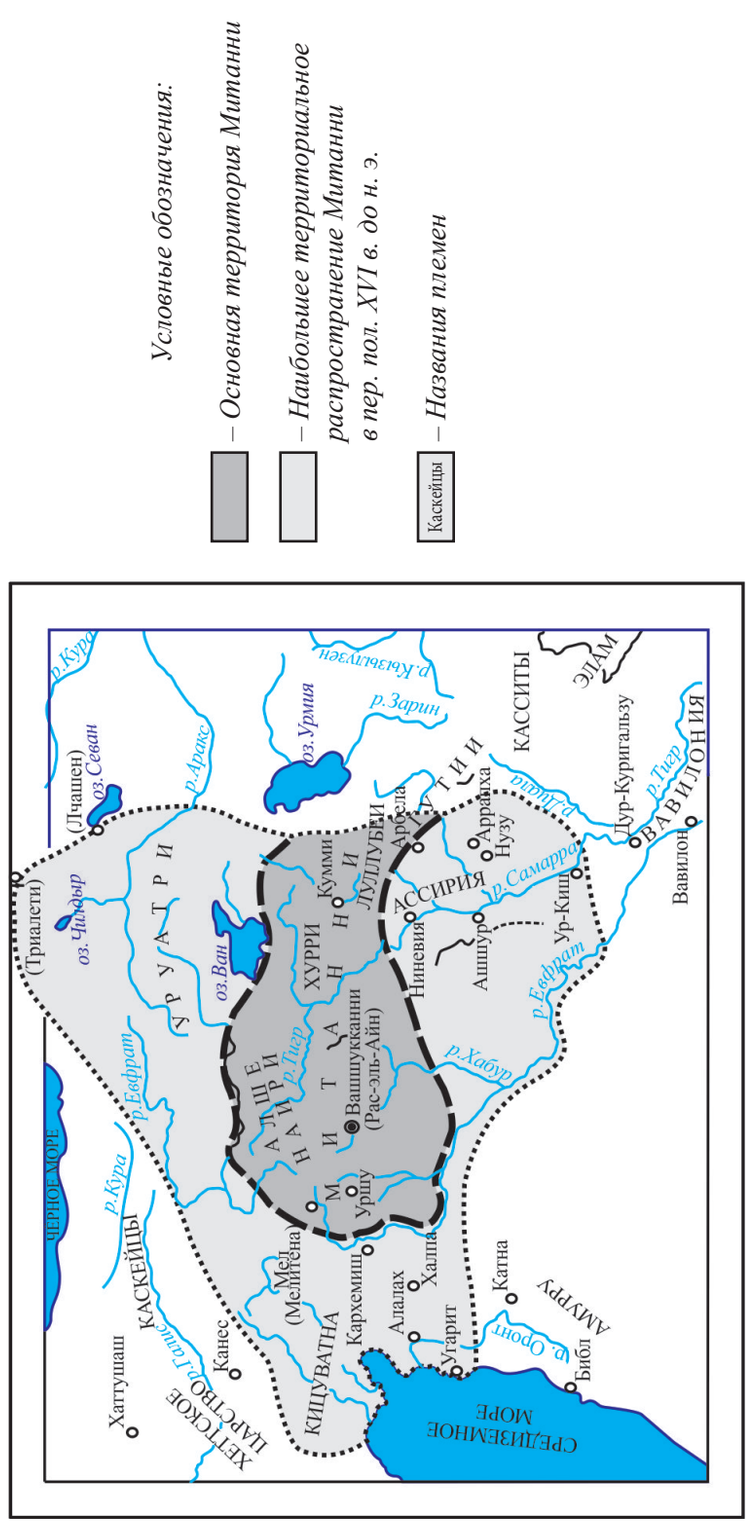

Рис. 15. Территория хурритского государства Митанни в период расцвета (XVI–XIV вв. до н. э.)

ри… писал пять раз, шесть раз, но он ее не дал ему. Когда седьмой раз он написал, и тогда он еле-еле дал ее ему»[23].

Хетто-митаннийские войны. Поражение Митанни и возвышение Ассирии. В связи с появлением в Малой Азии нового противника в лице быстро набиравшего силу Хеттского царства митаннийский царь Ардатама I (ок. 1410-1400 гг. до н.э.), вероятно, вынужден был уступить Египту Палестину и Южную Сирию. Хетто-митаннийские войны на территории Сирии начались еще в середине XV в. до н.э. и, урегулировав отношения с Египтом, Ардатама I нанес хеттам поражение, что позволило ему на время отодвинуть границы Митанни в Малой Азии вплоть до Тавра и Верхнего Галиса. Рубеж XV–XIV вв. до н.э. был, таким образом, временем наибольшего расцвета Митанни. Однако династический кризис и внутренние смуты начала XIV в. до н.э., а затем и ухудшение отношений с Египтом существенно ослабили Митанни.

В середине XIV в. до н.э. от Митанни отделился ранее вассально-союзный город-страна Ашшур, что положило начало Ассирийскому царству во главе с Ашшурубаллитом I. Начинается новый период хетто-митаннийского противостояния, в котором активное участие теперь приняли самостоятельная Ассирия и Вавилонское царство.

Последние годы существования Митанни отмечены чередой дворцовых переворотов, поддерживаемых то хеттами, то ассирийцами. Утратив значительную часть своих земель на западе и востоке, Митанни какое-то время существует в роли буферного государства между Хеттским и Ассирийским царствами и периодически вынуждено платить дань кому-то из своих могущественных соседей. Безуспешно пытавшееся лавировать между ними, Митанни было в конце концов уничтожено ассирийским царем Салманасаром I около 1260 г. или 1250 г. до н.э. Хетты не оставили попыток отбить у ассирийцев хурритскую Верхнюю Месопотамию, и окончательно эти области перешли к Ассирии только в XII в. до н.э., уже после падения Хеттской державы[24].

Митаннийское общество. Социальное устройство митаннийского общества во многом типично для всех хурритских государств. Верховная власть в Митанни осуществлялась царем и его помощником – «синагилой» («вторым после царя»). Эту должность занимал престолонаследник-главнокомандующий, обычно один из царевичей. Привилегированные слои, составлявшие военно-бюрократическую верхушку общества, помимо царской династии включали высшую знать, т.н. «старшую дружину», как правило, занимавшую важные государственные должности. Близко к ним стояли и правители вассальных государств. Основную военную силу составляли колесничие воины – «марианне», являвшиеся владельцами земельных наделов от царского (дворцового) хозяйства.

Податное, но лично свободное население объединялось в составе самоуправляющихся общин. Несмотря на наличие крупных дворцовых и храмовых

[23] Аветисян Г.М. Государство Митанни (военно-политическая история в XVI–XIII вв. до н.э.). Ереван, 1984. С. 44.

[24] Древний Восток. М., 2008. С. 375; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997. С. 67–73.

хозяйств, в Митанни, как и во всех хурритских государствах, отсутствовал значительный слой т.н. «царских людей» (фактически государственных крепостных или илотов): работниками царского хозяйства были либо дворцовые рабы (как правило, из числа пленников), либо привлеченные в порядке выполнения повинности свободные общинники. Помимо территориальных сельских общин *алу*, существовали и большесемейные домовые общины *димту* – дословно «башни», названные так по типичному обиталищу каждой большой семьи. Общинная земля являлась неотчуждаемой собственностью общины в целом, и получить к ней доступ можно было только путем «усыновления» реального покупателя земли одним из общинников.

В третьей четверти II тыс. до н.э. имущественная дифференциация, ростовщичество и долговая кабала привели к значительному разложению общин при внешнем сохранении их структуры. Богатые и знатные люди в форме «усыновления» (некоторые «усыновлялись» в сотнях разных семей одновременно) проникали в общины, отделяли купленную или полученную за долги землю от основного общинного фонда, эксплуатировали членов «усыновившей» их домовой общины. Относительная слабость хурритского государства и государственного хозяйства способствовала бурному развитию частной эксплуатации в пределах общинного сектора экономики. Такая конструкция власти отражала, с одной стороны, военный, а с другой – архаический родовой характер митаннийской государственности[25].

При всей развитости ремесел и торгово-финансовых операций, главную роль в экономике всех хурритских государств играло земледелие. Возможно, Митанни являлось также центром коневодства, так как с хурритского языка трактаты о коневодстве переводились как в Хеттском царстве, так и в Ассирии[26].

Верования и языки. Верховным богом – покровителем государства в целом выступал бог-громовержец Тешшуб (Тессоб), стоявший во главе хурритского языческого пантеона. Наряду с ним исключительным почитанием пользовалась богиня Шавушка (Сауска), известная у семитов под именем Иштар. Главные центры их культа находились соответственно в Кумме на р. Верхний Заб (приток Тигра) и Ниневии, первоначально хурритском городе. Крупнейшим памятником хурритской культуры является мифологический эпос о смене царствований на небесах, который через финикийское или анатолийское посредничество попал к древним грекам и лег в основу «Теогонии» Гесиода (рубеж VIII–VII вв. до н. э.)[27].

Исследования И.М. Сигаури выявили наличие большого количества параллелей между хурритским и урартским языками, с одной стороны, и нахскими языками – с другой – около 860 сопоставлений и достаточное количество соответствий в базисной лексике. При этом соответствия с нахской лексикой охватывают 95% всего привлеченного хуррито-урартского лексического материала при наличии регулярных фонетических соответствий с нахской реконструкцией. Между основным корпусом хурритских и урартских сопоставлений с нахским материалом установлены доминирующие соответствия согласных, типичные только для нахских языков. Отмечается также совпадение некоторых грамматических элементов (служебный глагол *ду*, показатель множественного числа, местоимения, числительные, показатели некоторых падежей, словообразовательные суффиксы и др.). Объем установленных соответствий настолько обширен, что позволяет трактовать хуррито-урартские языки как относящиеся к нахской языковой группе[28].

[25] Древний Восток. М., 2008. С. 373-374.

[26] Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. Кн. 1. Баку, 2012. С. 138.

[27] Древний Восток. М., 2008. С. 372.

Сокращение ареала хурритов. Наступление Ассирии с уничтожением городов и переселением целых народов, продвижение народа мушков из Малой Азии на восток в первой половине XII в. до н.э. и семитов-арамеев на север во второй половине XI в. до н.э. привели к резкому сокращению этнического ареала хурритов, сведя его к долинам рек Чороха и Верхнего – Среднего Тигра. Последним независимым государством хурритов, возможно, стала Шубрия в верховьях р. Тигр, уничтоженная ассирийцами в 673 г. до н.э. Хурриты, однако, оставались одним из крупнейших этносов собственно Армянского нагорья и в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. были известны своим соседям под именем «матиенов». Небольшие реликтовые хурритские государства продолжали существовать и в последующие века, например, приурмийская Манна до аннексии мидянами около 590 г. до н.э. или княжество Кордуэна на исконной горной прародине хурритов при Верхнем Забе – до армянской ассимиляции уже в раннесредневековые времена, но лишь в качестве вассалов или автономных провинций других держав[29].

§2. Миграция предков иранцев, армян и грузин в Месопотамию и на Кавказ

Иранские племена в Месопотамии и на территории Кавказа. Первое массовое проникновение индоевропейцев в пределы Передней Азии произошло скорее всего во второй половине III тыс. до н.э. Археологические материалы и свидетельства письменных источников позволяют определить два основных направления индоевропейской и миграции. Первое вело через Балканы в Малую Азию, и этим путем прошли народы т.н. анатолийской группы древнейших индоевропейских языков. Второе направление шло через регион Средней Азии и было связано с движением собственно индоиранских племен.

В эпоху средней бронзы на территории распространения ямной культуры Восточной Европы образуется ряд новых скотоводческих культур: среднеднепровская, полтавкинская, абашевская. Позднее на основе полтавкинской и абашевской сложится срубная культура, охватившая все степное пространство от Днепра до Поволжья. Восточнее Волги раскинется ареал андроновской

[28] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016. С. 419.

[29] Древний Восток. М., 2008. С. 371.

культуры, захватывавший Казахстан и Западную Сибирь. Указанные культуры связываются с носителями индоиранских и иранских языков, хотя отсутствует единство мнений по вопросу о привязке той или иной культуры конкретно к какой-то одной языковой общности – индоиранской или иранской.

Большинство исследователей прародину индоариев помещает в Восточной Европе. Считается, что индоарии первыми начали свою миграцию на юго-восток и в середине II тыс. до н.э. дошли до Северо-Западной Индии, причем в этом случае имело место не завоевание, а постепенное просачивание индоарийских племен[30].

Невиданная ранее подвижность индоиранских и индоарийских племенных объединений связана с широким освоением верховой езды, а также с использованием колесниц, благодаря чему уже в начале II тыс. до н.э. индо-иранские народы начали довольно быстро распространяться из мест своего первоначального обитания в Среднюю Азию и в пределы современного Ирана, откуда затем попали и в Переднюю Азию[31].

Систематическое продвижение групп индоевропейских степняков отмечается и на Кавказе, однако они не оставили после себя какой-либо устойчивой этнической общности. Скорее всего, через Кавказ в Переднюю Азию время от времени с севера направлялись сравнительно небольшие контингенты степняков, имевшие своей целью не переселение, а захват военной добычи. Что не исключает возможность их частичного оседания на Кавказе[32].

Пример Митанни, где произошла быстрая ассимиляция в хурритской среде некой индоарийской группы, можно считать типичным и для Кавказа периода средней бронзы.

Население Ирана. Эпизодическое появление индоевропейских степных племен в западных областях современного Ирана долгое время не оказывало заметного влияния на этнический состав местного населения. Южный Иран заселяли народы дравидийского происхождения, наиболее известными из которых были земледельцы-эламиты, очень рано перенявшие опыт шумерской государственности. Население Элама III тыс. до н.э. представлено тремя антропологическими типами, два из которых – среднеазиатский (хорасанский) и арменоидный – восходят к средиземноморскому типу европеоидной расы. Третий тип – дравидоидный концентрируется в юго-восточной части этой страны. Из этого можно сделать вывод о не только расовом, но и этноязыковом разнообразии Элама уже на ранней стадии его существования[33].

[30] Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 727-728.

[31] Дьяконов И.М. История Мидии…С. 138.

[32] Пьянков И.В. Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ, 1989. С. 111–112; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 404.

[33] Антонова Е.В. Контакты Месопотамии с восточными землями в IV–III тысячелетиях до н.э. // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 203; Сигаури И.П. Очерки государственного устройства… Т. IV. С. 149.

Что касается северо-западных областей Ирана, где много позднее сформировалось Мидийское царство, то об этническом составе этой территории эпохи средней бронзы можно судить по шумерским, аккадским и хурритским письменным источникам уже с третьей четверти III тыс. до н.э. Начиная от западных предгорий Загроса, помимо уже известных нам хурритов и кутиев, здесь фиксируются также луллубеи, касситы и некоторые другие этнические группы, возможно, родственные по своим языкам тем же хурритам и шумерам, не говоря уже о восточнокавказских племенах.

Касситы, кутии, луллубеи. Те же касситы, как известно, занимали территорию к северу от Элама в горах современного Луристана. В конце XVIII в. до н.э. начались набеги касситов на территорию Месопотамии, где они со временем захватили даже Вавилон и основали династию, правившую свыше четырех веков. Из языка касситов известно около 50 слов, что не позволяет уверенно классифицировать этот язык. Луллубеи населяли пространство от верховьев р. Диалы до оз. Урмия, а от их языка сохранилось только небольшое количество личных имен. Таким образом, не раз высказывавшееся предположение о родстве касситов и луллубеев с эламитами не получило реального подтверждения. В то же время давно отмечено, что материальная культура средней бронзы современного Курдистана и Южного (Иранского) Азербайджана стоит ближе к культуре Закавказья, чем Иранского нагорья[34].

Археологические материалы не позволяют четко отделить луллубеев от кутиев, хотя принято считать, что на пространстве от оз. Урмия (включая, вероятно, отдельные этнические островки по направлению к оз. Ван) до верховьев Диялы луллубеи располагались полосой в более западных районах, а кутии прослеживаются к востоку, северо-востоку и северо-западу от луллубеев. При этом только в III–II тыс. до н.э. термин кутии употребляется для обозначения определенной этнической группы. Позднее, в I тыс. до н.э., кутиями безразлично назывались и урарты, и маннеи, и мидяне. Лишь в надписях Саргона II ираноязычные мидяне иногда отличаются от кутиев[35].

Приблизительно на этой же территории письменные источники упоминают страну Мехри и население, говорившее по-«мехрански». И.М. Дьяконов в этой связи отмечал гипотетически возможную связь этнонима *мехри* (mehri, mehrâni) с современным самоназванием аварцев Дагестана – ma›ar, ma›arulal. В целом же этнический состав населения Мидии, по крайней мере, ее западной части, оставался неизменным с III до начала I тыс. до н.э.[36]

Картвелы. В грузинской классической историографии с опорой на теорию иберийско-кавказского языкового родства долгое время господствовали два тезиса: во-первых, о безусловной автохтонности грузин на Кавказе; во-вторых, о родственности древнегрузинских племен шумерским, хурритским, урартским, хеттским (протохеттским) и другим племенам, жившим к югу от исторической

[34] Пьянков И.В. Указ. соч. С. 112; Дьяконов И.М. История Мидии… С. 111; Дьяконов М.М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 88.

[35] Дьяконов И.М. История Мидии… С. 115, 153.

[36] Дьяконов И.М. История Мидии… С. 153, 154.

Грузии. Хетто-хурриты, наряду с древними грузинскими этническими элементами, рассматривались в качестве прямых предков грузин, которые выступали наследниками хеттской и хуррито-урартской культуры[37].

Позднее, когда в лингвистике утвердился взгляд на картвельские языки как одну из языковых ветвей ностратической общности, под большим сомнением оказался тезис о первичной локализации грузин на Кавказе. Как попытку отстоять автохтонность грузин можно рассматривать версию о так называемом «вертикальном» размещении этносов в древнем Закавказье, согласно которой пракартвелы изначально занимали высокогорную зону в западной и центральной части Малого Кавказа, а в III тыс. до н.э. они якобы начали продвижение на север в более низкие области Закавказья[38].

Однако в этом случае оставался необъяснимым факт наличия в пракартвельском языке древних семитских заимствований. А на этом основании появилось предположение (в европейской лингвистике), что картвельская этническая общность сформировалась в одном из горных районов Северной Сирии[39]. Некоторые грузинские исследователи допускают возможность изначальной локализации пракартвельской языковой общности на территории Анатолии.

Вместе с тем, С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным установлено отсутствие специфических контактов между пракартвельским и празападно-кавказским языками, а многочисленные картвело-абхазо-адыгские схождения представляют собой более поздние заимствования. Причем практически все значимые кавказские заимствования в пракартвельский язык произошли из некоего «правосточно-кавказского» языка, из которого, по версии указанных авторов, затем развились нахские и дагестанские языки[40].

Следовательно, в очаге формирования пракартвелов или на пути их миграции на Южный Кавказ они непосредственно соприкасались с ареалом носителей «правосточнокавказской» языковой общности (таковыми могли быть в первую очередь носители центральнокавказской нахской группы, господствовавшие в верхнем и среднем течении Куры и в горной части Восточной Грузии).

Напомним, что существование пракартвельского языкового единства датируется III тыс. до н.э., а начало его распада в связи с обособлением сванской языковой общности относится к началу II тыс. до н.э. Соответственно, появление носителей картвельской языковой общности на Кавказе обычно датируется не ранее первой половины II тыс. до н.э.[41] Однако примерная датировка обособления сванского языка в XIX в. до н.э., полученная методикой лексико-статистического

[37] Меликашвили Г.А. О происхождении грузинского народа. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Тбилиси. Тбилиси, 1952. С. 11–14; Бердзенишвили Н., Джавахашвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1950. С. 17.

[38] Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 2010. С. 214.

[39] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 401.

[40] Николаев С.Л., Старостин С.А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984. С. 30.

[41] Очерки истории Грузии. В 8 т. Т. 1. Тбилиси, 1989. С. 181.

анализа, носит очень предварительный характер и может быть существенно углублена. Значительно позднее происходит распад грузинско-занского единства[42].

Наиболее убедительной выглядит первоначальная локализация носителей пракартвельского языка в южной части ареала куро-аракской культуры (Анатолия, Северная Сирия), хотя роль пракартвелов в ее создании остается предметом научной дискуссии. Продвижение картвелов в сторону Южного Кавказа состоялось, скорее всего, в эпоху средней бронзы, когда на этой территории бытуют четыре археологические культуры: западно-кавказская (протоколхская), триалетская, кармир-бердская (тазакендская) и кизыл-ванская.

Но возможность оседания в это время протогрузин в западной части Закавказья представляется сомнительной по причине уже отмечавшегося отсутствия ранних контактов абхазо-адыгских языков с картвельскими. Сомнение вызывает и раннее проникновение в восточные области Закавказья, где в близком соседстве с горами и предгорьями располагаются достаточно обширные степи, а хозяйственный комплекс имеет ряд специфических черт. Поэтому наиболее вероятной представляется локализация носителей картвельских языков в эпоху средней бронзы близко к юго-восточному побережью Черного моря, откуда впоследствии могла осуществляться инфильтрация картвелов в Центральное Закавказье (но не в горную зону, а в верхнюю и среднюю часть равнинного бассейна р. Куры) в IV–III вв. до н.э.

Протоармяне в Передней Азии и на Южном Кавказе. В настоящее время наибольшую популярность обрели две версии ранней стадии этногенеза современного армянского народа. Согласно первой, армянский этнос сформировался на территории Армянского нагорья в период XIII–VI вв. до н.э., имея свои древнейшие истоки на Балканах и Анатолии. При этом протоармяне в культурном и физическом плане довольно быстро ассимилировались с местным населением, в первую очередь, с хуррито-урартами и отчасти с индоевропейцами (индоирано-арийцами и лувийцами), но сохранили при этом исконный язык. В последующем языковой ассимиляции подверглось уже хуррито-урартское население, оставившее заметный субстратный след в армянском языке.

Вторая теория исходит из того, что формирование армянского народа произошло между XXVI–XXIII вв. до н.э. на территории древнего государства Южного Кавказа Хайаса. Нетрудно заметить, что в этом случае миграция протоармян должна была состояться на тысячу лет раньше и произойти еще до появления в Малой Азии народов анатолийской языковой группы. При этом в основе «хайасской» версии армянского этногенеза лежит простое созвучие самоназвания армян *хайк* и названия страны Хайаса. Однако И.М. Дьяконов самоназвание армян связывал с урартским этнонимом Хате/хатини («хатты/хетты») – так урарты называли все население к западу от своей державы, в том числе протоармян. По-протоармянски это название могло звучать **хатйос* или **хатийос*, а в дальнейшем отсюда по законам армянской фонетики получилось hայ(n-)[43].

[42] Климов Г.А. Картвельские языки // Языки мира: Кавказские языки. М.: Academia, 1998. С. 14.

[43] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван: Изд-во АН Армянской

В печати появляются все новые концепции этногенеза армян, так что вопрос этот остается предметом острой научной дискуссии.

Напомним, что в Малой Азии индоевропейцы обосновались не позднее конца III тыс. до н.э. и первоначально это были т.н. хетты, палайцы и лувийцы. В начале II тыс. до н.э. хетты локализуются около Канеша и Куссара (территория современной юго-восточной части Турции), но затем они продвинулись на север в ареал обитания хаттов. Палайцы закрепились на севере и северо-востоке Малой Азии, а лувийцы – на юге и юго-западе. Очень быстро в этих местах появляются государственные образования индоевропейцев, причем, как правило, на месте уже существовавших здесь государств. Например, государство хеттов образовалось на месте более древнего Хаттского царства. Весьма примечательно, что хеттские цари свое государство в письменных документах, часто называли древним названием – Хатти. Надо полагать, что появление индоевропейских государств в Малой Азии стало не результатом одноактного завоевания, а постепенного «врастания» индоевропейцев в уже существовавшие государственные образования, в которых они со временем заняли господствующее положение.

Не произошло и полного вытеснения старого населения, но имела место постепенная языковая ассимиляция при сохранении культурной преемственности. Например, в социальной верхушке Хеттского царства письменные источники позволяют выявить хаттские и хурритские имена.

Вслед за носителями анатолийской группы языков в Малую Азию двинулись и другие индоевропейские этноязыковые общности. Так, не исключено, что прагреческие этносы могли появиться в западной части Малой Азии уже в конце III тыс. до н.э., а в самом начале II тыс. до н.э. началась массовая миграция греков-ионийцев. Следующая греческая миграция (греков-ахейцев) произойдет в начале XVI в. до н.э.

Распространено мнение, что армяне появились в Малой Азии с запада вместе с фригийцами. Что касается армянского языка, то он занимает в индоевропейской семье обособленное место, поскольку в процессе развития приобрел (либо сохранил) черты, отсутствующие в других индоевропейских языках. При этом языковые различия в самом армянском языке не развились дальше диалектного уровня. Ближе всего к армянскому языку стоят древнегреческий, фракийский, фригийский, а затем индоиранские языки, но с хетто-лувийскими языками у него очень мало схождений. Это означает, что до своего появления в Малой Азии и Армянском нагорье примерно в XII в. до н.э., армянский язык не имел прямых контактов с хетто-лувийским этноязыковым массивом Малой Азии.

Армянские племена и хуррито-урартское воздействие. О.А. Мудрак. В то же время наличие в армянском языке заимствований из хуррито-урартских языков для флоры, фауны, сельскохозяйственной техники и специфических для Армянского нагорья социальных отношений говорит о появлении здесь протоармян в то время, когда хуррито-урартское этноязыковое окружение было достаточно влиятельным. В древних переднеазиатских письменных источниках отмечен термин «западные мушки», применявшийся в отношении фригийцев,

ССР, 1968. С. 235–236.

язык которых, как полагают лингвисты, занимал промежуточное положение между древнегреческим и протоармянским. Также не исключено, что под «восточными мушками» понимались протоармяне. Эти «восточные мушки», согласно ассирийским источникам, имели пять «царей» и локализовались в основном на территории хурритского царства Алзи, но в X–IX вв. до н.э. они занимали более обширную территорию от гор севернее истоков р. Тигр до гор Тавра западнее долины Верхнего Евфрата[44].

Таким образом, появление протоармян в Передней Азии и на юге Кавказа связано с очередной волной индоевропейской миграции, пришедшейся на XIII-XII вв. до н.э. – именно в это время они появились в регионе обитания хаттов, лувийцев и хурритов в юго-западной части Армянского нагорья, а хуррито-урартский язык послужил субстратом для армянского языка[45].

Этот вывод существенно дополнил известный лингвист О.А. Мудрак, обнаруживший в армянском языке около 480 (-60) слов, которые можно трактовать как попавшие в него из пранахского источника. Любопытно проследить представленность лексем по семантическим полям (следует учесть, что некоторые слова могут входить в несколько полей): абстрактные – 21 слово, вода – 17 слов, глаголы – 63 слова, животные – 7 слов, домашние животные – 17 слов, инструменты, приспособления – 77 слов, камни – 10 слов, ландшафт – 29 слов, металлы – 8 слов, насекомые, черви – 5 слов, небо – 10 слов, общество – 93 слова, огонь – 12 слов, одежда – 31 слово, пища – 28 слов, прилагательные – 53 слова, птицы – 10 слов, домашние птицы – 1 слово, растения – 64 слова, культурные растения – 16 слов, словесность – 16 слов, служебные слова – 2 слова, строительство, здания – 29 слов, тело (человека, животных) – 59 слов[46].

Видимо, «пранахским» здесь можно считать язык древнейших насельников центральной части Малого и Большого Кавказа, родственный хурритским и урартским языкам Месопотамии и Армянского нагорья.

§3. Культуры средней бронзы Закавказья (центрально–кавкавказская, колхидская, триалетская, дольменная, и др.)

Расцвет кавказской металлургии эпохи средней бронзы. Археологи едины во мнении, что эпоха средней бронзы на Кавказе (в целом охватывавшая конец III и большую часть II тыс. до н.э.) стала периодом яркого расцвета местной металлургии, ранее зависимой от переднеазиатской. Формируется своео-

[44] Дьяконов И.М. Урарту, Фригия, Лидия // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 47–48.

[45] История армянского народа: С древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980. С. 17; Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в армянском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1984. С. 70.

[46] Мудрак О.А. Армянский и восточно-кавказские языки // Электронная версия. 2016. С. 15.

бразная Кавказская металлургическая провинция с весьма развитой для своего времени технологией горно-металлургического производства и оригинальными формами разнообразных изделий и технологий металлообработки. Происходит резкое увеличение кавказских металлургических импортов и подражаний им в степной зоне Восточной Европы при одновременном расширении зоны импорта кавказского металла – от бассейна р. Ингул в Причерноморской степи на западе до Среднего Поволжья на севере и до Приуралья на востоке. Подражание кавказским типам изделий отмечается на продукции в целом самостоятельных центров металлургии в Нижнем Поволжье и Волго-Урале. К концу эпохи средней бронзы центром кавказского влияния на степные культуры становится Северо-Восточный Кавказ: именно здесь формировались новации, легшие в основу развития позднекатакомбных культур Предкавказья[47].

С другой стороны, некоторые исследователи говорят о том, что со II тыс. до н.э. Кавказ начинает играть роль уже не моста между Передней Азией и севером, а своеобразного барьера между южными земледельческими и северными пастушескими культурами. Причем Кавказская провинция обособлена теперь в культурном плане не только от мира северных скотоводческих народов, но и как бы от культур южных, в частности, хурритских государств, Хеттского царства и его восточно-анатолийских соседей. Парадоксальный феномен самоизоляции Кавказской металлургической провинции особо подчеркивается ее исключительным богатством металлом[48].

Сокращение кавказского влияния в степной зоне в этот период можно также объяснить развитием местных металлургических центров (Западно-азиатская металлургическая провинция) и появлением степного пути в Прикаспий, Волго-Уральский регион и Западную Сибирь, идущего из Передней Азии в обход Кавказа – через Иран, Среднюю Азию и Казахстан[49].

При этом сам Кавказ (и это подтверждается археологическими материалами), сохранив в определенной степени связи с более южными регионами Передней Азии, в значительной мере увеличил контакты с областями современного Северо-Западного Ирана, где появились новые центры бронзы.

Археологические культуры Закавказья. Эпоха средней бронзы на территории Закавказья отмечена появлением в последней трети – конце III тыс. до н.э. близких по облику родственных культур, берущих начало в куро-аракской культуре. В центральной части Закавказья это триалетская, в южной – кар-

[47] Черных Е.Н. Кавказ в системе взаимодействий культур степных скотоводов севера и оседлых земледельцев юга (эпоха раннего металла) // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 73–74; Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. М., 2007. С. 196, 212.

[48] Черных Е.Н. Указ. соч. С. 70, 73-74.

[49] Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. М., 2007. С. 212.

мир-бердская и в восточной – кизылванкская культуры. Отдельно выделяется севано-узерликская группа памятников, а в западной части Закавказья развивается колхидская культура.

Ведущими признаками, сближающими археологические культуры Закавказья эпохи средней бронзы II тыс. до н.э., являются наличие курганной насыпи в захоронениях и расписной посуды. В памятниках предшествующей куро-аракской культуры эти признаки отсутствуют. Вместе с тем, расписная посуда в каждом культурном ареале имеет свой декоративный стиль и формы[50].

Влияние закавказских культур на соседние регионы мало изучено. Но Кавказ, скорее всего, являлся источником снабжения Месопотамии и Египта изделиями из чистой сурьмы и сурьмяных бронз[51].

Триалетская культура считается одной из самых ярких культур Закавказья эпохи средней бронзы. На ее происхождение до сих пор нет единой точки зрения – некоторые исследователи отрицают ее преемственность с предшествующей куро-аракской культурой. Большинство, однако, признает ее тяготение к куро-араксу, но не исключает инфильтрацию в ее ареал новых этнокультурных групп, оказавших влияние на формирование триалетской культуры.

Наиболее признанная датировка триалетской культуры укладывается в рамки первой половины II тыс. до н. э. Но некоторые исследователи считают, что она захватывает последние века III тыс. до н.э., и датируют ее существование в промежутке между XXIV в. до н.э. и примерно XVII–XV вв. до н.э.[52]

Такая неопределенность хронологических рамок триалетской культуры связана с тем, что на месте куро-аракской культуры первоначально образовалось значительное число достаточно близких археологических комплексов, которые зачастую рассматриваются как самостоятельные культуры. Например, в бассейне р. Куры локализуется самтаврская культура, к востоку от нее по рекам Алазани и Иори – восточно-закавказская и др. Лишь со временем они нашли свое место в составе более широких культурных общностей. Так, часть исследователей рассматривает марткопские и беденские памятники эпохи конца ранней бронзы в качестве двух хронологических этапов при переходе от куро-аракской к триалетской культуре. Другие же говорят о самостоятельной марткопи-беденской археологической культуре, появление которой связывается с влиянием курганных скотоводческих культур, прежде всего, майкопской[53].

[50] Кушнарева К.Х. Кармирбердская (тазакендская) культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 106.

[51] Кушнарева К.Х. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 139.

[52] Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 91–92.

[53] Пицхелаури К.Н. Новые аспекты хронологии археологических памятников центральной части Южного Кавказа // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сборник докладов). Ереван, 1990. С. 246; Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 263.

Также высказывалось предположение, что марткопи-беденская культура могла возникнуть в результате миграции носителей майкопской культуры с севера, направленной в родственную им этническую среду. Принимая во внимание, что ареал марткопи-беденской культуры простирался от Армении до дагестанского Прикаспия, не исключалось и присутствие дагестанских племен в его восточной части[54]. Исходный очаг формирования весьма значимой для Кавказа триалетской культуры лежал на Цалкинском плоскогорье и Гамаретском плато (бассейн р. Храми, Грузия), а ее локальные варианты охватывали различные части Закавказья. Через Алазанскую долину ареал триалетской культуры продвинулся вплоть до Большого Кавказского хребта, охватив здесь древнейшие горные нахские племена. Первоначально считалось, что ареал триалетской культуры не выходил за пределы современной Грузии, но позднее ее памятники были выявлены на территории Армении и Азербайджана и даже южнее Закавказья. В XVII–XV вв. до н.э. триалетская культура охватывала большую часть Закавказья, не затрагивая лишь его западные районы, тяготеющие к Черному морю. На севере она подступила к Большому Кавказу, а на юге дошла до Карса, Вана и, возможно, озера Урмии, охватив таким образом значительную часть ареала предшествовавшей ей куро-аракской культуры[55].

Триалетские курганы и «царские» захоронения. Самый яркий отличительный признак триалетской культуры – погребальные курганы, крупнейшие из которых имеют высоту 10-15 м при диаметре около 100 м. Под ними скрываются просторные грунтовые могилы или огромные наземные камеры с индивидуальными захоронениями. По обряду захоронения, масштабам сооружений, характеру и богатству инвентаря триалетские погребальные сооружения распадаются на три группы, фиксирующие наличие в обществе трех социальных групп. При этом погребения первого ранга (или «царские») разительно отличаются от двух других. Погребения второго ранга, а также рядовые земляные захоронения характеризуются скромным убранством могил.

Для погребений представителей высшего сословия характерен обряд кремации, после которого прах хоронили в наземных погребальных залах и деревянных срубах, впущенных в грунтовые ямы. Прах укладывали на колесницу или специально сооруженное ложе, могила обставлялась парадными предметами, такими как бронзовое оружие и орудия труда, а также уникальные ювелирные украшения, золотые и серебряные сосуды, покрытые зернью, филигранью, чеканкой, вставными камнями; встречаются узорчатые обкладки деревянных предметов; медальоны, булавки, золотые и каменные бусы. Сооружение подобных «царских» захоронений требовало больших трудозатрат. Обычай помещения усопшего на колесницу восходит к бедено-алазанской культуре и заимствован с юга, где подобные захоронения известны еще с начала III тыс. до н.э.

[54] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 428.

[55] Кушнарева К.Х. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 101, 105.

Триалетские колесницы по форме напоминают колесницы из царских погребений Ура (Шумер), а золотые и бронзовые височные завитки из триалетских курганов близки к месопотамским образцам, классический вариант которых восходит к украшениям головного убора царицы Шубад в Уре (Южная Месопотамия). С изделиями из Ура сопоставляются также триалетские ларцы с золотыми перегородками, инструктированные камнями и обсидианом, а еще ожерелья с агатовым кулоном, оправленным в золото[56].

Но не только развитие ювелирного искусства в ареале триалетской культуры шло под влиянием южных ближневосточных культур. Например, закавказские длинные узкие бронзовые мечи-«рапиры» обнаруживают аналоги в оружии крито-микенской цивилизации. Южное влияние отразилось и на триалетской керамике. Если характерная для нее чернолощеная керамика на розовой «подкладке» указывает на продолжение куро-аракских традиций, то расписная посуда в конце III тыс. до н.э. появляется в культурах Южного Кавказа, несомненно, под влиянием малоазийско-средиземноморской керамической продукции[57].

Относительно этнической принадлежности носителей триалетской культуры существуют различные мнения. Например, ряд грузинских исследователей связывает триалетскую культуру с картвельской этноязыковой общностью, в составе которой к этому времени уже сложились крупные племенные союзы с вождями[58].

Но большинство исследователей говорит лишь о наличии картвельского этнического компонента в составе носителей триалетской культуры. Более того, археологи и историки затрудняются связать напрямую с картвелами какую-нибудь определенную культуру Закавказья эпохи средней и даже поздней бронзы. Только начиная с X в. до н.э., с ними предположительно ассоциируется развитая земледельческая культура Картли и прилегающих районов[59].

Довольно часто триалетскую культуру рассматривают как северную периферию Митанни. С другой стороны, преемственность триалетской культуры с куро-аракской свидетельствует, что коренной смены населения в Закавказье к тому времени еще не произошло. На это указывают и палеоантропологические материалы, подтверждающие общность тогдашнего населения Кавказа. Поэтому, если исходить из ареала триалетской культуры, в числе ее создателей и носителей могли выступать хуррито-урарты и южнонахские племена Кавказа. На юго-западной периферии триалетской культуры можно гипотетически предположить присутствие картвелов (сванской группы?), а в ее восточной части – дагестано-восточнокавказских этноязыковых групп. Возникают также вопросы об инфильтрации индоевропейцев в Закавказье – в зону триалетской культуры.

[56] Джапаридзе О.М. Указ. соч. С. 75, 88–89; Кушнарева К.Х. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 141.

[57] Джапаридзе О.М. Указ. соч. С. 89.

[58] Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 92.

[59] Языки Древней Передней Азии. Несемитские. М., 1979. С. 104.

Такую возможность гипотетически можно допустить, но сколько-нибудь существенное влияние индоевропейцев на создание или развитие триалетской культуры не отмечено.

«Предгосударственное» общество. Археологические материалы позволяют сделать вывод о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации в ареале триалетской культуры. Об этом, например, наглядно свидетельствует наличие в «царских» погребениях большого количества престижного оружия, украшений и драгоценной утвари. Об этом же говорят и размеры курганов, воздвигнутых над погребениями высшей знати. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что поселения триалетской культуры, сосредоточенные в горах и предгорьях, как правило, обнесены крепостными стенами из камней. В целом, у историков имеется достаточно оснований оценивать триалетское общество как находящееся на стадии предгосударственного периода[60].

Упадок триалетской культуры связывают как с внутренними, так и внешними причинами, в том числе с этническими передвижениями рубежа средней и поздней бронзы.

Кармир-бердская (таза-кендская) культура раньше датировалась концом III – началом II тыс. до н.э., сейчас период ее существования представляется в рамках конца XVIII в. – начала XIV вв. до н.э.[61]

Все известные памятники кармир-бердской культуры локализуются в северной части Армянского нагорья (междуречье Куры и Аракса), ограниченного с запада р. Ахурьян, с востока – р. Акстафа. Наибольшая концентрация памятников данной культуры отмечена в Араратской долине. Преобладание памятников кармир-бердской культуры в горах и предгорьях говорит о большой роли скотоводства в хозяйстве ее носителей. Для этой культуры характерны подкурганные грунтовые могилы общинников, снабженные чаще всего только посудой. Лишь иногда в них встречается оружие или украшения. Наиболее распространенный тип кармир-бердской посуды имеет красноангобированную (декорированную) поверхность, на которую нанесена роспись черной краской со специфическим орнаментом. Но встречается также чернолощеная грубая «кухонная» посуда.

Погребения кармир-бердской культуры обладают следующими признаками: каменно-земляная насыпь; кромлех; могила прямоугольной формы, перекрытая плитами; засыпка могилы землей; ориентировка могил север – юг; одиночные захоронения в скорченном положении – женщины на левом боку, мужчины – на правом; положение в могилу туш или отдельных частей животных; расписные сосуды; чернолощеная посуда; в редких случаях наличие украшений и изделий из металла; совершение обряда тризны. Металлические изделия представлены в ограниченном ассортименте, характерно наличие архаичных кинжальных клинков. Отсутствие богатых захоронений родоплеменной верхушки и своеобразие расписной посуды являются главными чертами, отличающими ее от триалетской культуры[62].

[60] Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2008. С. 88.

[61] Кармир-бердская культура: [Электронный ресурс]. URL: http://www.Большая российская энциклопедия https:// bigenc.ru/text/2047935 (дата обращения 14.10.2018).

Считается, что кармир-бердская культура сменила бедено-триалетскую культурную общность в ходе существенной инфильтрации населения из Малой Азии. Возможно, этим объясняется то обстоятельство, что внешние связи местных племен ориентированы преимущественно на Анатолию, Сирию и Палестину. На позднем этапе кармир-бердской культуры ее носители проникают в области восточнее оз. Севан и в Мильскую степь, где возникают памятники севано-узерликского типа. Какое-то время обе культуры сосуществовали, затем севано-узерликская сменила кармир-бердскую[63].

Кизыл-ванкская культура считается близкородственной кармир-бердской, ее памятники впервые были открыты и исследованы на территории современной Нахичеванской автономной области Азербайджана. Датируется кизыл-ванкская культура второй половиной II – началом I тыс. до н.э. Для нее характерны погребения в каменных ящиках в скорченном положении, сопровождающиеся бронзовым (на поздней стадии и железным) оружием и расписной керамикой, отражающей последовательные этапы развития культуры. Полихромная керамика кизыл-ванкских памятников имеет ряд специфических черт: горшки сферической формы, кувшины и глубокие миски, т.н. «чайники», плоские и двуручные фляги. Преобладает лепная посуда. Сосуды имеют красноватую ангобированную поверхность, верхняя половина расписана по светлому фону красной, черной, коричневой, желтой и оранжевой красками в виде комбинаций геометрических узоров. Памятники с аналогичной керамикой открыты в Армении и Северо-Западном Иране[64].

Севано-узерликская культура также имеет ряд черт, сближающих ее с триалетской и кармир-бердской культурами. Хотя большинство исследователей рассматривает ее как самостоятельную культуру, немало и тех, кто видит в ней локальный вариант триалетской культуры или поздний этап кармир-бердской культуры.

Памятники севано-узерликского типа концентрируются на юге современного Азербайджана, в присеванских районах, в Араратской долине и на северо-западе Армении. Характерные признаки памятников севано-узерликской культуры: курганная насыпь; грунтовая могила либо вырытая в туфе; одиночные захоронения; положение в могилу отдельных частей жертвенных животных; красноангобированная посуда, расписанная поясами, свисающими гирляндами

[62] Кушнарева К.Х. Кармирбердская (тазакендская) культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 106, 107, 115.

[63] См.: Кармир-бердская культура: [Электронный ресурс]. URL: http://www. Большая российская энциклопедия https: // bigenc.ru/text/2047935 (дата обращения 14.10.2018); Кушнарева К.Х. Указ. соч. С. 106, 107, 109.

[64] См.: Кушнарева К.Х. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кизыл-ванкской) культуры // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 131; Железный век: [Электронный ресурс]. URL: http:// www. Кизыл-Ванк // https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/067/985.htm (дата обращения 14.10.2018).

ромбов и параллельными волнистыми линиями; чернолощеная посуда, украшенная различными орнаментальными схемами (зигзаги, полукружья и др.), нанесенные «шагающим» штампом; металлические изделия (втульчатые копья, долота, кинжалы, браслеты, булавки, иглы, височные кольца); поселения с оборонительными стенами (циклопическими в предгорных и горных районах); жилища на деревянных столбах со стенами из плетенки, обмазанные глиной; постройки из сырцового кирпича и переносные глиняные очаги эллипсовидной формы с высокими стенками в степных районах. Однако определяющим признаком считается расписная керамика определенного стиля (пояса волнистых линий и косозаштрихованных ромбов)[65]. Севано-узерликские комплексы содержат больше металлических изделий, чем кармир-бердские, а бронза изготавливается здесь с примесью олова, а не мышьяка, как раньше.

Этноязыковая принадлежность носителей закавказских культур эпохи средней бронзы. В целом археологические материалы подтверждают близкородственный характер триалетской, кармир-бердской, кизыл-ванкской и севано-узерликской культур, что косвенно указывает и на возможную этническую близость их носителей. В частности, И.М. Сигаури предположил, что кармир-бердская и кизыл-ванкская культуры появились в результате выделения из древнейшего верхнемесопотамского, западноиранского и южнокавказского субстрата самостоятельных этнических единиц[66].

В пользу предполагаемой этнической близости (в рамках северокавказского или истинно кавказского языкового родства) носителей закавказских культур средней бронзы говорит тот факт, что на рубеже III–II тыс. до н.э. в районе оз. Севан расселены представители кавкасионского расового типа[67], который был представлен и в районах Центрального Кавказа.

Наконец, и генетические данные (при всем том, что подходить к ним нужно достаточно осторожно) порой объединяют современных армян и тех же чеченцев в один кластер[68].

Несколько слов следует сказать о **центрально-кавказской культуре**, датируемой XVI–X вв. до н.э., что позволяет отнести ее к границе средней и поздней бронзы. Ее развитие происходило в примерных географических рамках от долины Куры на юге до Кавказского хребта на севере и от Лечхумского и Сурамского хребта на западе до впадения Алазани в Куру на востоке. Первоначально считалось, что она являлась самостоятельной культурой, а ее носители активно взаимодействовали с носителями чуть более поздней кобанской

[65] Кушнарева К.Х. Севано-узерликская группа памятников // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 122, 126.

[66] Сигаури И.М. Очерки государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. IV. М., 2004. С. 217.

[67] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974. С. 90.

[68] Назарова А.Ф., Асланишвили В.О., Алхутов С.М. Генетика и антропология народов Кавказа и проблема происхождения европеоидов: [Электронный ресурс]. URL: http://www. docplayer.ru/32611978. С. 9 (дата обращения 14.10.2018).

культуры, ареал которой уходил далеко на Северный Кавказ. Но на сегодня большинство исследователей рассматривает центрально-кавказскую культуру в рамках кобанской культуры. Сторонники версии о самостоятельном характере центрально-кавказской культуры выделяют в ней два хронологических периода: ранний – XVI–XIII вв. до н.э.; поздний – XII–X вв. до н.э. Погребения в ареале центрально-кавказской культуры в основном двух типов – вытянутые и скорченные. В памятниках этой культуры много изделий из бронзы. К XVI–XIII вв. до н.э. относятся топоры, известные еще с IV тыс. до н.э. в Месопотамии, кинжалы с составными ручками, наконечники копий, своеобразные каменные булавы, крючки, шилья, диадемы и спиральные пронизки для кос[69].

В целом районы распространения данной культуры, как и родственной кобанской, не оставляют иных вариантов, как признания ее носителей, принадлежащих к нахоязычному этносу.

Колхидская культура. Территорию Восточного Причерноморья от г. Сочи до г. Орду (Турция) занимали племена колхидской культуры эпохи средней, поздней бронзы и раннего железа. Колхидская культура сформировалась в специфической природной среде с теплым и влажным субтропическим климатом, что определило характер экономики местного населения. В целом культура носит земледельческий характер с поселениями хуторского типа. С начала II тыс. до н.э. широко используются два типа бронзовых мотыг, что говорит о дифференциации земледельческих процессов. Неожиданное направление внешних связей дают колхидские поселения, по ряду признаков обнаруживающие большое сходство с террамарами (поселки-крепости бронзового века на холмах из чернозема в долине р. По) северной Италии[70].

Вопрос о взаимоотношении кобанской и колхидской культур до сих пор не получил окончательного разрешения. Между указанными культурами настолько много общего в бронзовой металлургии (особенно в предгорно-плоскостной части), что ряд исследователей объединяет их в единую кобано-колхидскую культурную общность. Большинство же считает их близкими, но не тождественными. При этом ряд исследователей допускает этническую близость на уровне одной языковой семьи для носителей кобанской и колхидской культур, другие же решительно отрицают ее. К числу первых принадлежит И.М. Сигаури, связывающий носителей колхидской культуры с прасеверокавказской языковой общностью и, предположительно, с центрально-кавказской (шумеро-хуррито-урарто-нахской) общностью. Население в ареале этой культуры было относительно малочисленным, а в культурном плане связано одновременно с майкопской и куро-аракской культурами прошлого[71].

[69] Центрально-кавказская культура: [Электронный ресурс]. URL: http://www.sites.google.com/site/civilizacium/home/arheologia/centralno-kavkazskaa-kultura (дата обращения 14.10.2018).

[70] Кушнарева К.Х. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 133, 142.

[71] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х т. Т. II. По данным архео-

В научной литературе существуют две основные точки зрения об этнической принадлежности колхидской культуры: часть исследователей связывают эту культуру с абхазской, а другая – с грузинской этноязыковой общностью.

В связи с дискуссией об этнической принадлежности носителей колхидской культуры интерес представляет точка зрения Г.Д. Гумба, который отметил, что попытки объединить колхидскую и кобанскую культуры отчасти объясняются тем, что границы Колхиды ошибочно проводятся по Главному Кавказскому хребту, тогда как на самом деле они пролегают южнее – по Эгрисскому и Рачинскому хребтам. Здесь же пролегала и этническая граница, разделявшая носителей кобанской и колхидской культур[72].

Дольменная культура Западного Кавказа. Данная оригинальная культура охватывала территорию вдоль Черноморского побережья от Таманского полуострова до современного г. Очамчира (Абхазия). Древнейшие дольмены датируются XXIV–XXI вв. до н.э. или даже XXVII–XXVI вв. до н.э., а формирование дольменной культуры завершилось к XXIV в. до н.э. Прекращение существования дольменной культуры датируется около XIV–XIII вв. до н.э.[73] Таким образом, эта культура развивается до последней трети II тыс. до. н.э., причем горные области превращаются в культурный центр, доминирующий над прикубанской степью[74].

Дольмены – один из видов мегалитических построек, сложенных из каменных плит, реже – высеченных в скальном массиве и служивших усыпальницами. Обычно снабжены круглым или аркообразным отверстием, через которое умерших помещали в камеру, однако наиболее древние дольмены отверстия не имели и служили усыпальницами родоплеменных вождей. В первой половине II тыс. до н.э. для дольменов характерны коллективные захоронения в позе сидя, а также вторичные захоронения, когда в дольмены вносили только кости. Смена погребального обряда может быть связана с изменениями в идеологических представлениях, что, в свою очередь, свидетельствует о длительности использования их в качестве усыпальниц. Разнообразие самих дольменных построек также могло сочетаться с определенными особенностями в погребальном ритуале. В течение многих веков здесь появляются даже скопления дольменов с сотнями построек[75]. Предполагается, что дольмены имели ту же функцию, что и

логии. М., 2016. С. 389–390.

[72] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы… С. 93.

[73] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 52; История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 16; Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 251.

[74] Трифонов В.А. Горы и равнины: модель культурного развития Западного Кавказа в V–III тыс. до н.э. // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 118–119.

[75] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 54; История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 16; Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и

нахские *каш-ков* (буквально «могила-ворота») – место захоронения предка-основателя данного селения, важнейшая функция которого заключалась в осуществлении магической связи с первопредком, т.е. дольмены рассматривались как место, через которое открывается проход в загробный мир[76].

В археологических культурах Кавказа, предшествовавших дольменной, нет ничего, что указывало бы на их появление. Поэтому возникновение этой культуры связывают либо с масштабной миграцией ее носителей, либо далекими морскими связями[77].

Наиболее близки дольменным сооружениям Западного Кавказа дольмены с приставными выступами в Каталонии (Испания) и близ западной (балкано-фракийской) части Черноморского побережья, где наиболее ранние дольмены датируются 4000–3500 гг. до н.э., что позволяет связать происхождение западно-кавказских дольменов с возможной миграцией средиземноморских или фракийских строителей дольменов на Западный Кавказ[78].

Племена дольменной культуры занимались земледелием и скотоводством (в приморской полосе – морским промыслом), имели довольно развитую металлургию и керамику. Отмечались попытки связать дольменную культуру с индоевропейцами и древнегрузинскими племенами, что не нашло поддержки у большинства исследователей, которые однозначно связывают ее с носителями западно-кавказской (абхазо-адыгской) языковой общности, возможно, подвергшимся культурной экспансии извне.

§4. Северокавказская, каякентско-харачоевская, зандакская, гатын-калинская земледельческие культуры и формирование оригинального культурного этнотипа населения Чечни

Своеобразие и оригинальность культур эпохи средней бронзы на северных склонах Большого Кавказа в большей степени проявились в северо-восточной и в северной равнинно-степной части региона. Центральные и западные горные районы Северного Кавказа находились более в сфере влияния центрально-кавказской и колхидской культур Закавказья.

Формирование северокавказской культуры. Указанная культура средней бронзы сложилась в XXIII–XXI вв. до н.э., а ее завершение пришлось на XIV–XIII вв. до н.э.[79] Само название примерно обозначает ее ареал: от зоны распространения дольменной культуры на Северо-Западном Кавказе до Прикаспия в

средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 242.

[76] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 366–367.

[77] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 54.

[78] Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 252.

[79] Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 283.

районе нижнего течения р. Сулак. Северокавказская культура распространилась не только на плоскости, но отчасти и в горной полосе Северного Кавказа, а в степном Предкавказье северокавказские племена взаимодействовали с носителями катакомбной и срубной культур[80].

Формирование северокавказской культуры рассматривается в исторической науке как результат сложного взаимодействия куро-аракской и майкопской культур, а также инфильтрации с севера степных культур, что привело к появлению некоторых новых типов курганного обряда (курганные погребения были у майкопцев безотносительно ямной и катакомбной культур). Неслучайно наиболее ранние предметы северокавказской культуры по форме и декору близки к майкопской культуре, однако ее становление нельзя рассматривать как дальнейшее развитие традиций Майкопа. Определенное влияние на ее формирование оказали также носители куро-аракской культуры, что особенно заметно в резком членении профиля некоторых видов керамической посуды, декорировании ее налепным орнаментом, наличии полушаровидных ручек и др. В целом степное и куро-аракское влияние лишь дополняло основную линию развития, связанную с носителями майкопской культуры. К началу II тыс. до н.э. эти процессы привели к формированию единой северокавказской культуры, а наличие переходных комплексов с посткуро-аракским, майкопским (новосвободненским) и т.н. «кубано-терским» инвентарем говорит о сложных и неоднозначных этнокультурных процессах в зоне предгорных равнин Восточного Предкавказья в конце III – начале II тыс. до н.э.[81]

Довольно широко распространено мнение, что первоначальный очаг формирования северокавказской культуры находился на Северо-Западном Кавказе, откуда она затем распространилась на восток. Однако некоторые археологические материалы, обнаруженные на территории Центрального Кавказа, например, сосуды на четырех ножках из курганных комплексов возле селений Дзуарикау (Северная Осетия) и Бамут (Чеченская Республика) относятся к раннему этапу становления северокавказской культуры в регионах, где в III тыс. до н.э. взаимодействовали майкопская и куро-аракская культуры[82].

Локальные варианты, хозяйство и общество. Выделение локальных вариантов в составе северокавказской культуры является предметом научных дискуссий. Согласно одной версии, она насчитывала всего четыре локальных варианта в Прикубанье, Ставрополье, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и

[80] История народов Северного Кавказа… С. 54.

[81] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. Пособие для изучающих историю родного края. М., 2001. С. 67–68; Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность… С. 258, 261; Бурков С.Б. Новые погребения конца ранней бронзы из раскопок археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого // Актуальные проблемы дореволюционной истории Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1990. С. 4–6.

[82] Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность… С. 263; Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 37, 38.

Чечне, вероятно, связанных с родственными племенами, обладающими своими особенностями, как в предметах быта, так и в духовной культуре (погребальные обряды, семантика орнамента)[83].

По другой версии, выделяются пять локальных вариантов: прикубанский, верхнекубанский (джегутинский), кабардино-пятигорский, дигорский и прикаспийский, каждый из которых имеет свои характерные черты[84].

Основу хозяйства носителей северокавказской культуры составляло скотоводство (с преобладанием мелкого рогатого скота) и земледелие. Содержали также лошадей, в том числе для верховой езды. Среди домашних животных имелась и собака. Для перевозки тяжелых грузов использовались телеги. Обилие керамики свидетельствует об оседлом образе жизни с сезонными перекочевками скота между летними и зимними пастбищами. Важное значение имели металлургия и металлообработка, базирующиеся на местной руде, которую добывали не только на поверхности залежей, но и в шахтах и штольнях. Помимо изделий из бронзы изредка встречаются серебро и золото[85].

В ходе развития северокавказской культуры произошел отход от погребального обряда майкопского типа: умерших начали хоронить не в скорченном, а в вытянутом положении, ориентируя их на запад, восток и даже на север. Изменение ритуальной позы положения умерших вызвало предположение о появлении в ареале северокавказской культуры выходцев из волго-днепровских племен, что не принято рядом исследователей, указывающих, что инвентарь, сопровождающий могилы, не имеет ничего общего с предметами волго-днепровской культуры. К тому же на Северном Кавказе встречаются могилы, сочетающие скорченные и вытянутые захоронения[86].

Внешние связи северокавказской культуры отмечаются с носителями дольменной культуры на западе, Закавказьем на юге и племенами, населявшими Дагестан на юго-востоке. Но наиболее оживленные контакты имели место с носителями катакомбной, в меньшей степени – срубной культур[87].

Археологические материалы северокавказской культуры характерны для патриархального общества без четко обозначенной социально-имущественной дифференциации, что указывает на определенную стагнацию социально-экономического развития, особенно заметную в сравнении с материалами майкопской культуры. Во главе отдельных племен стояли вожди, исполнявшие, видимо, и жреческие функции. Определенный регресс в развитии общественных отношений объяснялся либо ослаблением связей с Передней Азией, либо постоянным включением в северокавказское общество степных племен, стоявших на более низкой ступени социального развития[88].

[83] История народов Северного Кавказа… С. 55.

[84] Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность… С. 283.

[85] История народов Северного Кавказа… С. 55; Указ. соч. С. 285.

[86] Марковин В.И. Указ. соч. С. 261, 266.

[87] История народов Северного Кавказа… С. 55; Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность… С. 286.

[88] История народов Северного Кавказа… С. 55; Марковин В.И. Указ. соч. С. 286.

На позднем этапе существования северокавказской культуры ее ареал значительно сокращается в результате начавшегося проникновения носителей катакомбной культуры не только в степную, но и в предгорную часть Северного Кавказа. Так, ими было освоено почти все Прикубанье и значительная часть прикаспийских районов. Возможно, к началу I тыс. до н.э. имел место значительный рост местного северокавказского населения, которое стало вновь расселяться по всем предгорным районам[89].

Археологические культуры горной части Северо-Восточного Кавказа. Эпоха средней бронзы в горных районах Северо-Восточного Кавказа отмечена формированием оригинальных культур под влиянием контактов на юге с алазано-беденской и триалетской культурами, а на севере – с северокавказской культурой. Именно различной степенью внешнего влияния можно объяснить существующие отличия между культурами горных районов Дагестана и Чечни, если не считать фактор этнических различий.

Из числа новых археологических культур, появившихся в Северо-Восточном Кавказе на рубеже III–II тыс. до н.э., крупнейшими считаются: гинчинская, великентская и присулакская. Ареал гинчинской культуры с вариантами охватывал горную западную часть Дагестана и Восточной Чечни. На территории Чечни гинчинская культура представлена северо-западным вариантом, но высказывалось и мнение о правомерности выделения указанного варианта в качестве самостоятельной гатынкалинско-харсенойской культуры, синхронной гинчинской. Великентская культура получила распространение в приморской части Дагестана к северу от Дербента, а присулакская – в среднем течении р. Сулак. По уровню развития указанные культуры выглядят более отсталыми по сравнению с предшествовавшими, что объясняется воздействием степных культур и комплексом внутренних причин, в первую очередь, сокращением связей с народами и странами Передней Азии[90].

Вплоть до середины II тыс. до н.э. в погребальной практике населения Северного Кавказа имеет место сочетание различных обрядов захоронения, притом что большинство погребений совершено в скорченном положении на левом или правом боку с произвольной ориентировкой. В погребениях присутствуют охра и остатки туш животных, подстилка дна могилы обычно из галечника,

[89] Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность… С. 277.

[90] Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси, 1987. С. 70, 73; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М., 2004. С. 92–93; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный, 2008. С. 39; Марковин В.И. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 327; Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказа в эпоху раннего металла (вопросы культурной преемственности) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сб. докладов). Ереван, 1990. С. 72–73.

реже – деревянная. Встречаются парные захоронения. Вторичные захоронения более характерны для Дагестана[91].

Гатын-калинская культура. В горной части Северного Кавказа вплоть до середины II тыс. до н.э. характерно продолжение традиций куро-аракской культуры при постепенном накоплении новшеств, что в конечном итоге привело к формированию ряда новых культур, в том числе гатын-калинской в центральной части Горной Чечни. Исследователи обращают внимание на ряд черт, сближающих ее с другими местными культурами. Например, гатын-калинская керамика в целом напоминает гинчинскую, но не аналогична ей. Одновременно гатын-калинские металлические изделия обладают чертами кобанской и северокавказской металлургии. Обычно культурное сходство Гинчи и Гатын-Кале объясняется общей для них куро-аракской основой, но в то же время вместе с синхронными комплексами из других мест горной и предгорной Чечни они составляют ряд памятников, подводящих к возникновению каякентско-харачоевской культуры[92].

Наиболее ранние погребения на Гатын-Калинском могильнике представляли собой неглубокие ямы. Затем появились погребения в более глубоких ямах, несколько позже склепы, а вслед за ними – каменные ящики и близкие им сооружения с каменными обкладками. В середине II тыс. до н.э. в горных районах появляются надземные усыпальницы-склепы, что, вероятно, связано с дальнейшим развитием культа предков[93].

Каякентско-харачоевская культура. Принятая датировка каякентско-харачоевской культуры охватывает период от третьей четверти II тыс. до н.э. до XII в. до н.э.[94] Ареал распространения охватывал современный Дагестан и юго-восточную горную часть Чечни.

Какое-то время каякентско-харачоевская культура была синхронной прикубанской и кобанской археологическим культурам, причем с последней она непосредственно граничила. В зоне стыка с кобанской культурой отмечены памятники смешанного типа, благодаря чему граница между обеими культурами достаточно условно проводится на территории Чечни по р. Аргун (но только в горной части). Северная граница каякентско-харачоевской культуры проходит примерно по линии Хасав-Юрт – Махачкала, а на юге – южнее Дербента по р. Самур. Вместе с тем западная граница «чеченского» варианта данной культуры проходила по Андийскому и Снежному хребту, что совпадает с современной границей между Чечней и Дагестаном.

В целом каякентско-харачоевская культура считается генетически связанной с предшествовавшим периодом ранней бронзы (т.е. с куро-аракской культурой).

[91] Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы… С. 297.

[92] История народов Северного Кавказа… С. 56; Марковин В.И. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы… С. 323, 325, 326.

[93] Марковин В.И. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы… С. 323; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 422.

[94] История Чечни с древнейших времен… Т. I. С. 44.

Одной из отличительных черт каякентско-харачоевской культуры считаются погребения в каменных ящиках, обычно индивидуальные, реже – парные и захоронения взрослых с детьми. Сопутствующий инвентарь беден. Изредка встречаются впускные захоронения в курганах. Попадаются также захоронения под завалом камней, просто в ямах, обложенных камнями и даже в ямах без всякого обрамления. Иногда у отдельных могил имеются вертикально поставленные камни (стелы), обычно у головы, редко они служили одновременно боковой стенкой ящика. Ориентировка могил может быть разной, но мужчин всегда укладывали на правый бок, женщин – на левый, чаще головой к югу. Часто в каменных ящиках обнаруживаются следы древесных угольков. Прототипом каменным ящикам послужили ямы, обложенные камнями, а само их появление связывается с возрастанием роли малых семей[95].

Захоронения в каменных ящиках обычно располагались отдельными группами, каждая из которых составлена, видимо, близкими родственниками[96].

Носители каякентско-харачоевской культуры являлись земледельцами и скотоводами. По сравнению с предшествующим периодом в земледелии не прослеживается заметных изменений, а вот в скотоводстве важную роль начинает играть коневодство. Лошади использовались и для верховой езды, и для запряжки в легкие двухколесные колесницы и повозки, изображения которых имеются на стенке каменного ящика на Берикейском могильнике (Дербентский район Дагестана), а также среди наскальных изображений вблизи г. Буйнакска[97].

Хорошо развита металлургия – изделия местных металлургов известны преимущественно по находкам разнообразных украшений. Особенно характерны принадлежности женского головного убора в виде крупных пластинчатых височных подвесок, полусферических колпачков, трубочек-накосников, а также круглые браслеты с незамкнутыми концами. На одежду навешивали яркие, блестящие сурьмяные привески. Находки металлического оружия весьма редки. За время существования каякентско-харачоевской культуры происходил переход от мышьяковистой бронзы к оловянистой[98].

Селения в ареале указанной культуры располагались на высоких речных террасах, межгорных долинах, на плато и по склонам гор на хорошо освещенных местах. Многокамерные жилые постройки возводились на каменном основании, верхняя часть была глинобитной[99].

Археологические материалы показывают, что племена каякентско-харачоевской культуры поддерживали тесные связи с населением сопредельных областей Кавказа и степей Юго-Восточной Европы.

[95] Марковин В.И. Каякенто-харачойская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 341.

[96] История народов Северного Кавказа… С. 58.

[97] История народов Северного Кавказа… С. 58.

[98] Марковин В.И. Каякенто-харачойская культура… С. 345; Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 92.

[99] Марковин В.И. Каякенто-харачойская культура… С. 353.

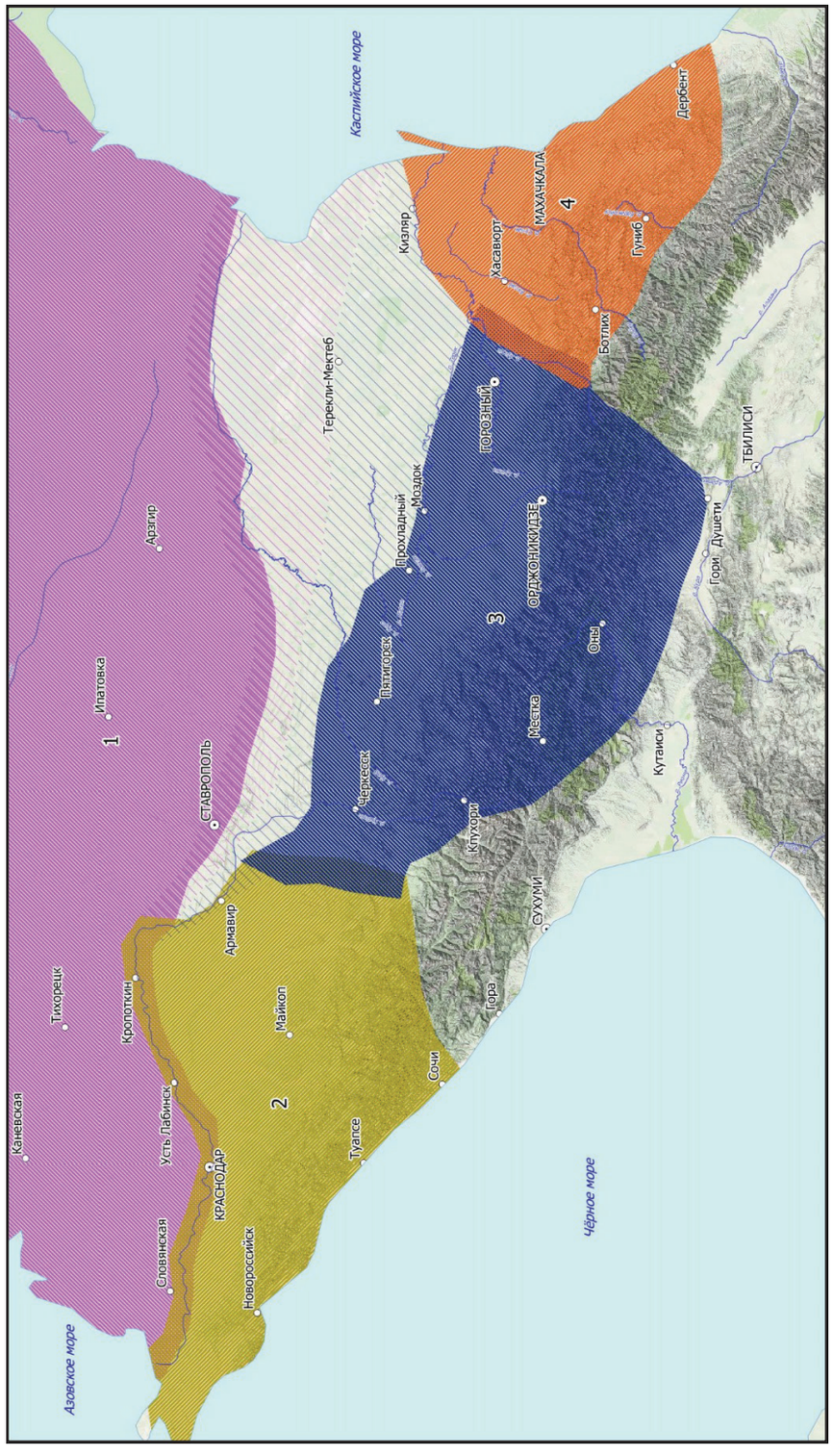

Рис. 16. Археологические культуры Северного Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа XIII/XII–IV/III вв. до н. э. (см. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988)
Условные обозначения: 1 – Срубная культура; 2 – Прикубанская культура; 3 – Кобанская культура; 4 – Каякентско-харачоевская культура

Многие исследователи говорят о бесконфликтном диффузном слиянии на позднем этапе своего развития чеченского ареала каякентско-харачоевской культуры с кобанской культурой поздней бронзы[100].

К вопросу об этноязыковой принадлежности носителей каякентско-харачоевской культуры. Обычно в составе каякентско-харачоевской культуры выделяют два локальных варианта. Западный вариант охватывает юго-восточную горную часть Чечни и прилегающие районы Дагестана, восточный – всю остальную часть Дагестана.

Одно время некоторые дагестанские исследователи предлагали выделить в составе каякентско-харачоевской культуры сразу шесть локальных вариантов, связанных с предками современных чеченцев, аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин, однако это предложение не получило поддержки. Тем не менее, известный археолог В.И. Марковин допускал наличие пяти локальных районов каякентско-харачоевской культуры, которые могли соответствовать отдельным этноплеменным группам[101]. Напомним, что появление этнокультурной пестроты на Северо-Восточном Кавказе дагестанские исследователи традиционно связывают с эпохой распада куро-аракской культуры[102].

Таким образом, попытку связать предполагаемые локальные варианты каякентско-харачоевской культуры с отдельными этноязыковыми общностями можно объяснить стремлением выявить первоначальные очаги формирования этих общностей, одновременно (по возможности) связав их с нынешней этнической географией.

В этой связи следует заметить, что археологические материалы сами по себе не дают оснований напрямую связывать ту или иную археологическую культуру с определенной этнической общностью. Соответственно, образование локальных вариантов в каякентско-харачоевской или куро-аракской культурах не может быть убедительным обоснованием предположения об этноязыковой дифференциации их носителей. Формирование локальных вариантов вполне возможно под влиянием особенностей природной среды, наличия тех или иных природных ресурсов, определяющего вектора внешних связей и т.п. Для подтверждения подобных далеко идущих выводов требуется тщательное сопоставление имеющихся археологических материалов с данными сравнительно-исторического языкознания, антропологии, этнографии, генетики и других смежных наук.

Например, Е.И. Крупнов, связывая этногенез чеченцев и ингушей с носителями каякентско-харачоевской культуры, одновременно отмечал наличие в вос-

---

[100] Герасимов М.М., Тихонов А.Г. Очерк палеоантропологии Дагестана эпохи бронзы и раннего железа // Аладродии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С. 96–97.

[101] Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 50; Марковин В.И. Каякенто-харачойская культура… С. 352.

[102] Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси, 1987. С. 70, 73; История Дагестана с древнейших времен… Т. 1. С. 92–93.

точных районах этой культуры отличного, так называемого восточно-кавказского расового типа[103]. Напомним, что население горного Дагестана относится к кавкасионскому расовому типу, что сближает его с нахами. А на равнинах и предгорьях Дагестана распространен каспийский расовый тип, предположительно сформировавшийся на территории Афганистана и Северной Индии.

Уже один этот факт указывает на серьезные различия в этногенезе населения горной и равнинной частей Дагестана.

Известно, что лингвистические реконструкции, как и генетические данные, фиксируют процесс этноязыкового разделения со значительным опозданием. Попытка установить время разделения принятой в течение длительного периода в науке концепции нахо-дагестанской языковой общности на основании сопоставления различных генетических кластеров, характерных для этих народов, с использованием генеалогической и эволюционной скорости мутирования, показала значительный разброс в датировках по отдельным кластерам, крайние пределы которых составили 4800–700 лет назад. Притом что лингвистическая датировка этого события составила 5600 лет назад. Что усиливает как раз версию раннего распада прасеверокавказского языка на три ветви – западно-кавказскую, центрально-кавказскую и восточно-кавказскую (причем произошедшего не на территории Северного Кавказа). Однако родство между отдельными группами нахов и дагестанцев могло сохраняться и после того, как группы уже разошлись между собой. Следует учитывать также вероятность того, что в своем движении из Северо-Западного Ирана на Северо-Восточный Кавказ носители дагестанских (восточнокавказских) языков постоянно вбирали в себя носителей нахских генетических кластеров. Что подтверждается и наличием хуррито-урарто-нахских заимствований в дагестанских языках, в первую очередь, в лезгинских. Длительное соседство нахов и дагестанцев уже на Северо-Восточном Кавказе также должно было найти отражение не только в наличии большого числа нахских заимствований в аваро-андо-цезских языках, но и на генетическом уровне в результате взаимных переселений с последующей ассимиляцией, смешанных браков и т.д. Так, на территории проживания пограничных Чечне аварцев, андийцев и дидойцев присутствует нахская топонимика и выявлены следы протонахского языкового субстрата. Наличие в горном Дагестане топонимов с общими нахо-аварскими формантами отмечал и К.З. Чокаев. Наконец, на генетические данные могли повлиять и взаимные миграции[104].

[103] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 85, 86.

[104] Балановский О.П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохандриальной ДНК и Y-хромосомы. Дисс… докт. биол. наук. М., 2012. С. 145; Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII века). Дисс…. канд. ист. наук. Ереван, 1988. С. 58; Чокаев К.З. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках // Труды Чечено-Ингушского НИИ языка, истории и литературы. Т. IX. Грозный, 1964. С. 63; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 424–425.

В целом лингвист И.М. Сигаури считает, что территории западного варианта каякентско-харачоевской культуры и восточного варианта кобанской культуры населяли именно нахские племена[105].

В любом случае сказанное выше позволяет предположить, что в ареале западного варианта каякентско-харачоевской культуры процесс окончательного этноязыкового разделения нахов и дагестанцев подтверждается, но с сохранением культурного родства. Есть, конечно, и иные мнения о древнем нахо-дагестанском языковом единстве, выраженные, к примеру, в капитальной монографии А.Г. Магомедова[106]

Зандакская культура. Статус самостоятельной археологической культуры она получила сравнительно недавно, благодаря усилиям, прежде всего, дагестанских исследователей, стремившихся доказать единство древностей юго-восточной Чечни (историческая область Ичкерия – Нахч-мохк) и Горного Дагестана. Датируется зандаксая культура XII–VI вв. до н.э. с выделением в ее истории трех периодов. Первый, продолжавшийся с XII по X вв. до н.э., представлен памятниками с богатым набором бронзовых изделий. Второй период, связанный с освоением железа, датируется с IX по 70-е гг. VII вв. до н.э. Третий период укладывается во временной промежуток с конца VII до IV вв. до н.э.[107] Таким образом, существование этой культуры пришлось на период перехода от поздней бронзы к железу.

Свое название культура получила от чеченского селения Зандак, рядом с которым был выявлен обширный могильник эпохи средней бронзы – раннего железа. Ареал зандакской культуры часто обозначают в границах на севере от чеченских селений Гуни и Курчалой к Ишхой-Юрту и далее к современному дагестанскому г. Хасав-Юрту, а на юге близко к Дербенту. Известна также точка зрения, согласно которой зона распространения зандакской культуры простирается от с. Курчалой в предгорьях Чечни до Апшеронского полуострова в Азербайджане[108].

Для зандакской культуры характерны поселения, расположенные в труднодоступных местах. Достаточно разнообразны типы жилищ – от полуземлянок, расположенных группами, до многокамерных помещений с единой кровлей. В керамике представлены лепные сосуды, подавляющее большинство которых нигде более не встречается. Среди оружия – бронзовые боевые топоры, бронзовые подтреугольные черешковые кинжалы, бронзовые черешковые кинжалы с длинными клинками, биметаллические кинжалы «кабардино-пятигорского» типа, наконечники стрел и т.д. Для могильников характерны каменные ящики, расположенные правильными рядами. Тела умерших укладывались в скор-

[105] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. II. С. 469.

[106] Магомедов А.Г. Именные (грамматические) классы восточнокавказских языков: система и история. Махачкала, 2006.

[107] Зандакская культура // URL: https://sites.google.com/site/civilizacium/home/arheologia/zandakskaa-kultura.

[108] Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су. Северо-Восточный Кавказ. М., 2002. С. 149.

ченном положении на правом или левом боку. Погребальный инвентарь детей ограничен специально изготовленными украшениями, игральными костями и миниатюрными ритуальными сосудиками. В погребениях встречаются остатки заупокойной пищи – кости коровы, овцы, козы, коня, теленка, свиньи и собаки. Иногда рядом с костями погребенных обнаруживаются угольки[109].

Далеко не все исследователи согласны с выделением памятников зандакского типа в отдельную археологическую культуру. Тот же Зандакский могильник, давший ей название, чаще рассматривается как памятник смешанного типа между каякентско-харачоевской и кобанской культурами, а некоторые исследователи ототносят его, то к первой, то ко второй из них. Захоронения в каменных ящиках этого могильника по некоторым деталям погребального обряда тяготеют к каякентско-харачоевской культуре. Здесь же известны вторичные захоронения, характерные для катакомбной культуры, а также погребения в ямах. Керамика каякентско-харачоевского типа соседствует с металлическими изделиями кобанского типа. Отмечается также, что отдельные черты каякентско-харачоевской культуры, долгое время сохранявшиеся в зандакской культуре, доходят до скифо-сарматского времени и даже позднее[110].

§5. Этнополитические процессы в Передней Азии и Закавказье во II–I тыс. до н.э. Государство Урарту, армяне, нахи и курды

В I тыс. до н.э. в Верхней Месопотамии, Южном Кавказе и восточной части Малой Азии продолжается этногенез племен северокавказского (в т.ч. нахского) языкового круга; некоторые из них образуют государства (Урарту); другие сохраняются как самоуправляющиеся общества, объединяющиеся в федерации и союзы.

Освоение железа и его влияние на процессы политогенеза в Передней Азии. В различных регионах мира переход к использованию железа происходил в разное время и под влиянием различных факторов. Первые изделия из железа (в основном метеоритного), попавшие в руки археологов, датируются V–IV тыс. до н.э., но широкое распространение этого металла произошло гораздо позднее, так как железо без превращения его в сталь путем насыщения углеродом и соответсвующей закалки не имеет явных преимуществ перед бронзовыми изделиями. Предполагается, что секреты изготовления стальных изделий впервые были открыты и получили широкое распространение на Кипре либо в Малой Азии[111].

[109] См.: Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н. э. – XII в. н.э.): Дис… д-ра ист. наук. М., 2005. С. 22–51; Зандакская культура: [Электронный ресурс]. URL: http://www. sites.google.com/site/civilizacium/home/arheologia/zandakskaa-kultura (дата обращения 14.10.2018).

[110] Марковин В.И. Каякенто-харачойская культура… С. 105, 106, 114, 149, 352.

[111] См.: Древнейшая металлургия Старого Света. IV советско-американский симпозиум по археологии (Тбилиси – Сигнахи, 28 сент. – 5 окт. 1988 г.) // Вестник древней истории. 1990. № 2 (193). С. 231.

В Передней Азии очаг зарождения железной металлургии включал Малую Азию, Армянское нагорье, Южный Кавказ в целом и Северо-Западный Иран. Так, на территории Колхиды археологами открыта самая древняя, из известных на сегодня, железоплавильная печь, датируемая XIV в. до н.э.[112]

Появление железных и стальных орудий труда заметно увеличило эффективность труда. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что выплавка и обработка железа обходились дешевле, чем производство бронзы, а железорудные месторождения распространены многократно шире, чем месторождения меди, на основе которой изготавливалась бронза. Гораздо доступнее стало и железное оружие, по своим качествам, как минимум, не уступавшее бронзовому. Не случайно, в богатых захоронениях Передней Азии XII–X вв. до н.э. предметы вооружения из бронзы находят в богатых захоронениях, а оружие из железа – в погребениях простых воинов. В целом, появление стального оружия вызвало настоящую революцию в военном деле и способствовало милитаризации раннеклассовых обществ (это обстоятельство отразилось и на процессах политогенеза)[113].

Значительно возросшая эффективность армий древних государств региона сделала возможным изъятие добавочного продукта за счет внешних ресурсов без привлечения торговли, что, в свою очередь, привело к созданию империй. С их появлением началась новая общественно-историческая фаза – фаза развитого древнего общества, сопровождавшаяся переменами в технологии (прежде всего, военной), в государственном устройстве, а также в области социальной психологии. Началась эпоха грандиозных военных завоеваний, вносивших радикальные перемены в структуру обществ[114].

Миграции эпохи раннего железа в регионе Передней Азии обычно рассматриваются в рамках более широкого перемещения этнических масс, известного как Великое переселение народов древности, начавшегося еще в период поздней бронзы. Освоение железа и особенно высококачественного стального оружия придало новый импульс миграционным процессам. Основной вид миграции эпохи раннего железа – переселения племенных союзов, находившихся на доклассовой (догородской) стадии развития[115].

[112] Арешян Г.Е. К исследованию общих закономерностей освоения природных ресурсов древними культурами // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сб. докладов). Ереван, 1990. С. 63; Хаху– тайшвили Д.А. Заметки по истории металлопроизводства и металлообработки в Древней Колхиде // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпо– зиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси, 1987. С. 57.

[113] См.: Арешян Г.Е. К исследованию общих... С. 61–63; Дьяконов И.М., Якобсон В.А., Янковская Н.Б. Общие черты второго периода Древней истории // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983. С. 5–7.

[114] Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М., 2007. С. 45–46.

[115] Саликов Е.А. Типы древних миграций (этносоциальный аспект): Автореферат

В конце II – начале I тыс. до н.э. происходит широкое расселение новых индоевропейских народов, наиболее заметными из которых стали кельтские, германские, дорийские, индоарийские, иранские племена, расселявшиеся как в Европе, так и в Азии. В конечном итоге эти переселения привели к почти полному или частичному растворению древнейших кавказоговорящих этнических групп в Европе, Средиземноморье, Малой Азии, Иране и Средней Азии. Одновременно на юге уже семитизированного Ближнего Востока начинается новое расселение арамейских племен.

На Кавказе в это время впервые отчетливо наблюдаются транскавказские перемещения больших масс степных племен. Так, на рубеже II–I тыс. до н.э. через Восточное Закавказье до южного побережья оз. Урмия прошла миграция носителей степных культур из Нижнего Поволжья[116]. Позднее через Кавказ с севера на юг пройдут многочисленные племена киммерийцев и скифов, которые сыграют в кавказском регионе и на Древнем Востоке известную роль. Еще одним фактором, влиявшим на политогенез в регионе, являлось вовлечение Кавказа, населенного главным образом автохтонными племенами с исконно кавказскими языками, в непосредственно орбиту влияния крупнейших государств того периода, проводивших активную имперскую внешнюю политику.

Древнее Урарту (Уруатри). Первичный ареал обитания урартских племен исконно кавказского языкового круга включал территорию вокруг оз. Ван и прилегающую к ней с востока область Мусасир (Муцацир) в верховьях р. Большой Заб. Первое упоминание об урартских (уруатрийских) племенах содержится в одной из победных надписей ассирийского царя Салманасара I (1280–1261 гг. до н.э.), в которой перечисляются восемь «стран» Уруатри, с которыми ему пришлось вести войну. Возможно, упомянутые восемь стран составляли объединение, в котором обычно видится не полноценное государство, а племенной союз[117].

Ассирийская военная угроза для урартов и их ближайших соседей сохранит актуальность на протяжении почти трехсот лет, что в немалой степени будет способствовать, с одной стороны, расширению антиассирийского объединения сначала до 43, а затем и до 60 царств, а с другой – ускорит процесс формирования урартского государства[118], которое громко заявит о себе в IX в. до н.э. Начиная с 879 г. до н.э., в ассирийских источниках на смену стандартной фразе

дисс… канд. ист. наук. М., 1972. С. 13–14.

[116] Котович В.М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 8.

[117] История армянского народа: С древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980. С. 16.

[118] См: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван, 1968. С. 99; Меликишвили Г.А. Население северных областей Наири – Урарту и его роль в древневосточной истории // XXV международный конгресс востоковедов. М., 1960. С. 12; Сукиасян А.Г. Очерк истории и права Биайнили-Урарту (880–590 гг. до н.э.). Ереван, 1975. С. 22; Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Древний Восток. Учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 376.

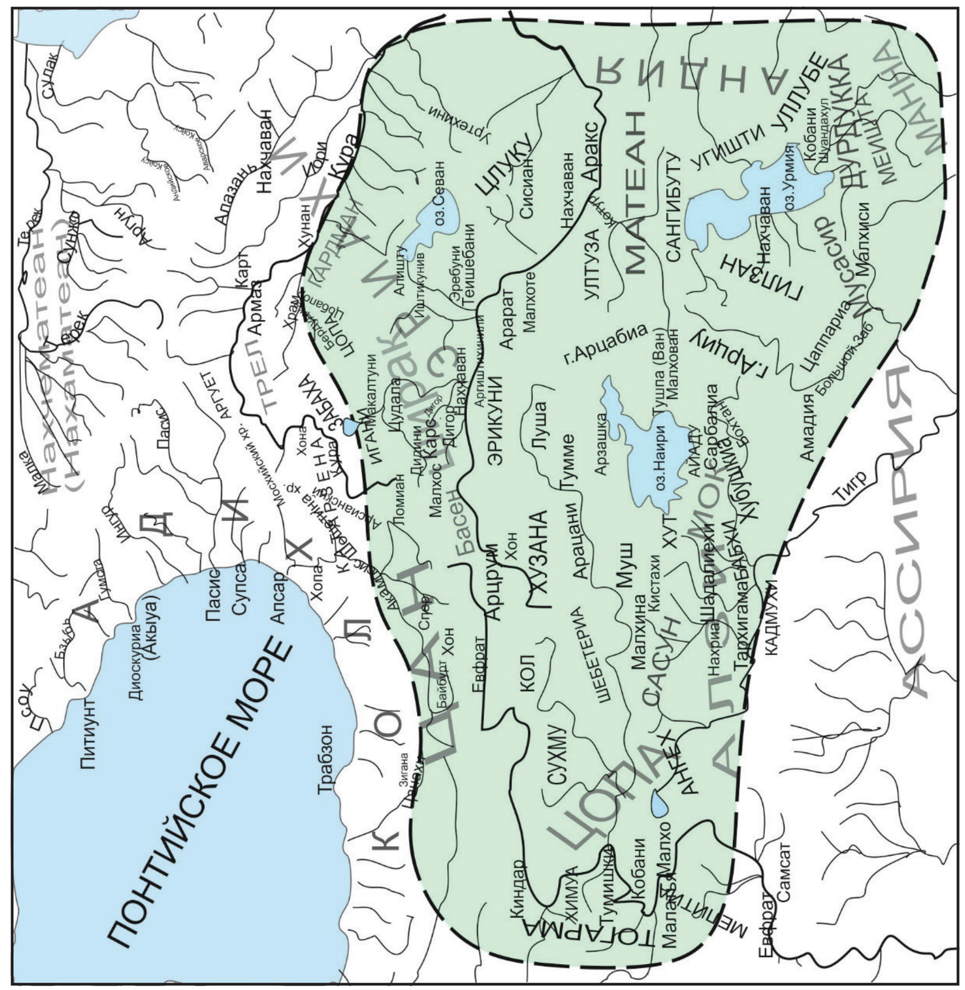

Рис. 17. Основная территория государства Урарту с обозначением городов и областей (с использованием карты из книги: Г.Д. Гумба. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н. э.). Сухум, 2016)

народы «страны Наири» приходит словосочетание «страна Наири», что можно рассматривать как признание факта появления новой державы под властью одного правителя-царя[119]. Еще одно самостоятельное урартское государство образовалось в области Мусасир, ставшей своего рода буфером между Урарту и Ассирией.

Центр государства Урарту располагался на восточном берегу оз. Ван, где стояла урартская столица Тушпа (или Туршпа), но главная общеурартская религиозная святыня – храм бога Халди находился в столице Мусасира – г. Ардини. Собственное название Урарту звучало как Бийанили[120].

Некоторым исследователям Урарту-Бийанили представляется в виде типичной военной державы, в годы расцвета существовавшей ради непрерывных походов, целью которых была, прежде всего, военная добыча, приобретение данников и захват пленных. Прямые аннексии территорий диктовались в основном стратегическими соображениями. Почти вся внешнеполитическая деятельность Урартского государства протекала в войнах с Ассирией, у которой урарты якобы «очень широко копировали военную и административную, а иногда и культурную практику, и в каком-то смысле вся их государственность была сколком с Ассирии»[121].

Как представляется, указанная точка зрения не учитывает тот факт, что Урарту (как и Ассирия) возникло и развивалось в традициях древней переднеазиатской (шумерской и хуррито-митаннийской) государственности, для которой характерно наличие обширного царского и храмового хозяйства, а основную часть населения составляют свободные общинники.

Довольно долго Урарту не имело общей границы с Ассирией – как уже отмечалось, их разделяла территория Мусасира и страны Хубушкиа, основную часть населения которой составляли близкородственные урартам хурриты. С юго-запада к границам Урарту прилегала область Шубриа, а с запада – Цупа (Цупани), обе населенные также хурритами или близким к ним населением. К северу от коренной территории Урарту можно предполагать зону расселения родственных урартам кавказских племен.

Расширение Урарту. При царе Ишпуини (825–810 гг. до н.э.) и его наследнике Менуа (810–786 гг. до н.э.) Урарту значительно расширило свою территорию за счет присоединения владений Ассирии в верховьях Евфрата и Тигра. Были захвачены также территории на западном берегу оз. Урмия. Урартским царям подчинились, наконец, и правители Мусасира. На севере границы Урарту продвинулись до горы Арарат.

Тем самым было положено начало длительному соперничеству с Ассирией, которое в значительной мере объяснялось стремлением обоих государств уста-

[119] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М., 2005. С. 72.

[120] См.: Арутюнян В.А. Бийанали (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики. СПб., 2006.

[121] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Древний Восток... С. 376.

новить контроль над торговыми путями ближневосточного региона, включая транзитную торговлю металлами.

При Аргишти I (786–764 гг. до н.э.) урартское влияние распространилось на западе за р. Евфрат, а на востоке – на весь приурмийский бассейн до р. Диялы. На севере в состав Урарту были включены закавказские территории вплоть до р. Чорох, истоков Аракса и Куры и оз. Севан. Преемник Аргишти Сардури II (764–735 гг. до н.э.) расширил сферу влияния Урарту в Северной Сирии, однако вынужден был вести ожесточенную борьбу в приурмийском районе против Ассирии за контроль над хурритским царством Мана. Таким образом, Урарту-Бианили превратилось в великую региональную державу.

Закат Урарту. Неудачный исход очередной войны с Ассирией привел к сокращению территории Урарту и возникновению серьезной внутренней смуты, победителем из которой вышел Руса I (735–713 гг. до н.э.). Ему удалось даже расширить урартские владения в Закавказье и отразить нашествие киммерийцев, прошедших через Кавказ из степей Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа. Однако новое военное столкновение с Ассирией в 714 г. до н.э. завершилось жестоким поражением, после которого Руса I (если верить ассирийским источникам) покончил жизнь самоубийством. Хотя и сильно ослабленное, Урарту все же сохранило независимость, но его внешнеполитическое положение значительно ухудшилось.

Киммерийцы сумели закрепиться в восточной части Малой Азии, а на северо-востоке от Урарту обосновались скифы, прорвавшиеся сюда через Восточный Кавказ. Тем не менее, новые урартские правители сумели расширить свои владения в Закавказье в направлении к Каспийскому морю, а в целом стабильное состояние Урарту сохранялось до середины VII в. до н.э. Примерно в 643 г. до н.э. урартские цари вынуждены признать себя ассирийскими вассалами, что, однако, не оградило их от нового натиска скифов, которые в 635–624 гг. захватили ряд областей Урарту. В 616 г. Урарту было втянуто на стороне Ассирии в неудачную войну с Вавилонией и Мидией, завершившуюся в 610 г. уничтожением ассирийского государства. Урарту вновь оказалось на положении зависимого государства, но теперь уже от Мидии, а затем было полностью аннексировано мидянами около 590 г. до н.э. в ходе лидийско-мидийской войны[122].

Урарту и Кавказ. Приведенный выше краткий экскурс в историю Урарту наглядно показывает, что в период своего могущества, как минимум, значительная часть Закавказья входила в состав этого государства. Имеются также основания полагать, что временами границы влияния Урарту доходили до Каспийского и Черного морей. В настоящее время нет достоверных сведений о расширении границ Урартского царства до Северного Кавказа, но при этом хорошо известно, что сфера его политического и культурного влияния распространялась далеко за пределы этой великой страны, а значит, в периоды наивысшего могущества вполне могла охватывать и центральные районы Закавказья (севернее Куры и Аракса), граничащие с Северным Кавказом через

[122] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Указ. соч. С. 377–378; Сигаури И.М. Очерки истории… Т. I. С. 98–114.

Главный Кавказский хребет. Народы Кавказа с древнейших времен, безусловно, испытывали – в той или иной степени, политическое и культурное влияние крупнейших древневосточных государств и находились в каких-либо контактах с их жителями.

В любом случае, расширение сферы господства Урарту сопровождалось усилением его культурного и религиозного влияния на подвластных территориях, и именно этим может быть объяснено, например, сходство между многими урартскими и нахскими божествами (Тушоли, Тушпа и др.). Следует также учитывать, что на обширной территории от Северного Кавказа до Месопотамии с глубокой древности проживали родственные племена общего происхождения, принадлежавшие к одной исконно кавказской языковой группе (большинство языковедов считают население Урарту принадлежащим к восточно-кавказской, нахо-дагестанской или преимущественно урарто-нахской языковой группе.

Переселенческая политика правителей Урарту в Южном Закавказье. Хорошо известно, что правители древневосточных государств, в том числе и Урарту, достаточно широко практиковали переселения больших масс людей. Так, по сообщениям ассирийских и урартских клинописей, цари обоих государств неоднократно переселяли жителей Дурдукка, Меишта, Мусру, Манна и других завоеванных областей на запад, в долину Евфрата и Арацани, на земли Хатти, Цопа, Ангех (Ангех-тун), Алзи, Тогарма и др. Не стала исключением и вошедшая в состав Урарту часть Закавказья. Имеется достаточно свидетельств, что урартские цари проводили в этом регионе активную переселенческую политику, одним из последствий которой стало увеличение этноязыковой пестроты в подконтрольной им части Закавказья.

Так, не вызывает сомнения, что расширение границ Урарту на север сопровождалось появлением на завоеванных территориях уже и урартского населения. Это дает основание полагать, что северный ареал расселения урартов со временем достиг среднего течения р. Аракс и Араратской долины[123].

Что касается предшествовавшего урартам населения Араратской долины и территорий, прилегающих к оз. Севан, то урартские письменные источники ограничиваются простым перечислением завоеванных здесь стран (например, Аза в Араратской долине или Этиуни возле оз. Севан) и отдельных племен: ига, луша, катарза, велику[124].

По поводу этнической принадлежности населения указанных районов высказано немало противоречивых суждений. Но, как уже отмечалось, в эпоху средней бронзы в этой части Закавказья широко расселились носители кавказионского расового типа, характерного для центральных районов Кавказа. Это позволяет видеть в них преимущественно нахоязычное население. Другие ис-

[123] См.: Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 216 Очерки истории Грузии. В 8 т. Т. 1. Тбилиси, 1989. С. 196; Сигаури И.М. Очерки истории… Т. IV. С. 376; и др.

[124] Арутюнян Н.В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966. С. 80–81; Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 11–12.

следователи название страны Этиуни/Этиухи связывают с восточнокавказской (древнеалбанской или удинской) этноязыковой общностью[125].

При этом нельзя игнорировать и известные факты достаточно частых миграций внутри кавказского региона, вызванных экономическими, климатическими, военными и другими причинами.

Армина, мушки. Завершающий этап существования Урарту характеризуется ускорением процессов политогенеза в отдельных этноязыковых сообществах, входивших в состав урартского государства или оказавшихся в соседстве. Прежде всего, можно назвать древнеармянское «царство Армина», которое, по мнению ряда исследователей, возникло рядом с Урарту еще до его окончательного крушения. Области расселения тех же хурритов, урартов и носителей родственных языков к середине I тыс. до н.э. по разным причинам сокращаются.

Еще в XII в. до н.э. в регионе Верхнего Евфрата появились фрако-фригийские племена «восточных мушков», пришедшие с Балкан. Частью они основали здесь собственные княжества, а частью селились на территории соседних государств (Ассирия, Урарту, позже Мидия), признавая власть их царей. В первой половине I тыс. до н.э. на основе этнической общности верхнеевфратских мушков сложилась древнеармянская народность.

Античная традиция еще сохраняла утраченную позднее память о происхождении армян, заявляя в краткой форме, что они – «отселенцы» от фригийцев. Историческая традиция армян передает историю борьбы их предков с ассирийской царицей Шаммурамат-Семирамидой (ок. 800 г. до н.э.) – его реальной исторической основой являлась оборона верхнеевфратских мушков от ассирийских нашествий в IX в. до н.э. С течением времени основным центром сосредоточения древних армян стало позднехеттское царство со столицей в Мелиде на Верхнем Евфрате, официально именовавшееся «Хатти». По-видимому, во времена нашествия скифов (ок. 630 г. до н.э.) не без их участия власть в Мелиде перешла к армянской династии Ервандидов; тем самым было создано первое древнеармянское царство, сохранявшее старое название «Хатти» (откуда, вероятно, идет самоназвание армян «хайк»), а соседям известное как «Армина» (откуда привычное античное название «Армения»). В конце VII – начале VI вв. до н.э., в период утверждения ираноязычных мидян на Армянском нагорье, Армина расширила свою территорию на восток за счет гибнущего Урарту, но должна была, после нескольких столкновений, признать свою зависимость от Мидии, сменившуюся затем многовековой зависимостью от Персидского царства во главе с династией Ахеменидов[126].

Киммерийцы. Еще одним народом, на короткое время создавшим свою то ли протогосударственность, то ли кочевническую федерацию на Ближнем Вос-

[125] См.: Меликишвили Г.А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 10; Мещанинов И.И. Доисторический Азербайджан и урартская культура // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. С. 10; Сигаури И.М. Очерки истории... Т. IV. С. 375.

[126] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Указ. соч. С. 378–379 и др.

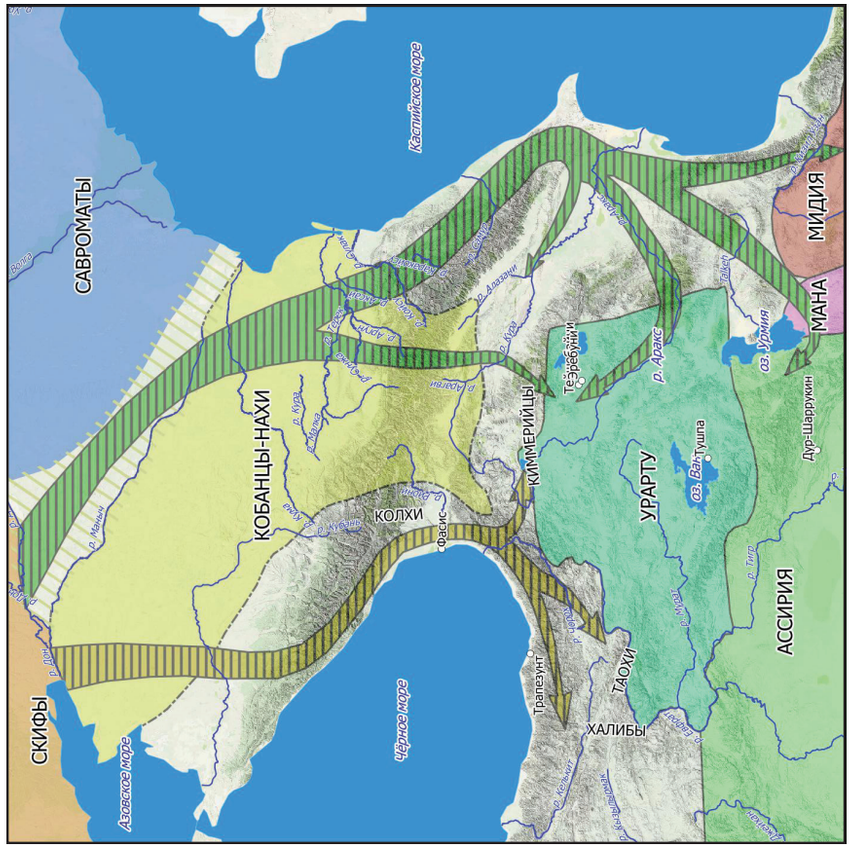

Рис. 18. Походы киммерийцев и скифов в Закавказье и Переднюю Азию в VII в. до н. э.
Условные обозначения:
– Поход киммерийцев
– Поход скифов

токе, были степняки-киммерийцы из Северного Причерноморья и Приазовья, проникшие в западное и, возможно, в центральное Закавказье еще в VII в. до н.э. О происхождении киммерийцев существуют противоречивые мнения, но большинство исследователей считает их народом, принадлежавшим к иранской языковой семье. Оказавшись в Закавказье, они вначале вступили в военный конфликт с Урарту, а затем, в 70-х годах VII в. до н.э., уже будучи в союзе с урартским царем Русой II, разгромили ведущее государство Малой Азии – Фригию. Какое-то время киммерийцы, возможно, преобладали в Малой Азии[127].

Скифский фактор в Предней Азии и Закавказье. Конец киммерийской гегемонии в Малой Азии положили скифы – также одно из иранских кочевых союзов племен среднеазиатского и центральноазиатского происхождения. Двинувшись не позже VII в. из своих кочевий в Северном Причерноморье, они прошли Северный Кавказ и попали в Восточное Закавказье через Дербентский проход. Разграбив практически весь Ближний Восток (дойдя даже до Египта), скифы на несколько десятков лет задержались в областях, охватывающих верховья Тигра и Ефрата, Западный Иран и восточную часть Закавказья. Скифы и возглавляемое ими племенное объединение сыграли большую роль в истории VII в. до н. э. на Ближнем Востоке. В частности, важное значение имел союз между скифами и древним хурритским государством Манной, а затем и Мидией[128].

Возникновение Мидийского царства. У Мидийского царства, сыгравшего определенную роль в истории восточно-кавказских и нахских объединений, была своя достаточно сложная предыстория. Существует точка зрения, что первые государственные образования на территории современного Ирана, включая обширный горный регион Загроса, возникшие еще в середине III тыс. до н.э., были разрушены в XVIII–XVII вв. до н.э. массовым переселением индоевропейцев-ариев (индоиранцев). Сохранились только окраинные, западные и юго-восточные государства прежнего Ирана – загросские «номовые» княжества, Элам и царство Варахше. Вторая волна индоиранского расселения в регионе (середина – третья четверть II тыс. до н.э.) привела к тому, что из старых княжеств и царств уцелел только один Элам. Прочих неиндоевропейцев Ирана пришельцы-арии якобы ассимилировали или оттеснили в труднодоступные и малоплодородные местности, где они в качестве племенных реликтов просуществовали еще много столетий до окончательной иранизации[129].

Однако имеющиеся письменные источники еще в начале I тыс. до н.э. уверенно фиксируют к востоку от Месопотамии и в северо-западной части Ирана значительное количество этноязыковых общностей, явно не иранского и не индоевропейского происхождения: кутиев, лулубеев, касситов и др. Ираноязычные мидийцы появились в Северо-Западном Иране только в начале IX в. до н.э., переселившись, скорее всего, из Средней Азии. Часть исследователей допускает, что мидийцы могли пройти из-за Каспия через Северный Кавказ, дви-

[127] Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. Кн. 1. Баку, 2012. С. 281–282.

[128] Дьяконов И.М. История Мидии… Кн. 1. С. 282.

[129] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Указ. соч. С. 415.

гаясь вдоль побережья Каспийского моря. Со временем мидийцы расселились на пространстве от р. Аракс и гор Эльбурс на севере Ирана до провинции Парс на юге; от гор Загроса на западе до пустыни Деште-Кевир на востоке. При этом расселение мидийцев носило характер не военного завоевания, а сравнительно мирного проникновения.

В социально-политическом плане территория, на которой расселились мидийцы, была далеко не однородной. К концу II – началу I тыс. до н.э. западная часть Мидии находилась на пороге создания городской цивилизации и классового общества. В наиболеее развитых районах государственные образования уже сложились или находились на стадии формирования, в горных и других более отсталых районах они только намечались.

Среди первых государственных образований на будущей территории Мидии ведущая роль первоначально принадлежала мелким государствам луллубейско-кутийской области Замуа. Позже среди них на первое место выдвинулось государство Манна с центром на равнине к югу от озера Урмия, существовавшее отдельно от мидийского племенного союза, оформившегося в более южных и юго-восточных районах[130].

Мидяне традиционно делились на шесть племен – бусов, паретакенов, струхатов, аризантов, будиев и магов, из которых ясную иранскую этимологию имеет только одно – аризанты, название которых происходит от иранского aryazantu «племя ариев». Для названий остальных мидийских племен не найдено убедительной индоевропейской этимологии, как, впрочем, и для более чем половины собственных имен мидийцев, дошедших от IX–VIII вв. до н.э. Это позволяет сделать вывод, что основная масса мидян состояла из кутийских, эламоязычных и т.н. «каспийских» племен, а собственно мидийский язык иранской группы стал общим межплеменным языком нового союза. В течение IX–VII вв. до н.э. районы нынешнего Иранского Азербайджана и Иранского Курдистана оставались по языку не иранскими (вероятно, здесь наличествовали языки восточно-кавказских и родственных кутийско-луллубейских групп). Лишь восток Мидии, район нынешних Тегерана и Исфахана, был полностью охвачен иранским языковым элементом, занесенным коневодческими племенами из Средней Азии. Таким образом, мидийский племенной союз изначально сложился на основе взаимодействия пришлых иранцев с местными «кутийско-каспийскими» племенами[131]. Позже, с продвижением Мидии на запад, в зону ее влияния вошли и хурритские племена. В течение нескольких веков мидийцы и другие этноязыковые сообщества Северо-Западного и Центрального Ирана были вынуждены защищаться от ассирийских нашествий. В конце IX – начале VIII вв. до н.э. Ассирии покорились все земли вплоть до Каспия и пустыни Дешт и-Кевира в центре современного Ирана. Ее влияние в этих областях с некоторыми перерывами сохранялось до начала VII в. до н.э.

[130] Дьяконов И.М. История Мидии… Кн. 1. С. 158–161.

[131] Дьяконов И.М. История Мидии… Кн. 1. С. 162–165, 168; Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Указ. соч. С. 420.

Появление в VII в. до н.э. скифов на северо-западе Ирана придало новый импульс процессам политогенеза у мидян. Уже в 673 г. до н.э. мидяне с помощью скифов свергли ассирийское господство и сформировали самостоятельное государство со столицей в Экбатанах и даже подчинили себе Северный Иран. В 625 г. до н.э. вожди скифов, якобы претендовавшие на власть в Мидии, были истреблены во время какого-то празднества – расправу над ними восточная и античная традиции приписывают правителю Мидии – царю Киаксару. С этого времени начался период возвышения Мидийского царства, которое после уничтожения Ассирии вошло в число великих держав древности. Мидийцами было окончательно уничтожено и некогда великое Урартское государство[132].

Кавказоязычное население Мидии. Согласно ассирийским письменным источникам, к концу VIII в. до н.э. современный Иранский Азербайджан недалеко от границ Ассирии населяли кутии и лулубеи/лулумеи. Здесь же упоминается и мехранский язык. Основу населения присоединенной в ходе покорения Урарту области Манна составляли хурриты, а ближе к побережью Каспийского моря, в нижней половине долины Кызыл-узена и далее к северу, существовали мелкие царства, заселенные племенами, которые античные авторы называли впоследствии гелами, кадусиями, каспиями и т.д. – по всей вероятности, родственными кутиям, а также полукочевыми мардами (или амардами) и сагартиями античных авторов[133]. Как уже отмечалось, кутиев большинство исследователей склонно причислять к носителям восточно-кавказских или дагестанских языков, а лулубеев в языковом отношении чаще связывают с эламитами, хотя полной ясности в этом вопросе нет. Иранизация основной массы эламитов произошла не ранее рубежа старой и новой эры, а остатки их населения употребляли родной язык вплоть до X в. н.э. (иранизированными потомками эламитов считаются современные горцы Юго-Западного Ирана – бахтиары и луры)[134].

Кавказоязычное население Мидии было реальностью и для греческих авторов периода античности, у которых мидийцы, жившие на территории Армении, названы матиенами или матианами. В ассирийских письменных источниках термином Мати называлась область, окаймляющая с южной стороны оз. Урмия. В целом матиены локализуются к югу и западу от оз. Урмия, а также в долинах Аракса, Сакасене и области р. Галис. Традиционно их сближали с митаннийцами. Выдающийся языковед и историк К.М. Туманов видел в современных ему чеченцах Северного Кавказа отпрысков мидийцев/матианов, проживавших некогда в одной персидской сатрапии с урартами. Пережив последних, они окончательно исчезли из этнонимики Закавказья к началу VIII в. нашей эры[135].

[132] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Указ. соч. С. 421, 423–425.

[133] Дьяконов И.М. История Мидии… Кн. 1. С. 250.

[134] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Указ. соч. С. 413–414.

[135] Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья. (Из материалов по истории и языкознанию Кавказа) // Чеченский архив. (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. I. Грозный, 2008. С. 38–40, 76.

Таким образом, в конце II – начале I тыс. до н.э. нахо-хуррито-урартский этнический массив занимал территорию от Центрального и Северо-Восточного Кавказа до холмистых равнин Северной Месопотамии и Северо-Западного Ирана, а на западе – вплоть до Средиземного моря. При этом хурритоязычное население концентрировалось, скорее всего, в западной, южной и юго-восточной частях Армянского нагорья[136].

Однако, как мы увидим из последующих материалов, уже к середине I тыс. до н.э. единый массив кавказоязычных народов оказался в значительной мере размыт народами индоевропейского и картвельского происхождения. При этом в результате языковой ассимиляции древнего автохтонного населения порой возникали новые этнические сообщества и народы, одним из которых стали современные курды.

Курды. Они являются народом, сформировавшимся в результате длительного и сложного процесса этногенеза, в котором приняли участие, с одной стороны, древнейшее население Передней Азии, а с другой – пришлые ираноязычные племена. При этом и первые, и вторые были представлены значительным числом самостоятельных языков и диалектов, а миграции в ближневосточный регион ираноязычных пришельцев в общей сложности растянулись по времени более чем на тысячу лет. В результате, иранизация автохтонного населения в различных областях Северо-Западного Ирана, Армянского нагорья и восточных вилайетов современной Турции происходила в разное время и с участием различных этнических элементов.

Вероятно, этим объясняется наличие в курдском языке четырех крупных диалектов: курманджи, сорани, зазани и гурани, которые некоторые исследователи рассматривают в качестве самостоятельных языков[137]. В свою очередь, указанные диалекты распадаются почти на два десятка говоров и наречий.

В качестве возможных предков курдов различными исследователями называются древние племена кутиев, луллубеев, хурритов, касситов, мадов (мидийцев), кардухов, урартов, халдов, и др. Например, Н.Я. Марр этноним кардухи рассматривал как название курдов в древности[138].

При этом, естественно, некоторые из перечисленных этнических групп должны были сыграть доминирующую роль в формировании курдского народа. В зависимости от того, какому именно этническому элементу (индоевропейскому или автохтонному) отводится ведущая роль в курдском этногенезе, современные курды представляются то иранскими племенами, некогда мигрировавшими на территорию Курдистана, то потомками автохтонных племен Армянского нагорья, перенявшими иранскую речь.

[136] См.: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). М., 2017. С. 173–174; Языки Древней Передней Азии. Несемитские. М., 1979. С. 50, 51.

[137] См.: Пирейко Л.А. Заза язык // Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999. С. 73–77; Пирейко Л.А. Гурани язык // Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999. С. 77–85; Авалиани Ю.Ю., Бакаев Ч.Х. Курдский язык // Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999. С. 56–57.

[138] Марр Н.Я. Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 240.

Так, одно время популярностью пользовалась версия, согласно которой курды произошли от племени куртиев, некогда населявшего Северную Месопотамию и Иранское плато, о которых упоминают еще античные источники. Затем на первый план выдвинулась концепция В.Ф. Минорского о мидийском происхождении курдов. По его мнению, до прихода мидян северо-западная часть Иранского плоскогорья была занята небольшими царствами и племенами «местного происхождения», которые затем были поглощены новыми пришельцами. Со временем мидяне (Māda) покорили местные княжества, а затем и расширили границы Мидии вглубь Малой Азии. Эти завоевания, скорее всего, сопровождались значительным движением мидийских племен на запад. Захват Мидии персами около 550 г. до н.э. и последовавшие за ним неудачные восстания вызвали новое перемещение мидян на запад. Впоследствии один из полководцев Александра Македонского Атропат образовал новое царство – Малую Мидию, в котором, видимо, были собраны оставшиеся мидийские племена. При царях Парфии Аршакидах (248 г. до н.э. – 226 г. н.э.) в южном Азербайджане появились новые иранские племена с востока – парфяне, что также могло способствовать оттеснению части мидян на запад, в пределы нового армянского царства[139].

Таким образом, по версии В.Ф. Минорского, на протяжении нескольких столетий мидяне, постоянно перемещавшиеся на запад, смешивались с местными автохтонными народностями, передавая им свой язык и, в свою очередь, перенимая элементы местной культуры, что и привело к образованию новой этнической группы – курдов. В пользу этой версии говорит и то, что в армянском языке старым названием курдов является *мар*, что по законам армянского языка является точным соответствием древнему имени мидян Māda. Во времена Моисея Хоренского древних мидян давно уже не было, но характерно, что имя их армянский историк присваивает курдам своего времени[140].

Следует, однако, отметить, что в иранизации будущих курдов, помимо мидян, определенную роль сыграли и другие ираноязычные народы, например, персы при династии Ахеменидов (550–330 гг. до н.э.) и парфяне при династии Аршакидов. Неслучайно современные лингвисты рассматривают курдский язык как некое продолжение вымерших мидийского и парфянского языков[141].

Но и на парфянах курдский этногенез не завершился – в X в. н.э. имело место продвижение на запад племен прикаспийских горцев дайлами, которые, возможно, стали предками той части курдов, что говорит на диалекте заза/зазани. К началу XX в. заза проживали в горной области Дерсим у истоков Евфрата в юго-восточной части Турции, а их язык некоторые лингвисты до сих пор рассматривают как самостоятельный язык в группе северо-западных иранских

[139] Минорский В.Ф. Курды – потомки мидян. Публикация, предисловие и комментарии З.А. Юсуповой // Письменные памятники Востока. 2013. № 1 (18). С. 208–209.

[140] Минорский В.Ф. Курды… С. 210.

[141] Ефимов В.А. Предисловие // Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999. С. 9.

языков. В этой связи В.Ф. Минорский подчеркивал, что западные курды древнее, чем заза[142].

До сих пор не предложена убедительная этимологии этнонима *курд/курды*. Как полагают некоторые специалисты, термин *курд* имеет значение «кочевник, скотовод» и в середине V в. н.э. он служил для обозначения ираноязычных кочевых племен с военно-племенной структурой, обитавших в Южном и Центральном Иране[143].

Возможно, всем известная воинственность курдов и подвижный образ жизни, который они традиционно вели, стал причиной того, что со временем термин *курд* закрепился за ними в качестве общепризнанного этнонима. Однако уже упоминавшийся В.Ф. Минорский допускал, что этноним *курд* происходит от имени другого народа, территорию которого курды заняли[144].

И в этой связи стоит обратить внимание на сообщение Н. Адонца о том, что в области Кортчея жили куртии, которые считаются предками курдов. Но до появления куртиев живущих в границах этой же области автохтонов называли *матиани/матиены*[145].

Хурриты предки курдов? Сегодня общепризнано, что матиенами античные авторы называли хурритов и следовательно, курдов можно гипотетически считать народом, произошедшим от них. Представление, что курды как народ сложились на хурритской основе, в последнее время приобретает все большую популярность, однако оно все еще нуждается в серьезном научном обоснования. Например, установлено наличие в курдском языке хурритской лексики, но требуются дополнительные исследования, чтобы определить, послужил ли хурритский язык субстратом или адстратом для курдского. С хурритским (а также с истинно кавказскими языками) курдский язык сближает и наличие в нем эргативной конструкции, которая не свойственна иранским языкам.

Есть еще одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание. В лингвистическом плане курдские диалекты разошлись настолько далеко, что взаимопонимание между носителями некоторых из них исключено. Только наличие у всех курдов четкого сознания этнического единства позволяет классифицировать их как диалекты единого курдского языка[146].

В этом отношении курды оказываются очень похожими на хурритов, в языке которых ученые-лингвисты различают до шести диалектов[147]. Несмотря на это, а также на наличие большого числа независимых хурритских государств, хурритам было свойственно осознание своей принадлежности к одной этнической общности.

[142] См.: Минорский В.Ф. Курды… С. 210. Пирейко Л.А. Заза язык… С. 73.

[143] Курдоев К.К. Грамматика курдского языка. М.-Л., 1957. С. 15–16.

[144] Минорский В.Ф. Курды… С. 210.

[145] Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908. С. 418–419.

[146] Ефимов В.А. Предисловие… С. 11.

[147] Хачикян М.А. Диалектное членение хурритского языка. (Краткая сводка) // Древний Восток. Вып. 3. Ереван, 1978. С. 40–41.

В антропологическом плане среди курдов преобладает каспийский расовый тип, широко представленный в восточных областях Кавказа. Но достаточно широко представлен и переднеазиатский (арменоидный) расовый тип. Это также указывает на разное происхождение.

Схожие результаты дают и генетические исследования, согласно которым курдская популяция демонстрирует довольно высокий уровень единства при наличии определенного сходства с некоторыми другими популяциями. Вместе с тем, спектр гаплогрупп, выявленных у курдов-езидов, указывает на их некоторые отличия от генофонда остальных курдов: гаплогруппы R-M198 и E-M96 встречаются у них в два раза реже[148].

Все это подтверждает, что этногенез курдов происходил с участием различных по своему происхождению популяций, но при этом основой для него послужила древняя этническая общность, обладавшая высоким уровнем антропологического и генетического сходства. В этой связи уместно будет отметить, что ареал сплошного расселения курдов полностью укладывается в предшествующую зону расселения все тех же хурритов и урартов.

Выводы. Во II тыс. до н.э. на территории Передней Азии сплошной ареал расселения исконно кавказоязычных народов сохраняется на пространстве от Месопотамии и до Кавказа включительно. При этом хурриты расселились на пространстве от Центрального Ирана до Восточного Средиземноморья, местами соседствуя с народами дравидского, семитского, индоевропейского и картвельского происхождения. В это время на Кавказе нет четких границ между носителями трех групп истинно кавказских языков, но в целом дагестанские языки тяготели к областям, прилегающим к западному побережью Каспийского моря; абхазо-адыгские языки – к восточному побережью Черного моря, а нахские языки занимали промежуточное положение между ними. Однако южнее, на территории Армянского нагорья, Малой Азии и Восточного Средиземноморья, скорее всего, могло иметь место их чересполосное расположение на границах языковых ареалов.

Расселение хурритов в эпоху средней бронзы привело к бурному росту государственных образований на большей части территории Сирии – Палестины, Верхней Месопотамии, Северного Загроса и юго-восточной части Малой Азии. В течение долгого времени в границах этого пространства развивалась особая цивилизация хурритов, служившая полем синтеза и передачи влияния самых разнообразных культур Ближнего Востока.

Наибольшего могущества среди хурритских государств в середине XV в. до н.э. достигло Митанни, контролировавшее территорию от Средиземного моря на западе до гор Загроса на востоке и соперничавшее с Египтом, Хеттской державой, Ассирией и Вавилонским царством. Вслед за крушением Митанни в середине XIII в. до н.э. усилился процесс поглощения хурритских государств более сильными соседями в лице, прежде всего, Хеттского государства и Ассирии.

[148] Успехи генетики (50 лет ВОГиС) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://orum.molger.org/index?topic=9472.0 (дата обращения 14. 10. 2018).

Одновременно под давлением индоевропейских народов с запада и востока, а также семитов с юга происходит заметное сокращение ареала расселения хурритов. В то же время области, населенные хурритами, в той или иной мере оказались интегрированными в новые государственные образования.

Последние века II тыс. до н.э. стали также начальным этапом этногенеза армян на территории Армянского нагорья, где они в культурном и физическом плане ассимилировались с местным населением, в первую очередь, с хуррито-урартами и нахами, отчасти – с индоевропейцами (индо-ирано-арийцами и лувийцами), но сохранили при этом исконный язык. В последующем языковой ассимиляции подверглось уже хуррито-урартское и нахское население, оставившее заметный субстратный след в армянском языке. Тем самым складывается армянская народность.

Что же касается носителей картвельских языков, то в эпоху средней бронзы наиболее вероятной кажется их локализация близко к юго-западному побережью Черного моря.

На Кавказе эпоха средней бронзы стала периодом яркого расцвета местной металлургии, которая не только резко увеличила импорт своих изделий в степную зону от Причерноморья на западе до Среднего Поволжья на севере и Приуралья на востоке. Подражание кавказским типам изделий отмечается на продукции и в целом самостоятельных центров металлургии в Нижнем Поволжье и Волго-Урале. К концу эпохи средней бронзы центром кавказского влияния на степные культуры становится Северо-Восточный Кавказ – именно здесь формировались новации, легшие в основу развития позднекатакомбных культур Предкавказья.

В то же время Кавказ, скорее всего, являлся источником снабжения Месопотамии и Египта изделиями из чистой сурьмы и сурьмяных бронз.

На территории Закавказья эпоха средней бронзы отмечена появлением ряда родственных культур, берущих начало в куро-аракской культуре: триалетской в центральной, кармир-бердской в южной и кизыл-ванкской в восточных частях Закавказья. Отдельно выделяется севано-узерликская группа памятников, а в западной части Закавказья развивается колхидская культура. Наивысшего уровня социально-экономического развития достигла триалетская культура, которую рассматривают как северную периферию Митанни. Ее носителями являлись хуррито-урарты и южнонахские племена, а само триалетское общество достигло предгосударственной стадии развития.

Одновременно в горных районах Северо-Восточного Кавказа под влиянием контактов на юге с алазано-беденской и триалетской культурами, а на севере – с северокавказской культурой, отмечено появление ряда оригинальных культур: гинчинской, великентской, присулакской, гатын-калинской, каякенто-харачойской, зандакской. Указанные культуры связываются с нахской и дагестанской этноязыковыми общностями.

Следует также отметить, что в первые века I тыс. до н.э. Кавказ впервые становится ареной передвижения значительных кочевых народов, в частности, киммерийцев и скифов, которые прорвались в Переднюю Азию и сохранили там свои племенные образования. Возникают и другие индоевропейские, уже

государственные образования, экспансия которых направлена на области расселения кавказоговорящих этносов. В частности, возникает Мидийское царство, которое со временем превратится в одну из великих держав мира и сыграет решающую роль в крушении Урарту. Вместе с тем, значительную часть населения Мидии изначально составляли народы кавказского происхождения, включая хурритов, которые зачастую служили субстратом в процессе складывания новых народов, к примеру, курдов.

Глава V.

НАХСКИЕ ПЛЕМЕНА В I тыс. до н. э.

§1. Древние общенахские этнонимы

Завершающий этап бронзы и начало эпохи железа. Весь комплекс данных свидетельствует о том, что племена, проживавшие на северных и южных склонах центральной части Главного Кавказского хребта, уже в конце II тыс. до н.э. вступили в стадию военной демократии, являющуюся последним переходным этапом на пути к становлению государственной формы организации общества. Характерные черты этой эпохи – постепенное слияние родственных племен и возникновение на их основе крупных племенных союзов, «хорошо документируются появлением богатых погребений племенных вождей»[1].

В I тыс. до н.э. – в жизни населения Центрального Кавказа происходят значительные перемены, обусловленные рядом причин как экономического, так и политического характера. Эти перемены знаменуют начало новой эпохи, и главная среди них – прочное освоение кавказскими племенами железоделательного производства. «Железо становится основным материалом для изготовления не только железного оружия, но и орудий производства. Последним определяется и качественно новый этап в развитии кобанской культуры на всей территории ее распространения»[2].

Указанный период характеризуется ростом производительных сил и обусловленным им повышением продуктивности различных отраслей производства, которые способствовали не только преумножению общественных богатств, но и увеличению численности населения.

В этих условиях еще больше усиливается значение имущественного и сословного неравенства, создаются предпосылки к возникновению государственности[3]. Эти процессы в различных районах Кавказа протекали неодинаково, но с началом железного века общая тенденция затронула все население и в том числе создателей знаменитой кобанской культуры, через территории которых пролегали важнейшие пути, соединявшие Древний Восток с Восточной Европой.

Источники о рассматриваемом периоде. Отдельные сведения об этносах, населявших Кавказ в I тыс. до н.э., содержатся в переднеазиатских клинописных источниках и сочинениях античных авторов. Отдельно следует упомянуть также

[1] Техов Б.В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и п.п. I тыс. до н.э. // МАДИСО. Т. 2, 1969. С. 52

[2] Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. М. 1989. С.261.

[3] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 69–70.

древнеармянские и древнегрузинские письменные памятники раннего средневековья, прежде всего т.н. «Армянскую географию» («Ашхарацуйц») VII в. н.э. и более позднее сочинение грузинского летописца Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей».

Несмотря на то, что армянские и грузинские летописные источники созданы через много веков после затрагиваемого нами времени, их ценность определяется тем, что писались они на основании более ранних письменных источников и преданий. Так, неизвестный автор «Ашхарацуйца», несомненно, опирался на сведения из античных источников, в частности, Птолемея, жившего во II в.н.э. Тот, в свою очередь, опирался на еще более ранних авторов и в своих работах зачастую приводил данные, восходящие к середине I тыс. до н.э. Это, конечно, приводило к определенному искажению реальной этнической карты Кавказа, т.к. в ней отражались этнические названия, представлявшие картину расселения племен более древней эпохи, в том числе тех, которые во времена Птолемея уже не существовали или были заменены другими именами.

В итоге на карту наносились все известные на тот момент названия, и каждому из них «выделялась» та или иная местность, что в конце концов приводило к «расширению» территории и искажению географических реалий. При этом, как правило, при перечислении племен первыми называются этнонимы, относящиеся к более ранним периодам, и именно они перемещаются к пунктам, с которых начинается описание тех или иных выделенных областей. Например, описание Птолемеем и автором «Ашхарацуйца» Азиатской (Кавказской) Сарматии начинается с берегов Танаиса (Дона), и туда же, естественно, смещается древняя (I тысячелетия до н. э.) этнонимика Северного Кавказа.

Несмотря на упомянутые сложности, сопоставительный анализ древних письменных источников с данными топонимики, этнографии и других смежных наук позволяет определить примерный круг древнейших этнонимов, которые можно соотнести с нахской этноязыковой общностью.

Малхи. Нахское происхождение этнонима *малхи* практически ни у кого не вызывает сомнения. Лингвистами (А.Н. Генко, Ю.Д. Дешериев, В.И. Абаев, К.З. Чокаев, И.Ю. Алироев и др.) установлено его происхождение от нахского слова, обозначающего солнце (чеченское и ингушское – *малх*, бацбийское *матх*, аккинское – *марх*) и состоящего из двух компонентов: *ма* значит «солнце»; *лх/тх* представляет собой название древнейшего верховного бога нахов. Следовательно, Малх означает «Бог солнца» и состоит из слов *ма* – «солнце», и *тха* – «бог».

Как хорошо известно, в древности практически у всех народов мира на определенной стадии их исторического развития большим почитанием пользовался культ солнца и огня. Все имеющиеся – археологический, языковый, этнографический и др. материалы отчетливо указывают на то, что культ солнца и огня был главным в древненахском языческом пантеоне.

Веским аргументом в пользу общенахского характера божества солнца Малха являются этногенетические предания чеченцев и ингушей. По одному из вариантов этногенетических преданий чеченцев легендарным родоначальником всех чеченцев был Молх – имя, которое восходит к Малх. А по преданию ингушей,

легендарным родоначальником всех ингушей является Мага. В данном случае к понятию ма (солнце) прибавляется, видимо, имя легендарного предка ингушей Га, в образе которого также прослеживаются яркие черты солярного культа. Так, по сказаниям, Га приходится сыном солнцу (Ма), носит медную обувь и в критические минуты всегда взывает о помощи к отцу-солнцу.

Все это ясно свидетельствует о том, что по этногенетическим преданиям имя мифического прародителя чеченцев и ингушей восходит к понятию Малх (Мага, Матх, Марх) – Бог солнца. Отсюда со всей очевидностью следует, что культ солнца и огня носил общенахский характер и бог солнца Малх являлся общенахским верховным богом.

В древности переход имени верховного божества в этноним был закономерным явлением. Именно под именем общенахского верховного божества Малх в I тыс. до н.э. нахи были известны древним абхазам и адыгам, что нашло отражение в фольклоре. В ряде сказаний абхазского нартского эпоса, относимых к древнейшим слоям, абхазские нарты часто сталкиваются с этнической группой, выступающей под названием *малхуз* (варианты – *мархуз, матхуз*), где формант-*уз* является этническим показателем (т.е. речь идет о малхийцах, варианты: мархийцы, матхийцы)[4].

Если судить по этим сказаниям, древние абхазы и *малхузы* (*матхузы, мархузы*) на протяжении длительного времени находились в тесном контакте друг с другом. Взаимоотношения малхов и абхазских нартов были многогранными: эти народы вместе совершали успешные военные походы против великанов, отражали нападения полчищ неких рыжих, светловолосых людей, иногда они враждовали между собой – в частности, на почве похищения невест и т.д.

В адыгском языке известен этноним *мыщхыщ*, которым адыги до недавнего времени называли вайнахов[5]. Нетрудно заметить, что в названии *мыщх* (или *мыщхыщ*, где конечная шипящая аффриката *(ы)щ* не исконна, а является характерным для адыгского языка приращением к терминам) имеем измененную форму *малх* (*малх>мыщх*) с закономерными переходами восточно-кавказских *а* и *л*, соответственно, в ы и щ западно-кавказских языков (*а > ы, л >щ*)[6].

Стоит вспомнить и современное осетинское название их восточных соседей ингушей – *махьал (макьал)*, *махьалон (макьалон)*, связь которого с нахским словом *малх/матх (магал)* кажется вполне очевидной.

В древнегреческих письменных источниках этноним *малх* отражен в форме *махли*. Замечателен в этой связи тот факт, что форма *махли* встречается также и у чеченцев. Как пишет М.Х. Ошаев, в горной Чечне его «информатор-чеченец считал себя потомком Махло, а о том, что осетины называют ингушей махьалон, он не знал»[7].

[4] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (1 тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016. С.60–61

[5] Коков Д.И. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 298.

[6] См.: Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик. 1976. С. 110–120; Абдоков А.И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик, 1983. С. 145–146.

[7] Ошаев М.Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой Ахт (Горная Чечня). АЭС. Грозный, 1966. Вып. 1. Т. 6. С. 158.

Этноним *малх* в нахской этнонимии находит реальное подтверждение в лице родоплеменной группы (тейп) малхийцев (малхий), населявших высокогорную историческую область Чеченской Республики Малхиста, расположенную на левом берегу Аргуна, между руслами рек Мешихи и БІастахи на современной границе с Грузией. Нахские *малхи* также названы среди народов Центрального Кавказа в грузинском письменном источнике XIII в.

Следы былого распространения этнонима *малх* обнаруживаются и в Закавказье. Еще А.Н. Генко сопоставил термин *гудамакар* с осетинскими названиями ингушей (*махьал*) и тушин (*гудан*). По его мнению, этноним *гудамакар* состоит из двух слов – *гудан* и *макар*, первое из которых – имя, которым осетины зовут тушин, а второе представляет собой измененное *махьал*; в итоге получаем значение «гуданские махьалы»[8].

В этой связи примечательно, что гудамакары, хевсуры, тушины и пшавы называли свою землю Самзео, «предполагая, что она является царством солнца, страной солнечников». В слове *самзео* компонент *мзе* означает «солнце», а начальная основа *са* – представляет собой грузинский префикс принадлежности. Однако не исключено, что в данном случае элемент *са* – это древненахское слово, означающее «земля, страна», которое в вайнахских языках обычно и образует топонимы, «сочетаясь, главным образом, с названием местностей и божеств»[9].

Есть все основания полагать, что в древности ареал поклонения божеству Малх выходил за пределы собственно Кавказа. В частности, между нахским Малх и переднеазиатским богом Ма (Малх) прослеживается не только формальное сходство, но и функциональное совпадение. На Древнем Востоке бог Ма был олицетворением божественной гармонии, великого закона вселенной, который властвует над всеми, отводя при этом каждому определенное место.

В Передней Азии в древности существовали культовые центры божества солнца Ма (например, центр поклонения Малатии, на правобережье Евфрата, Мазака – в Каппадокии и др.). С этим же божеством был связан и культ плодородия. Имя божества Ма лежит также в основе имени хурритов – маитани (матианы или матиены поздних греческих источников). Не исключено, что имя Ма («солнце»), восходящее, возможно, к пракавказскому (исконно кавказскому) языку, было заимствовано другими народами и таким образом получило широкое распространение в древневосточной мифологии. По мнению Н.Я. Марра, имена героев армянского и грузинского народного эпоса Мхер (Ме-her) и Амирани (А-мир-ан – от абхазского Амра-н) означают солнце и являются яфетическим (кавказским) пластом в армянском и грузинском языках. Сказания о Мхере и Амиране ученый рассматривает как одно из древнейших сказаний о боге солнца, превратившемся – как в армянском, так и в грузинском эпосе – в эпического героя[10].

[8] Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л., 1930. С. 709–710.

[9] Чокаев К.З. Из топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 150.

[10] Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 74–75.

Передней Азии известен ряд топонимов с именем Малх (Малхина). Область Малхина упомянута также в победной надписи ассирийского царя Ашшурнасирапала II (884–859 гг. до н.э.) в связи с его походом на Наири-Урарту в 879 г. до н.э.[11].

Предлагаемое сопоставление нахского божества Малх с переднеазиатским Малхом становится более обоснованным, если принять во внимание тот факт, что в нахском языческом пантеоне существует и ряд других божеств, тождественных с хуррито-урартскими, например: Тушпа (Тушоли, Теишейба,Тешуб)[12] и Цу (ЦIу) (ср. деление тушин бацбийцев на туш-бацой – тех, кто поклоняется божеству Туш, и цу-бацой – тех, кто поклоняется божеству Цу), а также Алале (Ала-лай), Эштар (Эштра), Нана, Эл и др.[13]

Со временем, с изменением исторической обстановки, а также этнической и политической ситуации, вероятно, произошла и смена верховного бога нахов.

Имя Малх, применявшееся для обозначения общенахского верховного бога, в процессе дальнейшего развития и расселения нахских племен, видимо, утратило свое первоначальное значение и превратилось в имя легендарного прародителя нахских народов – чеченцев и ингушей (Малх, Мага).

Былое широкое распространение этнонима *малх* подтверждается также наличием в центральной части Кавказа по обе стороны Кавказского хребта большого количество топонимов, производных от той же основы *малх*. При этом информация о местах проживания нахских *малхов* практически полностью совпадает с данными о территориях расселения нахских племен в древнеармянском и древнегрузинском источниках.

Нахчаматеанк/нахаматеане. Исследователями убедительно доказано бесспорное нахское происхождение этнонима *нахчаматеанк*, упомянутого древнеармянским географом («Ашхарацуйц») в перечне племен, обитавших в Азиатской Сарматии[14]. Этноним *нахчаматеанк* состоит из двух компонентов – *нахча* и *мат*, с прибавлением свойственного древнеармянскому языку окончания множественного числа *еанк*. *Нахча* представляет собой самоназвание нахского народа чеченцев *нахчуо/нохчуо*, причем в «Ашхарацуйце» отражена его первоначальная

[11] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи..., С. 213–216.

[12] Согласно К.З. Чокаеву, название урартского города Тушпа, образованное от имени бога Туш,переводится с нахских языков как место (поселение) бога Туш; па (пхьа) в слове Тушпа в нахских языках означает место, поселение (Чокаев К.З. Из топонимии... С. 144–153).

[13] См.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. М., 1963. С. 75–87; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 57; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 75–79; Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба. М., 1996. С. 270–273.

[14] См.: Патканов К.П. Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. СПб., 1877. С. 15; Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909. С. 67; Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Петроград, 1922. С. 44; Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей поры // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 35.

форма – *нахча (нахчуо)*. Что же касается компонента *мат*, то из-за того, что это слово в нахских языках имеет широкое распространение и употребляется в различных значениях (язык, земля, страна, место, племя, народ), в литературе существуют некоторые разногласия по поводу его значения в приведенном выше термине. К.П. Патканов, Я.С. Вагапов и др. переводят слово *мат* как «земля, страна нахчоев» или «место (поселения) нахчоев». Согласно К.М.Туманову, И.Д. Джавахишвили, Ю.Д. Дешериеву и др., слово мат происходит от общенахского исконного слова «язык» (чеч., инг. *мотт* (*муотт*), бацб. *мотт*), и термин *нахчаматеанк* означает «те, которые говорят на чеченском языке».

В трех из шестидесяти версиях «Ашхарацуйца» весто *нахчаматеанк* встречается вариант *нахаматеанк*. В связи с этим возможно, что в «Ашхарацуйце» нашло отражение первоначальное, древнейшее общее самоназвание чеченцев, ингушей, бацбийцев – *нах* (люди, народ), и термин *нахаматеанк* следует переводить не как страна нахчоев (или те, которые говорят на чеченском языке), а как страна *нахов* (или те, которые говорят на нахском языке)[15].

Здесь следует отметить, что возможность использования термина *нахаматеанк* в качестве этнонима в древних письманных источниках встретило возражения со стороны некоторых лингвистов, указывающих, что основа *нах* является лишь формой множественного числа значения «люди» и никак не может быть именем народа, поскольку не имеет формы единственного числа[16].

Этот вопрос, однако, куда сложнее, чем полагают отдельные лингвисты. Оказалось, что определение «нах» (своеобразный, если так выразиться, статусный антропоним) буквально означает – люди/наши люди. И это не просто гендерная группа, а статусная (состоящая из взрослых мужчин, достигших руководящего положения в силу возраста и личных заслуг). По мнению лингвиста И.М. Сигаури, лично изложенному одному из авторов данной книги, в мертвых и живых нахских языках, начиная с шумерских, понятие «нах/нак», означающее принадлежность к чему-то (авторитетному, указывающему, руководящему) и является одним из тех, что надежно связывает шумеро-хуррито-урарто-нахские языки, по крайней мере, с IV–III тыс. до н.э.[17]

Термин *нахаматеанк в «Ашхарацуйце»* употреблялся не только в этническом, но и в политическом собирательном значении и служил для обозначения всех племен Центрального Кавказа второй половины I тыс. до н.э. Так, видный чеченский языковед, профессор К.З. Чокаев, заметил: «У некоторых вызвала сомнение правомерность оперирования Г.Д. Гумба этнонимом *Нахаматия* вместо *Нахчаматеанк* из «Армянской географии VII в.», хотя он убедительно, со ссылками на источники, доказывает правомерность такого оперирования. Дело в том, что элемент *ча*, наличествующий в варианте Нахчаматеанк, изначально выступал как *са* – земля, страна (ча< са) и [Г.Д. Гумба] внес новое значение в первоначальный, древнейший вариант *Нахаматия*…»[18].

[15] См.: Гумба Г.Д. Нахи…. С. 15.

[16] Булатбиев И.М. К вопросу о семантике этнонима «нахчи» // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2018. № 2 (39). С.117.

[17] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. 1. По данным лингвистики. С. 224.

[18] Чокаев К.З. Некоторые вопросы нахской истории в монографии Г.Д. Гумба «Нахи:

Кавкасиани и дурдзуки. Этноним *кавкасиане* образовался от имени одного из сыновей мифического предка востонокавказских народов – Тагормы, которого звали Кавкас. В свою очередь, в основу этнонима *дурдзуки/дзурдзуки* легло имя одного из потомков Кавказа – Дурдзук/Дзурдзук. Широкую известность указанные этнонимы получили благодаря летописи Леонтия Мровели, хотя тот заимствовал их из более древних источников. Общепризнано, что этнонимы *кавкасиане* и *дурдзуки* у Леонти Мровели обозначают нахские племена, причем *кавкасиане* является более широким понятием, обозначающим целое, а *дурдзуки* обозначает наиболее значительную часть этого целого[19].

Таким образом, этноним *кавкасиане*, также как и *малхи* и *нахаматеанк*, носит общенахский характер.

Разными учеными было предложено немало этимологий этнонима *дурдзук*, ни одна из которых не получила всеобщего признания. Интересной представляется этимология, предложенная И.М. Сигаури, который сопоставил *дурдзук/дзурдзук* с шумерским **surru** «жрец», хурритским **šarri**«царь» и пранахским ***ʒor**: бацбийское *зора* в значении «храбрый, мужественный, отважный»[20].

Историк Я.З. Ахмадов считает, что дурдзуками (жители ущелий, горцы; *дурдзук/дзурдзук* от армянского *дзор* – «ущелье») именовались все горские обитатели центральной части Закавказья и северных склонов Кавказского хребта к востоку от Дарьяльского пути, имевшие свое самоназвание и говорившее на самобытном нахском языке. И только при Леонти Мровели (XI в.) это название в источниках перешагнуло хребет на север, обозначая теперь предков современных чеченцев[21].

Бунтурки. Грузинская историческая традиция первыми обитателями той же Картли называет бунтурков. Несмотря на то, что бунтурки жили в построенных ими городах и крепостях, они представлены жестокими язычниками, которых с трудом одолел сам Александр Македонский. Спасаясь от него, часть бунтурков якобы бежала из Картли на Кавказ (т.е. в горы)[22].

Исследователи согласны, что этноним бунтурки имеет значение «коренные турки», но компонент *турк* Н.Я. Марр, как и Д. Маркварт, возводил к названию

вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)». (Рукопись находится в печати).

[19] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 294–295; Гамрекели В.Н. Двалы и Двалети в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 23–28; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 21–30; Крупнов Е.И. Древняя история... С. 28–41; Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 45–47; Тогошвили Г.Д. Леонтий Мровели и происхождение осетинского народа. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 245; Мровели Л. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер.с древнегруз. Г.В.Цулая. М.: Изд-во «Наука», 1979. Комм. 8, 57; Ковалевская В.Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Тбилиси. Известия АНГруз. ССР. № 3. С. 35–40 и др.

[20] Сигаури И.М. К истокам... Т. II. С. 554.

[21] Ахмадов Я.З. Нахский этномассив закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2016. № 2 (31). С. 20-30.

[22] Мровели Л. Жизнь картлийских... С. 28.

древнего кавказского племени терг, «обитавшего в Кавказских горах, начиная с юга через перевал и по южному склону по Дарьяльскому ущелью», название племени закрепилось в названии реки Терек (Терг) и ущелья, а позднее, в книжной литературной традиции раннего средневековья, это имя стало восприниматься как турки, тюрки[23].

Интерес представляет и то, что страна Терг-Турк упоминается в осетинском нартском эпосе. Эту богатую страну охраняли мифические звери: волк с железной мордой, жеребец с железной мордой и ворон с железным клювом. Эти детали указывают на развитие металлургии в стране Терг-Турк и наличие в ней культов названных выше животных.

Здесь, конечно, не идет речь, чтобы делать какие-либо выводы, опираясь на нартский мифологический сюжет о стране Терк-Турк как на исторический источник. Но в то же время нельзя пройти мимо того, что эти сказания не противоречат той реальности, которая существовала в древности на Северном Кавказе. Цветущие и богатые городища и поселения оседло-земледельческого населения Центрального Кавказа, особенно вблизи Дарьяльского ущелья, где проходила транзитная дорога, несомненно, являлись объектами вожделения для степных племен, и при появлении какой-либо возможности кочевники предпринимали грабительские набеги на эти местности. Интерес представляет и то, что охранявшие богатства Турк (Терк) мифические существа волк и лошадь имели железные морды, поскольку это указывает на наличие у населения страны Турк (Терк) развитой металлургии, культа волка и лошади. Все это хорошо соответствует известной нам сегодня по данным археологических и этнографических материалов ситуации древнего Центрального Кавказа с его высокоразвитой металлургией, культом волка и лошади.

Представляется весьма интересным и тот факт, что страна под названием Терк упоминается в ассиро-вавилонских надписях конца III–II тыс. до н.э. На среднем Евфрате, на территории нынешней Сирии (Шам, Шем), среди хурритских городов-государств в древних надписях упоминается богатая страна Терк на перекрестке торговых путей, в связи с чем она привлекала взоры семитских кочевых племен и часто подвергалась набегам со стороны последних[24]. Обращает на себя внимание то, что как в нартском сюжете, так и в ассиро-вавилонских надписях страна Терк (Терк, Турк) упоминается в качестве форпоста оседло-земледельческого населения от вторжений кочевых племен, в первом случае на Северном Кавказе, а во втором – в Верхней Месопотамии. Учитывая, что территория от Верхней Месопотамии до Северного Кавказа к периоду, отраженному в ассиро-вавилонских глиняных надписях, была в основном заселена племенами, говорившими на языках восточно-кавказской группы (хуррито-урартской и нахско-дагестанской), может быть, значение слова Терк (Турк, Торк) следует искать именно в этих языках. Например, на вайнахских языках *тергь* означает «наблюдение», а *техк-таьрг* – «качаться, колебаться».

С другой стороны, Терк (Турк) может быть связан с хуррито-урартскими теонимами. В армянской мифологии Турк – бог плодородия и растительности. Со-

[23] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа... С. 1405–1408.

[24] Дьяконов И.М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории (ВДИ). №2. 1951. С. 35; и др.

гласно Мовсесу Хоренаци, Турк (Турк-Ангех) является потомком мифического родоначальник армян hАика (Гайка). Однако Турк армянской мифологии восходит к урартскому богу Тура(ни), сыну хурритского бога грозы Тешшубы, который также выполнял функции бога плодородия[25]. Турк почитался в землях бассейна озера Ван. Район распространения культа этого божества совпадал с территорией, на которой почитался древнеармянский бог Ангех, который, в свою очередь, также сопоставляется с хуррито-хаттским и шумерским богом Нергал[26].

Вследствие этого бог Турк стал отождествляться с Ангехом и эпитетом Турка стал Ангехеа – Турк-Ангех. Позднее в армянской мифологии эпитет Ангехеа был переосмыслен как безобразный (от армянского тгех – некрасивый) и появился новый персонаж – Турк Ангех (Торк Ангехеа), которого считали внуком hАйка.

В мифологическом контексте образ Турк-Ангеха Мовсеса Хоренаци может считаться мифологическим персонажем, связанным с богом грозы и плодородия, однако в историческом контексте он, видимо, представляет скорее доармянских жителей Армении. Так, в рассказе о Слаке (эпоним ранних правителей областей к западу от Ван, где почитался культ Турк-Ангеха), Мовсес Хоренаци сообщает, что он не может сказать в точности «был ли он потомком hАйка или происходил от более древних жителей этой страны, о существовании которых повествуется в старинных преданиях». Интересно, что Турк (Турк-Ангех) и Слак представлены у Мовсеса Хоренаци защитниками рубежей страны от вражеских нашествий, что перекликается с сообщениями ассирийских надписей о стране Терк (Турк) и Терк-Турк нартского эпоса.

Область Ангех-тун, где почитался культ Турк-Ангеха, что и отразилось в названии области, простиралась в горных районах, прилегающих к реке Зибене, одного из притоков Тигра, на южных склонах Армянского Тавра (район к северо-западу от современного турецкого Эргана и к юго-востоку от озера Цовк) и являлась составной частью страны Цова (Цобена, Софена).

Хоны. Грузинская историческая традиция считает, что хоны смогли переселиться на территорию Картли после того, как бунтурки на условиях выплаты дани согласились предоставить им для поселения территорию в местности Зинави[27].

Еще Г. Волкова этноним *хон* предположительно связывала с предками вайнахов. По ее мнению, страна хонов ввключала часть Дагестана, горные территории Тушетии, Хевсуретии, Чечни и Ингушетии. При этом она считала невозможным устанавливать прямую преемственность между древними хонами и современными вайнахами и дагестанцами, поскольку за прошедшие два тысячелетия на этой территории могли произойти коренные этнолингвистические изменения[28].

Согласно «Ашхарацуйцу» хоны заселяли территорию по обе стороны Большого Кавказского хребта к востоку от мест проживания двалов[29]. Историчность кавказских хонов подтверждается тем, что имя этого народа сохранилось до наших дней в топонимах и гидронимах на южной и северной стороне Главного Кавказа, к востоку от Дарьяла (местность Хоной на берегу р. Армхи, притока Терека; местность Хоне в верховьях р. Арагви; гора Хони местность Хонис-чали в Хевсуретии; также тушины называют именем Хон верховье р. Чанты-Аргун). Факт проживания в этих местах хонов засвидетельствован и грузинским письменным источником III в.: хоны (хунаги) названы при перечислении народов вайнахского происхождения («кисты, хунаги,тушины»). В слове хунаги–хун-(а)ги, компонент *ги* является нахским послелогом.

Несомненно, и в армянском, и в грузинском источнике речь идет об одном и том же народе – хонах. Примечательно, что в грузинском документе хоны названы между кистинами и тушинами, что совпадает с локализацией хонов по «Ашхарацуйцу». Этноним хоны сохранен до настоящего времени в названии нахо-ингушской родоплеменной группы хоной, проживавшей еще до недавнего времени в верховьях реки Армхи, где и сохранился топоним Хоной.

Небезынтересно отметить, что, согласно преданиям, известное святилище нахов находилось на горе Хона в Хевсуретии[30].

Цаны-макероны (махелоны). Нагорная плоскость Юго-Восточного Причерноморья, откуда берут начало реки Евфрат, Галис (Кызыл-Ирмак), Чорох, Кура и Аракс в I тыс. до н.э. отличалась этнической пестротой. Начиная с VI–V вв. до н.э. античные авторы упоминают в этих местах цанов (санов), называемых также макероны (макроны, махароны, махелоны), по вопросу происхождения которых существуют разные точки зрения.

Цаны-макероны жили в долине реки Цанахи (соврем. Харшит)[31], занимая все нагорье Пархара, долины Чороха и Гайль-Келкида, а также область Дердзан (Дерджан), расположенную в верховьях Евфрата, на южных склонах водораздельного хребта между рр. Евфрат (Карасу) и Чорох.

Из сообщений античных авторов вытекает, что язык цанов-макеронов отличался от языков живущих поблизости народов – фасианов, таохов, халибов, скифинов и колхов. Об этом свидетельствуют также гидроним Цанахи и название Цанаходзор – «Ущелье цанахов» (где *дзор* – по армянски «ущелье»), соответствующее долине и реке, где и проживали цаны. Такие названия по этническому признаку могли появиться только в том случае, если цаны проживали в окружении этнически инородного массива.

Грузинские исследователи пытались связать цанов-макеронов с западно-грузинской чано-мегрельской общностью путем сопоставления этнонимов *цаны/саны* и груз. *чаны*, а также *макрон* – с груз. *мегрел* и Эгриси. Однако И.М. Дьяконов справедливо указывал, что «мегрел – не племенное название, а связанное с

[25] Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М. 1990. С. 98, 105

[26] Петросян. А. Армянский эпос и мифология. Ереван, 2002. С. 33.

[27] Очерки истории Грузии. Т. 1. Тбилиси, 1989. С. 251.

[28] Волкова Н.Г. Этнонимы... С. 128–129.

[29] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 124 и далее.

[30] Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23. С. 302.

[31] Название Цанахи сохраняется в этих местах еще много столетий. Так, в «Трапезундской хронике» Михаила Панарета, в рассказе о событиях XIV в. упоминается местность и крепость Цанахи (см. Михаил Панарет. Трапезундская хроника, изд. А. Хаханова. М., 1905. С. 25, 30).

определенной территорией (Эгриси), не имеющей отношения к территории, где жили макроны»[32].

Кроме того, названия с основой *арг/агр* встречаются на обширной территории – как на Кавказе, так и далеко за его пределами. Например, область Фессалия на севере Балканского полуострова назвывалась также Аргос (Пелазгийский Аргос); область и адыгское общество на Северо-Западном Кавказе имели название Егеркой; в центральных районах Кавказа проживали нахские арги и т.д.

Древние армянские источники четко различают чанов на морском побережье между Трапезундом и нижним течением р. Чорох от цанов, живущих в бассейне рек Цанаходзор и Чорох. Вполне допустимо видеть в цанах-макеронах переселенцев, продвигавшихся в Юго-Восточное Причерноморье из юго-западных и центральных областей Урарту, в частности из Цова (ЦIув, Цоб), воспоминания о которых сохранились в этнической памяти нахских народов. Во всяком случае, связь цанов-макеронов, живших на территории бассейнов Чороха и Цанахи, с нахскими племенами, прибывшими, по преданиям, из причерноморских местностей Цан (Ца, Циечу) и Зигур (из Зига) (Зигана), а также с цанарами, продвигавшимися из Цана в Гардман и далее на север, к подножью Кавказских гор, в область, которую они назвали Цанарией (из Цана) и где в верховьях Алазани зафиксирован топоним Зегана, проявляется настолько явственно, что вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

В конце I тыс. до н.э. племена цанов-макеронов вновь пришли в движение и перемещались не только к Черноморскому побережью, а оттуда на северо-запад, но и на северо-восток, в направлении центральных районов Кавказа. И основные события, связанные с цанами-макеронами, происходили именно в этом регионе.

Примечательно, что, двигаясь на северо-запад, часть цанов-махелонов, возможно, оказалась на территории Колхиды, где с ними ассоциируется область Мехлес, что отсылает к древнему абхазскому названию нахов – малхи/махли, поскольку малхи проживали здесь еще в I тыс. до н.э. и их земли граничали с Колхидой на юге по Эгрисскому и Рачинскому хребтам.

В этой связи интерес представляет нахское, как пишет О.А. Мудрак, название человеческой ойкумены: инг.mälχaḳalχe «мир, белый свет, вселенная», буквально «низ, подножие солнца», т.е. «место под солнцем», этимологически отсюда и бацб. названия – ḳaχ-lov «кахетинец» и ḳoχiv «грузин», а первая часть – maiṯχa теперь сама значит «вселенная». Этим снимается, по его мнению, вопрос об этимологизации наименования Колхиды и Кахетии[33].

Цанары. Известный армянский просветитель XIII в. Вардан Аревелци в своем сочинении «Всеобщая история» сообщал: «…Некоторые мужи халдейские, вышедшие из своей страны, пришли в Гардман и сказали гардманскому князю:

«Уступи нам частицу креста, данного тебе (императором) Ираклием, а мы примем христианскую веру и будем служить тебе», что исполнилось. Эмир багдадский, узнав об этом, стал грозить им; и, устрашенные, они удалились к подошве Кавказских гор. Споспешествуемые Христом, в которого они уверовали, завладели они всеми (окрестными) областями… И [эти халдеи] назвали свою область Цанар на том основании, что в ней они узнали первое свое местожительство»[34].

[32] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа…. С. 122

[33] Мудрак О.А. Армянский и восточно-кавказские языки // Электронная версия. 2016. С. 15.

Процитированное сообщение Вардана Аревелци о цанарах, безусловно, имеет компилятивный характер. Здесь нам представлена в сжатой форме информация, соответствующая различным временным периодам. Данные о приходе цанар из Халдии восходят, вероятнее всего, к халдейским (вавилонским) источникам, которые Вардан Аревелци, видимо, попытался согласовать с данными о цанарах, взятыми из более поздних источников (как письменных, так и устных) и отнести все это к определенному историческому периоду. В конкретном случае для нас важно то, что текст Вардана Аревелци перекликается со сведениями грузинских источников о прибытии из Халдии в Картли воинственных хонов.

Вардан Аревелци называет пришедших из Халдии воинов цанарами и сообщает, что они некоторое время проживали в Гардмане, а затем переместились к подножью Кавказских гор. Свою новую территорию они назвали Цанар на том основании, эта земля была похожа на место их прежнего проживания.

Цанары принадлежат к тем народам Кавказа, которым уделено пристальное внимание со стороны историков прошлого и современности[35]. О них сообщают античные, древнеармянские, древнегрузинские, персидские и арабские источники. Такой интерес древних авторов к цанарам вызван, безусловно, той ведущей ролью, которую этот народ играл в регионе на протяжении многих столетий.

Самое раннее упоминание о цанарах принадлежит Птолемею, согласно которому, во II в. н.э. они проживали на землях, расположенных между Иберией (Картли) и Албанией. Затем, начиная с V в. и на протяжении всей второй половины I тыс. н.э., цанар на указанной территории фиксируют греко-латинские, армянские, грузинские, арабские и др. раннесредневековые источники. Исследователи единодушны во мнении, что цанары занимали обе стороны Главного Кавказа – ущелья рек Терека и Арагви, и на протяжении многих столетий контролировали Дарьяльское ущелье, известное в раннесредневековых источниках и как Цанарское ущелье[36].

По данным «Ашхарацуйца» Цанария охватывала территорию всего Дарьяльского ущелья. На юге во владения цанаров входили Цилканские (Циканские) ворота и лежавшие вокруг них земли, а на севере – области, расположенные на подступах к Дарьяльским воротам с севера. Цанары держали под контролем не только Дарьяльское ущелье, но также и перевальные пути, проходившие по вер-

[34] Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861. С. 101.

[35] Вопросы локализации и этнической принадлежности цанар освещены в исследованиях Н.Я. Марра, И.А. Джавахишвили, А.Н. Генко, С.Н. Какабадзе, В.Ф. Минорского, С.Т. Еремяна, З.В. Анчабадзе, М.Д. Лордкипанидзе, А.П. Новосельцева, Н.Г. Волковой, Дж. Гвасалия, Г.Г. Мкртумяна и др.

[36] См.: Джавахишвили И.А. История грузинского народа (на груз. яз.). Т. II. Тбилиси, 1948. С. 43; Какабадзе С.Н. О племени цанар // Исторический сборник. Кн. 3. Тифлис, 1928. С. 103.

ховьям рр. Ассы, Чанты и Шаро Аргун, по ущельям Хилдехарой, Майста, Маьлхиста, Панкиси и другие, связывавшие Южный и Северный Кавказ.

По вопросу этнической принадлежности цанар в научной литературе существуют разные точки зрения. Но если исходить из объективного анализа совокупности всех имеющихся фактов, то правомерным выглядит мнение о принадлежности цанар к нахскому этническому миру, обоснованное еще известным ориенталистом В.Ф. Минорским[37].

Этноним цанар сохранился в названии округа Эрцо, расположенного в долине реки Иори, между Тианети и Гомбори, означающем буквально «страна t'anar–ов[38]». А также в названии района Цобени с одноименным центром на левом берегу р. Арагви, к востоку от озера Базалети и северо-западе от Эрцо.

В настоящее время термин *цобени* применяется для обозначения нахоязычных цова-тушин (бацбийцев), но в древности он использовался как название достаточно большой территории, лежавшей между Лехури-Ксани и Арагви-Иори[39]. Та же основа *ца/цо* присутствует и в названии *цова/цоба/цопа* «той половины тушинского народа, которая сохранила свою родную чеченскую речь рядом с грузинской»[40]. Сами же бацбийцы (цова-тушины) называют Кахетию Цовата – Цова (та) и до сих пор считают ее своей прародиной.

С этнонимом *цанар* связывается также осетинское название жителей Дарьяльского ущелья – мохевцев цона, а также всего этого района (Сона) и горы Казбек (Соана). В «Мокцевай Картлисай» территория Дарьяльского ущелья (современный Казбегский район Грузии) и верховье Арагви называются ущельем цанар, Хеви Цанаретиса[41].

Уже сам факт того, что осетины и грузины называли указанные районы этнонимом *цан (цанар)*, свидетельствует о том, что *цаны (цанары)* не относились ни к ираноязычным, ни к грузиноязычным племенам. В связи с этим представляется интересным, что население Казбекского района – мохевцы, были известны чеченцам под именем чеченского тейпа Бейно.

Корнем термина *цанар* является ца (*цIа, ша, цIу, цIиу*), в нахских языках означающее «огонь, очаг, дом», а в древневайнахском пантеоне Ца (ЦIа,ЦIу,ЦIув) – божество огня. Специалисты отмечают, что у народов аваро-андо-дидойской и нахской языковых и этнических групп на каком-то этапе их исторического развития верховным божеством был Цоб (ЦIоб), и соотносят его с ЦIа/ЦIу/ЦIув, являвшимся в древневайнахском пантеоне божеством огня[42]. Этнонимы, производные

[37] Minorsky V. Hudud al-Alam //«The regions of the word» a persian geography (372–982). Translated and explainedby V. Minorsky. London, 1937. P. 144; Его же. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 210–211.

[38] Марр Н.Я. История передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия императорской Академии наук. 1916. № 6. Серия № 15. С. 397.

[39] См.: Джавахишвили И.А. История грузинского... С. 75; Меликишвили Г.А. К истории древней... С. 124.

[40] Марр Н.Я. История передвижения… С. 397–398.

[41] Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили. Тбилиси, 1989. С. 22.

[42] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978. С. 40.

от имени божества Ца/Цу, которому поклонялись в древности те или иные нахские племена, сохранились и в современных наименованиях ингушских и чеченских тейпов: Циечу – цие (чу) – нахи-орстхойцы, Цантарой, Цей-пхьада, Цесу Ци(есу), Цур(ов) и др. Этноним цова-тушин также происходит от имени божества Ца/ЦIу. До сих пор тушины «разделяются на туш-бацой (тех, кто поклонялся божеству Туш) и цу-бацой (тех, кто поклонялся божеству ЦIув). Туш-бацои ныне полностью огрузинились. Цу-бацой (цова-тушины) и поныне сохраняют свою изначальную (нахскую) этническую принадлежность.

Топонимы, образованные от основы *ца/цу*, широко распространены по всей горной и предгорной полосе Чечни и Ингушетии, и все они обозначают поселения или священные места. Приведем некоторые из них: Цов (гие) – святилище в Фаъппи, на границе с Хевсуретией; Цечу – древнее святилище орстхоевцев в междуречье Ассы и Фортанги, в котором происходили культовые праздники и жертвоприношения; Цейлоам (Цей-лоам – гора Цей) на левобережье реки Ассы; Цанавлах (ЦIианIалах) – роща (божества) Ца, в Нашхо, а также и в Пешхо; Цонтарой в Веденском районе; ЦIайн-пхьада – место святилища, солнечные склепы, недалеко от реки Машиех; повторяющиеся в областях Малхиста, Меиста, Нашхо, Шарой, Беной, Шатои (верховья Чанты-Аргуни Шаро-Аргун) и др. топонимы Цанара, Цанашка, Цон-Куорта (вершина (божества) ЦIа), Цан арха (поляна (божества) Ца), Цета, Цовтьие и др.[43]

Топонимы с основой *ци/ца* распространены также в горной части Осетии, и они, как считает А.Дз. Цагаева, относятся к древнейшему топонимическому пласту. Примеры таких топонимов: Цъата в Кобанском ущелье; Цъезу, Цъуныха в Куртатинском ущелье; Цъей, Цъута, Цъурру, Цъус, Цъессатаеи Цъоныхса в Алагирском ущелье; Цъинтае, Цъесс, Цъур, Цъебат(бат/уат – место, т.е. место Цъу); Цъажиудзуартте (Цажиусвятилище) в Твалетии; Цъиа, Цъинтае, Цъонгуз в Дигорском ущелье и др.[44]

В Южной Осетии существуют топонимы Цеси и Цона (Джавский район). К этой же группе следует, видимо, отнести также местности Цона в верховьях р. Квирилы и Цопа в Марнеульском районе Западной Грузии.

Весьма примечательно, что в Осетии некоторые топонимы с основой *ца/цу* до сих пор известны как святые места – например, Цежиуы (Святилище Цъежиуы). Особое внимание привлекает храмовый комплекс, расположенный в верховьях Алагирского ущелья, где в примыкающих ущельях сосредоточились три святилища: Реком (Цейское ущелье), Мкалгабырта и Таран-джелос[45].

Такое уточнение известного археолога является дополнительным аргументом в пользу вайнахского происхождения перечисленных выше топонимов с основой *ца/цу*.

Масаха/мосохи. Имеющийся материал позволяет считать, что переселившиеся на Кавказ из восточных провинций Мушского царства племена, известные

[43] Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. I. Грозный, 1976. С. 34, 82, 89, 90, 166, 173, 185, 207.

[44] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. I. Орджоникидзе, 1971. С. 110–111.

[45] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч.II. (Словарь географических терминов). Орджоникидзе, 1975. С. 115–122.

под именем *мушки/мосхи/мосохи*, являлись этнически близкородственны нахам. В качестве общенахского термин *мосхи* использовался древними авторами. Позднее содержание термина меняется. Если раньше дагестанцы употребляли слово *мосох* для обозначения всего нахского населения горной части современной Восточной Грузии, то в конце XIX в. *мосхами* называли только нахских цова-тушин.

Что касается этнонима *масаха-хуны*, то в позднеантичный период он обозначал нахов центральной части Южного Кавказа. Так, в своей «Истории Армении» Агатангелос название масаха-хон употребляет для обозначения политического объединения нахских племен[46].

Двалы. К числу древних нахских этнонимов относятся также двалы, принадлежность которых к нахам однозначно признается большинством исследователей и в настоящее время никем серьезно не оспаривается. Осетины, расселившиеся на территории Двалети в эпоху средневековья, называют себя туалта, а саму область Двалети – Туал. Топоним-двойник обнаруживается в ассирийских источниках в виде страны Туал, входившей в состав союза Наири[47].

Это позволяет предположить, что двалы также пришли на Центральный Кавказ с юга.

Связаны с нахскими племенами этноним **гугары** и название страны Гугарк, некогда занимавшей общирную территорию, вытянутую от правобережья р. Чорох на западе и до р. Кура на востоке.

Цаны-макероны, цанары и хоны. Следует обратить на важное обстоятельство, что за различными этнонимами собственно центральнокавказских и северокавкзских нахов зачастую скрывается одна и та же единая нахская общность, постепенно перемещавшаяся на север из областей, лежащих зачастую далеко к югу от Кавказа. Так, не вызывает сомнения, что цаны-макероны и цанары – это одна и та же этноязыковая общность, перемещавшаяся в течение веков из из горных областей Юго-Восточного Причерноморья в центральную часть Кавказа. Но и это не все. По сообщению «Мокцевай Картлисай», из Халдеи (Вавилонии) прибыли хоны, а Вардан Аревелци прибывший из Халдеи (Вавилонии) народ именует цанарами. Если нанести на карту территорию, на которой упоминаются цанары и хоны, можно обнаружить удивительное совпадение: в тех местах, где находим топонимы Цан, Цопа (Цова), Цанар, неизменно присутствует также и название Хон. Так, в Понтийских горах, в верховьях Чорохав V в. до н.э. размещаются хоны, и здесь же, в долине Чороха расположена область Цанк (Цаника). В Гардмане, в пределах области Цов(к), на правобережье реки Куры, у слияния Куры и Храми находился древний укрепленный город Хунан (Хун-ан – Хунаракерт древнеармянских источников), упоминаемый в грузинских источниках в числе городов, которые застал Александр Македонский. О древности этого названия говорит и то, что строительство г. Хунан древнегрузинская традиция приписывает легендарному этнарху Картлосу.

[46] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 188 и далее.

[47] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1964. С. 169.

Территория, простирающаяся от Дарьяльского ущелья на северо-западе до границ исторической Албании на юго-востоке, в III–IV вв. называлась Хон (Масаха-хон), а с V в. – Цанария. В Цанарии известны гора и местность Хон, а также гидроним Хон-Аргун (Чанты-Аргун), здесь же до сих пор существуют нахские родоплеменные группы с названиями хоной, цова. В связи с этим представляется вероятным, что цанар – это не название одного конкретного нахского племени, а общее, собирательное наименование нахских племен, произведенное от *цIа (цIова)* – божество огня. Группа племен, поклонявшихся единому божеству и известных по его имени, в период раздробленности или расселения могла быть известна и под другими именами – на это указывает то, что данный термин использовался в письменных источниках на протяжении всего I тыс. н.э., в основном в собирательном значении. В период возвышения того или иного племени его политическое влияние распространялось на другие, родственные, группы племен, и последние могли быть известны по имени доминировавшего племени, например, в III–IVвв., когда господствовали хоны, другие племена также называли их именем. Исходя из этого, можно утверждать, что хоны и цанары являются двумя разными наименованиями нахских племен.

Разнохарактерные и независимые друг от друга источники указывают на проживание в I тыс. до н.э. в Цанике, Гугарке и Цанарии (Кахети) нахских племен, которые, по всей видимости, и составляли основное ядро населения данного региона. Речь идет не об одном племени, а о южнонахской группе племен, в составе которой каждое племя (или племенная группа) имела свое название. Будучи расселенными на достаточно обширной территории, южнонахские племена и их объединения были известны своим соседям под различными названиями, что и отразилось в письменных источниках.

§2. Урартско-кавказские параллели

Имеется достаточно оснований полагать, что южная группа древних нахских племен локализовалась в центральной части Закавказья и прилегавших с юга обширных территориях. В научной литературе уже не раз обращалось внимание на широкое распространение в районах Центрального Кавказа, особенно в горах Чечни и Ингушетии и в горной части современной восточной Грузии, двойников урартских этнонимов и топонимов. К таковым относятся, например: Киехуни, Зазабаха, Ишала, Тунибуни, Эланни, Арарна, Хубушкие, Нахчаван, Ассы (Аззи), Армхи (Архи), Таргим (Торгом), Хабхи, Уллуби, Химе, Луха, Ардини, Шатой (Шатик), Варанда, Акки, Бушту, Эллили, Зикирту, Харачой (Корчайкх), Энзите, Манна, Харун, Сухме, Гильзани, Арлаини,Замани, Эрджиша, Заранда, Арцабка и др.

Именно к таким топонимам-двойникам относится название области, именуемой в урартских источниках **Цупа(ни), Цуба(ни)**, а в древнеармянских – **Цопк**, локализуемой на левобережье Евфрата, в районе его слияния с рекой Арацани, а также на сопредельных территориях. И.А. Джавахишвили, Г.А. Меликишвили, а вслед за ними и значительная часть исследователей название Цупани (Цоп, Цов)

сопоставляют с вайнахскими цовами (цова-тушинами) и с местностями Цоб и Цоп, расположенными в Марнеульском районе современной Грузии. Название реки Арацани (Арцаниа), протекавшей по области Цоп, также находит параллель в нахском гидрониме Араца (Арца) в Цова-Тушетии.

Далее на юге, в районе слияния Западного и Восточного Тигра, по соседству со страной Алзи (Алзни), известной еще как страна мушков, располагалась страна Бабанахи (Бабхи)[48], название которой связывают с самоназванием чеченцев и ингушей – нахи. Неподалеку от Бабанахи, в долине реки Батман, притока Тигра, источники упоминают также область Нахрина (Нахирия) и одноименный город (впрочем, не исключено, что это семитоязычный термин). Как полагают исследователи, термин бабанахи или *бабхина* в хурритском и урартском языках означает «горцы», и в таком случае Бабанахи, возможно, следует понимать, как «горские нахи», в отличие, скажем, от Нахирия – равнинные/приречные нахи. В этой связи стоит также упомянуть местность Нохараста в горной Чечне, название которой созвучно урартскому Нахарина.

Северо-восточнее Бабанахи и восточнее Алзи, в долине Тигра находилась страна Мокк. От области Бабанахи, примыкая с юга к стране Мокк, пролегала горная цепь, известная как Кордук (Кордуена), название которой часто использовалось для обозначения жителей окружающей территории (горной и предгорной). В названии Мокк, как уже отмечалось, усматривается нахское слово *мохк (муохк)* – «страна», а Корд/Корт – нахское слово «вершина».

С самоназванием чеченцев *нахчи/нохчуо* исследователи склонны связывать название – город Нахчаван/Нахичевань (совр. Азербайджан) и соименную область на западном побережье оз. Урмия, город-область Нахчеван на левобережье Аракса, город Нахчаван в Кыгызманском районе Карской области, средневековый город Нахчиван в верховьях р. Алазани. А на юго-востоке Урмийского озера, по соседству со страной Зикирту и Манейским царством, находилась страна Дурдукка или Зурзукка, название которой сопоставляется с древнегрузинским именем нахов – *дурдзуки*.

Все отмеченные выше параллели давно уже вошли в научный обиход, хотя их правомерность в тех или иных случаях вызывает у исследователей сомнения. Тем не менее, закономерность и объективность подобных высказанных сопоставлений подтверждается вновь и вновь обнаруживаемыми этнонимами и топонимами урартских областей, имеющими аналоги в нахской этнической и географической номенклатуре.

Помимо вышеперечисленных, выявляются и другие этнонимы и топонимы, имеющие ярко выраженный нахский облик: к области Дурдукке с юго-запада примыкала упоминаемая урартскими источниками область *Меишта* (URU*Meišta*) с одноименным центром. Ее название находит прямую параллель в названии чеченской горной области *Меишта/Меиста*; название поселения *Кабани* на правобережье Евфрата к юго-западу Цопа (Цопани) перекликается с наименованием расположенной на Центральном Кавказе местности *Кобан* (со-

[48] Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2, 5, 6, 7, 10, 16. АВИИУ, 5, 6, 7, 10 (II) 16, IV, 7).

врем. Северная Осетия); самоназвание урартийцев биайни (биайнили) созвучно названию чеченского тейпа Беной, а также топониму Биениста в области Малхиста и др.

В ономастике Урарту и близлежащих областей выявляются также суффиксы, характерные для нахских языков, в частности суффикс *ск/шк*, встречающийся в древних топонимах Центрального Кавказа. При этом обращает на себя внимание практически полная идентичность некоторых переднеазиатских топонимов с суффиксом *шк/ск*, с нахской топонимикой Кавказа, например: город Тумеишки урартских надписей, локализуемый на берегу Евфрата по соседству с Цопани (Цопк) и нахские топонимы Темишка (Ичкерия) и Тамиска (Северная Осетия, Алагирское ущелье); Хубушкиа – область с соименным центром в стране Мокк на юге Ванского озера, и Хубушка в Ичкерии; Шашки – название племени и области в стране Диаухи (Дайиэни), и Шешки в Ичкерии, а также Шишки в Кабардино-Балкарии; город-страна Арцашку/Арзашку на северном побережье озера Ван и местность Ерзашка в Ичкерии; Адаррашка, Амурашка в стране Бабанахи, Ардишка в стране Мусасир и др.

В топонимике Урарту встречаем и другой характерный для нахских языков суффикс – *ла (л, ла)*, например, город Сарбалиа/Сирбалиа.

Весьма примечателен тот факт, что топонимы с суффиксами *л (ла)* и *ск/шк* встречаются вокруг озер Ван и Урмия, а также на юге от них, в верховьях Боль–шого Заба и Тигра, на берегах Верхнего Евфрата и верхнего и среднего течения Аракса (Эрасха), в долине Чороха и далее в районах Центрального Кавказа – т.е на территориях, где выявляется древняя ономастика, имеющая параллели в этнотопонимике Чечни и Ингушетии и в большинстве случаев довольно прозрачно объясняемая на нахских языках.

Среди древних топонимов Ширакской области большой интерес представляет название местности Дигор, на берегу одноименного правого притока реки Ахурян, древней крепости Дигор (Дигори берд – Дигорская крепость). Топоним Дигор (Тикор) встречается также в Кыгызманском районе Нахичеванской области исторической Армении (ныне Нахичеванская Автономная Республика в составе Азербайджана), а также южнее современного Ахалцихе, на левом берегу реки Посх, у подножья Арсианского хребта (соврем. село Дугур). Нахское происхождение топонима Арсиан достаточно убедительно обосновано К. Тумановым.

Название Дигор (Тикор) имеет аналоги как в раннесредневековой, так и в современной северокавказской этнонимике. Согласно «Ашхарацуйцу», дигоры (и аштигоры) в раннем средневековье населяют центральные районы Кавказа, и в исследовательской литературе существует мнение, что первоначально они имели нахскую этническую принадлежность, а впоследствии ассимилировались с ираноязычными племенами[49].

[49] См.: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972. С. 306–307; Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 5–15.

Версия о южной локализации ряда нахских племен подтверждается и тем обстоятельством, что нахские этнонимы *дурдзук, нахча, малх, цоб, кист, мосох, мешита* и др. – не хаотично разбросаны по территории Передней Азии, а сконцентрированы в определенных местах: в области Мусасир на юго-востоке оз. Ван, в верховьях Заба, вокруг оз. Ван, в предгорьях Сасунских гор, в долине Арацании в верховьях Евфрата, в районах Карса и Эрзрума, в верховье и срединном течении Куры, в Мосхийских горах, бассейне рек Лиахви, Арагви, Алазани и Иори, центральных районах Кавказа. Все вышеприведенные свидетельства убеждают в существовании довольно тесных этнических и культурных контактов населения урартских областей с нахскими племенами Кавказа.

Нахские заимствования в армянском языке. Сказанное подтверждается и данными лингвистики. Так, выявляется наличие в армянском языке немалого количества заимствований из восточно-кавказских языков, в первую очередь, из нахских. По количеству они превышают все остальные восточно-кавказские заимствования вместе взятые. Удается проследить систему отражения нахских согласных в армянском языке. В целом при анализе армянского отражения шумных обнаруживаются значительные параллели с бацбийской рефлексацией. Это указывает на более обширный ареал исторических предков бацбийцев или близкородственных им нахских племен, а также может указывать на более широкий ареал закавказской изоглоссы перехода интервокальных звонких смычных в глоттализованные. Вопрос требует дальнейших исследований, в том числе и уточнения направления некоторых заимствований. Всего в армянском языке обнаруживается около 480 (-60) слов, которые можно трактовать как попавшие из пранахского источника[50].

§3. Вопросы миграции южнонахских и хуррито-урартских племен на Кавказ

Большой объем разнохарактерного материала, полученного в последние годы, дает основание говорить о том, что переселение племен из урартских областей на север, к Кавказским горам, действительно имело место. Толчком к массовой миграции стала война двух враждующих коалиций древневосточных государств: Ассирии и Урарту с одной стороны, Вавилонского царства и Мидии, поддержанных скифами – с другой. В результате разгрома, которому подверглись Ассирия и Урарту, оказался разрушен политический и социально-экономический механизм, складывавшийся в Передней Азии на протяжении многих веков.

Прервалась жизнедеятельность крупных земледельческих и торгово-ремесленных центров, некогда цветущие города были разорены и опустошены. В этих условиях население оказалось вынуждено искать новые способы жизнеобеспечения и, как это часто имело место в древности, перемещалось в более удобные для жизни места. Так, на рубеж VII–VI вв. до н.э. в Передней Азии прослеживаются заметные волны миграци и земледельческого населения в разные стороны, в том

[50] Мудрак О.А. Армянский и восточно-кавказские языки // Электронная версия. 2016. С. 5, 6, 14–15.

числе и на Кавказ, приведшие к определенным изменениям этнической и политической карты региона. При этом сама миграция была столь значительной и в ней были задействованы столь большие массы людей, что свидетельства о ней сохранились как в археологическом материале, так и в древней письменной традиции.

Археологические свидетельства о миграции с юга на север. Именно в обозначенный период на территории Картлии Кахетии (Цанарии) вместо бытовавшей здесь ранее черной и сероглиняной керамики появляется совершенно новая, красноглиняная, в которой, помимо отличий в технологии изготовления выявляются и новые формы[51]. Исследователи отмечают, что если с середины II тыс. до н.э. на протяжении почти целого тысячелетия в Картли и Кахетии проживало этнически однородное население, то с конца VII–начала VI вв. до н.э. можно говорить о постепенном и мирном, не изменившем облик аборигенного населения проникновении нового этнического элемента.

Археологи особо подчеркивают, что не может быть и речи о каком-либо насильственном вторжении и переселение следует мыслить, как процесс мирной, правда, довольно интенсивной инфильтрации. При раскопках не найдено каких-либо следов разрушений того периода, а рядом с новой керамикой обнаружены предметы старой, местной бытовой традиции (посуда, строительная техника, кухонные печи и т.д.), а значит, допустимо говорить о мирном сосуществовании вновь прибывших и аборигенных племен, что можно рассматривать как свидетельство их этнической близости.

Многочисленные урартские предметы, найденные в ущельях Арагви и Лиахви, в Раче, в районе древней дороги через Мамисонский перевал, возле святилища Реком, в могильниках сел Фаскау, Кумбулта, Нижняя Рутха, Галиат, Моздока и других районах Центрального Кавказа, можно рассматривать не только как доказательства устойчивых связей северокавказских областей с Урарту, но и как свидетельства переселения урартских племен.

С миграцией племен из переднеазиатских областей в центральные районы Кавказа в VIII в. до н.э. связаны, скорее, также и инновации в области железной металлургии. Эти инновации столь значительны, что речь идет не о передаче каких-либо навыков и достижений в металлообработке, а скорее о переселении на Северный Кавказ племен, имевших высокопрофессиональных мастеров-металлургов. Возможно, это были племена мосохов (мосхов), мигрировавшие из северо-восточной части Малой Азии. В культурном слое, относящемся к периоду внедрения перечисленных новаций, в поселениях Эшкакона отсутствуют следы разрушений, а также проявлений чужеродной культуры, и мы вправе рассматривать данный факт, как свидетельство этнокультурной близости мигрантов с нахским населением и их включения в местную этническую среду мирным путем[52].

Большой интерес представляют в этой связи также новые веяния, возникшие в конце VII в. до н.э. в искусстве кобанского периода, особенно в графике и скуль-

[51] См.: Пицхелаури К.Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии // Советская археология. 1977. № 3. С. 240; См. также: Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 98.

[52] Подробно см. Гумба Г.Д. Нахи... С. 229–230.

птуре. Появление этих новшеств в творчестве художников Центрального Кавказа специалисты связывают с Урарту и Луристаном (Северо-Западный Иран) того же периода[53].

Благодаря рассмотрению наличного археологического материала и проведению сопоставительного анализа письменных источников, данных топонимики и этногенетических преданий, можно не просто констатировать факт переселения на Кавказ в обозначенный период каких-то племен из Урарту и близлежащих стран, но и проследить пути их передвижения. Следует учитывать, что перемещение, о котором идет речь, происходило в течение сравнительно долгого периода и, следовательно, было растянуто во времени и пространстве, а переселенцы, двигаясь по тем или иным местам, по разным причинам задерживались в них на какое-то время, а некоторые оставались и насовсем. В результате в местной топонимике закреплялись этнические имена перемещавшихся племен или названия, которые они давали местным территориям. Часть таких топонимов была приведена выше, и они, как видим, фиксируются компактно на четко очерченной территории: области к югу и юго-востоку от оз. Урмия (Муср (Муцацир), Дурдукка, Малхис, Меишта и др.) и вокруг оз. Ван; среднее и верхнее течение Евфрата, долина Арацани, Араратская долина и Ширакское плато, долина Чороха; далее на всей территории центральных областей Южного и Северного Кавказа.

Предания нахских народов о миграциях предков с юга. Сведения о древних миграциях сохранились и в этногенетических преданиях нахских народов. В этих преданиях уверенно заявляется, что предки нахов прибыли из стран Шемаи Забба (по другим версиям – Мыср/Муср, Нахчаван), а также из местности Хана Ана (Ханаан?), что на берегу реки Рахъ.

Так, еще в конце XIX в. было опубликовано предание о предках чеченцев, вышедших в 682 г. н.э. из селения Нахчувана, под которым понимался либо город Нахичевань, либо деревня Нахичевань, находящаяся в Кагызманском округе Карской области. Согласно этому преданию, легендарный предок чеченцев Сеид-Али-Шами носил титул Сейедуль Умараи Султану Салатани, т.е. «князь правителей и властелин властителей». Сам Сеид-Али-Шами умер в Шаме (территория Сирии или Дамаск), но его сыновья после перехода власти в руки «людей неправедных» бежали из Нахчувана к своим родственникам в Кагызман. Там умер и был похоронен младших из братьев. Оставшиеся двое братьев перебрались в Арзуман (Эрзерум), где умер второй из братьев. Третий, самый старший из братьев, Абдул-Хан переселился в Галиб (к халибам, жившим на юго-восточном берегу Черного моря). Здесь его племянник женился на дочери князя «неверных» и остался у халибов, а Абдул-Хан со своим семейством переселился в безлюдную местность у речки Басхан (Баксан) в земле габаров (кабардинцев). Отсюда его потомки перекочевали к реке Аргун[54].

[53] См.: Погребова М.Н.Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. С. 183–184; Кривицкий В.В. Искусства древнего Северного Кавказа и художественные бронзы Луристана, Средней Европы. СПб., 2010.

[54] Семенов Н. Предание о происхождении чеченцев (Перевод арабской рукописи, принадлежащей кадию Шамилю Каратаеву) // Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих нардов). СПб., 1895. С. 214.

О миграции с юга говорят также предания многих нахских тейпов. Так, в чеченском предании, записанном в XIX в. П.А. Головинским, сообщается, например, что род Церо (выходцы из Дарьяльского и Санибского ущелий), как и предки некоторых чеченских родов произошли от цова-тушин, ныне живущих в Тианетском округе Грузии. По преданию самих же цова-тушин (бацоев), их предки когда-то жили на юге от Грузии, но во время нашествия арабов были вытеснены в Кавказские горы[55].

Наряду с преданиями ряда тейпов чеченцев и ингушей, повествующими об их выходе из Грузии, соответствующие сказания встречаются и у грузинского населения горной части современной Восточной Грузии (Дарьяльское ущелье, Хевсуретия, Шатили, Мигмахеви, Архота, Тианетиидр.). Согласно этим сказаниям, на указанных землях ранее проживали кистинцы (грузинское наименование вайнахов), а затем они были заселены грузинами[56].

Жители чеченских селений Цанара и Цуонтора (общества ЦIонторой) , согласно местным преданиям, также считали себя потомками закавказских цова-тушин и хевсуров и выходцами с Южного Кавказа[57].

Предания осетин. Легенды о предках, вышедших из южных областей (Шам, Миср, Армения, Нахчаван и др.), с указанием маршрута движения на Северный Кавказ достаточно хорошо известны не только у чеченцев и ингушей, но и у осетин. Почти во всех версиях сказаний – как нахских, так и осетинских, отмечается сходство основных сюжетов: выход с юга (Армения, Нахчаван, Шам и т.д.), проживание на берегу Черного моря (в Абхазии или у халибов), последующее перемещение на Северный Кавказ и окончательное закрепление сначала в западных, а затем в восточных районах Центрального Кавказа. Перед нами не случайные, отрывочные сведения, а прочная долговременная традиция передачи этногенетической информации практически аналогичного содержания, одновременно сложившаяся у разных, на первый взгляд, по происхождению народов.

Все это наталкивает на мысль, что первоначальными носителями этой информации были племенные группы, переселившиеся в древности на Кавказ с юга, каковыми, скорее всего, являются нахские или близкородственные им племена. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что родоначальник тагаурцев Тага жил в Даргавсе, где недалеко от селения Кобан находится также и город мертвых Матхох (Маат). Связь топонима Матхох (Маат) с нахским сло-

[55] Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 241–243.

[56] См.: Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим преданиям. Автореферат дисс… канд. ист. наук. Тбилиси, 1969. С. 25–26; см. также: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 179.

[57] Россиков К.Н. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в западный Дагестан // Известия Кавказского отдела РГО. Т. IX. № 1. Тифлис, 1885. С. 99.

вом *матх (малх)* – бог солнца, представляется вполне очевидной. Что же касается эпонима Тага, то он находит свою параллель в топонимике Южного Кавказа урартского периода: в Мосхийских горах (Аджария) известна местность Тага, а к юго-востоку от озера Урмия, в области Дурдукка, по данным ассирийских надписей, существовал когда-то город Кобан. Название дигор также находит свою прямую параллель в этнотопонимии Урарту.

После прихода в эти места ираноязычных племен и в средневековый период, когда формировался осетинский народ, часть нахского населения Центрального Кавказа вошла в состав образовавшейся осетинской этнической общности, привнеся в нее и свои этногенетические предания. Впоследствии представители коренного нахского населения в сформировавшемся осетинском народе стали основателями знатных родов. Сказанное подтверждается и тем, что некоторые осетинские фамилии имеют ингушские и чеченские аналоги и объясняются лишь с помощью нахских языков, а многие осетинские фамилии имеют прозрачную нахскую этимологию[58].

Сказанное подтверждается и тем, что некоторые осетинские фамилии имеют ингушские и чеченские аналогии, объясняются лишь с помощью нахских языков, а многие осетинские фамилии имеют прозрачную нахскую этимологию

Если сравнить известные по ассирийским и урартским источникам маршруты переселения жителей областей Муср, Дурдукка, Меишты, Шуандахул и других восточных провинций Урарту на запад, в долину Евфрата и Арацани (Цоба, Хати), а оттуда в долину Аракса (Айрарат), в Нахчаван, с отраженными в нахских этногенетических преданиях маршрутами, по которым двигались из Мусры на Кавказ (Муср – Забба – Цова (Цоба) – Нахчаван – центральные районы Кавказа) нахские племена, то обнаруживается их поразительное сходство. Таким образом, данные ассирийских и урартских источников почти полностью согласуются с информацией, сохранившейся в этногенетических преданиях нахских народов. Перед нами довольно редкий случай совпадения устных и письменных свидетельств, возраст которых составляет 2700–2800 лет.

Приведенные нахские этнонимы – нахаматеан/нахчаматеан, кавкасиани, малхи/махли, мосхи/масахи во второй половине I тыс. до н.э. охватывали всю территорию Центрального Кавказа по обе стороны Главного Кавказского хребта. Несомненно, указанные термины, помимо этнического, употреблялись и в политическом смысле.

Выводы. Переход от эпохи бронзы к широкому использованию железа сопровождался ростом производительных сил, важными социальными изменениями и ускорением процессов политогенеза. Появление стального оружия способствовало милитаризации раннеклассовых обществ и началу новой общественно-исторической фазы развития древнего общества, сопровождавшейся переменами в государственном устройстве, а также в области социальной психологии. Возникает новый тип государства – империи, проводящие активную завоевательную политику, и одновременно усиливаются миграции целых этносов и народов как результат масштабных войн.

[58] См. : Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. С. 77; Кобычев В.П. Расселение чеченцев... С. 170–173.

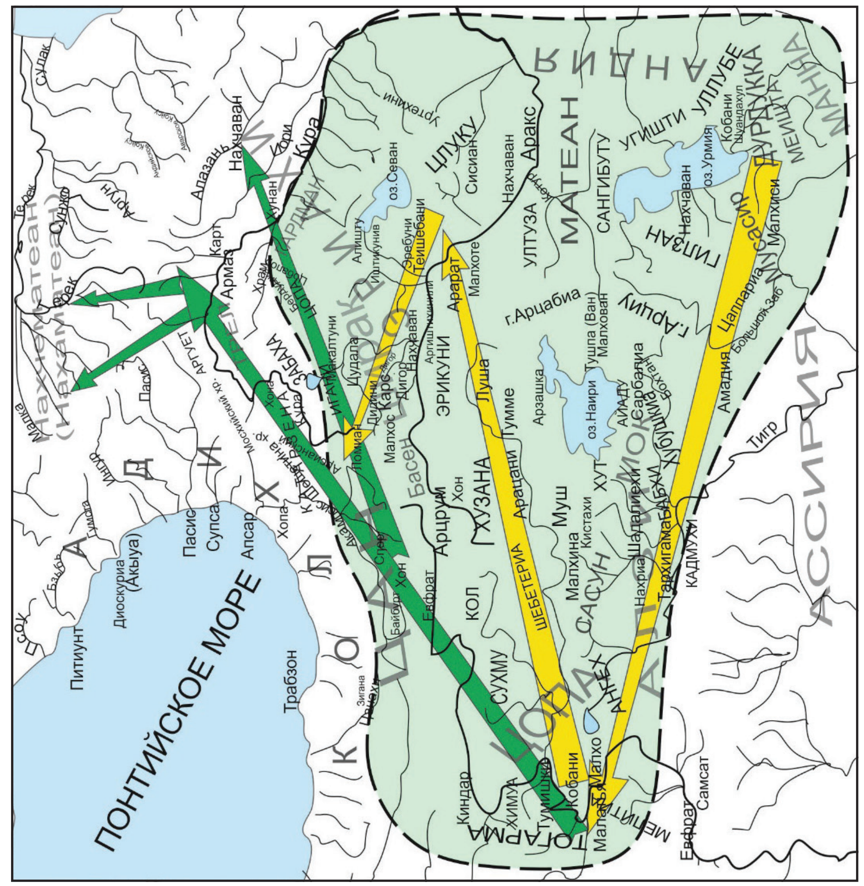

Рис. 19. Основные направления миграции нахских племен с юга на Кавказ в середине I тыс. до н. э. (по Г.Д. Гумба)

Условные обозначения:

– Перемещение хуррито-урарто-нахских племен в период существования Урарту

– Перемещение хуррито-урарто-нахских племен после распада Урарту

В конце II – начале I тыс. до н.э. происходит расселение новых индоевропейских народов, наиболее заметными из которых стали кельтские, германские, дорийские, индоарийские, иранские племена, расселявшиеся как в Европе, так и в Азии. В конечном итоге эти переселения привели к почти полному или частичному растворению древнейших кавказских этнических групп в Европе, Средиземноморье, Малой Азии, Иране и Средней Азии. Образуются крупные ираноязычные государства – Мидия, а затем Персия. Одновременно на юге уже семитизированного Ближнего Востока начинается новое расселение арамейских племен. Резко возросшее военное давление киммерийских и скифских кочевых орд, а также вовлечение Кавказа непосредственно в орбиту влияния крупнейших государств того периода вкупе с другими факторами серьезно повлияют на ускорение процессов политогенеза как в Верхней Месопотамии, так и в кавказском регионе.

Как известно, на пике своего могущества Урарту выступало в роли общекавказского гегемона, что много позднее нашло отражение в древнеармянской и грузинской исторической традиции[59]. Крушение Урарту вызвало к жизни мощные миграционные процессы – южная группа древних нахских племен, первоначально проживавшая на территории Центрального Закавказья и урартских областях, вместе с урартскими племенами начинают перемещаться на север, к предгорьям Кавказа

Былое присутствие нахов намного дальше к югу от современного ареала расселения подтверждается не только археологическими материалами этнонимики, топономики, письменными источниками, сохранившимися до наших дней народными преданиями, но и наличием в армянском языке немалого количества заимствований из восточно-кавказских языков, в первую очередь, из нахских. По количеству нахские заимствования превышают все остальные восточно-кавказские заимствования.

В I тыс. до н.э. Кавказ впервые становится ареной передвижения значительных кочевых племен, в частности, киммерийцев и скифов, которые прорвались в Переднюю Азию и сохранили там на время свои племенные образования. Возникают и другие индоевропейские, уже государственные образования, экспансия которых направлена на области расселения кавказских этносов. В частности, возникает Мидийское царство, которое со временем превратится в одну из великих держав и сыграет решающую роль в крушении Урарту. Вместе с тем, значительную часть населения Мидии изначально составляли народы кавказского происхождения, включая хурритов. Складывается также древнеармянская народность со своей государственностью.

Все это к середине I тыс. до н.э. приводит к сокращению ареала расселения хурритов, урартов и носителей северокавказских языков. Прежде единый исконно кавказский этноязыковой массив оказался в значительной мере размыт племенами индоевропейского и картвельского происхождения.

---

[59] Подробно см.: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2003.

Вместе с тем, завершающий этап существования Урарту характеризуется ускорением процессов политогенеза отдельных этноязыковых сообществ, входивших в состав урартского государства или оказавшихся в соседстве с ним.

Появляются этнонимы, которые можно соотнести непосредственно с нахскими народами: нахчаматеанк/нахаматеане, малхи, бунтурки, хоны, цанары, гугары, мушки/мосхи/масахи/ цаны-макероны (махелоны), кавкасиане, дурдзуки.

ГлаваVI.

КОБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАХСКИХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА (XIV/XIII вв. до н.э. – III в. н.э.)

§1. Основные археологические аспекты кобанской культуры

Главные признаки и хронология. Свое название данная археологическая культура получила по месту первых находок, сделанных в 1869 г. в сел. Кобан, в Тагаурскогом ущелье Центрального Кавказа (Северная Осетия). На основании исследования более 500 памятников, обнаруженных за последние сто лет на северном и южном склонах Главного Кавказского хребта, данная культура признана учеными «одной из самых ярких археологических культур Старого Света эпохи поздней бронзы и раннего железа»[1].

Кобанская культура генетически связана с более ранними культурами Кавказа и вызрела из предшествовавшей ей северокавказской культуры, корни которой, в свою очередь, уходят в майкопскую и куро-аракскую культуры[2]. Поэтапное и всестороннее изучение обширного археологического материала с использованием всего накопленного опыта датировки древних культур Переднего Востока, Средиземноморья и Восточной Европы позволило археологам выделить хронологические рамки кобанской культуры: ранний период – XIV–XIII вв. до н.э.; классический период – XII–VIII вв. до н.э.; поздний – с VII в. до н. э. по III в. н.э. Последний, в свою очередь, был разделен на два периода: позднекобанский первый период (VII–IV вв. до н.э.) и позднекобанский второй период (III в. до н.э.– III в.н.э.)[3].

Кобанская культура просуществовала в общей сложности около 1500 лет, и период ее наивысшего расцвета пришелся на ранний железный век. Впрочем, следует отметить, что существование следов данной культуры после ее заката в

[1] Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 114–115.

[2] См.: Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры // Советская археология. 1957. № 1. С. 67–79; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977. С. 78.

[3] См.: Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и новых веков н. э. // Археологические исследования на Юго-востоке Европы. М., 1974. С. 175; Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1949. № 85, серия ист. наук. Вып. 13. С. 191–257; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 110–112; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016. С. 88–123.

III/IV вв. н.э. оговаривается не всегда, из-за чего порой может создаться ложное впечатление, будто поздние кобанские материалы оторваны от общего комплекса культуры, на что неоднократно обращали внимание многие археологи. Материалы вещественных памятников говорят о существовании очевидной преемственно-генетической связи между кобанской археологической культурой и культурами последующих эпох. Кобанская культура пережила свое время, и ее элементы органически вплелись в поздние культуры народов Центрального Кавказа.

Ареал кобанской культуры устанавливается по всему Центральному Кавказу, включая обе стороны Большого Кавказского хребта и плато современной Ставропольской возвышенности. К северу от Главного Кавказа памятники кобанского типа зафиксированы на территории от междуречья Большого Зеленчука и Урупа на западе до левобережья реки Аксай на востоке; к югу от Главного Кавказа ареал кобанской культуры охватывал современные территории Сванетии, Лечхуми, Рачи, Южной Осетии, верховья Арагви и Алазани[4].

Археологические памятники южного и северного склонов Главного Кавказского хребта демонстрируют столь значительное сходство, что это обстоятельство нельзя объяснить иначе как существованием определенной этнокультурной общности, которая «в немалой степени… базировалась на едином культурно-хозяйственном типе, обусловленном природно-географическими условиями: все наиболее мощные культурные центры – Кобан и Дигория на Северном Кавказе, Тли и Рача-Лечхумо-Сванетский культурный массив на южных склонах Центрального Кавказа находятся в рамках одной высокогорной ландшафтной зоны»[5].

Разумеется, довольно сложно говорить о более или менее четких границах кобанской культуры, ибо границы эти не были застывшими – менялись в разные периоды в зависимости от различных обстоятельств. К тому же, еще в недалеком прошлом, вплоть до 50-х гг. XX в., обозначение рубежей распространения кобанской культуры осложнялось тем, что в одну культуру объединялись памятники Центрального Кавказа и Колхиды позднебронзового века и раннего периода железного века.

[4] См.: Техов Б.В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и первой половине I тыс. до н.э. // Материалы по археологии древней истории Северной Осетии. Т. 2. Орджоникидзе, 1969. С. 47–53; Его же: Центральный Кавказ в XVI–Xвв. До н.э.; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Козенкова В.И. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 149–157; Ее же: Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977; Ее же: Некоторые археологические критерии в этнографических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981; Ее же: Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.1989; Дударев С.Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979 и др.

[5] Туаева З.Д. Кавказский хребет и проблемы кобанской культуры // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992; См. также: Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э… С. 189.

Значение переднеазиатского влияния. Луристанская бронза. Культурные связи нахов-кобанцев, особенно раннего периода, характерны контактами со странами Передней Азии, откуда проникали инновационные культурные импульсы. В Передней Азии находятся, например, истоки кобанской керамики с зооморфными ручками[6]. Начиная с I тыс. до н.э. в кобанских могильниках обнаруживается все больше предметов из стран Передней Азии – к примеру, изделия из египетского фаянса, ассирийские бусы и печать, бронзовые урартские и греческие шлемы, урартская цилиндрическая печать и многое другое[7].

О том же говорит появление в ареале кобанской культуры глиняных штампов-печатей, вероятно, заимствованных из Восточного Закавказья, где они известны с XVI в. до н.э. Но происхождение этих типов печатей – раннекритское и сиро-хеттское[8].

Большое внимание привлекают также более поздние находки предметов античной и иранской глиптики (перстни-печати с геммами и инталиями) в могильниках горского населения южной части Дарьяльской дороги и бассейна р. Ксани на рубеже старой и новой эры[9].

Большой интерес представляют т.н. луристанские параллели кобанской культуры. В древности Луристан (горная область Западного Ирана) был населен племенами касситов, предположительно хурритского или дравидийского происхождения, и входил в состав государства Элам. Племена иранского происхождения заселили эту область только в X–IX веках до н.э.

Расцвет луристанской бронзы относится к периоду второй половины II – первой половины I тыс. до н.э. и некоторыми исследователями связывается с миграцией исконно кавказских племен, слившихся с касситами. В частности, тогда получили широкое распространение бронзовые изделия луристанских мастеров-металлургов (кинжалы, топоры, булавки, украшения одежды, конской сбруи и так далее), выполненные в т.н. ирано-кавказском зверином стиле. Например, кинжалы «переднеазиатского» типа рубежа II – I тыс. до н.э., встречающиеся на Кавказе, исходную форму имеют в Луристане, бронзовые тесла двух видов – в Малой Азии (Троя) и Восточном Иране. Вместе с тем, в самом Луристане найдены вещи, связываемые с кобанской культурой[10]. Горные племена в районе между

[6] Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 19.

[7] Крупнов Е.И. Древняя история... С. 349; Техов Б.В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978. С. 191. Газдапустай Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореферат дисс…. канд. ист. наук. Л., 1960.

[8] Нераденко Т.Н. О связях племен кобанской культуры с Закавказьем и Передней Азией в конце II – начале I тыс. до н.э. // Кавказ и цивилизации Древнего Востока (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С. 39.

[9] Гаглойти Р. Х. О некоторых предметах глиптики из позднеантичных могильников Южной Осетии (к корпусу глиптического материала Осетии) // Материалы международной научной конференции «Этногенез и этническая история осетин»: Сборник статей. Цхинвал: типография ЮОГУ, 2014. С. 63–73.

[10] Луристан: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.archeolog.

Мидиейи Эламом в современном Луристане достигли исключительно высокого мастерства в области металлургии бронзы[11].

Несмотря на то, что кобанская культура, безусловно, имела корни в предшествующих местных культурах Кавказа, немаловажную роль в ее формировании сыграло внешнее влияние, особенно заметное на артефактах кобанской металлургии. Наличие устойчивых связей с переднеазиатским регионом особенно наглядно проявилось в предметах вооружения. Например, в эпоху средней бронзы в Закавказье появились длинные мечи-рапиры и наконечники копий со свернутой втулкой. С появлением этих видов вооружения связывается образование профессиональных военных дружин и выделение воинской элиты.

Следует учитывать, что, начиная со II тыс. до н.э. значительная часть сырья для металлургии Южного Кавказа поступает из месторождений Ирана и Анатолии, а на смену мышьяковистой бронзы приходит бронза, изготовленная с добавлением олова. В южной части Закавказья свыше 80% бронзовых изделий изготовлены из сплавов, содержащих олово. Появляются и сплавы на основе комплексных лигатур: свинец, сурьма и цинк, комбинированные с мышьяком и оловом[12].

Безусловно, подобное переднеазиатское и луристанское воздействие на кобанскую культуру носило во многом опосредованный характер. Другое дело – споры о колхидском и кобанском культурном «первородстве».

Колхидская и кобанская культуры. После того как в 30-х гг. XX в. на южных склонах Главного Кавказа: Южной Осетии, Рачи, Лечхуми, Сванетии – т.е. на территории, расположенной между Главным Кавказским хребтом и горной цепью Эгрисского и Рачинского хребтов к югу, были найдены материалы, относящиеся также к кобанской культуре, археолог М.М. Иващенко выдвинул гипотезу о тождественности колхидской и кобанской культур и об этнической однородности их носителей. Гипотезу М.М. Иващенко вскоре начали разделять и другие ученые. Для обозначения объединенной культуры стали употреблять термин колхидо-кобанская культура или колхидо-кобанская металлургическая провинция.

Сторонники объединения кобанской и колхидской культур определяли т.н. колхидо-кобанскую культуру как культуру в основном грузинского этноса (мегрело-чанского или сванского, в зависимости от предпочтения исследователя). Следствием такого подхода стало то, что территория Северного Кавказа была включена в ареал расселения древнегрузинских племен. Однако дальнейшие

academic.ru/706/Луристан (дата обращения 14.10.2018); Нераденко Т.Н. О связях племен кобанской культуры с Закавказьем и Передней Азией в конце II – начале I тыс. до н.э. // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ, 1989. С. 38–39; Луристанские бронзы // Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bigenc.ru/archeology/text/2159607 (дата обращения 14.10.2018).

[11] Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. Кн. 1. Баку, 2012. С. 135.

[12] Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993. С. 246.

исследования выявили четкие различия между археологическими памятниками Центрального Кавказа и Колхиды. В настоящее время памятники Центрального

Кавказа и Колхиды эпохи позднего бронзового и раннего железного века выделены в две отдельные культуры – кобанскую и колхидскую[13].

Более того, на протяжении III, II и первой половины I тыс. до н.э. на территории исторической Колхиды четко прослеживается преемственная связь материальных культур разных эпох, что не дает никаких оснований говорить о какой-либо смене автохтонного населения этих земель в указанный период. Некоторые изменения в археологическом материале, указывающие на проникновение в юго-восточные районы Колхиды новых этнических групп, наблюдаются лишь со второй половины I тыс. до н.э., точнее с рубежа IV–III в. до н.э. Разделение же пракартвельского языка на картвельский и мегрело-чанский произошло в VIII–VII вв. до н.э., т.е. во II тыс. до н.э. мегрело-чанские (западногрузинские) племена еще не выделились из пракартвельской языковой общности, а значит, никак не могли населять Колхиду.

В связи с появлением все больше новых материалов (топонимика, язык, антропология, древнегреческие письменные источники и др.), говорящих об абхазском облике колхидской археологической культуры, в исследовательской литературе было высказано предположение об абхазском характере кобанской (колхидско-кобанской) культуры[14]. Однако каких-либо следов пребывания абхазских племен в центральных и восточных районах Северного Кавказа ни в рассматриваемый период, ни раньше, ни позже не обнаруживается.

Пока нет никаких серьезных оснований и для того, чтобы поддерживать гипотезу о возможной адыгской принадлежности кобанской культуры. Впрочем, если все же принять во внимание такое предположение, неизбежно возникает вопрос о том, к какому этносу следует отнести носителей прикубанской археологической культуры. При этом, конечно, необходимо учитывать, что между племенами, являвшимися носителями кобанской, колхидской и прикубанской археологических культур, не было четко очерченных границ. Несомненно, между этими культурами происходил постоянный взаимообмен, а также случались проникновения в ту или иную сторону отдельных племенных объединений. Поэтому проживание некоторых групп племен – носителей колхидской и прикубанской культур, на периферии ареала кобанской культуры кажется вполне вероятным, как, впрочем, и существование кобанских племен на перифириях прикубанской и колхидской культур.

Одной из основных причин, вызвавших попытки объединить кобанскую и колхидскую археологические культуры и возникновение гипотезы о колхидско-кобанском единстве, является, на мой взгляд, то обстоятельство, что северные границы Колхиды того периода, по сложившейся традиции, ошибочно проводили по Главному Кавказскому хребту. Однако северная граница Колхиды пролегала не по Главному Кавказскому хребту, а по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, и по ней проходила и этническая граница, разделявшая носителей кобанской и кол-

[13] См.: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 159; Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С. 132–133.

[14] Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

хидской культур. Поэтому археологические памятники поздней бронзы и раннего железа Сванетии, Рача-Лечхуми и Двалетии не могут рассматриваться как части колхидской культуры[15].

Согласно мнению большинства современных археологов, наиболее научно аргументированной можно считать точку зрения, в соответствии с которой «кобанская и колхидская культуры, это отдельные, самостоятельные культуры, развивавшиеся в тесных взаимосвязях между собой»[16].

Колхидская, кобанская (и еще хронологически близкая прикубанская) археологические культуры – бесспорно, представляли собой три этнокультурные общности. В то же время они представляли собой одну историко-культурную область. Носители этих культур имели общее происхождение, являлись близкими и генетически родственными племенами, относящимися к единой, исконно кавказской языковой семье. Венгерский археолог Ласло Ференци, например, отмечает, что «родство, которое можно наблюдать в памятниках этих территорий, соответствует и древней языковой общности местных племен. Племена, жившие в районах рек Терек и Риони примерно до середины I тысячелетия до н.э., сохранили свою принадлежность к одной языковой семье»[17].

Ареал кобанской культуры в Закавказье. Что касается ареала кобанской культуры в восточной части Южного Кавказа, то обнаруженный здесь археологический материал конца II–I тыс. до н.э., особенно из Иоро-Алазанского бассейна, Самтавро, Триалети, Месхети и Джавахети, настолько сходен с кобанским, что, по мнению ряда археологов, пора ставить вопрос о принадлежности найденных памятников именно к кобанской культуре. Это сходство столь очевидно, что не считаться с ним невозможно. Так, например, в могильнике Цихиана близ селения Абано (Восточная Грузия) планиграфия могил и погребальный обряд поразительно напоминают близкородственные участки могил на погребальном поле близ Сержень-юрта (Чечня), где вокруг центральной могилы мужчины-воина расположены плотной группой могилы других членов семьи. Встречаются аналогии и среди вещей (топоры кобанского типа, обломок пинцета, железная гривна); очень выразительна, например, коллекция лепной посуды, прямые соответствия которой можно найти в могильниках Исти-Су, Нестеровского, Лугового (Чечня)[18].

[15] См.: Гумба Г.Д. Границы Азиасткой Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2004.

В последнее время высказано мнение о нахском облике колхидской культуры (см.: Кодзоев Н.Д. К вопросу об этнической принадлежности населения древней Колхиды // Вопросы истории Ингушетии. Вып. 9. Магас, 2012. С. 112–118), однако данная гипотеза имеет очень слабую научную доказательную базу.

[16] См.: Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С.132–133.

[17] Ференци Л. Вопросы хронологии некоторых кавказских спорадических находок коллекции Зичи // Aziparmuveszeti Museumevkonyvei. III–IV, 1959, Budapest, 1960. С. 312; см. также: Крупнов Е.И. О происхождении и датировке кобанской культуры…С. 60.

[18] См.: Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии. (К вопросу о ведущих

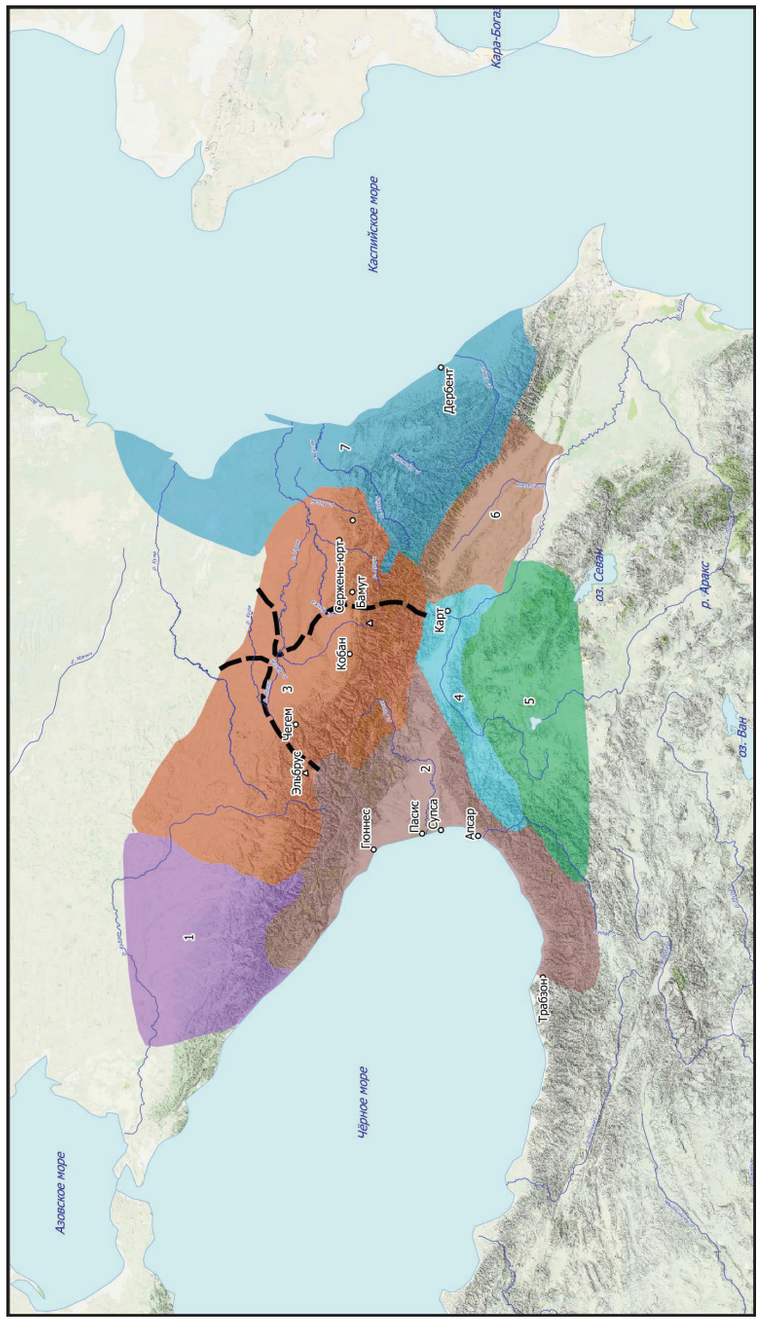

Рис. 20. Археологические культуры на территории Кавказа XIII/XII–IV/III вв. до н. э. (составитель Г.Д. Гумба)

Условные обозначения:

1 – Прикубанская культура
2 – Колхидская культура
3 – Кобанская культура
4 – Самтаврская культура
5 – Триалетская культура
6 – Восточнокавказская культура
7 – Каякентско-Харачоевская культура
– – – Границы локальных вариантов кобанской культуры

Как отмечают археологи, «все материальные признаки могильника Цихиана … обнаруживают несомненную близость с памятниками оседлой кобанской культуры Северного Кавказа середины I тыс. до н.э.». Ю.Н.Воронов вообще рассматривает памятники Самтавро и Триалети первой половины I тыс. до н.э. как самтавро-триалетский локальный вариант колхидско-кобанской культуры[19]. Хотя исследователь и использует термин колхидско-кобанская культура, доказательной базой его тезиса служат как раз материалы из Тли, Сачхери, Рачи, бассейна Терека, Хулхулау и т.д., т.е. классические кобанские памятники, имеющие поразительное сходство с материалами из Самтавро и Триалети.

Проблема взаимоотношений кобанской культуры с триалетской и самтаврской культурами еще недостаточно исследована, а потому, конечно, говорить по этой теме что-либо определенное пока нельзя. Вместе с тем, сам факт столь поразительного сходства между перечисленными культурами наводит на мысль, что, возможно, их носителями были родственные племена, принадлежавшие к единой этноязыковой группе. Во всяком случае, накопленный к сегодняшнему дню материал делает вполне правомерным существование такой гипотезы.

В настоящее время стало возможным наметить западную, южную и восточную границы кобанской культуры, в то же время определить северные пределы ее распространения гораздо сложнее.

Можно лишь предположить, что на севере кобанская культура охватывала Ставропольскую возвышенность и «степные районы междуречья Кумы и Терека»[20].

На основе имеющихся сегодня материалов можно с достаточной уверенностью утверждать, что ареал кобанской культуры охватывал северную и южную части Центрального Кавказа, а именно: к северу от Главного Кавказа – от верховьев Кубании Ставропольской возвышенности на западе до правобережья Аксая и подножья Андийского хребта на востоке; к югу от Главного Кавказа – от верховьев Ингура на западе до верховьев Алазани на востоке. Южные пределы распространения кобанской культуры в Западном Закавказье проходили по Эгрисскому и Рачинскому хребтам. Южная граница кобанской культуры в Восточном Закавказье, как уже было отмечено, не столь однозначна, и для ее уточнения необходимы дополнительные исследования. Вместе с тем, археологический материал, которым в настоящее время располагает наука, не противоречит предположению о том, что верховья Арагви, Йори и Алазани входили в ареал кобанской культуры.

типах орудий позднебронзовой культуры). Советская археология. Т. XVIII. 1953. С. 295; Пицхалаури К.Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV–VII вв.до н.э.). Автореферат дисс….. док. ист. н. Тбилиси, 1972. С. 10; Нуцубидзе А.А. Археологические раскопки в сел. Абано // Вопросы археологии Грузии. 1978. Вып. I. Тбилиси, С. 65–73; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С.134–135.

[19] См.: Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («колхидско-кобанская культура») // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978. С. 13–14; Козенкова В.И. Культурно-исторические... С. 135.

[20] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 135.

При этом следует иметь в виду, что, как отмечалось выше, границы кобанской культуры не были устоявшимися и периодически менялись. Как справедливо заметила В.И. Козенкова, более чем тысячелетняя история автохтонного развития данной культуры – от формирования и расцвета до наиболее поздней трансформации – говорит о том, что контур ареала был пульсирующим, т.е. то расширялся, то сжимался под воздействием сочетания различных факторов[21].

Кобанские города. Многолетними усилиями выдающегося российского археолога В.Н. Козенковой в Сержень-Юртовском поселении Чечни у р. Хулхилау было вскрыто «поквартальное размещение жилых и хозяйственных сооружений, разделенных узкими, вымощенными булыжником улицами. Дома были наземными, турлучными, крыши камышовые, полы глинобитные. В домах очаги»[22]. Археологи отмечают, что мостовые – явление, порожденное местными условиями быта, возникли в конце II тыс. до н.э. и являются ценным свидетельством бытования у населения элементов благоустройства, характерных для ремесленных городов древности.

Если исследования Сержень-Юртовского поселения обогатили представления о типах поселений кобанской культуры I тыс. до н.э., то новейшие открытия (Кабардинка-1, Кабардинка-2, Татарское, Грушевское и др.) практически снимают вопрос о характере этих поселений, которые, несомненно, имеют классические признаки ранних городов древности. Так, раскопки недалеко от Кисловодска (Кабардинка-2) выявили городское поселение кобанской культуры, насчитывавшее тысячу и более жителей. Столь значительными поселениями не могут похвастаться даже государства Ближнего Востока того периода.

Грушевское городище в районе г. Ставрополя – другой важный пример подлинного расцвета кобанской культуры и нахо-кобанских племен. Оно располагалось на Ставропольской возвышенности (в черте современного Ставрополя), было укреплено мощными каменными стенами и функционировало с VIII–VII по IV вв. до н.э. Городище играло роль торгового центра всего Предкавказья и Северного Кавказа, в котором долгое время находились и греческие торговые фактории, имевшие постоянные связи с Причерноморьем, а оттуда с Грецией. Жители Грушевского городища в течение длительного времени вели оживленную торговлю с Боспором (откуда транзитом получали малоазийские товары, в частности, амфоры с острова Родоса), Колхидой и регионами Северного Причерноморья, со степными племенами Поволжья, Придонья и т.д. Грушевское городище – это, по сути, полиэтничный город, в котором наряду с основным кобанским (нахским) населением жили в обособленных кварталах эллины (греки), меоты (адыги) и представители степных племен (скифы, сарматы идр.)[23].

[21] Козенкова В.И. Об уточненных границах кобанской культуры // Древний Кавказ:ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 34–45.

[22] Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический памятник (Северный Кавказ). М., 2001. С. 45.

[23] Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей (V в. до н.э. – XI в. н.э.). Ставрополь, 1999. С.185, 319; ИльинскаяВ.А.,Тереножкин А.И. Скифия VII–IVвв. до н.э. Киев, 1983. С. 86.

Кобанское общество. Встречающиеся до сих пор утверждения о слабом развитии социальной иерархии в кобанском обществе чаще всего базируются на сохранении коллективной (общинно-родовой) собственности на землю. Однако устойчивое сохранение общинной собственности характерно для всего переднеазиатского и кавказского регионов, причем ее наличие не стало препятствием для образования развитых для своего времени государственных образований. При этом фактически существовавшая частная собственность на землю оформлялась в формальных рамках общинной собственности.

Что касается непосредственно Северного Кавказа, то здесь появление частной собственности на землю связывается с развитием террасного земледелия. Согласно обычному праву, по всему Кавказу собственностью отдельных семей являлись и окультуренные участки, самостоятельно раскорчеванные ими. На наличие частной собственности указывает и распространение малой семьи в эпоху поздней бронзы. Таким образом, имеется достаточно оснований признать наличие, наряду с коллективной собственностью, частной собственности на землю в зоне распространения кобанской культуры.

Имеющиеся археологические материалы позволяют наглядно проследить процесс имущественной и социальной дифференциации кобанского общества.

Так, если в ранних кобанских захоронениях повсеместно наблюдается большое количество бронзовых предметов, то позднее появляются богатые и бедные захоронения[24].

Определенная иерархия отмечается как между родоплеменными объединениями, так и внутри них. Не исключается и существование даннических отношений[25] между отдельными родоплеменными объединениями кобанцев.

Всадничество. Не вызывает сомнений и значительная роль всадничества в кобанском обществе, а применительно к VII–VI вв. до н.э. отмечается наличие в воинском сословии ряда иерархических рангов. Так, для представителей высшего ранга характерно наличие захоронений с конем или уздечкой коня и полным комплектом вооружения: лук, меч-акинак или кинжал, топор-секира и боевой нож. Воины первого ранга составляли 5–13% от числа погребенных воинов. Воины второго ранга имели три вида вооружения, воины третьего ранга – два вида вооружения (лук и меч-акинак или секира), а четвертого ранга – только один вид оружия, как правило, меч-акинак[26].

Известно, что в ранних государственных образованиях переднеазиатского региона наряду с «классической» царской властью существовали и более демократические формы правления. Например, для касков/кашаки (Северо-Восточная Анатолия и Южное Причерноморье) не характерно правление одного лица, а в целом ряде государственных объединений наряду с царями суверенитет страны олицетворяли «старейшины» и «народ». Также и для Кавказа издревле характер-

[24] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 333.

[25] Дударев С.Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 20–21.

[26] Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984. С. 56–57.

но разнообразие социального строя и политического устройства. Наряду с ранними государствами здесь существовали независимые союзы сельских обществ, порой охватывавшие значительные территории. Изученные материалы дают основание утверждать, что в начале I тыс. до но.э. нахи-кобанцы достигли в своем социальном развитии раннегосударственного уровня[27].

§2. Вопросы развития нахских племен Центрального Кавказа

Оседлость и усложнение кобанского общества. Для кобанцев характерна прочная оседлость, достаточно высокий уровень сельского хозяйства и развитые ремесла. Например, археологические исследования в Кисловодской котловине показали, что в кобанскую эпоху здесь появились одиночные, двойные или тройные крупные террасы с высокими откосами на крутых склонах. В совершенстве овладев технологией террасирования склонов, кобанское общество получило практически неиссякаемый источник земельных угодий, что создало предпосылки для демографического роста и достижения большой плотности населения в регионе на рубеже позднего бронзового – раннего железного веков[28].

Кобанские поселения располагались на естественно укрепленных возвышенностях (Сержень-Юртовское поселение в Чечне, Змейское в Северной Осетии, поселение на Крестовой горе в Кисловодске и др.). Жилища были наземные из камня и плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой. На отдельных поселениях прослежены остатки узких улочек, вымощенных булыжником. Строения, как правило, состояли из двух отделений: жилого и хозяйственного. В хозяйственной половине открыты остатки домашнего производства, косторезного, камнеделательного, гончарного. Особо выделяются сооружения, связанные с металлообработкой. В ареале кобанской культуры обработка железа велась уже в начале I тыс. до н.э. Ремесленные мастерские, как правило, были обособлены от жилых кварталов, наблюдается специализация металлургов, литейщиков и кузнецов, однако ювелирное дело еще не выделилось в отдельное производство.

Сложной представлялась **погребальная обрядность**. Могильники кобанской культуры располагались вблизи поселений. Захоронения производились, а) в простых грунтовых ямах; б) в ямах со стенками, выложенными булыжником или плитками; в) в массивных каменных ящиках, перекрытых целыми или обломками плит. Покойники погребались в скорченной позе, на левом или правом боку, с руками, помещенными перед грудью или перед лицом. В могилу помещались глиняные и бронзовые сосуды, заупокойная пища, в том числе туши домашних животных. В мужских могилах конца IX – рубежа VIII–VII вв. до н.э. иногда вместе с покойником погребался и его конь с полным набором узды. В мужских

[27] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 269–300.

[28] Коробов Д.С., Борисов А.В. Террасное земледелие кобанской культуры в Кисловодской котловине // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 153–155.

могилах встречаются орудия труда и разнообразное оружие. В женских – нередки глиняные грузики для веретен, швейные иглы, предметы, связанные с первобытной магией. Специфические формы украшений, оружия и особенно посуда хорошо выделяют носителей кобанской культуры среди других племен Кавказа и сопредельных областей.

Посуда древних кобанцев разнообразна: корчагообразные черполощеные сосуды, сосуды с округлым туловом и плавно отогнутым венчиком, миски, кружки. Сосуды центральной и западной групп памятников кобанской культуры украшались нарезным геометрическим узором, а для восточной группы характерен налепной орнамент. К середине I тыс. до н.э.отмечается общее огрубление техники домашнего гончарства и появление новых форм[29].

Вопросы этноязыковой принадлежности кобанской культуры. Нахская основа. Сегодня большинство исследователей склонны решать вопрос этнической составляющей кобанцев в пользу именно нахских племен. По Е.И. Крупнову, после последовательного и неоднократного внедрения ираноязычных элементов в местную кавказскую этноязыковую среду кобанской культуры стали формироваться «основы будущих народностей срединной части Северного Кавказа – чечено-ингушей и осетин»[30]. Согласно В.И. Абаеву, «осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате», и этот субстрат является общим для чечено-ингушского и осетинского языков и «родственным чечено-ингушскому языку»[31].

Правда, археолог Б.В. Техов, в полном противоречии со своими же предыдущими положениями, стал вдруг относить носителей кобанской культуры к индоарийским племенам без какого-либо приведения новых материалов. Как было отмечено учеными: «Все это, безусловно, лежит в сфере не науки, а политики»[32]. В.И. Марковин считает, что «современные осетины в древности также были вайнахами, а затем долгое соседство с аланами и их влияние лишили их родного языка, и они стали называться осетинами, а другая часть вайнахов – ингуши и чеченцы – сохранили свой язык». В.А.Кузнецов также приходит к выводу о проживании «древневайнахских» племен (арги) на территории Центрального Кавказа до проникновения в эти места ираноязычных племен. В.Б. Виноградов, указывая на существование в пределах кобанской культуры «вполне зримой этнической общности», полагает, что единым языком этой общности, представленным «во

[29] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 62; Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001. С. 89.

[30] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 395.

[31] Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 78; Его же: Осетино-вайнахские лексические параллели. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института ИЯЛ. Т. 1. Вып. 2. Грозный, 1959. С. 107.

[32] См.: Техов Б.В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып. 1. М. 1994. С. 4–20; Скаков А.Ю. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб., 2010. С. 53.

множестве более или менее близких диалектов, был протовайнахский». Помимо этого, он делает весьма важное замечание о том, что «постоянное акцентирование процесса дробления кобанской этнической общности на дочерние «этнографические группы» не снимает вопроса о наличии у кобанцев (всех или крупных их частей) общего самосознания, а также и собирательного названия». Указывая на то, что «аборигенное население, создавшее кобанскую культуру, приобретает все права этнической общности», В.Б.Виноградов выдвинул гипотезу о наличии у кобанцев в VII–IV вв. до н.э. «общего наименования, которое в определенных условиях отражало самосознание кобанской этнической общности»[33].

В настоящее время, похоже, можно говорить о том, что подобная гипотеза находит реальное подтверждение в письменных источниках. Так, в «Ашхарацуйце» отражено общее самоназвание нахов–нахче (нахчематеан) и нах (нахаматеан), в грузинских и античных источниках приведены общие собирательные названия древних нахов – кавкасианы, дзурдзуки, махли (малхи), мосхи/масахи, под которыми они были известны своим соседям в I тыс. до н.э. Территория проживания нахских племен в это время практически полностью совпадает с ареалом распространения кобанской культуры.

Впрочем, следует отметить, что сама постановка вопроса о связи нахского этноса с кобанской археологической культурой не только правомерна, но давно уже подготовлена развитием всей кавказоведческой науки.

Языковая ситуация на Кавказе в период бытования кобанской культуры. В относительно недавнем прошлом большинство языковедов были убеждены в глубинном генетическом родстве абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских языков и объединяли их в единую иберийско-кавказскую семью. Однако результаты новейших лингвистических исследований свидетельствуют о необоснованности гипотезы о генетическом родстве указанных языков. Предположения эти базировались лишь на типологических и ареальных совпадениях, что не нашло подтверждения в реконструированной в наши дни праязыковой лексике. Сегодня наука располагает достоверными сведениями о том, что картвельские языки представляют собой особую языковую семью, а пракартвельский язык генетически связан с древними протоафразийским и протоиндоевропейским языками[34].

Абхазо-адыгские и нахско-дагестанские или, как все чаще встречается, нахские и дагестанские (восточно-кавказские) языки образуют отдельную языковую семью, т.н. северокавказскую. Их общий протокавказский уровень реконструируется с высокой степенью достоверности. Северокавказская языковая семья имеет в своем составе три группы (или подсемьи) – западную или абхазо-адыгскую,

[33] См.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 308–309; Его же: Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 310; Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 61; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С.148–149.

[34] См.: Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I. Тбилиси, 1984 и др.

центральную – нахскую и восточнокавказскую или дагестанскую. Помимо живых абхазо-адыгских и нахо-дагестанских языков к северокавказской семье относятся в качестве особых ветвей древние языки Южного Кавказа–хаттский (абхазо-адыгская подсемья), хуррито-урартские и этрусский (нахская подсемья). Как отмечают исследователи, «первоначально северокавказские языки занимали не только Северный Кавказ, но весь Кавказ без исключения и многие прилегающие области». Поэтому С.А. Арутюнов вместо названия северокавказские вводит в научный оборот термин кавказские, или исконно кавказские (языки), с чем следует согласиться[35].

Сравнительно-исторический анализ исконно кавказских языков дает неоспоримые доказательства формирования нахской этноязыковой общности на территории распространения кобанской культуры. Еще Н.Я. Марр пришел к выводу о том, что в древности абхазы, адыги, вайнахи и дагестанцы занимали территорию всего Кавказского региона – от Черного и Азовского морей до Каспийского, и лишь позднее в их родственную среду вклинились грузинские, иранские и тюркские племена[36].

Мнение Н.Я. Марра, получившее подтверждение в результате новейших исследований, сегодня разделяет большинство специалистов-языковедов. Что же касается нахских народов (чеченцев, ингушей и бацбийцев), их язык занимает промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками, и они проживали на землях, расположенных между дагестанскими и абхазо-адыгскими племенами, т.е. в центральных районах Кавказа.

Соседство между нахскими и абхазо-адыгскими языками было довольно длительным, что не могло не отразиться на уровне языковых соответствий между ними. Как отмечают языковеды, степень лексической близости между абхазо-адыгскими и нахскими языками обусловлена не только общностью их происхождения, но и длительным сосуществованием. Позже, в результате постепенного занятия ираноязычными и грузиноязычными племенами промежуточных зон между абхазо-адыгскими и нахскими племенами и вызванного этим прекращения непосредственного этнического соседства, процесс дивергенции между языками последних углубился[37].

Иранский язык и кавказский субстрат у осетин. Непосредственными потомками ираноязычных племен по языку на Кавказе считаются осетины. Однако специалисты-языковеды обращают внимание на то, что «осетинский язык, имея бесспорную иранскую основу, в то же время носит глубокие следы влияния кавказских языков в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе, которые не могут рассматриваться как внешние заимствования, а представляют органический вклад из кавказского субстрата, т.е. из тех языков, которые были на данной тер-

[35] Арутюнов С.А. Языки народов Кавказа // Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство (в соавт. с М.Г. Абдушелишвили, Б.А. Калоевым). М., 1994. С. 94.

[36] Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 148.

[37] См.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков ипроблемы происхождения и развития горских кавказских народов. М., 1963. С. 56; Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве… С.137–138.

ритории до появления здесь североиранских племен». Как отмечает В.И. Абаев: «…в осетинском мы имеем дело не только с кавказскими влияниями, но с кавказским субстратом. Что это значит? Это значит, что в формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский». Кроме того, В.И. Абаев особо подчеркивает: «Что касается позднейших культурных влияний и взаимодействий осетин с соседними кавказскими народами – грузинами, кабардинцами и другими, то их мы, конечно, не должны смешивать с проблемой субстрата. Проблема субстрата есть проблема становления языка и народа»[38].

Относительно вопроса о том, какой именно из кавказских языков сыграл роль субстрата в осетинском языке, В.И. Абаев отмечает, что «в осетинском имеются отложения, идущие из местных субстратных яфетических языков, родственных, по-видимому, чечено-ингушскому», при этом он дает четкие научные критерии, по которым можно отличить языковой субстрат от заимствований, произошедших в процессе культурных взаимовлияний и взаимодействий. Отвечая скептикам, которые считают, что чеченские и ингушские элементы, имеющиеся в осетинском языке, следует все же называть не субстратом, а заимствованиями, известный языковед пишет, что такой «скептицизм лишен основания и порождается недостаточной осведомленностью в существе дела… Помимо языковых, явление субстрата характеризуется другими последствиями: антропологическими, этнографическими, всем обликом материальной и духовной культуры. Стало быть, о субстрате можно говорить только тогда, когда налицо весь комплекс его проявлений: антропологических, этнографических, языковых. Для осетинского это проверено и полностью подтверждается»[39].

Лексика осетинского языка, в которой есть названия, отражающие исконно горский уклад жизни, горную флору и фауну и имеющие субстратный характер, восходит не собственно к «чечено-ингушским», а к нахским языкам, в т.ч. к тем, на котором говорили прямые предки осетин. Этот факт, вне всякого сомнения, свидетельствует, во-первых, о том, что в районах Центрального Кавказа пришедшие ираноязычные племена встретили именно нахские племена; во-вторых, пришлое и автохтонное население долгое время проживали совместно, вследствие чего имел место длительный период двуязычия, в течение которого часть нахского населения, переходя на иранский язык, продолжала одновременно пользоваться старым языком и, говоря на новом языке, использовала нормы произношения родного языка, перенося из него в иранский (осетинский) множество слов.

Как известно, «наличие языкового субстрата предполагает наличие субстрата этнического»[40]. Именно присутствие всех проявлений субстрата (антропологических, этнографических и языковых) в комплексе, а также поразительное сходство материальной и духовной культуры ираноязычных осетин с культурой чеченцев и ингушей, дало основание для заключения о том, что «современные осетины в древности также были нахами, а затем долгое соседство с аланами и их влияние лишили их родного языка и они стали называться осетинами, а другая часть нахов – ингуши и чеченцы – сохранили свой язык»[41]. То есть, перед нами хорошо известный из истории пример, когда население определенной территории, оставаясь биологическими потомками ее более ранних обитателей, усваивает язык немногочисленных пришельцев и превращается в народ иной языковой принадлежности. Причины перехода части нахского населения на иранский язык могли быть различными, но основная причина кроется скорее в легкости и доступности иранского языка по сравнению с богатыми горловыми звуками нахского языка[42]. Что же касается тюркских языков Центрального Кавказа (карачаевский, балкарский), то, как отмечают лингвисты, в них «не удается выделить какие-либо следы кавказского корня». «Следует полагать, – пишет А.И. Абдоков, – что тюрки непосредственно не наслоились на кавказские племена, еще говорившие на автохтонных языках, а встретили их уже ассимилированными ираноязычными племенами»[43].

Нахский языковой субстрат в Центральном Закавказье. Факт проживания нахских племен в древности и в средневековый период к югу от Главного Кавказского хребта, на всей территории горной части современной Грузии в научной литературе не оспаривается. Как пишет Т.А. Очиаури, «то, что на этой территории действительно нахское население было представлено раньше, отчетливо выявляется… не только по языку, но и по преданиям, и по культурным институтам, и по памятникам материальной культуры, и по топонимике»[44]. Можно с уверенностью говорить, что область распространения нахских языков в закавказской части Центрального Кавказа в древности также совпадает с ареалом кобанской археологической культуры.

[38] Абаев В.А. Осетинский язык и фольклор... С. 80; Его же. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение еосетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 19–20: Его же. Armeno-ossetica.Типологические встречи // Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Ереван, 1977. С. 47.

[39] Абаев В.А. Осетинский язык и фольклор... С. 75; Его же. Armeno-ossetica... С. 51.

[40] Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993. С. 201.

[41] Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги... С. 61.

[42] Такова была, например, ситуация при расселении ираноязычных племен также и по территории Иранского нагорья или индоариев – по северным областям Индостана: современные иранцы и индоарийские племена антропологически относятся к доиранскому и доарийскому населению этих регионов, но их языки восходят к тем языкам, которые в конце II – начале I тыс. до н.э. проникли сюда с севера.

[43] Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве… С. 136.

[44] См.: Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям. Автореф. дисс… докт. ист. н. Тбилиси, 1969. С. 15. См. также: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Тбилиси, 1948. Т. I. С. 75 (на груз. яз.); Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Академии наук. СПб., 1916. № 6. С. 35, 42–44; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. М., 1959. С. 95; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Т. II. Тбилиси, 1968. С. 12–40; Утургаидзе Ф.Г. Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка. Тбилиси, 1966. (на груз. яз.); Топчишвили Р.А. Культурно-исторические вопросы миграции горского населения Восточной Грузии (на примере Пшавии Хевсурети). Дисс….канд.ист.н. (на правах рукописи).Тбилиси, 1979 и др.

Следует отметить и другое весьма интересное обстоятельство: на территории исторической Колхиды, расположенной к югу от Эгрисского и Рачинского хребтов, в мегрело-чанском языке обнаруживается очевидный абхазский языковый субстрат, свидетельствующий о том, что в этих местах грузинским племенам (мегрело-чанам) предшествовали абхазские племена, а в картвельском языке – нахский языковый субстрат, указывающий на то, что на территории Картли до прихода грузинских (картвельских) племен проживали нахские племена[45].

Нахская топонимия Центрального Кавказа. В результате ряда научных исследований установлено, что по всей территории Центрального Кавказа – от Приэльбрусья до Андийского хребта, обнаруживается множество топонимических названий, тождественных географической номенклатуре современных Чечни и Ингушетии. Еще на заре кавказоведения краевед Ф.И Горепекин писал, что «многие топографические названия, божества и религиозные верования, имена и мн. др. на осетинской территории необъяснимы у осетин или объясняются искаженным понятием, разъясняются ингушским (в данном случае, естественно, нахским языком самих предков осетин. – Авт.) языком»[46].

К сожалению, в полном объеме топонимия Центрального Кавказа еще не собрана и не проработана, однако значительная ее часть приведена в работах ученых-кавказоведов (И.А. Харадзе, И.А. Робакидзе, В.А. Кузнецов, В.Н. Гамрекели, К.З. Чокаев, В.П. Кобычев, А.Дз. Цагаева, Ф. Утургаидзе, И.А. Шавхелишвили, А.С. Сулейманов, И.Ю. Алироев, Я.С. Вагапов, и др.). Этот топонимический материал хорошо отражен в научной литературе. Согласно заключениям специалистов, многие топонимы, встречающиеся в южной и северной частях Центрального Кавказа, могут быть объяснены лишь на основе нахских языков, а элементы, их образующие, не встречаются ни в одном другом языке. Данный факт, безусловно, исключает случайные совпадения и определенно указывает на то, что народы, в среде которых возникли эти названия, принадлежали к нахскому этническому миру.

Из нахской топонимии Центрального Кавказа приведем лишь группу географических названий с повторяющимся окончанием *шк(ск), шq(sq)*, встречающихся на территории нагорной полосы Кабардино-Балкарии, Осетии, Ингушетии и Чечни. Впервые на множество необъяснимых топонимов с формантом *шк/ск* (Дзарашки, Тайнашки, Рцевашки, Гелиска, Тамиска, Мужрашки, Бодушкуи др.), зафиксированных в горных районах Кабардино-Балкариии, Северной Осетии, обратил внимание В.И. Абаев. Позднее А.Дз. Цагаевой удалось выявить дополнительно еще 30 топонимов с окончанием *шк/ск*, большая часть которых соответствует географическим объектам горной Дигории, Алагирского и Куртатинского ущелья, левобережья р. Терек[47].

[45] См.: Марр Н.Я. Указ. соч. С. 42–44; Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. 9 XII. С. 149–168; Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов // «Манатоби», № 12. Тбилиси, 1956. С. 725; Меликишвили Г.А. К истории древней-...С. 95; Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 60–70; Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (Исследования и тексты).Тбилиси, 1964. С. 46–48; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976. С. 45–50 и др.

[46] Горепекин Ф.И. Труды / Сост. М.С. Албогачиева-Гадаборшева. СПб.-Магас, 2006. С. 105.

В.И. Абаев предположил, что в этих топонимах формант *шк(ск)* может быть показателем множественности: «…Так как наиболее обычным суффиксом в топонимических названиях бывает показатель множественности, то приведенные термины позволяют высказывать гипотезу, что в «доисторическом» процессе формирования центрально-кавказских этнических культур участвовала общественность, говорившая на языке, имевшем показатель множественности (или иной формант) *ск(шк)*»[48].

Действительно, *шк(ск)* – это широко известный в вайнахской топонимии суффикс, представляющий собой сложный топоформант, состоящий из: «*ш(с)*– форманта множественного числа, и *ка(и)/qа(и)* – суффикса топонимообразования (исторически формант напр. падежа)».

На территории Чечни и Ингушетии топонимы с суффиксом *шк/ск* распространены довольно широко, но наиболее часто в нагорной полосе. Ученый высказал научно обоснованное предположение, что древние топонимы с суффиксом *шк(ск)*, выявленные на территории Центрального Кавказа – от Приэльбрусья на западе до Андийского хребта на востоке, принадлежали этнической общности, родственной по языку предкам современных чеченцев и ингушей, которые явились субстратной основой в процессе образования осетин, балкар и карачаевцев[49].

А.Дз. Цагаева, подтвердив вслед за В.И. Абаевым и К.З. Чокаевым древность топонимического форманта *ск/шк*, все же высказала сомнение в его идентичности с нахским сложным формантом *ск/ш*[50].

Для доказательства принадлежности тех или иных древних топонимов Центрального Кавказа к иранскому языку или языку коренных кавказцев, помимо общего логического рассуждения нужны, несомненно, научно обоснованные аргументы, подкрепленные данными смежных научных дисциплин.

В рассматриваемом случае правомерность мнения о том, что топонимический формант *ск/шк* относится именно к нахскому этническому миру, подтверждается не только тем, что отмеченные элементы топонимообразования свойственные исключительно нахским языкам и не встречаются в других языках, но и тем, что на указанной территории существуют топонимы иного типа, также находящие объяснение лишь в нахских языках[51].

[47] Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор... С. 289–290; Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 1. Орджоникидзе, 1971. С. 66–67.

[48] Абаев В.И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // Язык и мышление. Л., 1933. Т. 1. С. 88.

[49] См.: Чокаев К.З. Суффиксальные образования топонимических названий в вайнахских языках // Труды Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Т. 6. Вып. 3. Грозный, 1973. С. 49–63.

[50] ЦагаеваА.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 1. Орджоникидзе, 1971. С. 40, 60–61, 63, 68–69.

[51] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С.105–109.

Широко представлена **нахская топонимия и к югу от Главного Кавказа,** на что обратили внимание еще дореволюционные и первые авторы советского времени П.К. Услар, К.М. Туманов, И.А. Джавахишвили, Г.А. Меликишвили и др. Отметим известный факт, что на территории Картли и Кахети выявлено множество топонимов, объясняемых лишь на основе нахских языков. Ученые к ним относят, например, группу топонимов, в состав которых входят нахские суффиксы *– ла, – го, – со, – тана (-la, – go, – co, –tana)*[52].

Таким образом, на территории всего Центрального Кавказа, включая южный и северный склоны Главного Кавказского хребта, где сегодня распространены адыгский, осетинский, картвельские и тюркские языки, обнаруживаются не отдельные географические названия, а целая система нахских топонимов. Это, безусловно, является весьма серьезным свидетельством длительного и повсеместного присутствия на территории Центрального Кавказа нахского этноса.

Несмотря на сложность датировки топонимики, все же можно установить определенные хронологические рубежи, за пределами которых возникновение нахской топонимики в западной части Центрального Кавказа маловероятно. Такими рубежам и являются I тыс. до н.э. и первая половина I тыс.н.э. Появление нахских топонимов в этих местах в более позднее время, видимо, следует исключить ввиду начавшегося процесса иранизации. Во всяком случае, нет каких-либо свидетельств проживания нахов в западной части Центрального Кавказа во II тыс. н.э. Таким образом, как уже давно отмечено в научной литературе, формирование на территории Центрального Кавказа нахской топонимической общности относится и «ко времени существования на Северном Кавказе и в части Закавказья кобанской культуры», которая территориально охватывала «тот самый ареал, где мы находим идентичную топонимию»[53]. Все это является еще одним подтверждением тому, что носителями кобанской археологической культуры были именно нахские племена.

Нахский фольклор. К данным языка о племенах кобанской культуры примыкают богатые фольклорные материалы. В современной науке данные фольклора, в частности этногенетических преданий и легенд, весьма плодотворно используются в качестве дополнительного источника информации при восстановлении отдельных этапов истории различных народов. Специалисты признают, что историческое ядро содержащихся в фольклоре данных можно выделить достаточно убедительно – благодаря устойчивости предания или эпического сюжета, прошедшего через столетия и даже тысячелетия[54].

[52] См.: Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1967. С. 138; Утургаидзе Ф.Г. Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка. Тбилиси, 1966. С. 84–103 (на груз. яз.); Шавхелишвили И.А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. С. 67 и др.; Макалатия П.Н. Топонимика Пшави Арагвского ущелья. Дисс….канд. ист. н. Тбилиси, 1971 (на правах рукописи); и др.

[53] Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М.,1977. С. 173.

[54] Липец Р.С., Серов С.Я. Предисловие к книге «Этническая история и фольклор».

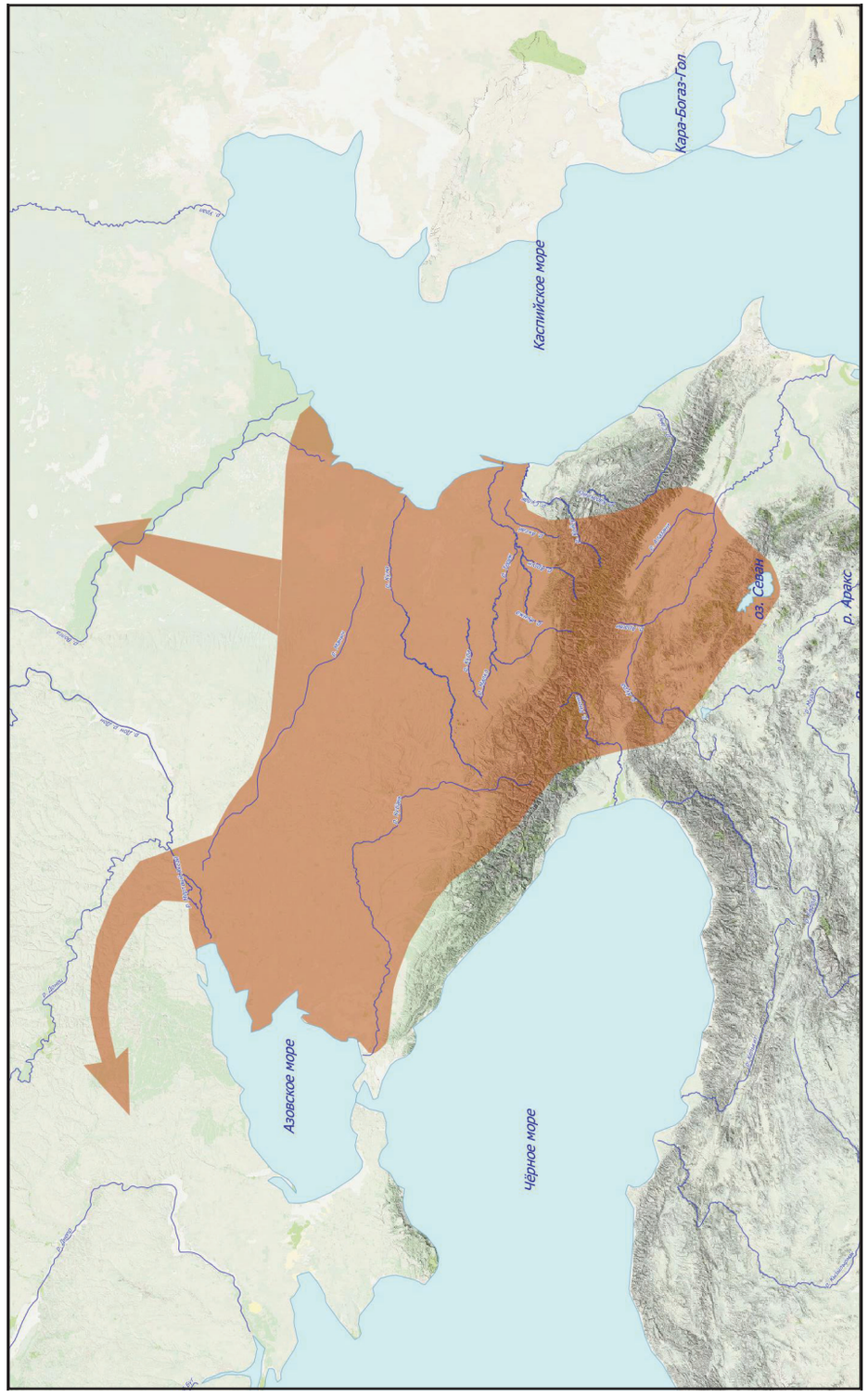

Рис. 21. Примерная территория распространения кобанской культуры нахских племен в II–I тыс. до н. э. по последним данным

Согласно преданиям, после прибытия с юга нахские племена сначала поселились в западных районах Центрального Кавказа, а затем перебрались в его восточные районы. Безусловно, процесс продвижения нахов с запада Центрального Кавказа на восток происходил на протяжении длительного времени, к тому же в этот процесс было вовлечено не все население. В связи с этим приобретают особое значение предания, сохранившиеся у ныне населяющих данную территорию осетин – потомков по языку пришлых ираноязычных племен. Ведь если картина, воссоздаваемая на основе этногенетических преданий нахских народов, верна, то вполне вероятно, что отголоски отраженных в ней событий могут проявиться и в осетинских сказаниях. И действительно, в сохранившемся до наших дней богатом фольклоре осетинского народа мы находим предания, подтверждающие предания чеченцев и ингушей. Согласно этим рассказам, предки осетин застали территории Центрального Кавказа густо заселенной автохтонными племенами, и жилища пришельцев в то время «соседили с поселениями других, более ранних, иноплеменных родовых групп»[55]. В преданиях сохранились также и названия этих народов. Помимо вышеупомянутого малхи (махли), которым ираноязычные племена называли нахские племена Центрального Кавказа в I тыс. до н. э., кавказоведы к вайнахскому этносу относят также народ арги, проживавший, судя по данным топонимики, практически по всей равнинной территории Центрального Кавказа – от Нальчика до Грозного[56].

§3. Антропология нахо-кобанских племен

Современные народы являются преемниками культуры, языка и антропологического типа своих предков. Причем, в отличие от языка, антропологическая преемственность остается неизменной, и народ наследует в доминирующей форме характерные признаки той древней этнической группы, которая составляла большинство в период формирования нового этноса.

Антропологическое изучение народов Кавказа насчитывает более ста лет. За это время в фундаментальных работах В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца, М.Г. Абдушелишвили, А.Г. Гаджиева, В.П. Алексеева, М.М. Герасимова, К.Х. Беслекоевой и др. были достаточно основательно исследованы этапы формирования антропологических типов на Кавказе, их генетические взаимоотношения и преемственность. Результаты этих исследований сегодня широко используются при разработке вопросов этногенеза кавказских народов. Вместе с тем, объем палеоантропологического материала, особенно по Северному Кавказу, пока недостаточен, а степень его изученности все еще не удовлетворительна, вследствие чего возникают дискуссии среди специалистов[57]. Но такое положение не вызывает удивления, поскольку процесс этногенеза народов Кавказа – явление чрезвычайно сложное.

М.,1977. С. 3–8.

[55] Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 25.

[56] Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 148–149.

[57] См.: Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой

На протяжении тысячелетий на Кавказ периодически проникали различные группы племен Передней Азии, а также племена степных кочевников. В те или иные периоды времени соотношение местных и пришлых элементов менялось, что также не могло не отразиться на характере этногенеза и на некоторых физических особенностях тех или иных народов. Поэтому, казалось бы, вполне естественно, что разные по языковой принадлежности народы, населяющие ныне Центральный Кавказ, должны были бы относиться к различным антропологическим типам.

Кавкасионский тип. Однако вопреки всем ожиданиям, результаты антропологических исследований показывают, что народы, населяющие северный и южный склоны Большого Кавказского хребта, относятся к одному антропологическому типу. Нахи (чеченцы, ингуши и бацбийцы), ираноязычные осетины, тюркоязычные карачаевцы и балкарцы, грузиноязычные горные этнографические группы современной Грузии (сваны Метийского и Метехского районов, рачинцы, хевсуры, мохевцы, пшавы, тушины, мтиульцы и гудамакары), а также аварцы – андийцы и дидойцы Нагорного Дагестана, обнаруживают специфическое сходство в антропологических признаках, что свидетельствует об общности их происхождения и об их принадлежности к единому, особому, антропологическому типу, названному учеными кавкасионским[58].

Генетическое толкование антропологических взаимоотношений между перечисленными группами населения привело исследователей к мнению «о едином, общем, широко распространенном субстрате становления и формирования означенных групп … таков кавкасионский антропологический тип, который является автохтонным на территории Кавказа»[59] и представляет собой «самый кавказский из всех кавказских типов[60]».

Кавкасионскому типу более 3 тыс. лет, а значит, он восходит ко времени бытования на территории Центрального Кавказа кобанской культуры. Более того, территория расселения носителей кавкасионского типа (за исключением аварцев и андио-цезов-дидойцев) почти полностью совпадает с ареалом кобанской культуры. В.П. Алексеев считает, что именно в этих пределах выделяется «центральнокавказская этногенетическая область, объединяющая разные по языковой принадлежности, но общие по происхождению народы, представляющие собой

происхождения осетин // Этнографическое обозрение. М., 1994. № 3. С. 51–62; Тихонов А.Г. Средневековое население Северной Осетии (по материалам могильника Верхняя Кобан) // Этнографическое обозрение. № 3. М., 1994. С. 62–68.

[58] См.:АбдушелишвилиМ.Г. Материалы к краниологии Кавказа // Труды И н-та экспериментальной морфологии АН Груз. ССР. Т. 5.Тбилиси, 1957; Дебец Г.Ф. Антропологические типы // Народы Кавказа» (серия «Народы мира»). Т. 1. М., 1960; Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 14. М.-Л., 1953; Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М., 1974; Герасимова М.М. Указ. соч. и др.

[59] Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 249.

[60] Дебец Г.Ф. Антропологические типы... С. 75.

потомков древнейшего населения Центрального Кавказа. Из народов, говорящих не на кавказских языках, в нее входят осетины, балкарцы и карачаевцы, физические предки которых говорили, очевидно, на кавказских языках и перешли на иранскую и тюркскую речь сравнительно поздно»[61].

Первые кавкасионцы. Здесь возникает вопрос о том, к какому конкретно кавказскому этносу относилось это население, именуемое в научной литературе кавказский субстрат, или кавказский компонент, иначе говоря – какова была этническая принадлежность первоначальных носителей кавкасионского антропологического типа в классический период кобанской культуры. Для ответа на этот вопрос нужно обратить внимание на следующие факторы, которые имеют важное значение: во-первых, в соответствии с имеющимися палеоматериалами, иранские, грузинские и тюркские племена в период античности и раннего средневековья были носителями совершенно иного антропологического типа, нежели кавказское население южной и северной частей Центрального Кавказа того же времени (также, как современные осетины, балкарцы, карачаевцы и горные этнографические группы нынешней Грузии – прямые их потомки по языку); во-вторых, «чечено-ингушские серии данного типа являются более кавкасионскими, чем остальные»; в-третьих, выявлена бесспорная морфологическая преемственная связь кавкасионского типа с палеоантропологическим материалом, обнаруженным на территории Малого Кавказа и южнее, населенном в древности генетически родственными нахским народам хуррито-урартскими племенами (имеются в виду серии из поселения и могильников Шенгавит, Севан, Лчашен, Артик, Цамакаберд, Норадуз, относящиеся к энеолитическому времени, к эпохе бронзы и перехода от бронзы к железу)[62]..

Ссылаясь на результаты исследования Г.Б. Джаукяна, согласно которым, племена, оставившие после себя вышеназванные поселения и могильники, говорили на одном из восточно-кавказских (нахско-дагестанских) языков, В.П. Алексеев замечает, что такая преемственность выглядит оправданной и с географической, и с лингвистической точек зрения[63]. Морфологическая преемственная связь меж-

[61] Алексеев В.П. Происхождение народов... С. 179, 207. По мнению В.П. Алексеева, кавкасионский тип сформировался в III тысячелетии до н.э. на основе смешения автохтонного населения Северного Кавказа с пришедшими сюда хуррито-урартами.

[62] См.: Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 87; Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп… С. 249; Джавахишвили Э.Н. Материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1 967. С. 240–244; Шарашидзе Л.П. Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чечено-ингушского народов // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 247–250; Алексеев В.П. Происхождение народов... С. 113, 207; Его же. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 100–101 и др.

[63] См.:Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 216; Егоже: Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967. С. 323–325; Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа… С. 102.

ду древним населением Южного Кавказа и нахскими племенами подтверждается не только лингвистическими наработками, но и данными других, смежных наук.

Совпадение кавкасионского типа с ареалом кобанцев. Имеющийся материал позволяет более предпочтительным считать первоначальными носителями кавкасионского антропологического типа нахские и родственные им племена. Именно нахская этнокультурная общность, очевидно, стала той субстратной физической основой, на которой позже сформировались перечисленные выше народы Центрального Кавказа. Образование данного типа завершилось задолго до появления на Кавказе индоевропейских (иранских), тюркских и других этнических групп, которые, по-видимому, не оказали существенного влияния на антропологический тип нахского населения, растворившись в устойчиво сформировавшейся кавкасионской расе. При этом часть нахов восприняли язык пришлого населения, чем и объясняется принадлежность к единому антропологическому типу различных по языку народов Центрального Кавказа.

Итак, границы области расселения носителей кавкасионского типа на Центральном Кавказе полностью совпадают с пределами распространения кобанской культуры. В свою очередь, предполагаемое начало формирования кавкасионского типа в горах Кавказа – середина II тыс. до н. э. – соответствует периоду зарождения кобанской культуры. Эти совпадения столь поразительны, что вряд ли нуждаются в дополнительных пояснениях. Таким образом, палеоантропологический материал в полной мере согласуется с приведенными выше данными топонимики, языка, письменных источников и также свидетельствует о том, что в I тыс. до н.э. нахские племена проживали в южной и северной частях Центрального Кавказа, т.е. в пределах распространения кобанской культуры»[64].

Выводы. Таким образом, в эпоху поздней бронзы на Кавказе, начиная не позже XIII в., в части равнинной территории Закавказья и центральной части Кавказа, которые занимали автохтонные нахские племена, получает оформление оригинальная культура эпохи поздней бронзы, получившая название «кобанской». Она была родственна, в свою очередь, другим развитым культурам Кавказа; родственной ей считается также и луристанская бронза гор Загроса, где, кстати, находились и первые источники металла кобанской культуры.

Письменные и археологические источники, язык, топонимика, фольклор, антропология, как в отдельности, так и в совокупности, достаточно ясно указывают на то, что создателями и носителями кобанской археологической культуры являются древние нахи. Такая убежденность зиждется не только на приведенных выше научных данных, согласно которым контуры ареала кобанской культуры полностью совпадают с этническими границами нахов.

Если исходить из современных представлений об этносе как о сопоставительной категории, т.е. об общности, по определенным признакам отграничиваемой от прочих[65], то можно с уверенностью сказать, что уже ко второй половине II – началу I тыс. до н.э. сложился и стабилизировался комплекс признаков, по которым нахи отличались от других этноязыковых общностей региона. Как единую, целостную этническую общность воспринимали нахов и окружающие народы, которые называли их разными именами в зависимости от их местоположения и знакомства с ближайшими нахскими группами. По-видимому, в кобанскую эпоху закончилось и складывание антропологического типа населения Большого Кавказа. Местные нахские горские народы входили в кавкасионскую группу т.н. кавказской подрасы балкано-кавказского типа европеоидной расы. Вместе с тем, в среде кавкасионского типа сегодня можно встретить и элементы, указывающие на ту или иную степень взаимодействия с западным понтийским, восточным каспийским, северным степным и даже монголоидным типами.

[64] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи...С. 113.

[65] Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 8

Глава VII.

НАХИ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. до н.э.

§1. Предпосылки формирования нахского государственного объединения

Нахское общество середины I тыс. до н.э. Как уже отмечалось, еще в конце II тыс. до н.э. племена носителей кобанской культуры (изначально распространенной, в первую очередь, в границах нахского языкового сообщества Нахаматии/Нахчематии), проживавшие на северных и южных склонах центральной части Главного Кавказского хребта, вышли на новую стадию политогенеза. Характерные черты этой эпохи – постепенное слияние родственных племен и возникновение на их основе крупных племенных союзов и раннегосударственных объединений. Имеющийся археологический материал позволяет сделать вывод, что переход к таким общественно-политическим формам в ареале кобанской культуры произошел в первой половине I тыс. до н.э.

Так, среди археологических находок VIII–VII вв. до н.э. появляются солнечные календари[1], что всегда рассматривается как свидетельство не только высокого уровня земледельческой культуры и наличия астрономических знаний, но и явный признак сложившейся в обществе политической иерархии.

По данным археологических материалов, достаточно сильный демографический всплеск у населения Центрального Кавказа наблюдается к середине I тыс. до н.э. Именно в этот период (VI–IV вв. до н.э.) происходит миграция нахских племен как внутри ареала кобанской культуры, так и за его пределы. Так, например, в своем движении на запад нахи достигают верховьев реки Большая Лаба (поселение Каменные Столбы у ст. Ахметовская). Одновременно группа населения западного варианта кобанской культуры мигрирует в долину среднего течения реки Терек, в пределы расселения племен центрального варианта (Нижне-Джулатский могильник, Моздок) и далее, вплоть до нижнего течения Терека.

В то же время передовой хозяйственный уклад и развитая культура, сложившиеся у нахов к середине I тыс. до н.э., способствовали не только расширению ареала их обитания, но и значительному увеличению плотности населения. В обозначенный период на горных плато, в возвышенных местах и в долинах рек

[1] См.: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. С. 193–203; Рыбаков Б.А. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 159, 161.

растет число поселений, появляются новые, уже сравнительно большие, населенные пункты городского типа, а ранее существовавшие, в которых концентрация населения была очень высока для того времени, укрупняются[2].

Казалось бы, такое увеличение плотности населения и количества поселений на территории с довольно ограниченными ресурсами должно было вызвать ужесточение борьбы за землю и источники сырья, что, в свою очередь, неминуемо привело бы к обострению межплеменных отношений, к вооруженным столкновениям за расширение сфер влияния и т.д. Однако археологические данные показывают совершенно иную картину. Во-первых, исследование могильников кобанской культуры показало наличие захоронений, как мужчин, так и женщин, и детей в обычном соотношении[3]. Данный факт отражает нормальное и стабильное демографическое состояние общества, невозможное в условиях вооруженной борьбы племен за сферы влияния.

Во-вторых, во внутренних районах ареала кобанской культуры происходит увеличение числа поселений, в большинстве своем совершенно неукрепленных. Факт существования неукрепленных поселении, более того, их расцвет, фиксируемый археологическим материалом, мог иметь место лишь при полной защищенности жителей от нападения со стороны соседних племен, что трудно себе представить в условиях межплеменных войн.

Перечисленные факты являются характерными признаками мирного, поступательного развития общества, продолжавшегося на протяжении достаточно длительного времени. Обеспечить в пределах кобанской культуры безопасное и стабильное развитие нахских племен, основанное на мирном сосуществовании и тесном взаимодействии, было возможно лишь при наличии некоего устойчивого объединения, причем не формального, а реального, в т.ч. с неким авторитетным центром власти, в котором важную роль мог играть совет племенных или территориальных общин.

Ремесленные центры – города, городища и поселки нахских племен. Археологические находки последних лет показывают, что к середине I тыс. до н.э. крупные поселения Центрального Кавказа приобретают все больше характерных черт ранних городов древности, однако исследователи, придерживаясь сложившейся традиции, обычно, избегают называть их городами, а именуют городищами. При этом мы так и не получаем ответа на вопрос о том, на основании каких

[2] Каменецкий И.С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 2000. С. 82; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 332; Кудрявцев А.А., Галаева В.Н. Грунтовое погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 78; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. С. 318.

[3] Кириченко В.В. Культурно-исторические процессы на территории Центрального Предкавказья в скифское время на материалах Ставрополья. Дисс…канд.ист.наук.Ставрополь, 2008. С.80.

критериев данные поселения решено не относить к ранним городам, в то время как аналогичные поселения, скажем, Малой Азии, квалифицируются как города.

Возможно, это связано с тем, что в научных кругах для ранних городов до сих пор не существует ни общепризнанного определения, ни разработанной типологии, ни общепринятой терминологии. Однако не вызывает сомнения, что ранние города возникали в результате отделения ремесла от сельского хозяйства и развития торговли и могут быть определены как производственные центры раннеклассового общества[4].

Наиболее крупные кобанские поселения располагались на пересечении путей, на границе предгорных, равнин и горных областей, при выходе из ущелий, а также у дорог, проходивших вдоль подножья гор. Очевидно, крупные поселения со своими торгово-ремесленными центрами играли значительную роль во внутренней и внешней торговле. Жители гор поставляли сюда продукцию своего хозяйства (продукты скотоводства и охоты) и обменивали ее на нужные товары, например, ремесленные изделия.

Нахские металлурги достаточно быстро овладели мастерством изготовления широкого ассортимента железных предметов, благодаря чему с VIII в. до н.э. произошел переход к повсеместному использованию железа вместо бронзы. Особо следует выделить тот факт, что уже в VII–VI вв. до н.э. в жизни носителей кобанской культуры полностью доминирует железное оружие, а также получают распространение железные сельскохозяйственные орудия, что имело решающее значение для развития земледелия. Как отмечают исследователи, многочисленные серии железного оружия Центрального Кавказа середины I тыс. до н.э. (мечи, втульчатые наконечники копий и стрел, боевые серповидные ножи, кинжалы с продольными гранями на лезвийной части, топоры и др.), явно типологически связанные с местными древними формами бронзовых орудий, свидетельствуют как о существовании местного, притом массового, производства железного оружия, так и об импорте этого оружия в Скифию, Савроматию и другие отдаленные области Восточной Европы и Азии[5].

О многом говорит и тот факт, что в кобанских поселениях Северного Кавказа мастерские ремесленников обычно выделены в отдельные кварталы. В ареале

[4] См.: Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III–I тысячелетия до н.э.). Ереван, 1973. С. 31–32; Дьяконов И.М., Якобсон М.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 44–52; Сайко Э.В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII в. М., 1984; Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // Вестник древней истории. 1987. № 1.

[5] См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 326; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 177; Дударев С.Л. О железорудных месторождениях Предкавказья (историко-археологический аспект) // Природно-ресурсный потенциал горных районов Кавказа. Грозный – Сочи, 1989. С. 20.

обитания нахов-кобанцев выявлены благоустроенные поселения с каменными мостовыми и общими площадями, такие как Сержень-Юртовское (Чечня), Кабардинка-1, Кабардинка-2,Татарское, Грушевское (Кабардино-Балкария, Ставропольский край)[6].

Города, ремесленные поселки и торговые фактории, конечно, нуждались в организовывающей и упорядочивающей взаимоотношения населения силе. Такую роль в ранних городах могли играть надстроечные институты – администрация и жречество. Таким образом, на раннем этапе основная функция города определялась характером надстройки: ранние города были политико-административны–ми, хозяйственными, культовыми и (или) военными центрами и включались в административно-культовую сеть государственного образования, на территории которого находились.

Археологические материалы предоставляют также исчерпывающие доказательства далеко зашедшего социального расслоения кобанского общества. Например, если в памятниках раннего периода кобанской культуры практически отсутствуют предметы из благородных металлов, то на более поздних этапах появляются артефакты из серебра и золота[7], которые концентрируются в погребениях социальной верхушки. Документально зафиксировано наличие развитого ювелирного ремесла, производящего предметы роскоши и шедевры изобразительного искусства.

Добавим к этому, что на целом ряде крупных кобанских поселений обнаружены общие кладбища, использовавшиеся на протяжении длительного времени, где бедные и богатые погребены отдельно.

Что касается отсутствия укрепленных поселений (крепостей-городов) внутри ареала кобанской культуры, то этот факт следует скорее трактовать как свидетельство военно-политической состоятельности нахского общества. Что же касается угрозы нападения со стороны внешних сил, особенно кочевых племен, то для защиты от вторжений по северной границе территории расселения нахских племен, по линии вероятного соприкосновения с кочевниками была возведена цепь оборонительных сооружений.

Духовные воззрения. Этнографический материал безоговорочно свидетельствует, что общекобанским, единым для всех нахских племен божеством был Верховный бог солнца Малх. Факт поклонения нахского населения культу Малх как Верховному богу, его верховенства над всеми другими божествами (семейно-родовыми, общинными, племенными), играющими по отношению к нему подчиненную роль, не подлежит сомнению. Многочисленность солярных знаков в памятниках кобанской культуры свидетельствует не только о проникновении культа солнца «на все уровни миросозерцания местного населения от племенных

[6] См.: Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический памятник (Северный Кавказ). М., 2001. С. 45; Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей (V в. до н.э. – XI в. н.э.). Ставрополь, 1999. С. 185, 319; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 86.

[7] Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // Российская археология. 1997. № 3. С. 42.

объединений до отдельной семьи», как это справедливо отмечают археологи[8], но и о высокой степени развития у нахских племен религиозного мышления.

Наличие высокоразвитого для того времени религиозного мышления, вероятно, и обусловило появление жрецов – особой группы отправителей этого культа. По-видимому, к тому времени из нахского общества уже выделяется жреческая каста, представители которой находятся в особом положении, о чем свидетельствуют расположенные особняком среди кобанских памятников святилища и жреческие погребения (Сержень-Юрт, Клин-Яр, Гастон Уота и др.). Во многих крупных поселениях кобанской культуры обнаружены могильные комплексы жрецов, выпадающие из общего ряда коллективных погребений. Так, например, в поселениях Гастон Уота (Дигория), Клин-Яр (близ г. Минеральные воды) выявлены могильники жрецов (в т.ч. воина-жреца в Клин-Яре). По-видимому, каждый из погребенных при жизни имел особый социальный статус и был наделен сакральными полномочиям[9]. Иными словами, отправители культа солнца – главные жрецы Верховного бога Малх, сосредотачивали в своих руках не только высшие полномочия в религиозной сфере, но занимали высокие места в социальной иерархии.

О значительной роли жрецов в нахском обществе I тыс. до н.э. говорит и найденный при археологических раскопках агрокалендарь: он достаточно убедительно свидетельствует о том, что нахские жрецы обладали знаниями о движении небесных тел и использовали их для ведения как прогрессивного для того времени земледелия, так и в целом сельского хозяйства.

Свидетельством важной роли религии в жизни нахов и показателем достижения нахским обществом высокого для того времени уровня духовного развития служит сам факт использования соседними племенами имени верховного бога Малх в качестве этнонима для всего нахского населения. В свою очередь, существование общих для всех нахов иноназваний (малхи/махли, кавкасиани, масахи) является несомненным доказательством восприятия нахов окружающими этносами как единого целого, что, естественно, могло иметь место лишь при далеко продвинувшемся процессе этнической и политической консолидации нахских племен.

Нахамат. Важным подтверждением такой консолидации является и наличие общего самоназвания нах, или, как отражают это название древние источники, нахамат (нахамат–еан-к). Общее самоназвание, как известно, является отражением общего самосознания и свидетельствует о глубоком понимании членами этноса как своего особого единства, так и своего отличия от членов других подобных общностей. Сознание такой общности формируется на сравнительно высокой ступени социально-политического развития. Таким образом, не только сама нахская этническая общность осознавала себя единым целым, но таковой воспринимали ее и соседние этнические общности, что трудно представить вне существования единого политического образования.

[8] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 430.

[9] Белинский А.Б. Могильник Клин-Яр III… С. 44; Мошинский А.П. Древности горной Дигории… С. 34.

Земледельческий и кочевнический миры. Северный Кавказ относится к числу так называемых контактных зон – территорий, где на протяжении тысячелетий соприкасались и оказывали друг на друга влияние оседло-земледельческие и кочевые культуры. Начиная с эпохи бронзы, здесь проходила граница между этими двумя обширными мирами, в каждом из которых были свои нормы общественной жизни. Оседлые земледельцы и скотоводы-кочевники в своем историческом развитии продвигались разными путями, развивая отличные друг от друга формы производящего хозяйства, системы мировоззрения и культурные ценности, однако, по сути, представляли собой две стороны одной медали – древней цивилизации, генезис которой во многом определялся процессом взаимовлияния и взаимопроникновения двух культур.

Отражение этих взаимосвязей обнаруживается в культурно-историческом наследии Северного Кавказа, что свидетельствует о том, что оседлое земледельческое население Кавказа на протяжении тысячелетий постоянно контактировало с различными по своему происхождению и этнической принадлежности кочевыми племенами, обитавшими, сменяя друг друга, на обширных степных просторах Евразии.

Нахи и скифы. Стабильный характер отношений между нахами и степняками был прерван появлением на Северном Кавказе скифов. Вопрос происхождения скифов и их культуры до сих пор остается дискуссионным. Существует несколько версий – иранская, тюркская, монгольская, кавказская, славянская и кельтская, из которых в последнее время наибольшее распространение получили иранская и тюркская. Но теория об иранском происхождении скифов и сарматов (или ираноязычности их языков), выдвинутая и разработанная такими известными учеными, как К. Мюлленхоф, В.Ф. Миллер, И. Фасмер, В.И. Абаев, Л. Згуста, И.И. Оранский, Э.А.Грантовский, Я.Харматта, сегодня имеет более солидную научную аргументацию, чем все остальные[10].

Скифы появились в пределах Северного Кавказа примерно в 70-е гг. VII в. до н.э., и их появление в исторической науке рассматривается как первое крупное нашествие кочевников на Кавказ и Переднюю Азию. Его последствия были столь разрушительными для оседло-земледельческого населения стран Кавказа и Передней Азии, что воспоминания о нем сохранились на многие века, а термин «скиф» у античных авторов стал синонимом варварства и дикости.

[10] Наиболее основательно проблема скифского языка исследована в серии работ С.Р. Тохтасьева, опубликованных в последние два десятилетия. На основе всестороннего анализа данных, имеющихся о скифском языке, С.Р. Тохтасьев пришел к выводу о глубоком различии между скифским и сарматским языками и о необходимости отказаться от теории скифо-сармато-осетинского континуума (см.: Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка современной науке // Ethl1ic Contacts and Cultural Excanges Northand West of the Black Sea frornthe Greek Colonization tothe Ottoman Conquest. Ia §I, 2005. P. 59–108; Его же: Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // EYXAPILTHPION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007. С. 82–118).

Имеющиеся археологические материалы наглядно демонстрируют, что нашествие скифов было столь неожиданным и внезапным, что автохтонное оседло-земледельческое население Кавказа не сумело дать ему организованный отпор. На всей территории Центрального Предкавказья было разграблено и уничтожено множество поселений. В местах расположения почти всех крупных населенных пунктов выявлены следы пожаров и разрушений, причем многие поселения после набега скифов вообще прекратили свое существование (Султан-Горское, Заюкаевское, Лермонтовское, Березовское №№ 5 и 6, Бештау, Алтуд, Ессентуки, Железноводск, Жемтала, Былым, Майртуп, Инарки, Эльхотовское, Змейское, Алхан-Калинское, Сержень-Юртовское и др.). Затем скифы вторглись в Переднюю Азию, причем, как показали исследования Е.И. Крупнова и В.Б. Виноградова, они прошли не только через Дербентские ворота, но также и через центрально-кавказские перевалы (Дарьяльский, Мамисонский, Клухорский и др.)[11]

Подвергая опустошению целые области богатейших цивилизованных стран, скифы прошли Кавказ, Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Крупным древневосточным государствам (Египет, Ассирия, Урарту) понадобилось большое напряжение, чтобы сдержать их натиск. С этого времени на протяжении почти целого столетия – VII в. до н.э. – скифы играют значительную роль в политической жизни региона. Они принимают активное участие в политических событиях, главным образом как союзники или наемные войска правителей крупных древневосточных государственных образований.

На протяжении почти всего VII в. до н.э. (с допустимой погрешностью в 20–30 лет) и вплоть до начала VI вв. до н.э., на территории от Северного Кавказа до Месопотамии отчетливо фиксируется факт присутствия скифов, причем скифы играют здесь значительную политическую роль. Это подтверждается и археологическими находками. Так, в материальной культуре Северного и Южного Кавказа VII – начала VI в. до н.э. наряду с местным и древневосточным отчетливо выделяется и скифский элемент: предметы вооружения (типичные для раннескифской культуры железные акинаки, бронзовые и железные наконечники стрел, железные боевые топоры), части конской сбруи (удила и псалии), произведения искусства звериного стиля – обнаружены во многих местах Южного и Северного Кавказа, в памятниках урартского периода, исследуемых на территории Армении и Азербайджана, в погребениях Тлийского могильника, в Дванском некрополе, в погребении из селения Цицамури, в поселении Могрили-Гора, в святилище в Мелани, в поселениях Дигоми и Ховле в Грузии. В Абхазии скифские элементы найдены в погребениях Куланурхского некрополя, в могильнике Гуад-иху, в пос. Колхида, в Красномаяцком могильнике. Наибольшее число скифских элементов отмечается в памятниках Северного Кавказа[12].

[11] См.: Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР, 1952). М., 1954. С. 186–194; Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института ИЯЛ.Т. IX. Грозный,1964. С. 20-30.

[12] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 64 и след.; Виноградов В.Б. Связи Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром...

В качестве главного доказательства постоянного присутствия скифов на Центральном Кавказе приводятся найденные в богатых кобанских могильниках конские захоронения и некоторые виды оружия скифского типа. Но археологический материал четко документирует, что конские захоронения были характерны для кавказских племен, в том числе и носителей кобанской культуры, еще задолго до появления на Кавказе скифов. Что касается оружия скифского типа, то его наличие не может служить индикатором этнической принадлежности того или иного могильника, поскольку вооружение довольно быстро перенималось и становилось всеобщим достоянием. К тому же, вопрос о том, кому принадлежит приоритет в создании скифского вооружения (основной признак – короткий меч акинак) и кто у кого перенял формы оружия – скифы у кавказских (или переднеазиатских) племен или наоборот – все еще остается дискуссионным, даже в отношении акинаков.

Упускается из виду такой существенный факт – среди археологических находок Центрального Кавказа скифские комплексы в чистом виде не встречаются, они, как правило, вкраплены в местную кобанскую культуру и выявляются в тех же классических кобанских памятниках.

Весьма примечателен тот факт, что на территории северной зоны Центрального Кавказа, где, вероятно, происходило наиболее ожесточенное противостояние скифов и нахов, имеются археологические свидетельства осквернения и уничтожения скифских памятников (Нартановские курганы); были низвергнуты и использованы как строительный материал скифские антропоморфные стеллы на территории современной Чечни (Галайты и др.), и т.д.[13]

Начиная с VI в. до н.э., археологи отмечают резкое сокращение числа скифских памятников в Предкавказье, а их полное исчезновение происходит к V в. до н.э.[14] Тогда же наблюдается общее ослабление связей кавказского мира со скифами, завершившееся практически полным их разрывом к IV в. до н.э. К тому времени в северокавказских степях скифских и даже «скифоидных» памятников уже не обнаруживается[15].

Вторжение скифов в описании Леонти Мровели. В разделе «О нашествии хазар» Леонти Мровели в свойственной ему манере, кратко и сухо, информирует о событиях, имевших место после первого появления на Кавказе кочевых племен, которые он именует хазарами. Во время первого нашествия «хазары» были

С. 178; Его же: Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время… С. 77, 79.

[13] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ... С. 37, 38.

[14] См.: Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С.172; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 112; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. С.45.

[15] См.: Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 72; Махортых С.В. Скифы на Северном... С. 7, 14; Есаян С.А., Погребова. М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. С. 136; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. С. 77.

разгромлены и отброшены вспять объединенными силами легендарных восьми братьев таргамосиан, а для отражения возможных последующих вторжений таргамосианы стали строить города на подступах к своей стране. Впоследствии «хазары» избрали себе царя и через кавказские проходы, практически не встретив сопротивления, вторглись в Переднюю Азию, где якобы и установили господство над всеми таргамосианами. Вслед за этим хазарский царь часть земель кавкасиан отдал своему сыну Уобосу, а двоюродному брату – часть земель леканов. С той поры, согласно грузинскому хронисту, эти народы долгое время были данниками хазар[16].

Произведение Леонти Мровели состоит из следующих сюжетных блоков: 1) происхождение и начальный этап истории таргамосиан; 2) нашествие хазар; 3) вторжение Александра Македонского и образование Картлийского царства. Несмотря на то, что все три раздела изложены в определенном порядке, между ними не обнаруживается ни четкой хронологической последовательности, ни взаимосвязи. Каждая из них представляет собой полностью завершенный, абсолютно самостоятельный сюжет со своей хронологической канвой, причем временные рамки отображаемых событий налагаются друг на друга. Вероятно, все эти сюжеты изначально представляли собой отдельные рассказы, существовавшие в письменной или устной формах, а Леонти Мровели объединил их и, предельно сжав, внес в свою хронику в той последовательности, которую мы видим сейчас[17].

Подобное уплотнение разновременных событий можно возводить к повествовательной манере Леонти Мровели и к специфике собственно фольклорной традиции, на которую он, несомненно, в значительной мере опирается. В связи с этим, как справедливо отмечено в исторической литературе, Леонти Мровели употребляет термин «хазары» не как название определенного, конкретного этноса, а как нарицательное имя кочевников вообще (не подразделяя их по этническому признаку)[18].

Леонти Мровели начинает свое сообщение: «…в ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов. Таргамосианы в то время пребывали во взаимном мире и любви. Над сыновьями Кавказа был владыкой Дурдзук, сын Тирета. Решили шестеро Таргамосианов искать помощи в борьбе против хазар. И собрались все из племен Таргамосианов, преодолели горы Кавказа, покорили пределы Хазарети и, воздвигнув города на ее подступах, возвратились»[19]. В этом отрывке Леонти Мровели буквально в нескольких предложениях открывает перед нами грандиозные по своим масштабам события: сначала объединенные силы восьми братьев таргамосиан отражают первое нашествие на Кавказ кочевых племен (хазар), при этом они не ограничиваются лишь обороной, а вторгаются в «пределы Хазарети» и громят захватчиков там; затем на северных подступах

[16] Мровели Л. Жизнь картлийских царей... С. 25.

[17] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 314–319.

[18] См.: Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 35; Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в средневековой истории Чечено-Ингушетии. Баку, 2002. С. 167.

[19] Мровели Леонти. С. 25.

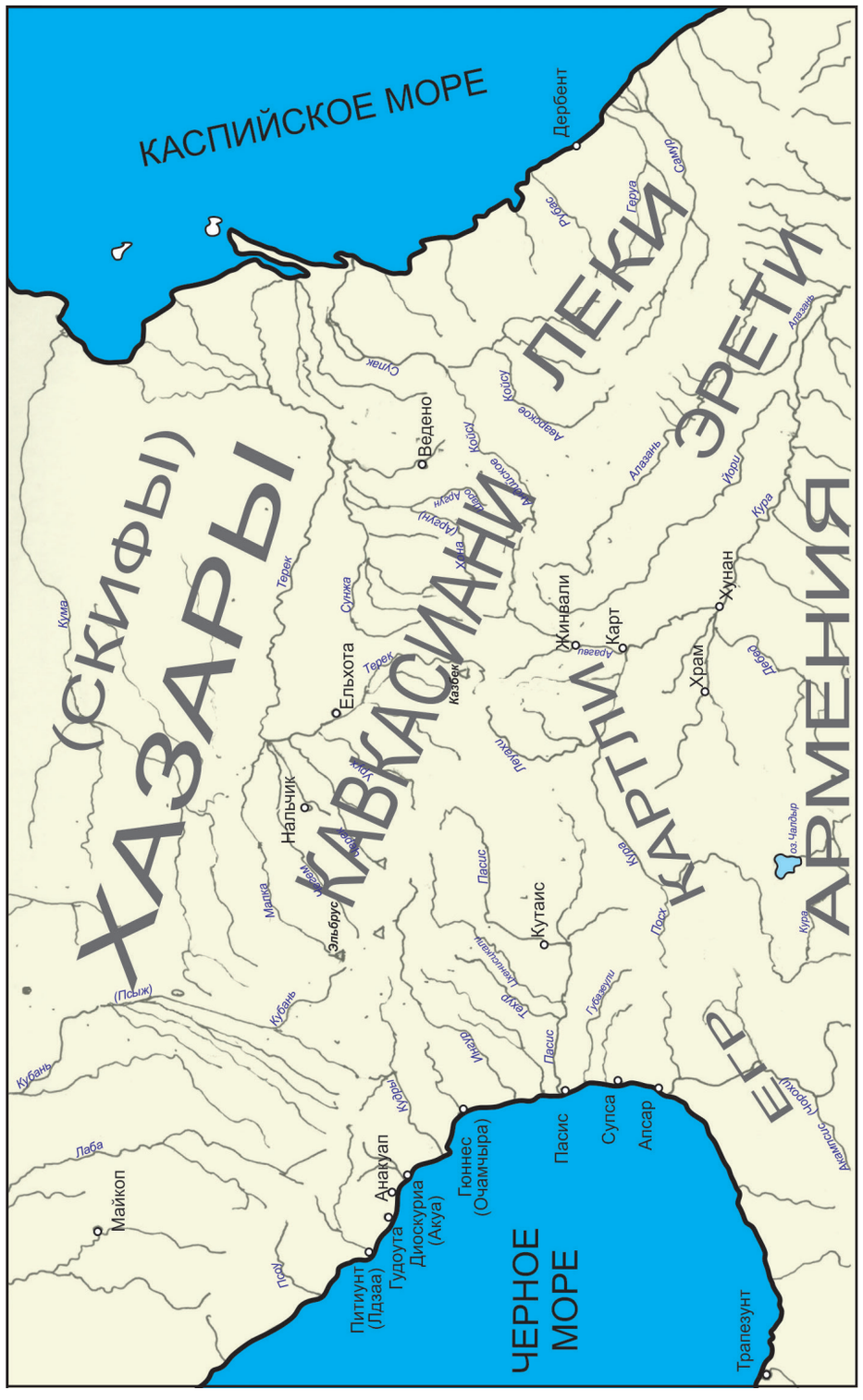

Рис. 22. Этническая карта древнего Центрального и Восточного Кавказа по Леонти Мровели (составитель Г.Д. Гумба)

своей страны таргамосианы строят города, то есть оборонительные сооружения для защиты от возможных последующих нападений хазар.

Прежде всего следует отметить, что из данного сообщения вытекают два очень важных вывода, которые почему-то выпадают из поля зрения исследователей. Во-первых, Леонти Мровели передает древнюю традицию, согласно которой, Северный и Южный Кавказ представлялись частями единой страны – страны Таргамосидов, и народы – братья таргамосианы, населявшие эту страну от Северной Месопотамии до Северного Кавказ, составляли единую общность, которая при этом являлась частью древневосточной цивилизации. Во-вторых, еще до нашествия хазар нахские племена Центрального Кавказа – кавкасиани, представляли собой политическое объединение, и над ними владычествовал Дурдзук.

В тот же период – в первой половине VI в. до н.э. – в равнинной части Центрального Кавказа наблюдается резкое увеличение количества кобанских поселений. Растет приток населения, и жизнь не только возобновляется в старых, разрушенных ранее населенных пунктах, но и появляются множество новых, хорошо укрепленных, т.е. среди автохтонного нахского населения происходит своего рода демографический взрыв – нахские племена заселяют обширные пространства Центрального Кавказа. При этом, как отмечают археологи, там, где возрождается жизнь в разрушенных ранее скифами поселениях (Сержень-юрт, Уллубаганалы 2 и др.), «не ощущается разрыва традиций в бытовой культуре»[20].

Археологический материал документирует, что кобанские поселения равнинной части Центрального Кавказа, разграбленные и уничтоженные скифами в первой половине VII в. до н.э., к концу VII – началу VI в. до н.э. были восстановлены и вновь начали обживаться, также в сравнительно большом количестве строились новые поселения. Примерно к тому же времени в целях защиты оседло-земледельческого населения Центрального Кавказа от возможных вторжений кочевых племен начинают строиться укрепленные города и поселения, представляющие собой уже целую систему оборонительных сооружений. Все это является несомненным свидетельством освобождения Предкавказской равнины от господства скифских племен и восстановления здесь полного контроля со стороны нахов.

Последствия скифского нашествия для нахского объединения. К моменту вторжения скифов нахские племена достигли высокого для того времени уровня развития материальной и духовной культуры. Как было отмечено выше, весь ход социально-экономического, политического и культурного развития нахских племен конца II – начала I тыс. до н.э. создал необходимые предпосылки для их политического объединения. Однако нашествие полчищ варварских племен в начале VII в. до н.э. нанесло колоссальный ущерб находившемуся в стадии становления нахскому государственному объединению: истреблена масса людей, разграблены и сожжены крупные поселения, нарождавшиеся центры ремесла и торговли. В политическом плане негативные последствия скифского вторжения проявились прежде всего в нарушении процесса постепенной этнополитической

[20] Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (Кобанская культура: модель тысячелетия развития). Автореф. докт. дисс. М., 1990. С. 48.

консолидации нахских племенных групп, т.е. был нанесен существенный урон складывавшемуся нахскому государственному организму. Установление скифского контроля над предкавказскими равнинами и центральнокавказскими перевалами привело к разрыву связей между нахскими племенами, к ухудшению внешних связей и т.д. Словом, скифское нашествие нарушило ход естественного эволюционного развития нахов, страна в своем развитии была отброшена назад.

Вместе с тем, весь ход дальнейших событий показывает, что скифская агрессия не смогла полностью разрушить формировавшееся нахское государственное объединение, которое, по всей видимости, продолжало существовать в предгорных и горных районах Центрального Кавказа. Следует учитывать и то, что ситуация, сложившаяся в равнинной зоне Центрального Кавказа в VII в. до н.э., в период господства здесь скифов: взаимные набеги, совершавшиеся как скифскими, так и нахскими племенами, захват пленных, которые превращались в рабов, в бесплатную рабочую силу, угон скота и материальных ценностей – также в немалой степени способствовала ускорению имущественной и социальной дифференциации нахского общества. В свою очередь, борьба за освобождение равнинной зоны Центрального Кавказа и центрально-кавказских перевальных путей от скифов требовала усиления политической консолидации нахских племенных групп, повышения роли военно-аристократической прослойки и концентрации в ее руках верховной военно-политической власти. Эти процессы неизбежно вели к усложнению социальных отношений, возникала острая потребность в качественно новой форме организации общества – государственной, которая была подготовлена предшествующим ходом развития нахских племен. Все это находит отражение в археологических материалах кобанской культуры, которые убедительно демонстрируют сложившуюся к тому времени социальную структуру раннегосударственного объединения[21].

Вместе с тем, среди исследователей появилась тенденция представлять, будто высокий уровень развития и организованности населения Центрального Кавказа середины I тыс. до н.э., со всеми признаками государственного устройства, не являлся результатом закономерного внутреннего развития (социально-экономического, политического, культурного) самого населения – создателя кобанской культуры, а был якобы привнесен извне скифами. А тот трудно оспариваемый факт, что скифы находились на более низкой ступени развития, чем население Кавказа, и потому никак не могли привнести более сложную форму социальной организации – государственную, объясняется довольно примитивно: скифы якобы восприняли государственную форму устройства общества во время походов в Переднюю Азию, а затем привнесли эти новшества на Северный Кавказ. При этом почему-то упускается из виду, что еще задолго до появления скифов на Кавказе кавказское население на протяжении столетий находилось в тесных этнокультурных связях с народами Передней Азии и само являлось частью древневосточной цивилизации, и не испытывало никакой потребности воспринимать переднеазиатские культурные достижения через третьи руки.

[21] Кириченко В.В. Культурно-исторические процессы на территории Центрального Предкавказья в скифское время… С. 58.

В качестве главного доказательства господства скифов среди населения Центрального Кавказа приводятся найденные в богатых кобанских могильниках конские захоронения и некоторые виды оружия скифского типа. Но, как уже отмечалось выше, археологический материал четко документирует, что конские захоронения были характерны для кавказских племен, в том числе и носителей кобанской культуры, еще задолго до появления на Кавказе скифов. Что касается оружия скифского типа, то его наличие не может служить индикатором этнической принадлежности того или иного могильника, поскольку вооружение довольно быстро перенималось и становилось достоянием многих, если не всех. А для умелых кобанских мастеров-металлургов изготовление любых видов оружия не составляло большого труда. К тому же вопрос о том, кому принадлежит приоритет в создании скифского вооружения и кто у кого перенял формы оружия – скифы у кавказских (или переднеазиатских) племен или наоборот, все еще остается дискуссионным.

С момента появления скифов на Кавказе и вплоть до рубежа VII–VI вв. до н.э. их господство в равнинной зоне Центрального Кавказа и контроль над основными кавказскими перевалами, возможно имел место, о чем свидетельствуют скифские памятники, обнаруженные, например, в Вольном, Нартане в Кабардино-Балкарии, Николаевском в Северной Осетии и других местностях[22]. Надо полагать, что автохтонное население Предкавказской равнины, в отличие от населения предгорных и горных областей, где установление контроля над местными жителями со стороны кочевых племен, в сущности, было невозможно, в тот период оказалось под властью скифов, поскольку основная масса оседло-земледельческого населения всегда оставалась на месте и в период нашествия скифов.

Однако кавказцам удалось вытеснить скифские племена из северокавказских равнин уже в первой половине VI в. до н.э. Уничтожение скифских памятников на Северном Кавказе указывает на то, что и здесь основные силы скифов были разгромлены и отброшены в степи Северного Причерноморья. Выдавленные в первой половине VI в. до н.э. из предкавказских степей на запад от Дона и Меотийского (Азовского) озера скифы вынуждены были, в свою очередь, искать земли и добычи у тамошних племен. Как раз в этот период на Северном Причерноморье засвидетельствованы явления дестабилизации, факты нападения на греческие и лесостепные города и прекращения деятельности некоторых из них, продвижение племен, например, невров, и т.д.

Согласно Леонти Мровели, братья таргамосианы совместными силами «покорили пределы Хазарети». В данном случае под понятием пределы Хазарети имеется в виду, надо полагать, та часть северокавказской равнины, которая находилась под господством хазар (скифов) в период их пребывания в этих местах. Таргамосианы во главе с Дурдзуком, разгромив хазар (скифов), восстановили контроль над равнинными районами Северного Кавказа. Уточнение же в древнеармянском переводе грузинского текста, что таргамосианы «полонили Хазарети руками Дуцука», следует понимать скорее всего, как переход освобожденной Предкавказской равнины «в руки Дуцука», т.е. во власть Дурдзука.

[22] Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе... С. 116, 117.

В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство: из всех сыновей Таргамоса Леонти Мровели больше всего внимания уделяет потомкам Картлоса и Кавкаса, и только их он удостаивает чести быть поименно названными в трех поколениях (Картлос – Мцхетос – Уплос; Кавкасос – Тирет – Дурдзук). Поскольку труд Леонти Мровели посвящен истории Картли, которую он рассматривает на фоне общекавказской и мировой истории, то нет, конечно, ничего удивительного в том, что потомству Картлоса уделено столь пристальное внимание. Выделение же потомков Кавкаса – Тирета и Дурдзука, мы вправе рассматривать как отражение выдающейся роли нахов в древней истории Кавказа и свидетельство могущества нахского политического объединения в I тыс. до н.э., имевшего уже достаточно длительную традицию.

Археологический материал четко документирует факт восстановления нахами контроля над равнинными районами Центрального Кавказа. Этим объясняется и демографический взрыв нахского населения в середине I тыс. до н.э., отразившийся в резком увеличении с VI в. до н.э. числа кобанских поселений не только в горной и предгорной, но и равнинной зоне Центрального Кавказа (см. выше). В этот период восстанавливаются и расширяются старые, ранее разрушенные, города и поселения и закладываются новые, одновременно осваиваются новые территории и расширяется среда обитания нахских племен.

Обнаруженная археологами плотная сеть кобанских поселений и могильников VI–IV вв. до н.э. является ярким свидетельством серьезных изменений в области обеспечения безопасности населения, стабилизации политической ситуации в стране нахов и создания необходимых условий мирного созидательного развития. Трудно, более того – просто немыслимо, представить, чтоб при господстве пришлых племен (скифов) могло произойти резкое увеличение числа кобанских поселений, сопровождавшееся демографическим взрывом среди автохтонного нахского населения. Все это могло стать возможным, разумеется, лишь после восстановления нахами полного контроля над северокавказской равниной и центральнокавказскими перевалами.

Между населением гор и равнин всегда существовала взаимозависимость, поэтому восстановить контроль над равнинами и кавказскими перевалами одновременно было крайне важно. Создание для равнинной и горной части единого прочного хозяйственно-культурного комплекса являлось необходимым условием не только для обеспечения нормальной жизни населения, но и прогрессивного развития, которое наблюдается в этот период в районах Центрального Кавказа. Вполне возможно, что именно тот период, последовавший после изгнания скифов из северокавказских равнин, и отражен в известном сообщении «Картлис цховреба»: «...И все дурдзуки были свободны от пленений со стороны хазар из-за крепостей страны»[23].

Строительство укрепленных городищ. Особенно интересен тот факт, что в целях обеспечения защиты своей страны от вероятных вторжений кочевых полчищ, нахи уже не довольствуются естественной защищенностью своих поселений, а переходят к строительству укрепленных сооружений на северной границе

[23] Мровели Леонти. С. 30.

страны. По археологическим свидетельствам, начиная с рубежа VII–VI вв. до н.э., на северных окраинах ареала кобанской культуры почти одновременно строятся укрепления. Топография этих укреплений не оставляет никаких сомнений в том, что они были созданы для защиты от возможных вторжений с севера, со стороны степных племен. Укрепления поселений Центрального Кавказа того периода исследователи условно разделили на четыре группы: городища с каменными стенами, городища с каменно-земляными валами и системой рвов, памятники с эскарпированием и террасированием склонов, башнеобразные сооружения. Также выделяются комбинированные памятники, например, имеющие валообразные укрепления с надстройкой по верху каменных стен (Бредихинское и Томузловское городища)[24].

Привлекает внимание и тот факт, что эти укрепления (или как их принято называть – городища), основанные на рубеже VII–VI вв. до н.э., функционируют на протяжении нескольких столетий (с VII в. до н.э. вплоть до III-II вв. до н.э.), периодически укрепляются и совершенствуются (ремонтируются, обновляются). В это же время на южных границах страны, по берегу р. Куры, строятся и периодически обновляются укрепленные города – Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрахе, упоминаемые в «Мокцевай Картлисай». Одной из главных функций этих городов-крепостей являлась защита южных пределов страны от Мидии, а затем от Ахеменидской Персии. Эти города-крепости также функционируют с VI по II вв. до н.э.

Трудно представить, что укрепления, составлявшие единую систему обороны и располагавшиеся по всему северному периметру Центрального Кавказа и южному периметру Закавказья, строились и содержались на протяжении нескольких столетий без наличия сильной государственной организации. Сооружение систем оборонительных городищ по всему периметру вероятного соприкосновения с кочевыми племенами – от верховьев Большой и Малой Зеленчуков и Ставропольской возвышенности на западе до впадения реки Сунжи в Терек на востоке; а на юге – по линии соприкосновения с Мидией и Ахеменидской Персией и установившаяся политическая стабилизация на протяжении длительного времени, разумеется, являются свидетельством начала нового этапа истории нахов, который характеризуется ростом военной мощи и ускорением экономического и культурного развития. Отчасти это, видимо, следует связывать с приходом в страну в конце VII – начале VI вв. до н.э. южнонахских и урартских племен, которые привнесли в нахское общество культурные и технологические инновации.

Древненахское государственное объединение (Малхия//Махлия, Нахаматия/Нахчематия). Если имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о существовании в середине I тыс. до н.э. достаточно обширного государственного объединения нахов, то в письменных источниках сохранились лишь опосредованные упоминания о нем в греко-римской, армянской и грузинской исторической традиции. Так, о том, что к середине I тыс. до н.э. на Центральном Кавказе образовалось единое нахское политическое объединение, красноречиво свидетельствуют общие, собирательные названия, употреблявшиеся для обозна-

[24] Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе... С. 116, 117.

чения всех жителей данной территории, – нахаматеан, кавкасиан, малхи/махли, мосох. Сохранились также имена правителей нахского государственного объединения – Адирмах, Дурдзук, сын Тирета (варианты: Тирен, Тинен, Тирис).

Античной письменной традиции было известно о существовании в I тыс. до н.э. на Кавказе царства малхиев/махлиев. Согласно этой литературной традиции, сохранившейся у Лукиана Самосатского, малхийское царство выступает как одно из крупных государственных образований Юго-Восточной Европы второй половины I тыс. до н.э., взаимодействовавшее с Боспорским царством. Оно не только признается равноправным партнером крупных государственных объединений того времени (Боспорское царство, Скифское царство, Колхидское царство и др.), но и превосходит их по могуществу. Так, малхийский царь Адирмах женился на дочери боспорского царя, превзойдя своих соперников, в том числе правителей колхов, скифов, сарматов и др., именно благодаря «благородству происхождения, могуществу и богатству». Когда после его женитьбы разгорелся военный конфликт со скифами, то правитель малхиев Адирмах за короткое время «собрал большое войско» и вторгся в Скифию[25].

Данное сообщение Лукиана, несмотря на его литературно-повествовательный характер, весьма ценно, поскольку передает бытовавшие в Боспоре представления о военно-политическом объединении именно древних нахов, обозначенных как малхи/махли.

Соаны Страбона. Представляется, что сведения о нахском государтвенном объединении на Кавказе I тыс. до н.э. отражены и в труде Страбона. Более того, может пролиться свет на сообщения Страбона о народах Центрального Кавказа, прежде считавшиеся необъяснимыми и противоречивыми.

Так, перечисляя народы Кавказа в своей «Географии», великий древнегреческий историк и географ Страбон (ок. 64/63 г. до н.э.–23/24 г. н.э.) дважды упоминает неких соанов. Вначале он перечисляет племена, проживавшие от Синдики до Диоскуриады, и приводит данные о расселении народов Кавказа, согласно которым в горах, выше колхов, среди прочих проживают малочисленные народности фтейрофаги и соаны[26].

Далее, после описания Колхиды и части Иберии, греческий географ вновь возвращается к центральной части Кавказа, но на этот раз соаны представлены им уже как многочисленный народ, превосходящий окружающие народы своим могуществом: они «…самые воинственные и сильные из всех …господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Дискуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек,… они могут выставить войско до 200000 человек»[27]. Для сравнения, согласно тому же Страбону, сиракское объединение могло выставить всего лишь 20000 воинов, многочисленные аорсы, занимавшие большие пространства, тоже могли выставить не более 200000 че-

[25] Лукиан. Собрание сочинений. Т. 1–2. М., 1935. С. 109, 255, 257.

[26] Str. XI, II, 14. (здесь и далее книга, глава и страница латинского текста. См. также русский перевод: Страбон в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановский. Л. 1964).

[27] Str. XI, II, 19.

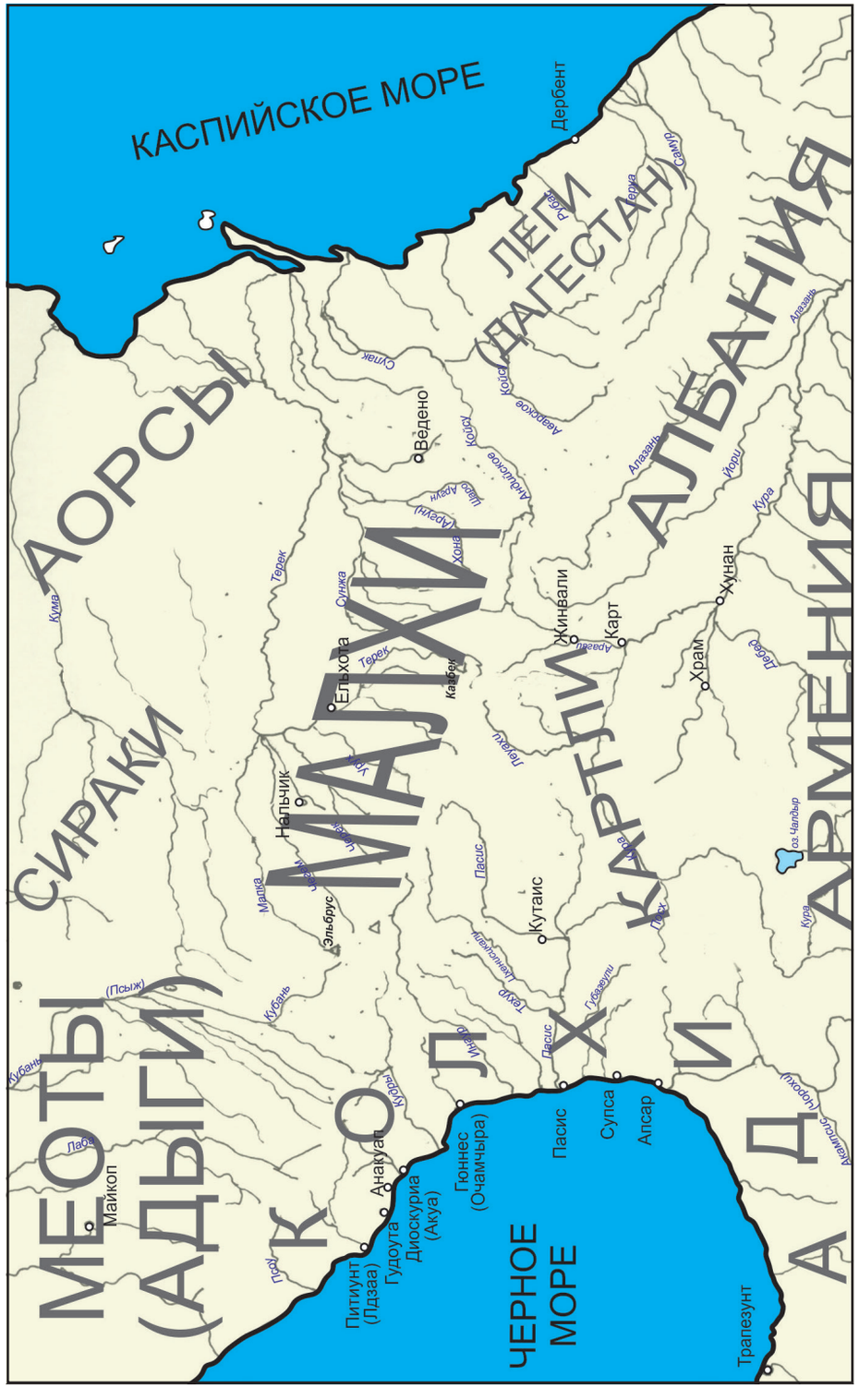

Рис. 23. Малхи (Махли) Лукиана Самосатского и Клавдия Элиана во второй половине I тыс. до н. э. (составитель Г.Д. Гумба)

ловек, албаны – 60000 пехотинцев и 22000 всадников, Мидия – 40000 пеших и 10000 всадников[28].

При анализе данных «Географии» Страбона следует иметь в виду, что в ней отражена обширная историко-географическая литература, созданная предшественниками автора, представлены различные мнения по многим принципиально важным вопросам, а также изложены его собственные суждения. Поэтому противоречивость сведений Страбона о соанах является, скорее всего, следствием использования различных источников, отражающих разные хронологические срезы.

В той части своего труда, где соаны описываются как небольшая народность в горах выше колхов, Страбон ссылается на данные историков Митридадовых войн, т.е. речь идет о I в. до н.э. (89–63 гг. до н.э.).

Сообщение же о соанском могущественном объединении, занимавшем обширные территории Центрального Кавказа, представлено в связке с информацией о Колхиде, разделенной на скептухии, подчиненной центральной власти царя[29]. Данная фаза развития Колхидского царства, по единодушному мнению ученых, относится к VI–IV вв. до н.э.[30], следовательно, к этому же периоду надо относить и существование крупного объединения соанов.

В своих сообщениях античный географ подчеркивает, что соаны занимают горы (вершины Кавказа), возвышающиеся над Диоскуриадой, что воспринимается исследователями как факт, указывающий на расселение соанов в западной части Кавказа (в верховьях Ингури). Однако это совершенно не соответствует данным Страбона. Дело в том, что Страбон дает противоречивые сведения о локализации города Диоскуриады, что также является результатом смешения информации различных и разновременных источников.

Так, в отрывке, где соаны описываются (со ссылкой на историков Митридадовых войн) в качестве небольшой народности, проживавшей выше Диоскуриады, Страбон описывает расселение племен Западного Кавказа от Азовского (Меотского) побережья до Диоскуриады и здесь же, как он сам говорит, завершает рассказ о Диоскуриаде[31]. В данном случае имеется в виду действительное расположение города Диоскуриады (совр. Сухум). Согласно этим данным, в I в. до н.э. в горах над Диоскуриадой, рядом с фтейрофагами, проживала малочисленная народность соаны.

Во втором упоминании Страбона о Диоскурии речь идет об ошибочно помещаемой ионийскими географами на восточном углу Черного моря г. Диоскуирии. Именно от Диоскуриады, якобы расположенной в районе современной Аджарии, а не от Сухума Страбон направляет своих читателей к северным границам Колхиды и Иберии, в центральные районы Кавказа и далее приступает к изложению сведений о могущественном объединении соанов. Он характеризует их как

[28] Str. XI, IV, 5; XI, V, 8; XI, XIII, 2.

[29] Str. XI, II, 18.

[30] Лордкипанидзе О.Д. Городище Вани в общеколхидском контексте // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 198. Прим.47; Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // Вестник древней истории. 1994. № 1. С. 68.

[31] Str. XI, II,18.

многочисленный, воинственный и могущественный народ и пишет, что в отличие от прочих соседних с ними народов, которые занимают скудные, незначительные земли, соаны владеют плодородными землями и могут развивать свое хозяйство. Из соседних с соанами народов лишь иберы и албаны владеют такими же плодородными землями[32].

Очевидно, что плодородными землями, принадлежавшими проживавшим к северу от Колхиды и Иберии соанам, могли быть только равнины центральной части Северного Кавказа.

Таким образом, Страбон сохранил в своем труде сведения о крупном объединении соанов, существовавшем на Кавказе в середине I тыс. до н.э. (VI–IV вв. до н.э.). Согласно Страбону, страна соанов занимала всю территорию Центрального Кавказа – от фтейрофагов (верховья Кубани и Ингури) на западе до Дагестана на востоке, а на севере включала в себя плодородные северокавказские равнины. Однако столь обширная область расселения соанов (суанов) не увязывается с тем, что известно о местах их проживания в древности и позднее, в связи с чем сведения Страбона считаются ошибочными. Действительно, соаны (сваны) – это малочисленная горская народность, принадлежащая картвельской языковой семье и проживавшая в верховьях рек Ингури и Цхенис-Цкали, т.е. к северу от Колхиды, и нет никакой информации, которая хотя бы косвенно подтвердила бы их распространение когда-либо по всему Центральному Кавказа или господство в этих местах.

В то же время «География» Страбона – это не единственный источник, в котором приводятся столь обширные границы соанских земель. Территория Центрального Кавказа называется Суанети и в «Картлис цховреба» («…от Дидоети до Эгриси, которая суть Суанети»), но это сообщение также считается не поддающимся объяснению[33].

Однако и в этом случае из поля зрения исследователей выпадает очень важное уточнение, имеющееся в древнегрузинском источнике, о том, что население Суанети составляют нахские племена – (дурдзуки). Согласно Леонти Мровели, картлийский царь Саурмаг (III в. до н.э.) привел дурдзуков – «половину рода кавкасианов…(и) посадил в Мтиулети – от Дидоетидо Эгриси, которая есть Суанети»[34]. На самом деле сведения Леонти Мровели о переселении якобы Саурмагом дурдзуков в Картли не соответствуют действительности. Древнегрузинский историк пытался таким образом объяснить своим современникам факт проживания в древности на южной части Кавказа нахских племен.

Подтверждением того, что могущественные соаны Страбона – это именно нахское объединение, служит и сообщение греческого географа о том, что соанов иногда называют иберийцами[35]. Древние авторы использовали названия Иберия

[32] Str. XI, II,19.

[33] Мровели Л. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 80, комм.56.

[34] Мровели Л. Жизнь картлийских... С. 30; Армянский перевод: «…привел половину размножившегося рода Ковкаса и поселил в Мтиулети (букв. Горная страна – Г.Г.), которая есть Суанети» (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. С. 20.).

[35] Str. XI, II, 19.

и иберийцы для обозначения современной Восточной Грузии и ее жителей. Страбон тоже употреблял термин Иберия в географическом смысле и делил население этой страны на две этнические группы – горных жителей, «родственных» скифам и сарматам (как выясняется «родственны» по этнотипу, т.к. Страбон считает их варварами), и равнинных, больше сходных с армянами и мидийцами. Соаны-иберийцы Страбона – это население, проживавшее к северу от границы Картли с т.н. Азиатской Сарматией, проходившей по Цилканским (Сарматским, Дурдзукским) воротам около Жинвали, т.е. в Дурдзукетии (или Цанарии).

Таким образом, соаны Страбона в середине I тыс. до н.э. занимают почти ту же территорию, что и нахаматеаны/нахчаматеаны, малхи/махли, кавкасианы и масахи. Одна из возможных причин того, что Страбон нахское объединение называет соанским, а Леонти Мровели часть страны нахов именует Суанети, заключается в том, что название соан (суан) для рассматриваемого периода являлось одним из названий большого нахского объединения. Вероятность именно такого объяснения предполагает и сам термин соан(суан).

Происхождение этнонима соан(суан) получает объяснение в т.ч. из абхазского языка, в котором соан(суан) – а-шануа(шьоуануа) имеет значение «люди страны (где ранее жили) ашьоы (асы)». Следовательно, в местах, занятых в настоящее время сванами, проживал в прошлом народ а-шьоуа, название которого перешло на пришлые племена картвельского происхождения[36]. Свистящий звук абхазского языка шьо (ş) в иной языковой среде звучит как с (s), отсюда соан/суан/сван. Формашуан (соан/суан) сохранилась у древних авторов, в частности, у Страбона и Леонти Мровели. Но в списках «Ашхарацуйца» сохранилась абхазская форма ашьоы (ашы) – аш-дигор.

Грузинский этноним овсы (опси, оси), употребляемый для обозначения осетин, вряд ли имеет отношение к античным ас и асам/ясам древнерусских источников[37]. Это не что иное, как грузинская передача абхазского названия ираноязычных племен – уапшь (уапс) – букв. «рыжие, светлые люди»[38], которые первоначально обосновались на Северо-Западном Кавказе в непосредственном соседстве с Абхазией.

То обстоятельство, что этноним ашы (асы) употребляется для обозначения сразу нескольких народов Кавказа, относящихся к различным языковым группам (абазины, адыги, балкарцы, сваны), можно объяснить тем, что ашы/асы являлись одними из древнейших аборигенов Кавказа, сыгравших роль этнического субстрата в формировании перечисленных выше народов и передавших им свое название. В этой связи следует обратить внимание, что в хеттских и ассирийских клинописных текстах западная часть страны Цопа (Цова) называлась также Isua (Ишьоуа). В древности Цопа славилась разведением лошадей, и ее название, вероятно, происходило от хурритского iśiya (ишьоиуа) – «лошадь», ср. также шу-

[36] Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982. С. 49.

[37] Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949. С. 80.

[38] Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах… С. 48.

мерское si (шьои) – «лошадь». Учитывая, что Цопа (Цова) или Ишьоуа (Исуа) являлась местом, откуда переселились на Кавказ племенные группы цанов (цова, цова-тушин), хонов, терков-турков и др., нельзя исключать возможную связь населения приевфратской области Исуа с кавказским и асы/асуа.

В то же время то обстоятельство, что этноним ашы (асы) употребляется для обозначения сразу нескольких народов Кавказа, может указывать на этногеографический характер данного термина. В этой связи обращает на себя внимание, что в абхазском языке шы (шьоы) означает «черный» и применяется также для обозначения плодородной земли – черноземья, т.е. а-шьоуа имеет значение «люди черноземья». Речь идет о земледельческом населении северокавказского Черноземья. Его использование для обозначения жителей предгорной и горной части Главного Кавказского хребта, в том числе и южных склонов, могло иметь место в тот период, когда северокавказские равнины, северные и южные предгорья центральной части Кавказа населяла одна этнокультурная общность. Этой общностью в I тыс. до н.э. была именно нахская.

Границы нахского государственного объединения Нахаматии (Малхии) в пределах того же Северного Кавказа, скорее всего, совпадали с ареалом кобанской культуры и включали район Ставрополья. Его южная граница в Закавказье, отделявшая от Колхиды, проходила по Эгрисскому и Рачинскому хребтам. Что касается границы с Картли, то она установилась по линии Цилканских ворот лишь с начала II в. до н.э., когда здесь, на границе Картли с Дурдзукети, по данным древнегрузинских источников, были построены ворота Дарубал. Но в более ранние периоды граница нахского политического объединения на юге проходила по линии – от восточной окрайны Мосхийского хребта – Треиалетский хребет – Хунани – Камбичена. Причем сюда не входила часть южнонахских племен бассейна Чорохи и области Гугарк.

Нахские правители. В письменных источниках сохранились только три имени легендарных нахских правителей: Адирмах, Тирет (варианты: Тирен, Тинен, Тирис) и Дурдзук, сын Тирета.

По поводу происхождения имени отца Дурдзука высказывалось предположение, что Тинен (Тирет) – это не личное имя отца Дурдзука, а производное от грузинского слова тина – «скала, гора», т.е. Дурдзук означает «сын скалы (горы, камня)[39]». Однако тина – это не грузинское, а хурритское слово, означающее «гора (скала)» и довольно часто встречающееся в хуррито-урартской ономастике[40]. Мотив рождения героя из камня (сын камня) также приводит нас к хурритской мифологии – к рождению Улликумы из камня («Песнь об Улликумми») и к главному герою нартского эпоса кавказских народов Сосрыкуа (Сослан, Сеска-Солса)[41]. Таким образом, Дурдзук, сын Тинена, означает «Дурдзук, сын камня (Скалы)». Как хорошо известно, сын скалы (камня) – это олицетворение солнечного героя, рожденного от божества солнца, и понятие «сын скалы» равнозначно понятию

[39] Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 43–44.

[40] Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985. С. 246.

[41] Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия.М., 1985. С. 129.

«сын (божества) Солнца», отсюда владыка нахов Дурдзук – сын Солнца. Персонификация правителей нахов с главным государственным культом страны – верховным божеством Малх (Адирмах – обладатель силы Солнца, Дурдзук – сын Солнца) дает основание предполагать сосредоточение светской и религиозной власти в одних руках, что характерно для древневосточной государственной традиции.

Нашествие сарматов. В конце IV – начале III вв. до н.э. в области Северного Причерноморья и Азово-Каспийского междуморья вторгаются большие массы новых кочевых племен, вошедших в историю под именем сарматы (савроматы). Родина сарматов и место формирования их культуры – поволжские и приуральские степи. Постепенно заняв территории на Южном Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье, а также в Северном Прикаспии, сарматы в III в. до н.э. перешли Дон. Разгромив скифов и уничтожив их как этнос (только небольшая часть скифов спаслась в Крыму), они продвинулись далее на запад вплоть до Дуная и заняли все Северное Причерноморье. После этого этноним сарматы, первоначально обозначавший одну из групп кочевников, постепенно становится собирательным для обширного и разнородного кочевнического мира евразийских степей, господствовавшего на территории от р.Тобол на востоке до р. Дунай на западе, заменив прежнее обозначение варваров-скифов на сармат.

В начале III в. до н.э. сарматские племена устремляются на юг, к богатым и процветающим областям Кавказа. Первые волны сарматских полчищ с Нижнего Подонья и Поволжья обрушиваются на Западное Предкавказье. Именно вторжением сарматов объясняется гибель многих поселений на правобережье Средней и Нижней Кубани в первой половине III в. до н.э. В этот же период набеги сарматов достигли северо-западных и северных областей нахской страны. Однако основной удар сарматских войск пришелся в этих местах на укрепленные городища и поселения, составлявшие единую оборонительную систему нахского государственного объединения. Благодаря этим укреплениям, а также значительной военной силе, нахи сумели организовать стойкий отпор вторжению многократно превосходивших их по численности полчищ кочевников. Так, по данным археологии, крупные нахские города, известные в специальной литературе как Грушевское городище, Татарское городище, Ханкальское городище и др., пали лишь после длительной осады[42]. Несмотря на серьезные потери и разрушения, ценой больших усилий нахам удалось отразить натиск сарматов, не пропустить захватчиков в глубь страны. Об этом свидетельствуют материалы раскопок поселений и могильников: после нашествия сарматов на территории Центрального Кавказа остались проживать те же жители, что и прежде, с теми же традициями духовной и материальной культуры, причем плотность народонаселения также осталась неизменной; во многих разрушенных поселениях жизнь не прекратилась, за короткий период времени были отремонтированы и восстановлены разрушенные укрепления. Более того, на правобережье Терека, например, на месте разрушенных была выстроена новая, более мощная

[42] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 326.

цепь оборонительных сооружений (городищ) для защиты от вторжений кочевников[43].

Однако в степной части Нахаматии, особенно в районе Ставрополья, последствия вторжения сарматов оказались более разрушительными. Был стерт с лица земли один из крупных центров ремесла и торговли – Грушевское городище, также полностью разрушены и многие другие нахские поселения (есть подозрения, что часть их достигала Приазовья). Часть земледельческого населения этих районов стала перемещаться на юг и юго-восток, а на освободившиеся территории проникали сарматские племена[44].

В конечном итоге от страны нахов были отторгнуты район Ставрополья, а также земли, лежавшие на подступах к Клухорскому и Марухскому перевалам, имевшие важное военно-стратегическое значение. В Западном Предкавказье сарматы начали осваивать степи восточного побережья Азовского моря и Прикубанья, соседствуя бок о бок с меотскими (древне-адыгскими) племенами[45].

Как отмечают исследователи, заселение сарматами этих мест было длительным и достаточно мирным процессом[46]. В середине III в. до н.э. складывается военно-политический союз оседло-земледельческого адыгского населения и сарматских племен (сирако-меотский союз), известный в античных источниках как Сиракский союз племен. В состав этого объединения, скорее всего, вошли и бывшие западные области малхов.

Есть достаточные основания считать, что сирако-меотский союз племен установил контроль над Марухским и Клухорским перевалами, дорога через которые выводила к расположенным на абхазском побережье Черного моря богатым торговым центрам – Диоскурии (Сухум), Питиунту (Пицунда), Гюнесу (Очамчыра) идр. Судя по тому, как начиная с III в. до н.э., археологический материал к западу от р. Малка приобретает новые черты и его облик становится все более и более отличным от раннего, надо полагать, что с этого времени западные границы нахского объединения отодвигаются к р. Малка. Так, на протяжении трех веков – с III по I в. до н.э. включительно по этой реке проходила линия раздела между двумя археологическими группами[47]. Это факт, который указывает на то, что именно по этой реке установилась более или менее устойчивая граница между нахским объединением и сирако-меотским союзом.

В значительной мере неблагоприятный для нахов исход борьбы с сарматами объясняется тем, что одновременно на на южных рубежах страны сложилась тяжелейшая ситуация, вызванная походом Александра Македонского и падением

[43] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 166; Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху... С. 49. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 327.

[44] Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // Советская археология. 1958. № 28. С. 62–71.

[45] Анфимов Н.В. Указ. соч. С. 62–71; Его же: К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 49.

[46] Абрамова М.П. Некоторые особенности… С. 59.

[47] Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) М., 1993. С. 21.

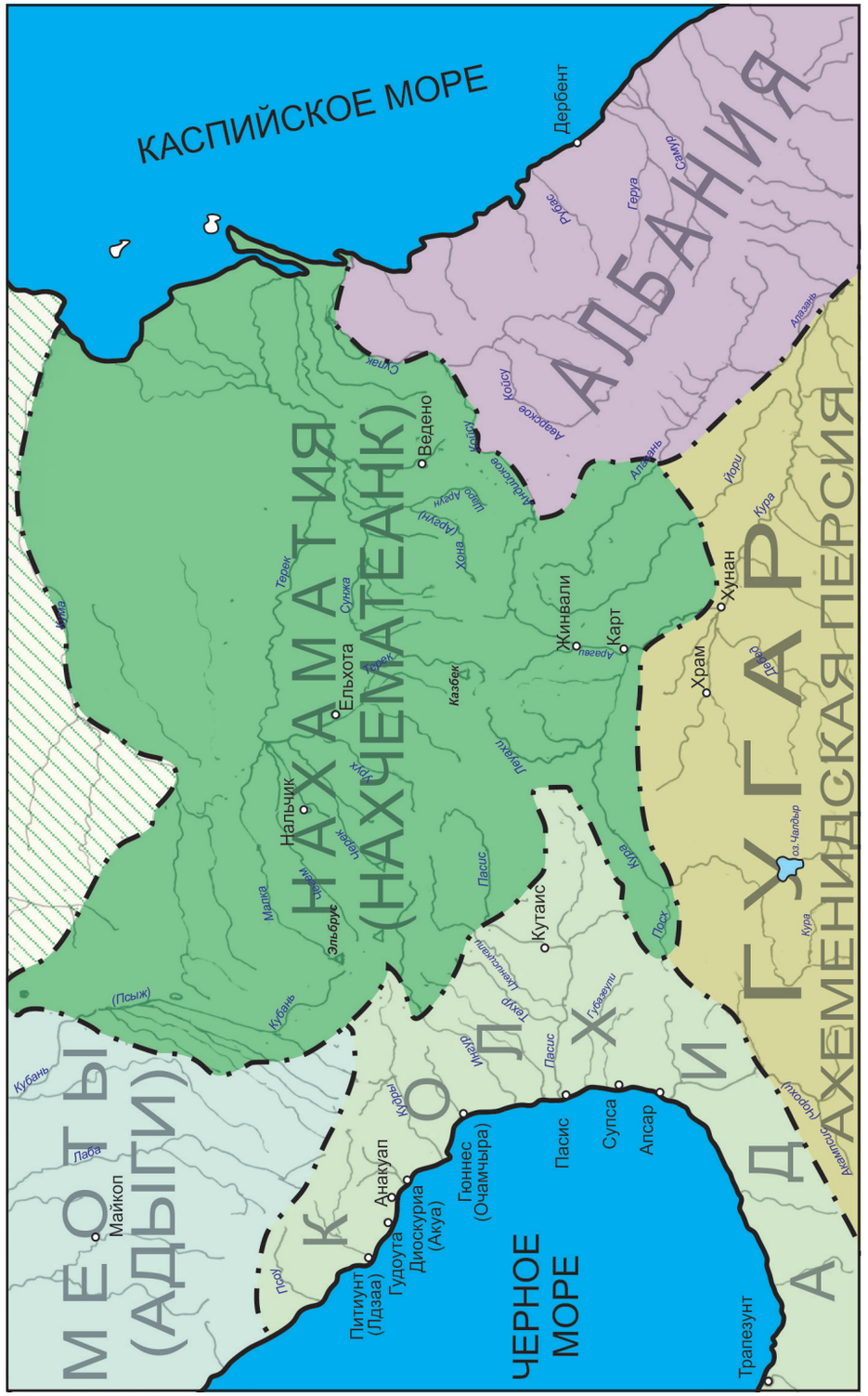

Рис. 24. Нахское объединение племен в VI–IV вв. до н. э.
(составитель Г.Д. Гумба с дополнениями Д.С. Курумова)

Ахеменидской империи, которые повлекли за собой массовое перемещение людей, что привело к новому изменению этнополитической карты Передней Азии, затронувшему также Южный Кавказ и, соответственно, южные области нахского государства.

§2. Взаимоотношения нахского государственного объединения с Мидией и Ахеменидской Персией

Ахеменидская Персия и Кавказ. В первой половине VI в. до н.э. свою власть на бывшие территории Урарту, а также на области Южного Кавказа распространяет Мидийская держава, которую вскоре сменила могущественная Ахеменидская Персия, просуществовавшая более двух столетий – с середины VI в. до н.э. до 30-х гг. IV в. до н.э. Границы Ахеменидской мировой империи доходили до Эгейского моря и устья Дуная на западе, до Нильской долины на юго-западе и реки Инда на востоке. Мидия и сменившая ее Ахеменидская Персия, безусловно, были заинтересованы в установлении контроля над кавказскими перевалами, а также над центральными областями Южного Кавказа. По сообщениям античных источников, к примеру, через Картли в ахеменидский и раннеэллинистический периоды проходила международная торгово-транзитная дорога, ведущая из Индии и Средней Азии к городам Восточного Причерноморья.

Но, ни Мидии, ни Ахеменидской Персии не удалось установить свое господство над центральнокавказскими перевалами – их войска были остановлены еще на подступах к центральным областям Южного Кавказа. Так, границы Мидии на севере доходили до местности Хунани (Хунаракерт) (расположенной неподалеку от впадения р. Храми в Куру) и до долины р.Чорохи.

Ахеменидской империи, в свою очередь, удалось еще более расширить пределы своего политического влияния, но ее северная граница на Южном Кавказе установилась также по течению р. Куры – от ее устья и до слияния с ней р. Храми (около местности Хунани), а отсюда направлялась на запад по р. Храми до Триалетского хребта. По вершинам последнего граница шла до отрогов Мосхийского или Аджаро-Имеретского хребта, далее на юг по Арсианскому хребту. Перечисленные территории составляли северный участок 11-й сатрапии «Каспиена» Ахеменидской Персии.

В некоторой зависимости от Ахеменидов находилось население Кавказской Албании (левобережье Куры), хотя оно, вероятно, и не подчинялось непосредственно персидской администрации. В отношении же Колхиды в Причерноморье есть сообщение Геродота, что колхи не входили ни в одну из сатрапий, но «обложили себя [добровольными] приношениями» Ахеменидам[48].

Военная активность Персии на Южном Кавказе достигла наивысшей точки на рубеже VI–V вв. до н.э. в связи с необходимостью обеспечения безопасности северных границ империи от возможных вторжений с Кавказа в период походов Дария I в Северное Причерноморье – Скифию (515 г. до н.э.) и Ксеркса I в Гре-

[48] Геродот. История в девяти книгах. Кн.III. Л., 1972. С. 97.

цию (480 г. до н.э.)[49]. К концу VI в. до н.э., вероятно, относится и строительство крепостей вдоль северной границы империи на Южном Кавказе, где, согласно археологическим свидетельствам, располагались персидские военные гарнизоны: Цискорант-гора в Камбечани (Ширакское плато) на юге Кахетии, недалеко от Хунани; Сары-тепе, недалекоот г. Казах (на западе современного Азербайджана); Гумбати на южном склоне Триалетского хребта (Цалкская котловина)[50].

Все эти гарнизоны (к ним можно отнести также поселения у с. Даракой и на горе Ай-Илиа в Триалети) образовывали приграничную линию обороны Ахеменидской Персии на Южном Кавказе, которая проходила с востока на запад – от Камбечани и Хунани, по Триалетскому хребту, до восточных окраин Мосхийского хребта.

Ахеменидам, видимо, так и не удалось включить в состав своей державы земли к северу от указанной приграничной линии и распространить свое господство на население северных районов центральной части Южного Кавказа. На это указывает и тот факт, что источники ничего не сообщают о населении Картли (Иберии) периода могущества Ахеменидской Персии: картлийцев (иберийцев) нет в списках племен, привлекавшихся ахеменидскими царями для своих многочисленных походов, их нет в числе народов, плативших дань Ахеменидам, и, наконец, они не фигурируют среди племен и народов, привлекавшихся Ахеменидами для строительных и различных хозяйственных работ.

Словом, у нас нет свидетельств, которые хотя бы косвенно указывали бы на установление господства Ахеменидской Персии в центральных районах Закавказья к северу от местности Хунани и Триалетского хребта. Противостоять же захватническим устремлениям Ахеменидской Персии в то время могло только могущественное политическое образование и, как представляется, единственным таким образованием в VI–IV вв. до н.э. могло быть лишь нахское государственное объединение.

Такое видение не противоречит, а, напротив, подтверждает весь имеющийся материал. Как уже отмечалось выше, археологические данные достаточно определенно указывают на близость материальной и духовной культуры Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа. Это в первую очередь подтверждает предметный материал могильников Триалети, Маднисчала, Цопа, Мцхета, который во многом аналогичен материалам Тли, Сержень-Юрт. Археологические памятники кобанского характера периода поздней бронзы и раннего железа обнаруживаются и в других частях Картли и Кахети.

Выявляемое материальное и духовное родство археологических памятников Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа дает достаточно оснований для предположения о том, что в эту эпоху на территории Центрального Кавказа и Картли проживало если и не однородное, то этнически близкородственное население, по всей вероятности, относившееся к нахской этнической группе. Правомерность такого предположения подтверждает и отмеченная выше нахская принадлежность древнейшего населения Картли (хоны, бунтурки, масахи, гугары, цанары). Правда, начиная с VI–V вв. до н.э. материальная культура рассматриваемого региона претерпевает ощутимые изменения. Но и здесь, решающую роль сыграло скорее перемещение из южных областей в центральные области Кавказа этнически близкородственного нахам населения, приобщенного к государственности и культурным традициям Урарту.

[49] Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 44 и след.

[50] См.: Нариманов И.Г. Находки баз колонн VI–V вв. до н.э. в Азербайджане // Советская археология. I960.

Не приходится сомневаться в том, что население центральных областей Южного Кавказа было вовлечено в политические процессы, имевшие место на Кавказе в конце VII – начале VI вв. до н.э., и прежде всего в возглавляемую нахами Центрального Кавказа общекавказскую войну против скифов, о чем сообщает Леонти Мровели. В этих условиях вероятность того, что южнонахские племена участвовали в процессе формирования нахского государственного объединения становится достаточно высокой. Подтверждение тому – сообщение Леонти Мровели об участии племен Южного Кавказа (братьев таргамосиан) в войне против хазар (скифов) и строительстве укрепленных городов на Северном Кавказе – от Ставропольской возвышенности на западе до реки Хулхулау на востоке. Данное сообщение Леонти Мровели можно рассматривать как сохраненный отголосок распространения политической власти нахского правителя (владыки Дурдзука) на население центральных областей Южного Кавказа.

Для нахского государственного объединения установление контроля над Картли было необходимо не только для получения свободного выхода к странам Передней Азии и осуществления надзора за проходившими здесь торговыми путями, но и для обеспечения безопасности страны и защиты ее от вторжений с юга. Трудно сомневаться в том, что в процессе возникновения крепостей-городов в долине Куры в VI в. до н.э. определенную роль сыграли торговые пути, т.к. древнейшие города и торговые пути не существовали друг без друга, однако следует учитывать, что рассматриваемые города генетически не восходят к торговым путям. Это подтверждается и расположением крепостей-городов (правительственных крепостей) – от Мосхийского хребта на юго-восток вдоль реки Куры, т.е. напротив ахеменидских приграничных гарнизонов (крепостей), размещавшихся по линии от восточной окраины Мосхийского хребта – Триалетский хребет – Хунани – Комбичена. Именно по этой линии проходила, по всей видимости, и южная граница нахского государственного объединения. Расположение крепостей-городов напротив ахеменидских приграничных гарнизонов указывает на то, что, помимо, контроля над транзитными торговыми путями и обеспечения их безопасности, они выполняли функции охраны южных рубежей нахского государства. Одновременно, надо полагать, эти города служили административными центрами – опорными пунктами центральной власти. Этим и объясняется то, что в древнегрузинских источниках вышеуказанные крепости-города называются правительственными крепостями (крепостями владыки). То, что эти крепости владыки принадлежали именно владыке нахов, косвенно подтверждается и тем, что, по данным древнегрузинских источников,

в рассматриваемый период известен лишь один владыка – владыка кавкасиан Дурдзук[51].

Весьма примечательно, что строительство крепостей-городов как на южных рубежах нахского государственного объединения – вдоль реки Куры, так и на северных – от Ставропольской возвышенности на западе до впадения реки Сунжи в Терек на востоке, происходило почти одновременно: в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. Данный факт, документированный археологическим материалом, служит доказательством существования на всей указанной территории единого политического пространства с единым центром власти. Одновременное строительство и содержание городов с оборонительными функциями на северных и южных подступах к важнейшим центральнокавказским перевалам служит еще одним доказательством экономической и военно-политической мощи нахского государственного объединения, его способности контролировать ключевое пространство, имевшее огромное военно-стратегическое и экономическое значение.

Расположение этих укреплений одновременно указывают, откуда исходила опасность для нахского государства: с севера от степных племен, а с юга – от Ахеменидской Персии. Сведения о военных столкновениях с войсками Ахеменидской державы сохранились в древнегрузинских источниках, однако, в них вторжения Ахеменидов в центральные области Южного Кавказа в период VI–IV в. до н.э. искусственно приписываются Александру Македонскому[52].

Армения и и наследие Урарту. С V в. до н.э. имя Урарту навсегда исчезает из исторического обихода (последний раз название Урарту встречается в надписи персидского царя Ксеркса), и на смену ему приходит и прочно устанавливается название Армения, охватывающее бывшую территорию Урарту. Собственно, история Армении является прямым продолжением истории не только протоармян, но и урартов, вошедших «чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа[53]», и фактически армянский народ становится правопреемником урартской истории и культуры.

После падения Урартской державы на ее территории возникают армянские государственные образования, а в 520 г. до н.э. в Бехистунской надписи впервые появляется название Армения для обозначения территории Урарту. С VI века до н.э. Армения оказалась в зависимости от Мидии, а затем от Ахеменидской Персии.

В 522 г. до н.э. Армения восстала против Ахеменидской державы, но потерпела поражение и была превращена в сатрапию (вассальное наместничество). Причем территория, населенная армянами, была разделена между двумя персидскими сатрапиями. Этим, пожалуй, объясняется наличие сразу двух центров армянской государственности: один в Арме/Армена/Армина (Великая Армения) и второй в области Софена (Малая Армения) – Цопани/Цупани).

После разгрома Персидской державы Александром Македонским Армения оказалась в зависимости от образовавшегося Селевкидского царства. После по-

[51] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 346–355.

[52] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 279–280.

[53] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 239.

ражения селевкидского царя Антиоха III от римлян армянский правитель (стратег) Арташес I (Артаксий) в 189 г. до н.э. возглавил восстание армян против Селевкидов и провозгласил себя независимым царем и стал основателем династии Арташидов. Его царство получило название «Великая Армения», в противоположность расположенной к западу от Евфрата «Малой Армении», где правил родственник Антиоха Митридат. Он расширил владения Великой Армении, объединив почти всю территорию бывшего Урарту. Примерно тогда же армяне начинают заселять почти всю территорию, которая впоследствии составила историческую Армению.

Таким образом, становление независимого Армянского царства стало возможным в результате кардинальных изменений политического ландшафта Передней Азии, которая от древности перешла к эпохе эллинизма. Это прямо противоречит средневековой армянской исторической традиции, относящей появление армянской государственности к периоду борьбы с Ассирией. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что средневековой армянской историографии неизвестен термин «Урарту», а урартский период рассматривает как древний, начальный этап истории Армении и собственно армянского этноса[54].

Дальнейшая судьба населения Урарту – хуррито-урартских и родственных нахам Центрального Кавказа племен – оказалась связанной с этими армянскими и иранскими государственными образованиями.

Династия Парнавазианов и Багратуни (урарто-армянская линия). Указанное обстоятельство как нельзя лучше объясняет история царской династии Парнавазианов (Фарнавазианов) и Багратуни/Багратидов. В сообщениях раннесредневековых армянских историков Мовсеса Хоренаци и Себеоса Парнавазианы упоминаются в перечне представителей царской династии Армении эпохи патриархов – hAайказуни (Гайказуни[55]), т.е. среди потомков родоначальника армян hAайка (Гайка) в начальный период истории Армении.

В эпониме hAйк (Гайк, Хайк) объединены урарты и армяне, поскольку древнейший, начальный период истории Армении есть история Урарту и урартов (хуррито-урартов) и, соответственно, урартские цари представлены как армянские[56]. Следовательно, можно предположить, что царь Армении Парнаваз, упоминаемый как потомок Гайка в эпоху патриархов, т.е. в начальный период истории таргамосиан («Дома Торгома»), является царем Урарту и представителем урартского (или этнически родственного ему) знатного рода.

Действительно, согласно Мовсесу Хоренаци и Себеосу, царь Армении Парнаваз был современником вавилонского царя Навуходоносора II (605–562)[57]. Ссылаясь на несохранившийся древний источник («об этом повествует надпись»), Себеос сообщает:

[54] См.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 410–414.

[55] Мовсес Хоренаци. История Армении… I. С. 22; История Себеоса... С. 19.

[56] См.: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Абхазоведение. Вып. 2. Сухум, 2003. С. 131–135.

[57] Мовсес Хоренаци. История Армении… I. С. 22; История Себеоса... С. 19.

«…Парнаваз… родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрама; Бюрам родил Аспата.

Потомки Багарата унаследовали свои владения на западной стороне, т.е. в доме Ангеха, ибо Багарат назывался также Ангехом, и в то время племя варваров его называло богом. Этот Парнаваз покорился царю вавилонскому – Навуходоносору. С тех пор цари марские (мидийские. – Г.Г.) и вавилонские владели (Арменией. – Г.Г.) до Александра Македонского, который подчинил себе всю вселенную»[58].

В конце VII – начале VI в. до н.э., в период ослабления и падения Урарту под ударами Мидии и Вавилонии, от Урартского царства стали отпадать различные области и страны, и в первую очередь отделились мелкие страны западной и юго-западной части. Фактически Урарту уже не являлось единым государством, а вся территория некогда могущественной державы представляла собой ряд разрозненных стран и областей, возглавляемых собственными царями.

После окончательного падения Урартской державы большая часть ее территории на короткий период времени вошла в состав царства Тогарма. Но уже в первой четверти VI в. западные и юго-западные части Урарту подпали под власть Вавилонии, а центральной частью ее завладели мидяне. В это время и позже, в мидийский период, эти страны, возникшие на обломках Урарту, сохраняли определенную самостоятельность, и каждая из них имела своего царя. Именно этих современных Мидии царей, одновременно правивших в разных частях бывшей территории Урарту, приводит Мовсес Хоренаци в своем списке царей Армении, потомков Гайка, искусственно объединяя их в одну династическую линию: Артикас, Аждахак, Паруйр, сын Скайорди, Парнаваз, Парос, Пачуйч и др.[59]

Упоминаемые в списке царей Армении друг за другом Паруйр, сын Скайорда, и Парнаваз на самом деле правили в одно и то же время в разных частях Урарту и являлись современниками Вавилонского царя Навуходоносора II. Паруйр, сын Скайорда правил одной из небольших областей, входившей в состав Урарту и находившейся у северо-западной границы Ассирии, в непосредственной близости от страны Урме[60].

Паруйр перешел на сторону мидийцев и вавилонян, оказал им помощь в войне против Урарту, за что в 612 г. до н.э. получил самостоятельность и царский венец.

Царь Парнаваз. Парнаваз был властелином западных областей Урарту – Цопа// Цова, а его вотчиной была область Ангех-тун (Турк-Ангех) в восточной провинции Цопа (или Большой Цоп). Новые царства одновременно возникают и в других частях Урартского государства: например, в бывшем его центре, в районе оз. Ван, начинает формироваться новое политическое объединение во главе с династией Ервандуни, на северо-западе, в районе Ерзрума – объединение матиенов, и т.д[61].

В сообщении Себеоса о подчинении Парнаваза Навуходоносору речь идет о событиях конца VII – начала VI в. до н.э., когда войска вавилонского царя Навуходоносора II вторглись в западные области Урарту. Именно в этот период, как уже отмечалось выше, происходило перемещение населения страны Цопа и окружавших ее западных областей Урарту (цова (цан), хон, терк-турк и др.) на север, в центральные районы Кавказа. Однако не все жители этих областей переселились на север и покинули свои земли. Остался в Цупани (Цопа) и один из потомков Парнаваза – Багарат со своей семьей.

Они унаследовали земли Ангех-туна и прославились в истории как одни из самых влиятельных и могущественных нахарарских (княжеских) родов Армении – Багратуни; они были венцевозлагателями армянских царей и носили титул Аспет (военачальник), а в раннем средневековье стали основателями армянской и грузинской царских династий, и под их эгидой страны Южного Кавказа объединились в одно могущественное феодальное государство.

В научной литературе Багратидам часто приписывается иудейское происхождение, однако эта версия давно изжила себя и существует лишь по инерции[62]. В действительности же ассирийские и урартские источники еще в VIII в. до н.э. упоминают род Багратуни на юго-востоке Урарту – в Мусре (Мусасир) и Ману. Эпоним фамилии Багратуни возводится ко второму имени главной богини Урарту Арубани – супруги верховного бога Урарту Халди. Верховную богиню Урарту Арубани ассирийцы называли Багбарту, так она именуется, в частности, в надписи ассирийского царя Саргона II (722–70563). Такая информация заложена и в самой имени Багбарту. По этимологии имени Багбарту (Багратуни) существуют различные мнения, но в основном считается, что это иранское название урартской богини Арубани, и имеется несколько вариантов перевода: «жена бога», или «удел (долю) посвящающая», или «божество плодородия», или «богом данное». По мнению исследователей, иранское название урартской богини Арубани – Багбарту могло быть привнесено в результате контактов урартов (хуррито-урартов) с индоиранцами, имевшее место восточнее оз. Урмия, восточнее царства Мана, начиная уже с X−IX вв. до н.э[63].

Таким образом, Багбарту – это иноязычное имя урартского божества Арубани, которая являлась божеством Мусры (Мусасира) − древнейшего культурно-религиозного и политического центра урартских племен, упоминаемого в клинописях еще с XIV в. до н.э[64]. Здесь же и находился посвященный ей главный храм. Имя богини Багбарту – эпоним фамилии Багратуни: чередование Багбарту переходит в Багарат – Баграт – Багратуни (по аналогии с Урарту – Арарат[65]).

---

[58] Мовсес Хоренаци. I. 22; История Себеоса. С. 19.

[59] Мовсес Хоренаци. I, 22; Пиотровский Б.Б. Ванское царство... С. 127–128.

[60] Там же.

[61] См.: Еремян С.Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории, 1952. № 7. С. 140; Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 128.

[62] См.: Матевосян Р. Багратуни. Историко-родословная энциклопедия (на арм. яз.). Ереван, 1997. С. 7–8; Его же: К вопросу происхождения Багратидов // Армянский Вестник. № 1–2. Ереван, 2001. С. 27–30

[63] См.: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа… С. 17; Меликишвили Г.А. Наири-Урарту… С. 161.

[64] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 164–165. 573; Его же: К вопросу о древнейшем очаге урартских племен. ВДИ, 1947, № 4. С. 21–29.

[65] Матевосян Р. Багратуни. Историко-родословная энциклопедия… С. 7–9; См. также: Меликишвили Г.А. Наири– Урарту... С. 371; Пиотровский Б.Б. Ванское царство, М., 1959. С. 223.

Таким образом, члены рода Багбарту (Багратуни) были служителями главного храма Урарту и принадлежали к касте жрецов, т.е. к высшей духовной знати урартского царства.

Высокое социальное положение рода Багратуни сохраняется и после падения Урартской державы. На протяжении более чем тысячи лет они известны как венцевозлагатели армянских царей и высшие военачальники (аспеты) Армении. Именно представитель нахарарского рода Багратуни Никефор (он же Смбат) короновал царя Армении Арташеса I (189–160), основоположника династии Арташесидов, а в 66 г. (по некоторым данным, в 52 г.) в городе Мцбин (Низибин) Багаратом Парнавазианом был возведен на армянский престол брат парфянского царя Аршака I, основоположника другой царской династии Армении – Аршакидов[66].

Таким образом, Парнавазианы и Багратуни представляют собой две ветви одного и того же знатного урартского (или этнически близкородственного хурриту-урартам) рода, который после падения Урартской державы наряду с другими урартскими нахарарскими родами (Рштуни, Хорхоруни, Арцруни, Мамиконяны, Гнуни и т.д.) составил ядро нахарарской (княжеской) знати Армении, а со временем стал основателем царских династий. Вообще можно сказать, что Парнавазианы-Багратуни олицетворяют собой преемственность государственной власти Урарту и Армении.

В рамках рассматриваемой темы наибольший интерес представляет тот факт, что Багратуни и Парнавазианы упоминаются в тех же местах, где встречаются этнотопонимы, имеющие отношение к нахскому этносу, – Муср (Мусасир), Мана, Дурдзук, Малхина, Меишта, Цопа, Терк (Турк-Ангех), Хона и т.д. (см. выше). Первые упоминания о Багратуни связаны с местностями Муср (Мусасир) и Дурдзук (в Мане) на востоке и юго-востоке Урарту. Позднее, в конце VII в. до н.э., Парнавазианы-Багратуни правят юго-западной областью Урарту – Цопа, а один из районов этой области Ангех-тун становится их родовым владением. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Парнавазианы-Багратуни находились среди людей, переселенных из юго-восточных областей Урарту (Мусры, Мана, Дурдзук и др.) в ее западные и юго-западные области – Цова (Цопа), Ангех, Тегарамма и др.

Сохранились источники, позволяющие довольно точно определить время перемещения населения Мусасира (Мусры) на запад, в Цопк, Ангех и т.д. В 714 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II захватил религиозный центр Урарту Муср (Мусасир) и разрушил главный храм Халди, самого же идола Халди и все имущество храма вывез в Ассирию. В надписи Саргона II, оставленной после этого события, сообщается, что население Мусасира в количестве 6170 человек царь переселяет на запад, в долину Евфрата, т.е. в Каркемиш, Тегараму, Цопани и др[67]. Переселенные из юго-восточных областей Урарту (Муср (Мусасир), Дурдзук и др.) в новые места люди принесли с собой, как это часто бывает, и названия своей страны. С

[66] История Себеоса. С. 19.

[67] АВИИУ, III, 46 (32); АВИИУ, III, 46 (121); АВИИУ, III, 49 (346). См.: ВДИ, №3. 1961.

этим, вероятно, и связан тот факт, что в некоторых архаичных вариантах армянского эпоса «Сасна црер» земля Муср локализуется в Цопани (Цопа[68]).

Вместе с жителями Мусры, несомненно, были переселены и верховные жрецы, служители разрушенного храма Халди и его супруги Багбарти, которые и на новом месте, надо полагать, стали выполнять свои прежние функции. Но впоследствии, вероятно, в период распада Урартского царства в конце VII в. до н.э., они, провозгласив себя царями, возглавили также и светскую власть, отчего их стали отождествлять с богами.

В Цопе, Тегараме (Таргоме), Каркемише, куда, как свидетельствуют ассирийские надписи, были переселены жители Мусасира (Мусры), Дурдзукии и Маны, проходили решающие битвы между армией Навуходоносора II и войсками Урарту и его союзника Египта. И здесь, у стен города Каркемиш, в 605 г. до н.э. вавилонский царь одержал окончательную победу. Вероятно, именно после поражения при Каркемише правитель западных областей Урарту Парнаваз покорился вавилонскому царю Навуходоносору II, о чем и сообщает Себеос.

После этих событий часть населения данного региона перемещается на север, в сторону Кавказа. Вполне допустимо, что среди тех, кто в конце VII – начале VI вв. до н.э. переселился из Цопа, Турк-Ангеха и других областей Урарту в центральные районы Кавказа, были и представители знатного рода Парнавазианов. Косвенным подтверждением тому служат сообщения Себеоса, в которых довольно подробно рассказывается об одном из сыновей Парнаваза – Багарате, оставшемся в Ангехе, но ничего не сообщается о втором – Багараме. Данный факт может служить доказательством того, что Багарам Парнаваз был в числе жителей западных и юго-западных областей Урарту, переселившихся на Кавказ, и что Себеос не сообщает о нем потому, что, вероятно, не обладает какими-либо данными о дальнейшей его (и других переселенцев) судьбе.

Таким образом, если в первой половине I тыс. до н.э. Багратуни-Парнавазианы вместе с дурдзуками, терками (турками), цопа (цова), хонами и др. проживают в урартских областях Муср (Мусасир), Цоп (Ангех-тун) и др., то позднее, во второй половине I тыс. до н.э., они вместе с теми же дурдзуками, турками (терками), хонами и цовами (цанами) являются уже обитателями Кавказа. Племена, переселившиеся на Кавказ на рубеже VII–VI вв. до н.э., судя по всему, принимали активное участие в происходивших здесь событиях, а более всего – в формировании нахского государственности, привнося ряд культурных инноваций. Выше приводились свидетельства существования в древности почти на всей территории от Северного Кавказа до Северной Месопотамии культа солнца Малх (Малхина). Однако создание нахами Центрального Кавказа четко структурированного пантеона богов во главе с богом солнца Малхом следует, скорее всего, относить к середине I тыс. до н.э., точнее – к VI в. до н.э., периоду завершения формирования нахского государства. Процесс этот, видимо, проходил под значительным влиянием культуры южнонахских и родственных им хуррито-урартских племен, пришедших на Кавказ из областей Урарту. Надо полагать, что представители жреческой и светской знати переселившихся племен влились в высшую знать фор-

[68] Абегян М.Х. Труды. Т. I. Ереван, 1966. С. 336. Т. VIII. Ереван, 1985. С. 23.

мировавшегося нахского государственного объединения. Среди них, безусловно, были и Парнавазианы, которые и на новом месте продолжали, вероятно, выполнять свои прежние функции, признавая при этом верховную власть нахских правителей. В связи с вышеизложенным весьма примечательно, что художественная техника, в которой выполнена как бы статуя бога Армаза, близка к традициям урартской скульптуры[69] и в то же время соответствует описанию статуи ингушского божества Магал (Мохде[70]).

§3. Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э.

Письменные источники о переселении грузин в Карли. В 30-х гг. IV в. до н.э. греко-македонские войска под предводительством Александра Македонского разгромили Персидскую империю, что коренным образом изменило этнополитическую ситуацию на огромных просторах бывшей державы Ахеменидов и в сопредельных странах. В результате победоносных войн Александра Македонского возникла огромная империя, намного превосходившая империю Ахеменидов: на западе ее границы простирались до берегов Адриатики, а на востоке – до Северо-Западной Индии. Однако созданное Александром Македонским военно-административное объединение по своему характеру было непрочным и вскоре после его смерти (323 г. до н.э.) распалось. В результате ожесточенной борьбы между диадохами – преемниками Александра Македонского, на развалинах империи возник ряд эллинистических государств, ознаменовав собой начало трехсотлетней эллинистической эпохи, продолжавшейся до 30 г. до н.э.

Наиболее крупной из эллинистических держав являлось царство Селевкидов, основателем которого был один из диадохов Александра Македонского – Селевк. Границы этого государства охватывали Мидию, Элам, Персию, Бактрию, Парфию, всю Месопотамию, Северную Сирию. В прилегающей к Центральному Закавказью северо-восточной части Малой Азии сложилось Понтийское царство, которое основал Митридат I Ктист (302–266), сатрап последнего царя Ахеменидской Персии Дария III. В состав Понтийского царство вошли племена, жившие в Юго-Восточном Причерноморье и в бассейне реки Чорохи. К востоку от бассейна Чорохи и к югу от Триалетского хребта, до впадения реки Куры в Каспийское море располагалась Мидийская Атропатена, сумевшая сохранить на некоторое время свою независимость[71]. В состав Мидийской Атропатены полностью входила и область Гугарк, населенная в сновном нахскими племенами.

[69] Амиранишвили Ш.Я. Древнейший образец грузинской рельефной скульптуры (на груз. яз.) // Известия музея Грузии. Вып. XII. 1944. С. 123.

[70] Кобычев В.П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей... С. 77.

[71] Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 104.

Не совсем ясна ситуация, сложившаяся в центральных районах Южного Кавказа. Согласно древнегрузинской исторической традиции, Александр Македонский побывал в Картли и после длительной и изнурительной войны с хонами завоевал эту страну. Именно с легендарным походом Александра Македонского связывается и первое появление в Картли грузин (картвелов). Согласно «Мокцевай Картлисай», «спустя несколько времени прибыл Александр, царь всего мира, разрушил эти три города и крепости и поразил хонов оружием. Только с городом Саркине он воевал одиннадцать месяцев. …Потом Александр взял Саркине: сами (хоны, бунтурки) оставили его и удалились. И держал при себе царь Александр сына царя Ариан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, назначив границами Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору, и ушел. А этот Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим». В «Житие святой Нино» прямо указано: «мы, картвелы, являемся потомками этих, вышедших из Арриан-Картли (переселенцев)»[72].

В «Картлис цховреба» также сообщается, что Александр Македонский на протяжении одиннадцати месяцев вел кровопролитную войну с «жестокими воителями» Картли, засевшими в тринадцати крепостях-городах. Александр Македонский сокрушил все пребывавшие в Картли «смешанные племена, перебил и полонил иноплеменников», поставил наместником (эриставом) Азона со стотысячным войском, занявшее Картли[73].

Рассказы древнегрузинских источников о приходе в Картли Александра Македонского носят мифический характер, поскольку достоверно известно, что Александр никогда не был на Южном Кавказе. Но, с другой стороны, рассказ о приходе нового населения в Картли нельзя считать не заслуживающим доверия. Сведения письменных источников о притоке нового населения в Картли и имевших место здесь ожесточенных битвах находят прямое подтверждение в материалах археологических раскопок, которые отчетливо свидетельствуют о том, что крепости-города, упомянутые в древнегрузинских источниках, реально существовали и действительно подверглись разорительным нападениям в конце IV – начале III вв. до н.э. В поселениях выявлены следы насильственных разрушений и пожарищ, которые однозначно свидетельствуют о проходивших в этих местах длительных и кровопролитных сражениях.

Правдивость сведений о переселении грузин на Кавказ, причем насильственном (в одних источниках Навуходоносором, в других – Спандиатом или Александром Македонским), подтверждается и существованием еще с античных времен связанной с этим устойчивой письменной традиции. О переселении грузинских племен на Кавказ сообщают, помимо древнегрузинских, греко-латинские, персидские, арабские, армянские и др. письменные источники. Эти сведения давно уже вошли в научный оборот и хорошо известны, а потому нет необходимости приводить их[74]. Однако среди этих сведений привлекает внимание важное сооб-

[72] Обращение Грузии. С. 5–6;

[73] Картлис цховреба (История Грузии). Тбилиси, 1955. С. 28.

[74] См.: Гагошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э… С. 45; Лордкипанидзе О.Д.

щение Дионисия Александрийского, которое почему-то выпало из поля зрения исследователей и до сих пор не получило должной научной оценки. Дело в том, что в отличие от других античных авторов, сообщающих лишь о переселении иберов на Кавказ, Дионисий называет имя автохтонного народа, который проживал в Картли (Иберии) к моменту прихода туда древнегрузинских племен и с которым последние вступили в войну.

Кавказская Гиркания. Дионисий Александрийский сообщает, что на перешейке между Каспийским и Черным морями «живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами» (выделено мной – Г.Г.)[75].

Причем Гиркания/Гуркания получила название – «страна волков». Причиной возникновения столь необычного названия стало широкое почитание в древности нахскими племенами волка, отразившееся в его изображении на оружии, деталях конского набора и других предметах, а также функционирование обрядовых ритуалов с переодеванием в волчью шкуру, равно как и существование воинов-волков (берзлой) и т.д. Все это, несомненно, могло стать причиной того, что древние персы называли нахов волками, а их страну – страной волков (на персидском Гуркан, Гиркан). Представляется вполне допустимым отнести возникновение термина Гиркан у древних персов к середине I тыс. до н.э., когда Ахеменидская Персия непосредственно граничила с нахским государственным объединением.

В пользу того, что древнеперсидское название центральной части Южного Кавказа (Картли, Цанария) того времени – Гуркан (страна волков) является отражением культа волка именно у нахских племен, свидетельствует и то обстоятельство, что Дионисий Периегет (II в. н.э.) передает сюжет, почти сходный с сообщениями древнегрузинских источников. Разница заключается лишь в том, что, по источнику X в. н.э. «Мокцевай Картлисай» (Обращение Картли), коренными жителями Картли, которых встретили грузины (иберы), якобы пришедшие сюда в составе войск Александра Македонского, были хоны и бунтурки, а по Дионисию – гирканы. По-видимому, в сообщении Дионисия Периегета о войне иберов с гирканами сохранились глухие отголоски крупного иноземного военного вторжения в южные рубежи нахского объединения – долину реки Куры, действительно имевшего место на рубеже IV–III вв. до н.э. (ошибочно приписываемого грузинскими источниками Александру Македонскому).

Понтийское царство и Нахаматия/Малхия. В древнегрузинской легенде о нашествии Александра Македонского отразились, скорее, исторические факты военного вторжения в начале III в. до н.э. армии греко-персидского эллинистического Понтийского царства (302 г. до н.э. – 62 г. н.э.), которому удалось на какое-то время закрепиться в долине реки Куры.

Война с Понтийским царством хронологически совпадает с нашествием на Северный Кавказ многочисленных сарматских племен. Главные военные силы нахов были отвлечены на борьбу с кочевниками, и, видимо, воспользовавшись этим, понтийский царь вторгся с многочисленным войском в южные области

Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989. С. 13.

[75] Дионисий, 652–710 (ВДИ. 1947–1949. С. 660, 669).

страны нахов и захватил территорию по среднему течению Куры. На протяжении примерно 30-40 лет на захваченной территории действовала иноземная власть во главе с упомянутым Азоном.

Древнегрузинские племена, вероятно, входили первоначально в состав Понтийского царства (Арриан-Картли) наряду с множеством разноэтничных племен северо-восточной части Малой Азии[76]. Скорее всего, Азо (Азон) как вождь древнегрузинских племен и подданный понтийского царя, со своими соплеменниками принимал участие в военных походах на центральную часть Закавказья и, возможно, понтийский царь назначил его наместником отторгнутых у нахского этноса земель в долине реки Куры. При этом в распоряжении Азона, помимо военной дружины из его соплеменников, была предоставлена какая-то часть собственно понтийских сил: «… и дал (якобы Александр Македонский. – Авт.) ему (Азону. – Авт.) сто тысяч человек из римской области Фротатос… Привел [Александр] их в Картли и вручил патрикию Азону. [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нем войско, занявшее Картли[77].

С этого времени, возможно, и начинается приток картвельского населения в Картли, о чем и сообщается в древнегрузинских источниках: «Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци иГаим»[78].

Предания об этих исторических событиях, скорее всего, и могли послужить источником раннесредневековых грузинских и армянских письменных свидетельств о переселении грузин (картвелов) в Картли, произведенном якобы Александром Македонским.

Письменные сообщения, не только местные, но и античные, подтверждаются также данными археологии, антропологии и других смежных наук, фиксирующими появление в центральных районах Южного Кавказа в конце IV – начале III вв. до н.э. новой этнической группы. При этом переселение иберов-картвелов шло не только в долину среднего течения реки Куры, но и в восточные районы Колхиды – Аргвети. Неслучайно установление западных границ Картли по реке Эгрисцкали (Квирила) и включение Аргвети в состав Картлийского царства древнегрузинская историческая традиция приписывает именно Александру Македонскому[79].

Во всех сообщениях разноязычных письменных источников переселение иберов-грузин представлено как вынужденное: грузины были переселены насильственно – по одним источникам, Навуходоносором, по другим – Александром Македонским. Несовпадения сведений источников относительно времени переселения грузин на Кавказ объясняются тем, что в I тыс. до н.э. совершились две

[76] Меликишвили Г.А.К истории древней...С. 265; Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 103.

[77] Картлис Цховреба (История Грузии)… С. 28.

[78] Обращение Грузии… С. 14.

[79] См. Гумба Г. Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2004. С. 75–78.

волны крупного переселения племен с юга на Кавказ: первое – передвижение на север хуррито-урартских, южнонахских и албано-дагестанских племен (к уже существующим на Кавказе родственным народам), после падения Урартской и Ассирийской держав на рубеже VII–VI вв. до н.э. Этот период совпадает с правлением вавилонского царя Навуходоносора II (604/5–561/2 гг. до н.э.).

Второе массовое перемещение населения, в том числе и древнегрузинских племен с юга на Кавказ, имело место на рубеже IV–III вв. до н.э., после похода Александра Македонского и гибели Ахеменидской Персии, в связи с чем эти события и связываются с именем великого полководца. Видимо, элементы этих двух различных крупномасштабных событий I тыс. до н.э. – перемещения хуррито-урартских и южнонахских племен в центральные области Кавказа на рубеже VII–VI вв. до н.э. и древнегрузинских племен в конце IV – начале III вв. до н.э., позднее в письменных источниках были объединены по законам литературного произведения в одно целое, и вокруг великих личностей (Навуходоносор, Александр Македонский) слились воедино события, произошедшие в совершенно разные времена. Этнически различные и переселившиеся в центральные области Южного Кавказа в разное время племена античные писатели называют одним термином иберы, и связано это с тем, что название Иберия (иберы) в письменных источниках с самого начала употреблялось не как этническое, а как географическое.

Таким образом, на рубеже IV–III вв. до н.э. нахское государственное объединение подвергается серьезному испытанию: почти одновременно в его пределы вторгаются с севера многочисленные кочевые сарматские племена, а с юга – хорошо вооруженные войска Понтийского царства. Одновременное нападение двух мощных в военном отношении сил поставило нахов в крайне тяжелое положение. Вынужденное вести оборонительные войны сразу на двух фронтах и против намного превосходивших их сил, нахское государственное объединение не смогло избежать территориальных потерь. От страны нахов были отторгнуты северо-западные области, и по сему в III в. до н.э. северо-западная граница Нахаматии проходила, по-видимому, уже по реке Малка.

На юге в результате продолжительной войны понтийским войскам удалось занять долину реки Куры, важную в военно-стратегическом отношении, и таким образом установить контроль над международными торговыми путями, проходившими здесь. Для удержания этой территории были оставлены войска во главе с наместником. Часть нахского населения вместе с отступившими войсками, вероятно, отошла в горную часть страны.

Вслед за этим, как сообщают древнегрузинские источники, назначенный понтийским царем наместником Картли Азон переселяет сюда своих соплеменников – картвелов (арриан-картвелов). Возможно, переселение древнегрузинских племен имело принудительный характер и было предпринято понтийским царем в целях освоения и защиты рубежей, занятых по долине реки Куры, как это часто практиковалось в древности. Вероятно, это обстоятельство стало основой устойчивой древней письменной традиции, сообщающей о насильственном переселении древнегрузинских племен на Кавказ.

Историческая концепция Леонти Мровели. В ряду представителей древней письменной исторической традиции, считавшей предков грузин пришлыми на Кавказ, особняком стоит концепция древнегрузинского историка Леонти Мровели. В своем труде «Жизнь картлийских царей» Мровели предпринимает попытку коренного пересмотра господствовавшей в раннем средневековье версии о происхождении грузин, согласно которой они считались не аборигенами Кавказа, а пришлым, причем насильственно переселенным на Кавказ, народом, и стремится показать, что грузины издревле жили на Кавказе и входят в круг коренных кавказских народов. В связи с этим он ставит задачу выяснить вопросы происхождения не только грузинского, но и других народов Кавказа и таким образом показать общность их происхождения, а в итоге не просто доказать автохтонность и этническое родство грузин с коренными кавказскими народами, но как бы раскрыть историческую обусловленность роли и значения грузин в судьбе кавказских народов.

По исторической концепции Леонти Мровели, общностью происхождения объединены армяне, грузины (картвелы и мегрелы) и народы нахско-дагестанской группы исконно кавказской языковой семьи – нахи, дагестанцы и албаны. Она восходит к реально существовавшей восточно-кавказской (нахско-дагестанской и хуррито-урартской) общности, которая по своему происхождению, языковой принадлежности и общности истории на ранних этапах действительно представляла единую этнокультурную общность, на базе которой впоследствии и сформировались народы Восточного Кавказа и Армении. В основе концепции Леонти Мровели об общем происхождении перечисленных им народов – армян, грузин, вайнахов и албано-дагестанцев, лежат устные или письменные предания древнейшего населения (хуррито-урартского и нахско-дагестанского) данной территории, в которых и были отражены единство происхождения, территории и исторических судеб этих народов. Этим и объясняется отсутствие в генеалогической таблице Леонти Мровели народов абхазо-адыгской группы исконно кавказской языковой семьи.

По сути, Леонти Мровели впервые в историографии формулирует тщательно разработанную концепцию автохтонности грузин, основанную на общности происхождения и родства с кавказскими народами, тем самым пытаясь противопоставить ее господствовавшей в то время традиции, отрицавшей местное происхождение грузин. Для этой цели Леонти Мровели объединяет и сводит в одно целое два параллельно существовавших предания: одно – принадлежавшее собственно переселившимся в Картли племенам и отраженное в «Мокцевай Картлисай» («мы, картвелы, являемся потомками этих переселившихся арриан-картов»); другое – этногенетическое предание, бытовавшее среди древнейшего нахского населения Картли – хонов, цанаров, бунтурков, гирканов[80].

Нахи и проблема становления Картлийского царства. В древнегрузинских источниках при описании событий второй половины I тыс. до н.э. доминируют кавкасианы-дурдзуки, и этот факт расценивается исследователями, в част-

[80] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 376–396

ности, как свидетельство того, что нахи играли в древней истории Кавказа, в том числе, и Картли значительную роль. Согласно древнегрузинской исторической традиции, нахи сыграли едва ли не решающую роль в становлении Картлийского царства в III в до н.э. Однако до сих пор не только не дано объяснений тому, какова была эта роль, но и не найден ответ на вопрос о том, почему и каким образом нахи должны были создавать грузинскую государственность – Картлийское царство, или способствовать его становлению, не имея при этом, согласно существующей в современной историографии точке зрения, собственной государственности.

Вопросы возникновения Картлийского царства и ранних этапов его развития уже достаточно долго являются объектом научных дискуссий. Одна из основных причин – с одной стороны, скудость источников, а с другой − наличие в этих источниках серьезных противоречий. Так, античная литературная традиция ничего не знает о возникновении Картлийского (Иберийского) царства в III в. до н.э., в то время как в древнегрузинской исторической традиции представлены две противоречивые версии основания Картлийского царства, изложенные, соответственно, в «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии») и в «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели. Согласно «Мокцевай Картлисай», в Картли проживали хоны и бунтурки, и они в результате многомесячных ожесточенных боев были разбиты и изгнаны войсками Александра Македонского. Наместником Картли Александр Македонский назначил некоего Азо (Азон), который и переселил в Картли грузин, основал Картлийское царство и стал его первым царем[81].

Коренным образом отличается от этого описания версия возникновения древнегрузинского государства, изложенная Леонти Мровели. В ней Азон также выступает чужестранцем, уроженцем Македонии, который после завоевания Картли Александром Македонским и уничтожения основной части автохтонного населения был поставлен наместником, но здесь он предстает как кровавый завоеватель и властелин, наложивший на иноплеменников тяжкое ярмо своего господства. В этой версии нет упоминания о переселении картвелов, и вместо них пришлыми называется оставленное Азону чужеземное стотысячное войско. Как представитель автохтонного населения Азону противопоставляется Парнаваз (Фарнаваз), возглавивший борьбу против завоевателей. Именно Парнаваз, победивший и изгнавший чужестранца Азона, по этой версии, является основателем Картлийского царства и его первым царем.

Согласно концепции, господствующей в настоящее время в грузинской историографии, Картлийское царство было создано под руководством племен, носителей хеттско-малоазийских культурных традиций, переселившихся с юга в долину среднего течения Куры, в район Мцхета. Этими племенами принято считать мушков/мосхов. Установив в долине Куры свое господство, мушки/мосхи образовали в III в. до н.э. Картлийское царство, заложив тем самым фундамент древнегрузинской государственности. Как основной аргумент в пользу данной

[81] Обращение Грузии. С. 23; Картлис цховреба. С. 25.

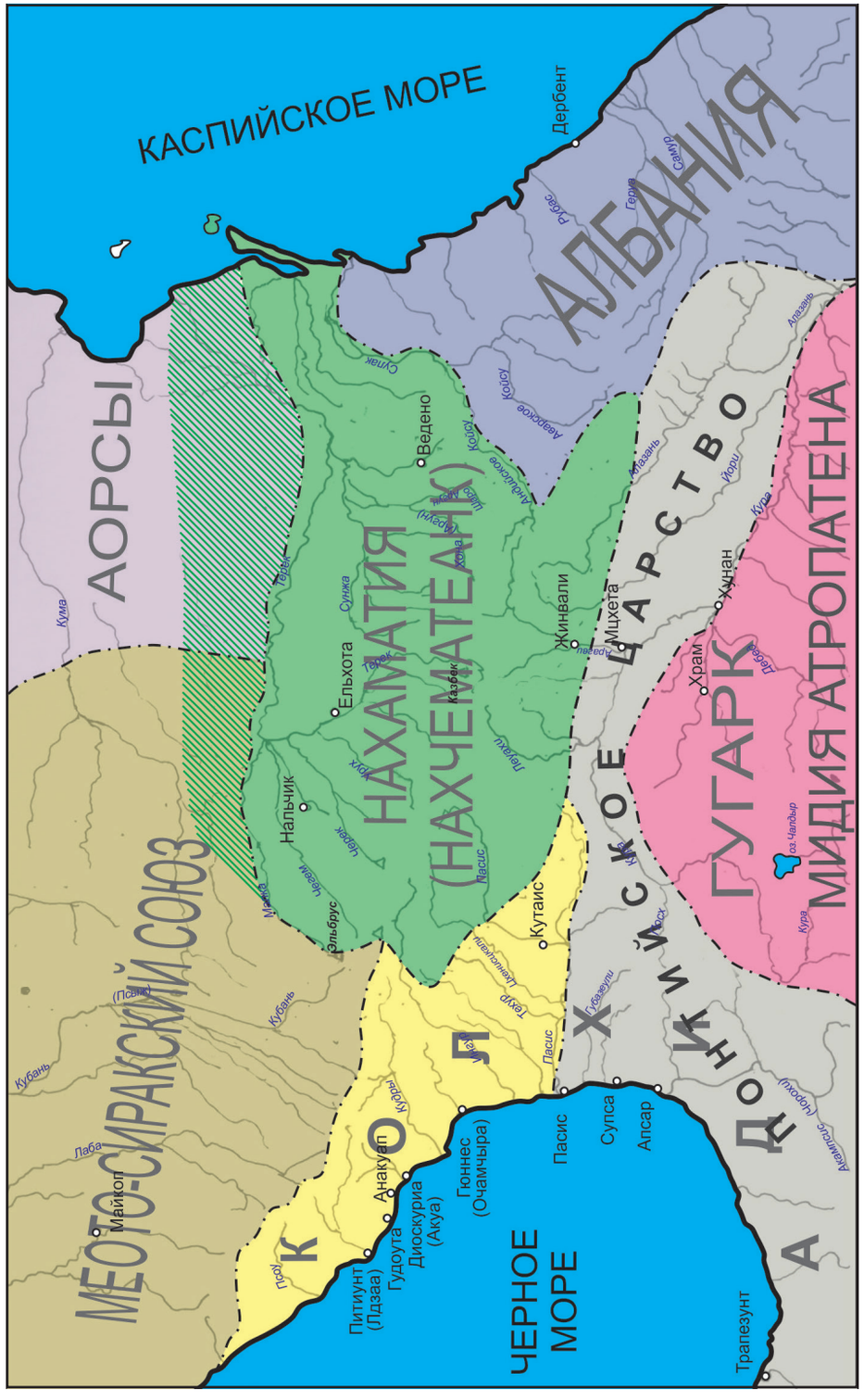

Рис. 25. Нахское государственное объединение на рубеже IV–III вв. до н. э. (по Г.Д. Гумба с дополнениями соавторов)

версии приводится тот факт, что официальным государственным культом образованного Картлийского царства стал культ малоазийского (лувийского) божества луны Арма (Армаз), привнесенный в Картли, как считается, древнегрузинскими племенами мушками/мосхами[82].

Культ Армаза. Однако в такой концепции становления Картлийского (Иберийского) царства заложен ряд серьезных внутренних противоречий, не позволяющих ее принять. Прежде всего, это ошибочное отождествление малоазийских мушков/мосхов с древнегрузинскими племенами, о котором уже говорилось выше, тем более что весь имеющийся материал свидетельствует об этнической близости мушков/мосхов скорее с нахскими или родственными им племенами, чем с картвельскими (грузинскими).

Даже если допустить гипотетическую связь мушков/мосхов с древнегрузинскими племенами и согласиться с тем, что божество Армаз происходит от лувийского Арма и появление в Картли культа Армаза явилось следствием перемещения сюда исповедующих этот культ мушских/мосхийских племен, то тогда следует согласиться также и с тем, что мушки/мосхи поклонялись малоазийскому богу луны Арма как верховному богу еще во время своего проживания в Малой Азии, то есть до переселения в Картли. Между тем, нет абсолютно никаких данных, которые свидетельствовали бы о почитании когда бы то ни было мушками/мосхами лувийского божества луны Армас. Напротив, хорошо известно, что верховным богом мосхов (мушков) являлось солнце[83].

Бог луны выступал в качестве верховного бога у древнегрузинских племен и носил имя Мориге. И если следовать логике исследователей, которые считают, что внедрение в начале III в. до н.э. божества Армаза в качестве верховного бога вновь образованного Картлийского царства связано с переселением сюда из южных областей древнегрузинских племен, носителей малоазиатских (лувийских) культурных традиций, то по-прежнему остается открытым ряд вопросов. Во-первых, неясно, почему древнегрузинские племена имя своего божества луны – Мориге сменили на лувийское Арма. Во-вторых, введения культа Армаза как официального следовало ожидать именно от Азона, который, согласно «Мокцевай Картлисай», возглавлял пришедшие в Картли древнегрузинские племена и являлся первым царем Картлийского царства.

Напротив – переселившимся в Картли древнегрузинским племенам было неизвестно божество Армаз – они пришли сюда вместе со своими божествами Гаци и Гаим, являвшимися «исконными, древними богами отцов картвелов [грузин[84]]». Более того, Азон предстает ярым противником культа Армаза, и именно ему приписывается разрушение идола Армаза и двух крепостей Армазских.

---

[82] См.: Болтунова А.И. К вопросу об Армази... С. 240–241; Очерки истории Грузии. Т. I. С. 87; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 156, 220–230; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии... С. 326.

[83] См.: Хазарадзе Н. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (на груз. яз.). Тбилиси. 1984. С. 106–116.

[84] Обращение Грузии… С. 4; Житие св. Нино. Издание Карбелашвили П. Тифлис, 1902. С. 7.

Защитником и покровителем божества Армаза выступает Парнаваз. Во время нашествия войска Александра Македонского малолетний Парнаваз укрылся вместе со своей матерью в горах Кавказа. Возмужав, он возвратился и поднял восстание против ставленника Александра Македонского Азона, олицетворявшего иноземную власть. Именно после победы над Азоном и изгнания последнего из Картли Парнаваз восстанавливает существовавший раннее культ Армаза в качестве государственного культа Картли.

Выявляется, что в лице Армаза имеем божество солнца, культ которого существовал в Картли, по данным археологии и сведений «Картлис цховреба», с глубокой древности – и ничто иное как имя верховного бога нахского (малхийского) государственного объединения – Малх.

Адирмах. Более того, древнегрузинская историческая традиция сохранила имя первого учредителя культа Армаза и строителя Армазской крепости: таковым является неизвестный из других источников Ардамос (Ардам). В армянской редакции «Картлис цховреба» имя Ардамос передано как Адармос[85]. По мнению Н.Я. Марра, именно Адармос армянской редакции источника является правильной формой, и первоначально, в грузинском оригинале, это имя звучало как Адармос (Адарма[86]). Имя Адармос нельзя не сопоставить с именем малхийского (нахского) царя – Адирмах (обладатель мощи солнца) Лукиана Самосатского, ввиду их почти полного сходства. В имени Адирмах «х» – это нахский суффикс принадлежности (Адирма/Адарма), что же касается имени Адармос, то здесь компонент «ос» – греческий суффикс. Поэтому представляется вполне допустимым рассматривать сообщение Леонти Мровели об Адармосе как один из сохранившихся вариантов преданий о великих событиях, имевших место на рубеже VII–VI вв. до н.э.: падение Урарту, переселение южнонахских и хуррито-урартских племен на север, к Кавказу, война кавказских народов против скифов и строительство оборонительных сооружений (городов по Леонти Мровели) для сдерживания возможных в будущем скифских набегов.

Как уже отмечалось выше, война таргамосиан против хазар проходила под предводительством нахских царей, вернее, владыки Дурдзука (Дурдзук – сын солнца), сына Тинена (Тирета), которые именуются еще Адирмахами (Адирмах – обладатель силы солнца). Конечно, Адирмах Лукиана Самосатского и Адармос Леонти Мровели не одно и то же историческое лицо. Надо полагать, имя Адирмах/Адармос являлось нарицательным и употреблялось в качестве общего династического имени нахских (малхийских) царей.

В этой связи выглядит весьма примечательно, что в научной литературе уже давно было обращено внимание на то, что имя Армаз является производным от слов ал и маз (Алмаз > Армаз), где ал переводится как пламя (чистое пламя огня), а маз//мзе – солнце, т.е. получаем пламя солнца или солнечное пламя. Хотя, наверное, более правомерно соотнести компонент ал с хуррито-урартско-нахским ал (урартское alau, хурритское allai, нахское ala), означающим бог, повелитель, владыка, т.е. Алмаз/Армаз – Бог солнца, что более соответствует

[85] Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник… С. 16-17.

[86] Марр Н.Я. Боги языческой Грузии… С. 5.

действительности. Таким образом, имя Армаз/Алмаз это вариант имени Малх (Бог солнца) – имени официального Верховного бога нахского государственного объединения.

Парнаваз предстает не как учредитель нового культа, а как защитник и восстановитель ранее существовавшего верховного божества солнца Алмаз (Армаз) и, соответственно, власти, которую это божество олицетворяло, т.е. выступает носителем традиции нахского (малхийского) государства. Подтверждением сказанному служит и этимология имени Парнаваз, первая часть которого – парна, на древнеперсидском означает лучезарное солнце, божественный огонь. Вполне вероятно, что Парнаваз, являясь олицетворением Бога солнца на земле, мог получить от персов такое имя.

Исходя из иранской этимологии имени Парнаваз, некоторые ученые предположили наличие у Парнавазианов иранских корней. Однако для этого нет совершенно никаких оснований. Безусловно, в ходе развития многовековых тесных контактов и различного рода связей народов Кавказа с Ахеменидским, Аршакидским и Сасанидским Ираном, а также с ираноязычными кочевыми племенами северокавказских степей среди кавказского населения широкое распространение получили иранские имена. Однако данное обстоятельство вовсе не означает, что носители этих имен по своему этническому происхождению являлись иранцами, как это иногда пытаются преподнести. В научной литературе неоднократно отмечалась неправомерность чрезмерного увлечения именами, тем более оценки этнического состава населения по именам и их соотношениям. К таким сопоставлениям следует относиться с большой осторожностью, так как между соотношением имен и соотношением этнических элементов нет прямой зависимости. Например, исходя из того, что в настоящее время на Кавказе широко распространены арабские имена, через несколько сотен лет историки могли бы утверждать, что носителями этих имен на Кавказе являлись этнические арабы.

Таким образом, на рубеже IV–III вв. до н.э., в результате вторжения войск Александра Македонского («Понтийское царство») в южные пределы Нахаматии, территория по среднему течению реки Куры была утеряна. После многомесячных боев часть населения (хоны, бунтурки) со своими правителями Парнавазианами отошла в глубь страны, в горные районы. Примерно через 30–40 лет, отразив нашествие сарматов, нахские цари предпринимают решительные и, судя по всему, успешные шаги по возвращению утраченных позиций в центральных областях Южного Кавказа, и освободительную борьбу, по Леонти Мровели, возглавляет Парнаваз. Таким образом, Парнаваз становится реставратором прежней государственной власти и олицетворявшего ее культа Малх (или Алмаз/Армаз), бога солнца, т.е. выступает представителем нахского (малхийского) государства, противостоящего иноземным завоевателям в лице Азо (Азон)[87].

Война Парнаваза с Понтийским царством. В Хронике Леонти Мровели Парнаваз – выдающийся государственный деятель общекавказского масшта-

[87] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 398–410.

ба, объединивший вокруг себя государства и народы Кавказа, поднявший их на борьбу против иноземных захватчиков. Но таким человеком, на зов которого откликнулись бы кавказцы, признав его своим предводителем, мог быть лишь государственный деятель, хорошо известный на Кавказе на протяжении достаточно длительного времени, обладающий большим авторитетом и могуществом, за которым стояла бы внушительная военная мощь. Однако эти требования совершенно не вяжутся с тем положением, которое занимал Парнаваз. Он, тайно возвратившийся изгнанник, находящийся в Картли секретно, вынужденный таиться от Азона, скрывать свое происхождение, не обладает ни властью, ни и силой, не проявил еще никакой воинской доблести, никому не известен и т.д. Ясно, что такой человек, вдруг появившийся из ниоткуда, не мог стать признанным лидером и возглавить объединенные силы кавказских народов.

Все эти несоответствия Леонти Мровели пытается компенсировать рассказом о чудесном нахождении Парнавазом несметных сокровищ, с помощью которых тот якобы привлекает на свою сторону народы Кавказа, вследствие чего борьба с Азоном приобретает сказочный характер. Но и здесь грузинский историк «выдает» себя. Дело в том, что он повествует не просто об участии, а фактически о решающей роли кавкасиан-дурдзуков в военно-политических событиях в Картли, и на этом фоне выглядит странным, что они не упоминаются в коалиции войск кавказских народов, с помощью которой Парнаваз побеждает Азона и освобождает Картли.

Участие нахов в указанных событиях не вызывает сомнения, тем более что, согласно Леонти Мровели, они выступают основной силой, на которую опирается не только Парнаваз, но и последующие картлийские цари. Более того, в военном союзе, возглавляемом Парнавазом, нет не только кавкасиан-дурдзуков, но и жителей самой Картли. Лишь после выступления Парнаваза во главе объединенных войск «все картвелы отказались от Азона», а также «тысячи всадников отборных из тех ромеев… и пришли к Парнавазу»[88]. Получается, что Парнаваз освобождает Картли без участия собственно населения Картли и кавкасиан-дурдзуков.

Отмеченные выше несоответствия в сведениях Леонти Мровели можно объяснить тем, что лидирующей силой, вокруг которой объединились народы Кавказа в борьбе против Понтийского царства, стали кавкасианы-дурдзуки – другими словами, все еще сохранявшее свое могущество нахское царство, представителем которого и был Парнаваз.

Картвелы же отсутствовали в коалиции Парнаваза потому, что борьба была направлена как раз против них, поскольку они были переселены в Картли Азоном и являлись его главной опорой. Однако в решающий момент, когда, как сообщает Леонти Мровели, бесчисленные войска под предводительством Парнаваза и Куджи из Эгриси (Колхиды) с участием овсов и леков направились в Картли, картвелы и «тысячи всадников из ромеев» «отказались от Азона» и перешли на сторону Парнаваза. Оставшийся без войск Азон вынужден был бежать из Карт-

[88] Картлис цховреба. С. 35.

ли. На второй год, получив подкрепление из Понтийского царства (Сабердзнети), Азон выступил против Парнаваза, но был окончательно разгромлен[89].

Однако такая информация, естественно, не могла быть отражена Леонти Мровели, поскольку это противоречило бы выдвинутой в его Хронике исторической концепции, согласно которой, картвелы (грузины) являлись автохтонами Кавказа и именно они играли в этом регионе главенствующую роль во все времена. Поэтому грузинский историк, следуя своим целям, скорее всего, просто умалчивает о нахском царстве, внеся коррективы в данные имевшихся в его распоряжении источников (письменных и устных). Но как бы то ни было, даже эти весьма скупые и отрывочные сведения, сохраненные в источнике, дают некоторую возможность воссоздать общую картину происходивших в то время событий[90].

Объединенные силы народов Кавказа нанесли поражение Понтийскому царстве и освободили свои страны. Объединение народов Кавказа имело в основе совпадение интересов и диктовалось общими политическими целями относительно отражения захватнических устремлений Понтийского царства. Инициировало и возглавило этот союз, завершившийся победой над понтийскими захватническими войсками и изгнанием их из стран Южного Кавказа, скорее всего, именно нахское царство, которое и представлял Парнаваз.

Таким образом, нахи не только восстанавливают свои прежние границы на Южном Кавказе, но и расширяют их за счет присоединения Кларджети. Однако за более чем тридцатилетний период господства Понтийского царства здесь произошли определенные изменения в этническом составе населения. В результате перемещения древнегрузинских племен в Картли удельный вес грузинского населения заметно увеличился.

Возможно, древнегрузинские племена просачивались в Картли и в более ранние периоды, но массовый переход их произошел, вероятно, в конце IV – начале III вв. до н.э., в период завоевания Картли Понтийским царством. Понтийские войска состояли из разноэтнических племен северо-востока Малой Азии, часть которых после завоевания Картли вместе с оставленными там войсками, по-видимому, была переселена в эти места. Азон – вероятно, вождь древнегрузинских племен, назначенный понтийским царем наместником в Картли, впоследствии, согласно «Мокцевай Картлисай», переселил своих сородичей в Картли, а сам обосновался в древней Мцхета.

Хотя не исключено, что Азон был не вождем древнегрузинских племен, а македонянином, как об этом сообщает Леонти Мровели, назначенным Александром Македонским (понтийским царем) правителем Картли. Может быть, этим и объясняется то, что картвелы так легко оставили Азона и перешли на сторону Парнаваза.

Но как бы то ни было, начиная с рубежа IV–III вв. до н.э. древнегрузинские племена составляют, по-видимому, уже значительную часть населения Картли.

[89] Картлис цховреба. С. 35.

[90] См.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 380 и далее.

Рост удельного веса грузинского населения и той роли, которую оно впоследствии стало играть в Картли, следует, вероятно, связывать не только с перемещением древнегрузинских племен в районы среднего течения Куры после установления здесь власти Понтийского царя, но и с тем, что наместнику в Мцхета Азону подчинились территории в верховьях Куры и Чороха, где древнегрузинские племена к тому времени составляли уже, судя по всему, немалую часть населения.

Безусловно, нахские правители вынуждены были считаться с изменившейся этнодемографической и политической ситуаций в Картли. Ради упрочения своей власти и обеспечения безопасности южных границ своего государства они должны были проявить заинтересованность в привлечении на свою сторону древнегрузинских племен, и в этих целях предприняли меры по приближению к себе картвельской родоплеменной знати.

Так, Парнаваз не только не стал проводить карательные акции против переселившихся в Картли и уже осевших там племен, но, как сообщает Леонти Мровели, «распределил по ущельям и странам, отнесся к ним благосклонно. …И назвал их азнаурами»[91]. Вероятно, в местах компактного проживания древнегрузинских племен на их вождей были возложены функции местных правителей и таким образом они были приравнены к нахской знати и затем привлечены к управлению Картли.

Это подтверждается и тем, что верховные божества древнегрузинских племен Гаци и Гаим получили официальный статус и были включены в иерархию божеств Картли, заняв соответственно второе и третье места после Армази.

Следует отметить, что высшая триада в пантеоне богов Картлийского царства – Армаз, Гаци и Гаим, имеет аналог в урартском пантеоне, также состоявший из трех божеств – главного, исконно урартского бога Халди, хуррито-хаттского бога Тейшеба и бога Шивини, воспринявшего символы месопотамской (ассиро–вавилонской) области[92]. Учитывая все вышесказанное, вряд ли можно сомневаться в том, что картлийский пантеон сложился под влиянием урартских религиозно-культурных традиций. Подтверждением тому, помимо прочего, служит и тот факт, что в верховном боге Урарту Халди, изображавшемся в форме солнечного диска и связанном таким образом с солнцем и небом, соединились функции нескольких богов, как это имеет место и в случае с Армазом. Надо полагать, что три бога – Армаз, Гаци и Гаим, по аналогии с урартским пантеоном, отражают три культурно-этнических элемента религии Картли.

Начало «грузинской» Картли. Таким образом, с III в. до н.э. древнегрузинские племена начинают играть значимую роль в политической и культурной жизни Картли. Поэтому не случайно, что в грузинской исторической традиции противопоставляются периоды истории Картли до и после «завоевания» ее Александром Македонским. Эпоха Александра Македонского – это тот рубеж, с которого фактически начинается история собственно грузин[93].

[91] Картлис цховреба. С. 15.

[92] Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту)... С. 220–221.

[93] Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 59. Комм. 85–85.

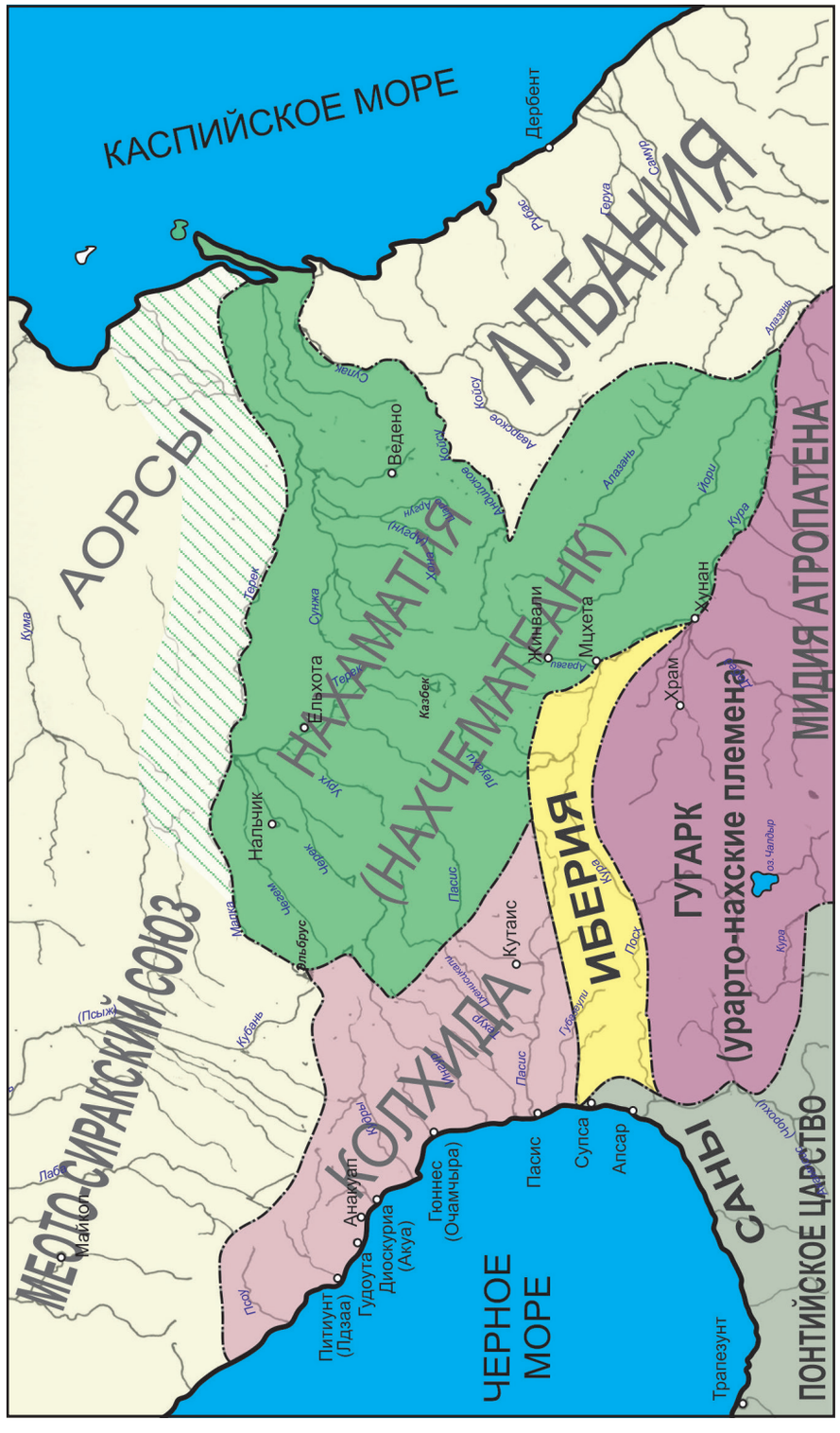

Рис. 26. Нахское объединение племен III в. до н. э.
Условные обозначения:
– Гугарк – урарто-нахские племена, находящиеся в составе Мидии
– Иберия (грузинские племена)

К этому времени Леонти Мровели приурочивает также распространение на территории Картли грузинского языка, указывая при этом, что ранее, до переселения сюда грузинских племен, население Картли говорило на «армянском» языке: «До сих пор язык грузин был армянским, на котором они говорили. Когда же пришли в Картли эти бесчисленные племена, тогда грузины тоже оставили армянский язык. И от языков всех этих племен создался язык грузинский»[94].

Говоря об армянском языке (сомхури) как о первоначальном языке грузин, Леонти Мровели имеет в виду урартский язык[95]. Согласно Леонти Мровели, на этом (урартском) языке изначально говорили не только грузины, но и все таргамосианы (дети Таргама). Вообще же в данном сообщении древнегрузинский историк в свойственной ему манере – очень сжато, буквально в двух-трех коротких предложениях, отразил сложный и длительный процесс формирования грузинской народности, имевший в основе слияние различных этнических групп, населявших Картли, и перехода их на грузинский язык.

Безусловно, и ассимиляция этнических групп, и переход их на грузинский язык произошли не в одночасье, как это сообщает Леонти Мровели, процесс этот оказался долгим, растянутый в в.х. То, что Леонти Мровели «привязал» его к периоду деятельности Парнаваза, является следствием использования грузинским историком, помимо прочих источников, сказаний, в которых вокруг имени Парнаваза соединились воедино оставшиеся в памяти народа крупные события, произошедшие в разное время. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что начало этому процессу было положено именно в то время.

Борьба картлийской знати против нахских правителей. Саурмаг. После изгнания Азона (понтийских войск), очевидно, были восстановлены южные границы нахского государственного объединения до Хунани и Триалетского хребта, а на юго-западе к Нахаматии была присоединена Кларджетия. Овеянный ореолом славы победителя и, несомненно, обладавший выдающимися качествами, в том числе и полководческим талантом, Парнаваз, судя по всему, проявляет стремление к самостоятельности. Согласно Леонти Мровели, селевкидский царь пожаловал Парнавазу царскую корону[96], что, безусловно, можно расценивать как свидетельство не только усиливавшегося влияния Селевкидов в Картли, но и достаточной самостоятельности самого Парнаваза.

Важным показателем высокой степени самодостаточности Парнаваза и доказательством его попытки выйти из-под влияния центральной власти, чтобы упрочить свою, являются осуществленные им династические браки. По словам Леонти Мровели, Парнаваз выдает своих сестер замуж – одну за эгрисского царя, а другую – за царя овсов, сам же он «женится на деве из дурдзуков, из рода Кавказа[97]».

---

[94] Картлис Цховреба. С. 16.

[95] См.: Барамидзе А.А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонтия Мровели. Тбилиси, 1972. С. 59.

[96] Мровели Леонти. С. 29.

[97] Там же. С. 30.

В данном случае следует обратить внимание на некоторые факты, подтверждающие предложенную выше трактовку сведений Леонти Мровели о существовании могущественного Нахского царства и о его главенстве в борьбе народов Кавказа против Понтийского царства. Леонти Мровели не упоминает кавкасиан–дурдзуков в составе коалиции кавказских народов, участвовавших в войне против Понта, но сообщает о том, что после победного завершения войны Парнаваз женится на деве из дурдзуков, из рода Кавкаса. В то же самое время своих сестер он выдает за эгрисского царя и царя овсов. Как известно, династические браки обычно заключались по политическим соображениям, в расчете обрести союзников, повысить родовитость и авторитет династии и т.д., поэтому правители, естественно, старались породниться с сильными царскими династиями. Парнаваз, получивший корону от селевкидского царя и обладавший уже царским титулом, не мог, разумеется, жениться на девушке не царской крови, т.е. заключить неравнородный брак. Отсюда следует, что Парнаваз женился на нахской царевне, а уточнение, что царевна эта не только из дурдзуков, но и из рода Кавкаса, исходя из специфики передачи фактов у Леонти Мровели, должно подчеркивать древность и знатность нахской царской династии. Вообще сам факт того, что Парнаваз при выборе жены отдал предпочтение нахской царевне, можно рассматривать как свидетельство наличия у нахского царства более мощной военно-политической силы и значимости, чем, скажем, у Колхидского царства и овсского (сиракского) объединения. Хотя, конечно, нельзя исключать, что выбор этот мог быть обусловлен подчиненным положением Парнаваза и тем, что Картли все еще входила в состав нахского государственного объединения.

Появление в Картли нового этнического элемента оказало значительное влияние на этническую составляющую населения страны и не могло не повлиять на ход дальнейших событий. По всей видимости, с этого времени сформировавшаяся и достаточно окрепшая родовая знать Картли все сильнее стремится освободиться из-под влияния нахских правителей (царей). При сыне Парнаваза Саурмаге борьба за выход из нахского государственного объединения переходит уже в открытую форму. Согласно Леонти Мровели, картлийская знать готовила против Саурмага заговор, но тот, своевременно оповещенный об этом, поспешил к нахскому царскому двору, «к брату матери своей[98]».

Судя по всему, правитель Нахаматии выделил Саурмагу войско, на помощь были призваны также овсские (сиракские) отряды. Собрав армию, Саурмаг, как сообщает Леонти Мровели, нагрянул на картвелов и жестко расправился с восставшими: «захватил Картли и сокрушил отступников[99]». Вероятно, во многие районы были введены войска, а картвельская военно-родовая аристократия, выступившая против центральной власти, была смещена и подверглась репрессиям. На местах, надо полагать, было введено прямое управление, и власть была передана присланным из центра царским чиновникам: Саурмаг «унизил картвелов и сделал знатными азнауров, преумножились при нем дурдзуки, потомки Кавка-

[98] Там же. С. 30.

[99] Там же.

СА»[100]. По-видимому, нахские правители теперь не довольствуются лишь общим контролем: они укрепляют позиции и усиливают свое присутствие, власть на местах передается посланникам из центра, располагавшим хорошо вооруженными отрядами, призванными держать в повиновении население, собирать налоги, подати и т.д.

Однако, как показывают последующие события, несмотря на усиление контроля со стороны центральной власти, центробежные силы в Картли постепенно стали набирать обороты и в конечном итоге одержали верх. По-видимому, интересы нахской и картвельской родоплеменной знати Картли совпали, и, вероятно, они объединились и выступили единым фронтом против центральной власти. Картлийская знать нашла также могущественного союзника в лице Селевкидского царства, о чем свидетельствует усиление влияния в Картли зависимой от Селевкидов Мидийской Атропатены.

Мидийская Атропатена. В конце IV в. до н.э. Мидия распалась на две части – Мидию Атропатену и Нижнюю Мидию. При распределении провинций между преемниками Александра Македонского северо-западную Мидию в 323/27 г. получил военачальник мидян Атропат, участвовавший в битве при Гавгамеле на стороне Дария, но после смерти Дария примкнувший к Александру. Атропат правил своей частью Мидии независимо, и она, в отличие от Мидии южной, стала именоваться Мидией Атропатеной, по имени своего правителя. Фундаментом Мидии Атропатены было не прочное единство, а военно-административное объединение разных народов и стран. Основное население состояло из хуррито-урартских (юго-западные районы), нахских (северные районы – Гугарк), дагестанских (в большей степени лезгинских – западные и северо-западные районы) и иранских (к югу от нижнего течения Аракса) племен. Столицей Мидии Атропатены был город Ганзак (средневековый Шиз, современный Текаб).

Мидия Атропатена в течение всего эллинистического периода находилась под теократическим управлением сторонников религии магов. Здесь находился один из трех «великих храмов огня» зороастрийцев, притом важнейший из них, так как принадлежал он царской семье. Из-за этого на Атропатену смотрели как на родину зороастризма и его основателя Зороастра (Заратуштры).

Усиление в Картли влияния государства Селевкидов. По сообщению Леонти Мровели, Саурмаг «взял в жены персиянку, дочь эристава Барда». По-видимому, речь идет о дочери царя Мидии Атропатены, на которой женился Саурмаг. В III в. до н.э. Мидия Атропатена занимала обширную территорию к югу и северу от реки Аракс: по данным греческого историка Полибия, владения царей Атропатены простирались от границ с Нахаматией. Мидия Атропатена существовала как самостоятельное государство, управляемое потомками Атропата, но признающее свою зависимость от Селевкидского царства, поэтому Леонти Мровели и называет царя Атропатены Каспийского моря до верховьев Аракса (древнего Фасиса) и Понтийских гор[101]. Северные границы Мидии Атропатены совпадали с бывшей

[100] Там же.

[101] Полибий, V, 55; Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии… С. 65.

границей Ахеменидской империи и доходили до Хунани и Триалетского хребета, где Атропатена граничила с Нахаматией. Мидия Атропатена существовала как самостоятельное государство, управляемое потомками Атропата, но признающее свою зависимость от Селевкидского царства, поэтому Леонти Мровели и называет царя Атропатены эриставом Барда, используя для обозначения этой страны более поздний термин Барда.

От брака с дочерью царя Мидии Атропатены (эристава Барды) у «Саурмага родилось две дочери, но не было сына. Тогда он привел из Персии сына Неброта, из родственников жены своей, сына сестры ее матери, и взял его в качестве сына. Звали его Мирван. И дал ему в жены дочь свою»[102]. После смерти Саурмага царем становится Мирван[103].

Таргамасиане и Небротианы. Для понимания значимости данного сообщения и ее правильной интерпретации нужно вспомнить, что, согласно генеалогической концепции Леонти Мровели, все народы мира подразделяются на потомков Неброда (Нимрода) небротианов (ассирийцы, мидийцы, персы, народы Селевкидского царства), потомков Таргамоса таргамосиан (кавказские народы), кочевников Евразии хазар и народов Средиземноморья (греки и римляне), которые выходят на историческую арену позже, во времена Александра Македонского.

Развитие истории таргамосиан, особенно на начальном этапе, проходило в непримиримой и беспощадной борьбе за свободу и независимость их отчизны, простиравшейся от Месопотамии до северокавказских степей. Противниками таргамосиан в этой борьбе являлись небротианы (потомки Нимрода) с одной стороны и кочевники хазары – с другой, т.е. небротианы и таргамосианы были непримиримыми врагами. И на этом фоне Саурмаг Таргамосид усыновляет Мирвана, сына Неброта, который затем становится царем. Таким образом, в одной из частей страны Таргамосидов – Картли, к власти приходит потомок заклятого врага таргамосиан. Леонти Мровели особо подчеркивает тот факт, что Мирван является сыном именно Неброта. Небротианом он называет также и последующего царя – сына Мирвана Фарнаджома, который «отошел от веры отцов… ввел веру отцовскую и оставил веру материнскую …Полюбил веру персидских огнепоклонников, привел из Персии огнепоклонников и магов и поселил их в Мцхета, в месте, которое ныне называется Могвта (место магов), и начал открыто порицать идолов. За это возненавидели его жители Картли»[104].

Мирван и смена курса в Картли. В приведенных сообщениях Леонти Мровели отразились серьезные этнические и политические сдвиги, произошедшие в Картли во время господства здесь Понтийского царства и в последующий период. Можно считать, что приход к власти небротианов – Мирвана, а затем его сына Парнаджома, фактически стал переломным моментом, изменившим дальнейший ход развития Картли, что нашло отражение и в древнегрузинской исторической традиции. Оно легло в основу новой версии происхождения царской

[102] Картлис цховреба. С. 23.

[103] Там же.

[104] Там же. С. 25.

династии Картли – от Неброта (Нимрода), и эта версия существовала в древнегрузинской литературе параллельно с преданиями о царской династии Парнавазианов. Так, древнегрузинский историк Джуаншер Джуаншериани вкладывает в уста царя Картли Вахтанга Горгасала (V в. н.э.) следующие слова: «Вы же исконные жители Картли – родичи царей картлийских, ныне поставленные правителями от нас, царей, в родстве восходящих к Неброту, что явился на эту землю прежде других царей»[105]. Исконные жители Картли – это догрузинское население страны, т.е. нахи, родичи царей Картли Парнавазианов; себя же Вахтанг Горгасал относит к потомкам Неброта, пришедшим к власти в Картли на рубеже III–II вв. до н.э.

С началом правления в Картли Мирвана Неброта возрастает влияние Мидии Атропатены и одновременно повышается роль грузинских племен. Такая ситуация грозила не просто усилением влияния Селевкидов на южных рубежах Нахаматии, но и утерей контроля над территорией, имевшей важное военно-стратегическое значение. Разумеется, это не могло не обеспокоить нахскую знать и не вызвать соответствующую реакцию со стороны нахского правителя. На приход к власти в Картли Мирвана Небротиани нахи отвечают карательной акцией.

Однако, судя по тому, что нахские войска не дошли до Мцхета, а «полонили лишь Кахети и Базалети[106]», их усилия не достигли намеченной цели. Более того, Мирван, по Леонти Мровели, неожиданно становится предводителем «многочисленного войска – конных и пеших» – нападает на дурдзуков и побеждает их[107].

Данное сообщение Леонти Мровели совершенно не вяжется с его же сведениями о военно-политическом доминировании кавкасин-дурдзуков в этот период, что не может не вызывать сомнения в правдоподобности столь резкого изменения соотношения сил и появления вдруг у Мирвана многочисленного войска, превосходящего нахские силы.

Однако сведения Леонти Мровели не беспочвенны: они являются отражением военно-политической ситуации, сложившейся к тому времени на южных рубежах Нахаматии – в центральных районах Южного Кавказа и напрямую связанной с активизацией здесь Селевкидов.

Вторжение селевкидского царя Антиоха III Великого в Нахаматию. Приход к власти в Картли Мирвана в конце III в. до н.э. и последовавшие за этим события совпадают по времени с периодом наивысшего расцвета селевкидской империи и царствованием одного из самых выдающихся представителей династии Селевкидов Антиоха III Великого (223–187), предпринимавшего активные действия по расширению империи. В 212 г. до н.э. Антиох III отправляется в знаменитый Восточный поход по маршруту армии Александра Македонского,

[105] Картлис цховреба. С. 43; см. также: Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечание Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 162; Джанашвили М. Книга Нимрода // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901. С. 21.

[106] Мровели Леонти. С. 31.

[107] Там же.

который продлился до 205 г. до н.э.[108] Именно после этого похода Антиох III и получает титул Великий[109].

С 212 по 209 гг. до н.э. Антиох III ведет войну в Восточной Анатолии и на Южном Кавказе и предпринимает меры по обеспечению безопасности северных провинций империи и их защите от возможных вторжений с Кавказа. Ему было хорошо известно, какая опасность может исходить от кавказских стран. В 222–220 гг. до н.э., когда сатрапы Нижней Мидии и Персии Молон и Александр подняли мятеж против Антиоха III, их поддержали цари стран, примыкавших к империи со стороны Кавказа[110]. Таковыми, скорее всего, были Мидия Атропатена и Нахаматия.

По сообщению Полибия, после победы над мятежниками Антиох III решил идти войной на верхние страны с целью «пригрозить владыкам варваров …дабы впредь они не дерзали поддерживать мятежников доставкой припасов и войска»[111]. Однако придворные отговорили Антиоха от этого похода из-за сопряженных с ним больших опасностей. Дело ограничилось тогда вторжением лишь в пределы Мидии Атропатены и принуждением к подчинению и признанию зависимости от Селевкидов царя Атропатены Артабазана[112].

Восточный поход Антиоха III Великого. Во времена Восточного похода Антиох III действует более решительно: присоединяет к империи полунезависимые сатрапии – Малую Армению, Армению, Мидию Атропатену, и с огромным войском вторгается в центральные районы Южного Кавказа, в пределы нахского государства. На этот раз вторжение было хорошо подготовлено, к тому же Антиох III, вероятно, заручился поддержкой родоплеменной знати Картли, тяготившейся зависимостью от нахских царей.

По-видимому, основная часть нахской и грузинской родоплеменной знати Картли во главе с Мирваном перешла на сторону Антиоха III. Учитывая, что приход Мирвана Небротиани к власти в Картли в конце III в. до н.э. совпадает со временем Восточного похода Антиоха III, нельзя исключать также, что воцарение Мирвана произошло при активном содействии селевкидского царя.

Поход селевкидского царя Антиоха III Великого против Нахаматии, вероятно, около 212–209 гг. до н.э. красочно изображен в Хронике Леонти Мровели, но по вполне понятным причинам древнегрузинский автор победоносную войну Антиоха III приписывает царю Картли Мирвану. В решающей битве между селевкидскими и нахскими войсками, которая «длилась долго и с обеих сторон пало множество людей»[113], Антиох III одерживает победу и устанавливает свое кратковременное господство в центральных районах Южного Кавказа. К этому периоду относится и сооружение укрепленных ворот (Каменные врата) Дарубал (Циканские, Дурдзукские ворота) около Жинвали[114].

[108] Полибий, X, 27–31.
[109] Аппиан. Римская история. Сирийские дела. 1.
[110] Полибий, X, 27–31.
[111] Полибий, V, 55.
[112] Там же.
[113] Мровели Леонти. С. 31.
[114] Картлис цховреба. С. 23.

Победа Селевкидской державы над нахским государственным объединением и последовавшее за ней сооружение укрепленных ворот были столь крупными событиями того времени, что сведения о них сохранились не только в древнегрузинской, но и в античной (Страбон, Плиний, Арриан и др.) и раннесредневековой (Прокопий Кесарийский, Агафий и др.) литературе, в которой конечный результат – строительство укрепленных ворот на Кавказе, представлен как эпохальное событие. Если в древнегрузинских источниках деяния Антиоха III Великого приписываются царю Картли Мирвану, то в античной и раннесредневековой исторической литературе – Александру Македонскому, при этом широко распространяется миф о постройке им на Кавказе Железных ворот (Железные ворота Александра Македонского), чему не приходится удивляться, поскольку позднее с великим полководцем, как правило, связывали все сколько-нибудь значимые события эллинистического периода. Вполне может быть вероятным, что победоносный поход Антиоха III Великого и послужил основой для мифа о вторжении Александра Македонского на Кавказ.

Таким образом, около 210 г. до н.э. нахское государственное объединение перестало существовать. Падение его, по-видимому, было обусловлено двумя причинами. С одной стороны, оно было вызвано центробежными тенденциями, приведшими к распаду нахского объединения. С другой стороны, вероятно, в результате усилившихся центробежных тенденций потерявшая былую силу страна не смогла противостоять нашествию многочисленных Селевкидских войск Антиоха III.

Последствия Восточного похода Антиоха III Великого для Нахаматии. Поражение в войне с Селевкидской державой имело для нахского государственного объединения тяжелые последствия, оно стало началом его падения. С этого времени нахи теряют ту большую политическую роль, которую они играли на Кавказе и в сопредельных странах. Не случайно начиная со II в. до н.э. упоминания о нахах в древнегрузинских источниках носят уже эпизодический характер. Завоевания Антиоха III Великого на Южном Кавказе, приведшие к падению двух государственных объединений – Мидии Атропатены и Нахаматии, в свою очередь, создали условия для становления Картлийского и Армянского царств.

Фактически именно с этого времени можно говорить о начале формирования Картлийского царства, т.е. собственно древнегрузинского государственного образования, основателем которого по праву можно считать именно Мирвана Небротиани. При Мирване происходит, пусть ненадолго, и территориальное расширение Картлийского царства. По сообщению Страбона известно, что Армения, ставшая независимой после поражения Антиоха III Великого в битве с римлянами при Магнессии в 189 г. до н.э., отторгла у Иберии (Картли) Париадру, Хорзену и Гогарену (Гугарк)[115]. Эти области входили в состав Мидии Атропатены[116], выступавшей союзником Парнаваза в борьбе против Понтийского царства,

[115] Str. XI, XIV, 5.
[116] Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии... С. 68.

в связи с чем трудно предположить, что до похода Антиоха III они были отторгнуты от Атропатены в пользу Картли (Иберии).

Скорее всего, Антиох III в целях ослабления Мидии Атропатены распределил часть ее территории между покоренными им Картли и Арменией, военные отряды которых принимали участие в войне против Мидии Атропатены и Нахаматии на стороне Селевкидов. Северо-западные области Мидии Атропатены – Гугарк, Париадр, Хорзена, вероятно, были переданы в управление Картлийскому царю Мирвану. После победы римлян над Селевкидами в 189 г. до н.э. Антиох III отказывается от территории выше Тавра, после чего получают независимость армянские царства и Картли. Вслед за этим набиравшая силу Армения отторгает у Картли области, присоединенные к ней Антиохом III (Гугарк, Париадр и Хордзена), о чем и сообщает Страбон.

Выводы. Кратко подытоживая вышеизложенное, следует указать, что I тыс. до н.э. предстает перед нами как один из важнейших этапов многовековой истории нахов. Образование и существование на протяжении длительного времени на Кавказе могущественного нахского государственного объединения, помимо прочего, содействовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры. В I тыс. до н.э. на территории Центрального Кавказа, в рамках государственного объединения Нахаматия сложилась общность населения, материальная и духовная культура которой имела ярко выраженные отличительные особенности, выделявшие ее из числа соседних этнических групп. Важно подчеркнуть, что эта общность осознавала себя как единое целое и так же воспринималась окружавшими ее иными этническими общностями, о чем свидетельствует наличие единого самоназвания и единых иноназваний. То есть, мы имеем дело с исторически сложившейся территориальной, биологической, языковой и культурной общностью людей, осознающих себя как единое целое и потому известных под одним общим именем.

Надо полагать, что процесс сближения материальной и духовной культур нахских племенных групп протекал на протяжении длительного времени, начиная со второй половины II тыс. до н.э. К середине I тыс. до н.э., уже в рамках такого консолидирующего фактора, каким являлось государственное объединение Нахаматия/Нахчаматия (Малхия, Масахия, Кавкасиани), этот процесс, по-видимому, вышел на качественно новый уровень.

Несомненно, на социально-экономическую, политическую, культурную жизнь нахов, соответственно и на процесс образования нахской государственности, огромное влияние оказали южнонахские и родственные нахам хурро-урартские племена, которые, органически слившись с нахскими племенами Центрального Кавказа, способствовали созданию этнической общности нового качества. Немалую роль здесь сыграли, вероятно, и периодически проникавшие из степей этнические группы, которые смешивались с нахским этносом.

По-видимому, именно в эпоху могущества нахского государственного объединения, в середине I тыс. до н.э., нахи достигли того высокого уровня этнической консолидации, который, выдержав все перипетии истории последующих столетий, сохранен до наших дней. К этому периоду восходит, скорее всего, и развитие нахского этнического самосознания – сознания принадлежности к единому нахскому народу. Видимо, в то время были выработаны те основные черты культурного и политического самосознания, которые характеризовали нахов как самостоятельный этнос в течение всех последующих веков.

Глава VIII.

НАХСКИЕ ПЛЕМЕНА КАВКАЗА В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА I тыс. до н.э. – iv в. н.э.

§1. Место нахов на Кавказе. Состав и расселение нахских племен на рубеже тысячелетий

Нахский щит Кавказа. Существование в центральной части Кавказа в середине и второй половине I тысячелетия до н.э. развитого и консолидированного нахского общества явилось надежным щитом с севера, прикрывавшим цивилизации Переднего Востока от нашествий полчищ варварских племен, обитателей степей Евразии.

Убедительным доказательством тому служит и тот факт, что с VI по II вв. до н.э., в эпоху могущественного нахского государства, истории неизвестны какие-либо нашествия номадов степей в Переднюю Азию через Кавказ. Очевидно, что неоднократные нашествия многочисленных кочевых племен останавливались у северных границ Нахаматии и отбрасывались назад, и страны Передней Азии были надежно защищены от их губительных вторжений. Лишь после падения государственного объединения нахов, начиная с рубежа новой эры, кочевники стали проходить через Кавказские перевалы и совершать сокрушительные нашествия на страны Кавказа и Передней Азии.

На протяжении тысячелетий линия защиты оседлой кавказской цивилизации от варварского мира скотоводов-степняков («железные ворота» Кавказа) проходила по северной границе Нахаматии, где на подступах к северокавказским степям была построена цепь укрепленных городов. Однако падение Нахского государства (около 210 г. до н.э.) стало переломным моментом и во многом определило дальнейший ход исторического развития не только нахского, но и других народов Кавказа. Именно после этого линия железных ворот Кавказа перемещается к югу от Главного Кавказского хребта и пролегает уже вдоль укрепленных ворот Дарубал вблизи местности Жинвали, а в западной части Южного Кавказа – по Рачинскому и Эгрисскому хребтам. Начиная с этого периода, территория выше (к северу) от указанной линии в античных и раннесредневековых источниках условно, в географическом смысле именуется уже Сарматией (Азиатская Сарматия), а ворота Дарубал (Цилканские, Дурдзукские ворота) – Сарматскими воротами.

Именно по южной границе Азиатской Сарматии – по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, проходят в западной части Южного Кавказа приграничные укрепления Римской, а затем и Восточно-Римской (Византийской) империи (Понтийский лимес), а в восточной части Южного Кавказа, по линии северных отрогов

Лихского хребта – Сарматские (Цилканские) ворота возле Жинвали – Камбечани – нижнее течение Алазани – Дербент, проходит укрепленная граница Сасанидской Персии.

«Варваризация» Нахаматии. После разрушения нахского государственного объединения картина меняется. Сложившейся ситуацией воспользовались кочевнические племена, которые, не встречая уже организованного сопротивления, начали постепенно проникать в богатые области Нахаматии. Археологический материал свидетельствует о том, что именно во II–I вв. до н.э. начинается проникновение степных племен в отдельные равнинные районы (Ставропольская возвышенность и Кисловодская котловина) Центрального Кавказа[1]. Сравнительно беспрепятственное проникновение в равнинные зоны западной части Центрального Кавказа ираноязычных кочевых племен, стоявших на более низком уровне развития, чем нахское население, приводит к варваризации некогда цветущих областей нахского государства и упадку нахской культуры. На рубеже новой эры начинается, вероятно, некоторый отток нахского населения из равнинной части Центрального Кавказа в предгорные и горные зоны. Но, безусловно, основная часть жителей этих земель осталась на своих прежних местах, ибо полное смещение населения почти никогда не наблюдается, о чем свидетельствует также и археологический материал.

Одновременно в южные области Нахаматии начинают постепенно проникать грузиноязычные племена. Впоследствии некоторая часть нахского населения подвергается ассимиляции со стороны ираноязычных и грузинских племен. Однако необходимо отметить, что процесс иранизации и грузинизации нахского населения на Северном и Южном Кавказе соответственно был не столь быстрым и легким, как это иногда представляется в исследовательской литературе. Имеющийся материал не дает никаких оснований предполагать, что не только в первом тысячелетии до новой эры, но и в первом тысячелетии новой эры произошли какие-либо существенные изменения границ расселения нахских племен.

Нахские этнонимы на рубеже новой эры. После распада нахского государственного объединения, разумеется, потеряли смысл и бытовавшие в то время политические названия – малхи/махли, нахаматеан, мосхи/масахи, кавкасиани, дурдзуки, под которыми страна нахов была известна среди соседних народов. Этноним малхи (махли, малхуз) древние абхазы, адыги и ираноязычные племена использовали в качестве общего наименования нахов и, соответственно, нахского (малхийского) государства.

В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на Кавказе происходят существенные этнодемографические изменения: в северо-западные районы Центрального Кавказа проникают, оседая там, ираноязычные племена, а в центральные области Южного Кавказа – грузиноязычные племена. На Южном Кавказе грузиноязыч-

[1] Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 45; Берлизов Н.Е. Поздние скифы на северном Кавказе // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12-15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 155.

ные племена постепенно вклиниваются между нахами и абхазами, а на Северном Кавказе ираноязычные племена вклиниваются между нахами и адыгами.

В результате, со временем прямые этнические контакты между нахами и абхазами, нахами и адыгами прерываются, вследствие чего происходят изменения и в использовании связанных с ними имен: у абхазов название малх исчезает из живой речи и остается только в фольклоре; у адыгов термин малх преобразуется в мыщх, в фольклоре же остается в неизменном виде; у потомков ираноязычных племен – осетин имя малх (махалон) переходит в название одного из нахских народов, непосредственно соседствовавшего с ними, – ингушей.

Аналогичная ситуация и с названиями дурдзук и мосох/мосх. Имя Дурдзук, как и Кавкас (кавкасиани), было общим древнегрузинским наименованием нахов, но затем перешло в название части нахов, соседствовавшей с грузинами. Термин мосх/мосох, в I тыс. до н.э. являвшийся общедагестанским названием нахского государственного объединения, в раннесредневековый период обозначает уже нахов восточной части Центрального Кавказа, позднее – нахских жителей горной части современной Восточной Грузии, и, наконец, становится названием одного из подразделений нахского этноса – цова-тушин.

«Закономерности развития этнонимов таковы, – отмечает Н.Г. Волкова, – что они всегда обусловлены той конкретной исторической эпохой, в условиях которой существует и развивается этнос и связанная с ним этническая номенклатура. Изменения в исторической обстановке нередко влекут за собой и изменения соответствующих этнических названий, исчезновение одних и появление других»[2].

На рубеже новой эры нахи известны уже по названиям отдельных племенных групп. Так, античные, древнеармянские и древнегрузинские авторы упоминают в центральных районах Кавказа племена, которые исследователи справедливо сопоставляют с нахскими.

Это троглодиты, исадики, хамекеты, сербы, арги, дигоры, пховелы, гудамакары, двалы (туалы), хоны, цховаты, кусты, тушины, цанары дзурдзуки, маьлхи и др., занимавшие практически ту же территорию, которая была известна как территория малхов/махлов, нахаматеан, кавкасов, мосохов.

Так, например, если в первом слое «Ашхарацуйца», в котором воспроизводится этнополитическая ситуация середины и второй половины I тыс. до н.э. вся территория Центрального Кавказа покрывается термином «нахаматеан/нахчаматеан», то во втором слое, воспроизводится уже этнополитическая ситуация Центрального Кавказа позднеантичного и раннесредневекового периодов, с учетом изменений, произошедших в регионе в результате перемещения в эти земли ираноязычных и тюркоязычных племен. И в этом, втором слое «Ашхарацуйца» на территории Нахаматии/Нахчаматии локализуются 22 племени, более половины из которых можно с уверенностью относить к нахским[3].

Гогарена/Гугарк, Санария/Цанария и др. Уже отмечалось, что древнегрузинское Картлийское царство (Кавказская Иберия) исторически возникло на

[2] Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 5.

[3] См.: Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. №2. Сухум, 2007. С. 56–58.

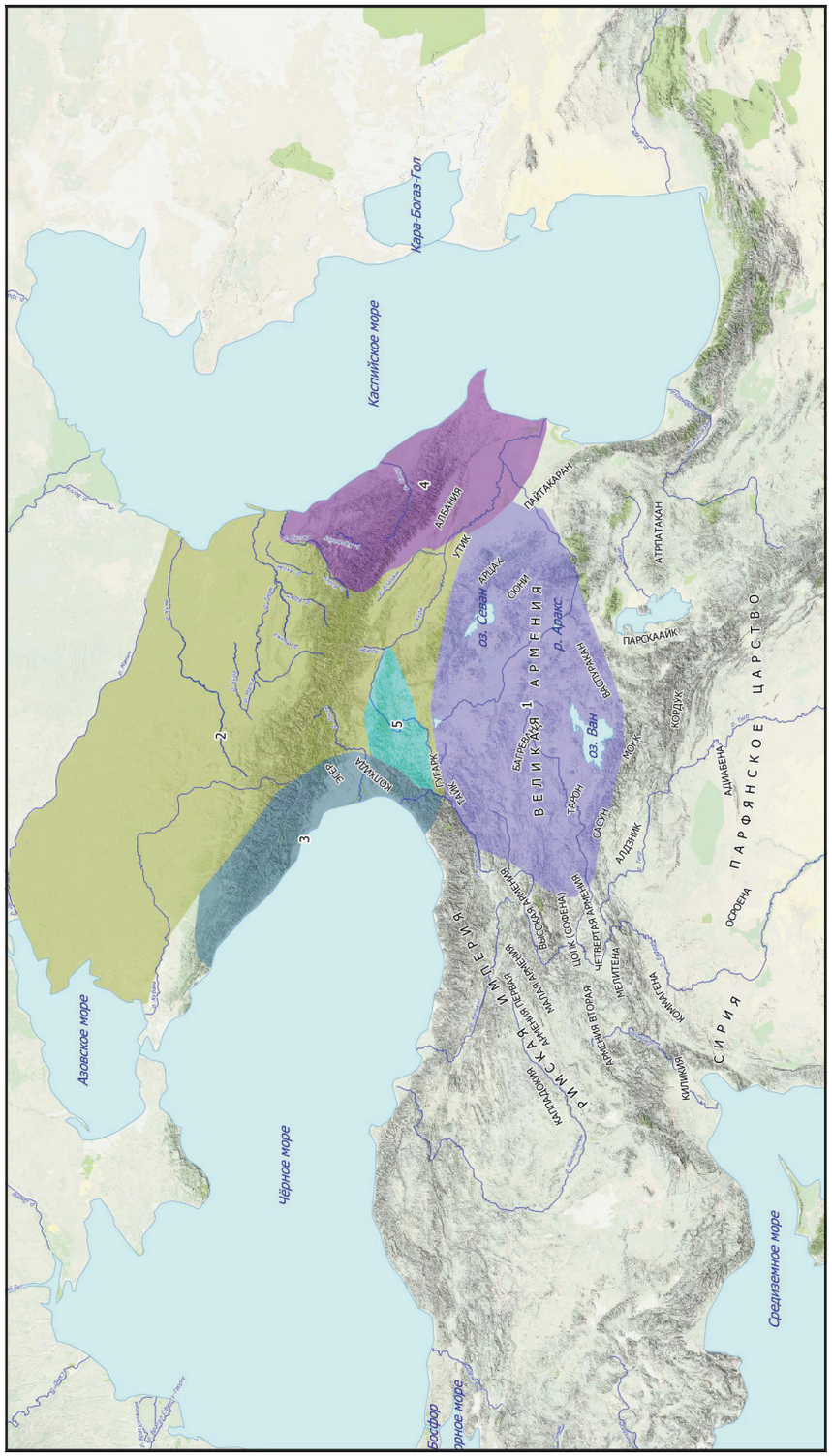

Рис. 27. Примерное расселение (в т.ч. и дисперсное) нахоязычных племен в III в. до н. э. – IV в. н. э.
Условные обозначения:1 – Армения; 2 – нахчематеане/нахаматеане, малхи, кавкасионы, хоны, цанары, гугарк, эры; 3 – Колхида; 4 – Нагорный Дагестан и Албания (кавказская); 5 – Картли (Иберия)

древней территории южнонахских племен. Это обстоятельство, однако, не могло в короткий срок изменить этнический состав населения на данной территории.

Так, перечисляя области, присоединенные к Армении, Страбон пишет, что у иберов отняли «предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кура» (выделено мной – Г.Г.)[4]. Здесь, конечно же, речь идет о той части территории Гогарены, которая была расположена на левобережье Куры. Из этого сообщения следует, что, во-первых, территория Гогарены (Гугарка) на правобережье Куры к началу II в. до н.э. уже входила в состав Армении, а присоединена была та ее часть, которая находилась «на другой стороне реки Куры», т.е. на левобережье; а во-вторых, что название Гогарена распространялось на территорию левобережья Куры еще до присоединения ее к Армении (или к правобережной Гогарене).

Следовательно, появление термина Гагарена при обозначении территории от устья Алазани до равнин близ Дарьяльских ворот, как и употребление его в качестве синонима названия цанары (или масаха-хоны), не связано с распространением на эти земли политической власти бдешха Гогарены, в результате которой они оказались в составе единой государственной (или административной) единицы.

Данное обстоятельство указывает на то, что термин гугар выступал в качестве этнического названия населения не только правобережья, но и на левобережье реки Куры – Ширакского плоскогорья, долины Алазани и Иори до объединения их в одну политико-административную единицу.

Во II в. н.э. обозначенная территория Птолемею и его современникам известна как Санария (Цанария), а немного спустя, в III в. н.э., надпись Кааба-и-Зардушт персидского царя Шапура I (243–273) называет ее Махелонией. В III–IV вв. население данной территории армянские авторы именуют хонами, масахами, масаха-хонами, а еще позднее, начиная с V–VI вв., вновь всплывают этнонимы цанар и гугар.

Все это, безусловно, свидетельствует о том, что понятие гугар являлось синонимом этнонимам цанар, махелон (макерон), масаха, хон, масаха-хон и что все они являются либо различными наименованиями одной и той же этнической группы, либо названиями разных ветвей группы близкородственных нахских племен.

Таким образом, разнохарактерные и независимые друг от друга источники указывают на проживание в I тыс. до н.э. в Цанике, Гугарке и Цанарии (Кахети) нахских племен, которые, по всей видимости, и составляли основное ядро населения данного региона. Напомним, что страна Гугарк занимала обширную территорию от правобережья Чороха на западе до среднего течения Куры на востоке и состояла из девяти областей: Дзоропор, Цобопор, Колбопор, Ташир, Трелы, Кангары, Артаган, Джавах и Клардж.

Речь идет, разумеется, не об одном племени, а о южнонахской группе племен, в составе которой целый ряд племен (или племенных групп), каждое со своим названием. Прокопий Кесарийский, например, сообщает о том, что цаны-макероны имеют большую численность и подразделяются на несколько крупных племен[5].

[4] Str. XI, 14, 5. (на русском яз.: Страбон. География. В 17 книгах. Л., 1964).

[5] Прокопий Кесарийский. IV, 2.

Будучи расселенными на достаточно обширной территории, южнонахские племена и их объединения были известны своим соседям под различными названиями, что и отразилось в письменных источниках. Поэтому тот факт, что южнонахская группа племен выступает в разновременных источниках под разными общими названиями, следует рассматривать как отражение реально происходивших глубоких исторических процессов: выдвижение тех или иных племен в качестве гегемонов; консолидация племен и образование крупных племенных объединений, в результате которых название главенствующего племени становилось общим.

Кавказские хоны. История народов Южного Кавказа позднеантичного и раннесредневекового периодов до сих пор вызывает оживленные дискуссии в научной литературе, более того, в процессе исследования возникает также ряд новых вопросов. Так, согласно данным «Ашхарацуйца», в первые века нашей эры территорию северной и южной частей Большого Кавказа от верховьев Терека до Нагорного Дагестана (хундзы) покрывает термин хоны. Вероятно, к III–IV вв. н.э. под контролем хонов (масаха-хонов) находились Аланские (Дарьяльские) ворота. В «Географии» Вардана Великого Аревелци Аланские (Дарьяльские) ворота называются Хонскими: «…[граница] Армении начинается от Хонских ворот, которые есть Аланские железные ворота, которые построил Александр Македонский»[6].

В армянских источниках Хонскими воротами (пахак хонк) называется также линия оборонительных сооружений, которая шла от Циканских (Цилканских) ворот, расположенных около Жинвали, на северной границе Картли (Иберия), на юго-восток, вдоль северо-западной границы Албании. Эти ворота известны еще как Врата кавкасианов и Дурдзукские ворота (см. выше). По данным арабского историка Ибн ал-Факиха, Врата Дурдзукские (Врата кавкасианов Леонти Мровели) состояли из 12 ворот с каменными укреплениями[7]. По линии этих ворот проходила южная граница хонского объединения, а потому проход Цор (Цур) на границе с Албанией назывался Хунсвери (перевал хонов)[8]. Именно с этими укрепленными воротами отождествляются врата хонов (пахак хонов) древних авторов.

Очевидно, термин хон в своем собирательном значении охватывал нахское население не только к югу от Главного Кавказского хребта (пшавы, масаха-хоны, тушины, гудамакары и др.), но и центральных районов Предкавказья, а также некоторые дагестано-албанские племена Восточного Кавказа. Судя по всему, помимо нахского населения термин хон включал в себя и ираноязычные племена Предкавказья, которые к тому времени, вероятно, расселились на подступах к Дарьяльскому ущелью. По-видимому, эти племена в составе хонских войск, принимали участие в походе на Персию, о чем и сообщает Леонти Мровели, уточняя, что войска горцев прошли не через Дарьяльские ворота , а через «врата кавкасианов». Все это указывает на существование достаточно сильного самостоятельного государственного образования нахов во главе с хонами. Данное политическое объединение, как и занимаемая им территория, в письменных источниках получило название Хон (или Масаха-хон).

Таким образом, если в I–II вв. н.э. племена, несколько раз вторгавшиеся в Армению (входившую в Сасанидский Иран) с севера через центрально-кавказские перевалы, армянские авторы называют сарматами и аланами, то в III–IV вв. н.э. их именуют хонами. По-видимому, в III–IV вв. н.э. произошло политическое возвышение хонов среди других племенных групп и народов Центрального Кавказа, и, возможно, именно в этот период им удалось распространить свое политическое влияние на этнически однородное с ними население соседних областей.

[6] Ашхарацуйц Вардана Вардапета (на древнеарм. яз.). Париж, 1960. С. 44.

[7] Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. 1908. С. 15. Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.Тифлис, 1908. С. 15.

[8] Сулейманова Севда. Транскаспийская дорога и история связей между Центральной Азией и Кавказом // Научные исследования Института Востоковедения им. З.М. Буниятова НАН Азербайджана. Баку, 2008. С. 320–325.

§2. Гугарк (Гогарена) – этнополитическое образование нахов Закавказья

Гугарк (Гогарена) – как историческая проблема. В древнеармянских источниках Гугарк и гугары четко отделяются от Грузии (Картли, Вирк) и грузин (враци), а также от Армении и армян. Боле того, зачастую все они выступают как три самостоятельные страны. В то время армянские авторы не делают четкого этнического различия между гугарами и цанарами, напротив, они нередко их отождествляют, а названия Гугарк и Цанарк выступают как синонимы и часто заменяют друг друга[9].

Так, Ованес Драсханакертци сообщает, что абхазский царь Константин «собрал войско и двинулся, пустился в путь, пошел в северные края, что находятся в долинах Кавказских гор, чтобы подчинить себе и страну гугаров, обитающих близ Аланских ворот» (выделено мной. − Г.Г.)[10].

Речь идет о царе Абхазии Константине III (893–929), который неоднократно совершал военные походы против Картли и Цанарии с целью захватить главные центральнокавказские перевалы и установить над ними контроль. Но интересы абхазского царства сталкивались с противодействием со стороны армянского царства Багратидов, и на этот раз, как сообщает Ованес Драсханакертци, против Константина III выступил армянский царь Смбат I вместе с царем Вирк (Грузии) Адернесехом (Адарнасе) (881–923): «…царь Смбат, собрав вместе множество войск, двинул их вперед и, взяв с собой царя Грузии, пошел вместе с ним в набег, навстречу Костандину»[11].

Приводя эти свидетельства, следует подчеркнуть, что, во-первых, для средневековых авторов, в частности для Ованеса Драсханакертци, страна грузин четко

[9] См.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 243–268.

[10] Ованес Драсханакертци. XLI (Драсханакертци Ованес. История Армении (на древнеарм. яз). Тифлис, 1912).

[11] Ованес Драсханакертци. XLI.

отделяется от страны гугаров, известной по другим источникам как Цанария, а во-вторых, к стране гугаров относятся и кавказские долины близ Аланских ворот. Совершенно очевидно, что под кавказскими долинами близ Аланских ворот Ованеса Драсханакертци имеется в виду равнина, примыкавшая с севера к Дарьяльскому перевалу (Аланские ворота), известная в настоящее время как Владикавказская равнина.

Древнеармянские авторы не различают гугаров и цанаров, т.е. для них это один и тот же народ и страна гугаров (Гугарк) это есть страна цанаров (Цанария). В то же время мы уже знаем, что территорией расселения цанаров является та же самая страна, которая была известна источникам как место проживания масахов и хонов, или масаха-хонов. Следовательно, и название масаха-хоны (масахи, хоны) могло быть использовано в источниках в качестве синонима термина Гугарк. Отсюда становится понятно также, почему в греческой редакции «Истории Армении» Агатангелоса бдешх Гугарка назван бдешхом Масаха-хон, потому, что термин Масаха-хон для автора равнозначен термину Гугарк.

С другой стороны, у Плиния население Гугарка на правобережье реки Куры названо махеронами – этноним, который позднее всплывает в надписи Кааба-И-Зардушт (III век н. э.) для обозначения располагавшегося в III в. н.э. на территории Цанарии (стране гугаров) царства Махелония.

Таким образом, обширную часть территории Южного Кавказа – Гугарк, простиравшуюся от долины Чороха на западе до междуречья Алазани и Иори на востоке, Цанарию, распростиравшуюся от устья Алазани на юге до «кавказских долин вблизи Аланских ворот» на севере, античные и раннесредневековые авторы отделяют как от Армении, так и от Грузии (Иберии), а ее население рассматривают как самостоятельную этническую группу, отличную от армянской и грузинской этнических групп. В источниках население обозначенной территории называется разными именами – гугары, цаны, макроны (махелоны), масахи, хоны, масаха-хоны, цанары, причем эти названия часто выступают синонимами и территориально перекрывают друг друга. Что, естественно, говорит о нахоязычности населения Гугарка и Цанарии.

Великая Армения и бдешхство Гугарк. При царе Тигране II (95–55 гг. до н.э.), прозванном Великим и принявшем титул «царь царей», Армения становится могущественной державой Передней Азии, а ее границы распространяются от Каспийского моря на востоке до Средиземного моря на западе и от реки Куры на севере до реки Иордан на юге. В вассальной зависимости от Армении оказались Картли и Албания. Гугарк вошел в состав Армянского царства, составив в нем отдельный округ, именуемый в армянских источниках бдешхство Гугарк. Бдешхи по сути были полновластными правителями, вице-королями (-царями) и по своим привилегиям лишь незначительно уступали царю Армении. Они имели свой двор, армию, взимали налоги и пошлины и даже имели право чеканить монету

На бдешха (правителя) Гугарка были возложены охрана северных рубежей Армении и контроль над кавказскими проходами. К Гугарку относилась и территория на левобережье Куры – Эрети, в связи с чем древнегрузинские источники именуют бдешха Гугарка также эриставом Рани[12]. Резиденция бдешха находилась в городе Цуртав на берегу р. Храми. Нет точной информации о том, как далеко распространялась власть бдешха Гургарка к северу от Эрети, в верховьях Алазани и Иори. По данным Страбона, в состав Армении входила Комбисена – местность к северу от устья Алазани, притока реки Куры[13]. Однако нет никаких сомнений в том, что при Тигране II Великом Армения взяла на себя функции охраны кавказских проходов, в том числе и Цилканских (Сарматских) ворот. Иное трудно и представить, ибо армянский царь Тигран II Великий, проводя на юге широкомасштабные завоевательные войны против Парфии и расширяя юго-западные пределы своей империи до берегов Средиземного моря, должен был обезопасить северные границы и надежно закрыть кавказские проходы. По всей видимости, охрана центральнокавказских перевалов была отдана под непосредственный контроль бдешху Гугарка, и у Цилканских ворот около Жинвали, где пересекались дороги, шедшие из Дарьяльского, Хевсурского перевалов, Тушинской дороги и т.д., находились подконтрольные бдешху отряды. В этот период бдешх Гугарка выполнял также функции наместника Армении в Иберии, находившейся в вассальной зависимости от Армении, в связи с чем, бдешха Гугарка Мовсес Хоренаци именует также и бдешхом Иберии (Грузии[14]). Такая ситуация имела место, видимо, при власти Тиграна II Великого, в период наивысшего могущества Армении.

Границы Армении, Картли и Гугарка. Согласно античной традиции, начиная с рубежа новой эры северная граница Армении с Албанией и Иберией (Картли) проходила по реке Куре (Страбон, Асиний Квадратт, Солин, Птолемей и др.). Плиний также проводит границу между Арменией и Иберией по реке Кура: «… река Кура составляет границу Армении и Иберии[15]». Однако в приведенном выше фрагменте текста Плиния сакасены и макероны, проживавшие на территории к востоку от Албании до Пархарских и до Мосхийских гор на западе, т.е. на землях Гогарена (Гугарка), выступают как жители пограничных с Арменией областей и находятся вне пределов Армении. При этом Плиний четко отделяет данную территорию также и от Иберии, расположенной к северу от Куры.

Таким образом, по Плинию, земли Гугарка (Гогарена) не относились ни к Армении, ни к Иберии, а представляли самостоятельную территориальную единицу. Противоречивость сведений Плиния обусловлена, по-видимому, использованием различных источников, отражающих разные периоды истории данного региона, поэтому в одном случае речь идет о времени, когда Гугарк являлся частью Армении, а в другом – о периоде, когда Гугарк был независимым. Установить, какие именно временные отрезки отражены в процитированных отрывках, позволяет информация, содержащаяся в античных, армянских и грузинских источниках.

---

[12] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... Тбилиси, 1959. С. 461.

[13] Str. XI, XIV, 4.

[14] Мовсес Хоренаци. II, 11 (Мовсес Хоренаци. История Армении (на древнеарм. яз.). Тбилиси, 1913).

[15] Plin. VI, 29.

Гугарк в период ослабления Армении. В войнах против Рима в 60–50-х гг. I в. до н.э. Армения в конечном счете потерпела поражение. После походов римских полководцев Лукулла и Помпея территория Армянского царства была значительно урезана. На протяжении столетия – с середины I в. до н.э. до 60-х гг. I в. н.э. – Армения переживала смутное время: ее государственная власть была ослаблена, а за влияние над ней шла борьба между Римской империей и Парфянским царством – наследником Ахеменидской Персии и государства Селевкидов. Видимо, в это время наследственные владетели (бдешхи) Гугарка и обрели полную независимость, и именно этот период, судя по всему, отразил Плиний, разместив Гугарк, названный им Макеронией, за пределами Армении.

Вместе с тем, Плиний проводит границу между Иберией и Албанией уже по р. Алазани, что говорит о том, что Гугарк, вероятно, потерял влияние на земли по левобережью Куры (между реками Арагви и Алазани) и эта территория составляла объект интересов Иберийского царства с центром в Мцхета. Очевидно, это было следствием политики «разделяй и властвуй», которую Рим начал проводить в данном регионе, натравливая друг на друга соседние народы. Так, ведя борьбу с Парфянским царством, Рим спровоцировал нападение на Парфию своих вассалов, в числе которых была и Иберия. Кроме того, на правителей Иберии были возложены функции контроля над Дарьяльским проходом, иберийский (грузинский) царь со своим войском должен был охранять Дарьяльский проход скорее только южную сторону), за что он получал жалованье от римлян. Правда, со временем стало ясно, что Иберия не справляется с этой задачей. Более того, иберийские цари сами приняли участие вместе с кочевниками северокавказских степей в нескольких грабительских нашествиях на Армению и Малую Азию (35, 72 и 125/6 гг. н.э.). В связи с этим для охраны кавказских перевалов в Иберию после 126 г., возможно, был введен римский отряд, который укрепил Цилканские (Сарматские) ворота у Жинвали и охранял их. Опираясь на поддержку Рима, картлийские цари расширяют сферу своего влияния, в частности, на территорию левобережья Куры до устья Алазани[16].

Гугарк в II – IV вв. н.э. С воцарением в 66 г. новой эры на армянском престоле аршакидской династии в лице брата парфянского царя Трдата I в Армении начинается процесс восстановления государственного контроля над всей территорией, в том числе и над провинциями, в которых всегда были сильны сепаратистские тенденции. Во второй половине II в. н.э., в период ослабления Парфии и усиления позиций Рима, положение Армении становится еще более прочным. На армянский престол вступает Валаршак II (186–198), получивший титул Великого царя Армении. Согласно договору, заключенному между римским императором Септимия Севером (193–211) и армянским царем Валаршаком II, Армении поручается охрана главных кавказских проходов (Дарьяльского и Дербентского)[17]. Контроль над ос-

[16] См.: Меликишвили Г.А. К истории... С. 348; Свазян Г.С. История страны Алуанк... Ереван, 2009. С. 65.

[17] Еремян С.Т. Политические отношения Валарша II с Римом и парфянами // «Историко-филологический журнал». Ереван, 1976. № 4. С. 42.

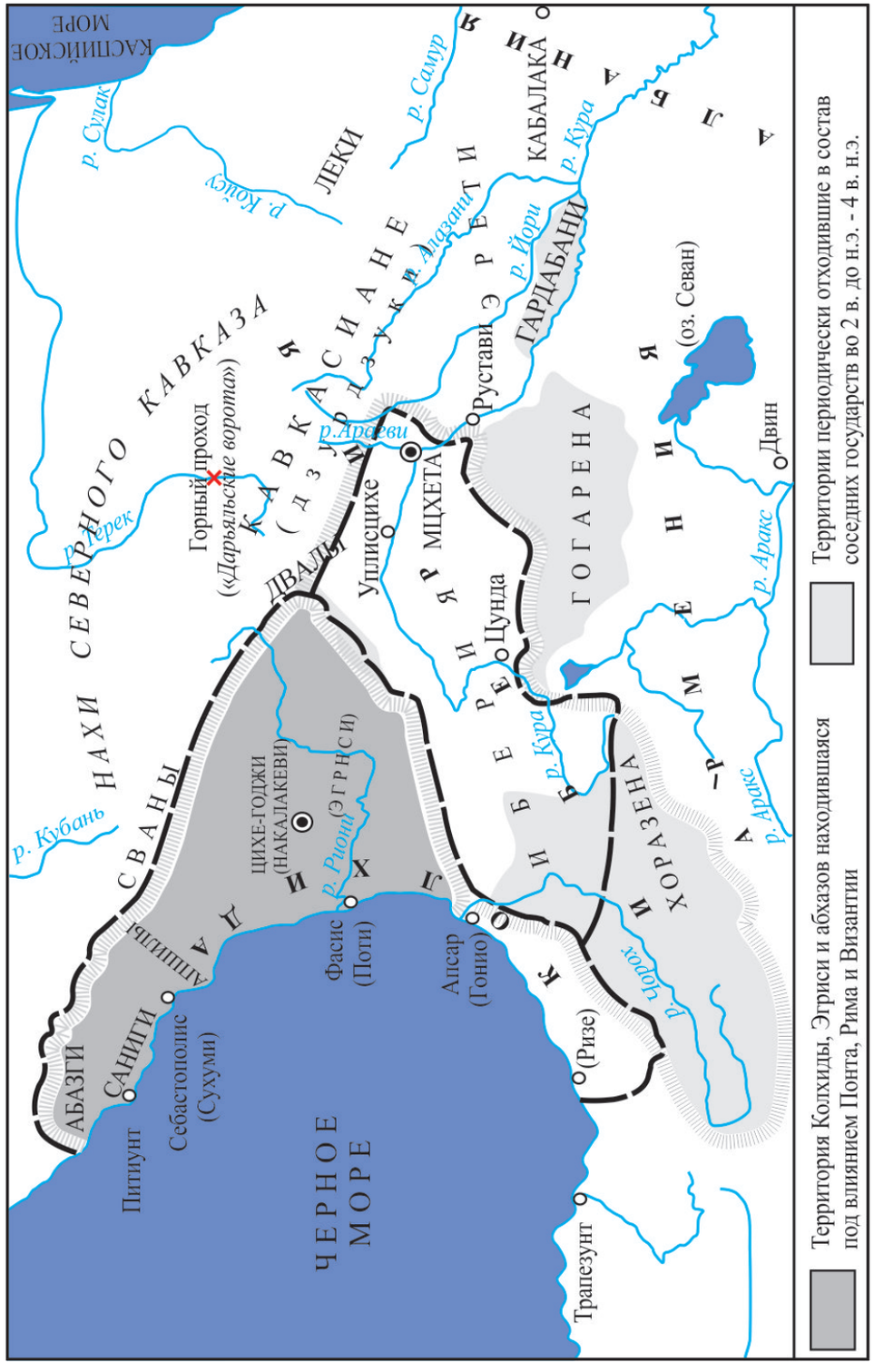

Рис. 28. Закавказье в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э.

новными перевалами Центрального Кавказа Валаршак II вновь возлагает на бдешха Гугарка, как это было ранее, еще во времена Тиграна II Великого[18].

Такое положение существовало до 387 г., когда произошел раздел Великой Армении и всего Южного Кавказа между двумя империями – Римской и Сасанидской. После этого, согласно новому административному делению Сасанидской империи, Гугарк, Картлийское царство и Цанария (Кахети) были объединены в один административный округ Персидской империи, получивший название шахр Варджана (Грузия, Вирк, Картли). Функция наместника (марзпана) округа (шахра) Картли (Варджан) куда входили Гугарк, Картли (Грузия) и Цанария, была возложена Сасанидами на бдешха Гугарка, в связи с чем последний перевел свою военную резиденцию из Цуртави на берегу реки Храми в Бостан-калак – Рустави. Бдешх Гугарка как марзпан сасанидской административной единицы Варджан был наделен большими правами в военной, административной и судебной сферах.

Историческое значение Гугарка. Все вышесказанное, несомненно, свидетельствует о той большой роли, которую играли гугары в исторических судьбах народов Южного Кавказа на протяжении многих столетий. Например, Мовсес Хоренаци именует гугаров не иначе как великим и могучим народом[19].

Следует отметить, что древние авторы, несмотря на то, что Гугарк вошел в состав Армении, вероятно, еще в 170-е гг. до н.э. изображают владетелей Гугарка достаточно самостоятельными – своего рода маленькими царьками, со своим царством и народом, в котором преобладает воинственное население (отсюда, соответственно, и мощные вооруженные силы), но признающими тем не менее верховный суверенитет армянских царей со времен Тиграна II Великого. Н.Г. Адонц в связи с этим пишет: «…Бдешхи действительно охраняли пределы Армении, но не по назначению армянского царя, а по своему положению, как властелины окраин, признававшие притом власть армянского царя»[20].

Наличием сильной армии и первенством среди окружающих народов и объясняется, вероятно, тот факт, что на протяжении столетий именно бдешхам Гугарка доверялось возглавлять охрану кавказских перевалов и обеспечивать безопасность стран Южного Кавказа, защищая их от вторжений полчищ кочевых племен северокавказских степей.

Древнее нахское население Гугарка сохраняло свою этническую и языковую индивидуальность довольно долго, поскольку оно не было изолировано от родственного этнического массива, населявшего земли, примыкавшие к Гугарку. Эти группы родственных племен находились в постоянных этнических контактах между собой, а иногда входили в состав одного государственного или административного образования. Античные авторы, начиная с Геродота и Ксенофонта, раннесредневековые авторы население рассматриваемого региона, известное под различными именами (цаны, махароны, гугары, цанары), выделяют особо и не смешивают ни с армянами, ни с грузинами. Древние авторы наделяют населе-

[18] Мовсес Хоренаци. II, 8.
[19] Мовсес Хоренаци, II, 8.
[20] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... Ереван, 1971. С. 416.

ние Гугарка (Цанарии) воинственностью, свободолюбием, непримиримостью к врагам и подчеркивают их бескомпромиссность в борьбе за сохранение своей независимости. Так, Флавий Арриан, в частности, говорит о цанах-макеронах как о самых непримиримых врагах трапезунтцев[21], а Мовсес Хоренаци считает, что правителем великих и могучих гугаров мог быть достоин лишь потомок царского рода Ахеменидов.

Сам факт, что на протяжении многих столетий гугары обеспечивали безопасность основных перевалов Центрального Кавказа и именно правителю (бдешху) Гугарка неизменно доверялся контроль за этими перевалами, а также то, что правитель Гугарка был назначен Сасанидами марзпаном персидского округа (шахра) Варджан, куда, помимо Гугарка, входило и Картлийское (Иберийское) царство, можно рассматривать как показатель военно-политического превосходства гугаров среди окружавших их народов. В то же время это можно рассматривать и как свидетельство особо доверительных отношений между жителями Гугарка и горцами Центрального Кавказа, в основе которых лежали этнически родственные связи.

§3. Нахские этнополитические образования Южного Кавказа в позднеантичный период

Борьба кавказских народов и государств против Сасанидской державы. В III–IV вв. н.э. между двумя могущественными державами – Римской Империей и Сасанидской Персией шли непрекращающиеся ожесточенные войны за господство над всем Южным Кавказом. В военные столкновения между Римом и Персией, происходившие с переменным успехом, разумеется, были вовлечены и народы Кавказа, которые в зависимости от складывавшейся военно-политической ситуации и исходя из своих собственных политических интересов, принимали ту или иную сторону. Основные военные действия между двумя империями разворачивались на территории Армении.

В результате междоусобной войны за престол, которая продолжалась около двух десятилетий, в апреле 226 г., победив в решающем сражении Артабана V, последнего представителя Аршакидской династии, на персидский престол вступает Арташир I Сасанид (226–241). С этого времени ведет отсчет сасанидский период истории Персии. Стремясь вытеснить Рим из Азии, восстановить былую славу и границы Ахеменидской империи, Сасаниды начинают вести агрессивную внешнюю политику. Но осуществлению великодержавных замыслов Арташира I мешало серьезное препятствие в лице Армении, где правили представители армянской ветви Аршакидской династии, к которым примкнула парфянская знать и сыновья казненного Артабана V.

Армянский царь Трдат II Аршакид (216–256), опираясь как на свои войска, так и на силы народов Восточного Кавказа, не только отразил натиск Арташира

[21] Арриан. 15 (Arriani Nicomediensis scripta minora, iterum rec. K. Hercher, edenda cur. A. Eberhard, Lipsiae, Teubner, 1885).

I, но и, как сообщают Агатангелос, Мовсес Хоренаци и Дион Кассий, совершил ряд успешных вторжений в северные области Персии. По данным Агатангелоса, в 227 (228) г. «царь Армении Хосров[22] начал собирать армию и производить набор солдат. Собрав войска албанов и картлийцев и открыв Аланские и Чорские ворота, вывел войска хонов и напал на персидскую страну»[23].

Информирует об этом событии и Леонти Мровели: «Царем Армении стал Косаро. Косаро сей, царь армян, начал войну с персидским царем Касре. Пособлял ему Аспагур (царь Картли. – Г.Г.), отверз врата кавкасианов и вывел овсов, леков и хазар, и пришли они к царю Армении Косаро воевать против персов…»[24].

Картлийцы, албанцы и горцы Восточного Кавказа принимали участие в войне против Персии на стороне Армении при царе Трдате II. Об этом походе на Персию 227/228 г., оказавшемся успешным для объединенных сил Армении и народов Восточного Кавказа, и сообщают Агатангелос и Леонти Мровели.

Вне всяких сомнений, грузинский автор использовал данные Агатангелоса, но при этом внес в них определенные дополнения. Так, если Агатангелос называет кавказских горцев общим именем хоны, то Леонти Мровели упоминает поименно овсов, леков и хазар. Это объясняется тем, что термин хон у Агатангелоса употреблен в собирательном смысле и был использован для обозначения горского населения, проживавшего как в южной (к северу от Картли и Албании), так и в северной части Главного Кавказского хребта.

Очевидно, термин хон в своем собирательном значении охватывал нахское население не только к югу от Главного Кавказского хребта (пшавы, масаха-хоны, тушины, гудамакары и др.), но и центральных районов Предкавказья, а также некоторые дагестано-албанские племена Восточного Кавказа.

Судя по всему, помимо нахского населения термин хон включал в себя и ираноязычные племена Предкавказья, которые к тому времени уже, вероятно, расселились на подступах к Дарьяльскому ущелью. По-видимому, эти племена в составе хонских войск принимали участие в походе на Персию, о чем и сообщает Леонти Мровели, уточняя, что войска горцев прошли не через Дарьяльские ворота, а через «врата кавкасианов».

Все это указывает на то, что к моменту описанных грузинским историком событий существовало достаточно сильное самостоятельное государственное образование нахов во главе с хонами, известное еще и как Масаха-Хон.

Страна Махелония. Через 20 лет после описанных выше событий Арташира I сменил на персидском троне его сын Шапур I (241–272). Одержав в 250–260 гг. победу в двух войнах с Римом, Шапур I установил свое господство над Арменией и всей восточной частью Южного Кавказа.

В современной исторической литературе к странам Южного Кавказа, оказавшимися под контролем Персии, обычно относят Армению, Картли и Кавказскую

[22] Армянский царь Трдат II (216–256), сын Хосрова I (198–216), в армянских источниках известен также под именем Хосров (Хосров Великий).

[23] История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1909.

[24] Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей... М., 1979. С. 37.

Албанию. При этом, почему-то вне поля зрения исследователей остается свидетельство о завоевании Шапуром I еще одной страны в восточной части Южного Кавказа. В трехъязычной надписи Кааба-и-Зардушт в Накш-и-Рустаме (SKZ), высеченной примерно в 262 г. на трех языках (пехлевийском, парфянском, греческом) в память о выдающихся победах Сасанидского царя Шапура I, в месте, где перечисляются покоренные Шапуром I страны, по-гречески можно прочесть: «…Я господин Ираншахра и владею следующими шахрами: Парс, Парфия, Хузистан, Месена, Асурестан, Адиабена, Аравия, Атурпатакан, Армения, Иберия, Махелония, Албания (выделено мной. – Г.Г.), Баласакан вплоть до гор Кап и Албанских ворот…»[25].

В парфянском варианте надписи в качестве эквивалента греческой Махелонии приводится Сикн (Syk(?)n). По поводу локализации страны Махелонии (Сик-н), упомянутой в надписи Кааба-и-Зардушт, были высказаны различные мнения. Одни ученые отождествляют Махелонию с армянской областью Сюник, другие – с царством гениохов и махелонов Арриана на восточном побережье Черного моря. Из-за слабой научной аргументации ни одна из этих версий не получила признания в исторической литературе. Лишь С.Т. Еремяну в статье, посвященной вопросу локализации Махелонии надписи Кааба-и-Зардушт, удалось доказать реальности существования наряду с «царством Махелонией и Гениохией» на Черноморском побережье и другой государственной единицы – Махелония, располагавшейся между Картли и Албанией[26].

Локализация Махелонии между Картли и Албанией – от устья Алазани на юге до северокавказских долин, прилегавших с севера к Дарьяльскому ущелью на севере, полностью совпадает с территорией, на которой существовало политическое объединение кавказских горцев под главенством хонов. Поэтому надо полагать, что Махелония надписи Кааба-и-Зардушт, Хон армянских источников и Масаха-Хон Агатангелоса являются различными наименованиями одного и того же нахского государственно-территориального образования. Нет никаких сомнений также и в том, что в имени Махелония всплывает древний нахский этноним махъалон (малхи-махли-махал-махалон).

Как уже выше отмечено, в трехъязычной надписи Кааба-и-Зардушт Махелония греческого текста соответствует Сикн (Sykn) парфянского текста. Название S'ykn (Сикн) С. Сулейманова соотносит с согдийским словом s'ykn, которое переводится как военный лагерь > замок, что аналогично значению названий Хундзах (от персидского гунд – войско), Эрети (от шумерского эри – воин) и др.[27]

Учитывая важное военно-стратегическое значение Махелонии – здесь пролегала линия укрепленных сооружений, упоминаемой в источниках различными

[25] См.: Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 57. Кап – это Кавказские горы, а под Албанскими воротами в данном случае подразумевается Дербентский проход.

[26] Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. ВДИ. М., 1967. № 4. С. 47–79.

[27] Сулейманова Севда. Транскаспийская дорога… С. 325.

названиями (Врата кавкасиан, Дурдзукские ворота, Цилканские ворота, Врата хонов (Пахак хонк), ворота Дарубал и т.д.), обозначение ее как военный лагерь, замок (S'ykn) вполне оправдано. Хотя не исключено, что Сикн парфянской версии надписи следует читать как Саник (Санар, Цанар) – в пользу этого может говорить и то, что во II в. н.э. Птолемей назвал данную территорию Санарией. Позднее, начиная с V в., Санар (Цанар) вытесняет остальные названия и становится доминирующим при обозначении указанной территории.

Новый этап борьбы Рима и Ирана за Кавказ и перевалы. В 298 г., потерпев поражение от римских войск, Персия на основании заключенного в том же году Мцбинского (Нисибисского) договора признала покровительство Римской империи в отношении Армении и восточной части Южного Кавказа и отказалась от каких-либо активных военно-политических действий.

Согласно этому договору, армянский царь Трдат III Великий в 298 г. фактически воцарился над всей объединенной Великой Арменией, распространив свою власть и на Атрпатакан. Одновременно Трдат III приступил к выполнению функций контроля и охраны Кавказских проходов – Дарьяльского и Дербентского, традиционно возлагавшихся Римом на армянских царей.

Все это неизбежно привело к усилению военно-политического и культурного влияния Армении на царства и княжества региона. Царствование Трдата III ознаменовано не только принятием Арменией христианства в качестве государственной религии, но и распространением христианства на Восточное Закавказье и созданием здесь структурированной церковной иерархии во главе с армянским католикосом.

Однако период доминирования Римской империи на Южном Кавказе продолжался недолго. Персидский царь Шапур II (309–379) предпринимает активные шаги с целью восстановления былого могущества Сасанидской империи и привлечения на свою сторону горских народов Кавказа, в первую очередь нахских хонов. Поскольку в III–IV вв. они играли ключевую роль в этом регионе, а возглавлявшееся ими политическое объединение принимало активное участие в событиях, происходивших на Южном Кавказе. В 30-е годы IV в. хоны вместе с другими горскими народами Центрального и Восточного Кавказа в союзе с Сасанидами приняли участие в их борьбе с Римской империей (с 330 г. – Византией) и ее союзником Арменией.

Маскутский царь Санесан и горские племена Кавказа. В 335 г. отряды горцев Кавказа, объединившись под началом маскутского царя Санесана, по наущению сасанидского царя Шапура II совершают нападение на Армению: «В то время маскутский царь Санесан, … собрал все войска, – хонов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсуанов и … все множество войск, которым он повелевал. [Он] перешел свою границу, большую реку Куру, пришел и наводнил армянскую страну»[28].

Данному сообщению армянского историка Фавста (Фавстоса) Бузанда в научной литературе уделено достаточно много внимания, однако выводы, сформулированные некоторыми исследователями на основе извлеченных из этого тек-

[28] Фавст Бузанд. III, 7 (История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912).

ста фактов, зиждутся, к сожалению, на источниковедческих и текстологических ошибках[29].

Для специалистов-арменоведов нет сомнения, что в данном тексте Фавста Бузанда речь идет о кавказских албанцах. В большинстве рукописей «Истории Армении», хранящихся в Матенадаране (Ереван) и в Библиотеках мхитаристов в Венеции и Вене, в процитированном выше отрывке вместо слова аланы использовано слово албаны: «[армянские войска] набросились, били, громили войска албанов и мазкутов и гуннов[30]».

Для арменоведов очевидно, что в данном тексте речь идет о кавказских албанцах, о чем свидетельствует и Мовсес Каланкатваци, называя, вторгшиеся в Армению войска маскутского царя албанскими. Подтверждает это и источниковедческий анализ текста Фавста Бузанда. Известный арменовед Б.А. Арутюнян пишет в связи с этим: «Фавстос с определенностью отождествляет Албанию со страной мазкутов, значит, мазкутские Аршакиды только в силу традиции называются также албанскими, потому что вся территория Албании составляет часть мазкутского царства Аршакидов. Санесан является фактически царем Албании, а воюющие против армян в его войске аланы – в действительности албанцами. Это часто встречающаяся в источниках того периода путаница»[31].

Тем не менее, нельзя, разумеется, полностью исключать присутствие в составе войск Санесана ираноязычных племен Предкавказья. Данные племена могли входить в объединение хонов, но это пока лишь ничем не подтвержденное предположение.

В 336 г. в сражении при Ошакане, недалеко от второй столицы Армении Валаршапата, армянские войска разбили армию маскутского царя Санесана. В «Истории» Мовсеса Хоренаци это событие описано коротко – как нашествие на Армению объединившихся «северных жителей Кавказа», без перечисления участвовавших в этом вторжении народов и без упоминания имени возглавлявшего поход царя[32]. В свою очередь, Мовсес Каланкатваци, автор «Истории Албании», сообщая об этом нашествии, называет маскутского царя албанским и именует его Санатруком.

Основываясь на несовпадениях в приведенных выше сообщениях о нашествии маскутского царя на Армению в 335 г., некоторые исследователи, следуя сложившейся традиции, склонны считать все упоминания армянских источников о хонах до 395 г. анахронизмами, таким образом ставя под сомнение участие в военных действиях как хонов, так и других народов, перечисленных Фавстом Бузандом.

Хонов, принимавших участие в нападении на Армению в составе войск Санесана, нельзя сопоставлять с гуннами, представлявшими гуннское царство в Дагестане. Дело в том, что у Фавста Бузанда речь идет о событиях, имевших место в 30-х гг. IV в., т.е. гораздо раньше, чем на Кавказе, появились тюркоязычные гунны (конец IV в.) и задолго до возникновения гуннского царства в Дагестане (VI–VII вв.).

[29] Подробно см.: Гумба Г.Д. Нахи... С. 138 и далее.

[30] Матенадаран. Рук. №№ 1867, 3071, 1482, 3079, 4584; Библиотека Венских Мхитаристов. Вена, Рук. № 904.

[31] Арутюнян Б.А. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинции Армении. Ереван, 1991. Т. I. С. 379.

[32] Мовсес Хоренаци. III, 9.

Кроме того, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: в этом вторжении хоны играли не главную роль, а наряду с другими кавказскими племенами являлись лишь составной частью войска албанского царя Санесана, что совершенно не вяжется с характером тюркоязычных гуннов, которые, установив свое политическое господство в северо-западной части Прикаспия, должны были стать в этой войне основной действующей силой. Если бы тюркоязычные гунны приняли участие в нападении на Армению, то это, безусловно, явилось бы столь значительным событием, что не смогло бы остаться вне поля зрения армянских историков, которые не преминули бы указать на роль в нем тюркоязычных гуннов.

Напротив, как справедливо отмечает К.В. Тревер, армянские историки, начиная с Фавста Бузанда, «говоря о хонах, никак не выделяют их, а называют в одной связи и наравне, не отмечая особенностей их внешнего облика и быта с племенами несомненно кавказского происхождения, как тавасары, хечматаки, гугары, чилбы, баласичи и др.»[33].

Все упоминаемые Фавстом Бузандом кавказские племена известны и из других источников и находят надежную локализацию. Их перечисление начинается с хонов и заканчивается баласичами и егерсванами[34], то есть идет с северо-запада на юго-восток – от Дарьяльского перевала (хоны) до области Баласакан (баласичы) на берегу Каспийского моря.

При этом примечательно, что следующими после хонов упомянуты похи, т.е. пшавы (похи/пхови – чеченское название пшавов), которые были южными соседями хонов. Данный факт служит еще одним подтверждением того, что в сообщении Фавста Бузанда речь идет именно о кавказских (вайнахских) хонах, а также о других горских племенах Центрального и Восточного Кавказа, находившихся в то время в союзе с маскутским (албанским) царем Санесаном или в зависимости от него.

Хонский царь Урнайр. В 60-х гг. IV в. сасанидскому царю Шапуру II удалось переломить ситуацию в свою пользу: в результате нескольких удачных военных акций, направленных против Византии, он смог отторгнуть и присоединить к Персидской империи ряд областей – Гугарк и часть Утика (по Куре), Арцах (в т.ч. и простиравшуюся от Арцаха до Каспийского моря провинцию Пайтакаран). Таким образом, Персия вновь установила свое господство над восточной частью Южного Кавказа и существовавшими здесь политическими образованиями (царствами и княжествами), которые уже в качестве союзников шахиншаха приняли участие в войне против Византии.

[33] Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в.до н.э.- VII в.н.э М., 1959. С. 192.

[34] Егерсуанов Фавста Бузанда нельзя отождествлять с егерами (мегрелами) и свanами Западного Закавказья, егерсуанами Фавст Бузанд называет население, проживавшее в бассейне двух рек Кавказской Албании, впадающих в Каспийское море, – Герр (Джерр) и Соаны, о которых сообщают также Птолемей и автор «Ашхарацуйца».

371 г. Шапур II объявляет войну Византийской империи и в очередной раз вторгается в Армению. Решающая битва между войсками двух империй и их союзниками произошла весной 371 (или 372) г. на поле Дзирав, расположенном в области Багреванд – центре Великой Армении. В армянском агиографическом памятнике V в. «История армянского патриарха св. Нерсеса Партева» среди союзников Персии, принимавших участие в этом сражении, упоминается царь хонов Урнайр, возглавлявший объединенное войско горцев Кавказа: «Персидский царь Шапух призвал с тыла царя хонов Урнайра и открыл Аланские ворота, и собрались к нему войска хонов и маскутов и агугов и лпинов, товматков и губуров, махов, гугаров, улов, чучов, чилбов, малазчов, heров, куанов, и другие…»[35].

Описание этой битвы дано в трудах армянских авторов Мовсеса Хоренаци, Фавста Бузанда и Мовсеса Каланкатваци, а также римского историка Аммиана Марцелина[36]. Однако если в «Истории» св. Нерсеса Партева царь Урнайр, участвовавший в Дзиравской битве на стороне персов, является царем хонов, то Мовсес Хоренаци, Фавст Бузанд и Мовсес Каланкатваци называют его албанским царем, современником армянского царя Папа (369–374 гг.). При этом ни Мовсес Хоренаци, ни Фавст Бузанд не уточняют состав войск персидского царя Шапура II и не указывают на участие в Дзиравской битве хонов, равно как и других кавказских народов, перечисленных в «Истории» св. Нерсеса Партева. Правда, им известно,что албанский царь Урнайр возглавлял объединенные силы горцев Кавказа, однако сообщают они об этом кратко, в частности, называя среди горцев лишь «храброго Шергира, царя леков»[37].

Историчность албанского царя Урнайра, принимавшего участие в Дзиравском сражении, не вызывает сомнений. Среди албанских царей под этим именем известны двое: первый – принявший христианство и современник армянского царя Трдата III, второй – современник вышеупомянутого царя Папа. ЦарьУрнайр называется в источниках то царем хонов, то царем албанов. Данное противоречие объяснимо. Дело в том, что в армянских источниках термин Албания (албанцы) имел географический, собирательный, смысл и не нес конкретного этнического содержания – он употреблялся для обозначения многочисленных племен и народов, обитавших на территории исторической Албании. Например, согласно известному сообщению Страбона, в Албании проживали 26 племен.

Тот факт, что царь хонов Урнайр назван албанским царем, следует воспринимать как свидетельство установления к тому периоду политического господства хонов над Албанией и объединения албанских царств и княжеств под главенством хонского царя Урнайра. В подтверждение вышесказанного отметим так-

[35] История армянского патриарха св. Нерсеса Партева (на древнеарм. яз.). Венеция, 1853. С. 70. Вариант Б: «хечматаки, бугоры, ичамахи, чучи, гуа, глуары, магуги,узы, шилбы, чилбы, мазаваны, гесы, соараны и другие» (История армянского патриарха св. Нереса Партева... С. 85).

[36] Мовсес Хоренаци. История Армении...С. III, 37; Фавст Бузанд. История Армении… С. V, 4; Мовсес Каланкатваци. История страны Алуанк (на древнеарм. яз.). Ереван, 1983. С. I, 13.

[37] Мовсес Хоренаци. История Армении... С. III, 37; Фавст Бузанд. История Армении... С. V, 4.

же следующее. На территории Албании всегда проживало множество племен и народов, которые не были этнически монолитными, поэтому довольно сложно говорить о внутриполитической стабильности Албанского царства и об устойчивости его границ, которые менялись в зависимости от того, насколько могущественным был народ, получавший в тот или иной период верховенство и политическую власть в стране.

Границы Албании в III–IV вв. Если южные и юго-западные рубежи Албании того времени более или менее устойчивы и без труда определяются по данным античных и армянских источников, то установить ее северо-западные и северные границы весьма непросто. Судя по данным этих источников, пределы Албанского царства в различные периоды охватывали не только большую часть горного Дагестана, но и районы Центрального Кавказа, включая области расселения нахских племен.

В III начале IV вв. границы доходили на северо-западе до верховьев Алазани и Иори. Здесь, у излучины Алазани (соврем. Ахметский район Грузии), территория Албании заканчивалась и начинались земли нахских тушин (масахов) и пшавов. Однако уже в 30-х гг. IV в. пшавы (похи/пхови) и их соседи хоны (масаха-хоны), как утверждает Фавст Бузанд, известны среди народов Албанского (Маскутского) царства, которыми повелевает царь Санесан. Данный факт, безусловно, свидетельствует о том, что в то время политическое влияние маскутского (албанского) царя Санесана распространилось и на нахские племена хонов и похов (пшавов).

После поражения персов и гибели маскутского царя Санесана в битве при Ошакане (335/336г.) письменные источники уже не упоминают о маскутах – надо полагать, они сошли с политической арены. Вслед за этими событиями в Албании неизбежно должна была произойти очередная перегруппировка политических сил. Судя по всему, первенство перешло к хонам (масаха-хонам), которые распространили свое политическое влияние на население Албании, т.к. Албанское царство возглавил хонский царь, а следовательно, термин хон стал применяться в собирательном значении для обозначения Албанского царства.

Таким образом, становится понятным, почему царь Урнайр, возглавлявший объединенные войска Албании (или горцев Восточного Кавказа) в битве при Дзираве (371/372 г.), в «Истории» св. Нерсеса Партева назван хонским царем, а в сочинениях Мовсеса Хоренаци и Фавста Бузанда – албанским царем. Все дело в том, что в период военно-политического объединения племен и народов, в том числе царств и княжеств Албании под главенством хонского царя, термины хон и албан стали синонимами и использовались для обозначения Албании и ее населения в целом.

Бдешх масаха-хонов. В свете вышесказанного проясняется также и вопрос о том, почему среди четырех бдешхов, сопровождавших армянского царя Трдата III (287-330) в его поездке к византийскому императору Константину, Агатангелос называет бдешха масаха-хонов. В армянской версии Агатангелоса данному титулу соответствует «бдешх маскутов»[38]. Титул бдешх (бдеашх) в древней Армении

[38] Agathange Historiederegnede Tiridateetdelapredicationdesaint Gregoire JJlluminateur,

присваивался правителям четырех важнейших пограничных областей царства Великой Армении – Алдзника, Кордука, Нуширакана и Гугарка. Бдешхи были крупнейшими наследственными землевладельцами, стоявшими выше нахараров (князей), которые (скорее всего, при Тигране II Великом) признали суверенитет армянских царей.

Главной задачей бдешхов являлась защита границ Армении от внешних врагов. Традиционно, еще со времени правления армянского царя Арташеса I (189–160 гг. до н.э.) функции бдешха северной пограничной области возлагались на правителей Гугарка. В обязанность бдешхов Гугарка входила защита северных пределов Армении – т.е. охрана Кавказских проходов. В период могущества Армении, при царе Тигране II Великом (95–55 гг. до н.э.), была укреплена цепь оборонительных сооружений от Жинвали (Сарматские, Цилканские ворота) вдоль Тианети до низовья Алазани, известная как Дурдзукские врата, Пахак хонов (Врата хонов). В этих укрепленных приграничных местах стояли войска, подчиненные правителю (бдешху) Гугарка. Тогда же территория левобережья реки Арагви – от Цилканских ворот (около Жинвали) до устья Алазани была включена в состав Армении.

Присвоение правителю масаха-хонов титула бдешха и возложение на него охраны кавказских перевалов имело место, скорее всего, в годы царствования Трдата III который, в свою очередь, нес ответственность за свои действия перед Римской империей. Косвенным подтверждением тому является факт пребывания Трдата III у масаха-хонов (Дурдзукети), засвидетельствованный древнегрузинскими источниками. Так, в «Обращении Грузии» сообщается, что, будучи в этих местах, «царь Трдат вернул и крестил» эрцо-тианетцев, чартальцев, пховцев, цилканов и других горцев, которые ранее ушли в Тушетию, опасаясь крещения[39].

Пожалование Трдатом III титула бдешха правителю хонов (масаха-хонов) было вызвано, несомненно, главенствующей ролью хонов в регионе и их военно-политическим превосходством. Включение предводителя масаха-хонов в число придворных армянского царя следует рассматривать не только как дань традиции, согласно которой «Арменией» в то время считалась не только национальная, коронная часть армян, а вся восточная часть Южного Кавказа, но и как отражение реальной военно-политической ситуации: нахские хоны (масаха-хоны) тогда контролировали проходы Центрального Кавказа (отсюда название Пахак хонов – Ворота хонов).

После смерти Трдата III (330 г.) нахские хоны в составе коалиции маскутского царя Санесана вторгаются в Армению. Как показывают последующие события, поражение маскутского царя в этой войне имело далеко идущие последствия. Победа Армении над объединенными войсками маскутов, албанов и хонов (масаха-хонов), а также гибель маскутского царя Санесана Аршакида

Langlois. FHG, Paris, 1870. C. 187.

[39] Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили. Тбилиси, 1989. С. 85.

имела важное военно-стратегическое значение. С одной стороны, пошатнувшаяся было позиция Армении вновь усилилась; с другой стороны, на смену сошедшему с политической арены Маскутскому царству выдвинулось объединение хонов, начавшее устанавливать свое господство и над Албанией, в связи с чем, как было отмечено выше, древнеармянские авторы называют хонского царя также и царем Албании.

О политической перегруппировке, произошедшей в Албании после битвы под Валаршапатом в 335/336 г., можно прочесть и в сообщениях Фавста Бузанда. Однако при этом следует помнить, что, согласно многим источникам, царствовавшие в Персии, Армении, стране маскутов и стране кушан династии ведут начало от парфянского царского рода Аршакуни (Аршакиды) и все их представители считались родственниками. Так, Фавст Бузанд маскутского (албанского) царя Санесана называет братом армянского царя Хосрова («армянский царь Хосров уклонился от встречи со своим братом, то есть мазкутским царем Санесаном»). Когда же после битвы под Валаршапатом Хосрову принесли отрубленную голову Санесана, то он сильно разгневался, а затем «расплакался и сказал: «Братом он был моим, родом Аршакуни»[40].

Царь Пап и Урнайр. Совершенно иная ситуация наблюдается в отношениях армянского царя Папа и хонского (албанского) царя Урнайра. Согласно Фавсту Бузанду, после битвы при Дзираве (371 г.) царь Пап был разгневан по поводу того, что полководец Мушег Мамиконян не убил на поле боя хонского царя Урнайра, а даровал ему жизнь, и поэтому обвинил полководца в предательстве. Здесь ничего не сказано о принадлежности хонского царя Урнайра к роду Аршакуни и о его родственных связях с армянским царем. Как сообщает Фавст Бузанд, Мушег Мамиконян лишь говорит: «Я на царя, на человека, носящего венец, не поднимал, не поднимаю и не подниму руки»[41], т.е. он сохранил Урнайру жизнь лишь потому, что тот был царем и носил венец. А если бы Урнайр принадлежал к роду Аршакуни, т.е. был бы фамильным братом армянского царя, то в своем ответе непременно привел бы этот веский аргумент в свое оправдание.

После поражения в Ошакане в 336 г. маскутские Аршакиды потеряли власть над Албанией и на смену им пришли нахские хоны (масаха-хоны), которые установили здесь свое господство, а их правители получили титулы царей Албании. Таким образом, в середине IV в. нахские хоны, расширив границы своих владений от центральных районов Северного Кавказа до устья реки Куры и побережья Каспийского моря, превратили свое царство в одно из ведущих государств Кавказа.

Царь Албании Вачэ из хонской династии. Борьба с Сасанидами. Албанское царство, возглавляемое хонской династией и включавшее в себя нахские и дагестанские объединения, оказало Персидской империи наиболее упорное и длительное сопротивление. Данное обстоятельство следует, наверное, объяснять тем, что к тому времени Албанское царство представляло собой достаточно могущественное государственное объединение. Армянский историк Елише со-

[40] Фавст Бузанд. История Армении... С. III, 7.

[41] Там же.

общает, например, что «одиннадцать горских царей» Кавказа, объединившись для защиты своей независимости, подняли восстание против Сасанидов[42]. Возглавлял объединенное войско горцев Кавказа албанский царь Вачэ хонской династии. Разгромив посланные против них персидские войска, горцы освободили свою страну. После неоднократных и безуспешных попыток подавить восстание сасанидский царь Пероз (459–484) обратился за помощью к гуннам-хайландурам, отправив им «много сокровища[43]», после чего в Албанию со стороны Северо-Западного Прикаспия вторглись гунны, а с юга – персы. Горцы во главе с царем Вачэ в течение года противостояли многократно превосходившим их силам противника, нанося им ощутимый урон. Однако около 462 г. Сасанидам с помощью гуннов-хайландуров в конце концов удалось подавить сопротивление горцев. Как свидетельствует Егише: «[Вче] объединил одиннадцать царей горских народов и противостоял войною полку Ариев, и великий ущерб причинил войскам царским… И хотя его войско ослабло и силы его истощились, все же покорить его они не смогли. Напротив, множество сильных ударов нанес царь Вачэ, и они тоже были изнурены и истощены, либо в сражениях, либо от страшных болезней. Война затянулась, большая часть страны была разорена, но никто от него (от Вачэ) не отступился»[44].

Упразднение Албанского (Хонского) царства. Одержав победу, сасанидский царь Пероз упразднил царство хонов (Албанское царство) и все одиннадцать горских царств и княжеств Восточного Кавказа, которые воевали против Сасанидов. Во всяком случае, в последующий период об этих царствах источники ничего не сообщают. На территории Восточного Закавказья Сасаниды провели политико-административную реформу в целях введения прямого правления.

В 428 г. было упразднено Армянское Аршакидское царство и вся восточная часть Южного Кавказа вместе с Восточной Арменией была выделена в отдельную административную единицу Кустак Капкох (Кавказский край), которая, в свою очередь, была разделена на области (марзпанства).

С этого времени хоны (масаха-хоны) перестают упоминаться в письменных источниках, а территория хонов (масаха-хонов) становится известной под названием Цанар. Цанары продолжают контролировать Аланские и Цилканские (Цикканские) ворота, а спустя еще некоторое время здесь возникает Цанарское хорепископство и царство.

Выводы. Падение нахского государственного объединения в конце I тыс. до н.э. (около 210 г. до н.э.) после Восточного похода Селевкидского царя Антиоха III Великого стало переломным моментом и во многом определило дальнейший ход исторического развития не только нахского, но и других соседних народов Кавказа. В середине и второй половине I тыс. до н.э., в эпоху своего могущества, Нахаматия явилась надежным щитом с севера, прикрывавшим цивилизации Передней Азии от нашествий кочевых племен Евразии. Лишь после распада нахского объединения, начиная с рубежа новой эры, кочевники стали проходить через Кавказские перевалы и совершать сокрушительные нашествия на страны Южного Кавказа и Передней Азии.

[42] Егише. VII. 198. (Егише. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм. И.А. Орбели, К.Н. Юзбашяна). Ереван, 1971.

[43] Там же.

[44] Егише. О Вардане... С. VII, 198.

Не встречая уже организованного сопротивления, кочевнические племена начали также постепенно проникать в богатые области Нахаматии и оседать здесь. Одновременно в южные области страны начинают постепенно проникать грузиноязычные племена. Происходит постепенное сужение этнической территории нахов. Однако имеющийся материал не дает никаких оснований предполагать, что в рассматриваемое время произошли какие-либо существенные изменения границ расселения нахских племен.

С этого времени (210–208 гг. до н.э.) в Картли первенствующая роль переходит к древнегрузинским племенам, появившимся здесь, в основной своей массе, в период господства Понтийского царства. На территории Картли, до этого входившего в состав нахского государственного объединения, начинается процесс становления собственно Картлийского царства.

После распада нахского государственного объединения теряют смысл и бытовавшие в то время общенахские собирательные названия – *нахаматеан, малхи/махли, мосхи/масахи, кавкасиани, и др.* под которыми страна нахов была известна среди соседних народов. Поскольку процесс формирования единого нахского народа был прерван и полное слияние нахских племен не было завершено. На рубеже новой эры нахи известны уже по названиям отдельных нахских племенных групп, которые занимают практически ту же территорию, которая была известна как Нахаматия (Малхия, Кавкасиани, Масахия и др.).

На рубеже новой эры на историческую арену выходят южнонахские племена гугары и хоны, создавшие крупные государственные объединения на Южном Кавказе. Нахские гугары и хоны на протяжении нескольких веков играли большую роль в судьбах стран и народов Южного Кавказа. Их подлинную историю еще предстоит изучить исследователям.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАХОВ НА РУБЕЖЕ СТАРОЙ И НОВОЙ ЭРЫ

§ 1. Нахи Закавказья, Армения и Кавказская Албания

Хуррито-урарты и нахи в Древней Армении. Миграционные процессы, вызванные крушением Урарту, во второй половине I тыс. до н.э., захватили далеко не все коренное население этой страны – наличие хуррито-урарто-нахского этнического элемента довольно явственно прослеживается на начальном этапе армянской государственности. Первоначально Армения как государство представляла собой родоплеменной союз, составные единицы которого назывались нахарарствами, каждое из которых обладало внутренней автономией и выставляло собственное войско. Институт нахарарств долгое время являлся основной формой организации политической и социально-экономической жизни Армении. В его основе лежала система наследственного землевладения, при этом крупные землевладельцы занимали государственную должность по праву наследования. Тем самым в древней Армении власть была разделена между царем и высшей знатью[1].

Высказывалось предположение, что **термин нахарар** заимствован в армянский язык из парфянского языка и имеет значение «первозданный, первородный». Но бесспорно, что первоначально этим термином обозначались предводители высшей родовой аристократии. При этом нахарарские роды делились на три категории в зависимости от происхождения: от древнейшего населения страны, от поколения Хайка и пришлые знатные роды, которым армянские цари нахарарство жаловали. Например, нахарарские роды Арцруни, Гнуни и Бдешхов считались ассирийского происхождения[2].

Таким образом, в древней Армении изначально сложился механизм адаптации в ее государственное устройство знатных фамилий различного происхождения, в том числе и представлявших доармянское население страны. Именно благодаря интеграции населения хуррито-урарто-нахского происхождения в армянском языке какая-то часть административно-социальной терминологии имеет неармянское происхождение. К их числу, предположительно, относятся названия административных территорий и государственных должностей с основой *нах*. Таковым является и термин нахарар, служивший для обозначения как высшего аристократического титула, так и отдельной административной единицы. В числе армянских нахарарств одно носило название Нахчери и просуществовало до VIII в. н.э.

[1] Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 40.

[2] Бархударян С.Г. Урартское происхождение армянского нахарарского рода Арцруни // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960. С. 29–30.

В армянском языке есть еще два термина с основой *нах* – нахапет и наханг. Наханг – крупная административная единица в древней Армении. Таковых насчитывалось всего 15. А вот нахапет – название должности в государственном аппарате, но также употребляется и как мужское имя.

Возможно, еще два титула армянской родовой знати имеют нахское происхождение – малхаз и мамак. Первый принадлежал князьям Хорхоруни, второй – князьям Мамиконидам, происходившим «от царя страны ченов». В основе первого титула видится чеченское *малх* – «солнце», а за ченами видят цанов/цаннов, живших по соседству с Тайком, родовой областью Мамиконидов, которые еще в VI в. сохраняли свою этническую индивидуальность. Из «страны ченов/цаннов» вышли также предки грузинских князей Орбелиани[3].

В завершение следует отметить, что большая часть населения Армянского нагорья могла быть ассимилирована армянами уже в V–IV вв. до н.э., но какая-то часть нахо-урартов сохраняла свой язык вплоть до конца I тыс. нашей эры[4].

Складывание Кавказской Албании. Начальный этап албанской государственности на Восточном Кавказе (бассейн нижнего течения р. Куры), в изложении древних армянских, армяно-албанских и грузинских письменных источников, также полон неопределенности и противоречий, как и аналогичные этапы армянской и картлийской государственности. Собственно, албанская и армянская историческая традиция связывает становление Албанского государства с деятельностью армянского царя Валаскара (Валаршак/Вагаршак) на рубеже старой и новой эры, который якобы назначил народам, жившим на северо-восточных границах Армении, правителя по имени Арран[5]. Это обстоятельство предполагает, что албанские правители изначально находились в вассальной зависимости от армянских царей, а само албанское государство создавалось едва ли не как восточная провинция Армянского царства.

Ряд исследователей давно уже обратили внимание на противоречие между реальной историей возникновения самостоятельных государств Закавказья и сообщениями армянских, грузинских и албанских источников о первоначальном доминировании Армении. Реальное возвышение Армении началось только во II в. до н.э. и продолжалось сравнительно недолго[6].

Противоречат этому и сообщения античных авторов, из которых очевидна полная самостоятельность албанских правителей. Кавказская Албания в их описаниях предстает как многонациональное государство, состоящее из 26 племен: «…у албанов выдающиеся цари: ныне царь над всеми властвует: прежде каждое племя, имеющее свой язык, имело своего царя»[7].

[3] Адонц Н. Армения в эпоху... С. 400, 403–404; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М., 2005. С. 91.

[4] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Древний Восток... С. 379.

[5] История агван Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 4–5.

[6] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В II-х томах. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016. С. 642.

[7] Страбон. География. XI, IV, 4, 6 // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 220.

Не вызывает сомнения, что и в этом случае армяно-албанская историческая традиция перенесла на прошлое ситуацию, сложившуюся в период упадка Кавказской Албании[8].

Косвенно на это указывает и официальная родословная албанских царей, восходящая к Иафету, одному из сыновей библейского патриарха Ноя. И что примечательно, в ней встречаются имена, уже известные по родословной армянских правителей, в частности «Скайорти, который получил корону от вавилонского царя»[9].

Столь древняя родословная албанских царей предполагает, что их царствование началось в урартскую эпоху, и приводит нас в ту же область, откуда начиналась армянская государственность. Это территория вокруг оз. Урмия, где письменные источники фиксируют немалое число государственных образований: Замуа, Гильзан, Аллабриа, Месси, Манна, Парсуа, Уишдиш, Гизилбунда, Андиа, Зикерту, Сангибуту, Пулуади и др.[10]

Позднее большая часть этих стран вошла в состав Манейского царства, а после его гибели примерно в одно время с Урарту, доминирование в Прикаспии на короткое время перешло к племенному союзу во главе с каспиями. Как уже отмечалось, в эту эпоху проходят массовые миграции в сторону Кавказа и Восточное Закавказье в этом смысле не было исключением. Можно даже предположить, что миграция в восточные области Закавказья начались даже несколько раньше, чем переселение на Центральный Кавказ – начиная с VIII–VII вв. до н.э. в Приурмийский район активно проникают ираноязычные племена.

Надо полагать, что политические потрясения, вызванные крушением Персидской державы Ахеменидов и образованием новых государств (например, Атропатены на месте Манейского царства), вызвало новую волну миграции в северном направлении.

Еще одно (третье по счету) массовое перемещение значительных масс населения по территории Атропатены и Кавказской Албании произошло на рубеже старой и новой эры. В частности, анийцы, гелы, утийцы и некоторые другие племена передвинулись на север и обосновались в междуречье Аракса и Куры[11].

Армяно-албанская историческая традиция позволяет предположить, что появление албанской государственности произошло в период завоеваний Александра Македонского, т.е. в конце IV в. до н.э. Однако античные авторы упоминают албан в войске персидского царя Дария III в сражении при Гавгамелах, решившем судьбу державы Ахеменидов. Причем в построении персидского войска албаны занимали почетное место рядом с царской фалангой[12], а значит, обладали тяжелым вооружением и были обучены сражаться в плотных боевых порядках, т.е. не могли быть простым племенным ополчением.

[8] Сигаури И.М. К истокам... Т. I. С. 640–641.

[9] История агван Мойсея Каганкатваци... С. 31.

[10] Кашкай С.М. Из истории Манейского царства. Баку, 1977. С. 6.

[11] Алиев И. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. Баку, 1959. С. 41.

[12] Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказкой Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959. С. 52.

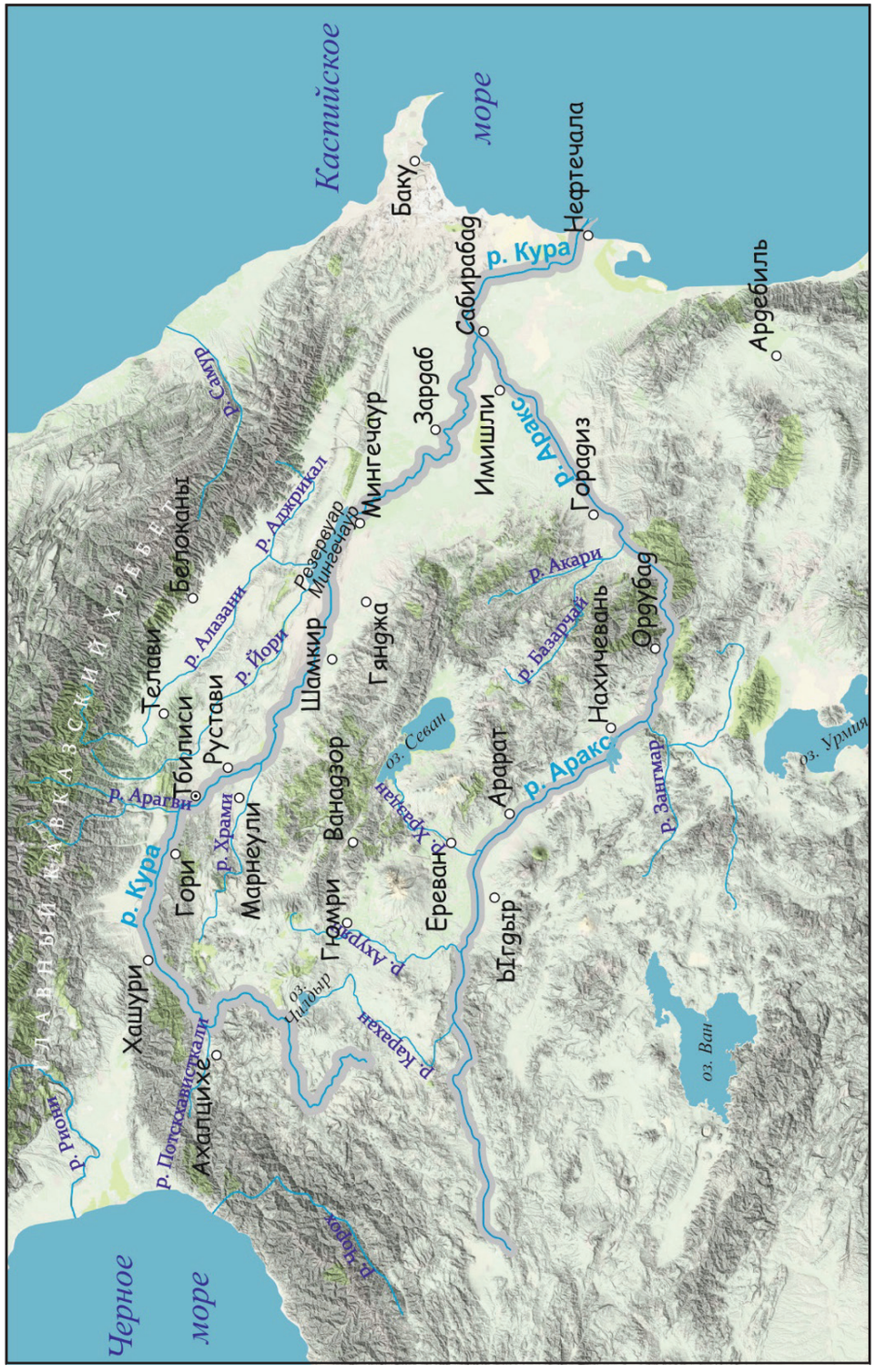

Рис. 29. Бассейны рек Аракса и Куры (совр. карта)

О высоком уровне общественно-политического и экономического развития Албании свидетельствует и наличие в этой стране 29 городов[13].

Это позволяет предположить, что массовая миграция хуррито-урарто-нахского этноязыкового элемента на север, связанная с гибелью Урартского государства, в какой-то мере затронула Восточное Закавказье и могла стать определенным импульсом к возникновению албанской государственности. Надо учитывать также, что территорию, прилегающую к Каспийскому морю, издревле заселяли преимущественно дагестаноязычные (восточно-кавказские) племена. Даже если допустить, что после крушения Урарту нахский этноязыковый элемент какое-то время доминировал в Восточном Закавказье, то миграции IV–III вв. до н.э. и рубежа старой и новой эры, охватившие в этой части Закавказья преимущественно дагестанские племена, должны были привести к существенному изменению этнического баланса в Кавказской Албании.

Проблема этнической составляющей Албании. Имеющиеся сведения о племенах Кавказской Албании настолько скупы и неопределенны, что не позволяют составить целостную и убедительную этноязыковую картину на этой территории. Например, письменные источники не приводят полного списка 26 албанских племен и не позволяют уверенно определить, какое именно племенное объединение возглавило процесс становления албанской государственности. Так, албанская историческая традиция выводит албанцев из народа кетарийцев (ket/ked). Еще в средневековье значительная часть населения Атрапотены говорила на кетарийском языке, но в настоящее время небольшой по численности народ «кедаринцев» сохранился только в Дагестане[14].

Согласно другой версии, собственно албанцами считается племя лбини – лупении, которые на рубеже новой эры занимали территорию по бассейну р. Алазани и р. Алджиган-чай (притоки Куры). Кроме них к северу от Куры фиксируются еще несколько племен: утии, сильвы (чилбы) и леги. Последние расселились в среднем течении р. Самур, а также на север и на юг от нее. На месте слияния рек Куры и Аракса и далее к югу – жили племена каспиев. К югу от Куры жили также гаргары, территория которых включала Мильскую степь, бассейн р. Каркар-чай и предгорья Малого Кавказа. Муганскую степь занимали кочевые племена[15].

Нахи Албании. Большие трудности возникают при попытке определить этническую принадлежность большинства известных албанских племен, в том числе выделить среди них нахские. Чаще всего с нахами связывают гаргаров на том только основании, что данный этноним созвучен с нахским *гергар* – «родственный». Что далеко недостаточно. К тому же, далеко не все исследователи признают правомочность приведенной выше этимологии этнонима гаргар. Но даже если признать его нахское происхождение, то в гаргарах логичнее видеть этноязыковую группу,

[13] Муравьев С.Н. Птолемеева карта Албании и уровень Каспия // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 122.

[14] Алиев И. О первых... С. 41.

[15] Алиев К. Племена древней Кавказской Албании (I в. до н.э. – I в. н.э.). Автореферат дисс… канд. ист. наук. Л., 1962. С. 7–8.

близкую к нахам, а не собственно нахов. По этой же причине сомнение вызывает и попытка представить этноним гаргары как общее название, распространявшееся на часть нахских племен, осознающих свое родство[16].

В круг нахских племен часто включают эров, в которых грузинская историография видит «нахо-дагестанскую» общность. Причем грузинские историки относят начало их картвелизации едва ли еще до новой эры, что, конечно, проблематично[17].

Имеется достаточно оснований утверждать, что нахи изначально присутствовали на территории Восточного Закавказья и определенно сыграли какую-то роль в становлении Кавказской Албании. Как известно, первоначальный центр албанской государственности включал территорию Южного Дагестана[18], а северная граница Албании по некоторым данным, требующим подтверждения, первоначально проходила по рекам Соана (Аргун) и Ломеки (Терек)[19], что включало в состав Албании известную часть современной Чечни. При этом собственно прикаспийские области в первоначальный ареал албанской государственности не входили, зато в состав Албании входила большая часть Кахетии[20], догрузинское население которой составляли нахи.

Первая столица Албании, город Кабала, находился в северной части страны на равнине, являвшейся продолжением Алазанской долины. В этой же долине сохранились топонимы с основой *албан/алван* – селения Земо Алвани и Квемо Алвани, Алванское поле в Кахетии и селение Алван в Ширване. Термин *алван* имеет нахскую этимологию – в его основе либо бацбийское *ал в-а* – «господин есть», либо «пастбищная долина/склон» – *алара*[21].

И.М. Сигаури предложил достаточно убедительную шумеро-хуррито-урарто-нахскую этимологизацию имени одного из ранних албанских царей – Урнайр, в значении «муж + народ» или же «муж + правитель, герой»[22].

Следы пребывания нахов обнаруживаются не только на севере, но и юге Кавказской Албании. Армянское название Карабаха – Арцах происходит от нахского *арц* – «лесистый склон, хребет». Известен также топоним Арцах-Кусти. Среди древних племен, населявших Арцах, называют албан, гаргаров и др. Все они, а также удины и другие албанские племена послужили позже субстратом для карабахских армян[23].

[16] Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (К древнейшей истории нахских племен (III–I тысячелетия до н.э.). Дисс… док. ист. наук. Тбилиси, 1998. С. 7.

[17] Очерки истории Грузии. В 8 т. Т. 1. Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. Тбилиси, 1989. С. 269.

[18] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 89.

[19] Давудов О.М. К характеристике общественных отношений в Дагестане албанского времени // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С. 49.

[20] Всемирная история. В 10 т. Т. 1. М., 1955. С. 416.

[21] Языки Азии и Африки. Вып. III. М., 1979. С. 93.

[22] Сигаури И.М. К истокам…Т. I. С. 641.

[23] Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых нахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 12, 13.

«Нахский след» обнаруживается в названии административных единиц той части Кавказской Албании, что лежала по правому берегу Куры – «наханг», в то время как административные единицы левобережья Куры имели название «гавар». Обычно эту разницу в терминологии связывают с армянским влиянием на албанских территориях, прилегающих к Армении. Но некоторые исследователи не исключают, что различие в административных терминах отражает преобладание нахского этнического элемента на юге Кавказской Албании[24].

Албанские палимпсесты и вопросы становления Албании. Сравнительно недавно (в 1990-е годы) в одном из древних христианских монастырей на Синае (Египет) были обнаружены два грузинских палимпсеста (рукопись на пергаменте, уже бывшем в употреблении), на которых проступал стертый текст, написанный кавказско-албанским алфавитом. Язык, которым были сделаны первоначальные записи, значительно отличается от современного удинского, который предположительно лег в основу письменного албанского языка, но может рассматриваться как его ближайший родственник. Лингвистическое исследование, проведенное И.М. Сигаури, позволило выявить в текстах указанных палимпсестов 72 соответствия с нахскими языками. Характер установленных нахских заимствований позволяет говорить о наличии специфического контакта между нахскими языками и предками удинцев. Речь может идти о длительном контакте нахских и удинского языков, выразившемся в активном культурном влиянии нахских языков на удинский. По содержанию обе рукописи представляют собой перевод наиболее востребованных христианских религиозных текстов (т.н. лекционарии). Не исключено, что в прошлом было создано несколько лекционариев для разных языков Кавказской Албании. Прототипом для лекционария, обнаруженного на Синае, послужил вариант, составленный, как предполагается, на нахском языке. Именно этим объясняется тот факт, что на месте отсутствующей удинской и лезгинской лексики стоят нахские слова, а что-то (например, слова с аффиксом **-owh**) просто пропустили по небрежности составителя нового варианта[25].

Таким образом, не может вызывать сомнение присутствие нахов в Кавказской Албании и наличие в прошлом длительного прямого контакта между носителями удинского и нахского языков. Однако удины-утийцы не могли стоять у истоков албанской государственности, так как мигрировали на коренную территорию Албании только на рубеже старой и новой эры. Из этого можно предположить, что становление албанской государственности было связано первоначально как с восточно-кавказской (в данном случае лезгинской), так и с нахской этнической общностью, которая пополнилась хуррито-урартскими мигрантами. Первоначальный ареал албанской государственности включал Северо-Восточный Кавказ и северную часть Восточного Закавказья и лишь затем сместился к югу. Со временем новые миграции с юга, а также влияние соседних государств привело к изменению вну-

[24] Сигаури И.М. Очерки истории... Т. V. С. 136.

[25] Сигаури И.М. К истокам… Т. I. С. 653, 663–664.

триалбанского политико-культурного баланса и росту влияния южных областей. Отражением этого процесса стало появление новой столицы к югу от Куры. Былое культурное и политическое доминирование нахов объективно отразилось в языке удин, сохранившем след нахского влияния[26].

Албания и Махли/Малхи. Однако приведенные выводы не могут быть признаны окончательными и исчерпывающими по целому ряду причин. Например, требует прояснения вопрос о характере возможной связи между нахским (малхийским) государственным образованием в центральной части Кавказа и албанским государством в Восточном Закавказье. В частности, были ли это изначально два разных государственных образования или же восточные нахи первоначально входили в состав объединения Малхов и лишь затем выделились в самостоятельное государство? Серьезного уточнения требует и роль дагестанских этнических сообществ в образовании и судьбе Кавказской Албании, которая, без сомнения, была значимой.

Наконец, сообщение античных авторов о том, что в Кавказкой Албании «прежде каждое племя, имеющее свой язык, имело своего царя» может быть истолковано так, что албанская государственность первоначально существовала в виде конгломерата небольших государственных образований, созданных различными этноязыковыми сообществами. В этом случае открытым остается вопрос о том, когда и каким образом произошла их консолидация под властью одного правителя. Кстати, на изначальную многонациональность и политическую разобщенность Кавказской Албании определенно указывает грузинская историческая традиция, знающая трех предков-эпонимов народов этой страны – Бардоса, Мовакана и Эроса, притом что, например, Лек считается единым предком всех разноязыких дагестанских народов.

В целом самый ранний этап истории Кавказской Албании требует дополнительного глубокого и всестороннего исследования.

§2. Нахи Северного Кавказа и кочевые народы Азово-Каспийского междуморья

Сарматы в Предкавказье. Сираки и аорсы. Как уже отмечалось, в середине III в. до н.э. на Северо-Западном Кавказе сложился военно-политический союз местного оседло-земледельческого адыгского населения и сарматских племен Азово-Каспийского междуморья (сирако-меотский союз), известный в античных источниках и как Сиракский союз племен. В состав этого объединения, скорее всего, вошли и бывшие западные области государства малхов.

Возможно, появление сираков на Северо-Западном Кавказе было связано с изменением баланса сил внутри обширного ареала степных племен. Еще в IV в. до н.э. в Южном Приуралье началось формирование нового союза под главенством племени аорсов, который с III в. до н.э. выходит на историческую арену Восточной Европы. Двигаясь на запад и юг, аорсы сломили сопротивление нижневолжского объединения родственных им савроматов, вытеснив их вначале на Нижний Дон, а затем в

[26] Сигаури И.М. К истокам... С. 645, 649.

Предкавказье. Эта часть савроматов явилась основой формирования в предкавказских степях Сиракского союза сарматских племен[27].

Сами аорсы с конца III в. до н.э. доминируют на всем Азово-Каспийском междуморье.

Родиной сарматов считаются степи Северного Прикаспия и Урало-Алтайского региона Азии, но расселившись в Северном Причерноморье, они создали ряд близких культур, обладающих своеобразием. В частности, археологи обнаруживают довольно значительные культурные различия между племенными объединениями тех же сираков и аорсов. Что, конечно же, не объясняет довольно напряженного характера отношений между ними и частых вооруженных конфликтов[28].

Скорее всего, острое соперничество между двумя сарматскими племенными союзами объясняется быстрым развитием в них социальной иерархии и выделением племенной знати.

Античные авторы традиционно описывают аорсов как более многочисленное племя, чем сираки, однако Страбон указывает, что и те, и другие в случае войны могли выставить примерно по 20000 воинов[29]. Примерное равенство сил обусловило длительный характер противостояния двух племенных объединений и одновременно подталкивало обе стороны к поиску союзников в лице внешних сил, присутствовавших в регионе. Так, в 35 г. н.э. часть сарматов, вероятно сираки, пришли на помощь Иберии (Грузии) и ее царю Фарасману в борьбе с Парфией и ее союзником Арменией (скорее всего используя Дарьяльский проход). Другие же сарматы, очевидно аорсы, пытались пробиться к войскам парфяно-армянской коалиции (вероятно, Прикаспийским путем).

Значительными потрясениями была отмечена середина I в. н.э. В 49 г. против сираков и части меотов, особенно дандариев, поддержавших изгнанного римскими наместниками боспорского царя Митридата VIII, выступили римские войска, поддержанные аорсскими конными дружинами. Сираки во главе с их царем Зорсином потерпели поражение, были захвачены и разрушены укрепленные «города» дандариев и других союзников Митридата в Прикубанье и Приазовье, в том числе и столица сираков. Сам Митридат VIII, лишившись союзников, сдался на милость царя аорсов Эвнона. В 193 г. н.э. сираки вновь были разгромлены, теперь уже боспорским царем Савроматом II[30].

Нахи и сарматы-«хазары» по Л. Мровели. Военное столкновение между сарматами и нахами, вероятно, описано в летописи Л. Мровели: «Вслед за этим хазары избрали себе царя. Вся хазарщина стала повиноваться избранному царю, и возглавляемые им хазары прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди. Не в силах оказались Таргамосианы противостоять хазарам, ибо было их бесчисленное множество. Полонили они страну Таргамосианов, сокрушили все города

[27] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 78.

[28] Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве… С. 45–46.

[29] Str. XI, IV, 5; XI, V, 8; XI, XIII, 2.

[30] История народов Северного Кавказа... С. 84–85.

Арарата, Масиса и Севера. Остались за ними [Таргамосианами] города-крепости Тухариси, Самшвилде и Мтверская крепость (которая есть Хунани), Внутренняя Картли и Эгриси.

Хазары освоили оба пути, как-то: Морские ворота Дарубанди и ворота Арагвские, которые суть Дариала. Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все Таргамосианы данниками хазар»[31].

Некоторые исследователи считают, что в данном эпизоде объединены два разновременных события, а именно: появление на Северном Кавказе сарматов в III в. до н.э. и появление алан в начале уже нашей эры. В летописи Леонти Мровели эти два события представлены как произошедшие одновременно[32], в результате чего полностью выпал из поля зрения сложный процесс взаимодействия между сарматами и нахами. Но нельзя исключать из контекста более поздних гуннов и собственно хазар.

С конца III в. до н.э. в степной и частично предгорной полосе Центрального Предкавказья наблюдается изменение местных погребальных обрядов и традиций (скорченное положение погребенных и неустойчивая их ориентировка в грунтовых ямах, иногда заваленных булыжником). Возможно, это свидетельство изменений в этническом составе потомков нахо-кобанцев. Так, порой памятники кобанцев в пограничной со степной зоной полосе можно выделить лишь по отдельным элементам местной культуры в обряде могил и среди сопровождающих покойника вещей (грунтовые погребения Моздокского могильника, курган у сел. Верхний Акбаш и др.). Другие аборигены, сохранив традиционные места обитания и очевидную генетическую преемственность от предшествующих веков, как считают некоторые «сарматоведы», подверглись воздействию духовно-материальных традиций культуры сарматов (Ханкальский, Хаян-Кортовский могильники, Кобан-Горский склеп). В то же время, за несколько сот лет бытования сарматских племен в Северном Причерноморье и на части Северо-Западного Кавказа, в процессе набегов или «выбросов» отдельных групп кочевников в ходе внутренних войн, в равнинах и степях почти всего Северного Кавказа стали наблюдаться курганные погребения с явно выраженным сарматским обликом. Подобные захоронения в прямоугольных могильных ямах, где покойники лежат вытянуто на спине головой на запад, обнаружены археологами в Центральном Предкавказье (Этоко, Чегем I, Кишпек, Мекенская, Червленная, Ассинская и пр.)[33].

Однако версии о некоем «сарматском периоде» в истории Северного Кавказа есть безнадежно устаревшие построения, основанные на априорном признании приоритета пришлых степняков над местными аборигенами. Потому в свое время находки даже единичных сарматских артефактов в могильниках и памятниках Предкавказья заставляли ученых оценивать их как сарматские. Более полувека назад встречались даже попытки приписать кочевникам-сарматам строительство сложных в фортификационном плане земляных городищ, например, на территории Чечни (у селений Верхний Наур, Знаменское, Алхан-Кала, Петропавловская и др.)[34].

[31] Мровели Л. Жизнь картлийских... С. 25.

[32] Сигаури И.М. Очерки истории… Т. V. С. 150.

[33] История народов Северного Кавказа… С. 79–80, 82.

Имеющиеся на сегодня археологические и антропологические материалы указывают, что ни в так называемый «сарматский», ни в «аланский» периоды на Северном Кавказе не произошло коренной смены населения или иранизации какой-то части местного населения[35]. Даже в Причерноморье, где сарматы реально располагались, они не смогли вытеснить полностью предшествовавших им жителей; об этом говорит и тот факт, что из 425 негреческих имен, выявленных в Причерноморье, только 167 считаются иранскими[36].

Военное противостояние сарматов и коренных северокавказцев (в том числе нахов) в виде кратковременных набегов степняков завершилось довольно быстро. Так, по мнению В.Б. Виноградова, уже к концу III – началу II в. до н.э. исконное население Центрального и Северо-Восточного Кавказа оправилось от якобы первоначального «разгрома» и выступало в роли равноправных союзников или соседей сарматов[37].

О быстрой нормализации нахо-сарматских отношений свидетельствуют косвенно и сообщения Л. Мровели о том, что если первый картлийский царь Парнаваз отдельно прибегал к военной помощи «овсов (т.е. сарматов), то его сын Саурмаг утвердился на картлийском престоле благодаря совместной поддержке дурдзуков/дзурдзуков (нахов) и овсов (сарматов), выступивших заодно.

Таким образом, нахи продолжают жить не только в горной и предгорной частях, но и на равнинах Центрального и Северо-Восточного Кавказа и имеют какие-то связи, по крайней мере, с ближайшими племенами сарматов на Кубани и Ставропольской возвышенности. Входили ли они в состав Сиракского (сирако-меотского) племенного союза, нам неизвестно, этот вопрос нуждается в исследовании. В истории, конечно, известны земледельческо-скотоводческие союзы, в основе которых лежала взаимодополняемость двух типов экономик и общая заинтересованность в свободном обмене продуктами производства. Например, отгонное скотоводство горцев напрямую зависело от доступа к зимним пастбищам в предкавказских степях за Тереком и Кубанью. Более того, тем самым создавалась экономическая основа, на которой указанные племенные союзы со временем трансформировались даже в государственные образования[38].

[34] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 26.

[35] Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948. С. 175; Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIV. Л., 1953. С. 362–363; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 393; Шарашидзе Л.П. Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чечено-ингушского народов // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 247–249; Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974. С. 198.

[36] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963. С. 23.

[37] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 152.

[38] Сигаури И.М. Очерки истории… Т. V. С. 156–159.

Исследователи уже давно высказывают предположения, что этноним сармат античными авторами применялся не только как этнический, но и как собирательный, охватывающий, как ранее этноним скифы, разные по происхождению и языку этнические группы, даже не обязательно связанные схожим образом жизни, типом хозяйствования и культурой. Покрывал ли он и территорию расселения северных нахов-кобанцев, которую античные авторы включали в состав Азиатской Сарматии, предстоит еще выяснять (хотя здесь мы имеем сугубо географический термин, а не этнический).

Попытки объяснить этнонимы савромат и сармат исходя из нахских языков, уже имели место. Так, в основе этнонима савромат одни видят нахское *савра/совра* – кожа с характерным естественным рисунком (морея), который остается после выделки. Окончание *-мат* в нахских языках имеет значение «язык, племя». С общим значением «племя, носящее одежду из выделанной кожи» (у савроматов широкое распространение имели кожаные плащи, щиты, шлемы, обувь и пояса). В основе этнонима сармат – нахское *шерри/шаьри* – «ровный, гладкий» или *шаро* – «ровное, гладкое место». Общее значение «равнинное племя». Нахскую этимологию, возможно, имеют и некоторые сарматские личные имена, например: Ангиштес – Ангушт; Баксаг – нах. *бакъ* – «правдивый, правильный» + *саг* «человек»; Болас – нах. *буола/булла* «зубр» и др. Но в целом нахская этимология, предложенная для большого числа сарматских этнонимов и топонимов[39], должна быть проверена на уровне современного развития лингвистической науки.

В научном сообществе существует мнение, что в конце старой эры произошли изменения в этническом составе сарматов Предкавказья, отчасти ставшие результатом интенсивных интеграционных процессов, протекавших на Северном Кавказе. Не позже III в. до н.э. под именем сираков, возможно, начинается формирование этнокультурного сообщества, включавшего кавказские племена, ираноязычных сарматов и потомков населения Предкавказья скифского времени. Имел ли место синтез, в результате которого складывалось новое этническое образование, отличное как от сарматов, так и кавказских автохтонов, мы на сегодня не знаем. К началу II в. до н.э. такое сообщество действительно могло сложиться, а в I в. н.э. в его состав могли оказаться вовлеченными и т.н. «аланы». Позднее из части вышеуказанного сообщества могла сложиться аланская народность, отнюдь не идентичная позднесредневековым осетинам[40]. Естественно, все вышесказанное пока еще нужно рассматривать как гипотезу.

Как бы то ни было, но уже к началу III в. до н.э. прекращаются грабительские набеги кочевников на нахские земли. Вместе с тем, еще преждевременно говорить об установлении нахами союзнических отношений с каким-либо сарматским племенным объединением. Данная тема ждет своих исследователей.

[39] Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990. С. 30, 32, 106–107.

[40] Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве... С. 45–46; Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 54, 55; История народов Северного Кавказа... С. 85; Сигаури И.М. Очерки истории… Т. V. С. 180.

Появление алан. В начале новой эры территория сарматов-аорсов Подонья и Приазовья «перешла» к новому сарматскому племени – аланам, о происхождении которых существуют различные точки зрения. Согласно одной – они имели среднеазиатское происхождение и были знакомы китайцам. Другая версия видит в них собственно выходцев из племенного союза аорсов, в котором они со временем заняли главенствующее положение. При этом допускается, что в этногенезе алан определенную роль сыграли другие сарматские племена и маскуты – племя якобы массагетского происхождения, осевшее в Приморском Дагестане и северной части Азербайджана[41].

Происхождение этнонима алан пытались объяснить из разных языков, в том числе иранских и тюркских, но ни одна из них не получила всеобщего признания. Неубедительной выглядит и попытка известного алановеда В.И. Абаева связать этноним алан с осетинским устойчивым словосочетанием *аллон-биллон*, которое, возможно, произошло от имен нахских языческих божеств Алла и Белла. Алла (чеч. форма *аьлла* «сказать, сказал; то, что сказано») и Белла (чеч. *белла* «принести, дать, давать (клятву)», по всей видимости, божества, определявшие судьбу, подобно древнегреческим Мойрам[42].

Собственные версии этимологии этнонима алан из нахских языков предлагали чеченские и ингушские авторы. Например, Я.С. Вагапов связывал его с нахским *аланой* в значении «жители побережья реки или долины, низины». Для сравнения им использовано бацбийское название долины р. Алазань – Олана, Ални. Н.Д. Кодзоев видел в его основе нахское *хал* «бог» + суффикс принадлежности *-н-* = *халан*, т.е. «принадлежащий богу (солнца)»[43]. И.М. Сигаури, исходя из версии, согласно которой термин алан первоначально носил социальный характер и обозначал военную знать сарматского общества, связывал его с нахским *эла/аьла* в значении «княжеские». В этом направлении, об этимологии термина «алан» как производного от прасеверокавказского «*ale-w-» писали известные российские лингвисты О.А. Мудрак и А.К. Аликберов[44].

Возможно, нахскую этимологию имеет и этноним ас/асы, который обычно связывают с западной группой алан. Я.С. Вагапов происхождение этнонима ас/асы связывал с нахским *аса* в значении «полоса ровной земли», вероятно, первоначальное значение «долина». Он также указывает, что в Чечне известны реки Асса и Ясса (Аксай)[45].

Нет ясности и в вопросе о времени появления алан в степях Предкавказья, хотя большинство исследователей датирует это событие серединой I в. нашей эры – именно в это время аланы попали в поле зрения античных авторов, которые фиксировали их присутствие в Подунавье, Подонье и на Кавказе. Так, Иосиф Флавий сообщает,

[41] История Северо-Осетинской АССР Т. 1. Орджоникидзе, 1987. С. 55; История народов Северного Кавказа… С. 85.

[42] Сигаури И.М. К истокам... Т. 2. С. 572.

[43] Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы... С. 17; Кодзоев Н.Д. Происхождение этнонимов «алан» и «гIалгIай»… С. 48.

[44] Сигаури И.М. Очерки истории... Т. V. С. 172.

[45] Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы... С. 21.

что аланы жили около Танаиса (Дон) и Меотийского озера (Азовское море), откуда совершали в 70-х годах I в. н.э. опустошительные набеги вплоть до южных границ Закавказья. В последующих источниках аланы нередко фигурировали под общим наименованием «сарматы»[46].

Из сообщения Леонти Мровели вытекает, что появление овсов (возможных сарматов или алан) на землях дзурдзуков/дурдзуков началось после походов в Закавказье, где была захвачена богатая добыча и множество пленников. Если в данном случае речь идет о походах 72–74 и 135–136 гг., то первое появление алан (но не оседание) на земли нахов произошло ближе к концу I в. – середине II в.[47]

В то же время археологические материалы не позволяют точно зафиксировать начало присутствия алан на Северном Кавказе в соседстве с нахами. Обычно с ними связывают отдельный тип катакомбных захоронений, но на Северном Кавказе подобные захоронения получили распространение еще во II в. до н.э., т.е. до появления собственно алан. К тому же катакомбные захоронения известны на Кавказе задолго до появления не только алан, но и сарматов. Поэтому многие исследователи считают, что решающая роль в формировании катакомбного обряда погребения принадлежала не пришлому степному, а местному кавказскому населению[48].

Существует версия, что массовое переселение алан в Центральное Предкавказье началось только во второй половине III в. Именно с этим событием можно связать окончательный крах государства малхов, что не означает окончание присутствия нахов на предгорных равнинах. Например, согласно сохранившемуся чеченскому преданию, представители тайпа гуной издревле заселяли восточную часть равнины Северного Кавказа, а на западе граничили с аланами-ардозами[49].

Поскольку для периода второй половины III в. археологические материалы не фиксируют аланского присутствия на Северном Кавказе, если не считать Кисловодской котловины, можно предположить, что между степняками-аланами и местными горцами был достигнут этнический, экономический и политический баланс. Говорить об нахо-аланском симбиозе, возможно, сменившем нахо-сарматское объединение[50], можно значительно позже. А именно, когда вторгшиеся в степи между

[46] История народов Северного Кавказа… С. 85–86.

[47] Сигаури И.М. Очерки истории... Т. V. С. 176.

[48] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 141; Абрамова М.П. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 23–33; Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 18–34; Габуев Т.А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н.э. – VII в. н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 147–159; Его же: Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // Российская археология. 1997. № 3. С. 71–81.

[49] Саидов И.М. Предание-легенда гуннов (гуной) и вопрос о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 187.

[50] Сигаури И.М. Очерки истории… Т. V. С. 203, 206.

Черным, Азовским морями и Каспием в конце IV в. многочисленные гунны (и булгары) привели на Северный Кавказ с левобережья Дона подвластные им отдельные племена алан. Их дальнейшее пребывание здесь долго не выходило (за редким исключением) за полосу кочевания между средним и верхним течением Кумы.

Политогенез нахов и сармато-алан. В научной литературе высказывали разные мнения о том, как повлияло на судьбы нахов и их объединений появление на Северном Кавказе сарматов, а затем алан и гуннов. Еще раньше в научном сообществе сложилась точка зрения, согласно которой в первые века новой эры процессы становления ранней государственности на Северном Кавказе развивались под внешним влиянием, идущим от античных государств Причерноморья, а также закавказских государств[51]. При этом нахи, вытесняемые в горные районы, оказались обречены на «варваризацию».

Между тем, появление сарматов, нарушив существовавший прежде этнический и политический баланс сил, в конечном итоге могло привести к формированию многонациональных племенных объединений, которые развивались по пути образования протогосударственных объединений.

Нахское население Центрального и Северо-Восточного Кавказа, которое не исчезло и никуда не делось с приходом сарматов и алан, неминуемо должно было быть вовлечено в процесс формирования новых политических объединений. И судя по той выдающейся роли, которую играли, например, нахи-хоны в политической жизни Кавказа первых веков нашей эры – нахам объективно принадлежала важная роль в процессах политогенеза и на Северном Кавказе. Вместе с тем, в силу сложившихся обстоятельств отдельные части нахской этноязыковой общности возможно были интегрированы в разные (в том числе и по уровню развития) ранние государственные образования, благодаря чему они плохо различимы за собирательными терминами сарматы и аланы.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения, согласно которой катакомбные захоронения главным образом Центрального Предкавказья в первую очередь являются признаком социальной стратификации общества[52]. В первой половине I тыс. н.э. мужские и женские привилегированные захоронения известны по всему Центральному Предкавказью, однако самые престижные, «княжеские» – Клин-Яр-3, Лермонтовская Скала-2, Брут, Былым-Кудинетово и Былым-Озоруково – известны пока в Пятигорье, Кабардино-Балкарии и Осетии. Возможно, их распространение отражает географию формирования новых центров власти и становления т.н. «варварских» королевств[53].

Знаменательно, что примерно в середине III в. на Северном Кавказе широкое распространение получают подделки (подражания) римских денариев, чеканку ко-

[51] Гумба Г.Д. Нахи… С. 440–441; Сигаури И.М. Очерки истории… Т. V. С. 151.

[52] Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижение ираноязычных племен). Автореф. дисс. …. док. ист. наук. М., 1988. С. 17.

[53] Мастыкова А.В. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М., Магнитогорск – Новосибирск, 2008. С. 152.

торых часть исследователей приписывает северокавказским народам. Ареал распространения поддельных денариев простирается от Черноморского побережья до территории Чечни на востоке, Грузии на юге и Подонья на севере[54].

Широкое хождение таких монет указывает на определенный уровень развития товарно-денежных отношений в областях, населенных абхазо-адыгами, нахами и сармато-аланами. Напомним, что античные источники прямо указывают на наличие «царей» уже во главе сиракского и аорсского объединений сарматов. Доминирование позже алан (асов) практически ничего не изменило в этом смысле. Только на месте сираков появилось объединение асов, которых традиционно рассматривают как часть аланского этноса («западные аланы»). Так, в VI в. во главе западных алан стоял царь Сарозий (Сарой), дружественный Византии, а в VII в. – царь Итаз. Возможно, о наличии нахского этнического элемента в составе «западных алан» говорит само имя Сарозий (Сарой), происхождение которого можно связать с шумерским **suru** «жрец», хурритским **šarri** «царь», пранахским ***ʒor**: бацбийское *зора* «храбрый, мужественный, отважный» и нахским именем собственным Зора/Зорра[55].

В имеющихся раннесредневековых письменных источниках содержится мало сведений о социальной организации северокавказских алан, но наличие у них царской власти, группирующейся вокруг царя знати и военных дружин, – не вызывает сомнений (хотя все это протекало в рамках Гуннского союза). Возможно, одним из внешних атрибутов принадлежности к царской дружине служили амулеты в виде коня и всадника, сравнительно редко встречающиеся в погребениях раннесредневековых алан[56].

В то же время нахи, населявшие в это время северные и южные склоны Большого Кавказа, частью оказались интегрированы в грузинскую, албанскую и армянскую государственность, а частью состояли в самостоятельных государственных образованиях, политическое доминирование в которых первоначально принадлежало хонам, а затем перешло к цанарам.

Вторжение кочевых орд гуннов в Северное Причерноморье и в Прикаспий в 70-х годах IV в. явилось событием, которое ознаменовало начало нового этапа в истории Восточной Европы и Северного Кавказа. Сарматское политическое преобладание в волго-донских степях пало еще раньше, в середине III в., под ударами готов и союзных с ними племен, но в этнокультурном отношении сармато-аланские объединения продолжали, видимо, оставаться главной силой в этом районе вплоть до указанного гуннского нашествия. Гуннское вторжение резко оборвало развитие этих объединений и привело к созданию совершенно новой этнической ситуации в Восточной Европе и Предкавказье[57]. Достаточно указать, что именно с гуннами большинство исследователей связывает начало массового расселения здесь тюркоязычных племен.

[54] Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 194.

[55] Сигаури И.М. К истокам… Т. II. С. 574.

[56] Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 120.

[57] Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 81–82.

Нахи и проблема этногенеза осетин. Ряд осетинских исследователей выдвигают и поддерживают гипотезу об этноязыковом единстве скифов, сарматов, алан и асов, что позволяет отнести начальную стадию этногенеза современных осетин к VII в. до н.э. и одновременно представить кочевые племена в качестве полноправных носителей кобанской культуры на позднем ее этапе. При этом проникновение савроматов/сарматов, а затем и алан представляется как продолжение процесса вытеснения оседлого земледельческого населения с северокавказских равнин, начатого якобы еще скифами. Однако большинство исследователей начисто отвергают такую постановку вопроса, не говоря о выводах.

Более того, не вызывает сомнения наличие на Центральном Кавказе достаточно сильного нахского объединения, благодаря которому на протяжении почти 700 лет – от нашествия скифов в VII в. до н.э. до рубежа новой эры, кочевые племена севера не смогли совершить каких-либо нашествий на Южный Кавказ, кроме как эпизодических. Что касается временного появления тех или иных ираноязычных групп населения в предгорьях Центрального Кавказа, то его следует отнести к первым векам нашей эры.

В легендарных сказаниях чеченцев и ингушей в качестве первоначальных мест поселения их далеких предков после прибытия с юга указываются западные районы Центрального Кавказа, а именно долина р. Баксан в Кабардино-Балкарии и местность Татартуп на левом берегу Терека в Северной Осетии. Татартуп упоминается в нахском (нарт-остхойском) и осетинском вариантах нартского эпоса, а также в грузинской версии нартиады («Давай поклянемся по-нашему, в дальней крепости Татартупи»). Согласно чечено-ингушским сказаниям, нарты-орстхойцы погибли у Татартупа[58]. На месте Татартупа когда-то существовало «древнее христианское святилище, … разрушенное потом татарами, название которого было забыто»[59]. По всей вероятности, христианская церковь здесь была основана на месте древнего языческого святилища, что может подтверждаться тем, что в прошлом это место почиталось и мусульманами кабардинцами[60].

Татартуп был расположен вблизи Эльхотовской дороги, с древнейших времен имевшей важное военно-стратегическое значение. Здесь, на перекрестке трех дорог, находилась крепость, защищавшая подступы к Дарьяльскому перевалу, о чем свидетельствуют боевые башни, сохранявшиеся здесь вплоть до недавнего времени. Об этом говорит и само название Эльхоти, которое, возможно, переводится с нахских языков как «Стража окраины (удаленного места)» – Эл-хьа-ти. Эльхотовская дорога была известна в прошлом еще и как Теснина Аргов, или Ущелье аргов, а арги относятся к одному из нахских племен, населявших ранее территорию от Нальчика до Грозного[61].

[58] Дзиццойти Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992. С. 87–88.

[59] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. (Словарь географических терминов). Орджоникидзе, 1975. С. 508.

[60] Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 73.

[61] Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 148–149.

Предания и легенды о происхождении нахов и осетин. В связи с этим приобретают особое значение предания, сохранившиеся у ныне населяющих данную территорию осетин – потомков по языку пришлых ираноязычных кочевых племен. Ведь если картина, воссоздаваемая на основе этногенетических преданий нахских народов, верна, то вполне вероятно, что отголоски отраженных в ней событий могут проявиться и в осетинских сказаниях. И действительно, в сохранившемся до наших дней богатом фольклоре осетинского народа мы находим предания, подтверждающие предания чеченцев и ингушей.

Согласно этим рассказам, предки осетин застали территорию Центрального Кавказа густо заселенной автохтонными племенами, и жилища пришельцев в то время «соседили с поселениями других, более ранних, иноплеменных родовых групп»[62]. В преданиях сохранились также и названия этих народов. Помимо вышеупомянутого *малхи* (*махли*), которым ираноязычные племена называли нахские племена Центрального Кавказа в I тыс. до н.э., кавказоведы к вайнахскому (чечено-ингушскому) этносу относят также народ арги, проживавший, судя по данным топонимики, практически по всей территории Центрального Кавказа[63].

В нагорной части нынешней Северной и Южной Осетии, как сообщают осетинские предания, до водворения туда осетин жил народ царциаты, или царцаты (единственное число – царца). Царциаты были воинами-богатырями, занимались земледелием, скотоводством и металлургией[64]. Согласно сказаниям, древние памятники материальной культуры на территории Осетии (развалины древних поселений с фундаментами и стенами домов из тесаных камней и плотно утрамбованными правильными улицами, склепы, крепости, башни и т.д.) являются наследием, оставшимся от царциатов, населявших эти места до осетин и затем внезапно исчезнувших. Древние кладбища, называемые в народе «царциатские могилы», сохранились почти во всех горных селениях Северной и Южной Осетии (Дагом, Цей, Цамат, Нузал, Ерцо, Цона и др.)[65].

Отмечая, что слово царциаты не поддается этимологическому объяснению средствами осетинского языка, Б.А. Калоев допускает, «что таким именем в народных преданиях называется какое-то аланское племя, погибшее в период монгольского нашествия»[66]. Доказательством того, что «территория Трусовского ущелья была заселена аланами-осетинами задолго до монгольского нашествия», Б.А. Калоев приводит наличие в этих местах кладбища царциатов[67], из чего можно сделать вывод о том, что он отождествляет царциатов, алан и осетин.

[62] Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 25.

[63] Кузнецов В.А. Очерки истории... С. 148–149.

[64] Чурсин Г.Ф. Осетины (этнографический очерк) // Труды Закавказской научной ассоциации. Серия 1. Вып. 1. Юго-Осетия. Тифлис, 1925. С. 75.

[65] Пчелина Е.Г. Краткий историко-археологический очерк Ирон-Хусар (Южной Осетии) // Труды Закавказской научной ассоциации. Серия 1. Вып. 1. Юго-Осетия. Тифлис, 1925. С. 234–250; Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1938. С. 46; Калоев Б.А. Осетины. М., 1967. С. 80, 98.

[66] Калоев Б.А. Осетины... С. 80.

[67] Калоев Б.А. Осетины... С. 112.

Еще в начале XX в. Е.Г. Пчелина на основе полевых исследований и всестороннего анализа собранных этнографических и фольклорных данных отождествила царциатов с вайнахами и сопоставила имя царциаты (царца) с именами цанар, цан, цов. «Название (цанар) цан, цов, – писала Е.Г. Пчелина, – обозначает тушин, говорящих на своем древнем чеченском языке, и можно сказать, что предки тушин занимали те места, где теперь живут ироны-хусары. Иначе говоря, арианизированные яфетиты вытеснили чисто яфетическое племя чеченской ветви»[68]. Напомним, что ущелья от левого берега верхнего бассейна Терека изначально, с древних времен, заселены нахскими племенами, известными под общим названием двалы. И что именно нахские племена являются кавказским субстратом современных осетин[69].

В пользу версии Е.Г. Пчелиной служит тот факт, что многие названия местностей, в которых находятся царциатские кладбища (Цей, Цамат, Цейс, Цона, Ерцо и др.), стоят в одном ряду с именами святилищ, посвященных нахскому божеству Ца (Циу, Циов). Обращает на себя внимание факт, что имя нахского божества Ца/Циу/Цов составляет основу множества топонимов, соответствующих местам, в которых в древности были расположены нахские святилища, причем не только на территории нынешней Чечни и Ингушетии (ЦIунакорта, Цой Пхьада, Цей, ГурметцIу и др.), но и далеко за их пределами. Имя верховного божества осетинского языческого пантеона Хуцау (бог богов – единый творец земли, мать земли, небожитель, невидимое божество) В.И. Абаев уверенно связывает с кавказским субстратом[70]. Имя осетинского божества Хуцау является производным от имени нахского божества Ца/Цу/Цов, означающего бог огня (очага)[71]. К нахскому божеству ЦIу восходит также и имя осетинского бога урожая, небесного грома и молнии Уацилла, где компонент цилла сближается с названием одного из священных дней у вайнахов, имеющего непосредственное отношение к божеству ЦIу и сохранившегося в древней нахской семидице: «ЦIулла (цIу + алла < огонь) – название дня на четвертый день вперед»[72]. Поэтому представляется вполне допустимым видеть в основе этнонима царциати имя нахского божества ца (циу).

Впрочем, возможно, стоит согласиться с уже высказанным в научных кругах мнением, что имя царциаты осетинских преданий является осетинской передачей термина дурдзуки (дзардза), исходя из фонетических и грамматических норм осетинского языка («ц» вместо нахского «дз», получаем дзардза – царца-тие).

Заслуживает внимания также высказанное различными исследователями предположение, что происхождение этнонима *ирон* связано с нахским названием осе-

[68] Пчелина Е.Г. Краткий... С. 237.

[69] Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961 и др.

[70] Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 208.

[71] Алироев И.Ю. Язык, история и, культура вайнахов. Грозный 1990. С. 147.

[72] Алироев И.Ю. Язык, история... С. 147; Сефербеков Р.И. Верховные боги народов Северного Кавказа. (Сравнительно-сопоставительный анализ общего и особенного // Научная мысль Кавказа. № 1. Ростов н/Д, 2006. С. 74.

тин *хIири*, которое восходит к этнониму heri/эры – названию нахского племени, обычно локализуемого в Закавказье[73].

Осетинские сказания о нартах как об автохтонах Кавказа, которые жили здесь до прихода осетин, также заслуживают серьезного внимания. Они были записаны в 20-е гг. прошлого столетия одним из первых собирателей этнографического и фольклорного материала Кавказа Г.Ф. Чурсиным. Проанализировав осетинские сказания о нартах и царциатах, Г.Ф. Чурсин пришел к выводу, что царциаты и нарты, возможно, являлись теми автохтонными народами (или одним народом), которые проживали в центральных районах Кавказа до прихода сюда ираноязычных племен: «…Имея в виду, что, с одной стороны, по народным сказаниям, осетинам предшествовали нарты, с другой – на занимаемой осетинами территории раньше жили царциаты, что и те и другие погибли чудесным образом, можно допустить, что царциата и нарты, если не один и тот же народ, то два народа, жившие одновременно на территории нынешней Осетии»[74].

Еще одно свидетельство пришлого характера ираноязычных предков осетин и ассимиляции ими коренного населения Центрального Кавказа содержат в себе генеалогические предания осетин. Как отмечают исследователи, «идея синтеза пришлых осетин … с местными автохтонными племенами содержится в родословии всех феодалов Осетии»[75].

При этом обращает на себя внимание тот факт, что, согласно генеалогическим преданиям осетин, многие осетинские родоплеменные группы (фамилии) ведут свое происхождение не из степей Евразии, как следовало бы ожидать, а из районов Южного Кавказа. Так, легендарные Дигор, Тага и Курта – родоначальники дигорского, тагаурского и куртатинского родоплеменных обществ осетин, являются выходцами с Южного Кавказа, а по некоторым преданиям – из Армении. В сказании о происхождении тагаурцев говорится, что бежавший из Армении Тагаур прибыл в «нынешний Аллагир и в местечке Курта построил себе дом; остатки этого дома и поныне сохранились … в Куртах и теперь еще стоят два железных косяка от дверей дома Тагаурова»[76]. По другому преданию, Тагаур «бежал из Армении в Абхазию, откуда перешел в Осетию – Уалагир; отсюда он вскоре переселился в ущелье Куртатинское, где основал селение Уаласих, развалины которого можно видеть и ныне»[77].

В пользу того, что ираноязычные племена в горных районах Центрального Кавказа встретили в качестве автохтонных племен именно вайнахов, свидетельствует также факт проживания последних в этих местах вплоть до позднего средневековья. Сведения об этом сохранились в ряде осетинских преданий, записанных в конце XIX – начале XX вв., на что обратили внимание многие ученые. В частности, Л.П. Семенов отметил, что «существует осетинское предание о том, что ингуши некогда

[73] Сигаури И.М. Очерки истории... Т. V. С. 193.

[74] Чурсин Г.Ф. Осетины... С. 75.

[75] Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания... С. 24–25.

[76] Предание о происхождении тагаурцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 35.

[77] Терские ведомости. 1889. № 62 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 4. Цхинвали, 1989. С. 323–324.

жили в Куртатинском и Даргавском ущельях», что соответствует также ингушским преданиям, согласно которым «Санибское ущелье (в Осетии)… считается родиной ингушских нартов и самих ингушей». Об этом же писал и В.Х. Тменов: «Предания о пребывании ингушей в Тагаурии (в Санибском ущелье) и последующем вытеснении их отсюда в 1926 г. засвидетельствовал Г.А. Кокиев, которому местные жители даже показывали ряд склепов башенного типа, расположенных по левую сторону дороги между Верхней и Нижней Саниба, называемых ими «ингушскими»[78].

Естественно, речь в подобных преданиях идет о коренном нахском населении Тагаурии, а не о современных ингушах – предками ингушей (сам этноним ингуши впервые появился в XVIII в.) являются жители общества Галгай в глухих ущельях Бокового хребта Кавказа у истоков р. Ассы и фяппинцы, близкие к нахскому кластеру Закавказья, чьи общества располагались на р. Армхи – правом притоке верхнего Терека[79]. Для современных осетин, идентифицирующих себя как ираноязычный народ, нахская терминология на территории своего проживания естественно будет связываться с ближайшими соседями.

Все сказанное выше позволяет довольно уверенно предположить, что ираноязычные кочевники не могли проникнуть в горы Центрального Кавказ в эпоху античности и раннего средневековья – это произойдет после монгольского нашествия и походов завоевателя Тамерлана в период XIII–XIV вв. Приведенный фольклорный и лингвистический материал является еще одним тому подтверждением.

Выводы. Гибель Урарту и связанная с ней массовая миграция хуррито-урарто-нахского населения в области Центрального Кавказа и Восточного Закавказья, видимо, послужили серьезным импульсом к ускорению процессов политогенеза на этих территориях. В частности, произошло становление кавказско-албанской государственности. Вместе с тем, немигрировавшее кавказоязычное население оказалось интегрировано во вновь образовавшиеся государственные образования, в том числе в Мидийское и Армянское царства.

В тот же период северокавказские нахи, буквально заслонившие Закавказье от продолжения скифских набегов, пытаются взаимодействовать со степью и, с опорой на созданную единую систему укреплений-городищ по предгорьям Большого Кавказа продвигаются к северу, в степи. Нормализация отношений с сарматскими племенными союзами сказалась позже во взаимоотношениях горцев-нахов с аланами и создало условия для этногенеза в будущем единственного на Северном Кавказе ираноязычного народа – осетин.

[78] Тменов В.Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С.124.

[79] Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзудзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской республики. №2 (31), 2016. С. 20-30.

Глава IX.

НАХОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ КАВКАЗА В ИСТОЧНИКАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ (конец IV–VI вв.)

§1. Кавказские темы в позднеантичных источниках

Новация позднеантичной римской литературы после великого описателя народов и стран Земли Страбона (ок. 63 г. до н.э. – 24 г. н.э.) и Клавдия Птолемея (90–160-е гг.), автора капитального труда «География (Руководство к географии)», заключалась в том, что при составлении очерков римской истории непременно включалась в числе прочих кавказская и причерноморская тематика. Так, автор второй половины IV в. Евтропий, следуя традиции Плутарха, Тацита, Аппиана, Диона Кассия и др., напоминал о подвигах Помпея (I в. до н.э.), победившего на Кавказе албанского царя Орода и иберского (картлийского) царя Артока, о походах Домициана против сарматов на дунайском направлении, о войнах на Востоке императора Траяна (98–117 гг.), отбросившего парфян и давшего (вассального) царя албанам, а также принявшего в римское подданство царей иберов и сарматов[1]. Как мы помним, общества нахской этногруппы южных склонов Большого Кавказа и бассейна Куры и Алазани занимали немалое место в регионе, а иберские (картлийские) цари, как и армянские, имели на них определенные виды, потому подобные известия античных авторов представляют интерес и для нашей темы.

Кавказские народы теперь обязательно включаются в различные римские землеописания, при этом порой выдавались и любопытные этнолингвистические сюжеты. Так, Руфий Авиен (вторая половина IV в. н.э.) писал: «здесь (на Кавказе. – Авт.) живут суровые иберы: они, будучи некогда изгнаны с Пиренского (Пиренейский полуостров в римскую эпоху назывался Иберией. – Авт.) побережья, заняли земли восточной страны …». Впрочем, Авиен там же заявляет, что «зиги» – зихи (адыги) это потомки древних пеласгов, а причерноморские колхи (жители Колхиды) – изгнанники из Египта, и т.д.[2]

Отсутствие алан на Северном Кавказе в первые века н.э. Подобные авторы не упоминают на Кавказе собственно алан, которые, если верить современной литературе, должны были получить к тому времени определенную известность. Эту ситуацию попытался объяснить для себя известный аланист С.М. Перевалов: «Исторические источники содержат сведения о ранних аланах и в других местах, которые я пропускаю из-за неясного или неисторического контекста… Вывод,

[1] Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. Патракова В.В., Черноус. В.В. Ростов н/Д, 1990. С. 362–363.

[2] Там же. С. 366.

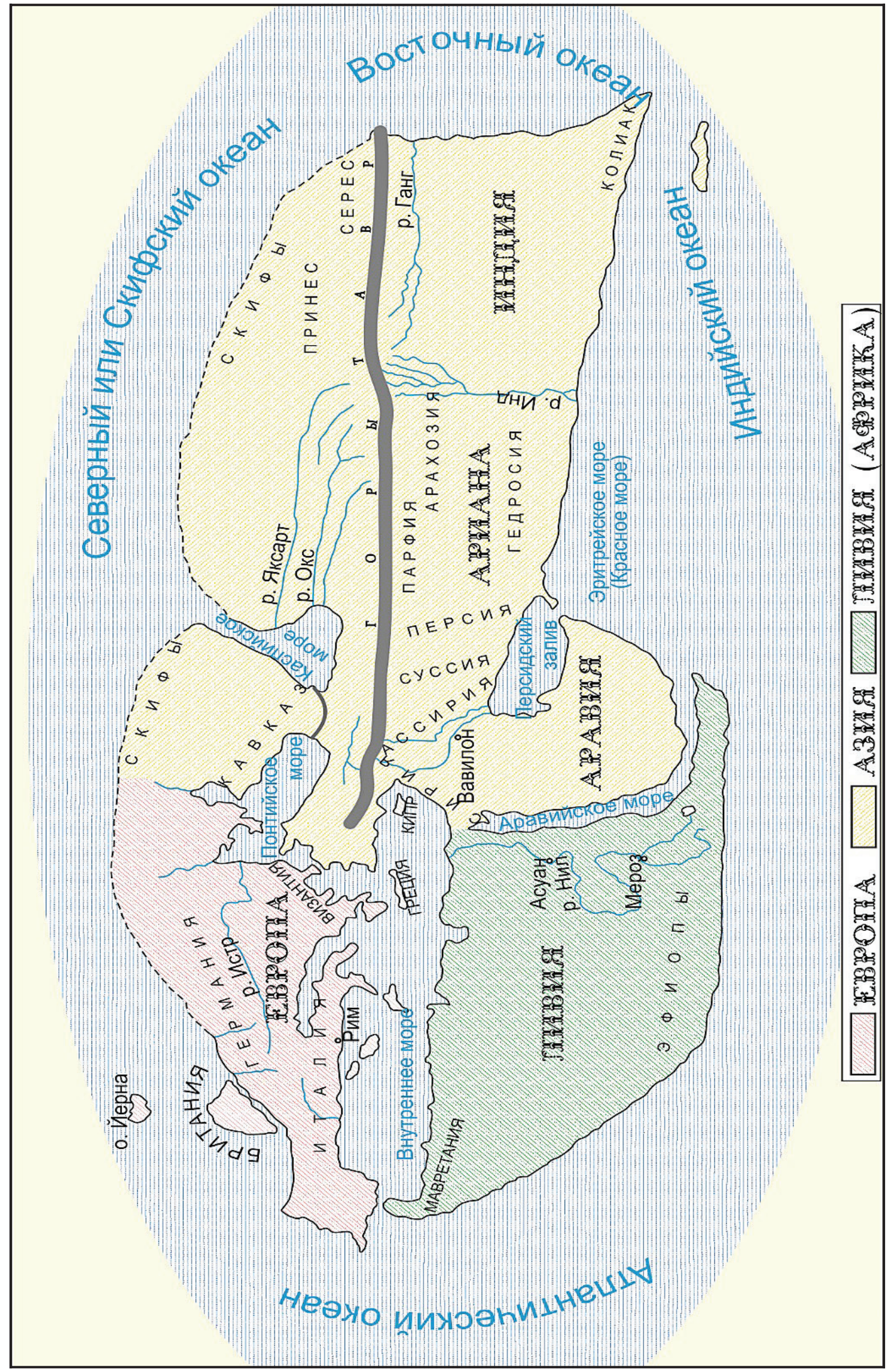

Рис. 30. Карта мира по Страбону, составленная в средние века (Erdkarte nach Strabo)

который напрашивается в результате всего обзора, сводится к тому, что аланы не составляли компактного единства, не занимали сплошную территорию «от Арала до Дуная», а располагались разрозненными и автономными группами в разных местах евразийского континента»[3].

В качестве авторской ремарки отметим, что алан, как и ранее сарматов, на Северном Кавказе (за неявным исключением, быть может, полосы по Кубани и предположительного использования неких узких коридоров кочевания из предкавказских степей к Кисловодской котловине) ранее конца IV в. н.э. здесь не существовало, а ранние, якобы, упоминания «алан» на Кавказе в римских источниках, как выясняется все чаще, принадлежат к новациям поздних переписчиков, путавших их зачастую с албанами.

«Аланские (Албанские) ворота» иранских эпиграфических памятников. Затронутый вопрос заставляет остановиться еще на одном предположительном упоминании алан на Кавказе, хотя речь идет не о латиноязычном тексте, а эпиграфическом источнике иранского происхождения – надписи великого сасанидского (династия правила в Иране с 226 г.) шахиншаха Шапура I (240/243–273 гг.) о своих завоеваниях на стенах зороастрийского храма «Кааба Заратушт» в Иране. Датируется надпись 262 г. и составлена на трех языках: среднеперсидском, арамейском и греческом. Так, в первом варианте перевода текста на русский язык ирановеда В.Г. Луконина (1969 г.) кавказское «направление» обрисовано следующим образом: «…я господин Ираншахра и владею следующими шахрами (страна, царство. – Авт.): …Армения, Грузия (греч. Иберия), Махелония, Албания, Баласакан и дальше, вплоть до гор Кап (Кавказ) и «Албанских ворот»…»[4].

Данный текст как бы подтверждает превращение Армении и Иберии в вассальные территории Ирана, царствующая династия которого, как известно, исторически боролась с другим мощным претендентом на Кавказ – Римской империей. Указание на «Албанские ворота» в данном контексте означает либо Каспийский (Албанский) проход между горами Северо-Восточного Кавказа и морем, либо менее известный горный проход между Албанией и Иберией по р. Алазани.

В посмертном издании трудов М.Г. Луконина (1987 г.) данный фрагмент выглядит уже следующим образом: «…Я господин Ираншахра. И владею я шахрами (страны. – Авт.): …Арменией, Вршаном (греч. Иберия), Сиканом (здесь М.Г. Луконин использовал иранское название области вместо греческого Махелония. – Авт.), Арданом (греч. Албания), Баласаканом, вплоть до гор Кап и Аланского прохода…»[5]. Как видим, здесь речь идет об «Аланском проходе», что как бы показывает на Дарьяльскую дорогу от Мцхета на Северный Кавказ (слева и справа от которой располагались горские племена – носители нахских языков). Развивая мысль, можно предположить, что такое название проход логично мог получить

[3] Перевалов С.М. Аланы: мираж кочевой империи // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 14. № 2. 2014. С. 7.

[4] Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 126.

[5] Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры / Сост. Луконина Г.Е., Зеймаль Е.В. М., 1987. С. 218–219.

в результате одного крупного набега кочевых аланских племен с севера в Закавказье (против Парфии и Армении) в 136 г. Также, как после набега сарматов в 35 и 72 гг., античные писатели – по крайней мере, Птолемей, именовали данный проход «Сарматскими воротами». В традициях того времени это никак не означало, что указанные «ворота» принадлежат сарматам или аланам. Так отмечалось отличие от другого пути – Каспийского или Албанского прохода, либо подчеркивали оборонительный характер укрепления от северных кочевников: «ворота (от) сарматов», «ворота (от) аланов» и т.д.

Албанский вариант. Алановед С.М. Перевалов, как мы уже упоминали, дал свое объяснение особенностям указанной надписи: «…Греческий текст сильно фрагментирован и приходится обращаться к другим, лучше сохранившимся вариантам. В среднеперсидской надписи на месте «ворот аланов» лакуна, греческая [надпись] повреждена…, парфянская (среднеперсидская. – Авт.) дает *'l'nn TROA*, где *'l=r*, и в принципе может давать как чтение Alan, так и Ar(r)an, т.е. «аланские» либо «арранские/албанские» ворота…». Причем автор считает «аланский» вариант предпочтительным[6].

Нам же представляется предпочтительным и, главное, доказательным «албанский» вариант. Тем более что в надписях современника того же Шапура – верховного зороастрийского жреца Ирана Катира (составлены в середине – конце 80-х гг. III в. на среднеперсидском языке и не повреждены) о его деятельности на завоеванных Шапуром территориях четко и недвусмысленно назван именно «Албанский проход». И эта надпись приведена, кстати, в посмертном издании труда того же В.Г. Луконина[7].

Требует внимания и другой сюжет в данных текстах Шапура, связанный с разными чтениями греческих и персидских названий провинций, завоеванных великим шахом, в частности Махелония и Сикан. Так, в отношении Махелонии, упоминаемой как в районе Восточного Причерноморья и, по авторитетному мнению С.Т. Еремяна, имевшей этногеографические аналогии на Восточном Кавказе в Прикаспии («две Махелонии»), с недавнего времени неожиданно стали говорить в связи с некими фантазийными «древнеингушскими царствами».[8] Представляется, что сюжет, связанный с упоминанием Махелонии в греческом тексте Кааба Заратушт/Зарадушт Шапура I и приобретающий ныне скандально-комические черты в части горской историографии, давно получил свое законченное освещение в той же статье Б.С. Еремяна, выпущенной в 1967 г.[9]

Востоковед Т.М. Айтберов вообще полагает, что персы подразумевали под греческим названием Махелония собственно известную им область Сикан/Сакасена/Шакашен (ныне район Шаки/Щеки в Азербайджане)[10], в средние века вхо-

[6] Перевалов С.М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник Владикавказского научного центра. Т.1. № 1. 2011. С. 5–6.

[7] Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран… С. 219–220.

[8] См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 129; История Ингушетии. Магас, 2011. С. 65–66; и др.

[9] Еремян С.Т. Страна «Махелония»надписи Кааба а-Зардушт» // Вестник древней истории. № 4. 1967. С. 47–59.

[10] Айтберов Тимур. Военно-административные центры на Восточном Кавка-

дившую в Эрети (позже Кахо-Эретское царство) и имевшую автохтонное горское население нахской либо нахо-дагестанской языковой группы.

Пейтингеровы таблицы (римские дорожные карты). Заканчивая сюжет, связанный с Закавказьем на закате античной эпохи, нельзя не затронуть и вопрос о т.н. Пейтингеровых (Певтингеровы) таблицах, восходящих к дорожной имперской карте Агриппы, предположительно созданной в правление Октавиана Августа (с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э.). Указанная карта дополнялась минимум до конца IV в., а дошедшая до наших дней копия была снята в Германии в XIII в. Исследователь С.Н. Муравьев перевел и описал указанные материалы в части дорог античной Восточной Грузии по «Tabula Peutingeriana» и «Космографии» Равеннского анонима (VII в.).

Оказалось, римляне античного времени знали торговые пути, соединяющие армянские торговые города с торговыми пунктами Восточной и Западной Грузии, вплоть до указания «станций» (небольших населенных пунктов), в т.ч. от Мцхеты до Аннанури на севере и расстояний между ними. Известным для них оказался и путь по ущельям Арагви и Терека на север: «… до Ананури, а оттуда столько же в гору вдоль реки до Арагуете (крепости у самих Кавказских ворот, за которыми обитают скифские племена двалов)»[11]. Здесь, вероятно, имеются в виду укрепления античного времени на р. Арагви в районе Жинвали, закрывавшие проход с севера на южный участкок дороги до Мцхеты, и располагавшиеся северо-западнее Жинвали, по ущельям Кавказского хребта к западу от Дарьяла, «скифские» (т.е. варварские) племена двалов (нахо-горские предки современных осетин).

Аммиан Марцеллин и сармато-гуннское направление. Самым значительным историком Римской империи эпохи ее заката считается воин и чиновник Аммиан Марцеллин (333–391 гг.), автор значительного труда «Деяния» в 31 томах. Он хорошо знал для своего времени как западные, так и восточные провинции империи, потому выступал не только как компилятор предыдущих трудов, но и как очевидец. В целом ряде своих книг он неоднократно касался Востока, Кавказа, готов, гуннов, сарматов и алан[12].

Постараемся изложить ниже самые характерные и близкие к нашей теме сюжеты из Аммиана Марцеллина. Они касаются как сарматского, так и персидско-кавказского направления на Востоке, весьма актуального для римлян в середине и второй половине IV в. Так, римская армия во главе с императором Констанцием, обеспокоенным набегами Сарматского союза (располагавшегося между Дунаем

зе: в легендарную эпоху, при Аршакидах и при Сасанидах: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazavat.ru›history3.php? art=517&rub=9 (Дата обращения 14.10.2018).

[11] Муравьев С.Н. От Сурами до Цнори: дороги античной Восточной Грузии по *Tabula Peutingeriana* и *Космографии* Равеннского анонима // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ. Сборник научных статей памяти А. А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 74.

[12] Марцеллин Аммиан. Римская история. Электронный вариант русского издания сочинения Аммиана Марцеллина в пер. с лат. Кулаковского и Сонни (Киев, 1906–1908, вып. 1–3): [Электронный ресурс]. URL: http://www.royallib.com›Untitled›martsellin_ammian… (дата обращения 14.10.2018); Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. № 4. 1949. С. 232–234; Дон и Кавказ в произведениях античных авторов. С. 368–388.

и Доном), выступила против сарматов и их союзников – германоязычных племен. В 357–358 гг. римляне нанесли варварам такие удары, что: «Опасаясь на основании прошлых бедствий ужасов в будущем, они решили униженно просить мира и, будучи уверены в помиловании, явились, чтобы предстать перед императором, который в подобных случаях проявлял большую снисходительность».

С рыданием и плачем «цари» (военные вожди) сарматов, знать и весь народ, бросая оружие и падая ниц, вымолили прощение и были приняты на службу в качестве федератов с переселением их в римские пределы. Вскоре многочисленные орды сарматов и прочих варваров резко нарушили соглашения, и тревога за свои владения на Дунае и во Фракии подвигла римлян провести жесточайшую резню сарматов, включая женщин и детей, как на правом, так и на левом берегах Дуная. Сарматы, сражавшиеся с римлянами с высочайшей храбростью под кличем «Марра, марра (смерть. – Авт.) ...», подверглись беспощадному избиению. В 359 г. восставшие в очередной раз против обременительных римских порядков сарматы и их союзники подверглись еще более кровавому уничтожению[13]. Этот римский геноцид резко ослабил силы сарматов, а также их союзников алан, готов и германских племен (как, собственно, и самих римлян на дунайской границе) накануне ставшей общей для всех величайшей гуннской опасности.

Марцеллин и иранско-кавказское направление римской политики. Разбив варварские племена в дунайском регионе, Римская империя обращает теперь свое внимание опять-таки не на усиливающихся гуннов, а на границу по Евфрату, за которой Персия под правлением царей Сасанидов вела курс на имперскую централизацию и внешние захваты. В 360–361 гг., согласно Аммиану Марцеллину, римляне в борьбе с Ираном попытались заручиться политическим расположением буферных государственных образований на Кавказе. «А прежде всего старались купить великолепными одеждами и разнообразными дарами Арсака и Мерибона, царей Армении и Иверии, которые могли причинить вред римскому делу, если бы при тогдашних сомнительных обстоятельствах переметнулись на сторону персов»[14].

Раздел Иберии (Картли). Как бы то ни было, противоборство Рима и Сасанидов проходило при все возрастающем усилении Персии, свидетельством чего являлось и признание Римом фактического разделения Иберии по течению Куры, произведенного Сасанидами в конце 60-х гг. IV в. Согласно Аммиану, произошло «разделение Иверии на две части течением реки Куры с предоставлением Савромаку (ставленник Рима. – Авт.) областей, пограничных с армянами и лазами, а Аспакуру – земель, соседних с Албанией и персами»[15]. Следовательно, сторонник Сасанидов Аспакуру досталось (к северу от Куры) также влияние и на ущелья Главного Кавказского хребта, где проживали «варварские» племена нахской языковой группы.

В 374–375 гг. император Валентиан, по данным Аммиана, вступил в очередной спор с Шапуром II – царем Персии, по поводу Армении и Иберии и начал

[13] Марцеллин Аммиан. Римская история (электронный вариант). С. 134–142, 181–182.
[14] Там же. С. 222.
[15] Там же. С. 401, 404.

готовиться к походу на Восток, спешно нанимая в армию даже «скифов» (скорее всего, сарматы и другие варвары)[16]. Однако его намерения были опрокинуты массовым вторжением готов и сарматов в пределы империи, вызванным, в свою очередь, движением с востока бесчисленных гуннских орд.

Конец античности и наступление эпохи раннего средневековья. Большая часть историков относят конец античной эпохи к второй половине V в. (падение Западной Римской империи). Продолжалось эпохальное время раннего средневековья до конца XI в. (в то время как эпоху позднего феодализма в науке все чаще относят к XII–XV вв., а то и более позднему времени). Вместе с тем, медиевисты говорят и о некоторой рубежности VII столетия в эпоху раннего средневековья в связи с образованием новой великой мировой державы на трех континентах – Арабского халифата.

Эпохальный кризис Западной Римской империи и ее падение (в 410 г. первое падение Рима; в 476 г. последний император Ромул Августул отрекся от трона) в ходе такого явления, как «Великое переселение народов», привели к тому, что большая часть Средиземноморья и Западная Европа в целом превращаются в поле военного противоборства различных варварских королевств, народов и племен – наступает время «темных веков». Многократно сокращается население цивилизованных районов и производство сельскохозяйственных культур, что было связано, кстати, и с глобальным похолоданием, протекавшим в течение нескольких веков. Тогда же, с заполнением Северного Причерноморья новыми кочевыми ордами и упадком здесь городов-колоний античной цивилизации, сокращается интерес и возможность доступа к информации о Кавказе представителей римского мира.

Согласно верному наблюдению известного исследователя А.В. Гадло, регион Средиземноморья «живет в этот период (раннее средневековье – Авт.) в основном теми представлениями, которые сформировались в предшествующие столетия»[17]. Это проявляется, к примеру, в наименовании лесостепной зоны Восточной Европы (от Балтики до Черного моря и Кавказа и от Дуная до Каспия, Урала и Средней Азии) географическим определением «Скифия» (Великая, Малая и т.д.), либо «Сарматия» (Азиатская, Европейская и пр.). И это пришлось на тот момент, когда указанные этнополитические образования перестали существовать. Тем не менее «Скифия» в качестве этнонима «…широко применялось (наряду с «Сарматией» – Авт.) ко всем северным варварам, независимо от того, были они кочевниками или крестьянами, говорили на германском языке, иранском или любом другом… Вызванные им ассоциации должны были определить отношение к варварам»[18].

Новации в источниковедении и историографии раннего средневековья. С падением Римской империи складывается новый культурный и политический центр Средиземноморья – Восточная Римская империя (Византия), а античная литература на стыке эпохи раннего средневековья получает свое продолжение.

[16] Там же. С. 467–469.
[17] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979. С. 8.
[18] Менхен-Хельфен Отто. История и культура гуннов. М., 2014. С. 11.

Где-то в первой половине VI в., на рубеже двух эпох, Иордан напишет труд «О происхождении и деяниях гетов» / «Гетика»), к середине VI в. будет написана история войн Византии с персами и вандалами Прокопия Кесарийского, возникнут описания посольств византийцев к гуннским и тюркским правителями Северного Причерноморья и Предкавказья (Феофилакт Симокатта, Агафий, Менандр Византиец и др.), а живший во второй половине VIII – начале IX вв. Феофан Исповедник составит «Хронографию», охватывающую события в Восточной Римской империи и на ее границах (включая кавказские) с 325 по 776 гг.

Зарождается в раннем средневековье и совершенно новое литературное течение – христианская агиография, пользовавшаяся историческими и географическими сюжетами в т.ч. кавказского плана. Вообще христианская церковь средневековья стала тем институтом, в котором господствовала относительная грамотность и интерес к окружающему миру, т.к. его предстояло христианизировать.

Немалым достижением в источниковедении народов собственно Кавказа можно считать складывание в V–XI вв. своеобразной кавказской традиции историописания и религиозной литературы в рано христианизированных государствах Армении, Албании, Абхазии и Иберии. Достаточно назвать таких авторов, как: Агафангел/Агатангелос, Фавстос Бузанд, Егише/Елише, Мовсес Каганкатваци/Моисей Каланкатуйский, Мовсес Хоренаци/Моисей Хоренский, Ананий Ширакаци, Яков Цуртавели, Ухтанэс, Леонти Мровели, Джуаншер и др. Благодаря им в письменной традиции появилось «обозначение» как горских народов вообще, так и нахоязычных в частности, причем в качестве неких субъектов истории. Можно сказать, что ранее такой подход отсутствовал как данность, подобные «варвары» были объектом истории или географии – не более того.

Совершенно новым для источниковедения Кавказа раннего средневековья явится введение названия региона – страна «Каф/Кабк», провинция «Арминийя» в великую арабскую и арабоязычную историко-географическую литературу VII–XI вв. с обозначением некоей роли закавказских нахов (санаров/цанаров) и описанием степных народов Северного Кавказа – в частности хазар и алан[19].

Весь этот массив необходимо изучить для выявления не только конкретных фактов о нахах Кавказа, но и знания исторического контекста, в котором нахи есть и их можно обнаружить в результате проведения сравнительно-сопоставительного анализа.

[19] См., к примеру: [Караулов Н.А.] Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901; Вып. 31. Тифлис, 1902; Вып. 32. Тифлис, 1903; Вып. 37, 38. Тифлис, 1908; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Шихсаидов А.Р. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата VII–VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьбы народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986; Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003; Нурмагомедов А.М. Дагестан и Арабский халифат в раннем средневековье. Дисс… канд. ист. наук. Махачкала, 2007; и др.

Рис. 31. Карта «Азиатской Сарматии», составленная в средние века по данным Клавдия Птолемея

Проблема гуннов и хонов/хунну и ранних этнонимов в истории народов Кавказа. Исследуя вопрос о появлении гуннов на Северном Кавказе (вместе с покоренной частью алан) и первые века их политической истории, следует в порядке «чистоты опыта» указать на наличие некоторых моментов, требующих объяснения: так, неких «уннов» Прикаспия называет еще к 160 г. н.э. античный автор Дионисий Периэгет[20]. В северо-западной части Каспия после «скифов» (в данном контексте сарматы) «южнее по западному побережью Каспийского моря, следуют унны …, после которых сразу же названы каспии, албаны, кадусии, марды (или амарды), гирканы и тапиры (тапуры)…», причем каспии перепутаны местами с албанами, т.к. они в реальности обитали южнее собственно албанских племен[21].

В раннесредневековых армянских источниках, чьими авторами названы Агафангел/Агатангелос (начало IV в.), Моисей Хоренский /Мовсес Хоренаци (410–490 гг.), Мовсес Каланкатуаци (VII в.) и Ухтанэс (ок. 935–1000 гг.), есть сообщения о ранних выступлениях неких «хонов» (трактуемых порой в литературе как хунны/гунны) против Албании и Армении в период правления армянского царя Хосрова I (217–253 гг.) и его внука Трдата III Великого (287–330 гг.)[22]. В целом речь как бы идет даже об установлении гуннской гегемонии в Причерноморье и Прикаспии задолго до конца IV в.

Исследователь Ю.Р. Джафаров датирует первое упоминание о прохождении некоего гуннского племени через Дербентский проход даже 215/6 г. По крайней мере, в начале первого десятилетия III в. царь Трдат, согласно Мовсесу Хоренаци, не только разгромил в северной части Албании кочевников-«северян», убив «царя барсилов», но и вторгся в «Страну гуннов», где забрал заложников, что позволило ему, якобы, привлекать «гуннов» к борьбе с Ираном[23]. Но труд Мовсеса Хоренаци, как известно, дописывался до XV в., и никакой уверенности в соответствии данных сообщений с реальностью при сравнении с другими источниками нет.

Выясняется, что когда армянский царь Хосров I (Аршакид, родственник свергнутой Сасанидами парфянской династии) выступил против новой правящей фамилии и между 224/225–240 гг. вошел в союз с народами Кавказа к северу от Армении, он «…собрал алванское и иверское войска, открыл врата аланов (Дар и-Алан – букв. «Ворота против алан» – так назывался Дарьяльский проход примерно с 136 гг., когда здесь единственный раз прошло на юг аланское ополчение из Северного Причерноморья. – Авт.) и Чора Пахака (или «Страж Чора», т.н. Албанские ворота – область Дербента. – Авт.), впустил войска гуннов и [стал] совершать набеги на Персию, …». В других вариантах труда Агатенгехоса/Агатенгелос (есть армянская и греческая версии), приведенного А.В. Гадло, гово-

[20] Кавказ и Дон в произведениях античных авторов… С. 304.

[21] Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1993. С. 8.

[22] См. по проблеме «хонов» здесь и далее соответствующие разделы монографии: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016.

[23] См.: Хоренаци Мовсес. История Армении / Пер. Гагика Саркисяна. Ереван, 1990. С.143; Гадло А.В. Указ. соч. С. 43–44; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 13.

рится, во-первых, что Хосров «вывел гуннов из прохода Албании», во-вторых, что он открыл «проходы алан и твердыню, называемую Зуаром (Дзор/Тзор, Чора. – Авт.), чтобы вывести войска гуннов»[24].

На помощь Хосрову пришли также лбины (область Лбин – в последующем Ширван, расположенная на левобережье нижнего течения Куры, граничила с горами и горцами Дагестана в современных границах. – Авт.), чипхи, каспы и другие племена из этих краев (Восточный Кавказ. – Авт.) со множеством отважных и храбрых, хорошо снаряженных всадников». Эти сообщения были записаны Агатангелосом 100 лет спустя после описываемых событий, а, во-вторых, его, как и последующего Фавстоса Бузанда, зачастую упрекают в использовании фольклорных сюжетов и смещении событий[25]. В-третьих, каждое поколение переписчиков и раннесредневековых авторов вписывало свою, знакомую на то время, этнономенклатуру. Ведь если доверять приведенным выше интерпретациям данных, то гунны оперируют на Северном Кавказе и даже в Закавказье задолго до своего «официально» признанного появления в регионе.

Здесь следует попытаться разобраться: так, в контексте тех же событий, в которых Агантагелос упоминает участие «хонов/гуннов» в действиях Трдата II, более поздний Леонти Мровели говорит об участии «овсов, леков и хазар». На деле же, как выясняет исследователь Г.Д. Гумба, речь шла везде об участии в событиях закавказских и северовкавказских горцев, называемых в то время разными этнонимами, включая указанных хоны/хунну[26].

Вооруженное выступление иберов/иверов и албанов на стороне Армении против Сасанидского Ирана по определению предполагало участие «варваров» – горских нахов (т.н. «кавкасианов», находившихся в сфере политического взаимодействия с иберами-картвелами) и горцев Южного Дагестана (сфера влияния Албании). Есть также вопрос в том, не смешивают ли порой многочисленные переписчики события первой половины III в. едва ли не с зеркальной ситуацией 330-х гг. в Закавказье, когда против Армении выступил царь «маскутский» (албанский/алванский?) Санесан, чье владение располагалось на то время по правобережью нижней части течения Куры (где наблюдается и область Лпинк). Фавстос Бузанд (живший в V в.) в контексте сообщения о событии, отдаленном от него почти на 100 лет, с участием маскуто-алванского правителя Санесана, называет «хонов» в связке с известными ему горскими племенами Северо-Восточного Кавказа и Албании: «…Похов, Таваспаров, Хечматаков, Ижмахов, Гатов и Глуаров, Гугаров, Шичбов и Чилбов…». Всех их в современной историографии относят к горцам Северо-Восточного Кавказа и Восточного Закавказья, и из них

[24] Гадло А.В. Указ. соч. С. 32.

[25] См.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959. С. 132; Гадло А.В. Указ. соч. С. 31; Арутюнян Б.А. К вопросу о локализации страны Лпинк // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Сб. статей Т. 1. Ереван, 1991. С. 111; Агатангелос. История Армении / Пер. с древнеарм. К.С. Тер-Давтяна и С.С. Аревшатяна. Ереван, 2004. Ст. 19; и др.

[26] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016. С. 137; и др.

те же гугары/гаргары и чилбы (силбы?) давно известны по ранним античным данным[27].

Известная исследовательница К.В. Тревер полагает, что хоны занимали территорию от Самура на юге до Сулака на севере (Дагестан), притом сопоставление горских хонов с гуннами автор считает ошибочным. Тем более, что в армянских источниках хоны/хунну и собственно гунны транскрибируются различно[28].

Мы также встретим у Бузанда Фавстоса при описании борьбы армянского царя Аршака (345–367 гг.) с иранским шахом Шапуром/Шапух II (309–379 гг.) сочетание «алан» и «гуннов», которых, якобы, армяне использовали в войне с персами. Вряд ли надо сомневаться, что первоначальное написание было хоны/хунну и албаны/алваны, остальное дело в ошибках поздних переписчиков. Добавим, что историк Ю.Р. Джафаров полагает, что в данном контексте речь может идти не о гуннах и аланах как обитателях Северного Кавказа, а как бы о тюркских племенах, живших куда более севернее[29].

Говоря о военных действиях 330-х гг. в Закавказье, еще более поздний автор Мовсес Каланкатуаци (VII в.) указывает на участие в них не только неких кочевых гуннов (чья племенная принадлежность даже уточняется – гунны-«баслы», видимо, барсилы[30]), но и «алан». Однако удивляться здесь нечему, для авторов V–VII вв. естественно актуальны гунны и аланы, а не порядком забытые к тому времени кавказские «хоны/хунну». Не менее интересно в плане нашей темы указание М. Каланкатуаци на то, что представители Северо-Восточного Кавказа в армянских войсках (включая как раз и хонов/хунну) являются «пешими горцами», вооруженными палицами[31], но отнюдь не всадниками с лучным боем, каковыми были реальные гунны.

Анализ, проведенный Г.Д. Гумба. Исторические загадки, связанные в т.ч. с использованием в некоторых русских переводах этнонимов «аланы» вместо «албаны», гуннов вместо хонов/хунну и т. д., уже затронуты в исторической науке. Последнее по времени обращение к этой проблеме сделано Г.Д. Гумба, который, в частности, уверенно пишет, что многие «выводы, сформулированные некоторыми исследователями, … зиждутся, к сожалению, на источниковедческих и текстологических ошибках»[32].

[27] См.: История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. и коммент. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953. С. 14–15; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 50–51; Тревер К.В. Указ. соч. С.188–193; Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв. Дисс… канд. истор. наук. Махачкала, 2002. С. 63; Гаджимуратов М.Т. К вопросу о распространении христианства на Юго-Восточном Кавказе в IV–V вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (49). Тамбов 2014, часть 1: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/10.html (дата обращения 14. 10. 2018); и др.

[28] Тревер К.В. Указ. соч. С. 191–193.

[29] Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 15–16.

[30] См.: Магомадов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 24–39.

[31] Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк: в 3-х кн. / Пер. с древнеармян. Ш. В. Смбатян. Ереван, 1984. С. 34.

[32] См.: Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 140–142, а также: Арутюнян Б.А. Когда отсутствует

Г.Д. Гумба удалось разъяснить полнее, чем кому-либо, ситуацию по поводу хоны, хунну и гунны (см. предыдущие главы). С одной стороны, как мы уже упоминали, что при переписывании рукописей последующие переписчики меняли незнакомую этническую номенклатуру на им известную. А с другой стороны, что важнее, он установил, что часть нахского кавказского этноса, распространенного по обе стороны Кавказского хребта (в частности, на территории современной Восточной Грузии и части Восточного Кавказа), именовалась в затрагиваемый период (первые века новой эры) «хоны/хунну», «масаха-хуну», «хунаги» и др. В той же «Ашхарацуйц» термины хоны и гунны, звучащие почти одинаково в произношении, при письменном написании, как уже отмечалось, различались заметно. Не осталось без внимания также, что один из поздних грузинских переводчиков «Истории Армении» Агатангелоса поставил вместо «масаха-хун» грузино-армянское название нахов Закавказья – «дурдзукет (дурдзук/дзурдзук)». Более того, в армянской и грузинской средневековой литературе укрепления Дарьяла называются то «Аланскими», то «Хонскими»[33]. Речь идет, естественно, о нахских племенах Закавказья, и шире – Большого Кавказа, на которых какое-то время распространился указанный этноним или экзоним.

Г.Д. Гумба также справедливо напомнил, что тех же хонов, сопоставляемых с масахами или указываемых их соседями, можно искать и, в частности, в нахской горной Тушетии, где с Плиния Старшего и Помпония Мела (античных авторов начала I тыс. н.э.) до аваро-андийцев XVI–XIX вв., местных горцев называют масаха, масах, мосок[34].

Хоны были разбросаны на широкой территории от Дарьяла до Каспийского моря и вглубь кавказских гор до Дагестана. Хоны выявляются не только на Кавказе, но также в верховьях Аракса, Чорохи и Куры, т.е. там же, где упоминаются цаны, макероны, гугары. Хоны упоминаются также у Леонти Мровели как коренное, догрузинское население Картли, о чем убедительно говорят материалы, приводимые тем же Г.Д. Гумба[35].

Другой исследователь – С.А. Сулейманова, локализует «пахаак (укрепление) хонов» в северо-западной части Албании по течению р. Алазани, где располагалась т.н. «стена лпинов» (позже называемая Цора/Чара/Джар)[36].

Исторические гунны (булгары) Северного Кавказа и местный народ «аугар» /аухар. Одно из первых известных нам конкретных упоминаний о собственно гуннах, проживающих на территории северокавказского региона, вероятно,

научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении / Сост. П. М. Мурадян. Ереван, 1991. С.353–382.

[33] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 124–135.

[34] См.: Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 56–60; Гумба Г.Д. Указ. соч. С.130–131.

[35] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 124–152,134–135, 232–268, и др.

[36] Сулейманова С.А. Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия Национальной АНА (серия истории, философии и права), 2004. № 4. С. 56–63.

принадлежит греко-сирийскому автору Захарию Ритору (470 – не позже 553 гг.), известному и как Захария Митиленский. Он пишет, что (к северу) за «Каспийскими воротами (Дербент)» живут кочевники «бургары» (булгары), притом есть и такие, которые живут в «городах» (укрепленных городищах, скорее всего отнятых у местных племен). В перечне 13 «гуннских племен», живущих в «палатках» (т.е. ведущих кочевой образ жизни) за Каспийскими воротами», им названы и «аланы» (вероятно, группа, относящаяся к вассалам прикаспийских гуннов, а не к «стране алан», располагавшейся на нижней Куме). Список этих племен интересен и с точки зрения возможной «затронутости» племен в современных границах Нагорного Дагестана и Чечни, к примеру, нахских аухар/аухов, обитавших, с древнейших времен (по крайней мере, в эпоху средней бронзы здесь бытовало земледельческое население зандакской культуры), в части бассейна рек Аксай-Акташ Кумыкской плоскости на границе с кочевым миром. Захарий пишет: «Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Ауангур (оногуры. – Авт.) – народ, живущий в палатках, аугар (аухар/овхар/ауховцы? –Авт.), сабир, бургар, куртаргар, авар (овары/обры или дагестанские аварцы? – Авт.), хазар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов, живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»[37].

§2. «Великое переселение народов». Появление и расселение гуннов и алан на Северном Кавказе

Гуннское нашествие. Эпоха «Великого переселения народов» с конца IV по VII вв. (движение окраинных варварских народов на территорию Римской империи) началось с гуннского нашествия и мощного потока готских (германских) племен на восточные земли Рима. Оно же вывело на арену истории объединение аланов, находившихся до сего времени под тенью Сарматской федерации племен, расположенных, как некогда их предшественники скифы, между Дунаем (Истр) и Доном. Сами аланы занимали земли восточнее Дона. И именно римскому автору Аммиану Марцеллину мы обязаны первым, столь подробным описанием алан в античной историографии.

Аланы по Аммиану Марцеллину. На ранних страницах своей работы Аммиан, автор второй половины IV в. приводил данные, копирующие далеко предшествующих ему авторов по этнической ситуации левобережья Танаиса (Дон) и восточного берега Меотиды (Азовское море), называя такие племена, как: аланы, савроматы, яксаматы, меоты, язиги, роксоланы, меланхлены, гелоны, агафирсы и ряд других (включая греческие города-колонии Таманского полуострова)[38]. Далее он развертывает картину расселения народов в данном регионе, более близкую к последней четверти IV в., включая в нее гуннов и алан:

[37] Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. С. 568.

[38] Марцеллин Аммиан. Римская история. Электронный вариант русского издания сочинения Аммиана Марцеллина… С. 256; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. № 4. 1949. С. 232–234; Дон и Кавказ в произведениях античных авторов… С. 368–388.

«Раз я упомянул аланов, то будет уместно рассказать, откуда они и какие земли занимают, показав при этом запутанность географической науки, … Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор».

Значительно позже несколько римских авторов независимо друг от друга пытались обыграть этот момент о якобы, «аланах-горцах». Так, Маркиан из Гераклеи Понтийской (конец IV – первая половина V вв.) приводит свидетельство, что река «Рудон (Западная Двина? – Авт.) течет из Аланской горы (Алаун. – возможно, Донецкий кряж, Валдайская возвышенность или Южный Урал. – Авт.); у этой горы и вообще в этой области живет на широком пространстве народ алан-сармат, …». Галло-римский писатель Гай Аполлинарий Сидоний (430 – ок. 486 гг.), имевший сведения о кавказских аланах (которые переместились на Северный Кавказ под давлением гуннов к концу IV в.), стал даже писать, что европейские аланы происходят с гор Кавказа: «... рожденным на Кавказе аланам [из]… скотских и грубых племен».

Указанная идея происхождения этнонима «алан» жила долго, вопреки их реальному происхождению из мира кочевников Центральной и Средней Азии. Евстафий – митрополит Фессалоникский (XII в.), автор комментариев к Дионисию Периогэту (автор «Описания населенной Земли» первой половины II в. н.э.), написал, что: «Алан – горный хребет в Сарматии, от которого, по-видимому, получило название племя аланов, которых Дионисий называет сильными и многоконными»[39].

Продолжим любопытное во всех отношениях описание большого кочевого народа, данное Аммианом Марцеллином:

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем, и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, … Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше…

Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами… Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и

[39] Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 2. СПБ., 1906. С. 419, 665; Вестник древней истории. 1947. № 1–4; 1948. № 1–4; 1949. № 1–4. С. 557–558.

не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой…

О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах»[40].

Пред нами картина народа, находящегося на примитивной стадии кочевого хозяйства, с военизированным укладом и общественным бытом, построенном на эгалитарных началах.

Марцеллин о гуннах. Нельзя при этом не привести яркой характеристики антропологически монголоидных и в языковом отношении, скорее всего, говоривших на монголо-маньчжурских, угрофинских и тюркских языках кочевников-гуннов, данной Аммианом Марцеллином. Тем более, что отдельные гуннские племена, как и покоренные ими аланы, оказались на рубеже IV–V вв. в непосредственном соседстве горских народов Северного Кавказа.

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру… они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей...

При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; …Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; …У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша…

Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей (белки? – Авт.) …не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, …

Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. … в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство… издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан...

Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; …»[41].

Военные действия гуннов последней трети IV в. и вторжение в Европу. Если верить источникам, именно гунны произвели в землях алан «страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к

[40] Марцеллин Аммиан. Указ. соч. С. 492–494.

[41] Марцеллин Аммиан. Указ. соч. С. 491–492.

себе». Затем гунны вторглись во владения великого готского вождя Эрменриха/Эрманарих (правление 350–375 гг.), «весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы»[42] и в конечном счете разрушили громадный готский союз (занимал пространство Европы с севера на юг от Скандинавского полуострова и Балтики до Северного Причерноморья, и с запада на восток от Придунавья до верхнего течения Волги).

Гунны и привели в движение миллионные массы готов, сарматов и германцев Восточной, Центральной и Западной Европы, хлынувших в пределы ослабленной Римской империи (начало «Великого переселения народов»).

Согласно консолидированным данным, ядро гуннов, вторгнувшихся в Европу, составляли т.н. «хунны» Центральной Азии, народа, известного прежде своими войнами против Китая. В ходе своего длительного движения на запад (примерно с II в.) от границ Китая племена гуннского круга вобрали в себя самые различные народы Сибири, Средней Азии, Урала и Восточной Европы; особенно многочисленными были булгарские тюркские племена Центральной Азии. Орды гуннов на последнем этапе включали сарматов, алан, германцев, готов и славян. К первой половине V в. сложилась централизованная гуннская империя Аттилы, охватывавшая значительную часть Европы и Северного Кавказа (от Рейна до Волги).

По мнению военных специалистов, главное преимущество гуннов перед варварскими племенами Восточной и Центральной Европы заключалось не только в их численности и дисциплине, но главным образом в массированном лучном бое и изнурении противника на поле боя многочисленными тактическими приемами[43]. Ядро гуннов, вышедшее из пустынь, степей и лесостепи к северу и северо-западу от великого Китая, видимо, обладало более высокой военно-политической организацией по сравнению с ираноязычными и германоязычными племенами.

Избиение алан и сарматов. Распад кочевых союзов. Итак, к 372 г. гунны в основном закончили поголовный погром сарматов, готов и аланов («ловили и избивали вместе с женами и детьми»). Согласно тактике, свойственной всем кочевым народам при нападении сильнейшего врага и поражении в первых битвах, сарматы и аланы обратились в паническое бегство по всем сторонам света. Основная часть бросилась под защиту римлян. В отрывках книг по истории Римской империи, принадлежащих философу и историку Евнапию (347–414 гг.), красочно описывается, как уцелевшие «скифы (сарматы и аланы)» в числе одних мужчин до 200 тыс. (не считая семей), «став на берегах Истра, …издали простирали руки с воплями и криками и протягивали молитвенные ветви [к римским военачальникам], прося позволения переправиться через реку, оплакивая свои бедствия и обещая присоединиться к союзникам (римлян. – Авт.)»[44].

[42] Там же. С. 494.

[43] Никаноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «марсов меч» Аттилы. СПб., 2004; и др.

[44] Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №№ 1–4; 1948. – №№ 1–4; 1949. №№ 1–4. С. 551–552; 635–636.

Как бы то ни было, область кочевания многочисленных кочевых ираноязычных и иных племен «Азиатской Сарматии», объединенных некими общими названиями «сарматы», «аланы», распалась. Значительная часть т.н. алан, попавшая под власть гуннов, ушла в пределы Римской империи, другая, весьма предположительно, могла сместиться севернее в лесостепную зону Среднерусской возвышенности и Донецкого кряжа (Средний Дон), образовав спорно характеризуемую область «донских алан» (в VIII–X вв. здесь имела распространение салтово-маяцкая археологическая культура[45]); какие-то небольшие группы алан, превратившись в гуннских вассалов, сохранялись по берегам Азовского моря и даже совершали откочевки к предгорьям Северо-Западного Кавказа. Наконец, известная часть алан, вассальная гуннам, оказалась на нижней Куме и кочевала одно время в степях севернее Кубани и Терека.

К проблеме появления гуннов и алан на Северном Кавказе. В целом, если верить массе исследователей определенной направленности, в самой насыщенной, исключительно на их взгляд, сармато-аланами части Северного Кавказа (Кабардинская и Владикавказская равнина) при «всех расхождениях в методике выделения аланского материала археологи фиксируют массовый приток нового населения… временем не ранее III или IV в. [н.э.]». Причем ссылка дается на археолога М.П. Абрамову (Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 191–201) и алановеда Т.А. Габуева (Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С. 37, 55–66)[46]. Однако надо еще понять, о каком новом населении идет речь – гунно-булгарском или аланском.

Более того, в свое время молодой археолог В.А. Кузнецов писал о позднем появлении алан в регионе: «Масса алан после гуннского нашествия передвинулась далеко югу, в глубь Кавказа. Именно в это время – начиная с V в. – катакомбные могильники во все возрастающем числе появляются в предгорьях и горах Северного Кавказа». Потом его точка зрения на этот счет изменилась[47].

Высказывались также предположения, что некая группа алан поселилась в тот период и на прикаспийско-степной полосе современного Дагестана. В связи с этим необходимо отметить, что благоприятные для кочевого хозяйства прикаспийские районы современного Дагестана, включая и предгорья, вплоть до Албании на юге, возможно и использовались в кочевом хозяйстве неких небольших групп номадов неясного происхождения в античное время. А также в отгонной системе скотоводства горских земледельцев-автохтонов. Однако к концу IV в. доминирующими в этой полосе стали именно большие племена гуннов (в числе ко-

[45] См.: Шорохов В.А. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Анонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха) // Призвание история. Сборник научных статей: к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010. С.88–98; Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. М. 2014. С. 312–315; и др.

[46] Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович. М., 2006. С. 325.

[47] Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 14; Его же. Очерки истории алан. Владикавказ. Изд. 2-е доп. 1992. С. 43.

торых здесь преобладали конкретно мощные булгарские племена, число же алан было незначительно)[48].

Встречается также мнение (которое на уровне сегодняшнего дня науки выглядит еще более спорно, чем ранее), что от района Дербента до впадения в Каспий к югу р. Куры сложилась было область, населенная некими индоарийскими массагетами-маскутами (едва ли не аланами) со Средней Азии. Впоследствии (не позже V в.) на них, якобы, и распространилось влияние «прикаспийских гуннов[49]». Между тем, в раннесредневековой армянской литературе Маскут/Маскутское царство (как левобережная от Куры к горам природная область) служило синонимом для обозначения Албанского царства, либо части его[50]. Но не более.

Нельзя не отметить, что равнинная территория южнее Терека (за исключением, быть может, восточной части т.н. Кумыкской равнины) и Кубани, сильно увлажненная и реками и обильными, осадками с совершенно иной, нежели в зоне степей Прикаспия, Предкавказья и Северного Причерноморья, растительностью вряд ли могла представлять интерес для кочевых племен; степной скот ни тогда ни сейчас не был приспособлен к местным травам, и хуже всего, здесь наличествовала такая сложность для организации зимнего выпаса, как высокий снежный покров.

В целом, как мы видим, изучение проблемы места и роли нахоязычных народов Северного Кавказа, да и не только нахоязычных, в литературе последних десятилетий античного периода не дает на первый взгляд заметных фактов. Очевидно, что нахи покрываются под самыми различными названиями по всему периметру своего расположения, потому мы порой с трудом осмысливаем их нахождение в том или ином районе Кавказа по косвенным и опосредованным данным. Потому-то столь важно знание исторического и географического контекста как вокруг Кавказа, так и в пределах самого региона. Что важно, объективное прочтение греческих и римских источников позволяет отвергнуть взгляд о пребывании в непосредственном соседстве горских народов (за исключением, возможно, предков адыгов в районах Приазовья и Причерноморья) значимых групп скифов, сарматов и алан вплоть до эпохи Великого переселения народов.

§3. Кавказские государства, нахи-кавкасиане и северокавказские гунны в политике Сасанидского Ирана в IV и начале V вв.

Установление в Картли новой династии. Надо отметить, что кавказское направление и без такого угрожающего явления, как гунны, всегда имело актуальность для великого Сасанидского Ирана. Так, при шахе Шапуре/Сапор/Шапух I (ок.240/43–272/73) или Шапуре II Великом (309–379) иберская династия Фарнавазианов (владевшая небольшой областью Картли, прилегающей к р. Куре в районе впадения Арагви, с центром в г. Мцхета), начало которой, согласно грузинской традиции, возможно, положил в III в. до н.э. некий Фарнаваз/Парнаваз из мцхетской городской знати, женатый на представительнице закавказского горского народа нахского круга[51], прекратила свое существование по мужской линии. Последним представителем местной династии считается некий Аспагур (вторая половина III в.), отмеченный в Картлис цовреба» Леонти Мровели (XI в.) тем, что «не раз открывал врата племенам Кавказа и выводил овсов, леков и хазар и шел… воевать с персами». Он и умер, отправившись якобы на Северный Кавказ («Овсетию»)[52], хотя понятно, что упоминание здесь овсов и хазар относится к этнономенклатуре эпохи автора летописи, а не времени Аспагура. Последний гипотетически мог отправиться за помощью к нахокавказским племенам, либо к ближайшим сарматам на севере Ставропольской возвышенности.

Политика иранских шахов в отношении «кавкасиан». После смерти Аспагура картлийская знать «пригласила» (либо приняла назначение) на трон семилетнего побочного сына сасанидского шаха – Мириана (по не совсем точной грузинской традиции правление ок. 310–342) и женила его на дочери Аспагура[53]. Причем царь персов получил от иберов сведения, позволившие ему сделать вывод, что лучше всего «посадить» Мириана в Мцхета, «ближе к северным врагам своим – оттуда удобнее воевать и владеть всеми племенами Кавказа»[54]. Судя по контексту сообщений, горцы-нахи (кавкасианы, дзурдзуки/дурдзуки) Кавказа не признавали на тот период верховную власть ни картлийских правителей, ни Сасанидского Ирана. Потому получение влияния над ними становилось государственной задачей.

По историческому преданию, приводимому в отстоящем от вероятного события (рубеж III–IV вв.) на 700 лет сочинении-нарративе XI в. Леонти Мровели («Жизнь картлийских царей»), для защиты Мцхета и войны «против кавкасианов» шах отправил сюда до 40 тыс. отборных всадников. Более того, якобы, шах лично двинулся на север, где поднялся в горы и силой «занял все Хеви (ущелья. – Авт.) племен Кавказа, назначив повсюду своих мтаваров (князья, правители? – Авт.) и повелев им быть в подчинении у своего сына Мириана»[55].

Последующие тексты Леонти Мровели рассказывают о войнах Шапура II, которые ему якобы пришлось вести с нахлынувшими с севера «хазарами» (иссле-

[48] См.: Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Очерк палеоантропологии Дагестана эпохи бронзы и раннего железа // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С. 97–98; Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.

[49] См.: Тревер К.В. Указ. соч. С. 191-196; Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 154–156; Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С. 89–93; и др.

[50] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 129, 140–143.

[51] См.: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей // Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метровели. Тбилиси, 2008. С. 20–25; Ахмадов Я.З. Складывание Картлийского (Иберийского) государства (конец IV–II вв. до н.э.) и нахи-дурдзуки // Вестник ЛАМ. №7. Грозный, 2001; и др.

[52] Картлис цховреба. История Грузии. / Ред. Р. Метровели. С. 38, 40.

[53] Очерки истории Грузии: в 8 т. /Ред. Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 38–39.

[54] Картлис Цховреба. История Грузии… С. 40.

[55] Там же. С. 40–41.

дователи считают, что это были гунны). Его союзниками-вассалами в этой войне, согласно грузинской летописи, стали картлийцы и «двенадцатиязычные» племена «Кавкаса» (в первую очередь, вероятно, горцы-нахи)[56]. Но данная ситуация, видимо, имеет более отношение к ранним годам правления Мириана, когда ему или его наследникам пришлось вести прямую войну отнюдь не с «гуннами», а с нахами-дзурдзуками и дидойцами (горское общество в юго-западной части Дагестана), которые, «вооружившись, призвали хазар» (в данном случае опять-таки неких кочевников)[57].

Установление протектората сасанидского Ирана над Кавказом и горцами-кавкасианами. Нашествия горцев по призыву шахиншахов. Исследователь эпохи раннего средневековья на Восточном Кавказе И.Г. Семенов полагает, что появление указанного Мириана III надо отнести к событиям, связанным с крупным Кавказским походом сасанидского шаха Шапура I Великого, разгромившего и покорившего не только Армению и Картли, но и «Арран» (Албанию), а если доверять Леонти Мровели, то и племена горцев-кавкасиан. Более того, И.Г. Семеновым предполагается, что первоначально малолетний Мириан был назначен не картлийским царем, а питиахшем (наместником) всех кавказских образований с соответствующим штатом чиновников. Он якобы умер где-то между 336–342 гг.

Соответственно, нашествие на непокорную Армению «северных народов» (горские племена), призванных маскутским (Албания) царем Санесаном по подстрекательству шахиншаха Шапура II (309–379), относят к 335 г.[58] Что не противоречит нашему мнению об отсутствии алан и гуннов непосредственно на Северном Кавказе до последней трети IV в., вопреки мнению некоторых источников. Потому что тех же алан и гуннов можно было легко нанять и в Приазовье, и в Северном Причерноморье, как то не раз бывало в истории.

Согласно устоявшейся хронологии, в 50-х гг. IV в. с персами воевал армянский царь Аршак с широким использованием военного потенциала нахов-горцев и леков Дагестана, а также союзных албан, однако шахиншах Шапур II не только сокрушил своих соперников, но и сам привлек тех же горцев, албан и армян из восточных областей на войну с Римской империей (в лице ее восточной части Византии), в 70-х гг. того же века. Согласно данным армянского агиографического памятника V в., приведенного Г.Д. Гумба: «Персидский царь Шапух (Шапур. – Авт.) призвал с тыла царя хонов Урнайра и открыл Аланские ворота (в данном контексте Алванские/Албанские ворота. – Авт.), и собрались к нему войска хонов и маскутов, и агугов, и лпинов, товматков и губуров, чмахов, гугаров, улов, чучов, чилбов, малазчов, heров, куанов, и другие…». Есть и еще один вариант данного перечня: «хечматаки, бугоры, ичамахи, чучи, гуа, глуары, магуги, узы, шилбы, чилбы, мазаваны, гесы, соараны и другие». В других известных источниках под началом Урнайра назван и «царь леков» Шергир. Надо согласиться с мнением Г.Д. Гумба, что все разночтения вокруг «хонского» (в данном случае албанского) царя Урнайра отражают многоплеменной состав Албании и Северо-Восточного Кавказа в целом[59].

Начиная с 360-х гг. Шапур II с помощью албанов и горцев Северо-Восточного Кавказа вновь завоевал Армению, несмотря на ее поддержку Римской империей и скрытую помощь христианизированной верхушки Иберии (Картли). В 387 г., при наследниках великого Шапура, 4/5 территории Армении по ирано-римскому мирному договору отошла под верховенство Ирана, оставшаяся часть досталась Риму. Картли, как и Армения, как известно, считалась вассальной территорией Ирана едва ли не с эпохи первых персидских государств.

Поход гуннов в Закавказье и на Ближний Восток 395–396 гг. Первый, известный нам, крупный поход собственно гуннов в Закавказье, фиксируемый документально, состоялся в конце IV в., в 395–396 гг. и был проведен силами северочерноморских (дунайских?) гуннов, вероятно присоединивших к себе мигрировавших ранее на Северный Кавказ собратьев (в число которых входили, кстати, булгары и вассальные аланы). Гунны во главе с вождями Басих и Курсих шли с Подунавья на восток до Азовского моря, откуда за 15 дней пути на юг вышли к горному проходу, под которым исследователи обычно подразумевают Дарьяльский проход, потому что гунны пошли не «обычным путем» северных варваров – через Дербент. Но судя по тому, что писали, к примеру, римские (византийские) авторы Евсевий Иероним (ок. 340–420 гг.), Филосторгий (365 – после 425 гг.) и Приск Панийский (410/420 – ок. 475 гг.), гунны почему-то не затронули в ходе этого похода христианскую Иберию (Восточную Грузию), что было неизбежно при движении Дарьяльским путем. Части исследователей представляется возможным, что гунны прошли в Закавказье и страны Ближнего Востока все-таки не через Дарьял, а использовав один из горных перевалов Западного Кавказа (наиболее известные – Клухорский, Санчарский и Марухский). Перевалив горы, кочевники несколькими колоннами двинулись в Малую Азию, западную часть Армении и Сирию[60].

Другое направление было избрано гуннами при возвращении назад. Согласно современному историку Отто Менхен-Хельфену, гунны «ворвались через Большую Армению в Мелитену, тянущуюся от Евфрата, и добрались…» до провинций Малой Азии и сирийских городов. Потерпев наконец поражение от персов-сасанидов, армян и римлян, они обратились в бегство и, уйдя от погони дальними путями, прорвались назад через Каспийский проход (т.е. через Албанию/Алванию и Дагестан)[61]. Следовательно, гунны избрали иной маршрут возвращения, не рискнув воспользоваться ни западнокавказскими перевалами, ни Дарьяльским путем.

[56] См.: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах северного Кавказа и Дагестана / Перевод и комм. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 37–38, 74, сн. 132; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 176–177; Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан… С. 19–20; и др.

[57] Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах северного Кавказа и Дагестана... С. 39.

[58] Семенов И.Г. Генеалогия картлийских царей: от Митридата III до Вахтанга Горгасала (III–V века). Махачкала, 2007. С. 10–19.

[59] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 144–147.

[60] См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. GETICA / Пер. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 228. Сн. 154–155; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 53; Гадло А.В. Указ. соч. С.18–19.

[61] См.: Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Вестник древней истории. 1947. №№ 1–4;

При всем этом некоторые авторы постарались привязать к равноправным участникам этого похода и алан, на том зыбком основании, что раз «ворота» назывались «Аланскими» (которыми, как отмечалось, Басих и Курсих, судя по всему, так и не воспользовались), то их контролировали аланы[62]. Но все дело в том, что аланы не контролировали здесь ничего, вплоть, пожалуй, до X в., когда аланский фактор в северокавказских политических процессах становится наконец приметным после конца долгой эпохи доминирования гуннов, тюрок и хазар.

Мероприятия Ирана по укреплению северных границ от гуннов. Масштабный гуннский поход 395–396 гг. в римские и персидские владения на Ближнем Востоке основательно потряс иранское политическое влияние в Закавказье. Иранский двор (также как римско-византийские власти в западном Закавказье) немедленно начал сбор средств на строительство крепостей в т.ч. в «проходе Чора» (Дербент и территория южнее его), причем с обеспечением обороны стратегического прохода как с севера, так и с юга. В правление шахиншаха Йездигерда II (438/439–457 гг.) в «Прикаспийском проходе [уже] были сооружены мощные укрепления (правда, из сырцового кирпича; каменная кладка приходится на более позднее время. – Авт.)»[63] и на постоянной основе были расквартированы части иранских кавалеристов с привлеченными албанами и отрядами армянских князей-военачальников.

Благодаря всем этим мерам «хайландурки» (гунны) – по словам [армянского автора V–VI вв.] Елише – не осмеливались показываться из ущелья «Джора (Чора)»[64]. В связи с этим необходимо упомянуть тот факт, что северокавказские владения гуннов-хайландуров тянулись от прохода Чора до т.н. «Аланских ворот» (Дарьял), покрывая и затеречные равнины в границах современных Дагестана и Чечни[65].

В целях укрепления позиций Сасанидской империи от угрозы с севера наряду с упразднением Армянского царства Аршакидов, в 428 г. «вся восточная часть Южного Кавказа вместе с Восточной Арменией была выделена в отдельную административную единицу Кустак Капкох (Кавказский край), которая, в свою очередь, была разделена на пограничные области (марзпанства). Кстати, восточные провинции Армении (Утик, Шакашен/Шакка с неармянским населением и др.) были переданы албанскому царю[66].

Горские народы и гунны в движениях за и против Ирана на Кавказе. Далее начинаются репрессии против противников зороастризма в Закавказье, что привело к вооруженному восстанию под лозунгами защиты христианства населения и знати Армении, Картли и Албании. Все это вновь вовлекло те же нахские и

1948. №№ 1–4; 1949. №№ 1–4. С. 910–911, 999, 1039; Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 392–393; Гадло А.В. Указ. соч. С. 26, 29, 48–61; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 19–20; Менхен-Хельфен Отто. История и культура гуннов. М., 2014. С. 38–39; и др.

[62] Кузнецов В.А. Очерки истории алан…С. 87–88.

[63] Еремян С.Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Известия. Академия наук СССР – Армянский филиал. № 7 (12). Ереван, 1941. С. 37.

[64] Елишэ. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм. И.А. Орбели // Юзбашян К.Н. Армянская эпопея V века. М., 2001. С. 253–254.

[65] Гадло А.В. Указ. соч. С. 28–29.

[66] См.: Семенов И.Г. Указ. соч. С. 38; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 150–151.

дагестанские племена в большие политические события. Описывая восстание армян под руководством Вардана Мамиконяна против Сасанидов в 450–451 гг., армянский писатель Егише/Елише указал, что шахский полководец Васак Сюнийский, опасаясь прихода на помощь повстанцам гуннов, запер «крепость Чора» и «…сосредоточил там все [силы] страны *иверов*, *лпинов* и *чилбов*, [вызвал силы] Вата, Гава, и Глуара, и Хрсана, и Хечматака, Пасха и Посха и Пюкуана, все войско Таваспарана – с гор и с равнин, и из всех горных укреплений»[67], т.е. привлек, кроме иберов-картлийцев, практически весь горный и равнинный Кавказ.

Однако армянские повстанцы, атаковав каспийские укрепления с юга, вытеснили многоплеменные силы Васака и обеспечили себе поддержку северокавказских гуннов и «маскутов» (восточных албан) во главе с царем Вачe II (440–463 гг.), который в свою очередь «…присоединил к себе также одиннадцать горских царьков и, выступив против арийских (иранских. – Авт.) войск, причинил большой урон царским войскам». Однако персы большими наградами сумели в свою очередь натравить на Албанию одно из северокавказских гуннских объединений – хайландуры и пропустили их ополчение через «Аланские ворота» (что неизбежно затрагивало интересы горцев-нахов и иберов-картлийцев). Хайландуры и помогли персам окончательно разгромить мятежных албанов и их союзников[68].

На тот момент из всех гуннских племен именно хайландуры к середине V в. получили явную гегемонию в землях северокавказского региона от «Каспийской дороги» (Дербент, Чора/Чула) до т.н. «Аланских ворот» (Дарьял)[69].

К этнической ситуации в пограничных районах Картли, Армении и Албании. Васак и нахские племена. Отметим, что выступавший союзником и вассалом Ирана владетель армянских княжеств Сюника и «Гогарены» (Гугарк) с населением, имевшим нахские корни, Васак в 439–443 гг. являлся также марзпаном (наместник шаха) области Иберия (Картли) и поддерживал самые дружеские отношения с горцами-кавкасианами, отвечавшими за охрану Дарьяльского прохода, а через них и с северными гуннами. Известный армянский историк С.Т. Еремян указывал недвусмысленно, что Сюния/Сюник было мощное и независимое владение, имевшее свой язык и занимавшее особое положение не только в Армении, но и в Сасанидском Иране[70].

Васак наладил такие хорошие взаимосвязи с местными нахскими племенами Закавказья, что позже (с подачи последующих армянских марзпанов) охрану Дарьяльского прохода персы доверили целиком вождю местных нахов-цанаров – «корикози». Небезынтересно отметить, что в дальнейшем (в 570-х годах) правитель Сюника и Гугарка Вахан, продолжая линию Васака, вообще вывел свою

[67] Елишэ. Указ. соч. С. 253–254.

[68] См..: Каланкатуаци Мовсес. Указ. соч. С. 29; Елишэ. О Вардане и войне армянской… С. 253–254; Гадло А.В. Указ. соч. С. 28–29; Семенов И.Г. Указ. соч. С. 63-64; Гаджимурадов М.Т. Утверждение власти Сасанидов на Восточном Кавказе в раннем средневековье // Актуальные проблемы общественных наук»: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. Махачкала, 2014. С. 10–11; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 151; и др.

[69] Гадло А.В. Указ. соч. С. 29.

[70] Еремян С.Т. Указ. соч. С. 38.

провинцию из административной системы Армении, переведя ее в государственную систему собственно Ирана. Известно, что Мовсес Хоренаци приписывал образование пограничной области Гугарк легендарному царю Валаршаку/Вагаршак, якобы жившему где-то за 2 века до н.э.: «Наместничество северного края, расположенного против горы Кавказа, он поручает великому и могучему роду и присваивает его родовладычеству титул бдеашха Гугаркского»[71].

Складывается впечатление, что отдельные восточные области Армении, имея в то время в своем составе значительные районы (помимо Сюника тот же Арцах), населенные потомками носителей кавказских языков (дагестано-албанских, нахских и др.), несколько отлично от коренных армян воспринимали свою национальную идентичность. Однако здесь надо учитывать также удельный вес в княжестве Сюник (Сисакан) иранского (мидийского) и семитского населения[72].

Нельзя не указать, что язык единственного обширного документа кавказско-албанского языка (палимпсест, найденный в монастыре Св. Екатерины на Синае), созданного между VII–X вв., характеризуется по языку как близким к удинскому (глубоко самостоятельная ветвь древнелезгинского), но несущим, согласно лингвисту И.М. Сигаури, в базисной лексике и фонетике сугубо нахские черты, которые не могут объясняться только заимствованиями[73].

Возвращаясь к теме политической истории региона, отметим, что к 462 г. шах Пероз упразднил Албанское царство в результате поражения Вече и его горских союзников (причем, согласно Егише, «большая часть страны была разорена, но никто от него (от Вачэ) не отступился»)[74].

Горские вожди – «царьки» Северо-Восточного Кавказа и Закавказья, представлявшие высокий интерес не только для кавказских государств, но и для мировой державы Сасанидов, должны, конечно, быть в поле внимания для исследователей Кавказа. Есть соображения, что иранский двор отреагировал на ситуацию с горскими народами Восточного Кавказа и попытался привлечь горских предводителей институализацией их общественной власти[75]. Что выразилось, к примеру, и выбором местного вождя в горном нахском районе выше Мцхеты ответственным за оборону Дарьяльских ворот и дороги на север.

[71] См.: Хоренаци Мовсес. История Армении в трех частях / Пер. с древнеарм. Гагика Саркисяна. Ереван, 1990. С. 81; Еремян С.Т. Указ. соч. С. 38–39.

[72] См., в этом плане раздел «Гугарк и гугары» гл. V монографии Г.Д. Гумба (Указ. соч. С. 243–268), а также: Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи // Bibliotheca Armeno-Georgica. IV. Петроград, 1915. С.187; Хроника Захария Ритора (главы, относящиеся к гражданской истории) // Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941. С.165; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 45–46; и др.

[73] Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2-х томах. Т. 1. по данным лингвистики. М., 2016. С. 653–664.

[74] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 151.

[75] Айтберов Тимур. Военно-административные центры на Восточном Кавказе… [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazavat.ru›history3.php?art=517&rub=9 (дата обращения 14.10.2018).

§4. Распространение христианства в Картли и среди горцев-нахов. Цилканская епархия

Христианизация Картли. В связи с вопросами христианизации грузин и закавказских нахов, которые, как мы знаем, позже создали в относительно широких границах христианское Цанарское государство, следует остановиться на вопросах утверждения в регионе Кавказа мировой монотеистической религии. Первой в Закавказье, как известно, христианство приняла Армения – называют даты от 301 г. до 314 г. (собственно распространение христианства шло здесь из пределов Палестины и Сирии еще с 60-х гг. I в.). Пропаганда новой религии в Иверии-Картли началась также не позже I в., а установление христианства в качестве государственной религии относят ко второй четверти IV в. (325/6, 337/8 гг. и др.), связывая этот процесс с именами легендарной святой Нины (Нино Каппадокийская) и картлийского царя Мириана, того самого, который стал здесь царем еще в детском возрасте с помощью своего отца – иранского шаха.

Христианизация Картли описывается, благодаря нескольким письменным источникам – (все они варианты агиографического жития, связанного с деятельностью святой Нины), написанным в хронологическом диапазоне V–XIII вв.[76] Конечно, указанные сведения о кавказском христианстве носят эпико-мифологический характер, но один из сюжетов в авторстве Леонти Мровели следует привести.

Действия христианских миссионеров среди нахов Закавказья. Еще Мовсес Хоренаци отметил, что святая Нина (Нино) прошла «проповедуя от Кларджка (область Тао-Кларджети, ныне на северо-востоке Турции. – Авт.) вдоль Аланских и Каспийских ворот и вплоть до пределов мазкутов (до Каспия. – Авт.)»[77]. Согласно Л. Мровели, после успехов в деле христианизации собственно населения города Мцхеты и царской семьи она совершила поездку в горы и остановилась в местности Цобена по соседству с горским обществом Эрцо (Эрцо-Тианети), расположенном юго-западнее р. Йори (входит в нынешнюю Кахетию – историческую область Грузии). Мы цитируем ниже текст Мровели начала XI в.:

«Ушли святая Нино и епископ Иоанн, и послал с ними царь эристава. Пришли они в Цобени, призвали горцев, людей, подобных бессловесным тварям, – чартальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев (говоривших, как мы уже отмечали, на диалектах нахского языка и имевших некие общие названия, менявшиеся со временем – кавкасиане, хоны, суаны, дзурдзуки, пшавы, тушины, мтиулы, цанары, и т.д.[78] – Авт.), проповедовали им веру Христову истинную,

[76] Мровели Леонтий. Обращение Картли святой Нино // Картлис Цховреба. История Грузии…С. 44–75; Цулая Г.В «Житие св. Нины» как источник по истории народов Кавказа // Известия Академии наук Груз. ССР. Серия истории, археологии этнографии и истории искусства. № 3. 1979. С. 98–108; Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили / Ред. М.С. Чхартишвили // Памятники грузинской исторической литературы. (В.) VII. Тбилиси, 1989; Хоренаци Мовсес. Указ. соч. С. 143–144.

[77] Хоренаци Мовсес. Указ. соч. С. 144.

[78] Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вест-

ведущую к вечной жизни, но те не пожелали принять крещения. Тогда эристав, слегка приподняв над ними меч, победоносно истребил их идолов (возможно, Цобени было неким языческим святилищем, если видеть в первооснове данного топонима ц1у/ц1уо – «жрец, идол, святыня»[79]. – Авт.). Перешли они оттуда в Жалети и проповедовали эрцо-тианетцам. Те приняли проповеди и крещение, а пховцы оставили страну свою и переселились в Тушети, и большинство других горцев не обратилось...»[80].

Те же действия в переводе из некоего раннего древнеармянского текста описаны так: «Отправились епископ и Нино и с ними заодно некий ишхан в Цобен, Чартал, Тхел, Цилкан, Годамакар, но не приняли [жители этих мест] слова господня; вступили в Жалети и Эрцо и проповедывали там. Те вняли и крестились. Пхацики (пхой/пховцы/пшавелы обитатели верхней части Кахетии. – Авт.) покинули свои земли и удалились в Тушети, и среди горцев многие поднесь (являются) идолопоклонниками»[81].

Границы Картли и горского мира. Вышеприведенные и иные материалы позволяют нам говорить о реальных границах Картли того времени на территории исторической Восточной Грузии. Она проходит на севере примерно по левобережью течения Куры до Мцхеты, от нее до Уджармы (крепость на западной границе Кахетии), затем к восточным границам Картли примыкает небольшой вытянутый в меридиональном направлении район Кухети. К югу идет известное расширение по долине р. Куры (правобережье) на запад в направлении к Сурамскому хребту (Самцхе, Кларджети, Тао). Вся остальная территория к северу и востоку от указанных границ (населенная до вершин главного Кавказского хребта и далее горскими обществами нахов) находилась на тот период в состоянии неустойчивого добрососедства с Картли-Иберией.

В целом Картли находилась в пределах территории, которая значительно позже получит название Квемо Картли – Внешняя или Нижняя Картли).

Исторически, помимо нахских племен на севере и частично на востоке, Картли граничила на западе (по Лихскому или Сурамскому хребту с абхазскими и западногрузинскими (Эгриси) землями, к югу территория картвелов соседствовала с княжествами Армянского царства, порой соперничая в большой по кавказским масштабам области Гугарк (имевшей, кстати, коренное горское население), вытянутой по долине р. Куры на несколько сот километров с запада на восток). С востока к Картли прилегала малонаселенная на тот момент Кахетия и Эрцо-Тианети, но главным, хотя и не непосредственным соседом по течению Алазани и Куры на востоке и юго-востоке являлось Албанское царство.

Отметим, что христианизация нахов, шедшая из Мцхеты (позже и из Цилканской епархии), сопровождаемая картвелизацией языка (предполагается, что здесь богослужение велось на грузинском языке, хотя подчинение местной

ник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (31). С. 20–30.

[79] Вагапов Арби. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011. С. 668.

[80] Мровели Леонтий. Часть вторая. Обращение Картли святой Нино // Картлис цховреба. История Грузии… С.64.

[81] Цулая Г.В. Указ. соч. С. 102.

церкви армянскому католикосу заставляет держать этот вопрос пока открытым) и культуры, оказалась наиболее действенным средством бесконфликтного сближения различных по этнотипу и языку народов в эпоху античности и раннего средневековья. Очень возможно, что первые религиозные кадры и тип богослужения были заимствованы в Мцхета не от греко-византийцев, как в Абхазии и Эгриси (Имеретия), а от армян. Возможно, что армянское монофизитство господствовало в Картли до начала VII в.[82]

Отметим, что известный историк В.Н. Гамрекели первым обратил внимание, что за пределами расселения картвелов ранее всех стали подвергаться христианизации именно кавкасионцы/кавказцы, под которыми в то время подразумевались местные закавказские нахи – или «чечено-ингушские племена», как их называет исследователь[83].

Дело христианизации горцев продолжил сын Мириана Бакар (342–364 гг.?), он якобы «…обратил большинство кавказских племен, которые не смог обратить отец его». Сообщения о наследовании Бакаром Мириану и успехах христианизации большого доверия не вызывают. Судя по всему, ситуация в небольшом картлийском государстве была несколько сложнее и драматичнее[84].

Есть известие о том, что к востоку от Мцхета в части междуречья Пшавской Арагви-Куры и Йори (небольшие исторические районы Эрцо-Тианети и Кухети) среди нахского горского населения и картвелов равнин царь Бакар якобы учреждает эрисмтаварство (княжество-область), где посадил эриставами-правителями своих племянников. Важно, конечно, для нас также известие, что он активно строил храмы, в том числе «…построил церковь в Цилкани», причем ушло на ее строительство 35 лет. Грузинская церковная традиция приписывает Бакару и перевод богослужебных книг (с армянского или греческого?) на грузинский язык[85].

Цилканы, Йессей. Храм в сел. Цилкани (в 15 км севернее от Мцхета) станет, в свою очередь, одним из центров христианизации горцев Большого Кавказа; не позже середины 70-х гг. VI в. здесь уже будет функционировать влиятельное епископство, точнее хорепископство (в сельских районах епископы, не имевшие права рукополагать в сан священников, именовались хорепископами), с самостоятельной религиозно-политической линией – Цилканская (позже Арагвская) епархия (между рр. Арагви и левобережьем Ксани). Так, во второй половине VI в. епископ Йессей/Иессей (один из 13 «сирийских братьев», прибывших с Востока в Грузию для укрепления греческого, «халкидонского» типа христианства), рукоположенный епископом в Цилканах, утвердил здесь «греческий» канон веры, основал монастырь и возобновил активную миссионерскую деятельность среди окрестных жителей Кавказских гор. Если верить агиографическим сочинениям, горцы, благодаря Йессею, «стали обращаться ко Христу, сами истребляя поганых

[82] См.: Драсханакертци Иованнес. История Армении / Пер. с древнеарм. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 78–79.

[83] Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 74–75.

[84] См.: Семенов И.Г. Указ. соч. С. 24–31.

[85] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 66–67. Цулая Г.В. Указ. соч. С. 106; Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили... С. 22.

идолов и сокрушая непотребные капища их». Епископ Йессей, объявленный впоследствии святым, был похоронен в Цилканском храме[86].

Во второй половине V в. западнее Цилканской епархии уже существуют Самтависская и Никозская епархии, действовавшие в т.ч. и в ущельях правобережья Ксани и Большой Лиахвы[87], соответственно среди других горцев-нахов, называвшихся с античных времен двалами.

Таким образом, высока вероятность, что с принятием христианства в Цилканах и в округе возник тот системообразующий центр, который спустя несколько веков поспособствовал складыванию нового закавказского государства с центром в нахско-горских районах. Тем более, что на тот же период пришлось ослабление раннего картлийского государства вассального Ирану с центром в Мцхета (здесь, в Картли, с упразднением царской власти к 523 г. длительное время не было даже местного централизованного управления). Иран назначал здесь для облегчения руководством Картли неких старших князей – эрисмтавари, в помощь своим марзбанам.

§5. Военно-политические события на Северном Кавказе и в Закавказье в V в. Нахи-кавкасиане и Вахтанг Горгасал

Гуннские набеги в Картли и Иран, крепость Йориопаах. Военно-политические события в регионах Предкавказье-Северный Кавказ и Закавказье-Иран с конца IV и на протяжении V вв. продолжали периодически вовлекать в них нахские районы Кавказа по обоим склонам Главного Кавказского хребта. Приск Панийский (410/20 – ок. 475 гг.), известный византийский автор, описывает очередной набег гуннов (на этот раз названных «сарагуры») около 448 г., направленный теперь непосредственно против Персии: «Сарагуры после нападения на акатиров и другие племена (в Предкавказье. – Авт.) выступили походом против персов. Сначала они приблизились к Каспийским воротам (в данном контексте Дербент. – Авт.), но, найдя их занятыми персидской охраной, перешли на другую дорогу (очевидно Дарьяльский путь через нахские земли. – Авт.), по которой пришли к иберам и стали опустошать их страну и тревожить набегами поселения армениев; вследствие этого персы, … отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охраны укрепления Юроипаах (все та же крепость Дарубал-Кумания в районе Жинвали на Арагви – Авт.)». Кстати, Феофан называет Ивирийские ворота, «что в Кавказских горах». Это, конечно, искомый Дарьяльский проход, выводящий с севера прямо в Картлию (Ивирия/Иверия/Иберия)[88].

[86] См.: Дурново Н.Н. Иерархия Всероссийской церкви от начала христианства в России и до настоящего времени. В 3 т. Т.1. [Списки архиереев и архиерейских кафедр в российской иерархии и в грузинском каталикосате]. М.,1892. С. 188; Еремян С.Т. Указ. соч. С. 38–39; Иессей Цилканский // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 511–512; и др.

[87] Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 76–77.

[88] Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1–4, 1947;

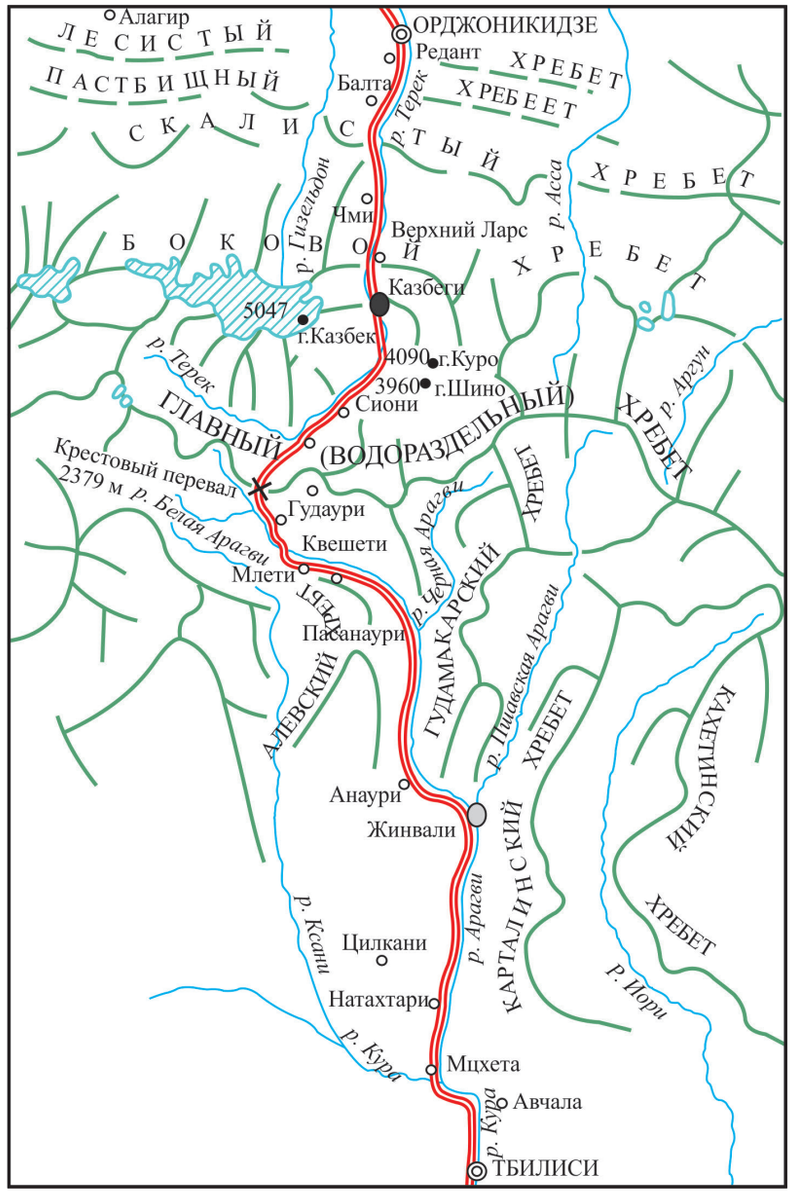

Рис. 32. Карта Военно-Грузинской дороги 50-х гг. XX в. (Дарьяльский путь, Дар и-Алан) с обозначением прилегающих хребтов

Условные обозначения:

– *Природная крепость Дарьял (Дар и Алан) с остатками раннесредневекового укрепления*

– *Крепость Дарубал (стояла с античных времен)*

– *Крестовый перевал 2379 м*

Нам неизвестно, чем закончились конкретные переговоры по данному вопросу на тот период, но в Хронографии Феофана Исповедника под 572 г. упоминается расторжение императором Византии обязательства ежегодной выплаты персам на сооружение и охрану кавказских крепостей в сумме 500 литр золота[89] (от «либре», лат., – римский фунт равный 327,45 гр.). Данный факт свидетельствует, что ранее 572 г. такое соглашение по Кавказским перевалам между Ираном и Византией было достигнуто[90].

Савирская федерация Предкавказья и Северного Кавказа. Привлекает внимание также мнение, что с середины V в. в Предкавказье и на Северном Кавказе верховенство одержала новая федерация кочевников – савирская (главный языковый компонент тюркско-булгарский). Савиры, в частности, подчинили более ранних булгар-оногуров (сарагуров), собственно гуннов (носителей угро-финских и маньчжурских языков), имевших свои позиции на Северном Кавказе; во второй половине V в. расположение ставки правителя савиров указывается на р. Кума, а племена сарагурского круга кочевали и близ Каспийского моря[91]. Ясно, что на положении аланского кочевого племени, занимавшего сравнительно давно в Гуннском союзе-федерации район нижнего течения Кумы, все это не могло не сказаться.

Персы и хайландуры. При приемнике Йездигерда II шахе Перозе (459–483/484 гг.) империи пришлось, напрягая все силы, бороться как против мятежных армянских и албанских правителей и полководцев, так и союзных им гуннов, и горцев Дагестана. Причем, по сообщению Мовсеса Каланкатуаци «… когда [персы] убедились, что ни силой, ни любовью им не склонить… [албанского царя Вече] к повиновению, они отправили большие сокровища в страну хайландуров (одно из гуннских племен на Северном Кавказе. – Авт.) и, открыв врата Аланов (Дариалан, Дарьяльский проход. – Авт.), пропустили через него многочисленные войска гуннов, (которые) в течение целого года воевали с царем Алуанка (эти события могли произойти в 461–463 гг. и, как мы видим, местные нахи, в отличие от племен Дагестана, поддерживают иранскую линию. – Авт.)[92].

Вахтанг Горгасал и нахи-кавкасиане. Поход на север. В связи с перипетиями гунно-горско-закавказско-иранско-византийских отношений второй половины V в. невозможно не упомянуть и полулегендарный сюжет, связанный с эпическим образом картлийского (иберийского) царя Вахтанга Горгасала (в литературе

№ 1–4, 1948; № 1–4. 1949. С. 1004; Феофан Исповедник. Хронография // Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Пер. И.С. Чичурова. М., 1980. С. 60.

[89] Феофан Исповедник. Указ. соч. С. 54.

[90] Хроника Захария Ритора… С. 159; и др.

[91] Салмин А.К. Савиры на Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 23.

[92] См.: Каланкатуаци Мовсес. Указ.соч. С. 29; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 31; Гаджимурадов М.Т. К вопросу о распространении христианства… С. 11–12.

называют даже годы его правления – около 440–502 гг., а также 431–491 гг.). Упомянутый выше И.Г. Семенов относит рождение Горгасала к 450/51 г.[93] Согласно грузинской письменной традиции, Вахтанг считается потомком внебрачного сына иранского шаха, поставленного в свое время правителем в Мцхета. Согласно варианту грузинского сочинения, отстоящего от времени действий едва ли не на 5 веков, в число героических деяний Вахтанга входят прежде всего: масштабный поход на Северный Кавказ (?) через Дарьяльское ущелье, укрепление христианства в стране, организация успешного восстания Иберии, Армении и Албании против иранского владычества и т.д.[94]

В описании похода героя за ворота Дариалан упомянуты союзники: иранская конница и 50 тыс. воинов «царей кавкасианов» (конечно, цифра нереальная, но показывает относительную многочисленность горцев на то время. – Авт.). Кстати, впоследствии Вахтанг указал на отказ тех же «кавкасианов» поддержать персов против Картли; вероятно, персы не получили от них, на что рассчитывали еще и потому, что «…некоторые из них (горцы. – Авт.) уверовали в распятие», т.е. крестились[95].

Если судить по контексту этнополитической ситуации того времени, экспедиция Вахтанга на Северный Кавказ, на равнины Терека была направлена против гуннов (в поздних грузинских летописях они названы «овсами» – аланами, т.к. в эпоху Леонти Мровели именно они стали преобладать на северокавказских равнинах) с целью наказать их за разорение страны. Как мы помним, речь шла о возможных походах хайландуров и гуннов-оногуров (сарагуров) на земли Закавказья через Дарьял и Картли в 461–463 гг. Однако А.В. Гадло рассматривает поход молодого Вахтанга на север состоявшимся где-то после 456 г. [96]

Как уже не раз отмечалось, немногочисленные на тот момент северокавказские аланы были вассалами гуннских вождей и располагались не на равнинах Центрального Кавказа, а в северной части Предкавказья с предположительным сезонным кочеванием в верхний бассейн Кубани. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов того обстоятельства, что в рассказах авторов XI в. (Джуаншер и Леонти Мровели) о походе Вахтанга Горгасала речь реально может идти об «овсах» – но как о доаланском горско-нахском населении нынешней Осетии, включая равнины.

Согласно И.Г. Семенову, речь шла о походе (в 466/67 г.) против племен «оногуров» и хазар (акациры), организованном по распоряжению шахиншаха, который возглавляли питиахши и марзпаны провинций Закавказья, в т.ч. с привлечением иранских войск и горцев. Одновременно другая группа воинов (албанцы и иранцы) выдвинулась из укреплений Чора по Каспийскому проходу. Судя по всему,

[93] Семенов И.Г. Генеалогия картлийских царей… С. 60–61.

[94] Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 54–75.

[95] Там же. С. 57,75.

[96] См.: Гадло А.В. Указ. соч. С. 45; Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана… С. 88–89: Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан… С. 33.

военные действия происходили в январе-апреле (когда кочевые племена находятся в наиболее беззащитном состоянии, в зимниках)[97].

В связи с деятельностью Вахтанга Горгасала привлекает внимание также сообщение Леонти Мровели, что царь укрепил или даже построил «Овские врата» (крепость) на Дарьяльской дороге и «поставил [в них] окрестных мтеулов (т.е. горцев. – Г.Ц.)…». Остается неясным вопрос: о какой крепости идет речь – располагающейся на северном или южном отрезке искомой дороги? Высказывается также предположение, что позже, в 482 г., тот же Вахтанг попытался через Дарьял привлечь в качестве союзников гуннские племена в ходе антииранского восстания[98].

Под «Овскими вратами» при Вахтанге Горгасале вряд ли можно подразумевать Дарьяльские укрепления на северной оконечности ущелья (его жестко контролировали гунны). Наверное, речь идет об укреплении старой крепости Дарубал в районе Живали (на сегодня в 34 км от Мцхеты).

В период долгого правления Вахтанга Горгасала часть нахо-горских народов, указанных выше вассалами Ирана, порой выступают его союзниками. Как указано в поздних грузинских источниках, некий «царь леков» (Южный Дагестан?) участвует с войском дидойцев и дзурдзуков (закавказские нахи) в одной из эпических битв Горгасала с персами. Этого «царя леков» исследователь С.А. Сулейманова попыталась соотнести с неким «Абухосро» (из не совсем внятного грузинского источника, который представляет его «потомком правителей нагорья» – пост, якобы учрежденный в свое время Вахтангом Горгасалом. – Авт.): «а тушами, хунзами и всеми язычниками тех мест правил эристав Абухосро…» в интересах картлийского царя. Этому противоречит короткое сообщение, что сын Вахтанга – Дача, продолжал политику отца по привлечению независимых кавкасиан: «призвал горцев Кахети признать Христа. Однако те не выказали желания…»[99]; при этом никаких картлийских ставленников здесь источник не называет.

Прокопий и тема кавказских перевалов. Один из выдающихся писателей византийского времени Прокопий в своей второй работе «Война с готами», написанной в 554 г., не раз обращается к теме кавказских перевалов: «… Отроги Кавказских гор, …обращенные к юго-востоку, достигают до тех самих проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот. Всю эту страну, которая простирается от (западных. – Авт.) пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы, это племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов... Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые другие гуннские племена…»[100]. Следовательно, аланы как бы «достигают» до Дарьяла (Каспийские ворота по Прокопию), хотя и не владеют им. Отметим, забегая впе-

[97] Семенов И.Г. Указ. соч. С. 66–68.

[98] См.: Мровели Леонти. Указ. соч. С. 89, 91 (примечания Г.В. Цулая); Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984. С. 108–109.

[99] См.: Джуаншер Джуаншериани. Указ. соч. С. 89, 102; Сулейманова С.А. Этнополитическая история Северо-Западной Албании в свете архетипов в местных источниках... С. 55.

[100] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 381.

ред, что и предыдущие и последующие материалы убеждают в том, что аланы не переходили к западу от условных границ Кисловодско-Пятигорско-Кумского «коридора» своего кочевания (кстати, и из Кисловодской котловины аланы были изгнаны ближе к VII в. тюрками-булгарами).

Интересно отметить, что в названии одного из кавказских проходов – в данном контексте Дербентского (Каспийского), Прокопий использовал армянский географический термин Дзор (Тзур) – «ущелье, проход», который, соответственно видоизменяясь, занял место и в других точках региона: Дзор/Дзур/Джор/Джары/Джарах/Тзор/Тзур/Цора/Чора/Чола(?), и т.д.[101] И, конечно, вспоминаются знаменитые «дзурдзуки/дурдзуки» – «ущельные горцы» Леонти Мровели и других[102].

Расположение аланов Гуннской федерации. Приведенный выше тезис Прокопия, что якобы «эту страну, которая простирается от пределов Кавказа (в контексте с запада от Черного моря. – Авт.) до Каспийских ворот (здесь Дарьяльский путь. – Авт.), занимают аланы», уверенно опровергается им на других страницах цитируемой работы. Так, Прокопий пишет: «За пределами абасгов (абхазов. – Авт.) до Кавказского хребта живут брухи (убыхи? - Авт.), находясь между абасгов (абхазы. – Авт.) и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи (зехи/зихи – адыги/черкесы – Авт.) … За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне… За сайтами (так в тексте. – Авт.) осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского Болота» и до реки Танаиса (Дона),..»[103].

Таким образом аланские кочевья, принадлежащие к гуннской федерации, достигают в своих маршрутах на юге северо-западных склонов Кавказских гор, где за хребтом по побережью Черного моря находятся «соседи» – абхазы и родственные им племена. Утверждения византийских авторов о непосредственном «соседстве» алан и абхазов, по мнению историка А.В. Гадло, носят условный характер, т.к. аланы, как и гунны-савиры, расположенные на Северо-Западном Кавказе, были отделены от абхазов и византийских крепостей в их землях, не только Кавказским хребтом, но и «многими племенами»[104].

Следовательно, горные и причерноморские районы западных пределов Кавказа занимают автохтоны, а какую-то часть предгорно-плоскостных районов Северо-Западного Кавказа, вплоть до Азовского моря (включая, возможно, и местности по течению Лабы-Урупа, ведущие к кавказским перевалам) проходят в течение своих сезонных кочевий гуннские (скорее булгарские) племена и, вероятно, аланы. Последние, наряду с племенным булгарским объединением (оно-

[101] См., к примеру: Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего средневековья // Вопросы ономастики. № 2 (17). 2014. С. 55–64; и др.

[102] Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья… С. 20–30.

[103] См: Прокопий из Кесарии. Указ. соч. С. 383–384; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 35; Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) Сухуми, 1969. С. 14–15; Бганба В.М. К вопросу о происхождении этнонима «абхаз» //Абхазоведение. Вып. 1. Сухум. 2000 (на абх.яз. с русским резюме).

[104] Гадло А. В. Указ. соч. С. 88.

гуры и сарагуры) Прикубанья и восточной части Приазовья, порой значатся в источниках и под общим названием «утигуры»[105].

По мнению видного алановеда дореволюционного времени Ю.А. Кулаковского, «с юга аланы граничили с сванетами…, с запада – племенем брухов…, которые отделяли их от авазгов, т.е. абхазцев, с востока гуннами-сабирами, которые владели восточным кавказским проходом»[106].

Аланы и центральная часть Северного Кавказа. Следует отметить, что отсутствие алан на равнинах Чечни, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (в современных границах), совершенно очевидное из осмысления письменных источников и археологических данных рассматриваемого периода, отдельные исследователи объясняют своеобразно. Приведем некую усредненную позицию, выраженную в небесталанной работе З.Х. Албеговой: «После VII в. памятники аланской культуры полностью исчезают с равнинной части Северной Осетии, их ареал смещается в горы (может, все-таки к входам ущелий, если только степные кочевники вдруг не решили стать горцами? – Авт.). Интересно, что в горной зоне о катакомбах первой половины I тыс. н.э. неизвестно. Они появляются здесь только с VI–VII вв., то есть тогда, когда в предгорьях постепенно затухает жизнь, и бытуют до IX–XII вв. …. Важно отметить, что на освобожденные аланами равнинные земли не приходят другие племена. Здесь наступает период запустения, который продолжается до X–XII вв.» (!?). В другом месте цитируемый автор уточняет: «…картографирование памятников аланской культуры на территории Северной Осетии дает нам основание полагать, что в VI–VII вв. в связи с установлением чрезмерно жаркого и сухого климата на равнине аланское население постепенно ушло в горы»[107]. Но все дело в том, что пребывание здесь алан достаточно проблематично и до V в. как и после, по крайней мере, до X–XI вв. Соответственно, все последующие построения З.Х. Албеговой наглядно переходят в разряд общетеоретических построений.

Допустить уступку в вопросе о бытовании якобы аланских памятников в районах, прилегающих к тому же Дарьялу накануне арабских нашествий, можно, только приняв на веру своеобразные заявления исключительно увлеченных своей темой археологов и, во-вторых, актуализировав более поздние данные арабских авторов, которые надо осмысливать[108]. Упоминания арабоязычных авторов X–XI вв. о походах мусульман в VII–VIII вв. «против алан» или «на алан» являются тривиальной терминологической путаницей, связанной с названиями известного прохода и пути, который они преодолевали в ходе войн с Хазарией: на персидском языке Дар и-Алан («Ворота против алан») и на арабском языке Баб ал-Лан («Ворота алан»). Поход арабов на север от Мцхеты-Тбилиси к Аланским воротам

[105] Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 35,42.

[106] Кулаковский Ю.А. Аланы, по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 140; Артамонов М.А. Указ. соч. С.74.

[107] Албегова З.Х. Расселение алан на территории Северной Осетии в I–XII вв. по материалам картографирования археологических памятников. // Археология и геоинформатика. Вып. 4. 2007: [Электронный ресурс]. URL: http://www.archaeolog.ru (дата обращения 14.10.2018)

[108] История Северо-Осетинской АССР: с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Орджоникидзе, 1987. С. 85–87; и др.

через нахские земли обозначался в текстах арабоязычных авторов как «поход на/против алан/Алан».

Аланы на р. Кума. Данные византийских авторов середины VI в. вносят дополнительные сведения в вопрос о размещении северокавказских алан, которые никак не вписываются в горные ущелья Центрального Кавказа. Они помещают, к примеру, под 570/571 г. аланский кочевой народ во главе с «царем», авторитетным вождем Сародием (Саросий) в районе нижнего течения р. Кумы и называют эту местность «Алания». При этом кумские аланы Сародия, согласно византийцам, имеют определенные сведения о ситуации на перевальных дорогах западной части Кавказского хребта[109]. Возможно, это объяснялось тем обстоятельством, что аланские сезонные кочевья предположительно доходили от «Алании» на Куме, до районов Пятигорья и Кисловодской котловины на юго-западе. Но никак не до Сулака, Терека и Сунжи, не говоря уже о Дарьяле.

Роль и место булгарских племен в регионе. Довольно рыхлая Гуннская держава изначально представляла собой некий союз племен, распространивший при вожде Аттиле границы влияния от Рейна на западе до Волги на востоке, от Западной Двины и Оки на севере до степей Восточной Европы и Северного Кавказа на юге. Представители булгарского племенного объединения «Великая Булгария», входившего в Гуннский союз-федерацию Северного Кавказа и Азово-Каспийского междуморья, сосредоточились не только севернее Кубани, Ставропольской возвышенности и в Северном Причерноморье, но также в центральной и отчасти северо-западной части Северного Кавказа, вплоть до ущелий Большого Кавказа. Им мы, видимо, обязаны по крайней мере началом тюркизации западных нахов – нынешних балкарцев и карачаевцев[110]. Кстати, сильные булгарские племена встречаются и в северо-восточной «гуннской» части Северного Кавказа.

Тема роли и места булгар в истории Евразии в целом, Северного Кавказа и Поволжья представляет собой крупную историческую проблему[111].

«Гуннский» союз. Страна гуннов. «Начиная с V в. места расселения тюркоязычных номадов в Прикаспии обозначались в исторических источниках (армяноязычных, сирийских, ранневизантийских) понятием «страна гуннов», в котором, как указывает историк Л.Б. Гмыря, этнический компонент в большинстве случаев условен, собирателен и фиксирует не столько название конкретного племени, сколько стабильное пребывание на определенной территории племен, принадлежащих к одной языковой семье, ведущих схожий образ жизни и исповедующих специфические верования». Этот «гуннский» союз племен на Северном Кавказе, даже будучи позже в вассальной зависимости от Тюркского каганата, продолжает идти по пути формирования своей государственности с неким «великим князем» и

[109] Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер.С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 383.

[110] Алексеева В.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Нальчик, 1993. С. 14–15.

[111] См.: Бариев Р.Х. Волжские булгары: история и культура. СПб., 1999; Bulgarica. Время и пространство болгарской цивилизации: Атлас. Изд. «Феория». 2012.

выделившимся хозяйственным и политическим центром – городом Варачан (располагался на р. Сулак у выхода из гор, либо в районе современного Буйнакска)» [112].

После смерти верховного вождя гуннов Аттилы в 453/54 г. (он, кстати, реально подчинил себе Северный Кавказ и Предкавказье еще к 434 г., завоевав в первую очередь «соросгов»-алан и «акациров»-хазар)[113] начался развал Гуннской империи и оттеснение гуннов из Западной Европы и Балкан на восток в т.н. «Скифию» (включавшую степное Северное Причерноморье и Предкавказье). В ходе новой гуннской волны переселения к началу второй половины V в. в азово-каспийском междуморье устанавливается племенная гегемония гуннов-оногуров (сарагуры, хайландуры). Местные подразделения акациров (хазиры/хазары?) были отодвинуты на север Каспия, где они вошли в союз с барсилами; значительно позже на них, вероятно, и распространится общее этноплеменное название «хазары». При этом степные районы собственно Северо-Восточного Кавказа (ныне входящие в Чечню и Дагестан) с конца V–VI в. в той или иной степени контролируют, порой до передовой цепи гор, еще одно кочевое объединение – гунны-савиры (возможно, связанное с булгарами), народ, охарактеризованный как «величайший и многочисленнейший»[114].

Горские автохтонные народы. В связи с установлением в регионе гуннской «гегемонии» возникает вопрос о политическом положении собственно горских народов Северного Кавказа на тот момент. В составе гуннского союза на Северном Кавказе, как известно, изначально были вассальные племена, к примеру, ираноязычные аланы (асы) и булгары (говорившие на древнетюркских диалектах). Что же стало с равнинным и горским автохтонным населением? Приведем еще одну развернутую цитату из классической монографии А.В. Гадло: «Археологические исследования показывают, что в течение IV в. предгорные области Северного Кавказа не утратили оседлого или полуоседлого населения, которое занималось земледелием и отгонным скотоводством. Правда, в размещении этого населения произошел сдвиг, оно придвинулось ближе к горам, где продолжало сохранять комплексную земледельческо-скотоводческую (пастушескую) форму хозяйства». Этот «сдвиг» выражался еще и в том, что на протяжении всей линии проживания нахских групп от верхней Кубани и Лабы до Акташа-Сулака возникают земляные городища, представляющие сложные системы обороны, «включая насыпные валы, башни-цитадели и глубокие рвы…». Заметим, что подобные городища и защитные линии в истории горских народов известны и значительно

[112] См.: Гмыря Л.Б. Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. История. 2007. № 18. С. 111; Боталов С.Г. Язык и имена гуннов (Относительно одного устоявшегося стереотипа о тюркоязычности гуннов) // Челябинский гуманитарий. Челябинск, 2010. № 3 (12). С. 122–130.

[113] См.: Семенов И.Г. Указ. соч. С. 39.

[114] См.: Агафий. Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского. Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе / Пер. М.В. Левченко // Византийский временник. Т. 3 (28). М.-Л., 1950. С. 342; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв…. С. 26, 48–61, 90; Салмин А.К. Савиры на Кавказе… С. 22–28; и др.

ранее. Видимо, с адаптацией гуннов на степном Северном Кавказе, связанной в т.ч. с продвижением вассальных кочевых племен к предгорным равнинам, согласно исследователю Г.Д. Гумба, происходило перемещение местных земледельческих народов ближе к горам с опорой на оборонительные сооружения в рамках едва ли не общенациональной «большой защитной системы»[115].

Некоторые суждения по проблеме. Нам представляется, что кочевание части гуннских, тюркоязычных булгарских и ираноязычных аланских групп в пределах предгорной части Северного Кавказа было вынужденным. Следует учитывать, что условия для традиционного скотоводческого хозяйства в данном регионе, особенно в указанных районах, были не совсем благоприятными для степняков. Совершенно необходимый в хозяйственном цикле степняков зимний выпас скота был продуктивен только в степях северной части Азово-Каспийского междуморья (степное Предкавказье, степи современной Калмыкии, сравнительно узкая западно-прикаспийская зона современного Дагестана).

Надо, однако, брать во внимание эпохальные изменения климата – эпоха относительной увлажненности и похолодания на всем Северном Причерноморье, Приазовье и Северном Кавказе, наблюдаемая со времен Гомера и до Овидия Назона (VIII в. до н. э. – начало I в. н.э.), ближе к второй половине I тыс. н.э. сменяется высокими среднегодовыми температурами и аридизацией региона; «распространяются сухие, с разреженным растительным покровом типчаково-полынные степные и полупустынные формации»[116], что благоприятствовало выживанию здесь всех пришлых кочевых племен.

§6. Иран и Византия на Кавказе. Строительство крепостных сооружений в кавказских ущельях в VI в.

Ирано-византийские войны и нахи-кавкасиане. Согласно письменной традиции, иранский шах Пероз в результате политических перипетий второй половины V столетия был вынужден примириться как с кавказскими странами, так и допустить в целом свободу христианского вероисповедания в Закавказье. Но ирано-византийские противоречия с усилением христианизации Закавказья продолжали нарастать. Прямо или косвенно в указанные противоречия христианской Византии и зороастрийского Ирана оказывались втянутыми в т.ч. нахские общества Закавказья и, возможно, Северного Кавказа.

Так, в следующем VI в. моменты, связанные с кавказскими перевалами и горскими народами, стали фактором прямых византийско-персидских войн. В частности, после окончания короткой войны между империями в 502–506 гг. и подготовке к более длительной войне, состоявшейся в 526–532 гг. Эти сюжеты отражены, к примеру, у византийского автора Прокопия Кесарийского (умер в 565 г.), весьма сведущего в государственных делах империи, в т.ч. на Кавказе.

[115] См.: Гадло А.В. Указ. соч. С. 27; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 301, 326–328, 358, и др.

[116] Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Грозный, 1999. С. 112.

Так, в трактате «Война с персами» Прокопий впервые после Страбона (ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.) описывает стратегически важную дорогу на север из Иберии (шла через земли нахоязычных горцев) на Северный Кавказ:

«Кто пройдет [на север] через пределы ивиров (иберы-картвелы. – Авт.), встретит среди теснин узкую тропу, простирающуюся на пятьдесят стадий (греко-римская стадия около 178 м; в данном случае 50 стадий всего 9 км, что вряд ли верно. Даже сегодня, при наличии широкорядного асфальтированного шоссе, сократившего расстояние между Мцхетой и Владикавказом до 170 км, здесь идут десятки километров пути со сложным рельефом. – Авт.). Эта тропа упирается в круто поднимающееся и совершенно непроходимое место. Дальше не видно никакого прохода, если не считать как бы сотворенных природой ворот (Дарьяльские ворота. –Авт.), которые издревле назывались Каспийскими.

Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды (как видим алан, достаточно известных византийцам, здесь никак нет. – Авт.). Когда эти гунны нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота, о которых я сейчас упомянул, не делая никаких объездов и не встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые, как сказано, ведут в пределы Ивирии»[117]. Отметим, что на деле Дарьяльская дорога использовалась только летом и осенью, причем довольно редко из-за долгого, сложного горного пути с пересечением высокогорных перевалов, частых подъемов бурного Терека, снежных заносов и опасности камнепадов.

Стратегическая Дарьяльская дорога и горные нахи в ирано-византийских противоречиях. Из дальнейшего чтения Прокопия видно, что он порой путает Дарьяльский и Каспийский (Дербентский) проходы. Но в контексте данного отрывка очевидно, что и под Каспийскими воротами речь у автора идет о Дарьяльской дороге (что подтверждает М.А. Артамонов и А.В. Гадло): первое, с южной стороны указанного прохода у Прокопия находятся «ивиры» – картвелы-грузины, а северным входом, как указано в другом месте книги, реально владел гуннский вождь Амбазук – «друг римлян (византийцев. – Авт.)». Позже гуннский правитель пытался даже «отдать римлянам [Дарьяльское] укрепление» за деньги; однако византийцы отказались приобрести укрепление, то ли из-за естественных преград на конечном участке Дарьяла, то ли за невозможностью держать там гарнизон[118].

Видимо, протяженные северные границы по Кавказскому хребту (ок. 1000 км) продолжали тревожить Иран и в зените его могущества. Шах Кавад (правил в 488–496 и 499–531 гг.) потребовал от главы картлийских феодалов вассальной «Ивирии» (Картли) Гургена, претендовавшего на царство, отказаться от христианства (предполагавшего греко-византийскую ориентацию) и принять зороа-

[117] Кесарийский Прокопий. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой / Ред. Г.Г. Литаврин. М., 1993. С. 19.

[118] Кесарийский Прокопий. Указ. соч. С. 20; Артамонов М.А История хазар… С. 64; Гадло А.В. Указ. соч. С. 73.

стризм. Не имея сил для сопротивления, Гурген в 523 г. с семьей и знатью бежал на запад в Лазику под защиту византийских гарнизонов. Царская власть в тогдашней Картли была напрочь упразднена. В столице Иверии/Иберии (Армази, Мцхета?) утвердилась власть иранского марзпана – пограничный наместник шаха (как правило таковыми назначались влиятельные армянские князья). Тогда же по распоряжению шаха Кавада сыновья «друга римлян» гунна Амбазука были выгнаны из «ворот» (Дарьял), а существующие здесь укрепления на какое-то время заняты армяно-иранскими силами (что может говорить о движении значительного числа войск по ущельям Арагви и Терека). Но в конечном счете выяснилось, что Иран более озабочен вопросом укрепления старой крепости Юройпаах (Йорипаах, Иберская крепость, Дарубал, Кумания), построенной, если верить Л. Мровели, в древности легендарным Мирваном конкретно против нахов-дзурдзуков на южном отрезке Дарьяльского пути (район Живнали)[119].

Фактически, согласно Г.Гумба (см. предыдущие главы), начало укрепления положили еще эллинистические Селевкиды, поддержавшие первых картлийских царей против нахов-кавкасиан.Согласно его мнению: «В раннесредневековый период укрепленные ворота у Живнали представляли собой часть цепи сторожевых крепостей (башен) или каменной стены, простиравшейся вдоль границы Цанарии с Картли и Албанией… Армянские авторы раннего средневековья называют эту стену не только Циканскими (Цилканскими) воротами, но и Вирои пахак (Ի Վիրոի պահակ), то есть Иберийское укрепление, откуда произошло название Юройпаах, встречающееся в ранневизантийских источниках… С военно-стратегической точки зрения, проход у Живнали… имел ключевое значение, ибо в этом месте пересекались дороги, шедшие не только с Северного Кавказа по Дарьяльскому ущелью, но и с горных перевалов Северо-Восточного Кавказа через Аргунский и Ассинский проходы, через Шатили или Ардоти, вдоль Пшавской Арагви. Отсюда одна дорога имела выход непосредственно к столице Картли Мцхета…, а другая через Тианети выходила в долину Алазани и далее вела в Албанию и Армению»[120].

Как мы указывали, граница между Картлией и «Кавказом» (варварским миром) и соответственно между картлийским этносом и нахами Закавказья проходила не более чем в 2-3 часах ходьбы на север от Мцхеты (15 км), иногда она уменьшалась и более. Потому принадлежность т.н. Иберийского (Цилканского) укрепления к Картли, если это имело место быть, представляла собой временное явление. Не раз можно убедиться, что указанной крепостью на протяжении веков владели в большей мере как раз иранцы (и их вассалы армянские князья), которые пользовались содействием тех же дзурдзуков-цанаров.

Интересно также отметить, что сословие благородных – азнауры (с глубокой древности имевших корни среди нахов-горцев) в общем-то выступило на стороне иранцев в вопросе судьбы последних царей Картли. Со времени упразднения царского правления и бегства Гургена в 523 г. область Картли сохраняла некое

[119] См.: Кесарийский Прокопий. Указ. соч. С. 20, 23–24; Гадло А.В. Указ. соч. С. 98; Артамонов М. И. Указ. соч. С. 64; Очерки истории Грузии… Т. 2. С. 141–144; Леонтий Мровели. Жизнь картлийских царей // Картлис цховреба. История Грузии… С. 26 ; и др.

[120] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 39–40.

единство, благодаря Мцхетскому архиепископу и старшим князьям (эрисмтавари) из феодальной знати, не имевшим никаких суверенных прав и подчинявшихся напрямую иранским наместникам[121].

Северокавказская Гунния и Иран. Чтобы понять особенности северной политики великого Ирана в правление нескольких выдающихся шахинщшахов Ирана, следует вновь вернуться к вопросу о северокавказской Гуннии. Укрепление на Северном Кавказе Гуннского союза во главе с сильным племенем савиров/сабиров изначально привело к вовлечению степняков в большую политику. Осенью 503 г. именно савиры (возможно с подачи Византии) возглавили поход гуннов на Албанию через Дербент, причем это пришлось на тот момент, когда шах Кавад был занят большой войной с византийцами в районе Евфрата. Потому гунны успели разграбить в Закавказье не только Албанию, но и Иберию. Иран был вынужден открыть тогда мирные переговоры с Византией, и только тогда шах Кавад отправился с армией в Закавказье. Вытеснить сабиров за Кавказский хребет и взять под контроль Дербентский и Дарьяльский проходы шах смог только к 508 г. В 515/516 г. (или 516–517 г.) сабиры вновь прощли в Закавказье и разорили (вероятно, теперь с подачи Ирана) на этот раз римско-византийские владения в Армении, Каппадокии и в Месопотамии[122].

Эти объекты нападения вместе с тем указывают на то, что савиры/сабиры воспользовались не Дербентской или Дарьяльской дорогами, а скорее западнокавказскими перевалами, т.к. земли Албании и Иберии, к которым выводят названные ранее перевалы, остались совершенно незатронутыми нашествием кочевников.

Возрастание значения кавказских проходов. Новая большая война двух великих империй – Ирана и Византии, разразившаяся в 526–532 гг. и получившая условное название «Иберийская», затронула преимущественно западную часть Закавказья и прошла с военным преимуществом Ирана. По очередному «вечному миру» шах Кавад (488–496 и 499–531) получил от Византии в т.ч. значительное количество золота для строительства и содержания укреплений в кавказских проходах, причем в интересах защиты границ обеих империй в Закавказье и Ближнем Востоке от вторжений кочевых племен. Недаром шах Кавад, говоря в свое время о чрезвычайном значении кавказских перевалов, упрекал византийцев в недальновидности: «…мы, поставив там многочисленное войско, которое мы и поныне содержим, доставили вам возможность жить в этой стране, не подвергаясь опустошительным набегам со стороны тамошних варваров, и владеть своими землями с полным спокойствием…». Более того, шах Кавад даже предлагал императору Юстиниану также посылать войска «к Каспийским воротам» для совместной охраны прохода от гуннов (которых он называл массагетами)[123]. Все эти

[121] См.: Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей. Три хроники // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVIII. Тифлис, 1900. С. 41; Богверадзе А.А., Упразднение царской власти в Картли // Очерки истории Грузии в 8 тт. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 141–143.

[122] Феофан Исповедник. Хронография… С .49, 76 (прим. 52, 53); Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 34; Салмин А.К. Савиры на Кавказе… С. 22–28.

[123] Кесарийский Прокопий. Война с персами… Указ. соч. С. 35–36.

сюжеты, связанные с гуннско-ирано-византийскими перипетиями, интересны для нашей темы потому, что они так или иначе аукались на нахском этномассиве, располагавшемся по обеим сторонам Кавказского хребта.

Рост мощи гуннских и булгарских племен на Северном Кавказе. Между тем, военная мощь гуннов в Азово-Каспийском междуморье достигает впечатляющих даже для великих держав масштабов: по отрывочным данным 520-х гг. некая «царица» Боарикс (Берихос) племени савиров, входившего в Гуннский союз, с резиденцией в Варачане (район Северного Дагестана) выставляла до 100 тыс. воинов-всадников. По несколько десятков тысяч кавалерии имели менее значительные вожди. Можно предполагать, согласно А. К. Сальмину, что численность одних только савиров с женами и детьми могла достигать в регионе миллиона человек. Однако вследствие того, что «Гуннское царство» представляло собой довольно рыхлую конфедерацию с разными политическими устремлениями племен, общая наступательная мощь ослаблялась. Следует учитывать версию, что часть гуннов, в т.ч. и представителей племени савиров, под воздействием местных земледельческих народов начинает переходить в какой-то мере к оседлому образу жизни (по крайней мере, в округах аграрного характера городских центров)[124].

Ирано-византийская война 540-545 гг. и опасность северокавказских кочевников. Война охватила широким фронтом не только Месопотамию, но и Западную Грузию и Абхазию, причем вооруженный конфликт затянулся до 562 г. Для нашей темы интерес представляет то обстоятельство, что на каком-то этапе войны, будучи союзником византийцев, «лазский» (вероятно, здесь колхидский) царь Губаз заключил «союз с аланами и савирами, которые … согласились не только вместе с ним охранять от опустошения землю лазов, но и так обезлюдить Иверию, что в дальнейшем персы не смогут двигаться отсюда». Есть хронологически поздние сообщения, что такое вторжение провизантийской части номадов в Иверию-Картли состоялось, но было отражено войсками шаха Хосроя Ануширвана (531–579). Тогда же представители савиров Северо-Восточного Кавказа не только прорвали дербентские укрепления Ирана, но и пытались, ни много ни мало, осесть на вассальных шаху землях Албании/Алуанка[125]. Это, кстати, может еще раз говорить о реальном переполнении северокавказских степей номадами, что, видимо, заставляло их стремиться к освоению новых территорий.

Решение Ирана о строительстве укрепленной линии на Кавказе. Опасность со стороны Севера была рано осознана правящей верхушкой Сасанидского Ирана. Начиная уже с иранского шахиншаха Йездигерда II (438/9–457 гг.), и далее в правление Кавада I (488–496 и 499–531 гг.) и в особенности Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) и Хосрова II (590–627 гг.) на протяжении от Черного моря до района Дербента, как уже упоминалось, достраиваются и дополнительно строятся грандиозные крепостные комплексы. Также по инициативе Ирана появляются и более скромные укрепления непосредственно в районах расселения кавказских нахов в Двалетии (Осетия), в центральной части Закавказья по Дарьяльской дороге и в северо-восточной части современной Грузии в Тушетии и на пути от Дарубала (Живали) и Мцхеты к албанским городам (к примеру, «Албанские ворота» – проход, образованный тесным скальным рельефом по течению р. Алазани).

[124] См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 70–71; Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 184–185; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 49–50; Салмин А.К. Указ. соч. С. 24–25; Алиев Камиль. Именник гуннских царей (Кавказская Гунния): [Электронный ресурс]. URL: http://www.kumukia.ru›?id=869 (дата обращения 14.10.2018); и др.

[125] См.: Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М.-Л.. 1953. С. 116–117; Кесарийский Прокопий. Указ. соч. С. 114; Артамонов М.И. Указ. соч. С. 71–72, 74; Ивик Олег, Ключников Владимир. Хазары. М., 2015. С. 34–35.

«Ворота-укрепления» в нахских ущельях Кавказа. Источники сообщают о строительстве непосредственно в горах Двалетии (возможно, на дорогах, ведущих к Рокскому и Мамисонскому перевалам) и Дзурдзукетии (в данном случае это южные склоны Большого Кавказа и перевалы на север) до четырех «ворот-укреплений». На восток от Дарьяльского пути в землях восточнокавказских нахов Закавказья указывается укрепление «Парчуан Дордзокетский» (вероятно, в Тушетии у сел. Фарсман/Парсман). Также мы имеем в виду предположение о сооружении неких небольших «стен» в землях обществ Галгай (груз. «Глигви» в исторической Ингушетии) и у сел Даттых и Алкун (историческая Чечня). Они все располагались в верхнем бассейне р. Ассы. Через них с северокавказской плоскости по течению Ассы (чеч. Яс-хи) шла очень трудная (потому очень редко используемая) перевальная дорога в восточную часть Грузии. Остатки оборонительных стен (судя по всему, местной архитектуры) сохранились по сей день, правда, из-за отсутствия исследований мы не можем судить о времени их сооружения[126].

Поводы для появления здесь защитных укреплений возникали и значительно позже, к примеру, когда в первой трети XI в. аланские вожди прорывались в тылы закавказского нахского государства Кахети-Эрети[127].

Еще одним свидетельством активной политической деятельности иранских шахов на Кавказе, в районах расселения раннесредневековых нахов, являются находки сасанидских монет.

Сооружение Дербента и распространение прямого влияния на горские народы. Арабоязычная историческая традиция, опиравшаяся в вопросах исто-

[126] См.: Такайшвили Е. Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения». Т. II. Вып. 1–4. Тифлис, 1906–1912. С. 723 (на груз. языке); Баладзори. Книга завоеваний стран / Перевод П.К. Жузе. Баку, 1927. С .6; Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. IV. Л., 1930. С. 705, 712; Гамрекели В.Н. Двалы и Двалети в I – XV вв. н.э. … С. 24–25; Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинскими и чечено-ингушскими народами (с древнейших времен до XV века). Тбилиси, 1963. С.22–24; Гадло А.В. Указ. соч. С.103–106; Сигаури И. Маьлхийста – судьба древнейшей исторической области Чечни // Журнал «ДОШ». № 2. 2013. С. 52; Айтберов Тимур. Военно-административные центры на Восточном Кавказе: в легендарную эпоху, при Аршакидах и при Сасанидах.; Албаков–Мяршхи Р. Дзурдзукские ворота: [Электронный ресурс]. URL: http://www. ingush-empire. com›2011/01/дзурдзукские-ворота / (дата обращения 14.10.2018).

[127] Багратиони Вахушти. История царства грузинского. Мецниереба. Тбилиси, 1976. С. 128–129.

рии и географии Кавказа на иранские источники, приписывает (впрочем, справедливо) тому же Хосрову Ануширвану (531–579 гг.) строительство громадной каменной крепости в Дербенте с фланговыми стенами на десятки км (до этого сырцовые стены строились гораздо южнее Дербента в проходе Тзор /Цор/Чора/ Чола) между горами и Каспием, а также неких строительных работ в том же Дарьяльском ущелье[128].

В интересах охраны северных границ империи Хосров создал на границе Кавказских гор с базой в Дербенте (где поселил 5 тыс. воинов-персов) постоянные военные ополчения из албан и армян, а в бассейне р. Самур среди леков/лаков (ранние лезгины, лаки и табасаранцы?) насадил в качестве вассальных царьков своих ставленников. Явление, названное позже как «утверждение царей горы Кабк в их владениях»; соответственно, местные вожди были названы звучными титулами: табарсараншах, филаншах/капланшах, варазаншах, и т.д. Есть предположения, что еще выше в горах Дагестана – область Сарир (вершина, гора, горная страна), в селении Гумик якобы был размещен передовой иранский гарнизон и ставка шахского представителя[129].

В тот же период шахский наместник – марзпан (правивший Картли и горскими территориями вне ее границ) включил нахов Закавказья («цари дзурдзуков») в некую систему обороны северных границ империи.

Цилканская епархия и «Хоруцон». Как известно из более поздних данных, нахоязычные горцы-дурдзуки южных склонов Кавказа, начиная от бассейна истоков Арагви и Терека на западе и до Пшавии, Тушетии на востоке (на протяжении примерно 100 км), на первом этапе христианизации Иберии в IV–VII вв. по большей части входили в зону влияния именно Цилканской епархии (позже, в арабскую эпоху, умножившиеся горцы влиятельного Цилканского хорепископства стали называться санары/цанары)[130].

В 562 г. в мирном договоре Ирана и Византии, заключенном сроком на 50 лет, первым постановлением было записано: «чтобы персы не позволяли ни уннам, ни аланам, ни другим варварам переходить в римские владения ущельем, называемым Хоруцон, и вратами Каспийскими, и чтобы римляне ни в это место, ни в другие пределы мидийского государства не посылали войска на персов»[131]. Очень вероятно, что в данном контексте «врата Каспийские» это Дербент, а «Хоруцон», соответственно, Дарьяльское ущелье с его нахским населением.

[128] Артамонов М.В. Указ. соч. С. 64; Новосельцев А.В. Указ. соч. С. 82, 106–107.

[129] См.: Еремян С.Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов… С. 36–37; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 189–191; Гадло А.В. Указ. соч. С. 105–106; Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 85-86; Аликберов А.К. Сасанидская титулатура правителей Кавказа в свете данных Хамзы ал-Исфахани. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В.В.Пашуто. М., 2007. С. 7–9.

[130] Еремян С.Т. Указ. соч. С. 38-39; Мкртумян А.Г. Этнический состав населения Центрального Кавказа в IX-XI вв. // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. № 4. Ереван, 1976. С. 171–173; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 28; Иессей Цилканский // Православная энциклопедия… С. 511–512; и др.

[131] Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой… С. 342.

Усиление иранского влияния на Кавказе. Стоит отметить и то обстоятельство, что при шахе Хосрове II в 590–627 гг. на Кавказ (главным образом в нынешний Азербайджан, Южный Дагестан и Грузию) были насильственно депортированы десятками тысяч иранские маздакиды (члены религиозной общины Маздака и этнические евреи Ирана). Гипотетически допустимо, что известная их часть попала в Дербент и другие иранские укрепления, в т.ч. расположенные на Дарьяльском пути, и даже оказались в Хазарии[132].

Но в 70-х гг. VI в. на Картли и части Армении стало было распространяться византийское влияние, а в 80-х гг. того же века эрисмтавари Гурген взялся даже чеканить монету от своего имени. Наследник Гургена Стефаноз I (529–602/3 гг.) проявил себя сильным правителем. Он аккумулировал силы картвелов на строительство значимого Мцхетского собора Джвари, законченного в 90-х гг. VI – начале VII в.[133]

Стоит отметить, что, несмотря на поддержку иранским правителем армянского монофизитства в Сасанидской империи, грузинская церковь во главе с архиепископом (или каталикосом?) Мцхетским Кирионом добилась в 606–608 гг. утверждения в пределах Картли халкидонского (греческого, диофизитского) канона христианства[134]. Это было одним из крупнейших событий в истории Грузии, имевшем долговременные последствия.

Выводы. К 70-м годам IV в. н.э. огромные массы гуннских (и булгарских) племен из Центральной Азии, Сибири и Урала (по языку тюрки, угро-финны и иранцы) выступили из-за Волги и Камы на запад (отметим, что какие-то небольшие гуннские племена указывались здесь и ранее). В обширных степях Восточной Европы они разбили в частых стычках племена готского, сарматского, аланского союзов и двинулись в южные и западные области Европы.

Практически вся военно-политическая история нахов Северного Кавказа с конца IVв. – по начало VI в. оказалась связана с действиями гунно-булгарских союзов племен, которые, присоединив и алан Приазовья, заняли практически все степные районы Северного Кавказа между Черным, Азовским морями и Прикаспием вплоть до предгорных равнин. Здесь сложились самые различные союзы и федерации племен, включая «Страну гуннов» и «Великую Булгарию».

Северокавказские племена, включая нахские, от верхнего течения Большой Лабы на западе до Сулака на востоке, должны были испытывать по передовой линии Кавказских гор значительную хозяйственную и демографическую нагрузку цивилизационно чуждых многочисленных кочевых народов, но также со временем неизбежно искать с ними и некое взаимодействие.

Нахи Южного Кавказа оказались в русле политики закавказских государств и растущего наступления Сасанидского Ирана. Причем, с другой стороны, на геге-

[132] Семенов И.Г. О ранних контактах восточнокавказских евреев и хазар // Материалы Международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа». 24–26 апреля 2001 г. Баку – Куба – Красная Слобода. Баку, 2002. С. 35–47; и др.

[133] Богверадзе А.А. Восстановление государственной власти в Картли… С. 141–142.

[134] Богверадзе А.А. Указ. соч. С. 142–144.

монию в кавказском регионе претендовала наследница Рима на Востоке – Византийская империя.

Так, при первых сасанидских царях один из шахиншахов двинулся с армией в Иверию-Картли на Куре, где покорил картвелов, затем, если верить средневековым грузинским источникам, шах поднялся в горы и «забрал все ущелья кавкасианов, учредил всюду своих мтаваров (князей, правителей. – Авт.) и повелел им повиноваться сыну его Мириану (ставшему царем в Мцхета. – Авт.)». По существу, речь могла идти о завоевании не только горной полосы современной Грузии (Дурдзукетия/Цанария), но и пограничных обществ в пределах горных районов современных Чечни, Ингушетии, Дагестана и Осетии, прилегающих к Главному Кавказскому хребту с насаждением там вассальных правителей. Правда, уже при сыновьях и внуках Мириана отношения христианизированной Мцхеты с горцами-язычниками вернулись к состоянию их безусловной независимости.

Сасанидские шахи с IV по VI в. с учетом опасности от кочевников с севера вновь усиливают свою власть до закавказской части Дзурдзукетии. Тогда же вассал Ирана грузинский царь Вахтанг Горгасал (ок. 440–502 гг.) совершил первый в истории успешный поход на север через Дарьяльское ущелье, как полагают, против гуннов-хайландуров. В его войсках, согласно данным хроники, находились помимо картвелов и иранцев якобы 50 тыс. привлеченных «кавкасианов» – горцев Большого Кавказа.

Начиная с иранского шахиншаха Йездигерда II (431–457), и при Хосрове I (531–579), а также Хосрове II (590–627) на Северном Кавказе достраиваются и дополнительно строятся грандиозные крепостные комплексы (Дербент и др.). Источники сообщают о строительстве в горах Дзурдзукетии (в данном случае это, видимо, и южные и северные склоны Большого Кавказа) неких 12 «ворот-укреплений». Надзор за Дарьяльским проходом и, видимо, «Дурдзукскими воротами» Сасанидская империя возложила в целом на армянских наместников (марзпаны), а не на картлийских царей, чья власть была вовсе упразднена. В свою очередь марзпаны опирались в горах на вождя нахов-цанар с титулом «корикози» – хорепископ/епископ.

Глава X.

ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ, ХАЗАРИЯ, АЛАНИЯ И АВТОХТОННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

§1. Политические изменения на Северном Кавказе в связи с движением новых волн кочевников. Тюркский каганат и начало Хазарии

Авары и Тюркский каганат. Со второй половины VI в. на Северном Кавказе, как и в Закавказье, стали происходить судьбоносные для степных и горских народов события. Так, эпохальным представляется распространение в регионе со второй половины VI в. гегемонии новых евразийских кочевых объединений – Аварского союза, а следом Тюркского каганата.

Крупнейшее государство тюркоязычных кочевников эпохи раннего средневековья – Тюркский каганат сложился к середине VI в. и в конце указанного столетия включал в себя Северо-Восточный Китай, Центральную и Среднюю Азию, Казахстан, степную часть Восточной Европы и Северный Кавказ. В первые годы VII в. Тюркский каганат распался на Западно-тюркский каганат и Восточно-тюркский каганат, причем в западную часть вошли земли Средней Азии, Казахстана и территории западнее Волги, практически до Дуная.

Тогда же на политической арене Восточной Европы и Предкавказья появились было кочевники-авары. «Савиры и другие гуннские племена, по словам Феофилакта Симокатта, почтили аваров блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить безопасность». Авары, а точнее «обры/обары», пришедшие из степей Центральной Азии, вступив в Предкавказье, оказывали давление на местных гуннов и алан в своих интересах; так в 558 г. в переговорах аварских вождей с Византией известный степной вождь, аланский «царь» Саросий/Сародий, выступал посредником. При этом авары, видимо, на тот момент более могущественные, чем гунны, (с подачи византийцев) «завели войну (на Северо-Западном Кавказе. – Авт.) с утигурами, потом с залами (салы. – Авт.), которые уннского племени, и сокрушили силы савиров», вмешались также в дела булгарских племен и т.д. и т.п.[1]

Однако авары-кочевники недолго задержались в Предкавказье и Северном Причерноморье, теснимые, в свою очередь, еще более могучими тюркотами они ушли в Паннонию (Центральная Европа), где создали раннее государство, просуществовавшее до 823 г.

[1] См.: Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 321–323; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 98; и др.

Установление гегемонии Тюркского каганата на Северном Кавказе. В течение второй половины VI в. часть Крыма и степная часть Северного Кавказа (включая весь Северо-Западный Прикаспий до Волги и далее) уже входит в состав Тюркского каганата. Вплоть до половины VII в. сюда идет миграция т.н. тюркских (тюркотских) племен, относившихся к алтайской языковой семье. Ранние образования местных предкавказских, северокавказских и прикаспийских гуннов (включавших также немало тюркских племен и наречий, в первую очередь, булгар) стали фактически федератами громадного Тюркского каганата[2].

Тюркские каганы, владевшие на тех или иных условиях подданичества (но не прямого управления) громадной территорией (от границ Китая до Дуная), стали реализовывать свои далеко идущие политические планы, в т.ч. на Кавказе. Они вытеснили в Центральную Европу аваров и вступили в длительные конфликты как с Византией, так и с Сасанидским Ираном. Тем самым тюркоты также пытались обеспечить потенциальный выход товарам (главным образом китайский и хорезмский шелк) из Китая, Центральной и Средней Азии в страны Византийской империи через западнокавказские перевалы в порты Абхазии и т.н. «Лазики», одновременно экономически ослабляя сасанидского шаха – держателя иранской части маршрута Шелкового пути[3].

Отношения тюркотов с северокавказскими булгарами и аланами, контролировавшими северные входы к западнокавказским перевалам, складывались вначале неравномерно. Так, византийское посольство Зимарха 568–571 гг. в Южный Алтай в ставку «Дизавула» – правителя Тюркского каганата, на обратном пути достигло местности «Алания» в среднем или нижнем течении Кумы, где их вождь Сародий/Саросий не допустил в свой лагерь вооруженных тюркотов, сопровождавших Зимарха. По совету Сародия Зимарх прошел далее назад в византийские владения в Абхазии и Колхиде, используя, вероятно, маршрут через Кисловодскую котловину на Клухорский перевал. Более того, северокавказские аланы Сародия/Саросия в начале 70-х гг. VI в. самостоятельно пришли на помощь к союзным армянам и «ивирам» (картвелы), восставшим против шаха Хосрова, вступив союз с византийцами, при этом не испрашивая ничьего разрешения[4].

Однако независимое положение алан (некогда вассалов гуннско-булгарских племен), вызванное своеобразным межвластием в Великой степи, изменилось буквально через несколько лет. По сообщению византийского Менандра Византийца (Протиктор), очередное византийское посольство в 576 г. провело переговоры с одним из важнейших князей Тюркского каганата Турксанфом, правившим областями Азово-Каспийского междуморья, в т.ч. и Северным Кавказом, который, упрекая «Рим» в вероломстве, привел следующий довод: «Посмотрите, несчастные, на аланские народы, да еще на племена утигуров, которые были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противустать непобедимому народу туркскому; но они были обмануты в своих надеждах. За то они и в подданстве у нас, стали нашими рабами…»[5].

[2] Федоров Я.А., Федоров Г. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

[3] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. … С. 98; Голб Н., Притцак О. Хазарско-еврейские документы X века. / Послесл. и комм. В.В.Напольских. М., 2003. С. 36; Кольцов П.М., Ранние тюрки на территории Северо-Западного Прикаспия // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста, 2008; Джафаров Р.Ю. Гунны и Азербайджан. Баку, 1993. С. 47; и др.

[4] См.: Менандр Византиец. Указ. соч. С. 383; Феофан Византиец. Выписки из «Истории» Феофана // Византийские историки / Пер.С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 495; Ртвеладзе Э. В. Δαρενης Ἀ τροπόν маршрут византийского посольства Зимарха // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магниторск-Новосибирск, 2015. С. 363.

Первая война каганата с Ираном. К лету 589 г. тюркоты оставили набеги на византийские территории за Кавказом в связи с открытием масштабных военных действий с Сасанидским Ираном как с востока (Афганистан), так и с севера – на Восточном Кавказе. Причем, судя по данным Л.Н. Гумилева, они двинулись здесь в Закавказье в мае по «хазарской дороге» (и это, вопреки мнению Гумилева, отнюдь не Дарьяльский проход, а Дербентский), но уже в июне бежали обратно в панике. И вот тогда, согласно увлеченному мыслителю Л.Н. Гумилеву, опиравшемуся на поздние источники: «На их место (против Ирана. – Авт.) пришло ополчение кавказских племен – осов, дзурдзуков и дидойцев, нанятое на греческие деньги первым мтаваром Картлии Гурамом Багратидом (политический деятель VI в., сторонник Византии. – Авт.). Полудикими горцами руководили грузинские эриставы»[6].

Турксанф. В целом местные гунно-булгарские, савирские, хазарские, аланские и иные кочевые подразделения формально вошли в состав новой степной империи, сохраняя этнокультурную самобытность и даже политическую автономию. Первым правителем северокавказского региона в степной части, как указывалось, стал в 570-х гг. влиятельный член правящего дома каганата Турксанф, который и считался здесь верховным сюзереном тюркотских, гунно-болгарских, аланских и хазарских племен[7].

Гунно-болгарская часть на Северном Кавказе и каганат. К 630 г. Западнотюркский каганат достиг высшей степени своего могущества в Евразии и прочно держал в своем составе весь Северный Кавказ. Более того, Византия ради союзничества тюркотов в войне с Ираном согласилась на переход восточнокавказских христианизированных областей Алуанк, Лпин и Чора (Дербент) в «вечное» владение кагана. В связи с этим необходимо привести одно наблюдение: в 624 г. византийская армия, пополненная участием «лазов, абасгов и ивиров», возглавляемая императором Ираклием, зашла далеко вглубь территории Ирана до Кавказской Албании, где была атакована зимой превосходящими силами персов и спаслась, если верить Феофану Исповеднику, отступив «по гористым непроходимым местам» в «земли гуннов» (на Северный Кавказ). Но в источнике под

[5] См.: Менандр Византиец. Указ. соч. С. 419–420; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979. С. 95.

[6] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 98–99; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб., 2002. С. 141.

[7] См.: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 96; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М ., 1990. С. 86.

авторством Себеоса имелась в виду, как оказалась, не «Гунния», а гористая армянская область-царство Сюнния-Сюник[8].

Также можно подумать над тем, что здесь имелись в виду не северокавказские гунны, а закавказские хоны/хунну – одно из старых этнонаименований нахо-дагестанских и албанских племен. Но все эти умозрительные построения, включая и авторские, разбиваются статьей Я. А Манандяна. Еще в 1950 г. он убедительно показал (опираясь в т.ч. на свидетельства современника описываемых событий Себеоса), что Ираклий отступил в армянскую область Сюник/Сюннию, а не к «гуннам»[9].

В плане политической истории Северного Кавказа имеет также большое значение то обстоятельство, что в течение VII в. албанское христианское духовенство (разделявшее к тому времени не армянское монофизитское, а греко-византийское вероучение) вело неослабевающую миссионерскую деятельность среди кочевых племен и городского населения Северо-Восточного Кавказа, близких к границе проживания как дагестанцев, так и нахов. В конечном счете, повелитель «страны гуннов» (с центром в Беленджере или Варачане) князь Алп-Илитвер в 682 г. принес клятву албанскому епископу в верности себя и подданных христианскому вероучению[10].

Начало Хазарии. В последней трети VII в. на закате своего существования Западнотюркский каганат, господствовавший и над кочевыми народами Северного Кавказа и Северного Причерноморья, породил из своей пестрой этноплеменной среды новую федерацию гуннских и тюркских племен во главе с тюркоязычными хазарами, которые признали своим главой некоего аристократа ябгу-кагана из того же тюркотского правящего рода Ашина. Хазарии (включая союзные булгарские орды) досталась в нашем регионе территория, которой владели последние тюркотские каганы и их наместники – от Дербента до Северного Причерноморья; в целом, кроме Северного Кавказа и Северного Причерноморья, в состав Хазарии вошли южная лесостепная часть Восточной Европы и бассейн нижнего течения Волги (Итиль/Аттиль), а также известная часть нынешнего Западного Казахстана. Сохранились также тесные торгово-политические связи с государствами Средней Азии.

О горцах-нахах. К сожалению, мы очень мало знаем об этнополитичской истории горцев-нахов собственно Северного Кавказа на переломе веков. Зна-

[8] См.: Себеос. История императора Иракла, писателя VII века. Пер. с древнеарм. К. Патканьяна, СПб, 1862; Манандян Я.А. Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский временник. Т. 3. М., 1950. С. 133–153; Чичуров И. С. О кавказском походе императора Ираклия // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 96, 97, 261–266; Феофан Исповедник. Хронография // Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Пер. И.С. Чичурова. М., 1980. С. 58–59; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016. С. 124–153 (раздел «Кавказские хоны» в гл. III); и др.

[9] См.: Себеос. История императора Иракла,…; Манандян Я.А. Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский временник. Т. 3. М., 1950. С. 133–153; и др.

[10] Гмыря Л.Б. Клятводоговоры номадов Кавказско-Каспийского региона (V–VII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/3. С. 66.

менитое сочинение «Ашхарацуйц (Показ мира)», именуемое «Армянской географией» и созданное между V–VII вв., в одном из своих списков указывает на Кавказе некую самостоятельную этнополитическую единицу «Цанарка» (есть вариант «Цанары». – Авт.), в «земле которых находятся ворота Аланские и еще другие ворота (вариант «проходы». – Авт.) Кцекен, названные по имени народа»[11].

§2. Нахи и вопросы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в период утверждения господства Хазарии

С проблемой источников т.н. хазарского времени на Северном Кавказе и арабской эпохи в Закавказье непосредственно окажется связанной армянская, грузинская и византийская письменные традиции, а также арабские сочинения (начиная с VIII в.), опиравшиеся в т.ч. на предшествовавшие иранские источники. Во всех них, помимо прочего, содержатся короткие, но конкретные ценные сведения о нахских группах Кавказа или районах, близких к ним. Есть и немногочисленные собственно хазарские письменные источники[12], касающиеся горских народов Северного Кавказа и алан, правда, ограниченные буквально несколькими строками.

Отметим сразу, что проблема источников разного происхождения хазарского времени на Кавказе рассмотрена в соответствующих главах академических трудов М.И. Артамонова, В.А. Гадло, А.П. Новосельцева[13]. К источникам затрагиваемого периода можно отнести и первые албанские исторические сочинения («История страны Алуанк»), написанные, правда, не на албанском, а на старо-армянском письменном языке[14]. Собственно, ценные армянские произведения хазарского времени в рамках классической науки давно изучены[15]. Отдельной статьей из числа источников по истории хазарского присутствия на Кавказе можно считать работы византийских авторов, своеобразно продолживших античную традицию[16].

Формирование Хазарского каганата и собственно Северный Кавказ. Попытаемся рассмотреть вопрос о положении Северного Кавказа, оказавшемся (вместе с теми же нахами-автохтонами) в какой-то форме в составе нового госу-

[11] Армянская география (пер. П. Патканова) / Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 226. 1883. С. 30.

[12] См.: Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. Пер. А.Я. Гаркави. СПб., 1874; Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка X века. Л., 1932; и др.

[13] Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л.,1979; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль…; и др.

[14] Каланктуаци Мовсес. История страны Алуанк / Пер. Ш.В. Смбатян. Ереван, 1984.

[15] См., к примеру: раздел «Источники на древнеармянском языке» в монографии А.П. Новосельцева. Указ. соч. С. 29–31; и др.

[16] К примеру: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения / Тексты, перевод, комментарий. М., 1980; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

дарства – Хазарского каганата (с сер. VII в.). По крайней мере, на первом этапе своего существования каганат представлял собой типичное кочевое государство скотоводов во главе с сакрализованной царской династией и крепкой родовой аристократией.

Представляется, что роль хазар оказалась на определенном этапе положительной. Они не только создали крепкую федерацию племен на огромном пространстве, но и установили относительный порядок в прикаспийских и причерноморских степях, обеспечили безопасность Великого шелкового пути, остановили натиск Арабского халифата на Северный Кавказ и в Восточную Европу. Все это обеспечило развитие земледелия и скотоводства на предгорных равнинах Северного Кавказа и в низовьях Волги, объективно обусловило заселение Поволжья булгарскими племенами лесостепной полосы Восточной Европы – славянами, а также развитие в целом мировой и региональной торговли.

Вместе с тем, несмотря на формальную включенность Северного Кавказа в зону влияния Хазарского каганата, степная и предгорно-плоскостная часть региона во второй половине VII и VIII вв. оставались под непосредственным владением гуннских и булгарских феодально-племенных объединений (именуемых порой утигуры, кутригуры, оногундуры, унногундуры и т.д.). Причем булгары имели некое абсолютное преобладание в северо-западной части Кавказа и Северном Причерноморье («Великая Болгария»), а гунны, включая подвластные им аланские и протобулгарские подразделения (те же савиры, ослабленные здесь в VI в. тюркским натиском), преобладали в северо-восточной и центральной части региона[17]. Уступающие и тем и другим аланы, как мы не раз уже указывали, кочевали в некоей условной полосе от р. Кумы в нижнем или среднем течении до Кисловодской котловины, отвечая и за дороги, ведущие к кавказским перевалам, а оттуда в причерноморскую Абхазию, где стояли византийские порты и крепости.

«Страна гуннов» в составе Хазарии. Как уверенно пишут соответствующие исследователи «…Страна гуннов представляла собой достаточно обособленное в рамках Хазарского государства политическое образование, проводившее собственную внешнюю политику. Так, например, алп-эльтебер (титул вассального царя. – Авт.) гуннов самостоятельно, без санкции кагана принимал решения о нападениях на Албанию, о заключении мира с ее правителем...» и т.д.[18] Более того, в лице своих подданных гуннов и булгар хазары претендовали на протекторат над Дербентом, Албанией и даже весьма самостоятельной провинцией Ирана и Армении – Сисаджан (Сюник)[19].

[17] См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С 74–78; Гадло А.В. Указ. соч. С. 102, 106–107, 109–111;

[18] Семенов Игорь. Хазаро-византийские политические взаимоотношения в периоды правления императора Юстиниана II (685–695, 705–711) // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 3. М., 2009. С. 9–10; и др.

[19] Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста / Пер. Д.А. Хвольсон. СПб., 1869. С. 52.

Рис. 33. Владения гунских племен и Хазарии в Прикаспии с указанием основных крепостей и городов в VII–IX вв. (Использована карта из книги: Магомадов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983)

Условные обозначения:

– *горы* – *равнина* – *болота и заливаемые участки*

Ниже мы приводим мнение о ситуации на Северном Кавказе в начале хазарского периода из классической монографии М.И. Артамонова. Он считает, что территория севернее Дербента называлась арабами Савир или Сувар, и это объединение «…охватывало одно из подразделений болгар, ранее известное под именем савир. Византийские и армянские источники обычно называют савир гуннами. Естественно поэтому предположить, что «царство гуннов», о котором говорят армянские и арабские писатели, тождественно с царством савир Ибн Хордадбеха… Вместе савиры и барсилы составляли то, что арабские писатели называли страной Беленджер»[20].

Нам остается добавить, что в данной части нарратива не учтено еще одно обстоятельство, которое, кстати, приводится и в самой монографии М.А. Артамонова. Речь идет о системе организации племенного войска гуннов (повторяющей схему, принятую у всех крупных кочевых народов Азии); в данном случае «гунны»-оногуры и, живущие в Прикаспии и на Северо-Восточном Кавказе племена савиры/сувар, имели «левое крыло» – баланжар (barungar), с опорой на город и крепость Беленджер при выходе Сулака из гор, и «правое крыло», называвшееся традиционно чунгар (žungar, чжунгар/джунгар), с опорой, по мнению Т.М. Айтберова, на Андреевское городище на Акташе (или таковым, на наш взгляд, можно рассматривать крупное Нурадиловское городище на р. Аксае)» в предгорной полосе, близкой к нахскому этносу[21].

Судьбы Великой Булгарии. Отметим, что не позднее последней трети VII в. объединение Великая Булгария, охватывавшее Северное Причерноморье (с Приазовьем) и значительную часть Северо-Западного и Центрального Кавказа, основанное к 632–640 гг. ханом Кубратом (ок. 605–665 гг.), было разгромлено, а правящий хан Аспарух (665–700) переселился к устью Дуная, затем и на Балканы, где сложилось христианское Булгарское/Болгарское царство. Другая Булгария – Волжская (принявшая позже ислам), сложилась на Средней Волге и Каме за счет переселения волны кочевников (главным образом булгар) с Северного Кавказа и Прикаспия в конце VII – начале VIII вв.[22] Все это способствовало инфильтрации племен собственно хазарского тюркоязычного этноса на освободившиеся земли Северного Кавказа, в т.ч. в пределы нынешней плоскостной территории Чечни и Дагестана.

[20] См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 183–184; Цитируемые автором тексты Хордабеха содержатся: Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: III. Ибн-Хордадбэ // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 32. Тифлис. 1903; на сегодня есть и другой перевод. См.: Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. Наили Велихановой. Баку, 1986.

[21] См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С.126, 183; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983. С. 32–35; Айтберов Т.М. К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала, 2015. С. 174–175; и др.

[22] См., к примеру: Измайлов И.Л. Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. № 2 (12). Июль – декабрь. 2012. С. 212–242; Семенов Игорь. Указ. соч. С. 9–23; и др.

История Хазарии и горские народы. Этнополитогенез горцев-нахов Северо-Восточного Кавказа в раннем средневековье оказался связанным с теми же гуннами, булгарами, аланами, дагестаноязычными народами и нахами южных склонов Главного Кавказского хребта. Становление и развитие нового государства Хазария примерно совпали с зарождением и становлением в Закавказье нахского государства Цанаретия/Санаретия. Мы уже не говорим о целой эпохе арабского нашествия в Закавказье, на Северный Кавказ и Восточную Европу, которая непосредственно сказалась на судьбах всего Северного Кавказа и Хазарии.

Со второй половины VII в. и до XI в. хазары, гунны, аланы, албаны, армяне, грузины, иранцы и нахоязычные племена по обе стороны Большого Кавказского хребта силою исторических обстоятельств стали объективно союзниками в борьбе с наступлением новой мировой державы – Арабского халифата. По нашим предварительным подсчетам, со второй половины VII – по конец 800 г. Арабский халифат совершил не менее 11 военных походов на Хазарию (один из них от 737 г. носил характер нашествия – войско арабов и их союзников насчитывало 150 тыс. человек, и оно достигло верхнего течения Волги и Дона[23]), причем большая их часть прошла с использованием Дарьяльского прохода (Баб ал-Лан – Ворота алан)[24].

Важный актор кавказских и нахских дел Хазария – своеобразная степная «торговая империя» и региональная сверхдержава, распространила в VII–X вв. свое политическое влияние на западе до Днепра, на востоке до р. Урал и Аральского моря, на юге до Кавказского хребта и далее, на севере до течения р. Оки. На Северном Кавказе (где до усиления арабских походов между Тереком и Дербентом располагался экономический и политический центр Хазарии) в ее состав включались булгары, гунны, аланы, и народы, расположенные «на очень высоких горах», надо полагать, горцы[25].

Шелковый путь. Серьезные последствия для политического и хозяйственного положения народов Северного Кавказа и их в целом мирных отношений с новыми образованиями кочевников на плоскости имел также тот факт, что в VI–VIII вв. отдельные маршруты «Великого шелкового пути», соединявшие Восток и Запад, сворачивают на Северный Кавказ из-за военных действий в Средней и

[23] Смокотина Д.В. Поход Марвана 757 г. и проблема локализации Славянской реки восточных авторов //Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (5). 2009. С. 110–123. (757 г., вероятно, опечатка, в тексте статьи поход датируется правильно – 737 г.); и др.

[24] См., к примеру: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. Ереван, 1984; и др.

[25] См., о границах Хазарии: Артамонов М.И. Указ. соч.; См.: Плетнева. Хазары. М., 1986; Семенов И. К вопросу об исторической географии Хазарии // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. М., 2002. С. 179–190; Шорохов В.А. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Анонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха) // Призвание – история. Сборник научных статей: к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 88–98; и др.

Передней Азии и в целом неблагоприятной политической конъюнктуры в результате ирано-византийских войн, а позже и арабских завоеваний.

Это обстоятельство принесло немалые доходы местным народам, и не в последнюю очередь кочевым племенам региона и нахоязычным представителям горских народов Северо-Западного Кавказа. В могильниках алан и горцев Кисловодской котловины и вокруг нее встречены «китайские и согдийские шелковые ткани, … шерстяные и ворсовые ковры, тонкие шерстяные ткани, узорные шелка, стеклянные сосуды сирийского производства». Ведь именно «на Северокавказском участке ВШП [Великий шелковый путь] его дороги проходили через перевалы Клухорский, Санчарский, Лабинский и Адзапш», двигаясь через район Кисловодска. В горных могильниках той же Чечни, не говоря об аланских катакомбах на плоскости в VIII–XI вв., также начинают откладываться следы торговых связей региона с Ираном, Арабским халифатом, Византией и странами восточной части Средиземноморья[26].

Хазария и предгорная территория Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан). Благодаря исследованиям дагестанских археологов и историков, а также историку Л.Б. Гмыря, проведшей сравнительно-сопоставительный анализ арабских и армянских источников, устанавливается, что Хазарская империя (по существу та же племенная федерация) сохраняет в своем составе «Страну гуннов» в статусе автономии, причем развивает здесь опорные города-крепости. Гуннский город и страна «Семендер» арабских источников полностью покрывает прежнюю территорию «Страны гуннов» от Дербента до Сулака. С северо-запада к Семендеру также примыкала другая гуннская область: «страна Баланджар»[27], а это приблизительно территория современных Кумыкской и Качкалыковской плоскости, т.е. предположительно и равнинной Чечни.

Заметим, что в свое время Л.Н. Гумилев ввел термин «Терская Хазария», полагая, что первоначальные центры кочевого государства располагались в нижнем течении реки (например, хазарское городище на Тереке у станицы Шелковской он именовал искомым Семендером). Впрочем, как уже отмечалось, ни по одной из хазарских проблем в исторической науке еще не достигнуто полного единства взглядов[28].

«Хазарская география» Северо-Западного Кавказа. В 700 г. неким безымянным автором, названным Равенский Аноним, была написана на латинском языке «Космография» в 5 книгах с описанием известной на тот момент антич-

[26] См.: История Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967. С. 33–34; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 152–153, 179; Гадло А.В. Указ. соч. С. 166–167, 175–177; Кузнецов В.П. Очерки истории алан. Изд. 2-е. Владикавказ, 1992. С. 187–188; 229–230, 237; Савченко Е.И. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка). Автореферат канд. истор. наук. М., 1997. С. 19–20.

[27] Гадло А.В. Указ. соч. С. 125, 151.

[28] См.: Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 75; а также: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 183–184, 189; Гумилев Л.Н. Хазария и Терек: (Ландшафт и этнос) // Вестник Ленинградского ун-та. № 24. Вып. 4. 1964. С. 78–88; Гадло А.В. Указ. соч. С. 125–126, 151–153; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С. 34–35; и др.

ному миру ойкумены. О той же Хазарии Аноним указал следующее: «Далее, в равнинной местности расположена чрезвычайно обширная как в длину, так и в ширину [страна], которая называется Хазарией; этих хазаров вышеупомянутый Иордан называет агацирами (что ошибочно. – Примеч. Переводчика). Через эту страну хазиров [=хазаров] протекает множество рек и среди прочих большая река, которую называют Куфис [Кубань]».

Любопытно также, что соседями абхазских племен Причерноморья (как мы знаем, это «соседство» идет через мощную цепь гор Кавказского хребта) Равенский Аноним называет аланов, «далее» от которых (к западу, северо-западу?) расположены зихи и масса кочевых племен с разнообразными названиями чаще всего нигде больше не прозвучавшими[29].

Следует дополнительно отметить, что племена северокавказского Гуннского союза, относящиеся по языку в т.ч. к угро-финским и прототюркскому кругу, существенно отличались от языка собственно «новых» тюрков – булгар и хазар. Так, хазарский язык, как известно, относят к собственно тюркским (западнотюркским) языкам алтайской семьи[30]. Поэтому вопрос его воздействия на предков балкарцев и карачаевцев остается открытым.

§3. Переписка хазарского царя Иосифа как важный источник сведений о нахских народах северокавказского региона

Характеристика документа. Здесь мы хотим попытаться проанализировать некоторые сведения пусть из позднего, но хазарского документа на еврейском языке. Речь идет об ответе иудейского царя Хазарии Иосифа сановнику испанских халифов иудею Хасдаю, датируемому в пределах второй половины X – начала XI в. Как отмечает исследователь Хазарии М.И. Артамонов, письмо Иосифа – «…единственный дошедший до нас официальный документ хазарского происхождения…», данные которого «…подтверждаются другими источниками византийского, армянского, арабского, русского происхождения…»[31]. Ко времени составления документа Хазария доживала свои последние дни, потому его содержание представляет ретроспективный интерес по вопросам взаимоотношений каганата с горскими народами в более раннее время.

В деле изучения данной переписки отметились три выдающихся российских исследователя – А.Я. Гаркави, П.К. Коковцев, А.П. Новосельцев, а также западноевропейские ученые С. Шехтер, Н. Голб и О. Прицак[32]. Не останавливаясь более

[29] Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 177–178.

[30] [Голб Н., Прицак О.] Хазарско-еврейские документы X века / Посл. и комм. В.В. Напольских. М., 2003. С. 36.

[31] Артамонов М.И. Указ. соч. С. 12.

[32] См.: Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874; Schechter S. An Unknown Khazar Document //Jewish Quarterly Review, n. s. Vol. 3. (1912/13). P. 204–210; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; Новосельцев А.П. Хазарское государство…; [Голб Н., Прицак О.] Хазарско-еврейские

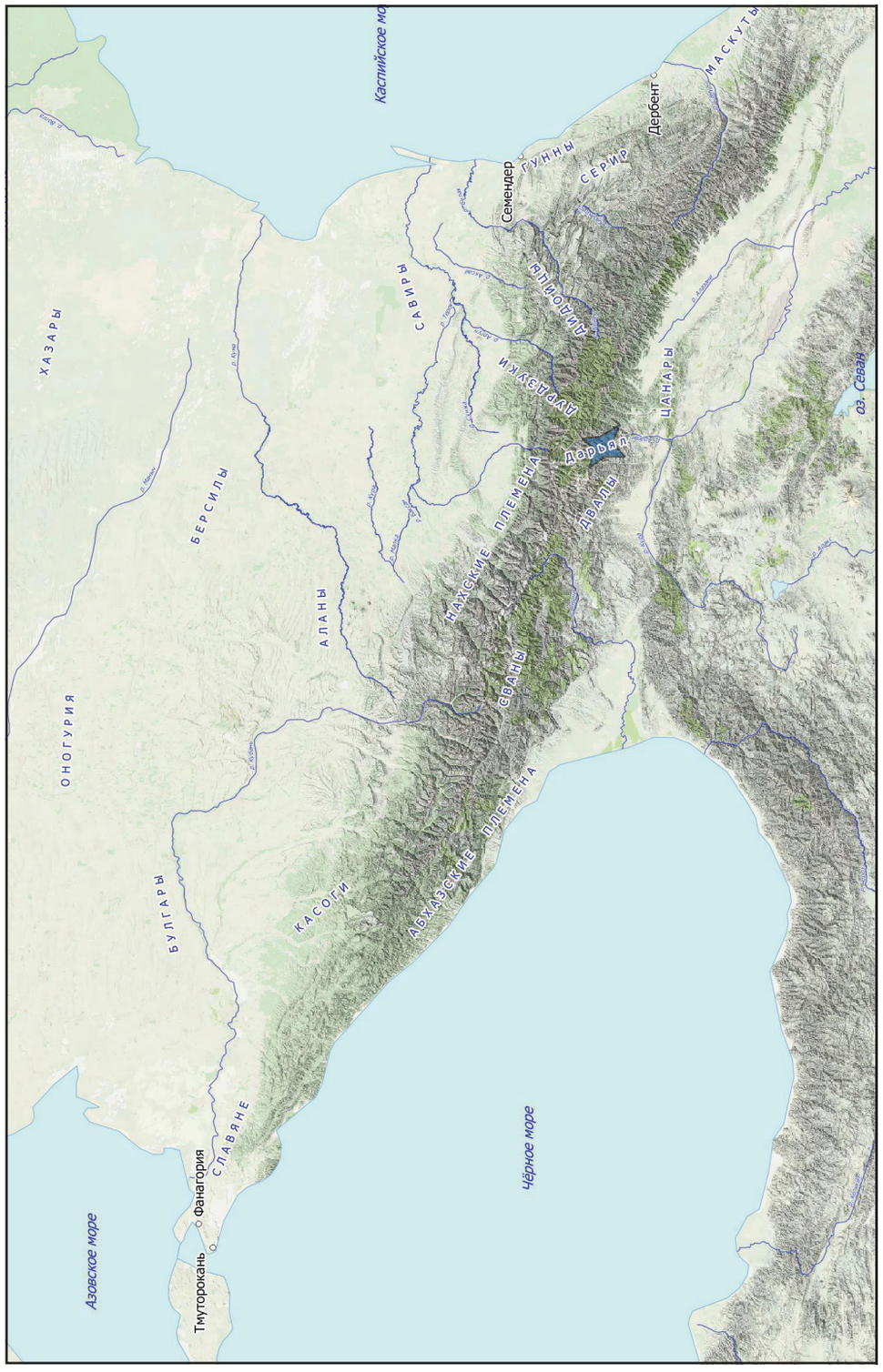

Рис. 34. Этническая карта северокавказской части Хазарии в VII–X вв.

на обширной историографии вопроса (связанной в т.ч. с дискуссией о подлинности переписки хазарского царя Иосифа с испанским иудеем Хасдаем), постараемся вычленить данные о горских народах и нахах, содержащиеся в краткой (перевод С. Шехтера с копии XI в., которая находится в библиотеке Кембриджа) и пространной (копия XI–XII вв. хранится Петербургской публичной библиотеке) редакциях письма Иосифа, пользуясь публикацией того же П.К. Коковцева.

Извлечения из текста и комментарии. Хазария и цанары. Итак, хазарский царь Иосиф, чье влияние или прямая власть (с учетом, что особенность государственного строя поздней Хазарии заключалась в наличии двух царей и двух династий – царь-шад, священая фигура, каган и царь-мелек, правящий государь – шад-бек)[33], пишет в ответ запрос Хасдая ибн Шапрута/Шафрут (? – умер в 970 г.), советнику кордовских халифов о стране хазар и их соседях: «…мы (происходим) от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. … у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый – Агийор, (затем) Тирас, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-на, Хазар, З-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы происходим от сыновей Хазара; это седьмой (из сыновей)»[34].

Как мы видим, здесь присутствует распространенная на тот период письменная традиция (например, в тех же армянских и грузинских источниках) сводить происхождение народов к мифологическим эпонимам – потомкам сыновей и внуков библейского Ноя. Но весьма интересно, какие комментарии дают в издании Коковцева авторы примечаний Д.Э. Харитонович, Н.И. Колышкина в результате суммирования мнений зарубежных и российских исследователей. Хазары, по их мнению, включают в свой родственный круг некоторые кавказские народы, вероятно, и нахского плана: «Занур как родоначальник кавказских Занариев (санары/цанары. – Авт.)»[35].

Названные авторы примечаний указывают на истолкования тех же этнонимов в публикации одного из вариантов письма Иосифа у А.Я. Гаркави и предлагают следующие комментарии: «1) *Уюр* или *Авюр* – «вероятно, Ивер, родоначальник иверийцев на Кавказе, или Угур, праотец угров»; 2) *Турис или Таурас*» – *по* всей вероятности, родоначальник таврического (крымского) населения»; 3) *Аваз* или *Авоз* – «необъясненное название» (ранее Гаркави допускал также чтение Авар и понимал под этим именем авар или обров русских летописей); 4) *Угуз* – «родоначальник гузских племен (печенеги и др.), кочевавших тогда к западу от Хазарии»; 5) *Бизал* – «византийские и армянские летописцы называют племя басилов или барзилиев составною частью хазарского народа»; 6) *Тарна* – «вероятно, племя Тариан, о котором говорит византийский писатель Константин Порфирородный»; 7) *Хазар* – «праотец хазарского народа»; 8) *Янур* – «может быть вместо Занур, родоначальник кавказских Занариев»; 9) *Булгар* – «волжские болгары»; 10) *Савир* – «племя савиров упоминается в византийских источниках» [36].

документы X века…; и др.

[33] Новосельцев А.П. Указ. соч. С.138–141.

[34] Коковцев П.К. Указ. соч. С. 74.

[35] Там же. С. 74. Сн. 212.

[36] См.: Гаркави Я.А. Указ. соч. С. 120–153; Коковцев П.К. Указ. соч. С. 74. С. 212.

Почему Я.А. Гаркави решил, что «Янур» может читаться как «Занур», а тот являться родоначальником «кавказских Занариев» (санаров/цанаров – христианизированных нахов Дарьяльского ущелья и Кахетии), пока для нас неясно.

Единственно, в перечне некогда подвластных Хазарии стран, в пространной редакции письма Иосифа, указана страна «С-г-с-р-т», о которой комментаторы пишут: «Вестберг предлагает читать это имя «Санасерт» и разуметь народ санариев Птолемея[37], цанарка Моисея Хоренского, в стране которых, по указанию последнего, находились Аланские ворота (т.е. Дарьяльское ущелье)…»[38]. Речь идет о крупной группе нахских обществ санарах/цанарах, расположенных в бассейнах горных рек Терека и Арагви (Закавказье), создавших в рассматриваемое время Цанарское княжество-государство (позже разросшееся и получившее название Кахо-Эретское царство), достаточно известное по данным арабских, грузинских и армянских источников. Вероятное знакомство хазарской верхушки VII–X вв. с санарами/цанарамии (которые выходят на историческую арену именно с VII в. – началом арабских походов на Кавказ) как контролировавшими важнейшее ущелье, было вполне закономерным.

Золотые и серебряные рудники на Северном Кавказе. Также в краткой и пространной редакции письма царя Иосифа рассказывается, прежде всего, о принятии его предком Буланом иудаизма под воздействием божественных видений. Причем: «Он [Яхве]сказал ему: «Крепись и мужайся! Возьми с собой все твои войска и иди в страну Рудлан и страну Ардил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и отдам их в твою руку. Я приготовил тебе два склада: один серебра и один золота. Я буду с тобой и охраню тебя (везде), куда ты пойдешь. Ты возьмешь (это) имущество, вернешься благополучно (к себе) и построишь храм во имя мое»[39]. В развернутых комментариях к краткой редакции приводится мнение нескольких исследователей относительно этих сообщений – и все они связаны с Северным Кавказом:

«[Сн. 221]. В пространной редакции значится правильное «Д-ралан», т.е. по всей вероятности Дарьяльское ущелье (у персов Dar-i-Alan «дверь аланов); см.: *Casse!*. Magyar. Alterthumer. С. 208; *Его же*. Der Chazar. Konigsbrief. С. 52 (ср.: *Миллер Ве*. Осетинские этюды. III. 1887. С. 42), хотя Маркварт (1. с. С. II) решительно оспаривает это отождествление.

[Сн. 222] В пространной редакции сохранилось опять лучшее чтение «Ар-двил». Разумеется, город Ардебиль, административный и военный центр Азербайджана при арабах, на который хазары произвели свой известный набег в 112 г. х. (т.е. в 730–731 гг. н.э.), о чем см., например: *Миллер Вс*. Материалы для изучения еврейско-татского языка. 1892. С. VIII; *Marquart*. 1. с.; ср. также *KremerA.v.* Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. 1. 1875. С. 341; *Бартольд В.* Историко-географический обзор Ирана. 1903. С. 144...

[37] См.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890. С. 239; Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (31). 2016. С. 21.

[38] Коковцев П.К. Указ. соч. С. 98–100, сн. 343.

[39] Там же. С. 75–76, 93–94.

[Сн. 224] Гаркави (Jdd. Ztschr. furWiss. und Leben А.Гейгера. III. 1864–65. С. 287 сл.) делает предположение, что в нашем месте имеются (в виду не Ардебиль. – Авт.), в частности, в виду «золотой рудник у Кизляра и серебряный рудник у истоков Терека», которые упоминаются в изданном А.К. Казембеком сочинении «Derbendnameh»[40].

Можно добавить относительно серебряного рудника, что, скорее всего, имеются в виду Садонские залежи в Алагирском ущелье на р. Ардон (приток Терека, Северная Осетия); промышленная разработка началась здесь с 50-х гг. XIX в., достигнув относительных масштабов в 70-е гг. того же столетия. Но первые легендарные упоминания о добыче драгоценного металла в земле двалов (нахоязычные предки осетин) встречаются еще в античное время у Плиния Секунда Старшего (23/24–79 гг. н.э.): «От Кавказских Ворот в Гурдинийских горах [живут] валлы (двалы. –Авт.), суаны (сваны. – Авт.) – племена, незнакомые с культурой, но добывающие золото»[41]. Свинцово-серебряные руды имелись также в верховьях Кубани, они, кстати, разрабатывались промышленным способом в начале XX в. Непромышленные рудные участки встречались, в частности, в верховьях рек Андийского Койсу, Аргуна, Армхи, Малки, Фиагдона, Большого Зеленчука и др.[42]

О добыче собственно золота на территории северокавказского региона в античное время и средние века надежных данных нет. На сегодня известно, что целый ряд рек нашего региона, особенно западной части, имеют признаки россыпного золота. Также россыпное золото прослеживалось по Тереку от впадения с левой стороны р. Малки на протяжении 3 км до Моздока. Возможно, что скромное количество золота встречалось в песчаных намывах протоков Терека близ Кизляра. Небольшие русловые россыпи золота, которые в советское время пытались разрабатывать даже промышленными драгами, были найдены на рр. Баксан, Чегем, Черек, Уруп, Большой Зеленчук, Лаба и т.д.[43]

Думается, что главным источником драгоценных металлов для Хазарии была все-таки международная торговля, а также земледелие, скотоводство и ремесла, а не сказочные рудники, сообщения о которых должны были усилить значимость степной империи как богатого государства. Для нас этот вопрос интересен тем, что хазарская верхушка проявляла некое внимание к нахским горным районам Кавказа того времени по соображениям, пусть и потенциальной, перспективы добычи драгоценных металлов.

[40] Там же. С. 77. С. 221–224.

[41] См.: Долгов К.В. Географический очерк Терской области // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 163–164; См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011. С. 101.

[42] Электрификация Кавказского района. Составлено Комиссией по Электрификации России. Научно-Технический Отдел ВСНХ. М., 1920. С. 3–49: [Электронный ресурс]. URL: http://www.istmat.info›node/31677 (дата обращения 14.10.2018).

[43] См.: Сообщение А.В. Здярского // Советская золотопромышленность. № 5. 1935: [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaurmargiev.sitecity.ru›stext_1410185132.phtml (дата обращения 14.10.2018).

Южная, кавказская граница Хазарии. Нахские этнонимы и топонимы. Далее попытаемся понять описание владений царя Иосифа в письме (написанном, вероятно, не позже 960 г.) с учетом того, что расцвет Хазарии уже остался в прошлом. Итак, южная (кавказская) граница крупнейшего государства Восточной Европы того времени, как Хазария, описана в пространной редакции письма царя Иосифа следующим образом:

«А еще на южной стороне – С-м-н-д-р в конце (страны) Т-д-лу, пока (граница) не поворачивает к «Воротам», (т.е.) Бад-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана, все живущие в стране Каса и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань»[44].

Легко угадывается, конечно, город Семендер / С-м-н-д-р (стоявший либо на левобережье Терека, либо на Сулаке или в районе Тарху/Тарки на берегу Каспия, откуда согласно арабским авторам, было пути от 4 до 8 дней по стране «Т-д-лу» (Тарку?) до «Бад-ал-Абваба» (Дербент). А вот далее, где в документе описываются территории по направлению от крепости и города Дербент в горах, начинаются трудности с толкованием этнотопонимов. Хотя вполне ясно, что речь идет о Северо-Восточном и Центральном Кавказе: «Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах…»[45].

На сегодня сугубо умозрительно можно предположить, что этнотопонимы от Азура и Зуниха укладываются в пределах Нагорного Дагестана, Горной Чечни и других горских племен до Балкарии (в литературе, к примеру, встречаются варианты прочтения «Т-д-лу» как «Терело» – горное общество в Аргунском ущелье Чечни), после которых в документе следуют «все аланы до границы Афкана (Абхазия? – Авт.), все живущие в стране Каса (касоги/кашак-адыги. – Авт.)…», которые, как мы знаем, располагались на плоскогорьях Северо-Западного Кавказа. Следует, конечно, присмотреться и к таким названиям, как «Ар-ку» (Оргу/Аргун?), «Шаула» (Шала/Шела, Шалажа, Сольжа/Шольжа), «Альбуср» (Эльбрус?), «Зуних» (Хунзах, Зумса/Дзумса, Зонах?) и т.д.

Авторы примечаний и исследователи (Вестберг, Гаркави, Маркварт/Marquart, В.Н. Минорский), работавшие над данными текстами, более или менее уверенно называют из перечисленных страну Серир в раннесредневековом Дагестане («С-риди»), в свою очередь «Санасерт» предлагают читать как закавказскую Санаретию/Цанаретию (владевшей Дарьяльским проходом), но тогда остается объяснить политическое положение последней, якобы подвластной Хазарии, а на деле являвшейся независимой державой. Есть разноголосица в толкованиях имен «Ал-бус-р», «Ухус-р» и «Киарус-р», которые одни предлагают считать иранскими (аланскими, осетинскими) терминами, а другие тот же «Ухус-р» читают как «Auchu-ser» – горы ауховцев (Аух/Овхар), нахский район, занимавший с древнейших времен бассейн рр. Аксай-Яман-су-Ярык-су-Акташ на Кумыкской плоскости (позже Окоцкое/Аккинское владение и общество)[46].

[44] Коковцев П.К. Указ. соч. С. 100–102.

[45] Там же. С. 101.

Хотелось бы подчеркнуть, что особый интерес представляет прочтение этнотопонима «Киял» из письма хазарского царя. В комментарии говорится следующее: «… “весь (народ) Киял”. Оба слова написаны раздельно в рукописи, ср. замечание Гаркави у Вестберга, 1. с., стр. 308), и в таком случае можно было бы для сопоставления указать на имя чеченского племени “Шаро или Киалал – по верховью Шаро-Аргуна” (см. Берже, Этногр. Обозрение Кавказа, стр. 297). Гаркави (Евр. Библ., стр. 160; Ruas. Rev., стр. 87) читает слитно, как одно слово – “Калкиал” и хочет отыскать следы этого имени в Закавказье (см. Russ. Rev ,1. с.: “*Kalkial* oder *Chalchial* = Kalikala oder Chul-chulau? Achalzich und Achalkalaki?”), что, однако представляется маловероятным»[47]. Понятно, что все эти предположения, как и другие, нуждаются в исследовании.

Хазарские городища и крепости. Можно указать на наличие в непосредственной близости Ауха и Нахч-мохка (крупной нахской территории на востоке расселения северокавказских нахов) в раннем средневековье большого городища хазарского времени у с. Галайты с оборонительными стенами, выложенным камнем и цитаделью[48], а на территории расселения ауховцев топонима ГIазар-ГIалийта (Газар-Гала/Кала) – Хазарская крепость в черте сел. Гачалка (Новокули, Дагестан) на р. Ярык-су и развалин городища ГIазар-ГIала близ Боони-Юрта (ныне с. Ахар, Дагестан) на речке Ивгий. Недостаточно исследовано довольно значительное Нурадиловское городище (600х300 м) на правом берегу Аксая у сел. Нурадилово, функционировавшее в гуннско-хазарское время примерно в V–VIII вв. Причем здесь культурный слой достигает 2-3 м, что говорит о городском характере поселения и длительном его существовании[49]. Еще более интересно, что т.н. «хазарские» городища, существовавшие на Акташе и Ярыксу, «имеют мощные культурные напластования (от II–III вв. до IX в.), оба длительное время существовали без укрепления,… (которые. – Авт.) были возведены только в хазарское время»[50].

Давно известны также остатки крупной хазарской крепости на левом берегу Терека близ сел. Шелкозаводское (Чеченская Республика). В 1963–1966 гг. известный историк и мыслитель Л.Н. Гумилев определил ее как одну из столиц Хазарии город Семендер (или Семендер II), перенесенной сюда из района Тарков на Каспии (Семендер I) под давлением арабских нашествий. Эта версия находит своих сторонников и поныне[51]. Однако усилиями профессиональных археологов

[46] Коковцев П.К. Указ. соч. С.100–101. сн. 342–348.

[47] Там же. С. 101. Прим. 349.

[48] Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Грозный, 1990. С. 150.

[49] См.: Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. Нальчик, 2006. С. 367; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983. С. 32–35; Твердый А.В. топонимический словарь Кавказа. № 603: [Электронный ресурс]. URL: http://www.apsnyteka.org› Топонимический словарь Кавказа (дата обращения 14.10.2018).

[50] Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 29.

[51] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966; Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // Советская археология. 1975. № 3. С. 63–74; Его же: Образование

(В.Б. Виноградов, М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев) выяснилось, что городище с сырцовыми стенами при всех своих внушительных размерах (до 45 гектаров) не имело культурного слоя и являлось не городом, а хазарской крепостью VIII–X вв., защищавшей, видимо, южные пределы государства от экспедиций войск Халифата и охранявшей стратегические броды через Терек. Столь же крупным и населенным земледельческим населением (доказывается наличием глубокого культурного слоя) являлось другое хазарское укрепление, расположенное восточнее по Тереку – Некрасовское городище (в районе Кизляра)[52].

Мы знаем также о высокой вероятности нахождения еще одной крупной хазарской крепости в пределах сел. Эндирей – Андрейаульское городище и доказательного нахождения раннесредневекового Буйнакского городища (в районе г. Буйнакска) и крупной каменной крепости гуннско-хазарского времени при выходе р. Сулака из гор (Верхнечириюртовское городище, возможно, Беленжер)[53]. Остается добавить, что хазарские крепости имели распространение в северокавказском регионе от Дербента до территории современной Карачаево-Черкесии. Часть из них становилась центрами торговли и городской жизни, другие оставались местом пребывания гарнизонов. Необходимо подчеркнуть, что на территории Северного Кавказа, особенно в предгорной полосе Дагестана, Чечни, Осетии и Кабарды, в эпоху раннего средневековья продолжали функционировать в той или иной мере также сугубо местные городища и поселения, прижатые к передовой линии гор[54].

Тейп Чунгарой как свидетельство нахо-хазарских контактов. Наконец, есть еще один вопрос, связывающий раннесредневековых нахов с Хазарией. Это проблема происхождения чеченского тейпа (клан) чунгурой/чунгрой/чунгарой, не имеющего одноименного родового села (общества) и традиционно приписываемого к разряду т.н. производственных (цеховых) кланов (имя чунгарой близко к грузинскому названию струнного музыкального инструмента «чонгури», или «чIу» – стрела), либо считающегося инонациональным или, наконец, древним ответвлением от какого-либо крупного чеченского тейпа. Отмечена также густота и привязанность названий, связанных с чунгарой в древнем нахском обществе Аух.

Хотя чунгарой – довольно старый тейп и входит в число первооснователей таких селений, как Кешана и Алмакх в Аухе (Дагестан), возникших в средние века и, к примеру, крупных сел. Гойты и Соъди-Къотар (Комсомольское) в Урус-Мартановском районе Чеченской Республики, сложившихся в первой половине XIX в. [55]

К сожалению, не рассмотрена еще одна версия, хотя она и лежит на поверхности. Речь идет об упоминавшейся нами системе организации племенных войск гуннов, в данном случае булгар-оногуров или савиров, которые в рассматриваемом районе от Аксая до Сулака имели «левое крыло» – баланжар (barungar), с опорой на город и крепость Беленджер (Варачан) на Сулаке, и «правое крыло», называвшееся традиционно чунгар (z̈ungar, жунгар/джунгар) с опорой, по мнению Т.М. Айтберова, на Андреевское городище на Акташе, либо, на наш взгляд, крупное Нурадиловское городище на Аксае[56].

Самое раннее известное на сегодня упоминание о Чунгар находится в «Армянской географии» VII в.: «К северу (от Дербенда) близ моря находится: царство гуннов, на западе у Кавказа (т.е. у гор или близ гор. – Авт.) город гуннов Вараджан, а также город Чунгарс и Мендр (Семендер)»[57].

Представляется, что действовал тот же алгоритм, что и в истории ауховцев-окочан в XVI–XVIII вв., когда в одной из русских крепостей (Терский город) появилась горская Окоцкая слобода. Она сложилась в XVI – первой трети XVII в. из числа выходцев селений Ауха – аккинцев (окочан), к которым впоследствии присоединялись представители и других обществ Чечни – мичиковцы, шибутяне (шатоевцы) и даже кумыки. Но все они называли себя окочане. Кто-то из них возвратился в Аух, какая-то группа переселилась в Надтеречную Чечню где они к 1756 г. основали во главе с Девлет–Гиреем Черкасским сел. Дойкар-Аул (также Старый Юрт). Кто-то навсегда остался в русских городах, например, в Кизляре или в Моздоке в качестве «кизлярских кумыков», имевших тенденцию расселения вверх по Тереку вплоть до Моздока[58].

Гипотетически можно полагать, что чунгарой представляют тех горцев-нахов, которые некогда по разным причинам переселились (преимущественно из ауховских пределов) в ближайшие гуннско-хазарские города или районы, носящие имя Чунгар/Чунгарс, а затем, с падением Хазарии к X–XI в., часть из них, не утерявшая этнического лица, видимо вернулась в родные места, где за ними закрепился соответствующий экзоэтноним.

Хазарского каганата. М., 1983; Семенов И. К вопросу об исторической географии Хазарии… С. 179–190.

[52] См.: Плетнева С.А. Указ. соч. С. 29–30; Мамаев Х.М. Нераскрытые тайны древних городищ: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ChechnyaToday.com›Новости›view/274569 (дата обращения 14.10.2018).

[53] Федоров Г.С. К вопросу о местоположении столицы Хазарского каганата – Семендера // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). 2. Махачкала, 1975. С. 305; Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленжера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 182–196; Магомедов М.Г. Крепостные сооружения Хазарии // Древние и средневековые памятники Дагестана (Материалы по археологии Дагестана. Вып. 9). Махачкала, 1980. С. 170–190; Его же: Образование Хазарского каганата по материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983; и др.

[54] В отношении исторической Чечни см.: Арсанукаев Р.М. Указ. соч. С. 139–158; и др.

[55] См.: Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С. 348; Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный, 1991. С. 16.

[56] См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 126, 183; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 174–175.

[57] Патканов К. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 226. СПб., 1883. С. 31.

[58] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 63, 209, 225–226; Дациев А. Кизляр-наме: История терско-кумских кумыков Махачкала, 2004; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. М., 2009. С. 187–194, 198, 281; Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа и Дагестана: этнополитические аспекты взаимоотношений (XVI–XVIII вв.) // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Т. 5. Черкесск, 2009. С .9.

О густой заселенности предгорий и равнин Северо-Восточного Кавказа. Территория от Дербента и минимум до Аксая (а то и далее, именуемая в источниках также «Ихран») и берега Терека имела в хазарский период большое число земледельческих и городских центров (хотя и с аграрной экономикой), сравнимое с развитыми райономи нижнего течения Волги и Дона (Итиль, Саркел) и Крыма. «Городская» полоса Северо-Восточного Кавказа, тянувшаяся вдоль гор, была густо населена. Это был крупнейший аграрный район не только Кавказа, но и, видимо, всей Восточной Европы. Так, только в округе Баланджара/Беленджера насчитывалось в 20-х гг. VIII в. столь большое население, что арабский полководец Джаррах, вторгнувшийся из Закавказья, испугавшись огромного количества пленных, приказал утопить их в реке; причем масса людей сбежала еще и на север. И все равно западнее – в г. Варачан (возможно, район Буйнакска), арабы обнаружили до 40 тысяч семей, готовых платить арабам подати (а это по минимальным подсчетам до 200 тыс. человек)[59]. Естественно, подобные аграрно-городские полисы веками оказывали свое прямое и косвенное воздействие, по крайней мере, на население восточных (прикаспийских) и северных районов Нагорного Дагестана и северо-восточных районов исторической Чечни.

Чтобы детализировать вопросы нахско-хазарских взаимоотношений, необходимы широкие стационарные раскопки, которые дадут ответ на многие вопросы. К примеру, археологи уже давно выделили несколько национальных компонентов городищ Кумыкской плоскости: «Три типа погребальных сооружений вокруг Чир-Юрта (на Сулаке. – Авт.) принадлежат, по-видимому, трем разным этническим группам, представители которых заселяли город: катакомбы – аланам, ямные погребения – болгарам и, наконец, подкурганные катакомбы, – очевидно, господствующему народу – хазарам»[60]. Но, как видим, основные производители-земледельцы, содержавшие зерновые поля, богатые сады и виноградники, в отличие от кочевников, которых сложно подозревать в отказе от скотоводства в пользу земледелия, археологами пока никак не обозначены.

Небесполезно добавить, что тот же А.В. Гадло считает, что в основе т.н. хазарских городов Северо-Восточного Кавказа надо видеть более ранние сооружения местных народов, защищавших предгорные равнины и входы в ущелья. Приток кочевников на предгорные равнины пришелся главным образом на VII–VIII вв., считает исследователь[61].

В X–XI вв. вследствие глубокого внутреннего кризиса Хазарии и внешних потрясений начинается разрушение степной империи; тогда же идет и физический отток кочевников-хазар с Северного Кавказа в Подонье и Поволжье. В степные районы Восточной Европы, примыкающие к Предкавказью, начинают вступать новые волны тюркских кочевников – печенеги, позже и кипчаки-половцы. Однако

[59] См.: [Ибн-ал-Асир] Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асир / пер. П.К. Жузе. Баку. АзФан. 1940. С. 25; [Куфи] Абу Мухаммад ибн А'сам ал – Книга завоеваний / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1981. С. 19; Артамонов М.И. Указ. соч. С. 207–208; и др.

[60] Плетнева А. С. Указ. соч. С. 28.

[61] Гадло А.В. Указ. соч. С. 202–203.

часть городских центров Северо-Восточного и Прикаспийского Кавказа, ставшие небольшими княжествами-владениями, группировавшимися вокруг Семендера, расположенного либо на берегу Каспия, либо на Тереке[62], еще продолжают свое существование. На северо-западную и центральную части Северного Кавказа распространяется название т.н. «Алании», некогда не самой сильной ираноязычной племенной группы, бывшей вассалами булгар и хазар. Эти процессы распада некогда могучего каганата подробно описаны в монографиях ряда выдающихся российских историков (М.И Артамонов, А.П. Новосельцев, А.В. Гадло, С.А. Плетнева, М.Г. Магомедов).

Нельзя не привести здесь итоговый вывод того же М.И. Артамонова: «Погибло Хазарское государство, исчез и хазарский народ… В данном случае это произошло потому, что хазарский народ (в частности, из-за отсутствия единой монорелигии, иудаизм разделялся только небольшой царствующей фамилией, а также господствующего этноса. – Авт.) стал исчезать задолго до крушения Хазарского царства»[63].

§4. Нахские районы Северного Кавказа и аланы

К определению положения «Алании» на Северном Кавказе. Мы уже имели возможность отмечать в предыдущих главах, что появление алан на Северном Кавказе было связано с гуннским нашествием, заполнившим степные предкавказские и прикаспийские районы не ранее последней трети IV в. Причем увлеченные ими вассальные группы алан в массе своей заняли некую природно-географическую нишу от нижнего течения р. Кумы на севере, до Кисловодской котловины на юго-западе.

В VIII–XI вв. конфигурация Алании на карте Хазарского каганата по целому ряду причин все более стягивается на Северо-Западный Кавказ, где ближе к горам современного Карачая возникает своеобразный системообразующий центр Алании. Об этом же говорят, к примеру, материалы длительных раскопок в районе, скажем, Кисловодска.

Российские археологи, изучающие памятники Кисловодской котловины (давно ставшей своеобразным археологическим заповедником вследствие уникальных природных особенностей), отмечают, что выявленные здесь городища и поселения по определенным признакам можно разделить на два хронологических периода: II–IV и V–VIII вв. И далее: «Проведенные археологические работы на некоторых из них дали возможность отнести их ко II–IV вв. н.э. и связать данную технику фортификации с так называемыми земляными городищами аланской культуры II–IV вв.» (!?). При этом один автор даже предположил, что в этот период «среднее течение Подкумка служило естественной границей между аланским населением, занимавшим территории, в основном, к северу от него, и местными кавказскими племенами, расположенными к югу… Этим немногочисленным автохтонным на-

[62] См,. Коковцев П.К. Указ. соч. С. 100. Прим. 336.

[63] Артамонов М.И. Указ. соч. С. 458.

селением были оставлены… погребальные памятники, выделяемые в настоящее время в отдельную культурную группу «предаланской культуры (!?)»[64].

Вобщем-то не последняя в мире материальная культура горцев-земледельцев, скупо названных «немногочисленным автохтонным населением», заслужила у авторов всего-то навсего чести быть названной «предаланской».

В другой статье группы археологов один из самых выразительных, на их взгляд, аланских могильников Кисловодской котловины – курганный катакомбный могильник Левоподкумский-1 – датируется первой половиной не второго века, а именно IV в. Кстати, и известный ученый Е.П. Алексеева датировала соседние аналогичные захоронения в Карачаево-Черкесии, условно отнесенные к аланской культуре, примерно III–IV вв.[65]

Полагая, что подобные датировки, мягко говоря, могут быть весьма растянутыми, мы вместе с тем должны брать в учет, что гипотетически проникновение степняков в Центральное Предкавказье и на Северо-Западный Кавказ ранее IV в. (естественно в ходе кочевания, но не оседания) из районов Приазовья и Дона могло иметь место, но в таком случае оно нацеливалось в направлении важных в военном и торговом отношениях Клухорского и Саначарского перевалов Северо-Западного Кавказа и носило характер сезонных (скорее всего, летних) перекочевок неких отдельных групп степняков. Которые могли, к примеру, попадать в Пятигорье и Кисловодскую котловину с северной части Ставропольской возвышенности, где их присутствие как бы реально устанавливается. При этом вовсе не обязательно, чтобы они были непременно аланами.

Нельзя также сбрасывать со счетов соображения В.Б. Ковалевской, И.М. Чеченова и В.А. Кузнецова, высказанные по поводу относительной привлекательности для степняков (в жаркий сезон) междуречья Кубани и Кумы, легко доступного с севера (здесь нет водных препятствий) для перекочевки номадов со Ставропольской возвышенности к подошве гор Кавказа. Естественно, все это должно предполагать мирные связи с жителями гор и захоронение здесь скончавшихся сородичей. В свою очередь, связи со степняками Ставропольской возвышенности открывали горцам Центрального Кавказа путь на север в огромный мир евразийских степей[66].

Великая и Малая Хазария. В принципе, мы можем отметить, что никакой хрестоматийной «северокавказской Алании» как организованной системы до ослабления хазар в регионе, скорее всего, нет. Как известно, территория Хазарии

[64] Коробов Д.С. Изучение системы расселения алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. методами ГИС. Электронное издание. 2014: [Электронный ресурс]. URL: http://wwwforumdna.org › ForumDNA.org › Смежные науки › Археология (дата обращения 14.10.2018).

[65] Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. М., 2014. С. 134.

[66] Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Электронная библиотека Портала «Археология России» / Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России. № 1. М., 1997. С. 163.

еще в раннесредневековых источниках делилась на Великую или Большую Хазарию и Малую. В первую включались собственно хазарские, доменные земли, а во вторую – «земли, населенные племенами, подвластными каганату». Причем «Малой» называлась на определенном этапе территория южнее Кубани, где числились булгары, аланы и адыги (джики). При этом небезынтересно отметить, что, судя по археологическим и иным источникам, где-то с VII в. аланское население прямо с юртами поднималось к югу все выше в горы, а с другой стороны, вероятно, с конца VIII в. хазарские власти переводили какие-то аланские группы на север в верховья Дона и Донца в интересах укрепления западных границ государства. Следует также добавить, безотносительно ставшего в последние годы модным спора о делении алан на «асов/ясов/овсов» и собственно «алан», в этнонимике Северного Кавказа господствовало последнее наименование[67].

Вопросы границ кочевания и принадлежности тех или иных земель в регионе аланам требует пристального внимания, т.к. некоторыми исследователями границы аланского присутствия в гуннско-хазарский период бездоказательно доводились от верхней Кубани до Сулака и Дербента, где на протяжении пути от Дербента до Аксая и к течению Терека сидели вассальные хазарам довольно мощные кочевые племена гуннско-тюркского круга, имевшие городские центры и некую государственность; таким образом, если аланские группы здесь и были, то только в качестве вассалов гунно-булгарских племен и князей.

Утверждения В.А. Кузнецова. Известный алановед, археолог В.А. Кузнецов первоначально и безосновательно обозначал было, что в границы Алании на Северном Кавказе, начиная с V в., надо включать территорию от верхнего течения Кубани на западе до р. Аргун на востоке. Далее аланское влияние в его трудах стало доходить даже до р. Сулак, затем некое автономное аланское владение исследователь нашел уже южнее Дербентского прохода (Каспийские ворота) на северо-восточной границе кавказской Албании[68]. В одной из предыдущих глав, при обсуждении ситуации – гунны, хоны/хунну, Дагестан, Кавказская Албания (Маскутское царство), Армения, аланы/албаны и нахи в III–V вв. в ранних армянских источниках – мы уже обсуждали причины путаницы, возникшей здесь по вопросу гуннов (гунны/унны=хунну/хоны) и псевдоалан (аланы=алуанк/албаны).

Отдельной темой остается также термин Каспийских/Кавказских и Аланских ворот (ряд авторов решили, что раз есть названия «Аланские ворота» либо «Ворота от алан», то здесь реально должны находиться аланы): понятие Каспийские/Кавказские ворота в раннесредневековой литературе равно могли относить и к Дербенту, и к Дарьяльскому пути в целом, а то и к древнейшей крепости Дарубал в районе Жинвали[69]. Все зависит от степени осведомленности

[67] Гадло А.В. Указ. соч. С. 48–51.

[68] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 30; Его же: Очерки истории алан. Владикавказа… С. 213–217. К великому сожалению, весь нарративный, археологический, этнографический и фольклорный материал (порой самого косвенного свойства), без оглядки на необходимость элементарного анализа, некритически смешивается небесталанным исследователем.

[69] См.: Манандян Я. Цель и направление подготовлявшегося Нероном кавказского похода // Вопросы истории. № 7. 1946. С. 66–74; Артамонов А.И. Указ. соч. С. 63–64; Карт-

тех или иных авторов в кавказских делах и собственно умения современного исследователя анализировать контекст. В тексте пространной редакции письма царя Иосифа, кстати, довольно определенно отмечен именно Дарьяльский проход – «Д-ралан»[70].

Кавказские перевалы Северо-Западного Кавказа. Аланы, булгары и хазары. Как мы уже отмечали, изначально сложилось так, что аланам оказалась отведена при гуннах скромная полоса степи между нижним или средним течением Кумы на севере и районом Кисловодской котловины к юго-западу[71]. При этом возобновившееся к рубежу V–VI вв. и шедшее далее с перерывами функционирование Великого шелкового пути между Византией и Средней Азией (Согдиана) и Китаем, получило на Кавказе два основных направления, описанных археологом Е.И. Савченко: южнее Каспия и далее через Иран, Армению и Иберию (Колхиду) к местным византийским портам на Средиземном и Черном морях и севернее Каспия. Далее через предкавказские степи к р. Куме (либо западнее по долине р. Калаус) до современных Кавминвод, откуда караваны уходили по ущельям в горы и переваливали через Кавказский хребет в Абхазию (Авазгия), где ближайшим стоял византийский порт Севастопололис (Цхум)[72]. Вот эти важные обстоятельства серьезно подняли вес алан, что во многом должно было определять интерес к ним хазарской и, разумеется, византийской верхушки.

Вместе с тем, нельзя исключать и «поправки», вносимые внутрихазарскими разногласиями на положение алан: судя по всему в VIII–IX вв. т.н. «черные болгары/булгары» вытеснили алан (на которых они, кстати, имели влияние, если вспомнить данные Захария Ритора, по крайней мере еще с VI в.) из района современного Кисловодска, почему они, возможно, и стали подниматься выше в горы. К тому же здесь, на правом берегу р. Кубани (в 11 км от современного г. Карачаевска), расположилась довольно мощная опорная хазарская крепость с каменными стенами (Хумаринское городище), отмечаемая вплоть до конца X в. Очень вероятно, что ее строительство на хазарской территории, вдали от внешних границ государства, было вызвано внутриполитическими причинами, к примеру, необходимостью держать в узде тех же булгар и алан[73].

Реально в раннесредневековый период в северокавказском регионе был период доминирования гуннов «гуннов» (булгар-оногуров, сабиров/савиров и др.),

лис цховреба. История Грузии / Гл. ред. Р. Метровели. Тбилиси, 2008. С. 25; Шмалько А.В. Восточный поход Нерона // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 84–85; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 32–45, 433.

[70] Коковцев П.К. Указ. соч. С. 94.

[71] Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер.С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 383; и др.

[72] Кузнецов В.И.Очерки истории алан… С. 96; Савченко Е.И. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка). Автореферат дисс… канд. истор. наук. М., 1997. С. 16–17.

[73] См.: Плетнева С.А. Хазары…. С. 31; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв…. С. 202–203; Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983. С. 4, 34–35; Кузнецов В.И. Указ. соч. С. 217, 383; Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 568.

затем тюркотский период и, наконец, хазарский (с продолжением булгаро-савирского племенного преобладания в нашем регионе). Более того, ущелье Дариалан («Ворота против алан») в раннеарабских источниках (ал-Хваризми – род. 80-е гг. VIII в.) получили даже расширительное название – «Ворота алан и хазар»[74].

«Аланские ворота» и аланы? В течение не менее 150 лет (VIII–VIII вв.) на Северный Кавказ устремлялись с юга мощные военные силы Арабского халифата. Так, только по Дарьяльской дороге (не менее часто использовалась и дорога через Дербент – Каспийский путь) арабские войска прошли на север до 10–11 раз, причем удары целенаправленно наносились на самую развитую, богатую часть Хазарии – аграрно-городской район на Северо-Восточном Кавказе (включая Прикаспий). Однако арабские авторы, не являясь современниками экспедиций на север, своеобразно показывали направление похода на север – говоря, что войска пошли на «ал-Лан/Алан»[75], подразумевая Дарьяльскую дорогу, ведшую в Хазарию, но отнюдь не Аланию как страну. На тот момент (как и в дальнейшем) в сообщениях об экспедициях к «Баб ал-Лан» (Ворота алан), или просто «на алан» арабы подразумевали выход на предполье к основным земледельческим и ремесленным центрам Северо-Восточного Кавказа, а не к собственно аланам Северо-Западного Кавказа (верхний бассейн Зеленчука и Кубани)[76]. Наименование «Дар и-алан» – Ворота (от) алан сложилось с античных времен, когда некая группа кочевых племен с Северного Причерноморья и Дона (возможно, аланы или сарматы) прорвалась через Дарьял в Парфию в 135/136 г. н.э.[77]

Отметим также, что от выхода из Дарьяла на плоскость до достижения арабами первых «хазарских» городов (вероятно на р. Аксай) ни один источник не указывает какого-либо поселения, народа или кочевых групп. Возможно, что независимое нахское население на плоскости присутствовало на то время только за Сунжей.

Столь подробное пояснение сделано нами еще и потому, что в некоторых источниках дается порой и вольный перевод арабских текстов, служащий поводом для самых разных толкований, в т.ч. нахождения алан у Аланских ворот. Вот некоторые примеры из сборника русского перевода материалов испанского ученого А. Алеманя, изданных на английском языке (в свою очередь, здесь Алеманем были использованы английские и немецкие переводы с арабаского ат-Табари):

«(а) в 22 г. х. / 642 Худайфа б. Асид впервые достиг аланских гор *igibal al-Ldn*) (§ 6.21.3.а).

в 42 г. х. / 662-3 мусульмане совершили набег на аланов (*gazd al-Muslimun al-Lan*).

[74] Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 72.

[75] См.: Ибн-ал-Асир / Пер. П. К. Жузе. Баку. АзФан. 1940. С. 13–14; и др.

[76] И, тем не менее см.: Хатуев Р.Т. Аланские территории в составе Халифата // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии /Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010. С. 262–268.

[77] Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 318–335).

в 103 г. х. / 721-2 тюрки совершили вторжение в страну аланов (*igdrat al-Turk‘ ala al-Lan*).

в 105 г. х. / 723-4 ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаками провел военную экспедицию против аланов, проходя через их страну к городам и крепостям, которые лежат за хазарским анклавом Баланджар (ср. § 6.21.3-Ь; ал-Дахаби § 6.8).

(е) в 106 г. х. / 724-5 г. ал-Хаджджадж б. Абд ал-Малик продолжил кампанию против аланов {*gazd... al-Ldn*)»[78].

Сравним с профессиональным переводом на русский язык с арабского труда ат-Табари «История посланников и царей» А.Р. Шихсаидова, где в соответствующих местах указано достаточно просто: «поход на ал-Лан», в значении прохода и гор, но не народа[79].

Текст царя Иосифа о поздних аланах. Своеобразный «аланский период» на Северном Кавказе можно рассматривать, на наш взгляд, только в условиях «после хазар» – с конца X – начала XI вв. Этот период был связан с бытованием здесь некоего раннефеодального образования ираноязычных кочевников с собственными правителями – «багатур» (аланский период доминирования на северокавказских равнинах, который, однако, им приходилось делить с кипчаками восточноевропейских степей, продолжался вплоть до нашествия монголов).

Вместе с тем, отрицать, что в течение всего хазарского (и булгарского) доминирования аланские вожди не пытались преломить ситуацию в свою пользу, было бы ошибочно. Вот текст из анонимного «Кембриджского документа» X в., перекликающегося с сообщениями писем хазарского царя Иосифа (если данный «документ» и не показывает историческую конкретику, то, по крайней мере, дает некое ее героическое отражение):

«И заключил царь союз с нашим соседом, царем алан, так как царство алан (было) сильнее и крепче всех народов, которые (жили) вокруг нас, (и) так как сказали (себе) мудрецы: “как бы не поднялись народы войною против нас и не присоединился также и он к нашим врагам”. Поэтому [он заключил с ним союз, чтобы оказать помощь] в беде друг другу. И был *ужас [божий на народах, которые] кругом нас,* так что они не приходили (войною) на казарское царство. [Но во дни царя Вениамина] поднялись все народы на [казар] и стеснили их [по совету] царя македонского. И пришли воевать царь Асии и тур[ок]..... и Пайнила и Македона; только царь алан был подмогою [для казар, так как] часть их (тоже) соблюдала иудейский закон. Эти цари [все] воевали против страны казар, а аланский царь пошел на их землю и нанес им [поражение], *от которого нет поправления, и ниспроверг их господь пред царем Вениамином*. Также и во дни царя Аарона воевал царь аланский против казар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был [с ним дружен], и *низвергся царь аланский перед Аароном*, и тот взял его живым в плен. И оказал ему [царь большой] почет и взял дочь его в жены своему сыну, Иосифу. Тогда [обязался]

[78] Алемань С. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 353–355.

[79] Шихсаидов А.Р. Книга Ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М., 1986. С. 66–87.

ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою землю]. И с того дня напал страх пред казарами на народы, которые (живут) кругом них»[80].

Византия и попытки христианизации алан. Другая держава, столь же заинтересованная в Алании и аланах, была Византийская империя, в силу геополитических причин издавна пытавшаяся закрепиться на черноморских берегах исторической Грузии, Абхазии и Крыма, в связи с чем рассчитывала найти опору среди алан Северо-Западного Кавказа и славян Восточной Европы. Реальные попытки миссионерской деятельности среди кочевников-алан относятся к VII–VIII вв. и первоначально связаны даже с именем известного религиозного деятеля Максима Исповедника (580–662), в последний год жизни которого к власти в Алании пришел некий «христолюбивый» вождь Георгий, свергший своего предшественника-язычника[81].

В начале X в. арабский географ Ибн Русте отметил было, что «…царь Алланов – христианин, а большая часть жителей царства его кяфиры и поклоняются идолам», хотя где-то в последней четверти IX в., в период правления хазарского царя Вениамина, правитель алан указывается иудеем: «только царь алан был подмогою [для казар, так как] часть их (тоже) соблюдала иудейский закон»[82]. Впрочем, кочевники, включая и алан, и хазар могли легко менять религиозные убеждения; достаточно вспомнить, что в 737 г. разбитые наголову в результате арабского нашествия во главе с Марваном Кру Омейядом хазары во главе со всей правящей верхушкой обязались принять ислам[83]. Но арабы не были в состоянии держать за Кавказским хребтом большую армию, и политические результаты данного громадного предприятия от 737 г., по замечанию М. Артамонова, оказались эфемерными[84].

Иудаизм в Хазарии. Как известно, в конечном счете, верхушка каганата отказалась от навязанного ислама и обратилась, возможно в знак протеста, против гегемонии мусульман и христиано-византийской агрессии в Кавказском и Северном Причерноморье, в иудаизм (последняя четверть VIII в.). Но А.П. Новосельцев предлагает считаться еще и с тем обстоятельством, что для Хазарии к тому времени было ценно то, что «еврейские общины и еврейский торговый капитал не только сохранили свою силу и влияние (в Европе и Азии. – Авт.), но и практически монополизировали европейскую торговлю»[85].

[80] Коковцев П.К. Указ. соч. С. 116–117. Указанные наименования «Пайнила» относят к печенегам, а цари «македонский» и «греческий», соответственно к византийскому императору.

[81] Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.

[82] См.: [Ибн Русте] Караулов Н.А. Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Адербейджане. Вып. V // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. № 32. Тифлис, 1901. С. 50–51; Коковцев П.К. Указ. соч. С. 116–117; в тех же арабских известиях указывается, что среди аланов были мусульмане, но большей частью христиане. – Алемань А. Указ. соч. С. 353, сн. 85.

[83] См.: Ал-Куфи. Указ. соч. С. 51–52; Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. СПб., 1998. С. 45.

[84] Артамонов М.А. Указ. соч. С. 224.

[85] Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 151.

Крещение аланской верхушки. Более или менее заметная миссионерская деятельность по крещению алан началась при константинопольском патриархе Николае Мистике (первая четверть X в.), который предпочитал действовать через абхазских царей (владетелей и западногрузинских земель) Константина III (899–922/929?), а затем его сына Георгия II (922–957 гг.), которые должны были помогать уже назначенному им архиепископу Аланскому – Петру. При этом выясняется также, что абхазские владетели имели «старые дружеские связи… с Аланией: в войне Насра (претендента на княжество Тао-Кларджети. – Авт.) и абхазов против коалиции Адарнасе (царя Тао-Кларджети. – Авт.) в 888 г. на стороне первых участвовал и погиб в битве аланский мтавар Бакатар»[86]. Таким образом, это одно из первых известий участия алан в закавказских делах.

Где-то между 912 и 915 гг. в правление абхазского царя Константина III Багратиони произошло по его инициативе крещение анонимного «архонта (правителя) Алании». К тому времени (с 787?) уже существовала автокефальная Абхазская православная церковь с центром в г. Кутаиси[87]. Возможно, что при «боголюбивом» абхазском царе Георгии II (ок. 922–957) на территории Северо-Западного Кавказа началось строительство первых христианских храмов. Мнения, что первые храмы в Алании возникли в первой трети X в., придерживается один из исследователей ранних «зеленчукских храмов» (ныне на территории Карачая) археолог В.А. Кузнецов[88].

Однако своеобразная «идеологическая» интервенция Константинополя и закавказских царств, заинтересованных по разным причинам в аланах, не всегда протекала гладко. Арабский ученый Масуди (ок. 896–956) дал на этот счет недвусмысленные сведения: «После провозглашения ислама в царствование династии Аббасидов цари алланов приняли христианство, а до того они были язычниками, но после 320 года (320 год хиджры соответствует 931–932 годам по Р. Х. – Авт.) они отвратились от христианства и изгнали бывших прежде епископов и священников, присланных к ним царем румским»[89].

Видимо, это объяснялось, пусть относительно кратковременным, но восстановлением позиций Хазарского каганата, в т.ч. и на Северо-Западном Кавказе в правление царя Аарона II (ок. 900–930-е гг.). Согласно сведениям из «Кембриджского документа» анонимного автора X в., был заключен брак сына Аарона – будущего правителя Хазарии Иосифа, с дочерью «царя» Алании[90]. Новое возвращение алан к греческому православию стало наблюдаться не ранее середины X в.

[86] Виноградов Андрей. Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII – начало X в.) // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе М., 2016. С. 39.

[87] Там же. С. 49–50, 53.

[88] Кузнецов В.А. Северный Зеленчукский храм X века // Советская археология. № 4. 1964. С. 136–150.

[89] [Мас›уди – далее Масуди] Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Мас›уди // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 101.

[90] См.: Коковцев П.К. Указ. соч. С.117; Михайлов М.И. Западная Алания и Хазарский каганат в VII–X вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. С. 1–8.

Распад Хазарии и усиление Алании. Загадка Магаса. Вернемся к теме, касающейся распространения влияния северокавказской Алании в регионе в связи с оттоком кочевников-хазар с Северного Кавказа в Подонье и Поволжье в течение X–XI вв. Как известно, разрушительный поход киевского князя Святослава на городские центры Хазарии в Поволжье и на Северо-Восточном Кавказе произошел в 965 г. (война коснулась и алан при обратном движении Святослава из Прикаспия на Дон), после чего усилились набеги на разрушающееся государство новых тюркских кочевников – огузов, печенегов, половцев-кипчаков. К середине XI в. Хазария как торговая империя была полностью и бесповоротно разрушена.

Указанные хрестоматийные сюжеты объясняют возвышение северокавкзской Алании на каких-то этапах ее истории как раннефеодального образования с царской властью, а также и как некоего конгломерата племен с независимыми вождями-багатурами.

Ко времени складывания аланского раннефеодального образования источники отмечают на Северном Кавказе не позже X в. некий городской центр с укреплениями – Магас (весьма предположительно Алхан-Калинское городище на левом берегу Сунжи в границах современной Чечни). Выше по течению Сунжи на 70–80 км, в районе современных г. Назрани и селений Али-юрт и Сурхахи (современная Ингушетия) наблюдаются остатки другой системы средневековых укреплений (хронология и этническая принадлежность которых пока неясны)[91].

Первое упоминание Магаса содержится, как известно, в сочинении арабоязычного автора Масуди, жившего до примерно 957 г.: «Царство алланов граничит с царством Серир… Столица Алана называется Магас…, что означает «Муха» …› благочестие›;…»[92]. Согласно консолидированному мнению целого ряда ученых (В.Ф. Минорский, А.П. Новосельцев, Н.А. Караулов, В.Б. Виноградов, Х.А Хизриев, и др.), расположение Магаса укладывается на современной чеченской (вариант «чечено-ингушской») территории. Добавим также, что Алания не граничила напрямую с Сериром (область, ориентировочно охватывавшая часть Нагорного и Южного Дагестана), т.к. между ними было три дня пути (как раз здесь укладывается территория нахов Восточной Чечни между западной границей дагестанского Серира и течением Сунжи), о чем есть свидетельство Ибн Русте.

Есть ли Магас арабских источников X в. и времени монгольского нашествия (XIII в.) Алхан-Калинским городищем на р. Сунжа, остается под большим вопросом. В конечном счете, весь археологический материал, обнаруженный на территории Алхан-Калинского городища, согласно авторитетному для нас мнению ученых Х.М. Мамаева и В.Ю. Малашева, показывает, что данное городище функционировало в II–V вв., хотя есть напластования более позднего гуннского (булгарского) времени – до VII в.[93] Поэтому попытки характеристики такого па-

[91] См.: Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М., 1966. С. 18–19, 22; Кодзоев Н.Д. Магас: по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003. С. 36–45.

[92] См.: Масуди. Указ. соч. С. 53; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 204.

[93] См.: Мамаев Х.М. О хронологии Алхан-Калинского городища // Отражение цивили-

мятника как принадлежащего к «аланской культуре» (что встречается в литературе) представляются, конечно, исключительно рабочей гипотезой.

Интересно свидетельство другого арабоязычного географа Ибн Русте (IX – первая треть X в.), который, отметив, что от границы средневековой Аварии (относящейся к области «Сарир») «…налево (на запад) …, пройдя три дня пути среди гор и лугов (это приблизительно соответствует маршруту от западной границы Аварского плато до района г. Грозного на Сунже, примерно 3–4 дня конного пути в 100–120 км по прямой. – Авт.), прибываешь в царство ал-Лан (Алан)… Затем ты проходишь расстояние в десять дней пути среди рек и лесов и достигаешь замка, называемого “Ворота аланов”[94]. Для последнего утверждения, странного на первый взгляд, есть свое объяснение: уже в раннем средневековье на протяжении Дарьяльской дороги существовали две крепости, порой называвшиеся одинаково – «Дар и-Алан». Между тем, одна, на юге Дарьяльской дороги в районе Жинвали на Арагви, именовалась чаще Дарубал, Ворота санаров/цанаров, и т.д. Другое укрепление на севере, в начале ущелья в теснине Терека, именовалось Дар и-алан («Ворота (против) алан»), Баб ал-Алан («Ворота алан»), и т. д. [95]

Таким образом, путь равниной от района Грозного до створа ущелья, где находилась вторая крепость – около 120 км, а вот вкупе с дорогой до первой крепости Жинвали (где путь идет горами) все 250–300 км – получатся искомые 10 дней пути.

В целом, если согласиться с тем обстоятельством, что границы кочевий Алании достигли р. Сунжи, то локализацию г. Магаса, как представляется, можно отнести к более широкому району – от современного Алхан-Калинского городища до впадения Сунжи в Терек (и выше по левому берегу Терека). В целом же ситуация в этом вопросе остается неопределенной[96].

Видный алановед В.А. Кузнецов насчитывает в регионе до монгольского нашествия XIII в., кроме Магаса, следующие города: Верхний Джулат, Нижний Джулат (на территории современной Северной Осетии), Нижний Архыз, Рим–гора (на территории современной Карачаево-Черкесии). Их локализация вопросов и сомнений не вызывает, хотя мы не знаем: это религиозные центры или торговые. Монгольские источники, как известно, говорят о сопротивлении и взятии штурмом только одного города-крепости на Северном Кавказе во время Западного похода – Ме-цио-сы/Май-гэ-сы (Магас)[97].

зационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 239–241; Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (25). 2014. С. 65–72.

[94] Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 220.

[95] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 35–40.

[96] Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а, возможно, и никогда окончательно не решенной» // Электронный журнал «APRIORI. Серия: гуманитарные науки» www.apriori-journal.ru. № 4. 2016. С. 1–24.

[97] См: Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 283, 299; Кузнецов В.И. Очерки истории алан…С. 226–229.

Своеобразный расцвет Алании пришелся на значительную часть XI в., ее влияние распространилось от границ горских земель адыгов-зихов на западе (междуречье Зеленчука, Верхняя Кубань) до р. Сунжи на востоке и от подошвы гор Кавказского хребта на юге, до Ставропольской возвышенности и нижнего течения р. Кубани на севере. Более того, булгарские и хазарские остатки кочевых групп степного Предкавказья, столкнувшиеся после падения Хазарии как государства с поползновениями новых кочевников огузов, печенегов и половцев, отступают на юг – в предгорья главным образом Северо-Западного Кавказа, под защиту алан[98].

В районах расселения потомков нахо-кобанцев Балкарии и Карачая не только утверждаются тюркские языки, наслаиваясь на более ранние иранские напластования, но и внешние этнонимы со стороны Грузии – «асы/аси», и «алани». Судя по всему, в эти районы, считавшиеся сугубо вассальными аланам, в XI–XII вв. «заходят» и кипчакские группы. Отметим, что центральными районами Алании в тот период, согласно А.В. Гадло, считались на Северном Кавказе земли между левобережными притоками Терека Малка и Урух[99].

Правители Алании. Мы можем привести некий комментированный и консолидированный список правителей Алании IX–XI вв., основанный на арабских и грузинских источниках и некоторых исследованиях[100], и попытаться прокомментировать некоторые исторические факты. К сожалению, тема «Аланского царства» настолько «заезжена» в части горской историографии, что порой теряется нить сколько-нибудь реального нарратива.

Следует учитывать, что при всех экзотических связях с аланской знатью абхазских, западногрузинских царей и византийского двора северокавказская Алания, согласно замечанию Михаила Пселла (XI в.), не играла особой роли: «Царство это не было значительным ни в каком отношении, не уделялось ему и особого внимания, но всегда предоставляло Ромейской державе залог своей верности». Так, единственная причина упоминания Алании Михаилом заключалась в том, что некая аланка-заложница стала постоянной любовницей императора Константина IX Мономаха (1042–1055)[101].

Нельзя также не упомянуть некое интересное дополнение в компиляционной работе более позднего исламского автора Ал-Казвини (?-1283), сообщающего со ссылкой на более ранние данные, что: «…хотя среди аланов были и мусульмане, большинство из них было христианами, и они не повиновались одному царю, но каждое племя имело своего собственного вождя»[102].

[98] Гадло А.В. Указ. соч. С. 158–159.

[99] Там же. С. 160, 172-173; Алексеева Е.П., Невская В.П., Шаманов И.М. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 17–22.

[100] См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан…; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в X–XIII вв.; Хатуев Р.Т. Хроника аланских царей. Черкесск, 2007; Михайлов М.И. Западная Алания в XI веке: эпоха династических браков // Культурная жизнь Юга России. № 3 (28). 2008. С. 83–84. Малахов С.Н. Алано-византийские заметки (Часть I) // Аланы: история и культура (Alanica III). Владикавказ, 1995. С. 376–388; и др.

[101] Алемань А. Указ. соч. С. 299–300; 303–304.

[102] Алемань А. Указ. соч. С. 353, сн.85.

Багатар – «князь овсов» (вторая половина IX в.). Если не считать неких аланских вождей северо-западной части Кавказа – Саросия (VI в.), Григория (VII в.) и Итаксиса (VIII в.), именно Багатар (неясно, это имя или титул) является одним из первых «овских» (овсы – грузинское написание асов-аланов) общеаланским вождем-правителем. Он назван в грузинской летописи в качестве союзника князя Насра, родственника абхазского царя Баграта I (ок. 887–899)[103]. Упоминаемые в грузинских и армянских источниках на ряд веков ранее данного исторического Багатара сведения о неких «аланских» или «овских» царях едва ли не I–V вв. есть результат своеобразной интерполяции, рассмотрение которой не является нашей задачей.

Гавриил – «эксусиократор Алании» (? – 960-е гг.). К середине X в. происходит усиление аланского феодального объединения. Даже получив от Хазарии военное поражение в 932 г., оно считалось «сильнее и крепче всех народов» степной империи, кроме хазар.

Этот момент, видимо, учитывал византийский императорский двор, соперничавший из-за доминирования в Северном Причерноморье с Хазарией. Потому аланский вождь Гавриил был назван «эксусиократором Алании», т.е. «властодержцем» над другими «архонтами» (правитель, князь) страны Алания[104].

В 960-х гг. Хазарский каганат, как известно, был практически разрушен массированными набегами русов-славян и норманов Святослава, затем и печенегов, огузов. Потому можно считать Гавриила самостоятельным правителем территории и народонаселения северокавказской Алании.

К эпохе его правления относится следующий пассаж из произведения великого арабского историка и географа Масуди, доказывающий, что аланы в своем расселении дошли к середине X в. на востоке до р. Сунжи (на тот момент граница расселения нахо-чеченскогого этноса), где в пределах современной Чечни возникла их столица г. Магас (не окончательное утверждение):

«Царство аланов граничит с царством Серир (в другом источнике – у автора X в. Ибн Руста, можно понять, что общей границы между Сериром, расположенном в горах Дагестана, и Аланией нет: до «царства аланов» надо ехать горами три дня пути. – Авт.). Цари его носят титул *Керкандадж*, подобно тому, как цари Серира носят титул *Филан-шах*. Столица страны называется Ма›ас, что значит: «благочестие». В этой стране находятся еще крепости и угодья, расположенные вне этого города, куда царь время от времени переезжает. В настоящее время между царем аланов и Сахиб-ас-Сериром заключен договор, и они взаимно отдали друг за друга своих сестер…

Царь алланов выставляет 30000 всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари»[105].

[103] Хатуев Р.Т. Указ. соч. С. 61; Виноградов Андрей. Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII–начало X в.) // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе М., 2016. С. 39; и др.

[104] Кузнецов В.Н. Очерки истории алан…. С. 238; Хатуев Р.Т. Указ. соч. С. 63.

[105] См.: [Ибн-Рустэ] Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: V. Ибн-Рустэ // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 32. Тифлис. 1903. С. 50–51; Его же: [Мас›уди] Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. … С. 53–54;

Можно также уверенно говорить о двух правителях Алании XI в., известных и за ее пределами.

Урдур/Урдуре (? – 1029). Мы не знаем, наблюдалась ли в Алании передача власти по наследству, или «цари» выбирались знатью с формальным волеизъявлением народного собрания. Как бы то ни было, очередной «властодержец» Алании, некий Урдуре вмешался в дела Закавказья (скорее всего с подачи абхазского и западногрузинского правящего дома Багратиони). Известно, что абхазо-грузинский царь Георгий I Багратиони (1014–1027) был женат вторым браком на Альде – дочери Урдура (?-1029), а его сын Баграт IV также вторым браком венчался с Бореной, сестрой следующего после Урдура аланского правителя Дургулеля/Дорголеля[106].

Вследствие того, что данные династии рассчитывали захватить или ослабить все усиливающееся в масштабах Закавказья нахское Кахо-Эретское царство, то, видимо, к тому и был склонен Урдуре, который с национальным ополчением, традиционно достигавшим 30-40 тыс. человек, выступил с Северного Кавказа против кахетинского (нахо-цанарского) царя Квирике III Великого, претендовавшего (как и Георгий I) на роль объединителя всего Закавказья.

Урдуре пересек Кавказский хребет не Дарьяльской дорогой, где в крепостях сидели те же цанары и их союзники арабы из Тбилисского эмирата, не Двалетской дорогой через Осетию (Рокский и Мамисонский перевалы), а «прошел дорогу дзурдзуков и глигвов и вступил в Тианети и опустошил Кахети».

Такой маршрут гарантировал скрытность и выход в «тылы» нахского государства, но предполагал довольно сложный, особенно для конного состава, маршрут: подъем с Чеченской равнины по ущелью р. Ассы через нахо-чеченские горные общества, затем труднейший для всадников переход через хребет Цорей-лам, где в ущелье располагалось нахо-ингушское общество Галгай (Глигви). Осилив очередной перевал на Хевсурском хребте, аланы вышли на основную территорию провинции Цанаретии – Кахетию. Остается открытым вопрос относительно «дурдзуков» – здесь имеются в виду нахские общества по Ассе (историческая Чечня) или общества по Хевсурской (Пшавской) Арагви ныне грузинского Закавказья?

Как бы то ни было, нахский царь Квирике III успел своевременно собрать свое войско, и в «сильном бою» аланы были побеждены и перебиты, включая Урдуре. Оставшиеся в живых были взяты в плен и обращены в рабство[107].

Можно высказать здесь предположение, что именно это событие подвигло Квирике Великого к строительству христианского храма (Тхоба/Тхаба-Ерды) в нахском обществе Глигви (Галгай) и христианизации местных горцев в целях обеспечения безопасности границ Цанаретии-Кахетии на этом участке.

[106] Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 234; Михайлов М.И. Указ. соч. С. 83.

[107] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 154; Багратиони Вахушти. История царства грузинского. Мецниереба. Тбилиси, 1976. С. 128–129; Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. С. 112–119.

Доргулель/Дургулель (ок. 1029 – 60–70-е гг. XI в.?) «Великий царь овсов» Доргулель, согласно грузинским источникам, выдал сестру Борену за западногрузинского царя Багарата IV (правил в 1027–1072 гг.). Его племянница, дочь Багарата, стала женой византийского императора Михаила Дуки. Есть сообщение, что Доргулель послал в Константинополь на помощь Дуки 6 тыс. всадников-алан[108].

Он же помог Грузии в 60-х гг. XI в. отбить набеги сельджукского султана и с 40 тыс. войском, совместно с грузинами, разорил мусульманский эмират Гянджа. Походы в Закавказье становятся привычными для усилившихся алан. Возможно, что еще в 1032 г. некий отряд алан совместно с горцами Дагестана («сарирцы») и норманнами-«русами» разграбили эмират Ширван и вернулся обратно через Дербентские ворота. В 1062 или 1065 г., либо, возможно, дважды (и в 1062 и 1065 гг.) крупные силы алан прошли уже через Дарьяльское ущелье и разграбили «Арран» (Восточный Кавказ), в 1065 г. аланы во главе с Дорголелем вновь повторили поход и на этот раз, действуя, как говорят арабские источники, «в союзе с неверными Шакки», преодолели сопротивление мусульман и захватили богатую добычу и большое число пленных[109]. «Неверные Шакки» – это Кахо-Эретское царство (Шакки – одна из провинций Эрети) цанаров во главе на тот момент с царем Агсартаном/Ахсартан (ок. 1058–1084). Видимо, конфликт от 1029 г., связанный с разгромом Урдуре цанарами, был исчерпан вследствие политической необходимости.

Аланский правитель не раз оказывался втянутым во внутригрузинские дела на стороне зятя Багарата. В ряде случаев Доргулель свободно пользовался Дарьяльской дорогой через нахские земли, что говорит о дружеских отношениях с Кахо-Эретским царством.

Выводы. В ходе нашествия гуннов и их созников на Северный Кавказ и позже здесь здесь сложилось несколько раннеклассовых образований кочевников – «царство/страна гуннов», «ханство Великая Булгария», отдельные племенные союзы и довольно крупные аграрные города с горско-гуннским населением на предгорьях Северо-Восточного Кавказа.

Со второй половины VI в. Северный Кавказ с гуннами, аланами и булгарами входит в состав Тюркского каганата – кочевого государства, растянувшегося от границ Китая на востоке, до Дуная на западе. Открылась серия войн тюркотов с Византией и Ираном, втягивавшая нахов как Северного, так и Южного Кавказа.

С VII в. на отрезке трассы «Великого шелкового пути» в Северо-Восточном Прикаспии, Северном Причерноморье и на берегах Волги в нижнем течении (после недолгой гегемонии великого Тюркского каганата) складывается новое объединение кочевых племен различного, главным образом тюркского происхождения, получившее название Хазария. Эта своеобразная «торговая империя» распространила на юге свое политическое влияние на гуннов, булгар, алан и горские народы, расположенные даже «на очень высоких горах». Хазарии – великой

[108] См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 186; Михайлов М.И. Указ. соч. С. 83.

[109] Алемань А. Указ. соч. С. 357–359; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. С. 163.

региональной державе, вплоть до конца X в. предстояло сыграть важную роль в истории Кавказа и нахских народов.

Падение Хазарии (и массовый уход с Северного Кавказа и Причерноморья булгарских племен) привело к усилению Алании. Конец X–XI вв. отмечен энергичными военными действиями аланского племенного ополчения, наличием авторитетных вождей-царей, имевших династические связи с Абхазо-Грузинским царством и Византией, определенной степенью христианизации, связанной в т.ч. со складыванием Аланской православной епархии с храмами и клиром.

Однако этот очень усеченный «золотой век» Алании (вследствие того, что ни одна тенденция экономического и социально-общественного развития конгломерата племен не получила своего законченного развития) оказался сравнительно недолгим. Северный Кавказ, Прикаспий и Причерноморье заполняют сильные и многочисленные орды кипчаков, которые не позже последней четверти XI в. установят здесь свою гегемонию.

Вместе с тем, период господства Хазарии, а затем Алании на равнинах и степях региона продолжал функционировать машрут Великого шелкового пути из Азии в Европу через Северный Кавказ, что положительно сказывалось на его развитии.

В Закавказье в VIII–XI вв. сложилось довольно сильное Цанарское (Кахо-Эретское) нахское государство, оказывавшее влияние на весь регион Кавказа, но вопрос о нем будет рассматриваться в следующих главах.

Глава XI.

НАХИ-ЦАНАРЫ И ЦАНАРЕТИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ (VII – сер. VIII вв.)

§1. К основным проблемам историографии нахов-цанар

Место Цанаретии в истории Закавказья и в историографии. В ходе раннего средневековья на Северном Кавказе и в Закавказье взаимодействовали целый ряд народов и государств – Хазария, Албания, Армения, Грузия, Иран, Византия и те же нахоязычные горские племена по обе стороны Большого Кавказского хребта. В силу исторических обстоятельств все они стали объектом многообразного и долгого воздействия новой мировой державы – Арабского халифата.

В этих условиях во второй половине VIII в. сформировалось, достигло пика своего этнополитического возвышения и в самом конце XI в. закончило свое существование нахское Цанарское государство (оно вошло в состав централизованного Абхазско-Картлийского царства в пределах современной Грузии, проиграв борьбу за политическую гегемонию). Вопрос о Цанаретии имеет большое научное значение – история всего Закавказья без основательной включенности в нее данной темы будет неполной и неясной.

Цанаретия, именуемая позже также Кахети и Кахо-Эретское царство («царство Эрети и Кахети», «царство кахов и ранов»), получившая широкую известность в VIII–XI вв. в связи с антихалифатскими восстаниями в Закавказье – рассматривается в наличных исторических источниках и научных исследованиях примерно в трех форматах. Первый – цанары это горные грузины, а Цанаретия – грузинское в этническом плане феодальное владение в границах исторической «грузинской» области Кахетия (не говорим о совсем уже экзотических версиях, как-то: цанары – это потомки йеменских арабов, цанары – это аланы, цанары – потомки неких восточных халдеев и т.д.); второй – цанарами средневековых источников являются жители Чанты-Аргунского ущелья Чечни (цаной) или жители Ксанского ущелья в Закавказье – саны/соны/, которые как бы и стали основателями нового государства; третий формат – цанары, частично христианизированные нахи Закавказья (именуемые также кавкасианами, гугарами и дзурдзуками). Они располагались с запада на восток от бассейна Арагви и Терека (Дарьяльский путь) до границ горных племен Дагестана и восточных границ бывшей Албании (область Эрети по Алазани) и с севера на юг от линии вершин Кавказского хребта до исторических районов Картли, Кухети, Камбечани (Камбисена), Гардабани и собственно Эрети в бассейне среднего течения р. Куры и Алазани[1].

[1] См.: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

О нахоязычности горных племен центральной части Закавказья. Высказываемый в данном исследовании тезис об исторической нахоязычности Кахети, Кухети, Камбичани, Гугарка и Гардабани в принципе менее спорен, чем по Эрети (отметим, что в изучаемый период та же Камбечани, как и провинция Шакки, числилась в составе Эрети. В данной области можно рассматривать (как вариант) промежуточное положение нахского языка (или некое соседство) с восточнокавказскими албанскими языками населения, входившего с Эрети одно время в большую область Утик с своеобразным этнокультурным типом в состав Армении, а потом и Албании. Известный исследователь К.В.Тревер отмечала, что согласно античным авторам, в долине Алазани и частью по южным склонам Кавказского хребта (историческая Эрети и Шакки?) проживали племена «лбины/лбины». Территория их проживания, или вернее часть ее, именовалась порой Шакашена/Сакасена (Шакки)[2]. Это обстоятельство в историографии некритически возносилось до предположения о нахождении здесь неких «сакских» (среднеазиатских или скифских племен), хотя география и историография данного этнотопонима весьма обширна и противоречива[3].

При таком раскладе понятно, что вне нахской в основном по составу Цанаретии оставались в Закавказье частью нахи-двалы верховий рр. Ксани и Лиахвы, а еще западнее, за Сурамским(Лихским) и Рачинским хребтами, горцы-нахи небольших обществ Рачи и Лечхуми (общее название Рача, Таквери) в верховьях рр. Риони и Цхенисцкали (Ходури). Рача граничила на северо-западе с Сванетией по Лечхумскому хребту, с северо-востока ограничивалась Главным Кавказским хребтом, а на востоке – верхней частью Рачинского хребта. С юга нахские общества соседствовали с областью Имеретия западной части исторической Грузии. В связи с ранним проникновением и утверждением здесь к VII в. христианства происходила инфильтрация грузинского (имеретинского) языка. Довольно прочной была в горной зоне власть западногрузинских (абхазских) царей, эриставов и епископов.

Следует подчеркнуть, что нахские племена Закавказья, располагавшиеся восточнее и западнее от ущелий Арагви и Терека, не являлись непосредственными предками чеченцев или ингушей, но были близкородственны им. Так, большая их часть говорила на диалектах, входивших в своеобразный большой нахский закавказский кластер (который мы называем и дзурдзукским) – сегодня этот язык можно

С. 126–139; Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983; Лордкипанидзе М.Д. Возникновение новых феодальных государств // Очерки истории Грузии: в 8-и т. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 251–268; Ахмадов Я.З. Григол Великий – объединитель Восточной Грузии // Вестник ЛАМ. № 2. Грозный, 2001; Цхададзе Б.А. О исторической взаимосвязи цанаров и цанарских слов кор и корепископ // Научный журнал Власть и общество (история, теория. Практика). Т. 12. № 4. Тбилиси, 2009. С. 104–124; Гумба Г.Д. Нахи – вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016. С. 153–164; и др.

[2] Тревер К.В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э.) М.–Л., 1959. С. 48–49.

[3] Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев. Т. 1. Баку, 1991. С.49–59.

обозначить как бацбийский (цова-тушинский)[4]. Нахские племена-общества западнее Дарьяльской дороги по типу своего языка входили скорее всего в двальский (двалы, туалы) кластер. К нему, видимо, и относились предки осетин (северных и южных), рачинцы, балкарцы и карачаевцы[5].

Цилканы, Цилканское хорепископство и нахи. Согласно наличным данным, начало Цанарскому государству нахов «идеологически» было положено в Цилканах, сельской округе, расположенной в 15 км к северу от исторической столицы Картли г. Мцхета. Здесь имеется своя предыстория. Согласно поздним сообщениям агиографической литературы, в конце IV в. потомок первого крещенного иверского царя Мириана III – Бакар предположительно основал церковь в селе Цилкани, между притоками Куры рр. Ксани и Арагви (где и проходила северная граница Картлии), позже там сложилась пограничная Цилканская епархия Картли. С нее и началось распространение христианской религии в окрестных горах Кавказа в среде закавказских нахов, не входивших в Картли, а издавна являвшихся самостоятельным регионом, состоявшим из отдельных ущельных союзов обществ, входивших в эпоху античности в раннее объединение Нахаматия и ирано-армянское наместничество Гугарк. Притом первые сведения о политических предпочтениях цилканской паствы в раннем средневековье относятся к действиям не картлийских, а армянских (или армяноязычных) князей-марзпанов Сасанидской империи в районах Дарьяльской дороги.

В середине – начале второй половины VI в. при епископе Йессе (Иессэ, из т.н. святых «сирийских старцев») Цилканское епископство укрепилось в канонах православного христианства (здесь даже был основан монастырь), что еще более расширило охват духовной паствы за счет опять-таки представителей горских народов. Может быть, это было облегчено еще и тем, что церковные кадры здесь, как то часто бывало на раннем этапе христианизации, стали формироваться из представителей местных племен. Следует учитывать, что Йессе и другие «сирийские старцы» как твердые сторонники халкидонского (диофизитского) направления в православии боролись против засилья армянской монофизитской доктрины христианства, поддерживаемой, кстати, Сасанидским Ираном. В таких условиях Цилканы должны были стать своеобразным авторитетным христианским центром[6]. Также, судя по конечным известиям, в продолжение VII–VIII вв. церковные главы обширного Цилканского епископата – «корикози» (хорепископ), постепенно превращаются в самостоятельных светских правителей местного горского мира. Это происходило в условиях, когда царская власть в Картли в начале VI в. была ликвидирована, а протекторат великой Иранской державы над горцами носил порой условный характер.

[4] О бацбийском языке Закавказья см.: Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика / Ред. Б. А. Серебренников. М.-Л., 1953.

[5] См., подробнее: Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (31). Грозный, 2016. С. 20–21.

[6] См.: Митрополит Анания Джапаридзе. Двинский церковный собор (506): [Электронный ресурс]. URL: http://www.kavkazplus.com/news.php?id=28 (дата обращения 14.10.2018).

Заметим, что в эпоху раннего средневековья отличие хорепископа от епископа в христианской церкви заключалось в том, что первый возглавлял епархию в сельской округе и не рукополагал священников, а второй непременно сидел в городе. Термин «корикози», вероятно, представляет местное произношение от «хорепископ». Отметим, вместе с тем, что видный исследователь Г.В. Цулая обращает внимание, что в статье Ш.А. Бадридзе говорится о формировании института хорепископов собственно в этнической среде цанаров[7].

Вместе с тем, в этом небольшом историографическом обзоре следует упомянуть, что известный исследователь политической истории цанаров Г.Г. Мкртумян по поводу происхождения титула «хорепископ» полагал, что гардманцы/гардабанцы (небольшая область между Арменией и Грузией по р. Кура) были рано задействованы Ираном в охране горного прохода Дар и-Алан и, в верховьях Терека группа переселенных якобы сюда гардабанцев основала селение Гарбани, где позже возникло епископство (во главе с хорепископом), в связи с чем и сложился титул правителя цанаров – «корикоз». Однако цанары и Цанаретия известны по крайней мере с VIII в., а появление первых церквей как в Гарбани, так и в окрестных районах относится к IX–X вв.[8]

Вопрос заключается и в том, от кого первые цилканские хорепископы получали свое утверждение – от католикоса Мцхетского или Армянского. Выборы епископа/хорепископа в раннем средневековье проводило собрание духовных лиц и мирян епархии, а утверждение – «рукоположение», оставалось за главой церкви. Есть мнение, что едва ли не до начала VII в. именно глава Армянской церкви утверждал архиепископа грузинских земель, католикоса Мцхетского. И только после 599 г. первый мцхетский католикос Кюрион/Кирион стал склоняться к греческому диофизитству Византии, признал догматы Халкидонского вселенского собора (451) и тем самым вышел из-под юрисдикции армянской монофизитской церкви (606–608)[9].

Топонимы и этнонимы «цанары/санары», «Цилканы» (вариант: Цекен), относимые к горским племенам, занимавшим стратегически важный район Дарьяльской дороги от Мцхеты до Дариалана[10], наряду с церковным титулом «хорепископ/корикози», начинают входить в политический словарь своего времени, приобретая известность по обеим сторонам Кавказского хребта[11]. Нами предполагается, что

[7] Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1984. С. 93; Бадридзе Ш.А. К вопросу об институте правителей хорепископов // Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР. 1964. № 5. С. 87 (на груз. яз.).

[8] См.: Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 82; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 54.

[9] См.: Иованнес Драсханакертци. История Армении / Пер. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 78–79; Митрополит Анания Джапаридзе. Двинский церковный собор (506 г.): [Электронный ресурс]. URL: http://www.kavkazplus.com/news.php?id=28 (дата обращения 14.10.2018); и др.

[10] Zuckerman C. Les destinataires des lettres imperiales en Caucasie de l'Est. II. Le probleme d'Azia/Asia, le pays des Ases. Ш. L'Albanie caucasi– enne au Xe siecle // Travaux et Memoires, 13. 2000. P. 531–594.

[11] См.: Еремян С.Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Известия. № 7 (12). Академия наук СССР – Армянский филиал. Ереван, 1941. С. 38–39; Мкртумян

собственно экзоним цанары/санары горцы-нахи Дарьяльского региона получили в самом начале процесса установления арабской политической гегемонии на Кавказе, т.е. с середины VII в. Как мы помним, иная точка принадлежит историку Г.Д. Гумба (которая подробно изложена в предыдущих главах).

Вопросы, связанные с Цилканским хорепископством как феодальным владением. Видный грузинский историк М.Д. Лордкипанидзе выделила ряд этапов в развитии политической системы Цанаретского феодального владения – от генезиса епископства в княжеское владение в VII – начале VIII в., превращения выборной должности хорепископа (корикози) в светскую наследственную в VIII–IX вв. и складывание правящей (царской) династии (до конца XI в.)[12]. На этом этапе величания «хорепископ цанар» становится частью наследственного титула князя-мтавара значительного закавказского государства, называемого Цанаретским, а на последнем этапе и «царством Кахети и Эрети». В середине – начале второй половины VI в. при епископе Йессе Цилканское епископство укрепилось[13]. В таких условиях Цилканы должны были стать своеобразным авторитетным христианским центром не только картлийского пограничья, но и горцев-кавкасиан.

Известный специалист по исторической географии раннесредневековой Грузии Д. Гвасалиа отмечает, что Цилканская епархия распространяла свое влияние на горские общества верхнего бассейна р. Арагви от границ Мцхеты до Крестового перевала – область Мтиулети. Под влиянием Цилканского хорепископа могли быть общества Цхавата и Чарталы (к востоку и к западу от течения Арагви)[14]. Очень вероятно, что влияние Цилканской епархии шло полосой на север по нахоязычным обществам и за Крестовым перевалом, где располагалась т.н. Хеви (Хеви Цанарет-
ская) до Дарьяльских ворот – «Дар и-Аллан».

В продолжение VII–VIII вв. церковные главы обширного Цилканского епископата – «корикози» постепенно превращаются в самостоятельных светских правителей местного горского мира. Это происходило в условиях, когда протекторат великой Иранской державы продвинулся далеко вглубь Кавказских гор и шло строительство крепостей от угрозы с севера.

Процесс территориального роста молодого государства ущелий «Страны цанар» по всем сторонам света в Закавказье шел несколько веков. Это было связано как с этническим распространением цанаров, так и с присоединением к цанарскому ядру новых земель с родственным цанарам народами. Необходимо, конечно,

А.Г. Этнический состав населения Центрального Кавказа в IX–XI вв. // Историко-филологический журнал. АН Армянской ССР. № 4. Ереван, 1976. С.171–173; Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1993. С. 28; Исе (Иессей) Цилканский, свт. – житие: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru ›text/293806.htm из правосл.энц. эл. Версия (дата обращения 20.07.2018).

[12] Лордкипанидзе М.Д. Возникновение новых феодальных государств… С. 251–270.

[13] См.: Митрополит Анания Джапаридзе. Двинский церковный собор (506): [Электронный ресурс]. URL: http://www.kavkazplus.com/news.php?id=282 (дата обращения 20.03.2018).

[14] Гвасалиа Дж. Историческая география Восточной Грузии (Шида Картли). Тбилиси, 1991. С. 23.

еще установить, какой язык использовался в Цанаретии в качестве церковного и письменного – армянский или грузинский.

Этническая составляющая Цанаретии. Первоначальное коренное население небольших исторических областей Кухети, Кахети, Камбичена, Гардабани и Эрети, в той или иной мере, рано оказавшихся связанными с коренной нахской Цанаретией (ущелья Арагви и Терека), относилось или к нахской (к примеру, Кухети, Гардабани и Кахети), или, возможно, к востоку к родственным им нахо-дагестанским, албанским языковым группам.

Более или менее единодушно современные исследователи относят собственно цанар в языковом отношении к нахскому – условно «чечено-ингушскому» кругу (реально они входили в закавказский нахский кластер, а не в северокавказский нахский кластер, хотя при этом были очень близки). Современный исследователь Г.Д. Гумба (правда, по другому поводу) собрал довольно обширный и убедительный материал о широкой распространённости терминов «цана/сана», «цIа/цIе/цIу», «цIонтара», «цоба/цобена» и т.д. в топонимике и духовно-языческой практике как закавказских, так и северокавказских нахов, объединенных древними сакральными понятиями «огонь», «кровь», «дом», «чистота» и «священное место», проистекающими из основы «цIе/цIа» (огонь, очаг, дом)[15].

Необходимо, также учитывать, что собственно коренные территории Цанарского государства, представлявшие исконно «кавкасианские» общества Центрального Закавказья, в отличие от присоединенных предгорно-плоскостных областей, в период раннего средневековья оставались слабо христианизированными, сохраняя сравнительно отсталый, патриархальный хозяйственно-общественный и культурный быт[16].

В заключение данного раздела необходимо подчеркнуть, что вопросы истории народов Кавказа, включая тех же нахов-цанаров, в «арабский период» не могут быть изучены, если наряду с безусловно значимыми армянскими и грузинскими нарративными источниками не обращаться к авторитетным географическим и историческим трудам арабских и арабоязычных авторов. Это прежде всего: Халифа ибн-Хаййат ал-Усфури – Усфури (ок. 777–854), Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех – Хордадбех (ок. 820–885/86, или ок. 820–912/13), Абул-Аббас Ахмед ибн Яхья ибн Джабир ал-Баладзори – Баладзори (?–892), Абу-Джафар Мухаммад ибн Джерир ат-Табари – Табари (ок. 839–923), Абуль-Аббас Ахмад ибн Исхак аль-Аббаси, более известный как Якуби (? – 897, или 905), Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масу́ди – Масуди (896–956), Абу Мухаммадд Ахмад ибн Асалам ал-Куфи – Куфи (?–926) и ряд других историков и географов исламского мира, творивших в эпоху раннего средневековья.

Конечно, в целом, вся историография Закавказья эпохи раннего средневековья являет пример «опрокинутого летописания», потому что армянские, грузинские и арабские источники, повествующие о событиях V–VIII вв., созданы большей ча-

[15] Гумба Г.Д. Нахи – вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016. С. 156–159.

[16] См.: Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 290; Всеобщая история Вардана Великого. Перевел Н.Эмин. М., 1861. Примеч. 493 к С. 126.

стью спустя длительное время. Эти известия, отразившиеся в грузинских, армянских и арабских источниках о нахах-цанарах за указанный период, безусловно бесценны, но воспринимать их необходимо с поправкой на неизбежную утрату части репрезентативности и с учетом тех или иных интересов (в частности, преобладания картвелоцентристского или армяноцентристского подходов). Интересы составителей всякого рода описаний и «историй» раннего средневековья всегда были недалеки от политической, национальной, династической и религиозно-церковной конъюнктуры.

§2. Нахский этномассив Закавказья (в современных границах Грузии) в раннем средневековье. Локализация цанаров

К истории нахских этнообществ Закавказья. В современном кавказоведении вопросы этнополитической истории горских народов Кавказа и атрибуции тех или иных этнонимов и топонимов периода поздней античности и раннего средневековья встают все чаще. К числу важнейших из них, имеющих отношение как к истории закавказского региона и Грузии, так и истории Северного Кавказа и Чечни, относятся этнонимы дзурдзуки/дурдзуки, двалы/туалы/твалы, глигви, гугары, кавкасиане, кисты/кистины, мтиулы, пшавы, туски/туши, цанары/санары, хеви (мохевцы), хевсуры и др. Мы вполне осознаем, что кроме нахоязычных обществ исторической Восточной Грузии раннесредневекой эпохи, как: Хеви, Мтиулети, Хевсурети, Пшави и Тушети, имелись и более малые горские общества, как: Гудамакари, Хандо, Цховата, Чартали, Эрцо-Тианети и др. К тому же общества Горной Грузии делились в свою очередь на отдельные группы селений[17].

В данном разделе мы сознательно опускаем вопросы о нахских областях и районах (или нахском элементе) в бассейне течения Куры (Гугарк, Утик), Иори и Алазани (нижняя Кахети и Эрети), обширной территории Армянского нагорья (где островки нахов с древнейших времен соседствовали с более многочисленными армянами) и т.д., развернуто рассмотренные в упомянутой монографии Г.Д. Гумба.

Здесь мы касаемся только тех вопросов, которые затрагивают горную часть Закавказья в пределах границ современной Грузии, имеющих отношение к Цанаретии.

Относительно носителей нахских языков собственно южных склонов Большого Кавказского хребта задолго до складывания Иберии, Армении и Албании (рубеж I тыс. до н.э. и I тыс. н.э.) согласно консолидированным археологическим данным и армяно-грузинским источникам, расселялись, следуя образному выражению Леонти Мровели «от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети (т.е. от Сванетии и Имеретии на западе до Дагестана на востоке – Авт.)»[18]. Соответственно на северных склонах Главного Кавказского хребта нахские племена были расселены от бассейна р. Большая Лаба на западе до Снежного и Андийского хребтов и бассейна Аксай-Акташ-Сулак на востоке, достигая берегов Терека в равнинном течении на севере[19] (и далее дисперсно выдвигались к Кумо-Манычской впадине).

На наш взгляд, к концу античности сложилось основное ядро нахов, охватывающее современную Горную Чечню (свыше 80 обществ) и два поныне существующих ингушских (галгай) общества на Северном Кавказе – мы определили его условно как чеченский кластер. Нахоязычное население на запад от верхнего течения Терека – районы современной Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии на Северном Кавказе мы определили как двальский (двалы, твалы, туалы) кластер. Плюс к нему можно отнести и нахское население басссейна Ксани и Большой Лиахвы в Закавказье. Двалы известны с античных времен, причем есть традиционное указание на их соседство с древними сванами[20].

Были в пределах Западной Грузии, в верховьях Риони еще два нахских исторических общества – Рача и Лечхуми (Таквери), рано христианизированных и потерявших нахскую идентичность скорее всего еще до складывания государства Цанаретия.

Дзурдзукский (закавказский) языковой кластер. Основное нахское население «грузинского» Закавказья к востоку от линии верхнего бассейна Терека и Арагви (по рр. Куры, Йори и Алазани, ущельям Главного и Бокового хребтов Кавказа), а также к северу от Мцхеты и до вершин Главного и Бокового Кавказских хребтов, входило с древности в состав закавказского (также условно дзурдзукского или цанарского) кластера. С конца I тыс. н.э. данный кластер представлен объединениями обществ Хеви, Мтиулети (Гудамакари), Кухети, Эрцо, Хевсурети, Пшави, Тушети, в целом Кахети и, вероятно, части Эрети. Есть еще два нахских горных общества – Мецхал и Джайрах – данного кластера, которые в географическом плане относились к Северному Кавказу, как, впрочем, и все Хеви Дарьяльского ущелья. За исключением Мецхала-Джайраха (именумых еще в первой трети XVIII в. «Дзурдукети») и части Тушетии, прилегающей к Горной Чечне, все они, вероятно, были картвелизированы до ордынского нашествия в XIII в., хотя и сохраняли своеобразный уклад и самоуправление[21].

Северокавказские нахи, условно поделенные нами на «двальский» и «чеченский» кластеры, прошли в своей истории разные пути. Нахи центральной и севе-

[17] См.: Мусхелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982; Гвасалиа Дж. Историческая география Восточной Грузии (Шида картли). Тбилиси, 1991; Итонишвили В.В. Социальная структура населения горной части Восточной Грузии в XIV-XVIII веках (Мтиулети и Гудамакари). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2007; Топчишвили Роланд. Кавказоведческие исследования. Тбилиси, 2011; и др.

[18] Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 25.

[19] Ахмадов Я.З. К вопросу о нахском этномассиве на Кавказе // Труды КНИИ РАН. № 6. Грозный, 2013. С. 299–300.

[20] Царевич Вахушти. География Грузии. / Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 141, 151–152; Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 101, сн. 144; Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 41–62; 137–145.

[21] См.: Царевич Вахушти. Указ. соч. С. 150–152; Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979. С. 9, 30, 52–54,64; Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 20–21; Чокаев К.З., Ахмадов Я.З. Дурдзуки (дзурдзуки), цанары (санары) // Энциклопедия культур народов Юга России. Т.1. Ростов-на-Дону, 2005. С. 96; и др.

ро-западной части стали в средневековье осетинами (с «аланским» языком), балкарцами и карачаевцами (принявших тюркский язык); нахи Северо-Восточного Кавказа сложились в XVI–XVIII вв. в основной своей части в Чечню (это примерно до 80 вольных обществ), а сложение в народность нескольких ингушских обществ и 2-х ваьппинских (Джайрах, Мецхал) заняло вторую половину XVIII – и практически весь XIX в.[22]

Относительно особенностей языка населения закавказского (цанарского) кластера известно довольно однозначное мнение современных специалистов, что связи современных горских грузинских диалектов населения обществ Хеви, Мтиулетии, Хевсуретии, Пшавии и Тушетии с чеченским языком «носят не столько характер заимствований, сколько отражают субстратный характер чеченского вклада»[23]. Еще ранее замечательные грузинские ученые Г.А. Меликишвили и И.А Джавахишвили писали о том, что в древности «чечено-ингушские племена», а то и шире – «адыгейско-чечено-лезгинские», населяли (до прихода ранних грузин) в целом Закавказье и пространство южнее его[24].

Полагаем, что данная точка зрения (верная в своей сути) нуждается в определенной корректировке: здесь надо подразумевать наличие древних нахоязычных народностей собственно Закавказья и Армянского нагорья с Урарту, а не присутствие здесь северокавказских нахских народов, имевших свою этнополитическую судьбу.

Изменение древних нахских экзонимов на «цанар». Арабский фактор. Представляется, что обобщающий экзоним (внешнее название народа) дзурдзук/дурдзук был введен в оборот в армянской среде в пределах не позже V–VI вв. н.э. (грузины, как известно, использовали форму «кавкасиане»), а экзоним санары/цанары – арабскими завоевателями, начиная с VII в. Также можно полагать, что население высокогорной полосы, сосредоточенное в обществах от Мецхала, Хеви, Мтиулети и до Тушетии, носило и некое общее древнее самоназвание (этноним) – ваьппи (фаьппи). Вместе с тем высказывалось уже мнение, что таковым общим наименованием мог являться этноним «пхови/пховцы»[25].

Обширные доводы в пользу древности этноназваний и топонимов, близких к нахским «цанарам», как и по появлению их в горах Кавказа в результате миграций с юга, приводит в своей монографии Г.Д. Гумба. Он с опорой на значительный топонимический материал полагает, что наименование «цанары» являлось одним из древних, коренных названий нахов Кавказа. Он пишет также о миграциях цанар на Кавказ с юго-востока: «Представляется вполне допустимым видеть в ца-

[22] См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитической истории Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.

[23] Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М., 1993. С. 71–72.

[24] Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // Вестник древней истории. № 4. 1939. С. 46; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 120.

[25] См.: Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. С. 213; Сигаури И. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М., 2005. С. 116–117.

нах-макеронах Юго-Восточного Причерноморья продвигавшихся из юго-западных и центральных областей Урарту, в частности из Цова (ЦIув, Цоб), на север часть переселенцев, …воспоминания о которых, судя по всему, сохранились в эпической памяти нахских народов… Во всяком случае, связь цанов-макеронов, живших на территории бассейнов Чороха и Цанахи, с нахскими племенами, прибывшими, по преданиям, из причерноморских местностей Цан (Ца, Циечу) и Зигур (из Зига) (Зигана), а также с цанарами, продвигавшимися из Цана в Гардман и далее на север, к подножью Кавказских гор, в область, которую они назвали *Цанарией* (*из Цана*)…, проявляется настолько явственно, что вряд ли может вызывать какие-либо сомнения»[26]. Мы считаем, что эта точка зрения имеет право на существование, но на сегодняшнем уровне состояния вопроса опираемся на репрезентативные письменные источники.

С началом (VII в.) арабского владычества над Закавказьем территорию земель дзурдзуков к северу от течения Куры и Йори (включая и указанные выше общества) и по Дарьяльскому пути стало покрывать название «Хеви Цанарети» – ущелья Цанаретии/Санаретии. Армянский источник «Ашхарацуйц» (VII в.) страной «Цанарка» называет территорию горцев, обитающих именно по Дарьяльскому пути[27].

На предварительный взгляд, появление этнонима санар/цанар/ (в армянском варианте «тцанар/тцанак/цанарк») связано с началом арабских завоеваний в Закавказье и определением «цана/сана», что является калькой с термина, имевшего распространение в южноарабских диалектах и семитском иврите[28].

Заметим, что указанный выше этноним дзурдзук/дурдзук является также «внешним» и имеет четкую армянскую привязку. Кстати, довольно рано армянские источники («Армянская география» – «Ашхарацуйц», составление которой относят порой к V–VII вв.) указывают на еще один, хотя и локальный, нахский этнотопоним – «кисты». Исследователь А. Шавхелишвили сводил искомый топоним к верховьям Чанты-Аргуна (Горная Чечня), где располагалось крупное пограничное общество Кей/Кий/Кейста[29]. Есть также маленькая речка Кистинка в обществе Мецхал-Кистети в бассейне Терека (хотя свое название она могла получить позднее)[30].

[26] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 153–164; 238.

[27] См.: Армянская география (пер. П. Патканова). Из нового списка Географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 226. 1883. С. 30; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа… С. 126–139; Ахмадов Я.З. Григол Великий…; и др.

[28] Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998. С. 365. – Са́на (*Санаа, Ṣana ʿā’,* Сан‘а; араб. ءاعنص, на иврите אָנְעַצ, *Цан ‘а*) означает «прочная, укрепленная постройка».

[29] См.: Армянская география (пер. П.Патканова) … С. 30; Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VIII. М., 1970; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 126–132.

[30] См.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 122–127; Шавхелешвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV века). Грозный, 1963. С. 38; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 140–142; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории

Благодаря раннесредневековым грузинским и армянским источникам можно говорить о политической значимости дзурдзуков-цанаров в отдельные периоды истории всего Большого Кавказа. Например, они приняли непосредственное участие в образовании первого картвельского государственного объединения в конце IV–III вв. до н.э. в районе слиянии Арагви и Куры[31].

Нахи-цанары и князь Васак, марзпан Ирана. С середины V в. охраной Дарьяльского прохода с 439 по 443 гг. занимался иранский марзпан (наместник) Иберии и Гугарка (в последний входили в целом некартвельские и неармянские горные и равнинные районы Закавказья) армянский владетельный князь Васак. Сообщения говорят о добрых отношениях марзпанов с местными горцами, которых они привлекали к охране почти 200 км Дарьяльского пути (от Дарьяльских ворот на севере до Мцхеты на юге)[32].

Сасанидские шахи минимум с III–IV вв. усиливают свое прямое влияние в той же Картли и распространяют свою власть до горных вершин Кавказа, подчинив «мтаваров кавкасиан», т.е. правителей горцев[33]. Как мы уже писали, начиная с иранского шахиншаха Йездигерда II (431–457 гг.), в правление Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) и Хосрова II (590–627 гг.) на всем Кавказе, от Черного моря до района Дербента, достраиваются и дополнительно строятся грандиозные крепостные комплексы в т.ч. в пределах Дарьяльского пути и Тушетии «Парчуан Дордзокетский»[34].

Исторические цанары/санары локализуются, согласно данным арабских источников, на Дарьяльском пути. Первое упоминание собственно этнонима цанар относится к походам Хабиба ибн Маслама в Армению и Грузию в 654–655 г. или в 657–659 гг., хотя собственно Дарьяльский маршрут стал известен арабам на 10 лет раньше: здесь прошел к северу от Тбилиси в нахские ущелья известный деятель раннего ислама Хузайфа ибн Усайд (близкий сподвижник Пророка Мухаммеда), от которого осталось 100 достоверных хадисов.

Позднее, понятие «Цанаретия», кроме участков бассейна рр. Терека, Арагви, Йори и Алазани, распространится с конца VIII в. на исторические области Кахети, Кухети, Гардабани, Камбичани, Эрети, а также на земли к западу от верхнего течения Терека и Арагви к ущельям р. Ксани[35].

народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 88,93–94, 128; и др.

[31] См.: Очерки истории Грузии в 8 т. Т.1.Тбилиси, 1988. С. 267–269; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. V. С. 98–111; Демелханов С.М. Участие нахских племен в военно-политических событиях Закавказья в первых веках нашей эры // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. 3. Грозный, 2010. С. 396–397; и др.

[32] Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов… С. 38–39.

[33] Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала./ Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 38-40; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 41–42, 46–47; и др.

[34] См.: Баладзори (Балазури). Книга завоевания стран / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. В. III. Баку, 1927. С. 6–7; Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 24–25; Шавхелишвили А.И. Указ. соч. С. 23–24; Гадло А.Н. Указ. соч. С. 104; Айтберов Тимур. Военно-административные центры на Восточном Кавказе: в легендарную эпоху, при Аршакидах и при Сасанидах: [Электронный ресурс]. URL: http:/www.gazavat.ru›history3.php?art=517&rub=9 (дата обращения 14.10.2018).

Но армянский историк X в. Товма Арцруни продолжал размещать собственно цанар исключительно в высокогорье Кавказа (с указанием, правда, их влияния на всех горцев Большого Кавказа): «страна, которую занимают *Тцанары*, называется *Тцанак'*ом, и находится на севере от Армении на неприступных горных вершинах, где они живут в совершенной безопасности от неприятельских набегов… В их соседстве – Кавказские горы, служащие жилищем семидесяти разноязычным племенам, не имеющим начальников, не признающим никаких законов…»[36].

Еще раз к складыванию названия закавказских нахов – цанары. Появление экзонима цанар коррелируется, как мы уже отмечали, с началом арабских завоеваний в Закавказье. Он является калькой с термина, имевшего распространение в южноарабских диалектах – где Са́на (*Санаа, Ṣana'ā',* Сан'а; араб. عاصنء, на иврите אָנְצ, *Цан'а*) означает «прочная, укрепленная постройка»[37]. Видимо, это соответствовало широкому использованию камня в строительстве жилищ (традиционно не менее в два этажа) и хозяйственных постройках горцев по обе стороны Кавказского хребта. Вместе с тем, нельзя не отметить, что «сана/цана» семитских языков коррелируется с общим для всех нахских языков значением дом/очаг – «цIа/цIе», входящим в список основной лексики. Здесь возможно полагать тесное взаимодействие семитских и пранахских языков на древней родине – на Ближнем Востоке[38].

Близкое знакомство арабов с цанарами/санарами связано с историей завоевания земель Закавказья в период гегемонии Халифата, когда было покорено и горское население вокруг некоего «замка» в районе Дарьяльских ворот (где в первой трети VIII в. был даже учрежден постоянный арабский гарнизон, снабжавшийся из Тифлиса). Второй любопытный момент заключается в том, что халифы и их местные наместники довольно рано начали практиковать переселение в Закавказье больших масс арабов, в т.ч. племен йеменского происхождения, достигшее пика в конце VIII в.[39]

[35] См.: Баладзори. Книга завоевания стран…С. 202, 203; [Ибн-ал-Асир]. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асир /пер. П. К. Жузе. Баку. АзФан. 1940. С. 13–14; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа… С. 126–139; Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма: статьи и сообщения. М.: Изд-во «Наука». 1986. С. 73. Лордкипанидзе М.Д. Возникновение новых феодальных государств... С. 251–270; Шагинян А.К. Закавказье в составе Халифата. СПб., 1998. С. 71,73,81; и др.

[36] См. в издании: Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эмин. М.,1861. С. 125–126. Прим. 492–493.

[37] Поспелов Е.М. Географические названия мира… С. 365.

[38] См.: Байтасов Р.Р. Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Problems of modern science and education 2014. № 1 (19). С. 17; а также: Орел В.Э. Мир семито-хамитов: [Электронный ресурс]. URL: http://www.nostratic.ru. (дата обращения 14.10.2018).

[39] См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда в X-XI веках. М., 1963.

Цанары/санары Кавказа не могли не представляться арабам глубоко отличными от равнинно-предгорных иберов/картвелов не только по языку, но и по своеобразному этнокультурному типу – например, военизированным бытом и проживанием в каменных укрепленных постройках в своих небольших политически и хозяйственно автономных обществах. Кстати, известный армянский этноним, обозначавший нахов Закавказья – дзурдзуки/дурдзуки, обозначал жителей каменных ущелий – горцев, с глубоко отличным этнотипом. Данный этноним широко использовался и в средневековой Картлии[40]. Для картвелов-земледельцев – жителей окультуренных агрополисов, собственно горцы, отличные по языку и живущие независимо в своих недоступных ущельях, действительно представлялись глубоко отличными от них.

Великий арабский географ Масуди (896–956 гг.), современник Цанарского царства, был, видимо, первым, кто попытался объяснить происхождение цанаров/санаров: «Этот народ исповедует христианство. Все христиане, сколько их есть, считают, что происходят от арабов, нисходя от Низар-ибн-Ма›ад-ибн-Мудара (один из прародителей арабских племен. –Авт.), а затем колено ‘Укаиля основалось с давних времен здесь, в этих странах, где они пользуются громадным уважением… Санарийцы считают, что они некогда отделились от этих Марибских ‘Укаилитов (давно укоренившихся в Йемене. – Авт.), которых мы только что поименовали»[41].

Историк Х.Бакаев оригинально осмыслил этот сюжет: «…арабы название цанаров всегда произносили со звуком «с» впереди – санары, санарийцы. Поэтому название древней причерноморской страны (Цана/Сана в Колхиде. – Авт.), откуда пришли на Кавказ предки цанаров, ал-Масуди мог воспринять как «Сана». Именно здесь, на наш взгляд, и кроется объяснение того, что ал-Масуди связал происхождение цанаров со страной Мариб (Йемен). Дело в том, что ал-Масуди древнюю Сану в Колхиде перепутал с городом Сана – древней столицей Йемена. Его не смутило и то, что современные ему санарийцы (цанары) были христианами. Ведь и жители Йеменской Саны еще в V веке приняли христианство из Эфиопии, что было известно арабскому ученому-энциклопедисту…»[42]. Однако нахские племена жили в ущельях Закавказья и Дарьяла уже тысячелетия, и вряд ли гипотетические мигранты могли так разительно поменять их историческую память и самоназвание. Другое дело, всяческие легенды о происхождении народов – в основе их присутствует одно неизменное, мифологическое: «мы пришли сюда оттуда-то …».

С. 204 205; Айтберов Т.М. Начальный этап в процессе формирования мусульманской государственности и исламских центров на Восточном Кавказе. Махачкала, 2011. С. 34-35; Шагинян А.К. Формирование новой этнической и конфессиональной карты Армянского и Южно-Кавказского нагорий при арабах // Вестник СПбГУ. Вып. 2. 2012. С. 59–60; и др.

[40] См.: Ахмадов Я.З. К вопросу о нахском этномассиве на Кавказе // Труды КНИИ РАН. № 6. Грозный, 2013. С. 299–307; Его же: Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи… С. 20–30; и др.

[41] [Масуди] (Далее: Масуди). Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Мас›уди // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 38. Тифлис. 1908. С. 57.

[42] Бакаев Хасан. Забытая война забытого народа: [Электронный ресурс]. URL: http://www.fca.narod.ru›forum-kavkaza-sedaya-drevnost.html (дата обращения 14.10.2018).

Кстати, арабский автор IX в. Якуби своеобразно дополнил Масуди, отметив, что вплоть до правления халифа Харун ар-Рашида (786–809 гг.) в Арминийи (включая Картлию) в среде арабских переселенцев преобладали йеменцы (выходцы из южных племен Аравии); и только затем преобладание перешло к низаритам – выходцам из северных племен[43]. Есть большой шанс, что экзоним цанары, горные нахи получили от йеменских арабов.

Вардан Великий о цанарах и гардабанских князьях. Стоит привести еще одно не менее интересное предположение о происхождении цанар, содержащееся в труде армянского историка Вардана (Аревелци) Великого (ок. 1198–1271 гг.), где речь идет о событиях в Армении IX в.: «…некоторые мужи халдейские, вышедшие из своего отечества, пришли в Гардман (Гардабани – район юго-восточнее современного Тбилиси по правобережью р. Куры. – Авт.) и сказали гардманскому князю – “Уступи нам часть Креста, данного тебе Ираклием (византийский император. – Авт.), а мы примем христианскую веру и станем твоими слугами;” что и исполнилось. Эмир багдадский, узнав об этом, стал грозить им; и они, устрашенные, удалились к подошве Кавказских гор. При помощи Христа, в Которого они уверовали, завладели они всеми (окрестными) областями, так что один из них, по имени Давид, вступивший в свойство с царем дцоро-гетским (армянское государство Ташир-Дзорагет. – Авт.), вступил даже на престол. Эти Халдеи назвали свою область Тцанарк’ на том основании, что в ней они *узнали* первое свое местожительство…»[44].

Из-за наличия у Вардана утверждения, что цанары говорили и на «иверийском» языке, возникли было соображения о грузинской этничности цанар, хотя здесь скорее можно допустить простое знание цанарами второго (грузинского) языка. Впрочем, переводчик Н.Эмин указал в примечании: «вот это место у нашего автора, которое заключает в себе грамматические неправильности, вследствие чего происходит и неясность смысла…»[45].

Действительно, представители гардабанской феодальной династии Донаури, оказавшись на цанарском троне по пресечению коренной династии цанаров (скорее всего, благодаря родству по женской линии), правили здесь в 827–881 гг. Упомянутый Х. Бакаев отнес родину гарманских аристократов к одной из двух нахских областей «Халдий» (Халтик), обозначившихся после падения государства Урарту в 590 г. до н.э. (более чем за тысячу лет до наших событий)[46]. Первая область располагалась в районе озера Севан, а вторая – в восточной части Колхиды (вероятно, Диаухи, Таохи – позже Тайк, Тао/Тао-Кларджети – территория западнее Гугарка, где, кстати, еще в первые века нового тысячелетия отмечались этнонимы халды и цаны)[47].

[43] Якуби. История / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1927. С. 9.

[44] Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н.Эмин. М. 1861. С. 126.

[45] Там же. С. 126, прим. 493.

[46] Бакаев Хасан. Тайна Жеро-Канта: [Электронный ресурс]. URL: http://www. vaydahar.eu›sites/default/files/content…tayna… (дата обращения 20.03.2018).

[47] См: Меликишвили Г. А. Диауехи // Вестник древней истории. № 4. М., 1950. С. 26–

Исследователь Г.Д. Гумба полагает древней родиной цанар иной район: «Данные о приходе цанар из Халдии восходят, вероятнее всего, к халдейским (вавилонским) источникам, которые Вардан Аревелци, видимо, попытался согласовать с данными о цанарах, взятыми из более поздних источников (как письменных, так и устных) и отнести все это к определенному историческому периоду. В конкретном случае для нас важно то, что текст Вардана Аревелци перекликается со сведениями грузинских источников о прибытии из Халдии в Картли воинственных хонов (нахов. – Авт.)»[48].

Как бы то ни было, получается, что «халдейский» аристократ, попав к горцам Кавказа, «воцарился» здесь и, установив свое этническое родство с нахами, назвал страну «Тцанарк»». Однако появление князей гардабанского происхождения рода Донаури в Цанаретии, согласно источникам, относится к первой четверти IX в.[49] – когда данное название и соответствующее государство существовали уже не менее века. Скорее тут имело место дополнительное легендирование «законности» прав новой династии в Цанаретии ссылкой на их этническое родство с цанарами.

«Цанарк»/Цанаретия и еще раз о проблеме Гугарка. Для нас во всем этом важно обстоятельство, что этноязыковое родство кавкасиан-цанаров (дзурдзуков) районов центральной части Закавказья, с древним нахоязычным населением отдельных областей исторической Армении, Юго-Восточного Причерноморья, а то и Месопотамии (Вавилонии) еще являлось сколько-нибудь осознаваемым.

С помощью П.Г. Мкртумяна (ссылающегося, в свою очередь, на рукописную работу С.Т. Еремяна) укажем еще на один интересный момент, связывающий Цанаретию на этот раз с областью Гугарк/Гогарена – территории, вытянутой по бассейну Куры с запада на восток и входившей в раннем средневековье в состав Армении: «под «страной гугаркцев» армянские средневековые историки подразумевали еще плюс «страну цанаров» и Кахети». …В период (IX–X вв.) «Гугарк» и «Цанарк» были синонимными понятиями»[50]. Конечно, исконное значение «Гугарк» охватывало прежде всего северные районы Армении и южные районы Картлии (от бассейна р. Чорох по течению р. Куры) и узко западные районы Албании. Что кажется важным для нашей проблематики, к «Гугарку» как географическому региону в раннем средневековье преимущественно армянские источники причисляют центральную и восточную часть Закавказья до вершин Кавказского хребта[51]. Напрашивается закономерный вопрос, не имело ли исконное население всех указанных районов некие единые этнические черты, сближавшие все племена т.н. Гугарка и центральной части горного Кавказа.

42; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 232–243, 262–263; и др.

[48] Гумба Г. Д. Указ. соч. С. 153–154.

[49] Мкртумян П.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети…1983. С. 75.

[50] См.: Мкртумян П.Г. Указ. соч. С. 95; Несколько своеобразную точку зрения по поводу Гугарка (Гогарена) имеет Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии... С. 8–15.

[51] См.: Гумба Гурам. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана Вардапета (XIII) // С. 64–78; Его же. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 243–268.

Нелишне, конечно, напомнить о давнишних спорах вокруг нахоязычности неких гаргаров (не гугаров/гугаркцев при всей заманчивости подобного сходства) той же Албании (одного из 26 племен данной страны, чей гортанный язык лег в основу письменного албанского языка древности, созданного великим Месроп Маштоцем)[52]. В этом плане видный российский востоковед А.К. Алекберов полагает, что собственно в Албании были распространены две группы языков – автохтонные «восточнокавказские (лезгинский, цахурский, рутульский и др.) и среднеперсидский, связанный с парфянским»[53]. Позже, как мы знаем, с распространением христианства наблюдалось и проникновение армянского языка.

Однако в пограничных районах между зонами соприкосновения сугубо восточнокавказских и родственных им нахских языков Кавказа, некогда господствовавшими в центральной части всего Закавказья, складывалась более сложная картина. Отметим, что проблема этнической составляющей западных областей и языков Албании волнует ученых, начиная с Страбона и заканчивая нашим современником Г.Д. Гумба. Здесь, на границе собственно восточнокавказских (условно дагестано-лезгинских) и нахских языков, проходившей с древности в районах соприкосновения как с Албанией, так и с Арменией, безусловно, протекали сложные процессы дивергенции языков.

Представляют интерес с точки зрения этнической истории нахов Кавказа гипотетически также области Арцах и Сюник (Сисакан) Малого Кавказа, где, как мы знаем, веками формировался их этнический облик с воздействием такого важного компонента, как армянский язык богослужения.

Видимо, надо принимать во внимание тройственную составляющую подобных исторических областей своеобразного пограничья – историко-географическую, административную и этническую, к тому же менявшую со временем свою составляющую.

Отдельно стоит вопрос и о христианском вероисповедании цанаров и всех областей, вошедших в состав Цанаретии. В Картлии, Армении и Албании христианство начинает свое распространение в начале-середине IV в. Кстати, тогда же были предприняты, если верить источникам, попытки христианизации горцев-кавкасиан севернее Мцхеты и восточнее – в Кухетии, Эрцо-Тианети и некоей узкой полосе Кахетии[54]. А вот о строительстве каменных храмов и упорядочен-

[52] См.: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. … С. 308–309; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен //Археолого-этнографический сборник. Т.1. Грозный, 1966. С. 42–88.

[53] Алекберов А.К. Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме как альтернативе койне. Язык письменности и язык базара // Albania Caucasica: Сб. статей. Вып. I / Предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев. М., 2015. С. 95–96.

[54] Цулая Г.В «Житие св. Нины» как источник по истории народов Кавказа // Известия Академии наук Груз. ССР. № 3. 1979. С. 105–107; Мровели Леонтий. Обращение Картли святой Нино // Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 44–75; Чеишвили Г., Тордиа А. Кахети // Православная энциклопедия. Т. 27. М., 2013. С. 127–135.

ном отправлении халкидонского (греческого) типа богослужения в современных границах Грузии можно говорить где-то с рубежа V–VI вв.[55]

С решением вопроса о христианизации тесно связан и вопрос о начале картвелизации нахских племен Закавказья. Этот естественный процесс неспешно шел, вероятно, со времени появления и расселения древнегрузинских племен на Кавказе[56], но получил новый импульс с началом христианизации горского населения. Довольно содержательно писали об этих процессах в исторической Грузии с указанием на роль нахов и видные советские историки А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин[57].

С окончанием трехвековой арабской гегемонии в Закавказье (VII–IX вв.), с завершением истории Тбилисского эмирата (736 по 1122 гг.) и становлением централизованного Абхазского (Грузинского) государства (XI–XII вв.) сходит на нет горское государство Цанаретия (Кахо-Эретское царство). Только в высокогорных ущельях Закавказья сохранятся в своем первозданном состоянии самоуправляющиеся общества-политии с немногочисленным нахским населением, за частью из которых в XI–XII вв. вновь закрепятся обобщающие этнонимы армянского (дзурдзуки/дурдзуки) и грузинского (кавкасианы, кисты, хеви, мохеви и др.) происхождения.

Причем название нахов дзурдзук/дурдзук с подачи грузинских авторов (тот же Леонтий Мровели) «пересечет» Главный Кавказский хребет, распространившись в представлениях того времени вправо от Дарьяла, на территорию современной горной части Чечни[58]. При всем этом общеупотребительными станут и местные автономные названия: двалы, мтиулы, хеви/мохеви, гудамакары, хевсуры, тушины, пшавы и др. Кстати, нахи-ингуши, немногочисленные жители по существу двух обществ (Галгай и Цори) сохранят в составе Цанаретии этникон «Глигви/Глихвы».

В целом можно отметить, что в историографии народов Кавказа рассматриваемого времени проделана огромная работа. Но только-только начинает проявляться осознанный интерес и к нетитульным народам региона, которые по разным причинам утеряли свою старую этничность к новому времени.

§3. Цилканское епископство (хорепископство) Закавказья как этап в формировании цанарского государства. Начало арабского нашествия на Кавказ и цанары

Начало политической истории Цанарского хорепископства, определяемого в последующем, по мере своего возвышения, также термином «мтаварство» (владетельное княжество), а затем и царством, можно попытаться изложить в следующем ниже порядке.

[55] См.: Иоаннес Драсханакертци. История Армении / Пер. с древнеарм. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 78-79; Кузьмин В. Наше наследие: «Стена обители святой и башен странные вершины». Записки реставратора // Наше наследие. № 97, 2011. С. 118–133; Православная энциклопедия. Т. 32. 2013. С. 127–135.

[56] Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; и др.

[57] Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Изд-во «Наука». 1972. С. 35, и др.

[58] Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи… С. 20–30.

Зарождение собственно хорепископства Цилканского как церковно-административной единицы, охватывающей горцев Центрального Закавказья, следует отнести к периоду с конца VI – начало VIII в.

До появления арабов в 40-х гг. VII в. в Закавказье его восточная и центральная часть веками находилась под верховным протекторатом Ирана и делилась между огромной Арменией, небольшим картлийским царством (Иверия, Вирк/Варджан), Албанией (Алвания, Алуанк, Арран и т.д.) и кавкасианами, сидевшими обществами как на равнинах, так и в ущельях, прилегающих к вершинам Главного Кавказского хребта. Единственно западная часть исторической Грузии и Абхазия, развивавшиеся в несколько иных условиях при сохранении власти своих царей, оказались под серьезным влиянием Византии (империя держала порты и крепости на восточном побережье Черного моря и строила защитные сооружения – «клесуры», в абхазских ущельях с перевалами на Северо-Западный Кавказ), соперничавшей с Ираном за гегемонию на Кавказе и Ближнем Востоке.

Указанные государства, являясь издавна (еще до начала новой эры) вассальными царствами, к V–VI вв. нашей эры превратились в коронные наместничества (марзпанства) великой державы – Сасанидского Ирана. Так, Армянское и Албанское марзпанство было учреждено в 428 г., а Картлийское, с центром в г. Тбилиси, в 523 г. Соответственно центральная царская власть во всех указанных территориях была ликвидирована.

При этом большая часть персидских наместников назначалась из тех же армянских правящих фамилий, а местная знать сохраняла практическую самостоятельность во внутренней жизни. Поделившие было с персами влияние над Арменией и Картли византийцы по условиям мира 591 г. ограничились учреждением поста «эрисмтавари» – правитель-князь, который занимали представители местных феодальных фамилий[59].

Горная, нахская часть современной Грузии, исторически никогда не входившая в состав Картлийского царства и имевшая границу с ней буквально за городскими пределами Мцхеты, управлялась иранскими марзпанами как отдельная единица и имела на своей территории, по крайней мере с V в., два важнейших стратегических пункта – крепость «Дарубал» («Цилкан-дурн») и естественное укрепление на северном окончании Дарьяльского пути – «Дар и-Алан» (букв. Ворота против алан). По наблюдению Г.Д. Гумба, персидское марзпанство «Варджан (Иверия» в свой ранний период, скажем, когда бдешхом (пограничный маркграф) был князь Ашуша (сер. V в.), охватывало Гугарк (область с нахским населением между армянскими и картлийскими землями по правобережью Куры), собственно равнинно-предгорное Иверское царство и будущую «Цанаретию» – горную область дзурзуков-кавкасиан центральной части Закавказья с Дарьяльской дорогой. Более того, в V–VI вв. в районы дарьяльских укреплений для усиления военных возможностей местных нахов отправляют отряды, набранные в районах «армянского» Гугарка и обширной области Сюник (занимавшей на этнической карте Армении, как уже отмечалось,

[59] См.: Очерки истории Грузии в 8 т. Том. 2. Тбилиси, 1988. С. 141–171; и др.

весьма своеобразное место), а также и из относящегося к «албанскому» Гугарку района Гардабани (Гардмани?), вероятно, также населенного нахами[60].

Однако следует знать утверждения грузинских историков о том, что «гугары» или «гогары» были одним из грузинских племен, живших непосредственно по соседству с армянами»[61].

Захват арабами закавказских районов, подконтрольных Ирану во второй половине VII в. Во второй половине VII в. большую часть региона Закавказья, вассального по отношению к Сасанидскому Ирану, постепенно захватывают арабы-мусульмане. На первом этапе они мало затрагивали исторически сложившуюся местную административно-государственную и общественную систему, ограничиваясь взиманием достаточно скромной дани и привлечением время от времени военных сил феодалов. Согласно выношенному наблюдению А.П. Новосельцева: «Арабы, завоевав Иран, унаследовали его политику и на Кавказе, и в Сирии, и в Средней Азии. Традиция здесь была устойчивой, так как опиралась на многовековой опыт политики в этих районах и на ее столь же давние результаты. Кавказ имел в этом отношении особое значение – Главный Кавказский хребет издавна являлся рубежом между странами Восточной Европы и цивилизациями Передней Азии»[62].

В процессе завоевания мусульманами Сасанидской империи (растянувшемся на 633–651 гг.) арабы к 639/40 г. прошли Армению и вошли в Албанию (Арран), где заключали с жителями городов и княжеств соглашения об уплате дани. Тогда же состоялась экспедиция арабской конницы на «Джурзан» (Картли), жители которой (конкретно г. Тбилиси) подписали с мусульманами мирное соглашение, после чего арабы ушли.

Все это происходит в правление второго халифа Умара ал-Хаттаба (634–644 гг.)[63].

Контакты арабов с местными нахами. Между 644 и 651 гг., в связи с новым продвижением арабов к Картли и Тбилиси, состоялись и первые их контакты с местными нахами. Арабские завоеватели на Кавказе находились в подчинении Сурака ибн Амра, назначенного командующим силами на Кавказе лично халифом Умаром где-то в 640 г. Амр действовал в Закавказье и на Северном Кавказе на протяжении 640-651 гг. (до своей смерти в том же 651 г.) [64].

Первые арабские завоеватели на Кавказе выработали своеобразный текст классического договора с его народами, в различных вариациях заключаемый арабами

---

[60] См.: Мкртумян П.Г. Грузинское феодальное княжество… С. 51–54; Гумба Г.Д. Нахи – вопросы этнокультурной истории … С. 252–255.

[61] Мусхелишвили Давид, Арвеладзе Бондо. История требует объективности // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тбилиси, 2009. С. 120.

[62] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 172.

[63] См.: Богверадзе А.А. Арабские завоевания и борьба против арабов в VII–VIII вв. // Очерки истории Грузии в 8 т. Т. II. Грузия в IV–X веках. Тбилиси, 1988. С. 172–189; Большаков О.Г. История Халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний (633–656). М., 1993. С. 228–234 ; и др.

[64] [Ибн-ал-Асир] (Далее: Ал-Асир). Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асир /пер. П. К. Жузе. Баку, 1940. С. 13.

Рис. 35. Государства и народы Кавказа в VII–VIII вв. н. э. (в основу положена карта А. Родионова)

и в дальнейшем на Кавказе (в т.ч. с Картли и цанарами). Вариант условий «охранной грамоты» (мирного соглашения) Сурака ибн Амра, одобренной халифом Умаром, приводится в книге историка Ибн Джарира ат-Табари «История посланников и царей»:

«Во имя Аллаха всемилостивого, милосердного. Это то, что пожаловал (ата) Сурака ибн ‹Амро, амил повелителя Умара ибн аль-Хаттаба, Шахрбаразу (правитель Дербента. – Авт.) жителям Арминии и ал-Армана (Албания. – Авт.). Он предоставляет им безопасность (аман) их жизни, имущества, религиозной общины (милла), если они не будут совершать вредных поступков и не выступят /против/. Что касается жителей Арминии и ал-Абваба (Дербент. – Авт.) – пришлых издалека (турра) и оседлых (тунна), и тех, кто вокруг, то он договаривался с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от /всех повинностей (джиза), кроме призыва в войско (хашр), а призыв в войско – это замена их повинностей. / Если/ в ком либо из них не будет нужды и он остается /на месте/, … то берется с них…». Позже добавилось обязательство уплаты завоеванными одного динара (золотая монета) «или его стоимости» с взрослого человека[65].

Если верить рассказу ат-Табари и более позднего арабоязычного автора Ибн ал-Асира (1160–1233 гг.), получается следующая картина движения арабов к Дарьяльскому пути: после первого вступления арабов в Дербент в 642–43 г., и скорее всего до смерти халифа Умара в 644 г., которому Сурака успел сообщить о посылке войск к горам, наместник (Сурака ибн Амр) направил военачальников Хабиба ибн Масламу на «Тифлис», а Хузайфа ибн аль-Йаман еще далее к северу от Тбилиси «…в горы аллан(ов) …(т.е. не собственно к аланам, а в Дар и-Алан – Дарьяльское ущелье – Авт». Следовательно, Хузайфа первый из мусульман, кто вступил в Дарьяльский проход. У ал-Асира это звучит несколько по-другому – «на тех, кто в горах ал-Лан,…»[66]. И Хабиб и Хузайфа заключили, видимо, мирные соглашения с уплатой джизьи.

Таким образом, можно говорить о середине 40-х гг. VII в. как отправных в арабо-горских (нахских) отношениях. Отметим также, что поход арабов Хабиба ибн Масламы на Тбилиси (а, следовательно, надо полагать, и экспедицию того же Хузайфа) грузинские ученые датируют 644–645 гг., а то и 654–655 гг. [67]

Стоит отметить, что Хузайфа «являлся известнейшим из асхабов (сподвижников) Пророка Мухаммеда и обладал многогранными талантами. Как храбрый воин, он еще при жизни Пророка участвовал в целом ряде сражений, создал первую спецслужбу государства мусульман, получив эпитет «Хранитель тайны Посланника Аллаха». Он является передатчиком 100 достоверных хадисов о Пророке. Известен также и хадис Пророка о нем: «Верьте тому, что рассказал вам Хузайфа»[68].

[65] Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа (далее Ат-Табари) … С. 73.

[66] См.: Там же. С. 73; Ал-Асир. Указ. соч. С. 13–-14.

[67] Богверадзе А.А. Раннефеодальные грузинские государства в VI–VIII вв. // Очерки истории Грузии в 8 т. Том. 2: Грузия в IV–X веках. Тбилиси: «Мецниереба», 1988. С. 172.

[68] Хатуев Р.Т. Аланские территории в составе Халифата // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии / Материалы Всероссийской научной конференции с междуна-

Первый поход арабов на Северный Кавказ в середине VII в. Следующие заметные действия арабов в Восточном Закавказье произошли в правление третьего халифа Усмана ибн Аффана (644–656 гг.) в 645–646 гг. или – по данным Усфури, в 649/50 г., когда были покорены все равнинные земли Албании, получена очередная контрибуция с Джурзана (Картли), и мусульмане вплотную приблизились к подошве Кавказского хребта (где завязались контакты с т.н. «владыками гор», в частности, с горцами Дарьяла и правителями ал-Лакза – Дагестан). В тот же период арабы вновь вошли в город-крепость Дербент – «Ворота ворот» (Баб ал-Абваб), который многочисленное хазарско-гуннское войско успело было занять[69]. Все это позволяло пассионарным арабам думать о том, как заглянуть и за пределы Главного Кавказского хребта.

По мнению исследователя И.Г. Семенова, опирающегося главным образом на данные армянского автора Себеоса (VII в.), первый большой поход арабов на Северный Кавказ произошел в 649/50 или в 653 г. Полководец Абд ар-Рахман ибн Раби, преемник Сураки ибн Амра (первого достигшего Кавказского хребта и Дербента), вместе с братом Салманом ибн Раби прошел на Северный Кавказ через Дербентский (Гуннский) проход, где арабы «предали грабежу пригорские края», включая, видимо, «страну» и г. Баланджар у выхода р. Сулак из гор (здесь обитали фактически гунны и булгары, если не считать собственно автохтонов). Согласно известному ученому М.А. Артамонову, в этой войне арабы имели дело с «хазарами, аланами и присоединившимися к ним тюрками». Арабские войска были разбиты превосходящей хазарской армией, подошедшей с севера, погиб при этом именно Абд ар-Рахман, а не Салман; остатки арабов «бросились в горы Кавказа, с трудом карабкаясь по склонам…»[70].

По сведениям ат-Табари, возможно говорить о двух походах Абд ар-Рахмана на «хазар». Первый – в правление халифа Умара (т.е. до 644 г.), когда «достигла его конница ал-Байда хазарский город в устье Волги. В общем-то проблематичное сообщение. Может быть, речь шла о намерении выдвинуться в этом направлении». И второй – в правление Усмана; вероятно, как раз в 649–50 или 653 г. История действий двух братьев на Северном Кавказе довольно противоречивая[71]. Но ясная в том плане, что события, о которых идет речь, развивались на отрезке предгорий нынешнего Северного Дагестана и восточной части обитания нахо-чеченского этноса.

родным участием. 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010. С. 262; Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 363–364.

[69] Абу Мухаммад ибн А›сам ал-Куфи (Далее: Ал-Куфи). Книга завоеваний / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1981. С. 9–11; Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хаййат ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. М., 2000. С. 36.

[70] История епископа Себеоса / Пер. С. Малхасянц. Ереван, 1939. С. 125–126; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 178–179; Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 80; Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII–VIII веке. Автореферат докт. дисс. Махачкала, 2010. С. 21–22.

[71] См.: Ат-Табари … С. 74–76; Артамонов М.А. Указ. соч. С. 179; и др.

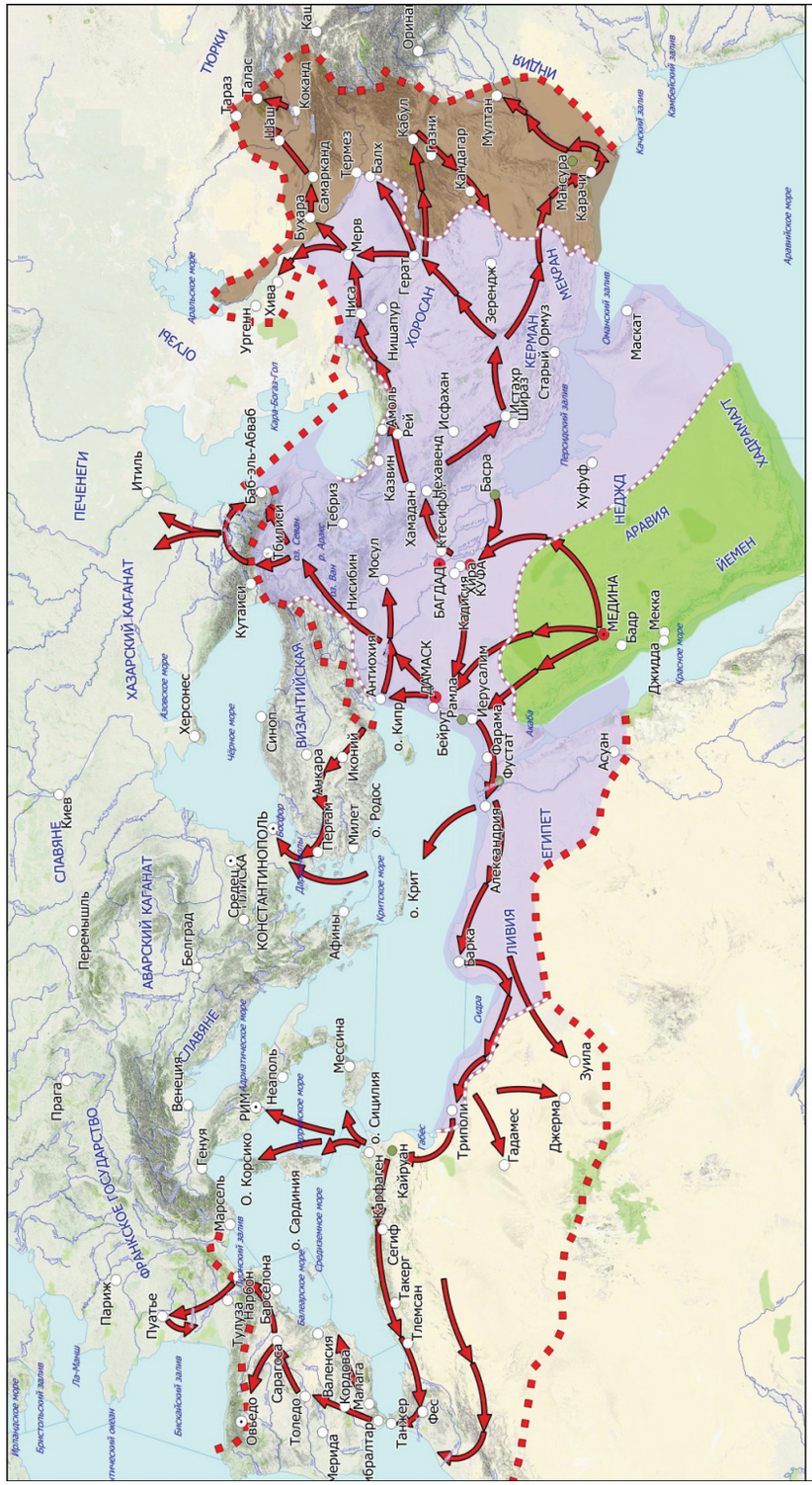

Рис. 36. Арабские завоевания VII–IX вв.

Мы можем также предполагать, что закрытие дороги к отступлению от Баланджара (у выхода Сулака из гор) до Каспийского (Гуннского) прохода к базе в Дербенте привело разгромленных арабов (как не раз случалось и позже) к бегству на юг через Нагорный Дагестан. Дороги отсюда пролегали как по ущелью Сулака, так и западнее его – через земли Эндирея или Ауха; откуда маршрут шел через область Нахч-Мохк с выходом к Андийскому Койсу и вверх до перевалов Кавказского хребта в Алазанскую долину[72]. Позже именно эти направления были закрыты гуннско-хазарскими крепостями на границе гор и плоскости по нахским ущельям рр. Акташ, Ярык-су и Аксай[73].

Антиарабское движение в Закавказье и соглашения Масламы с цанарами. К 654 г. относятся известия, что в Закавказье начинается объединение антиарабских сил: к главенствующему князю Армении «присоединились отряды жителей Аллана, Афхаза и Самандара, из хазар» (видимо, всей Западной Грузии, Абхазии и алан за перевалами Кавказского хребта, находившихся под влиянием Византии, а также хазар-булгаров как Северо-Западного, так и Северо-Восточного Кавказа с центром в Семендере). В свою очередь, Халифат собрал ополчение арабской конницы во главе с Хабибом ибн Маслама ал-Фихри и направил на север для действий в провинции «Арминийя» (в которую включали Армению, Албанию/Алвания/Арран, Картлию и часть современного Азербайджана)[74]. Хабиб ибн Маслама быстро разгромил сопротивление и восстановил арабское преобладание в регионе вплоть до «Джурзана» (Картли и г. Тбилиси), чьи «батрики» (знать) поспешили добровольно признать власть арабов и выплатили дань[75].

После признания арабского подданства Джурзаном и прилегающими районами Маслама (в 654/55 г.? – Авт.) поднялся от Тбилиси и Мцхета по территории нахских племен до оборонительных комплексов Дарьяльского ущелья, располагавшихся на р. Арагви в районе Живали и, далее по Тереку, к теснинам Дарьяла на севере. Здесь Маслама заключил соглашение с местными автохтонами, названными в более поздних арабоязычных источниках от IX–X вв. цанарами/санарами: «Он же… заключил мир с санаритами и дуданитами с условием, чтобы они платили подати»; у того же Баладзори сказано несколько иначе: «Он же заключил мир с жителями

---

[72] Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. С. 45–46; Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 117.

[73] См.: Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // Советская археология. 1975. № 3. С. 63–74; Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 29; Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 150; и др.

[74] Шагинян А. Армения и Арминийа в составе ‘Умаййадского халифата // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. Вып. 1. 2008. С. 139–155.

[75] См.: Баладзори. Книга завоевания… С. 8; 11–12; Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хайята ал-Усфури… С. 36; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1958. С. 503; Шагинян А.К. Закавказье в составе Халифата. СПБ.,1998. С. 23–31; Айтберов Т.М. Начальный этап в процессе формирования мусульманской государственности и исламских центров на Восточном Кавказе…С. 4–7; и др.

Кларджета, Триалета, Хахетии (Кахетии), Хухетии (Кухетии), Артахаля (или Артахана) и Баб-ал-Лала (или Аллана)…»; но, что под жителями «Баб-ал-Лана» подразумеваются именно цанары, подтверждает Ибн ал-Факих, современник Баладзори[76]. Упоминание дидойцев/дуданитов (андо-цезские общества Дагестана) вызвано тем, что от цанаров/санаров арабы, вероятно, пошли на восток по ущельям гор до «Дуданийу», откуда, как мы помним, по трудной горной дороге также можно было ожидать с севера появления хазар[77].

Интересно отметить, что арабы пытались в какой-то мере повторить опыт сасанидских шахов в выстраивании отношений с народами Кавказа, включая горцев, вплоть до использования в своих интересах местной знати. В тех же 50-х гг. VII в. правящий князь Арменииии Теодор Рштуни, выгнавший своих соперников вместе с византийцами из Армении, «…отправился в Дамаск, к Моавии (Муавийа ибн Абу Суфьян, позже – к 661 г., стал халифом. – Авт.) властителю исмаильтян, и поднес ему большие дары. И властитель исмаильтян… передал в его управление Армению, Иверию, Аг›ванию и Сюнию до Кавказа (Главный Кавказский хребет. – Авт.) и до ворот Чора (Дербент. – Авт.) и отпустил его с почетом. А тот обязался покорить эти страны в его подданстве»[78].

Как уже обратил внимание востоковед Т.М. Айтберов, самые первые контакты мусульман с нахами и дагестанцами привели не только к мирным соглашениям, но, вероятно, даже к обращениям какого-то числа горцев-язычников в ислам[79].

Таким образом, уже на раннем этапе арабо-кавказских отношений в VII вв. мы имеем два выхода арабских сил на Северо-Восточный Кавказ в хронологических рамках 40–50-х гг. и два похода по Дарьяльской дороге на север – в 644/45 г. (скорее всего, разведывательный) и 654/55 г., когда были заключены, видимо, новые соглашения и установлена конкретная дань с цанаров как с немусульман (джизья).

Арабское нашествие на Кавказ в самом своем начале (40-е гг. VII в.) объективно «открыло» для истории нахский народ Закавказья в ущельях Дарьяльского пути, дав ему имя и место. Теперь цанары заживут в источниках самостоятельной жизнью, став актором международных событий.

§4. Место стратегического Дарьяльского пути и цанар в арабо-хазарских войнах

Обострение международных противоречий вокруг Кавказа. Дербент и Дарьял. В целом арабо-хазарские ожесточенные войны за обладание Кавказом между молодым хазарским государством – гегемоном Восточной Европы, и не менее молодым Арабским халифатом, превращавшимся в мировую державу, за-

[76] См.: Баладзори. Указ. соч. С. 13; [Ибн-ал-Факих] (Далее Ал-Факих). Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. II. Ибн-ал-Факих / Пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис, 1902. С. 27.

[77] Баладзори. Указ. соч. С. 13; ; Ал-Факих. Указ. соч. С. 27; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 6–7.

[78] История епископа Себеоса… С. 120–121; Очерки истории СССР… С. 503–504.

[79] Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 6–7.

няли около 150 лет – с 640-х гг. по 800 г.[80] При этом своеобразным камнем преткновения в их политических отношениях являлись: мощнейший фортификационный центр Кавказа и Ирана – Дербент, с окружающими дагестанско-албанскими владениями (оплот арабского владычества с середины VII в.) и Дарьяльское ущелье с его нахским цанарским населением и двумя укреплениями («Дарубал» у Живали, в южной части маршрута, и Дарьяльские ворота «Баб ал-Лан» на севере). Расстояние между двумя стратегическим ущельями по прямой составляло около 350 км.

Первые кампании арабов по обе стороны Кавказа в 40–50-х гг. VII в. от Дарьяльского ущелья до Дербентского прохода, во время которых они достигали и Северного Кавказа, не привели к устойчивым результатам в связи с междоусобицей в стане арабов, начавшейся после убийства халифа Усмана в 656 г., а затем и длительного соперничества между Али (Хашим) и Муавия (Омейяд) за трон халифа. Хотя во всем арабском мире воспевались героические подвиги арабских воинов под водительством Абдурахмана и Салмана на далеком севере обитаемого мира[81].

Возобновление северных экспедиций Омейядами. С утверждением халифской власти Муавия Омейяда к 661 г., если верить короткому сообщению Табари, арабы уже в 662/63 г. возобновили экспедиции на север Халифата, в т.ч. на горские земли по Дарьялу: «Год 42/662–63. В этом году мусульмане совершили поход в ал-Лан, также в Рум (Византию). Они нанесли им ужасное поражение…, и убили много их батриков…»[82]. Конечно, заманчиво предположить поход на византийские владения по Черноморскому побережью Кавказа и заодно на аланскую территорию на Северо-Западном Кавказе через кавказские перевалы, как порой и трактуется в обобщающих трудах[83]. Но текст Табари не допускает толкований: «ал-Лан» – это Баб ал-Лан – часть территории санарийцев, владеющих «Воротами алан», по крайней мере, до ликвидации Цанарского царства в самом конце XI в.

Активный напор Византийской империи, порой на равных соперничавшей в регионе с Арабским халифатом, оставался заметным фактором, влиявшим на политическую ситуацию на Кавказе и в 80–90-х гг. VII в. Так, к началу 80-х гг. VII в. Албания, Картлия и Армения прекратили выплату разнообразных налогов Халифату, а гуннско-хазарский правитель (алп-эльтебер/ильтебер) Прикаспия и Северо-Восточного Кавказа (незадолго до этого торжественно принявший христианство с подвластным народом из рук албано-армянских священнослужителей) неожиданно вторгся с большими силами конницы в 685 г. на территорию закавказской Албании, откуда отряды хазар совершали нападения на земли картлийцев и армян. Тогда же в Южный Кавказ вошла византийская армия, попытавшаяся не только изгнать арабов, но и напрямую подчинить грузин, армян и албанцев. В конечном счете,

[80] Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII–VIII веке… С. 39.

[81] См.: Гадло А.В. Указ. соч. С. 119.

[82] См.: Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асир (Далее: Ал-Асир)… С. 22; Ат-Табари. Указ. соч. С. 77.

[83] История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Орджоникидзе, 1987. С. 85.

потерпев поражение от арабов на других фронтах войны, византийцы очистили значительную часть Закавказья и к 692 г. сюда вновь вернулись арабы[84].

Полководцы Мухаммад ибн Марван и Маслама ибн Абдул-Малик на Кавказе. Согласно М.А. Артамонову, в 692/93 г., а с правомерными поправками И. Семенова, фактически в 696/97 г. новый наместник провинции «Север», включавшей и «Арминийю» – Мухаммад ибн Марван (Омейяд), брат халифа Абд ал-Малика (685–705 гг.), восстанавливая протекторат Халифата, прошел маршем с жестокими боями Армению, Картлию и Албанию, вытеснил хазар за Кавказский хребет и занял Дербент с примыкающей областью Чола. В пределах 697–705 гг. он также взял под контроль нахские земли севернее Картлии до «Аланских ворот»[85].

В 89 г.х. (т.е. в 707/8 г.) или в 709 г. назначенный на Кавказ военачальник Маслама ибн Абдул-Малик (сводный брат двух халифов – Валида и Хишама), с указанием воевать с «тюрками» (хазары), нанес им новое поражение под Дербентом и даже завоевал тех «кто [находится] за ал-Бабом» к северу до поселения Таргу. Причем в передовых отрядах Масламы находились т.н. «цари гор» – восточнокавказские (дагестанские?) горцы. В ответ где-то до 710 г. хазарское государство выдвинуло к югу армию в 80 тыс. человек (состоявшую, видимо, главным образом из гуннских племен Северного Кавказа и Прикаспия) и открыло военные действия, в ходе которых заставило Масламу отступить[86].

В 713–714 гг. Маслама, собрав новые силы, совершает еще один успешный поход к Дербенту, после взятия которого двинулся к северу от него (к Сулаку и Тереку). Однако хазары смогли противостоять арабам, более того, они отрезали противнику Каспийскую дорогу, и Масламе пришлось в спешке отступать на юг через горы. Исследователь А.К. Шагинян полагает, что отступление Масламы в 714 г. с территории северокавказской Хазарии шло по направлению к Картли, следовательно, через Дарьяльское ущелье. В 717–718 гг. арабам вновь пришлось отбиваться, но уже на территории Албании от вторжения хазарско-гуннских (булгарских) сил: в сражениях были достигнуты успехи «и погубил Аллах массу хазар»[87].

[84] См.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 175–176; Семенов Игорь. Хазаро-византийские политические взаимоотношения в периоды правления императора Юстиниана II (685–695, 705–711) // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. М., 2009. С. 12–13.

[85] См.: Ал-Асир. Указ. соч. С. 22–23; Абу Мухаммад ибн А›сам ал-Куфи. Книга завоеваний… С. 12–15; Тер-Гевондян. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 71–78; Семенов Игорь. Указ. соч. С.15–16; Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата… С. 36; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 14, 16–18; и др.

[86] См.: Абу Мухаммад ибн А›сам ал-Куфи. Книга завоеваний… С. 43–47; Артамонов М.И. История хазар…С. 203–204.

[87] См.: Ат-Табари. Указ. соч. С. 77–78; Бейлис В.М. Указ. соч. С. 36-37; Артамонов М.И. Указ. соч.. С. 203–205; Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII – VIII веке… С. 25–27; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 14, 16–18; Шагинян А.К. Армения и Арминийа в составе Умаййадского халифата... С. 143.

В период правления халифа Валида (705–715) происходит окончательное складывание провинции Арминийя Омейядского халифата, включавшей Великую Армению, Картли (Джурзан) и Арран (Албания, Алуанк, ал-Ран) – фактически большая часть Закавказья. Западная часть исторической Грузии и нескольких армянских княжеств остались под покровительством Византии. В свою очередь, Арминийя (с центром в г. Двин), как и весь Восточный Кавказ с североиранской на ту эпоху областью «Атропатена/Адербайджан», Джазира (Верхняя Месопотамия), стала частью наместничества «Джарба (Север)» Омейядского халифата (всего их было четыре)[88].

Относительно Азербайджана, вобравшего в ходе исторических процессов позже и Албанию, следует отметить следующее: формирование собственно исторического Азербайджана, каким мы знаем его сегодня, относится к концу эпохи арабского владычества на Кавказе, когда на территории Албании и «Адербайджана», начиная с IX в. складывались мусульманские эмираты, первым из которых был Ширван. В IX–XII вв. в границах современного Азербайджана шла тюркизация коренных этносов и складывание азербайджанского народа.

Цанаретия в области Арминийя. Данные «Ашхарацуйц». Весьма вероятно, что, хотя бы формально, горная «кавкасионская» часть Закавказья – Цанаретия/Санаретия арабских источников считалась на правах некоего отдельного района Арминийи и не включалась в географические пределы «Джурзана» (Иберии-Картли). Так было и до арабов, во время Сасанидской империи, когда иранцы в V–VI вв. строили укрепления во всех горных проходах, ведущих с севера в Закавказье, а местных горцев использовали как охрану. Источник X в. (возможно, составленный в VII в.), говоря об этом явлении, утверждает: «И другого некоего человека (не иранца, не армянина и не картлийца. – Авт.) поставили правителем в Цанаретском ущелье…»[89].

Знаменитое сочинение «Ашхарацуйц (Показ мира)», именуемое «Армянской географией» и предположительно созданное между V–VII вв. (в реальности дописываемого вплоть до XV в.), в одном из своих списков указывает на Кавказе (не в Картли – Авт.) некую область «Цанарка (есть вариант «Цанары». – Авт.), в земле которых находятся ворота Аланские и еще другие ворота (вариант «проходы». – Авт.) Кцекен, названные по имени народа»[90].

Французский исследователь К. Цукерман призвал связать этнотопоним «…K‘cek‘en [Cicen]», приведенный в одном из вариантов западноевропейского издания «Ашхарацуйц», с этнонимом «чеченцы»[91]. Однако Г.Д. Гумба, детально

[88] См.: Очерки истории СССР... С.485-486; Очерки истории Грузии в 8 т. Т. 2: Тбилиси, 1988. С. 171–174, 251–252; Шагинян А.К. Арминийа в составе Умаййадского халифата… С. 139–155; и др.

[89] См.: Очерки истории СССР… С. 254–255; Цулая Г.В «Житие св. Нины» как источник по истории народов Кавказа // Известия Академии наук Груз ССР. Серия истории, археологии этнографии и истории искусства. № 3. 1979. С. 98–99; Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е. С. Такайшвили; Ред. М. С. Чхартишвили. Тбилиси, 1989.

[90] Армянская география (пер. П. Патканова)… С. 30.

[91] Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье //Краткие сообщения Института

рассмотревший этот вопрос, резонно отметил сходство Kceken/Cicen/Cikan с топонимом Cilkan (Цилкан), встречающимся в иных вариантах рукописей и печатных изданий «Ашхарацуйц».

«По «Ашхарацуйцу», – пишет Г.Д. Гумба, – Цанария охватывает территорию всего Дарьяльского ущелья, начиная на юге от Цилканских ворот у населенного пункта Живали (именуемых порой Дарубал и часто путаемых с северным проходом Дар и-Алан. – Авт.) до ст. Верхний Ларс (Северная Осетия) на севере. В пределы Цанарии включены Аланские (Дарьяльские) и Цилканские ворота…, …в данном отрывке источника отражено сложившееся политико-административное деление Восточного Закавказья в период господства здесь Сасанидского Ирана»[92].

Позиция нахо-кавкасионских групп населения южных склонов Кавказского хребта после острых арабо-византийско-хазарских коллизий начинает вновь просматриваться где-то в 20-х гг. VIII в. Тот же Табари кратко сообщает, что в 103 г.х. (721/722 г.) «тюрки сосвершили поход на ал-Лан»[93]. Речь идет о нападении хазар на арабо-горский (цанары) гарнизон в Дарьяльском ущелье – крепость «Баб ал-Лан».

Начало деятельности на Кавказе наместника и полководца Джарраха. Походы через Цанаретию («ал-Лан»). Тогда же назначенный наместником Арминийи в 104 г. х. (722–723 гг.) известный полководец ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками подтвердил старые соглашения с Картли, добавив к уплате джизьи, взимавшейся со всех иноверцев, еще и поземельный налог – харадж. Дальше он открывает большую войну с хазарами – более или менее успешно сражался с хазарской имперской армией к северу от Дербента в 722/23 г., а в декабре 723 или в январе 724 г. вышел с армией в тылы Хазарии через Тбилиси и Дарьяльский проход. Согласно Усфури, Джаррах «…совершил поход на алан (поход, как мы видим из всего контекста, совершается против Хазарии, и войска Джарраха идут Дарьяльской дорогой к крепости ал-Лан. Собственно самих алан за «Воротами» нет и их не будет здесь еще лет 100, а то и более. – Авт.). [Он продвигался], пока не пришел к городам за Баланджаром. Он завоевал некоторые из них, а из других изгнал [жителей]». В другой части текста автор сообщения Усфури, говоря уже об экспедиции 106 г.х. (724/25), дополняет: «С ним заключили мир аланы, отдав ему джизйу и харадж. Он был первым, кто запер ворота ал-Лан»[94]. Но указание здесь на «Алания» как объект движения арабов является трактовкой переводчика, также как и в нижеследующих переводах. Здесь речь фактически идет о цанарах.

археологии. № 218. 2004. С. 76; Его же: Zuckerman C. Les destinataires des lettres imperiales en Caucasie de l'Est. II. Le probleme d'Azia/Asia, le pays des Ases. Ш. L'Albanie caucasienne au Xe siecle // Travaux et Memoires, 13. 2000. P. 531–594.

[92] Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. № 2. Сухум, 2007. С. 233.

[93] Ат-Табари. Указ. соч. С.78; У Ибн-ал Асира это звучит как: «тюрки напали на алланов» – См. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира… С. 22.

[94] См.: Якуби. История / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1927 (Далее Якуби). С. 6–7 (по данным Якуби можно предположить, что Джаррах в 723/24 г., пройдя «ворота Аллан» и разгромив северокавказские владения Хазарии, вернулся обратно через ворота «ал-Баб (Дербент)»; Бейлис В.М. Указ. соч. С. 38–39; Артамонов М.И. Указ. соч. С. 203–205; Семенов И.Г. Указ. соч. С. 28–29; Айтберов Т.М. Указ.

В несколько иной текстовой и хронологической редакции излагает указанные события еще более поздний, чем Усфури, автор ат-Табари (ок. 839–923 гг.): «Год 105 г.х. 723/24 г. Среди событий этого года – поход ал-Джарраха … на ал-Лан (Аланию), он дошел до городов и крепостей, /расположенных/ за (мин вара) Баланджаром. Он захватил часть (их), изгнал часть населения его и захватил богатую добычу»[95]. Здесь речь фактически идет о цанарах и хазарских гуннах.

Согласно тому же Усфури, в следующем 724/25 г. арабы повторили поход на цанаров: «В этом году ал-Хаджжадж ибн ал-Малик (военачальник армии Джарраха, курайшит из рода Омейядов). – Авт.) совершил поход на ал-Лан (Аланию). Жители ал-Лана заключили мир и /согласились/ платить джизью»[96]. Заметим, что Усфури выше говорит не только о джизьи, но и харадже – земельном налоге с обрабатываемых земель, что свидетельствует о наличии у цанаров пашен и садов. Вспомним, что первое упоминание о заключении арабами соглашений с автохтонами ущелья содержат источники IX–X вв., которые относят событие к 50-м гг. VII в. и связывают его с именем Хабиб ибн Маслама ал-Фихри: «Он же… заключил мир с санаритами и дуданитами с условием, чтобы они платили подати»[97].

В целом эти свидетельства раскрывают ситуацию с местом действия и их участниками в районах 200-километрового Дарьяльского пути – где обитают цанары/санары. Ясно также, что вслед за Картли арабы, нуждавшиеся в Дарьяльском проходе, заключают соглашение и с Цанаретией – на выгодных для себя условиях выплаты джизьи и хараджа.

Собственно, помянутые этнические аланы появляются на предполье к Дарьяльским воротам исключительно после ослабления Хазарии и северокавказских гуннов и булгар, но не ранее, чем их обнаруживает на территории современной присунженской части Чечни арабский географ Масуди (ум. 956 г.) – т.е. к X столетию[98]. Но к этому времени уже нет практически никаких походов арабов на север, они прекратились в самом конце IX в. с окончанием арабо-хазарских войн.

«Аланские» инверсии вокруг Дарьяла. Тем не менее некая инверсия относительно народа алан, якобы находящегося прямо у Дарьяльских ворот, представлена в науке рано и сохранялась долго (до наших дней). Вот, к примеру, некий пассаж, полученный в результате вольного смешения фактов, имен, событий и хрологии, анонимным армянским автором (т.н. Псевдо-Шапух Багратуни), оставившим записки, датируемые X в., посвященные в т.ч. арабским и хазарским нашествиями на Кавказ и аланам:

«Выступил он (арабский полководец. – Авт.) против Дербенда… и, взяв город Дербенд, начал сражение против крепости, что у ворот Аланских (Албанских/

соч. С. 26–28.

[95] А-Табари. Указ. соч. С. 78 (указание на «Аланию» как объект движения арабов является трактовкой переводчика А.Р. Шихсаидова).

[96] См.: Бейлис В.М. Указ. соч. С. 36–37; Артамонов М.И. Указ. соч. С. 203–205; Семенов И.Г. Указ. соч. С. 29; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 26–28; и др.

[97] См.: Баладзори. Указ. соч. С. 13: Ал-Факих. Указ. соч.С. 27.

[98] [Масуди]. Сведения арабских писателей… (далее Масуди). С. 53–54.

Алванских. – Авт.); овладел он ею и стал господствовать над неприступными, окованными железом вратами. Посоветовался Ахмет (не идентифицируется. – Авт.) с братом царя багдадского Амра, Малимом (идентифицируется издателями как Маслама (?) – участник кавказских походов арабов, брат халифа Валида, правившего в 705–715 гг. – Авт.), и говорит: «Постараемся проникнуть в Аланию – [страну] аланов и взять ее». Позвали туземцев, [живших] у врат (естественно, это горцы-нахи. – Авт.), и спросили их: «Есть ли среди вас кто-нибудь, кто проникал через врата в эту страну аланов?». И один из них, отвечая, сказал: «Много раз я входил в страну аланов… полна всяческих благ: есть в ней много золота и великолепных одежд, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и драгоценных камней». Когда услышал все это Ахмет, пожелал он войти через ворота и, открыв их, вошли [туда]... Услышали об этом аланы и собрали свое войско, захватили (теснины] дорог, задержали их в [каком-то] узком месте и принялись беспощадно избивать. Персидские полководцы Ахмат и Малим, оглушенные страшными ударами, свалились с коней… они бежали, едва спасшись от смерти, …»[99].

Здесь, как представляется, отчасти перепутаны место действия (Дарьяльские и Дербентские ворота-проходы) и события, которые разделяют почти 150 лет. Первые походы мусульман через Дарьяльские (Аланские) ворота в северокавказскую часть Хазарии (выдаваемые порой в литературе за поход в «страну аланов») происходили с начала VIII в. по 800 г. Единственно известный крупный разгром арабской армии полководца Буга ал-Кабира, нанесенный только не аланами, а цанарами, как то будет показано ниже, произошел в 853/54 г. в закавказской части Дарьяльской дороги.

Единственное время, когда можно предположительно говорить о начале аланского присутствия в районе северного входа в Дарьяльское ущелье, это X в., если точнее, вторая половина указанного столетия. Осетинский исследователь Ф.Х. Гутнов обратил наше внимание, что византийский автор Константин Багрянородный в разных работах особо говорил об «эксусиократоре» – верховном правителе Алании и «архонте Ассии [на чьей земле расположены Каспийские ворота]». Архонт – как правило, князь, местный правитель, а в данном контексте «Каспийские ворота» – Дарьял[100]. Но французский исследователь К. Цукерман (сторонник рассматривать «алан» и «асов» как отдельные народы[101], при всем том, объективно возвращает нас к соображению о том, что все Дарьяльское ущелье – с севера до «иберов» (т.е. до Мцхеты) находилось в руках государства Цанаретия (Цанаро-Кахетинское хорепископство и мтаврство) – нахского владения. На наш взгляд, упоминаемые «асии», которых в свое время византийцы подняли на войну с хазарами, есть некие прикаспийские печенеги или иные тюркские племена Азии.

Маршруты арабов по Северному Кавказу и их действия в аграрно-городских районах региона. Не менее ясно, что арабы, пройдя Дарьял, дальнейший

[99] История анонимного повествователя / Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван. 1971. С. 75–76.

[100] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 52; Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть III. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ, 2014. С. 367–368.

[101] Цукерман А. Указ. соч. С. 65–84.

путь на восток осуществляли по землям современной Чечни к району расположения гунно-булгаро-хазарского населения – области Баланджар (с большим городом на Сулаке) и к другим городам того времени: Варачан, Семендер (Тарки) и др. Города и крепости Хазарии располагались, как убедительно свидетельствуют археологические и иные материалы, по границе гор и плоскости по берегам рек Аксай, Акташ, Сулак и т.д. на месте старых городищ автохтонов, вплоть до Дербента. И, конечно, хазарские укрепления стояли на стратегических переправах через Терек[102].

Следует указать, что «городская» полоса Северо-Восточного Кавказа, тянувшаяся вдоль гор, была густо населена. Это был крупнейший аграрный район не только Кавказа, но, видимо, и всей Восточной Европы. Так, в округе Баланджара/Беленджера насчитывалось в 20-х гг. VIII в. столь большое население, что тот же полководец Джаррах, испугавшись огромного количества пленных, приказал топить их в реке; причем масса людей сбежала еще и на север. И все равно, западнее – в г. Варачан (возможно район Буйнакска), арабы обнаружили до 40 тысяч семей, относящихся к одному из булгарских племен, готовых платить арабам подати (а это по минимальным подсчетам могло составить не менее 200 тыс. человек)[103].

Неудивительно, что даже опытный и храбрый полководец Джаррах, прошедший через Дарьял и развернувший наступление на равнинные земли Северо-Восточного Кавказа, увяз здесь. Он, к тому же, получил сведения о выдвижении с севера большой хазарской армии в Прикаспий и антиарабском восстании в Южном Дагестане и Албании. По некоторым данным, Джаррах, опасаясь закрытия врагами обоих проходов, решил отступить на юг через ущелья Кавказа и вошел в них либо через территорию Ауха и нахского общества Нахч-Мохк, либо восточнее – в районе Эндирея, с последующим выходом в обоих случаях через Андию в Сулакский бассейн (далее по течению рек, прорезающих Нагорный Дагестан и земли горных обществ и владений), в долины Закавказья[104].

Очередное правление Масламы на Кавказе и цанары. Поход 728/9 г. Халиф Хишам ибн Абд аль-Малик (723–743) не ранее 725 г. сменил Джарраха на своего сводного брата Маслама ибн Абдул-Малика, известного полководца, также хорошо знавшего Кавказ. В очередное правление Арминийей он еще раз отметился действиями в нахских и дагестанских районах Кавказа и большой войной против Ха-

[102] См.: Гумилев Л.Н. Хазария и Терек // Вестник ЛГУ. Л., 1964. № 24; Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленжера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 182–196; Магомедов М.Г. Крепостные сооружения Хазарии // Древние и средневековые памятники Дагестана (Материалы по археологии Дагестана. Вып. 9. Махачкала, 1980. С. 170–190; Его же: Образование Хазарского каганата по материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 1. С. 89–114; и др.

[103] См.: Ал-Асир. Указ. соч. С. 25; Ал-Куфи. Указ. соч. С. 19; Артамонов М.И. Указ. соч. С. 207–208; и др.

[104] Ал-Куфи. Указ. соч. С. 20; Якуби. Указ. соч. С. 4 (араб.); Ат-Табари. Указ. соч. С. 202; Семенов И.Г. Указ. соч. С. 29–30; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 28–31; и др.

зарии. Возможно, что хазары на этот раз сумели запереть выход через Дарьяльское ущелье или, по крайней мере, пытались не выпустить из него арабов. Источники рассказывают, что весной или летом 728/29 г. Маслама возглавил большой поход на север, через Даряльское ущелье: «Он шел на них в сторону (нахва) Баб ал-Лана, пока не встретил хакана с отрядом (джамуа), и сражались они, и настиг их сильный дождь. Аллах /помог/ победить хакана, который отступил». Данное сообщение ат-Табари дополняет и Якуби, указывая на бой еще в теснине Дарьяла, после чего состоялось сражение с главными силами хазар: «И совершил Маслама в 109 г. поход против турок, захватил у них ворота Аллан и столкнулся с хаканом»[105].

Усфури также описывает события 728/29 г. у Дарьяльских ворот, опираясь, что важно, на рассказы, переданные в свое время очевидцами: «Поистине Маслама запер ворота ал-Лан. Хазары встретили его, вступили в схватку с ним и [сражались], пока ночь не стала преградой между ними. Маслама сохранил [ворота] в неприкосновенности». В целом Маслама простоял здесь едва ли не месяц под дождями, пока хазары наконец не отступили[106].

Учреждение арабского гарнизона в Дарьяльском ущелье. В связи с экспедициями Масламы по землям цанаров и битве у «Ворот ал-Лан» необходимо указать на свидетельство Масуди, автора X в., об учреждении здесь постоянного гарнизона: «Когда Маслама-ибн-Абдилмелик-ибн-Мерван пришел в эту область и покорил жителей ее, то поместил в этом укреплении арабский гарнизон, до настоящего времени защищающей это место. Им часто доставляли пищу сушей из пограничной местности Тифлис, отстоящей от крепости на расстоянии пятидневного пути по владениям кяфиров». Этот же текст Масуди у В.Ф. Минорского изложен чуть детальнее: «Когда Маслама б. Абд ал-Малик б. Марван пришел в эту страну и подчинил ее народ, он поселил несколько арабов в этом замке, и до наших дней они стерегут это место; запасы провианта время от времени доставляются из благотворительных [сборов] из тифлисского пограничья (*сагр*). Между Тифлисом и этим замком (стр. 45) пять дней пути [среди] неверных»[107]. Судя по расстоянию, речь, возможно, идет об укреплениях Баб ал-Лан (примерно в 170–190 км от Тбилиси в зависимости от маршрута), а не о крепости «Дарубал» (Цилкан, Цекен) в районе Живали (около 40–50 км).

Практика создания военных укреплений с арабскими гарнизонами в стратегических пунктах пограничных областей Халифата была достаточно распространенным явлением, в т.ч. и на Кавказе. Обычно содержание гарнизонов ложилось бременем на окрестное население[108].

В 729 г. Маслама ибн Адул-Малик, как не выполнившего задачу полного разгрома Хазарской империи, по решению халифа сменил тот же Джаррах, который открыл еще одну полосу арабо-хазарских войн.

Поход Джарраха через Дарьял и разорение важнейших городов Хазарии. В 729/30 г. Джаррах вновь вторгся на Северный Кавказ через Картли и земли цанаров Дарьяльской дорогой; на этот раз арабская конница, по словам М.А. Артамонова (со ссылкой на Ибн ала-Асира), достигла г. Байды – хазарской столицы в устье Волги и благополучно вернулась назад. А.П. Новосельцев полагает, что вопрос достижения Байды Джаррахом – весьма запутанный, возможно, имелась в виду столица, но не Байда на Волге, а Семендер в пределах Приморского Дагестана[109]. Как бы то ни было, экспедиция Джарраха была самым серьезным ударом по торговым путям евроазиатского значения и северокавказским хозяйственным центрам, имевшим для Хазарии первостепенное значение.

Общеимперский поход хазар на Кавказ и территорию Халифата. Данное достижение арабским конным корпусом самого сердца «торговой империи» – Хазарии, с разорением важнейших городов, привело к организации общеимперского похода во главе с каганом на Халифат в 730/31 г. Причем, судя по всему, вторжение хазар шло как через Дербент, так и «со стороны Аллана» – Дарьяльского прохода.

Поток хазарского нашествия достигает северо-западного Ирана, где в битве под Ардебилем степняки наголову разбивают армию мусульман (здесь героически погибнет и полководец Джаррах); вскоре хазары оказались под стенами г. Мосула в Ираке, создавая угрозу всему Омейядскому халифату. В течение года арабам удалось остановить, а затем и повернуть вспять хазар. Вернувшийся на Кавказ в третий раз брат халифа Хишама Маслама к 732 г. завершил их изгнание, освободив Албанию (Алуанк, Арран), «ал-Лакз» (Южный Дагестан и северные земли Аррана?), и в очередной раз взял Дербент.

Мы не зря столь развернуто остановились на вопросах военно-политической истории Закавказья и Северного Кавказа, акцентировав внимание на участии в них нахских горных обществ центральной части Закавказья. Европеоцентристская модель истории диктует нам по сегодняшний день искаженный взгляд на этапы развития человечества в прошлом. Между тем, с появлением на Аравийском полуострове мусульманского учения и в первые десятилетия выхода мусульман на мировую арену история человечества творится там, куда достигает арабская конница, арабский купец и ученый. В Иране и Средней Азии, на границе с Китаем и Индией, в Средиземноморском бассейне, на Южном и Северном Кавказе идут самые главные на тот момент мировые процессы. Поэтому выявление даже малого участия того или иного актора в подлинной истории того времени – задача вполне оправданная.

§5. Закавказье, Цанаретия и Северный Кавказ в период нашествия и правления Марвана Кру Омейяда (ок.732/3-743/4 гг.)

Марван Кру Омейяд. Организация нашествия на Хазарию. Отношения с Картли. В том же 732/3 г. на Кавказ прибывает новый наместник провинции «Север», двоюродный брат халифа Марван (Мерван) ибн Мухаммад, с планом окончательного покорения Кавказа и Хазарии. Халиф обещал ему развертывание неви-

[105] Ат-Табари. Указ. соч. С. 78; Якуби. Указ. соч. С. 7.
[106] Бейлис В.М. Указ. соч. С. 39–40.
[107] Масуди. Указ. соч. С. 54; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда … С. 205.
[108] Шагинян А.К. Закавказье в составе Халифата… С. 52.
[109] См.: Ал-Асир. Указ. соч. С. 26; Ал-Куфи. Указ. соч. С. 47–48; Бейлис В.М. Указ. соч. С. 40; Артамонов М.А. Указ. соч. С. 209. Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 125–128; Семенов И.Г. Указ. соч. С. 29–30.

данной армии в 120 тыс. человек из регулярных сил и добровольцев[110]. Опираясь не только на арабские, но и армянские силы (в частности, главой области Арминийя им был назначен лояльный арабам князь Ашот Багратуни), он предпринял в 30-е гг. VIII в. самые масштабные в истории средневековья военные действия на Кавказе, охватившие и районы Восточной Европы. Походы и правление Марвана Омейяда на Кавказе, в частности, в грузинских районах, нашли самое серьезное отражение в грузинском летописании, к примеру, в своде, названном «Летопись Картли»[111], составленном, судя по всему, в XI в. с учетом более ранних письменных сведений. Естественно, не менее интересны, хотя и не столь, может быть, содержательны в некоторых узких вопросах многочисленные арабские труды, о которых мы уже неоднократно говорили.

С громадной армией, достигавшей, как указывалось, 120–150 тыс. человек, Марван (получивший в Грузии прозвище Кру – глухой, из-за своей безжалостной глухоты к страданиям людей) выступил (734 г.) прежде всего против области Картли (Джурзан) с ее феодальной верхушкой. В «малике» (правитель) Джурзана арабы видели инициатора хазарского нашествия (в 730–732 гг). Разрушив города и поселения Картли, уничтожив значительную часть ее населения, Марван Кру двинулся на Эгриси, Лазику (Западная Грузия), а также Абхазию, сокрушив здесь, хотя и с большими потерями, силы местных владетелей и их покровителей византийцев[112].

Марван Кру в 735 г. действует «против аланов», что означало направление экспедиции по Дарьяльскому пути к цанарскому Баб ал-Лану, в ходе которой были взяты некие три крепости[113]. Понятно, что речь идет о прямых боевых действиях арабов в землях жителей кавказских ущелий цанаров. Вероятно, в преддверии большого похода на север в крепостях по Дарьяльской дороге от Мцхеты, до выхода Терека на равнину, были посажены арабские гарнизоны. Одновременно другая группа войск Марвана проводит, если верить сообщениям, успешную военную кампанию в пределах Южного Дагестана и северной части Албании; к примеру, был разбит некий горский владетель «Туман-шах», который принес покорность. Под 736 г. Халифа рассказывает о посылке войск, осаде и жестоком взятии укрепленного города правителя «В.р.т.нис», в восточной части Кавказского хребта, которого А.П. Новосельцев считает владетелем страны «лакзов»[114].

[110] Ал-Асир. Указ. соч. С. 31–32.

[111] Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982; есть и перевод М.Д. Лордкипанидзе: Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р.Метровели. Тбилиси, 2008. С. 139–180.

[112] См.: Шагинян А.К. Армения и Арминийя в составе Умайядского халифата…С. 146–147, 154.

[113] Ал-Асир. Указ. соч. С. 32.

[114] См.: Бейлис В.М. Указ. соч. С. 42, 51; Новосельев А.П. Хазарское государство… С. 183–184; Шагинян А.К. Указ. соч. С. 147; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 47–49; Гизбулаев М. А. *Та'рих Халифы ибн Хайята* как источник по истории Дагестана VII–VIII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 4. С. 25–26. См.: Богверадзе А.А. Арабские завоевания и борьба арабов в VII-VIII вв. // Очерки истории Грузии в 8 томах. Т. 2. Грузия в IV–X веках. Тбилиси, 1988. С. 171–189; НовосельевА.П. Указ. соч. С. 183–184; Шагинян А.К. Указ. соч. С. 147; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 47–49; Гизбулаев М. А. Указ. соч. С. 25–26.

В целом политика Марвана по подчинению армянских, албанских, грузинских и горских (нахских и дагестанских) земель Закавказья для арабов была успешной. Практически все народы Закавказья и горцы, за исключением некоей полосы вдоль побережья Черного моря, в той или иной мере признали власть арабов и выплачивали им дань.

Создание Тбилисского эмирата в пределах бывшей Картли. Для прямого управления покоренными народами на неармянских землях, по инициативе Марвана в северо-западной части Арминийи был создан Тбилисский эмират с центром в г. Тбилиси (это арабское государство просуществовало примерно с 736 по 1122 гг.). Эмиров назначали непосредственно халифы, а затем по мере ослабления центральной власти здесь утвердились самостоятельные династы, окончательно вышедшие из покровительства Халифата к середине IX в.[115]

Северная граница эмирата (включавшего практически всю бывшую Картли), имевшая политическим центром Тбилиси, проходила по Дигомской лощине (ныне в городских границах Тбилиси) на полпути к Мцхете[116]. Выше Мцхеты к северо-западу, примерно до 15 км, располагалась Цилканская епархия, которая, как уже говорилось, выступила своеобразным собирателем земель горцев-цанаров. В силу объективных обстоятельств мусульманское государство – Тбилисский эмират стало стабильным союзником будущего Цанарского княжества и царства.

Историческое значение кампании Марвана. Отметим, что немного ранее того периода, когда хазары и в целом население Северного Кавказа противодействовали нашествию Халифата, на крайнем западе владений Омейядов арабские войска, захватив Испанию, перешли Пиренеи и достигли берегов Луары. В битве при Пуатье 10 октября 732 г. Карл Мартелл во главе с франкским воинством нанес серьезное поражение арабской армии (до 30 тыс. человек), которая ушла назад в Испанию. После этого в 735–739 гг. последовала новая военная кампания испанских арабов, опять достигших центральных районов современной Франции, но воины Карла Мартелла вновь вытеснили арабов до Нарбонны, а позже и за Пиренеи. Заметим, что в западноевропейской историографии эти события по сегодняшний день оцениваются как поворотный момент во всей мировой истории.

Разорение цанар в ходе первого этапа нашествия Марвана на Хазарию. Историк А.К. Шагинян, проанализировав целый ряд данных, пришел к выводу, что крупнейший в истории Халифата и Кавказа поход военных сил в 150 тыс. человек (собственно арабы в 120 тыс. были усилены кавказцами, в большей мере армянской конницей, привлекались и «цари гор из окрестностей Баб-ал-Абваба» – всего около 30 тыс. воинов) против Хазарии (практически это было арабское нашествие на Восточную Европу) состоялся в 737 г. На этот раз главные силы арабов во главе с Марваном выступили как раз через земли Джурзана и цанаров, а меньшая группировка его сподвижника Асида ибн-Зафира ас-Сулами пошла на север из Алба-

[115] Богверадзе А.А. Указ. соч. С. 171–190 (а также на эту тему: Лордкипанидзе М. Д. Из истории Тбилисского эмирата // «Мимохилвели». Вып. 2. Тбилиси, 1951, (на груз. яз.); и др.

[116] Лордкипанидзе М.Д.Тбилисский эмират //Очерки истории Грузии в 8 т. Т. 2. С. 340.

нии через Дербент по Каспийской дороге. Причем Марван, согласно Ибн ал-Асиру, «сделал вид, что хочет идти походом против аланов, и, действительно, он направляется в их страну», а не к царю хазар[117].

И в данном контексте мы вновь вынуждены говорить, что речь идет не об аланах, а о цанарах. Как рассказывает Куфи: «…Марван объявил войскам смотр и выступил в поход. Он вторгся в Баб-Аллан, где убивал, брал в плен и сжигал, и направился на Самандар, а это был один из хазарских городов (правда, здесь другой автор – Уссури, говорит, что Марван через «ворота алан…, прошел землю ал-Лан, затем вышел из нее в страну хазар и прошел Баланджар и Самандар…»[118]. – Авт.). Войска муслимов во главе с ‹Усайдом ибн Зафиром ас-Сулами достигли этого города. Вскоре туда прибыл и Марван во главе 150-тысячного войска. У города он перестроил свои войска…После этого войска выступили и вскоре достигли города ал-Байда (г. Этиль/Итиль на одном из рукавов Волги при впадении реки в Каспий. – Авт.), в котором пребывал хакан, царь хазар… Хакан стал убегать от Марвана … и муслимам в стране хазар сопутствовал успех, и они достигли даже земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на славян (*сакалиба*) и на другие соседние племена безбожников и захватили из них 20 тысяч семей. После этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян (*нахр ас-Сакалиба*)»[119].

Можно сравнить этот текст с данными ал-Баладзори (Балазури):

«…Затем он [Марван] вступил в землю хазар, со стороны Баб-ал-Аллана и ввел в нее Ашда ибн-Зафира ас-Сулами [и] Абу Язида; с ним были [также] цари гор из окрестностей Баб-ал-Абваба. И Марван сделал набег на славян, живших в земле хазар, взял из них в плен 20000 оседлых людей и поселил их в Хахит (Кахетия. – Авт.). Впоследствии же, когда они умертвили своего начальника и бежали, он [Марван] настиг и перебил их»[120].

Таким образом, на наш взгляд, известная часть упомянутых событий развернулась на плоскостной территории современных Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана. Марван идет походом от Тифлиса/Тбилиси по землям цанар. Пройдя Дарьяльское ущелье, он выходит на Осетинскую (Владикавказскую) равнину и, повернув по достижению междуречья Сунжи и Терека на восток, через несколько дневных переходов достигает сунженских бродов (у современного г. Гудермеса), откуда продолжает движение на восток, захватывая хазарские городища, до соединения с ал-Сулами, который со своей частью армии уже взял Семендер (Таргу) на берегу Каспия.

[117] См.: Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.) / пер. А.Я. Гаркави. СПб., 1970. С. 37–38; Ал-Асир. Указ. соч. С. 31; Шагинян А.К. Закавказье в составе Халифата… С. 44–45: Его же: Армения и Арминийя в составе Умаййядского халифата…С. 148; Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII–VIII веке… С. 32.

[118] Бейлис В.М. Указ. соч. С. 43.

[119] Ал-Куфи. Указ. соч. С. 49–50.

[120] Баладзори. Указ. соч. С. 17–18; Смокотина Д.В. Поход Марвана 757 г. и проблема локализации Славянской реки восточных авторов // Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (5). 2009. С. 111. (757 г. вероятно, опечатка; в тексте статьи поход датируется правильно – 737 г.)

Второй этан нашествия. События на Тереке и поход в Поволжье. После этого объединенная армия должна была пересечь Терек и открыть 500-км марш на север к г. Итиль (Байда) к ставке кагана. Причем арабы могли использовать единственно броды на Тереке близ современной станицы Шелкозаводской или более доступные, но лежащие выше на 50-60 км переправы у современных станиц Червленной и Николаевской. Кстати, на левом берегу Терека у Шелкозаводской располагалась крупная хазарская крепость, как раз, видимо, защищавшая стратегические переправы на этом участке. Некоторыми исследователями именно этот памятник расценивается в качестве искомой первой столицы Семендер Хазарии, либо считают ее «запасной» столицей – Семендер II (если считать настоящим Семендером городище, располагавшееся в Таргу/Тарки (в черте современной Махачкалы) [121].

Надо отметить, что существуют некоторые вопросы относительно логистики продвижения столь огромной армии на 500–600 км к северу до места, где ныне Волга впадает в Каспий. Есть вероятность, что трансгрессия Каспия и периодические разливы Маныча, по крайней мере, до X в., приводили к заполнению Кумо-Манычской впадины и возможности лодочного сообщения между Азовским и Каспийским морями. Более того, старое русло Волги (или один из его протоков) в нижнем течении шло от Ахтубы на Северный Кавказ, впадая в Каспий через устье современной р. Кумы[122]. Естественно, такая картина меняет вероятный маршрут Марвана Кру и географию расположения столицы Хазарии на тот момент.

Последствия. Арабское нашествие, достигшее Волги и Дона, как известно, закончилось полным поражением хазар, взятием мусульманами и их закавказскими союзниками «несметной добычи»; главным достижением Марвана считается обращение правителя Хазарии хакана и его окружения в ислам с дополнительным обязательством исламизировать свой народ[123].

Естественно, арабское нашествие 737 г. имело большие стратегические последствия – во-первых, Хазарская империя потерпела серьезное военное поражение и приняла мир на условиях победителей; во-вторых, противник Халифата – Византийская империя лишилась «своего могущественного союзника[124]».

Важно, что наметилась исламская перспектива и для густонаселенной части степной империи – Северного Кавказа, входившего в состав Хазарии. Кстати, еще ранее арабами безусловно предпринимались попытки обращения тех же кавкасиан-цанаров в ислам, когда несогласные выплачивали джизью и харадж.

[121] См.: Гумилев Л.Н. Хазарская Атлантида // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии: Сборник. М., 2001. С. 165; Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 29–30; Федоров Г.С. К вопросу о местоположении столицы Хазарского каганата – Семендера // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). 2. Махачкала, 1975. С. 305; Мамаев Х.М. Нераскрытые тайны древних городищ: [Электронный ресурс]. URL: http://www.chechnyatoday.com›Новости› Все новости›274569 9 (дата обращения 14.10.2018); и др.

[122] Тесаев З.А. Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Адина Вазара. Грозный, 2018. С. 17–20.

[123] Ал-Куфи. Указ. соч. С. 51–52; Шагинян А.К. Закавказье в состав Халифата… С. 45.

[124] Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата… С. 33

Но арабы не были в состоянии держать за Кавказским хребтом большую армию, и политические результаты данного громадного предприятия от 737 г., по справедливому замечанию М. Артамонова, оказались эфемерными[125]. Как широко известно, в конечном счете верхушка каганата отказалась от навязанного ислама и обратилась, возможно, в знак протеста против гегемонии мусульман и христиано-византийской ползучей агрессии в Северном Причерноморье, в иудаизм.

Имеются указания Усфури (Халифы), Баладзори (Балазури) и Куфи и на другие последствия нашествия. Оказывается, что Марван, выйдя уже за пределы расположения собственно хазарских племен (в верхней части Волги и Дона), захватил в плен 20 тыс. семей «сакалибов» и других «безбожников», которых вывел с собой в Закавказье и поселил в нижнем течении рр. Самур и Кура, а также в Кахетии[126], редкое на тот момент население которой являлось нахским. Под «сакалибами» в ту эпоху в Европе и на арабском востоке подразумевались не только славяне, но и многочисленные европеоидные племена Восточной Европы финно-угорского и тюркского круга. На этот счет уже сложилась определенная историография[127].

Это был самый крупный в истории поход арабов за Кавказский хребет. Надо отметить, что войска Халифата с середины VII в. по 30-е гг. VIII в. воспользовались в ходе «хазарских войн» Дарьяльской дорогой через земли нахов (и собственно равнинной территорией современных Северной Осетии, Ингушетии и Чечни) за 80–90 лет по меньшей мере 7–8 раз.

Войны Марвана против кавказских горских владений. Источники фиксируют целый ряд экспедиций, осуществленных Марваном в 30-х гг. VIII в. непосредственно против владений или федераций обществ восточной части Кавказского хребта, включая албанские и дагестанские. Первый, в 117 г.х. (735 г.), был направлен против Туманшаха, второй – против правителя ал-Лакза в 118 г.х. (736 г.), третий – вновь против Туманшаха в 120 г.х. (738 г.); четвертый – против Сарира, Зерихгерана, Хамзина (Хамрин) от 121 г.х. (739 г.), завершившийся к концу 740 г. или несколько позже. Позже всех состоялся поход на дагестанских «дуданийцев» – дидойцев, живших в труднодоступных горах, союзных и пограничных непосредственно нахам Закавказья: Баладзори подчеркивает, что Мерван сам возглавлял этот поход «и нанес им жестокое поражение…»[128].

Как рассказывают более поздние арабоязычные авторы, в 739–740 гг. наместник Марван открывает масштабный поход против «земли ас-Сарир» (Дагестан), а в целом против 11 «царей горы Ал-Кабк» (Кавказский хребет). Исследователь М.А. Гизбулаев, со ссылкой на европейское издание труда Халифа ибн Хаййята (Усфури), приводит цитату о действиях арабских войск в 739 г. в Южном (и отчасти Центральном) Дагестане и Албании (в районах, некогда являвшихся вассалами Ирана):

«В этом году Марван ибн Мухаммад из Арминийи, будучи ее правителем, вступил в земли правителя Сарира, в частности к его крепости (ريرسلا تيب ةعلق), где

[125] Артамонов М.А. Указ. соч. С. 224.

[126] См.: Бейлис К.М. Указ. соч. С. 51; Ал-Куфи. Указ. соч. С. 50; Баладзори. Указ. соч. С. 18.

[127] См.: Смокотина Д.В. Указ. соч. С. 117–118, 120; Галкина. Е.С. К интерпретации термина сакалиба в отчете Ибн Фадлана // ВОСТОК (ORIENS). 2014. № 6. 2014. С. 24–31: и др.

[128] Баладзори. Указ. соч. С. 19; Ал-Асир. Указ. соч. С. 32–33; Семенов И.Г. Указ. соч. С. 36.

он убивал и брал в плен. Затем он вступил в крепость Гумик/Кумух (غوسكأ в тексте Гумаск), где находился правитель Сарира. Последний отступил оттуда в другую крепость, которая называлась Хусрадж /Хунзах (جرثخ),… Затем Марван осаждал эту крепость и зиму, и лето, и он [Марван] заключил с ним [правителем Сарира] мирный договор с условием доставлять в качестве дани…». После описания этих событий идет рассказ Усфури о покорении Марваном других политических образований (общим числом всего около 10-11, в т.ч. и албанских, например, Ширван. – Авт.) «… правители которых явились к нему с просьбой заключить мирный договор…»[129].

Особое упорство Мервана против на тот момент малозначащих, в масштабах Кавказа и Халифата, нахских и дагестанских обществ и владений, а также неустанное преследование даже мелочных военно-политических целей в своей деятельности, невзирая ни на какие затраты, объяснились особенностями характера, безусловно, выдающегося полководца (но не политика) – современники арабы дали ему за его бессмысленное упорство кличку «Осел»[130].

Эпоха Марвана для Кавказа. Необходимо привести здесь развернутое заключение востоковеда Т.М. Айтберова с оценкой эпохи Марвана на Кавказе: «В результате семи-восьмилетних кавказских походов Марвана ибн Мухаммада территория расселения нахо-дагестанских народностей и племен оказалась в составе мусульманской империи. Земли их были включены, таким образом, в административную систему Халифата в качестве отдельных частей северной провинции, которая в 40–50-е годы VIII в. могла простираться: от среднего течения Тигра и Евфрата до гор Кавказа, …северо-западная часть нахских земель оказалась под контролем арабского военного отряда, связанного с командованием исламского центра «Тифлис» (Тбилиси), который теперь стоял на постоянной основе в Дарьяльском ущелье – в халифатском оборонительном комплексе Врата против аланов…»[131].

В 743/44 г. Марван ибн Мухаммад, 12 лет правивший кавказским регионом, герой самого дальнего арабского похода на Восточную Европу, покоритель Хазарской империи и кавказских народов, вернулся в Сирию, где занял как ближайший претендент трон халифа.

После отъезда Марвана в Дамаск в «Адзарбайджане» и «Арминийи» немедленно начались беспорядки, связанные с центробежными стремлениями тех же арабских военачальников и эмиров на местах, восстаниями кавказских владетельных князей и целых народов. Впрочем, восстания и волнения охватили не только Кавказ, но и всю территорию Халифата, приведя в конечном счете к падению Марвана, а с ним всей династии Омейядов; в 749/50 г. на троне утверждается первый аббасидский халиф Абу-л-Аббас ас-Саффах (из рода дяди пророка Мухаммада – Аббаса). Новая династия перенесла столицу из Дамаска в Ирак (Багдад).

Выводы. В данной главе была сделана попытка исследовать некоторые моменты в огромных по масштабам своего времени событиях, в которых вольное или невольное участие приняли как закавказские цанары, так и нахи Северного Кавказа.

[129] Гизбулаев М. А. Указ. соч. С. 26 (Перевод, согласно автору, дан по ливанскому изданию труда Халифы от 1996 г.). Русское издание: Бейлис В.М. Указ. соч. С. 43.

[130] Ал-Факих. Указ. соч. С. 45, прим. 5.

[131] Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 66.

Продвижение Арабского халифата на земли Кавказа и нахов началось в 40-х гг. VII в., и самое серьезное внимание арабы уделили Дербенту (Каспийский проход) и Дарьялскому ущелью («Баб-ал-Лан»), которое контролировалось нахами-цанарами. Более того, в течение веков халифат выдвигал в ущелье арабские гарнизоны. В этот период нахские и восточнокавказские (дагестанские) племена Кавказа – грузины, албаны, армяне и хазары силою исторических обстоятельств выступили объективно союзниками в борьбе с наступлением новой мировой державы – Арабского халифата.

Великая восточноевропейская Хазарская держава, самые богатые аграрно-городские центры которой находились на Северо-Восточном Кавказе (в границах современной Чечни и Дагестана), вступает в решающую схватку во время похода армии самого могучего государства мира – Арабского халифата, во главе с наместником и полководцем Марван ибн Мухаммадом. В 737 г. 120-тыс. арабская армия, прибавив на Кавказе 30 тыс. мобилизованных армян, грузин и горцев, не только разгромила наголову Северо-Восточный Кавказ с его хазарскими, гуннскими, булгарскими и горскими народами, но и совершила самый далекий поход на север в истории Халифата, дойдя после уничтожения столицы каганата в устье Волги.

Интересно также отметить, что 20 тысяч пленных «славян» (здесь имелись в виду представители всех восточноевропейских народов на территории современной России) были поселены в Кахетии.

В целом мы должны отметить, что при всех издержках неустанной и жестокой деятельности на Кавказе и Цанаретии Марвана Кру власть Халифата здесь была упрочена значительно, в т.ч. административно. На границах расселения нахов центральной части Закавказья появляется арабское государство – Тбилисский эмират, который окажет в дальнейшем объективно-положительное влияние на государственные процессы в той же Цанаретии. Вместе с тем, рост политического влияния Халифата на Кавказе сопровождался и проникновением арабской культуры.

Глава XII.

ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ЦАНАРОВ (ОТ ХОРЕПИСКОПСТВА ДО ЦАРСТВА) В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАКАВКАЗЬЯ (сер. VIII – XI вв.)

§1. Кавказ и Цанарское хорепископство в политике Аббасидского (Багдадского) халифата (сер. VIII – до сер. IX вв.)

Цанары в правление аббасидских халифов. Введение арабских гарнизонов в Цанаретию. Как уже отмечалось, с 749/50 г. начинается правление новой династии в Халифате и столица мировой державы переносится в Багдад, в Месопотамию, тесно связанную с Южным Кавказом. В период правления второго аббасидского халифа Мансура (754–775 гг.) политическая позиция цанар в событиях на Кавказе была сочтена арабами неустойчивой, и потому вновь назначенному правителю Арминийи Йазиду ибн Усайду (в 754–759 гг.) поручили заняться в числе других важнейших вопросов и укреплением Дарьяльского ущелья. Более того, он получил задание установить мир с Хазарией через брачный союз с дочерью кагана. Согласно Баладзори, первым делом Йазид (Язид) «завоевал Баб-Аллан и разместил там гарнизоны из (солдат), записанных в Диване; он так разбил санаритов, что они вынуждены были платить… (видимо, все тот же харадж, поземельный налог. – Авт.)»[1]. Получается, что усилия Масламы и Марвана по закреплению на северном выходе из Дарьяльского ущелья оказались уничтоженными цанарами и в 50-х гг. VIII в. здесь пришлось вновь восстанавливать арабское присутствие.

В примечании П.К. Жузе – переводчика «Книги завоевания стран» Баладзори указано, что под лицами, «записанными в Диване», имеются в виду мусульмане, получающие пенсии из государственной казны[2]; в таком случае мы должны предположить, что Йазид расселял арабские гарнизоны по Дарьяльскому пути вплоть до Баб ал-Лана из числа ветеранов на постоянной основе с семьями.

В 60-х гг. VIII в. хазары, возмущенные скоропостижной смертью своей принцессы, выданной в залог мира в жены Йазиду, дважды вторглись огромными массами в Закавказье, нанося поражение арабским силам. Возможно, что в ходе первого похода (763/64 г.) они шли двумя потоками: через Дербент (Каспийский путь) и дорогой, ведущей «к Иверии» (надо полагать, Дарьяльский проход; в таком случае арабские гарнизоны здесь были снесены). А в ходе второго похо-

[1] Баладзори (далее: Баладзори). Книга завоевания стран / Араб. текст и перевод П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана. Вып. Ш. Баку, 1927. С. 20;

[2] Там же. С. 20, примеч.1.

да (765/66 г.?), согласно грузинской «Летописи Картли» в переводе Г.В. Цулая, полководец хазарского хакана Блучан/Булчан «прошел… по дороге Лекетской (Нагорный Дагестан. – Авт.) и вошел в Кахети (имевшей нахо-кавказианское население – Авт.); …разорил город Тбилиси, разорил Картли и всю страну эту», а вернулся назад «по Дарьяланской дороге». При этом посланные для отражения хазар арабские военачальники были разбиты и убиты[3].

Все эти походы хазар, которые стали пользоваться самыми сложными маршрутами через Кавказский хребет, не могли не коснуться судьбы непокорных цанар, независимо от характера их отношений с хазарами.

Вооруженные восстания цанар в 771–775 гг. и массовые убийства горцев. Положение цанар все более ухудшалось в связи с перепадами в политике представителей Аббасидского халифата от пряника к кнуту. «В мусульманской историографии сохранились рассказы о волнениях в эти годы (70-е гг. VIII в., отмеченные в Закавказье крупными восстаниями против налогового гнета. – Авт.) и жителей ас-Санарийи… Так, например, арабский военачальник ʻАмр ибн Исмаʻил, прибыв во главе 20-тысячного войска на север Арминийи, перебил, если верить источникам, за один день сражения 16 тыс. санарийцев (цанаров) и двинулся на Тифлис (Тбилиси). У ал-Куфи (в переводе А.К. Шагиняна с одного из зарубежных изданий. – Авт.), ал-Хасан ибн Кахтаба (правитель Арминийя в 771–775 гг. – Авт.), встав во главе 30-тысячного отряда, перебил 10 тыс. санарийцев (цанаров)…»[4]. Думается, что речь идет об одном и том же событии – о вызове полководца Халифата Амр ибн Исмаила правителем Арминийя Хасаном ибн Кахтаба для усмирения цанар, с которыми расправились путем их физического уничтожения, убив 10 или 16 тыс. человек. Из последующего текста выясняется, что санарийцы были в союзе с картлийцами Картлии (Джурзан) и Джавахетии, с которыми и подняли восстание.

Об этом можно судить из перевода известного востоковеда З. Буниятова одного из вариантов рукописи труда Куфи: «…правителем (на Кавказе. – Авт.) …был назначен ал-Хасан ибн Кахтаба ат-Таʼйи. Он прибыл в страну во главе 50 тысяч воинов из числа жителей Хорасана, Сирии и Ирака.

Едва ал-Хасан ибн Кахтаба вступил в страну Арран, как против него восстали безбожники-санарийцы, …Ал-Хасан ибн Кахтаба не мог с ними справиться и написал об этом ал-Мансуру. Халиф послал ему в подмогу четырех военачальников: ʻАмира ибн Исмаʻила ал-Джурджани, ʻИсу ибн Муса ал-Хурасани, ал-Фадла

[3] См.: [Ибн-ал-Асир] (Далее: Ал-Асир). Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асир / пер. П. К. Жузе. Баку, 1940. С. 34; Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 69; Летопись Картли / Пер. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 47; Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели… С. 139; Минорский Ф.В. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 143; Шагинян А.К. Армения и Арменийа в составе Аббасидского халифата во второй половине VIII и в начале IX века // Вестник Санкт-Петербургского университета // Сер. 2. Вып. 3. 2008. С. 78–79; и др.

[4] Шагинян А.К. Указ. соч. С. 82.

ибн Динара и Мукатила ибн Салиха. Эти командиры прибыли во главе 30 тысяч воинов, и ал-Хасан ибн Кахтаба двинулся с ними на Джурзан (получается, что численность арабов достигла 80 тыс. человек. – Авт.).

…Санарийцы объединились с жителями Джавахета, которые тоже были безбожниками (ва хум айдан синф мин ал-куффар), и, собравшись в огромном числе, они напали на муслимов. Они сразились, и Аллах даровал муслимам победу: только в одном сражении из безбожников было убито 10 тысяч человек. Аллах даровал их имущество, скот и оружие в качестве добычи муслимам. После этого командующие, [присланные] ал-Мансуром, возвратились в Ирак»[5].

Относительно развернуто описал значительное сражение арабов с санаритами спустя 100 лет и арабский историк Абуль-Аббас Ахмад ибн Исхак аль-Аббаси, известный как аль-Якуби (Йакуби) (ум. 897 г.):

«Позднее заволновались санарийцы в Армении (Арминийя. – Авт.): и абу-Джафар (Абу Джафар аль-Мансур, второй аббасидский халиф. – Авт.) послал туда правителем ал-Хасана ибн-Кахтабу, который вступил с ними в бой, но ничего не мог поделать. Об этом, а также о их большом числе он сообщил абу-Джафару, и тот отправил ему на помощь Амира ибн-Исмаила алХариса с двадцатью тысячами (воинов). Встретившись с санарийцами, Амир вступил с ними в ожесточенный бой, который продолжался несколько дней, после чего бог даровал мусульманам победу над ними, и он (Амир) перебил позднее в один день шестнадцать тысяч человек из них. Затем он двинулся в Тифлис, дорогой перебил всех бывших с ним пленных и послал повсюду погоню за санарийцами»[6].

Таким образом, согласно приведенным данным, цанары/санары действовали против арабов в союзе с Картлией (Джурзан) и соседствущей с ней с запада небольшой областью-краем Джавахети, также входившей в арабскую провинцию Арминийя. Союзники первыми пошли в наступление на арабов и потеряли в упорном трехдневном сражении от 10 до 16 тыс. человек (в основном санарийцев/цанар), к этому добавились значительные материальные потери в ходе разграбления страны и ее населения. Отметим, что арабская тактика сражений отличалась высокой маневренностью войсковых соединений на поле боя, потому таким длинным было сражение арабов с санарами, которые никак не могли выставить и трети от численности сил противника (70–80 тыс. человек). Естественно, надо учитывать яростное ожесточение цанаров и картвелов.

Наличие государственной организации цанар. Территория. Благодаря этим и другим сообщениям становится ясным, что к началу 70-х гг. VIII в. цанары и Цанаретия составляют организованную политическую и военную силу, способную вступать на равных в договорные отношения с соседними образованиями и вести целые войны с захватчиками. Пожалуй, с этого времени – не позже 775 г., можно смело считать Санаретию/Цанаретию государством во главе с единым правителем. Его ядром, как мы знаем, стало некое ущельное объединение воль-

[5] Абу Мухаммад ибн Аʻсам ал-Куфи (Далее: Ал-Куфи). Книга завоеваний / Пер. З.М. Буниятова. Баку. 1981. С. 65.

[6] Якуби (далее: Якуби). История / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1927. С. 9.

ных горских обществ нахов «Хеви Цанаретиса» (по крайней мере, от Жинвали до Ларса, включая горско-нахские общества, обозначившиеся позже как Мтиулети, Хеви, Пшави, Хевсурети, Тушети и Эрцо-Тианети) и Цилканская епархия в междуречье Арагви и Ксани, ставшая центром христианизации тех же нахов-горцев (цилканцы).

Территорию Цанаретии можно определить и вычленением собственно картлийских земель. В свое время Картли (Иверия, Вирк, Джурзан) были подконтрольны на западе и юго-западе, полностью или частично, земли Триалети, Самцхе и Джавахети в бассейне Куры (маленькие исторические районы, населенные картлийцами), на юго-востоке небольшой нахоязычный район Кухети (с центром в Рустави) и узкая полоска земли по западной границе обширной, но малонаселенной области Кахетии, простиравшейся с запада от левобережья верховьев Йори (где с севера на юг гнездились селения маленького этно-географического района Эрцо-Тианети) и части меридионального течения Куры от впадения Арагви на восток до Эрети и с севера от нахских обществ южных ущелий Главного Кавказского хребта. На восточной границе Картли с областью Кахети стояла большая крепость – Уджарма (предположительно построенаая при Вахтанге Горгасале во второй половине V в.), отсюда картлийские правители пытались «освоить» всю Кахетию, но безуспешно. В IX–XI вв. это сделают цанарские правители[7].

На одном из нахских языков исконных обитателей Закавказья – бацбийском, область Кахетии называется «КIоха» («КъохIа»?), согласно другой версии бацбийцы-тушинцы называли Кахетию также Цовата (Цова-та), что ведет к общенахскому понятию дом, отчизна, очаг[8].

Новые восстания цанар – застрельщиков антиарабских движений. В самом начале IX в., в правление наместника Хузайма ибн Хазима (первое 786–787 гг.; второе 803–806 гг.) в кавказских районах, в частности, в «Джурзане» (Картли) и «ас-Санарийи» (Цанаретия), начинаются новые волнения: «С мятежным населением северных областей Арминийи смог справиться только посланный правителем большой отряд…». Есть также указание, что санарийцы вновь восстали в 807 г. и имели столкновения с военачальником Аббасом ибн Зуфаром ал-Хилали упоминаемым в качестве местного правителя и в 812–814 гг.[9]

Растущее сопротивление коренных народов Закавказья объяснялось, кроме налоговых поборов, и политикой масштабного переселения на Кавказ арабского

[7] По вопросу исторической географии Грузии также см.: Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии: (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982; Его же. Историческая география Грузии IV-–X вв. // Очерки истории Грузии в 8 тт. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 382–439.

[8] Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV века). Грозный, 1963. С. 35; Мифы и предания чеченского народа / Сост. А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов. Т. 2. М., 2011. С. 220; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н. э.). Сухум, 2016. С. 156.

[9] См.: Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 280; Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. СПб., 1998. С. 84; Его же: Армения и Арменийа в составе Аббасидского халифата … С. 85.

населения (реально на Кавказе оказались десятки тысяч этнических арабов). Все это усиливало, кстати, исламизацию коренных народов Кавказа, стремившихся тем самым избавиться от налогов на «неверных». Когда армия хакана (кагана), воспользовавшись волнениями на Восточном Кавказе и в Дербенте, вторглась в пределы Арминийи в правление халифа Харун ар-Рашида (786–809 гг.), то она пленила здесь до 100 тыс. человек именно мусульман[10], что ранее было невозможно за их малочисленностью.

Подробно изложены сведения о цанаро-арабских столкновениях начала IX в. у не раз цитированного нами Якуби (Йакуби). Он сообщает, что после отражения хазар и умиротворения Арминийи халиф Гарун (Харун) ал-Рашид назначил правителем на Кавказ того же Хузайму ибн-Хазима ат-Тамими (803–806), который открыл жестокие репрессии против картлийцев и цанар. Он «схватил батриков (батрик – князь, аристократ. – Авт.) и детей царей, отрезал им головы и (вообще) обращался с ними самым скверным образом. Это вызвало возмущение в Джурджане и в Санарии. Он отправил против них армию, но они уничтожили ее, … и он воевал с жителями Джурджана и Санарии до тех пор, пока не выгнал их из страны»[11].

Однако в 807 г. «вновь восстали санарийцы и… (военачальник ал-Аббас ибн-Зуфар ал-Хилали. – Авт.) сразился с ними, но не мог их одолеть». Известно, что халиф выслал против цанар дополнительные отряды войск во главе с новым наместником[12].

Дальнейшее развитие событий вокруг Цанаретии в первой трети IX в. мы можем рассматривать, опираясь на данные «Летописи Картли», а также на основе, главным образом, армянских и арабских источников. Естественно, что об одном и том же периоде или событии источники порой рисуют разноречивую картину.

Война Цанаретии в союзе с тбилисским эмиром за гегемонию в Закавказье. Григол Великий. Грузинская «Летопись Картли» – важнейший источник раннесредневековой истории Закавказья (создана во второй половине XI в.)[13], затрагивает события указанного периода в связи с действиями тех или иных феодальных правителей. Так, указывается правление в Тбилиси эмира Али ибн Шуаб/Шуайб (828/29–833 гг.), который был в союзе с владетелем «Кахети» (Цанаретия) мтаваром Григолом (годы правления показаны под 787–827 гг.). При этом старший князь Картли (практически входившей в эмират), скажем так, «гражданский» правитель картлийцев – Ашот-куропалат Багратиони (упоминается под 786–826 гг.), вытесненный в Тао-Кларджети, союзничал с абхазским царем Теодосием/Феодосий (правитель Абхазии и западной части Грузии, упоминается последний раз в 825 г.)[14]. Между этими союзными группами не позже 825 г.

[10] Ал-Куфи. Указ. соч. С. 69; Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата …С. 48–53; Его же: Армения и Арменийа в составе Аббасидского халифата … С. 82, 84–85; и др.

[11] Якуби. Указ. соч. С. 12.

[12] Там же.

[13] Летопись Картли. Пер. Г.В. Цулая… С. 27.

[14] Картлис цховреба. История Грузии… С. 139, 165 (примеч. 19,24, 25, 26)

началась феодальная война, которая продолжилась при арабском наместнике на Кавказе «Халиле» (Халид ибн-Язид, с 829 по 832 г.). Медиевист А. Виноградов полагает, что война коалиции князей против мтавара цанаров Григола и его союзника тбилисского эмира протекала между 823–829 гг.[15]

«Летопись Картли» повествует: «В это время выступил Ашот куропалат, помогал ему Теодосий, царь абхазов…, который был зятем Ашота куропалата. Прибыл Григол из Кахети, помогали Григолу мтиулы и цанары и тбилисский эмир. Сразились Ашот и Григол на (реке) Ксани (где-то до конца 825 г. – Авт.). Обратили Григола, мтавара Кахети, в бегство, и завладели той частью Картли, которая была захвачена им (Григолозом). И захватил Ашот (земли) от Кларджети до Ксани. Затем (не ранее 829 г. – Авт.) прибыл Халил (Халид. –Авт.), сын Язида [араб], и захватил Сомхити (Армению), Картли и Эрети»[16]. Речь, таким образом, идет о попытке завоевания или отстаивания завоеванного великим хорепископом цанар, мтаваром Григолом земель бассейна р. Ксани (левобережный приток Куры), расположенных на запад от цанарских владений и населенных исторически теми же нахами, называемыми двалы. И второе, что ценно в данных сообщениях – резиденция Григола находится уже не в Цанаретии, а в Кахети.

Новый правитель Цанаретии Дачи (Вače) Донаури. Смерть, вероятно, бездетного великого хорепископа цанар Григола последовала не позже 827 г., и на трон в том же году был избран некий Дачи (Вače) Донаури (из тех самых гардабанских аристократов, которые вдруг вспомнили, что они родственники цанаров, о чем мы уже писали выше) из княжества Гардабани на левобережье Куры (южнее Тбилиси), который смог организовать сопротивление нападениям наместника Халида столь успешно, что разбил его армию у селения Гавази на р. Алазани около 830 г. и обратил арабов в бегство. Во время следующего похода на цанар и гардабанцев Халил был убит (не позже 832 г.). Все это позволило объявить себя эмиром Тбилиси без одобрения халифа новому претенденту Сахаку, являвшемуся сторонником Дачи. Тогда старшим князем жителей Картли арабы в противовес Дачи, признали своего ставленника – Баграта.

Новый наместник Арминийи Мухаммад ибн Сулайман (833–835), присоединив Баграта с его сторонниками картлийцами, двинулся на Саака – эмира Тбилисского, который, в свою очередь, призвав на помощь «гардабанских кахетинцов» (цанары), смог твердо выстоять сражение у р. Рехи в Восточной Грузии (не позже 835 г.). Не добившись никакого результата, арабы во главе с Мухаммадом ушли восвояси[17].

[15] См.: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1969. С. 122–123; Виноградов Андрей. Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII – начало X в.) // Polistoria: Цари. Святые. Мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 21.

[16] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 139; Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая... С. 47.

[17] Картлис цховреба. История Грузии… С. 139–140; Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая…С. 47–48.

Восстание тбилисского эмира и цанарского мтавара против Халифата. В первые годы правления очередного халифа Абуль-Аббас Абдуллах ибн Харун ал-Мамун (813–833 гг.), согласно арабским источникам, произошло возмущение в области «Джурзан», входившей в Тбилисский эмират, во главе которого на тот момент называют Мухаммада ибн Аттаба (Хаттаб). К нему присоединились цанары, вставшие, учитывая дальнейшее развитие событий, на путь перманентной войны с Халифатом.

Халиф Мамун послал для успокоения смуты на Кавказе нового наместника Абд ал-Ала ибн Ахмад ибн Йазид ас-Сулами (829 г.), однако тот в первом сражении потерпел полное поражение от Мухаммада ибн Аттаба с его тбилисскими арабами, картлийцами и союзниками цанарами. Очередной наместник – Халид ибн-Язид ибн Мазьяд (правил в Арминийи в 829–832)[18] пришел со столь большой армией, что привел к покорности ибн-Аттаба, запросившего «аман» (помилование). Между ними состоялся любопытный диалог, зафиксированный источником: «…Халид простил его, а затем спросил его: «Подчиняются ли тебе санарийцы?» – «Нет», – ответил Мухаммад ибн-Аттаб, – «они мне не подчиняются».

Халид двинулся против цанаров, «упорно сражался с ними в Джурзане (видимо, отряды цанар стояли на тот момент в Картли. – Авт.), обратил в бегство и захватил их скот, а потом предложил им заключить мир, что и состоялось на условии, чтобы они представили три тысячи кобылиц и двадцать тысяч овец». Но, констатирует Якуби, «не прошло много времени, как они снова восстали» против Халида. Причем интересно, что «с ними [санарийцами] поднялись и кайситы (выходцы из северных племен Аравии. – Авт.)» поселенные группами или гарнизонами в Картли и части Цанаретии[19]. Эти арабы, видимо, были серьезно недовольны властями.

Цанаретия как самостоятельное государство. Главное содержание затронутых событий заключается в том, что Халифат методически усиливал давление на кавказские народы, и один из них – нахи-цанары, не имевший государственности, создал ее, чтобы успешно сопротивляться. Видный грузинский историк, академик М.Д. Лордкипанидзе написала об этом так, что мы можем привести ее тезис в качестве вывода к данному разделу: «Ведя борьбу с арабами, цанары в то же время пытаются присоединить соседние земли, арабы же прибегают к противодейственным мерам, однако уже не могут восстановить прежнего положения, и цанары постепенно добиваются независимости. Примечательно, что в событиях конца VIII и начала IX в. арабские авторы противопоставляют Джурзан (т.е. собственно Картли) и Санарию/Цанарию (Кахети). Санария уже является отделенным от Картли княжеством Кахети[20], в котором цанары в это время выступают в качестве ведущей силы. Первые князья Кахети были, видимо, из цанар-

[18] Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата… С. 85.

[19] Якуби. Указ. соч. С.16; Шагинян А.К. Указ. соч. С. 70–71.

[20] Цанаретия никогда не была частью Картли, как историческая область Кахети. В раннем средневековье т.н. Цанаретия была частью пограничной марки Сасанидского Ирана, а позже (до образования государства) находилась под прямым контролем кавказских наместников Халифата, которые держали гарнизоны в Дарьяльском ущелье.

ской династии. На рубеже VIII–IX вв. объединение Кахети – уже свершившийся факт»[21]. Таким образом, на закавказской политической арене появляется новый серьезный участник со своими национально-политическими целями и задачами.

§2. Борьба нахов Закавказья (Кахетинское мтаварство) с очередным нашествием Халифата. Разгром армии полководца Буга Старшего

Боевой союз Тбилисского эмирата, картлийцев и Цанарского (Кахетинского) государства. В истории становления Цанаретии в Закавказье арабские колонии и арабская аристократия в Картли и Тбилиси действительно сыграли серьезную политическую роль. Именно багодаря союзу с Тбилисским эмиратом, цанары в конечном счете смогли измотать и разбить огромную армию халифского наместника Халида. Очередной эмир Тбилиси Исхак ибн Исмаил, женатый на дочери «сахиба» (правитель) владения Серир (Восточный Кавказ, Дагестан), отказался концу 30-х гг. IX вв. от подчинения халифу и уплаты податей. Между тем, значение Тбилисского эмирата для халифов заключалось, помимо его стратегического положения, еще и в том, что исторически все грузинские земли сдавали собранный харадж и иные поборы именно в Тбилиси[22]. Это были немалые деньги, значимые даже для халифа мировой исламской державы.

Очередные известия о Цанаретии следуют в начале второй половины IX в. в правление халифа Абу́ль-Фадль Джафа́р ибн Мухáммад аль-Мутаваккúль Алаллах (847–861), который в ответ движениям за независимость в кавказских провинциях (включая и арабские эмираты) открыл с 852 г. широкие военные действия. Они оказались связаны с именем видного военачальника Аббасидского халифата Буга ал-Кабира аш-Шараби (Буга Старший), происходившего не из арабов, а из тюрков-гулямов придворной гвардии. Масштабные военные действия под его руководством продолжались на Кавказе до 856 г.

Нашествие полководца Буга ал-Кабира. После расправы 120-тыс. армии Буга над княжествами и царствами Азербайджана (Северный Иран), Албании и Армении арабский полководец начинает военную кампанию против Тбилисского эмирата и 5 августа 853 г. штурмом берет город Тбилиси, уничтожив при этом до 50 тыс. человек, главным образом мусульман и грузин. Вольнолюбивый эмир Исхак с поддерживающими его представителями местной христианской, картлийской знати был зверски казнен, а пришедший было с запада ему на помощь абхазский царь потерпел полное поражение и, преследуемый арабами, отступил горами на север по Двалетской дороге (она вела в общества нахов-двалов и далее на Северный Кавказ)[23].

[21] Лордкипанидзе М.Д. Кахети // Очерки истории Грузии в 8-и тт. Т .2. Тбилиси, 1988. С. 253.

[22] См.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III-IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1958. С. 515–516; Ат-Табари. Указ. соч. С. 81; Шагинян А.К. Указ. соч. С. 57; и др.

[23] См.: Баладзори. Указ. соч. С. 21–22; Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа (далее Ат-Табари) // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма: статьи и сообщения. М.: Изд-во «Наука». 1986. соч. С. 80–81; Очерки истории СССР… С. 516; и др.

В Цанарском владении правил в то время князь Самоэл Донаури (ок. 839–861 гг.), он и принял со своими подданными самое активное участие в антихалифатской коалиции тбилисских арабов и картлийцев. Самоэл стал организатором последующего сопротивления нашествию Буга ал-Кабира и полного разгрома его огромной армии.

Вот что рассказывает «Летопись Картли»: «Возвращавшемуся (после преследования абхазского царя войску арабов – Авт.) у Джварисгверди (исторический храм над Мцхетой. – Авт.) преградили путь гардабанцы (цанары. – Авт.) и нанесли войску большой урон. Когда узнал (об этом) Буга, снялся… и прибыл в Чарталети (так сказать, в сердце Цанаретии. – Авт.) и расположился там, взял у мтиулов заложников триста человек, и намеревался вступить в Осетию и дошел до Цхавати. Абулабаз же, эристав армян и Гуарам, сын Ашота, написали мтиулам не пропускать (Буга Тюрка). И они принесли в жертву своих заложников. Помог Бог: выпал большой снег, преградили путь и сразились. Даровал Бог победу, и погибло множество из рода сарацин, а кони их отравились кошкарой (иели), и пало их множество. Но ввиду многочисленности войска не чувствовалась потеря, поскольку число его (войска) составляло сто двадцать тысяч»[24].

Действительно, после погрома Тбилиси и Картли, Буга со всем войском поднялся осенью по Дарьяльскому пути в горы цанаров и дошел до поселения Чартали/Чарталети (выше Жинвали по Белой Арагви, около 50-60 км от Тбилиси), одного из основных населенных пунктов закавказских нахов, где вступил было в переговоры с вождями горцев и гардабанским князем Самоэлом – правителем Цанаретии, которому в обмен на мирное соглашение было обещано пышное звание ишхана (владетельный князь, царь)[25]; стороны как бы пришли к согласию, Буга получил 300 заложников (видимо, от всех влиятельных цанарских семейств), но обстоятельства изменились, и горцы, пожертвовав заложниками, дружно поднялись, вступили в кровавое сражение и выдавили армию Буги из своих ущелий и даже равнин.

Генеральное сражение. Ход боевых действий. Подробности многодневного сражения (ноябрь–декабрь 853 г.) наиболее содержательно отразилось в описании, дошедшем до нас в сочинении «История Дома Арцруни», принадлежащем автору IX–X вв. Товма Арцруни и некоему «Анониму». Они таковы, что выносят битву цанаров с армией Буга Старшего (у Чарталети или Цховата?) в разряд величайших сражений эпохи раннего средневековья. Если верить сообщениям, а не верить им нет никаких оснований, сражение громадной армии с горсткой горцев-цанаров продолжалось не менее 9 дней, в течение которых десятки раз происходили ожесточенные прямые боевые столкновения. Следовательно, халифская армия была вполне дисциплинирована и не поддавалась панике.

«Вступив в сражение с цанарами, они (арабские войска. – Авт.) покрыли кругом подножие гор... С наступлением утра сражение ожесточилось и (продолжа-

[24] См.: Летопись Картли /Пер. Г.В. Цулая…С. 48; Картлис цховреба. История Грузии… С. 141, 168.

[25] Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983. С. 84.

лось) до конца дня, длившегося 12 часов. Войска царские (халифские. – Авт.) были разбиты и вернулись в свой стан, вернулись в свой стан и горцы. Через день вновь столкнулись они в сражении, и опять были разбиты войска царские. И охватили их большие сомнения: вернуться оттуда не желали, ибо почитали свершившееся великим стыдом, противостоять же им не могли, ибо многие из воинов их пали. Наконец, решились они опять начать сражение; они возвели вал, построили помещения, в которых поселились. Пробыв там 9 дней, они 19 раз вступали с ними в сражение и были разбиты, истребляемы и умерщвляемы войска царские цанарскими войсками. И вернулись они, посрамленные, со стыдом и позором, поруганные и разбитые»[26].

Арабский автор Якуби ограничивается лаконичным сообщением, что Буга «… двинулся (после разгрома Тбилиси. – Авт.) против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство»[27].

Арабские авторы свидетельствуют, что цанары не успокоились на том, что «разбили [Буга] и обратили его в бегство…, они вступили в переговоры с государями румов[28], хазар и славян». Более того, «собрались они с большой армией …», намереваясь продолжать войну за пределами Цанаретии и эмирата. Халиф Аль-Мутаваккиль был вынужден сменить Бугу (который успел все-таки в отместку цанарскопу хорепископу Самоэлу разорить его родовое княжество Гардабани на р. Куре); новый наместник в ходе переговоров примирился с горцами и «возобновил им аман» (полное прощение)[29].

Данное событие имело огромное значение для всех народов Закавказья: великая победа маленького народа вызвала воодушевление и прямо сказалась на новом подъеме освободительного движения, к примеру, на территории всей Армении[30].

§3. Становление Кахо-Эретского царства цанаров. Квирике III Великий (X–XI вв.)

Правление владетельного князя Габриэла, укрепление связей с армянскими царствами. Во второй половине IX в. в период правления в Цанаретии брата Самуэла, великого хорепископа, князя Габриела (ок. 861–881) в Закавказье происходит возвышение верховного ишхана Армении Ашота (Багратуни) I Великого (правил в 862–890 гг.). В 884 г. он провозгласил себя даже царем всей Армении

[26] См.: Армянские источники об аланах. / Сост. Р.А. Габриелян / Центр научн. информ. по обществ. наукам АН Арм. ССР. Вып.3. Ереван, 1985. С. 21; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 84.

[27] Якуби. Указ. соч. С. 21.

[28] См.: Алеманъ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 243–244 (в сочинении Константина Багрянородного есть упоминание о том, что Византия находилась в переписке с «повелителем» Цанаретии).

[29] См.: Якуби. Указ. соч. С. 21; Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая... С. 90. Минорский Ф.В. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963. С. 147–148.

[30] Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата…, С. 74.

(на деле значительной ее части, т.н. Анийское царство), и халиф был вынужден признать титул своего вассала. Что интересно в плане нашей проблемы, армянский церковный и политический деятель Иованнес (Ованес) Драсханакертци (ок. 840/50–925) утверждает, что Ашот «простер руки к северным пределам, подчинив племена, которые жили в юдолях великих гор Кавказских, в долинах и глубоких продольных ущельях… подчинил он своей власти всех без изъятия грубых жителей Гугарка (и на тот период оказывается, это название покрывало Цанаретию. – Авт.) и разбойных людей гавара Ути …»[31]. Речь, как мы видим, может идти, если и не о подчинении (с выплатой дани) как таковом, то как бы о признании Цанаретией Ашота верховным сюзереном. Впрочем, главы Цанаретии имели также признание верховенства багдадского халифа; двойная, а то и тройная легитимация власти была не редкостью в кавказских феодальных владениях того времени.

Сын Ашота Смбат (850–914) продолжил политику отца по утверждению политической гегемонии своей части Армении в Закавказье, в т.ч. над «неукротимыми племенами» севера; и когда Смбат столкнулся с очередным вторжением войск Халифата, обеспокоенного его усилением, он смог их преодолеть в т.ч. с помощью «северных племен» Кавказа – «сильных лучников и копейщиков...». Ему же автор приписывает подчинение Картли, а также захват областей «Гугарк и Цаннарк до Аланских ворот (все эти самовольные действия вызвали, кстати, недовольсво халифатских наместников Кавказа. – Авт.)»[32].

Новый курс правителей цанаров на овладение Кахети и Эрети. После смерти бездетного Габриэла из владетелей нахского происхождения гардабанской династии Донаури «великим хорепископом (корикози) цанар» в 881 г. избирается Фадла (вероятно, цанар) из дворянской фамилии Аревманели. Он смог сохранить Гардабани в составе цанарского государства, несмотря на то, что их аристократы утеряли первенство в Цанаретии. Новый правитель кавказских гор взял курс на освоение малонаселенной Кахетии (перенес, например, двор в местность Бододжи – ныне Тианети на р. Йори).

В начале 900-х гг. его сын – великий хорепископ и мтавар Цанаретии-Кахети Квирике I решил захватить пограничое ему на юго-востоке царство Эрети (область, занимавшая бассейн Алазани и Куры между албанскими и картлийскими землями и Тбилисским эмиратом) и пригласил помочь абхазского царя Константина III (899–929), с владениями которого он граничил на западе по р. Ксани. В результате Квирике получил (но ненадолго) какую-то часть Эрети[33], а Константин занял несколько важных крепостей на ее территории. Однако эпиграфические источники, связанные с Западной Грузией, рисуют картину успешного завоевания Константином всей Эрети в 906 г. Кстати, именно он строил христианские храмы в закавказской Двалетии и, возможно, на Северном Кавказе в верхнем течении Кубани, где находились союзные ему аланы. В результате сопротивления

[31] Драсханакертци Иованнес. История Армении / Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 118.

[32] Там же. С. 130, 133–134.

[33] В литературе есть указание на короткую эпирафическую запись начала X в. о войне «царя эров» с кахетинским хорепископом. См.: Мусхелишвили М.Д. Указ. соч. С. 36.

коалиции армянского царя Смбата в союзе с правителем картлийцев Адарнесе политике Абахазского царства Константин был разгромлен, а Цанаретия избежала большой войны примирением с царем Смбатом (надо отметить, что в литературе данные события порой относят и к 915–920 гг.)[34].

Иованнес Драсханакертци представляет наступление Константина на восток и как попытку «подчинить себе… страну гугаров, обитающих близ Аланских ворот»[35].

Столкновения цанаров с арабскими правителями. Обеспокоенность Халифата делами на Кавказе вызывала арабские набеги, организованные по распоряжению Багдада правителем области «Атропатена/Адербайджан» (Восточный Кавказ и Северный Иран) Юсуфом Абуль-Касимом (из династии Саджидов) с карательными задачами. Они воевали с 907 по 914 г. в Армении, Кахети (в составе Цанаретии. – Авт.) и Южной Грузии, встретив здесь упорное сопротивление населения и знати. В Кахети были заняты крепости Уджарма и Бочорма, и мтавар Квирике был вынужден, доверившись клятве, явиться без условий к Абуль-Касиму, и тот из уважения – «за доблесть его» пощадил князя и его страну. Но эти походы арабов, несмотря на то, что они обращали порой в бегство даже могущественного царя Смбата, уже ничего не могли изменить в новой исторической обстановке[36].

Армяно-цанарские коллизии. Ослабление Арабского халифата вызвало рост освободительного движения в Закавказье и как закономерные, так и хищнические устремления различных, многочисленных царьков и самовластных князей к гегемонии и захватам земель соседей. Более того, когда в 921 г. арабы, потерпевшие поражение в Севанской битве, очистили Армению, она как наиболее густонаселенная и организованная страна получила тем самым большое влияние в Закавказье и рассчитывала на роль объединителя. Но мешали все те же феодальные войны в самих закавказских районах.

Когда царь Ашот II Железный (914–928/29), сын умершего в плену Смбата (не позже 914 г.), был вынужден подавлять мятеж правителя области Ути/Утик (в пределах бывшей Албании, правобережье Куры) Мовсеса, то вызвал к себе на помощь ближайшего родственника ишхана Саака и «великого корепископа», господствовавшего «над той частью Гугарка, что примыкала к Аланским воротам», т.е.правителя цанар – Квирике I (ок. 893–918), или Фадла II (ок. 918–929).

Интересно отметить, что через какое-то время изгнанный Мовсес попытался прорваться к «великому хорепископу цанаров», чтобы, посулив ему «блага», с его помощью освободить свои владения. Но на по пути в горы он был перехвачен

[34] См.: Картлис цховреба. История Картлии… С. 144, 169-170; Виноградов Андрей. Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII – начало X в.) // Polistoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 46–47, 49; Лордкипанидзе М.Д. Кахети // Очерки истории Грузии в 8 т. Т. 2. Тбилиси, 1989. С. 267–268; Чачхалиа Денис. Хроника абхазских царей. М., 2002. С. 24–25.

[35] Драсханакертци Иованнес. Указ. соч. С. 152–153.

[36] См.: Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая… С. 50-51; Очерки истории СССР… С. 517; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 98–99; Лордкипанидзе Д.М. Кахети // Очерки истории Грузии… С. 266.

Ашотом Железным и ослеплен[37]. Видимо, Цанаретия была сильна, раз мятежник Мовсес полагал, что с ее помощью может справиться и с царем Армении.

Участие Цанарского (Кахетинского) государства в борьбе за гегемонию в Закавказье. Дальнейшая история Цанаретии (Хеви-Цанаретиса), с присоединенными к ней Кухети, Эрцо-Тианети, Кахети, Гардабани и частью бассейна Ксани, развивалась в конце X и XI в. в условиях острой борьбы за роль объединителя Грузии и Закавказья. Кроме нахской цанарской династии, в борьбе участвовали армянские царства и широко представленные в закавказских феодальных владениях различные представители династии Багратидов/Багратуни. Все они являлись потомками одной из фамилий высшей знати древнего Урарту. Собственно, в границах исторической Грузии действовала также сильная династия абхазских царей (правивших и западной частью Грузии – Эгриси)[38].

Многие правители Закавказья того времени являлись решительными людьми действия. Тот же, к примеру, хорепископ цанаров Фадла Аревманели характеризовался современниками как «личность мудрая и (хорошо) сведущая в делах»[39].

Естественно, приложить руку к кавказским политическим процессам пытались ослабевшие Византия, Багдадский халифат и растущие мусульманские эмираты Кавказа.

Вторая треть X в. проходит в границах современной Грузии и Абхазии под знаком борьбы сильного и властного абхазского царя Георгия II (ок. 926/29–960) с «кахетинскими» (цанарскими) правителями Фадла II (ок.918–929) и Квирике II (ок. 929–976). Борьбу с цанарами Георгий начал с захватов, пожаров и пленения людей, а затем назначил правителем на завоеванную часть Кахети своего сына Константина, который, однако, на третий год своего правления попытался провозгласить самостоятельное царство. Леон немедленно выступил против мятежника и осадил его крепость Уплисцихе, причем в этой осаде, как сообщает «Летопись Картли», принял участие как союзник и хорепископ Фадла II (918–929).

Квирике II и феодальные войны. После смерти Фадла II «сел хорепископом» (видимо, по наследству, без выборов) Квирике II (ок. 929–976). После его воцарения возмутились по каким-то причинам «гардабанские азнауры и начали вести переговоры с [абхазским] царем Георгием. Выступил царь Георгий II, прибыл в Кахети, [сжег (города, селения) и вырезал (людей) и возвратился в свою страну… Сын его Леон был эриставом Картли, предоставил он (Георгий) ему (Леону) войско для вступления в Кахети]. Поняв безуспешность сопротивления, Квирике явился к ним. Но затем пожелал тайно бежать; схватил его (Леон) и направился в Кахети, чтобы захватить всю его семью. (Но они) скрылись, так как картлийские азнауры известили их».

После этого на сторону царя Георгия перешел брат Квирике Шурта и сдал важную крепость Уджарма, за ней войсками Георгия были заняты где штурмом, где хитростью укрепления Лоцобанта, Марана, враги подступили к Бочорма и Нахчеванской крепости (где сидел один из сыновей Квирике Фадла).

[37] Иованнес Драсханакертци. Указ. соч. С. 206–207.

[38] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 412–415.

[39] Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая…С. 49.

В конечном счете Квирике был вынужден «передать» Кахети (но не Хеви Цанаретиса) Георгию и выдать заложником сына Давида. Но большие группы дворянства не только Кахети, но и Картли настояли на продолжении войны с чужим для них царем Абхазии, и Квирике смог в конечном счете победить врагов и вернуть свои земли. Когда Леон, сын Георгия, пришел с новыми силами и «выжег»» Кахети, то поступила весть о смерти царя Георгия II (ок. 960 г.). И тогда по инициативе Леона прошли переговоры с Квирике, закончившиеся мирным договором и обещанием Леона выдать свою дочь замуж за сына хорепископа[40]. Казалась бы, закончилась многолетняя вражда двух христианских государств.

Квирике II был известен как государь, терпеливо укреплявший страну, лавируя в сложнейших условиях противоборства между Абхазским царством, Халифатом и армянскими царями, картвельскими правителями и тбилисскими эмирами.

Умерший в 956/57 г. великий арабский географ и историк Масуди, побывавший также на Кавказе, в сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» (известное также как «Луга золота и рудники драгоценных камней») коротко упомянул нахское государство Закавказья эпохи правления Квирике II: «…между Тифлисом и Алланским укреплением, о котором мы уже упоминали, находится царство по имени Санария, а царя их зовут Курискус. Этот народ исповедует христианство…»[41].

Война Цанарского (Кахетинского) государства с Абхазским царством. Утвердившись на царстве, западногрузинский (абхазский) царь Леон III (957–967/960–969) действительно скрепил брачный союз дочери с сыном Квирике Давидом. Однако после скорой смерти супруги Давида вражда возобновилась, и в последнем походе на «Кахетию», когда Леон взял несколько крепостей (Мухнари, Херки и Базалети), он простудился и умер. Естественно, война прекратилась, и войска покинули Кахети.

Два последующих абхазских царя Деметрий и Феодосий отметились враждой за престол, в которую был вовлечен и цанарский хорепископ Квирике II. Более того, он вмешался в междоусобную борьбу картвельских и абхазских феодальных групп, несколько раз подступался к картлийским крепостям (в частности, к важнейшей Уплисцихе, недалеко от Гори), однажды даже увел в плен царевича Баграта (будущего царя Абхазии и Картлии), его отца Гургена и мать Гурандухт – дочь абхазского царя Георгия. И только когда царь южногрузинского государства Тао-Кларджети Давид, поставивший молодого Баграта на правление Картли, вторгся в Кахети, хорепископ и дворянсво отпустили пленных на условиях передачи им нескольких картлийских крепостей.

В правление сильного и энегичного Баграта III (978–1015 или 975–1014) Багратиони, претендовавшего и на титул царя Картли[42], утраченный еще при Саса-

[40] См.: Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая… С. 52–54; Картлис цовреба. История Грузии… С. 145–148; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 102–103; Чачхалиа Денис. Хроника абхазских царей. М., 2002. С. 26–28.

[41] [Масуди] (Далее: Масуди). Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Мас›уди // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 38. Тифлис. 1908. С. 57.

[42] Багратом III он именовался как раз по линии картвельских царей, а по линии абхазских династии являлся Багратом II.

нидах, возобновилось военно-политическое движение Абхазского царства против значительно расширявшего свои пределы (в т.ч. и за счет части Картли и Эрети) Цанаретии-Кахети. Где-то к 1008–1009 г., т.е. примерно через 20 лет после начала своего правления, абхазский царь решился потребовать от цанаров освободить захваченные ими крепости, стоявшие на границе владений (Груа и Цирквали на р. Ксани), но правитель Давид I (ок. 976–1010) дал резкий ответ: «Если желаешь получить крепости, то пусть вопрос между нами решит сила и война. А выйду я навстречу тебе на (реке) Ксани»[43].

Баграт III, «царь абхазов и картвелов», собрав «бесчисленные» военные силы, вторгся не только в Кахетию (захватил ее центр Тианети), но и Эрети (которая, видимо, к тому времени, с 1008 г., входила в сферу влияния Давида I) и разорил их. Интересно отметить, что Баграт и не помышлял воевать собственно в горных землях цанаров. Посчитав цели похода достигнутыми, он только успел вернуться восвояси, как «отложились эретцы и перешли на сторону Давида, который (в 1008 г. – Авт.) занял Эрети. Вскоре скончался (Давид)…». Давид – хорепископ Цанаретиии-Кахети, умер в 1010 г. В грузинской историографии он характеризуется как «один из энергичных противников первого царя объединенной Грузии Баграта III»[44].

Баграт вскоре вновь выступил со всем своим войском, взял вторично Эрети, захватил царицу Динар и, благодаря превосходящей военной силе, за два года занял все крепости Кахети. «Загнал Квирике (будущий Квирике III Великий. – Авт.) в Бочорму, поставил охрану на целый год, захватил и Бочорму. Занял всю [Эрети и] Кахети, захватил Квирике с собой и держал его при своем дворе»[45]. Указанные военные действия в государстве закавказских нахов, вероятно, продолжались до 1012/13 г. Известно также, что Баграт силой переселил из Кахети множестов знатных азнауров в западную часть Грузии.

Образование Кахо-Эретского (цанарского) царства. Когда Баграт III умер в 1012[46] или 1014/15 г., то пленный мтавар Квирике каким-то образом смог вернуться в Кахети; более того, в 1014 г. при поддержке знати Эрети он официально провозгласил себя «царем кахов и эров» и короновался.

Данное событие требует своего объяснения. Дело в том, что собственно Цанаретия (от Мцхеты до Дар и-Алан) и область Кахети (с Кухети) исторически не имели упорядоченной феодальной организации с наследственным титульным главой, единственно область Гардабани по левобережью Куры, присоединенная к Цанаретии, являлась наследственным княжеством. Потому главы цанарского государства пользовались церковным титулом – «хорепископ/корикози» (о зна-

[43] См.: Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая… С. 56–57; Картлис цховреба. История Грузии… С. 148–149; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 104.

[44] См., Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая… С. 101; Мусхелишвили М.Л. Из исторической географии Восточной Грузии… С. 40.

[45] См.: Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая…С. 58; Картлис цховреба. История Грузии… С. 149; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 105; Чачхалиа Денис. Указ. соч. С. 29–35.

[46] Чачхалиа Денис. Указ. соч. С. 35.

чении которого мы писали выше), к которому было добавлено величание «великий корикози (хорепископ) цанар» и «мтавар» – владетельный князь. Включение царства Эрети, где не осталось законного наследника, в состав цанарского государства дало Квирике III не только удвоение территории, но и долгожданный царский титул.

Раннефеодальное государство Эрети в долинах бассейна р. Алазани и Куры (и фактически слившейся с ней областью Камбечани/Камбисена) на протяжении веков являлось вассальной территорией (эриставство) Албании, а то и Грузии и Армении, которые, в свою очередь, находились под влиянием Ирана. С приходом арабов княжество-эриставство Эрети сумело сохранить автономию на условиях выплаты дани. Область Эрети порой именуют в источниках раннего средневековья также «Шакки/Шаки», «Камбечани», «Ран», «Алвания».

Средневековая Эрети была была сложной по своему составу. Она состояла из «Камбечани… между нижним течением рек Алазани и Куры, Суджети – западнее Камбечани, на среднем течении р. Иори…, Лопоти – ущелье р. Лопоти левого притока верхнего течения р. Алазани и, наконец, собственно Эрети, расположенной севернее Суджети и Камбечани –заалазанская территория Кахети и Элисени (позд. Саингило)». Часть ее западных районов рано вошла в состав исторической Кахетии[47]. Более того, княжество Эрети которое, сформировалось во главе одной из ветвей армянской царской фамилии Багратуни/Багратидов с центром в г. Шакки, оформилось как самостоятельное образование в 787 г., а в 893 г. было преобразовано в царство, правители которого именовали себя титулом «царь ранов», претендуя на все албанское наследство (Аран).

Отметим, что Эрети имело легитимацию как от Халифата, так и от Армянского (Анийского) царства и, вероятно, Византии. Государство имело административное деление на 4 эриставства (включая Панкисское, что говорит о распространении границ Эрети на север к горам с нахским населением)[48] и несколько епископств Армянской церкви (диофизитский толк православия утвердился здесь с VII в., как и богослужение на армянском языке). Впрочем, борьба местного населения и знати привела в конце IX в. к усилению халкидонского толка Мцхетского католикосата. Приглашение на царство цанарских мтаваров – непоколебимых сторонников греческого православия, должно было завершить этот процесс в Эрети[49]. Добавим, что столица – г. Шакки к X в. имела также соборную мечеть и известную часть мусульманского населения[50].

Масуди о «царстве Санария». Уместно привести здесь отрывок из труда великого Масуди (896–956), опубликованного В.Ф. Минорским в отношении Цанаретии и Шакки (Эрети): «…между пограничной областью Тифлис (Тбилисский

[47] Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 16–18, 21.

[48] Еще три эриставства было известно в Кахети. – См.: Мусхелишвили М.Л. Указ. соч. С. 44–45.

[49] См.: Лордкипанидзе М.Д. Эрети // Очерки истории Грузии в 8 т. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 269–280; Митрополит Анания Джапаридзе Двинский церковный собор (506г.): [Электронный ресурс]. URL: http://www.kavkazplus.com/news.php? id= (дата обращения 14. 10. 2018).

[50] Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 39.

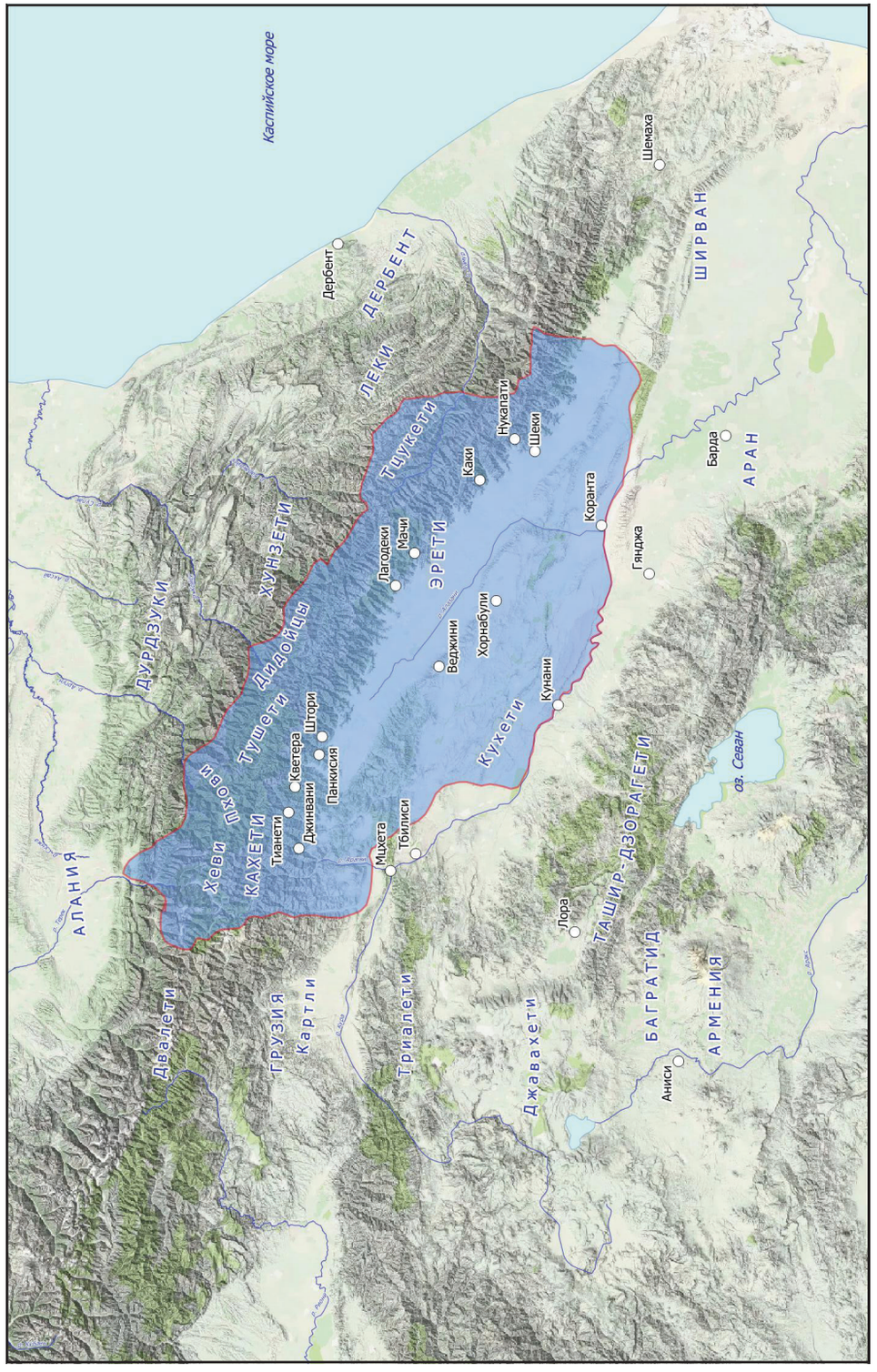

Рис. 37. Кахо-Эретское (нахо-цанарское) царство (XI – нач. XII в.) в период расцвета (в основе современная немецкая карта)

эмират. – Авт.) и уже упомянутой крепостью "Аланские ворота" лежит царство *Санария* (Цанар). *По-грузински ц›анар – мужественные горцы, жившие у Кавказского перевала, позже расширившие свои владения на восток, в Кахетию (см. Худуд, стр. 400). Мас›уди считает их соседями Шакки, т. е. смешивает их с кахетинцами, тогда как основные цанары, вероятно, были чеченского*[51] *происхождения* – (Примеч., выделенные курсивом, В.Ф. Минорского. – Авт.), царь которого называется корискус (*греческое хорэпископос*), что является обычным титулом здешних царей…»[52].

Население царства Эрети было представлено носителями разных кавказских языков (в т.ч. обозначаемых как албанские), включая, и нахские (исходим в этом предположении также из признания общественными группами Эрети после прекращения местной династии власти нахо-цанарского государя, несмотря на наличие многих династических охотников из тех же грузин и армян). В литературе последних лет, к сожалению, в отношении этнического сотава Эрети не только нет продвижения, но более того, есть опасность, что указанной проблеме грозит приобрести полемический, а не конкретно-исторический характер[53]. Добавим в заключение, что политике правителей Цанарского государства на протяжении всей трехвековой истории была присуща одна важная черта – они, как правило, присоединяли районы Закавказья с этнически им близким населением.

Хозяйственный расцвет Кахо-Эретского царства. Весьма важно то обстоятельство, что под его, Квирике III, властью оказалась вся плодородная (правда, главным образом для выращивания винограда), с благоприятным климатом Алазанская долина, протяженная по обоим берегам р. Алазани до 150–200 км. Именно она и стала своеобразным хозяйственным центром всего государства, благодаря, в первую очередь, поощрению развития виноградарства. Между тем, так было не всегда, еще на рубеже новой и старой эры великий Страбон в своей «Географии» отмечал крайнее неплодородие здешнего края, в частности, правобережья той же Алазани – «Проход из Иберии в Албанию идет через безводую и каменистую область Камбисену к реке Алазонию»[54]. Малонаселенная область Камбисена/Камбечани, рано вошедшая в состав Эрети, располагалась между течением Алазани и Йори в широтном направлении. То обстоятельство, что был

[51] В период жизни В.Ф. Минорского (1877–1966) тема автохтонного нахского населения Закавказья не была еще разработанной.

[52] Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963. С. 210–211.

[53] См.: Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 26–29; Сулейманова Севда. Этнополитическая история Северо-Западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия Национальной академии наук. Серия истории, философии и права. № 4. 2004. С. 51–82; Айтберов Тимур. Второе Албанское царство и его роль в истории аварского народа // Историко-культурологический онлайн-журнал «PROMETEUS». № 8. 2010. С. 83–95; Насиби Юнис. Место Северо-Западного региона Азербайджанской Республики в истории и в современной грузинской историографии: [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu›14397196…В…И…ГРУЗИНСКОЙ_ИСТОРИОГРАФИИ (дата обращения 14.10.2018); и мн. др.

[54] Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского. М. 1964. Кн. XI. Гл. IV. С. 476.

возрожден к жизни малопригодный к земледелию значительный край, еще раз подчеркивает созидательную деятельность Квирике III Великого.

Следует отметить, что пастбища Алазанской долины Кахо-Эретского царства исторически являлись привлекательными для всех горных нахских обществ Восточного Закавказья – те же пшавы, тушины, хевсуры, мтиулы и т.д., которых в источниках средневековья называли обобщенно кавкасианы, дзурдзуки и цанары. Вместе с тем в современной грузинской историографии в составе средневековой области Кахети (с Эрети) указывают т.н. «Горные области»: Пхови (Пшави и Хесурети), Тушети, но также земли за Кавказским водораздельным хребтом – верховья р. Ассы, Аргуна (Горная Чечня и Ингушетия), «Дидоэти», «Хундзети» и «Цукети» (Нагорный Дагестан)[55]. Это обстоятельство, наряду с осмыслением фактов распространения картло-кахетинским духовенством христианства в Горной Чечне, Ингушетии и в Дагестане (вплоть до Анди и Хунзаха) предстоит исследовать в политическом ключе.

Получаемые в виде налогов обширные средства позволили Квирике Великому развернуть невиданные для своего времени строительные проекты – царские дворцы в нескольких районах, храмы и монастыри, из которых выделяется комплекс Алаверди (собор святого Георгия, монастырь и дворец епископа Алавердского, защищенные крепостными стенами); указанный собор самый крупный рукотворный памятник средневековья в границах исторической Грузии (высота до 50 м). Он же построил новую столицу государства – город Телави.

Рост мощи и международного авторитета в Закавказье Квирике III Великого. Разгром аланского войска Урдуре. Новый царь объединенной Абхазии и Картли Георгий I (1014–1027) претендовал, как известно, на верховенство не только над Абхазией, Западной Грузией (Эгриси), Картли, но и Кахети с Эрети. Его тяжелое царствование пришлось на полномасштабную войну с Византией, восстания представителей собственной знати и т.д. Поэтому Георгий I, объективно нуждаясь в таком союзнике, как Квирике III, убрал из своего наследственного титула упоминание о сюзеренитете над «раны (эретинцы и албаны)» и «кахи». Так, известно, что в кровопролитной войне с византийским императором Василием Болгаробойцой Георгий приглашал на помощь (и, видимо, не раз) военные силы «цанаров и щаков» (из Эрети)[56].

О выдающейся государственно-политической деятельности Квирике III (1010–1037) достаточно привести замечательную справку, составленную в XVIII в. великим грузинским ученым своего времени Вахушти Багратиони (где, кстати, расписаны и все земли, входящие в его царство):

«А в Эрети умер Ишханик[57], и не осталось никого, кроме царицы Динар... тот же Квирике захватил Кахети и также Эрети и назвался царем кахов. Хотя эриставы

[55] Чеишвили Г., Тордиа А. Кахети // Православная энциклопедия. Т. 27. М., 2013. С. 127.

[56] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах // Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008. С. 228–229.

[57] Независимое княжество, а затем и царство Эрети (претендовавшее на все албанское наследие) существовало в VIII–X вв. под властью князей из рода Багратуни. Ишханик

и сидели в Эрети, но царь Квирике более укрепил и посадил троих [эриставов] в Кахети и четырех в Эрети и одного кахетского в Рустави и дал [ему] весь Кухети, то есть Нагеби, Караиа, Чадивар-Самгори, Уджарма, Лило, Марткопи, Грдани, Херки и Тианети вдоль [реки] Арагви до Живани. Второго посадил Кветерского и дал [ему] междугорье выше Уджарма, которые [горы] суть Кахетские и Кухетские [и тянутся] до Кавказских гор и за ними. Это есть Эрцо-Тианети, пховы, дзурдзуки и глигвы. Третьего – Панкисского или Марилисского, и дал [ему] выше эретских границ до Кавказских гор и Кахетских гор вместе с Тушети. А в Эрети первого посадил в Хорнабуджи или Хоранта и дал [ему] Кисики и Гарекахети до кухетской границы, междуречье Алазани и Мтквари и эретских гор. Второго [посадил] в Веджини и дал выше границы Кисики до ущелья Турдо и [землю] между Алазани и Эретской горы, иже есть внутренний Кахети. Третьего [посадил] Мачинским и дал [ему] низовья [реки] Мачисцкали и к востоку от Алазани вместе с Шакихи и Хунзахи. Четвертого [посадил эриставом] Шторским и дал [ему] от Шторского ущелья до Мачисцкали и к востоку от Алазани вместе с Дидоети, иже есть Заречье.

И он же объединил вновь Кахети и Эрети. Он же воздвиг дворец искусный в Тианети. Он же превратил Телави во дворец и стольный град Кахети и Эрети. Квирике разбогател и стал могущественен, и поэтому прозвали его Великим, ибо впервые воцарился он и содеял то, о чем писали [выше]. Он же помог царю Баграту над ранами. На него же, царя Квирике, напал царь осетин (аланы. – Авт.) Урдуре (что могло быть интригой абхазского царя Баграта IV (1027-1072), успевшего после смерти первой супруги жениться на дочери Урдуре Борене[58]. – Авт.). Сей Урдуре прошел дорогу дзурдзуков и глигвов и вступил в Тианети и опустошил Кахети. Бился с ним царь Квирике с собранным войском и в сильном бою осетины были побеждены, и убили кахи царя осетин Урдуре и перебили осетин… (захваченные в плен были обращены в рабство. – Авт.)» [59].

Возможно, указанное событие датируется между 1027 и 1032 г. Если верить источнику – Урдуре (видимо, не решившийся войти в Дарьяльское ущелье, контролируемое цанарами) пошел с войском трудным и редко используемым путем по течению Ассы и Галанчожскому ущелью исторической Чечни, перешел в общество Галгай (Глигви) исторической Ингушетии (подвластное Квирике), откуда и вышел через перевалы в Закавказье на запад в тылы державы Квирике. В источнике, кстати, наблюдается использование этнотопонима «дзурдзуки», который, как правило, распространялся на определенном этапе на закавказский нахский кластер, а позже и на «чеченский» нахский кластер Северо-Восточного Кавказа.

Возможно, что поход Урдуре привел Квирике III к необходимости укрепления своих позиций в небольшом нахском обществе Глигви (Галгай) и сооружению (или к перестройке ранее существовавшего) однозального храма (Тхоба/Тхаба/Ткоба-Ерды)[60].

был третьим и последним царем Эрети (не оставил наследника), правившим в 943-951 гг.

[58] Картлис цховреба. История Грузии… С. 154.

[59] Багратиони Вахушти. История царства Грузинского. Мецниереба. Тбилиси, 1976. С. 128–129.

[60] О храмах Ингушетии: Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV

Размеры территории. Благодаря всем этим данным есть возможность указать хотя бы приблизительно площадь владений великого хорепископа цанар, царя кахов и эров. Так, согласно А.К.Шагиняну, «область Цанария» (район Аланских ворот) равнялась 2325 кв. км, область выше Мцхеты между Лиахви и Йори до Крестового перевала имела площадь 6235 кв. км и относилась как этнически, так и политически к владению Цанаретия. Площадь Кахети и Кухети равнялась 3594 кв.км (без части западной полосы, некогда колонизованной Картли), а Эрети (бывшее царство албанских/алванских Багратидов, доставшееся цанарам) имела площадь 23000 кв.км[61]. Итого – 35 164 кв. км. не считая вассальных территорий на севере и собственно в Картли.

Политическая деятельность кахо-эретского царя. Возросшее значение Квирике на политической арене Кавказа подчеркивалось еще тем, что он был одним из немногих, кому император Византии даровал титул магистра, высшее государственное звание империи (звания куропалат и патрикий, традиционно присуждаемые представителям высшей грузинской и армянской знати, относились к придворным и почетным титулам). Возможно, это было сделано в противовес главам Абхазского царства, с которым Византия регулярно вела войны. Также Квирике чеканил собственную монету с изображением Георгия Победоносца и с именами багдадских халифов, от которых он получал инвеституру.

В числе важных внешнеполитических деяний в самом начале правления Квирике можно назвать формирование им коалиции против Фадлона/Фадлун – правителя большого и сильного Гянджинского эмирата, подчеркнуто враждебного христианским государствам Закавказья. Хотя последние так же, как и он, являлись вассалами Арабского халифата. По инициативе Квирике пришли в его царство с войсками зять Давид (женатый на сестре Квирике) – царь армянского государства Ташир-Дзорагет, абхазский царь Баграт IV, и Джафар – эмир Тбилисский. Как рассказывает «Летопись Картли», в открытом сражении союзники «обратили Фадлона (эмира Гянджи. – Авт.) в бегство, истребили его войско, взяли добычу и несметные сокровища»[62].

Будучи бездетным, Квирике Великий усыновил сына своей сестры (Зоракцел) – Гагика, отцом которого был царь второго по величине армянского царства Ташир-Дзорагет – Давид Кюрикид. Трон перешел к Гагику после смерти его дяди, случившейся, скорее всего, в 1037 г. Как утверждает «Летопись Картли», во время царской охоты «великий царь кахетинцев Квирике… был убит неким рабом-осетином за то, что царь Квирике убил в сражении осетинского царя Урдуре. [Царь Квирике был убит в силу кровавой мести], во время охоты [в горах Пирдази осетином-рабом]»[63].

века. Владикавказ, 2002. С. 112–119.

[61] Шагинян А.К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014. С. 334–335.

[62] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 154; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 117.

[63] Там же. С. 154.

Рис. 38. Монеты кахо-эретского (цанарского) царя Квирике III Великого (увеличение)

Смерть Квирике Великого совпала с новым этапом наступления соперников по объединению страны, которые, пользуясь благоприятной политической ситуацией в регионе, возобновили военно-политические действия.

В августе 2017 г. средства массовой информации сообщили об обнаружении в Грузии могилы Квирике с надписью: «Царь ранов и кахов» в монастырском комплексе Давид-Гареджи у села Калаури Гурджаанского района (на востоке Грузии, в исторической Эрети).

Деятельность этого выдающегося правителя в истории Закавказья конца раннего средневековья в какой-то мере исследована в контексте взаимоотношений феодальных государств Закаказья того времени и воздействия внешних сил. Но полноценного, достойного исследования деятельности государственного человека, не только воина и политика, но и созидателя, поднявшего целый регион к хозяйственной жизни, строившего города, крепости, дворцы и храмы, к сожалению, нет.

§4. Закат Кахо-Эретского нахского царства

Правитель Гагик I (1038–1058). Внешнеполитические успехи. Взятие Тбилиси. Царь Гагик продолжил политику своего дяди Квирике Великого по укреплению Кахо-Эретского царства и, видимо, в конце 30-х гг. XI в. с поддержкой армянского государства Ташир-Дзорагета попытался присоединить Тбилиси. В его планах была и левобережная (по Куре) полоса Картли, принадлежавшая Тбилисскому эмирату, на которую претендовал также Баграт IV Багратиони/Багратуни, правитель Абхазского царства (1018–1072). Потому Баграт отчаянно сопротивлялся планам Гагика, стравливая кахетинских эриставов с их царем, но тот в 1045/46 г. сумел все-таки взять Тбилиси – большой торговый город, имевшей важное значение как исторический и политический центр Картли. После чего Баграт открыл большую войну против царства Гагика и захватил ряд пограничных районов, крепостей, пленив также знатных эриставов. В дальнейшем политическая ситуация не раз менялась, но Кахо-Эрети всегда находилась теперь на стороне противников Баграта[64].

Война шла с переменным успехом и затянулась на годы, но к концу в целом успешного правления Гагика (умер в 1058 г.) и начала правления его сына Ахсартана/Агсартан I (1058–1084) Баграт фактически достиг военно-политического преобладания в Картли и даже взял в 1065 г. столицу союзного цанарской династии царства Ташир-Дзорагет. Однако в пику Баграту IV правящие в Тбилиси старейшины, изгнавшие всех претендентов на эмирский престол, передали ключи от города царю Ахсартану в г. Шакки. Владение Ахсартана на тот момент простирались на востоке до Шемахинских гор, выходя едва ли не к известному городу Шемахе.

---

[64] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 154–155; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 120–121, 126–127; и др.

Нашествия алан. Интересно отметить, что 1062 или 1065 г., а также, возможно, дважды (в 1062 и 1064/5 гг.) крупные силы северокавказских алан прошли через Дарьяльское ущелье и, взаимодействуя с «сарирцами» и русами-норманами, разграбили «Арран» (Восточный Кавказ); в 1064/5 г. они вновь повторили поход, и на этот раз действуя, как говорят арабские источники, «в союзе с неверными Шакки» преодолели сопротивление мусусульман и захватили богатую добычу и большое число пленных[65]. «Неверные Шакки» – это, естественно, Кахо-Эретское царство (Шакки – одна из провинций Эрети и одноименный город) цанаров во главе на тот момент с царем Агсартаном/Ахсартан. Это сообщение арабских авторов говорит о вполне союзнических отношениях северокавказских алан и Кахо-Эретии, тем более, что только с разрешения цанар аланы могли воспользоваться Дарьяльским проходом.

Сельджуки и исламизация Ахсартана. Сложилось так, что в тех же 60-х гг. XI в. в ходе нашествия на Кавказ с востока сильнейших на всем Востоке тюрок-сельджуков (установивших протекторат даже над багдатскими халифами) царь Ахсартан I вошел в переговоры с султаном сельджуков Алп-Арсланом, принял ислам, выплатил харадж и вместе с новыми покровителями двинулся войной (1067 г.?) на грузинские владения; это произошло в то время, когда Баграт вторгся со всеми силами в царство Кахети-Эрети. Теперь Баграт был вынужден отсюда бежать, а присоединенная им Картли была разграблена и устлана трупами[66].

С этого времени в некоторых арабских и сельджукских источниках (по свидетельству М.Л. Мусхелишвили) Ахсартана именуют «царем Курджов (грузин. – Авт.) и Шаккинцев», а его Кахо-Эретское государство – «страной Шакки и Джурзан (Картли. – Авт.)». Хотя, вопреки мнению М.Л. Мусхелишвили, это вовсе не оначает «грузинизацию» Кахети-Эрети[67], а скорее усиление нахского государства на общегрузинской арене, с распространением суверенитета Ахсартана на Картли.

Борьба Ахсартана за объединение грузинских земель. В 1074 г. омусульманенный Ахсартан I (переживший своего врага Баграта IV) совместно с наследником Баграта Георгием II (здесь нумерация идет по другой линии, чем в период абхазской династии) разгромил очередного сельджукского полководца Саранга, вторгшегося в земли исторической Грузии у Парцхиси. Однако через два года сельджуки не только разграбили земли как Восточной, так и Западной Грузии, но и начали освоение земель близ Тбилиси по Куре и по обоим берегам Йори, заполняя их кочевниками. Все правители Закавказья признали верховную власть сельдужкского султана Мелик-шаха, а Георгий II поспособствовал на этот раз разорению исторического соперника – царства Кахети–Эрети, жители которого бежали в горы. Если верить автору рукописи «Жизнь царя царей Давида», написанной в первой половине XII в., царь Георгий II (1072–1089) наладил настолько дружеские отношения с третьим сельджуксим султаном Малик-шахом (1072–1092),

[65] Алеманъ А. Указ. соч. С. 357–359.

[66] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 159–160; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 133–135; Его же: Царство Кахети-Эрети и армяно-грузинские отношения (XI в. – начало XII в.) // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, № 11. Ереван, 1981. С. 102.

[67] Мусхелишвили М.Л. Указ. соч. С. 42–43.

успевшим разграбить и его владения, что тот не только освободил грузинские земли, но и «подарил» вассалу право владения Кахети-Эрети с обязательством уплаты хараджа. И Георгий с мусульманскими войсками султана вошел в христианское царство цанаров и разорил район Кухети и земли по Йори с такой жестокостью, что даже спустя полвека они оставались в запустении. Однако Ахсартан, в свою очередь, лично явился к Мелик-шаху и в результате искусной дипломатии добился восстановления своей власти над своим царством[68].

Квирике IV и Давид IV Строитель. Ахсартан I правил до 1084 г. Ему наследовал Квирике IV (1084 – 1102), который ислама не принимал и был вынужден вести осторожную политику лавирования между сельджукскими султанами, гянджинскими эмирами и Абхазско-Грузинским царством, окончательно овладевшим в этот период южногрузинскими княжествами и Картли.

Когда на трон объединенных царств Абхазии и грузинских земель взошел еще при жизни отца Давид IV Строитель (1089–1125), стала подходить к концу и история независимого нахского государства. В Кахети и Эрети еще «царствовал Квирике – (Квирике IV. – Авт.) муж, который, будучи царем, властвовал и над своими страстями, истинный христианин. Дал Бог [удобное] время царю Давиду, и он отнял у Квирике крепость Зеда-Задени (Зедазени)[69]. И приумножились его победы и величие. … Прошел год, скончался Квирике, и посадили кахи на царство сына его брата Ахсартана, не имевшего даже признаков подобающих царю свойств; был он человеком злоязычным, беззаконным и несправедливым по своему невежеству…».

Феодалы Эрети, где находилась столица царства, совершенно отчаявшись, схватили в 1104 г. Ахсартана II и передали его в руки Давида IV Строителя вместе с короной «царя кахов и ранов»[70].

Конец Кахо-Эретского цанарского государства. Эрцухская битва. Царство Кахети-Эрети считалось государством вассальным по отношению к империи Сельджукидов. И не все представители знати, особенно коренные нахи-цанары, были согласны с подчинением чуждому правителю. Поэтому в том же 1104 г. в местности Эрцухи на юго-востоке Эрети Давиду пришлось вынести беспощадную битву на уничтожение с объединенными войсками цанаров-кахетинцов, мусульман Гянджи и воинов сельджукского султана. Битва, в которой Давид принял личное участие, была настолько ожесточенной с обеих сторон, что под ним было убито три коня, и только на четвертой лошади он завершил победой кровавое сражение[71].

Эрцухская битва, помимо проявления всех воинских доблестей подлинно великого человека, каковым был Давид IV Строитель, ознаменовала конец един-

[68] См.: Жизнь царя царей Давида // Картлис цховреба. История Грузии… С. 181–183; Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 140–142.

[69] Крепость и монастырь Зедазадени находились в 8 км северо-восточнее Мцхета на границе Цанаретии-Кахети и Картли.

[70] См.: Жизнь царя царей Давида // Картлис цховреба. История Грузии… С. 184–185; Мкртумян Гамлет. Указ. соч. С. 95–105. С. 103–104.

[71] Картлис цховреба. История Грузии… С. 185–186.

ственного нахского государственного проекта в Закавказье эпохи раннего средневековья. Кахети и Эрети становятся на тот момент не более чем провинциями централизованного грузинского государства. Горные общества нахов Хеви и Мтиулети возвращаются в прежнее состояние.

Царь Давид стал теперь именоваться «царем абхазов и картвелов, ранов и кахов,..»[72], под последними в то время понимались именно нахи-цанары. В 1121 г. Давид Строитель нанес поражение нашествию огромных сил сельджуков в Дидгорской битве, после чего вошел в Тбилиси и завершил историческую миссию объединения грузинских и горских земель Закавказья в единое государство.

Конечно, горные районы Закавказья (собственно Цанаретия), ставшие некогда застрельщиками общегрузинской борьбы против захватчиков, новым правителям страны предстояло еще приводить к реальному подчинению. Но оказать более или менее серьезное сопротивление без поддержки этнически близких народов, живущих в предгорно-плоскостных районах Грузии и Кавказа, нахи-цанары, рассеянные по своим ущельям и вольным обществам, лишенные государственной организации и своих монархов, уже не могли. Как оказалось, время горцев-нахов Закавказья ушло с падением власти Халифата, да и Византии, не позволявшим усиливаться здесь одной организованной силе.

Правда, в правление внука Давида Строителя царя Георгия III (1156–1184) в Эрети отмечена (в 70-х гг. XII в.) попытка восстановления политической самостоятельности, причем с широким участием горцев Кавказа. Как рассказывает одно из средневековых грузинских сочинений: «Они (войска царя. – Авт.) прибыли в Эрети. Их там встретили эристав Эрети и все эры вместе с лезгинами и обитателями Кавказских гор. Завязался жестокий и тяжкий бой, ибо сражались опытные и льву подобные рыцари. Бог, творящий суд и расправу, победил, и обратили в бегство эров, захватили в плен именитых азнауров и лезгин»[73].

Более того, с окончанием формирования грузинского централизованного государства даже имя цанар исчезает скоро из бытия, оставив нам всего лишь различные названия отдельных обществ и ущельных объединений, а также высокомерные уничижительные оценки представителями грузинской знати героических и жертвенных горцев.

Выводы. Исследованный материал показывает, что в течение своей почти 4-х вековой истории цанары и Цанаретия, являясь своеобразным системообразующим центром не только горных районов центральной части Закавказья, но и выступая претендентом на политическое объединение всей Грузии и гегемонию в Закавказье, объективно выступили активными участниками больших исторических процессов, событий и явлений.

В ходе взаимодействия и войн с Арабским халифатом произошло образование нахского Цанарского (Кахетинского) государства с центром, охватывавшим Дарьяльский проход и Кахетию в Закавказье со своей правящей династией. При цанарском князе «великом хорепископе» Григоле (787–827 гг.) и позже территория

[72] См.: Мкртумян Г.Г. Указ. соч. С. 144–147.

[73] История и восхваление венценосцев // Картлис цховреба… С. 251.

Цанарии-Кахетии растет за счет присоединения новых владений на западе (до р. Ксани), на востоке (Эрети) и на юге (Гардабани). Присоединены были на западе нахские районы по западную сторону от Дарьяльской дороги (Двалетия), а на севере верховья Аргуна и дагестанские общества Дидо и Хунзах. Цанаретия как христианская держава претендовала на роль объединителя и собственно крупных закавказских народов и земель.

В 853 г. цанары выступили застрельщиками в борьбе с нашествием огромной 120-тыс. арабской армии полководца Буга Старшего. Однако это эпохальное для своего времени событие – разгром, пожалуй, последней в истории Халифата мощной армии, способной завоевать не только Кавказ, но и Восточную Европу и, в принципе, нацеленной двинуться на север за Кавказский хребет, нельзя считать в строгом смысле исследованным равнозначно событию. Ввести это историческое событие в адекватный курс истории того же Халифата, современных государств Закавказья и Российской Федерации – остается актуальной задачей.

В X в., имея близким союзником Тбилисский мусульманский эмират, выступавший за независимомть от багдатского халифа, хорепископство растет территориально и политически, выступая одним из претендентов на объединение всего Закавказья. В начале XI в. грузинские источники сообщают о новом возвышении цанаров: Квирике III (1010–1029 гг.) Великий был провозглашен кахо-эретским царем. Против него организовал захватнический поход вождь северокавказских овсов-алан Урдуре с 30-40 тысячным ополчением, который дошел через Кавказские горы до Кахетии и был разбит.

За этими скупыми данными скрываются эпохальные для нахоязычных горских народов и племен события и потрясения. В 1029 г. царь Квирике III Великий погиб, а к 1110 г. данное нахское государство было объединено с Картли и Западной Грузией, причем царем из абхазской династии, породненной с армянско-грузинской правящей фамилией Багратиони (имевшей урартские корни) Давидом Строителем.

Приходится с сожалением констатировать, что на сегодня содержательная часть истории не только выдающихся цанаров, создавших сильное государство, но и в целом нахов Закавказья эпохи раннего средневековья – этноса, под разными этноплеменными и географическими названиями населявшего значительные районы современных государств Армении, Грузии и Азербайджана и сыгравшего в их истории немаловажную роль, в историографии и в общественном сознании народов Кавказа отражена слабо.

Глава XIII.

НАХИ КАВКАЗА В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (с конца XI – по начало XIII в.)

§1. Изменения в состоянии нахского этномассива южных склонов Главного Кавказского хребта

К периодизации истории кавказских нахов позднего средневековья и состояние источников. В истории нахского этномассива Закавказья особый интерес представляет время с конца XI – начала XII в., когда прекратило свое существование нахское (цанарское) Кахо-Эретское царство, сформировалось централизованное Абхазо-Грузинское государство, по первую треть XIII в. (накануне разрушительного монгольского нашествия).

Эпохальным для истории всех нахских народов является также период с 40-х гг. XIII в. по конец XV столетия – эпоха владычества Улуса Джучи (Золотая Орда), время нашествия среднеазиатского завоевателя Тимура на Закавказье, Северный Кавказ и Золотую Орду (1386–1396 гг.) и становление крупнейшей на то время нахской земли Кавказа – Чечни, на протяжении XV в.

Следует подчеркнуть, что основными источниками в деле изучения истории нахов Кавказа эпохи позднего средневековья являются, в первую очередь, грузинские исторические хроники, собранные в своде «Картлис цховреба». Данный свод состоит из исторических нарративов, в которых изложено видение истории Грузии средневековыми авторами с библейских времен до конца XV в. Он пополнялся с XII в. вплоть до первой половины XIX в. и представлен в нескольких списках. Важнейшими в плане нашей темы можно, бесспорно, назвать из этого сборника анонимные «Летопись времен Лаша Георгия», «История и восхваление венценосцев», а также «Столетняя летопись»[1].

Большую самостоятельную научную ценность, в т.ч. в плане нашей темы, представляют сводные труды по географии и истории Грузии с элементами научного исследования Вахушти Багратиони (царевич Вахушти), автора первой половины XVIII в. (использовавшего подлинные грузинские средневековые документы), а также различные грузинские хроники[2].

[1] См: Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008; Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979.

[2] См.: Царевич Вахушти. География Грузии / Пер. М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 24. Вып. 5. Тифлис, 1904; Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Пер. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976; Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа / Пер. Г.В. Цулая // Кавказский этнографический сборник. Т. VII. М.: Наука. 1980; и др.

В таком же ключе можно рассматривать нарративные труды армянских средневековых авторов, отразивших трагическую судьбу не только армянского народа, но и других народов Кавказа в XIII–XV вв.[3]

Важнейшим пластом источниковой базы исследуемого вопроса, безусловно, представляются арабоязычные сочинения исторического и географического свойства, содержащие ценные материалы в т.ч. и о действиях монголов, а затем и Тимура (Тамерлана) на Кавказе и в Предкавказье. Это, в первую очередь, труды Ибн ал-Асира (Иззудди́н Абуль-Ха́сан А́ли ибн Мухаммад аль-Джазири; 1160–1233/34), Джувейни (Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувейни;1226–1283); Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани; ок. 1247–1318), Эломари (Шихабеддин Абулаббас Ахмед Ибнфадлаллах Эломари; род? – умер в 1348 г.)[4], и др.

Некоторые сведения документального свойства о горцах-нахах и северокавказских аланах, которые невозможно найти в других источниках (до и в период монгольского нашествия), содержатся в китайских и монгольских вариантах исторических сочинений «Юань-ши» и «Тайной (сокровенной) истории монголов», повествующих в т.ч. о завоевательных действиях монгольских ханов и полководцев на Кавказе и в Европе[5].

Необходимым является и привлечение сведений западноевропейских путешественников и авторов XIII–XV вв., которые оставили некоторые прямые и косвенные материалы о территории нахов, роли горских народов и алан в международных отношениях затрагиваемого времени (Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Иосафат Барбаро, Иоганн Шильтбергер и др.)[6].

3 Киракос Гандзакеци. История Армении. Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976; и др.

[4] См.: Ибн ал-Асир (далее Ал-Асир). Полный свод всеобщей истории. Кн.12 // Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1940; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1–3. М.-Л., 1946-1960 (а также: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941); Джувейни. История завоевателя мира // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941; Из соч. Ибнфадлаллаха Эломари (далее Эломари) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. 1. СПб. 1884.

[5] См.: Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археологии Императорского Русского военно-исторического общества. Т.3. Петроград, 1914; Его же: История монголов (Юаньши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1914; Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1940; Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань, 2001. С. 30–42; Храпачевский Р.П. Монгольские и китайские источники XIII–XIV вв. о Восточной Европе // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 2. Минск, 2007; и др.

[6] См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В. К. Гарданов. Нальчик, 197; Ахмадов Я.З. Европейские авторы XV–XVI вв. о горских народах Северного Кавказа (вопросы исторической географии и политической

Определенное значение имеют для разработки заявленной темы местные, арабоязычные дагестанские и восточнокавказские источники, извлеченные и опубликованные усилиями А.-К.А. Бакиханова, В.Ф. Минорского, Л.И. Лаврова, А.Р. Шихсаидова, Т.М. Айтберова и др.[7]

Значительную часть данных об этнокультурных процессах на территории северокавказского нахского этномассива того времени – горных областей Чечни, Ингушетии и Осетии (Балкария и Карачай, судя по всему, рано и основательно тюркизированы) – дают исключительно археологические, фольклорные и этнографические данные[8].

Вопросы внутриполитического и внешнеполитического положения горских народов Кавказа в XIII–XV вв. (включая нахов-чеченцев), нашествия монголов и ордынского господства на Северном Кавказе были предметом изучения в работах таких историков, как: З.В. Анчабадзе, Е.П.Алексеева, Г.Х.Ичалов, А.Е. Криштопа, В.А. Кузнецов, Л.И.Лавров, Э.В. Ртveладзе, Х.А. Хизриев, А.Р. Шихсаидов, и др.[9] Защищена в 2010 г. и докторская диссертация Е.И. Нарожным на тему «Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия»[10]. Основные соображения последнего автора ожидают еще своего осмысления.

Таким образом, можно отметить, что затрагиваемый период в истории Кавказа в целом и Северного Кавказа в частности, имеет на сегодня довольно основательную научно-исследовательскую проработку и насчитывает обширную и разнообразную литературу. Но, вместе с тем, вопросы этнополитического положения собственно нахского этномассива Кавказа в указанный период целенаправленно не затрагивались. В какой-то мере грузинская историческая школа и на сегодня сохраняет интерес к средневековой истории нахов, но, скорее, как к «компоненту» истории Грузии и грузинского народа.

истории) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 40–55; Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010.

[7] Бакиханов А-К.А. Гюлистан – Ирам. Баку, 1926; а также новое издание: Бакиханов Аббас-Кули-ага. «Гюлистан-и Ирам». Баку, 1991; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента в XI вв. М., 1962; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. на арабском, турецком и персидском языках. В 2-х частях. Ч. 1–2. М., 1966–1968; Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.,1993; и др.

[8] См.: Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966; Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984; Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. / Сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахгильгов. Грозный, 1986; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный, 1992. См. Приложение. С. 114–164; Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Чечни. Из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 годах // Культура Чечни: история и современные проблемы. Изд. 2-е / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М., 2006. С. 28–40; Сокаева Д.В. Легенды и предания Осетии: контекст традиции. Владикавказ, 2010; и др.

[9] Их взгляды нашли обобщенное отражение в гл.8–10 «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века». М., 1988; По источникам монгольского времени см.: Храпачевский Р. Монгольские и китайские источники XIII–XIV вв. о Восточной Европе…; Мухаметов Ф.Ф. Источники монгольского периода и их общая характеристика // Депонирована: УДК 94(47) / ББК 63. 3ю (2) 42–861 / М92; и др.

[10] Нарожный Е.М. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореферат дисс… докт. ист. наук. Владикавказ, 2010.

Границы расселения нахов Большого Кавказа. Как известно, границы расселения кавкасионского горного типа (главным образом носителей нахских языков) на Кавказе в средние века источниками разного происхождения определяются в пределах от западной оконечности Кавказского хребта до границ Дагестана на востоке. И далее: от горных районов Грузии (ущелья Главного Кавказского и Бокового хребта в пределах верховьев Риони, Большой Лиахвы, Терека, Арагви, Аргуна, Йори и Алазани) на юге до Ставропольской возвышенности и течения Кубани, Терека и Сунжи – на севере. Однако, если на плоскости Северного Кавказа в домонгольский период автохтоны и проживали, то входили в той или иной степени в более мощные степные системы того периода (с конца IV в. по начало XIII вв. это сменяющиеся Гуннский союз, Великая Булгария, Хазария, Алания, кипчакские орды и, наконец, Улус Джучи).

На данной территории в XI–XIII вв. указываются и такие крупные и менее крупные этнические группы, как: рачинцы (христианизированные еще к VII–VIII вв.), двалы, дзурдзуки/дурдзуки, цанары/санары, кусты/киштy/кистины, мелки, глигвы, туши/тушины, рачинцы, хеви (мохевцы), хевсуры (чеч. пхьой и шедлой), мтиулы, пшавы, аланы/асы/овсы, нахче/нахечматьяны, басиани/асиаг и алани (балкарцы и карачаевцы). Ареал обитания горских народов как таковых занимал районы горной части современной Грузии (от верховьев р. Риони и течения Лиахвы на западе до впадения Алазани в Куру и далее на восток), а на Северном Кавказе примерно от истоков рр. Большая Лаба и Уруп на западе до восточных границ современной Чечни с Аухом на востоке[11].

В целом географическими соседями собственно нахских обществ как Закавказья, так и Северного Кавказа являлись: на западе грузины Имеретии, сваны, абхазы и адыги, на востоке объединения дагестанских аулов, прежде всего, андо-цезской зоны за Андийским и Снежным хребтами, и (в указанный период) албанские районы, входившие в исламско-тюркские эмираты; на юге нахский этномассив граничил с грузинами-картлийцами, а на севере с аланами и кипчаками.

Процессы христианизации и картвелизации. За длительный исторический период, прошедший от эпохи кобанской культуры бронзы до эпохи средних веков с кавказскими народами в целом и с нахским языковым массивом в частности, произошли значительные изменения. Прежде всего, сложился круг основного

[11] См.: Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья: (Из материалов по истории и языкознанию Кавказа). Тифлис, 1913 (современное переиздание осуществлено РОО «Оптимум»: Грозный, 2011); Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа М. 1973. С. 122–144; Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. Л., 1983. С. 38–40; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 90–93; Его же: К вопросу о нахском этномассиве на Кавказе (I–XIII вв.) // Труды КНИИ РАН. № 6. Грозный, 2013. С. 299–307; Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2010. С. 14–15; и др.

ядра нахов, охватывающий Горную Чечню (дзурдзуки, нахче, кисты) и Горную Ингушетию (глигвы). Другие горные общества к XI – началу XIII вв. были картвелизированы или находились в стадии картвелизации – это Рача (Лечхуми, Таквери), Двалети, Дзурдзукети (закавказская), Цанаретия, Хеви, Хевсурети, Пшави, Мтиулети, Тушети. Еще в VIII–XI вв. нахские общества истоков Терека и Арагви охватывало единое название: «Хеви Цанарети» – Санария, Цанаретия[12]. Отдельно стоит вопрос о Двалетии.

Двалетия. Глубокий анализ исторических данных о той же Двалетии, проведенный выдающимся грузинским историком В.Н. Гамрекели, и конкретные данные Вахушти Багратиони убеждают в том, что ущелья Большого Кавказа на запад от Дарьяльского ущелья до Рачинского хребта исторически заселяли известные с античных времен двалы, а собственно дзурдзуки/дурдзуки располагались к востоку от Дарьялского пути и до границ Дагестана (Дидоэти, Хундзети, Леки и др.) и районов бывшей Албании. Причем Двалетия (южная часть современного Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания и северная часть современной Грузии по Ксани и Лиахве) в период расцвета Абхазо-Грузинского царства (конец XI – начало XIII вв.) находилась под его политическим, религиозным и культурным влиянием, по существу включалась в его состав.

Известность этому району в источниках придавали и рассказы о неких рудниках золота и серебра, связанные, видимо, с выходами полиметаллических руд (Садонские рудники?). Горные двалы, по крайней мере до конца XV в., оставались одним из нахоязычных племен. Более того, еще в начале XVIII в., по свидетельству Вахушти Багратиони, они, кроме новоприобретенного «осского» (аланского), говорили еще и на «старом двальском языке». Нахское население имела также и Дзурдзукетия: в узком географическом смысле этот термин охватывает заброшенные (не позже XVIII в.) небольшие нахские высокогорные селения на истоках р. Армхи выше обществ Джайрах, Мецхал и бассейн небольших правобережных притоков Терека – Джута и Кистинка (Грузия); в широком смысле первоначально этот термин охватывал с XI в. все нахские горные общества закавказского и «чеченского» кластеров от верховий Терека и Арагви на восток до границ Дагестана[13].

Вопрос о Цанаретии. Данный этнотопоним, получивший широкую известность в VII–XI вв. в связи с антихалифатскими восстаниями в Закавказье и становлением Кахо-Эретского (Цанарского) государства[14], нами уже рассматривался в предыду-

[12] См.: о горногрузинских обществах с нахским элементом: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961; Мусхелишвили. Историческая география Грузии IV-X вв. // Очерки истории Грузии в 8-и тт. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 382–439; Чокаев К.З., Ахмадов Я.З. Дурдзуки (дзурдзуки), цанары (санары) // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2005. С. 96; и др.

[13] См.: Царевич Вахушти. Указ. соч. С. 141, 151–152; Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 137–145; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XШ веков. СПб., 1994. С. 20–21; Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, вяппи // Вестник Академии наук Чеченской республики. № 2 (31). 2016. С. 20–30; и др.

[14] См.: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 126–139; Гадло А.В. Указ. соч. С. 16–17; Ахмадов Я.З. Григол Великий – объединитель Восточной Грузии // Вестник ЛАМ. № 2. Грозный, 2001; и др.

щих разделах. Указанный этнотопоним к XII–XIII вв. практически перестает использоваться; в источниках, начиная с Л. Мровели, все чаще говорят о кавкасианах и дзурдзуках (причем последних все чаще относят уже к Горной Чечне), тогда как собственно общество галгайцев (ингушей) знают под историческим именем «глигви».

Тушетия, Хевсуретия, Дзурдзукетия, Пхоэти (Пшави). Можно предположить, что на пике расцвета грузинской монархии в конце XI – начале XIII вв. оказались в какой-то степени политически «освоены» такие горные области с нахоязычным на тот момент населением, как Двалети и собственно закавказская часть Дзурдзукети. Частично была картвелизирована и Тушетия. Однако топоним «Хевсурети» в тот период еще не упоминается, а на ее месте в «Картлис цховреба» указана либо Дурдзукети, либо «Пхоети». Собственно, Пшавское (Пховское) общество указывается к XII в. южнее района исторической Хевсурети Так, где-то в конце правления царицы Тамары Великой (1184–1213 гг.) согласно источникам, «отложились жители [Кавказских] гор пховцы и дидойцы» (общество Дидо/Дидоети в Дагестане, граничащее с Грузией). Против них был направлен атабаг-военачальник Иванэ с ополчением из двалов, горцев Большой Лиахвы и Арагви (позже мы знаем там, кроме Двалети, также общества Хеви и Мтиулети). И когда он достиг селений повстанцев: «С одной стороны (с северо-запада. – Авт.) у него оказалась страна Дзурдзукети, а с другой (северо-восток. – Авт.) – Дидоэти и Пхоети». Причем дзурдзуки «явились к нему (атабагу. – Авт.) с подарками, выставили воинов и стали рядом с ним»[15]. Кстати, это первое известие о появлении грузинских сил в названных районах Закавказья.

Вследствие того, что хевсуры не граничат напрямую с Дидоэти, а только через общество Тушетия, здесь надо полагать сведение дурдзуков в один лагерь с хевсурами, которые, в свою очередь, входили в этнокультурный круг с аргунскими нахскими обществами (Малхиста, Майста, Кей/Кий). В целом, на наш взгляд, хевсуры, тушины, пховцы/пшавы и закавказские дзурдзуки составляли некое внутреннее объединение «ваьппи/фаьппи» (хотя есть и другая точка зрения, что собирательным наименованием было понятие «пховцы»)[16].

Любопытно также отметить, что в дагестанских средневековых источниках происходит деление той же Тушетии на собственно Туш и Мосок. В перечне событий, относящихся примерно к XII в., отмечено, что наследник аварского (хунзахского) аристократического дома – нуцальства (грузинский термин), христианин Амирсултан жил после своего изгнания из Хунзаха «в Туше», якобы являвшемся подвластным, начиная с отца его Байара. Указанный Амирсултан предположительно и изгнал «мусульман» из Хунзаха с помощью горского ополчения из Туша, нахских (Чечня) и дагестанских обществ («Тарих Дагестан» Мухаммадрафи)[17].

[15] См.: Картлис цховреба. История Грузии… С. 291; Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 24–25,29, 85–86; Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск, 2010. С. 127–131, 148, 150–158; и др.

[16] Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, вяппи…С. 25–28; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. С. 213.

[17] Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и

Можно также предположить, что задолго до начала XIII в. шло и прямое заселение равнинными грузинами-картвелами хотя бы входов в горные ущелья (с достаточно редким коренным нахским населением) в период климатического оптимума VII–XII вв., когда на Кавказе повсеместно расширилась вертикальная зональность площадей в горах, благоприятных для земледелия[18].

Языковая ситуация в горной части Грузии. Все это, безусловно, сопровождалось христианизацией и проникновением картвельского языка в нахскую среду Закавказья. Связи современных горских грузинских диалектов населения таких районов, как Хеви, Мтиулети, Хевсурети, Тушети и Пшави (в период арабского владычества уверенно входивших в страну Цанарети, Санария/Цанария) с тем же современным нахо-чеченским языком, по мнению специалистов, «носят не столько характер заимствований, сколько отражают субстратный характер чеченского вклада»[19]. Однако для нас однозначно, что именно закавказское нахское население гор, близкое к чеченцам и ингушам, являлось глубоко самостоятельным автохтонным нахским кластером; оно явилось своеобразным субстратом для нынешних горских грузиноязычных групп.

Укажем, к примеру, современные оценки лингвиста Алексиса Шнайдера о языковой ситуации в горной части Восточной Грузии: «…пховские диалекты распространены на северо-востоке Грузии, частью – в Чечне и Дагестане. Имеют точки соприкосновения с нахско-дагестанскими языками, т.к. по происхождению являются картвелизированными цанарами, одним из нахских (дзурдзукских – в грузинской истории) племен южной части Кавказского хребта. Цанары играли значительную роль в Картлийском царстве (как мы знаем, государство цанаров претендовало на роль объединителя Грузии наравне с Картли и Абхазо-Грузинским царством. – Авт.).

Выделяют тушинский диалект, распространенный в горном Ахметском районе, именуемом Горная Тушетия – три села с незначительным населением. Остальные жители переселились в Нижнюю Кахетию. Тушинцы делятся на 4 родственных субэтноса, использующих в быту два тушинских говора и два бацбийских. Чагма и гомецари говорят на тушинском диалекте грузинского языка, пирикита и цова используют бацбийский язык нахской подгруппы.

Носители мохевского диалекта жили в пограничных юго- и североосетинских селах, в верховьях Терека, в Грузии, а районе Казбеги (область Хеви…) ...

Хевсуры, жители районов пограничных с Чечней и Ингушетией постепенно мигрируют из Хевсуретии («равнинная земля») в Кахетию. По легендам и псевдонаучным изысканиям считаются потомками крестоносцев.

связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 57–59; Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 102–103.

[18] Монин А.С., Шишков Ю.А. Указ. соч. С. 351–352; Ахмадов Я.З. К вопросу о климатических факторах в истории Чечни XIII–XVII вв. // Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития. Грозный, 2011. С. 527.

[19] Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М., 1993. С. 71–72.

Арагвские диалекты распространены в течении реки Арагви. Носители пшавского диалекта живут в верхнем течении Йори и Арагви – т.н. область Пшавели. Мтиулы (mta – гора) и гудамакарцы – две родственные этногруппы живут на реке Арагви в районе города Душети»[20].

Усиление влияния Абхазо-Грузинского царства в кавказских горах. Надо отметить, что стремление Грузии к контролю над стратегически важным Дарьяльским путем, вдоль которого располагались нахские укрепленные аулы и общества, усиливается во второй период правления царя Давида Строителя (1073– 1125), присоединившего Кахо-Эретское царство с Цанаретией (ок. 1104 г.). Он же завязал тесные связи с аланами Северного Кавказа и кочевниками предкавказских степей – половцами Дешт-и-Кипчака через указанный проход.

Связи Грузии с горцами Кавказа и аланами упрочились в эпоху правления его правнучки царицы Тамары. Политическое и религиозное влияние позднесредневековой Грузии распространилось не только на южные, но и на северные склоны Кавказских гор: в Джейрахское ущелье, в «Глигви» – бассейн верхней Ассы, а также в «Кисти»: общества Аргунского ущелья (дзурдзуки, мелки, кисты, и т.д.). Символом грузинского влияния являются сохранившиеся грузинские храмы: Тхаба-Ерды и Алби-Ерды (XI–XII в.), Таргим (XII–XIII вв.) в том же Галгае (Ингушетия). Есть основательные указания на бытование грузинских храмов в самых различных обществах Горной Чечни наряду с функционированием в языке и культуре нахов Чечни отдельных элементов христианской символики в сугубо грузинском варианте[21]. Как известно, влияние грузинской церкви шло и по ущелью Аварского Койсу вглубь Дагестана до Хунзаха и далее[22].

§2. Судьбы северокавказских нахов, Алании и Кипчакии в домонгольское время

Положение нахов Осетии и степень аланского влияния. Следует отметить, что нахские предки современных северных осетин располагались главным образом по 5 ущельям в центральной части Северного Кавказа – Дигорское, Цейское (Алагирское), Куртатинское, Кармадонское и Дарьяльское (бассейн верхнего те-

[20] Шнайдер Алексис. Картвельские языки: [Электронный ресурс]. URL: http:/ www.randevu-zip.narod.ru (дата обращения 14.10.2018).

[21] См.: Царевич Вахушти. Указ. соч. С. 153 («С древнейшего времени подчинялись царям Грузии страны: Дзурдзукия, Хеви, Двалетия…»); Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинскими и чечено-ингушскими народами (с древнейших времен до XV века). 1963; Мужухоев М.Б., Магомадов И.Д. К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба-Ерды //Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный 1976. С. 91–102; Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (к истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный, 1989. С. 111–120; Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 416; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 150–158.

[22] См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Изд. 2-е. Владикавказ, 1992. С. 189–190; Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала, 2004; и др.

чения Терека по левобережью). Как известно, исторически длительный этногенез северокавказских осетин имел смешанный характер – с участием коренного нахского и, вероятно, ираноязычного (аланского) этноса и языка, гипотетически с IV в. н.э., а реально с X столетия. Вместе с тем, исследователь А.В. Гадло делает интересный вывод о том, что после крушения Хазарского каганата в течение XI–XII вв. идут процессы не только аланского усиления на плоскости, но и происходит демографический всплеск в горах той же Осетии с ослаблением здесь якобы аланских элементов культуры и укреплением горской погребальной обрядности[23].

Как бы то ни было, совсем недавно научная печать сообщила, что профессор О.А. Мудрак на основе исследования раннесредневековой рунической эпиграфики Дона и Северо-Западного Кавказа предположил, что указанные руны аланские и в подавляющей своей массе расшифровываются с помощью современного дигорского диалекта осетинского языка (который, в свою очередь, относится к восточной группе индоиранских языков). При этом скромная часть (до 5%) надписей читается, как выразился автор, с использованием нахского («чечено-ингушского») языка[24]. Дальнейшее изучение проблемы в данном направлении – дело лингвистов, нам же остается отметить, что по всему периметру своего расположения на Северном Кавказе собственно аланы контактировали в большей мере с кавказцами-нахами (предками карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей и чеченцев – откуда, скорее всего, и идет нахский компонент в аланской среде) и, в меньшей степени, с абхазами и адыгами. Но в языке степняков нахское влияние, если следовать О.А. Мудраку, сказалось все-таки мало.

Специфика этногенеза карачаевцев и балкарцев. К сожалению, на протяжении всего нашего исследования нами мало уделялось внимания самым западным горцам-кавказианам – потомкам носителей кобанской культуры (нахоязычных по определению), исконно жившим в ущельях Карачая и Балкарии (истоки Большой Лабы, Малого и Большого Зеленчука, Кубани, Малки, Баксана Чегема и Черека). И это объяснимо.

В литературе последних лет в части этногенеза карачаевцев и балкарцев высказываются предположения либо об их ранней аланизации, либо также ранней тюркизации (причем с преобладанием последней). Между тем, погребальные памятники балкарцев и карачаевцев, антропологически принадлежащих к кавказионскому варианту европеоидной расы (как и соседнее население гор Северной Осетии), ничего общего с типичными аланскими или тюркскими памятниками своего времени не имеют. В этногенезе предков балкарцев и карачаевцев, согласно авторитетному мнению Е.П. Алексеевой, аланы и тюркоязычные булгары и кипчаки участие принимали, но их влияние сказывалось больше в области языка[25]. Другие ученые считают, что, начиная с прихода гуннов на Северный Кавказ, в течение раннесредневекового периода сложились две «тюркоязычные зоны» – в районе Приэльбрусья и в Северном Дагестане, которые и определили этногенез кумыков, балкарцев и карачаевцев[26]. Известный этнограф Б.А. Калоев полагает, что сложение балкарцев и карачаевцев – результат синтеза тюркоязычных племен с аланами[27]. Автохтонные нахо-кобанцы как бы остаются вообще за скобками.

Вместе с тем, мы должны учитывать то обстоятельство, что в последние годы идет по нарастающей усиление тезиса об аланской природе карачаево-балкарского этноса с объяснением факта их тюркоязычности как внешним воздействием гуннов, булгар и кипчаков, так и недооцененной якобы в науке тюркской природой собственно скифов, сарматов и алан[28].

С недавнего времени рачительную заявку в «оприходовании» аланского «наследства» в истории сделали, кстати, и представители ингушских историков (чеченские «специалисты» по большей части благоразумно оставили эти попытки)[29], что в условиях в общем-то исчерпанности аланской темы в познавательно-смысловом плане где-то с полувека назад делает ситуацию сугубо комической.

Кипчаки, аланы и автохтоны на равнинах Северного Кавказа. Вопрос о горском компоненте в этническом составе населения собственно равнинной части региона стоит особняком. Утверждается (скорее всего, неправомерно), что в XI – начале XIII вв. практически на всей основной части равнин Северного Кавказа (за исключением прикаспийских, северо-дагестанских и отчасти чеченских и причерноморских районов) господствовали «аланские» племенные подразделения и их поселения-городища.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении (верном или ошибочном – предстоит еще определиться), что под именем якобы оседлых северокавказских «алан» в затрагиваемое время скрывались не только ираноязычные

[23] См.: Гадло А.В. Указ. соч. С. 157–158, 173; Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М., 2004; Ахмадов Я.З История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века… С. 193,211; и др.

[24] О чем рассказали восточно-европейские руны: [Электронный ресурс]. URL: http://www.генофонд.рф ›?page_id=6242 (дата обращения 14.10.2018); См. также: Вагапов А.Д. К вопросу о происхождении этнонимов алан и ас // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010. С. 76–82.

[25] Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказ. 2-е изд. М., 1993. С. 3–4, 9–10, 12–13.

[26] См., по данной теме: Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

[27] Калоев Б.А. Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // Вестник Кабардино-Балкарского ИГУ. Вып. 2(25). Нальчик, 2015. С. 103–113.

[28] См.: Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа / Ред. В.Б. Виноградов. Нальчик, 1986; Его же: История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. Черкесск, 2011; Кучинаев М. Карачаевцы и балкарцы – потомки алан и скифов. Этюды на исторические темы. Нальчик, 2001; и др.

[29] См.: Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара. Магас, 2016; Дударов А.-М.М. О предках кавказских алан – нахских махелонах // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. № 1. 2016. С. 20–30; Туаллагов А.А. Ингушская Алания и ингуши-аланы (от реальности к мифу и от мифа к реальности): [Электронный ресурс]. URL: http:// www.i riston. com/nogbon/news.php?newsid=192 Электронная библиотека ЦСРИ и П. (дата обращения 14.10.2018); и др.

аланские подразделения, но и тюркоязычные степняки (огузы/гузы, печенеги и половцы-кипчаки), а также собственно представители горских народностей. Некоторые из них как бы названы еще в «Армянской географии» VII в.: «Хебуры/Хебары», «Кудеты», «Аргаветы/Аргвелы», «Марголы», «Такоци/Такры», «Аргозы». Так, в «аргвелах/аргах/(г)аргах» средневековых источников археолог В.А. Кузнецов видит (естественно, гипотетически) едва ли не «доаланское» нахоязычное население, занимавшее плоскость от бассейна р. Аргуна (Чечня) на востоке до р. Аргудана (Кабардино-Балкария) на западе[30].

Более того, исследователь, А.В. Гадло уверенно констатирует: «в границах Аланского государства в течение второй половины I тыс. н.э. сложился в целом единый и настолько специфичный комплекс культурно-бытовых признаков, что уровень этнической консолидации в Алании можно характеризовать как уровень, свойственный средневековой народности». Вывод, конечно, представляется на сегодня преждевременным, так как он касается одной только плоскости и не учитывает, что даже собственно аланский компонент здесь был неоднородным и делился на ряд племен, порой конфликтовавших между собой[31].

Тот же А.В. Гадло в более позднем исследовании указывает, что аланы в раннем средневековье распадались на асов/ясов и собственно аланов (есть также данные и о 4-х аланских племенах, из которых одно считало себя «царствующим»). «Асы» якобы доминировали на Северо-Западном Кавказе и в западной части Центрального Кавказа, а «аланы» – на Северо-Восточном Кавказе (до границ Дагестана) и в восточной части Центрального Кавказа, включая Дарьяльскую дорогу в Грузию. Это, конечно, не соответствует историческим реалиям. Плоскостные районы современных Чечни, Ингушетии и Осетии, наряду с западной частью современного Северного Дагестана входил в свое время в область Хазарского каганата, именуемого в источниках того времени термином «Ихран/Ирхан» и не имевшего, по крайней мере до X в., аланского населения.

Более поздние арабские и грузинские источники XII–XIII вв. уже знают в центральной части Северного Кавказа больше алано-«овсов» и кипчаков (куманы). Европейские источники того же времени чаще всего пользуются этнонимом аланы[32].

Собственно Алания как некая система, рано утратившая характер единого «царства», переживала в предмонгольский период состояние раннефеодальной

[30] Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому / Пер. П. Патканова // Журнал министерства народного просвещения, Часть 226. 1883. С. 28; Кузнецов В.А. Указ соч. С. 220–221.

[31] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979. С. 201; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 218–220.

[32] См.: Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 18–20; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII веков. С. 19–21, 160–161, 174; Цукерман К. Аланы и асы в раннем Средневековье // Краткие сообщения Института археологии. № 218. 2004. С. 65–84; Перфильева Л.А. Страна Ихран дагестанской хроники «Дербенд-Наме» и традиция башенной архитектуры на Северном Кавказе: [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie.org/v3/ru/ (дата обращения 14.10.2018); и др.

и общинной раздробленности. Об этом образно рассказал католический монах Юлиан, побывавший в Алании в 1235 г.: «сколько (там) селений, столько и вождей, и ни один не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села…». А в ходе последующего вторжения монголов (1237–1240) на Северный Кавказ на службу к иноземцам добровольно вступила значительная часть аланских феодалов, которые даже воюют в первых рядах против соотечественников – алан и горцев, оказавших мужественное сопротивление захватчикам[33].

Вопросы утверждения кипчакской гегемонии на протяжении равнинно-степной полосы всего Северного Кавказа, по крайней мере с последней четверти XI в. до середины XIII в. (когда монголы «вычистили» Предкавказье от своих главных врагов – кипчаков/половцев), в той или иной мере затронуты в науке, но не стали общепризнанными. Мы ограничиваемся здесь одной длинной цитатой из монографии Я.А. Федорова и Г.С. Федорова:

«Половецкая орда на Северном Кавказе была очень многочисленна, и представление о ней никак не укладывается в понятие о сборище «беглецов». … кыпчаки, заняв степные пространства Северного Кавказа, вытеснили оттуда не только печенегов, но и джиков – так называют грузинские источники предков адыгов. В «Картлис Цховреба» … Кыпчакия на Северном Кавказе выступает как одна из крупнейших тамошних держав и даже названа в источнике «Диди Кипчакти» – Великая Кыпчакия. О многочисленности кыпчакской орды на Северном Кавказе можно судить по самому факту переселения в Грузию не менее четверти миллиона половцев. Это переселение состоялось по просьбе Давида IV в 1118–1120 гг. … (Однако, вследствие того, что аланы занимали северный вход в Дарьяльское ущелье, от них потребовалось согласие на проход кипчаков в Грузию. – Авт.).

Переселенные в Грузию кыпчаки выставили 40 000 воинов; из них 5000 отборных бойцов составили личную гвардию (по-грузински «мона-спа») царя Давида IV Строителя. Несомненно, решающую роль в этом переселении сыграла женитьба царя Давида на дочери Отрока по имени Гурандухт. Примечательно, что «Картлис Цховреба» называет ее «царицей всей Грузии».

… (Отрок/Отрак, был. – Авт.) половецким «умтавреси» – «главным из главных», повелителем северокавказских кыпчаков, сюзереном всей кавказской Кыпчакии (порой его именовали в грузинских хрониках и «мепе» – царь. – Авт.)»[34].

Этнохозяйственные ареалы нахов в средневековье (на примере Чечни). В современных границах, к примеру, той же Чечни (самого крупного нахского кластера в регионе) до монгольского нашествия, по мнению ряда ученых, складыва-

[33] См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. С. 31; Иванов А. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах… С. 292–296, 299; Кузнецов В.А. Указ соч. С .335–336.

[34] См.: Федоров Я.Г., Федоров Г.С. Ранние тюрки… С. 259–260; Жизнь царя царей Давида // Картлис цховреба. История Грузии… С. 189–190; История и восхваление венценосцев // Картлис цховреба. История Грузии … С. 243–302; Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 113–126.

ются к средневековью два этнохозяйственных ареала: горные нахи – «ломур нах» (преобладание скотоводческо-земледельческого типа хозяйства и захоронений в грунтовых могилах, а также в т.н. каменных ящиках и склепах) и равнинные нахи – «арара/охьар/овхар нах» (преобладание земледельческо-скотоводческого типа хозяйства и захоронений в грунтовых могилах и катакомбах). Последние теоретически могли входить в постхазарский период в т.н. «аланский» союз племен предгорий и равнин Северного Кавказа[35]. Но это обязательно должно было оставить следы в языке, материальной и духовной культуре чеченцев, что на сегодня исследовано слабо.

Пока мы можем говорить с уверенностью, что культура горных зон Чечни и других нахских районов региона конца раннего средневековья несет сугубо местные черты, что проявляется в масштабном каменном строительстве (жилые, полубоевые и боевые башни) в стране, наличием культовых сооружений – святилища и склепы (а кое-где и христианские церкви), разноотраслевыми ремеслами, земледелием и стойлово-яйлажным и отгонным скотоводством[36].

Города, поселения Северного Кавказа и Алании. Конечно, различные умозаключения (ставшие хрестоматийными) о том, что до ордынского нашествия на Северный Кавказ сугубо аланские городища густо покрывали равнины и что аланского типа обширные катакомбные могильники обнаруживаются даже в некоторых горных ущельях края, написано немало. Так, читаем порой несовместимое с реальностью и в высокопрофессиональных исследованиях: «К западу от Аргуна наблюдается даже усиление алано-овской общности. В VIII в. катакомбные могильники появляются у слияния рек Шар-Аргуна и Чанты-Аргуна, в Ассинском и Джераховском ущельях, в северной части Дарьяла, в верховьях рек Гизельдон, Ардон и Урух»[37].

Вместе с тем, о густой населенности Алании, начиная от тогдашних границ Чечни (р. Сунжа) и далее на запад, как бы свидетельствует и авторитетный арабский автор X в. Масуди: «Аланское царство состоит из непрерывного ряда поселений»[38]. Однако, когда монголы пришли на Северный Кавказ, им не пришлось беспокоиться о взятии укрепленных городищ – на всем протяжении региона от Северо-Западного Кавказа (где монголы разгромили черкесов и, вероятно, алан) до «Минкаса» (Магас) на востоке не отмечено ни одного штурма города, крепо-

[35] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Т. 1. Грозный, 2006. С. 79–81; Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М., 2008. С.163–167, 171; и др.

[36] История Чечни с древнейших времен до наших дней… Т. 1. С. 84–95; и др.

[37] Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть III. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ, 2014. С. 366 (ссылка дана на А.В. Гадло. Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения VII в. в памятниках еврейско-хазарской переписки // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 169).

[38] Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XII–XIV вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 59–60; Мамаев Х.М. Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 216–219.

сти или селения[39]. И, наконец, глава Аланской митрополии, даже спустя более ста лет после описываемого времени, в 1347 г., утверждал (по крайней мере, в отношении Северо-Западного Кавказа), что «митрополия аланская вовсе не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее ведет пастушеский образ жизни»[40]. В целом не похоже, чтобы собственно аланы жили оседло, а тем более в городах или других постоянных поселениях Северного Кавказа. Видимо, в постоянных поселениях на равнинах Северного Кавказа, а точнее на границе гор и плоскости жили все-таки представители автохтонных земледельческих народов, хотя и не всех.

О «городах» Алании на территории современной Чечни (возможно, в бассейне р. Сунжи или среднего течения Терека) следует сказать отдельно. Одно из них, сравнительно большое городское поселение для того времени с мощными земляными укреплениями и деревянным тыном, который, как полагают, назывался Магас, как бы обнаруживается в Чечне (Алхан-Кала), другое – как гнездо более скромных укреплений наблюдается в районе Назрани (ныне Республика Ингушетия), выше по течению Сунжи и в западной части современной Осетии (Эльхотовские ворота). Однако все они оказались более раннего, не «аланского» времени.

К сожалению, проблема – являлся ли Магас арабских источников X в. и времени монгольского нашествия (XIII в.) искомым Алхан-Калинским городищем на р. Сунжа, остается нерешенной. В конечном счете весь археологический материал, обнаруженный на территории Алхан-Калинского городища, согласно мнению авторитетных ученых, показывает, что данное городище функционировало в II–V вв. (хотя есть напластования более позднего гуннского/булгарского времени – до VII в.). Потому на роль Магаса рассматриваются сейчас и другие городища Чечни и Северного Кавказа[41].

На территории современной Северной Осетии располагался в тот период город Джулат (возможно, не один: Верхний и Нижний), есть система небольших укреплений-городищ у т.н. Эльхотовских «ворот» и далее, по дороге к Причерноморью. Правда, существовало, по наблюдению археологов, в районе г. Владикавказа довольно крупное городище в пределах VI–X вв. [42], и явных доказательств, что оно собственно «аланское», пока не представлено.

[39] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л., 1960. С. 39.

[40] Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. V. Вып.1-2. СПб., 1898. С. 12–13.

[41] См.: Мамаев Х.М. О хронологии Алхан-Калинского городища // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 239–241; Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (25). 2014. С. 65–72; Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а, возможно, и никогда окончательно не решенной» // Электронный журнал «APRIORI. Серия: гуманитарные науки» WWW.APRIORI-JOURNAL.RU. № 4. 2016. С. 1–24.

[42] Гутнов Ф.Х. Указ. соч. С. 366–367.

Города Северного Кавказа находились, как правило, на важных торговых путях, связывающих восток – запад, север – юг, горы – равнина. Часть их жителей была занята ремесленным производством и торговлей, хотя в целом городские центры оставались полуаграрными, а некоторые из них являлись еще и религиозными центрами. В частности, Нижне-Архызское городище (Карачаево-Черкесия) в X–XII вв. было центром Аланской христианской церкви, а Магас в северо-восточной части Кавказа предположительно считался некоторыми археологами (правда, как оказалось, напрасно) центром традиционных верований, связанных с культом огня[43].

Здесь, в средней части Сунжи и Терека к 30-м гг. XIII в., вероятно, правил «багатур» (владетель) «А-Рсы-лань» (китайская транскрипция, возможно Александр), имевший сыновей «Асань-чжена» и «Негулая» (Николай)[44].

Плоскостные горцы и предгорные степняки. Судя по обобщенным данным, северокавказское оседлое нахское население, несмотря на политическую раздробленность собственно Алании и Кипчакии, занявших своими кочевьями основные степные и равнинные земли региона, достигло к началу XIII в. известных успехов в своем хозяйственном развитии. Основными отраслями являлись зерновое земледелие, скотоводство, а также садоводство и виноградарство. На основе переработки сельскохозяйственной продукции развивались ремесла. Довольно высоким уровнем характеризовалось оружейное производство. Немалое значение имела внутренняя и внешняя торговля. Известно, что по Северному Кавказу проходили маршруты важнейших торговых дорог, обеспечивавших сообщение между странами Востока и Европой, между бассейном Черного и Каспийского морей. В их числе – участок Великого Шелкового пути. Недаром в Крым и на Кавказское Причерноморье в XIII в. приплывают венецианские и генуэзские торговые корабли, а затем здесь (в т.ч. и на берегах Черкесии) закладываются их первые фактории-колонии[45].

Выделение собственно плоскостного нахского сегмента в аланской культуре, и без того приближенной к местному кавказскому субстрату, не представляется

[43] См.: Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М., 1966. С. 18–19, 22, 83–84; Кодзоев Н.Д. Магас: по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003. С. 36–45. Кузнецов В.А. (Указ. соч. С. 226–229) насчитывает в регионе следующие аланские города: Нижний Архыз, Рим–гора, Верхний Джулат, Нижний Джулат и Алхан-Кала. Монгольская история говорит о взятии штурмом только одного города на территории Алании – Мецио-сы/Май-гэ-сы (Магас). Иванов А.В. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах. С. 283, 299; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века … С. 201–202.

[44] См.: Иванов А. История монголов (Юань-Ши) об асах-аланах. С. 292–293; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 229.

[45] История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Грозный, 2006. С. 96–103; Хизриев Х.А. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в). Грозный, 1982. С. 9–10; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 223–226, 229–230; Его же: Христианство на Северном Кавказе до XV века. С. 167–168; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII веков… С. 175–176.

сегодня возможным вследствие недостаточной изученности археологических памятников. Важно другое – плоскостное население, прилегающее к центральной части Северного Кавказа в раннем и позднем средневековье, грузинские источники представляют себе «овским» (т.е. как бы асско-аланским), эти источники знают в регионе и значимых кипчаков. А горское население Кавказа грузины обозначают как «леков» и «дидуров» (Дагестан), «джиков/зихов» (Черкесия), нахоязычных «двалов», «дзурдзуков», «цанаров/санаров», «кисти», «глигви» и «туш» (горные районы Картли, Кахети, Осетии, Чечни и Ингушетии)[46]. Но опять-таки в противоречие с предполагаемой оседлостью собственно алан вступают письменные свидетельства и ненадежность археологических свидетельств.

Особенности оседлости нахских народов на плоскости. Необходимо указать, что хрестоматийная картина того, что северокавказские горцы якобы скопом жили на равнине, а в случае крупных нашествий уходили в горы, а затем вновь возвращались, как показывает весь накопленный исследовательский опыт, не соответствует реальности. Плоскостные нахи разделяли судьбу всего равнинного населения Северного Кавказа, за единственным исключением: в миграциях на равнину и обратно реально участвовало население низкогорных обществ нахов, и буквально нескольких среднегорных. А жители среднегорных и высокогорных обществ нахов, отличавшиеся чрезвычайно консервативным общественно-экономическим бытом, очень редко переселялись в другие регионы, да и то только в индивидуальном порядке (кровная месть, изгнание обществом, крайняя нищета, и т.д.).

Так, в приведенной в качестве примера Чечне основной источник населения для переселения на плоскость в новое время исторически давал густонаселенный низкогорный Нахч-Мохк (Ичкерия), одна из самых больших федераций вольных обществ на Кавказе. В какой-то мере давали преселенцев среднегорный Шатойский союз и один-два галанчожских общества на западе Чечни. В то время как высокогорные нахские общества по Аргуну, Гехи, Ассе и Армхи дают примеры выселения горцев-«ломарой» в виде отдельных семей и групп только с XVIII в., а более заметными эти явления отмечаются со второй половины XIX в. и даже в XX в. Мы можем их спокойно вычеркнуть, как и среднегорные высокогорные общества в границах современных Ингушетии, Осетии, Балкарии и Карачая, из числа плоскостных акторов того времени.

В этом плане весьма интересны и достойны внимания не раз обсуждаемые в литературе высказывания в 50-60-х гг. XX в. профессора В.И. Абаева, несмотря на всю критику в его адрес по узким вопросам иранистики, крупнейшего языковеда своего времени. Речь идет о древнем нахском субстрате (отнюдь не чеченском или ингушском) в осетинском языке. При этом В.А. Абаев указывал, что в западном дигорском диалекте ряд нахских совпадений ведут к чеченскому языку, минуя (казалось бы, соседний) иронский и тем более, ингушский пласт[47].

[46] См., к примеру: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей… С. 52–53, 91. Гамрекели В. Н. Указ. соч. С. 22–28; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа… С. 133–140, 146, 158–159 и др.

[47] Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института ИЯЛ. Т. 1. Вып. 2. Грозный, 1959. С. 89–120.

В своем исследовании на эту тему В.И. Абаев, еще не имея тех данных, которые сформировались на сегодня, об огромном нахоязычном этномассиве, пытался подступиться к интересному для себя явлению и объективно уловил один из его аспектов – доаланское (на его взгляд) горно-плоскостное население в пределах Осетии говорило на языках, близких к чеченскому, хотя и не современному чеченскому классическому языку (а к некоему общему субстрату как для осетин, так и для чеченцев). Но таковым, с учетом осетино-чеченских «сближений», мог являться диалект, который уже в новое время лег в основу общего языка населения всей исторической Чечни – от Акташа до Ассы; имеется в виду нахский диалект федерации обществ Нахч-Мохк – Восточная Чечня (именно население указанного региона совершило массовое освоение Чеченской равнины и в новое время).

Нахские языки предков осетин (чьи передовые низкогорные общества имели непосредственный выход на равнину по рекам и ущельям) и нахские языки предков чеченцев на базе нахчмахкоевского диалекта не только доаланского, но и аланского времени, непосредственно взаимодействовали именно на плоскости. Преимущественно оседлым населением на плоскости они оставались, видимо, и в позднеаланское и даже ордынское время (XI–XIV вв.) еще и потому, что собственно аланы даже в XIV в. характеризуются «пастушеским» народом[48].

Это оседлое равнинное население вероятных предков осетин и чеченцев, частью смело монгольское нашествие, а затем последовал и геноцид огромной армии среднеазиатского завоевателя Тимура. Далее здесь наблюдаются кочевые ногайцы, а в начале XVI в. на равнинах центральной части Северного Кавказа появляются, как известно, кабардинские кочевья с Приазовья и Пятигорья.

Состояние нахских горных обществ. Согласно письменным, археологическим и этнографическим данным, территория собственно горных нахских обществ Северного Кавказа и Закавказья того времени, в политическом плане была разбита на аульные общества (и союзы обществ) в рамках ущелий, плоскогорий и бассейнов горных рек.

Подавляющая часть горских обществ и населенных пунктов горной части Кавказа имеет веские археологические доказательства древности своего существования (по крайне мере, с эпохи бронзы), здесь представлены средневековые архитектурные каменные сооружения – жилые и боевые башни, склепы и святилища. Древность горных аулов и обществ и неразрывность проживания здесь населения убедительно подтверждается также топонимическими данными, фамильными родословными и народными преданиями.

Общественная жизнь нахских горных обществ регулировалась нормами т.н. обычного (неписанного) права (адат). Важнейшим институтом власти являлось народное собрание, совет старейшин и военное ополчение. Общественно-экономический быт горских сообществ отличался крайней консервативностью[49].

[48] Кулаковский Ю.А. Христианство у алан... С. 12–13.

[49] См.: Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1–2. Одесса, 1882; Агларов М.А. Горские демократии на Кавказе: традиции и перспективы. Тбилиси, 2002; Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 1: До присоединения к России / Ред. В.А. Бобровников. М., 2009; и др.

Численность алан, кипчаков и горцев. Если полагаться на хрестоматийные данные о военных силах северокавказской Алании XI–XII вв. – 30–40 тыс. всадников (вероятно, это численность народного ополчения), то народонаселение известной доли равнинной части региона можно осторожно исчислять в 180–240 тыс. чел. (с учетом – один воин от семьи в 6 чел.). Наверное, в это народонаселение надо включать равнинных оседлых горцев.

Необходимо считаться и с тем обстоятельством, что на протяжении XI–XII вв. на Северном Кавказе шла инфильтрации новой волны тюркских кочевников с севера за Терек, Кубань и в прикаспийскую часть в границах современного Дагестана. Те же половцы-кипчаки, завоевавшие задолго до начала XIII в. превосходство в Дешт и-Кипчаке – степной зоне Восточной Европы, хотя и не составляли сколь-нибудь цельного государства кочевнического типа, но контролировали целые регионы и народы, едва ли не от Урала до Киева, Дуная и кавказских гор. В XII–XIII вв. (до монгольского нашествия) в Дешт и-Кипчаке (междуречье Дона и Волги и Северное Причерноморье) насчитывалось 12–15 половецких орд, кочующих по восточноевропейским и предкавказским степям с выходом и на территорию Северного Кавказа. Половецкие вожди совместно могли выставить до 100 тыс. мужчин-воинов (тогда их общую численность можно полагать в 500–600 тыс. человек)[50].

О численности нахского населения горных районов к началу XIII в. практических данных нет. Нам представляется, что приблизительные демографические возможности «прокормления» населения в горной зоне той же Чечни с 80 исторически древними обществами заключались (в зависимости от эпохальных перемен климата) в максимальных значениях 90–100 тыс. человек, не более (реально могло быть еще меньше). Население Северной Осетии в рассматриваемый период вряд ли могло превышать 25–30 тыс. человек (это был предел «прокормления», достигнутый, кстати, в XVIII в., после чего осетины устремились одновременно с ингушами на равнину)[51]. Демографический ресурс 2–3 нахо-ингушских высокогорных обществ не превышал несколько тыс. человек, а ущелья предков балкарцев и карачаевцев вряд ли обладали кормовой базой, на тот период рассчитанной, соответственно, до 15–20 тыс. человек.

Укажем для сравнения, что в 70-х гг. XVIII в. европейский путешественник и российский академик И.А. Гильденштедт исчислял всех горных «кистинцев»-язычников верховьев Аргуна, Фортанги, Ассы и Армхи в 5 тыс. дворов. Автор начала XIX в. С. Броневский, говоря обо всех горных чеченцах и карабулаках (в его представлении это горцы-чеченцы, живущие по Аргуну, Ассе и Фортанге), ингушах – горных и равнинных («ингушевцы» Владикавказской равнины), привел цифру 15

[50] См.: Плетнева С.А. Половцы М., 1990. С. 126–127; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 279–282; и др.

[51] Кстати, те же многочисленные чеченцы активно выходили на равнину, по крайней мере, в XVI–XVII вв., осетины и ингуши – со второй половины XVIII – первой половины XIX в., балкарцы и карачаевцы – ближе к XX в.

тыс. дворов. На собственно горно-равнинных ингушей на тот момент, как известно из документов, приходилось менее 2 тыс. дворов, и, за минусом последних, число жителей более чем в 13 тыс. дворов, приходящихся собственно на историческую Горную Чечню, гипотетически могло составить до 70-80 тыс. человек[52].

К сожалению, материалами по численности горцев-нахов Закавказья в XI–XIII вв. мы не располагаем. В эпоху расцвета цанарского раннефеодального государства в XI в. (Кахо-Эретское царство) его территория насчитывала свыше 35 тыс. кв. км, из них земли собственно Цанарского хорепископства, населенные исключительно нахами-цанарами, составляли около 9–10 тыс. кв. км. В 70-е гг. VIII в. арабскими полководцами, подавлявшими восстания в Закавказье, в течение одного из сражений, благодаря многократному превосходству, было истреблено по данным разных источников от 10 до 16 тыс. воинов-цанар[53]. Если полагать, что один мужчина-ополченец традиционно выставлялся от семьи, которая насчитывала округленно до 6 человек, то отсчет численностм цанаров (нахи Закавказья) можно вести от 60 человек.

Выводы. В целом, если закавказские нахи уже с конца XI-начала XII в. прочно оказались в политическом и культурном поле новой великой региональной державы – грузинского централизованного государства, распространившего свое влияние практически на все Закавказье, то северокавказские нахи, вследствие слабости местного аланского образования, после недолгого «царствования» нескольких фигур впавшего в состояние политической раздробленности, оказались предоставленными самим себе.

Так, при правительнице объединенной Грузии царице Тамаре (1184–1209/1213 гг.), правнучке Давида Строителя, влияние государства на районы закавказских нахов усиливается заметно. К примеру, устанавливается прямая вассальная зависимость горских вождей той же Пшавии, Хевсуретии и Тушетии от грузинского царского дома Багратиони. Более того, основные нахские общества Закавказья с этого времени постепенно утрачивают нахский язык и исконное язычество в пользу грузинского языка и христианства.

Рост мощи грузинского централизованного государства приводил к проникновению также и в нахоязычные Осетию, Чечню и Ингушетию элементов грузинской материальной и духовной культуры.

В тот же период, еще до монгольского нашествия, в целом заканчивается тюркизация нахских предков современных балкарцев и карачаевцев на Северном

[52] См.: Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановская. СПб., 2002. С. 240–242; Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2-х томах. Сост. И.К. Павлова. СПб., 2004. С. 181; Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) Орджоникидзе, 1967. С. 30; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитической истории Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 54 (примеч. 18); и др.

[53] Шагинян А.К. Армения и Арменийа в составе Аббасидского халифата во второй половине VIII и в начале IX века // Вестник Санкт-Петербургского университета // Сер. 2. Вып. 3. 2008. С. 78–79; Его же: Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014. С. 334–335.

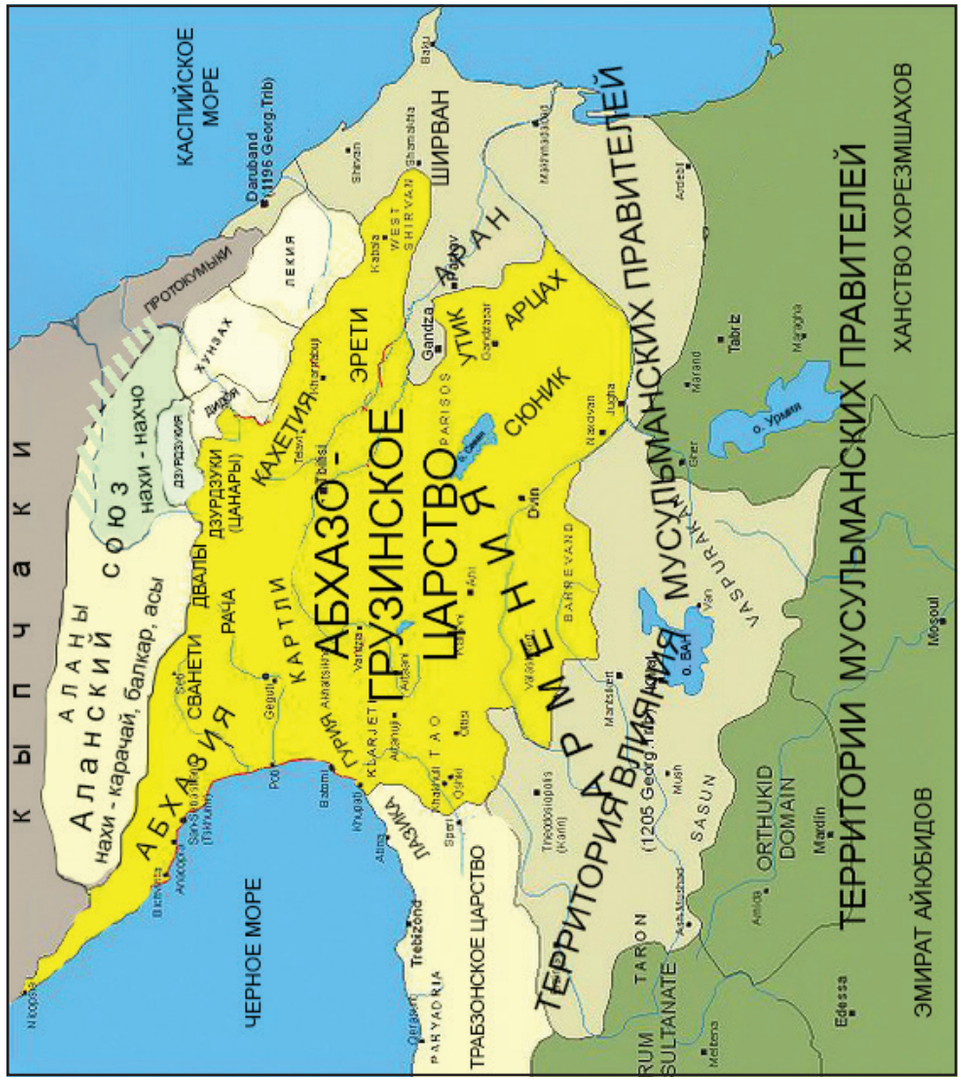

Рис. 39. Народы и государственные объединения Кавказа в XII – начале XIII вв.

Кавказе. Возрастает и «аланизация» близких к карачаево-балкарцам нахов-двалов Северной Осетии. Но этот процесс получает свое завершение только в последующие века.

В целом, согласно письменным, археологическим и этнографическим данным, территория собственно горных нахских обществ Северного Кавказа (как и Закавказья) того времени, в политическом плане была разбита на аульные общества (и союзы обществ) в рамках ущелий, плоскогорий и бассейнов горных рек. Вместе с тем, есть некоторые основания говорить о присутствии на равнинах центральной части Северного Кавказа и в пределах современной Чечни не только «пастушеских» алан, но и нахского плоскостного земледельческого населения.

Глава XIV.

МОНГОЛЬСКАЯ ЭПОХА И НАХСКИЕ НАРОДЫ КАВКАЗА (XIII–XIV вв.)

§1. Монгольские завоевания на Кавказе в XIII в. Поражение Грузии, Алании и их горских союзников

Зарождение Монгольской империи. Первые походы на Кавказ. В период, когда на Кавказе по периметру расселения нахоязычных обществ у крупных народов шли процессы феодальной раздробленности (как, к примеру, в Грузии, в Алании и Кипчакии-Кумании), в далекой Центральной Азии, в монгольских степях, в 1206 г. съезд степных феодалов провозгласил ханом над ханами – каганом, выдающегося военного и политического деятеля Монголии – Темуджина. Он принял имя Чингиз/Чингис/Тенгиз-хан. Завершив исторически прогрессивное деяние – объединение и укрепление Монголии, Чингиз-хан бросил неисчислимые конные орды на завоевание ближних и дальних стран.

Следует отметить, что монголы, вошедшие в историю как «татаро-монголы», не ставили целью распространение какой-либо цивилизации и «нового порядка» – как Александр Македонский или Рим, монотеистической религии – как Арабский халифат или европейские крестоносцы. Они положили начало самой грандиозной в истории человечества «облавной охоте» с целью получения добычи, охватившей земли Азии и Европы от Тихого океана до Средиземноморья и Балтики.

Начиная с 1211 г. монгольская конница последовательно покорила народы Сибири, Северо-Западный Китай, Восточный Туркестан, государство Хорезмшахов, Среднюю Азию, Афганистан, Восточный Иран и другие страны.

В 1221 г. Чингиз-хан, разгромив государство Хорезмшахов (Средняя Азия и юго-восточная часть Ирана), решил дать определенную передышку своим основным силам, тем более, что в тылу уже поднимались восстания покоренных народов. В дальнейший поход на север для завоевания Северо-Восточного Ирана, Кавказа и Дешт-и-Кипчака (степи юга Восточной Европы) был отправлен 30-тысячный корпус под командованием трех опытных полководцев: Субедея, Джебе и Токучара (но последний умер практически еще до начала похода)[1].

В течение 1221–1222 гг. монгольский корпус завершил покорение Ирана, затем начал захват мусульманских эмиратов Восточного Закавказья, армянских и

[1] Хизриев Х.А. Первые походы чингисидов на Северный Кавказ и их политические последствия // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 7; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 213.

грузинских владений. Грузинский царь Георгий IV Лаша (1213–1222 гг.), наследник великой правительницы Тамары, возглавлявший военные действия грузин против монголов, был тяжело ранен, а войско его разбито.

Монголы вошли в Восточную Грузию и беспрепятственно разграбили равнинную часть страны вплоть до Тбилиси. Однако не решились углубиться далее в ущелья, «так как увидели, что… (горцы. – Авт.) обладают большой силой и крутыми ущельями [теснинами], для овладения, которыми необходимо сражаться и бороться». После смерти Георгия IV его сестра – царица Русудан, была вынуждена вести борьбу не только с монголами, но и с нашествием хорезмийского султана Джелал ад-Дина (государство его отца хорезмшаха Мухаммеда II было разгромлено монголами в 1218–1219 гг.). В интересах страны Русудан не раз призывала на помощь горцев-нахов (дзурдзуков), дидойцев (дагестанцев) и овсов (двалов и алан)[2].

Поход Джебе и Субедея на север через Дагестан и Чечню. В 1222 г. значительно выросшая в числе за счет воинов из покоренных народов монгольская армия подошла к стенам Дербента, чтобы по Каспийской дороге выйти на Северный Кавказ и в степи Восточной Европы. Однако мощные стены крепости оказались захватчикам не под силу, тем более, что там сидел значительный мусульманский гарнизон.

По свидетельству армянских и арабских авторов, монголы были вынуждены двинуться на север по обходной дороге. Однако проводники завели их вглубь гор Дагестана. Тем не менее, монголы, как говорят источники, «по неприступным местам перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревом, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военное снаряжение...». Дагестанские историки установили, что завоеватели шли вначале вверх по ущелью р. Гильгерычай, а затем по маршруту: Касумкент – Хив – Кумух – Чох – Хунзах – Ботлих – Андийский перевал – Чечня. От Андийского перевала (Харами) по территории современной Чечни монголы могли следовать на север по вековому маршруту: Харачой – Ведено – ущелье р. Хулхулау – Чеченская равнина. Дальше дорога в степи Дешт и-Кипчак (степи между Дунаем и Волгой) могла идти по маршруту: переправа через р.Сунжа, затем р. Терек и далее на север или северо-запад[3].

Двигаясь по горным районам Дагестана и Чечни, пришельцы наводили страх на местные народы убийствами, «грабежом и опустошением». Ибн ал-Асир пишет, что монголы «ограбили и убили много лакзов – мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран, и дошли до аланов, состоящих из многих народностей»[4].

[2] См.: Ибн ал-Асир (далее Ал-Асир). Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку. 1940. С. 141; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М., 1952. С. 209; Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976. С. 138; Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971. С. 114–115.

[3] Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой половине XIII в. // Вопросы истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1974. С. 95–96; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 7–8.

[4] Ал-Асир. Указ. соч. С. 142.

Благодаря упорному, хотя и безуспешному сопротивлению горцев Дагестана и Чечни, плоскостное население Северного Кавказа, именуемое в источниках аланами и кипчаками (половцы), успело подготовиться к сопротивлению. По мнению одних ученых, решающая битва могла произойти на берегах Терека, по другим данным – на Чеченской плоскости южнее восточных отрогов Сунженского хребта (в черте современного Грозного или Алхан-Калинского городища на Сунже)[5]. На наш взгляд, не исключена возможность сражения между бродами по Сунже (у Гудермеса) и ближайшими бродами на Тереке (район совр. станиц Червленной и Николаевской).

Решающее сражение. На поле битвы монголами командовал Субедей, считавшийся по праву лучшим полководцем империи Чингиз-хана (и, вероятно, Джебе). В официальном китайском историческом сочинении «Юань-ши» приводится биография Субедея, где записано: «…он дошел до хребта Тай-хе. Просекши в горах дороги, он вышел туда, где его не ожидали, и встретил их (алан и кипчаков) начальников Юй-Лиги ‘ и Та-тар-ха, которые только что стали собираться у реки Бу-цзу». Согласно Х.А. Хизриеву, «Бу-цзу», р. Сунжа (Сольжа)[6]. Но скорее всего, это полноводный широкий Терек (значение Бу-цзы – Большая река).

Можно предполагать, что в кипчакско-аланском ополчении немалый процент составляли нахи, в особенности жители Чеченской равнины. Сомнительно, чтобы общая численность ополчения со стороны тех же алан превышала известную цифру 30–40 тыс. человек, ибо при состоянии феодальной раздробленности войска не могли быть собраны со всей территории, а только с той ее части, которой непосредственно угрожали враги. Поэтому в лучшем случае можно ожидать половину от цифры всеобщего ополчения. Многочисленные селения алан и горцев в пределах той же равнинной Чечни управлялись отдельными князьями, объединявшимися временно вокруг выдающихся по своим качествам вождей только в отдельные периоды. Нам также совершенно неизвестна численность кипчакской конницы. Командование войском принадлежало алану Юрию и кипчаку Татархану.

Если монгольское войско в 3 тумена составляло около 30 тыс. человек, то примерно такой же численности было, по-видимому, и объединенное алано-половецкое войско, если не больше. Известно, что первый день сражения выявил примерное равенство сил, однако больше смятения было в рядах монголов. Их руководители поняли, что находятся в критическом положении – они не могли отступить, так как в тылу были горы, которые они прошли с неимоверным трудом, а перед ними стояли стеной ни в чем не уступающие им в боевых качествах силы собственно алан, горцев и половцев.

Надо отметить, что оружием алан и нахов того времени были длинные слабо изогнутые сабли, сложносоставные луки, боевые топоры и щиты. Первоклассными были их шлемы, кольчуги, панцири и латы – предмет зависти и подражания монголов в последующем. Лошади союзников были рослые, быстроаллюрные.

[5] Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 8–9.

[6] См.: Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии археографии Руского военного исторического общества. Т. 3. Петроград. 1914. С. 19; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 9.

В вооружение монгольских всадников входили копья, сабли, мечи, луки и арканы. Стальные доспехи имела только знать, а основная масса рядовых воинов пользовалась защитными средствами из войлока и бычьей кожи. Лошади были низкорослые, степных пород, но зато даже рядовой монгол имел их в походе по нескольку, для смены при долгих переходах[7].

Растеряв свой пыл в первый день сражения, монгольские полководцы якобы послали в лагерь кипчаков лазутчиков-тюрков, коих было немало в монгольских войсках. Если верить единственному сообщению, в течение ночи монгольские посланцы сумели уговорить кипчакских вождей оставить алан и покинуть поле боя: «Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключаем с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, (только) представьте их (алан) нам», – рассказывают о речах монгольских посланцев средневековые хроники. Золото и шелка оказались сильнее доводов разума: «Они (татары) действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их (алан)». Половцы покинули лагерь, и только после этого победа склонилась на сторону монгольской армии. Аланское войско было разбито. Согласно Джувейни и Ибн ал-Асиру, «татары» производили в Алании (как и ранее в Дагестане) «избиение, бесчинствовали, грабили, забирали пленных…»[8].

Заметим ради справедливости, что грузинский «Хронограф» XIV в. вообще не упоминает алан участниками указанного сражения: «(монголы. – Авт.) вступили в Кивчакию, [жители] которой навязали им бой, и много раз кивчаки вступали в схватку, но повсеместно одолевали татары и так с боями удалились»[9].

Где произошло сражение. «Большая река» и «Черный лес». В одном из жизнеописаний «Юань-ши» имеется интересная версия приведенных выше событий, в которой успехи на Северном Кавказе приписаны не Субедею, а «Чжебе» (Джебе). «Когда (силы Джебе. – Авт.) дошли до народов грузин (гурчжи) и осетин (асу), то те подняли войска, чтобы отразить врага. Однако во всех сражениях были разбиты и сдались. Затем призвали (в Алании. – Авт.) сдаться и город Черный лес (Хэй линь), двигаясь вперед, атаковали русских (в степях Приазовья на Калке. – Авт.) у горы Железная (Тершань) и покорили их». Хизриев Х.А. уже обратил внимание на замечание Ибн ал-Асира, что половцы-кипчаки, изменившие своим союзникам, «покинули город аланов», а не военный лагерь. Это обстоятельство заставляет предполагать, что скорее всего битва состоялась

[7] Каминский В.М. Вопросы вооружения племен аланской культуры // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. 19–22 апреля 1988. Махачкала, 1988. С. 68–69; Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1998. С. 18; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 215–216; Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв.: [Электронный ресурс]. URL: http://www. Velizary.kiev.ua/ (дата обращения 14.10.2018).

[8] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. М., 1884. С. 25.

[9] Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа / Пер. Г.В. Цулая // Кавказский этнографический сборник. Т. VII. М., 1980. С. 196.

в районе г. Магас – одной из столиц Алании, на р. Сунже (до недавнего времени сопоставлявшейся с огромным городищем у современного с. Алхан-Кала под г. Грозным), или на Тереке[10].

В последние годы усилиями нового поколения археологов выявилось, что указанное Алхан-Калинское городище, действительно крупное, перестало функционировать едва ли не в VII в.[11]

К сожалению, указания и на Великие (Небесные) горы («Тай хе») – Кавказский хребет и, Большую реку («Бу-цзу») расплывчаты. Весьма ннтересен топоним «Хэй линь» (Черный лес), близкий к типичным внешним тюркским топонимам плоскостной Чечни в бассейне средней и нижней Сунжи – Черные горы, Черный лес, Черная речка, Черные ключи (Черноречье), вплоть до ее впадения в Терек, и т.д.

Дальнейшие военные действия Субедея и Джебе. Видимо, разграбив многочисленные селения и городища, а также половецкие кочевья на территории Северного Кавказа, монголы вышли на равнины современного Ставрополья, развернули конницу и стремительно ударили по основной части половецких владений между Доном и Волгой. Монголы «пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними», и отобрали «у них вдвое против того, что (сами) им принесли»[12].

Стремительный удар монголов в сердце половецких степей не позволил кипчакам собраться в кулак и оказать сопротивление врагам. Согласно традиционной практике степняков, они бросились врассыпную. Часть их, что примечательно, «бежала в болота и на вершины гор» Северного Кавказа, значительная масса ушла на запад к Днепру, где обратилась за помощью к русским князьям, а кочевые подразделения, прилежащие к Волге и Северному Кавказу, ринулись в Прикаспий где, «прорвав» стены Дербента, оказались в Закавказье[13].

Конец 1222 г. и начало 1223 г. монгольский корпус провел в Крыму и в прилегающих степях, добивая отдельные очаги сопротивления. Был даже совершен специальный поход на Северо-Западный Кавказ против черкесов-адыгов и на Абхазию. Русская летопись сообщает обо всех этих событиях коротко: «При сих

[10] См.: Иванов А.И. Указ. соч. С. 20–21; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 9; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Изд. 2-е. Владикавказ, 1992. С. 330–331; Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань, 2001. С. 35; и др.

[11] См.: Малашев В. Ю., Мамаев Х. М. Алхан-Калинский могильник // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный-Москва, 2011. С. 234–276; Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а, возможно, и никогда окончательно не решенной» //Электронный журнал «APRIORI. Серия: гуманитарные науки» WWW.APRIORI-JOURNAL.RU. № 4. 2016. С. 1–24.

[12] См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 25; Его же: Т. 2. Л., 1941. С. 32–33; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 9; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 215–216; и др.

[13] См.: Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976. С. 139; Зеленский Ю.В. Кипчаки в Подонье и Предкавказье в XI–XIV вв. // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…): Сб. статей. Казань, 2013. С. 43–44.

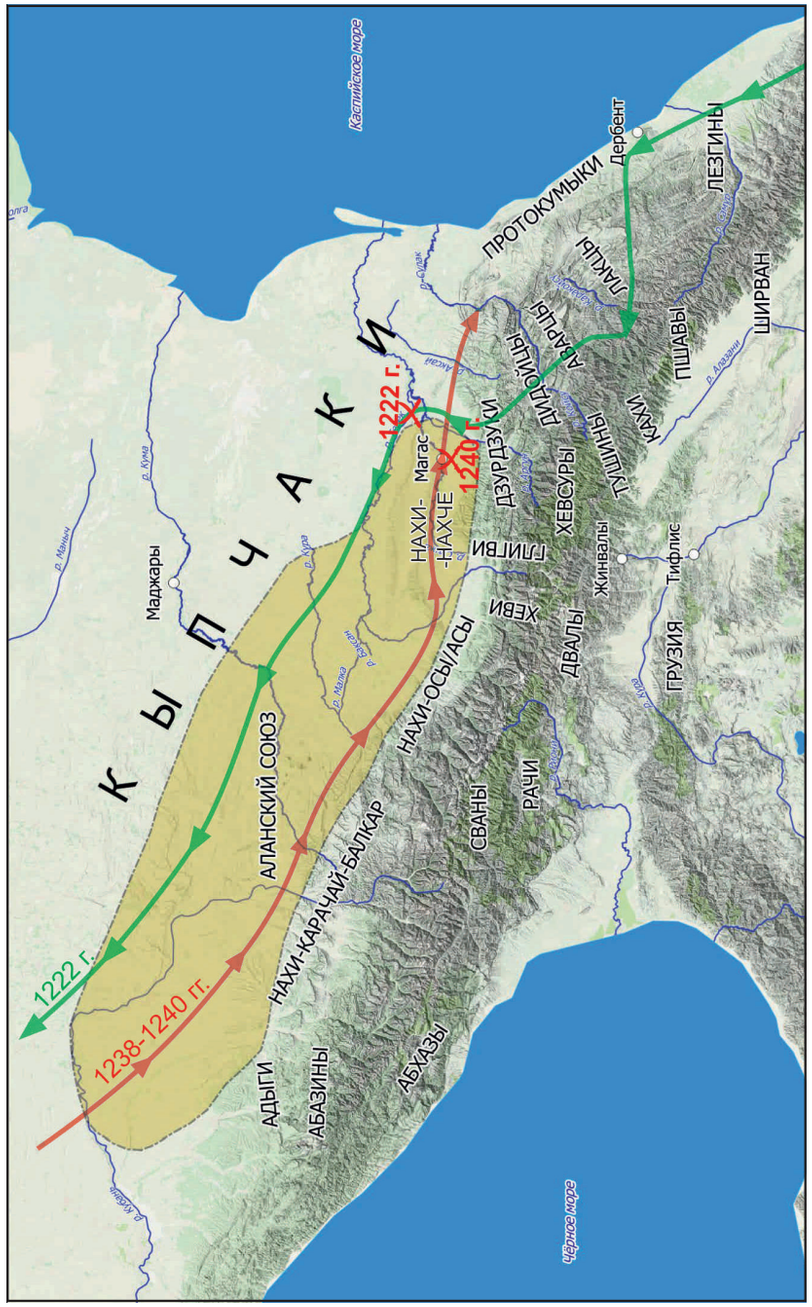

Рис. 40. Северный Кавказ до Золотой Орды в начале XIII в. н.э.
– Монголо-татарские нашествия (1238-1240 гг.)
– Поход Субедея и Джебея до Магаса в 1222 г.
1222 – Места и даты сражений
– Территория Аланского Союза
1240 г. январь- февраль – Падение г. Магас

же (т.е. «татарах». – Авт.) слышахом, яко многи страны попленища: Ясы (аланы. – Авт.), Обезы (абхазы. – Авт.) и Касоги (адыги. – Авт.) и Половцы безбожных … избиша»[14].

Весной 1223 г. Джебе и Субедей решили сразиться с русскими княжествами, которые укрывали их врагов половцев. 31 мая того же года, в верховьях Дона на р. Калка монголы после продолжительных маневров сошлись наконец с превосходящими русско-половецкими силами и наголову разбили их – «атаковали русских у горы Железная (Тершань)». Как известно, Киевская Русь переживала в XII – начале XIII вв. период феодальной раздробленности, отрицательно сказавшейся на ее оборонительных возможностях. После этого монгольская армия через Поволжье и Казахстан в 1224 г. вернулась на родину, к Чингиз-хану[15].

В 20-е гг. XIII в. с востока на земли Казахстана, Башкирии и Поволжья вел набеги старший сын Чингиз-хана Джучи, а затем (с 1227 г.) и его наследники. Более того, исследователь Х.А. Хизриев полагает, что в 1224–1227 гг. Джучи с войсками достиг даже Северного Кавказа и степей Восточной Европы. В любом случае джучиды намечали продвинуться в Поволжье, Дешт-и-Кипчак, Прикаспий и Северный Кавказ. Предыдущее «покорение» (по существу – разорение) этих регионов монгольской армией в 1223–1223 гг. не было закреплено соответствующими мероприятиями, в том числе и постоянным монгольским присутствием. Действительно, у Джувейни есть сообщение, что якобы уже в 1225/1226 г. Чингиз-хан для будущих действий против «Кипчака, Саксина и Булгара» выделил было 30 тыс. всадников из Монголии[16]. Однако Чингиз-хан, как известно, умер в августе 1227 г. и потому все чингизиды и знатные нойоны были обязаны стянуть войска в центр Монголии на время выборов нового кагана.

Джалал ад-Дин в Закавказье. Разгром объединенных сил Кавказа. Между тем, прорвавшиеся в 1223–1224 гг. в Закавказье кипчакские орды обнаружили здесь сильно ослабленные монгольским нашествием и феодальными усобицами страны и стали грабить Южный Дагестан, Ширван, Арран (мусульманские эмираты) и Грузию.

Однако «мусульмане» (арабы и азербайджанцы), грузины и «лакзы» (дагестанцы), объединив свои усилия, уничтожили значительную часть новых пришельцев и заставили остальных уйти опять за Дербент. В это же время в Иране и Закавказье в 1225 г. появляется сын и наследник последнего правителя великого среднеазиатского государства хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда II – Джалал ад-Дин (Джелаледин), выдающийся полководец своего времени. Это был человек, который после захвата монголами своего государства и смерти отца с 1221 г. храбро боролся с врагом без каких-либо уступок и пощады.

Он попытался предложить антимонгольскую коалицию правителям Ирана, Арабского халифата и Закавказья с целью сопротивления чингизидам, в чем, од-

[14] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. М., 1978. С. 83.

[15] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М., 1952. С. 229; Иванов А.И. Указ. соч. С. 21–24; Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 35; и др.

[16] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.Т. 2. С. 84; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 10–11.

нако, успеха не имел. Особого накала события достигли в 1225–1226 гг., когда самые мощные в регионе грузинские силы подверглись разгрому и беспощадному уничтожению со стороны полчищ Джалал ад-Дина. Тбилиси был взят штурмом, а страна разграблена[17].

Армянские и грузинские князья, чьи земли и города были захвачены Джалал ад-Дином, не сдались и начали собирать новые войска. Грузинские источники рассказывают, что царица Грузии Русудан, бежавшая в Западную Грузию, объявила призыв во всех своих землях. Согласно грузинским данным, широкая кавказская коалиция смогла нанести, в конечном счете, поражение войскам хорезмшаха и (в 1225–1226 г.?) освободила Тбилиси и Двин (столица Армении). Во время второго похода Джалал ад-Дина на Тбилиси (1227 г.?) Русудан» созвала «все свое воинство (грузинское. – Авт.) … абхазов, джиков… И отверзла Врата Дариальские и пропустила овсов, дурдзуков и заодно с ними всех горцев (Северного Кавказа. – Авт.)»[18].

И это «несчетное воинство» из-за слабого руководства потерпело полное поражение от «хорезмийцев». Рашид ад-Дин, автор XIV в., указывает в составе кавказской коалиции, помимо грузин, армян и абхазов, отдельное войско кипчаков, а также отряды алан, сериров и лезгин (но в данном источнике события датированы почему-то 1218/1219 г.). Следует отметить, что тот же Ибн ал-Асир утверждает, что Джелал ад-Дин разгромил, по крайней мере, одно из совместных ополчений грузин «аланов, лакзов, кипчаков и других». Окончательно управиться с «хорезмийским» султаном Джалал ад-Дином закавказским народам удалось только к 1228 г.[19]

К 1230 г. вытесненный в горные районы Ирана, он потерпел новое поражение от монголов, во время бегства растерял свиту и был убит неизвестным.

Организация монгольского нашествия в Восточную Европу и Кавказ. В 1227 г. незадолго до своей смерти Чингиз-хан разделил управление отдельными областями империи между своими сыновьями. Старшему сыну Джучи достались в числе других еще не покоренные еще земли Северного Кавказа, Дешт-и-Кипчака, Булгарии и Руси (после смерти Джучи, в том же 1227 г. главой удела стал его сын Бату).

[17] См.: Ал-Асир. Указ. соч. С. 156–157; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 1 90; Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 171–173; Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (Раздел «Грузия в XIII–XIV веках»): [Электронный ресурс]. URL. http://www.gumer.info›bibliotek_Buks/History/Vachn/ (дата обращения 14.10.2018).

[18] Картлис цховреба. История Грузии. / Ред. Р. Метровели. Тбилиси, 2008. С. 344; Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа / Пер. Г.В. Цулая. С. 196;

[19] См.; Ал-Асир. Указ. соч. С. 157; Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 2. М., 1952. С. 27–29; Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. VII. М., 1980. С. 196; Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971. С. 115–116; Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до конца XV века). Грозный, 1963. С. 74; Гадло А.В. Указ. соч. С. 178–179; Вачнадзе М., Гурули В., Бахтиадзе М. История Грузии (Раздел «Грузии в XIII-XIV веках»): [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info›bibliotek_Buks/History/Vachn/ (дата обращения 14.10.2018).

Военные действия монголов на западе империи развернулись уже в 1229–1233 гг. и шли в основном против половцев Дешт-и-Кипчака, а также поволжских булгар и башкир на Урале. Кипчаки были серьезно ослаблены. Но двинуться на покорение Северного Кавказа против алан и Руси сил Джучиева улуса не хватало. Хотя отдельные монгольские набеги, видимо, достигали до самого Терека, почему аланы, по свидетельству очевидцев от 1233 г., находились в постоянной военной тревоге[20].

Убедившись, что отправка отдельных конных корпусов на запад не дает желаемых результатов, а также в силу необходимости занять многотысячное войско и монгольскую знать захватом добычи, новый каган-император Угедей, вернувшись в степи из успешного китайского похода, предложил в 1235 г. собранию монгольской знати план нашествия в Европу, т.н. «кипчакский поход». «Тайная история монголов» рассказывает, что в 1236 г. Угедей официально поручил возглавить общеимперский поход на запад сыну Джучи – Бату (дав при этом большие полномочия полководцу Субедею) и перевел в его подчинение армию своего сына Гуюка, двух племянников, включая известного Менгу (Мунке) и других царевичей, числом до 20 чел. со своими войсками. Численность экспедиционного корпуса вряд ли превышала 50 тыс. чел. (так, собственно этнических монголов в походе на Европу было не более 30 тыс.). План предусматривал покорение булгар, башкир, келаров (угро-финские племена), русских, маджар, асов (алан), сасанов, черкесов, в целом всей Восточной Европы и достижение западных пределов земли («к последнему морю»). Но, Джувейни – официальный историограф монгольских завоеваний сыновей и внуков Чингиз-хана, заключает: «На втором курултае мнение утвердилось на том, чтобы обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления»[21].

Следовательно, главными целями имперского похода объявлялись физическое покорение населения Поволжья, Руси и Северного Кавказа.

Монгольское нашествие и Северный Кавказ. К 1236 г. народы Поволжья и Башкирии (Великая Булгария) были покорены силой оружия. В начале 1237 г. монгольские царевичи прошли с боями степи кипчаков и вышли на р. Хобан (Кубань). Далее ими были разгромлены черкесы Северо-Западного Кавказа и Приазовья, потерявшие «государя тамошнего по имени Тукара». Затем полководец Субедей (ветеран первого похода на Кавказ в 1222–1223 гг.) отправился в набег на «страну асов» (западная часть Алании). Согласно переводу одного из вариантов «Юань-ши» А. Иванова (1914), правитель «владения асов» по имени «Хан-ху-сы» (Западная Алания) при появлении монгольской армии подчинился,

[20] Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. № 3. М.-Л., 1940. С. 78; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 32; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 10–13; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 332; и др.

[21] См.: Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 85; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 331; Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 37, 39; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 13–14; Храпачевский Р. Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу: [Электронный ресурс]. URL: http://www.xlegio. Ru/J_art_1002.htm (дата обращения 14.10.2018); и др.

и ему «дана была золотая пайцза и повелено было властвовать над своею землею и народом». Другое крыло монгольской армии громило осенью-зимой 1237 г. русские княжества и города. Лето и осень 1238 г. монголы провели в ожесточенных военных действиях в Крыму, в боях с черкесами и аланами северо-западной части Кавказа, в операциях против кипчаков в степях Дешт-и-Кипчака и Северного Причерноморья, где окончательно был разбит половецкий хан Котян, бежавший с остатками своей орды в Венгрию. Была покорена в тот период и лесная Мордва. Благодаря занятости монголов в боях с аланами, черкесами и половцами, на Руси, как говорит летопись, «бысть то лето все тихо и мирно от татар»[22].

Покорение Восточной Алании. Загадка Магаса. Планомерное завоевание центральной и восточной части Алании началось, скорее всего в последние месяцы 1238 г. Но, основная военная кампания состоялась летом-осенью 1239 г. и завершилась в начале 1240 г. Во главе монгольской группировки (командующий царевич Мунке), нацеленной на Восточную Аланию, находились лучшие части и важнейшие в империи аристократы – Гуюк, Кадан и др.

Движение по Алании, судя по всему, шло с северо-запада и с севера. В конечном счете, монгольские войска сошлись в точке, где располагался город Ме-циосы (по хронике «Юань-ши») – предполагаемый Магас.

Здесь необходимо отметить несоответствие города «М.к.с.» (Макас, Мокас?), описанного: Джувейни (1226–1283 гг., данным того же Рашид ад-Дина (1247–1318 гг.), и в сведениях китайского источника «Юань-ши» о реальном пункте на Северном Кавказе – Магас/Минкас. Вот что писал Джувейни о взятии упомянутого города в 1238 г.: «Оттуда (после взятия Булгара. – Авт.) они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили ее до области М.к.с., жители которой по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270 000 ушей»[23].

Уже в первых изданиях извлечений из труда Джувейни на русском языке В.Г. Тисенгаузен и другие комментаторы посчитали «М.к.с.» либо Москвой, либо нерасшифрованным названием другого (не обязательно славянского) города Восточной Европы[24]. Но гораздо больше по сей день авторов (к которым до последнего дня принадлежал и автор данного раздела Я.З. Ахмадов), полагавших, что

[22] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М., 1962. Стб. 461; Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 22–3; Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) о асах-аланах // Христианский Восток. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1914. С. 282–283; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 332; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 192–193; и др.

[23] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

[24] Там же. С. 21, 33.

явные несоответствия в определении расположения этих центров вызваны хронологическими и иными ошибками Джувейни и переписчиков[25].

Между тем, по описаниям знаменитого свода «Юань-ши», Магас в Алании представлял собой «горную крепость, окруженную бревенчатым частоколом» (в другой редакции – «горное деревянное укрепление»). Также указывается, что царевич Гуюк, сын императора Угэдея (и сам будущий император), отличился под «аланским» Магасом: «с тридцатью с лишним воинами (поднялся на стену и. – Авт.) вступил в сражение». Есть также показание о военной хитрости монголов, принесшей им победу – они заставили пленных кричать на родном языке: «Город пал!», чем вызвали панику. В целом же осадные действия продолжались более месяца, город был взят в результате штурма в декабре 1239 г., а по другим выкладкам – в конце февраля – начале марта 1240 г. [26] Как видим, здесь нет никаких упоминаний об отрезанных ушах, осадных машинах и дорожном строительстве.

Рашид ад-Дин также далек от утверждений Джувейни: «Потом в кака-ил, год свиньи, соответствующий 636 г.х. [14 августа 1238 – 2 августа 1239 г. н.э.], Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 г.х. [3 августа 1239 – 22 июля 1240 г. н.э.]»[27].

Новое свидетельство из обширной «Юань-ши», приведенное недавно историком-монголоведом И.В. Антоновым, значительно все уточняет: «Зимой, в одиннадцатой луне [27 ноября – 26 декабря. – И.А.) войска под командой Мэнгу окружили город алан Ме-ке-сы и через три месяца захватили его». Но, видимо, не через 3 месяца, а в начале третьего, что подтверждает описание подвига офицера Гуюка тангута Шири-гамбу: «прибыл к городу асов Магас, который был от природы хорошо защищен и долго не сдавался. В начальной луне весны будущего года (6–24 февраля 1240 г.) [Шири]-гамбу повел десяток отчаянных храбрецов, Не Юнь-ти первым [из них] взошел [на стену], взял в плен 11 человек и громко прокричал так: “Город разбит!”. [Остальные] войска, как муравьи, облепили [стены] и забрались наверх, после чего город был взят»[28].

Магас, город-крепость в северокавказской Алании (восточная часть), реально существовал, представляя собой крепость, укрепленную природой и бревенчатым частоколом. Алхан-Калинское городище – предполагаемый Магас, располагается на высоком и широком холме (ныне большей частью смытом рекой) на подошве Сунженского хребта, защищенное с юга обрывистым берегом Сунжи. Оно действительно несет следы серьезных оборонительных сооружений. Но, в конечном счете, весь археологический материал, обнаруженный на территории

[25] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен… С. 220; и др.

[26] См.: Иванов А.И. Указ. соч. С. 283; Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 38; Храпачевский Р. Монгольские и китайские источники XIII-XIV вв. о Восточной Европе // Российские и славянские исследования. Вып. 2 / Белорусский государственный университет. Минск, 2007. С. 332–333.

[27] Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т .2. С. 39.

[28] Антонов И. В. Гуюк в великом Западном походе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 28.

Алхан-Калинского городища, согласно авторитетному для нас мнению ученых Х.М. Мамаева и В.Ю. Малашева, показывает, что данное городище функционировало во II–V вв. (хотя есть напластования раннего скифо-сарматского времени и более позднего гуннско-булгарского времени (до VII в.)[29]. Попытки, предпринятые ранее В.Б. Виноградовым, довести датировку памятника до XII–XIII вв., так и не нашли достоверного подтверждения[30].

По мнению историка В.А. Фоменко из Кабардино-Балкарии, не подходит к «званию» Магаса и Нижний Архыз (версия В.А. Кузнецова) в Северной Осетии за отсутствием фортификационных сооружений. Памятники нынешней Ингушетии, вольно предлагаемые считать Магасом, также не соответствуют эпохе монгольского нашествия. В.А. Фоменко предлагает вести поиск следов Магаса в местности между рр. Баксан и Кишпек в Кабардино-Балкарии[31].

Нам представляется, что искомый Магас надо искать в Чечне, в углу, образованном в своем среднем течении Тереком и его притоком Сунжей. Тем более, в период правления грузинской царицы Тамары (1184–2013) ее военачальник Абуласан указывал на «город кипчакского царя Севенджа»[32]. В данном случае существует неопределенность – подразумевается имя собственное Севендж, либо вариант названия р. Сунжи (Соьлжа, Сюнча, Севенц, Сюйюнч/Сюйюнджю), и т.д.

Переход аланских вождей на службу к монголам. Некоторые аланские феодалы в ходе монгольского нашествия, не оказывая сопротивления, перешли со своими дружинами и владениями на сторону монголов. В частности, китайские источники называют аланских военачальников Матярши, Уцзорбухана, Еле-бадура (Юрий-багатур) с сыном Юй-ва-ши, знатного аса Хан-ху-сы и др. Тот же предводитель «Ма-тар-ша» с братьями не только выразил покорность, но и участвовал в походе монголов на Магас, в котором «командовал» авангардом. Особый интерес представляет имя правителя равнинной части Чечни «А-рсы-лань» (возможно, Александр или Араслан), который со своим сыном «А-сань-чженем» изъявил покорность, когда Мунке уже «окружил войском его город» (Магас). Речь идет, как правило, о знатных аланах, часть из которых со своими отрядами мобилизовывались на вечную службу в монгольской армии, а часть осталась с подвластными на местах с получением пайцзы (охранное свидетельство). Китайская история «Юань-ши», подводя итог имперского похода на запад, говорит об аланах/асах, что «народы Асут и других городов частью полонены, частью сами поддались»[33].

[29] Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (25). 2014. С. 65–72.

[30] Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 79–80, 84.

[31] Фоменко В.А. К вопросу локализации средневекового Магаса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). № 11. Ч. 2. Тамбов, 2014. С. 170–173.

[32] История и восхваление венценосцев // Картлис цховреба. История Грузии… С. 258–259.

[33] Иванов А. И. Указ. соч. С. 292–294, 296, 299; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 335–336; и др.

Однако мы видим, что в отличие от своего князя и его дружины, жители Чеченской равнины и Магаса не только не сдались, но и вступили в отчаянную битву с захватчиками. И взятием Магаса война для монголов здесь отнюдь не закончилась, она растянулась на десятилетия.

Продолжение завоевания монголами Кавказа и нахских горских районов. Монголы еще были заняты в Алании, в «год мыши, 637 г. х.» (3 августа 1239 г. – 22 июля 1240 г.), когда поступил приказ Бату занять Дербент и «область Авир» – чеченский Аух или Авария в Дагестане. Однако тяжелые бои в Алании задержали монголов, войскам также потребовался отдых. Выступать в горы зимой было бессмысленно, поэтому монгольский отряд во главе с Букдаем выступил в поход в направлении Дагестана только весной 1240 г. Основные монгольские части во главе с Мунка отправились с Северного Кавказа к Киеву, уже осажденному Бату.

Рашид ад-Дин, автор XIV в. (не совсем внятно с хронологией) пишет: «…Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши 637 г. х. [14 августа 1238 – 2 августа 1239 г. н.э.]. Весною, назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка с тем, чтобы он занял и область Авир». Начав с «Аухара» (скорее всего, это предгорно-плоскостной Аух – территория, населенная нахами), монголы планомерно погромили все крупные общества и феодальные владения Дагестана, творя зверства над людьми и сжигая все возможное. Однако не менее крупные силы на Дагестан были двинуты монголами и с юга – из Ирана и Закавказья, где действовала другая группа чингизидов. Как и в Алании, часть феодалов Дагестана перешла на сторону пришельцев с целью сохранения своей власти[34].

Между 1235 и 1239 г. монгольские завоеватели, наступавшие из Средней Азии и Ирана, также опустошили Северный Азербайджан, Восточную Грузию и Армению, взяв и разрушив Гянджу, Шамхор, Ани, Тбилиси, Дербент и другие города и центры. Как говорит грузинский источник монгольской эпохи, «нещадно разорялась вся эта страна… все бежали в крепости и горы, леса и укрепления Кавказа и Мтиулети». Недаром переводчик данного текста «Хронографа» XIV в. известный ученый Г.В.Цулая отметил в примечании к тексту: «Под термином «Кавказ» в грузинских летописях традиционно подразумевается Северный Кавказ в целом, без включения в него Дагестана… Северный Кавказ и северные области Картли – Мтиулети, население которой было родственно как вейнахам, так и горцам-грузинам, часто служили надежным убежищем для скрывавшихся от врагов жителей различных областей Закавказья»[35].

Царица Грузии Русудан, пытавшаяся вначале противостоять набегам монголов в т.ч. и с помощью горцев, запросила у них мира и признала власть верховного монгольского хана, обязавшись платить ему ежегодную дань. Она стремилась

[34] См.: Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 2. С. 39; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 225–228; Хизриев Х.А. К истории чеченцев и их борьбы против татаро-монгольских завоевателей и Тимура. С. 8–9; и др.

[35] Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа… С. 196–197, 204.

посадить на царский престол своего сына, минуя законного наследника Георгия Лаша Давида[36].

В целом масштабные военные действия на Кавказе продолжались с 1237 по 1240 г., они носили ожесточенный характер, привели к гибели значительного числа населения и к уничтожению селений и городов. Монгольские захватчики также понесли тяжелые потери, но сумели утвердить на Руси, в степях Восточной Европы, в Закавказье и на равнинах Северного Кавказа свое господство. На Северном Кавказе произошла и демографическая катастрофа: одна большая группа алан вместе с кипчаками ушла в Венгрию, другие поступили на службу византийскому императору, тысячи алан были уведены в Монголию и Китай, где служили в гвардии монгольских императоров[37].

Начало Улуса Джучи и исторические последствия завоевания монголами для Кавказа. На земной карте возникло новое великое государство – Улус Джучи (позднее Золотая Орда), охватывавшее Восточную Европу, Северный Кавказ, Поволжье, Урал и Казахстан. Первоначально Улус Джучи был частью мировой Монгольской империи, но вскоре сам стал суверенной державой. Закавказье вошло в состав другого крупного монгольского объединения с центром в Иране – государство Хулагидов (Ильханат).

Военно-политическое поражение государств Закавказья, Алании и Руси резко изменило привычную политическую карту Кавказа и Восточной Европы, устоявшуюся расстановку политических сил, разрушило многовековые политические, торговые, культурные и этнические связи народов Кавказа как между собой, так и с народами Передней Азии и Восточной Европы.

Испытав в 20-40-х гг. XIII в. сокрушительное ордынское нашествие, нахские общества Большого Кавказа оказались в последующее столетие на стыке двух соперничающих монгольских государств Евразии Улуса Джучи и Хулагидов.

Ко всем бедам резко ухудшились в XIII–XIV вв. и климатические условия в горах Кавказа. Нахские районы региона, потерпевшие вследствие вражеского нашествия, несут теперь значительные потери из-за ухудшения путей сообщения между горными ущельями и снижения зональности производящего хозяйства.

§2. Нахи Северного Кавказа и Симсим (Чечня) в эпоху господства великой державы – Улуса Джучи (Золотая Орда)

Восстания горских народов и алан. Ослабленные войной на Северном Кавказе и Руси монголы не смогли в полную силу заняться покорением стран Западной Европы (хотя их армия достигла весной 1242 г. одного из участков Адриатического побережья), тем более что в их тылу немедленно стали возникать народные восстания и усиливаться партизанские действия отрядов-мстителей. Уже в 1241 г. восстали кипчаки, на многие годы затянулось сопротивление отдельных районов Северного Кавказа.

[36] Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 2. С. 27–29; Багратиони Давид. Указ. соч. С. 115–116; Вачнадзе С. Гурули М., Бахтиадзе В. М. История Грузии (Раздел «Грузия в XIII–XIV веках»): [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info›bibliotek_Buks/History/Vachn/ (дата обращения 14.10.2018).

[37] См.: Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 336–338, 353–354, 361–362; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 195–196; и др.

Европейский путешественник Плано Карпини, лично побывавший в 1246 г. на покоренных Ордой землях Северного Кавказа, указывает, что в числе народов и стран, оказавших «мужественное сопротивление и доселе не подчиненных» монголам, есть и «некая часть аланов». Далее он пишет, что ордынцы уже 12 лет ведут осаду одной «горы» (в смысле горного района) «в земле аланов». Причем жители «оказали… мужественное сопротивление и убили много татар, и притом вельмож»[38].

В другом переводе это звучит так: «Когда они (монголы. – Авт.) начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как то происходит сегодня с одной горой в земле аланов.[39] Очень вероятно, что речь здесь идет о каком-либо нахском народе «Алании», а не о равнинных этнических аланах-кочевниках как таковых.

По некоторым преданиям, те же нахи-ауховцы, жившие на стыке гор и равнины, не только вели партизанскую борьбу против захватчиков, но и за время их господства выдержали 5 сражений у разных гор, причем помощь им оказывали даже дальние лакцы-мусульмане Дагестана[40].

Французский посол в Монгольскую империю Гильом Рубрук (в 1253–1255 гг.), побывавший проездом и на Северном Кавказе, писал, что живущие в горах «черкесы» (горцы), аланы («аас») и лесги (дагестанцы) «равным образом не подчинены [татарам]» и что на блокирование выходов из ущелий выделена пятая часть войска Сартака (сын Бату): «Аланы (в данном контексте также и горцы. – Авт.) на этих горах еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы (читай горцы. – Авт.) не выходили из гор для похищения их стад на равнине…». Кроме того, партизанское движение наблюдалось в собственно в равнинной Алании, где группы в несколько десятков человек из разных народов улуса Джучи – кипчаки и аланы «выбегают ночью с колчанами и луками и убивают» врагов, угоняют лошадей, а днем скрываются[41].

Устроение монгольского государства на Северном Кавказе. Складывание государства Улус Джучи (Золотая Орда) в системе всемирной Монгольской империи началось, как известно, при жизни хана Бату; наивысшего расцвета это государство крупных кочевых феодалов достигло при великом хане Узбеке (1312–1342 гг.), после чего начался затянувшийся закат империи. Монгольские феодалы первоначально проводили жестокую грабительскую политику в отношении по-

[38] Плано Карпини Д. История монгалов. М., 1997. С. 61, 66–67. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 6.

[39] Кавказ: европейские дневники … С. 6.

[40] Баширов М.С.-Э., Хасмагомадов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья (на примере семьи Башир-шейха Аксайского). Грозный, 2018. С. 31.

[41] Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. С. 109, 115, 181; и др.

дневольного населения, с трудом принимая во внимание, что это отрицательно сказывается на собственно государственных интересах самой Орды.

Классические кочевнические принципы управления, приправленные некоторыми китайскими и исламскими подходами управления государством, определили характер нового царства кочевников. Так, в 1254 г. наряду со всеми странами Монгольской империи здесь была проведена перепись покоренного населения, в т.ч. и на Северном Кавказе. Равнинные земли региона прочно вошли в состав монгольского государства, здесь было проведено новое административное устроение, в котором такие этнические формы, как «Алания» и «Кипчакия», перестали существовать. Как правильно отмечает исследователь Х.А. Хизриев: «Главной особенностью… развития Северного Кавказа в золотоордынский период было превращение плоскостной части… в земли танма или тама, то есть в пограничный военный округ для содержания (и набора. – Авт.) постоянного контингента ордынского войска… Все население, как и весь улус, делилось на два крыла и центр. Крылья и центр состояли из туменов… Монгольский тумен …– округ, с которого должны были поступать 10 тысяч воинов или средства на их содержание».

Так, в «Алании» (Северо-Восточный и Центральный Кавказ) постоянное пребывание имел 10 тыс. конный корпус, на Северо-Западном Кавказе горцы должны были выставлять т.н. «черкесский тумен». Прикаспийские степи (где жили кипчаки и монголы) и примыкающие с юга низменности Дагестана и чеченские равнины Северо-Восточного Кавказа входили в монгольский военный округ – тумен. Центр его, вероятно, располагался в низовьях Терека в т.н. Тюменском городке. Во главе данного округа вследствие его важности ставились ближайшие родственники ханов Золотой Орды. Таким образом, весь Северный Кавказ выставлял до 30 тыс. воинов, из которых не менее половины составляли аланы и «черкесы» (горцы)[42].

Однако здесь, кроме военной системы, присутствовала и управленческая составляющая, проистекавшая из военно-феодальной сущности монгольского общества. Все завоеванные империей земли «на Западе» являлись собственностью исключительно чингизидов (в данном случае потомков Джучи). В конечном счете, завоеванная Бату территория – «Великий улус» была поделена на 4 больших улуса (в т.ч. «Дешт и-Кипчак», куда входил и Северный Кавказ), поделенных, в свою очередь, на ряд областей-улусов (вначале 12, а затем до 70). Так, 7-й улус – Северный Кавказ, Бату поручил в управление брату Берке. Но затем отобрал его в личный домен, т.к. через него шла важная и доходная торговая дорога на Средний Восток, а также располагался стратегический Дербентский проход (его охраняло специальное сторожевое войско). В свою очередь, улус делился на более мелкие единицы, которыми правили феодалы более низкого ранга, носившие и воинские звания тысячников, сотников и т.д.[43]

[42] См.: Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный, 1992. С. 39, 46–47; его же раздел в История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 205–206; и др.

[43] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Изд. 4-е. М., 2013. С. 162–167, и др.

Заметим, что весь Улус Джучи, по крайней мере, при первых ханах считался в составе Монгольской империи: выставлял, к примеру, воинов в дальние походы, платил какие-то общеимперские налоги и имел некий штат чиновников, назначаемых императором-каганом. В монгольской имперской традиции был и такой титул, даруемый высшим чинам – ордынским наместникам целых округов: «тудун», «титям», «дядин/дедяк»[44]. На Северном Кавказе известен город Дедяков, названный так в русских летописях («славный город яьский Дедяков») в связи с подавлением здесь народного восстания ордынскими и русскими войсками в 1278 г.[45] Возможно, что Титяков, Тютяков, Дадаков, Дедяков и являлся какое-то время ставкой ордынского наместника в регионе Северного Кавказа. Можно предположить, что речь идет о Верхнеджулатском городище на Тереке (Северняя Осетия).

Хозяйственное возрождение Северного Кавказа. С течением времени на равнинных землях региона начинает возрождаться земледелие, торговля и городская жизнь. Так, аланское городище Верхний Джулат (Дедяков/Тютяков) превращается в большой восточный город с караван-сараями, мечетями, церквями и банями. Он был разбит на кварталы, заселенные представителями разных народов, в т.ч. местными. Вторым, если не по значимости, то по количеству населения, был город Нижний Джулат (близ г. Майский, Кабардино-Балкария) также на р. Терек. Город имел торговые кварталы, цитадель, большую соборную мечеть с 48 внутренними колоннами и являлся административным центром значительной части северокавказского региона[46].

Другим, ближайшим к границам современной Чечни золотоордынским городом был Маджары на р. Куме (в районе г. Буденновска Ставропольского края). Его площадь достигала 8 кв. км, здесь были здания из жженого кирпича, торговые ряды, мечети, медресе, ремесленные мастерские. Здесь чеканилась и своя монета. Население Маджар состояло из алан, кипчаков, монголов и многочисленных торговцев из разных стран – от Испании до Китая. Крупное поселение золотоордынского времени отмечено и непосредственно на левобережье Тереке (Чеченская Республика) – т.н. Старогладовское поселение[47].

По крайней мере, в период правления в Золотой Орде великого хана Узбека (1283–1341) летняя ставка (столица) государства располагалась на левобережье р. Сунже (с упоминанием также ближайшей речки Ачалуки) на Северном Кавказе. Кроме огромной ордынской ставки, здесь был большой торговый стан и пала-

[44] Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. С. 60, 2216.

[45] Крупнов Е.И. Ещё раз о местонахождении города Дедякова // Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М., 1968. С. 291–297; и др.

[46] Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов-на/Дону. 1984. С. 18–19; Егоров В.Л. Указ. соч. С. 121; и др.

[47] История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 199–200; Хизриев Х.Л. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 5–17; Даутова Р.А. Старогладовское поселение – новый памятник Золотой Орды на Тереке // Археология и краеведение вузу и школе. Грозный, 1988; С. 21–23; и др.

точные поселки вассальных князей. В 1319 г., собирая военные силы для похода против Хулагидов, хан Узбек стоял на Сунже[48].

Восстание в городе Верхний Джулат (Дедяков) и окружающей области в 1277–1278 гг. Скорее всего, оно было вызвано усилением налогового гнета в Золотой Орде, где налоги взимались не только деньгами и имуществом, но и людьми. Немалую роль в указанных восстаниях могли сыграть попытки восстановления независимости северокавказских земель и поддержка северокавказцев-алан со стороны монгольских Хулагидов (правили в Иране, Закавказье и соперничали с Золотой Ордой за гегемонию на всем Кавказе). Судя по всему, против Дедякова были направлены силы, собранные со всей Золотой Орды, включая русские дружины, и командовал ими сам хан Менгу-Тимур (1266–1280 гг.). Город «Дедяков» пал в феврале 1278 г. Он был сожжен и разграблен. Погрому подверглась и вся центральная часть исторической Алании.[49]

Аланская миграция с Северного Кавказа. Начиная с 40-х гг. XIII в. и далее, известная часть северокавказского населения, именуемая в источниках «аланами» и «асами/овсами», вынужденно покидала родину. Несколько тысяч мужчин оказалось в Китае (позже их численность могла возрасти: есть данные, что к XIV в. асская гвардия императора в Пекине насчитывала от 10 до 30 тыс. человек), другая группа алан ушла в Венгрию с половцами хана Котяну, образовав в королевстве этническую область Ясшаг. Большие группы алан покидали равнины и уходили в ущелья Центрального Кавказа (оседая, к примеру, в районе расселения нахоязычных горцев – Двалетия) и далее в Закавказье. Вассал монгольских Хулагидов в Иране – грузинский царь Давид (около 60-х гг. XIII в.) начал принимать и селить беглых знатных алан близ Тбилиси, Дманиси и в Жинвали. Кстати, такое переселение с Северного Кавказа весьма приветствовали и сами хулагидские власти, обязывая алан нести военную службу, в том числе в грузинских крепостях[50].

Такая политика грузинских царей по отношению к горцам и северокавказским аланам проводилась не только по приказу Хулагидов, но и в сугубо национальных интересах. Это был тыл Грузии, изнемогавшей в борьбе с насилиями монгольских захватчиков. Но надо учитывать парадоксальные зигзаги истории – ведь грузинские цари того времени во внешнеполитическом плане то тайно, то явно ориентировались на Золотую Орду в противовес близким угнетателям Хулагидам. А северокавказские аланы и их вожди ориентировались на дальних закавказских Хулагидов в противовес золотоордынским угнетателям. Отсюда

[48] Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде ясском Дедякове» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина) // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения / Ред. С.Л. Дударев. Армавир, 2008. С. 134–139; и др.

[49] См.: ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 75; Егоров В.Л. Указ. соч. С. 194; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 337; История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 207; Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. Магас, 2002. С. 124–125; и др.

[50] См.: Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 116-117; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 192–193, 340, 352–365; Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000. С. 109–111; и др.

в грузино-северокавказских взаимоотношениях того времени возникали самые невероятные коллизии, включая длительные неприязненные отношения, войны, восстания и заговоры[51].

Борьба грузин и нахов за стратегическую Дарьяльскую дорогу. В конце XIII в. грузинский царь Давид VIII (1293–1311 гг.) перешел с двором в горы «Мтиулети» из-за обострения отношений с хулагидским правящим ханом («каэн Аргун») и отсюда направлял послов к потомкам Бату в Золотую Орду, обещая открыть «дорогу» в Закавказье и Иран через Дарьяльское ущелье. Очистив Дарьяльское ущелье от феодальных соперников, царь укрепился в сравнительно большом горном районе с преимущественно нахоязычным населением. Однажды монгольский отряд поднялся от Мцхеты и, перейдя Крестовый перевал, осадил было головное селение Степан-Цминду (Казбеги). В ответ царь Давид набрал 15-тысячное войско из числа окружающих горских обществ Кавказа, тюрок из Ширвана и Кахетии, и нанес ощутимые потери монголам и их местным союзникам, вынудив уйти их восвояси на равнину. Состоялось даже крупное сражение с «татарами» также в районе Цховата и Хада, где заметно отличились местные горцы-нахи.

Монголы разорили равнины Картли и настойчиво требовали от Давида покориться Хулагидам «и не предоставлять дорогу внуку Бато – великому каэну Тохте…». С помощью феодалов аланского происхождения из Ксанского эриставства и грузинских противников Давида монголы в 1295 г. отправились походом в горы. Здесь на сторону Давида встала вся Двалетия (за что была в отместку жестоко и несколько раз опустошена врагами) и, видимо, нахская Дурдзукетия, лежащая по правую сторону от Дарьяла. Тогда царь Давид ушел, нанеся пред этим врагам жестокий урон силами горцев на самый север – в Дарьяльское ущелье «к крепости Гуелетской» (Гвилети?)». Согласно тексту «Картлис цховреба», татары вновь направились в Мтиулети и перевалили в Гуелети. «Когда же они убедились в твердости и неприступности Гуелети, снялись и удалились, ибо задули ветры и начался снегопад. Настигли их горцы и перебили множество»[52].

Улучшение ситуации в Золотой Орде для горских народов. Стратегические и политические интересы Золотой Орды требовали сохранения стабильности на Северном Кавказе и даже привлечения местных народов на свою сторону. Во-первых, здесь проходили трассы торговых путей международного значения, на перекрестьях которых возникли такие золотоордынские города, как Маджары/Мажары (на р. Кума), Нижний Джулат (на р. Терек) и Верхний Джулат (Северная

[51] Картлис цховреба. История Грузии… С. 393–394; Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа… С. 202; Подобные «извивы» наблюдались и в области международной торговли: так генуэзцы вошли в блок с ильханами Ирана, а венецианцы в союз с Золотой Ордой. – Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагидами / Пер. И.М. Миргалеева. Казань, 2007. С. 46.

[52] См.: Столетняя летопись // Картлис цховреба. История Грузии. С. 395–398; Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 118–119; Какабадзе С.С. Указ. соч. С. 113–114; Грузинский «Хронограф» XIV в. С. 202–203, 208; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. С. 224.

Осетия)[53]. Во-вторых, Северный Кавказ стал передовым фронтом в борьбе потомков Джучи с потомками Хулагу в Иране за гегемонию на всем Кавказе. В-третьих, на Северном Кавказе стали располагаться летние кочевые ставки великих ханов, зафиксированные в Пятигорье, Маджарах, Джулате, в междуречье Терека и Сунжи, и на Сулаке. Так, в 1318 г. русский князь Михаил Тверской, согласно летописям, был убит в летней ставке хана Узбека «на реке Сивинце» – Сунжа.

Ордынские поселения располагались и в Чечне у современных с. Самашки, Закан-Юрт, ст. Старогладовской, и т.д. Более того, уже во второй половине XIII в., согласно Рашид ад-дину, за Тереком «степь Кипчакская вся была полна палатками и шатрами их, и край этот был полон лошадьми, мулами, верблюдами, быками и баранами, …». В силу этих и других причин жизнь в равнинно-предгорной части нахских земель постепенно оживает. Тем более, что монголы быстро растворялись в тюркоязычной среде, перенимая язык и традиции исконных обитателей предкавказских степей – давних соседей горских народов[54]. Более того, нам представляется, что расцвет каменного строительства (в т.ч. башенного) в Горной Чечне, вопреки ухудшению климатических условий, был вызван притоком средств, вызванных товарообменом с огромным золототордынским рынком.

Судя по некоторым неподтвержденным данным, некий аланский военный чин Аздин Вазар описывал нахождение в монгольском государстве обширных территорий, населенных в т.ч. алано-нахами (автор не разделял их), от истоков Терека до впадения в Каспий и до р. Идал (Волга). Упоминаются в качестве мест обитания алано-нахов города Мажар, Дади-Ке (Дедяков), Баланжар, Балх и др.[55]

Золотая Орда и Хулагидский Иран (Ильханат). Уже через 20 лет после завоевания империей Кавказа монгольская верхушка, разделившая завоеванный мир, открывает между собой масштабные войны. В 1262–1263 гг. Северный Кавказ становится ареной междоусобных сражений Улуса Джучи и Хулагидского Ирана (Ильханат).

Как известно, в условиях военного времени монголы проводили всеобщую мобилизацию, в том числе и среди покоренных народов. Так, Хулагиды мобилизовывали в той же Грузии в необходимых случаях до 20% мужского населения. Подобный подход имел место и в Улусе Джучи (Золотая Орда), широко привлекавшем русских, кипчаков, алан, черкесов, «лесгов» (дагестанцев) и других горцев в свои войска. Потому такие войны непосредственно затрагивали интересы всех народов Кавказа.

Первые военные действия между Джучидами и Хулагидами развернулись, по мнению исследователя Х.А. Хизриева, в границах современной Чечни. Война началась летом 1262 г. с набега трех золотоордынских туменов на Ширван

[53] Егоров В.Л. Указ. соч. С. 121.

[54] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 74; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 44; Багаев М.Х. Указ. соч. С. 62–63; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. С. 30; и др.

[55] Хожаев Далхан. Аланский историк Аздин Вазар // Газета «Республика». Грозный. 14 февраля 1991.

в Восточном Закавказье. Собрав силы, эмиры Хулагу выбили их из Дербента и, преследуя противника, вышли через Прикаспийский Дагестан и Чечню на левый берег Терека (скорее всего, через броды в районе между современным сел. Брагуны и ст. Николаевской). Уже в январе 1263 г. на левом берегу Терека (напротив впадения Сунжи) встретились две конные армии, насчитывавшие по 300 тыс. воинов. Грандиозное зимнее сражение продемонстрировало «превосходство золотоордынской мощи – Хулагиды отступили и вернулись назад той же дорогой – через Дербентский проход». Об этой эпохальной битве писали в свое время Марко Поло и ряд восточных авторов. Так, Рашид ад-Дин, сторонник Ильханов, живописует: «…на берегу р. Терек с раннего утра до конца дня происходило жестокое побоище. Так как к неприятелю (Беркаю) постоянно подходила помощь, то наше войско показало тыл и стало переходить реку Терек, которая замерзла. Вдруг (лед) проломился, и множество войска утонуло»[56].

Джучиды тем самым закрепили Дербент за собой. Следует сказать, что в этот же период один из корпусов Хулагу в Грузии был выдвинут в непосредственную близость нахских земель: с южной стороны Дарьяльского ущелья.

Следующая военная кампания началась в 1265 г., когда золотоордынский хан Берке вторгся в Ширван. Военные действия завершились миром в 1267 г., но успели обескровить значительные территории Кавказа. В последующем военная активность монголов по-прежнему сосредотачивалась на Дербентском и Дарьяльском проходах, где с обеих сторон содержались значительные силы противников.

В 1319 г. великий золотоордынский хан Узбек через территорию Дагестана и Дербент совершил с большими силами поход в пределы Северного Азербайджана. В ответ на это в 1321 г. хулагидский эмир Чупан прорвался на Северный Кавказ через нахские земли Грузии (Дарьяльское ущелье), а вернулся в Закавказье через Дербент, подвергнув на своем пути сплошному разорению земли в пределах равнин современных Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана. Военные действия возобновлялись и в течение последующих десятилетий: в 1335 г., в 1356/1357 г., и т.д.[57]

Кризис Золотой Орды. Набеги жителей Горной Чечни. Начиная с середины и в течение второй половины XIV в., вследствие продолжающегося ухудшения климата, распространения чудовищной по своим масштабам пандемии чумы («Черная смерть»), политической нестабильности в Золотой Орде, связанной с борьбой различных претендентов за ханский трон, возрастает роль ее земледельческих окраин, а авторитет и влияние кочевой аристократии падает.

В литературе уже обращено внимание на выписки из архива генерала Султан-Казы Гирея (не позже 40-х гг. XIX в.), основанные, видимо, на каких-то арабоязычных рукописях, о масштабном набеге горцев Чечни на земли Золотой Орды:

[56] Тисенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 75.

[57] См.: Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 92; История Дагестана с древнейших времен… Т. 1. С. 229; Егоров В.Л. Указ. соч. С. 196–217; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 343–344; Хизриев Х.А. Битва на Тереке Хулагидов с Джучидами и борьба горцев Закавказья против иноземных захватчиков в XIII–XIV вв. // Чечено-Ингушетия в политической жизни России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Сб. статей. Грозный, 1990; и др.

«В 763 г. Гиджры (1365 г.) при хане Берды-беке Ламрой Керести убили Мамакая, напали на Татар-туп, долго бились, но не взяли и ушли на Куму, где много вреда сделали Канкалам (ногайцам) и Айротам (калмыкам)»[58]. Еще В.А. Кузнецов показал, что речь идет о т.н. «лам-керст» – горцах-христианах или язычниках, населявших верховья рр. Ассы, Фортанги и Гехи – колыбель чеченских родов[59]. Понятно, что такое определение «ламрой керести» данного сказания могло сложиться не ранее XVII–XVIII вв., когда в целом вся Чечня, включая горы, приняла ислам, а в районе Галанчожского бассейна еще оставались «неохваченные» горцы-язычники.

Молодой исследователь З.А. Тесаев, опираясь на предания современников, полагает даже, что указанный поход горцев-нахов был организован и материально подготовлен грузинским царским домом, якобы враждовавшим тогда с Золотой Ордой[60].

Эмир Мамай и горцы. В период подготовки правителя западной части Золотой Орды эмира Мамая к походу на Московское княжество (1380 г.) и речи не идет о простой мобилизации населения на Северном Кавказе, как-то бывало раньше. Мамаю пришлось нанимать за большие деньги воинов в «…Черкасы, Ясы и иныа к сим». Х.А.Хизриев считает, что представители горских народов в армии Мамая были наняты главным образом в Крыму, где они были представлены во всех городах полуострова. Когда из сменявших друг друга в тот беспокойный период золотоордынских ханов к 1380 г. выделился и утвердился Тохтамыш (он успел сразиться и с Мамаем), то в его войска, кроме т.н. татаро-монголов, оказались призваны народы Поволжья, Урала, русские, а также черкесы и аланы (ясы) с Северного Кавказа[61].

Изменения этнической ситуации на Северном Кавказе в период монгольского нашествия и золотоордынского владычества в XIII–XIV вв. Как известно, в этот период в наибольшей степени была ослаблена равнинная северокавказская Алания, а кипчаки вообще утеряли здесь какое-либо значение. Аланы бежали и массами скапливались в горах Кавказа, где тем самым усилился процесс иранизации нахоязычных предков тех же осетин. Часть беглых алан оказалась высоко в горах в соседстве и на земле подвластных грузинской короне

[58] Гребенец Ф.С. Курганы в окрестностях станицы Змейской // Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915. С. 3–4 (Отд. 3).

[59] Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках / В.А. Кузнецов. Владикавказ, 2003. С. 173.

[60] Тесаев З.А. Междоусобица в Золотой Орде как фактор приобретения суверенитета княжеством Симсим (XIV в.) // Рефлексия. № 2. 2018. С. 61–67.

[61] См.: ПСРЛ. Т. 11, 12. М., 1965. Т. 11. С. 46–47; Хизриев Х.А. К вопросу об историческом значении Куликовской битвы для народов Северного Кавказа // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1983. С. 10–12; Шамильоглу Юлай. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, Казань, 2001. С. 18 (по мнению Шамильоглу «…Черная чума была основным фактором внезапной депопуляции, полного коллапса центральной власти и последовавших затем анархии, упадка исламской тюркской литературы и других явлений»).

двалов (на территории южной части Алагирского района современной Северной Осетии и части современной Южной Осетии), не говоря уже и о 5 основных ущельях Северной Осетии. Другие аланы, перевалив Кавказский хребет, спускались по Ксанскому ущелью и на собственно грузинские земли. «Можно полагать, – пишет В.А. Кузнецов – что освоение новых земель на юге было насыщено тяжелой борьбой переселенцев с аборигенами, в которых многие историки видят вайнахоязычных двалов»[62].

Борьба нахских обществ Закавказья с аланскими феодалами. Так, один их грузинских средневековых документов, представляющих родовую хронику ксанских эриставов, повествует о бегстве в «страну Двалетскую» (возможно, в ходе монгольского нашествия или позже) большой семьи знатных «овсов» с 70 «рабами» (по контексту воины-дружинники), которые попросили у горской общины землю для поселения. «Тогда собрались все двалы и сказали: «Не хотим иметь царя сидящим в стране нашей, ибо объест (он) нас». Они же (аланы. – Авт.), поклявшись крепко, сказали, что «не будем называться царями, а именем страны (видимо, ущелья или неназванного общества. – Авт.) той, которую дадите, именем ее (и) будем называться. Тогда дали им страну Бобалетай и назвали их Бибилурами». Однако, встревожившись масштабами строительства укрепленных домов пришельцами и опасаясь их претензий на знатность, двалы вскоре отказали им от указанного места и перевели в некое дальнее ущелье «Ироли». Позже представители аланской аристократии, утвердившиеся при содействии грузинских царей в горной части Картли в качестве ксанских эриставов (военных и гражданских правителей), совершили ряд жестоких карательных экспедиций против закавказских нахов-двалов и их союзников – арагвских мтиулов в XIV–XV вв. с уничтожением жилищ, убийствами и пленением людей[63].

Кипчаки, частью бежавшие от монголов в горы Центрального Кавказа, где жили предки балкарцев и карачаевцев, возможно, оказали самое серьезное воздействие на их этногенез (как ранее и другие тюркские племена на Северном Кавказе – булгары, хазары, и т.д.). Современный балкаро-карачаевский язык (как и кумыкский язык в Дагестане) относится к кипчакской, точнее к кипчако-огузской подгруппе тюркской семьи языков. Вместе с тем, в языке карачаевцев и балкарцев отмечены существенные элементы, относящиеся к исконно северокавказским языкам. Согласно авторитетному мнению антрополога и этнографа В.П. Алексеева: «Антропологические наблюдения однозначно демонстрируют непрерывную последовательность поколений от местных популяций древности, говоривших, бесспорно, на каких-то кавказских [нахских] языках, к современным тюркоязычным народам Северного Кавказа и осетинам. Для карачаевцев, балкарцев и особенно осетин мощный субстратный слой местного кавказского происхождения выявлен и в языке, и в культуре… Переход их предков на тюркскую

[62] Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 340.

[63] Какабадзе С.С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1970. С. 110–111, 113–114, 122 (прим. 27). См., его же: Памятник эриставов. Тбилиси, 1979. С. 21, 29–31 и др.

и иранскую речь имел место не раньше, чем в эпоху позднего средневековья, то есть представляет собой заведомо позднее явление»[64].

Алано/асы практически исчезают из западной части Северного Кавказа; вследствие этого из-за Большой Лабы, Причерноморья и Приазовья начинается продвижение части адыгских племен к востоку, к верхнему бассейну течения р. Кубани. В XIV в. здесь появляются первые адыгские памятники, но дальнейшему продвижению адыгов в восточном направлении, вероятно, препятствовали монгольские (ногайские) и союзные им кипчакские кочевья в районе Кавказских Минеральных вод, Ставропольской возвышенности и Осетинской (Владикавказской) равнины[65].

Нахское население высокогорной части той же Чечни в отличие от Осетии, Карачая и Балкарии, испытавших непосредственное этническое воздействие алан и кипчаков, в период монгольского господства относительно не пострадало. Более того, здесь, вероятно, произошло и некоторое увеличение численности населения края за счет бегства плоскостных жителей за передовую цепь гор.

Как отмечалось, в горах Чечни (особенно центральной и восточной части страны) в XIV в., несмотря на ухудшение климатических условий, наблюдается определенный социально-экономический подъем. Ущелья нахов ощетиниваются сотнями боевых и жилых башен, растет террасное земледелие, местные ремесленники овладевают все новыми отраслями производства, особенно развивается оружейный промысел: так называемые «аланские» доспехи пользуются большой популярностью у монгольской знати золотоордынского государства.

Возможно, что перенаселенность гор и близость золотордынского рынка привели не только к интенсификации производящих форм хозяйства, но и к усилению социальной дифференциации. К эпохе расцвета башенного строительства на территории современной Чечни (XIII–XV вв.) относятся многочисленные предания о горских владельцах башен, занимавшихся охраной перевалов с взиманием платы, набегами, пленением и последующей продажей людей[66].

Превращение Северного Кавказа в экономический центр Золотой Орды. Следует отметить, что ордынское господство в регионе приносило и определенные имперские плоды. Северный Кавказ в целом, уже в конце XIII и в течение XIV вв. превращается в экономический и политический центр Золотой Орды, соперничая по значимости с густонаселенным Поволжьем, где располагалась официальная столица государства – огромный город Сарай. По свидетельству ал-Омари (Эломари): «У султана этого государства рати черкесов, русских и ясов (аланов. – Авт.). Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовитых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот), текут реки и добываются плоды»[67].

[64] Алексеев В.П. Этногенез. Учебное пособие для студентов вузов. М., 1986. С. 101; и др.

[65] Очерки истории Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX века. С. 30–31.

[66] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 46–48; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. С. 15–33; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 227; и др.

[67] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 231.

Как уже подчеркивалось, прогрессивное значение имели северокавказские городские центры Золотой Орды (Маджары, Джулат и др.), в которых, как правило, были так называемые «аланские» и «черкесские» кварталы, где представители горских народов могли встречаться на базарах с купцами из Испании, Италии, Византии, Ирана, Египта, Руси, Средней Азии и Китая, приезжавшими или постоянно жившими в ордынских городах. Арабский путешественник Ибн Батута в XIV в. писал о золотоордынских городах: «каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их»[68].

Безусловно, возобновлялась жизнь и в старых городищах хазарского времени в северо-восточной части региона на землях современного Дагестана и Чечни, где, по нашему мнению, в результате смешивания кипчаков, монголов, дагестанских и нахских горцев (а еще ранее булгар, гуннов и горцев) начинает складываться и новая кумыкская народность. Вместе с тем, в официальной историографии кумыков присутствует большой разброс мнений относительно вопросов этногенеза[69].

Итальянские колонии-города на Кавказе и работорговля. В XIII–XIV вв. в Крыму и на черноморском побережье Кавказа возникли военно-торговые генуэзские и венецианские колонии. Они занимались не только экспортом зерна в Италию – как известно, Золотая Орда была основным экспортером товарного хлеба в бассейне Черного моря и отдельных стран Средиземноморья. С итальянскими торговыми республиками связана и трагическая страница в истории всех горских народов. Дело в том, что те же генуэзцы и венецианцы массами вывозили рабов из Золотой Орды и Северного Кавказа в Египет и страны Средиземноморья (та же Италия в период Великой Чумы вымерла наполовину). Ввиду того, что египетский правящий военный класс (мамлюки) формировался за счет кипчаков и горцев Кавказа, этот «товар» быстро стал основным в отношениях той же Золотой Орды и Египта. Доставленные на кораблях в Каир тысячи тюркских и кавказских пленных мальчиков проходили обучение в военно-спортивных школах и становились профессиональными воинами. С 1382 г. в Египте утвердились на троне так называемые «черкесские» султаны, которые были выходцами, главным образом, с Северного Кавказа. Каждый год черкесские и тюркские феодалы открывали охоту на детей по всему региону с целью продажи на экспорт в Египет и Италию. В период доминирования горских султанов на Ближнем Востоке вывоз горцев в тот же Каир достиг огромных размеров. Ввиду этого Египет имел весьма дружеские связи с Золотой Ордой. Но для населения Северного Кавказа такой «экспорт» живой силы был, конечно, кровоточащей раной[70].

[68] Хизриев Х.А. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа… С. 6, 12–13.

[69] См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Федоров-Гусейнов. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996; Алиев Камиль. Проблема происхождения кумыков в советской идеологии и историографии // Кумыкское научно-культурное общество: Вести. Вып. № 5, 2001, Махачкала. С. 4–18; см. также: Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этногенезу кумыков по геногеографическим данным // Этногенез и ранняя история народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2010 года. – Пенза – Прага: 2010. С. 23–26.

[70] См.: Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Запад-

Распространение ислама и христианства в регионе. Надо отметить, что в XIII–XIV вв. ислам быстро распространяется, к примеру, в горных районах Дагестана. Есть определенные данные, что и в части Чечни ислам имел своих сторонников: уже в конце XIV в. источники (Низам ад-Дин Шами) говорят, что сын правителя Симсима (раннегосударственное образование XIV в. на территории нынешней Чечни) – Мухаммед, был мусульманином, также как и жители его удела. В то время, как его отец Гаюр-хан и жители основной горной части страны оставались язычниками. По этим причинам Мухаммед перешел на сторону «воителя за веру» Тимура, когда тот начал завоевание Симсима[71].

В то же время в Нагорном Дагестане, в Восточной Чечне, и в других нахских горных районах сохранялись не только языческие верования, но и в разной степени христианские воззрения. В начале XIV в. грузинский католикос Евфимий указывал на наличие христианских храмов в Цахуре, Хунзахе (Дагестан) и далее в стране «народа Нахче»[72]. В 1363 г. в европейских источниках называется некое католическое епископство «Каспийских (Кавказских. – Авт.) гор», а к 1392 г. в Дагестане было пять католических миссионерских «центров»: Комек, Тума, Таргу, Дургели, Микаха. Можно осторожно предположить, что под последним названием скрывается «Мичага» или «Мичигач» – нахское общество Восточной Чечни (Нахч-Мохк). Вплоть до 1366 г. продолжала существовать Аланская епархия православной (греческой) церкви, а Зихская епархия католической церкви (Черноморское побережье) действовала на Северном Кавказе вплоть до 1398 г., пока не была упразднена за фактическим отсутствием паствы[73].

В действительности подобные центры ничего общего по значимости с европейскими церковными центрами, конечно, не имели, а являлись небольшими миссионерскими пунктами, но сами по себе эти факты являются весьма примечательными. Как бы то ни было, нахи, как и другие горцы Северного Кавказа, в рассматриваемое время продолжали придерживаться своих традиционных языческих верований, что объективно подтверждается обильным археологическим материалом.

ном Кавказе в XI и XV веках // Исторические записки. Т. 3. М., 1938. С. 72–129; Интериано Джорджио. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. …С. 46–47, 48,50; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 204; Олдридж Д. Каир. Биография города. М., 1970. С. 85; Хизриев Х.А. Горцы против Тимура… С. 38; Шамильоглу Юлай. Указ. соч. С. 25; Камалов И.Х. Указ. соч. С. 46–47; и др.

[71] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 86.

[72] Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукетии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикети // Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 50.

[73] См.: Ахмадов Я.З. Европейские авторы XV–XVI веков о горских народах Северного Кавказа (вопросы исторической географии и политической истории) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 42–45; Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (К истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный. 1989. С. 111–135.

Раннефеодальное образование Симсим (Чечня). Горские феодалы. Согласно преданиям и отрывочным письменным данным, на территории предгорной и горной Чечни и части Северного Дагестана в XIV в. сложилось феодальное образование раннего типа – «область/страна Симсим». Правителем Симсима в этот период назван Гаюр-хан (Кахир-хан, Каир-бек, Кюр-бек). Это феодальное образование являлось результатом определенного поступательного развития местных народов. В своих внешних связях Симсим, судя по всему, ориентировался на Золотую Орду. Предания говорят о тесных связях Гаюр-хана не только со степью, но и горным Сериром (Аварией). Одним из героев грузинской средневековой «рыцарской» поэмы «Алгузиани» является «чеченский царь Каиран». Предполагается также, что упоминаемый в т.ч. в русских летописях ордынский князь «Каирмек» (Каир-бек), активный участник «великой замятни» (феодальной междоусобицы) 60–80-х гг. XIV в. в Золотой Орде, и был тем самым удельным правителем Симсима, достигшим суверенитета в период указанной смуты[74].

Согласно скупым данным источников, можно предположить, что на территории современной Карачаево-Черкесии к концу XIV в. властвовал Буракан, в пределах современных границ Кабардино-Балкарии и части Осетии (Дигории) – братья Кулу и Таус, над подступами к Дарьялу и близлежащими ущельями Осетии господствовал некий Пулад[75].

Выводы. Таким образом, монгольское нашествие XIII в. ощутимо прошлось по Закавказью, Северному Кавказу и Чечне. Эпохальные нашествия ордынцев привели не только к крушению аланских и кипчакских раннефеодальных образований, но и к сокращению нахского автохтонного плоскостного населения. Тем не менее, горские народы и аланы десятилетиями вели партизанскую борьбу против захватчиков.

На громадном пространстве образовалось огромное евразийское государство Улус Джучи, в составе которого наиболее экономически развитым и политически значимым оказался как раз Северный Кавказ. Закавказье вошло в состав другого ордынского государства – Хулагидов, которое периодически совершало грабительские походы на кавказские народы, пытаясь в т.ч. закрепиться в Дарьяльском ущелье. Здесь им героически противостояли горцы – нахи.

Политические перипетии в ходе борьбы великих и региональных держав и развитии Золотой Орды приводили к переменам в положении нахских горных и равнинных обществ Кавказа, выразившимся в сокращении границ их расселения и даже кардинальном изменении этнического лица отдельных нахских районов.

[74] См.: Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. – О царях Хазаретии. – Алгузиаин // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. № 22. Тифлис, 1897. С. 17–196 (Отд. 1); Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 229–230; Тесаев З.А. Указ. соч. С. 64–66; и др.

[75] Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный, 1976. С. 118–119; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 76–79; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII веков. СПб., 1994. С. 184–185; и др.

Вместе с тем, самые многочисленные нахи Кавказа, сосредоточенные в районах исторической Чечни, приходят в рассматриваемый период к интенсификации хозяйственной жизни, усилению социального развития, росту масштабов каменного строительства. Происходит складывание основных исторических обществ Чечни, которое завершится в XV в.

Надо полагать, что прогресс объяснялся и развитием торговых связей горцев с городскими центрами Золотой Орды на Северном Кавказе, и функционированием международных торговых путей. Как бы то ни было, здесь в XIV в. возникает раннее государственное образование Симсим, где идет распространение ислама, с одной стороны, и христианства – с другой.

Глава XV.

НАШЕСТВИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЯ ТИМУРА. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАХОВ КАВКАЗА И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЧНИ (конец XIV–XV вв.)

§1. Походы Тимура на Грузию и в горы. Разгром Золотой Орды и карательные удары по народам Северного Кавказа

Основные источники по периоду XIII–XV вв. в политической истории Кавказа и нахских народов нами уже указаны в предыдущих главах. Остается привести еще несколько основополагающих сочинений историографов завоеваний Тимура, как: Шами ад-Дин (Низам ад-Дин Абд ал-Васи Шами; ?-1431), Шереф ад-Дин Йезди (Шереф ад-Дин Али Йезди; 1405–1447) и Ибн Арабшах (Ахмед ибн Мухаммед ибн Арабшах; 1392–1450)[1]. Для политической истории Восточного Кавказа второй половины XV в. представляет немалый интерес также труд Фазлуллаха[2].

В целом события XIV–XV столетия на Кавказе нашли некоторое отражение в трудах-хрониках некоторых грузинских и армянских позднесредневековых авторов[3]. Можно говорить и о месте европейских источников в историографии региона указанного времени с учетом записок Иосафата Барбаро (1413–1494) и Джорджио Интериано (издал свою работу о Северном Кавказе в 1502 г.)[4]. Основ-

[1] См.: Низам ад-Дин Шами. Из «Книги побед» // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941; Шереф ад-Дина Йезди. Из «Книги побед». Зафар-наме // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941; Ибн Арабшах. История эмира Тимура. 2-е изд. Ташкент, 2007.

[2] Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи амини / Пер. с перс. на англ. В.Ф. Минорского; пер. с англ. на рус. Т. А. Минорской. Предисл. З.М. Буниятова, О.А. Эфендиева. Баку. 1987.

[3] См.: Мецопский Фома. История Тимур-Ланка и его преемников / Пер. Т. Тер-Григоряна и А. Баграмяна. Баку, 1957; Какабадзе С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1979; и др.

[4] Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е.Ч. Сржинская М., 1971 (и др. изд.); Интериано Д. Быт и страна зихов, иименуемых черкесами. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / В.К. Гарданов, Н.А. Пенчко. Нальчик, 1974; и др.

ными исследовательскими монографиями по нашествию Тимура на Северный Кавказ остаются на сегодня исследования Э.В. Ртвеладзе и Х.А. Хизриева[5].

Государство и армия Тимура. Во второй половине XIV в. в раздробленной феодальными усобицами Средней Азии выделяется полководец и завоеватель Тимур (Тимурленг, Тамерлан), который стал основателем великого централизованного исламского государства Мавераннахар (столица Самарканд). Номинальными его правителями были послушные Тимуру чингизидские царевичи (от их имени чеканилась и монета), сам же он носил титул «эмир» (князь, правитель). Своей официальной целью завоеватель Тимур (1336–1405 гг.) ставил утверждение ислама, восстановление Монгольской империи в границах, достигнутых Чингиз-ханом и его преемниками. В собирании земель тюркских исламских народов Азии в единое государство заключалась прогрессивная роль Тимура.

Среднеазиатский завоеватель создал сильную постоянную армию, вооруженную унифицированным оружием, разделенную на организованные подразделения пехоты и конницы, которым придавались специализированные части (например, горные и инженерные). Впервые в Азии он начал применять огнестрельное оружие в виде пушек. Все это позволило ему не только объединить среднеазиатский регион, но и захватить Афганистан, Индию, Иран, разгромить османскую державу, Кавказ и земли великого государства того времени – Золотой Орды[6].

Тохтамыш. Современник Тимура, хан Золотой Орды и правитель Северного Кавказа, чингизид Тохтамыш из линии Джучидов, прежде чем захватил правление в 1382 г., потерпел немало бед от своих соперников, которых преодолел при поддержке того же Тимура. Тохтамыш упрочился на троне, однако не стал сдерживать аппетиты кочевой знати и напал в 1384 г. на Северный Иран (Азербайджан), покоренный ранее Тимуром. Более того, он также намеревался восстановить власть над всеми странами, которыми владел его прапрадед Чингиз-хан, в том числе и над теми, которыми непосредственно правил «безродный» Тимур. Свой очередной поход против владений Тимура в 1388 г., предварительно собрав огромное войско из татар, русских, черкесов и алан, Тохтамыш направил в Среднюю Азию, дойдя до самой Бухары. Он был отброшен, а в 1391 г. громадная армия Тимура вторглась в Золотую Орду с востока и разграбила ее владения до Волги; армия Тохтамыша была наголову разгромлена 18 июня в великой битве на р. Кондурче (ныне Самарская область).

Закавказье и Тимур. Сражения с горцами. Известно, что Кавказ непосредственно затронули перипетии борьбы двух великих держав. Причем грузинский

[5] Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный. С. 103–128; Его же совместно с А. Х. Саидовым): Амир Темур в зеркале мировой науки. Ташкент, 1999; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура (борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный, 1992.

[6] См.: Ибн Арабшах. Указ.соч. 2-е изд.; Лемб Г. Тамерлан. Потрясатель вселенной. М., 2008; Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875; и др.

царь Баграт V принял сторону правителей Золотой Орды и даже заключил с Тохтамышем официальный союз. Эта ситуация противоборства двух великих государств трагически сказалось на судьбах всех народов Кавказа[7].

В течение 1386–1394 гг. войска Тимура несколько раз огнем и мечом прошли Северный Иран и все страны Закавказья: Азербайджан, Армению, Грузию. В грузинских источниках приводятся сведения о кровавых действиях Тимура в Восточной Грузии, о взятии Тбилиси и пленении царя Баграта, о грузино-горском боевом содружестве, и т. д. Интересно отметить, что Баграт получил свободу, приняв ислам в лагере Тамерлана. При этом, согласно источникам, обещал обратить в мусульманство не только грузин, но и «людей, живущих в горных местах: мтиулов, осетин, двалов, сванов, абхазов и всех там живущих…»[8].

Весной 1387 г. Тимур организовывает новый поход на Грузию (в данном случае на Картли) главными силами, но Баграт успел перевести часть населения с равнинных мест в горы и лично «сокрыться в Кавказских горах». В 1393 г. войска Тамерлана в очередной раз вторглись в пределы Грузии четырьмя десятитысячными колоннами и, ломая упорное сопротивление, разорили южную часть страны. В 1394 г. (а по мнению издателя источника «Памятника эриставов» С.С.Какабадзе – в 1400 г.) Тамерлан направляет войска в Арагвское ущелье к Дарьяльским воротам для упреждения вторжения войск Золотой Орды через горы в Грузию в Иран. Однако предводитель Золотой Орды – Тохтамыш, ударил на владения Тимура через Дербент. В свою очередь, горцы Дарьяльского ущелья (частично уже картвелизированные нахи) оказали упорное сопротивление силам Тимура, втягивая противника в кровопролитные бои в узких ущельях. Тем самым они не дали войскам Тамерлана прорваться на север к Дарьяльским воротам.

«И прибыло войско, (посланное) для набега, и послал (ксанский эристав Виршел. – Авт.) навстречу лучников и начали метать стрелы и изгнали (их) /9а/.... И присоединили (к себе) силы, и вновь прибыло (еще) более многочисленное (войско Тимура) и пришли к крепости. И спустились навстречу им азнауры…, и начали метать стрелы, и убили у них лошадей, и ранили многих стрелами, и прогнали с битвой. И вновь выступили (войска Тимура), и ударили в барабаны, и собрались во множестве великом, и отправились в ущелья, леса, скалы, горы, и направились к крепости Бехушской.

Тогда встал эристав в верхней крепости. Прибыло войска (Тимура столько), что не могли вместить теснины ущелья; спешились. И спустились им навстречу Виршел и близкие… его, и стали метать (стрелы); затем обнажили сабли. И не могло напасть (одновременно все) войско; и повернули передние воины (Тимура), ибо убиты (были) многие из них. И ушло все войско»[9].

[7] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009. С. 218–219; Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info›bibliotek_Buks/History/Vachn/ (дата обращения 14.10.2018); Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Хулагидами. / Пер. с тур. и научн. ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2007. С. 87–88; и др.

[8] Гамрекели В.И. Двалы и Двалети в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 126.

[9] Какабадзе С.С. Памятник эриставов. Тбилиси, 1979. С. 12, 35–36.

Завоеватель не успел также перехватить и возвращение на Северный Кавказ через Дербент Тохтамыша с награбленным добром[10].

Начало эпохального нашествия Тимура на Золотую Орду и Северный Кавказ. В конце 1394 – начале 1395 г. Тимуром было принято решение о походе на Золотую Орду, и его армия возросла за счет отрядов вассальных правителей до 300 тыс. человек. Причем это были прекрасно организованные силы, способные решать боевые задачи в любых условиях, благодаря соразмерному сочетанию пехоты, конницы и специальных частей обеспечения. Потому нашествие такой невиданной для средневековья военной силы приобрело форму эпохального действия, направленного на уничтожение как государств, так и народов.

Сосредоточившись в конце февраля у Дербента, армия двинулась маршем на север, прошла Прикаспийский Дагестан (жестоко подавив по пути сопротивление местных «кайтаков»), повернула на восток и, сбив передовые отряды ордынцев на Сулаке, достигла вскоре территории современной Чечни. Здесь, согласно средневековому историографу Низам ад-дин Шами, войска Тимура встали лагерем на переправах через р. «Сундж» (Сунжа – правобережный приток Терека) на правом берегу (это район между современным Гудермесом и Брагунами).

Первые столкновения на Сунже и Тереке. Между тем, значительные отряды Тохтамыша также достигли Сунжи и встали на левом берегу, заняв «оборонительное положение и выставив щиты и заслоны». По сведениям другого историографа Тимура Шереф ад-дин Йездисам, сам хан Тохтамыш поставил укрепленный лагерь выше впадения Сунжи в Терек на правом берегу полноводной реки, в районе терских переправ в открытые степи. Однако неширокая и неглубокая Сунжа не послужила достаточным препятствием для армии Тимура, который, сбив заслоны на Сунже, достиг близкого берега Терека, где «мощно и уверенно» вступил в сражение с ордынцами. Бросив лагерь и обоз, Тохтамыш воспользовался бродами на Тереке (скорее всего, в районе станицы Николаевской в 25–30 км от Гудермеса) для отступления и, переправившись на левый берег, степью двигаясь к северу, достиг речки «Каурай» (Кура/Курай) – притока р. Кумы, где, встав лагерем, смог собрать идущие из разных улусов ордынские войска.

После этого Тохтамыш двинулся к югу, к верхнему участку течения Терека, на плоскости, где полчища Тимура уже успели разорить с целью сбора провианта область Джулад/Джулат. По сообщению Шереф ад-дин Йезди: «Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль берега реки (на запад. – Авт.) в область Джулат (территория равнин в границах современной Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. – Авт.), чтобы воины запаслись из тамошних зерновых продуктов…»[11].

В армии Тохтамыша, собранной со всей Орды, были татаро-монголы, русские, народы Поволжья, черкесы, аланы, венецианцы, генуэзцы и другие жители Крыма и, безусловно, коренные жители равнин и предгорий Северного Кавказа, так

[10] Давит Багратиони. История Грузии. Тбилиси, 1971. С. 128–130; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура… С. 44; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 231; и др.

[11] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 175.

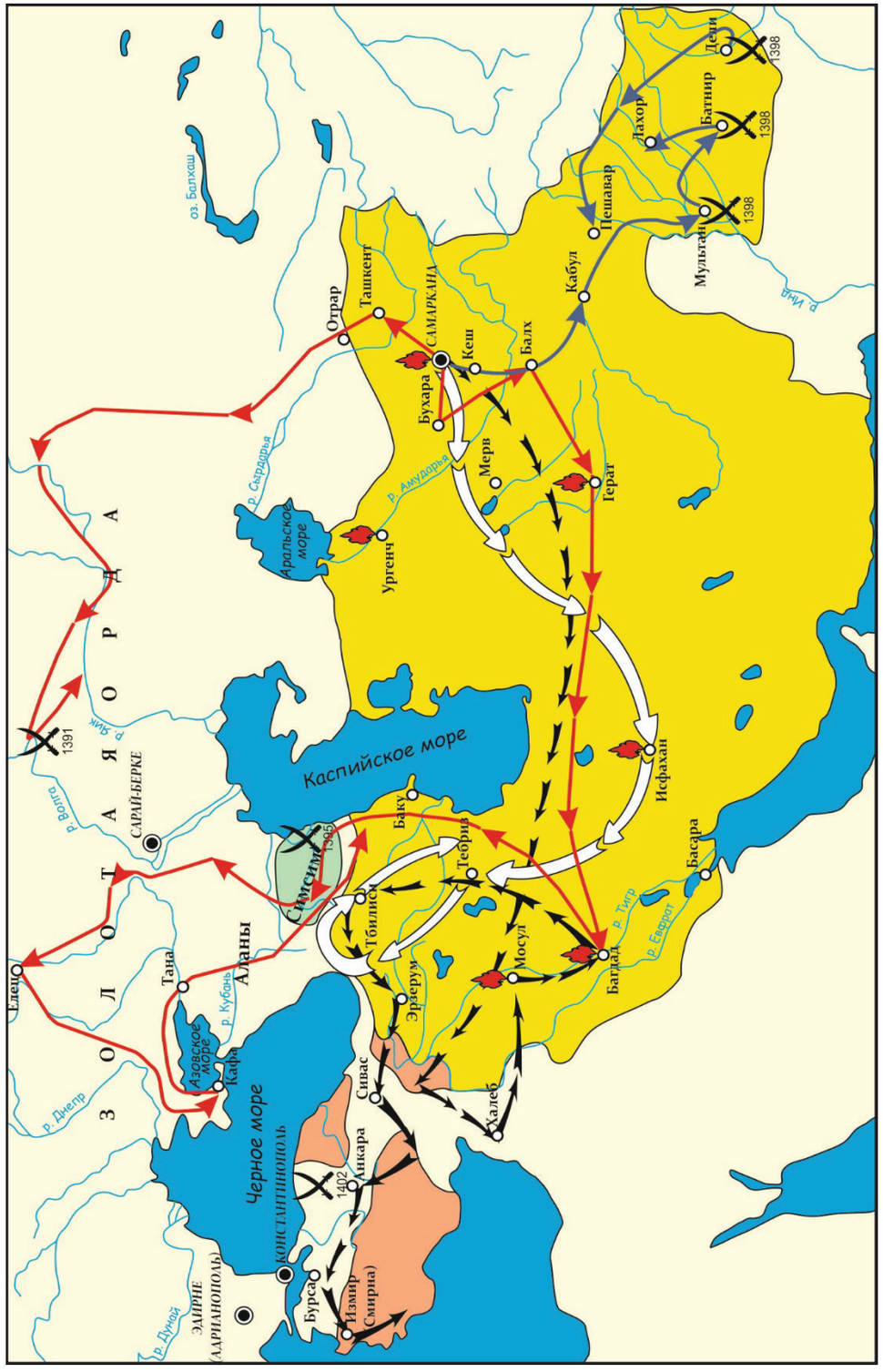

Рис. 41. Держава Тимура в период расцвета и походы на Кавказ, Малую Азию и Золотую Орду в 1386–1395 гг.

как в данной ситуации это была оборонительная война, а нахские и аланские районы (включая область Симсим, где правил Гаюр-хан) непосредственно прилегали к театру военных действий[12]. Если верить извлечениям из записей российского генерала Султан-Казы Гирея, «…у хана Тохтамыша в Орде находились Джаи (в данном случае горцы. – Авт.), Адыге, Руссы, Ногай, Гурджы (грузины), Осы (осетины), Эрмине (армяне) и Куманы (половцы или теперешние кумыки)»[13].

Генеральное сражение 15 апреля 1395 г. Развернув свои войска на плоскости левого берега Терека, Тимур встретил двигавшуюся на него армию ордынцев и 15 апреля 1395 г. открыл генеральное сражение с Тохтамышем. По своей численности силы золотоордынского хана не уступали войску Тимура (до 300 тыс. воинов), если не превосходили его. В трехдневной битве, таким образом, с обеих сторон сражалось не менее полумиллиона человек. Как говорит современник, «ручьями лилась кровь по степи». Сражение, вылившееся в жестокое побоище, закончилось полным поражением золотоордынского войска. Тохтамыш бежал на Волгу, а один из его влиятельных эмиров, Утурку, укрылся в горах Центрального Кавказа[14].

Тактика планомерного разорения и уничтожения, примененная Тимуром на Северном Кавказе. Не вдаваясь в подробности всех военных походов Тимура в кампании 1395 г. на Северном Кавказе, Волге, Дону и Днепре, что довольно подробно расписано Х.А. Хизриевым, Э.В. Ртвеладзе и В.А. Кузнецовым, отметим, что Тимур вел планомерное физическое истребление остатков войск Тохтамыша и населения золотоордынских владений. Очистив степи между Доном и Волгой, он в 1395 г. принялся собственно за Северный Кавказ, последовательно покоряя область за областью. Так, он разорил на Северо-Западном Кавказе черкесов («ограбили весь улус черкесский») и захватил страну западно-аланских правителей Буриберди и Буракана (предположительно, Карачаево-Черкесия и Пятигорье); причем Тимур «с целью джихада взошел на гору Эльбруз (Эльбрус. – ? Авт.)». Неприступные крепости Кули и Тауса, расположенные предположительно в горах Северной Осетии и Балкарии, пали в ходе штурмов горных твердынь, затем наступила очередь Пулада, владевшего районами, охватывавшими Осетию (включая, возможно, начало Дарьяльского прохода) – область «Ихран», «Иркувун» (здесь, кстати, скрывался и эмир Утурку)[15].

---

[12] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 118–119, 175–176; Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ… С. 106–110; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 52–55, 88; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII веков. СПб., 1994. С. 183; и др.

[13] Гребенец Ф.С. Курганы в окрестностях станицы Змейской // Сборник сведений для описания метностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915. С. 4 (Отд. 3).

[14] См.: Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С .120–121, 176–178; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1988. С. 268–269; Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 110; Х. А. Хизриев. Указ. соч. С. 59–66.

[15] См.:. Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 111–114, 116; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 73–84; Его же: Хизриев Х.А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 11. Грозный, 1977. С. 130–140; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 345–347; Отметим, что археолог Е.И. Нарожный все походы Тимура на Северном Кавказе сводит к Северо-Западному Кавказу (Прикубанье, Причер-

Скорее всего, в лице указанных «владетелей» мы имеем последних потомков аланских «царей» и князей, окрепших было в период почти полувековой «сумятицы» в Золотой Орде. По окончании нашествия Тимура средневековая «Алания» как этнополитическая единица исчезает вместе со своим населением[16].

Пятый поход Тимура на Северном Кавказе. Разгром Симсима (Чечня). После разгрома Пулада, пленения Утурку и «зачистки» северного входа в Дарьяльское ущелье Тимур дал в Пятигорье (Бештау) очередной отдых своим войскам, значительно потрепанным в ходе ожесточенных боев в горных условиях. Следующий поход (пятый, согласно концепции историка Х.А. Хизриева), в том же 1395 г. (видимо, в конце лета), Тимур, совершил на страну Симсим, расположенную между «Капчигаем» (Дарьял или Чегем в границах современной Кабардино-Балкарии?) и «Аухаром» (нахоязычный Аух или горный Аваристан в Дагестане). Возможен охват и части прикасийских районов между Сулаком и Тереком. Тот же Э.В. Ртвеладзе полагает, что Симсим имел более скромную территорию, охватывавшую юго-восточную часть Чечни и прилегающие районы Кумыкской плоскости.

Правитель Симсима Гаюр-хан отказался изъявить покорность Тимуру, хотя огромное воинство уже стояло у границ страны. Судя по отрывочным данным, Симсим имел удельное деление: население одной из областей было, по-видимому, исламизировано. Так, сына Гаюр-хана звали Мухаммед, и он имел в своем управлении отдельную область – «иль», где жили подданные-мусульмане. По прибытии Тимура сын Гаюр-хана Мухаммед «собрал свою область» и перешел на сторону завоевателя. Согласно источнику, «удостоившись чести целования ковра, вступил в число слуг двора». Но другая «группа жителей этих мест бежала и, укрывшись в горах, ушла в такие недоступные места, куда и пеший с трудом мог добраться». Жители горной части, видимо, придерживались христианских либо языческих воззрений (имели «церкви и капища»)[17].

Тимур вошел на Чеченскую равнину, скорее всего, в районе современного Грозного, где и переправился через Сунжу (галечный брод здесь, в центре современного г. Грозного, по сей день носит имя Астаг Тимур-гечу – «брод Хромого Тимура»). В связи с действиями Тимура на Сунже возникает вопрос о крупном Алхан-Калинском городище выше по Сунже от указанных бродов до 20 км. Есть основания полагать, что среднеазиатский завоеватель долго стоял здесь лагерем. Недаром в XVI в. русские источники называли Алхан-Калинское городище на Сунже, «что был город Темирексака»[18].

Продолжение боев в горной части Симсима (Чечня) и Аухе. Судя по сведениям персидских летописцев Шами и Иезди, первые сражения Тимура

номорье) и к Абхазии. – См., Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XIV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Владикавказ, 2010. С. 41–44.

[16] Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 21–22.

[17] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123, 183; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура… С. 86–87; Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 118–119; Тесаев З.А. Чеченская «География» XV века. Грозный, 2018. С. 17–25.

[18] Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. М., 1888. С. 149; Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 117–119.

с ополчением Симсима состоялись на плоскости. После поражения нахов на предгорных равнинах население укрылось в горах, однако сопротивление их продолжалось. Видимо, было совершено и несколько дерзких вылазок, после чего «Тимур лично отправился против них…». Придворные историографы сообщают, что в местах боевых действий было много неприступных мест, башен и крепостей, которые, однако, завоеватели захватывали и разрушали, сбрасывая при этом плененных жителей в пропасти. Х.А. Хизриев считает, что действия Тимура в горах затронули горные селения современных Сунженского (Галанчажского, Галашкинского?), Ачхой-Мартановского и Шатойского (Итум-Калинского, Чеберлоевского?) районов Чечни (также Нахч-Мохка – Веденского и Ножай-Юртовского районов?) и восточной части Назрановского района Ингушетии. Другие исследователи полагают, что Тимур вошел в горы через Аргунское ущелье, а затем двинулся на восток, пока не дошел до Андийского хребта (Э. В. Ртвеладзе).

Накал боев в Горной Чечне был столь велик, что отряды Тимура в пылу боев забирались в такие места, что ни конному, ни пешему нельзя было затем спуститься, «а следовало оттолкнуться и скользить вниз». Придворные хронисты вынуждены были отметить, что сам Тимур лично «подвергался этим ужасам и опасностям» в горах Симсима.

Уничтожая «все церкви и капища их», завоеватель, видимо, достиг Нахч-Мохка (Ичкерия), откуда спустился по течению р. Аксай на плоскость между Сулаком и Тереком, где «напал на иль и улус этой равнины». Это могли быть районы, населенные нахч-махкоевцами (мичиговцы) и нахами-ауховцами. Интересно отметить, что знаток арабоязычных исторических хроник Дагестана и Ширвана А.-К. Бакиханов полагает наоборот, что Тимур, из Дагестана покорив кумыков, обитающих между Тереком и Сулаком, прошел по земле Мичикич (восточная часть Чечни. – Авт.)». Согласно местным преданиям, те же ауховцы выдержали ряд битв с отрядами Тимура, а затем смогли даже оказать помощь дагестанским собратьям, подвергшимся нашествию. Тимур, сделав «набег на предгорье горы Аухар», пошел затем на восток, громя дагестанские селения. Где-то на левобережье Сулака войска эмира взяли штурмом известный «город Алмак» (ныне, возможно, ауховское селение Алмак на речке Акташ). Отдельные отряды рассыпались с целью грабежа по окрестным горам и ущельям[19].

Военные действия Тимура на Волге и в Дагестане. Из западной части Дагестана Тимур вновь вернулся в Пятигорье, глубокой осенью двинулся на Московское княжество и в Рязанской земле взял небольшой город-крепость Елец, но, дойдя до Оки, внезапно повернул обратно. Зимой 1395/1396 г. ставка Тимура перемещается в низовья р. Кумы, где была возможность выпаса лошадей под снежным покровом. Именно отсюда его войска двинулись на северо-восток, сожгли золотоордынские города на Волге (Сарай-Берке и Хаджи-Тархан), разграбили

[19] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 183; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 64; Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1975. С. 124–139; Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 119–125; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 87–97; Гадло А.В. Указ. соч. С. 186; и др.

Северный Прикаспий, а весной 1396 г. продолжили на обратном пути к Дербенту завоевание горного Дагестана.

Следует при этом отметить, что, рекомендуя себя «защитником веры», Тимур выказывал возмущение тем горским правителям-мусульманам, выступавшим против него заодно с немусульманами, пытался вносить раскол среди народов Дагестана путем раздачи наград и земель местной исламизированной аристократии: когда часть дагестанских старшин и вельмож прибыли в его лагерь, «он обласкал их разными милостями (подарками. – Авт.) … Утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад». Так, в одном из дагестанских сочинений XIX в. говорится о событиях, связанных с пришествием Тимура, который якобы отдал эмиру хунзахцев (Авария) право сбора хараджа (налог на ведение священной войны), начиная едва ли не с Шибута и «вплоть до Галгая (Гулга)»[20].

Последствия нашествия завоевателя Тимура. Такие завоевательные походы можно смело отнести к эпохальным нашествиям, которые на столетия определяют дальнейшую судьбу целых народов, регионов и континентов. Производительные силы всего некогда цветущего региона были основательно разрушены нашествием Тимура. Поход Тимура на равнины и горы той же Чечни был настолько чудовищным по своим последствиям, что память о нем надолго запечатлелась в устном творчестве народа. Многочисленные легенды и предания об «Аксак-Тимуре», топонимика и ономастика, связанные с событиями того времени, говорят о подлинно кровавом характере нашествия «властелина вселенной». Один из арабоязычных авторов XV в. отметил: «Тимур… продвигался вплоть до территории русских, черкесов, маджаров (аланы и ордынцы). – Авт.) и Азака, где он снова учинил резню, рабство и пленение, грабеж и опустошение…»[21].

Впервые в истории в таком масштабе пострадали горные районы региона, которые даже в период 150-летнего господства Золотой Орды оставались практически недоступными для степняков. Серьезные потери несли в целом все нахские земли Большого Кавказа, которые активно участвовали в военных предприятиях против Тимура по обеим сторонам Большого Кавказа.

С разрушительным походом Тимура на Северном Кавказе угасли северокавказские города и сотни селений, исчезает аланское население как таковое, наряду с географическими названиями.

Было частью вырезано и частью угнано в рабство сельское и городское население центральной части региона, бассейнов рр. Кубани, Кумы, Терека, Сунжи и Су-

[20] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 186–187; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004, С. 332–334; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа… С. 186; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 64–65; Камалов И.Х. Указ. соч. С. 90; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV–XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 62.

[21] См.: Гадло А.В. Указ. соч. С. 187; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура… См.: Приложение: 114–164; Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007. С. 64.

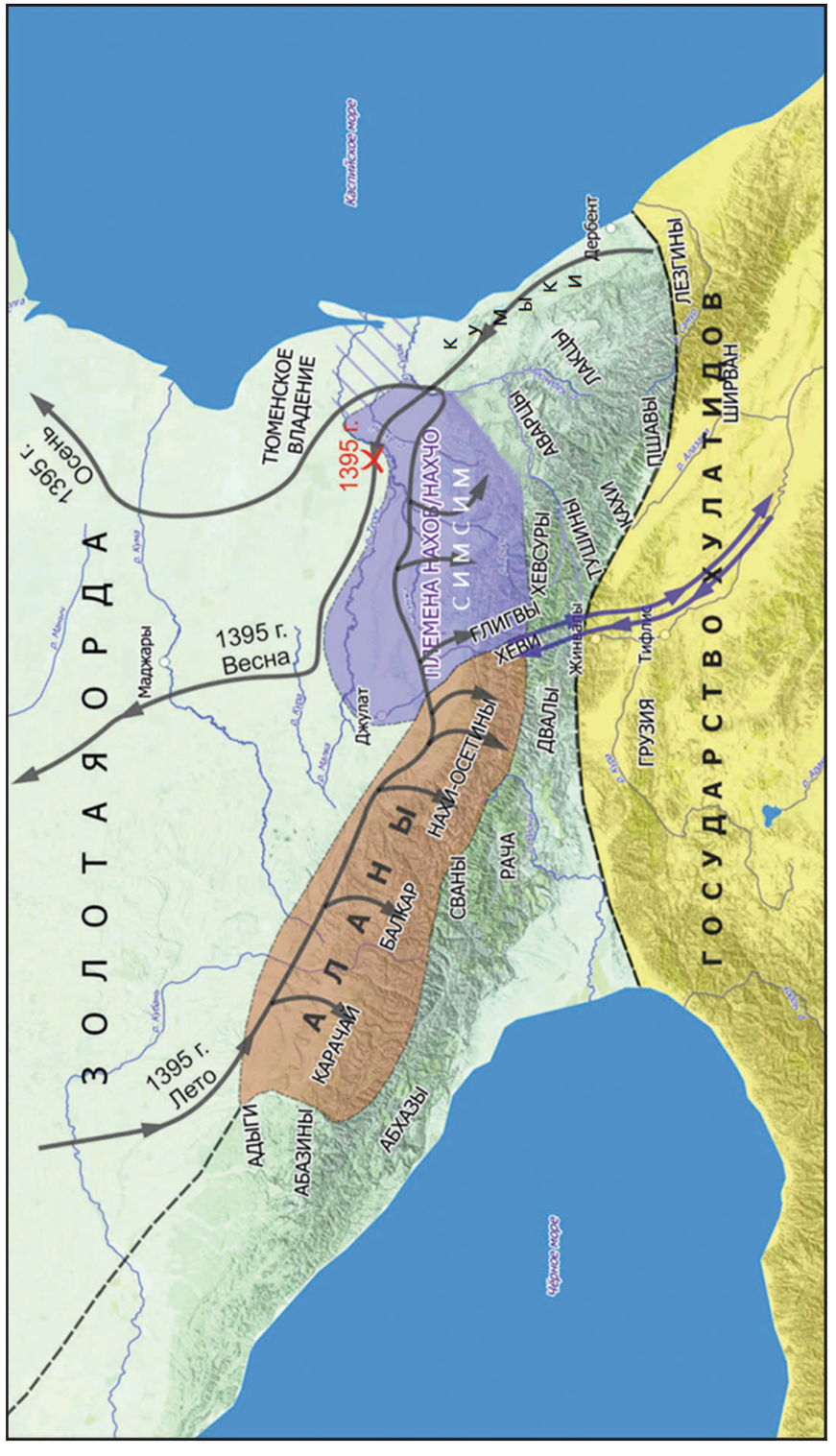

Рис. 42. Северный Кавказ в период походов Тимура и развала Золотой Орды 1390–1395 гг.
Условные обозначения:
– Граница Золотой Орды и государства Хулагидов на Кавказе
– Княжества Симсим (Улус) Гаюр-хана/Кюр-Бек
– Расселение аланов
– Поход Тимура в 1394 г.
– Поход Тимура в 1395 г.
– Места и даты сражений

лака. Исчезли раннефеодальные предгосударственные объединения крупных феодалов, а также сравнительное большое раннее нахское государство Симсим. Ведь основная цель завоевателя Тимура заключалась не в присоединении данных территорий, а в полном уничтожении политических структур, экономического базиса, военного потенциала в т.ч. путем ликвидации здесь народонаселения как такового. Как известно, именно Северный Кавказ наряду с Поволжьем, являлся основным экономическим центром и хлебной житницей золотоордынского государства.

В том же 1396 г. весной армия Тимура наконец ушла на юг через Дербент и вела далее свои завоевания в Закавказье, Сирии и Малой Азии.

Нашествие Тимура окончательно обессилило Золотую Орду, которая, так и не восстановив свое былое могущество, распалась в течение XV столетия на отдельные ханства и владения. Недаром Москва вплоть до 1420 г. прекратила выплату дани ослабленным золотоордынским ханам.

§2. Изменения этнополитической карты Северного Кавказа и Закавказья в XV в. Чечня как крупнейшая нахская область на Кавказе

Этнополитическая ситуация в регионе в XV в. В регионе и вокруг в течение указанного времени отмечено воздействие следующих факторов: постепенная ликвидация последствий нашествия Тимура на Закавказье, Северный Кавказ и Поволжье, катастрофическое ослабление Золотой Орды с последующим распадом, децентрализация Грузии на отдельные царства и княжества, начало продвижения кабардинских племен с запада к Кубани и Пятигорью, усиление крупных феодальных владений Дагестана, выход Османской империи к Крыму и черноморским пределам Северного Кавказа. Сюда надо добавить и так называемые «исламские набеги» на Северный Кавказ из Восточного Закавказья (государство Ак-Коюнлу), периодические действия ордынских подразделений за Тереком и Кубанью. Но вместе с тем идет и постепенная ликвидация последствий нашествия Тимура на Закавказье и Северный Кавказ.

Немаловажным обстоятельством, влиявшим на этнополитические процессы в крае, было постепенное восстановление (после нашествия Тимура) экономи–ческого и людского потенциала районов, населенных нахами (по крайней мере, в границах современной Чечни) и деэтнизация большей части нахских обществ Большого Кавказа в формате преобладания грузинского, алано-«овского» и тюркского языков и соответствующих этнотипов.

«Малое оледенение». Нельзя не сказать также о своеобразном «малом оледенении» в Европе и на Кавказе, которое и продолжалось несколько веков. Вот как описывает ужасающую ситуацию, вызванную как похолоданием, так и войнами в армянских и грузинских районах Закавказья, один из современников: «Когда наступил следующий 880 год [1431], в нашей стране начался страшный голод, как среди христиан, так и нехристиан. Люди съели собак и кошек, лошадей и му-

лов, ослов и верблюдов, питаясь мертвечиной, и значительно уменьшилось число животных…

Звери, привыкшие питаться мертвечиной, стали нападать на живых людей, еще остававшихся в нашей стране …В области Арчеша волки сожрали больше 100 душ [не считая нищих] близ рек Арест и Мармет. Христиан, отправившихся зимой из области Араратской в страну иберов (Грузия. – Авт.), погибло от сурового климата так много, что нельзя было и сосчитать их…»[22]. С другой стороны, и на северных границах расселения нахов – за Тереком, в степных районах Прикаспия и Восточной Европы политически ослабленная Орда также переживала тяжелый социальный и политический кризис.

Границы расселения собственно этнических нахов в XIV–XV вв. Они значительно сократились вследствие воздействия «огосударствленных» народов, многочисленных войн, нашествий, угона населения и его физического уничтожения. Остатки нахских народностей горных ущелий Кавказа подверглись соответственно иранизации («Овсетия», «Двалетия»), тюркизации (Карачай, Балкария), картвелизации (Рачи, Хеви, Мтиулети, Хевсурети, Дзурдзукети, Пшавети, Тушети и еще нескольких малых обществ).

В XV в. мы можем говорить о сохранении большого массива нахо-горского населения с нахскими языками в пределах современных земель Чечни. Совершенно небольшие группы с нахскими языками сохранились в замкнутых углах горной Грузии (в Цова-Тушетии, по речкам Охкарохи-Кистинка и Джута, впадающим в Терек, в обществах Мецхал и Джайрах), а также в замкнутом районе истоков р. Ассы в виде общества – «Глигви» (Галгай)[23].

Не останавливаясь развернуто на судьбах горного населения Карачая и Балкарии, нахский компонент которого подвергся изменению в ином этническом измерении (и тюркизация и аланизация), следует остановиться на исторических судьбах нахского компонента собственно Осетии и Двалетии.

Аланы и вопрос о нахах Осетии (Двалетия) в XV в. Здесь существует если не историческая, то, по крайней мере, понятийная ясность. В результате монгольского нашествия и режима подавления Золотой Орды и, в особенности кровавого нашествия Тимура в конце XIV в., остатки равнинного аланского населения массами уходят в горы Северного Кавказа, а также далее на юг, в Грузию. Под давлением переселенцев у автохтонного населения ряда ущелий Осетии происходит смена языка, но не материальной культуры, которая остается сугубо кавказской. Происходит формирование в вытянутых в меридиональном направлении ущельях и долинах ледникового происхождения 5 основных «овских» больших сооб-

[22] Мецопский Фома. История Тимур-Ланка и его преемников… С. 81–82.

[23] О горных обществах Грузии позднего средневековья см.: Царевич Вахушти. География Грузии / Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили // Записки КОИРГО. Кн. 25. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 74–75, 108–109, 131–133; 137–138, 151 и др.; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. С. 236; Его же: К вопросу о нахском этномассиве на Кавказе (I–XIII вв.) // Труды КНИИ РАН. № 6. Грозный, 2013. С. 299–307; Его же: Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, вяппи // Вестник Академии наук Чеченской республики. № 2 (31). 2016. С. 20–30; и др.

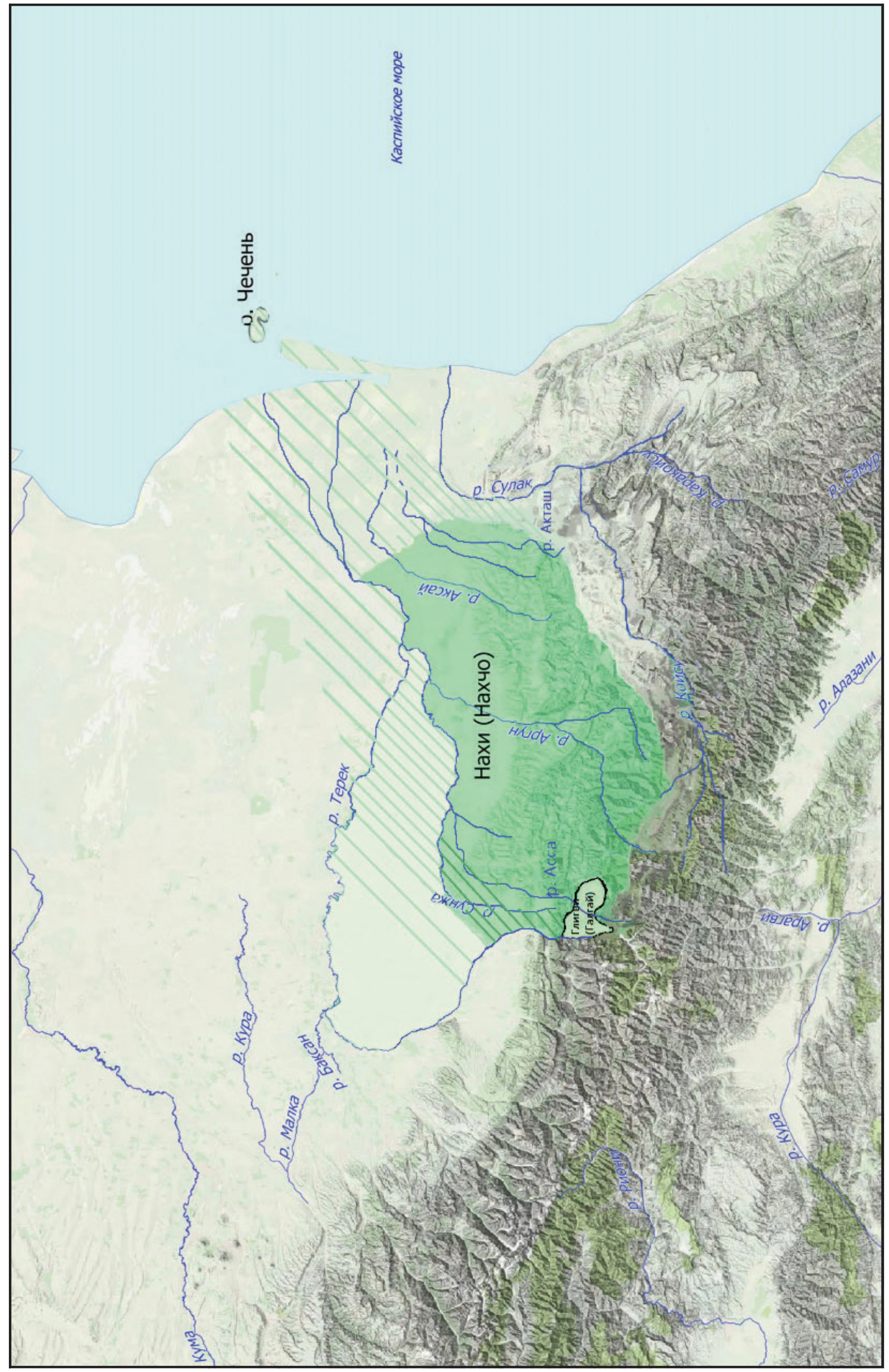

Рис. 43. Область расселения нахо-чеченцев и формирования Чечни на Северном Кавказе в XV в.

ществ: Тагаурского (рр.Терек, Геналдон, Гизельдон), Куртатинского (р.Фиагдон), Алагирского (р.Ардон, верховья региона именовались в источниках Двалетией) Туальского-Двальского (Наро-Мамисонская котловина и ущелья рек Мамисондон, Нардон, Зругдон, Закадон) и Дигорского (р. Урух). Причем, если в начале в X–XII вв. были освоены аланами только входы в нахские ущелья, то в XIII–XIV вв. – и собственно ущелья[24].

Весьма замедленно происходила инфильтрация алан в самых высокогорных районах всех осетинских ущелий. Наиболее крупным нахским районом Большого Кавказа, расположенным по левую сторону от Терека и Арагви (Дарьял) до истоков Большой и Малой Лиахвы к западу, в эпоху средневековья являлось закавказское общество, именовавшееся также Двалети (по Вахушти Багратиони занимало ущелья «Касрис-хеви, Зрамага, Жгеле, Нара, Зрого и Заха»). При этом Туалгом (Двалетия) можно характеризовать «овским» обществом не ранее XV в., а то и позже. В принципе, по свидетельству Вахушти Багратиони, еще в первой трети XVIII в. для всех осетин исконным являлся язык «двальский (нахский. – Авт.)», хотя «ныне» говорили «на собственно осском»[25].

Мецхал и Джейрах. Автор также предполагает, что район по Охкарохи-Кистинке и Джуте с редким нахским населением, а также район с двумя обществами по притоку Терека Армхи – Мецхал и Джайрах, как уже отмечалось, входили в нахский кластер Закавказья (хотя географически относились уже к Северному Кавказу). Он включался в источниках в состав Дзурдзукети/Дурдзукети (когда-то в раннем средневековье данный этнотопоним распространялся на всю территорию горных нахов в Закавказье от Дарьльского прохода до Тушетии и Дагестана). Надо отметить, что предположение о том, что поздняя «Дурдзукетия» суживается до верховьев Армхи и крошечной реки Охкарохи, включая тем самым Джераховское и Мецхальское общества (закавказский нахский кластер), выдвигалось еще И.Клапротом и обосновывалось М.М. Базоркиным и Н.Г. Волковой[26].

Возможно проникновение отдельных групп алан и в ущелья Чечни и Ингушетии, так как взаимоотношения нахов и собственно алано-асов не отмечены антагонизмом. Но этому нет существенных подтверждений.

Переселение аккинцев на восток. Между тем, согласно многочисленным народным преданиям, с запада исторической Чечни из горного общества Акки в Галанчожском ущелье в нахское общество Аух на рр. Ярык-Су – Акташ далеко на восток переселяется не позже XIV–XV вв. значительная группа горцев-аккинцев, образовавших здесь несколько новых селений. Из другого горного общества (или

[24] История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1987. С. 142–143; Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть III. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ, 2014. С. 351–365.

[25] Царевич Вахушти.География Грузии / Пер. М.Г. Джанашвили. Тифлис, 1904. С. 81, 137, 141.

[26] См.: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 136–139; Ее же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 146–153; Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 20–21.

группы обществ) западной части Чечни – района Галанчожа, объединямого на тот момент обществом – Нашаха, согласно преданиям, также идет миграция на восток, главным образом, в Шатой и Нахч-Мохк (Центральная и Восточная Чечня). Переселяется туда целый ряд фамилий, ставших основателями новых аулов и тейпов[27]. Все это носит, конечно, полулегендарный характер и отчасти соответствует стереотипам народной истории, согласно которой народы непременно откуда-то приходят на территорию своего обитания. Подобные предания встречаются не только в чеченском, но и, к примеру, в ингушском фольклоре, только здесь переселение идет с востока на запад. Тем не менее фактор миграции из обществ между верхней Сунжей и Фортангой на восток, судя по всему, присутствовал.

Значение миграции из Галанчожского ущелья. Если же предположить вероятность переселения горцев из западных районов (главным образом обширного Галанчожского ущелья, образованного верхним течением рр. Гехи,Фортанга, Асса, Сунжа и их притоками от линии Черных гор на севере до хребта Цорей-Лам на юге) в восточные и центральные районы Чечни, то они могли бы быть связаны с климатическими условиями в горах («малое оледенение» XIV–XVII вв.), пик которого пришелся на середину XV в. Возможно, что миграцию вызвало и обыкновенное перенаселение в горных ущельях, и т.д. Теоретически эпидемии той же чумы XIV–XV вв. могли обезлюдить целые общества и группы обществ в Чечне, которые возрождались к жизни, благодаря переселенцам из других районов. Документально известно, что на протяжении 1340–1350 гг. эпидемия чумы произвела огромное опустошение на всей территории Золотой Орды, включая и Северный Кавказ[28].

Переориентация внешних связей нахов Чечни. Беспокойная политическая ситуация в предкавказских степях ограничивала возможности отгонного скотоводства. Видимо, поэтому горцы Чечни перегоняли свои стада на зимние пастбища в более южные и восточные районы Большого Кавказа, в частности, в Аварию, Северный Дагестан и Грузию. На этой почве общества Чечни могли заводить и политические связи с феодальными правителями Дагестана и грузинскими князьями (в частности, в Кахетии). В той же Картли и Кахети в исследуемый период и позже горцы-нахи были освобождены от платы таможенных и торговых сборов, могли свободно перемещаться и заниматься хозяйственными делами. Такая ситуация объяснялась заинтересованностью правителей Грузии и в воинских силах горцев[29].

[27] Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 153–154.

[28] См.: Попов И. Ичкерия (Историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. В. IV. Тифлис, 1870; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Журнал «Латта». Б/н. Грозный, 2002. С. 35–36; Шамильоглу Юлай. Указ. соч. С. 18–19; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 153–154.

[29] Бутков П.Г. Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 10; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI – первой половины XIX вв.). Тбилиси, 1983. С. 144–145; 215; Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998: [Электронный ресурс]. URL: http://www.kumukia.ru›books/0001/pages/page32.html (дата обращения 14.10.2018).

Башенное строительство и «заполнение» территории Горной Чечни. На XIV–XV вв. в целом в горах заканчивается освоение свободных земель, которые сосредотачиваются во владении обществ-«республик» и в руках частных лиц. Перераспределение пахотных земель и покосов происходило теперь за счет купли-продажи, а также в результате договоров и захватов. Наблюдалась аренда земли, как частными лицами, так и целыми фамилиями, и общинами. На этот же период, как не раз отмечалось, приходится расцвет фортификационного зодчества в горных обществах нахских земель.

Начало башенному строительству в Горной Чечне было положено не позже XI–XII вв. В течение XIV–XV вв. окончательно формируются в границах горных ущелий, плоскогорий и речных долин основные нахские общества и их союзы, названия которых позже вошли в ранние источники XVI в. Это были Цечой, Мержой, Галай (от левобережья верхней Ассы), Нашхой, Маьлхи, Майсты, Терлой, Чанти, Шатой (Шуьйта/Шубут), Чеберлой, Нахч-Мохк (Мичиг), Акки (Окох, Аух) до бассейна Аксай-Акташ, и ряд других. Каменные постройки, дошедшие до наших дней, являются зримым подтверждением существования данных обществ и селений, по минимуму до рубежа XV–XVI вв. Процесс нового освоения теми же нахами Чечни предгорных плоскостей между р. Сунжей и первой полосой гор – Черные (лесные) горы, а также Качкалыковской и Кумыкской равнин обществами передовой линии, как раз и начинается в указанный период[30].

В целом, на наш взгляд, уже в XV в. намечаются контуры будущей Чечни нового времени, которая формировалась с опорой на Галанчожское ущелье в бассейне Ассы и других притоков Сунжи на западе, вплоть до развитого в хозяйственно-социальном плане населения междуречья Аксая и Акташа на востоке. Материальная культура не только Чечни, но и прилегающих с запада и юга нахских подразделений (Горная Грузия, Ингушетия, Осетия) в XIII–XV вв. отличалась известным единообразием[31].

Возникновение т.н. Великой сигнально-сторожевой системы связано с активным башенным строительством и появлением неких общенациональных систем обороны страны в условиях угрозы набегов со стороны кочевников и нашествий завоевателей. Исследователь Л. Ильясов полагает, что начало складывания подобной системы относится в Чечне к IX–XIII вв., когда сооружаются жилые и боевые башни (вместе с тем, башенного типа жилища были свойственны в древности всем носителям северокавказских и собственно нахских языков на Ближнем Востоке, Закавказье и Средиземноморье), а развитие и завершение указанной системы шло вплоть до XV вв. Суть ее заключалась в том, что, помимо фамильных боевых башен, строились и общеаульные с расчетом, чтобы от входа с равнины в ущелья гор, вплоть до Главного Кавказского хребта, с каждой башни

[30] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 48; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен… С. 238; Его же: Очерк исторической географии… С. 50–52; и др.

[31] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 47;

можно было подать и принять дымовой и огневой сигнал. Они же выполняли оборонительные функции, и на их охрану аулы и общества выделяли определенные силы. Причем от главной системы шли ответвления в боковые ущелья, где дополнительно существовала сигнальная система между «кустом» соседствующих обществ. Автор полагает, что все это может говорить о складывании некоторых государственных начал в средневековой Чечне[32].

Известный этнограф Ахмад Сулейманов, автор капитального труда по топонимии Чечни, свидетельствовал в свое время о старинной поговорке, дожившей до XIX столетия: жители Аргунского ущелья, встретившись на равнине, приветствовали друг друга словами: «стоят ли наши 140 башен на Аргуне».

Военное дело. Судя по материалам могильников позднего средневековья, уровень вооружения нахских воинов значительно возрос. Кольчуги, латы, шлемы стали общераспространенными, образцы холодного оружия, как правило, были превосходного качества, луки использовались исключительно сложносоставные[33].

Отметим, что фольклорные данные говорят и о формировании в той же Чечне до появления огнестрельного оружия (XVI в.) некоего общенационального, а также региональных и аульно-ущельных ополчений. Называются и воинские подразделения «г1ера» (тысяча) и «б1е/б1о» (сотня), было деление и по роду оружия: лучники, копейщики, всадники. Выбирались в случае войны и общий предводитель, и отрядные (тайповые) командиры, именовавшиеся «тхьамда» или «баьча»[34]. Небезынтересно отметить, что те же закавказские нахи-цанары во второй половине IX в., согласно источникам, выставляли как раз «сильных лучников и копейщиков с копьями». Свидетельство грузинского исторического сочинения «Памятник эриставов» начала XV в. показывает, что горцы-мтиулы по Арагви имели луки такой силы, что «пущенная вниз (с горы. – Авт.) стрела пробивала щит и человека в латах и вонзалась в землю наполовину»[35].

В плане **общественного устроения Чечни** уместно привести хотя и не подтвержденные данные некоего «алана» Аздин Вазара – ордынского военного и ученого-арабиста XV в. (умер якобы в 1460 г.), происхождение которого было связано с Чечней. Упоминаемые им названия северокавказских племен и обществ в целом совпадают с современными чеченскими тейпами: «1. Адой, 2. Аздой, 3. Шейшой, 4. КIайнажой, 5. ДIайхой, 6. Хой, 7. Сакхой, 8. Садой, 9. Ваной, 10. Малхой, 11. Нашой, …». Всего он дает далее 48 названий[36]. Видимо, таково было и своеобразное районирование края XIV–XV вв.

[32] Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С. 43–44, 196–201.

[33] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен… С. 238; и др.

[34] См.: Вагапов Я.С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях // Известия Чечено-Ингушского института ИЯЛ. Т. 5. Вып. 3. Грозный, 1968. С. 95–121; Ильясов Леча. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С. 32; Информатор Магомаев Ш.А., уроженец с. Гехи Урус-Мартановского района Чеченской Республики.

[35] См.: Памятник эриставов… С. 28–29; Драсханакертци Иованнес. История Армении / Пер. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 133–134.

[36] См.: Хожаев Далхан. Аланский историк Адин Вазар // Газета «Республика». Грозный. 14 февраля 1991; Тесаев З.А.Чеченская «География» XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара. Грозный, 2018.

Ущелье (ч1ож), гора (лам), плоскогорье, склон (шу, йист), территория, земля (мохк, латт), покосы (ц1ана), помимо пастбищ и пахотных участков, включающие все топографические условия, характерные для местопребывания больших и малых обществ Горной Чечни, являлись пространственной формой их существования как человеческих сообществ. В структуру обжитой территории (чаще всего гора и ущелье) Чечни, как и на всем Кавказе, «входили село, фонд угодий и вспомогательные жилищные комплексы на участках выпаса скота»[37].

Здесь, в границах крупных обществ той же Чечни собирались народные собрания – Мехк-кхелл, как регионального плана, так и в масштабах всей страны, которые вносили изменения в нормы обычного права, разбирали споры и тяжбы между аулами и фамилиями, решали вопросы войны и мира. Большую роль здесь играли авторитетные старейшины и военные предводители, как правило, являвшиеся и сравнительно крупными землевладельцами, имевшими и башенные сооружения замкового типа[38].

Как указывает этнолог В.А. Дмитриев: «В каждом (горском. – Авт.) селении был свой общественный центр. В селениях сложного состава каждый патронимический квартал имел собственный центр, и в селении существовал общий центр для всех семейных групп, такой как балкарский *неим*а, осетинский *ныхас*, вайнахские *пхьэгIа* или *кхьалла*»[39].

О складывании единого этнонима чеченцев. Следует отметить, что в древности и средние века этноним «нахчой/нохчий» служил в одном случае и топонимом, охватывая, главным образом, земли юго-восточной части в границах современной Чечни – Нахч-Мохк. В литературе данный этноним «нахчой/нохчий» известен, по крайней мере, с VII в. н.э. в форме «нахчематанк/нахаматиан».

Данный этноним в форме «нахче/нахчой», бесспорно, фиксируется в грузинских источниках начала XIV в.[40] По мнению лингвиста И.М. Сигаури, в мертвых и живых нахских языках, начиная с шумерских, понятие «нах/нак» означает принадлежность к чему-то (авторитетному, указывающему, руководящему)

[37] См.: Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 41–117; Дмитриев В.А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа. Автореферат дисс. …докт. истор. наук. 07.00.07. СПб., 2010. С. 12.

[38] См.: Саидов И.М. Мехк кхел (совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 199–206; Хизриев Х.А. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа… С. 10–11; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 263–265; и др.

[39] Дмитриев В.А. Указ. соч. С.15.

[40] В начале XIV в. грузинский католикос Евфимий указывал на наличие христианских храмов в Цахуре, Хунзахе (Дагестан) и далее в стране «народа Нахче». См.: Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукетии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикети // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 50.

связывая шумеро-хуррито-урарто-нахские языки, по крайней мере, с IV–III тыс. до н.э.[41]

Другой распространенный этноним или экзоним «чечен/чеченцы» («чачан, сасан, цацан, шашан») – в арабских и горских языках, по крайней мере, с XIII–XV вв. Это было, вероятно, первоначальным ираноязычным (шире – индоевропейским) названием нахов Чечни по имени густонаселенной предгорной равнины с древним названием Чечен-аре (Чеченская плоскость). Есть также основательно разработанное мнение А. Вагапова, что в основе данного этнонима лежит значение «красивый, великолепный». Во второй половине XVII в. этноним «чеченцы» утверждается в русских документах и становится общераспространенным к концу XVIII в. Кстати, твердо зафиксировано свидетельствами русских наблюдателей XIX в., что этноним «нахче/нахчуо» являлся общим для всех «подразделений» чеченцев и ингушей[42].

Равнины нахов. Кабардинцы и ногайцы. Земли между передовой горной цепью Черных гор и правым берегом Терека после нашествия Тимура и исхода алан и равнинных горцев в ущелья, вероятно, оставались малонаселенными. Возможно, что в конце XV – начале XVI в. в Пятигорье, а затем и на западе Владикавказской равнины стали появляться первые группы кабардинцев[43]. Правда, в 1487 г., когда весь Северный Кавказ с востока на запад (между Каспием и Черным морем) проходил с войском сефевидский шейх Хайдар, кабардинцев здесь еще не было.

Кабардинцы являлись полукочевым народом адыгской языковой группы, вышедшем, по разным данным, из районов Приазовья, северной части Прикубанья, а то и Крыма (формирование группы относится к концу хазарского времени). Массовое продвижение адыго-кабардинцев во главе со своими князьями на восток пришлось, главным образом, уже на середину – вторую половину XVI в. Как отмечает тот же Э.В. Ртвеладзе: «Кабардинские» курганы Центрального Предкавказья не являются надежным критерием для доказательства проживания адыгов на этой территории в XIII–XIV в., поскольку их погребальный инвентарь совершенно однотипен и не поддается точной датировке в рамках XIV–XVI вв. Не является решающим и свидетельство русской летописи под 1319 г. о «Черкаских горах», используемое обычно для доказательства пребывания кабардинцев на правобережье Терека. Во-первых, данная летопись последний раз переписывалась в XVI в. Во-вторых, в контексте сообщения его можно трактовать как наименование западной части Кавказских гор в отличие от центральной их зоны («Ясские горы»)»[44].

[41] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. 1. По данным лингвистики. С. 224.

[42] См.: Вагапов Арби. Чеченец –значит красивый: [Электронный ресурс]. URL: http://www.zhaina.com/language/page,6,116-sbornik-statejj-arbi-vagapova.html (дата обращения 14.10.2018); Бакаев Хасан. О древности этнонима Нахче: [Электронный ресурс]. URL: http://www.yandex.ru/clck/jsredir?bu=nzp&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text – (дата обращения 14.10.2018).

[43] Аталиков В.М. Северный Кавказ в XIII–XV вв. // Живая старина № 3. Нальчик, 1993. С. 33–34.

[44] См.: Ртвеладзе Э. В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в цен-

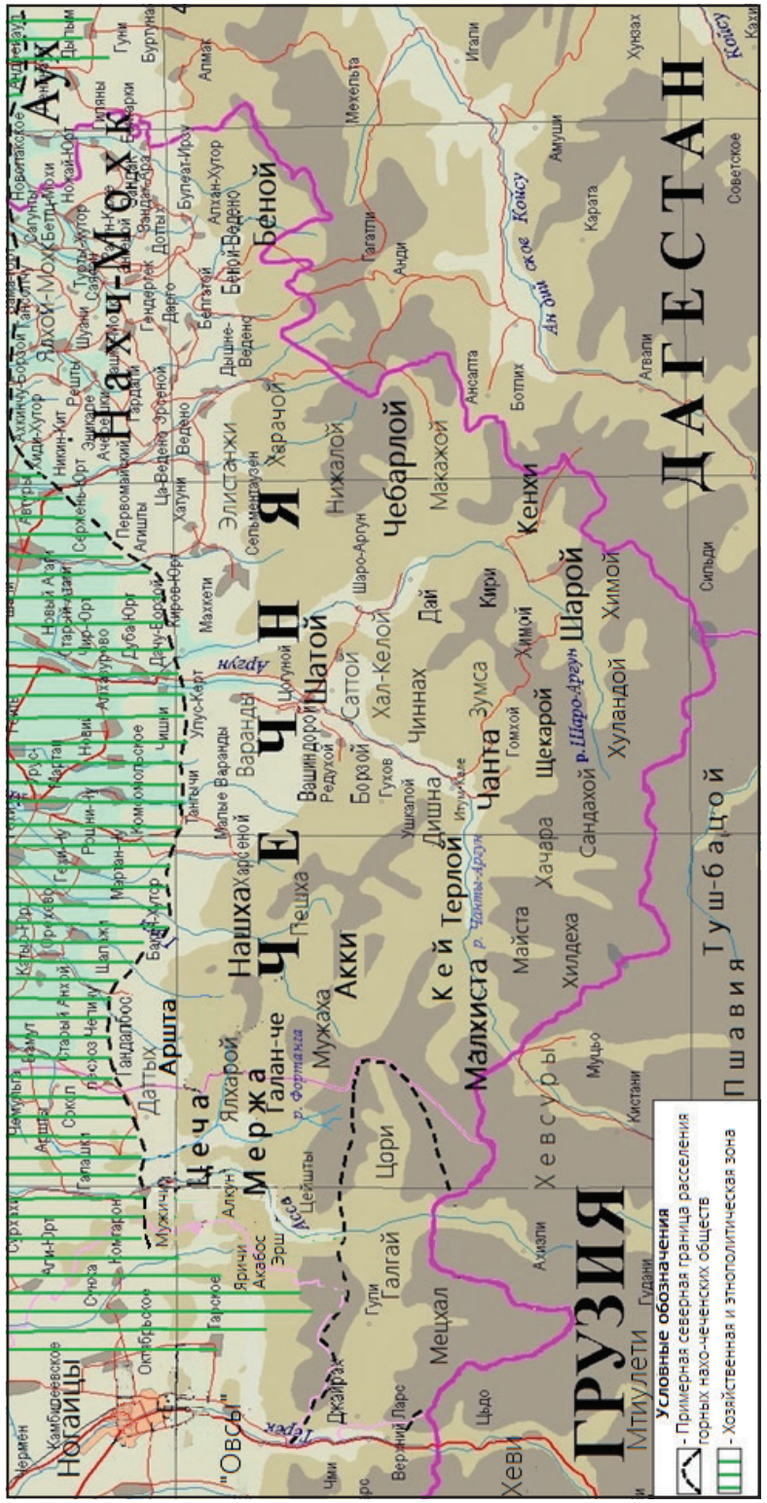

Рис. 44. Примерное расположение нахо-чеченских обществ Горной Чечни (зоны расселения и влияния) в XV – начале XVI в. (использован фрагмент карты современной Чечни и Ингушетии)

В границах северокавказской плоскости по Сунже, Камбилеевке и Тереку в XIV – начале XV вв. находились традиционные кочевья одного из ответвлений татаро-монголов – ногайцев. Об этом свидетельствует и мусульманский мавзолей (Борга-каш) знатного ордынского феодала Бек-Султана, сына Худайдада в районе современного сел. Плиево, построенный в 1405/1406 г.[45]

Феодальные владения и «вольные» общества-«республики» Дагестана. На востоке Чечни с ней граничили земли Дагестана. Крупнейшим владением здесь являлось многоэтничное Кази-Кумухское шамхальство и андо-цезские, аварские, кумыкские и даргинские вольные общества-«республики». К северу, в низовьях Терека при впадении реки в Каспий располагалось Тюменское княжество, где правили феодалы ордынского происхождения.

В XIV – начале XV вв. **Кази-Кумухское шамхальство** занимало прикаспийскую полосу от Сулака на севере до уцмийства Кайтага на юге Дагестана, от берегов Каспия на востоке до едва ли до Центрального (Нагорного) Дагестана (Авария) на западе. Это было относительно мощное феодальное объединение во главе с шамхалами, которые именовались также «вали» (правитель) Дагестана, а то и падишахами (царь), так как претендовали на верховное управление всей горной страной. Династия шамхала, по преданию, вела свой род от дяди пророка – Аббаса, что придавало ей, помимо прочего, духовный авторитет. Под эгидой и непосредственным управлением шамхала находились кумыки, лакцы, даргинцы, часть аварцев, лезгин и т.д. Влияние шамхалов распространялось, возможно, и на некоторые аулы в пределах восточной части Чечни. Некоторые дагестанские хроники утверждают, что властью над горскими народами наделил шамхалов сам Тимур во время своего пребывания на Северном Кавказе[46].

Аварский знатный дом, чьи главы носили в тот период старое грузинское титулование – нуцал (сельский старшина), в рассматриваемое время размещался в Хунзахском вольном обществе, которое стало принимать ислам в начале XIV в. В течение XIV–XV вв., используя экономические факторы (обладание крупными пастбищными угодьями и целыми селениями райятов – бывших пленных, посаженных на земли) и исламские лозунги, хунзахские нуцалы стали авторитетными предводителями в Аварии. Есть предания, что с помощью дружин нуцалов и некоторые чеченские ранние феодалы пытались решать свои проблемы с соседями, чем повышался авторитет нуцалов в чеченских горах[47].

Ситуация в Закавказье и Иране. Если восточные соседи Чечни находились к началу XV в. на стадии подъема, то южные – некогда могущественные закав-

тральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С. 20–21; Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжи в XVI – сер. XVIII в. и их взаимоотношения с вайнахами. Рук. дисс… канд. ист. наук. Армавир. 2002. С. 63–71.

[45] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 45.

[46] См.: «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи // Дагестанские исторические сочинения / Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. М., 1993. С. 34–35; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 61–63; и др.

[47] См.: Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1998. С. 79–81; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 238–239; и др.

казские соседи пришли в состояние упадка. Следует сказать, что восстановление единства Грузии и ее международного авторитета на Кавказе при Георгии V Блистательном (умер в 1346 г.) в первой половине XIV в. сменилось затем, во второй половине, тем, что в результате нашествий завоевателя Тимура в стране наступает феодальная децентрализация. Она нисколько не уменьшилась и после смерти Тимура (1405 г.) и распада его империи. Тем более, что в Иране и Восточном Закавказье после падения власти тимуридов возникло два новых государства тюркских (огузских) кочевников – Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, которые проводили захватническую политику по отношению к Северному Азербайджану, Армении и Грузии. Усиливается в Малой Азии и Османский султанат, претендовавший на византийское наследие, в т.ч. на Кавказе. В результате грабительских набегов кочевой знати указанные страны пришли к политическому и демографическому упадку.

Набеги сефевидских шейхов и Чечня. Народам Северного Кавказа, включая нахов, населяющим, главным образом Чечню, в XV в. пришлось вести борьбу с набегами, организуемыми с Восточного Кавказа и Ирана (территория тюркского образования Ак-Коюнлу) т.н. сефевидскими шейхами, сторонниками шиитского течения в исламе. Духовное влияние шейха Сефи ад-Дина распространялось на Азербайджан, Иран, Ирак и Малую Азию. Тысячи мюридов (послушников) сефевидских шейхов устремляли свои походы под шиитскими знаменами далеко на север[48]. Так, в 1459 г. шейх Джунейд (сын Сефи-ад-Дина) экспедицией на Дагестан открыл серию набегов в «страну черкесов», то есть на Северный Кавказ. В 1460 г. народы Ширвана и Дагестана (главным образом, лезгины) преградили путь религиозным фанатикам, двигавшимся на Северный Кавказ, и разбили их. Причем был убит и сам шейх Джунейд[49].

Его сын, шейх Хайдар (Гейдар), собирает новые, многотысячные войска религиозных фанатиков и вновь устремляется в набеги на «неверных». О самом значительном его походе от 1487 г. мы знаем со слов европейского свидетеля – итальянского монаха, брата Винченцо. Его рассказ был записан современником – знатоком Кавказа и Ирана, венецианским путешественником и дипломатом И. Барбаро во второй части работы «Путешествие в Тану».

Согласно сочинению И. Барбаро (1413–1494), многочисленное ополчение шейха Хайдара в 1487 г. прошло земли Ширвана, Дагестан и, выйдя к «потоку, называемому Терх, который находился в провинции Элохци, вошло в Каспийские (Кавказские. – Авт.) горы..., а после того спустилось в страну Гога и Магога (скорее всего, татарские степи. – Авт.)… Затем они повернули в Черкассию...». В потоке, называемом «Терх», мы легко угадываем Терек, а провинция «Элохци», как заметил исследователь А. Е. Криштопа, может быть «искаженным при написании самоназванием чеченцев (Нохчи/Нахчи)»[50].

[48] См.: Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи амини / Пер. с перс. на англ. В.Ф. Минорского; пер. с англ. на рус. Т. А. Минорской. Предисл.З.М. Буниятова, О.А. Эфендиева. Баку. 1987.

[49] Айтберов Т.М. К истории распространения шиизма в зоне исконного расселения дагестаноязычных народов и племен // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. Сб. статей. Махачкала, 2006. С. 170.

[50] Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. научн. сообщений. Вып. 1. Махачкала, 1970. С. 112–117, 121–122.

Действительно, «привязанность» Нахч-мохка к бассейну среднего течения Терека – факт неоспоримый. Действия войск шейха Хайдара проходили между Тюменским княжеством в низовьях Терека на востоке и «Черкассией» (землей адыгов) на западе, то есть они могли затронуть территорию современной Чечни, Ингушетии и Северной Осетии, а также Балкарии и Карачая.

Ополчение Хайдара, выйдя к «потоку, называемому Терх», перешло реку и вошло в горы, и в «каждом месте, где находили христиан, без всякого сожаления умерщвляли всех: женщин, мужчин, малых и взрослых... Затем они повернули в Черкассию, идя к Шиппихи и Карбатеи, которые обе расположены на Большом море (Черное море), и подобным образом поступили и с этими местами, до тех пор, пока люди из Тетракоссы и Кремуха не сошлись с ними врукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвались сотни ветров; и они (участники набега) убежали в этот недобрый час в свою страну»[51].

Согласно этим и другим известиям, народы Северного Кавказа в XV в. были политически независимы от соседних держав, их страны распадались на мелкие владения, феодалы которых занимались и грабежами. Население проживало в горах и в долинах, «прекрасно обжитых в некоторых местах», к числу которых, по-видимому, относились: «провинция Элохци» в среднем течении Терека, страна «Гога и Магога» (ордынские степи Предкавказья и межуречья Дона и Волги) и территория «Черкассии» (в данном случае адыгские земли).

Горцы и христианство. Согласно И. Барбаро, по конфессиональному признаку население региона распадалось на католиков, армяно-грегорианцев и греко-православных. Однако сделать однозначный вывод о религиозной принадлежности горцев Северного Кавказа к христианству в XIV–XV вв. никак нельзя. Обращение горцев в христианство миссионерами, посещавшими свою паству время от времени, оставалось поверхностным актом. Горцы имели развитый языческий пантеон богов и держались за старые верования. В подавляющей части территории Северного Кавказа, населенной местными народами, не найдены захоронения XV в., которые можно трактовать как сугубо христианские[52].

Вместе с тем, европеец Иоганн Шильтбергер, волею судьбы оказавшийся в армии Тамерлана, в начале XV в. проехался по Северному Кавказу, в т.ч. «через гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство». Он утверждал: «Их священники принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают латыни, но молятся и поют по-татарски, для того чтобы их прихожане были более тверды в своей вере»[53].

[51] ([Барбаро Иосафат]. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. / Пер. с итал., В. Семенова // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 14; Криштопа А.Е. Указ. соч. 121–122; Ахмадов Я.З. Европейские авторы XV–XVI вв. о горских народах Северного Кавказа (вопросы исторической географии и политической истории) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 40–54; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 170–176.

[52] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 40–54.

[53] Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку. Элм. 1984. С. 34.

Ситуация в Грузии. К концу XV в. на южных границах Чечни в некогда единой великой Грузии насчитывалось уже три «царства», где правили представители династии Багратиони и несколько самостоятельных княжеств. Непосредственно с нахскими землями граничили царства Картли и Кахети. Причем в Картли включалась историческая Двалетия и «грузинская» часть Дарьяльской дороги. Собстенно в Двалетии и в окружающих ее грузинских владениях в XIII–XV вв. происходят процессы их аланского («овского») освоения с севера, в форме прямого захвата и мирной инфильтрации. В составе Кахети считались общества Дзурдзукети и Цанарети, именуемые теперь по своим ущельям – Хеви, Хевсурети, Пшави и Тушетия, по существу автономные от центральной власти.

Правитель Картли Баграт V во второй половине XV в. вынужденно объявил себя вассалом государя Ак-Коюнлу Узун-Хасана (Гасана) и даже «уступил» ему свою столицу Тбилиси. Когда умер Узун-Хасан (1478 г.), грузины подняли восстание и освободили Тбилиси. Новое наступление отрядов тюрков привело к отступлению грузин на север, в горы. Не без помощи горцев организаторы восстания продолжали оказывать сопротивление захватчикам. Военные действия в горах Грузии продлились вплоть до 1490 г.[54]

Отношения северокавказских нахов с золотоордынскими соседями. Не менее сложными оставались в этот период связи нахов с потомками золотоордынцев на севере. Политический и экономический кризис в Орде, поражения в войнах с державой Тимура, Литвой и Московской Русью и центробежные тенденции различных ордынских областей привели к складыванию на территории некогда единого монгольского государства различных политических образований во главе с чингизидами и просто знатными князьями. Так, в 1420 г. от Золотой Орды откололось Сибирское ханство, в 1438 г. – Казанское ханство, в 1440 г. в Поволжье выделилась Ногайская Орда, в 1443 г. образовалось Крымское ханство, а в 1460 г. сложилось Астраханское ханство. Отошли и казахские земли. В низовьях Терека обрело независимость небольшое Тюменское княжество.

Основная степная территория Золотой Орды между рр. Днепр, Дон и Волга осталась за Большой Ордой, ханы которой стремились вернуть под свою руку отделившиеся территории. Это обстоятельство приводило к бесконечным войнам, отражавшимся на положении не только собственно татаро-монгольского населения, но и населения окружающих стран, в том числе и Северного Кавказа.

Так, Большая Орда, Крымское и Астраханское ханства, Ногайская Орда оспаривали друг у друга право владеть предкавказскими степями, а также правобережьем Кубани и левобережьем Терека. Причем, согласно данным современников, феодалы Большой Орды «беспрестанно грабили черкесов (в данном контексте горцы Северного Кавказа. – Авт.) и русских», с которыми они граничили соответственно на юге и севере.

Вместе с тем, улусы Большой Орды, нуждаясь в пастбищах и пашнях по берегам Терека и Кубани, не раз прикочевывали к «горам» Кавказа. Однако «не-

[54] См.: Вачнадзе, Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info›bibliotek_Buks/History/Vachn/07.php (Дата просмотра 14.10.2018); Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 239–240; и др.

мирные» отношения с горскими народами приводили к набегам последних на кочевые улусы. Горцы теснили ордынцев с берегов кавказских рек, а также совершали набеги и вглубь степей. «Приходили черкасы на Большую Орду, да побили... татар добре много», – говорит русский документ 1498 г. В конце XV в. улусы Большой Орды уже не смели подходить к Тереку: «под Черкасы прожити немочно». Тюменское княжество в низовьях Терека в союзе с горцами (видимо, Чечни и Дагестана) также стало оказывать «недружбу» ордынским феодалам[55].

Крымское ханство. Наиболее влиятельным из татарских ханств Восточной Европы во второй половине XV в. постепенно становится «Крымский юрт». В 1443 г. чингизид Хаджи-Девлет Гирей провозгласил себя ханом Крыма, и с этого времени развернулась борьба нового татарского государства с Большой Ордой за влияние не только в восточноевропейских степях, но и на Северном Кавказе.

С 1453 г., когда турецкий султан Мухаммед (Махмед) II Фатих захватил столицу Византийской империи Константинополь, начинается господство Османского государства и на Черном море. Уже в 1454 г. турецкий султан и крымский хан подписали соглашение, согласно которому султан обещал изгнать генуэзцев из крымских и причерноморских городов Северо-Западного Кавказа. Вскоре этот союз перерос и в антиордынскую коалицию.

В 1475 г. Крымское ханство официально стало вассалом Стамбула, а турецкие гарнизоны расположились на Таманском полуострове и в самом Крыму. Начались первые «черкесские» кампании татаро-османских войск против горцев Северо-Западного Кавказа. Это послужило толчком для движения одного из адыгских племен полукочевого типа (кабардинцы) на восток[56]. Овладение Крымом и морскими берегами Северного Кавказа служило, помимо прочего, стратегическим интересам Турции. Пополнение мамлюкской армии враждебного туркам Каирского халифата – Египта, осуществлялось генуэзцами за счет «черкесов», которые перевозили военный контингент с Кавказа на морских судах. Теперь эта связь была прервана.

В период правления великого крымского хана Менгли-Гирея, в конце XV – начале XVI вв. резко возросло значение Крыма во внешней политике Османской империи. Хан усилил свое воздействие на адыгские земли, вступил в переговорные отношения со всеми крупными мусульманскими феодалами Кабарды и Дагестана, а также вошел в тесный союз с Московским государством в лице Ивана III Великого. Все это позволило крымцам в 1502 г. нанести решительное поражение силам Большой Орды на р. Самаре. С этого времени Большая Орда как государственное образование прекратила свое существование, ее улусы большей частью подчинились Менгли-Гирею, другие бежали – кто на запад в Литву, кто на восток за Волгу[57].

В этот же временной период складывается и новое иранское государство на развалинах Ак-Коюнлу, получившее название Сефевидское (в 1501 г. на трон взо-

[55] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 49; Его же: Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 10–11.

[56] Аталиков В.А. Указ. соч. С. 34.

[57] Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1939. С. 62–63, 72; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории… С. 8–12.

шел шах Исмаил – сын шейха Хайдара и внук шиитского шейха Джунейда). По традиции сефевидов шах Исмаил первоочередной задачей поставил завоевание всего Кавказа и утверждение здесь шиизма. Но турки-сунниты имели перед собой те же имперские задачи – завоевать Кавказ и всю Восточную Европу. Интересы Ирана и Турции должны были столкнуться и столкнулись. С этого времени политическое положение нахов Чечни, как и всего Кавказа, стало определяться ожесточенным ирано-турецким (крымским) соперничеством и перипетиями взаимоотношений крупнейших местных мусульманских феодальных княжеств-государств на Северном Кавказе.

Выводы. Таким образом, на протяжении времени между падением Кахо-Эретского царства в самом конце XI в. и до конца XV в. нахский этномассив, занимавший некогда значительные территории в горной зоне Кавказа, но так и не сложившийся в единый народ, в течение двух-трех веков стал в ряде районов терять свой язык и этническое лицо. На судьбы нахских народностей Кавказа по обеим сторонам Кавказского хребта наслоились в эпоху позднего средневековья разрушительные нашествия монгольских орд, опустошительные походы завоевателя Тимура, тяжелое ухудшение климата и пандемии чумы.

Среднеазиатский завоеватель Тимур, совершивший поход с огромной армией в 1395 г. против Золотой Орды и ее правителя хана Тохтамыша, не собирался присоединять эту далекую и огромную землю, потому использовал здесь тактику выжженной земли. На территории той же Чечни он истреблял население не только плоскости, но и горных районов, добиваясь не подчинения, а полного уничтожения.

Тем не менее, на значительной части того же Северного Кавказа от верхнего Терека на западе до р. Акташ и Андийского хребта на востоке нахский анклав восстанавливается и в XV в. достигает определенных высот в развитии террасного земледелия, высокоразвитого для своего времени животноводства, идеально приспособленного к природным условиям края. Именно в этот период здесь происходит расцвет местных форм архитектуры, выразившийся в строительстве жилых, боевых башен, святилищ и склепов из камня. Нахи-чеченцы заполняют практически все уголки Горной Чечни от бассейна верхней Ассы на западе до минимум р.Акташа и далее на востоке, где формируется система обществ и федераций обществ, характерная и для последующих веков. Складывается и глубоко оригинальное устное народное творчество, музыкальная культура, духовные верования нахов (в которых исследователи находят отзвуки ближневосточных древних религий), идеи единобожия в языческом пантеоне богов.

В этнополитическом плане в регионе Северного Кавказа и вокруг Чечни в течение XV в. отмечено воздействие таких факторов, как катастрофическое ослабление Золотой Орды с последующим ее распадом, децентрализация Грузии на отдельные царства и княжества, аланизация осетин по обе стороны Кавказского хребта, начало продвижения кабардинских племен с запада к Кубани и Пятигорью, усиление крупных феодальных владений Дагестана, выход Османской империи к Крыму и черноморским пределам Северного Кавказа к 1475 г. В этот перечень следует добавить и так называемые «исламские набеги» на Северный Кавказ из Восточного Закавказья (государство Ак-Коюнлу), периодические действия ордынских подразделений за Тереком и Кубанью и активную наступательную политику Крымского ханства.

Можно полагать, что в целом средневековая эпоха в истории нахов заложила основу для формирования на указанной выше территории чеченской нации, с успешным завершением этого процесса в XVI–XVIII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы данного труда на основе обширной источниковой базы и исследовательской литературы попытались дать широкому читателю некое общее представление о прошлом нахских народов Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа эпохи древности, античности и средневековья.

В этом заключении мы обобщаем не столько конкретные выводы к главам и параграфам (они приводятся в тексте), сколько характеризуем проблему нашего исследования. В книге мы стремились, чтобы наши главы были не только научно-популярными, но и исследовательскими, с научной новизной оригинальных материалов и положений по конкретным проблемам и вопросам прошлого нахов.

Задача историка, как известно, состоит не только в установлении максимально объективного видения прошлого, но и в пересмотре, ревизии накопившихся мифов и стереотипов в области исторического знания. Необходимость периодического пересмотра устоявшихся взглядов заключается и в превратностях исторического метода, и в неизбежном накоплении в исследованиях этноцентризма, стереотипов и информационного «мусора».

Фактически все, что мы, ученые-историки, пишем – в сухом остатке не более чем своеобразная интерполяция (оценка значения неизвестной величины, находящейся между двумя точками ряда известных величин) и нарратив (авторское повествование). И чем глубже проникаем мы в прошлое, тем более элементарным и гипотетичным становится наше видение. Но если в ходе создания нарратива методом интерполяции ученые выявляют какие-то важные причинно-следственные связи и устанавливают наличие логических цепочек между событиями, то такие труды называют научно-исследовательскими.

Как видно из содержания нашей книги, исследование собственно нахского этномассива и нахоязычного мира – «нахской Атлантиды» в обозримом прошлом действительно являлось давно назревшей проблемой, для успешного разрешения которой было необходимо выйти на изучение нахов как единого субъекта и феномена истории, развивавшегося в течение тысячелетий под воздействием окружающего мира и, в свою очередь, воздействовавшего на него.

Хронологические рамки поднятой нами проблемы, как могли оценить читатели, оказались довольно широки: от времени зарождения языка как средства коммуникации до первых языковых макросемей (между 50–15 тыс. лет назад) и далее до неолита, эпохи бронзы и железа, античности и средневековья (когда формируется конфигурация собственно нахо-чеченцев как отдельного северокавказского народа).

В науке давно установлено, что древняя прародина человечества располагалась в Восточной Африке и Передней Азии, откуда предки людей современного типа распространялись по всей Земле со своими языками. Население Кавказа, начиная от первых гоминидов (ок. 1,8 млн. лет), прошло все этапы развития каменной индустрии – палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век). Следы пребывания разумных неандертальцев и кроманьонцев на Кавказе, выработавших речь как средство коммуникации, встречаются не позже 100–50 тыс. лет назад, включая северные склоны Большого Кавказского хребта[1].

Существование некоего единого праязыка (как языковой системы) в пределах Восточной Африки и Передней Азии, согласно великому русскому ученому Вяч. Всев. Иванову и другим известным лингвистам, можно отнести к временным пределам от 50 тыс. лет назад до 17-16 тыс. лет назад[2]. Датировку начала древнейших афразийской, ностратической и сино-кавказской отдельных языковых макросемей считают и с 15–12 тыс. лет назад. Предположительно к VIII тыс. до н.э. сино-кавказская макросемья выделила сино-тибетскую и прасеверокавказскую языковые семьи. Представители первой из них мигрировали к востоку на 6-7 тысяч км, достигнув Гималаев, а затем Тибета и Китая. В сино-кавказскую макросемью включаются сегодня также енисейская семья, группа языков на-дене в Северной Америке и язык буриши-бурушаски в горных долинах Каракорума. В свою очередь, крупнейшая сино-тибетская семья распалась на отдельные языки не позже V тыс. до н.э.[3]

Также древнейшие носители сино-кавкаказской макросемьи заселили зону вокруг Средиземного моря и стали первыми земледельцами Европы, достигнув на западе Ирландии.

Представители прасеверокавказской языковой семьи расселялись главным образом в Передней Азии (от Месопотамии до Персидского залива), вокруг Средиземного моря, в Закавказье и на Северном Кавказе. Производными от нее, помимо исконно кавказских и родственных переднеазиатских языков, можно считать языки басков, пелазгов, этрусков и др.[4]

Прасеверокавказский язык (по крайней мере, в регионе, охватывавшем Палестину, Месопотамию, Малую Азию, Кавказ и Иранское нагорье), по мнению

[1] См.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. Т. 3. / Ред. Б.А. Рыбаков. М., 1958. С. 6–8; Черлёнок Е. А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб., 2013. С. 6–11.

[2] См.: Старостин С.А. У человечества был единый праязык (Беседа Г. Зеленко с С. Старостиным) // Знание – сила. № 8. М., 2003. С. 43; Иванов Вяч. Всев. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004. С. 136–137; Милитарев А.Ю., Старостин С. А., Зеленко Г.А. И вновь – когда возникли языки? Круглый стол // Знание-Сила. № 4, 2005. С. 39–44; и др.

[3] См.: Иванов Вяч. Всев. (Москва) Проблемы взаимосвязей древних языков Передней Азии и Кавказа // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции // Орджоникидзе, 1989. С. 23–24; Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М., 1984. С. 19–38.

[4] См.: Дьяконов И.М., Старостин Н.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. Сб. статей. М., 1988. С. 164–207; Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В II-х томах Т. 2. По данным археологии. М., 2016. С. 435–623.

исследователей, распался в пределах VII/VI – V тыс. до н.э. на три большие родственные группы: центральные – шумеро-хуррито-урарто-нахские языки, западные – хатто-абхазо-адыгские языки и восточные – кутийско-дагестанские (восточно-кавказские) языки. Причем сравнительно недавно нахские и дагестанские языки лингвисты объединяли в одну подсемью – нахо-дагестанскую[5].

Историю заселения Северного Кавказа представителями родственных северокавказских языков, по крайней мере, восточных и прикаспийских районов, можно уверенно вести с бытования Чохской поздненеолитической культуры Дагестана, т.е. минимум с VIII/VII тыс. до н.э.[6] Предпочтительной представляется версия более или менее одновременной миграции предков абхазо-адыгов на Кавказ из восточной части Малой Азии по Черноморскому побережью, предков нахских народов из областей Месопотамии в центральную часть Закавказья и далее на Северный Кавказ и Европу и миграция представителей восточнокавказской (дагестанской) ветви из восточной части Месопотамии и Северо-Западного Ирана в Восточное Закавказье и Дагестан не позже VII/VI–V тыс. до н.э. Имели место, конечно, и более поздние частичные переселения[7]. Есть и другие даты.

Известно, что в период бытования единой для Месопотамии, Палестины-Сирии и Кавказа куро-аракской культуры (IV–III тыс. до н.э.) относительно слабо заселенные районы Закавказья и Северного Кавказа предположительно подпитывались избыточным хуррито-урартским населением из районов Верхней Месопотамии и Армянского нагорья[8].

Не исключается возможность и обратного миграционного движения с Кавказа в Верхнюю Месопотамию, т.к. на Кавказе выросли свои центры куро-аракской

[5] См.: Николаев С.Л., Старостин С.А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984. С.26–33; Дьяконов И.М., Старостин Н.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. Сб. статей. М., 1988. С. 164–207; Чокаев К.З. Нахские языки. Грозный, 1993; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 1. М., 1997; Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев-нохчий (К древней истории нахских племен III–I тысячелетия до новой эры) / Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 2009; Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. Т. I. По данным лингвистики. М., 2016; Шнайдер Алексис. Народы и языки Кавказа. Нахско-дагестанская ветвь: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://www.randevu-zip.narod.ru/caucase/caucase.htm (дата обращения 14.10.2018); и мн. др.

[6] Амирханов Х.А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987.

[7] Сигаури И.М. Указ. соч. Т. I. По данным лингвистики. С. 643..

[8] См.: Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 40–48; Мунчаев Р. М., Кавказ на заре бронзового века, М., 1975; Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (хронология и историко-археологические аспекты миграции) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 3–42; Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I Симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Телави-Сигнахи, 1983. Тбилиси, 1987; Черлёнок Е.А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб., 2013.

культуры, распространявшие цивилизационные импульсы в т.ч. на юг, вплоть до Плодородного полумесяца.

Совокупность результатов по изучению генотипа коренного автохтонного населения Большого Кавказа в целом указывает на переднеазиатское происхождение основных горских народов, включая чеченцев и ингушей[9].

С V–III тыс. по I тыс. до н.э. на территории современной Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, Балкарии, Карачая, части Ставрополья, Кубани, равнинной, восточной и горной части современной Грузии, части территории современного Азербайджана и Армении, а также в отдельных областях Палестины и Месопотамии (шумеры, хурриты Митанни и Урарту) – определенно присутствуют группы нахоязычных племен, складывающиеся в некий этномассив. Также в указанном регионе протекали процессы дробления и распада некогда единых этнокластеров.

Последний всплеск процессов распада собственно шумеро-хуррито-урартонахской крупной этнообщности Передней Азии и Кавказа предположительно произошел в период со II тыс. до н.э. по I тыс. н.э. Он затянулся на века и был связан с бурными политическими событиями, а также продвижением в Месопотамию и на Кавказ самых различных народов – носителей семито-хамитских, индоевропейских, иранских, тюркских языков и наречий[10].

Исторически сложилось так, что именно многочисленные нахоязычные народы оказывались на стыке специфических контактных зон Кавказа, когда на него шло наступление как скифов, так и Парфянской и Сасанидской империй, великого Рима, Византии и Арабского халифата, гуннов, сельджуков и монголов. Но эта сторона истории нахов из-за отсутствия собственной письменности, специфики природно-географической зоны, занятой ими в регионе (главным образом горы и плоскогорья), «заслоненности» горцев более крупными и развитыми равнинными народами – оставалась малоизвестной, требующей в своем изучении комплексных научных подходов.

Ниже мы попытаемся в самой короткой форме охарактеризовать основные вехи этнополитической истории кавказских нахов. Конечно, история их шумеро-хуррито-урартских собратьев также весьма привлекательна, но, к сожалению, совершенно неподъемна для нас. Там требуется отдельная книга.

[9] См.: Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М.: Наука, 1984. С. 19–38; Нунуев С-Х. М. Чеченцы. М., 2008; Чокаев Х.К. Случайность или историческая реальность? (Популяционная генетика о происхождении народов Кавказа и их роли в мировой истории). М., 2010; Дибирова. Х.Д. Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа: по данным об Y хромосоме. Дисс… канд. биол. наук. М., 2011.

[10] См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Меликишвили. Урартский язык / Языки народов Азии и Африки. М., 1964; Федоров А. Я. Историческая этнография Северного Кавказа. Учебное пособие. М., 1983; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории... С. 184–185, 243–268.

Итак, в конце IV – начале III тыс. до н.э., в эпоху ранней бронзы, на пространстве от Палестины на юге до центральной части Северного Кавказа на севере, складываются элементы единой земледельческой культуры, названной в науке куро-аракской. Ее носители были, скорее всего, родственны по этническому происхождению и языку и определенно включали предков современных кавказских народов[11]. Не надо думать, что районы Кавказа, Месопотамии и Палестины были так уж далеки друг от друга, к примеру, расстояние от Багдада (Ирак) до Грозного (Чечня) по прямой составляет около 1 тыс. км.

Куро-аракская культура прекращает свое существование к концу III тыс. до н.э. С середины указанного тысячелетия на равнинах западной, центральной и отчасти восточной части Северного Кавказа идет распространение не менее значимой раннебронзовой культуры, получившей название майкопской. Одни из кавказских носителей этой культуры – предки адыгов, находились в родстве с хаттами Малой Азии, другие – нахские племена, состояли в родстве с хурритами Северной Месопотамии и Палестины. К началу II тыс. до н.э. в ходе генезиса и синтеза трех главных археологических культур Северного Кавказа и Восточной Европы – куро-аракской, майкопской и соседствовавшей с ними на севере «ямной» и катакомбной культур кочевников-индоевропейцев складывается новая и сугубо автохтонная культура эпохи средней бронзы, названная «северокавказской». Ее носители, что важно, использовали уже не переднеазиатские, а местные рудные источники меди[12].

В ходе бытования большой северокавказской культуры на территории части Нагорного Дагестана, горной и восточной части Чечни зарождается также оригинальная каякентско-харачоевская культура (примерно XIV–IX вв. до н.э.) с известными вариантами (к примеру, Гинчинская культура). На территории Горной и Восточной Чечни распространяются (на базе каякентско-харачоевской) зандакская и гатын-калинская культуры[13].

[11] См.: Дьяконов И.М., Старостин Н.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки … С.164–207; Старостин С. А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики. // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С. 42–65; Дьяконов И. М. Алародии (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) //Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995. С. 3–13; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в.: Пособие для изучающих историю родного края. М, 2001. С. 40–53.Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М., 1984. С. 19–38.

[12] См.: Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северокавказской экспедиции) // Советская археология. № 3. 1962. С. 177–198; Его же. Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004; Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. Л.,1991; Кореневский С.М. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М., 2008. С. 71–122. ЛэнгДэвид. Армяне. Народ-созидатель. М., 2010. С. 74–80.

13 См.: Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998; Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М., 1969; История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. М., 2004. С.78; Магомедов А.Г. Именные (грамматические) классы восточнокавказских языков: система и история. Махачкала, 2006.

К XIV-XII вв. до н.э. в части равнинной территории Закавказья по Куре и центральной части Кавказского хребта, которые занимали автохтонные нахские племена, оформляется оригинальная культура эпохи поздней бронзы, получившая название «кобанской». Она была родственна, в свою очередь, другим развитым культурам Закавказья (колхидская культура); родственной ей считается также и луристанская бронза гор Загроса, где, кстати, находились и первые источники металла кобанской культуры. Вскоре развитые кобанские технологии распространились на север – территорию нынешней Северной Осетии (где находится одноименное селение Кобан с его известным могильником, давшим название культуре), Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Чечни, скорее всего в ходе культурной диффузии в среде родственных племен. Кобанцы достигли в целом юга современной Украины и районов Средней Волги. Художественный уровень кобанских изделий был чрезвычайно высок для своего времени.

На территории восточного варианта кобанской культуры (это примерно границы современной Чечни) к VIII в. до н.э. сложился и единственно известный нам на сегодня в регионе протогород древности – Сержень-Юртовское поселение. Здесь, на левом берегу реки Хулхулау – на границе гор и равнины – строились глинобитные дома, ремесленные мастерские и языческие храмы, мостились булыжником и галькой улицы, укреплялись рвы и валы. Для своего времени нахо-кобанцы были богаты зерном, скотом и металлом, в их среде закладывались в т.ч. культурно-материальные основы нахского этноса[14].

По-видимому, в развитой период кобанской культуры (между XII–IV вв. до н.э.), когда шел переход от бронзы к железу, закончилось складывание антропологического типа населения Большого Кавказа, начавшееся не позже III тыс. до н.э. Местные нахские горские народы входили в кавкасионскую группу т.н. кавказской подрасы балкано-кавказского типа европеоидной расы. Вместе с тем, в среде кавкасионского типа сегодня можно встретить и элементы, указывающие на взаимодействие с западным понтийским, восточным каспийским, северным степным и даже монголоидным (Ингушетия, Осетия) типами[15].

[14] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней: в двух томах. Т. 1. Грозный, 1967. С.17–20; Чеченов И.М. К вопросу о локальных вариантах Кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. В.1. Нальчик, 1974. С. 14–51; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XV–XIV вв. до н. э. М., 1977. С. 129–193; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. С. 89–96; Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001; Ее же. Древние основы культурного наследия нахского этноса (к истокам горского менталитета) // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002. С. 19–24; История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Т. 1. Грозный, 2006.С. 44–45; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н. э.). Сухум, 2016. С. 88–100 и др.

[15] См.: Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологи-

Период с VIII по IV вв. до н.э. в истории Северного Кавказа и Чечни зачастую (и совершенно несправедливо) называют «скифским». Он совпал с победой железного века, когда бронза и медь уступили место более прочному и доступному металлу. Скифы представляли собой кочевые племена, ираноязычные либо тюркоязычные, перекочевавшие в Северное Причерноморье (не на Северный Кавказ!) из пределов Центральной и Средней Азии[16].

Первые набеги скифов в VII в. до н.э. на нахские земли оказались губительными – были взяты штурмом и сожжены древние поселения страны, находившиеся, например, вблизи таких современных селений, как Сержень-Юрт, Бамут, Алхасты, Нестеровское, Новогрозненское и др. Однако оседания скифов на Северном Кавказе или использования предкавказских равнин в целях кочевого хозяйства не произошло, если не считать прикубанских равнин и северной части Ставропольской возвышенности. Более того, какая-то часть кобанцев, которым было свойственно широкое использование лошади и хорошо знакома «культура всадничества», возможно, продолжала заселять предкавказские степи от Терека и Кубани вплоть до Кумо-Манычской впадины, где они контактировали с теми же скифами, затем с сарматами, а потом и с аланами[17].

По мнению Г.Д. Гумба, все это в сочетании с социально-экономическими факторами могло вызвать к жизни объединение в раннегосударственной форме земледельческих нахских племен Кавказа, которое он именует – Нахаматия/Нахчематия (нахчематианк/нахаматеанк), Малхи/Махли и др.[18]

К тому времени (последняя треть VII в. до н.э.) в Передней Азии складывается полиэтничное (главным образом из ираноязычных и северокавказского языкового плана племен и народов) огромное государство Мидия – Мада, Мадайя, возникшее на исторических землях Урарту, Ассирии, Северо-Западного Ирана и

ческом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., Т.14. М., 1953. С. 362–364; Козинцев А.Г. Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа // Антропология и геногеография. Сборник в честь 80-летия В.В. Бунака. М., 1974. С.198–214; Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М., 1997. С. 606–654; Алексеев В.П. Избранное: в 5 т. Т. 5: Происхождение народов Кавказа. М., 2009. С. 154–157.

[16] См.: Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990; Международный круглый стол «Ранние скифы и культуры» // Вестник древней истории. № 1. 1994. С. 64–65, 67, 69,72–73; Гасанов Заур. Царские Скифы. Этноязыковая идентификация “царских скифов” и древних огузов. Нью-Йорк, 2002.

[17] См.: Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 113–120; Абрамова В.П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Чеченский архив (сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. 3. Грозный, 2010. С. 40–49; Чшиев Х.(В.) Т. Всадничество у племен кобанской археологической культуры Кавказа… С. 96–100; Ахмадов Я.З. Горские народы, сарматы и аланы в поздних античных источниках (к постановке проблемы) // Труды КНИИ РАН. Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2015. С. 379–389.

[18] Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории... С.78–87, 333–345.

Закавказья до р. Аракс. Около 550 г. до н.э. власть в Мидии перешла к персидской династии Ахеменидов во главе с Киром (Куруш) и возникла мировая Персидская держава. Тогда же выходят на историческую арену предки армян и племена северокавказского языкового круга, обитавшие в северных регионах Персидской империи. Так, в 18-ю сатрапию Персии входили родственные кавказским нахам по происхождению и языку южнокавказские и верхнемесопотамские алародии (урарты), матиены, диаухи (таохи), саспиры и хурриты[19].

Кроме явлений распада и образования государств и внешних нашествий (киммерийцы, скифы, персы-арии), существенно изменявших сложившийся во II – начале I тыс. до н.э. культурно-языковой облик Передней Азии и Кавказа, до конца старой эры его «рассекли» этнически и географически также предки армян (относятся к древнейшим индоевропейским племенам) и грузин (относились к отдельной языковой семье, которая в глубокой древности находилась в контакте с праиндоевропейской и семитской языковыми семьями), расселившихся в Малой Азии и Закавказье с западного – балканского направления, а также некоторые кочевые племена, двигавшиеся с севера и востока в степи Северного Причерноморья и Прикаспия[20].

Важным обстоятельством можно считать знакомство греческого мира с кавказским миром и «варварскими», по их мнению, степными народами. Именно из античной литературы стало известно, что где-то с IV–III вв. до н.э. племена сарматов сменяют ослабевших скифов в Северном Причерноморье и Приазовье, а еще позже добавляются в этих землях и аланы. Возможно предположить, что некоторые племена степных нахо-кобанцев, уцелевшие на равнинах Предкавказья еще при скифах, вошли в состав т.н. Сарматской конфедерации[21].

Есть определенные особенности в осмыслении и толковании дискурса античных географов. Так, великий географ Страбон (64/63 г. до н.э. – 23-24 г. н.э.), отметив, что т.н. «азиатские сарматы» живут от левобережья Дона до Каспийского моря, достигая на юге Кавказских гор, а то и переваливая их, понимал под этнонимами «скиф» и «сармат» просто «варваров», к коим он относил тех же горцев Кавказа. Следует также отметить, что авторы античного времени называют в геогра-

[19] См.: Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М., 1954. С. 186–194; Всемирная история: в десяти томах. Т.1. М., 1955. С. 513–533; Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского / Ред. С.Л. Утченко. Л., 1972. С. 168, 335; Дьяконов И. М. Алародии (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) ... С. 5–9;

[20] Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 170–208.

[21] См.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Виноградов В.Б.Центральный Кавказ и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до нашей эры). Грозный, 1972; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы: нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990; Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 1991; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII …. С. 136–141; Ахмадов Я.З. Горские народы, сарматы и аланы в поздних античных источниках (к постановке проблемы) // Труды КНИИ РАН. Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2015. С. 379–389.

фических пределах горных ущелий Северного Кавказа, в т.ч. и Чечни, различных «троглодитов», «хамекетов», «исадиков», «полифагов» и др. Это не топонимы, а скорее прозвища: пещерники, многоеды-обжоры и т.п. Этнотопоним «гаргареи», привлекавшийся к толкованию из нахских языков, в т.ч. чеченского и ингушского, в значении «гергар» (родственники) оказался ближе к восточно-кавказскому (албанскому) и закавказскому нахскому кругу, нежели к Северному Кавказу[22].

Как известно, на рубеже старой и новой эры в Закавказье (Южный Кавказ) зародились такие государства-федерации племен, как Армения, Албания (Кавказская) и в бассейне части Куры Картлия (Иверия). Западные земли современной Грузии находились под влиянием Рима, а затем Византии. Позже, в эпоху раннего средневековья сложилась, с принятием христианства и становлением письменности, выдающаяся армянская и грузинская историко-географическая литература. В ней стали бытовать этногеографические термины, имеющие непосредственное отношение к нахам Кавказа – кавкасиане, дзурдзуки/дурдзуки (Дурдзукети/Дзурдзукетия, двалы, цанары и другие, которые охватывали население Центрального Предкавказья в пределах от Дагестана до Сванетии. Позже, к XI в. н.э. тот же этноним «дзурдзуки» распространяется, начиная с Леонти Мровели, на горную часть нынешней Чечни (предков нахов-галгаев грузинские источники традиционно именуют «глигви»). Скорее всего, своим рождением этот этнотопоним обязан армянским письменным источникам, в которых tsortsor – тзортзор/дзордзор – означает «ущелье, впадина, теснина»[23].

Армянские государственные образования, рано вошедшие в состав великой Парфянской державы (250 г. до н. э. – 227 г. н.э.), а затем и Сасанидского государства (с 227 по 651 г.), являлись проводниками политики данных империй, по крайней мере, в центральном и восточном сегменте Кавказского перешейка, где в нижнем бассейне р. Куры и на склонах Кавказского хребта укреплялось еще одно государство – Кавказская Албания с ее восточно-кавказскими и отчасти нахскими языками[24].

[22] См.: Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 25–288; Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского. М.. 1964. С. 177,182, 185, 190, 193; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный, 1966. С. 64–70; Анасян А. С. Новая концепция в албанистике // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Сост. П. М. Мурадян. Ереван, 1991. С. 126–155; Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII н.э. М., 2008. С. 167–168; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 45–50, и др.

[23] См.: Туманов К.М. Указ. соч. С. 35–79; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник [II]. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 25–27; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 122–144; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 120–121; 1982; АлеманьАгусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 263; Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: ваьппи, дзурдзуки/дурдзуки // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (31). Грозный, 2016. С. 20–30.

[24] См.: Еремян С.Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Известия

Более того, армянские наместники из древних династий с нахо-урартским следом занимают управленческие позиции, в т.ч. в нахских районах обширной провинции Гугарк (Гогарена), расположенных на землях по бассейну средней Куры. Они также включают в систему наместничества Гугарк (Гогарена) небольшое «царство Картли» (столица г. Мцхета) и ущелья нахов по обе стороны от Дарьяльского прохода вплоть до Главного Кавказского хребта (которые также порой именуются горным Гугарком)[25].

Одни горные общества нахов, названные позже Хеви, Хевсуретия, Пшавия, Мтиулетия, Тушетия, Кахетия, в течение I тыс. н.э. охватывало единое название Дурдзукетия/Дзурдзукетия, дополняемое к VIII–IX вв. еще одним внешним этнотопонимом – «Хеви Цанарети», а также Санария, Цанария/Цанаретия. Эти этнонимы в раннем средневековье порой распространялись и на современные горные районы Чечни (в грузинских мифах – северокавказские нахи являются потомками этнарха Дурдзука, сына Кавкаса)[26].

Другие нахские общества – двалы (Двалети) включали в себя горские объединения в ущельях левобережного бассейна Терека и по р. Ксани, а также высокогорную часть Алагирского ущелья Северного Кавказа[27].

Великая Парфянская держава, доминировавшая над ранними государствами и горскими племенами Кавказа, сменилась к 224 г. не менее могучей Сасанидской империей, чье прямое влияние распространилось на север до Главного Кавказского хребта. При первых сасанидских царях один из шахиншахов двинулся с армией в Иверию-Картли на Куре, где покорил картвелов, затем, если верить средневековым грузинским источникам, поднялся в горы и «забрал все ущелья кавкасианов, учредил всюду своих мтаваров (князей, правителей. – Авт.) и повелел им повиноваться сыну его Мириану (ставшему царем в Мцхета. – Авт.)»[28].

По существу речь могла идти о том, что при первых сасанидских шахах произошло завоевание не только горной полосы современной Грузии (Дзурдзукетия,

Академии наук СССР – Армянский филиал. № 7 (12). Ереван, 1941. С. 33–40; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. I. По данным лингвистики. С. 653–664.

[25] См.: Мусхелишвили Давид. Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тбилиси, 2009. С. 128–143; Мусхелишвили Давид, Арвеладзе Бондо. История требует объективности // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии / Ред. Д. Мусхелишвили. Тбилиси, 2009. С. 111–127; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 243–268.

[26] См.: Всемирная история… С. 113–116; Мровели Л. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979; Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002; Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонти Мровели // Абхазоведение. История, археология, этнология. Выпуск II. Сухум, 2003. С. 109–138.

[27] Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961.

[28] См.: Мкртумян А.Г. Этнический состав населения Центрального Кавказа в IX–XI вв. // Историко-филологический журнал. АН Армянской ССР. № 4. Ереван, 1976. С. 171–172; Мровели Л. Жизнь картлийских царей…С. 37–38, 74; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 176–177; Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метровели. Тбилиси, 2008. С. 40–41.

Кавкасиони, Цанаретия), но и пограничных обществ в пределах горных районов современных Чечни, Ингушетии, Дагестана и Осетии, прилегающих к Главному Кавказскому хребту, с насаждением там вассальных правителей. Правда, уже при сыновьях и внуках Мириана отношения христианизированной Мцхеты с горцами-язычниками вернулись к состоянию их безусловной независимости. Хотя в 15 км к северу от Мцхеты в землях горцев был сооружен христианский храм в селении Цилканы (впоследствии здесь была учреждена епископская кафедра)[29].

В указанную эпоху возвышения Ирана иные события разворачиваются в пределах южной части Восточной Европы и Предкавказья. К 70-м годам IV в. н.э. огромные массы гуннских (и булгарских) племен из Центральной Азии, Сибири и Урала (по языку: тюрки, угро-финны и иранцы) выступили из-за Волги и Камы на запад (отметим, что какие-то небольшие гуннские племена оказывались здесь и ранее). В обширных степях Восточной Европы они разбили в частых стычках племена готского, сарматского, аланского союзов и двинулись в южные и западные области Европы. Тогда же часть гуннов, присоединив племена булгар и подвластных алан Приазовья, заняла практически все степные районы Северного Кавказа между Черным, Азовским морями и Каспием[30].

Позже здесь сложилось несколько раннеклассовых образований кочевников – «царство (Страна) гуннов», «ханство булгар (Великая Булгария»), отдельные племенные союзы и довольно крупные аграрные города с горско-гуннским населением.

Сасанидские шахи в IV – середине V вв. с учетом угрозы от кочевников с севера вновь усиливают свою власть до закавказской части Дзурдзукетии. Более того, тогда же вассал Ирана грузинский царь Вахтанг Горгасал (ок. 440–502 гг.) совершил успешный поход на север через Дарьяльское ущелье, как полагают, против гуннов-хайландуров. В его войсках, согласно данным хроники, находились помимо картвелов и иранцев якобы 50 тыс. привлеченных «кавкасианов» – горцев Большого Кавказа[31].

Начиная с иранского шахиншаха Йездигерда II (431–457 гг.) и при Хосрове I (531–579 гг.), а также Хосрове II (590–627 гг.) на Северном Кавказе достраиваются и дополнительно строятся грандиозные крепостные комплексы (Дербент и др.). Источники также сообщают о строительстве в горах Дзурдзукетии (в данном случае это, видимо, южные и северные склоны Большого Кавказа) неких 12 «ворот-укреплений». Надзор за Дарьяльским проходом и «Дурдзукскими воротами» Сасанидская империя возложила в целом на армянских наместников (марзпаны),

[29] Картлис цховреба. История Грузии / Гл. ред. Р. Метревели… С. 66–67; Иессей Цилканский // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 511–512; и др.

[30] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 26–29, 48–6; Абрамова В.П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Чеченский архив (сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. 3. Грозный, 2010. С. 8.

[31] См.: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа… С. 13–19, 26–27, 46–51; Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В.Цулая. Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1986. С. 38–40; и др.

а не на картлийских царей, чья власть была вовсе упразднена. В свою очередь, марзпаны опирались в горах на вождя нахов-цанар с титулом «корикози» – хорепископ/епископ[32].

В VII в. на отрезке трассы «Великого шелкового пути» в Северо-Восточном Прикаспии, Северном Причерноморье и на берегах Волги в нижнем течении (после недолгой гегемонии великого Тюркского каганата) складывается новое объединение кочевых племен различного, главным образом тюркского происхождения, получившее название Хазария. Эта своеобразная «торговая империя» распространила на юге свое политическое влияние на гуннов, булгар, алан и горские народы, расположенные даже «на очень высоких горах»[33].

С западной стороны Кавказа на Черноморском побережье стояли порты и крепости византийских императоров, стремившихся, как и сасанидские шахи, к гегемонии на всем Кавказе.

Таким образом, участие нахов Кавказа раннего средневековья в исторической жизни своего времени было связано, прежде всего, с судьбами Абхазии, Армении, Албании, Грузии, Ирана, северокавказской Гуннии, Хазарии, Арабского халифата и Алании. И хотя нахи внесли в исторические процессы своего времени относительно скромную лепту, без ее учета история Кавказа останется неполной.

Отражением определенных изменений в положении нахов того времени надо считать и первые их прямые упоминания в разных вариантах «Армянской географии» VII в.: «нахчематьянк/нахоматеанк», «кусты/кисты», «дурцки/дзурдзуки», «цанары» и «туши»[34]. Вместе с тем, становится ясным, что в самой Армении с полным утверждением христианства начинают постепенно стираться отличия потомков древнейшего населения тех княжеств-областей, которые сохраняли нахо-урартские признаки и даже свою аристократию, от собственно армян. Как говорят опубликованные и неопубликованные исследования видных российских лингвистов О.А. Мудрака и И.М. Сигаури, в базовой лексике современного армянского языка продолжает присутствовать заметный нахский субстратный слой[35].

С середины VIII в. нахские и восточно-кавказские (дагестанские) племена Кавказа, грузины, албаны, армяне и хазары силою исторических обстоятельств высту-

[32] Баладзори. Книга завоевания. Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку, 1927. С.6; Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930. С. 705, 712; Еремян С.Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов… 38–39; Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и 1963. С. 103–105; Гадло А.В. Указ. соч. С. 103–106.

[33] Гадло А.В. Указ.соч. С. 125–135, 187–188; Савченко Е. Мощёная Балка – узловой путь Великого Шелкового пути на Северном Кавказе // Российская археология. № 1. 1999. С. 125–141.

[34] [Хоренский Моисей]. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому (пер. П. Патканова) // Журнал министерства народного просвещения. Часть 226. СПб., 1883. С. 21–32.

[35] См.: Еремян С.Т. Указ. соч. С. 33–40; Сигаури И.М. Указ. соч. Т. I. По данным лингвистики. С. 411–417; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 411–417.

пили объективно союзниками в борьбе с наступлением новой мировой державы – Арабского халифата. В 640–650 гг. арабы, завоевав верховья Тигра и Евфрата и разгромив Сасанидскую империю, выходят к Кавказу, где они взяли столицу Армении – город Двин, важную крепость Дербент на Каспии, а позже овладели и торговым городом Тбилиси. С правителями Картли был заключен своеобразный договор, к которому, как утверждают некоторые источники, присоединились жители «Баб-ал-Лана» (буквально – Ворота аланов) «санариты» (нахи) и жившие северо-восточнее – «дидойниты» (высокогорные дагестанцы). Надо отметить, что первые вожди арабов, познакомившиеся с нахами-цанарами Дарьяльского пути, были известными асхабами – близкими сподвижниками Пророка Мухаммеда. В борьбе с Хазарией арабы только через Дарьяльский проход совершили не менее 11 экспедиций на хазарские и гунские города региона, располагавшиеся от р. Аксай до Каспия и на Тереке. На пути к ним они не могли не затрагивать земли современной Северной Осетии, Ингушетии и Чечни, не говоря уже о Дагестане[36].

Рост политического влияния Халифата на Кавказе сопровождался проникновением арабской культуры. Здесь археологами обнаруживаются арабские ткани и украшения, серебряные дирхемы и т.д. «С тех пор как Маслама б. Абд ал-Малик б. Марван пришел в эту страну и покорил ее народ, – писал в X в. Ал-Масуди, – это место (Дарьяльские ворота. – Авт.) охраняется арабским гарнизоном, которому доставляется провиант из тифлисского пограничья, до которого пять дней пути среди неверных». Возможно, ко времени пребывания арабов в гарнизонах на Дарьяльском пути относится бронзовый кувшин-водолей в форме орла (точнее – ястреб), хранившийся в селении Эрзи общества Джейрах/Джарах (Ингушетия)[37].

В ходе взаимодействия и войн с Арабским халифатом произошло образование нахского Цанарского (Кахетинского) государства с центром, охватывавшим Дарьяльский проход и Кахетию в Закавказье, со своей правящей династией. При цанарском князе, «великом хорепископе» Григоле (787–827 гг.) и позже, территория Цанаретии-Кахетии растет за счет присоединения новых владений на западе (до р. Ксани), на востоке (Эрети) и на юге (Гардабани). Присоединены были на

[36] См.: Баладзори/Балазури Китабфутух ал-булдан / из соч. Книга завоевания стран. Баку, 1927 С. 8–12; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. Т. 3. С. 254–255; Богверадзе А.А. Раннефеодальные грузинские государства в VI–VIII вв. // Очерки истории Грузии в 8 т. Том. 2: Грузия в IV–X веках. Тбилиси, 1988. С. 172–189; Шагинян А.К. Закавказье в составе Халифата. СПб., 1998; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 173–180; Его же. О некоторых итогах и вопросах в исследовании раннесредневековых городов Северо-Восточного Кавказа // Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного. 2–3 октября 2017 г. Грозный, 2017. С. 3–15.

[37] [Масуди] Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Мас'уди // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис. 1908. С. 54–55; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР Т. 1. С. 35; Габриэлян Р.А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван, 1989. С. 83–85; Шагинян А.К. Указ. соч. С. 25–32, 36–45; АлеманьАгусти. Указ. соч. С. 347–348; Картлис цховреба. История Грузии… С. 111–112.

западе нахские районы по западную сторону от Дарьяльской дороги (Двалетия), а на севере верховья Аргуна и дагестанские общества Дидо и Хунзах. Цанаретия как христианская держава претендовала на роль объединителя и собственно грузинских земель.

В начале XI в. грузинские источники сообщают о новом возвышении цанаров: Квирике III (1010–029 гг.) Великий был провозглашен кахо-эретинским царем и «назначил своих правителей в Тианетии, Тушетии, Дидоэти, Дзурдзукетии, Глигве, Хундзахе» и пр. Против него поднялся было царь северокавказских овсов-алан Урдуре с 30–40 тысячным ополчением, который «через Дзурдзукетию и страну глигвов перевалил в Тианетию и опустошил Кахетию. Квирике, собрав свои войска, напал на врага, разбил его и убил царя овсов Урдуре...»[38].

За этими скупыми данными скрываются эпохальные для нахоязычных горских народов и племен события и потрясения. В 1029 г. царь Квирике III Великий погиб, а к 1110 г. данное нахское государство было объединено с Абхазским царством и Картлией, причем царем из абхазской династии, породненной с армянско-грузинской правящей фамилией Багратиони (имевшей урартские корни) – Давидом Строителем[39].

Исследованные авторами материалы показывают, что в течение своей почти 4-х вековой истории цанары и Цанаретия являлись своеобразным системообразующим центром не только нахских горных районов центральной части Закавказья и отчасти Северного Кавказа, но и выступали реальным претендентом в деле политического объединения всего Южного Кавказа. Однако приходится констатировать, что сегодня содержательная часть истории нахов-цанаров, создавших сильное государство, как и в целом нахов Кавказа эпохи раннего средневековья – этноса, под разными этноплеменными и географическими названиями населявшего значительные районы Южного Кавказа и сыгравшего в истории Армении, Грузии и Албании определенную позитивную роль, – не нашла своего отражения.

При правительнице объединенной Грузии царице Тамаре (1184–209/1213 гг.) – правнучке Давида Строителя, влияние государства на районы закавказских нахов продолжает расти. К примеру, устанавливается прямая вассальная зависимость горских вождей той же Двалетии, Дзурдзукетии-Кавкасиани, Пшавии, Хевсуретии и Тушетии от царского дома Багратиони. Основные нахские общества Закавказья с этого времени утратили нахский язык и исконное язычество в пользу грузинского языка и христианства.

[38] См.: Царевич Вахушти. География Грузии / Пер. М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 128–129; Лордкипанидзе М.Д. Возникновение новых феодальных государств // Очерки истории Грузии: в 8 томах. Т. 2. Тбилиси, 1988. С. 251–270.

[39] См.: Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 30–31; Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983. С. 114–115; Лордкипанидзе. Указ. соч. С. 251–270; Шагинян А.К. Указ. соч. С. 71–73; Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 411–417.

Рост мощи грузинского централизованного государства приводил к проникновению также на север от Кавказского хребта – в нахоязычные Осетию, Чечню и Ингушетию элементов грузинской материальной и духовной культуры. В небольшом нахо-ингушском обществе Галгай строится даже сравнительно крупный для горного района христианский храм (Тхаба/Ткъоба-Ерды)[40].

В тот же период, еще до монгольского нашествия, возможно, заканчивается тюркизация нахских предков современных балкарцев и карачаевцев на Северном Кавказе. Возрастает и «аланизация» близких к карачаево-балкарцам нахов-двалов Северной Осетии. После нашествия монгольской орды (XIII в.) и разрушительных походов Тамерлана на Кавказ в конце XIV – начале XV вв. остатки алан в своем бегстве заполняют горы северной и южной (Закавказье) частей двальского (нахского) населения, которое постепенно перенимает язык преобладающих алан-степняков и получает внешний этноним – «овсы» (от «асы/ясы» – самоназвания алан). Вероятно, остатки равнинных степных нахов региона успели раствориться в среде ясов-алан. Во всяком случае, нет следов их возвращения в горы.

Таким образом, нахский язык и нахский этнос к концу средневекового периода сохраняется только на территории «чеченского» кластера» – от р. Акташ и Андийского хребта на востоке до Дарьяльского ущелья и р. Терек на западе, где, как и на всем горном Кавказе, господствовал культурный тип «горской цивилизации» со своеобразным этническим лицом и социально-общественным бытом, разнообразными видами хозяйственной деятельности и выразительной духовной и материальной культурой[41].

[40] См.: Царевич Вахушти. Указ.соч. С. 52–-53, 91; Гамрекели В.Н. Указ.соч. С. 22–28; Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами…С. 81–93; Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа: (К истории религиозных верований в X– XIX. Грозный, 1989. С. 111–112; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI – первой половины XIX вв.). Тбилиси, 1983; Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские историко-культурные параллели (на материалах горной Ингушетии) // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С. 7; Базоркин М.М. Указ. соч. С. 20–21; Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 38–52; Кузьмин В. «Стена обители святой и башен странные вершины…». Записки реставратора // «Наше наследие». № 97, 2011. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: http://www.nasledie-rus.ru (дата обращения 25.08.2018).

[41] См.: Хизриев Х.А. К истории чеченцев и их борьбы против татаро-монгольских завоевателей и Тимура // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 3–18; Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ //Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный. 1976.С. 103–128; Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа / Пер. Г.В. Цулая // Кавказский этнографический сборник. Т. 7. М.: Наука, 1980. С. 193–208; Хизриев Х.А. География походов Тимура на Северный Кавказ // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 24–39; Его же. Кавказцы против Тимура (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный: Изд-во «Книга», 1992. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. 2-е изд. М., 1993; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. … С. 211–235; Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: ваьппи, дзурдзуки/дурдзуки… С. 20–30.

К XIV–XV вв. главными носителями нахских языков на том же Кавказе остаются: общество бацбийцев Цова-Тушетия в Горной Грузии с бацбийским языком, одно северокавказское горное общество нахо-галгаев с галгайским языком, два небольших общества на притоках Терека – Мецхал и Джайрах (язык которых относился к закавказскому нахскому кластеру – ваьппи/фяппи) и самая большая по масштабам кавказского региона нахо-чеченская «полоса» автохтонов из семи-восьми десятков вольных обществ. Она занимала пространство протяженностью до 150 км с запада на восток от верхнего бассейна Сунжи-Ассы до Аксай-Акташа-Сулака и от Бокового хребта (ответвления Главного Кавказского хребта) на юге до Чеченской, Качкалыковской и Кумыкской равнин на севере[42].

Определенный уровень развития носителей языка «чеченского кластера» привел к тому, что еще до монгольского нашествия мы можем наблюдать в части современной равнинной Чечни «аланское» княжество с центром в г. Маас/Магас, а в золотоордынскую эпоху, охватывая практически всю территорию современной Чечни и часть Терско-Сулакского междуречья, растет государство раннего типа – Симсим во главе с собственной династией (разгромленное, однако, в 1395 г. Тамерланом).

Как бы то ни было, в течение XV в. наблюдается полное заполнение всех ущелий Горной Чечни от бассейна Ассы до р. Акташа – с запада на восток – нахами-чеченцами, говорившими практически на одном языке (с близкими диалектами и говорами – галанчожский/арштхоевский, малхинский, майстинский, итум-калинский, шароевский, чеберлоевский, нахч-махкоевский и ауховский/аккинский) и имевшими общую материальную и духовную культуру. Таким образом, база для формирования самого крупного горского (чеченского) народа нового времени в указанном ареале Северного Кавказа была заложена всем предшествующим ходом этнополитического развития нахов. Там же, и в тех же пределах, где далекие предки нахов-чеченцев осели не менее VII тыс. лет назад до н.э., составив северную периферию огромного по территории (хотя и с неплотным населением) этномассива носителей нахской ветви, выделившейся из прасеверокавказского языка.

В следующие после эпохального нашествия Тамерлана два столетия идет возвращение горцев-чеченцев первой линии горных обществ на прилегающие равнины с их хозяйственным освоением, происходит формирование нового зернового центра Северо-Восточного Кавказа и складывание двух княжеств-владений в XVI–XVII вв.: Окоцкого в бассейне рек Аксай-Акташ и в целом Терско-Сулакского междуречья и, Чеченского, в нижнем течении р. Аргун[43].

К XVIII столетию мы уверенно можем говорить о том, что формирование чеченской нации с единым национальным лицом, героическим народным эпосом, военно-политической и религиозной элитой и развитым общественно-националь-

[42] Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни С. 113–209 и др.

[43] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР… С. 42–50; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура…; История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Т. 1. Грозный, 2006. С. 113–131; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 56–72, 177–181, 187–191.

ным самосознанием, основанным на положениях ислама, – закончилось. Причем это произошло примерно в тот же исторический период, когда сформировались основные нации, национальные языки и национальные государства Европы.

В целом так выглядит изложенная в тезисной форме история одной из крупнейших и древнейших для своего времени этноязыковых общностей человечества, от которой сегодня на части территории Кавказа остались только три нахских народа: бацбийцы, ингуши и чеченцы. Причем современные бацбийцы, насчитывающие несколько тысяч человек, находятся на грани исчезновения как самостоятельная этническая группа; так же, как в предыдущие века многие другие этнические нахи Закавказья, бацбийцы через одно-два поколения могут окончательно раствориться в грузинской нации.

Неурегулированные межгосударственные и межнациональные конфликты, распространение идеологии религиозного экстремизма, застарелые социально-экономические проблемы и порождаемая ими общественно-политическая напряженность – являются еще одной угрозой для будущего исконных кавказских народов, в том числе нахских. Насколько разрушительными и трагическими могут быть последствия современных военных конфликтов (даже если по военной классификации они относятся к категории конфликтов малой и средней интенсивности), наглядно продемонстрировали две «чеченские войны», буквально поставившие чеченский народ на грань физического выживания. Конечно, все это обязывает нынешние поколения чеченцев как можно крепче усвоить суровые уроки истории.

Работая над «долгой» историей «нахской Атлантиды», ее авторы одновременно стремились привлечь внимание как к историческим, так и современным судьбам реликтовых народов Кавказа, сумевших пронести через тысячелетия по-своему уникальные языки и культуру, которые лежат также в основе кавказского цивилизационного феномена. Того самого культурного кода, благодаря которому даже сегодня многоязычное и многоконфессиональное население Кавказа ощущает свою взаимную близость, а в глазах окружающего мира они воспринимаются как «кавказцы» – носители особой ментальности и мироощущения.

Наконец, для нас, современников, по многим причинам важно, что составляющей (порой заметной, порой нет) многих современных народов Кавказа (тех же армян, грузин и азербайджанцев) и мира является этнотип представителей древнейшей языковой семьи мира, включая ее нахскую ветвь.

Все это позволяет нам говорить об объективной необходимости изучения истории тех же нахов-чеченцев в рамках некоей единой нахской предыстории, также как выявления роли и места нахского компонента в складывании целого ряда кавказских народов. Тем самым в круг исследования как минимум должны включаться не только предки нынешних чеченцев Северного Кавказа, но и все многочисленные нахские группы, некогда населявшие в древности и средневековье Месопотамию, Палестину с Сирией, Закавказье, Северный Кавказ и южную часть Восточной Европы, территории таких современных государств, как: Турция, Ирак, Иран, Азербайджан, Армения, Грузия; российских северокавказских автономий: Карачай, Балкария, Осетия, Ингушетия и Чечня.

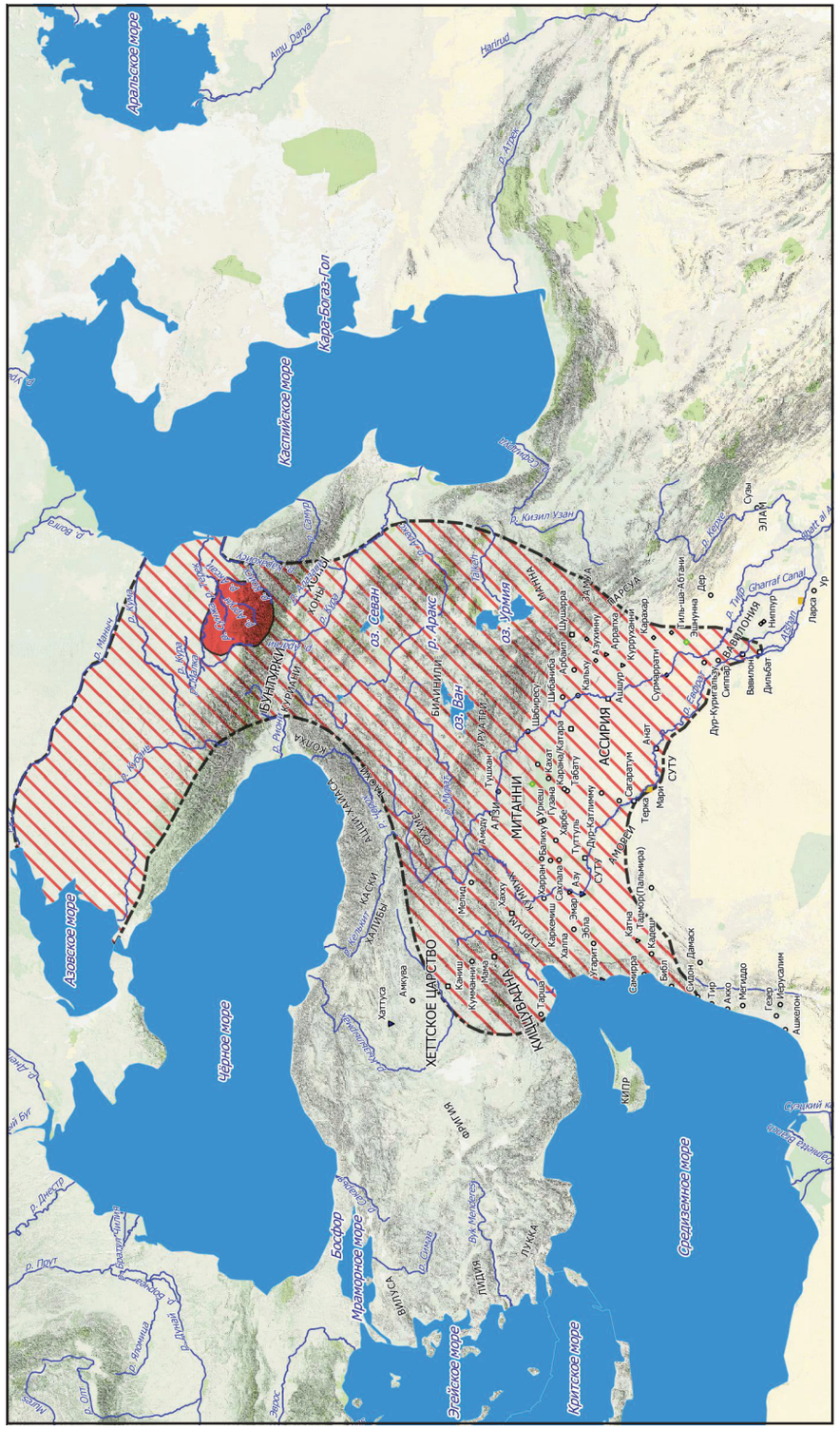

Рис. 45. Сокращение ареала обитания шумеро-хуррито-урартских народов в течение 7 последних тыс. лет
– *Ареал обитания шумеро-хуррито-урартских народов в V–III тыс. до н. э.*
– *Ареал обитания нахских народов (чеченцы и ингуши) в настоящее время*

В настоящее время есть известные подвижки в исторической науке Кавказа, России и Чечни в направлении раскрытия основополагающих тайн своеобразной «нахской Атлантиды», но в науке подъем на некую высоту парадоксально раздвигает горизонты непознанного, что еще и еще раз показывает необходимость неустанного движения вперед.

Библиография

1. Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Избранные труды. В 4-х т. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 7–44.

2. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993.

3. Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик: Эльбрус, 1976.

4. Абдоков А.И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик: Эльбрус, 1983.

5. Абдушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1964.

6. Абрамова М.П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Чеченский архив (сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. 3. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2010. С. 40–49.

7. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) М.: Наука, 1993.

8. Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи евроазиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 268–281.

9. Абрамова М.П. Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992. С. 57–58.

10. Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 15–19.

11. Абу Мухаммад ибн А›сам ал-Куфи. Книга завоеваний / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1981.

12. Аветисян Г.М. Государство Митанни (военно-политическая история в XVII–XIII вв. до н.э.). Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1984.

13. Аветисян Г.М. Северная Месопотамия в период образования арамейских княжеств // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 58–60.

14. Авилова Л.И., Антонова Е.В. Древняя Евразия: интерпретация свидетельств культурных перемен // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 3–12.

15. Агатангелос. История Армении / Пер. с древнеарм. К.С. Тер-Давтяна и С.С. Аревшатяна. Ереван: Наири, 2004.

16. Агафий. Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского. Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе / Пер. М.В. Левченко // Византийский временник. Т. 3 (28). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 305–349.

17. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

18. Агларов М.А. Горские демократии на Кавказе: традиции и перспективы. Тбилиси, 2002.

19. Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный: Книга, 1992.

20. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1971.

21. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974.

22. Айтберов Т. Военно-административные центры на Восточном Кавказе: в легендарную эпоху, при Аршакидах и при Сасанидах // [Электронный ресурс]. – URL: http://gazavat.ru›history3.php?art=517&rub=9

23. Айтберов Т.М. К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала: Алеф, 2015.

24. Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 56–60.

25. Айтберов Т.М. Начальный этап в процессе формирования мусульманской государственности и исламских центров на Восточном Кавказе. Махачкала, 2011.

26. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV–XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1982. С. 61–67.

27. Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998 // [Электронный ресурс]. – URL: http://kumukia.ru›books/0001/pages/page32.html

28. Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара. Магас, 2016.

29. Албегова З.Х. Расселение алан на территории Северной Осетии в I–XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. Вып. 4. 2007 // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.archaeolog.ru

30. Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Древний Восток. Учебное пособие для вузов. М.: Астрель: АСТ, 2008.

31. Алексеев В.П. Избранное: в 5 т. Т. 5: Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 2009.

32. Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 98–102.

33. Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978.

34. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974.

35. Алексеев В.П. Этногенез. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Высшая школа, 1986.

36. Алексеев М.Е. Языки мира. Кавказские языки. М.: Academia, 1998.

37. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. 2-е изд. М.: Бриз, 1993.

38. Алексеева Е.П., Невская В.П., Шаманов И.М. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

39. Алеманъ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.

40. Алиев И. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. Баку, 1959.

41. Алиев К. Именник гуннских царей (Кавказская Гунния) // [Электронный ресурс]. – URL: http://kumukia.ru›?id=869

42. Алиев К. Племена древней Кавказской Албании (I в. до н.э. – I в. н.э.). Автореферат дисс. ...канд. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1962.

43. Алиев К. Проблема происхождения кумыков в советской идеологии и историографии // Кумыкское научно-культурное общество: Вести. Вып. № 5. Махачкала, 2001. С. 4–19.

44. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 363–364.

45. Аликберов А.К. Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме как альтернативе койне. Язык письменности и язык базара // Albania Caucasica: Сб. статей. Вып. I / Предисл. подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 16–27.

46. Аликберов А.К. Сасанидская титулатура правителей Кавказа в свете данных Хамзы ал-Исфахани // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В.В.Пашуто. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. С. 7–9.

47. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М.: Вост. лит., 2003.

48. Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978.

49. Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Чеч.-Инг. изд.-полигр. об-ние «Книга», 1990.

50. Амиранишвили Ш.Я. Древнейший образец грузинской рельефной скульптуры (на груз. яз.) // Известия музея Грузии. Вып. XII. 1944.

51. Амиров Ш.М. Месопотамо-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 233. М.: Наука, 2014. С. 3–17.

52. Амирханов Х.А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987.

53. Анасян А.С. Новая концепция в албанистике // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении / Сост. П. М. Мурадян. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1991. С. 126–155.

54. Андреев Ю.В. Между Евразией и Европой. (К вопросу об исторической специфике минойской цивилизации) // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 94–112.

55. Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // Вестник древней истории. 1987. № 1. С. 3–18.

56. Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014.

57. Андреева М.В. О месте «позднеэнеолитических» памятников Грузии в системе периодизации куро-аракской (транскавказской) культуры // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ: Ир, 1989. С. 81–84.

58. Антонов И.В. Гуюк в великом Западном походе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 26–33.

59. Антонова Е.В. Контакты Месопотамии с восточными землями в IV–III тысячелетиях до н.э. // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 195–240.

60. Анфимов Н.В. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1975. С. 49–51.

61. Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // Советская археология. 1958. № 28. С. 62–71.

62. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми: Абгосиздат, 1969.

63. Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 113–126.

64. Анчабадзе З.В. Очерки истории народов Северного Кавказа в средние века. Ч. I (VI–VIII вв.). Тбилиси, 1982.

65. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М.: ИЭИА,1993.

66. Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 128–168.

67. Ардипитек рамидус // [Электронный ресурс]. – URL: http://antropogenez.ru/zveno–single/57

68. Арешян Г.Е. К исследованию общих закономерностей освоения природных ресурсов древними культурами // Междисциплинарные исследования куль-

турогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сб. докладов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1990. С. 59–65.

69. Армянская география. Из нового списка Географии, приписываемого Моисею Хоренскому / Пер. П. Патканова // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 226. 1883.

70. Армянские источники об аланах. / Сост. Р.А. Габриелян / Центр научн. информ. по обшеств. наукам АН Арм. ССР. Вып.3. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1985.

71. Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.

72. Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в средневековой истории Чечено-Ингушетии. Баку, 2002.

73. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

74. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.

75. Арутюнян Б.А. К вопросу о локализации страны Лпинк // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Сб. статей Т. 1. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1991. С. 107–126.

76. Арутюнян Б.А. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении / Сост. П. М. Мурадян. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1991. С. 353–382.

77. Арутюнян Н.В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1966.

78. Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1985.

79. Архантропы [Электронный ресурс]. – URL: http://antropogenez.ru/zveno–single/60

80. Аталиков В.М. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Живая старина // Журнал по проблемам краеведения КБР. Нальчик, 1993. № 3. С. 3–124.

81. Ахмадов Я.З. Горские народы, сарматы и аланы в поздних античных источниках (к постановке проблемы) // Труды Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2015. С. 379–389.

82. Ахмадов Я.З. Григол Великий – объединитель Восточной Грузии // Вестник ЛАМ. 2001. № 2.

83. Ахмадов Я.З. Европейские авторы XV–XVI вв. о горских народах Северного Кавказа (вопросы исторической географии и политической истории) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 40–55.

84. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. Пособие для изучающих историю родного края. М.: Мир дому твоему, 2001.

85. Ахмадов Я.З. К вопросу о климатических факторах в истории Чечни XIII–XVII вв. // Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития. Грозный, 2011. С. 526–529.

86. Ахмадов Я.З. К вопросу о нахском этномассиве на Кавказе // Труды КНИИ РАН. Грозный, 2013. № 6. С. 299–307.

87. Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 2 (31). С. 20–30.

88. Ахмадов Я.З. О некоторых итогах и вопросах в исследовании раннесредневековых городов Северо-Восточного Кавказа // Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного. 2–3 октября 2017 г. Грозный: Изд-во Академии наук ЧР, 2017. С. 3–15.

89. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской лит., 2009.

90. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.

91. Ахмадов Я.З. Складывание Картлийского (Иберийского) государства (конец IV–II вв. до н.э.) и нахи-дурдзуки // Вестник ЛАМ. 2001. № 7. С. 36–40.

92. Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 5–15.

93. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н. э. – XII в. н.э.): Дисс. ...д-ра.... на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. М., 2005.

94. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М.: Наука, 2008.

95. Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XII–XIV вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. С. 55–71.

96. Багратиони Вахушти [Царевич Вахушти]. География Грузии / Пер. М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1904.

97. Багратиони Вахушти (Царевич Вахушти). История царства Грузинского. Тбилиси: Мецниереба, 1976.

98. Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1971.

99. Бадридзе Ш.А. К вопросу об институте правителей хорепископов (на груз. яз.) // Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР, 1964. № 5. С. 87.

100. Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик: Эль-фа, 2002.

101. Байтасов Р.Р. Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Научно-методический журнал. 2014. № 1 (19). С. 24–32 // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.academia.edu/7628723/Корреляция_языковых_семей_и_Y-гаплогрупп

102. Бакаев Х. Забытая война забытого народа // [Электронный ресурс]. – URL: http://www. fca.narod.ru›forum–kavkaza–sedaya–drevnost.html

103. Бакаев Х. О древности этнонима Нахче // [Электронный ресурс]. – URL: http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=nzp&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text

104. Бакаев Х. Тайна Жеро-Канта // [Электронный ресурс]. – URL: http:// www/ vaydahar.eu›sites/default/files/content…tayna…

105. Бакиханов А–К.А. Гюлистан-Ирам. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926.

106. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991.

107. Баладзори. Книга завоевания. Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку, 1927. С. 6–22.

108. Балановский О.П. Генофонд Европы. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2015.

109. Балановский О.П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохандриальной ДНК и Y-хромосомы. Дисс. на соиск. уч. ст. док. биолог. наук. М., 2013.

110. Барамидзе А.А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонти Мровели. Тбилиси, 1972.

111. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинская. Л.: Наука, 1971. С. 136–187.

112. Барбаро Иософат. Путешествие в Тану Иософата Барбаро, венецианского дворянина. Пер. с итал., В. Семенова // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб., 1836.

113. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.

114. Бариев Р.Х. Волжские булгары: история и культура. СПб.: Агат, 1999.

115. Барулин А.Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41–58.

116. Барулин А.Н. Первый шаг в восхождении к языку [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iling–ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/2.pdf

117. Бархударян С.Г. Урартское происхождение армянского нахарарского рода Арцруни // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960. С. 29–38.

118. Батора Й. Кавказ и Среднедунайско-карпатский регион в конце энеолита и раннем бронзовом веке (исследование трансферта технологий и знаний в металлургии) // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 100–102.

119. Баширов М.С.-Э., Хасмагомадов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья (на примере семьи Башир-шейха Аксайского). Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018.

120. Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа и Дагестана: этнополитические аспекты взаимоотношений (XVI–XVIII вв.) // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Т.5. Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009.

121. Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хаййат ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 32–53.

122. Белецкий М. Шумеры. Забытый мир // [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/book/belitskiy_marian/shumeri_zabitiy_mir.html

123. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып.1. 1578–1613. М.: Университетская типография, 1888.

124. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный: Книга, 1991.

125. Берни Ч., Лэнг Д.М. Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2017.

126. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

127. Блеген К. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002.

128. Богверадзе А.А. Арабские завоевания и борьба против арабов в VII–VIII вв. // Очерки истории Грузии в 8 т. Т. II. Грузия в IV–X веках. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 178–189.

129. Богверадзе А.А. Раннефеодальные грузинские государства в VI–VIII вв. // Очерки истории Грузии в 8 т. Том. II: Грузия в IV–X веках. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 141–189.

130. Богверадзе А.А. Упразднение царской власти в Картли // Очерки истории Грузии в 8 т. Т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 141–143.

131. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Материал к курсу. Махачкала, 1961.

132. Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеатичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород: Изд-во БелГУ, 1997. С. 35–56.

133. Большаков О.Г. История Халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний (633–656). М.: Наука, 1993.

134. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII в. М.: Наука, 1984.

135. Боталов С.Г. Язык и имена гуннов (Относительно одного устоявшегося стереотипа о тюркоязычности гуннов) // Челябинский гуманитарий. Челябинск, 2010. № 3 (12). С. 122–130.

136. Брилева О.А. Сравнительный анализ набора антропоморфной пластики центрального, западного и восточного вариантов кобанской культуры // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 172–182.

137. Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2–х т. / Сост. И.К. Павлова. СПб., 2004.

138. Булатбиев И.М. К вопросу о семантике этнонима «нахчи» // Вестник Академии наук ЧР. 2018. № 2. С.116–123.

139. Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии: М.-Л., Т. 14. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 306–419.

140. Бурков С.Б. Новые погребения конца ранней бронзы из раскопок археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого // Актуальные проблемы дореволюционной истории Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1990. С. 4–6.

141. Бурлак С.А. Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического языкознания // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.philology.ru/linguistics1/burlak–12.htm

142. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005.

143. Bulgarica. Время и пространство болгарской цивилизации: Атлас. М.: Феория. 2012.

144. Бутков П.Г. Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Издательство журнала Звезда, 2001.

145. Вагапов А.Д. К вопросу о происхождении этнонимов алан и ас // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск: КЧГУ, 2010.

146. Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Вып.1. Грозный, 1999.

147. Вагапов А. Чеченец – значит красивый // [Электронный ресурс]. – URL: https://zhaina.com/language/page,6,116–sbornik–statejj–arbi–vagapova.html

148. Вагапов А. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Меридиани, 2011.

149. Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы: нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный: Чеч. -Инг. изд.-полигр. об-ние «Книга», 1990.

150. Вагапов Я.С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях // Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 5, вып.3. Грозный, 1968. С. 95–121.

151. Вахушти Багратиони. Описание Грузинского царства / Пер. С. Какабадзе. Тбилиси, 1941.

152. Вачнадзе С. Гурули М., Бахтиадзе В. М. История Грузии // [Электронный ресурс]. – URL: http://gumer.info›bibliotek_Buks/History/Vachn/

153. Вильхельм Г. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992.

154. Виноградов А. Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII – начало X в.) // Polistoria: Цари. Святые. Мифотворцы в средневековой Европе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 11–59.

155. Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские историко-культурные параллели (на материалах горной Ингушетии) // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С. 5–20.

156. Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и славном граде ясском Дедякове» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина) // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения / Ред. С.Л. Дударев. Армавир, 2008. С. 134–139.

157. Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // Труды ЧИНИИ. Т. IX. Грозный, 1964. С. 20–30.

158. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный: [б.и.] 1963.

159. Виноградов В.Б. Связи Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 177–183.

160. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // Советская археология. 1965. № 1. С. 108–121.

161. Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966.

162. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.

163. Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1970.

164. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966.

165. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир: Центр археол. исслед. АГПИ, 2003.

166. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1966. С. 64–70.

167. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия ЧИНИИ. Т. 7. Вып.1. Грозный, 1966. С. 42–88.

168. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XX века. М.: Наука, 1974.

169. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.

170. Волобуев А.В. Концепт человека в антропологии ислама: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2012 //[Электронный ресурс]. – URL: http://cheloveknauka.com/kontsept–cheloveka–v–antropologii–islama#ixzz5DER3umzI

171. Всемирная история. В 10 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1955.

172. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. М. Минск, 1999.

173. Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эмин. М., 1861.

174. Габриэлян Р.А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1989.

175. Гагошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I вв. до н.э. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Тбилиси, 1983.

176. Гаджиев А.Г. Об антропологическим типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа // Древности Дагестана. В 10-ти т. Т. 5. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1974. С. 50–63.

177. Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказа в эпоху раннего металла (вопросы культурной преемственности) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сб. докладов). Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1990. С. 66–75.

178. Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси, 1987. С. 69–73.

179. Гаджиев М.Г., Гаджиев М.С. XV Крупновские чтения (Махачкала, 1988) // Советская археология. 1990. № 2. С. 274–278.

180. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1997.

181. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

182. Гаджимуратов М.Т. К вопросу о рассмотрении христианства на Юго-Восточном Кавказе в IV–V вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (49). Тамбов, 2014, часть 1 // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramota.net/materials/3/2014/11–1/10.html

183. Гаджимурадов М.Т. Утверждение власти сасанидов на Восточном Кавказе в раннем средневековье // Актуальные проблемы общественных наук: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. Махачкала, 2014. С. 6–15.

184. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979.

185. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994.

186. Газдапустай Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук Л., 1960.

187. Галкина Е.С. К интерпретации термина сакалиба в отчете Ибн Фадлана // ВОСТОК (ORIENS). 2014. № 6.

188. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалети в I–XV вв. н.э. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961.

189. Гасанов З. Царские Скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. Нью-Йорк, 2002.

190. Гвасалиа Дж. Историческая география Восточной Грузии (Шида картли). Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1991.

191. Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 177–195.

192. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев. Т. 1. Баку: Элм, 1991.

193. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л., 1930. С. 705–710.

194. Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М.: Наука, 1997. С. 606–654.

195. Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Очерк палеоантропологии Дагестана эпохи бронзы и раннего железа // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995.

196. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского / Ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1972.

197. Гизбулаев М.А. Та’рих Халифы ибн Хаййата как источник по истории Дагестана VII–VIII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 4. С. 14–19.

198. Глонти А.А., Ониани А.Л., Сарджveладзе З.А. Вопросы изучения грузинской топонимии // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 118–124.

199. Гмыря Л.Б. Клятводоговоры номадов Кавказско-Каспийского региона (V–VII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/3. С. 62–67.

200. Гмыря Л.Б. Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. История. 2007. № 18.

201. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993.

202. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995.

203. Голб Н. Притцак О. Хазарско-еврейские документы X века. / Послесл. и комм. В.В. Напольских. М.: Мосты культуры, 2003.

204. Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 241–261.

205. Горепекин Ф.И. Труды. Составитель М.С. Г. Албогачиева-Гадаборшева. СПб.: Магас, 2006.

206. Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

207. Грен А. Исторические легенды чеченцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. 3. С. 21–22.

208. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1984.

209. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа / Пер. Г.В. Цулая // Кавказский этнографический сборник. Т. VII. М.: Наука. 1980. С. 193–208.

210. Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. № 2. Сухум, 2007. С. 225–243.

211. Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2004. С. 55–56.

212. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). М.: Литера, 2017.

213. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум: Абгосиздат, 2016.

214. Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонти Мровели // Абхазоведение. История, археология, этнология. Выпуск II. Сухум, 2003. С. 109–138.

215. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII века). Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Ереван, 1988.

216. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб.: АСТ, 2002.

217. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: ГРВЛ, 1966.

218. Гумилев Л.Н. Хазария и Терек: (Ландшафт и этнос) // Вестник Ленинградского ун–та. 1964. № 24. Вып. 4. С. 78–88.

219. Гумилев Л.Н. Хазарская Атлантида // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии: Сборник. М., 2001.

220. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этногенезу кумыков по геногеографическим данным // Этногенез и ранняя история народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2010 года. Пенза – Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. С. 23–26.

221. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего средневековья // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 55–64.

222. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть III. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.

223. Давудов О.М. К характеристике общественных отношений в Дагестане албанского времени // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 48–49.

224. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004.

225. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

226. Данилова В.Ю. История первобытного общества: учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014.

227. Даутова Р.А. Старогладовское поселение – новый памятник Золотой Орды на Тереке // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный, 1981.

228. Дациев А. Кизляр-наме: История терско-кумских кумыков. Махачкала: Новый день, 2004.

229. Двинский церковный собор (506) // [Электронный ресурс]. – URL: https://kavkazplus.com/news.php?id=282

230. Демелханов С.М. Участие нахских племен в военно-политических событиях Закавказья в первых веках нашей эры // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. 3. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2010.

231. Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 25–47.

232. Деревянко А.П. Олдованская или галечно-отщепная культура? Левантийское мустье или средний палеолит Леванта? // Археологи, этнография и антропология Евразии. Т. 44. 2016. № 2. С. 3–18.

233. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго–Востока Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 91–97.

234. Деревянко А.П., Зенин В.Н. Местонахождение Дарвагчай I в Дагестане // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 80–83.

235. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика / Ответ. ред. Б. А. Серебренников. М.-Л.: Академия наук СССР, 1953.

236. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. М.: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963.

237. Джавахишвили И.А. История грузинского народа (на груз. яз.). Т. I. Тбилиси, 1948.

238. Джавахишвили И.А. История грузинского народа (на груз. яз.). Т. II. Тбилиси, 1948.

239. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей поры // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 30–49.

240. Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев-нохчий (К древней истории нахских племен III–I тысячелетия до новой эры) / Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 2009.

241. Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (К древнейшей истории нахских племен (III–I тысячелетия до н.э.). Дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. Тбилиси, 1998.

242. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 6–91.

243. Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 75–92.

244. Джаракян Р.В. Этнический состав населения к северу от долины реки Диалы (Ирак) в III тысячелетии до н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 3–16.

245. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1993.

246. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба,1986.

247. Джувейни. История завоевателя мира // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

248. Дибирова Х.Д. Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа: по данным об Y хромосоме. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. биол. наук. М., 2011.

249. Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Отд. 3. Тифлис, 1909. С. 1–28.

250. Дмитриев В.А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. СПб., 2010.

251. Долгов К.В. Географический очерк Терской области // Сборник сведений о Терской области. Вып.1. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1878. С. 8–58.

252. Долуханов П.М. Палеография и первобытное населения Кавказа и Средней Азии в плейстоцене и голоцене. С. 62–85 // [Электронный ресурс]. – URL: http://hpj.asj–oa.am/3142/1/1979–2(62).pdf

253. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1978.

254. Драсханакертци Иованнес. История Армении / Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.

255. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал Абуладзе И.В. Тбилиси, 1953.

256. Древнейшая металлургия Старого Света. IV советско-американский симпозиум по археологии (Тбилиси – Сигнахи, 28 сент. – 5 окт. 1988 г.) // Вестник древней истории. 1990. № 2 (193). С. 225–232.

257. Древние цивилизации. М.: «Мысль», 1989.

258. Древний Восток. М.: Астрель: АСТ, 2008.

259. Дробышевский С.В. Методы познания бытия. Креационизм // [Электронный ресурс]. – URL: http://antropogenez.ru/zveno–single/10/

260. Дубова Н.А. Миграция и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 224–243.

261. Дударев С.Л. О железорудных месторождениях Предкавказья (историко-археологический аспект) // Природно-ресурсный потенциал горных районов Кавказа. Грозный–Сочи, 1989.

262. Дударев С.Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 15–30.

263. Дурново Н.Н. Иерархия Всероссийской церкви от начала христианства в России и до настоящего времени. В 3 т. Т. 1. [Списки архиереев и архиерейских кафедр в российской иерархии и в грузинском каталикосате]. М.,1892.

264. Дьяконов И.М. Алародии (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии: этногенетические исследования. Сб. статей. Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. С. 5–9.

265. Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 39–63.

266. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. Кн. 1. Баку: Нагыл Еви, 2012.

267. Дьяконов И.М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III–I тыс. до н.э. // Тезисы института истории АН АзССР. Баку, 1966. С. 8.

268. Дьяконов И.М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вопросы древней истории. 1951. № 2. С. 29–39.

269. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968.

270. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III–I тысячелетия до н.э.). Ереван, 1973. С. 31–32.

271. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007.

272. Дьяконов И.М. Типы этнических передвижений в ранней древности // Древний Восток. Вып. 4. Ереван, 1983. С. 6–8.

273. Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

274. Дьяконов И.М. Урарту, Фригия, Лидия // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 46–69.

275. Дьяконов И.М. Хурритский и урартский языки // Языки Азии и Африки: Языки Древней Передней Азии: Несемитские. Т. 3. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 50–78.

276. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. М.: Наука, 1967.

277. Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 5–21.

278. Дьяконов И.М., Старостин Н.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. Сб. статей. М.: Восточная литература, 1988. С. 164–207.

279. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 359–406.

280. Дьяконов И.М., Якобсон М.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16.

281. Дьяконов И.М., Якобсон В.А., Янковская Н.Б. Общие черты второго периода Древней истории // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. С. 5–26.

282. Дэбни М.К. Формирование государства на доисторическом Крите // Вестник древней истории. 1994. № 3(210). С. 144–147.

283. Европеоидная раса и ее происхождение [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/races/europeoid/index.html

284. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.

285. Елишэ. О Вардане и войне армянской. / Пер. с древнеарм. И.А. Орбели // Юзбашян К.Н. Армянская эпопея V века. М.: ИД XXI век-Согласие, 2001.

286. Еремян Б.С. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // Вестник древней истории. 1967. № 4. С. 47–59.

287. Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.). Ереван, 1963.

288. Еремян С.Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 101–108.

289. Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» (на арм. яз.). Ереван, 1973.

290. Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VIII. М., 1970.

291. Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Известия Армянского филиала АН СССР. № 7(12). Ереван, 1941. С. 33–40.

292. Есаян С.А., Погребова. М.Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука. ГРВЛ, 1985.

293. Железный век: Кизыл–Ванк // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/067/985.htm

294. Зандакская культура // [Электронный ресурс]. – URL: https://sites.google.com/site/civilizacium/home/arheologia/zandakskaa–kultura

295. Заринс, Юрис [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заринс_Юрис.

296. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XI и XV веках // Исторические записки. Т. 3. М., 1938. С. 72–129.

297. Зеленский Ю.В. Кипчаки в Подонье и Предкавказье в XI–XIV вв. // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…): Сб. статей. Казань: Ихлас, 2013. 37–47.

298. Зубов А.А. Архантропы // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.

299. Ибн ал-Асир. Полный свод всеобщей истории. Кн. 12 // Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1940.

300. Ибн-ал-Факих. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. II. / Пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис, 1902.

301. Ибн Арабшах. История эмира Тимура. 2-е изд. Ташкент, 2007.

302. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. Наили Велихановой. Баку: Элм, 1986.

303. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиятских народов при Чингисхане и Тамерлане (репринт изд. 1875 г.). М., 2012.

304. Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. III. СПб., 1914.

305. Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археологии Императорского Русского военно-исторического общества. Т. 3. Петроград, 1914.

306. Иванов Вяч. Всев. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004.

307. Иванов Вяч. Всев. Проблемы взаимосвязей древних языков Передней Азии и Кавказа // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции // Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 23–24.

308. Ивик О., Ключников В. Хазары. М.: Ломоносовъ, 2015.

309. Иессей Цилканский // Православная энциклопедия. Т. 21. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2009. С. 511–512.

310. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. № 3. М.-Л., 1940.

311. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу–Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста / Пер. Д.А. Хвольсон. СПб., 1869.

312. Измайлов И.Л. Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. № 2 (12). Июль – декабрь. 2012. С. 212–242.

313. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамисткий, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b – Ḳ). М.: Наука, 1971.

314. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова Думка, 1983.

315. Ильюков Л.С. Глиняные колесики эпохи раннего металла из Нижнего Подонья // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 5–12.

316. Ильясов Л. Культура чеченского народа. М.: Полиграфические мастерские, 2009.

317. Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.: Пантори, 2004.

318. Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум: Алашара, 1977.

319. Интериано Д. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.

320. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. GETICA / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

321. Исе (Иессей) Цилканский, свт. – житие // [Электронный ресурс]. – URL: http://www. pravenc.ru›text/293806.htm

322. История агван Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861.

323. История Азербайджана с древнейших времен до начала XX века. Баку, Элм, 1995.

324. История анонимного повествователя / Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1971.

325. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. и коммент. М. А. Геворгяна. Ереван: АН Армянской ССР, 1953.

326. История армянского народа: С древнейших времен до наших дней. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1980.

327. История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М.: Вост. лит., 2002.

328. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 2004.

329. История Древнего Востока. М., 2007.

330. История Древнего Востока. Ч. 1. Передняя Азия, Египет. М.: Наука, 1988.

331. История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй. М.: Восточная литература, 2004.

332. История Европы. В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988.

333. История епископа Себеоса. Ереван, 1937.

334. История епископа Себеоса / Пер. С. Малхасянц. Ереван, 1939.

335. История Ингушетии. Магас, 2011.

336. История Кабардино–Балкарии. Нальчик, 1995.

337. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1914. С. 281–300.

338. История народов Северного Кавказа с древнейших времен о конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

339. История Себеоса. Критический текст, предисловие и комментарии Г.В. Абгаряна (на древнеармян. яз.). Ереван, 1980.

340. История Северо-Осетинской АССР: с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1987.

341. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Кн. изд-во», 2008.

342. Итонишвили В.В. Социальная структура населения горной части Восточной Грузии в XIV–XVIII веках (Мтиулети и Гудамакари). Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2007.

343. Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой половине XIII в. // Вопросы истории Дагестана. Т.1. Махачкала, 1974.

344. Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1975. С. 124–139.

345. Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I Симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла» Телави-Сигнахи, 1983. Тбилиси: Мецниереба, 1987.

346. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2010.

347. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов н/Д: Изд-во «Русская энциклопедия», 1990.

348. Какабадзе С.Н. О племени цанар // Исторический сборник. Кн. 3. Тифлис, 1928.

349. Какабадзе С.С. Памятник эриставов. Тбилиси, 1979.

350. Какабадзе С.С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. С. 101–126.

351. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк: в 3-х кн. / Пер. с древнеарм. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.

352. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1988.

353. Калоев Б.А. Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // Вестник Кабардино–Балкарского ИГУ. Вып. 2(25). Нальчик, 2015. С. 103–113.

354. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.

355. Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004.

356. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. С древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993.

357. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагидами // Пер. с тур. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2007.

358. Каминский В.М. Вопросы вооружения племен аланской культуры // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. 19–22 апреля 1988. Махачкала, 1988. С. 68–70.

359. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901; Вып. 31. Тифлис, 1902; Вып. 32. Тифлис, 1903; Вып. 37, 38. Тифлис, 1908.

360. Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008.

361. Картлис Цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955.

362. Касьян А. Майкопская культура, ее происхождение и языковая идентификация: взгляд лингвиста // [Электронный ресурс]. – URL: http://Генофонд.рф/?page_id=28165

363. Касьян А.С. Хаттский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М.: Academia, 2010. С. 168–184.

364. Катакомбная культура // Большая Российская Энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/archeology/text/2051593

365. Кахети // Православная энциклопедия. Т. 32. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2013.

366. Кашкай С.М. Из истории Манейского царства. Баку, 1977.

367. Кесарийский Прокопий. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой / Ред. Г.Г. Литаврин. М., 1993.

368. Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976.

369. Кириченко В.В. Культурно-исторические процессы на территории Центрального Предкавказья в скифское время на материалах Ставрополья. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

370. Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999.

371. Клейн Л.С. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северопонтийских степях // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сб. докладов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1990. С. 162–174.

372. Клёсов А.А. Что говорит ДНК-генеалогия о кавказцах – 3 // [Электронный ресурс]. – URL: http:|//pereformat.ru/2013/10/east–kavkaz–dna/

373. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010.

374. Климов Г.А. Картвельские языки // Языки мира: Кавказские языки. М.: Academia, 1998. С. 14–19.

375. Климов Г.А., Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на примере языка бурушаски) // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 27–38.

376. Кобычев В.П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей // Вопросы этнокультурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.

377. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 165–184.

378. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Латта, 2002.

379. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука, 1984.

380. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005.

381. Ковалевская В.Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Известия АН Груз.ССР, № 3. Тбилиси. С. 35–40.

382. Коган Л.Е. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Академия, 2009. С. 15–112.

383. Кодзоев Н.Д. Магас: по археологическим и письменным источникам. Магас: Сердало, 2003.

384. Кожин П.М. Расселения, переселения, миграции в культурологическом освещении // Аспекты компаративистики. Вып. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 29–40.

385. Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н.э. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V). М., 2004.

386. Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (Кобанская культура: модель тысячелетия развития). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. М., 1990.

387. Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса (к истокам горского менталитета) // Культура Чечни: история и современные проблемы. М.: Наука, 2002. С. 19–24.

388. Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 252–267.

389. Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа: субстрат и инновации в период формирования (последняя четверть II тыс. до н.э.) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сб. докладов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1990. С. 184–193.

390. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущин. Науч. Центр РАН, 1996.

391. Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 45–57.

392. Козенкова В.И. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии. М.: Таус, 2008. С. 69–95.

393. Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001.

394. Козенкова В.И. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой. М.: «Таус», 2007. С. 258–294.

395. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

396. Козинцев А.Г. Опыт обобщенной оценки культурной динамики на многослойных памятниках (по материалам энеолитических крепостей Закубанья) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. 2017. № 1. С. 62–75.

397. Козинцев А.Г. Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа // Антропология и геногеография. Сборник в честь 80-летия В.В. Бунака. М.: Наука, 1974. С. 198–214.

398. Коков Д.И. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик: Эльбрус, 1983.

399. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л. Типография АН СССР, 1932.

400. Кольцов П.М. Ранние тюрки на территории Северо-Западного Прикаспия // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008.

401. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.

402. Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы в начале бронзового века Предкавказья // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: Ин-т археологии РАН, 2009. С. 106–114.

403. Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004.

404. Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сборник материалов к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р. М. Мунчаева. М.: Таус, 2008. С. 71–122.

405. Кореневский С.Н. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 225. М.: Наука, 2011. С. 175–189.

406. Коробов Д.С. Изучение системы расселения алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. методами ГИС // [Электронный ресурс]. – URL: http://forumdna.org › ForumDNA.org › Смежные науки › Археология.

407. Коробов Д.С., Борисов А.В. Террасное земледелие кобанской культуры в Кисловодской котловине // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 152–156.

408. Коробов Д. С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 120–135.

409. Котович В.М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1983. С. 4–12.

410. Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 154–156.

411. Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленжера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 182–196.

412. Кочиев Р.С. Процессы ассимиляции и метисации населения кавказского высокогорья с древнейших времен // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 20. М.: Наука, 1990. С. 204–222.

413. Кривицкий В.В. Искусства древнего Северного Кавказа и художественные бронзы Луристана, Средней Европы. СПб., 2010.

414. Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. науч. сообщений. Вып. 1. Махачкала, 1970.

415. Круглов А.П. Археологические работы на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 5. М., 1940. С. 65–68.

416. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. 1964. № 1. С. 26–43.

417. Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

418. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

419. Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении города Дедякова // Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 291–297.

420. Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М.: АН СССР, 1954. С. 186–194.

421. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.

422. Куда исчезли неандертальцы?: [Электронный ресурс]. – URL: http://antropogenez.ru/zveno–single/65

423. Кудрявцев А.А. К вопросу об этно-социальной принадлежности погребенных могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь: Изд-во Ставропольского ГУ, 2001. С. 156–157.

424. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

425. Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Электронная библиотека Портала «Археология России» / Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России. № 1. М., 1997.

426. Кузнецов В.А. Северный Зеленчукский храм X века // Советская археология. 1964. № 4. С. 136–150.

427. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992.

428. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002.

429. Кузьмин В. «Стена обители святой и башен странные вершины…». Записки реставратора // Наше наследие. 2011. № 97. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nasledie–rus.ru

430. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н.Т, 1899.

431. Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. V. Вып.1–2. СПб., 1898. С. 426–431.

432. Кулланда С.В. Лошадь в праиндоевропейском // Аспекты компаративистики. Вып. 3. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 669–678.

433. Кучинаев М. Карачаевцы и балкарцы – потомки алан и скифов. Этюды на исторические темы. Нальчик, 2001.

434. Кушнарева К.Х. Кармирбердская (тазакендская) культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 106–117.

435. Кушнарева К.Х. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кизылванкской) культуры // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 128–132.

436. Кушнарева К.Х. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 93–105.

437. Кушнарева К.Х. Севано-узерликская группа памятников // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 118–127.

438. Кушнарева К.Х. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 133–146.

439. Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб.: Петербургское востоковедение, 1993.

440. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 30–42.

441. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.

442. Лавров Л.И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Т. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М.: Наука, 1989. С. 5–9.

443. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. на арабском, турецком и персидском языках. В 2-х частях. Ч. 1–2. М., 1966–1968.

444. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 1–4; 1948. № 1–4; 1949. № 1–4.

445. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т.1. СПб., 1890.

446. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1–2. Одесса: Тип. З.А. Зеленого, 1882.

447. Летопись Картли / Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1982.

448. Лордкипанидзе М.Д. Возникновение новых феодальных государств // Очерки истории Грузии: в 8 томах. Т.2. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 246–353.

449. Лордкипанидзе М. Д. Из истории Тбилисского эмирата (на груз. яз.). Вып. 2. Тбилиси, 1951.

450. Лордкипанидзе М.Д. Кахети // Очерки истории Грузии: в 8-и т. Т. 2: Грузия в IV–X веках / Ред.М.Д. Лордкипанидзе, Д.Л. Мусхелишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988.

451. Лордкипанидзе М.Д. Эрети // Очерки истории Грузии в 8 т. Т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 269–280.

452. Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

453. Лукиан. Собрание сочинений. Т. 1–2. М.: Academia., 1935.

454. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры / Сост. Г.Е. Луконина, Е.В. Зеймаль. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987.

455. Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969.

456. Луристан // [Электронный ресурс]. – URL: https://archeolog.academic.ru/706/Луристан

457. Луристанские бронзы // Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/archeology/text/2159607

458. Лэмб Г. Тамерлан. Потрясатель вселенной. М.: Вече, 2008.

459. Лэнг Д. Армяне. Народ-созидатель. М.: Центрполиграф, 2010.

460. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Издательство Петербургское Востоковедение, 1998.

461. Любин В.П., Беляева Е.В. Кавказ в ранней предыстории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 69–90.

462. Любин В.П., Беляева Е.В. Работы Центральнокавказской палеолитической экспедиции // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 274–276.

463. Любин В.П., Беляева Е.В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 107–126.

464. Магомедов А.Г. Именные (грамматические) классы восточнокавказских языков: система и история. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2006.

465. Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1994.

466. Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // Советская археология. 1975. № 3. С. 63–74.

467. Магомедов М.Г. Крепостные сооружения Хазарии // Древние и средневековые памятники Дагестана (Материалы по археологии Дагестана. Вып. 9. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. С. 170–189.

468. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983.

469. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: ДНЦ РАН, 1998.

470. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1998.

471. Майкопская культура // Большая Российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/archology/text/2164133

472. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. Л.: Ленингр. отд-ние Института археологии, 1991.

473. Малахов С.Н. Алано-византийские заметки (Часть I) // Аланы: история и культура (AlanicaIII). Владикавказ, 1995. С. 376–388.

474. Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Алхан-Калинский могильник // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный-Москва: ИА РАН, 2011. С. 237–279.

475. Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2014. № 4 (25). С.65–72.

476. Мамаев Х.М. Нераскрытые тайны древних городищ // [Электронный ресурс]. – URL: http://chechnyatoday.com›Новости›Все новости›274569

477. Мамаев Х.М. Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 39–40.

478. Мамаев Х.М. О хронологии Алхан-Калинского городища // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 239–241.

479. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку: Элм, 1986.

480. Манандян Я.А. Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский временник. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 133–153.

481. Манандян Я.А. Цель и направление подготовлявшегося Нероном кавказского похода // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 66–74.

482. Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М.: Наука, 1969.

483. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

484. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 226–253.

485. Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су. Северо-Восточный Кавказ. М.: Наука, 2002.

486. Марковин В.И. Каякенто-харачойская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 334–355.

487. Марковин В.И. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 287–333.

488. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 254–286.

489. Марр Н.Я. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории // Избранные работы. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 61–77.

490. Марр Н.Я. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. СПб., 1911.

491. Марр Н.Я. История передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия императорской Академии наук. 1916. №6. Серия № 15.

492. Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Петроград: Рос. гос. Академ. тип., 1922.

493. Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Л.: Изд. АН СССР, 1938.

494. Марцеллин Аммиан. Римская история. Электронный вариант русского издания сочинения Аммиана Марцеллина в пер. с лат. Кулаковского и Сонни (Киев, 1906–1908, вып. 1–3) // [Электронный ресурс]. – URL: http://Librs.net

495. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 37–78.

496. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане / Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис. 1908. С. 1–130.

497. Матвеев К.П., Сазонов А.А. Пять жизней древней Сури. М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1989.

498. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асир /пер. П.К. Жузе. Баку: АзФан, 1940.

499. Махарадзе З. Курганы раннего бронзового века Восточной Грузии // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 109–111.

500. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991.

501. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культуры» // Вестник древней истории. 1994. № 1. С. 64–98.

502. Меликишвили Г.А. Диауехи // Вестник древней истории. 1950. № 4.

503. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1959.

504. Меликишвили Г.А. Население северных областей Наири – Урарту и его роль в древневосточной истории // XXV международный конгресс востоковедов. М., 1960.

505. Меликишвили Г.А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 3–11.

506. Меликишвили Г.А. О происхождении грузинского народа. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Тбилиси. Тбилиси, 1952.

507. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

508. Меликишвили Г.А. Урартский язык / Языки народов Азии и Африки. М.: Наука, 1964.

509. Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

510. Менхен-Хельфен О. История и культура гуннов. М.: Центрполиграф, 2014.

511. Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 7–36.

512. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

513. Мецопский Фома. История Тимур-Ланка и его преемников / Пер. Т. Тер-Григоряна и А. Баграмяна. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1957.

514. Мещанинов И.И. Доисторический Азербайджан и урартская культура // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. С. 5–15.

515. Мизиев И.М История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. Черкесск, 2011.

516. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа / Ред. В.Б. Виноградов. Нальчик: Эльбрус, 1986.

517. Милитарев А.Ю. Какими юными мы были двенадцать тысяч лет назад // Знание – сила. 1989. № 3. С. 44–53.

518. Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийская и севернокавказская культурная лексика // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 256–264.

519. Милитарев А.Ю., Старостин С.А., Зеленко Г.А. И вновь – когда возникли языки? Круглый стол // Знание – Сила. 2005. № 4. С. 81–88.

520. Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А. К проблеме локализации этнолингвистических общностей Передней Азии на рубеже плейстоцена-голоцена и в раннем голоцене // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 103–104.

521. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

522. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

523. Митрополит Анания Джапаридзе. Двинский церковный собор (506г.) // [Электронный ресурс]. – URL: https://kavkazplus.com/news.php?id=282

524. Мифы и предания чеченского народа / Сост. А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов. Т. 2. М.: Орбита–М, 2011.

525. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987.

526. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1987.

527. Михаил Панарет. Трапезундская хроника, изд. А. Хаханова. М., 1905.

528. Михайлов М.И. Западная Алания в XI веке: эпоха династических браков // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28).

529. Михайлов М.И. Западная Алания и Хазарский каганат в VII–X вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. С. 1–8.

530. Михайлова Т.А. К проблеме реконструкции языка пиктов (предварительные замечания) // Аспекты компаративистики. Вып. 2. М., Изд-во РГГУ, 2006. С. 53–64.

531. Мкртумян А.Г. Этнический состав населения Центрального Кавказа в IX–XI вв. // Историко–филологический журнал АН Армянской ССР. № 4. Ереван, 1976. С. 165–174.

532. Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

533. Мкртумян Г.Г. К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии // Историко-филологический журнал. 1972. № 1. С. 230–234.

534. Мкртумян Г.Г. Царство Кахети-Эрети и армяно-грузинские отношения (XI в. – начало XII в.) // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, № 11. Ереван, 1981.

535. Мовсес Хоренаци. История Армении (на древнеарм. яз.). I. Тифлис, 1913.

536. Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // Российская археология. 1997. № 3. С. 33–45.

537. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с дрвнегруз. Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979.

538. Мровели Леонти. Обращение Картли святой Нино // Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси: Издательство АРТАНУДЖИ, 2008. С. 44–74.

539. Мудрак О.А. Армянский и восточно-кавказские языки // Электронная версия. 2016.

540. Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (к истории религиозных верований в X–XIX веках) Грозный: Чеч.-Инг. изд.-полигр. об-ние «Книга», 1989.

541. Мужухоев М.Б., Магомадов И.Д. К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба–Ерды // Археолого–этнографический сборник. Т. 4. Грозный: Чеч.–Инг. кн. изд-во, 1976.

542. Мунчаев Р.М. Из истории раннебронзового века в Чечено–Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. С. 9–28.

543. Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Чечни. Из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 годах // Культура Чечни: история и современные проблемы. Изд. 2-е / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М.: Наука, 2006. С. 28–40.

544. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975.

545. Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8–57.

546. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 158–225.

547. Мунчаев Р.М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северокавказской экспедиции) // Советская археология. 1962. № 3. С. 177–198.

548. Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 27–39.

549. Мунчаев Р.М. Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.: Тула ИПП Гриф и К, 2004.

550. Мунчаев Р.М. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тысячелетия до нашей эры // Российская археология. 1997. № 3. С. 5–19.

551. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Лейлатепинская культура и Кавказ // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 128–131.

552. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Лейлатепинская культура и майкоп // [Электронный ресурс]. – URL: http://Генофонд.рф/?page_id=28768

553. Муравьев С.Н. От Сурами до Цнори: дороги античной Восточной Грузии по Tabula Peutingeriana и Космографии Равеннского анонима // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ. Сборник научных статей памяти А. А. Молчанова (1947–2010). М.: Индрик, 2014. С. 55–82.

554. Муравьев С.Н. Птолемеева карта Албании и уровень Каспия // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 117–147.

555. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990.

556. Мусеибли Н. Ближневосточно-кавказские связи в IV тыс. до н.э. в контексте лейлатепинской и майкопской культур // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 123–127.

557. Мусхелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии: (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982.

558. Мусхелишвили Д. Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тбилиси: Универсал, 2009. С. 128–143.

559. Мусхелишвили Д.Л. Историческая география Грузии IV–X вв. // Очерки истории Грузии в 8 т. Т.2. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 382–439.

560. Мусхелишвили Д.Л. К вопросу распространения красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху. (По материалам раскопки Ховлегора) // Советская археология. 1977. № 3. С. 213–220.

561. Мусхелишвили Д, Арвеладзе Б. История требует объективности // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии / Ред. Д. Мусхелишвили. Тбилиси: Универсал, 2009. С. 111–127.

562. Мухаметов Ф.Ф. Источники монгольского периода и их общая характеристика // Депонирована: УДК 94(47) / ББК 63. 3ю (2) 42–861 / М92.

563. Назарова А.Ф., Асланишвили В.О. Алхутов С.М. Генетика и антропология народов Кавказа и проблема происхождения европеоидов // [Электронный ресурс]. – URL: http://docplayer.ru/32611978

564. Нариманов И.Г. Архаические керамические маслобойки в этимология азербайджанского слова «нехре» (маслобойка) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 59–64.

565. Нариманов И.Г. Находки баз колонн VI–V вв. до н. э. в Азербайджане // Советская археология. I960. № 4. С. 162–164.

566. Народы европейской части СССР. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1964.

567. Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а, возможно, и никогда окончательно не решенной» // Электронный журнал «APRIORI. Серия: гуманитарные науки». 2016. № 4. С. 1–24 // [Электронный ресурс]. – URL: http://WWW.APRIORI–JOURNAL.RU

568. Нарожный Е.М. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореферат дисс. докт. ист. наук. Владикавказ, 2010.

569. Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XIV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Владикавказ, 2010.

570. Недолужко А.В. и др. Исследование археологических культур Северного Кавказа современными методами генетики // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 162–166.

571. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.Velizary.kiev.ua/

572. Немировский А.А. Древнееврейский этногенез в свете патриархальной традиции Книги Бытия и политической истории Древнего Ближнего Востока: Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 1996.

573. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

574. Неоантропы (время верхнего палеолита). Возникновение Homo sapiens sapien [Электронный ресурс]. – URL: shttp://antropogenez.ru/zveno–single/67

575. Нераденко Т.Н. О связях племен кобанской культуры с Закавказьем и Передней Азией в конце II – начале I тыс. до н.э. // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ: Ир, 1989. С. 38–39.

576. Низам ад-Дин Шами. Из «Книги побед» // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 104–126.

577. Низовский А.Ю. Загадки антропологии. М.: Вече, 2004.

578. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в армянском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М.: Наука, 1984. С. 70–73.

579. Николаев С.Л., Старостин С.А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М.: Наука, 1984. С. 26–34.

580. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 121–142.

581. Ниорадзе М., Ниорадзе Г. Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 84–106.

582. Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. VI (1). М.: Инфра-М Энциклопедия, 2009.

583. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. Москва: Наука, 1965.

584. Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976.

585. Новосельцев А.П. Некоторые вопросы историографии древней и средневековой истории народов Закавказья // История СССР. 1974. № 1.

586. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.

587. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. М.: Наука, 1972.

588. Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба. М., 1996.

589. Нунуев С.-Х.М. Чеченцы. М.: Голос-Пресс, 2008.

590. Нурмагомедов А.М. Дагестан и Арабский халифат в раннем средневековье. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2007.

591. Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили // Памятники грузинской исторической литературы. (В.) VII. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

592. Общая характеристика неолита. Неолит в Европе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.celtica.ru/content/view/26/160/1/1/

593. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX вв. Т. 1: До присоединения к России / Ред. В.А. Бобровников. М., 2009.

594. Олдридж Д. Каир. Биография города. М.: АСТ, Астрель, 1970.

595. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: ИА РАН, 1994.

596. Орел В.Э. Мир семито-хамитов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.forum.molgen.org›Молекулярная генеалогия›?topic=1677.45

597. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) Орджоникидзе: Северно-Осетинское книжное издательство, 1967.

598. Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М.: «Academia», 2003.

599. Осташенский С.М., Черленок Е.А. Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 119–123.

600. Очерки истории Грузии. В 8 т. Т. 1. Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

601. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

602. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967.

603. Очиаури Т.А. Мифологические предания горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1967.

604. Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим преданиям. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 1969.

605. Ошаев М.Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахт (Горная Чечня) // Археолого–этнографический сборник. Вып. 1. Т. 6. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. С. 152–162.

606. Палеолит СССР. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1984.

607. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982.

608. Патканов К.П. Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1877.

609. Пейрос И.И. Сино-тибетские и австро-тайские языки // Сравнительно-историческое изучение разных языков. Задачи и перспективы. М.: Наука, 1982. С. 168–185.

610. Перевалов С.М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 1. № 1. Владикавказ, 2011.

611. Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 2006. С. 318–335.

612. Перевалов С.М. Аланы: мираж кочевой империи // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 14. № 2. Владикавказ, 2014.

613. Перевалов С.М. Древние первопроходцы Северного Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 6. Ч. 1. Владикавказ, 2006.

614. Перфильева Л.А. Страна Ихран дагестанской хроники «Дербенд–Наме» и традиция башенной архитектуры на Северном Кавказе // [Электронный ресурс]. – URL: http://ГУП «Наследие»: nasledie.org/v3/ru/

615. Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 158–176.

616. Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПБ., 2000.

617. Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М.: Изд-во восточной литературы, 1959.

618. Пицхелаури К.Н. Новые аспекты хронологии археологических памятников центральной части Южного Кавказа // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. (Сборник докладов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1990. С. 246–251.

619. Пицхелаури К.Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии // Советская археология. 1977. № 3. С. 221–229.

620. Плетнева С.А. Половцы М.: Наука, 1990.

621. Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1976.

622. Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984.

623. Погребова М.Н. Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XIII–VI вв. до н.э.): Дисс. на соискание уч. степени доктора ист. наук. М., 1985.

624. Погребова М.Н. К формированию культуры эпохи поздней бронзы в Восточном Закавказье // История и языки Древнего Востока: Памяти И.М. Дьяконова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 232–248.

625. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Главная редакция восточной литературы, 1992.

626. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.

627. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011.

628. Полибий. Всеобщая история. М.: Champion, 2004.

629. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. М., 1978.

630. Попов И. Ичкерия (Историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870.

631. Популяция J1–M267 [условный род Авраама] // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garshin.ru/evolution/anthropology/populations/haplogroups/y–dna/j–y–hg/j1–adam–clade.html

632. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М.: ФЭРИ-В, 2006.

633. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010.

634. Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006.

635. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005.

636. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей (V в. до н.э. – XI вв. н.э.). Ставрополь, 1999.

637. Прокопенко Ю.А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. М., 2006.

638. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

639. Пьянков И.В. Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы Всесоюзной научной конференции). Владикавказ: Ир, 1989. С. 111–112.

640. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014.

641. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1–3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946–1960.

642. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн.2. М.: Изд-во АН СССР, 1952.

643. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

644. Рейнхольд С., Белинский А.Б. О культурногенетических процессах в позднем бронзовом веке на Северном Кавказа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 149–151.

645. Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С.41–117.

646. Рол Д. Генезис цивилизации. Откуда мы произошли… М.: Изд-во ЭКСМО, 2002.

647. Россиков К.Н. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в западный Дагестан // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т. IX. № 1. Тифлис, 1888. С. 99–103.

648. Ростунов В. Л. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (хронология и историко-археологические аспекты миграции) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 3–42.

649. Ртвеладзе Э.В. Δαρενης Ατροπόν маршрут византийского посольства Зимарха // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магниторск–Новосибирск, 2015.

650. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С. 20–21.

651. Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т.4. Грозный, 1976. С. 103–128.

652. Рубрук Г.-де. Путешествие в восточные страны. М.,1998.

653. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997.

654. Рыбаков Б.А. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 158–162.

655. Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В. О происхождении и свойствах мышьякого-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 196–221.

656. Рындина Н.В., Яхонтова Л.К. Медное шило из телль Магзалии (Итоги химико-технологического исследования) // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 302–313.

657. Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. М.: Наука, 2007. С. 184–220.

658. Саблин М.В. Наиболее вероятный возраст стоянки Богатыри // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 62–66.

659. Савченко Е. Мощевая Балка – узловой путь Великого Шелкового пути на Северном Кавказе // Российская археология. 1999. № 1. С. 125–141.

660. Савченко Е.И. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII – IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 1997.

661. Сагона А. Начало раннего бронзового века на Южном Кавказе: новые перспективы изучения культурных взаимодействий внутри и за пределами Кавказа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 107–108.

662. Саидов И.М. Мехк кхел (совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 199–206.

663. Сайко Э.В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987. С. 177–197.

664. Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.

665. Салакая Ш.Х. Абхазский фольклор (на абхаз. яз.). Сухум: Алашара, 2003.

666. Саликов Е.А. Типы древних миграций (этносоциальный аспект): Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1992.

667. Салмин А.К. Савиры на Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 22–28.

668. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Мас›уди // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

669. Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила. Минск: Стамбул, 2014.

670. Себеос. История императора Иракла, писателя VII века / Пер. с древнеарм. К. Патканьяна, СПб, 1862.

671. Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010.

672. Семенов И.Г. Генеалогия картлийских царей: от Митридата III до Вахтанга Горгасала (III–V века). Махачкала, 2007. С. 10–19.

673. Семенов И.Г. К вопросу об исторической географии Хазарии // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Пробел-2000, 2002. С. 179–190.

674. Семенов И.Г. О ранних контактах восточнокавказских евреев и хазар // Материалы Международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа». 24–26 апреля 2001 г. Баку – Куба – Красная Слобода. Баку, 2002. С. 35–47.

675. Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII–VIII вв. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. Махачкала, 2010.

676. Семенов И. Хазаро-византийские политические взаимоотношения в периоды правления императора Юстиниана II (685 – 695, 705 – 711) // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 3. М., 2009. С. 9–23.

677. Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2002.

678. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.

679. Семенов Н. Предание о происхождении чеченцев (Перевод арабской рукописи, принадлежащей кадию Шамилю Каратаеву) // Туземцы Северо–Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих нардов). СПб., 1895. С. 209–222.

680. Сергеев В.М. Структурный анализ текста и проблема идентификации языка диска из Феста // Структура текста–81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 165–167.

681. Сефербеков Р.И. Верховные боги народов Северного Кавказа. (Сравнительно-сопоставительный анализ общего и особенного) // Научная мысль Кавказа. № 1. Ростов н/Д, 2006. С. 72–76.

682. Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2–х т. Т. I. По данным лингвистики. М.: Academia, 2016.

683. Сигаури И.М. К истокам и ареалам нахского этноса. В 2–х т. Т. II. По данным археологии. М.: Academia, 2016.

684. Сигаури И. Маьлхийста – судьба древнейшей исторической области Чечни // Журнал «ДОШ». 2013. № 2.

685. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русь, 1997.

686. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. IV. М.: Русь, 2004.

687. Сигаури И.М. Очерки государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М.: Русь, 2005.

688. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве / Собрал, перевел и объяснил А.Я. Гаркави. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1874.

689. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.) / Пер. А.Я. Гаркави. СПб., 1870.

690. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. / Сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахгильгов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986.

691. Скаков А.Ю. К вопросу о механизмах формирования колхидских древностей Западного Закавказья // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 156–161.

692. Скаков А.Ю. Кармир-бердская культура // Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/text/2047935.

693. Скаков А.Ю. Колхидская культура // Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/archeology/text/2620867

694. Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 143–172.

695. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.

696. Смокотина Д.В. Поход Марвана 757 г. и проблема локализации Славянской реки восточных авторов // Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (5). 2009.

697. Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1961.

698. Сокаева Д.В. Легенды и предания Осетии: контекст традиции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.

699. Старостин Г.М. Значимость промежуточных реконструкций для восстановления пракойсанского языка // Аспекты компаративистики. Вып. 3. М., Изд-во РГГУ, 2008. С. 337–470.

700. Старостин Г.М. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е.Я. Сатановским. М.: Издательство Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

701. Старостин Г.М. Некоторые аспекты исторического развития кликсов в койсанских языках // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М., Изд-во РГГУ, 2005. С. 281–299.

702. Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М.: Наука,1984. С.19–38.

703. Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 310–358.

704. Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 289– 311.

705. Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 529–546.

706. Старостин С.А. Распределение изоглосс в севернокавказских языках // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 497–498.

707. Старостин С.А. У человечества был единый праязык (Беседа Г. Зеленко с С. Старостиным) // Знание – сила. 2003. № 8. С. 39–44.

708. Стёганцева В.Я. Истоки и хронология катакомбного обряда на Северном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 132–136.

709. Страбон. География в 17 книгах / Пер. и комм. Г.А. Стратановского. М.: Наука. 1964.

710. Страбон. География. XI, IV, 4, 6 // Вестник древней истории. 1947. № 4.

711. Сукиасян А.Г. Очерк истории и права Биайнили–Урарту (880–590 гг. до н.э.). Ереван, 1975.

712. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Нальчик: Эль–Фа, 2006.

713. Сулейманова С.А. Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия Национальной Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 2004, № 4. С. 51–82.

714. Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей. Три хроники // Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа. Вып. XXVIII. Тифлис, 1900.

715. Такайшвили Е. Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения» (на груз. языке). Т. II. Вып. 1–4. Тифлис, 1906–1912.

716. Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. № 603 // [Электронный ресурс]. – URL: http://apsnyteka.org›Топонимический словарь Кавказа.

717. Тер-Гевондян. Армения и Арабский халифат. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1977.

718. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература, 2008.

719. Техов Б.В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.

720. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XV–XIV вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

721. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977.

722. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. 1. СПб., 1884.

723. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

724. Тирацян Г.А. Территория Ервандской Армении (VI в. до н.э. – III в. до н.э.) // Историко-филологический журнал. № 2. Ереван, 1981 (на арм. яз.). С. 72–73.

725. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984.

726. Тогошвили Г.Д. Леонтий Мровели и происхождение осетинского народа. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

727. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Индийские и иранские языки. Т. 3. Кн. 2. М.: Языки славянских культур, 2010.

728. Топуриа В.Т. Диалекты картвельского языка и вопросы общего языкознания // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 5. М., 1970. С. 731–736.

729. Тора (Пятикнижие Моисеево). Иерусалим–Москва, 1993.

730. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // EYXAPILTHPION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб. 2007. С. 82–118.

731. ТохтасьевС.Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethl1ic Conтacts and Cultural Excanges North and West of the Black Sea frorn the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Ia §I, 2005. P. 59–108.

732. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказкой Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

733. Трифонов В.А. Горы и равнины: модель культурного развития Западного Кавказа в V–III тыс. до н.э. // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 115–119.

734. Туаллагов А.А. Ингушская Алания и ингуши-аланы (от реальности к мифу и от мифа к реальности) // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=192 Электронная библиотека ЦСРИ и П.

735. Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья: (Из материалов по истории и языкознанию Кавказа). Тифлис, 1913.

736. Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья. (Из материалов по истории и языкознанию Кавказа) // Чеченский архив. (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. I. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 35–79.

737. Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. 12. Тифлис, 1881.

738. Уэйд Н. На заре человечества: неизвестная история наших предков / Пер. с англ. М.: «Альпина Диджитал», 2006.

739. Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи амини / Пер. с перс. на англ. В.Ф. Минорского; пер. с англ. на рус. Т.А. Минорской. Предисл. З.М. Буниятова, О.А. Эфендиева. Баку, 1987.

740. Федоров А.Я. Историческая этнография Северного Кавказа. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

741. Федоров Г.С. К вопросу о местоположении столицы Хазарского каганата – Семендера // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). 2. Махачкала, 1975.

742. Федоров-Гусейнов Г.С.. История происхождения кумыков. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996.

743. Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

744. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

745. Федотов В.В. Историческая география Северо–Восточной Евразии в эпоху античных цивилизаций. М., 1996.

746. Феофан Византиец // Византийские историки / Пер.С. Дестуниса. СПб., 1860.

747. Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий / Пер. И.С. Чичурова. М., 1980.

748. Фоменко В.А. К вопросу локализации средневекового Магаса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11. Ч. 2. Тамбов, 2014. С. 170–173.

749. Хаак В. Роль Кавказа в формировании генетического состава Евразии: идеи и вопросы в связи с изучением древней ДНК // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 166–167.

750. Халидов А.И. Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008.

751. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 12–40.

752. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И., К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник [II]. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 41–117.

753. Хатуев Р.Т. Аланские территории в составе Халифата // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010.

754. Хатуев Р.Т. Хроника аланских царей. Черкесск, 2007.

755. Хахутайшвили Д.А. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху // Древний Восток: города и торговля (III–I тыс. до н.э.). Ереван, 1973 С. 178–184.

756. Хахутайшвили Д.А. Заметки по истории металлопроизводства и металлообработки в Древней Колхиде // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси, 1987. С. 55–61.

757. Хизриев Х.А. Битва на Тереке Хулагидов с Джучидами и борьба горцев Закавказья против иноземных захватчиков в XIII–XIV вв. // Чечено–Ингушетия в политической жизни России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Сб. статей. Грозный, 1990.

758. Хизриев Х.А. География походов Тимура на Северный Кавказ // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционом прошлом. Грозный, 1984. С. 24–39.

759. Хизриев Х.А. К вопросу о социально–экономическом положении народов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв). Грозный, 1982.

760. Хизриев Х.А. К вопросу об историческом значении Куликовской битвы для народов Северного Кавказа // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XШ – начало XX вв.). Грозный, 1983.

761. Хизриев Х.А. К истории чеченцев и их борьбы против татаро-монгольских завоевателей и Тимура // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 3–18.

762. Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный: Книга, 1992.

763. Хизриев Х.А. Первые походы чингисидов на Северный Кавказ и их политические последствия // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (ХУШ – начало XX века). Грозный, 1986.

764. Хизриев Х.А. Походы Тимура на Северо–Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 11. Грозный, 1977.

765. Хожаев Далхан. Аланский историк Аздин Вазар // Республика. 1991. 14 февр.

766. Хоренаци Мовсес. История Армении в трех частях / Пер. Гагика Саркисяна. Ереван, 1990.

767. [Хоренский Моисей]. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому / Пер. П. Патканова // Журнал министерства народного просвещения. Часть 226. СПб., 1883. С. 21–32.

768. Храпачевский Р. Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу // [Электронный ресурс]. – URL: http://xlegio. ru/J_art_1002. htm

769. Храпачевский Р.П. Монгольские и китайские источники XIII–XIV вв. о Восточной Европе // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып.2. Минск, 2007.

770. Хроника Захария Ритора (главы, относящиеся к гражданской истории) // Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941. С. 148–167.

771. Хронологический словарь всемирной истории. М., 2006.

772. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. I. Орджоникидзе, 1971.

773. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. (Словарь географических терминов). Орджоникидзе, 1975.

774. Царевич Вахушти. География Грузии / Пер. М.Г. Джанашвили. Тифлис, 1904.

775. Царевич Вахушти. География Грузии / Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1904.

776. Центрально–кавказская культура // [Электронный ресурс]. – URL: https:// sites.google.com/site/civilizacium/home/arheologia/centralno–kavkazskaa–kultura

777. Церетели Г. Армазская билингва, двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета–Армази. Тбилиси, 1941.

778. Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 218. М.: Наука, 2004. С. 65–84.

779. Цулая Г.В «Житие св. Нины» как источник по истории народов Кавказа // Известия Академии наук Груз ССР. Серия истории, археологии этнографии и истории искусства. 1979. № 3. С. 98–108.

780. Цхададзе Б.А. Об исторической взаимосвязи цанаров и цанарских слов кор и корепископ // Научный журнал «Власть и общество (история, теория. Практика)». Т. 12. № 4. Тбилиси, 2009.

781. Цыплаков Д. Может ли православный быть биологом? // [Электронный ресурс]. – URL: http://pravoslavie.ru/50313.html

782. Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей. М., 2002.

783. Чвырь Л.А. Этнографические заметки о проблеме миграции // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 243–259.

784. Черлёнок Е.А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб., 2013.

785. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

786. Черных Е.Н. Кавказ в системе взаимодействий культур степных скотоводов севера и оседлых земледельцев юга (эпоха раннего металла) // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной археологической конференции и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт–Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. С. 70–74.

787. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 37–57.

788. Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 259–275.

789. Четвертичный период: [Электронный ресурс]. – URL: https:/ ru.wikipedia.org

790. Чеченов И.М. К вопросу о локальных вариантах Кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. Вып.1. Нальчик, 1974. С. 14–51.

791. Чирикба В.А. Вклад Н.С. Трубецкого в северокавказскую филологию // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Москва, 2018. С. 1–33.

792. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, перевод, комментарий. М. 1980.

793. Чичуров И. С. О кавказском походе императора Ираклия // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

794. Чокаев К.З. Из топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

795. Чокаев К.З. Нахские языки. Историко-филологические разыскания. Грозный: Книга, 1992.

796. Чокаев К.З. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках // Труды Чечено-Ингушского НИИ языка, истории и литературы. Т. IX. Грозный, 1964. С. 49–63.

797. Чокаев К.З., Ахмадов Я.З. Дурдзуки (дзурдзуки), цанары (санары) // Энциклопедия культур народов Юга России. Т.1. Ростов н/Д, 2005.

798. Чокаев Х.К. Случайность или историческая реальность? (популяционная генетика о происхождении народов Кавказа и их роли в мировой истории). М.: Мэйлер, 2010.

799. Чокаев Х.К. Этногенетическая история Кавказа: мифы и реальность. Назрань: Пилигрим, 2012.

800. Чшиев Х.(В.) Т. Всадничество у племен кобанской археологической культуры Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2012. № 4. С. 96–100.

801. Цолоев Т.С. Из истории взаимоотношений между Чечено–Ингушетией и Грузией (I–XVIII вв.). Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1989.

802. Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. (С древнейших времен до XV века). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963.

803. Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. (Тушетия XVI – первой половины XIX вв.). Тбилиси: Мецниереба, 1983.

804. Шагинян А.К. Армения и Арменийа в составе Аббасидского халифата во второй половине VIII и в начале IX века // Вестник Санкт–Петербургского университета // Сер.2. Вып.3. 2008.

805. Шагинян А. Армения и Арминийа в составе ‘Умаййадского халифата // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. Вып. 1. 2008.

806. Шагинян А.К. Закавказье в составе Халифата. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1998.

807. Шагинян А.К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014.

808. Шагинян А.К. Формирование новой этнической и конфессиональной карты Армянского и Южно-Кавказского нагорий при арабах // Вестник СПб.ГУ. Вып. 2. 2012..

809. Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001.

810. Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжи в XVI – сер. XVIII в. и их взаимоотношения с вайнахами. Рук. дисс. канд. ист. наук. Армавир, 2002.

811. Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая область. Киев: Наук. думка, 1986.

812. Шереф ад-Дина Йезди. Из «Книги побед». Зафар–наме // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 144–190.

813. Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма: статьи и сообщения. М.: Наука. 1986.

814. Шихсаидов А.Р. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата VII–VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьбы народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

815. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.–Р. Дагестанские исторические сочинения. М.,1993.

816. Шмалько А.В. Восточный поход Нерона // Античный мир и археология. Вып.8. Саратов, 1990.

817. Шнайдер Алексис. Картвельские языки // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.randevu–zip.narod.ru

818. Шнайдер Алексис. Народы и языки Кавказа. Нахско-дагестанская ветвь // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.randevu–zip.narod.ru/caucase/caucase.htm

819. Шнирельман В.А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // Вестник древней истории. 1989. №1 (188). С. 99–111.

820. Шорохов В.А. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Анонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха) // Призвание история. Сборник научных статей: к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 88–98.

821. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку: Элм, 1984.

822. Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С. и др. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 11–46.

823. Энеолит СССР: Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1982.

824. Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) // Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: Грозненский рабочий, 2018. – 1072 с.

825. Языки Азии и Африки. Вып. III. М., 1979.

826. Языки Древней Передней Азии. Несемитские. М., 1979.

827. Якуби. История / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1927.

828. Ямная культура // Большая Российская Энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/archeology/text/4926581

829. Ямсков А.Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 66–76.

830. Яншин А. XIV конгресс Международного союза по изучению четвертичного периода // Вестник Российской Академии наук. 1996. Т. 66. № 2. С.175–182.

831. Яцемирский С.А. Язык надписи лемносской стелы в сравнительном освещении // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 317–338.

832. Christian V. Die Herkunft der Summerer. Wien, 1961. 55 s.

833. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. 1. Halle und Berlin, 1812.

834. Minorsky V. Hudud al–Alam //«The regions of the word» a persian geography (372 – 982). Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937.

835. Pitskhelauri K., Gagoshidze I., Maisuradze B., Quavadze E., Furtwangler A., Knaus F.. The result of the field work of the Kacheti joint Georgian–German archaeological expedition in 1996 \\ Archaeology of Caucasus. New–Discoveries and perspectives International Scientific Session. Abstracts of Papers. Tbilisi, 1997.

836. Schechter S. An Unknown Khazar Document // Jewish Quarterly Review, n. s. Vol. 3. (1912/13). P. 204–210.

837. Zuckerman C. Les destinataires des lettres imperiales en Caucasie de l'Est. II. Le probleme d'Azia/Asia, le pays des Ases. III. L'Albanie caucasi– enne au Xe siecle // Travaux et Memoires, 13. 2000.

Научное издание

Явус Зайндиевич Ахмадов
Гурам Джотович Гумба
Джамалдин Сурхоевич Курумов
Эдильбек Хамидович Хасмагомадов

История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века

Иллюстрации на обложке:

На лицевой стороне – фрагмент настенной росписи в урартской крепости Эребуни на Южном Кавказе (датируется VIII–VI вв. до н.э.).

На задней стороне – замковый башенный комплекс в ауле Муцарой/Моцарой общества Нашха, которое являлось духовным и политическим центром Горной Чечни в XIV–XV вв. н.э. (Современное фото Абдуллаха Берсаева).

Редактор Андреева Л.В.
Корректор Логинова О.А.
Компьютерная верстка Шибанов А.В.

Подписано в печать
Формат 70x100/16 Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ.л. 43.
Тираж 1500 экз. Заказ № 143/К